М. Горький

ВАРИАНТЫ

8 (1)

М. ГОРЬКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВАРИАНТЫ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

ТОМ ВОСЬМОЙ

(КНИГА ПЕРВАЯ)

ВАРИАНТЫ
К ТОМАМ XXI—XXII
«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Ч. I—II

МОСКВА · 1979

Г $\frac{70301-400}{042(02)-79}$ Подписное 3702020000

© Издательство
«Наука», 1979 г.

В настоящий том включены варианты окончания гл. IV и гл. V первой части, листы второй редакции, перенесенные из *БА* первой части во вторую, и начало черновой редакции части второй «Жизни Клима Самгина»(*I ЧА*, Продолжение *I ЧА*, *II ЧА*).

Черновая редакция подготовлена *И. И. Вайнбергом*, *Л. А. Евстигнеевой*, *Ф. Н. Пицкель*, *Ю. И. Шведовой*; глава четвертая — *Е. А. Тенишевой*, глава пятая — *И. А. Ревякиной*; листы второй редакции — *Р. П. Пантелеевой* и *И. А. Ревякиной*.

При подготовке черновой редакции второй части «Жизни Клима Самгина» учтена работа по восстановлению и расшифровке рукописи, выполненная *А. А. Сабуровым*.

Редактор тома — *Е. И. Прохоров*.

Контрольный рецензент — *Л. Д. Опульская*.

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ЧА — черновой автограф.

БА — беловой автограф.

АМ — авторизованная машинопись.

ОКОНЧАНИЕ СВОДА ВАРИАНТОВ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА»

ГЛАВА 4

Стр. 365.

2 и всё время / Он всё время ◊

4 на [своем ли⟨це⟩] губах, на щеках

6 Как просто сказал я! / Как хорошо, просто я сказал! (БА, АМ ◊)

8–11 Он думал ∾ тронула его. / *а.* Видя только себя в эту необыкновенную минуту, он непрерывно думал только о ней, как бы опасаясь забыть ее, как забывается мотив [приятной, но незнакомой] красивой песни, которую слышал впервые. *б. Как в тексте.*

13 выкупавшись, [медленно и задумчиво] возвращался

14 [точно] встала пред ним

16 она спросила / она сказала ◊

20 сказала Лидия тихо [и вздохнув]

22 не обрадовал его / не обрадовал Клима ◊

24 более милое [утешительное]

л. 134

26 Лидия уступит / Она уступит ($ЧА_2$) [1]

26 торопиться не следует / торопиться не надо ($ЧА_2$, *БА* ◊)

26–27 Нужно подождать / Нужно подождать того дня ($ЧА_2$)

27 когда она почувствует / когда она [от⟨личит⟩] [почувствует] поймет, отличит ($ЧА_2$); когда она отличит ◊ (*БА*)

29–31 Подошел Макаров ∾ колокола. / [Дома] Придя домой, Клим сел завтракать, явился Макаров, ночевавший с Лютовым на мельнице.— Идем в село, там колокола поднимать будут. [*1 нрзб*] Девицы [идут] согласны. А ты? ($ЧА_2$)

30–31 там [сегодня] будут поднимать

32 Разумеется, иду! — весело ответил / Конечно,— весело сказал ($ЧА_2$); Разумеется, иду! — [ска⟨зал⟩] весело ответил (*БА*)

33 шагал берегом реки / [уже] шагал по берегу реки [сзади всех, несколько отягченный сознанием своей [дух⟨овной?⟩]

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-34).

зрелости и обособленности] [Он] (*$ЧА_2$*); шагал по берегу реки ◊ (*БА*)

34–39 Солнце и ∾ что-то смешное. / *а.* Алина в [белом полот⟨няном⟩] простеньком [из полотна] платье из деревенского полотна, бесстыдно красивая, [идя] напевала [ариетту] [арию] с Макаровым дуэт из «Маскотты». Туробоев подсказывал [ей] им слова, а Лютов [и Макаров] [взяв] [вел Лидию] [шел], идя под руку с Лидией, [и] смешил ее армянскими загадками.— Адын фрукыт — исчэ адын и сегэ и многа фрукты — какой [музыка] [человек] люди будут? — И, заглушая [пение] голос невесты, он визгливо напевал [матчиш] [похоронный марш] матчиш:— [Помм-помм-помм.] Поп-протопопп. Помм-памм-помпом. *б.* Солнце и простенькое, из деревенского полотна, платье [вышитое в крестик красным и синим узором] вызывающе подчеркивали бесстыдную красоту мастерски отлитого тела Алины. Она шла [между Макаровым и Туробоевым, напевая дуэт, Макаров шел с нею] в ногу ⟨с⟩ Туробоевым и пела с Макаровым дуэт из «Маскотты». Туробоев подсказывал им слова. Лютов, идя под руку с Лидией, смешил ее армянскими анекдотами и загадками. (*$ЧА_2$*)

38–39 нашептывая ей / рассказывая ей ◊

39 Клим Самгин чувствовал себя / Клим Самгин шел [сзади всех], чувствуя себя (*$ЧА_2$*)

40 чем пятеро впереди его / чем идущие впереди его ◊ (*$ЧА_2$*)

Стр. 365—366.

41–1 Он [чувст⟨вовал⟩] думал

41–3 *Фразы*: Он думал ∾ закрыв глаза.— *в $ЧА_2$ нет.*

Стр. 366.

3 тонкая фигура / тонкая, неосязаемая фигура (*$ЧА_2$*); тонкая [почти неося⟨заемая⟩] фигура (*БА*)

4 окутанная батистом / окутанная в батист [переливчатого как] (*$ЧА_2$*)

4–6 он недоумевал ∾ те чувствования / он с недоумением чувствовал, что в нем нет [ни] физиологического любопытства к ней и нет ничего похожего на те ощущения (*$ЧА_2$*); он недоумевал, не ощущая [ни физиологического любопытства и] ничего — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

7 напомнил он себе / напоминал он себе, но чувствовал, что было бы хорошо взять ее под руку, как Лютов, [ид⟨ти⟩] и идти, закрыв глаза (*$ЧА_2$*)

8 тревожила сложность настроения / [смущала и] тревожила [неясность и] сложность чувства (*$ЧА_2$*)

9 и не согласного / и не похожего

10–11 он испытал ∾ тому назад / он чувствовал вчера (*ЧА*$_2$); он испытал вчера◊ (*БА*)

11 у него не было сознания / не было этого ощущения доверия к ней, [со⟨знания⟩] смутного сознания (*ЧА*$_2$)

12 неясных надежд / неясных ему надежд (*ЧА*$_2$)

13–15 Конечно, Лидия ∾ был уверен. / Он был уверен, что Лидия [пойдет за него замуж] будет его женой, уверен был и в том, что [она] ее любовь, конечно, не может быть похожей на [то, что] истерические судороги Нехаевой. (*ЧА*$_2$)

15–16 Но [было еще чт⟨о-то⟩], кроме этого

16 в нем [смутно] бродили еще какие-то [тре⟨вожные⟩] (*ЧА*$_2$)

17 ожидания ∾ запросы / [запросы, требования] запросы к ней, бесформенные желания (*ЧА*$_2$)

18 «Она вызвала это / «Если она вызвала [их, то] это (*ЧА*$_2$)

18–19 *После*: успокаивал он себя — и повторял: «Я не романтик» (*ЧА*$_2$); *зачеркнуто в БА*: и повторял — «Я ведь не романтик».

20–22 Входя в село ∾ быть аналитиком». / «Но не следует быть и аналитиком»,— додумался он, входя в село, расположенное дугою по изгибу берега реки. *Далее зачеркнуто*: Оказалось, что аналитиком и нельзя быть. Клима Самгина тотчас обняло и сжало [нечто необыкновенное] настроение, незнакомое ему (*ЧА*$_2$)

22 «[Но] Не следует быть [и] аналитиком».

23 Улица села / улица была (*ЧА*$_2$, БА◊)

23 набита [сельчанами] пестрой толпою (*ЧА*$_2$)

24 и [каки⟨х-то⟩] мужиков (*ЧА*$_2$)

24–28 Мужики стояли ∾ шепоток молитв. / Все стояли [бе⟨з?⟩] с непокрытыми головами, молча, только бабий тихо рыдающий шепоток молитв [на⟨д⟩] [глух⟨о⟩] колебался дымом над головами мужиков, лысыми, лохматыми и гладко склеенными коровьим маслом, и над разноцветными платками женщин. (*ЧА*$_2$)

27–28 тихонько рыдающий / тихо рыдающий◊

28–29 Казалось ∾ рыдание / *а.* Это стоголосое рыд⟨ание⟩ *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$); Казалось, что именно это рыдание◊ (*БА*)

30 с терпким запахом / с вкусным запахом (*ЧА*$_2$, БА◊)

30–31 пота ∾ на солнце / едкого пота, [прелой] преющей на [жарком] солнце (*ЧА*$_2$)

31–32 нагревая воздух ∾ дышать / *а.* создавало [своеобразную] атмосферу напряженного ожидания [чего-то] необычного, какого-то взрыва громовых криков *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

33 [Толпа заражала Клима напряженным ожиданием взрыва гро⟨мовых⟩] Люди [вставали] поднимались на носки (*ЧА*$_2$)

33–34 головы их ∽ опускаясь / головы их [медленно покачивались ⟨?⟩] качались; поднимаясь, опускаясь ($ЧА_2$)

34–35 Две—три сотни ∽ глаз / и сотни две-три широко открытых глаз ($ЧА_2$)

36–37 на [красную кирпичную, неуклюже сложенную колокольню] [увенчанную [серебряной] [ярко-зеленой] синей луковицей] синюю луковицу ($ЧА_2$)

38 кусок [дальнего] дальнего неба [более яркого, чем [*1 нрзб*], изогнутого над селом] ($ЧА_2$)

39 ярче [того] неба ($ЧА_2$)

39–41 изогнутого над селом ∽ криков. / *а.* изогнутого над селом *б.* изогнутого над селом, и что [лег⟨кий⟩] [1] тихий гул толпы, сгущаясь, заражает его напряженным ожиданием громовых криков. ($ЧА_2$, *БА* ◊)

Стр. 367.

1–2 протискиваясь ∽ толпы / без труда протискиваясь сквозь толпу ($ЧА_2$); [без труда] протискиваясь — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

2–3 продвигались [все] остальные ($ЧА_2$)

4 жалобный шумок бабьих молитв / шумок [плачевных бабьих молитв] плачевного бабьего шёпота ($ЧА_2$)

5 внушительные голоса духовенства / старческий голос священника◊ ($ЧА_2$)

6–7 созданного из ∽ людей / образованного [разно⟨цветными?⟩] телами людей ($ЧА_2$)

7 как бы ∽ в землю / стоявших недвижимо и как бы вкопанно в землю ($ЧА_2$, *БА* ◊)

8–9 стоял на толстых слегах / стоял на земле ($ЧА_2$)

9–10 а перед ним ∽ меньше / и еще три, поменьше ($ЧА_2$)

11–12 а [маленький] сутулый попик ($ЧА_2$)

12 седовласый, с бронзовым лицом / [*1 нрзб*] кропив⟨ший⟩ медь святою водою ($ЧА_2$)

13–15 *Слов*: Попик плыл ∽ святою водой — *в* $ЧА_2$ *нет.*

14 [пел мо⟨литвы⟩] распевая ясным тенорком

16 лежали на земле / лежали у краев колокола ($ЧА_2$)

16 поп запнулся / священник запнулся ($ЧА_2$)

16–18 сердито взмахнул ∽ бисером / и [угрожающе кадил], сердито взмахнув кропилом, брызнул на нее [водою] радужным бисером капелек [воды] ($ЧА_2$)

19 Туробоев привел / Туробоев провел девиц ($ЧА_2$)

---

[1] Зачеркнутого слова в *БА* нет.

19–20 церковноприходской ∾ выстроенной / только что выстроенной церковноприходской школы (*ЧА*$_2$)

20 *После*: в окнах.— *зачеркнуто*: С высоты четырех ступеней крыльца [было] хорошо видно было всю площадь (*ЧА*$_2$)

21–32 *Текст*: На ступенях крыльца ∾ пивной бутылки.— *вписан в ЧА*$_2$ *со следующими вариантами*:

21–22 копошилась ∾ куча детей / копошилась куча [малы⟨шей⟩] детей (*ЧА*$_2$)

22 двух- и трехлеток / трех- и двухлеток, грязных, золотушных (*ЧА*$_2$)

22–23 управляла этой ∾ золотушных тел / ими управляла (*ЧА*$_2$); управляла [ими] этой — *Далее, как в тексте* (*БА*)

24–25 девочка-подросток ∾ и ногами / сероглазая горбатенькая девочка неопределенного возраста (*ЧА*$_2$)

25–28 На верхней ступени ∾ раздутым лицом. / а на верхней ступени, широко расставив ноги, со свистом дышала, открыв черный [рот⟨?⟩], синелицая слепая старуха. (*ЧА*$_2$)

29–30 Ты их ∾ советовала она, всхрапывая / Ты их, Гашка, прутом, прутом; ничего не слыхать из-за них, деймонов (*ЧА*$_2$); [Солнце било в сизые незрячие глаза ее, отражаясь в них, как в осколках пивной бутылки.] — Ты их, Гашка, прутом, прутом,— [всхрапывая] советовала она, [слыша звучные шлепки.— Ничего не слыхать из-за них, деймонов] всхрапывая (*БА*)

30–31 В сизых ∾ отражалось, точно / Солнце било в [*1 нрзб*] [стеклянные] незрячие глаза ее [они] и отражалось в них как (*ЧА*$_2$)

Стр. 367—369.

30–33 *Текста*: Из двери школы вышел урядник ∾ что он видел и слышал.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 368.

1 тихо [повторил] напомнил

14 цепкими лапками / темными лапками ◊

15 полуголые тела / голые тела ◊

19–20 задыхаясь, высвистывала / глухо высвистывала ◊

26–27 смело взглянув на них / взглянув на них ◊

27 крикнула / спросила ◊

28 *После*: озорничаете? — *зачеркнуто*: Ведь урядник велел

32–36 *Текст*: Окрик девочки ∾ притихли пред нею.— *вписан в БА со следующими вариантами*:

32 Окрик девочки / Окрик девчонки

36 [а Лютов] все как будто притихли

41 Он ласково улыбнулся / Он холодно улыбнулся ◊

Стр. 369.

18 скажи [какая] — в чем строже

24 негодование, как будто его нарочно / тяжелое негодование, вытесняя всё иное ◊

25–26 чтоб наполнить голову тяжелой и отравляющей мутью / для того, чтобы наполнить голову его какой-то тяжелой мутью

26 непримиримо чуждо [ему и]

28 думать о [неприятном, непонятном] горбатой девочке

31 В голове [как будто всё] еще шумел

32 что [виде⟨л⟩] он видел

33 Молебен кончился. / Пока разыгрывалось всё это, молебен кончился. (*ЧА*$_2$)

33–36 Уродливо ∾ встал на колени / Остробородый, седой старик в поддевке, тонкий и длинный, опустился на колени (*ЧА*$_2$)

35 сбросив с [себя по⟨ддевку⟩] плеч своих поддевку

37 троекратно ∾ край / трижды перекрестясь, троекратно поцеловал край колокола (*ЧА*$_2$); троекратно облобызав край колокола◊ (*БА*)

37–39 пошел на коленях ∾ святых / на коленях пополз вокруг его, подбирая полы поддевки, и поцеловал еще в трех местах (*ЧА*$_2$)

39 *После*: святых — *зачеркнуто*: отлитым по краю ко⟨локола⟩

Стр. 369—370.

л. 135

41–2 он и есть ∾ на всю губерню / заводчик, стекло знаменито льет [в трех верстах отсюдова], пивные бутылки на всю губерню (*ЧА*$_2$)

Стр. 370.

3–5 На площади ∾ был высок. / Панов и на коленях был высок, а когда он встал с земли и вытянулся, крестясь на кресты храма, он оказался головы на две выше всех окружавших его. (*ЧА*$_2$)

4 ползал [на коленях] по земле

6–12 Кто-то крикнул ∾ православные! / *а.* Вяжите, православные,— [глухим но] мощным басом скомандовал он, и тотчас же [то⟨лпа?⟩] десяток мужиков облепили колокол, [раздался] [а воздух был взорван стаей крылатых криков] [а по воздуху] и стаей птиц взлетели от земли разноголосые крики:

— Николая надо!

— Павлова зовите.

— Где кузнец!

— Делить натрос! Хватай!

— Стой. Вот он!

Из толпы вывалился

б. Вяжите ∾ Хватай! — *Далее*:

— Эх, благослови, господи!

— Тишш-ша! — крикнул урядник, покачнувшись на ногах, и отошел к небольшой группе чистенько одетых людей, окружавших священника. (*ЧА*$_2$)

12 *После*: православные! — *зачеркнуто*: Стаей птиц взлетели разноголосые крики

11 Сказал [четко] басом

13 Толпа ∾ разорвалась / Толпа [разорва⟨лась⟩] медленно разрывалась (*ЧА*$_2$); Толпа медленно разорвалась◊ (*БА*)

14 отходили по косой вправо и влево / отходили по косой в стороны◊ (*ЧА*$_2$)

15 по прямой линии от нее / по прямой от нее (*ЧА*$_2$)

16 бережно, как нити жемчуга, несли / бережно несли (*ЧА*$_2$)

17–20 *Текст*: Веревки тянулись ∾ Стой! — *вписан в ЧА*$_2$.

20 Стой! Стойте! / Стой! (*ЧА*$_2$)

22 Николай Павлыч / Миколай Павлов (*ЧА*$_2$)

23 *Слов*: громко сказал Панов .— *в ЧА*$_2$ *нет*.

24–29 К нему медленно ∾ поклонился / Медленно шел на кривых ногах, подкатывая рукава синей пестрядинной рубахи черными руками, уродливо широкоплечий [и], коренастый [странно] мужик с волосами дыбом, с клочковатой бородой. Он поклонился (*ЧА*$_2$)

27 за ворот [синей] пестрядинной рубахи

28–29 и, перекрестясь на церковь, поклонился / перекрестился на церковь и поклонился

30–33 а точно падая ∾ снял передник / [а закинув плотные ⟨?⟩ руки] а точно падая, закинув длинные руки назад, вытянув их [и то⟨гда⟩]. Потом снял с себя кожаный передник (*ЧА*$_2$)

34–35 Всё это ∾ торжественно. / и так же поклонился людям на все четыре стороны (*ЧА*$_2$); Всё это он делал молча, медленно и торжественно ◊. (*БА*)

36–37 взял две из них / взял две [из] (*ЧА*$_2$)

37 на голову себе близко ко лбу / на [лоб] голову себе (*ЧА*$_2$)

39–40 голову кузнеца / голову мужика (*ЧА*$_2$)

40–41 края легли ∾ на плечи / один край [прих⟨одился⟩] лег ему на шапки, а другой на плечи (*ЧА*$_2$); часть края легла ему на шапки и на плечи ◊ (*БА*)

41 куда баба ∾ передник / баба подложила передник под этот край (*ЧА*$_2$)

Стр. 371.

1–10 встал ∾ это не вышло. / встал и медленно, широкими шага-

ми [пошел к] двинулся [к двери] ко входу на колокольню.— Пашо-ол! — завыло несколько голосов, а четверо крепких парней гуськом пошли за кузнецом.— Попер, идол! — сказал хромой Лютову.— А колокольчик этот [семнадцати] пятнадцати пудов с гаком. (*ЧА*$_2$)

11 становилось всё тише, напряженней / стало [тихо] тише (*ЧА*$_2$)

12–14 глаза ожидающих смотрели ∾ высунуты / глядя в полукруглое [пустое] ухо колокольни [из которого высунуты] (*ЧА*$_2$)

14 три толстые балки / три толстые бревна ◊ (*ЧА*$_2$)

л. 136

17–20 Урядник ∾ стал смотреть вверх. / К большому колоколу подошел урядник, одной ладонью похлопал его, другою прикрыл глаза, и, сняв фуражку, тоже стал смотреть вверх. (*ЧА*$_2$)

21 напряженней становилось / спокойней становилось (*ЧА*$_2$)

24 Вот в синем ухе / *а*. А затем в ухе. *б*. В синем ухе (*ЧА*$_2$)

24–25 зашевелилось что-то бесформенное / зашевелилось темное пятно (*ЧА*$_2$)

25 вылетела шапка, потом — другая / вылетела одна шапка, другая (*ЧА*$_2$)

26 люди на земле / [вся площадь] все люди на площади (*ЧА*$_2$)

27 завыли, заорали / завыли (*ЧА*$_2$)

28–29 а лысый мужичок ∾ тонким визгом / [и] маленький лысый мужичок [визгливо] покрыл все голоса пронзительным визгом (*ЧА*$_2$)

30 Миколаї Павлыч, кум! / Миколай Павлыч! (*ЧА*$_2$)

31 надел ∾ на груди / надел фуражку (*ЧА*$_2$)

32 по лысому затылку / по затылку (*ЧА*$_2$)

32–34 Мужик отскочил ∾ крыльцо школы / Мужик споткнулся, отбежал в сторону и, проходя мимо крыльца школы, горестно воскликнул (*ЧА*$_2$)

33–34 горестно сказал / сказал ◊

35 И пошутить не велят... / И пошутить нельзя... (*ЧА*$_2$); И шутить не велят ◊... (*БА*)

36 Сошел с колокольни / На площадь [вышел] сошел с колокольни (*ЧА*$_2$)

36–37 покрестился ∾ на церковь / [перекрестился] глядя на церковь, истово перекрестясь длинной рукою, он снова четырежды поклонился народу [и молча взялся] (*ЧА*$_2$)

37 *После*: на церковь — *зачеркнуто*: снова отвес⟨ил⟩

37 Панов, согнув тело свое прямым углом / Панов [переломив],

согнув длинное тело свое под прямым углом ($ЧА_2$); Панов согнул [дл⟨инное⟩] тело свое [под] прямым углом (*БА*)

38 обнял его, поцеловал / обнял, поцеловав его, крикнул ($ЧА_2$)

39–40 Богатырь! — И закричал / Богатырь! — Изумительно прозвучало в воздухе его «ырь» — таким железным звуком, что Лютов, осклабясь, закрыл глаза.— Эт-то — дано! А, Самгин? Люди...

[Кузнец, Панов, урядник] Панов стоял среди площади и кричал ($ЧА_2$)

41 Берись дружно! С богом! / Тихо берись, дружно, тихо-о! ($ЧА_2$)

Стр. 372.

2 закачались [натягивая веревки] ($ЧА_2$)

2–3 *Слов*: упираясь ногами ∾ влекущие сеть — *в* $ЧА_2$ *нет.*

5–6 отстал от земли [и пошел вве⟨рх⟩] ($ЧА_2$)

7–9 Ровней ∾ тревожно. / Ровней тяни... ($ЧА_2$)

7 [востор⟨женно⟩] кричал делатель

10–11 тяжелый медный колпак / медный колпак ($ЧА_2$)

11 медленно всплывал на воздух / медленно, но легко всплывал в синий воздух ($ЧА_2$)

11 и [все] люди

11–39 и люди — зрители ∾ глаза на одну точку / Ровнее, дети боговы! — ревел мощный бас. [Люди] [Климу казалось, что священник, чисто одетые люди, и все на земле и сам он тоже поднимается от земли.] Клим услышал тихие слова Лидии:

— Мне кажется [все], что я тоже поднимаюсь от земли. ($ЧА_2$);

11–12 [тоже] выпрямлялись тоже

12–13 как бы желая / как будто желая ◊

27–28 уместно языческое ликование / уместнее языческое ликование

34 пепел папиросы / пепел ◊

40–41 Вдруг ∾ со свистом фигурно / *а.* И вдруг колокол вздрогнул *б. Как в тексте.* ($ЧА_2$)

Стр. 373.

2–3 задние ∾ вой / задние в ней кучно упали, побежали, и раздался [баби⟨й⟩] одинокий истерический вой бабы ($ЧА_2$)

5 Колокол ∾ бил / Колокол лениво бил ($ЧА_2$)

6 сыпалась ∾ известки / и гудел, сыпалась красная пыль, дресва ($ЧА_2$)

6–7 Самгин ∾ ему казалось / Климу казалось ($ЧА_2$)

8 Топая ногами ∽ Алина. / Рядом с ним визжала, топая ногами, Алина. ($ЧА_2$)

9–14 Эх, черти ∽ обматывать конец / но он, онемев, смотрел, как [ку⟨знец⟩] Панов и кривоногий кузнец, забежал в тыл той группы людей, которая по прямой линии от колокола, пытаются обмотать конец ($ЧА_2$)

15–19 ему помогал ∽ прикрыл глаза / Он видел, [что, бросая] как люди, выпуская веревку из рук, отскакивали от нее, [а она] и, натягиваясь все туже, веревка дрожала, видел, что кузнец, [широко размахнув] обегая ветлу кругом, опоясал веревкой [чей-то] живот парня в розовой рубахе, прижал его к дереву так, что тот, запрыгав, вдруг переломился. Климу показалось, что он слышит странный крик. Он закрыл глаза ($ЧА_2$)

19–20 колокол [оборвется, упа⟨дет⟩] грохнет ($ЧА_2$)

20–24 слушая ∽ Поше-ол! / [Ревели] Люди ревели, визжали, [вихрь зву⟨ков⟩] и среди вихря звуков был слышен чей-то странно-спокойный голос:— Связывай! Не так. Убью! Православные — не бойсь! — ревел Панов.— Пошел! Тихо-о! Дружно-о! ($ЧА_2$); слушая, как ревут, визжат люди и рычит кузнец, трубит — *Далее как в тексте* (*БА*)

25 Колокол ∽ поплыл вверх / Когда он открыл глаза — колокол почти незаметно поднимался ввысь ($ЧА_2$)

26 высунулись головы мужиков / высунулось четыре головы, поджидая его ($ЧА_2$)

26 *После*: головы мужиков — *зачеркнуто*: какая-то минута значительной жизни была вычер⟨кнута⟩

27–28 Домой ∽ ужас / Рядом с Климом, опустив голову, стал Лютов, на перилах крыльца сидела Лидия, подняв в небо серое лицо, в ее глазах [сверкал] Клим увидел и ужас ($ЧА_2$)

29–30 громко всхлипывала ∽ Лютов / плакала Алина◊ ($ЧА_2$)

30–32 воющие причитания ∽ не обременив сознание / [доносился] сквозь негромкий шум на площади доносились истерические причитания бабы ($ЧА_2$)

31–32 какая-то минута [жизни] исчезла из его жизни

33–34 держал за плечо ∽ допрашивал / выспрашивал подростка, держа его за плечо ($ЧА_2$)

35 Что же он — жив? / Насмерть, что ли? ($ЧА_2$)

37 Идиёт ∽ не понимаешь... / Ну, беги, едиёт.— Отпустив мальчишку, он сказал:— Видите, а не понимаете... ($ЧА_2$)

38 внушая что-то / и что-то в⟨нушал?⟩◊

Стр. 373—374

38–3 Туробоев, внушая ∽ на коленях перед ним. / Туробоев,

урядник, поп с крестом в руках, [старухи и баба] плотный круг старух и баб, это одна из них выла причитания.

— Прочь! — командовал урядник.— Разойтись...

Бабьи юбки поредели, стало видно Макарова, [на] [он, присев на] он стоял на коленях, склоняясь над [парнем] телом в розовой рубахе. (*ЧА*$_2$).

Стр. 374—375.

4–31 Как это случилось? ∾ Этого не знаю... / Домой,— сказала Лидия, спрыгнув с перил. Клим покорно пошел за нею, чувствуя себя еще не очнувшимся от тяжелого сновидения. (*ЧА*$_2$)

Стр. 374.

2 когда подошел поп [и когда бабьи юбки]

4–5 оглядываясь. Лидии уже не было / оглядываясь на Лидию, но ее уже не было на крыльце, она вышла ◊

6 из школы [под ⟨руку⟩], ведя под руку

9 По улице села́ / Улицей села́ ◊

20 пошел [тише] тише

24 трещит [высуше⟨нное⟩] высушенное [знойным] солнцем небо

26–27 Впереди его ∾ говоря Лютову / Он [от] пошел сзади хромого [и слушал], слушая, как тот рассказывал ◊

37 Лютов ∾ повизгивал / *а. Слов нет. б.* Лютов сдержанно [посмеивался] повизгивал

41 фотографию, машинку швейную / фотографии ◊

Стр. 375.

2–4 *Текст*: В схеме Лютова ∾ за ушами.— *вписан в БА*.

7 А чем тесто месят? / А [испечь] тесто месить, каравай печь... ◊

8–9 [для ⟨него?⟩] она ему — второй сорт

10 Лидия [обе⟨рнулась⟩] взглянула через плечо

11 Клим думал о Лютове / Клим приостановился, думая о Лютове ◊

12 «[Этот готов с дер⟨евенским?⟩] Очень скучно ему

14 [И] Откуда это ты взял?

л. 137

17 допрашивал Лютов, [а хромой[и снова

21 Клим подумал / Клим усмехнулся ◊

26 народ, и для него, говорит, все средства... / народ и *1 нрзб* ничего ему ◊

32 Придя домой, Самгин лег. Побаливала голова / [До позднего вечера все сидели на] Придя домой, Клим лег. Болела голова (*ЧА*$_2$)

34 скорее бы погас ∾ глупый день / скорее бы [прошел этот испорченный] погас [глупый] этот жаркий, глупый день [с его тяжелыми] ($ЧА_2$); скорее бы погас этот [глу⟨пый⟩] душный, глупый день (*БА*)

35 стерлись нелепые впечатления / [глупая прогулка] [исчезли бы *1 нрзб*] стерлись [его тяжелые] впечатления ($ЧА_2$); стерлись [исчезли] нелепые впечатления (*БА*)

34–41 *Текст*: Одолевала ∾ что вы озорничаете? — *вписан в* $ЧА_2$ *со следующими вариантами*:

36–37 в висках стучали молоточки / [и стучало в висках, исчез] и назойливо в виски стучал молоточек ($ЧА_2$)

37–38 В памяти слуха ∾ голоса / Всё еще звучали в памяти голоса ($ЧА_2$)

37 тяжело сгустились / сгустились ◊

38 и вздохи / тяжелые вздохи ($ЧА_2$)

38–39 командующие крики / крики ($ЧА_2$); [командующие] командующий крик ◊ (*БА*)

39 пугливый вой ∾ причитания / вой ($ЧА_2$)

Стр. 376.

1 Уже темнело ∾ Лютов / [Вот, все куда-то попрятались. Он пролежал до позднего вечера] Уже темнело, когда [пришли] явились Туробоев и Лютов ($ЧА_2$); Уже темнело, когда явились Туробоев и Лютов ◊ (*БА*)

1–3 и сели ∾ давно / [они сели на террасе дачи] продолжая давно, видимо, начатую беседу ($ЧА_2$); [Клим не вышел к] и сели на террасе, продолжая беседу, видимо, начатую давно [уже] (*БА*)

3 Самгин ∾ двух голосов. / Самгин не вышел к ним, лежал и чутко вслушивался в их беседу. ($ЧА_2$); Самгин [не выходя к ним] лежал и слушал перебой двух голосов [странно несхожих друг с другом]. (*БА*).

4–5 Лютов говорит ∾ характерных для него / Лютов говорит [спокойно] без обычных для него выкриков ($ЧА_2$); Лютов говорит без [хар⟨актерных⟩] [кр⟨ика⟩] — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

6–8 ложки о стекло ∾ детство / ложки о стаканы и это напоминало Климу далекое детство ($ЧА_2$)

9 засыпал пред чаем / засыпал пред вечерним чаем ($ЧА_2$)

11–18 *Текст*: на террасе ∾ богу будущего» — *вписан в* $ЧА_2$ *со следующими вариантами*:

11–12 На террасе ∾ и Лаврове. / Они говорили о славянофилах, Данилевском и Страхове, о Герцене и [Михайловском] Лаврове. ($ЧА_2$)

12–13 Клим Самгин знал этих писателей / Клим знал тенденции этих писателей, и они были в одинаковой степени неинтересны и одинаково ненужны ему (*ЧА*$_2$); Клим Самгин знал этих писателей [и они], их идеи были в одинаковой степени чужды ему (*БА*, *АМ* ◊).

13–14 и находил ∾ личность / [Все они относились к человеку, как к ди⟨...?⟩] Он находил, ⟨что⟩ все они рассматривали личность (*ЧА*$_2$); Он находил — *Далее, как в тексте* (*БА*)

14 только как материал / как материал ◊

15 человек ∾ на заклание / человек являлся Исааком, обреченным на заклание, и никто из них не заботился заменить Исаака бараном (*ЧА*$_2$)

17 признавать необходимость / [соглашаться с] признавать необходимость [человеческих жертвоприношений людьми] (*ЧА*$_2$)

18–20 думал он ∾ слова Туробоева / Хорошо слышен был спокойный голос Туробоева, неторопливые его слова (*ЧА*$_2$)

21–24 *Текста*: Среди господствующих идей ∾ выделились слова — *в ЧА*$_2$ *нет*; *вписан в БА*.

24 выделились [уверенные] слова

25 У народников сильное преимущество / У народников [всегда будет] есть одно преимущество (*ЧА*$_2$); У народников [есть] сильное преимущество (*БА*)

26 [в нужный] она может (*ЧА*$_2$)

27 стойких людей — верно-с? / стойких людей (*ЧА*$_2$)

28 Возможно,— сказал Туробоев. / Не широких горизонтов людишки будут, я думаю...— Вероятно.— Вы не жалуете их? — *Далее*: *а*. [Меня мало ин⟨тересует?⟩] *б*. Но как [психологическое] люди известной системы мнений... или скорее как выразители исторического тяготения всей массы народа *в*. Но я думаю, что эти люди весьма хорошо выражают некоторые [исто⟨рические⟩] черты русского [духа] народа, [воспитанного] воспитанные его историей. Это по⟨томки⟩ *г*. Я не политик (*ЧА*$_2$); *а*. Не широких горизонтов людишки эти будут, я думаю,— сказал Лютов.— Вероятно.— Не жалуете вы народников? — Я — не политик,— ответил Туробоев. *б*. *Как в тексте* (*БА*)

29–33 *Текста*: Клим подумал ∾ вскричал Лютов.— *в ЧА*$_2$ *нет*.

29 наверное, он / наверное, [он] Туробоев ◊

30 как [он] всегда делал

32–35 А все-таки,— половинчатость! ∾ болота севера. / Но так как они дети славянофилов, они потомки тех русских, которые, уступив татарам, бежали с благодатного юга, бежали в леса и болота севера (*ЧА*$_2$); [На этот раз Туробоев, очевид-

но, [хотел] разрешал себе говорить искреннее, чем всегда.— Но, [говоря откровенно] скажу, я не поклонник этого направления мыслей, чувствований. Народники и их братья все-таки для меня — дети славянофилов...] [Однако Лютов, настойчиво выспрашивая, заставил Туробоева назвать народников детями славянофилов и потомками тех русских людей, которые, уступив татарам-кочевникам благодатный юг, бежали в леса и болота севера, где до сего дня не могут ассимилировать полуязыческие племена финнов, мордвы, чувашей.] Минуты через две Лютов, видимо, задетый Туробоевым, возбужденно выкрикнул, что народники — это потомки тех русских людей, которые, уступив кочевникам благодатный юг, бежали в леса и болота севера (*БА**)

36–38 Кажется, вы противоречите ∾ это ваши предки... / [Не европейцы? — Да, если хотите.]

— Каждый народ [старается жить] развивается...

— По линии наименьшего сопротивления...

— Вы не скажете этого о норманнах [да и средиземноморской ⟨?⟩].

— Умер?

— Да. [Тотчас, как только вы ушли.]

Это пришел Макаров.

— Ты, Костя, с хромым сторожем разговаривал? — негромко сказал Лютов. (*ЧА*$_2$); *а.* «Объясняющие господа»,— подумал Клим Самгин, пренебрежительно усмехнулся.

— Всё в [нашем] мире развивается по линии наименьшего сопротивления,— [невнятно и задумчиво] пробормотал Лютов, [а] Туробоев [сказал] ответил решительно:

— Нет, это неверно...

[— Но, тогда?..— Клим не расслышал торопливо сказанного Лютовым. Снова заговорил Туробоев, почему-то неприятно было слушать, что он говорит, как будто сдавая экзамен.] *б.* «Объясняющий господин»,— подумал Клим Самгин и пренебрежительно усмехнулся, а Туробоев негромко заметил:

— Кажется, вы противоречите сами себе.

— Да? Не боюсь противоречить! Но — позвольте, Вы-то, вы-то как же? — Лютов заговорил торопливо и невнятно, затем снова [послышался] Клим услышал [слова] голос Туробоева, неохотно произносивший четкие слова:

— Ведь — ваши предки... (*БА**)

38–41 Тяжело затопала ∾ холодные слова / *а.* Загремела посуда, затопала горничная и несколько минут быстро сыпались нев-

нятные слова купеческого сына, потом [честно] ему [неохотно, но] холодновато и четко ответил барич *б*. Тяжело затопала горничная, ‹загремела› чайная посуда [слова], речь Лютова стала холодновата, и четко ответил барич (*БА**)

Стр. 377.

3–4 фабриканты ∾ публицистов / *а*. фабриканты исторической правды *б*. фабриканты правды из либ‹еральных› пуб‹лицистов› (*БА**); фабриканты правды из числа либеральных публицистов ◊ (*БА*)

4–5 Не считаю ∾ и героями / Я не считаю их ангелами, не склонен считать и героями (*БА**)

5–6 они просто более или менее покорные / это просто — покорные ◊ (*БА**)

7 которая, как вы же сказали / которая (*БА**)

8–11 На мой взгляд ∾ не обладаю. / Она, на мой взгляд,— такова, что мне лично дает право [решительно] отказаться от продолжения линии предков. (*БА**).

12–15 Это — что же? ∾ деклассированным. / Я уже, кажется, говорил вам, что считаю себя человеком психически деклассированным. [Как таковой, я уверен, что имею [так же] право стоять в стороне от мнений и деяний людей, хотя и современных, но... не ясных мне. Я не могу обвинять, но не способен и оправдывать...

— Гм... Возможно ли? [Как же] Суд отрицаете] [1] (*ЧА*$_2$, *БА**); *в ЧА*$_2$ *после слов*: [Суд отрицаете] — *а*. Без суда не прожить!

— [Я живу из любопытства... предположите. Что — умер?] Предположите, что я присутствую на суде как любопытствующий зритель. *б*. [Без суда не прожить! — Предположите, что я присутствую на суде как любопытствующий зритель, даже как иноземец, которому и самый процесс суда и язык судей не совсем понятны...— Ох,— воскликнул Лютов,— заразил вас кое-чем граф Толстой! Не отрицайте,— заразил!] — Это — что же? — задорно крикнул Лютов.— [Это] Резиньяция! Толстовство? [2]

12 взвизгнул Лютов / вскричал Лютов◊

16–19 Раздались ∾ Налей чаю, Владимир / *а*. Что — умер? — Конечно,— ответил Макаров. *б*. Раздались чьи-то шлепаю-

---

[1] *Возле этих слов на полях*: Клим приоткрыл окно на тер‹расу› и

[2] Начало отрывков *ЧА*$_2$ (*а*.— ХПГ-21-1-35 и *б*.— ХПГ-21-1-36), являющихся продолжением *БА**.

щие шаги. Туробоев спросил: — Что — умер? — Разумеется, ответил Макаров.— Володя, налей чаю. (*ЧА*$_2$).

19–20 Вы, Туробоев, поговорите / Вы, Туробоев, [сходите завтра] поговорите (*ЧА*$_2$)

20 он теперь обвиняет / [а то] он теперь обвиняет (*ЧА*$_2$); он теперь [уже] обвиняет (*БА*)

21–22 *После*: по неосторожности.— *а*. Почему ты босой, Костя? — Сапоги в крови [чистит⟨ь⟩]. [Налей чаю] Когда рубили веревку, его ранили в плечо.— Тотчас, вслед за Макаровым, пришли девицы. *б*. Вслед за Макаровым явились девицы. (*ЧА*$_2$)

23–24 Самгин отошел ∾ явятся девицы. / Самгин [1] соскочил с постели, быстро привел себя в порядок и вышел на террасу. (*ЧА*$_2$)

23 причесался [надел тужурку] и вышел

25 Огонь ∾ поглощенный / *а*. [Две свечи горели на столе] [Огонь лампы скупо освещал лицо Туробоева] Огонь лампы, [был поглощен] как бы поглощенный; *б*. Там огонь лампы, как бы поглощенный (*ЧА*$_2$)

26 освещал три фигуры / *а*. освещал фигуры [и сумрачные лица] людей *б*. освещал фигуры людей (*ЧА*$_2$)

26–27 окутанные ∾ сумраком / *а*. [сидевших у стола] окутанных [душной] сумраком *б*. окутанных [теплым и липким] жарким сумраком (*ЧА*$_2$)

27–29 Лютов, раскачиваясь ∾ на измятом конверте. / *а*. [Все лица казались] Макаров [сидел] расхаживал на террасе, держа в руках блюдце со стаканом чая на нем. Лидия сидела в стороне от всех в углу, глядя за реку [где багр⟨овые⟩] на багровые пятна заревых облаков. Стоя рядом с ней, Алина спросила: — Тебе не кажется, что сегодня солнце закатилось дальше от нас, чем вчера? *б*. Лютов сидел у самовара, двигая челюстью, точно воздух жевал, Туробоев [заломив руки за голову, откинулся на спинку стула, вытянул ноги далеко под стол; Лидия в стороне от в⟨сех⟩] звенел ложкой, размешивая чай, наклонясь над столом. Лидия стояла в углу террасы, рядом с Алиной, а Макаров шагал мимо стола взад и вперед, держа в руках блюдце со стаканом чая на нем. (*ЧА*$_2$) [2]

29 на измятом конверте / в маленькой кн⟨ижечке?⟩ ◊

30–32 Почему ты босый? ∾ ответил / Почему ты босый, Костя? — спросил Лютов (*ЧА*$_2$)

---

[1] Клим Самгин (ХПГ-21-1-36).

[2] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-35).

33 Сапоги в крови. Этому парню... / Сапоги кровью испачканы. [Когда рубили веревку, парня ранили в плечо...] ($ЧА_2$)

34 Ну, довольно! — сказал Лютов / [Пожалуйста] Больше не надо об этом,— строго сказала Лидия, а [Алина тоже] вслед за нею и Алина жалобно попросила: — Пожалуйста! ($ЧА_2$); Ну [ладно], довольно! — сказал Лютов. (*БА*)

Стр. 377—378.

34–2 сморщив лицо ∾ заговорил быстро и возбужденно / О, существа второго сорта! — вздохнул Лютов и сообщил Макарову мнение хромого о женщинах.

Остановясь, Макаров, сунул свой стакан чая на стол [и торопливо, горячо заговорил] так, что стакан упал с блюдечка. ($ЧА_2$).

Стр. 377.

40–41 заметил Клим ∾ ему / заметил Клим ◊

Стр. 378.

3–4 Вот видишь ∾ Уже в мифе / [Вот видишь? Видишь?] Вот — видишь? Видишь? [— обратился он к Лютову] Я же [тебе] говорю: это органическое! — Что органическое? — спросил Туробоев.—Вражда [полов] к женщине,— [быстро] ответил Макаров, торопливо закуривая папиросу. Клим, [недоверчиво] усмехаясь, заглянул в его лицо, хотел иронически спросить: — Ты уже говоришь о вражде к женщине? — Но спросить не успел, Макаров вдруг и как-то неестественно [громко] тихо заговорил, обращаясь к Туробоеву:

— Видите ли, уже в мифе ($ЧА_2$)

6 ведь уже знали / знали ($ЧА_2$)

7 [знали] что она родит ($ЧА_2$)

л. 138

9–38 Туробоев поднял голову ∾ культурную жизнь / [Он] [Макаров стоял, наклоня голову, протянув руку [с вытянутым пальцем], пронзая [им] воздух вытянутым пальцем; другою рукой он опирался на стол. Лютов смотрел на него снизу вверх, прикрыв левый глаз, сунув руки в колени...] Всё более возбуждаясь и как бы забыв обо всех, кроме Лютова, Макаров поспешно и не очень связно говорил, что [культурная жизнь началась матриархатом] оседлую и тем самым культурную жизнь ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слов*: Лютов — *Далее*: подмигнув и ему — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

12 Интереснейшая гипотеза / Гипотеза ◊

21–22 подняв [свои] вышитые брови

35 двуцветные волосы падали / волосы падали ◊

39 Это она / Оплодотворенная женщина ($ЧА_2$)

41 Она открыла / [Она открыл⟨а⟩] Это она, конечно, нашла ($ЧА_2$)

Стр. 379.

1–2 приручила животных ∾ являлась / приручала животных. Для полузверя мужчины она являлась ($ЧА_2$)

3 *После*: и мудрым.— *зачеркнуто*: Несколько раз в году она истекала кровью, не страдая, а раненый мужчина болел и умирал. ($ЧА_2$)

4–5 сохранились ∾ в «табу» / и до сего дня чувствуются в «табу» ($ЧА_2$)

7 мужчина-охотник / мужчина-охотник, бродяга ($ЧА_2$)

8 *После*: как рожают звери.— *а*. Этим изумлением я объясняю то, что древнейшие религии носят явные признаки обожествления женского начала. *б*. Она приручила диких животных. ($ЧА_2$)

8 Она была жрицей / Женщина была жрицей ($ЧА_2$)

9 культура возникла из матриархата... / *а*. была владыкой жизни [при эт⟨ом⟩]. Почти во всех древнейших религиях остались признаки обожествления женского начала. *б*. культура и цивилизация возникли [на] в матриархате,— слышал Клим. ($ЧА_2$)

11 тени их [судорожно] скользили по [белому] белой тужурке ($ЧА_2$)

12–13 всю грудь ∾ торопливых слов / вся грудь его и лицо были испещрены темненькими пятнышками ($ЧА_2$)

13–14 Клим Самгин [слушал] находил

13–14 что Макаров говорит скучно и наивно / что эти судороги серых бабочек и теней так же скучны, как [быстрые] торопливые слова [пропо⟨веди⟩] наивной проповеди ($ЧА_2$)

15–19 «Держит экзамен ∾ отмахивалась от бабочек. / *а*. Макаров выпрямился, сдвинул ноги, и это очень подчеркнуло клинообразность его фигуры. Он встряхивал головою, [то⟨гда?⟩] волосы падали на лоб и щеки, резким жестом он отбрасывал их. Красивое лицо его было очень одухотворено, глаза горели, но голос звучал неубедительно. Да он не убеждал, а уговаривал, почти умолял верить ему.— В мифе об изгнании первых людей из рая неведения ясно слышишь ту же самую вражду, как и в споре о создании ее из ребра,— слушал Клим и усмехался, снисходительно улыбаясь и желая, чтоб эту улыбку [все] видели все. Усмехнулся и Лютов, скривив губы, разводя пальцем воду по медному подносу; Туробоев слушал очень серьезно, высоко подняв брови. Лидия и Алина сидели у стола, плечо в плечо, разглядывая проповедника

внимательно и молча. Клим Самгин с удовольствием услыхал шепот Алины: — Он должен жениться на девушке очень глупенькой, и чтоб она никогда никого не решилась любить... *б*. Макаров стоял прямо ∾ было очень возбужденно ∾ не убеждал, а упрашивал верить ему.— Вы подумайте, ведь...— слушал Клим и, снисходительно улыбаясь, хотел ∾ Самгин услыхал шепот Алины: — Он глупенький? — Лидия молча толкнула ее плечом, а Клим, все еще усмехаясь, подумал: «Гимназист, который держит экзамен на должность „объясняющего господина“». Вспомнив старую привычку, Макаров правой рукою усердно откручивал верхнюю пуговицу кителя, левая нерешительно [плавала в воздухе] отмахивала серых бабочек. (*ЧА*$_2$)

20–21 Кстати, знаете ∾ оскорбляло / Между прочим,— [потирая лоб] говорил [Макаров] он,— меня издавна оскорбляло, всегда оскорбляет (*ЧА*$_2$)

22 Мне кажется / Я думаю (*ЧА*$_2$)

24–26 И — могло быть ∾ с похвальщиком!.. / [В былине об Илье Муромце есть эпизод встречи с «похвальщиком», который оказался родным сыном Ильи; он узнал в старом богатыре отца своего по примете, указанной матерью.] Возможно, что провожая в поле, на охоту, старого мужчину или того, который по болезни, по лени долго жил оседлой жизнью, женщина советовала ему говорить при встрече с молодым и сильным противником: поял твою мать. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов*: говорил: поял твою мать — молодому, более сильному — *Далее, как в тексте*. (*БА*, *АМ* ◊)

27 Лютов ∾ крякнул. / Косой глаз Лютова метнул в сторону девиц испытующий взгляд. Клим тоже посмотрел на них. Глаза Алины смеялись, она кусала губы. Лицо Лидии было неподвижно и нахмурено. [Туробоев сидел все в той же позе, глядя в потолок террасы, высоко подняв брови.] (*ЧА*$_2$)

28–29 спросил Клим, тоже улыбаясь / спросил Клим (*ЧА*$_2$)

30 моя догадка ∾ понять / моя догадка ◊ (*ЧА*$_2$)

31–32 Туробоев ∾ сказал тихонько / Туробоев тихо сказал (*ЧА*$_2$)

Стр. 379—380.

34–1 *Текста*: Я надоел вам? ∾ они шагали по террасе — *в ЧА*$_2$ *нет*.

Стр. 379.

37 но [это] я ошибся. [Хотя...]

38 тихо сказал Лютов / сказал Лютов ◊

38–39 и [тот‹час›] вскочив со стула [убежа‹л›] [исчез]

Стр. 380.

1–2 Макаров продолжал ∾ взмахивая рукой / Макаров продолжал [говорить] рассказывать все так же поспешно и [умоляюще] неубедительно о древней вражде мужчины против женщины, о их борьбе за власть. (*ЧА*$_2$); Макаров [говорил] продолжал — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

2–4 Когда полудикий Адам ∾ власть над жизнью / Вспомните, что боги побежденных обращались победителями в демонов. Женщина — побежденный враг. Когда дикий Адам, просвещенный ею, отнял у нее власть над ним и над жизнью (*ЧА*$_2$)

3–4 отнял, по праву сильного, у [жен⟨щины⟩] Евы

6 Именно оттуда / Именно там вкоренилось, оттуда (*ЧА*$_2$); Именно [там] оттуда (*БА*)

9 *После*: не создал меня женщиной».— Это кричит не современное презрение, а древний страх. (*ЧА*$_2$)

10 Гнусность нашей очистительпой молитвы / Гнусность очистительной молитвы (*ЧА*$_2$)

11–13 Но, победив ∾ уже не мог / [У некоторых народов есть ругательства, поносящие богоматерь...] Клим Самгин слушал с завистью. [Макаров говорил интересно] Женщинам, конечно, [приятно будет слышать] приятны такие речи о них, и [конечно] этот бред [способен] может создать Макарову успех у женщин. «Пожалуй, он не так глуп, каким кажется»,— думал Клим, [незаметно] хмуро посматривая на слушателей [видимо, несколько очарованных этой умоляющей речью]. «Надо иметь [одну идею] одну хорошо разработанную идею, вот — посох и факел»,— соображал [Самгин, слушая] он.— Но, победив женщину, мужчина не мог (*ЧА*$_2$)

13 *После*: нежности.— Как, чем возбудить любовь врага и рабыни? Фаллические культы создал, конечно, мужчина. Эти культы — свидетельство о бедности воображения и отдаленное предчувствие мрачного отчаяния, которое наилучше всех выразил Шопенгауэр, а грубей и оскорбительнее всего — церковь. Потом мужчина догадался, что легче всего привлечь к себе женщину искусством. Вероятно, эту догадку ему внушили самцы птиц. Искусство всё, целиком, возникло из любви к женщине. Из этой любви и культура. Иной основы для творчества культуры я не вижу...— Самгин находил [что весь] тон Макарова [несовпадающим с его мужественной красотой] всё более не совпадает [1]. [Человек с таким резко очерченным лицом не должен бы говорить упрашивая, умоляя]

---

[1] Правка не завершена.

Человек с его резко очерченным лицом — Макаров, кажется, готов встать на колени и просить: «Верьте, верьте мне!» «Если б [вся] эта лирика родилась в моей голове, я бы сумел изложить ее не так бездарно»,— подумал Клим и спросил (*ЧА*$_2$)

14–17 Но в конце концов ∾ К чему ты ведешь? / К чему ты ведешь? [— спросил Клим] (*ЧА*$_2$)

18 Макаров остановился пред ним / Макаров оглянулся (*ЧА*$_2$)

19–20 Я хочу понять ∾ женщина Ибсена / К чему? Я хочу понять, что такое современная женщина, вот эта новая [Нора] женщина Ибсена (*ЧА*$_2$)

20–21 уходит от любви, от семьи? / Уходит от семьи, от любви. Куда? Чего ради? (*ЧА*$_2$)

21–22 необходимость ∾ завоевать / необходимость завоевать (*ЧА*$_2$); необходимость снова завоевать (*БА*)

22–23 матери человечества ∾ Новой культуры? / матери человечества, творца жизни, возбудителя культуры? (*ЧА*$_2$)

л. 139

24–36 Он махнул рукой ∾ сразу стал / Или же сила ее любви вся изработана, иссякла, и мещанская пошлость современности окончательно изуродовала, ослепила, оглушила ее? Ведь это очень унизительно быть только вешалкой для дорогих платьев, безделушек и стихов... [хотя это тоже культура,— слышал Клим] [Ему] Климу вдруг стал (*ЧА*$_2$)

25–26 есть даже что-то / есть что-то ◊

28 хотя из нее сделали / из которой сделали ◊

29 Но я [вижу,— ты понимаешь?] вижу

32 усмехнулся в лицо его [и легонько толкнул [в] плечом]

33–36 потягиваясь ∾ своих часов / бесцеремонно потянулся, расправляя мускулы, и пошел к лестнице ◊

35–36 Самгину сразу ∾ смысл / Ему сразу стал совершенно ясен скрытый смысл ◊

35–37 *После*: длинной проповеди — она сказана для Лидии, этим объясняется ее умоляющий тон. Клим [Самгин] встал, бесцеремонно потянулся, расправляя мускулы, подошел к лестнице. (*ЧА*$_2$)

38–41 «Дурачок»,— думал он ∾ черными комьями. / Луна поднялась высоко, тени сосен собрались у корней в черные комья. Серебристый туман дрожал [в воздухе] среди ярких игол хвои. «А может быть, это верно, что если женщина не только самка, то она — враг?» За спиною Клима тихо разгоралась беседа, говорили трое мужчин. Голос Туробоева звучал виновато.— Вспышки романтизма — естественны [как все],—

говорил он.— Вся культура — [чистая] в сущности, романтика... — Взвизгивал Лютов. Девицы молчали, Климу не хотелось слушать беседу троих. «Конечно, говоря о Норе, Макаров думал о Лидии... Как это нелепо: быть медиком, и — романтиком».— Странное солнце было сегодня перед закатом,— сказала Алина.— Такое жирное... [мясное] (*ЧА*$_2$); «Дурачок»,— думал он, осторожно спускаясь — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 381.

1–6 Самгин шел ∾ шумят, гремят...» / Клим спустился с террасы и пошел к реке, [гордясь тем] внушая себе, что он чувствует честное отвращение к мишурному блеску слов и хорошо умеет понимать надуманные красоты людских речей [1]. *Далее вписано и зачеркнуто*: Его несколько беспокоило то, что он не чувствует ревности к Макарову (*ЧА*$_2$)

5–6 и [гремят, дер⟨утся?⟩] шумят, гремят...»

7 Утром подул / [На другой] Через день подул (*ЧА*$_2$); *а.* Утром подул. *б.* Утром сердито подул (*БА*)

7–8 *Слов*: встряхивая ∾ воду реки — *в ЧА*$_2$ *нет.*

9–10 ветер забросил ∾ трепал ее / ветер положил бороду на плечо его и трепал (*ЧА*$_2$)

10–11 Борода придала ∾ сходство / Красное лицо толстого человека, его лохматая, золотисто-седая голова приняли странное сходство (*ЧА*$_2$); Красное лицо толстого человека, его лохматая золотисто-седая голова и эта ◊ (*БА*)

13–14 За чаем ∾ ногу / Дома, за чаем, сидя в ночной рубахе, в туфлях [на босых но⟨гах⟩] (*ЧА*$_2$)

14–15 задыхаясь от жары ∾ масляный пот / задыхаясь от жары

---

[1] *После*: речей — *помета*: Вставка. *Вставка сохранилась* (*ХПГ-21-1-3, инв. № 59904*):

С некоторого времени Клим стал замечать, что наедине с самим собою ему беспокойнее, чем при людях. Каждый из людей стремился навязать ему нечто свое и этим возбуждал в нем чувство самообороны, более или менее ясное сознание своей личности. А оставаясь один, Самгин тревожно ощущал, что он расплывается, теряет себя в чужих мыслях. Так было в эту ночь. Он шел берегом реки, глядя, как впереди толчками ползет по песку его тень, расплывчатая и бесформенная, как думы его. Думал он о Туробоеве, который хочет быть только зрителем жизни, о Лютове, всё более несносном, о Макарове, который все-таки довольно ловко [прис⟨?⟩] сплел словесную речь для девиц и женщин. Невозможно понять, как относится к нему Лидия? И чем возбуждает ее симпатии косоглазый Лютов. Думал Клим о многом и чувствовал, что все думы его бесплодны.

В БА знак вставки зачеркнут и вставка не использована.

(*ЧА*$_2$); задыхаясь от жары, [масленый, он] стирая с лица масленый пот (*БА*)

15 он рычал / *а.* Варавка попросил Клима съездить в город. *б.* Варавка рассказывал: — Вера телеграфирует: буду в субботу. (*ЧА*$_2$)

16–17 Лето, чёрт! ∾ бунтует музыкантша / Там, дома, эта музыкантша бунтует (*ЧА*$_2$)

18–19 Поезжай ∾ вкусный. / Успокой ее.— Подмигнув, он добавил: — Бабец — вкусный! (*ЧА*$_2$)

20–23 *Текста*: Он шумно вздохнул ∾ Дань времени...— *в ЧА*$_2$ *нет.*

24–29 *Вариант текста*: За глаза ∾ честный человек.— *в ЧА*$_2$ *см. ниже* (*к стр. 382*, *строка 13*).

30 Вы знаете ∾ сочувствует / Клим спросил: знает ли Варавка, что Лютов сочувствует (*ЧА*$_2$)

32 Варавка ∾ подумал. / Н-да? — Варавка пошевелил бровями. (*ЧА*$_2$); [Н-да]? Варавка — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

33 Так. ∾ не купеческое. / Казалось бы — это не купеческое дело. (*ЧА*$_2$)

л. 140

33–34 Но, кажется, это / Но это (*ЧА*$_2$)

35 И ∾ словечек. / И, как бы щелкая косточками счет, он просыпал град словечек. (*ЧА*$_2$)

36 тоже полезен / полезен (*ЧА*$_2$)

37 если глуп / если дурак (*ЧА*$_2$)

38 Мы вот всё больше / Мы всё больше (*ЧА*$_2$)

39 производим товаров / производим товара (*ЧА*$_2$)

39 покупателя — нет / покупателя — нет у нас (*ЧА*$_2$)

Стр. 381—382.

39–1 хотя он ∾ существует / То есть он существует (*ЧА*$_2$)

Стр. 382.

1–3 в количестве ∾ гвоздей / в солидном количестве ста миллионов единиц, по спичке в день, по фунту керосина — сто миллионов фунтов, сто миллионов спичек. Но — покупать ему не на что. (*ЧА*$_2$)

4–6 Сгреб руками ∾ и продолжал / Шумно вздохнув, он сгреб [ладо⟨нью⟩] пальцами бороду и вытер ею потную грудь. (*ЧА*$_2$)

7 Если революционер внушает / Если ты внуш⟨аешь⟩ ◊

7–8 возьми, дурак / возьми (*ЧА*$_2$)

9 учись ∾ разумно / работай (*ЧА*$_2$)

9–10 революционер — полезный человек / революционер весьма полезная штука (*ЧА*$_2$)

10–11 Лютов ∾ провалились... / Лютов — народник? Гм... народоправец? Ну, эти уже провалились, как я слышал. (*ЧА*$_2$)

13–14 Радеев... ∾ такой... / Радеев. [Когда умеешь брать, дают.] ($ЧА_2$)

13 *После*: Радеев...— За глаза Клим часто думал о Варавке непочтительно, даже саркастически, но, беседуя с ним, чувствовал всегда, что этот человек пленяет его своей неукротимой деловитостью и прямотою ума. Он понимал, что это ум цинический, но помнил, что Диоген был несомненно честный человек. И каждый раз, когда Варавка просил его сделать что-нибудь, Клим исполнял его просьбы почти всегда охотно. Он особенно охотно поехал в город, потому что ему надоели, его раздражали мужчины на даче и обижала Лидия [невниманием к нему], избегая встречаться с ним. ($ЧА_2$) [1]

17–18 Он такой ∾ обещал Варавка / *а*. Он такой — [*1 нрзб*] — сказал Варавка *б*. Он — такой...— юродивый,— сказал Варавка *в*. Он — такой...— жулик,— сказал Варавка ◊

20 удивился Клим / сказал Клим ◊

24 Клим увидел / он увидал ◊

30 31 [и] не притворяются рамы, [и] дымят печи.— [Клим спро⟨сил?⟩]

34–35 [смутила] смутив его еще более

40–41 протянув Климу руку с молотком / и сняв очки, дыша на них, стал протирать темные стекла ◊

Стр. 383.

1 Он снял ∾ детском личике / На маленьком, детском личике ◊

4–5 требовала столяров, печника / требовала столяров ◊

5–6 передника [приятно] упростили ее

10 [и слушал как] Спивак настраивал

16 в жизни [много] кое-что лишнее

20 Все эти сундуки / Все эти комоды ◊

28–29 Она подурнела ∾ самодовольное. / На ней была голубоватая блуза, похожая на матроску, Клим находил, что она не к лицу этой женщине. Находил он также, что Спивак говорит с ним нарочито противоречиво; скажет нечто, с чем нельзя не согласиться, но, согласишься,— она возражает против своих же слов. ◊

32 когда красивая женщина / при виде красивой женщины ◊

34 Кутузов тоже арестован? / Кутузов тоже арестован? — Да, в Самаре, на пароходной пристани. (*БА*, *АМ* ◊)

Стр. 384.

3 взгляд ее / взгляд их ◊

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-36).

4–13 Некрасиво выпучив ∾ вопросов. / Клим вспомнил, что [как-то] однажды вечером, в Петербурге, он, войдя в столовую, слышал, как [Елизавета в комнате Марины говорила] эта женщина поучала Марину: — Если это мешает тебе, дай взятку инстинкту, полюби, отлюби и затем иди своей дорогой, свободная...— Вы скромны,— говорила Спивак, развернув какую-то измятую брошюру и глядя на ее страницы.— Утверждают, что скромность — достоинство бедных христиан.— Это уж было обидно. ◊

11 не похожа на [ту] женщину

14 Поработав ∾ ушел / Клим поработал еще несколько минут и ушел ◊

15 в ее мыслях и [потому] опасной

16–17 Выспрашивают ∾ о человеке / Выспрашивают всегда [затем, чтоб ограни⟨чить⟩] [всегда] потому, что торопятся создать представление о человеке, а это — ограничить его личность ◊

18 скорее создать [это]

19 Клим был [твердо] уверен

19–20 сам стремясь / *а.* он сам *б.* сам он стремился ◊

20 он подозревал их / и подозревал в этом всех ◊

21 не чувствует границ / не чувствовал границ ◊

23 С нею следует / С этой женщиной следует (*БА*, *АМ* ◊)

24–25 снова ∾ устраивать квартиру / он помогал ей устраивать квартиру, не спрашивая себя, зачем он делает это [4]

28 [Спивак] неутомимая Спивак

31 [Идите] Посидим в саду

Стр. 385.

1 Спивак шла / Спивак шагала ◊

2 что-то хвастливое [ее лицо самодовольно] [и с⟨амодовольное⟩]

2–4 *Текст*: и еще раз ∾ в Петербурге — *вписан в БА.*

4 В простых, ленивых вопросах / В простых ее словах ◊

5 О Вере Петровне [и друзьях дома]

5–6 ничего [особенно] подозрительного

6 исходило [какое-то] невесомое, [но] однако

7–8 робость пред нею / робость, усиливая напряженность его внимания к ней ◊

л. 141

8–11 *Текст*: Ее круглые глаза ∾ о Лидии.— *вписан в БА со следующими вариантами*:

9 взглядом [*1 нрзб* в глазах ее и светилось это довольно⟨е?⟩], как будто она знала

15–16 покровитель [наук] искусств и наук

19–20 [да] он доказывал

23 [голубые] глаза ее потемнели

27 и... [в...] в глубину

28–29 [ска⟨зал⟩] говорил один горбатый

38 *После*: ожидал чего-то.— *зачеркнуто*: Эта женщина все более подавляла его. И он

38–39 Ее обращение [к нему]

Стр. 386.

1 Она взглянула / Спивак взглянула ◊

11 [Но] Эти слова прозвучали не [как] вопросом.

11–12 Самгин на миг почувствовал / Самгин почувствовал ◊

12–13 благодарность к Спивак ∾ насторожился / благодарность к Спивак за ее такт, но был несколько задет ее [словами] замечанием и насторожился ◊

19 негодяй,— убежденно сказал музыкант / негодяй ◊

24 подняв [палец] левую руку

27 глубоко скрытое / скрытое ◊

30 аккорды [Спивак, сидя у окна, окутанная сумраком], от них

34–35 блондинки / *а*. блондинки и с голубыми глазами. *б*. блондинки, немки с голубыми глазами

35 [и] влюбленной в мужа

Стр. 388.

1–2 Он обрадовался ∾ с улыбкой ликующей / Клим обрадовался, когда пришла горничная и сказала тоже почему-то с ликующей улыбкой ◊

4 Клим [ожидал увидеть] подумал

7 [Очень спо⟨койно?⟩] Она [расска⟨зала⟩] тотчас же [рас⟨сказала⟩] начала рассказывать

8 но, [ве⟨роятно⟩] наверное

14–15 Дмитрий держит себя / Дмитрий вел себя ◊

15 невежливо / дерзко ◊

16 кто вовлек его... [в это] в эту авантюру

20 И [соверш⟨енно⟩] напомнил мне

22 светились ярко / смотрели мягче и более ярко, как ⟨будто?⟩ ◊

23 пустила [в глаза] капельку

24 красиво сшитом [и подчеркнуто простом]

Стр. 388—389.

36–3 В несвойственном ей ∾ письмо для тебя. / Эти Премировы очень забавные. Да! Для тебя есть письмо из Швейцарии. Марина передала мне. ◊

Стр. 388.

37–38 непочтительно подумать / подумать ◊

Стр. 389.

3 она дала мне / она передала с⟨о мной⟩ ◊

4 она объявила / она сказала ◊

6 О, боже мой, [что я забыла сказать те⟨бе⟩] можешь представить

11–12 главную роль играет [их оскорбленное самолюбие] их желание

14 [Очень] Возможно,— согласился Клим [чтоб сказать что-нибудь, и, простившись с матерью, ушел к себе].

л. 142

15 Все сказанное ∾ не задело его / [Когда раздевался, постучала горничная и подала письмо со швейцарскими марками, сказав [что мамаша за⟨были⟩]: — Мамаша забыли передать вам...— У себя в комнате] Всё, что говорила мать, проплыло мимо его ◊ (*ЧА*$_2$) [1]

15–16 как будто ∾ у окна / как дождь за окном ◊ (*ЧА*$_2$)

16 за окном сеялся / за стеклами сеялся (*ЧА*$_2$)

17 Придя к себе ∾ конверт / У себя в комнате он вскрыл [письмо Марины] конверт (*ЧА*$_2$)

18 крупным почерком / крупным, жирным почерком (*ЧА*$_2$)

18 в конверте / но в конверте (*ЧА*$_2$)

20 украшенной ∾ цветком / с необыкновенным цветком в углу (*ЧА*$_2$)

21 здоровье поправляется / здоровье значительно поправилось (*ЧА*$_2$); здоровье [значит⟨ельно⟩] поправляется (*БА*)

23 с досадой подумал Самгин / подумал Клим, нахмурясь [и находя] (*ЧА*$_2$)

24 Писала ∾ словами / Письмо было написано [слишком] красиво (*ЧА*$_2$)

25 они вызывали / вызывало (*ЧА*$_2$)

26 *Фразы*: «Воображает себя Марией Башкирцевой».— *в ЧА*$_2$ *нет*; *вписана в БА*.

27 изорвал письмо / изорвал его (*ЧА*$_2$)

27–29 и лег, думая ∾ Кутузов. / и лег. [«Кажется, у меня нет воли»,— думал он, [всё еще] ощущая [что] неведомое давление, которое исходило от Спивак.] В конце концов — все люди только утомляют. Каждый из них, бросая тяжелую тень свою в память, заставляет думать о нем, определять, оценивать его, искать для него какое-то место в душе своей.

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-33).

Зачем это нужно? Какой смысл в этом? [Этот напор извне] Эти [влечения] толчки ненужных впечатлений только мешают ему самому установить прочные границы своей личности. Он чувствовал, что теряет способность обращать на себя внимание, теряет умение быть заметным. Замечают его лишь потому, что он стоит в стороне и молчит. [Необходимо внедрить в себя] Да, нужно зарядить себя, принять какую-то идею, как это сделали [Томи⟨лин⟩] Макаров, Томил⟨ин⟩, Кутузов. [Когда] [Нужно зарядить себя, чтоб] (*$ЧА_2$*); и лег, думая, что в конце концов люди только утомляют. Каждый из них, бросая в память тяжелую тень свою, вынуждает думать о нем, оценивать его, искать для него место в душе. Зачем это нужно, какой смысл в этом? «Именно эти толчки извне мешают мне установить твердые границы моей личности.— [Он] [Самгин чувствовал, что, подавляемый обилием впечатлений, он теряет способность обращать на себя внимание, теряет умение быть заметным. Замечают его лишь потому что он стоит в стороне и молчит.] решил он, противореча сам себе.— В конце концов я заметен лишь потому, что стою в стороне от всех и молчу. [Нужно зарядить себя] Необходимо иметь — *Далее, как в тексте.* (*БА*); *в АМ текст БА перепечатан без имеющихся в нем вычерков и вновь выправлен, как в тексте.*

30 образуется все то / образуются вкусы ◊ (*$ЧА_2$*)

30–31 отграничит личность / отграничит мою личность (*$ЧА_2$*, *БА*, *АМ* ◊)

31–32 обведет ее резкой чертой / [Безличие] [Весьма вероятно, что [безличие]] неясность личности — это просто недостаток прочно усвоенных мнений [даже недостаток слов]. Необходимо обвести себя резкой чертой (*$ЧА_2$*); обведет меня резкой чертою (*БА*, *АМ* ◊)

33 человек говорит / люди говорят ◊ (*$ЧА_2$*)

33 одно и то же,— это ясно / одно и то же. Но, просматривая все [эти] идеи, знакомые ему, Клим Самгин не находил среди них ни одной, которая была бы родственна ему. [Кутузов исповедовал нечто решительно враждебное, органически неприемлемое, и верования [Макарова] [взгляды многих], противоположные [взглядам Кутузова] вере Кутузова, [то ⟨же?⟩] требовали [честного] симпатии и силы, каких Самгин не ощущал в себе. [Нельзя о⟨тнестись?⟩] К наивностям Макарова нельзя отнестись серьезно, премудрость Томилина тоже не годится. [Скепти⟨цизм?⟩] [Но] И ведь дело идет не о подражании кому-то, не о заимствовании чужого, а о [выработке] фабрикации своего взгляда, своеобразного отношения

к людям, к жизни... Нужно принять что-то, не насилуя себя: [Речь] Нужен костюм [впору]... по фигуре [не узкий] [чтоб он был не узок, не широк, и отмечал бы стройность]. Он попытался успокоить себя, подумав, что [в сущности] в нем [уже] есть стержень,— это его честное отношение к себе (*ЧА*$_2$)

33–35 *Фраза*: Личность ∾ лексикон.— *вписана в БА*.

35 *После*: лексикон.— Но, просматривая идеи, знакомые ему, Клим Самгин не находил ни одной, удобной для него, да и не мог найти: [ведь дело шло] [он не хотел подражать] дело шло не о заимствовании чужого, а о фабрикации своего [о своеобразном отношении к людям и жизни]. Все идеи [были] уже только потому плохи, что они — чужие, не говоря о том, что многие из них были органически враждебны, а иные — наивны до смешного, какова, например, идея Макарова. [Необходим костюм по фигуре]

Эти думы и назойливое нытье комаров за кисейным пологом мешали уснуть. Клим Самгин попытался [успокоить себя] успокоиться, напомнив себе, что, в сущности, у него есть стержень: это его честное отношение к себе самому. Чужое потому не всасывается, не врастает в него, а плывет сквозь, не волнуя чувства, [а] только обременяя память, что у него есть [честное] отвращение ко всякому насилию над собою. Но это уже не утешало (*БА*); *в АМ этот текст, перепечатанный из БА без вычерков, имеющихся в нем,— зачеркнут.*

35 *После*: лексикон.— *вписано и зачеркнуто*: Система фраз,— решил он. (*АМ*)

36 От утомительных поисков / От этих безнадежных, утомительных поисков (*ЧА*$_2$); От безнадежных и утомительных поисков (*БА*, *АМ*◊)

36 удобной ризы / удобной ризы для души (*ЧА*$_2$)

36 он перешел / Клим Самгин перешел (*ЧА*$_2$)

36–38 Они обе ∾ неприятны тем / *а*. И в женщине, и в девушке есть что-то неприятное ему тем *б*. И женщина, и девушка неприятны ему тем *в*. Он еще раз напомнил себе, что и женщина, и девушка неприятны ему тем (*ЧА*$_2$)

38 что чего-то ищут / что обе они чего-то ищут, роются (*ЧА*$_2$); что чего-то ищут, роются (*БА*, *АМ*◊)

38–39 Он находил ∾ сходно. / Их отношение [одинаково] к нему в этом сходно. (*ЧА*$_2$)

Стр. 390.

1–2 от их физической близости к нему / от физической близости их (*ЧА*$_2$)

2–3 В присутствии Спивак ∾ расплывался / Образ Лидии [ста-

новился мутнее, ра⟨сплывался⟩] расплывался в присутствии Спивак (*ЧА*$_2$)

3–6 а когда ∾ неискушенной девушки? / [а Елизавета исчезала] [а когда Лидия близко — исчезала Елизавета. И хуже всего было то, что [он] Клим Самгин не мог ясно представить себе, чего он хочет от беременной женщины и от неискушенной девушки] [1] (*ЧА*$_2$)

8 [уже] как сновидение

9 он уже не один раз / он несколько раз ◊

11 *После*: пред нею? — И этот вопрос будил в нем сомнения в действительной силе чувства, которым он так возгордился несколько дней тому назад. (*БА*, *АМ* ◊)

12–13 сновидное и такое / сновидное [ненужное], такое (*БА*); сновидное, такое (*АМ* ◊)

19–22 *Текст*: «Да — что вы озорничаете ∾ от всего этого...» — *вписан в БА*.

19–20 возмущенный вопрос / возмущенный голос ◊

23 тени на полу исчезли / тени на полу растаяли ◊

25 *После*: растаяли — *зачеркнуто*: между белыми перекладинами рамы — розовато-жемчужное небо

38 он взглянул [в окно на Клима]

41 Лазарь воскрес! / Лазарь встал! ◊

Стр. 391.

1 посмотрел не на Клима / взглянул не на Клима (*БА*, *АМ* ◊)

5 тишину сонного города / тишину спящего города ◊

6 За каторжниками [которые шли, парадно приосанясь]

10 *После*: в такт кандалам.— *зачеркнуто*: А рядом с ним как-то упрямо шагала, выпятив грудь, высоко задрав голову, широколицая баба с бельмом на глазу.

24 голова [и середи⟨на⟩] партии

25 перестал [мести] работать

26 быстро [и усердно] начал пылить

29 Партия [арестантов] свернула

30–32 к реке ∾ рыжий пароход / к реке, там ждет рыжий пароход ◊

31 тучи пыли / тучи дымной пыли (*БА*, *АМ* ◊)

33 палуба ее покрыта / палуба которой ◊

35–36 стал революционером / стал социалистом ◊

36–37 хотя пред взрослыми / но, однако, пред взрослыми ◊

---

[1] *После слов*: неискушенной девушки — *следуют цифры 100 (это лист ЧА*$_1$*, содержащий сцену марша арестантов через город), затем зачеркнута фраза*: Вот люди, идем. *Продолжение ЧА*$_2$ *соответствует стр. 396.*

39–40 *Фраза*: Нехаева ∾ невежественный.— *вписана в БА.*

40 [Не красив<ое>] Тело у него тяжелое

Стр. 392.

1–2 *Фраза*: Вдали ∾ топот.— *вписана в БА.*

1 лязг кандалов / лязг железа ◊

3 глядя в даль [всле<д>]

4 блестело солнце [и ушел в ворота белого дома]

6–7 было тоже [неприятно, как] [проплыло, как] неприятным сновидением

9 человека в осеннем пальто [и вышитой]

л. 143

14–15 Сидя ∾ стуле / Сидя на низеньком табур<ете>◊

30 глубокими [жирными] складками

31 голос [его] звучал

37 снять пальто [и [рыжей рукою] ладонью похлопал ее по плечу, как лошадь]

40–41 галстух бабочкой / галстух ◊

Стр. 393.

2 сходство ∾ Христа / сходство с иконой ◊

3–4 и, как всегда / и озабоченно ◊

20–21 Водянистые глаза [ее]

21 светились удовлетворенно / светились добродушно, удовлетворенно (*БА*, *АМ* ◊)

22–23 Ее розовые руки ∾ обладали / Ее розовые руки благодатно плавали над столом, без шума перемещая посуду; казалось, что эти пышные руки, с пальцами, подобными [изящным] [1] сосискам, обладают (*БА*, *АМ* ◊)

25 к мягким пальцам [женщины]

26–27 улыбался [широкой] медной, понимающей улыбкой

27–28 к [этому мягкому] телу женщины

33 Материалисты утверждают / Они утвер<ждают> ◊

33–34 суть [только] свойство

35 Но — ведь это / Но чем же это ◊

36–37 от одушевления материи [это — искаженный психизм <?>]

Стр. 394.

4 А я требую / Я же требую ◊

4 Очисти себя не только / Не только очисти себя ◊

6 заметила женщина / напомнила женщина ◊

л. 144

19–24 *Текст*: Ручной чижик ∾ носишко.— *вписан в БА.*

26 смешной [свой] носишко

---

1 В *АМ* зачеркнутого слова нет.

26 бережно внес / внес и ◊
32 [Чело‹вечество?›] Свободно мыслящий мир
33 пред лицом мысли / пред лицом мысли, вера — это реакция ◊
36 с удивлением [с беспокой‹ством›] и завистью
39 на ящик для мусора / на мусорный ящик ◊

Стр. 395.

4 котовинку посадила / котовинку сняла ◊
7–8 коты [кошки] — очень привычны к дому
12–13 [нет ‹ли›] где прилеплена
13–22 *Текст*: Как пóшло ∾ пряниками...— *вписан в БА со следующими вариантами*:
18 [и находил] старался найти
20 [и вооб‹ще›] Коту следовало
21 Шумело в голове. / [ощущая тоже шум в ушах и] [ощущая] Шумело в голове.
34 пред гостьей. Спивак смотрела / пред Спивак, которая смотрела ◊
35 [неопределенным] вз́глядом человека
36–37 [Она] Через несколько минут она
37–39 а мать ∾ интересная / и тогда мать сказала, проводив ее: — Кажется, я ошиблась, Елизавета Петровна очень интересная ◊
40 [Устро‹илась?›] Квартиру она устроила
41 *После*: с большим вкусом.— *зачеркнуто*: Муж ее — смешной, но, видимо, талантлив.

Стр. 396.

1–2 Клим, подумав ∾ спросил / Клим счел нужным спросить о дяде (*ЧА*$_2$); Клим [счел], подумав — *Далее, как в тексте.* (*БА*)
3 [Что же его] Похоронили его? (*ЧА*$_2$)
4–8 Мать удивленно ∾ вздохнула / [Да, представь] Да,— телеграмма дана на другой день после похорон,— ответила мать, [стоя] скосив глаза, озабоченно рассматривая [себя] в зеркале прыщик около уха (*ЧА*$_2$); Мать удивленно [взг‹лянула›] ответила — *Далее, как в тексте.* (*БА*)
9–11 Сейчас пойду ∾ Не знаю. / Я сегодня напишу об этом [отцу] Ивану Акимовичу [по адресу на] в Гамбург (*ЧА*$_2$)
13 С [внезапным] раздражением (*ЧА*$_2$)
13–14 не ясен для него / не ясен [Климу] ему (*ЧА*$_2$)
14 Клим заговорил / он сказал (*ЧА*$_2$)
15–16 Давно ∾ редко пишу ему. / [Я не могу переписываться с ним] [Я перестал от‹вечать›] Давно. Я не понимаю его писем. (*ЧА*$_2$)
16–17 Он отвечает мне ∾ веровать. / Он учит меня [как надо] жить, думать [и т. ‹д.›] [готовить себя к удовлетворению

запросов народа и т. д.], готовиться к служению народу. ($ЧА_2$)

17–18 Рекомендует книги… ∾ Пругавина / рекомендует читать [наивную книгу вроде] бездарную книгу Пругавина ($ЧА_2$)

19 Его письма кажутся мне / Мне все это кажется ($ЧА_2$)

21 Он хочет / Мне кажется, что он говорит [по привычке] о том, к чему сам уже равнодушен [во что не верит. Это — привычка. И его поучения — попытка привить мне при⟨вычки⟩]. Он хочет ($ЧА_2$); Он [говорит, что] хочет (*БА*)

21–22 Те привычки думать / [его] привычки ($ЧА_2$)

22 вероятно, уже отказался / [уже] давно отказался ($ЧА_2$); [Наверное,— отказался] вероятно, уже отказался (*БА*)

23 Да ∾ прыщик / Да,— вздохнув и припудривая прыщик, сказала мать ($ЧА_2$)

25 почему ты сегодня такой нервный? / [почему] почему ты такой [раздраженный] нервный? ($ЧА_2$)

27 Нездоровится,— сказал Клим. / Я плохо чувствую себя,— сказал Клим [и поверил в это]. ($ЧА_2$)

28 Вечером он лежал / и через час лежал ($ЧА_2$)

29 а доктор ∾ говорил / а доктор Любомудров, стоя над ним, успокоительно говорил, потирая лысину ($ЧА_2$); а доктор [Любомудров] успокоительно говорил (*БА*)

30 Что-нибудь / Вероятно, что-нибудь ($ЧА_2$)

31 доктор Любомудров не мог / [Клим Самгин, лежа в пос⟨тели⟩] [и] доктор [и та⟨кже?⟩ сам больной не могли] не мог ($ЧА_2$); доктор не мог ◊ (*БА*)

33 пациент не мог / пациент, пожелтевший и унылый, не мог ($ЧА_2$)

33–34 или его свалило с ног / или это его угнетает ◊ ($ЧА_2$)

35–36 что в теле его работает / что [у него нездоровы все органы — печень, сердце] в организме его [медленно, но упрямо] непрерывно работает ($ЧА_2$); что в организме его работает ◊ (*БА*)

36 острая кислота / какая-то кислота ($ЧА_2$)

36 нагревая мускулы, испаряя / [упрямо, медленно разрушая] нагревая все органы, [и медл⟨енно⟩] испаряя ($ЧА_2$)

Стр. 396—397.

37–8 Тяжелый туман ∾ усиливали недомогание. / Голова наполнялась тяжелым туманом, [устало ду⟨малось?⟩] [он мешал дышать] во всем теле [чувствовалось присутствие] [жила лень, усталость] насыщалось ленью, она требовала неподвижности, бездумья [1] ($ЧА_2$)

---

[1] Правка не завершена.

Стр. 396.

38 хотелось [неподвижности, бездумья] глубокого сна

39 *После*: кипение нервов.— *зачеркнуто*: В памяти возникали и неподвижно вопросительно стояли картины

40–41 лица, [надоевшие] фразы

Стр. 397.

4 *После*: второй сорт».— *зачеркнуто*: «Дай взятку инстинкту».

5 торчали [упорно ⟨?⟩] пред глазами [точно] и [неподвижно и вопросительно]

6 торчали неподвижно [и хотя вопросительно, но]

7 и, раздражая / и, отягощая ◊

8 усиливали недомогание / усиливали ощущение недомогания ◊

9 Иногда ∾ окисление / Но вдруг это окисление ($ЧА_2$)

9–10 Клим Самгин воображал себя / Клим чувствовал себя ($ЧА_2$)

11 доро́гой или там / доро́гой ($ЧА_2$; *БА* ◊)

12 Не хотелось смотреть на людей / [и не охотн⟨о?⟩] [терял охоту] [Людей] Не хотелось видеть людей ($ЧА_2$)

12–13 было неприятно слышать их голоса / говорить с ними ($ЧА_2$)

14 Варавка / Варавка, Спивак ($ЧА_2$)

14 доктор / доктор Любомудров ($ЧА_2$)

15–16 желтолицый ∾ в руке / желчный сосед по месту в вагоне ($ЧА_2$)

17 Люди раздражали уже только тем / Люди раздражали его голосами, жестами ◊ ($ЧА_2$)

17 что они существуют / что они ес⟨ть⟩ ◊ ($ЧА_2$); что они есть ◊ (*БА*)

18 двигаются, смотрят, говорят / [и] двигаются, говорят ($ЧА_2$)

18–19 Каждый из них ∾ нужен он? / Почти каждый насиловал мысль и воображение. ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слова*: зачем — *Далее*: [и кому он] нужен он (*БА*)

20 Возникали ∾ вопросы / [Они вызывали стр⟨анные⟩] вызывая нелепые вопросы ($ЧА_2$)

20–21 зачем этот скуластый ∾ с тростью / [на ком он женат, как отно⟨сится⟩] почему этот [носит с⟨ерое⟩] одет в серое, а тот — в чесунчу, и зачем человеку в чесунче — трость ($ЧА_2$)

л. 145

22 Женщина / Вот женщина ($ЧА_2$)

22 накрасила [себе] губы ($ЧА_2$, *БА*)

22–23 подрисовала глаза ∾ кажется / и от этого нос ее кажется ($ЧА_2$); подвела глаза, ее нос ◊ — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

24 серым ∾ маленьким / серым ($ЧА_2$)

24–25 Никто не хочет сказать ей / Почему никто не скажет ей ($ЧА_2$)

25 она испортила / она исказила ◊ ($ЧА_2$)

25–26 и Клим ∾ этого / Самому сказать не хотелось. ($ЧА_2$)

26–29 *Фразы*: Он зорко ∾ тихой злостью.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

26 Он зорко / Ему было ◊

28 позволяло [ему] думать

29–30 Но в то же время ∾ чувствовал / Он сам понимал ($ЧА_2$)

30 эти его навязчивые / эти навязчивые ($ЧА_2$)

30–32 мудрствования ∾ утомляет его. / мудрствования бесплодны и нелепы, что [он] [какая-то] [он слишком назойливо] [он] [ему] [и он заражен] [и его заразить] он [наси⟨льно⟩] заставляет себя искать, подмечать в людях уродливое, некрасивое, смешное, все, что отталкивает от них или позволяет думать о каждом с пренебрежением, [ко⟨торое⟩] однообразие которого утомляло и подавляло его. [Так, в состоянии] [В этом состоянии угасания и вспышек *1 нрзб*] [переживая то] [ощущал то угасание] ($ЧА_2$); мудрствования болезненны, нелепы и бесплодны — *Далее, как в тексте* (*БА*)

33 Минутами Самгину казалось / Иногда [ему] Климу казалось ($ЧА_2$); Минутами ему казалось ◊ (*БА*)

34–39 вместилище ∾ до конца / вместилище [его] впечатлений засорено так, что он уже [ни⟨когда⟩] совершенно не может воспринимать ничего извне, что в нем, в темной пустоте, вращается тяжелым комом всё, что когда-либо видел, узнал [и], что этот комок [необходимо] [совершенно не нужен ему] [только отягощает память и его] нужно как-то извлечь, изрыгнуть ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слов*: до конца — *Далее*: [извлечь, изрыгнуть из себя этот камень] (*БА*)

39 А вслед за тем / Но вслед за тем ($ЧА_2$)

39–40 вспыхивало и обжигало желание / вспыхивало желание ($ЧА_2$)

40–41 увеличить ∾ так / увеличить его [до] так ($ЧА_2$)

41 заполнив ∾ пустоту / заполнив всё в нем ($ЧА_2$)

Стр. 398.

1 породив ∾ чувство / породил какое-то [новое] неизведанное сильное чувство ($ЧА_2$) [1]

18 *После*: не для него».— *вписано и зачеркнуто*: Она прислала ему коротенькое письмо из Астрахани, в письме самым интересным был постскриптум: «Когда селедки идут метать икру, это так глупо, что даже страшно».

20–23 *Слова*: по утрам ∾ блестевшие руки — *вписаны в БА*.

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-33).

Стр. 398—399.

34–11 *Текст*: Ходили ∾ две трефы? — *вписан в БА со следующими вариантами*:

Стр. 399.

4 говорил ∾ серьезное / говорил что-нибудь политическое ◊

7 Или также [серьезно] советовал

11 две трефы? [Три?]

16 черных волос / светлых волос ◊

18 пожирал птенцов / пожирал цыплят ◊

26 [Умна и] Любопытна слишком.

31 Мне [вот] на днях

35 людей неопороченных?» [Идиот]

Стр. 399—400.

37–13 *Текст*: Кривыми ногами ∾ сухо.— *вписан в БА со следующими вариантами*:

Стр. 400.

6 все это / все они ◊

7 недель пять, шесть / недель шесть, семь ◊

8–9 *После*: можно всё — *часть текста обрезана, а часть заклеена*: ругают меня,— можешь изредка поддакивать, однако смотри, чтоб кухарки дров не воровали!; *вписан текст*: но проживут и без реформ

11 шел на мельницу и там ∾ пил / шел на мельницу пить ◊

12 [Раза два] Он пытался

19 множество ученых / множество ученых, историков (*БА*, *АМ* ◊)

31 И в тот же вечер исчез / И исчез ◊

Стр. 401.

7 мысль улыбалась ему / мысль улыбалась ему, хотя и слабо (*БА*, *АМ* ◊)

26 *После*: допрашивать.— Как вы понимаете это? — выпытывала она и всегда оказывалось, что Клим понимает не так, как следовало бы по ее мнению. (*БА*, *АМ* ◊)

Стр. 401—402.

л. 146

25–13 *Текст*: Иногда она ∾ ведет себя с нею нелепо — *вписан в БА со следующими вариантами*:

Стр. 401.

28 Вы [что же] не переписываетесь

31 как вы уже знаете / как вы точно знаете

34 [Пожав плечами] Клим сказал

Стр. 402.

4 понять [*1 нрзб*] истинные [интересы] запросы моего я

13 ведет себя с нею нелепо / ведет себя с нею, как мальчишка ◊

28 Иноков молча здоровался / Он молча здоровался ◊

37 оторвав усталые руки / оторвав руки ◊

Стр. 403.

18–19 о своей анекдотической жизни / о своей жизни ◊

20 написала [из Крыма] отцу

25–26 *После*: подумал Клим — *зачеркнуто*: Так же равнодушно он перевелся в Московский университет.

26–27 представив [фигур‹у› Лютова], как, должно быть

25–27 *Текста*: «Этого надо было ∾ кривляется Лютов.— *В* AM_1 *нет*; *вероятно*, *обрезан лист*.

ГЛАВА 5

28 Глава 5 / ‹Глава› VI — *ошибочная нумерация*; *на отдельном листе БА — обозначение рукой автора синим карандашом*: V — 3-я ‹редакция›

29 помешала Самгину / помешали Самгину

Стр. 404.

1 домики смотрели / домики неприязненно смотрели ◊

2 [Клим] Он подумал

4 забыто [прята‹лись›] торчали

10–11 флигель имел вид избитого, ограбленного / *а*. флигель имел вид избитого, раздетого, ограбленного *б. Как в тексте*.

17–18 небольшой человек / высокий человек ◊

23 Варвара Антипова / *а*. Фиона Антипова [1] *б. Как в тексте*.

24 Петр Маракуев / Степан Маракуев

26 От синих [к‹ак?›] изразцов

29 сказал ∾ слова / *а*. сказал, всхрапнув *б. Как в тексте*.

30–33 Честь и место! ∾ на диван. / Честь и место! *а*. говорил он, всасывая слова, и, бережно взяв Клима под руку, усаживал его на диван. *б. Как в тексте*.

35 [и] нетерпеливо ожидал его

Стр. 404—405

41–1 и на отшлифованной, розовой / на отшлифованном, розовом ◊

Стр. 405.

2 скользя вверх / скользит вверх ◊

---

[1] *Изменение относится ко времени работы над третьей редакцией. В дальнейшем не оговаривается. Буквенные обозначения вариантов БА — а. и б. (в пятой, как и в третьей главе), а также пометы*: «Текст... вписан».— *в отличие от обозначения* ◊, *употребляются для отражения авторской правки в верхнем слое рукописи, чаще всего уже в третьей редакции. Эти обозначения используются также при многоступенчатой правке текста*

4 слепой, круглый / гладкий, круглый ◊
8–9 на подзеркальнике, [между окон] в простенке
12 склонив голову к плечу [и облизывая губы]
15 [В соседней] Обожаю Москву!
15 что я — москвич! / *а.* что русский! *б. Как в тексте.*
20 Мария Ермолова / Мария Гавриловна Ермолова
22 [Он вопр⟨осительно?⟩] В соседней комнате [суетилась, накрывая] суетились — Лидия
24–25 ниже ростом / выше ростом ◊
26–27 и ее тоненькая фигурка ∾ бесплотность / *а.* и, отяжелев, утратила бесплотность тонкой, стройной фигуры *б. Как в тексте.*
27–28 [он] невнимательно слушая
30 бесшумно шагавшего [от]
30–31 *После*: комнаты — *зачеркнуто*: [Диомидов был неестественно и приторно красив. Среднего роста, стройный] [С первого взгляда лицо Диомидова показалось Климу [исключительно] [редкостно] ⟨на⟩редкость красивым, но] С первого взгляда лицо Диомидова показалось Климу удивительно красивым, но, присмотревшись, он наз⟨вал бы?⟩
33–34 что [име⟨нно⟩] ангельской именуют [имен⟨но⟩]

Стр. 406.

2–3 руками [тяжелые] пряди волос [со лба] за уши [как удто щу⟨пая⟩] и, сжимая виски, [как будто] как будто
4 уши изящной формы / уши красивой формы ◊
8–9 [по⟨смотрел⟩] [взглянул] взглянув на него [вопросительно и]
9 [как ⟨бы⟩] точно не решаясь
14 он и там [продо⟨лжал⟩] еще долго рассказывал
15 *После*: людями — *зачеркнуто*: о широком сердце России.
16 широкое сердце ее / ее широкое сердце ◊
17 в [т⟨емное⟩] окно
18 [уже] плотно прижалась
19 Остроносая [[дочь его] девушка сидела напряженно прямо, [высоко] как бы пред невидимым фотографом] Варвара сидела, гордо подняв
20 ее зеленоватые [и какие-то дымные глаза] [глаза] глаза улыбались [она шевелила губами] студенту
21 надувал щеки / *а.* морщился *б. Как в тексте.*
24–25 согнувшимся над стаканом [чая]
29 Климу [показалось] послышалось
29 вопрос звучит иронически / *а.* вопрос [по⟨ставлен⟩] иронический *б. Как в тексте.*
31 прежде чем [собра⟨ться?⟩] собрался

36–37 как там [не приснится]

40 [Клим видел] Лидия смотрела

Стр. 407.

1 говорить о Москве / хвалить Москву ◊

15 *После*: в рубахе-с, да, да! — В поддевке, если желаете, да-с! По народу!

л. 148

23 *После*: в красных петлях — *зачеркнуто*: — Глупо сказал я о конурках.

24–25 нечто [неот‹ложное?›] тревожное

29 в комнате [наде‹л›] молодецки надел

29–30 *После*: на затылок — *а*. должно быть для того, чтоб все видели, как высок у него лоб и как весело блестят карие глаза. *б*. *Зачеркнуто*.

34 стояла [монументальная] тяжелая кровать

34–35 высокое, резное изголовье / высокие, резные спинки ◊

38–39 три [стула] неуклюжих стула

Стр. 408.

9 о поездке / о своей поездке

14 Клим [зна‹л›] принимал

17 Это до того ∾ страшно. / *а*. Отвратительное зрелище. *б*. *Как в тексте*.

20–21 на них [раститель‹ность›] жалкая трава

30–31 Вспыхнул газовый фонарь / Вспыхнул фонарь ◊

36 Неизлечимо, [‹можно›] сказала бы я.

41 сухо отчитывалась / суховато отчитывалась

Стр. 409.

12 Разорился и даже сидел / Это разорило его, он даже сидел ◊

16–17 *После*: декламацию — *а*. Рассказ Лидии прозвучал для Клима [совершенно] ново. Раньше она говорила о людях насмешливо и пренебрежительно, а теперь насмешливость показалась ему мягче, а пренебрежение — исчезло. *б*. *Зачеркнуто*.

18 А эта — Варвара? / *а*. А эта — Фиона, странное имя... *б*. *Как в тексте*.

19–21 Варвара ∾ на лице Клима. / *а*. Она — талантлива,— [быстро] ответила Лидия.— Очень талантлива. Все остальное — неважно. То есть,— не в ней неважно, а вообще. Для того, чтоб жить, нужно иметь талант.— Она вздохнула, и глаза ее остановились на лице Клима вопросительно. *б*. *Как в тексте до слов*: глаза ее — *Далее*: [задумчиво] вопросительно остановились на лице Клима.

25–26 у тебя [есть...] должен быть,— [тихо и задумчиво] сказала она

29–30 [снова оживляясь] воскликнула Лидия

31 он [жил в семье] воспитывался

33 тоже [помер] через два года помер, [и] а Диомидова

36 бутафору, [босяк‹у?›] холостяку

37 *После*: и живет — *зачеркнуто*: Учится в школе.

л. 149

41 заметил Клим, улыбаясь / *а.* заметил Клим с иронией. *б. Как в тексте.*

Стр. 410.

1–2 автоматически повторила Лидия / повторила Лидия ◊

11 сразу [понять] составить себе мнение

14 он [ощущал сейчас, как нико‹гда›] сейчас ощутил

16 сказать еще раз / сказать ◊

17–18 Встревоженный [этой мысл‹ью›] этим желанием

28 [и] досадными думами

32 не более того / *а.* не более *б.* не более того

33 [это] я глупо сказал

36 чтоб каждый мог / чтоб они могли ◊

38 [убе‹дили›] вполне убедили

Стр. 411.

4 отношение Лидии [неро‹вно›] было [так] неровно

4 [Она то часами] Иногда

5–6 разговаривая с Макаровым / [но] ожесточенно споря с Макаровым ◊

8 *После*: только с ним — *зачеркнуто*: или уводила его к себе.

9 всегда говорил улыбаясь / почти всегда говорил тихо, сконфуженно улыбаясь ◊

9–10 так медленно, как будто / так, как будто ◊

13–14 кто-нибудь подойдет / кто-нибудь из них подойдет

14–15 *После*: неизвестно куда — *зачеркнуто*: Ей богу.

19–20 недоверчиво ∾ недоверие его / ухмылялся и, видимо, не верил ◊

20–21 Клим подумал / Клим думал ◊

22–23 [не актер] не может быть актером

23 он слишком глуп / *а.* и [пожалуй] вообще он слишком неумен. *б. Как в тексте.*

24 заставил [его] Диомидова

28–29 мягкий [и звучный] тенор

30–31 слова [веронского любовника] Ромео, спрашивал [себя: почему Лидия скрыла, что]: почему этот человек

32 Почему Лидия [скры‹ла?›] [скрывает] скрывала

33 [испуганно] расширив глаза

40 Отлично! [Превосходно!]

41 не так! / не то! ◊

Стр. 412.

2 *После*: страсть — *вписано*: покаяние, а не любовь!

11–14 *Текст*: И только тут ∾ шея.— *вписан со следующими вариантами*:

12 реплики [Юлии] Джульетты

13 и [для чего-то вытяги‹вая›] что, когда она [читала — шея] говорит

15 Диомидов опустил / Он опустил ◊

20–21 *Слово*: Боборыкина! — *вписано в* AM_2.

23 там убеждал / там [кр‹ичал›] убеждал

26 В притчу эту / В Евангелие ◊

28 Конечно, он глуп / *а*. Он глуп *б*. *Как в тексте*.

29–30 своей оценки / *а*. его оценки *б*. своей оценки

35–36 [замети‹ла›] отозвалась Лидия [и тотчас же], не взглянув на него.

Стр. 413.

л. 150

2–3 она [приобрела сходство], чувствовал Клим

10–11 [и] подавленно простился

12 *После*: Почему? — [С этим вопросом он очутился в Кремле, у памятника Александру II] [Он [чувствовал] понимал, что в этом вопросе меньше всего — любопытства, а всего больше — [сознания своей] ощущения зависимости от [этой] девушки и каких-то неопределенных надежд на нее. Он пробовал погасить эти не очень пламенные надежды.]

14 *После*: сказочный рай — *зачеркнуто*: Я — не романтик.

15–16 застыло [и не тает, не исчезает] убеждение

16–17 создана для [какой-то] особенной жизни

17 Разбираться в чувстве к ней / Но разбираться в своем чувстве к Лидии ◊

18 *После*: поток впечатлений — *зачеркнуто*: который [охватив Самгина, нес его] кружил и нес Самгина куда-то против его воли

20–22 По воскресеньям ∾ настроения / [По субботам к дяде Хрисанфу приходили] По воскресеньям вечерами у гостеприимного дяди Хрисанфа в большой комнате с покатым полом [собиралось человек пятнадцать-двадцать людей различного возраста, но одинакового настроения] [десятка два разнообразных людей] собирались его приятели, человек пять-шесть, все люди солидного возраста и [почти] одинакового настроения [и каждый из них приносил с собою] [1] ($ЧА_2$)

---

[1] *Начало фрагмента* $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-38).

22 все они были обижены, и каждый / они все [любили [вкус‹но›] поесть и выпить] [чувствовали себя] [казались Климу обиженными] были обижены, [и] каждый ($ЧА_2$)
23 слухи и факты / с собою [сведения] слухи и факты ($ЧА_2$); с собою слухи и факты (*БА*)
24 их обиды; все они / их общую обиду, и все они ($ЧА_2$)
24–26 *Слов*: а дядя Хрисанф ∾ кулебяки — *в* $ЧА_2$ *нет.*
25 кухаркой Анфимьевной / кухаркой Анфимовной ($ЧА_2$)
26 Среди этих людей было / Среди них были ($ЧА_2$)
27 убежденных, что они сыграли / сыгравших ◊ ($ЧА_2$)
27 все роли свои / [свои все роли] все свои роли ($ЧА_2$)
28 никто никогда / никто [до них] никогда ($ЧА_2$)
28–29 никто не сыграет / не сыграет ($ЧА_2$, *БА* ◊)
30 седовласый, вихрастый / [седой и с лицом бульдога] седовласый, вихрастый, [толстогубый] толстолицый ($ЧА_2$); седовласый, вихрастый [толстолицый] (*БА*)
31 [презрительным] всё презирающим [хотя и мут‹ным›] ($ЧА_2$)
32 выпученных ∾ глаз / выкатившихся, [хотя и мутных] мутноватых глаз ($ЧА_2$)
32–33 *Слов*: человека ∾ славой — *в* $ЧА_2$ *нет.*
33 Он великолепно носил / Он носил ($ЧА_2$)
36 *Слов*: мягкие ∾ ботинки — *в* $ЧА_2$ *нет.*
36 [барха‹тные›] мягкие замшевые
35 завязан ∾ бантом / пышным бантом [был] завязан ($ЧА_2$)
35–36 страдая подагрой, он / [говорил [он] рокочущим, барским басом, страдая] и, страдая подагрой ($ЧА_2$)
36 как будто и землю / точно и землю ($ЧА_2$)
37 [Говорил мало, ел] Пил и ел ($ЧА_2$)
38 называли при нем / называли ($ЧА_2$)

Стр. 414.

1 очевидно, полагая / видимо, вполне уверенный ($ЧА_2$)
2–3 в трех ∾ убийственная / эти его три слова — достаточно пагубная ◊ ($ЧА_2$)
3–4 *Слов*: Он был ∾ горькую» — *в* $ЧА_2$ *нет.*
4–5 пил ∾ глаза / Водку он пил, крепко [закрывая] закрыв глаза ($ЧА_2$); пил, крепко закрывая глаза ◊ (*БА*)
5 запрокинув голову / [закиды‹вая›] закинув голову ($ЧА_2$)
7–8 с безгубым ртом / с безгубым ртом, [гнилыми зубами, в туг‹ом пенсне›] гнилозубый ($ЧА_2$); с безгубым ртом, гнилозубый ◊ (*БА*)
8 на носу, загнутом / на [красном, затекшем носу] носу, сером [и], загнутом ($ЧА_2$)

9 уши ∾ чуткие / а уши у него [ском‹капные?›] — большие и чуткие, точно у зайца ($ЧА_2$)

9–10 В сереньком пиджачке / [Суетливый и] [Суетливый, раздерганный, в] В сереньком пиджаке ($ЧА_2$)

11–12 рассказывал анекдоты / [и] кисленьким голоском [читал куплеты] рассказывал анекдоты ($ЧА_2$)

12 пил сладострастно / пил сладострастно, с восторгом ($ЧА_2$)

12–13 ржаным хлебом ∾ оценки / черным хлебом и [всегда [вслед за [своим] важным актером] дополнял характеристики важного актера], ехидно кривя рот, [под‹вигав?›] двигая ушами, дополнял оценки ($ЧА_2$)

14 актера: [: — Он] тоже тремя словами

14 *Слов*: тоже тремя словами — *в* $ЧА_2$ *нет.*

15 Он был алкоголик. / [Ан‹дреев-Бурлак›] [Шумский был алкоголик. Андреев-Бурлак был тоже алкоголик.] Он был алкоголик. ($ЧА_2$)

16 Уверял, что пишет / [Его] [Он вообще любил] Уверял всех, что [любит «историческое» и] пишет ($ЧА_2$); Уверял [всех], что пишет (*БА*)

16–17 объяснял / говорил [ехидно] ($ЧА_2$)

18–19 Актеры ∾ ночью. / [Актер живет ночью] Женщина и актер живут ночами. ($ЧА_2$); [Жен‹щины›] Актеры и женщины — *Далее, как в тексте* (*БА*)

19–20 всё историческое / историческое ($ЧА_2$)

21 [О‹н›] И, подтверждая ($ЧА_2$)

21 он неплохо / он неплохо, ядовито ($ЧА_2$)

22–24 как талантливейший ∾ должен был играть / о том, как Андреев-Бурлак в Казани [пропил халат и колпак, в которых знаменито [играл] читал «Записки сумасшедшего»] перед спектаклем пропил костюм, в котором он знаменито играл ($ЧА_2$)

25 Ринна Сыроварова / известная актриса Ринна Сыроварова ($ЧА_2$)

26 из трех мужчин / из трех мужчин, бывших с нею ($ЧА_2$)

28 захлебываясь ∾ ногой / захлебываясь и дрыгая [ногами] левой ногою ($ЧА_2$)

28–29 Дрожь этой ноги / О ноге этой он ◊ ($ЧА_2$)

30 Такая ∾ Бонапарте / [У Наполеона Бонапарта [тоже] была такая судорога] Такая судорога была [еще] у Наполеона Бонапарте ($ЧА_2$)

30–31 *Слов*: в лучшие ∾ жизни — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 [удобной] понятной ему ($ЧА_2$)

36 в свой цвет всех друзей / [всю ко‹мпанию›] в их цвет всю компанию ($ЧА_2$)

35 Человеком, [от⟨ыгравшим⟩] сыгравшим (ЧА$_2$)
35–36 видел [и маститого] известного писателя [70-х годов] (ЧА$_2$)
37 *После*: с маленькими глазами — *зачеркнуто*: еще недавно крупного [писателя] литератора, создавшего (ЧА$_2$)
37 Создавший себе / Создав себе (ЧА$_2$)
38 идеализацией крестьянства / идеализацией деревни (ЧА$_2$); *а.* идеализацией мужика *б. Как в тексте* (*БА*)
38–41 этот литератор ∾ в народ / [человека, хотя и не сильно талантливого, но который [в искреннейшем лиризме своем] искреннейшим лиризмом [своей] веры своей] этот человек, хотя и не сильно талантливый, когда-то возбуждал искреннейший восторг читателя жарким лиризмом своей веры в народ, [духов⟨ную⟩] в его «добрую и неиссякаемо могучую душу» (ЧА$_2$)
40 [пламен⟨ным⟩] лиризмом своей ∾ веры
41 *После*: веры в народ.— в его «добрую, неиссякаемо [мо⟨гучую⟩] богатую душу».

Стр. 414—415.

41–1 а любовь ∾ живой / [но любовь осталась в нем] [но] а любовь к народу осталась в нем всё еще живой (ЧА$_2$)

Стр. 415.

2 уже не ценил / уже не нуждался в ней (ЧА$_2$); *а.* уже не нуждался в ней [и] *б. Как в тексте* (*БА*)
2 [и не слышал] не воспринимал ее (ЧА$_2$)
2–3 Обиженный этим, старик / Писатель [об⟨иженный⟩] чувствовал себя обиженным и (ЧА$_2$)
3 ворчливо [поругивался] поругивал
3–4 молодых ∾ народу / молодых [либералов] литераторов, [упрекал] хмурился [и рычал], упрекая их в измене народу. [Говорил о союзе всех рев⟨олюционных⟩ сил для общей борьбы против самодержавия.] [1] (ЧА$_2$)
5 *Фразы*: Всё — Лейкины ∾ пишут.— *в* ЧА$_2$ *нет.*
6 но — тоже! / говорил он,— хотя тоже декадент. [А Чехов [это уж] просто бездушный фокусник. Конечно, он грамотнее Лейкина и Ма⟨чтета?⟩] [Чехова [он] называл он «бездушным фокусником»] [Макарову похва⟨стался⟩] [Макаров, любивший поддразнивать его, спросил, как он думает о Чехове: — Бездушный фокусник] (ЧА$_2$)
6–7 О тараканах, написал. / О тараканах пишет. (ЧА$_2$)
8 понаблюдай да опиши / погляди да опиши ◊ (ЧА$_2$)

---

[1] *Фраза*: Говорил ∾ самодержавия.— *вписана и зачеркнута на полях без указания места вставки; введена в текст по смыслу.*

8 *Слов*: Вот — Чехова хвалят, а он — *в ЧА*$_2$ *нет.*

8–9 фокусник бездушный / О Чехове он сказал, сердито фыркнув в бороду: — Фокусник. (*ЧА*$_2$); фокусник, бездушный (*БА*)

9–10 серыми чернилами ∾ не видно / Пишет серыми чернилами, читаешь, а ничего не видно. (*ЧА*$_2$)

10 [а] ничего не видно

10 *Фразы*: Какие-то всё недоростки.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

11 *Перед*: до злого блеска — до краски гнева [на лице] (*ЧА*$_2$)

12 он угрюмо говорил / он рычал и выкрикивал (*ЧА*$_2$)

13–14 ваша ставка / ставка (*ЧА*$_2$)

14 народа — нет / нет народа, народ — миф (*ЧА*$_2$)

15 Юрист / Студент-юрист (*ЧА*$_2$)

15–16 Забыл ∾ громили... [Пошел бы в деревню, там бы ему классически бока намяли.] Забыл, что — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_2$)

17 [И] Довольный [мрачным] незатейливым и мрачным (*ЧА*$_2$)

18 так ухмыльнулся / ухмылялся так (*ЧА*$_2$)

18–19 отодвинулась ∾ нос / отодвигалась к ушам, обнажая добродушные щеки, тупенький нос (*ЧА*$_2$)

21 жестах, словах / в жестах и словах (*ЧА*$_2$); в жестах, словах (*БА*)

22 Вспомнив ∾ Самгин / Клим, заметив это (*ЧА*$_2$); *а.* Самгин, подметив это *б. Как в тексте* (*БА*)

л. 151

24 Искусно он играет. / Искусно притворяется старик! (*ЧА*$_2$); *а.* Искусно он играет мужика. *б. Как в тексте* (*БА*)

25 поморщился и возразил / возразил (*ЧА*$_2$)

26 что играет / что притворяется (*ЧА*$_2$)

27 усвоил ∾ моде / все эти манеры усвоил из моды (*ЧА*$_2$); усвоил все эти манеры [из мо⟨ды⟩], подчиняясь моде (*БА*)

28 подлинное его / уже его подлинное (*ЧА*$_2$)

28–29 Заметь ∾ не посмеешься, нет! / И заметь, часто он говорит наивно, даже неумно, а — над ним не посмеешься! (*ЧА*$_2$)

29–30 Хорош старик! Личность! / И, как бы извиняясь, добавил: — Я всю эту публику не люблю и боюсь, что она затянет Лидию в политику, [но] а все-таки старичина [ин⟨тересный?⟩] [мне и⟨скренне⟩] хорош... (*ЧА*$_2$)

31 старый писатель / он (*ЧА*$_2$)

32 о прошлом, о людях / о своей молодости (*ЧА*$_2$)

33–34 Молодежь ∾ переглядывалась / Клим Самгин слышал имена писателей [прош⟨лого⟩], знакомых ему только по очеркам истории литературы (*ЧА*$_2$)

33–34 незнакомых ей [даже [по очеркам истории] в очерках по истории литературы не было эт‹их›], и недоумевала, переглядывалась

35 Наумов ∾ Левитов... / Засодимский, [Петропавловский, Успенский] Успенские, Петропавловский, Бажин, Наумов, Мачтет, Станюкович — и много других. ($ЧА_2$); *а.* Наумов, Бажин, [Забытый] [Мачтет] Осипович, Омулевский, Кущевский... *б. Как в тексте* (*БА*)

36 спросил Клим / спросил он ($ЧА_2$)

37 Нет ∾ Глеба читал / Нет. И не буду. [Глеба Успенского читал как-то. Не понимаю: смеется или плачет?] Впрочем, из двух Успенских одного читал как-то. ($ЧА_2$)

37–38 *Слов*: а что ∾ впервые слышу — *в* $ЧА_2$ *нет.*

38–41 Глеб ∾ хмуро сказал / Истерический сочинитель. Похож на ночного сторожа: на его улице грабят, а он бегает и кричит, хочет разбудить обывателей. [Не просыпаются] Все это, брат, неважно[1]. ($ЧА_2$); Глеб — сочинитель истерический. *Далее*: *а.* Как ночной сторож не из храбрых: на его улице грабят, а он прыгает и кричит, хочет разбудить обывателей. Спят обыватели.

Макаров вздохнул и нахмурился. *б.* Впрочем, я [литерато‹ров›] плохо понимаю беллетристов, романистов и [т. д.] вообще — истов.— *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 416.

1 Боюсь, что они / *а.* Все это — неважно. А вот я боюсь, что они *б. Как в тексте.*

2–8 *Текст*: Макаров бывал ∾ наивности.— *вписан со следующими вариантами*

6 *После*: «угодник московский» — *зачеркнуто*: В общем он вел себя отчужденно. Все это пр‹иятно›

7 [и] он уже не вспоминал Макарова [душ‹ным?›]

11 Макаров называл / *а.* Студент Маракуев называл *б. Как в тексте.*

16–17 [его] темненькое лицо

17 *После*: старила ее — *зачеркнуто*: Климу казалось, что он обижен не столько тем, что бесталанен, а тем, что [знает], зная это, пытается убедить себя: неправда! Но убедить не может.

19 в рукав [рыжеватого] пиджака

20 произносил [почти] почти всегда

21 всовывал их [нек‹стати›] в беседу

---

[1] *Конец фрагмента* $ЧА_2$ (*ХПГ-21-1-38*).

26 да ведь их много ли? / *а.* да ведь их у нас много ли? [Даже] [Подождем, поглядим] *б. Как в тексте.*

28 [как] что он [ком‹у-то?›] сказал

28–29 загадочно [пока‹чивая›] усмехаясь

31–37 *Текст*: Сказав что-нибудь ∾ семидесятых годов.— *вписан со следующими вариантами*

35 все не такое, [каким] как мы видим

37 *После*: семидесятых годов — *зачеркнуто*: Златовратский ошибся.

38–39 [Он имел вид] Он вообще вел себя загадочно и [как-то] рассеянно, [Климу] [Клим был уверен] позволяя [Климу думать] Самгину думать

39–40 рассеянность — искусственна / рассеянность — искусственная [и что писатель]

Стр. 417.

1 книжку в коже [тонким карандашом], прятал ее

7–8 пугливо ∾ Лидии / *а.* пугливо говорил Диомидов Лидии или Самгину *б. Как в тексте.*

9 много [и], некрасиво

13 и прикрывал рот / прикрывал рот ◊

13–14 затем сунув нос / или сунув нос ◊

14 [шел] отходил к окну

14–15 становился [лицом] спиною

38–39 Но и за эту статью ∾ из университета / За статью эту [он] все-таки он «пострадал», из университета его устранили ◊

Стр. 418.

1 красное вино / крымское вино ◊

3 другой студент [юрист]

4 рябой, длинный / *а.* [сероглазый] разноглазый, рябой, длинный *б. Как в тексте.*

10–11 около Лидии [непоколебимо спокойной]

12–13 за глаза [отзыв‹ался›] говорил

14 *Перед*: Черт его знает — [Полуумный]

14 [он] мистик он

17–18 Самгин видел себя / *а.* Самгин чувствовал себя *б. Как в тексте.*

19 роль зрителя [имеет] полезна

л. 152

20 [В ее поведении было] Ее поведение

23 [их] спутанные речи

26–27 только ∾ эти лица / *а.* впервые видела [эти ли‹ца›] эти лица, только сейчас заметила их *б.* эти лица, только сейчас заметила ◊

27 Клим неоднократно / *а.* Клим несколько раз *б. Как в тексте.*

28 думает о людях / *а.* думает об этих людях *б. Как в тексте.*

35 торчал раздавленный / *а.* розовый пуговкой торчал раздавленный *б. Как в тексте.*

Стр. 419.

1 [В К‹азани?›] В Твери

6–7 Натансона ∾ организатор. / Натансона нет. Мне о нем Михайловский рассказывал,— замечательный организатор. *Далее*: *а.* Засодимский тоже говорил... *б. Зачеркнуто.*

12 соглашался с ним [второпях] поговоркой

17 неустанно [про‹бегал›] бегал

21 Прошу к водочке! / *а.* Готово! Прошу к водочке! *б. Как в тексте.*

31 [и] точно из красной меди

39 на обеденный [и начиналось]

41 Карфаген [должно] надо разрушить!

Стр. 420.

6 [в глазах его свер‹кнули›] глаза его увлажнились [но, сорвав пенсне с носа, он]

7 Это же [поистине] воистину пища богов!

10 Это было принято [как]

20 студент Поярков [на‹чал?›]

26 [что Хри‹стос›] — Христос вошел

Стр. 421.

1–3 У Киселевского ∾ Передайте уксус... / *а.* Самое верное средство против шалостей желудка... *б. Как в тексте до слова*: уксус...— *Далее*: [— А Салтыков-Щедрин?]

8 *Фраза*: А Салтыков-Щедрин? — *вписана.*

37 когда зрелые люди тяжелели / когда люди тяжелели [и] ◊

38–39 наоборот, [стано‹вилась›] воспламенялась

39 *После*: на гитаре — *зачеркнуто*: Фиона пела цыганские [песни] романсы

40 песни, [от ко‹торых›] от которых

Стр. 422.

2 обнаруживались [свойства] качества

5 бутафор притворялся. [Первый] [Он очень удивил Клима] [Климу стало] Однажды Маракуев

10 [Все единодушно] Почти все соглашались

10–11 было сказано [мальчишески задорно и] неумно

13 оправдать [молод‹ого›] нового вождя

15–16 поддержал его ∾ в истории / поддержал его ◊

17–18 например — Генрих Четвертый / Петр Великий, Генрих Четвертый ◊

19 [Тут] Диомидов [сказал], с улыбкой

25 вот не боится / *а.* вот, видите? — не боится *б. Как в тексте.*

36 Но бутафор, [оглядыв⟨ая⟩] глядя

40 еврей Прейс / [сдержанный] еврей Муха

Стр. 423.

6 Диомидов невежественен / *а.* Диомидов невежественен и наивен *б. Как в тексте.*

9–10 как приблудного ∾ породы / *а.* как приблудного котенка *б. Как в тексте.*

14 заседали у Варвары / *а.* заседали [в комнате Фионы] *б. Как в тексте.*

15 гравюр [знамен⟨итых⟩], изображавших

18 [Эти] Студенческие заседания

35 историка Ключевского / *а.* историка Ключевского, еще недавно популярного среди них *б. Как в тексте.*

36 еще несколько профессоров [профессо⟨ра⟩]

37 [будировали либерал⟨ьные⟩] будировало сорок два либеральных профессора [либералы]

39–40 бегала ∾ Ролан / *а.* озабоченно бегала по антикварам [отыскивая] и букинистам, разыскивая портреты Скюдери, Монтеспан, Рекамье, Севиньи, уже нашла две гравюры с м-ме Ролан [у] *б. Как в тексте.*

Стр. 424.

1–2 весьма беспокойный характер / беспокойный характер ◊

4 несколько [необычных] фигур

12 вид ∾ думать / уютный, думалось ◊

13 дружно живут / живут ◊

19 падает тяжелое / *а.* падает что-то тяжелое *б. Как в тексте.*

22 *После*: ах, Москва! — *зачеркнуто*: Даже песню такую сложили с — *фраза обрывается в конце листа, продолжение которого отсутствует.*

31 он [рассказал] сказал [что]

34–35 знакомый [резчик] резчик

40 *Перед*: Было бы интересно — *зачеркнуто*: [В трактир идти Самгин отказался, [хотя ему и улыбалась возможность побыть с Диомидовым.] [хожде⟨ние⟩] путешествие по улицам] Клим Самгин подумал, что было бы неплохо

40–41 с Диомидовым [наедин⟨е⟩], но путешествие [по улицам рядом] [рядом] с таким отрепанным молодцом

Стр. 425.

9 он тотчас [сказал] раскрыл

11–12 сухо [за⟨метил⟩] напомнил

14 По-моему, умные / Умная. Но, по-моему, умные ◊

17 показалось Самгину [глупым и] дерзким

23 [резко] ответил Клим, [гляд⟨я⟩] взглянув

24 [особенно ярко] [светлые глаза бы⟨ли?⟩] синева их была особенно густа в этот день

27 Почему [это] вас интересует это?

28–29 [задумчиво пробормотал Диомидов и] я знаю,— *Далее, как в тексте, до слова*: Диомидов — *Далее*: [и махнул рукою на город]

40–41 по субботам проповедует / проповедует ◊

Стр. 426.

2–3 По-моему ∾ усмехнулся. / [Хуже. Совсем отчаянный.— Самгин усмехнулся.] [Еще хуже] [По-моему, еще] По-моему — *Далее, как в тексте.*

5–6 Пойдемте! ∾ Сегодня — суббота. / Пойдемте! Сегодня — суббота,— не настаивал, но упрашивал Диомидов. ◊

л. 154.II

9 *Перед*: По ласкающему взгляду — *зачеркнуто*: 1) Было бы легко найти предлог для отказа [по⟨сетить?⟩] послушать в присутствии[1] дьякона и околоточного проповедь чего-то хуже революции, но [курьезное] предложение Диомидова возбудило у Самгина острое любопытство. Явились и еще какие-то не совсем ясные [Климу] Самгину соображения в пользу необходимости послушать субботнюю проповедь замечательного человека. Вечером Самгин плутал по переулкам около Сухаревой башни, соображая, какие результаты может дать этот визит [«В худшем случае, вышлют из Москвы [а то и]»], если он кончится плохо? В худшем случае, наверное, вышлют из Москвы. К вечеру Самгин окончательно утвердился 2) Клим хотел отказаться слушать вместе с дьяконом и околоточным проповедь чего-то хуже революции, но [предложение Диомидова возбудило его любопытство, обессилило осторожность Клима. И было] Диомидов, возбудив любопытство Клима, обессилил [его] осторожность. [По глазам Диомидова, ласкающим и] (*ЧА*$_2$)

9 По ласкающему взгляду ∾ человека / По ласкающему взгляду [Диомидова] (*ЧА*$_2$)

---

[1] *На этом обрывается л. 154 БА; сохранился лист ЧА*$_2$ *(ХПГ-21-1-39), содержащий продолжение текста в трех ранних вариантах. Начало первого, обозначенного «1»,— см. выше, второй — далее под цифрой «2», третий — см. отдельно в вариантах к строкам 9—17. Он частично совпадает со вторым (см. в строках 14—17).*

10 ему очень хочется / что он и очень хочет ($ЧА_2$); [что он] ему очень хочется (*БА*)

10 Самгин пошел с ним / Клим пошел ($ЧА_2$)

10–11 и он ∾ пойдет / и он почти ⟨?⟩ уже уверен, что уговорил его ($ЧА_2$); и он уже уверен, что [уговорил его] Самгин пойдет (*БА*)

12–13 *Текста*: Страшно интересно ∾ не любят.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

12–13 говорил он ∾ не любят / говорил он ◊

14–15 вместе с околоточным / вместе с дьяконом и околоточным ($ЧА_2$)

15–16 любопытство ∾ осторожность / Диомидов обессилил ⟨его⟩ осторожность ($ЧА_2$)

16–17 Тотчас возникли ∾ и заставили его / Еще какие-то, не совсем ясные Самгину, соображения заставили его ($ЧА_2$)

19–21 Дайте адрес ∾ не беспокойтесь... / [Хорошо, дайте адрес,— сказал Клим.— Хотите, я зайду за вами.— Нет, это неудобно.] Дайте адрес, может быть, я приду.— [Хотите, я зайду за вами.— Нет, не беспокойтесь.] Зайти за вами? — Нет, не беспокойтесь. ($ЧА_2$)

22–23 Вечером ∾ башни. / [Вечером он [плутал] шел по темным переулкам [около [С⟨ухаревой башни⟩] [Сухаревки]] около [Мещанской части города] Сухаревки] ($ЧА_2$)

Стр. 426—427.

23–15 *Текста*: Щедро светила луна ∾ что они скрипели.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 426.

25 и в карманы / или в карманы ◊

26 [В воздухе что-то потрескивало сухо и негромко [и весь он был] [воздух глубоко в]] Воздух хрустально дрожал

27 бесчисленных колоколов [церквей московских]

32–33 изогнутая дугою вывеска / изогнутая вывеска ◊

35 торчали донца / высовывались донца ◊

36–37 множеством [безликих ⟨?⟩] бесформенных [злых] глаз

38 В глубине двора [огромным сугробом сне⟨га⟩] возвышалось [красн⟨ое⟩]

38–39 длинное ∾ здание / кирпичное здание ◊

Стр. 427.

1–2 [под] в остатке верхнего

3 так ярко, [что] как будто

4 [пы⟨лал⟩] горел костер

5 постучал ногою в двери [подождал и]

6 в дверях открылась / открылась ◊

6–7 незаметная [калит⟨ка⟩] узкая калиточка

11 пламенем [топившейся] печи

13 сказала толстая женщина / сказала ему большая женщина с черными усами и глазами коровы ◊

16 В полуподвальном ∾ потолком / Вечером Клим Самгин очутился в полуподвальном помещении со сводчатым потолком, с огромной печью и вмазанными в нее двумя котлами. [Он пришел] [Было очень тепло] (*ЧА*$_2$)

17–18 было сумрачно ∾ и навоза / [Сыроватая теплота наполняла подвал] Подвал наполняла сыроватая теплота и душный запах вареного несвежего мяса. (*ЧА*$_2$)

17 сыроватая [удушли⟨вая⟩] теплота, [удушливо] пропитанная

18 запахом [сыро⟨го⟩] испорченного мяса

21–25 Вдоль стены ∾ подряснике. / Корчаги. Деревянная, из некрашены⟨х⟩ досок перегородка, за нею кто-то шевелится и покашливает. Баба с седыми усами. В углу, на ящике, прислонясь спиною и затылком к стене, сидел серый [длинно⟨ногий⟩] дьякон, вытянув длинные, тонкие ноги верблюда. (*ЧА*$_2$)

21–22 Вдоль стены [стояли] — шесть корчаг

25 [Аптекарь?] Отклеив затылок от стены

Стр. 427—428.

25–10 *Текста*: Отклеив затылок ∾ и увидал, что — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 427.

26 спросил басом, негромко / спросил басом ◊

л.155

34 [Широкий] Большой стол

35 запах [жира] протухшего жира

38–39 и, [молча] посмотрев

41 спросила Самгина / спросила Клима ◊

Стр. 428.

10–11 дьякону ∾ пустынников / Это был человек лет сорока, с лицом, какие встречаются довольно часто; такие лица нередки на иконах (*ЧА*$_2$); [дьякон — человек лет пяти⟨десяти⟩ дьякону лет за сорок, а лицо у него такое, [ка⟨кие⟩] с какими — *Далее, как в тексте* (*БА*)

12 такие лица / они (*ЧА*$_2$)

12–13 у торговцев ∾ вещами / [в деревнях] у мелких торговцев (*ЧА*$_2$)

13 *Слов*: ябедников и скряг — в *ЧА*$_2$ *нет.*

13–15 а в конце концов ∾ русского человека / и в конце концов из [них создается в памяти образ какого-то одного, назойливого [бес⟨смертного⟩] и как бы бессмертного человека.] таких лиц в памяти создается назойливый образ какого-то

бессмертного человека.— Аптекарь? — спросил он Клима.— Почему вы думаете, что аптекарь? — [По внешности.] По внешнему образу [1]. (*ЧА*$_2$)

16 Вошли [со д⟨вора⟩] двое

17–18 неопределенной улыбкой / улыбкой ◊

19 кто-то высокий / молодой хмурый парень ◊

21 надвинутом [низко] до бровей. Потом [явил⟨ись⟩] один за другим

24 шаркая [озябшими] ногами

36 в женскую ватную кофту / в женскую кофту на вате ◊

41 он сказал [обращаясь к] дьякону

Стр. 429.

1 Ты со мной не спорь... / Отцу — почтение ◊

7 Голос у него [был] звучный

13 он непрерывно чертил / он чертил ◊

16 [На этот] На сей вечер

16 хотел я продолжать / хотел я говорить ◊

19 [острым] бесцветными ∾ глазами

24 рассказывал [очень] обыкновенное

26–27 сочинениями Льва Толстого / сочинением Льва Толстого [и]

29 руки наши / руки человеческие ◊

30 [Клим огл⟨яделся?⟩] а башки ∾ от этого и [всё] горе

34 «сычуги», коровьи желудки / коровьи желудки·

36 коптило надбитое стекло / коптил подбитое стекло

41 воздух, вода / вода, воздух

Стр. 430.

1 дерево [— отве⟨тил⟩]

12–13 продолжал [вт⟨ыкать⟩] размеренно и спокойно втыкать в сумрак [слова]

19 и музыкальных труб / музыкальных труб

19 Так-то [господин].

23 вспомнил Клим [усмехаясь]

32–33 а в [знойны⟨х⟩] жарких

37–38 [левой] изуродованной рукою

38 *После*: по столу — *начато и зачеркнуто*: В

38–39 перелистывая ее страницы [пальцами].

л. 156.⟨I⟩

40 Самгин ∾ обезмысленным / [Вначале Самгин слушал его только с любопытством, но скоро возникло чувство ироническое и брезгливое.] [Впервые [за] в] [Впервые очутившись [2]

---

[1] *Конец фрагмента ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-39).

[2] *На этом обрывается л. 155 БА*; *сохранился лист ЧА*$_2$ (*ХПГ-21-1-40*), *содержащий продолжение чернового варианта БА*.

в такой кошмарной обстановке, Клим Самгин чувствовал себя ошеломленным.] [Клим был ошеломлен кошмарной обстановкой.] [Клим был ошеломлен.] Самгин чувствовал себя раздавленным, обезмысленным (*ЧА*$_2$); Самгин чувствовал себя [обезмысленным] больным, обезмысленным (*БА*)

41 втиснутым в кошмар / и погруженным в кошмар (*ЧА*$_2$)

Стр. 430—431.

41–1 *Фразы*: Если б ему ∾ не поверил бы.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 431.

1 Всё сердитей кипела / Всё слышнее бурлила (*ЧА*$_2$); Всё [слышнее] сердитей кипела (*БА*)

4 полоскала сычуги / полоскала коровьи желудки (*ЧА*$_2$, *БА*)

4–5 их, точно ∾ чулки / [их, как чулки] их, как [чулки или рукава грязной рубахи] грязные чулки (*ЧА*$_2$)

5–3 *Фразы*: Она возилась ∾ на медведицу.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

6 кто-то всхрапнул / кто-то всхрапнул, как лошадь (*ЧА*$_2$)

7 и гулко стукнулся / и стукнулся (*ЧА*$_2$)

8–9 взглянув ∾ сказал / [взглянул] взглянув на него из-под ладони, [и] сказал (*ЧА*$_2$)

11–31 Трехпалая кисть ∾ ход мысли Кутузова. / [Он был противен Климу, его трехпалая рука, похожая на рачью клешню, возбуждала [отвращение] чувство и жуткое и брезгливое, топорные слова, оголяя знакомые мысли, делая их уродливыми, заставляли Клима иронически подумать: «Слышали бы это Кутузов, Дмитрий...» Но все-таки было [[что-то] нечто оскорбительное в том, что какой-то неказистый человечишко дерзко [обрывает] [обрывая всё то, что [укра‹шало?›] смягчало]] оскорбительно слышать, как подвальный человечишко дерзко обнажает суровую прямолинейность [и] знакомого [строя], хотя и враждебного строя мысли. [Оби‹дно›]] От [царей небесных] царя небесного вниз спустимся к [земным...] земному... — замолчав на секунду, он почесал в бороденке и докончил: — делу. — Общительный сосед Клима радостно шепнул: — Про Царя-Голода начнет [садит‹ь›] катать.— Все мы живем по закону состязания друг с другом, — в этом и обнаруживается глупость наша.— Его трехпалая рука, похожая на рачью клешню, возбуждала чувство и жуткое и брезгливое. Неприятно было видеть это плоское [лицо] да еще стертое сумраком лицо и трещинки, в которых неярко светились хмельные глаза. Возмущали самоуверенный тон и [зано‹счивое›] явное презрение к слушателям. Топорные слова его заставили Клима иронически подумать: «Слышал бы это Кутузов...» И все-таки было оскорбительно наблю-

дать, как подвальный человечишко дерзко обнажает суровую прямолинейность знакомого, хотя и враждебного строя мысли. (*ЧА*$_2$)

11 Трехпалая кисть его руки / Его трехпалая рука ◊

13 видеть [это] плоское

15–17 *Фраза*: Возмущал ∾ молчание их. — *вписана на полях.*

26–31 *Текст*: Топорные слова ∾ ход мысли Кутузова.— *первоначально следовал после слов*: хмельные глаза — *строка 15, а текст*: От царя небесного ∾ глупость наша.— *после слов*: ход мысли Кутузова.

32–33 Возьмем ∾ происшествие / Возьмем, например, такое (*ЧА*$_2$)

33–34 приходят ∾ предлагают / приходят к царю [неплохие] некоторые люди и простодушно говорят (*ЧА*$_2$)

34–36 «Ты бы ∾ устроить жизнь». / «[Позволь нам [собрать] выбрать от народа [ка⟨ких поумнее⟩]] Ты бы выбрал из народа людей поумнее, [и] и пускай они подумают свободно, поговорят, как [устроить жизнь] [хо⟨рошо⟩] облегчить жизнь». (*ЧА*$_2$)

37–38 А водочная ∾ в его руках./ И хочет всю торговлю водкой в свои руки взять. (*ЧА*$_2$)

38–39 *Текста*: И — всякие ∾ думать... — *в ЧА*$_2$ *нет.*

40–41 Ловко? ∾ Клима./ Ловко? — шепотом спросил Клима сосед. (*ЧА*$_2$); Ловко подогнал? — шепотом спросил сосед Клима. ◊ (*БА*)

Стр. 431—432.

41–1 И — крепко ∾ сукин кот! / Министр, сукин кот! — Он крепко потер руки. (*ЧА*$_2$)

Стр. 432.

2 *После*: ему верите? — тоже шепотом спросил Клим. (*ЧА*$_2$)

4–5 Поговорив ∾ взвесил их / Проповедник, поговор⟨ив⟩ еще минут десять, [вы⟨нул⟩] [закрыл] вынул тремя пальцами из кармана черные часы [и взвесив], взвесил их на ладони [и за⟨крыл?⟩] (*ЧА*$_2$)

6 закрыл книгу ∾ поднялся / и, закрыв книгу, хлопнул ею по столу (*ЧА*$_2$)

7 На сегодня ∾ Думайте./ На сей вечер — довольно! [Мне] [За ⟨?⟩] (*ЧА*$_2$)

8–11 *Текста*: Все зашевелились ∾ говоря — *в ЧА*$_2$ *нет.*

10–13 Яков, дважды ∾ только вонь./ [Глафира! — строго сказал учитель,— я же тебя учил: не мой сычуги горячей водой! И — соли́ круче!] Яков, дважды — *Далее, как в тексте до слова*: просил — *Далее*: [не вымачивай] не мочи — *Далее, как в тексте.*

12–13 Глафира ∾ в горячей воде./ [Глафира,— [сказа‹л›] заговор‹ил›] И [быстро] торопливо выйдя из-за стола, пошел к печи, говоря: — Глафира, [гляди, опять] [соли́ больше! Пахнет...] горячей водой сычуги не мочи, я те говорю! (*ЧА*$_2$) [1]

15 клешнею [сказал] за рукав, сказал

16 [фабрик‹ует›] сестра моя фабрикует

19 [сердито] прервал его Клим.

л. 156

20 [Окунувшись] Вынырнув

20 он [глубоко] вздохнул

22 [Всё вокруг] Приземистые ∾ домики

22–23 и сугробы снега / осевшие в снеге ◊

24–25 покрытым плесенью / заплесневевшим ◊

31–32 знакомство с ним [может иметь] не безопасно

34 удивленно [сказа‹ла›] прервала его

37 говорила тебе [об этом], что была

37 была у Якова / была у столяра

37 [Он те‹перь?›] Диомидов там

38 *После*: наверху — *зачеркнуто*: Теперь они оба работают где-то в церкве.

Стр. 433.

1 это очень примитивно, противоречиво / это очень противоречиво ◊

2 это, по-моему / это противоречие ◊

8 значительно охладил / охладил ◊

8–9 *После*: возмущение Клима — *зачеркнуто*: В сущности она права

13 *После*: мне нравится — *зачеркнуто*: Возможно, что я смогу полюбить его.

14 Клим замолчал / Клим [замолчал] молчал ◊

14–15 когда в нем [вспыхнет] заговорит

18 *После*: почему это — *зачеркнуто*: Но — быть его сестрой я не хотела бы.— Клим слушал, соображая: «Почему ее признание не рассердило, не обидело его?»

23 *После*: как хочу — *зачеркнуто*: Он ничего не боится

28 это [ка‹к-то›] не так

29 стало [как будто] твоим ремеслом

38–39 сказала ∾ досадой / [с явной досадой] сказала [девушка] Лидия с явной досадой

39–40 послышалось Самгину / [Лидия сказала] сказала Лидия ◊

40–41 это выходит [у т‹ебя›] так

---

[1] *Конец фрагмента ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-40).

Стр. 434.

1–2 *После*: насильно усмехаясь — *зачеркнуто*: — Да. Не сердись.

2 [что это] что ты хочешь

2–3 будто можешь / что можешь ◊

5 *После*: Он был взволнован.— [Почему признание Лидии не возбудило в нем ревности? Потому что она говорит о Диомидове как-то отвлеченно и бескровно? Конечно, [она] Лидия выдумала этого парня. Но — не выдумал ли он, Самгин, Лидию? Он все-таки чувствовал себя утратившим нечто, оборванной какую-то нить. Было неловко, пусто, хотя [это] ощущение утраты и увеличивало весомость Клима.] [Ему казалось, что между ним и Лидией оборвалась какая-то нить.]

6 но подумал / Он даже подумал

7–8 почувствовать ∾ более сильно / почувствовать себя еще более отягощенным утратой, более бурно взволнованным. В конце концов во всем этом Клим находил нечто загадочное, необъяснимое. ◊

9 [он] Клим нашел

11 Дмитрий [крат⟨ко⟩] извещал

14 титулами [книг]

17 *После*: подумал Клим — *зачеркнуто*: «Послушал бы, что слышал сегодня я».

18 погасил [неприязненную] усмешку

20–21 лег в постель и вдруг почувствовал / [и] лег в постель и почувствовал ◊

22–23 [с его неум⟨елыми⟩] память подсказывала

26–27 Я — не романтик [а — культурный человек]

27 что [он] где-то

33–34 почувствовав [легкое] легкий приступ [легко⟨го⟩]

35 Он [был уве⟨рен⟩] заснул

36–38 Сквозь сон ∾ не было?» / «Был ли мальчик-то?» — подумал [он] Клим сквозь сон.

41 [но бы⟨ло⟩] но — всё это было

Стр. 434—435.

41–1 «мальчик» [был] существовал

Стр. 435.

л. 157.I

12 стали мягкими [как вар⟨еные⟩] и обвисли

15 [крепко] потирая пальцами

25 последует неизвестно что / неизвестно что ◊

25 Климу [захотелось познакомиться с дьяконом и] было любопытно

29–30 шагал ∾ комнаты / шагал по пустой скучной комнате [с нас‹тольной›] с люстрой ◊

30–36 мимо стульев ∾ отвисшей губою / *а.* Над потолком ее, украшенном грубой лепкой, [ныла гитара] топали [чьи-то ноги], заставляя тихонько звенеть хрустальные подвески люстры. Макаров шел [и посвистывал], посвистывая, как на улице. *б.* мимо [полутор‹а›] стульев, чинно и скучно [вытя‹нутых›] расставленных вдоль стен, а со стен [из] [и из зеркал] на него неодобрительно смотрели — *Далее, как в тексте.*

39 в углу [одного] одного из них

40 жестяный вертун / вертун ◊

40 вгоняя [в сумрак] в комнату

40–41 [холодный, кудрявый] кудрявую струю

Стр. 436.

1 [воскресшим Лазарем] стоял Владимир Лютов

6 он так [худ и] костляв

9 ответила ей визгом / быстро ответила ей: — И-у-й-у-й-у... ◊

10 от объятий, Лютов / от объятий Лютова ◊

21 [одна] длинная и две покороче

24–25 нерешительно сказал ∾ тиснув / сказал дьякон, крепко тиснув ◊

25–26 [руку] ладонь Самгина

л. 157.‹II›

28 *После*: схватить хочешь — *начато и зачеркнуто*: Вар‹вар?›

38 сивые волосы / серые волосы ◊

39–40 а — храм! Молитесь / *а.* Войдите в него и — молитесь *б. Как в тексте.*

Стр. 437.

7 четыре больших / четыре большие

14 повторил дьякон [окта‹вой ниже›] [могильным] замогильным басом

16 [все] и дьякон и Лютов

19 близкое исступлению / близкое изумлению ◊

24–25 уговаривал [гол‹осом›] ласково

28–29 *После*: за грехи отцов моих.— И Туробоев — жертва.

40 Клим видел, [что] как под рубахой

Стр. 438.

3 уступив настояниям / уступая настояниям ◊

4 вдруг и обильно / вдруг обильно ◊

5–6 *Фраза*: Клим находил ∾ весьма забавно.— *вписана.*

6–7 каких-либо добрых чувств / в Самгине добрых чувств ◊

9 может [метн‹уться›] подпрыгнуть

9–10 подпрыгнуть и броситься этот человек / подпрыгнуть этот человек ◊
13 крутя ∾ обвел его / обвел его ◊
13–14 взглядом, [по‹качался›] закачался
33 взглянул [на н‹его›] в лицо

Стр. 439.
5 мы как будто [встрети‹лись›] уже встречались...
13 как двухпудовую гирю / как будто она весила не менее пуда ◊
18–19 он ∾ понюхал хлеб / он понюхал его ◊
24 Самгин [улы‹бался›], на диване, улыбался
26 и [стал] начал
38–39 точно сбрасывая / как бы сбрасывая ◊

Стр. 440.
5 подмигнув Климу [левым глазом]

Стр. 441.
14 говорил / *а.* самозабвенно говорил *б.* говорил
19 [и] потеряв туфли
25 *После*: на месте Иуды, а? — Современно! Как нельзя более... современно!
33–34 *Фраза*: И — «не заграждай ∾ Костя! — *вписана.*

Стр. 442.
2 говорил Макаров / говорил он ◊
9 прилив грусти / *а.* прилив неведомой ему грусти *б. Как в тексте.*
11–12 [не отягощала] не отягощая, вызывала желание [быть приятным] говорить
13 [пред] против дьякона
17–18 лицо свое улыбкой / *а.* лицо улыбкой водянистых *б. Как в тексте.*
32 [Он] Макаров легко поднял

Стр. 443.
3 Мне — плевать на [всё] вас, земные люди.
7 А [раз‹бойник›] ужасный разбойник [калу‹жский?›] поволжский
14 в брюках и рубахе-косоворотке / надевший брюки и [син‹юю›] рубаху-косоворотку ◊
20 всё так запуталось / так всё запуталось
22 [чер‹ту›] Сатане в руку
27 Мы тебя, [господь] Исус, не забываем

л. 159
37 Это — правда / Это верно ◊

Стр. 444.

1 *После*: ошибаются.— *зачеркнуто*: По голосу дьякона Клим понял, что спорить

3 [угрюмо] сказал он

4 глупо всё [небеса, звездочки...]

5–6 [он] и говорил Самгину

9 [когда я] предал меня

10 [Мы с] Ведь, с тобою живя

18 На этом я — согласен / Здесь я — согласен ◊

27 [ему] хотел музыки

35 поверил ∾ есть / почувствовал, что ◊

36–37 Он зарыдал / Он заплакал ◊

37–38 говорить [что-то ласковое] утешительное

38 ласково произнося / несколько раз произнеся

41 [круглых] часов Мозера

Стр. 445.

12 чтобы [потом] тишина

13 сидели на диване. В комнате / сошлись в кучу на диване, и в комнате ◊

15 своего баса/ своего голоса ◊

20–21 остановиться — негде [всё движется, всё, молодой человек!]

22 Слова ∾ толкали его./ [Макаров и Лютов закричали в два голоса, дьякон встал, огромный, серый, взмахнул рукою:— Молчать!] Слова били Самгина по вискам, [одурманивали] толкали его. [— Не позволю порицать науку]

24–25 медленно [бесконечно] распрямляться

25–26 чья-то [страш‹ная›] жуткая тень, [качаясь] достиг

31 *После*: в бытии б-божием... — и утверждающим, что мир-р-р пр-роизошел сам собою...

34 [а] дьякон вторил ему

37 оглушил Клима / столкнул Клима в темную ◊

38 его поднял Макаров / его извлек Макаров ◊

40 [Клим] Самгин ∾ сел на диване [оглянулся]

41 *После*: сапоги сняты — *зачеркнуто*: В комнате было темно

Стр. 445-446.

41–1 запахи в комнате [пр‹ивели›] тотчас восстановили

Стр. 446.

1 в памяти его [поч‹ти?›]

8–9 погасил огонь ∾ спросил / *а.* и погасил огонь.— О, черт!— выругался он в темноте, а потом спросил *б. Как в тексте.*

10 Что же, ты думаешь / Что же ◊

15–26 *Текст*: Ему удалось ∽ и ушел.— *вписан со следующими вариантами*
15 [снова] зажечь свечу
16 сильно дрожат / сильно дрожали
20 *После*: бестия, дьякон — *зачеркнуто*: На привидение похож...
21 он [сказ⟨ал⟩] проговорил
28 и безмолвно / и немо ◊
29 [сидели] сидело трое
30 еще более похудевший / похудевший ◊
31 Глаза его [не по⟨казались⟩] уже не показались
34 в сущности, [незначительное] заурядное
35 Если б он [подстриг или] сбрил
40 [Да] Костя, пе́рестань

Стр. 447.

1 Клим [пи⟨л⟩] жадно пил
1–2 соображал: [в сущно⟨сти⟩] роль Макарова
4–5 чувство ∽ дружбы [или хотя бы симпатии]
7 Ну — как это понять / Но — как это понять
12 коренного русского / отлично русского ◊
18 дьякон [са⟨мым?⟩] хладнокровно
21 *После*: есть ли Россия-то? — *зачеркнуто*: — Стой! Нация, народ... — Мм? Нация? Не знаю.— Наконец — церковь. — А какое тебе дело до церкви [Конешно ⟨?⟩]
25 Храмы — у нас есть / Церкви у нас — нету. Храмы — есть. ◊
32 [Дьяк⟨он⟩] Слышали ∽ сказал дьякон.
36 [А] Это поистине
38–39 был неказист / был немудрящий ◊

Стр. 448.

8 беспокойного [ума] взгляда
12 под кожей имеются / *а.* под кожей имеются — но без употребления *б. Как в тексте.*
13–16 *Текст*: Марксизм ∽ сказал: под кожей.— *вписан.*
19 [навсегда] — лишен
25 не выпить ли нам по [ежу] медведю?
39 [да ег⟨о⟩] и никто не спросил его

Стр. 449.

23–24 никому не верю [Не хочу]
27–28 просил, [когда] устав сердиться
31 Лютов ∽ по улицам / *а.* возили его по улице *б. Как в тексте.*
32–33 *После*: быстрейшими лошадями — *а.* заставлял плясать пред ним цыган *б. Зачеркнуто.*
33–35 *Слова*: и Клим видел ∽ в крюшоне.— *вписаны. После*: в крюшоне — *начато и зачеркнуто*: В хмельном тумане

37–38 моменты [четы‹рехдневного?› длительного кошмара

Стр. 450.

1–5 *Текст*: когда Лютов ∾ Самоубийственно пьет.— *вписан со следующим вариантом*

1 когда Лютов / когда тот ◊

13 *После*: не очень уважаю.— Но жалею, разумеется.

л. 161

15 [говор‹ит›] спрашивает Клима

17 [заме‹чает›] мечтает

21 почему [стеклом] стекло

22–23 [когда] в метельные ночи

30–31 смягчила ∾ улыбка / смягчилось и стало глуповатым [1] (*БА**); осветилось ◊ (*БА*)

31 Климу Самгину показалось / [Клим подумал] Климу показалось (*БА**); [Климу] Самгину показалось (*БА*)

33–34 Еще две-три ∾ о трех пальцах / Да, дьякон с его стихами, [стеклянными] стеклянной музыкой и дерзостью речей был центральной фигурой четырехдневного кошмара. Он и еще этот проповедник из подвала. (*БА**); *а.* Дьякон с его стихами, стеклянной музыкой и дерзостью речей, [трехпалый] проповедник о трех пальцах *б. Как в тексте* (*БА*)

34–35 с человеком ∾ нравится / К ним присоединялся улыбающийся ученик его, которому нравилось (*БА**); *а.* его улыбающийся ученик, которому нравится *б.* с [курчавым] человеком, которому нравится (*БА*)

35–38 с хромым ловцом ∾ старичком-каменщиком / Вспоминался хромой мужик с мельницы, озорниковатый старичок-каменщик, дворник, который нарочно сметал сор и пыль улицы под ноги политическим арестантам. (*БА**); *а.* хромой мужик с мельницы, дворник, нарочно сметавший сор и пыль улицы под ноги арестантов, озорниковатый старичок-каменщик *б. Как в тексте* (*БА*)

39–41 Клим ∾ на этих людей / Хотелось, чтоб кто-то очень [ст‹рогий?›] внушительный, даже — страшный, крикнул на всех этих людей словами горбатой девочки (*БА **); *а.* все эти люди постепенно вызвали у Самгина одно желание: хотелось, чтоб кто-то очень внушительный, даже — страшный, крикнул на них *б.* [Все эти люди требовали, чтоб]

---

[1] *Текст*: смягчила ∾ состязание (*стр. 450—451, строки 30—7*) *дважды правился в БА: на полях (см. варианты а), а затем переписан на отдельных листках (см. варианты б), которыми Горький заклеил первоначальный текст. Самый ранний — заклеенный — текст обозначается БА**.

Было бы хорошо, если б кто-то внушительный, даже — страшный, [грозно] крикнул на них ◊ (*БА*)

Стр. 451.

2–5 *Фразы*: Не только ∾ своим озорством. — *в БА* нет.*

2 Не только ∾ окрике / [И много других людей заслуживали] И не только эти [но] люди [заслужили грозный окрик] нуждались в грозном окрике, но эти — прежде всего. ◊

4–5 кошмарные [они особенно пу⟨гали?⟩] [они] особенно возмущали

6 у дяди Хрисанфа / в квартире дяди Хрисанфа (*БА**)

6 и Поярков / [начинал споры] и Поярков

8 со своим приятелем Прейсом, евреем / [с евреем] со своими приятелями Мухой и Прейсом, тоже евреем ◊

11–12 После Кутузова ∾ не любя / *а.* После [тяжелого] Кутузова, [непоколебимого в] [непоколебимо уверенного] не любившего *б. Как в тексте.*

12–13 но неотразимо / но неотразимо уверенно и веско ◊

13 эти казались / эти четверо казались ◊

13 споры их / они играли в слова, а споры их ◊

15 на соблазн ∾ и Лидии / [не] на соблазн [Фионы] Варвары, Лидии и молчаливой курсистки Наташи Карауловой.

21 Поярков, [безуспешно] стараясь говорить

22–23 в которых ∾ зрачки / *а.* медным зрачком правого глаза и тускло серым левого *б. Как в тексте.*

33–34 знакомы [привы⟨чны⟩] и привычны; они не пугали, [даже] не раздражали

34–35 в ответах Прейса / в ответах Мухи и Прейса ◊

35–36 Он деловито отвечал / [Прейс и Муха] Они оба отвечали ◊

36 а Самгин знал / они оба хорошо умели считать, а [Клим] Самгин знал ◊

37 основное ∾ науки / основное [тр⟨ебование⟩] правило и строгое требование науки ◊

37–38 Вообще евреи ∾ нравился ему. / *а.* Евреи не возбуждали его симпатии, но эти двое все-таки несколько импонировали ему[1]. (*БА* *); [Евреи не возбуждали его симпатий, и Муха, типичный носатый семит, был из таких. Лицо его, когда-то смуглое, русские зимы выморозили, оставив темненькие пятна на лбу и на щеках. Он казался неумытым, был костляв, угловат, смотрел на всё [из опухших, красных век], близо-

---

1 *Первоначальный слой текста*: Вообще евреи не возбуждали ∾ видит безошибочно и зорко. (*до стр. 453, строка 18*) — *находится в БА под наклейкой.*

руко прищурясь дрожащими глазами, говорил с акцентом и голосом, который неприятно скрипел, царапал уши. Часто казалось, что Муха сейчас закричит, начнет размахивать руками, хватать людей за горло.] Вообще евреи не возбуждали симпатии Самгина, но Прейс нравился ему. [Прейс, несмотря на его] [Несмотря на свой маленький рост, он был солиден.] (*БА*)

38–40 Он слушал ∾ осенний дождь. / Сторонясь спорщиков и наблюдая их издали, он должен был сознаться, что [слова] доводы Прейса и Мухи звучат для него убедительнее. (*БА**) *б. Как в тексте* (*БА*)

40 их [ест⟨ественными⟩] неизбежными

Стр. 451—452.

41–17 *Текста*: Говорил чистейшим ∾ отвергнуть ее. — *в БА* нет.*

Стр. 452.

9 [со] смотрел [разно⟨цветными⟩] в упор на Прейса разноцветными

15–16 проверить [эту] истину Прейса, не [ощущал же⟨лания⟩] думал

17 Но, чувствуя себя / Чувствуя себя (*БА**); Но, [с некоторого] чувствуя себя (*БА*)

18 и несколько ∾ из всего / он торопился с умозаключениями (*БА**)

19–23 что он ∾ понятных интересов / и находил, что «кутузовщина» Прейса и Мухи [более опрощает] обещает опростить жизнь более быстро, чем буйная лирика Маракуева и «эволюция» Пояркова. [Он не мог заставить себя верить, что [лю⟨ди⟩] все люди] (*БА**); что он [видел] слышал, [он прозревал] Клим в неприятной ему «кутузовщине» усматривал некое ценное качество: «кутузовщина» очень опрощала жизнь, разделяя людей на однообразные группы, строго ограниченные линиями [простейших и] вполне понятных [жизненных] интересов (*БА*)

23–31 Если каждый ∾ Диомидов и подобные. / Конечно, рабочие и крестьяне должны жить лучше того, как они живут, это необходимо во избежание социальных катастроф, [так] желательных безумцам. Необходимо, чтоб они не мешали [работать высшим [слоям] интеллектуальным] спокойно работать людям, творящим культуру. Для этого прежде всего следует укротить безумие таких людей, каковы кошмарный дьякон, подвальный философ, озорниковатый старый каменщик. [А разве Лютов, Иноков, Туробоев — не безумны?] (*БА**)

24 группы, [что] [чтобы] то [это], как бы ловко

27 суть его — [признаки]. силу групповых

28 [«Кутузовщина»] Возможно, что

28–29 «Кутузовщина» [мо‹жет›] позволит

30–31 кошмарных людей, [вроде дьяконов] каковы дьякон ∾ и подобные [им]

Стр. 452 — 453.

31–15 Но — здесь возникал ∾ не глуп же я?» / Но тут Клим Самгин ощущал, что он впадает в неразрешимое противоречие: укротить нужно и Кутузова, так же как всех единомыслящих с ним. И Прейса с Мухой. И Маракуева. [Он] Клим ясно видел, что ход его мысли [принимает оби‹дно›?] становится глуп и смешон и что его [«другое чувство» требует] мироощущение требует каких-то иных словесных форм.— «Но ведь не глуп же я!» — с негодованием думал он. (*БА**)

Стр. 452.

34–35 «Интересами ∾ солидный?» / «Интересами и волей какого класса или какой группы живет Прейс, чистенький [аккурат‹ный›] и солидный сын фабриканта шляп?»

38 «А что, если [окажется, что ваша] классовая философия

40 портит и ломает / портит ◊

Стр. 453.

5–6 сугубо [серьезных людей] серьезным

7 однако, не лишенное / однако же, не лишенное

11 [Таких вопросов] Количество таких воспоминаний

12 они становились ∾ сложней / [Но качество их становилось все сложней, запутаннее] по качеству они становились все противоречивее, сложнее ◊

15 Чувствуя ∾ не в силах / Видя себя бессильным ◊

16–17 в этом ∾ подмечать / в этом его убеждало уменье наблюдать, подмечать (*БА **); в этом [Клима] убеждало его уменье подмечать (*БА*)

17 фальшивое ∾ смешное / нелепое, [неп‹риятное›] фальшивое, [неприятное] дрянненькое и смешное (*БА**)

18 безошибочно и зорко / зорко, хорошо (*БА**)

21 людей ∾ настроенных / революционно настроенных ◊

22 *Перед*: Поярков был — *вычеркнуто*: Муха был ненасытно голоден, ел с болезненной жадностью [и], чавкал и — страдал от этого.

22–23 но, не желая [даже, кажется, боясь] показать

23 *Слов*: неестественно улыбался — *в БА* нет.*

24–25 как [аристократ] Туробоев

32 Количество таких наблюдений [все росло] быстро возрастало

[но Самгин не чувствовал, что он богатеет от этого] [но Самгин чувствовал, что ему]

35 Но — плохо было то / Хуже всего было то ◊

35–36 почти [в⟨се⟩] каждый

36 что [даже] следовало бы

37 самому [Климу] Самгину

40 Клим ∾ правду / было что-то нужное Климу, некая его правда ◊

Стр. 454.

6–7 Клим стал ∾ следит / Заметно было, что Лидия начала относиться к нему, точно к ребенку, следить ◊

10–11 Самгина ∾ убедила / Клим окончательно убедился ◊

л. 162.I

26 не люблю одну [нашу] актрису

34–35 тоном, [не] исключающим возражения

41 [и] виновато [улыбался] улыбаясь

Стр. 455.

1 не внутри его глаз / не внутри его пустых глаз ◊

4 от фонаря [к фонарю]

8 недоумения, досады / недоумения, досады и даже тревоги за судьбу девушки ◊

10 Он все-таки решился / [Однажды Самгин решился] [В добрую минуту он все-таки] Он все-таки решился

13–14 вполголоса, [серьезно] нахмурясь

16 отношения [мужчины] мужчин и женщин

19 *После* : оба мы? — Клим [угрю⟨мо⟩] хмуро пошутил.— А я нахожу, что люди слишком безобразно разнообразны.

20–21 он прекрасно / он отлично

25 *Словами*: Готовясь встретить — *начинается* AM_2.

Стр. 455—462.

л. 162.II [1]

25–18 *Текст*: Готовясь встретить молодого царя ∾ лицом к лицу с Лютовым.— *вставка в БА в ходе работы над третьей редакцией.*

Сохранилась вторая редакция сцен подготовки Москвы к коронации, потом исключенная из БА: Приближалась коронация. Из Мо́сквы [уси⟨ленно⟩] высылали неблагонадежных жителей ее. Полиция осматривала чердаки домов на тех улицах, по которым должен был проехать царь. Маракуев, явно притворяясь, что не верит тому, что говорят, сообщил, что предположено минировать Кремль и в день коронации

---

[1] *Листы 162.II.— 162.V. содержат текст третьей редакции.*

взорвать его. Подряд на иллюминацию Кремля сдан Кобозеву, [тому хозяину сырной] торговцу сырами, из лавки которого на Садовой улице в Петербурге [был сделан подкоп к] предполагалось взорвать мину под каретой Александра Второго.

— Конечно, это похоже на сказку [1],— говорил Маракуев, но смотрел на всех глазами [верящего в сказку, как в быль] верующего, что сказка может превратиться в быль. Лидия сердито сказала ему:

— Не вздумайте [рассказывать] болтать об этом при дяде Хрисанфе.

Дядя Хрисанф волновался. Он хотел показать молодежи, что относится к предстоящему торжеству иронически, но это плохо удавалось ему, он срывался с тона, ирония уступала место пафосу.

— Второй раз увижу, как великий народ встречает своего молодого вождя. Зрелище — душеподъемное.

И, вспоминая, что говорит неладно, насмешливо кривил губы.

— Идолопоклонство, конечно. [В земного] «Приидите, поклонимся и припадем цареви и богу нашему». В земного бога — не верую, конечно. Ну, все-таки надо посмотреть. Не царь интересен, а народ, воплощающий в него все свои чаяния и надежды... Ты, Семен, пойдешь со мной?

Диомидов нерешительно отказывался:

— Я, знаете, не люблю скопление народа.

— Это, брат, глупости! — возмущенно кричал дядя Хрисанф.— Не люблю! Скажите...

— Видите ли, это не помещается во мне — любовь к народу... Если честно говорить,— зачем мне народ? Я, напротив...

— Видеть должен! — [крича‹л›] поучал дядя Хрисанф.— [Должен] Надо же знать, что такое народ! Чудак... Надо видеть.

Он имел вид сугубо парадный: шлифованная его лысина торжественно сияла и так же торжественно блестели ярко начищенные сапоги с лакированными голенищами; на плоском лице [улыбка уми‹ления›] улыбки умиления сменялись улыбками смущения [и], глазки [дяди Хрисанфа] тоже [казались начищенными], казалось, начищены и теплились, как

---

[1] *Предшествующий текст вычеркнут в конце л. 162.I БА. Продолжение эпизода сохранилось на вынутой из БА второй половине этого листа — см. ХПГ-21-1-41.*

огоньки двух лампад, возженных в емкой душе дяди Хрисанфа.

— Ликует Москва! — бормотал он, играя кистями пояса.— Умеет Москва ликовать! Нарядилась боярски, украсилась кумачом... коврами заморскими... Эх, ты, Русь, родная моя! —

«Ты и великая,
Ты и обильная...»— гм, да! [1]

Продолжение этого текста, условно обозначаемое БА, см. в вариантах к стр. 462, строка 19 и далее.*

Началом переработки сцены в третьей редакции явилась замена текста: Приближалась ∾ Полиция осматривала — *вписанным на полях (л. 162. I БА), а потом зачеркнутым*:

Приближался день коронации. Москва чистилась, красилась, замазывала кое-где слишком уродливые морщины свои, как престарелая вдова, собираясь [к венцу] [к венцу] в новое замужество.

Стр. 455.

26 замазывала [кое-где] слишком уродливые

32 грязной старости / уродующей старости ◊

38 создавая [из материи трех цветов] пышные рамы

40 [Вс‹юду›] Отовсюду лезли

Стр. 456—462.

13–18 *Текст*: С восходом солнца ∾ лицом к лицу с Лютовым.— *имеет более ранний вариант. Обозначается условно* $ЧА_3$. *Начало его на л. 162. II БА, заклеенном сверху позднейшим текстом. Продолжение — фрагмент* $ЧА_3$ *— ХПГ-21-1-41.*

Стр. 456.

13 *После*: внутренности свои.— Все это Клим Самгин находил чрезмерным и грубым. ($ЧА_3$)

13–41 *Текста*: С восходом солнца ∾ душе дяди.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

15 [целый] весь день

22 притворяясь [что] не верующим

24 Кобозевым, тем [народовольцем [из]] торговцем

Стр. 457.

1–3 Ликует Москва ∾ миллиона / Волшебно! — кричал раскаленный восторгом дядя Хрисанф.— Невыразимо! — кричал он, усталый, потный, обрызганный красками.— Вы подумайте: полтора миллиона ($ЧА_3$)

5 И, вспоминая / Но, вспоминая ($ЧА_3$)

6 он высчитывал / высчитывал ($ЧА_3$)

---

[1] *Текст от слов*: тоже [казались начищенными]— *перечеркнут наискось карандашом.*

7–8 Двести ∾ можно! / Четыреста тысяч кумачовых рубах, а? Целую армию можно бы одеть. ($ЧА_3$); *Как в тексте до слов*: рубах; армию — *Далее*: [целую] одеть можно! (*БА*)

л. 162.III

9–33 *Текста*: Он пытался ∾ растерянно.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

19 воплощающий в него / воплощающий в [него] [нем] него все свои чаяния ($АМ_2$)

22 скопления народа / скопление народа

34–35 В окнах ∾ царя. / На балконах видно было гипсовое, слепое лицо в цветах. ($ЧА_3$); В окнах, балконах — *Далее, как в тексте* ($АМ_2$)

36–37 Похож ∾ дядя Хрисанф. / а дядя Хрисанф заметил: — Похож на Сократа в молодости. ($ЧА_3$)

39–40 *Слов*: покрикивая ∾ на дворников.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

40 Ездили на рослых лошадях / величественно ездили на рослых лошадях ($ЧА_3$)

Стр. 458.

1 тела ∾ до ног / [и] тела от головы до седел ($ЧА_3$)

2–3 лишние для всадников / не нужны им ($ЧА_3$)

4–6 Оглушительно ∾ гусар / Кричали ура и взрослые при виде франтоватых кирасир, гусар, улан ($ЧА_3$)

8–33 *Текста*: Кричали ура ∾ сказал дядя Хрисанф.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

13 казалось медным / казалось голым [как череп] (*БА*); казалось [голым] вырезанным из кости и лишенным кожи ◊ ($АМ_2$)

17–18 как совы днем [слепые]

31–32 на груди, узкой и плоской / на узкой и плоской груди.— Ну, эти! — сказал дядя Хрисанф прене‹брежительно› ◊

34–35 Промчался ∾ за пояс кучера / По всем улицам мчался усатый обер-полицеймейстер Власовский, грозно сверкая медными глазами, хватал кучера за пояс, кучер на всем скаку молодецки останавливал лошадей [и], Власовский, вскакивая на ноги, размахивая руками, кричал в окна домов, на рабочих, дворников, на полицейских и мальчишек и, окричав всех, кого следовало, устало валился на сиденье коляски и толчком [1] в спину кучера снова гнал лошадей во всю прыть. Длинные усы его грозно загибались к затылку. Маракуев рассказывал, что полицеймейстер, находясь в опьянении административным восторгом, кричал на пристава Тверской части.— Чтобы к утру все было готово! И чтобы ни холодно было, ни жарко! [2] ($ЧА_3$); Промчался обер-полицеймейстер

---

[1] *Далее текст* $ЧА_3$ *на листе, вынутом из БА,—см. ХПГ-21-1-41.*

[2] *Текст*: толчком в спину ∾ ни жарко! — *перечеркнут карандашом.*

Власовский, держась за пояс кучера [крича во все стороны и криком ‹сво›им] [натужно ‹крича›] (*БА*)

35–36 а за ним ∾ князь Сергей / Окруженный блестящим конвоем торжественно объехал город великий князь Сергей, дядя царя (*ЧА*$_3$)

37–38 Хрисанф и Диомидов ∾ к фуражке руку / Самгин, идя с Маракуевым и встретив хозяина Москвы, невольно снял фуражку (*ЧА*$_3$); Хрисанф и Диомидов [сняли] обнажили головы, Самгин тоже невольно поднял [руку] к фуражке руку (*БА*)

38 но Маракуев / а Маракуев (*ЧА*$_3$)

39 упрекнул Хрисанфа / упрекнул его (*ЧА*$_3$)

40 Не стыдно вам / Охота вам (*ЧА*$_3$, *БА*◊)

Стр. 458—459.

41–8 *Текста*: Ура-а! ∾ народ вслед ему — *в ЧА*$_3$ *нет.* (*Ср. выше варианты к стр. 458, строки 34—35.*)

Стр. 459.

2 их ∾ полицмейстер / их на [все‹м›] скаку, полицеймейстер

4–5 а окричав [кого с‹ледовало›] людей

8–10 а Диомидов ∾ вполголоса / Диомидов, работая дни и ночи по украшению Кремля, забегал на несколько минут к Лидии и уговаривал ее: — Вы одна на улицу не ходите.— Растрепанный, чумазый, выпачканный клеем, с руками, позолоченными бронзовым порошком, он испуганно мигал [покрасневши‹ми›] и жаловался (*ЧА*$_3$)

11–12 Совсем ∾ точно разграблен / Все с ума сошли. Точно конца света ждут. Город — как разграбленный (*ЧА*$_3$)

14 Ну, что орут? / Орут. (*ЧА*$_3$)

16–18 Сказочное ∾ смеялся. / Волшебное безумие, чудак! — поправлял дядя Хрисанф, счастливо смеясь. (*ЧА*$_3$)

19–20 Надо ∾ бормотал Диомидов. / Диомидов, испуганно выкатывая покрасневшие глаза, бормотал: — Надо торжественно, тихо. (*ЧА*$_3$)

19–20 бормотал Диомидов / бормотал резчик и бутафор (*БА*, *АМ*$_2$◊)

21 Самгин ∾ находя / Самгин молчал, не соглашался с бутафором (*ЧА*$_3$); Самгин молча соглашался с ним, [хваст‹ливому›] находя (*БА*)

22 не хватает / не хватало (*ЧА*$_3$)

23–24 люди ревели ура / народ кричал ура (*ЧА*$_3$)

24 слишком суетились / слишком суетился (*ЧА*$_3$)

24–25 и было ∾ усмешек / и было много каких-то неуместных усмешечек, шуточек [Над] (*ЧА*$_3$)

25–26 Маракуев ∾ глупое / Маракуев подметил много смешного ($ЧА_3$)

26 говорил об этом / и рассказывал о смешном ($ЧА_3$); обращал на это внимание. И говорил об этом ◊ (*БА*)

26–27 с такой радостью ∾ создал смешное / с такой гордостью, как будто он сам создал его ($ЧА_3$)

28–29 Смотрите ∾ слова которого / На одном доме транспарант с золотыми словами заканчивает вывеска, и надпись на транспаранте можно читать так ($ЧА_3$)

29–30 к славе и счастью / к счастью и славе ($ЧА_3$)

30–31 заканчивались ∾ «и К°». / [акушерка Семиградова»] [нотариус Семиградов»] [док‹тор›] дантист Изаксон». ($ЧА_3$); заканчивались [вывеской] куском вывески с такими же золотыми словами: «[Акушерка Кириллова] и К°». (*БА*)

32–36 Последние дни ∾ сквозь их грубоватость / Во всех анекдотах Маракуева ясно чувствовался шарж, [гру‹боватая›] [и грубоватая] но грубоватость и натянутость ($ЧА_3$); [Маракуев очень упорно искал смешное.] Последние дни Маракуев назойливо рассказывал пошловатые анекдоты [о чиновниках каз‹енных?›] о действиях администрации — *Далее, как в тексте* (*БА*)

38 Н-да-с ∾ радуется. / Н-да-с,— говорил Маракуев, приглаживая волосы,— народ ликует. ($ЧА_3$)

40 Взмахом руки / И [он ру‹кой›] взмахом руки ($ЧА_3$)

40–41 *Слов*: и крепко ∾ волосы свои — *в* $ЧА_3$ *нет.*

Стр. 460.

1–2 Но, хотя ∾ неуместного / Над городом непрерывно перекатывались волны [шу‹ма›] густого шума, дробно стучали молотки, четко топали отряды франтоватых солдат, лица воинов были однообразно новенькие, и можно было думать, что солдат только что сделали на кукольной фабрике. Да, Клим Самгин видел и слышал много лишнего, [не‹лепого?›] глупого ($ЧА_3$); [Клим Самгин видел и слышал много [лишн‹его›] [излиш‹него›] смешного и] Но, хотя Клим — *Далее, как в тексте* (*БА*)

2–3 в нем все-таки возникло / но все, что он видел, будило [в не‹м›] в нем ($ЧА_3$)

л. 162.IV

4–5 туго набитых ∾ изумительное / явится нечто необыкновенное, поражающее ($ЧА_3$)

5–6 Он стыдился / Самгин стыдился ($ЧА_3$)

7 возрастало ∾ воли его / все возрастало ($ЧА_3$)

8 работой тысяч / грандиозной работою тысяч ($ЧА_3$)

9 [эти расхо⟨ды⟩] эта щедрость (*ЧА*$_3$)

10–11 не только потому / не потому (*ЧА*$_3$)

11–12 по предчувствию ∾ качеств в нем / по предчувствию [в нем народом] Москвою в нем каких-то особенных, великих сил и качеств (*ЧА*$_3$); по предчувствию Москвой в нем — *Далее, как в тексте* (*БА*, *АМ*$_2$◊)

13–20 Екатерина Великая ∾ целое столетие / *а*. Эта мысль, все более укрепляясь у Клима, превращалась в надежду, что так и будет,— явится необыкновенный, великий и, может быть, грозный человек, которого Россия ожидает как раз целое столетие, считая со дня смерти Екатерины Великой *б*. Екатерина Великая скончалась в 1796 году... [гм? — соображал] — вспоминал дядя Хрисанф, [и] и Самгину было ясно, что [актер] москвич [намекает на возможность [великих собы⟨тий⟩] исключительных] верит в возможность [исключитель⟨ных⟩] великих событий и что это вера [десятков, сотен тысяч] многих тысяч людей. [В конце концов] Клим тоже [чув⟨ствовал⟩] [почувствовал, что готов верить] чувствовал, что [в нем родилась [на⟨дежда⟩] надежда: [так и б⟨удет⟩] завтра] он способен и готов поверить: завтра явится необыкновенный, великий и, может быть,— *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_3$)

17 тоже [см⟨утно⟩] чувствовал

18–19 необыкновенный [человек] и, может быть

20–22 *Текста*: и который ∾ озорничаете?!» — *в ЧА*$_3$ *нет*.

23 В день, когда царь / Утром, когда царь (*ЧА*$_3$)

24 напряженно притихла / торжественно притихла (*ЧА*$_3$)

28–29 а охранники, в большинстве / а «охрана» (*ЧА*$_3$); а охранники (*БА*, *АМ*$_2$◊)

31–32 они ворочали ∾ подозрительно и строго / они [посто⟨янно⟩] [посматривали на зрит⟨елей⟩] [строго посматривали на стоявших за [спи⟨нами⟩] ними обывателей] ворочали тугими шеями, строго посматривая на стоявших за ними обывателей (*ЧА*$_3$); они ворочали тугими шеями, посматривая на [обыва⟨телей⟩] людей [за сп⟨инами⟩] сзади себя подозрительно и строго (*БА*)

34–35 ожиданием или чем-то иным / ожиданием [вождя] (*ЧА*$_3$)

35–36 подталкиваемый их локтями / поталкиваемый локтями (*ЧА*$_3$); поталкиваемый их локтями (*БА*)

37 и с Климом / с Климом (*ЧА*$_3$)

37–39 Чернобородый человек ∾ через минуту / Рыжеватый, остробородый человек [вз⟨глянул⟩] взглянул на него и через несколько секунд (*ЧА*$_3$)

40 Дернув ногой, Клим / Клим, дернув ногою (*ЧА*$_3$)

41 человек обиделся / рыжебородый обиделся ($ЧА_3$)

Стр. 461.

1–2 господин ∾ в очках! / В очках, а толкаетесь? ($ЧА_3$)

3–4 и, не слушая ∾ маневрируя / и [тор‹опливо›] ловко, быстро маневрируя ($ЧА_3$)

4–5 вогнали ∾ солдата / они, втроем, втиснули Самгина во двор, где [ещ‹е›] сидело четверо полицейских солдат ($ЧА_3$)

5–6 а на земле, у крыльца / у крыльца, на земле ($ЧА_3$)

6–7 и, должно быть ∾ человек / и, видимо, пьяный человек, а другой, в поддевке, без фуражки и со щекою, завязанной синим платком, сидел, покуривая, на ступени крыльца ($ЧА_3$)

7–8 втолкнули ∾ молодого / втолкнули еще [мо‹лодого›] одного человека, тоже молодого ($ЧА_3$); втолкнули еще [одного] одного, молодого (*БА*)

8–9 костюме ∾ солдатам / пиджаке, с веселой улыбкой на рябоватом лице. Человек, втолкнувший его, сказал полицейским ($ЧА_3$)

10 Задержите ∾ карманник. / Этого — задержать, карманник. ($ЧА_3$)

11–13 повели ∾ лафа! / отвели карманника в угол двора и спрятали его в какой-то [сарайчик] сарай.— Им сегодня — лафа,— сказал Климу человек с подвязанной щекою. ($ЧА_3$)

14–38 *Текста*: Затем вогнали ∾ рыбьим глазом.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

14 человека с альбомом / какого-то щеголя с альбомом ◊

16–24 и возмущенно кричал ∾ расставив ноги. / и возмущенно кри[чал на немецком языке. Самгин отошел подальше, он плохо знал язык и [он] вообще не хотел говорить с немцем, опасаясь чего-то. В течение часа времени на двор загнали еще двоих [робких людей [все]], оба они были сконфужены и разошлись по двору, как виноватые друг пред другом.

Отсюда, со двора, Клим Самгин услыхал торжественный звон бесчисленных колоколов, пронзительное пение фанфар, потрясающее ура тысяч глоток, рев военных] [1]— Их, их...— Полицейский, [смеясь] посмеиваясь, отмахнулся от него рукою в перчатке, точно от дыма, и, присев на ступень крыльца, закурил папиросу.— Кар-ро-шо! — угрожающе крикнул не-

---

[1] *Ранний вариант текста в БА обрывается на середине фразы в конце листа. Продолжения текста не найдено. Однако при расклейке л. 163 БА обнаружено начало правки вычеркнутого текста. Сверху чистой стороны листа, оборотная сторона которого использована для позднейшей редакции текста*: И глядя в окно ∾ ее Климу. (*стр. 466—467*) — *написана фраза*: — Нэ имеэште праву! [Романескую] — *Далее на листе ничего не написано.*

мец и, прислонясь спиною к стене, начал быстро писать карандашом в альбоме, изредка возглашая: — Кар-рошо. Нитшево! ◊

л. 162.V

27 одетый человек [и оч<ень>]

36 по двору, [на крыш<е>] над окнами

Стр. 461—462.

39–4 Так и простоял Самгин ∾ Ура-а! / Отсюда, со двора, Самгин услыхал торжественный гул бесчисленных колоколов, потрясающее ура тысяч глоток, рев военных оркестров, пронзительные вопли фанфар и дробь барабанов. ($ЧА_3$)

Стр. 462.

5–15 *Текста*: А когда все это ∾ не просят понимать.— *в* $ЧА_3$ *нет.*

7 бритым человеком / бритым и благообразным человеком (*БА*, $АМ_2$ ◊)

7–8 вошел [и], спросил

8–9 в руку человека в очках / в руку [человека] благообразного человека (*БА*); в руку [благообразного] человека в очках ($АМ_2$)

10 [ска<зал>] сухо сказал

16–18 Клим обиженно ∾ с Лютовым. / Ему пришлось просидеть на дворе часа полтора, это очень обидело его и убило желание видеть царя. Затем, на улице, он [увидел] встретил Макарова, пошел с ним к Лютову и там неосторожно напился. [1] ($ЧА_3$)

17 повлекла за собою / [и] повлекла с собою

19–23 Владимир Иванович ∾ довольно громко / И Владимир Петрович Лютов [тоже] волновался, но в другом тоне. За день до Ходынской катастрофы он, встретив Самгина на Тверской, [увлек] почти насильно увлек его к себе. (*БА** [2])

20 неестественно выпрямясь / неестественно прямо ◊

24 Идем ∾ Выпьем. / Пообедаем, выпьем. (*БА**)

25 Мы — люди ∾ надобно пить / [Ты че<ловек>] Мы — люди молодые, серьезные, нам следует очень много пить (*БА**)

26–27 Полной душою ∾ воспрещается. / Это, брат, необходимо: ибо на святой Руси жить полной душою строго воспрещается. (*БА**)

27–28 *Фразы*: Всеми ∾ прозаиками.— *в БА* нет.*

28–29 А когда ∾ четыре пятых / После, когда пропьем четыре пя-

---

[1] *Конец фрагмента* $ЧА_3$ (ХПГ-21-1-41).

[2] *О начале БА * см. примечания к стр. 455, строка 25.*

тых [души] (*БА**); [После] А когда пропьем четыре пятых (*БА*)

30–31 и друг другу ∾ рассказывать / и рассказывать друг другу похабные анекдоты из русской истории (*БА**)

32–35 Лютов был ∾ извозчика-лихача. / Он был в состоянии тяжкого похмелья, шел покачиваясь, толкая Клима, нагловато озирал встречных женщин, говорил громко [и был явно настроен], явно настроенный на скандал. Это встревожило Клима, он предложил взять извозчика. (*БА**)

34 но [это] безуспешно. Тогда он [свернул] увлек

36 Лютов, глядя / Лютов напугал его еще больше, глядя (*БА**)

37–38 оживленного ∾ еще громче / оживленного народа, на дома, обильно украшенные флагами, он заговорил громко (*БА**)

39 Радуемся ∾ встречаем. / Р-радуемся! Помазок божий встречаем, царя! (*БА**)

40 в [зван‹ие›] чин идиотов (*БА**)

Стр. 463.

1 тихо и строго просил / просил (*БА**) [1]

л. 163

4–5 ходового [рус‹ского›] московского народа

12 Но [возница] лихач

14 пересекавших [его] дорогу

20 [Дранг] Крафт.— сказал он

21–22 улыбнувшись [своей] неохотной улыбкой

25–26 *Текст*: Кажется ∾ не ответила ему.— *вписан со следующим вариантом*:

25 [сухо] напомнил Клим

27–28 нахмурился [наянским ‹?›] и не очень вежливо

28 *После*: пообедать — *зачеркнуто*: Тотчас же сели за стол

28–29 не отказались, [чем] а Лютов

31 благовоспитанный [и с очевидной наклонностью к панпсихизму]

34 очень [розов‹ые›] красные губы

38 [он бла‹госклонно›] человек благосклонно

39 подозревал [за скрытым] скрытым за нею [непоколебимое] презрение

40 [Говорил он] Ел человек

40 пил осторожно [аккуратно]

---

[1] *Словами*: богоносец на‹род› — *строка 2 — заканчивается на переносе слова БА *. Его непосредственное продолжение на л. 163 БА* (*см. стр. 463, строка 2*), *в третьей редакции сохранившем нумерацию в связи с тем, что листы нового текста получили нумерацию — 162.II, 162.III, 162.IV, 162.V.*

Стр. 464.

2–3 очень украшает / весьма украшает

4–5 стеснял хозяина [который]. Лютов

6–7 *Слова*: но говорил ∾ сухо — *вписаны.*

8 и дважды / и четырежды ◊ (*БА*); [и] а дважды (AM_2)

10 при этом она / она при этом (*БА*, AM_2◊)

18 и бесшумно / [сзади да‹ма›] за ним бесшумно ◊

19 Я — скоро! — [пообещал] обещал Лютов

19–20 и оставил его [в одиночестве]

19–23 *Текст*: и оставил ∾ с революционерами? — *вписан со следующим вариантом*

22 И зачем [он], по каким мотивам

22–23 *Фраза*: Какой подозрительный человек...— *вписана после слов* — с революционерами?

24 Лютов возвратился / *а.* Он действительно возвратился *б. Как в тексте.*

24–25 [судорожно] забегал по столовой

28 В этом роде. / Хотят быть левее. (*БА*, AM_2 ◊)

33 [может быть] можно озаглавить

35–36 патентованные историки / *а.* историки *б. Как в тексте.*

36 обязаны [должност‹ью›] специальностью

Стр. 466.

4 Сел к столу / Он сел к столу (*БА*, AM_2 ◊)

4–5 [Запоздал] Сказал горничной

10 Видел я сына... [раза]

12–18 *Текст*: Клим слушал ∾ «Можете».— *вписан со следующими вариантами*

13 Лютов [почему-то] симпатичен [ему]

15–16 обида всё еще живет / обида живет ◊

19 усталый и [печальный] угрюмый

20 выпил [ви‹на›] стакан вина.

26–27 И, глядя ∾ Одиссея видел / Я на днях, недавно, Одиссея видел (*БА**) [1]

28 «Илиады» Гнедича / *а.* «Илиады» *б.* «Илиады» Гнедича (*БА**)

29–32 *Текста*: У меня, Самгин ∾ воевали! Да...— *в БА* нет.*

31 читает [и], похваливает

---

[1] *Вторая редакция текста*: И глядя в окно ∾ ее Климу (*до стр. 467, строка 22*) — *условно обозначается БА*. Обнаружена при расклейке л. 163 БА во время реставрации. В вариантах б БА* отражается работа автора над третьей редакцией. По отношению к данному отрывку текст БА представляет только четвертую редакцию текста.*

33–34 Остановясь ∾ что-то сказать / Договорить ему не удалось (*БА**)

34 хотел [что-⟨то⟩] еще что-то

34–36 но явился ∾ смущенный этим / [пришел] явился дьякон, очень смешно одетый не в подрясник, как всегда, а в старенькую, короткую для его [те⟨ла⟩] скелета поддевку (*БА**)

36–37 Макаров ∾ загудел / Над ним стали шутить, он тоже уныло и растерянно усмехался (*БА**)

38–39 Пришлось ∾ хозяин. / Да, вот — пришлось снять мундир воинствующей церкви, одеть штатское,— гудел он.— Привыкать надо к инобытию.— Угостите-ко чайком, хозяин, вина не хочется. (*БА**); Пришлось переменить мундир церкви воинствующей на штатское. Надобно — *Далее, как в тексте* (*БА*, $АМ_2$◊)

39 *После*: хозяин.— Что на улице? — спросил Лютов.
— Переселение народов. (*БА*, $АМ_2$◊)

40 За чаем выпили коньяку / Но за чаем стали пить коньяк (*БА**)

40–41 потом дьякон ∾ в шашки / *а.* а после чаю нехотя и невесело пили всё *б.* а после чаю дьякон и Макаров пошли на улицу — «смотреть народ» (*БА**)

Стр. 466—467.

41–2 а Лютов ∾ и бормотал / Лютов явно тосковал, он бегал по комнатам, не находя себе места, подбегал к окнам, почему-то осторожно выглядывал на улицу из-за косяка и сквозь кисею занавески (*БА**)

Стр. 467.

3 Идут. Всё идут. / *а.* Радуются! — сказал он, дергая плечами.— А четыре дурака — пардон! — четырем дуракам скучно! А? — *б.* Радуются! — говорил он, передергивая плечами.— А четырем дуракам,— пардон! — четырем дуракам скучно! А? (*БА**)

4–10 Присел к столу ∾ подзорная труба? / *а.* К ночи он и дьякон были пьяны, а Макаров предложил Климу остаться ночевать.— [Утром влезем на крышу, посмотрим, как на⟨род⟩] А утром пойдем на Ходынское поле, посмотрим — интересно все-таки. Ладно? *б.* К вечеру Макаров и дьякон были пьяны. Лютов предложил Климу остаться ночевать.— А утром пойдем на Ходынское поле, посмотрим — интересно все-таки! Хотя смотреть можно [у н⟨ас⟩] с крыши, у отца есть подзорная труба; Костя знает, где она. (*БА**)

6 хотел уйти / стал прощаться (*БА*, $АМ_2$◊)

11–14 *Текста*: Клим остался ∾ лег спать.— *в БА* нет.*

14–15 Утром Макаров ∾ разбудил его. / *а.* Он разбудил Клима

рано. *б. Зачеркнуто*[1] (*БА**); [Рано] Утром — *Далее, как в тексте* (*БА*)

16–17 Что-то случилось ∾ хочешь? / Вставай! Там что-то случилось на Ходынке. Народ бежит, говорят. (*БА**)

18–19 ему не хотелось ∾ неохотно / не хотелось, решили влезть на крышу, захватив [с собою подзорную трубу и театральный бинокль] старинную подзорную трубу (*БА**)

19–20 Оттуда ∾ над полем облако / С крыши и [простым г‹лазом›] невооруженные глаза видели над полем [странное] облако (*БА**)

21 Макаров ∾ и передавая / [А] Макаров, посмотрев в медную трубу и передавая[2] (*БА**)

л. 164

24 Да, поле [каза‹лось›], накрытое

28 Красные рубахи — [как раны на коже] точно раны

30 никаких событий нет / *а.* никаких событий как будто нет. *б. Как в тексте.*

30–36 *Текст*: продолжал он ∾ Трезвый однако...— *вписан со следующими вариантами*

33 И, [шумно вздохнув] приглаживая ∾ волосы

35 [он сейчас] только сейчас

37 город гудел, ревел / *а.* город гудел, ревел, где-то ухала медь труб военного оркестра *б. Как в тексте.*

38–39 стучали ∾ экипажей / [трещала мостовая под кол‹есами›] трещали колеса экипажей

40 органный [и], мощный

Стр. 467—468.

40–1 *Фраза*: Черная сеть птиц ∾ в сторону Ходынки.— *вписана со следующим вариантом*

Стр. 467.

41 [дро‹жала›] шумно трепетала

Стр. 468.

2 [неподвижно] утвердилась

6 иногда над [нею] ними

7 вспухало [двигалось], но быстро тонуло

8 притекал шум / притекал гул ◊

---

[1] *На полях против вычерка помета рукой Горького*: Вставка. *Видимо, относится к тексту на блокнотном листке*: [Рано] Утром Макаров ∾ и передавая [ее Климу] (*строки 14—22*). *Он присоединен автором к верхнему слою текста, но, возможно, сначала связывался с перерабатываемым текстом в БА *.*

[2] *Здесь заканчивается текст второй редакции, обнаруженный при расклейке.*

8–9 не ликующий ∾ зимний / не ликующий, а какой-то зимний ◊

9–10 [плыл] он плыл медленно [и], непрерывно

11 грохоте и реве [города]

12 от медного ободка / *а.* от костяного ободка *б.* от медного ободка

13 очарованно смотрел [слушал]

14–15 [молебны] многотысячные молебны

16 сквозь [глухой] поток шума]

19 под тяжестью толпы / толпа стоит пред полукругом каких-то игрушечных построек и что под тяжестью ее (*БА*, *АМ*$_2$◊)

24 масса [людей] внезапно хлынет

25–26 напора темных потоков ∾ люди опрокинут / темные волны людей, потоки живых тел людей, люди раздвинут и опрокинут ◊

33–35 Город напоминал ∾ кусками ситцев. / Город напоминал [заношенное, нечистое оде‹яло›] старое и местами [про‹рванное›] изорванное одеяло на вате, покрытое кусками пестрых ситцев. ◊

35 *После*: ситцев.— *на полях вписано и зачеркнуто*: Обилие флагов усиливало это впечатление пестроты и разорванности.

36–41 фигурки людей ∾ как бы испуганные / фигурки людей, лошадей. Казалось, что движение их становится все более тревожным и бессмысленным в своей беззаботности. ◊

38–39 [они] встречаясь, они останавливались

40 быстро бежали / быстро разбегались ◊

Стр. 469.

2–5 как резиновые ∾ похожие па рыб / [точно резиновые игрушки, над ними качались тоненькие древки пик, разбрасывая в воздухе капельки ртути] [резиновые] как резиновые игрушки, над ними качались, точно удилища, тоненькие древки, мелькали в воздухе острия пик, похожие на [ртутные рыбки] рыб

8 [мимо до‹мов›] над серым булыжником

11 было странно, как сновидение / было похоже на сновидение ◊

15 [Как] Ну, что?

16 [Как будто] Не знаю, но как будто

20–21 к веселым ∾ голосам / к веселым голосам ◊

21 Вдруг точно подул / [Время шло к полудню, рев города все возрастал.] [Но] И вдруг как бы подул ◊

23 [и] звон бубенчиков

27 толстый ∾ гривастый / большой, гнедой конь ◊

28 большою [кр‹упной?›] головой

29–30 шел [без], обнажив ∾ голову
30 бородатый [из⟨возчик⟩] [ломовой] извозчик
30–31 извозчик, часть вожжей ∾ на плече его / извозчик ◊
33 С телеги, [новой с] из-под ∾ брезента
40–41 Человек шесть ∾ драка. / Человек шесть, даже больше,— изумленно пробормотал Макаров.— Очевидно — драка. ◊

Стр. 470.

4 людей [обнажать] врастать ∾ обнажать головы
8 [они] эти не были покрыты
10 части тел [грязны и] в пыли и грязи
14 *После*: и не охотно — *начато*: [Чело⟨век⟩]

л. 165

23 [тол⟨па⟩] некоторые из них
24 не падали, а всё шли, шли / не падали, шли ◊
25 встречные [здоровы⟨е⟩], неизломанные люди
28–29 не своим голосом / неестественно громко ◊
30 Самгин пошел / Клим пошел ◊
32 с выпученным ∾ жилете / с выпученным животом ◊

Стр. 471.

3–4 общительные, [но] бестолковые люди, они [роптали] кричали
12–13 башка, сиявшая празднично / башка, сиявшая [торжественно и счастливо. Пожарный, сидя на передке телеги, курил.] празднично и счастливо. [Пожарный, монументально сидя на передке телеги, курил.] (*БА*); башка, сиявшая празднично [и счастливо] (AM_2)
14 торжественно возвышалась / возвышалась ◊
16 Троянцы / Илиада... Троянцы ◊
18 погружен [очевидно] лишний
18–19 сверх трупов, [по⟨ложенных⟩] аккуратно положенных
19–26 вдоль телеги ∾ на клешню рака. / [вдоль, он лежал поперек их, на животе. Голова его была свернута под плечо, а руки неестественно [закинуты [и одна р⟨ука⟩]] раскинуты, и кисть одной руки [сложена] сжата лодочкой, просительно, а на другой не хватало двух пальцев и она была похожа на клешню рака.] вдоль телеги [был небрежно брошен поперек их, на животе. Шея его круто свернута], его небрежно взвалили вкось, почти поперек их, и он [высунув] высунул из-под брезента [руки] голые, разномерные руки; одна была [длинная] коротенькая, торчала деревянно [сложи⟨в⟩] и растопырив пальцы звездою, а другая — длинная [из⟨огнутая⟩], очевидно, сломана в локтевом сгибе; [она свободно] свесившись— *Далее, как в тексте.*
27–28 [смутно, как сновидение] вспомнил Клим

29 сказал он [и поверну⟨л⟩], идя во двор

33–38 Вспомнилась ∾ куда вы? / Куда вы? [Маракуев?] [1] Стойте,— сказал Макаров. ◊

37 крикнул: [Маракуев?]

Стр. 471—472.

39–4 Вслед за этим ∾ Видели? / Клим снял очки, смигнул с глаз какую-то пыльную пелену и увидел, что Макаров держит за локоть [Маракуева] [2] [в [белом расстегнутом ки⟨теле⟩] белой тужурке, испачканной [гря⟨зью⟩] пылью и рыжеватыми пятнами]. Без фуражки, с растрепанными волосами, [он] с бледным лицом и расцарапанной щекою Маракуев казался сильно пьяным. Он бессмысленно, красными глазами смотрел на Макарова [3] и спрашивал: — Вы — что? Видели? Вот... история, а? Где вы были, а? ◊

Стр. 472.

4 *После*: Видели? — Не правда ли, а? (*БА*, *АМ*$_2$ ◊)

5 [И в лице, особенно в ост⟨ановившихся?⟩] В неподвижных глазах его

12 если ∾ руки / если [на⟨клонится?⟩] вынет руки

16 [Видели?] Где вы были?

17 внес его в [дом] комнаты

18 [и начал м⟨ыть⟩] и начал мыть

19 нагнуть [спи⟨ну⟩] шею

20–21 отталкивая Макарова плечом / отталкивая Макарова ◊

26 [Кл⟨им⟩] Найди ∾ белье [пос⟨тели?⟩]

28–29 на [разде⟨того⟩] расплющенного человека

30 увидал Лютова [у окна]

31 [тряс голо⟨вой⟩] держась за голову

37–38 надо бы ∾ не шли на язык / тут надо бы сказать какое-то другое слово: [менее] но он не знал [еще], более определенное или менее ◊

41 покряхивая, массировал / растирал и массировал ◊

Стр. 473.

1 поворачивая шею [глядя в по⟨толок?⟩]

2–3 Маракуев [бес⟨связно⟩] говорил

7 за собой трупы / за собою трупы, трупы [Да.]

9 Отвечают: «Нельзя». / Отвечает: «Нельзя». (*БА*, *АМ*$_2$)

18–19 рот его ∾ лицо / [его ли⟨цо⟩] его исцарапанное лицо ◊

---

[1] *Слово вписано на полях без указания места вставки; вводится в текст по смыслу.*

[2] *Слово ошибочно вычеркнуто.* [3] *В автографе описка*: Маркова.

22–23 как на болотную кочку [а?]
33 догадавшись, [что Маракуев [ходил] был] зачем Маракуев
35 ответил студент / ответил Маракуев ◊

Стр. 474.

8 *После*: мне чаю...— Я не могу красного... (*БА*, AM_2 ◊)
10 в полночь... [поговорить] и меня всосало [в гущу]
12 гуща, трясина / гуща, как смола ◊
13–14 К утру [уже] некоторые
14 *После*: Кричали.— *зачеркнуто*: Они так ⟨кричали⟩
20 Куда же деваться? / Куда же денешься?
22 только что [проснувшийся, ска⟨зал?⟩] умывшийся
24 Маракуев молча / Маракуев замолчал ◊
27 [Какой] Как ужасно
35 Клим [по⟨чувствовал⟩], чувствуя
36–37 обругал себя [ожидая] и замолчал, ожидая, [какой] что скажет Лютов

Стр. 475.

2–3 ждал случая [копат⟨ь⟩] выкопать
3–4 *После*: для многих — Какой человек? — тихо спросил Лютов.— Не помню. Вообще — практический... Ко всему готов. (*БА*); *в* AM_2 *текст зачеркнут.*
5 выпил коньяку / выпил вина ◊
6–7 мутные глаза посветлели / зрачки орехового цвета [ст⟨али?⟩] оживились ◊
9 глядя в [ста⟨кан⟩] пустой стакан
12 уверенно [ответ⟨ил⟩] повторил
16 [до кости] кость обнажилась
32–33 и сам истребляяй / и истребляяй сам ◊

Стр. 476.

17 это вам надлежит / это все вам надлежит (*БА*, AM_2 ◊)
34–35 Люди устало шли / Люди шли ◊
35 наклоня головы, как бы / опустив головы и как бы ◊
36 *После*: виноватыми — *зачеркнуто*: Но было [очень] много [блажен⟨ных⟩] лиц, блаженно сияющих, обрадованных тем, что они живы. Макаров нанял извозчика и [зарычал] закричал на него.— Скорее!.. Чёрт знает, как эти дурацкие флаги режут глаза,— бормотал он.
36 Но часто, когда человек / Но когда человек ◊
37 на [утом⟨ленном⟩] истомленном лице [его]
38 выражение тихой радости / [выражение ту⟨пой⟩] выражение радости ◊
39 утомлен впечатлениями [отупел]
40–41 [довольные] освещенные любопытством

Стр. 477.

2 Впечатления позволяли Климу / Впечатления, насытив его, позволяли ◊

3 О [людях] причине катастрофы

6 Это позволило / Это позволяло

9 сидел [неловко] боком

10–11 спрыгнуть на [землю] мостовую

14 соображал Клим / сказал Клим ◊

14–18 а Макаров ∾ не было». / *а.* Макаров [не от⟨ветил⟩] [помолчал, потом ска⟨зал⟩], помолчав, [замет⟨ил⟩] вспомнил: — Кажется, на свадьбе Людовика XVI [и Марии Антуанетты] тоже было какое-то несчастье... *б. Как в тексте до слов*: Марии Антуанетты — *далее*: [с Людо⟨виком XVI⟩] тоже случилось [нес⟨частье⟩] какое-то несчастье.— *Далее, как в тексте до слова*: женщина — *далее*: [а] Людовика точно и не было».

л. 167

23 вышли [на дво⟨р⟩] из темных сеней на двор

27 Ты думаешь... / Ты боишься... ◊

29 [Идем] Идем,— грубо сказал он.

Стр. 477—478.

33–7 вполголоса, предложил ∾ растрепанная Варвара / *а.* предложил вполголоса съездить на кладбище [куда]. — Нет. Ерунда,— резко сказал Макаров. — Дядя Хрисанф... ты думаешь, Лидия пошла с ним? — Звал. Я не знаю.— Настроение Макарова [пуга⟨ло⟩] внушало Самгину тревогу за Лидию и в то же время [будило] вызывало у Клима завистливые мысли. «Он чувствует сильнее меня. Он ее любит, это ясно». Они шли пешком, когда встречу им попалась Фиона, [сидевшая] сидевшая в экипаже *б.* предложил ∾ на кладбище.— Нет. Ерунда ∾ Дядя Хрисанф звал ее... ты думаешь, Лидия поехала с ним? — Звал. Не знаю.— Ты — молчи.— Настроение Макарова, постепенно внушая тревогу за Лидию, [настроило Клима] в то же время вызывало ∾ пешком, когда заметили Фиону, Фиона ◊

Стр. 477.

38 скрипя зубами [и дышал носом]

39 присматриваясь к суете / всматриваясь в непрерывные потоки ◊

Стр. 478.

14–15 пошла к дому, [ра⟨змахивая⟩] уже некрасиво размахивая

15–16 истерически ∾ рассказывала / громко рассказывая ◊

17 [Растоптали] Неузнаваем.

19 подбородок дрожал [рот кривился]

27 голос ∽ вокруг нее / *а.* голос Фионы начал собирать вокруг нее каких-то *б. Как в тексте.*

35 *После*: Макаров исчез — *зачеркнуто*: Это создало Климу очень дурное настроение.

36 резкими жестами / *а.* трагическими жестами *б. Как в тексте.*

39 [и язык...] язык висит

39 Я видела / Ужасно. Я видела◊

40 Больше. / *а.* Нет, больше. *б. Как в тексте.*

40–41 *Текст*: Что же это ∽ сами себя... — *вписан.*

Стр. 479.

2 мокрым полотенцем / *а.* полотенцем, смоченным в воде *б. Как в тексте.*

3–4 хватая ∽ швыряла / *а.* брала вещи с туалетного столика [и п〈отом〉] и тотчас же [начи〈нала〉] швыряла *б. Как в тексте.*

4–5 Облизывала губы / *а.* Она облизывала губы *б. Как в тексте.*

7 расширены и помутнели / *а.* расширены, белки влажны и помутнели *б. Как в тексте.*

10 она кричала / *а.* она злобно заговорила *б. Как в тексте.*

18–19 пришла ∽ рассказывать / *а.* мощная Анфимьевна ласково позвала пить чай *б. Как в тексте.*

19 деловито [рассказала] начала рассказывать

20–30 *Текст*: Перенесли его ∽ но успокоенным.— *вписан со следующими вариантами*

20–21 не хотят отпускать [никак]

27–28 [потом] затем, попросив чаю

28 [и] а через несколько минут

35 сказала она / *а.* сказала Фиона *б. Как в тексте.*

38 ее отношение / ее отношений

Стр. 480.

4 о смерти отчима / о смерти вотчима

4 минут пять / *а.* минут десять *б. Как в тексте.*

6 она не любит / *а.* Фиона не любит. *б. Как в тексте.*

6 [Он тоже] Его удивило (*БА*)

7 она до этой минуты / *а.* Она [ум〈ело〉] прятала *б. Как в тексте.*

7–8 антипатию к Лидии / *а.* антипатию к подруге *б. Как в тексте.*

8 и [это] удивление

9 в его глазах / в [его] глазах Самгина

9–10 надо говорить / *а.* надо быть печальной, надо говорить *б. Как в тексте* (*БА*)

13 Клим чувствовал себя всё более тревожно / Климу было тревожно ◊

14 было бы вообще приличней / было бы приличнее ◊

15–16 ходил по улицам, искал ее / ходил по улицам ◊

17 [уже неловко было] и уйти неловко

17 *После*: уйти неловко — *зачеркнуто*: «Как глупо все», — думал он, видя, что Фиона рассматривает свое отражение на меди самовара.

18 Было уже темно / Было уже близко к полуночи ◊

20 *После*: опустился потолок — *зачеркнуто*: стало сразу душно от тяжелого, неприличного запаха

25 я не хотел... / я говорил... ◊

26–27 [грязными] комьями овечьей шерсти

28–29 мутный, [был неподвижен] страшно вытаращен

29 [одна] штанина разорвана

31–32 *После*: была отвратительна — *вписано и вычеркнуто*: [— Горячей воды! — резко и] Макаров сердито потребовал горячей воды

33 [Макаров и Лидия] Макаров бережно [молча] усадил его

34–35 бутафор утвердил / он утвердил ◊

35 стряхивая рукою / встряхивая рукою

л. 168

37 Я [вам] говорил

38 *После*: друг друга — *зачеркнуто*: Как же не понять этого.

40–41 [Его] Нужно было отвезти его

Стр. 481.

3 [бабы-ист⟨ерички?⟩] бабы-кликуши

5 [Она] Глядя на Диомидова, она

20–21 [она], легко поставив ∾ на ноги, она

23 брезгливо ∾ вздрагивая / болезненно сморщив лицо, вздрагивая ◊

27–28 [а] не в этот момент

31 *После*: кричит он... — *зачеркнуто*: — Что это? Стреляют? Слышите?

32 [Город был наполнен шумом, необычным для ночи, он] В городе потрескивало

33 *После*: сыроватые дрова — *зачеркнуто*: Сквозь треск и вой, не заглушая его, издалека доносились бухающие удары.

34–37 Интересно ∾ заметил Макаров. / Фейерверк на Воробьевых горах,— [догадливо сказал] догадался Клим.— Фейерверк, конечно, отменен, что ты? — сердито заметил Макаров, но Клим ◊

38–39 Зачем же? ∾ развлекает. / Зачем же? Это развлекает ◊.

39 [Отменять] Было бы глупо

40–41 промолчал ∾ усы / промолчал, [беспокойно пощипывая усы] пощипывая усы, беспокойно глядя на дверь, прислушиваясь ◊

Стр. 482.

10–11 Не могу ∾ странным тоном / [пошла к окну, [повторяя] повторив: — Не могу,— и беспомощно развела руки] — Не могу,— повторила [Лидия] она очень странным тоном [и]

12 [были] закатаны до локтей

12–13 [мокрая юбка струилась, с нее] с мокрой юбки ∾ капли воды. [Она была жалка]

14–15 попросила ∾ руками / [сказала она тихо с гримасой отвращения, виновато] тихо ◊

27 Прочь друг от друга... [Дальше. Прочь от меня...]

30–39 стояла у плиты ∾ на колени. / *а.* наливала воду в котел на плите, вода сердито журчала. Макаров [быстро разделся и] начал мыть Диомидова, стоя пред ним на коленях, в этом Клим нашел нечто унижающее Макарова *б. Текст вписан со следующими вариантами*

36 [Потом] Самгин услыхал [еще] какой-то

37 Макаров [раздеваясь, снимая тужурку] заскрипел зубами.

37 [Раздевшись] Сняв тужурку, он

Стр. 483.

3 в комнату Варвары / *а.* в комнату Фионы [чувст⟨вуя?⟩] *б. Как в тексте.*

15 крикнула Варвара / *а.* попросила Фиона *б. Как в тексте.*

19 *После*: теперь... излечится — *зачеркнуто*: от увлечения». [Несмотря на поздний час, город шумел] [Город сердито всхрапывал, ворчал. Все еще шли] Бы⟨ло?⟩

20–21 На тумбах ∾ плошек. / [Кое-где по тумбам] По тумбам пылали огни плошек, наполненных салом ◊

21 Самгин нашел / но иллюминация показалась ◊

22–23 шум города [не р⟨адовал?⟩] недостаточно праздничен

25 будет фейерверк / был фейерверк ◊

27 Будет! / Был! Что вы, оглохли? ◊

30 не позволит шуток / шуток не позволит ◊

32 отменили на завтра / отменили, но по ошибке зажгли ◊

37 посмотрели туда [в темноту]

38 заставили Клима [ото⟨йти⟩] [после⟨довать⟩] [отойти] удалиться прочь

39–41 «Если ∾ Диомидов — прав...» / «[Скандал будет.] [думая] Если правда — *Далее, как в тексте до слова*: значит — *Далее*: [это] он человек — *Далее, как в тексте.*

Стр. 484.

1 Он шел к Страстной площади / Он шел вдоль Тверского к Страстному мона⟨стырю⟩ ◊

л. 169

6 [«Забавно»,— равнодушно] соображал Клим

7 бывает всегда [с человеком], если человек

9 и хотел пить / [и хотел пить] хотел пить ◊

15–16 [гов⟨орливого⟩] словоохотливого своего соседа

20 Самгин нехотя / Клим нехотя, против воли своей ◊

22 Поярков ∾ говоря / Поярков был бледен и [хл⟨аднокровно?⟩] говорил ◊

24–25 Пробовал объяснять. / Пробовал говорить ◊.

25 Не доходит. / Не берет. ◊

35 Могло быть хуже. [Суется он...]

37–40 Говорил Поярков ∾ усы. / *а.* [Голос Пояркова звучал тихо и невнятно, [разно⟨цветные?⟩] правый глаз его светил то медью, то янтарем, и он] Правый глаз Пояркова отсвечивал медью и янтарем, и с правой стороны лицо его казалось умным, даже злым, а левая сторона с неживым тускло-серым зрачком была унылой, холодной. Нос был тоже унылый, длинный, под ним густо пробивались рыжеватые усы. *б. Как в тексте.*

41 *После*: подумал Клим. — От этого и лицо треугольником. (*БА*, AM_2 ◊)

Стр. 485.

2 а [давно уже никто из приятелей] знакомые не умирают

3 «Зачем [ва⟨м⟩] же нужно вам

6–7 и невнимательно слушая / слушая ◊

9 [с чер⟨ной⟩] бородатый и толстый

10 кричал [возмущенно и уверенно]

11 Пользуясь ∾ несчастием / Пользуясь несчастием ◊

14 [а живут] а живут

17 *После*: вам нравится — коллега? (*БА*, AM_2 ◊)

18–21 Странно ∾ тихое отчаяние... / *а.* Тут какое-то тихое отчаяние,— ответил Клим с набитым ртом. *б. Как в тексте.*

22 У стола явился / К столу подошел ◊

22 щека его [был⟨а⟩] завязана

23 смешно торчат / смешно торчал (*БА*, AM_2 ◊)

25 [Второй раз я] Был уверен, что ты здесь

27–35 Наклонясь ∾ Вы, Самгин / *а.* и, оглянувшись, добавил тише... — Марксисты хотят выпустить листки...
— Полезно,— [ска⟨зал⟩] не сразу одобрил Поярков. Наклонясь друг к другу, они перешепнулись, потом Маракуев

спросил Клима: — Вы *б.* В студенческом [мундире] сюртуке, узком [ему] в плечах и талии и потому незастегнутом, в широких черных брюках, он снова казался [по⟨хожим?⟩] [пер⟨еодетым⟩] ◊

35 хорошо знаете / давно знаете ◊

37 до пяти часов / до семи часов ◊

38–39 [Едва] Сбежал я [часа через полтора] и вот всё мотаюсь

41 Он закашлялся, сморщив лицо, держась за бок. / Он вздохнул длительно и шумно. ◊

Стр. 486.

7 и, [со смехом или] насмешливо

8 на [тему] схваченную тему

9 Он был / Был он ◊

10–11 что [об⟨ъяснить⟩] одним ∾ необычное [наст⟨роение⟩] [подозрительное] и даже несколько пугающее

26 [ск⟨азал⟩] один [доктор с⟨казал⟩] полицейский врач сказал

28 сам видел / сам видел. Видел.

29 Действующие инстинктивно... [Вот — правда]

31 дребезг [старенькой, развинченной] старенького, развинченного

33 предложил / [сказа⟨л⟩] попросил тихонько ◊

36–37 над массой города ∾ по невидимой земле / над развалившейся по невидимой земле массой города ◊

Стр. 486-487.

38–13 Клим вдруг ∾ Не пойду. / *а.* Маракуев, остановясь, посмотрел на него и решительно сошел с дороги в сторону, под дерево, прижался спиною к стволу его.— Не пойду,— сказал он.

Над холмами [взвилась, шипя] шипя взвилась и оглушительно лопнула ракета [разлетелась змеевидной полоской, красн⟨ой⟩] б. *Текст вписан со следующим вариантом*

Стр. 487.

2–3 [Клим] и не найдя их, Самгин

17 *После*: Я столько видел... — *а.* Ликуют. *б. Зачеркнуто.*

л. 170

21–22 сорвав ∾ начал / сорвал повязку с лица и начал ◊

24 *Текст*: Чёрт,— ведь они оба [дети] младенцы,— [бормотал] вскричал он.— *вписан.*

25–26 Это было [необычно] неожиданно

29–30 всхлипывает, как женщина / *а.* о любви которого тоскуют все девушки, плачет где-то, как баба *б. Как в тексте.*

32 *После*: в зубах — *а.* Всхлипывает, как женщина. *б. Зачеркнуто.*

32–33 Кто-то [маленький] мохнатый

37 [Второй р‹аз›] Я знаю, что

Стр. 487—488.

39–7 Недалеко взвилась ∾ не понимает... / *а.* Но неужели они не понимают, что — нельзя? — жалобно спросил он.

Отсветы взрывов ракет растекались в воздухе, лицо Маракуева окрашивалось в неестественно белый, ртутный цвет, становилось мертвенно зеленым и багровым, точно с него сорвали кожу.

— Смешно плакать, да... [Но ‹?›] *б. Текст вписан со следующими вариантами*

Стр. 487.

39 [Где-то недалеко] Недалеко взвилась

Стр. 488.

2 [пото‹м›] стало мертвенно зеленым

8–9 и подмигнул ему / и, подмигнув ему, заговорил ◊

16 Кого? [Себя?]

17 в две-три минуты / через какие-то ничтожные две-три минуты ◊

17–18 его окружило [не‹сколько›] человек шесть

20 то туда / то в сторону трактиров, холмов ◊

20 заставляли [дом‹а›] трактиры

23 заметил кто-то / тихо отметил кто-то

24–25 другой голос ∾ Идем. / другой подтвердил: — Похоже на правду.— Гремела музыка, шла тесная группа людей и гармонист впереди ее яростно наигрывал «Перстенек». ◊

25 *После*: Идем. — *следует ответная реплика*: — Идем.

28 *После*: в полицию — *зачеркнуто*: Могут избить.

29 Самгин почувствовал / Клим Самгин чувствовал ◊

31–35 он видел ∾ зубов Макарова / [Эти слезы [так же поучительны, как уныние Пояркова, утратившего [свою] свои коротенькие, аккуратно нарубленные, [и] твердые фразы, как удивленное и виноватое лицо Лидии, закрывшей руками гримасу брезгливости, как полезно было ему видеть грязное тело раздавленного Диомидова. Во всем этом для него внезапно обнаружилось нечто неприкрашенное. [Понять] Все это вне‹запно?›] такие же] [Он понял, что это слезы настоящие; уныние Пояркова, утратившего свои аккуратно нарубленные и твердые фразы, удивленное и виноватое лицо Лидии, закрывшей руками гримасу брезгливости, [скрежет зубов Маракуева [1]] объясняют очень многое [и ‹?›], что казалось

---

[1] *Видимо, описка, имеется в виду Макаров.*

ему непонятным и тревожило.] он [понял] видел, что это — *Далее, как в тексте.*

38 [Все это] [Вот] Все это, обнаруженное [ими] людями

39 было ∾ правдой / было настоящим, было подлинной правдой ◊

40–41 голое, избитое и грязное тело / голое избитое тело ◊

Стр. 489.

3 «Я — [не п‹озволю?›] сильнее, [чест‹нее›] я не позволю

5 я [честный человек] не способен

7–8 Во всех и в каждом / Дьяконá, Лютовы... во всех, в каждом ◊

8 [есть] скрыто ∾ Нехаевщина [и Кутузовщина], вот!..»

11 [Дома] [Город] Дома похожи

13 [прорезал] прорезав ∾ борозды, [развалив ее] обнаружил

14 Самгин [чув‹ствовал›] ощущал

14–15 в нем [честно] прямолинейно работает

15–16 темные недоумения / его недоумения ◊

16 [Он по‹?›] Человек с палкой

19 не спугнул [бо‹йкий›], не спутал

21 «Маракуев, [конечно] наверное

26–27 объясняло [Климу] Самгину катастрофу [— Массовое самоубийство.], о которой

35 понравилось [придум‹анное›] слово

38 возникла [сцена и] неприятная картина

39 [из дней] [пьяный рыбак] кухня, пьяный рыбак

Стр. 490.

4 *После*: как же иначе?» — *зачеркнуто*: Зачем они? Они хотят этого...

5–6 сегодня ∾ ему / сегодня особенно мешают ему, особенно враждебны (*БА*, $АМ_2$◊)

8 *После*: неясное — Но [1] искать этих оценок совершенно бесполезно. (*БА*, $АМ_2$◊)

11 Да, надобно / Необходимо ◊

12 как знать хода / как обязательно знать хода ◊

13 *После*: шахматной игре — *зачеркнуто*. Но это еще более трудно.

13–14 [Здесь] С этой точки мысли [Клима] Самгина скользили

15 не первый раз / сотый раз ◊

19–21 соображал Самгин ∾ независимым / сердито соображал Самгин, и [ему] пред ним вставала, смущая, коренастая фигура Кутузова, вспоминался его звучный голос, уверенные слова.

---

[1] *Далее*: [думать о них]

Но он все таки чувствовал себя обновленным, окрепшим, независимым. (*БА*); [сердито] соображал Самгин [и пред ним вставала, смущая, коренастая фигура Кутузова, вспоминался его звучный голос, уверенные слова. Но он все-таки] и [чувствовал] чувствовал себя обновленным, [окрепшим] независимым (*АМ*$_2$)

л. 171

22 независимости и [опр⟨еделенности⟩] устойчивости

26 на [ее] смуглых висках

40 Появлялась Варвара / Появлялась [и исчезала] Фиона ◊

Стр. 491.

1 [сл⟨ушала⟩] минуту-две слушала

5 [и] спросил

12 в больницу... [домой!]

16 что [ска⟨зал⟩] нашел доктор?

17 на него [виноватым] непонимающим взглядом

18 ее глаза стали светлее / глаза ее казались ярче ◊

21 *После*: потрясение — *зачеркнуто*: психическая травма, — сказал он.

40 Нормальный организм требует устранения / Нормальная жизнь сводится к устранению ◊

Стр. 492.

2 закон биологии [его требование]

10 Клим, пойдем, помоги / Клим, помоги ◊

12–13 глаза [его] больного

13–14 Макаров [спросил] предложил

14–15 [юноша] Диомидов отвернулся [к] лицом к стене

16 *После*: Уйдите — *зачеркнуто*: Но подчинился настояниям

17 неохотно [недружелюбно], глядя [на] в окно

18 капает с ложки / капает (*БА*, *АМ* ◊)

18–19 на плечо Диомидова [тот повернулся]

25 Макаров постоял / Макаров, стиснув зубы, стоял ◊

25–27 на себя ∾ пальцами рук / на того человека, который [умоляющим] восторженным тоном развивал идеи матриархата ◊

31–32 рот его [был] открыт

32 он открыл рот / это он нарочно открывает рот ◊

35-36 лаяла испуганная / испуганно лаяла ◊

37–38 лежит [этот] полуидиот

40 представив [нагое] тело Лидии

41 *После*: белых руках — *зачеркнуто*: Это обожгло его и тотчас же обрадовало: — Вот она, ревность!.. Это, конечно, ревность.

Стр. 493.

4 пусть Лидия / пусть посидит Лидия (*БА*, AM_2 ◊)

7 [с наслаждением] тихонько [с наслаждением] сказал

8 Молчи ты... [вошь]

8 *После*: блаженная вошь!.. — *зачеркнуто*: И если ты скажешь Лидии, что я тебя назвал вошью... смотри! Раздавлю...

9 Клим [в‹первые›] первый раз

9 испытывал [хмельн‹ое›] охмеляющее

12–13 в то время ∾ притискивала / и[1] в то [же] время как голова [вс‹е›] притискивала

л. 172

20 *После*: о вшах, клопах... — *зачеркнуто*: Он чувствовал себя смелым.

32 Клим видел / он видел ◊

Стр. 494.

4 она, уклоняясь / она уклонилась ◊

6 в комнату Варвары / в комнату Фионы (*БА*, AM_2 ◊)

12 Спит ∾ сказала / Уснул, должно быть,— сказала ◊

22 [Про‹щаясь›] Лидия задумчиво молчала.

28–29 фуражку трогали куски / фуражку касались устало повисшие куски ◊

32–33 праздничные костюмы / чистенькие костюмы ◊

39 Прейс [поколебал] рассказал Климу

Стр. 495.

11 вы — не идеалист [не романтик]

13 всегда говоривший / прекрасно говоривший ◊

16 обиженного человека / человека ◊

20 кругами ∾ восьмерки / описывая восьмерки, сходились, расходились ◊

21–22 в какой-то точке ∾ сходились / то в одной, то в другой точке круга сходились ◊

22–23 подозрительное [и], внушавшее [от‹гадку?›] догадку

25 для поучения и соблазна / для соблазна ◊

25–26 молчаливее, [сдержанней] спорил меньше [холодней]

27–28 Маракуев ∾ с Варварой / [он быстро прибирал Фиону к своим рукам] Маракуев заметно сближался с [Фионой] Варварой

29 отчима он вел ее / отчима ее он вел ее

30 к плечу ее, шептал / к плечу [ее] Фионы, всю дорогу шептал ◊

31 она ∾ взмахивала головой / [Фиона] она, оглядываясь, взмахивала непокрытой головою

---

[1] *Случайно не вычеркнуто.*

35 рядом с ней / рядом с Фионой (*БА*, AM_2 ◊)

Стр. 495—496.

41–1 рассказывает ∾ всегда / всегда рассказывает прозой ◊

Стр. 496

3–4 так, как будто ∾ любуется ею / как в аппарат фотографа, или сидит против кого-то невидимого, кто [относ‹ится›] разглядывает ее критически ◊

8 читающим взглядом, точно в книгу / как в книгу, читающим взглядом ◊

13–14 иногда — неумным / иногда — глупым ◊

16 находил нужным вставлять / вставлял ◊

л. 173

34 имена Фра-Дольчино / имена Сократа

Стр. 496—497.

41–1 [Одни разрушают] Может быть, многие разрушают

Стр. 497.

10 Да, именно [тогда]!

19 она хочет / Фиона хочет ◊

22 даже [Владим‹ир›] Константин

27–28 Он такой... не для этого... / Это у него что-‹то› ◊

35 *После*: быть героиней.— *зачеркнуто*: Не могу.

Стр. 498.

3–7 *Текст*: Было еще ∾ ходил медведь. — *вписан со следующими вариантами*

3–4 не погасли [ра‹зноцветные›] красноватые

5 [где-то далеко] был слышен гром

8 слышал Клим / слышал он ◊

12 совершенно не [л‹юбил?›] умел

13 он заговорил / он сказал ◊

23 *После*: Почему же? — *зачеркнуто*: Странный человек ты, Лида,— сказал Самгин, вздохнув.

33 *Перед*: Уже? — *зачеркнуто*: Клим

33 [стараетесь] искусно скрыв

37 ее птичье щебетанье / птичье щебетанье Фионы ◊

Стр. 499.

4–5 писала [длинные] письма

6 *После*: осторожно похвалила — *зачеркнуто*: Спивак, сообщала, что Варавка очень занят организацией газеты. И между прочим сообщала, что умерла Таня Куликова: «Это случилось неожиданно и необъяснимо. Так иногда, неизвестно почему, разбивается что-нибудь стеклянное. Исповедаться и причаститься она отказалась. В таких людей, как она, предрассудки врастают очень глубоко. Безбожие — это предрассудок».

17 бесцветная фигурка человека / безмолвная фигурка незаметного человека ◊
19 служил [чужим] людям
22 [заб‹отилась›] бескорыстно заботилась
26 тотчас же [п‹оправился?›] сообразил
26–27 остановиться на [признании Тани идеальным] [этой] этой эпитафии, ведь [собаки тоже очень пр‹ивязаны›] животные
28 тоже ∾ людям / тоже беззаветно привязываются к людям [1] (*$ЧА_2$*)

л. 174

28 *После*: служат людям.— Цинизм [этой поправки] нимало не смутил его; цинизм — это правда, которая не боится быть грубой. (*$ЧА_2$*); [Если это — цинизм, значит: цинизм — [это] правда, которая не боится быть грубой, как сказал Варавка.] (*БА*)
28–30 Разумеется ∾ проповедующих / [Бесспорно, что] [Люди, подобные Тане, полезнее, нужнее людей, проповедующих [что]] (*$ЧА_2$*, *фраза обрывается*)
32 он не успел / Клим Самгин не успел [у него внезапно вспыхнула] (*$ЧА_2$*)
33 раздались ∾ шаги / [послышалась тяжелая возня] послышались тяжелые шаги, возня (*$ЧА_2$*)
34 *После*: соседа по комнате — [усатого музыканта, [вирт‹уоза›] [черного] «виртуоза на деревянных инструментах», как он себя называл, [черно‹го›] [черно‹го›]] глухие удары по тонкой двери и горячий [жен‹ский›] шёпот женщины. (*$ЧА_2$*)
34 Сосед был / Это был ◊ (*$ЧА_2$*)
35 лет тридцати / [лет т‹ридцати›] [лет за тридцать] возраста лет за тридцать (*$ЧА_2$*)
35–36 черноглазый, синещекий / черноглазый [с черными, коротко подстриженными усами] [синещекий] (*$ЧА_2$*)
36 коротко подстрижены / коротко пострижены
39–40 но Самгин ∾ или фаготе / но [никак‹их›] никогда [не] ни на чем не играл, [никаки‹х›] фаготов и кларнетов у него [дома] в комнате не было (*$ЧА_2$*)
40–41 Жил ∾ человек / [и] жил он (*$ЧА_2$*); Жил [этог] черный человек (*БА*)

Стр. 500.

1 до вечера ∾ картами / до шести-семи часов вечера шлепал картами по столу, раскладывая пасьянсы (*$ЧА_2$*)
1–4 *Текста*: и воркующим голосом ∾ ищет меня? — *в $ЧА_2$ нет.*

---

[1] *Начало фрагмента $ЧА_2$* (ХПГ-21-1-42).

5 Вечерами ∾ в руке / затем [исчезал и] уходил [с толстой палкой], взяв толстую палку ($ЧА_2$)

6–7 и встречая ∾ думал / [Гля⟨дя⟩] Встречая его, Клим всегда думал ($ЧА_2$)

7 что такими / что такими, как этот

10 черный человек / сосед ($ЧА_2$)

11 в чемодан / в ящик комода ($ЧА_2$)

12–13 маленькую сестру ∾ затискивает / сестру хозяйки меб⟨лированных⟩ ком⟨нат⟩ ($ЧА_2$); маленькую сестру [хозяйки] квартирохозяйки,— затискивает

14 Что ж вы / Чего же вы ($ЧА_2$)

14–15 Зачем же ∾ от меня? / [Куда же] Зачем же это вы бегаете, а? ($ЧА_2$); Зачем же это [вы] бегаете вы от меня [а]? (*БА*)

16 *После*: Клим Самгин — *зачеркнуто*: не впервые видел эту сцену.

16–18 Клим ∾ догадка / Клим [пр⟨икрыл⟩] протестующе [з⟨акрыл⟩] прикрыл дверь и [вдруг сел на кровать], усмехаясь, сел на кровать, вдруг озаренный догадкой, повторяя слова виртуоза ($ЧА_2$)

18 *После*: счастливая догадка — *зачеркнуто*: «Любовь требует жеста».

19–20 *Слов*: повторил он ∾ инструментах» — *в* $ЧА_2$ *нет.*

21 Через день он поехал / Он поехал ($ЧА_2$)

21 [в] с твердой уверенностью ($ЧА_2$)

22 вел себя [глупо по] ($ЧА_2$)

22 как гимназист / как мальчишка-гимназист ($ЧА_2$)

23 *Фразы*: «Любовь ∾ жеста».— *в* $ЧА_2$ *нет.*

24 Несомненно ∾ от него / [Несом⟨ненно⟩] Несомненно, [это] она от него [бегает. И давно.] убежала. ($ЧА_2$)

24–25 только этим / Этим только ($ЧА_2$)

25 ее внезапный отъезд / [ее] неожиданный отъезд ее [Ничего загадочного в ее поведении нет, виртуоз по⟨мог⟩]; виртуоз очень просто разрешил загадочность ее поведения ($ЧА_2$); внезапный ее отъезд [Виртуоз очень просто объяснил загадочность ее поведения.] (*БА*).

26–27 догадки ∾ своевременно» / отгадки очень хорошо...[1] ($ЧА_2$); отгадки очень хорошо. И — своевременно» (*БА*); догадки очень [хорошо. И] своевременно» ($АМ_2$)

28 Мать, встретив его / Мать встретила его

28 [и] тотчас же

---

[1] *Конец фрагмента* $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-42).

29–30 уехала ∾ на молебен / уехала к губернатору, объяснив, что едет просить губернатора пожаловать на молебен ◊

32–33 в синем ∾ халате / в китайском халате ◊

37–38 твердо поместился ∾ пожилой / поместился пожилой ◊

39 и очень сильными очками / с очень сильными очками

Стр. 501.

14–15 *После*: с великой осторожностью — *зачеркнуто*: даже огурец ел, как рыбу, [б⟨оясь⟩?] точно ожидая встретить в огурце кость.

17 и [отправив их в рот [медленно жевал] на тупые широкие зубы], прежде чем положить их в рот

20–22 Даже огурец ∾ кость. / Даже огурцы он ел осторожно, как рыбу, точно ожидая [встре⟨тить⟩] найти в огурце кость. (*набросок на полях ЧА$_2$ — ХПГ-21-1-42 — см. выше стр. 499, строка 28 — стр. 500, строки 26—27).*

26–27 умеет ∾ он ест / умеет [дейст⟨вовать⟩] делать всё так же уверенно и осторожно, как он [кушал] ест

28–29 С ∾ лица Варавки [на него благосклонно смотрели] веселые ∾ глазки.

33 лиловатого цвета [испорченной говядины]

34–35 капризное выражение / почти унылое выражение ◊

39 [Так] Зн'ачит

41 нуждам края? / нуждам провинции? ◊

Стр. 502.

8–9 слышал [спо⟨койные⟩] четкие слова

20 *После*: звуки рояля — *зачеркнуто*: Значит — Лидия дома.

26 сухое и сердитое [с тенями в глазницах]

26–27 [и] крепко растерев

л. 175

33 [Широкий] Ворот блузы

35–36 говорила Лидия / говорила она ◊

40 хотел что-то другое / хотел не об этом ◊

Стр. 503.

5 сел к роялю [на табу⟨ретку?⟩]

6–7 ходили волны [наи⟨сильнейшего?⟩] сотрясающей дрожи

15 [честно] ответил он

21 пошла прочь / отошла прочь

28 встал [ем⟨у⟩] и пошел

31 было [удивительно] легко

36 смотрела в [лицо] глаза его

Стр. 504.

1–2 не находя в себе / не чувствуя ◊

2 [и] не чувствуя

3 и не понимая / не понимая ◊
5–6 с изумлением [озабоченно]
8 Тогда он [чувствуя себя совершенно опустошенным] снова встал
10 [и] а по железу
12 «Я — настойчив,— [утеш‹ил›] хотел
17 как он [ожидал, [хотя он мог сказать себе] не так и] воображал
26 милостыню подала / милостину подала... [Неужели и тут]
30 лег и пролежал / лег и проспал ◊
38 тридцать учеников / тридцать пять учеников
40 [руки] кожа рук

Стр. 505.

1–4 Раздражал ∾ как старшая. / *а.* Раздражал и ее тон. *б. Как в тексте.*
8–9 для такой роли / *а.* для этой роли *б. Как в тексте.*
11–17 Она сказала ∾ подружилась с нею?» / *а.* Затем она сказала, что критик обязан быть тоже художником [и].— Да, художником, а не старой девой, которая знает по рассказам подруг о тайной связи фантазии художника с действительностью, но сама непосредственно не испытала страсти [к творчеству] и не понимает [ночных] восторгов [поэта]... — Мать заявила, что она не выносит стихов молодых поэтов и что все они плохие переводчики французских декадентов. *б. Текст вписан со следующими вариантами*
13 согласилась мать ∾ головой / говорила мать, утвердительно кивая головой ◊
14–15 а Клим [дум‹ал›] [из] [с улыбкой], рассматривая
18 В окно хлынул / Вдруг в окно хлынул ◊
20 [радостно] улыбаясь
20–21 Клим тоже молчал ∾ облака. / *а.* Клим молчал, пытаясь разобраться в путанице полумыслей, облачно колебавшихся в нем. *б. Как в тексте.*
22–23 необходимо ∾ на Лидии / *а.* надо объявить Лидию невестой и уехать с нею хотя бы в Крым, венчаться *б.* надобно жениться на ‹Лидии›, обвенчаться с нею ◊
25 в решении жениться [на Лидии]
26 *После*: что-то вынужденное — *вписано и зачеркнуто*: но нет того чувства, которое было еще утром с (*БА — видимо, начальный вариант текста*: Он едва ∾ волновало его.— *см. ниже, строки 26—30*)
26–30 *Текст*: Он едва не сказал ∾ волновало его.— *вписан.*
31 не явилась [и к ужину] и ужинать

32 сидел дома / не выходил из дома ◊

32–33 напряженно [и все более угрюмо] ожидая ∾ что Лидия придет

35 предлог не ходить [наверх]

36 объявила [себя], что она нездорова

36–37 обед и чай подавали для нее / обед подавали ей ◊

36–37 *После*: для нее наверх.— Она сошла в столовую на третий день вечером, очень [1] оживленная, [всем улыбаясь] подшучивая над своим нездоровьем, [но с необычной для нее нежностью ласкалась к отцу. В [ее поведении] [поведении] ней было что-то, возбуждавшее у Клима смутные подозрения] говорила веселые пустяки, что было не свойственно ей, и с необычной для нее, подозрительной нежностью ласкалась к отцу.— Ты, кажется, нервнича⟨ешь⟩? — спросил он.— Нисколько. [Осторожно наблюдая за нею] [Неза⟨метно⟩] Осторожно [и недо⟨верчиво⟩] [и незаметно, но ⟨?⟩] наблюдая за нею, Клим [не открыл [в ней] в лице ее никаких внеш⟨них⟩] [заметил] видел в ее глазах [все то⟨же⟩] уже знакомое ему выражение вопроса, оно становилось особенно ясным,[2] стало как будто острее, особенно ясным, когда Лидия смотрела на Веру Петровну и Спивак. Она [очень] усиливала [то] состояние напряженности, в котором Самгин жил эти дни. [Ему] Он ждал, что вот сейчас Лидия скажет или сделает что-то необыкновенное [скандальное, поразит всех и] [3] (*ЧА*$_2$)

Стр. 506.

л. 176

4–5 *После*: проворчал Варавка — *зачеркнуто*: Ты хочешь сказать — пол⟨ьза?⟩

14 Иностранец. [Это — плохо]

21–22 Лидия ∾ которой напомнил / Лидия, одетая в какой-то странный, золотистого цвета халатик, напомнивший ◊

23 женщин на картинах Габриеля Росетти / женщин Габриеля Росетти ◊

23 Она была / Лидия была ◊

24 настроена [весел⟨о⟩] [не оч⟨ень?⟩] несвойственно ей

29 *Перед*: он стал ждать — *начато и зачеркнуто*: он [ожи⟨дал⟩] сидел [по⟨груженный⟩]

35 [Климу] Унизительно было

---

[1] *Начало варианта вычеркнуто в конце л. 175 БА, продолжение — в отрывке ЧА*$_2$ *(ХПГ-21-1-44), имеющем первоначальную нумерацию БА — л. 176.* [2] *Слова*: становилось ∾ ясным — *вероятно, случайно не вычеркнуты.* [3] *Конец отрывка ЧА*$_2$ *(ХПГ-21-1-44).*

37 точно от удара / как от удара ◊

37–38 уверен, что [произойдет что-то] ночью

Стр. 507.

1 [Ночь была] Лидия заставила ждать

2–3 в раскрытые окна [втека⟨ли⟩] из сада

8 он с надеждой говорил себе / он подумал ◊

11 он [почувствовал, что его по⟨?⟩] поднялся

13 Закрой окно / Закрой окна (*БА*, AM_2 ◊)

14 [Когда он] Комната наполнилась

15 Лидия исчезла / Лидия исчезла, растаяла ◊

18 [Все-таки он успел] Он успел разглядеть, что Лидия [сидела] сидит

22 *После*: шептала она — *зачеркнуто*: То, что началось и продолжалось в течение семи недель, было неописуемо, невыразимо. Клим Самгин до конца дней вспоминал об этом, как о кошмаре, о хождении по мукам.

28 жаднее, чем деловитая / яростней, чем деловитая ◊

29–30 *После*: бессильная Нехаева — *зачеркнуто*: [заставила] Она заставила| Клима вспомнить, что в его руках дочь цыганки.

30 Иногда он чувствовал / Иногда ему казалось ◊

30 что [он] сейчас потеряет

31 у него [р⟨азорвется?⟩] [совсем] остановится сердце

32 ему казалось / ему показалось ◊

33 тело [как ⟨бы?⟩] несколько минут

33 как бы от сдержанных / от сдержанных ◊

37 Испытать... / Хочу испытать...

Стр. 508.

14 неприятный блеск / злой блеск ◊

14–15 Все это уже ∾ сладострастия / Но все это уже не смущало его, не охлаждало [его чувств] [любострастия] сладострастия (*БА*); [Но] Все это — *Далее, как в тексте* (AM_2)

16 Но всё более / [Но всё более] Всё более ◊

18 только забавляли [его]

20 Постепенно / Но все чаще ◊

22–25 упрямое стремление ∾ не уставала / *а.* какое-то знание, ему неведомое и непонятное. [Может] Иногда ему казалось, что это не знание, а — догадки, [и] иногда он подозревал [за ее], что за ее [лю⟨бопытством?⟩] вопросами скрыто любопытство человека, зараженного навязчивой идеей, в которой есть что-то от неясной философии Макарова и есть то бесплодное мудрствование, которым он, Клим Самгин, [за⟨болел?⟩] однажды болел. «Она чего-то начиталась»,— соображал он, а Лидия *б.* упрямое стремление — *Далее, как в тексте до*

слов: Ему хотелось — *Далее*: [бы] думать, что [за вопросами девушки] неприличное любопытство Лидии вычитано ею из французских книг, [и] что она скоро устанет [от него и], замолчит. Но Лидия не уставала

29 чувствовать этого / этого чувствовать ◊

30 Он посоветовал [ей]

л. 177

37 как-то особенно? / как-то особенно, иначе? ◊

Стр. 509.

1 На эти вопросы / На этот вопрос ◊

1–4 *Текст*: и с досадой ∾ до себя?» — *вписан со следующими вариантами*

1–2 и с досадой, чувствуя / [и чувствовал, что Лидия] и с досадой чувствовал ◊

4 чтобы ∾ до себя / чтоб подавить его своей ◊

5 Брось, пожалуйста [эти вопросы]!

7 [Но ведь] Так — что ж?

8 нечто похожее / нечто усвоенное от нелепой философии Макарова и похожее (*БА*, *АМ*$_2$ ◊)

10 вдруг [впадала] впадая

18 [и ча⟨ще⟩] и всё чаще

18 злые искры / злые искорки. *Далее зачеркнуто*: Самгин стал думать, что он надеялся найти в этой девушке

19–20 несколько насильно / несколько насиловал себя ◊

21–23 *Текст*: А порою ∾ невесомой.— *вписан со следующими вариантами*

21 А порою / И порою ◊

22 отомстить за [что-то] эти злые искры

29 В ответ на [его] попытки

Стр. 510.

16 Она [кусала] стонала

17 желание оскорбить ∾ до слез / желание [выз⟨вать⟩] сделать ей больно до слез ◊

19 [когда п⟨ервый раз⟩] впервые обладая

23 здесь, [во второй раз] когда сама пришла

28 а — падение [куда-то]

35–36 Жалея, что не видит ∾ долго молчал / Клим тоже долго молчал ◊

36 прежде чем [ска⟨зать⟩] найти и сказать

37 [Знаешь] Это у тебя

38 [Минуты через две] Она тихо

39 [Ну, хорошо] Обними меня.

40–41 [без вопросов, без] ни о чем не спрашивая

Стр. 511.

3 *После*: для человека! — *зачеркнуто*: Клим осторожно не ответил. Он находил, что для него

4 «Чего же тебе надо?» / «Чего же ты хочешь?» ◊

5 [сдержал] сдержав возмущение свое, [промолчал] не спросил

6 Он [наход⟨ил⟩] чувствовал, что [для] «этого»

8 *После*: не пресыщали — *зачеркнуто*: [его, а все более] напротив, все более возбуждали жадность к ним.

17–18 забыла свои [идиот⟨ские]⟩ нелепые вопросы

18 не сдабривала ∾ мутным / не сдабривала [бы их] раздражающим, мутным

20 Она не укрощалась ∾ огоньки / Но она не укрощалась, хотя, кажется, не так уж часто злые огоньки ◊

21 уже [не так] менее часто

22 у нее возникло / у нее [явилось] возникало

30 «Ну вот, теперь она / Кажется, она ◊

32 Его томило ∾ неприятностей / [Его томили противоречивые чувства. Он уже начинал смутно бояться, что Лидия порвет связь с ним] Его томило предчувствие [каких-то] тяжелых неприятностей

33 порою внезапно вспыхивала / порою возникала ◊

34 сам [же⟨лал⟩] хотел этого

37 за то, что [было испытано, что] он робеет

38 Он видел себя / Клим Самгин видел себя ◊

41 ежедневно, [по] вечерами

Стр. 512.

6 как бы [утверждает] убеждает

22 [и] прикрыв глаза, [кривил костлявое лицо] болезненно сокращал

24–26 [Он, ка⟨к⟩] При второй встрече ∾ сообщил ему, что за [его] фельетоны Робинзона

32 [Было неясно: шу⟨тит⟩] Трудно было понять

35 насмешливо и враждебно / насмешливо и серьезно ◊

41 уважал его, [все] посматривал

Стр. 513.

8–9 фигуркой мельника ∾ цвета / *а.* фигуркой мельника *б.* фигуркой мельника и его тугому, крепкому лицу [какого-то] воскового или, скорее, медного цвета ◊

14–15 спросил его Робинзон [присев на ручку кресла]

22–23 хитер ∾ Саровского / хитер и зол. Он убедился в этом, когда заговорили о мощах Серафима Саровского и [1] ◊

---

[1] и — *в БА случайно не вычеркнуто.*

23 *После*: вздохнув, сказал — *зачеркнуто*: — Хотя сами и не решаемся перестать грешить, но желаем иметь праведников для удобства обстановки жизни.

24–27 мертвых ∾ право, так! / праведников ◊

27–28 все [один⟨аково?⟩] грешны

28 в одно [дело] грешное, земное дело

30 обо всем своими словами / обо всем ◊

31 бесцветному голоску, [Клим] к тихоньким

41 с опорой / с тайной опорой ◊

Стр. 514.

5–6 улыбочкой, [от которой] редактор подобрал [губу] нижнюю губу

7 лицо его / большое лицо его ◊

21–22 настроение ∾ не бесполезно / настроение тоже не бесполезным ◊

29–30 глаза ∾ сиреневого цвета / глаза сиреневого цвета с расплывшимися зрачками ◊

32–33 *После*: лицо мельника — *случайно не вычеркнуто*: в его

33 губы его [и]

37 были руки коротки / были коротки руки, а ◊

40 [Медная фигура.] Интересно посмотреть

Стр. 515.

3 одетый в [се⟨рую⟩] парусину, серый

4 в [де⟨шевых⟩] сандалиях

5–6 [он был] длинноволосый, он [был] стал похож

19 выдувая ∾ степи / выдувая [из ноз⟨дрей⟩] горячую пыль степей

21–22 и находя ∾ сдвинуты / сдвинутых ◊

24–25 И таких людей [он] мелькало

25–27 всё больше ∾ умных / все больше ◊

27 умных [людей]

28 [Иногда] Сверху спускалась

36 снисходительно [любезно]

37 натянутое и [отчужден⟨ное?⟩] печальное

40–41 вазочки ∾ Называя / вазочки варенья. [Она] Называя

Стр. 516.

3 как [лошадь] [жере⟨бенок⟩] теленок

8 Спивак [иног⟨да⟩] гуляла

12 [говорила] говорила она

25 очень [быст⟨ро⟩] [по⟨спешно?⟩] спешат

38 фальшиво-скромную мину / подозрительно скромную мину ◊

Стр. 517.

1 Дальше оба говорили / Дальше говорили оба ◊

7–9 «Для чего ∾ исподлобья. / *а.* Климу показалось, что косой взгляд Ивана Дронова уколол его. *б. Текст вписан.*

10–12 И тотчас же ∾ не та / *а.* Но, самое главное, что тяготило и тревожило Самгина, это — Лидия. Она — не та *б.* [Но он не мог думать почти] И тотчас же забыл — *Далее, как в тексте до слов*: все его — *Далее*: [думы] мысли — *Далее, как в тексте.*

13 Не та [совершенно ясно]

15 и [уже] не однажды

19–20 Мог бы сказать ∾ ошибся». / Хотел сказать: «Многое. Прежде всего — я понял, что ошибся в тебе». ◊

22–23 и что ∾ Он ответил / Он сказал ◊

26 и ее шёпот / и этот шёпот ◊

27–30 *Текст*: Было что-то ∾ бесстыдней.— *вписан со следующими вариантами*

27–28 особенно угнетающее / совершенно нелепое ◊

29 [точно сама] как бы сама стыдясь их

Стр. 517—518.

41–1 внимательно рассматривала / внимательно разглядывала

Стр. 518.

5–7 одна ∾ зеркала / одна — покачиваясь на полу, другая [скользила по неподвижной темноте] скользит по неподвижной темноте зеркала

7 по неподвижной [темноте] пустоте зеркала (AM_2)

10 Руки ее опустились / Руки ее упали, опустились (*БА*, AM_2◊)

11 [и] спросила [с] [с испугом] испуганно

13 сказала жалобным шёпотом / жалобно сказала ◊

14–15 родятся дети! ∾ недель... / родятся дети! ◊

17 с удовольствием ∾ недели? / дразня ее. ◊

22 Хотела? / Может быть. ◊

28 [ска⟨зала⟩] продолжала она

35–36 ступая [па⟨льцами⟩] на пальцы

40 между ним и Лидией / между ними ◊

40–41 беседы ∾ не умел / беседы, споры, устранить это он не умел, да и не старался ◊

Стр. 519.

1 [Однажды, на ее вопрос, который он плохо] Как-то, отвечая

9–12 спроси ∾ Кривоколенного переулка. / спроси у Макарова, он, вероятно, знает. ◊

15 Плохо ты говоришь [ска⟨зала⟩] [Холодно]

29 с тринадцати лет, с того [м⟨омента⟩] дня

л. 181.I

31–32 *После*: кроме этого [1].— «Как быстро кончилось,— вдруг подумал Самгин, но тотчас же спросил себя: — Почему же кончилось?» Хотя страстность Лидии была лишена нежности и это возмущало, но Клим никогда еще не думал [о возмож⟨ности⟩] [что его роман подходит к] [что его роман изжит], что роман его кончен, [а] и, подумав об этом, испугался. [Затем ощутил прилив] Ему захотелось приласкать, растрогать Лидию [2], [он взв⟨олнованно?⟩] но она, выскользнув из его рук, сказала: — Подожди. Знаешь, Алина зовет меня в Париж. Я, кажется, поеду. В конце сентября. [Отец согласен.] — А я? — [А ты] [Ты] Но [ведь] ты будешь в университете...

Самгин, помолчав, спросил: — Когда же мы обвенчаемся? [3]

— Разве ты... разве мы должны? — услыхал он ее [шёпот, [встревоженный, как пос⟨ле⟩] как будто встревоженный] тревожный шепот. [Но ведь] Ведь я не беременна.— *Далее*: *а.* [прибавила она] *б.* прибавила она, и это прозвучало так наивно, как будто было сказано не [ей] ею [4]. (*$ЧА_2$*) [5].

33 Самгину показалось, что / [Говорила она и еще что-то, слова ее звучали] Самгину казалось [что] [6] (*$ЧА_2$*)

33–34 растерянно, виновáто / растерянно и виновато (*БА*, *$АМ_2^{\Diamond}$*)

34 Захотелось ∾ спичку / [Он очень пожалел] Пожалев, что не видит лица ее, он [хотел зажечь огонь] зажег спичку (*$ЧА_2$*)

35–36 но Лидия ∾ ладонями / Лидия, закрыв лицо руками, сказала с раздражением (*$ЧА_2$*); но Лидия, закрыв лицо руками ◊ (*БА*); *Как в тексте до слова*: лицо — *Далее*: [ладонями] ладонью (*$АМ_2$*)

---

[1] *Далее варианты фрагмента $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-46), который начинается словами*: очень оскорбительно. Я не умею думать ни о чем, кроме этого.— *то есть так же, как и л. 181. I. БА*. [2] Ср. *наст. изд. т. XXI, стр. 520, строки 12—13*. [3] Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 530. [4] *Вариант б.— правка на полях $ЧА_2$. Более поздняя. Как и другие вставки, сделанные также на полях чернового фрагмента (см. примечание ниже к вариантам текста*: Самгину показалось ∾ Не надо огня.), *связного чтения с нижним слоем текста $ЧА_2$ не образует. Является, видимо, своеобразным наброском нового сюжетного движения сцен с Лидией, получившего отражение в БА*. [5] Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 529—530. [6] *Текст в $ЧА_2$*: [Говорила она ∾ Не надо огня. (*строки 33—37*) — *набросок на полях в верхней части листа. Связного чтения с нижним слоем текста $ЧА_2$ не образует* (*см. примечания выше*).

Стр. 519—520.

38–33 *Текста*: Ты любишь играть ∽ остановить шёпот Лидии — *в $ЧА_2$ нет. Сохранился его набросок (см. в соответствующем разделе — ХПГ-21-1-52), который, видимо, продолжает правку на полях $ЧА_2$, отражая момент работы, непосредственно предшествующий тексту БА. Знаком вставки в $ЧА_2$ это, однако, не обозначено.*

Стр. 519.

40 шумел ветер [срывая листья с деревьев]

41 о ставни дробно / о ставню дробно

Стр. 520.

9 [Первый раз] Впервые

11 Многое выдумано, это я знаю. / Всё выдумано, я знаю. ◊

14 [так, чт⟨об⟩] чтоб она обнажила

л. 181.II

26–27 торопливо [и докторально ск⟨азал⟩] молвил Клим

29 вспухают / вспухают, надуваются (*БА*, *$АМ_2$* ◊)

31–32 чужие слова ∽ Лидии / *а.* все чужие слова, они обесцвечивали, искажали эти мысли *б. Как в тексте.*

32 своих слов / *а.* своих, твердых *б.* [твердых, своих] [зна⟨чительных⟩] своих

33 Самгин ∽ на плечо ее / [Клим] Он положил руку на плечо [ее] Лидии (*$ЧА_2$. Правка зеленым карандашом в верхнем слое фрагмента, связана с текстом на полях*: и это прозвучало ∽ сказано не [ей] ею.— *см. вариант б, стр. 519, строка 31. Перед фразой знак вставки также зеленым карандашом, отмечающий, видимо, момент работы над вариантом текста, воплощенным в БА.*)

34 его рука / рука его (*$ЧА_2$*)

35 к локтю / на локоть (*$ЧА_2$*)

39 И ушла ∽ в тишине. / *а.* И [ушла] быстро ушла, оставив его в темноте, в тишине. *б.* И быстро ушла, оставив [его] его, как всегда, в темноте, в тишине[1]. (*$ЧА_2$*)

39 *После*: в тишине — *а.* [Он, настолько подавленный ее внезапным решением уехать] Ее внезапное решение уехать, ее испуг в ответ на вопрос [о] о женитьбе так обескуражили Клима, что он даже [не обиделся] не сразу обиделся на нее. И лишь несколько минут спустя с изумлением подумал[2]:

---

1 *Вариант б.— того же значения, что и правка на полях — см. примечание к строке 33.* 2 *После*: подумал — *на полях знак вставки, относящийся, по всей вероятности, к работе над верхним слоем $ЧА_2$ (см. примеч. выше), как и следующий вариант б. данного текста.*

[«[Неужели] [Неужели она решила прервать] [Неужели она решила?» Затем оби‹делся›] Неужели конец?»] [1] *б.* Нередко случалось так — *Далее, как в тексте до слов*: испуганная словами Клима, но на этот раз — *Далее*: [было особенно обидно ее исчезновение] ему было особенно обидно ее бегство. (*ЧА*$_2$)

Стр. 521.

1–2 *Слов*: она увлекла ∾ сказать ей — *в ЧА*$_2$ *нет*; она [унесла с] увлекла за собою [в] — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

2–5 Соскочив ∾ возмутиться. / И затем уже [возмутился, соскочил] [возмущенно] соскочил с постели, забегал по комнате [Сердиться не хотелось], раздувая в себе возмущение несколько искусственно [2]. (*ЧА*$_2$, *вычеркнуто при последующей работе над вариантом БА.*)

4 сердито перелистывать / перелистывать ◊

7 Довольно ∾ болтовни... / *а.* Довольно этих... странностей, капризов, вопросов... И, вообще, болтовни... *б. Как в тексте.*

8 *Перед*: Ему казалось — *в БА вычеркнуто продолжение текста во второй редакции*: За утренним чаем Варавка, [посмеиваясь в бороду] вытряхивая из бороды крошки хлеба, сообщил Климу.— *Далее следовал текст*: — Сегодня знакомлю редакцию... (*см. стр. 522, строка 13*). *Текст*: Ему казалось ∾ сообщил Климу (*стр. 521—522*)— *позднейшая вставка в БА. Вводя его в третью редакцию, Горький расширил и уточнил нумерацию л. 181*: *181-1*, *181-II*, *181-III* (*на нем вставка*), *181-IV*.

л. 181.III

8–9 Ему казалось ∾ уже называл / [Он видел, что Лидия ведет себя все более странно, в ней явилось что-то [двойственное]] [Поведение Лидии становилось все более [неопределенным] шатким и неуловимым.] Он видел, что настроение Лидии становится неуловимым и уже называл [3] (*ЧА*$_3$)

10 физически [она] Лидия (*ЧА*$_3$)

11 снова ∾ лица ее / сквозь [хорошо] знакомые [ему] черты ее лица (*ЧА*$_3$)

---

[1] *Текст ЧА*$_2$: очень оскорбительно ∾ подумал (*начало см. стр. 519, строка 31*) — *перечеркнут синим карандашом. Видимо, это тоже связано с работой над новым вариантом текста, воплощенным в БА. Вычерк разрывает связное чтение нижнего слоя текста ЧА*$_2$. *Вероятно, вызван переработкой текста, отразившейся во вставках на полях.* [2] *Конец фрагмента ЧА*$_2$ (*ХПГ-21-1-46*). *О другом отрывке ЧА*$_2$ *той же единицы хранения см. примечания к стр. 531, строки 8—9.* [3] *Начало фрагмента ЧА*$_3$ (*ХПГ-21-1-45*).

12 [и чужое ему лицо] лицо, чужое ему ($ЧА_3$)
14 и [ка‹кие-то›] припадки какой-то ($ЧА_3$)
17 тревожно думал / ждал ($ЧА_3$)
18 вот сейчас она / что вот сейчас она (*БА*, $АМ_2^{\Diamond}$)
18–19 начнет каяться ∾ романе с ним / истерически закричит какие-то, должно быть, покаянные слова ($ЧА_3$)
19–21 *Фразы*: Ему очень ∾ хороших выдумок.— *в* $ЧА_3$ *нет.*
22 Клим [особенно не верил, возмущался] особенно недоумевал ($ЧА_3$)
24 все-таки ∾ докторально / [натянуто и] как бы из милости ($ЧА_3$)
25 не в лицо ∾ голову ее / [тускло тлеющими глазами всегда в лоб ей, на котором] тлеющими глазами всегда в лоб ее или через голову [ей] ($ЧА_3$); [всегда] не в лицо девушки, а в лоб [ее] или — *Далее, как в тексте* (*БА*)
26 Но вдруг ∾ разрешились / Но уже [несколько раз] не один раз эти припадки [внимания] [неожиданной] симпатии к Вере Петровне разрешались ($ЧА_3$); [Но уже не] [И как-то вдруг эти непонятны‹е›] [И так же внезапно, как явилась эта сим‹патия›] Но вдруг — *Далее, как в тексте* (*БА*)
26–27 неожиданной ∾ выходкой / неожиданно [и да‹же›] [и почти] и почти грубо ($ЧА_3$); неожиданной [по‹чти›] и почти грубой выходкой (*БА*)
28 *Слов*: за чаем — *в* $ЧА_3$ *нет.*
30–31 или на твердой ∾ знании / на вере или на точном знании [— поучительно говорила [она] мать] ($ЧА_3$)
31–32 Я не чувствую ∾ знания / Но я не [могу] чувствую твоих верований [и], а твои знания... ($ЧА_3$)
32 *Слов*: согласись, недостаточны... — *в* $ЧА_3$ *нет.*
33 не дослушав ∾ проговорила / [невежливо] [встала, подошла к ро‹ялю›] [прер‹вала›] невежливо прервала ее речь ($ЧА_3$); [задум‹чиво›] не дослушав, [встала и] задумчиво проговорила (*БА*)
34 Кучер ∾ на людей / А мне кажется, что критика похожа на кучера Михаила [когда он с похмелья]. Кричит на людей ($ЧА_3$)
36–37 Он уже ∾ полечить его? / Почему вы не хотите полечить его? Он ведь [слепнет] совсем уже плохо видит. ($ЧА_3$)
38 [Это от] Вопросительно взглянув ($ЧА_3$)
39 *После*: пробормотал: — Это оттого, что он пьет. ($ЧА_3$)
40–41 *Текста*: Лечить? ∾ не вылечишь. — *в* $ЧА_3$ *нет.*

Стр. 522.

1–2 а через ∾ в саду / во флигель, потом явилась [вместе] ($ЧА_3$)

4 А почему я должна / [А почему вам кажется, что жизнь всё более интересна?] А почему? Почему я должна (*ЧА*$_3$)

5 Иногда Клим чувствовал / [В ее отнош⟨ении⟩] Были дни, когда Клим чувствовал (*ЧА*$_3$)

6 сухо и натянуто / сухо и снисходительно (*ЧА*$_3$)

7 однако простить / но простить (*ЧА*$_3$); [но п⟨ростить⟩] однако простить (*БА*)

9 он подумал / он [повторил] подумал[1] (*ЧА*$_3$)

11 [За утр⟨енним⟩] Утром, за чаем

л. 181.IV

14 На семьдесят тысяч / На пятьдесят семь тысяч ◊

15 *После*: н-да, брат! — *зачеркнуто*: Соотношение комическое.

21 головка у него [ма⟨ла⟩] не по корпусу,— мала

24 [сказа⟨л⟩] ответил Клим

32 [и] балалайка

Стр. 523.

1–2 [добродушному] статистику Костину

15 [Все это] Вся эта

17 Угрюмо усмехаясь / Сердито усмехаясь ◊

18 [Это г] Тюремный сиделец

19 верный [крепостной] раб

20 зловеще [черн⟨ый⟩] одет в черную ∾ рубаху

27–28 не очень налегайте, [вам, Нароков, излишество — вредно] вам — вредно

31–32 Он мячиком катался / Он катался как ◊

33 оживленно [шутил], тенорком, подшучивал

35 Максимыч? / Алексеич, а?◊

39 Нет, [в⟨се-таки⟩] это все-таки

Стр. 524.

11 курсистка, [орга⟨низатор⟩] деятельница

24–30 *Текст*: Стихи — скверные ∾ в Англии секут.— *вписан.*

33 как по базару, [пр⟨исматривался⟩] отирал платком

Стр. 525.

1 воспитатель [ка⟨детского⟩] в кадетском

3 солидный краевед / солиднейший краевед ◊

6 падения твердых тел [в раскаленную массу со⟨лнца⟩] на солнце

7 его [раскаленной] массы

16 слабый голосок / бесцветный голосок

19 Моя идея. [Да, это так!]

---

1 *Словами*: завтра же объясняюсь» (*строка 10*) — *заканчивается фрагмент ЧА*$_3$ (*ХПГ-21-1-45*).

22–23 вся должна стать ∾ а не дробиться! / должна стать партией, а не дробиться на партии. ◊

28–29 *Текст*: Верно ∾ охмелевший.— *вписан*.

30 В словах капитана ∾ оглушал. / *а*. В словах его было что-то трескучее, барабанное, голос оглушал сидевших за столом: Веру Петровну, Спивак, Казакову, Лидию. Иноков, [сидя] [с] сидя между Лидией и Спивак, насмешливо морщил лицо. *б*. В словах капитана было что-то трескучее, барабанное, голос его оглушал всех сидевших за столом: Веру Петровну, Спивак, Казакову, Лидию. Иноков, сидя между Лидией и Спивак, удивленно и невежливо вытаращил на капитана смеющиеся глаза. ◊

33 Тут нужна / *а*. Верно... Можно согласиться... Все-таки тут нужна *б*. *Как в тексте*.

34 наклонился к жене / наклонился к уху жены ◊

36–39 *Текст*: еще раз ∾ по полу кухни — *вписан*.

41 к Инокову / к Матвею Инокову (*БА*, *AM_2*◊)

41 [Ему было] [Самгину] Ему не понравилось

Стр. *526*.

5 [вот] с такой же усмешечкою

7 Выставили [вас] из университета?

11–12 Клим [объяс⟨нил⟩] сказал

15 [тоже] сухо осведомился

18 и [ото⟨шел?⟩] повернулся спиною

21 возвратился [мой прият⟨ель⟩] он

23 Пришел я, [встретил ласково] хочу сесть

34 [очень рассмешил] рассмешил мать

35 заставил ∾ усмехнуться / заставил Лидию сконфуженно нахмуриться ◊

37 должно быть, [зол] хитер и зол

41 подал Спивак [деревянный] папиросницу

Стр. *527*.

2 *После*: четверо детей — *зачеркнуто*: голодный. Двое суток резал день и ночь.

4 она была сделана / она была вырезана ◊

15 [хотя] и уже потом бросил ее

л. 183

34 например, в Англии / например, англичане ◊

39 [вотчим] отчим ваш. [Умница]

Стр. *528*.

2 жует сыр / жует колбасу ◊

Стр. *528—529*.

9–5 «Экий нахал ∾ уже снисходительно. / *а*. «Нахал»,— поду-

мал Клим и ему захотелось [рассердить или смутить парня] чем-нибудь смутить этого выскочку. Он сказал: — На днях я вас видел в городском саду с барышней... Иноков утвердительно кивнул головой.— Проститутка. Дочь почтового чиновника. Подруга детства. Очень хорошая. Хотите еще выпьем? Ну, а я выпью... Выпив, он продолжал: — Тоскует, кается. Я говорю: брось, Катя, покаяния двери легко открыть, да — что толка? — Самгин почувствовал, что у него исчезло желание говорить с этим человеком. *б.* [Если ее хотят только ради сытости, я — против, потому что голодный я — лучше себя сытого. И вообще сытые хуже голодных, потому что — спокойнее] *Далее текст*: «Экий нахал ∾ уже снисходительно.— *вписан со следующими вариантами*

Стр. 528.

14 так ловко [и не] играет роль [просто‹душного›] прямодушного парня

16 Иноков [пере‹бил›] сказал

29 Хотите выпить? / Хотите еще выпить? (*БА*, AM_2 ◊)

30 и [жу‹я›] сунул

Стр. 529.

1 [Клим] [Но он только] Клим улыбнулся

1–2 [ироническая] улыбка будет значительнее

6 Как прежде ∾ Инокова / Он часто встречал его ◊

8 жует [были‹нку›] соломинку

9 [плюя] перекусывает ее [или]

17 Может быть ∾ кажется / *а.* Это — кажется *б. Как в тексте.*

18–19 в самом-то деле ∾ по спирали / *а.* в сущности восходим по спирали. Понять — трудно. *б.* на самом-то деле, может быть, восходим по спирали ◊

22 точно заплутавшийся / как заплутавшийся ◊

24 Спивак [явно] всегда

25–26 мать ∾ симпатизируют ему / мать симпатизирует, а Лидия ◊

29 с папиросой в руке / с папиросой в зубах ◊

33–34 мелкий дождь [предвестник осени] лизал

40 гневно возразил Клим / возмущенно сказал Клим ◊

Стр. 530.

5 в глазах ∾ изумление / а в глазах Клим видел искреннее [удив‹ление›] изумление (*БА*); [и] в глазах ее — *Далее, как в тексте* (AM_2)

6 тихо заговорила / тихо сказала ◊

8 что читала / читала (*БА*, AM_2 ◊)

8 Ты не забыл? / Странно? Ты не забыл? (*БА*, AM_2 ◊)

11 я всегда так / я [так] всегда так

21 Что-о? / [Что-о?] Что?

26 так обиженно / так наивно ◊

27 Она [быстро] ушла

28—29 почти не нарушаемой ∾ шорохом дождя / не нарушаемой робким плеском дождя в окна, вздохами ветра ◊

29 Внезапное решение Лидии / Ее внезапное решение ◊

32 И лишь посидев минуту-две / [И ли‹шь›] [И Лишь просидев несколько минут] И лишь просидев какие-то минуты ◊

39 Думал, но [не чувствовал, что это [неизбежно] нужно мне] не хотел

Стр. 531.

4—5 Горничная ∾ убедила его / [И, убедясь, что [он] произнес их мысленно, потому что горничная, вытиравшая стол [в] за спиною его у] Горничная, вытиравшая стол ◊

6 [В зеркале] В зеркале он видел [бл‹едное›] лицо свое бледным

8—9 быстро сбежал ∾ закусив губы / А там, лежа на постели, сжимая виски ладонями и закрыв глаза [и чу‹вствуя›], он отдал себя во власть непримиримо противоречивых ощущений, которые не укладывались в слова. Он чувствовал себя несчастным [т‹ак?›]. Едва ли [можно найти] он встретит другую такую женщину, какой уже стала Лидия, [он и с ее] едва ли другая окажется такой [физически интересной, неистощимой в ласках] неистощимой в ласках, физически интересной и так возбуждающей желание власти над нею. Он еще не пробовал [доби‹ться›] достичь власти над нею, той власти, которая так легко достигалась им над Нехаевой [1]. (ЧА$_2$); и ушел [к себе] вниз, к себе.

Лежа на постели, сжимая виски ладонями и закрыв глаза, [он] он подумал, что едва ли встретит — *вариант расклеенного листа БА, имевшего нумерацию 184. Начинается со слов*: глаза растерянно мигали (*см. строка 7*). *Обрывается словами*: едва ли встретит. *Использован для чернового текста второй части* (*со слов*: Убежденный человек не может... (*см. т. XXII, стр.* 112, *строка* 12), *написанного на оборотной стороне листа. Находится в единице хранения ХПГ-23-1-1* (*инвентарный номер 59858*).

10—16 Через полчаса ∾ дает женщине счастье. / Он сладострастно хотел, чтоб Лидия рыдала как та, чтоб она благодарно целовала руки его, [гово‹рила›] изумленно шептала нежные

---

[1] *Начало второго фрагмента ЧА$_2$ (ХПГ-21-1-46).*

слова и [позво⟨ляла⟩] дала ему возможность наслаждаться гордостью мужчины, который дает женщине счастье.

Вместе с этим он чувствовал, что [ни⟨когда⟩], наверное, никогда бы [не достиг] не нашел в Лидии того, чего [искал] [еще не успел] не успел найти. ($ЧА_2$).

10–11 Через полчаса ∾ оскорбляет / Он чувствовал себя несчастным и обозленным. Ему не хотелось разрыва с девушкой, физически приятной, неутомимой [воз⟨буждавшей?⟩] и так остро возбуждавшей желание власти над нею, власти, которая так легко достигалась им над Нехаевой. Его почти оскорбляло ◊

14 ни [ми⟨нуты⟩] на минуту

16–17 *Фразы*: Ему было ∾ это наслаждение.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

18–21 «Ни одной искренней ∾ для исследования их. / Он вспомнил, что [ее] ласки Лидии всегда являлись для нее поводом для [исс⟨ледования⟩] словесного исследования их, предисловием к надоедливым и бесстыдн⟨ым⟩ [бе⟨седам⟩] вопросам. ($ЧА_2$)

20–24 для исследования ∾ в другой». / для исследования их. ◊

22–24 *Текста*: «Ницше — прав ∾ в другой».— *в* $ЧА_2$ *нет.*

25–27 Постепенно ∾ ненавистной. / Жизнь с нею [была бы] уже и теперь тревожна, в дальнейшем она стала бы [ма⟨ло?⟩] невыносимой и ненавистной. ($ЧА_2$)

27 Вероятно, Лидия / Вероятно, она ($ЧА_2$)

28–29 за физиологией ∾ стала бы / за физиологическим, начала бы ($ЧА_2$)

30 «Макаров говорил / «Макаров [как-то] сказал ($ЧА_2$)

31 неведомых ∾ ощущений / неведомых ощущений ($ЧА_2$)

31–34 и что ∾ размышлял Самгин / [и что] что такой же [искательницей неведомого, может быть, была Нинон де Ланкло и уж, наверное, этой болезнью страдала Жорж Занд] болезненной страстью к поискам неведомого, наверное, страдала Жорж Занд ($ЧА_2$)

34–35 Макаров ∾ эту страсть / Макаров не называл [это болезнью] [страсть к] эту страсть ($ЧА_2$)

35 а Туробоев / но Туробоев ($ЧА_2$)

36 *После*: вампиризмом».— И Макаров согласился с этим. ($ЧА_2$)

36–37 Макаров ∾ раскрыть / Да,— сказал он,— допустимо, что женщина хочет [знать] раскрыть ($ЧА_2$); Макаров говорил, что женщина [стрем⟨ится⟩] полусознательно стремится (*БА*)

38 до последней черты / до последнего предела ($ЧА_2$)

39–41 *Текста*: ее в древности?» ∾ обругал Макарова.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

40–41 обругал Макарова / [в⟨ыругался⟩] обругал Макарова

Стр. 532.

1 «Идиот. / «Но [это — ерунда] Макаров — [маньяк] романтик и маньяк. (*ЧА*$_2$); «[Маньяк.] Идиот. (*БА*)

1–2 Что может ∾ гинекологию? / Что может быть нелепее медика, который не хочет признать [главенство законов физиологии?] [в любви от‹ношений›] в отноше‹ниях› полов главенство законов физиологии? (*ЧА*$_2$); Что может быть [нелепее] глупее — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

2–3 Насколько проще ∾ легко и быстро / Насколько проще и понятнее Кутузов, который так быстро (*ЧА*$_2$)

5 он увидал ∾ с нею» / увидал, что ее мысли не сродны ему (*ЧА*$_2$); он увидал, что ее настроение не сродно ему ◊ (*БА*)

6–8 *Текста*: Мысли Самгина ∾ потому что — *в ЧА*$_2$ *нет.*

8–9 за мыслями ∾ проигрыша / [За все‹м›] Клим Самгин [смутно] чувствовал, что за всеми этими мыслями и ощущениями [лежит] скрывается смутное сознание какого-то серьезнейшего проигрыша, большой потери. (*ЧА*$_2$); [чувствовал, за всеми этими мыслями у него бы‹ло›] за мыслями — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

9–10 И не только ∾ потеряна / И не [Лидия потеряна, а не‹что›] только Лидия потеряна (*ЧА*$_2$)

11 как только [наверху [раздались] затопала] услышал (*ЧА*$_2$)

12 решительно пошел / привел себя в порядок и решительно пошел (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

13 хочет разойтись / решила разойтись (*ЧА*$_2$)

14 в разрыве ∾ прощения / и попросит простить ее (*ЧА*$_2$)

15–16 Лидия писала ∾ комнате. / [Он застал Лидию за] Лидия, сидя за столом в своей маленькой монашеской комнате, [писала письмо] [лишенной каких-либо украшений] [1]. Кровать за ширмой, кресло у окна в сад, стол с книгами у стены, трюмо у другой и два стула, полка книг и никаких украшений, ни картин, ни фотографий. (*ЧА*$_2$); Лидия писала письмо, сидя за столом в своей монашеской комнате: кровать, прикрытая ширмой, кресло у окна в сад, стол с книгами у стены, трюмо у другой, полка книг, два стула и никаких украшений, ни фотографии, ни картин. ◊ (*БА*)

16–18 Она молча ∾ брови / Взглянув на него через плечо, она спросила.— [Разве пора] Ты что? (*ЧА*$_2$)

17–18 очень густые брови / тонкие, очень длинные и легкие брови ◊

19–20 Нам следует ∾ столу. / Нам нужно поговорить.— Да? (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Фраза не закончена.*

20 *После*: к столу.— [Да?]

21–22 Положив перо ∾ и спросила / Она [отложила] положила перо, потянулась, подняв руки над головой, и закуталась шалью. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте до слова*: потянулась — *Далее*: и, плотно кутаясь шалью, спросила спокойно:— Надо ли? ◊ (*БА*)

23–32 *Текста*: О чем? ∾ голубыми цветами.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

24 сказал Клим, [пожав плечами] стараясь

26 Сегодня она / Сегодня Лидия ◊

30 тонкий [нервозный] нос

30–31 в юбке цвета бордо / в платье цвета вина ◊

33–36 Раньше чем ∾ так много... / Я думаю, что нам не о чем говорить,— [сказала] начала она тихо и серьезно, раньше, чем Клим успел найти достаточно солидные слова для своей речи.— Мы с тобою говорили три месяца, этого достаточно, чтоб убедиться: мы не можем понять друг друга. (*ЧА*$_2$)

33–34 достаточно [соли⟨дные⟩] веские слова

34–35 Лидия начала тихо и серьезно / она заговорила тихо и серьезно, как будто ◊

36 Мы говорили так много... / Мы с тобой говорили три месяца, я считаю, что этого достаточно, чтоб убедиться: мы с тобою не можем понять друг друга. ◊

Стр. 532—533.

37–4 *Текста*: Позволь! ∾ храбр.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 532.

37–38 как ты ∾ в Париж? / как ты со мной. ◊

Стр. 533.

2 Я — честно говорила / Я — честно беседовала ◊

3–4 Ты ведь [не...] не очень... храбр. [И — не богат.]

4–6 Поэтому ты ∾ хочу понять. / «Любить надо молча»,— сказал ты. Это [мне] я считаю унизительным. Я хочу говорить, понять. (*ЧА*$_2$)

6 Ты [ре⟨комендовал⟩] советовал

6–12 *Текста*: Ты советовал ∾ не объяснено — *в ЧА*$_2$ *нет.*

9 Лидия [вопросит⟨ельно⟩] усмехнулась

10–11 читать [кур⟨с⟩] «Гигиену брака»

11–12 наверное, не [гово⟨рится⟩] объяснено

12–13 почему именно я / Книги не учат понимать, почему именно ты должен любить меня, [и почему я должна] а мне нужно догадываться, почему именно я (*ЧА*$_2$); почему именно [ты должен любить меня и] я нужна (*БА*)

13–14 Это — глупый ∾ глупее этого. / Это — глупо? Я думаю еще глупее... (*ЧА*$_2$); Это — глупый вопрос? У меня есть другие,

[много] глупее этого. *Далее зачеркнуто*: Например: почему одна я — должна любить и люблю любовь, а другая я — не хочу этого и почти презираю первую? Видишь как? Глупо? (*БА*)

15 и [вообще] не гожусь

15–16 и не гожусь ∾ человека / вообще человек не для тебя, [не для романа, а для] здорового, уравновешенного и т. д. И вообще я не для лирического романа, а для драмы. ($ЧА_2$)

16–17 Мне казалось ∾ который поможет.../ [Я думала] Мне казалось, что я пайду в тебе [това⟨рища⟩] человека, который... ($ЧА_2$)

19–20 *Слов*: глядя в окно ∾ грязного льда — *в* $ЧА_2$ *нет.*

20 а Самгин сердито / Клим угрюмо ($ЧА_2$)

21–22 думал, что ты / [хоте⟨л⟩] думал, что [мы будем друзьями] ты ($ЧА_2$)

22 *После*: другом мне — Тебе... Ну, да... тебе... ($ЧА_2$, *БА* ◊)

23–25 Задумчиво ∾ и — нет. / Она [задумчиво] посмотрела на него, потом, крепко закрыв глаза, ⟨продолжала⟩: — Я, наверное, плохо кончу, Клим, я это [знаю] предчувствую. Я совершенно не представляю, как мне жить, и не понимаю, зачем жить? — Подожди,— сказал Клим, [неско⟨лько⟩] чувствуя, что серьезность ее тона, искренность слов [не позволит ему сказать ей ничего придуманного] делает неуместным всё, что он придумал и хотел сказать ей.— Лучше бы ты не говорил, Клим,— поч⟨ти⟩ ласково попросила она.— Право же, ведь ты ничего не можешь сказать такого, что изменило бы мое решение. Я испытала то, что следовало испытать, и этого с меня достаточно. ($ЧА_2$); [И] Задумчиво глядя на него, она продолжала тише: *Далее*: *а*. Я вообще не для лирического романа, а должно быть, для драмы. Мне кажется, я плохо кончу, Клим... «Хочет растрогать меня,» — сообразил Самгин, а вслух сказал: — В тебе много выдуманного... — Он уже чувствовал, что серьезность ее тона, искренность ее слов делает неуместным всё, что он мог бы сказать, но все-таки хотел говорить. Но Лидия ласково попросила: — Лучше бы ты молчал, Клим. Ты не можешь сказать ничего, что изменило бы мое решение. То, что следовало испытать, я испытала, и этого с меня достаточно. *б*. Я вообще ∾ много выдуманного... Клим чувствовал, что искренность ее тона, искренность ее слов делает неуместным всё, что он хотел сказать, но все-таки хотел говорить. А Лидия продолжала, наклонив голову над столом.— Лучше бы ты ∾ с меня достаточно. *в*. *Как в тексте* (*БА*)

26–28 *Текста*: Смуглое лицо ∽ обидных для него.— *в* $ЧА_2$ *нет*; *в БА вписан со следующими вариантами*

26 Смуглое лицо ее потемнело / Она улыбнулась, но смуглое лицо ее тотчас же потемнело, [а глаза] а глаза вспыхнули недобрым огнем. ◊

26 [Резко] Она отвела

27 встала, [резко] [сердито] выпрямилась [растирая]

28 ожидая [воз⟨ражений⟩] слов

29–30 Не радостно ∽ на минуту [1] / Не очень радостно жить, ничего не понимая, во тьме, где лишь [изре⟨дка⟩] изредка на минуту судорожно ($ЧА_2$)

л. 185[2]

30–31 *После*: жгучий огонек — *зачеркнуто*: Голос ее звучал печально. Самгину хотелось найти в словах ее обидное для себя, но он ничего не находил [И опасался], а желание обидеть ее — исчезло.

32–36 *Текста*: Ты очень мало ∽ спросила она.— *в* $ЧА_2$ *и БА** *нет*.

33–36 Нет, Лидия ∽ спросила она. / Вот именно,— отозвалась Лидия и спросила: — А что нужно знать? ◊

37 Надобно учиться. / Надо учиться,— сказал Клим. ($ЧА_2$); Училась бы,— посоветовал Клим. (*БА**)

38–39 Да? ∽ в пестрое небо. / Я так и думала, что ты это скажешь.— Она обернулась боком к нему и, глядя в окно, в небо, покрытое облаками цвета грязного льда, скучно сообщила ($ЧА_2$); Она повернулась спиною к нему, подошла к трюмо и сказала оттуда: — Я знала, что ты посоветуешь мне это. (*БА**)

39 [Девушка усмехнулась] Усмехнулась, глядя

40–41 Фразы: Мне кажется ∽ знать.— *в* $ЧА_2$ *и БА** *нет*.

Стр. 533—534.

41–2 Но все-таки ∽ в Петербурге. / Я и буду учиться. В Париже. Может быть, в Петербурге. Не знаю еще.— Клим сидел, согнувшись, опираясь локтями о колени, и подавленно думал:— «Как это у нее просто...» Но на этот раз простота показалась ему [не только] и нежелательной и даже пугающей. ($ЧА_2$); Я и буду учиться, но в Париже, а не в нашей многоговорящей Москве. Может быть — в Петербурге. [Я] Еще не знаю.—

---

[1] *Словами*: на минуту вспыхивает — *начинается ранний вариант* (*вторая редакция*) *текста*: на минуту вспыхивает ∽ поедет с ним? (*стр. 533, строка 30 — стр. 534, строка 25*). *Ниже обозначается БА**. *Находится на л. 185, вынутом в числе других из БА* (*об этом см. ниже в примечаниях к стр. 534, строки 22—25 и в комментариях*) *в процессе работы над третьей редакцией*. [2] *В составе БА л. 185 относится к третьей редакции.*

Клим сидел, согнувшись, опираясь локтями о колени, и подавленно думал: «Как это просто у нее...» Но на этот раз простота казалась ему и нежеланной и даже пугающей. (*БА**); [А все, чего не знаю,— еще более не нужно. «Как это просто у нее», — подумал Клим, но на этот раз простота [казалась] показалась ему [и ненужной и пугающей] неприятной и пугающей.] — Но все-таки я попробую учиться,— слышал он задумчивые слова.— Не в Москве, суетливой [и многоговорящей, а в Париже. Может быть, в Петербурге. Еще не решила.], а, может быть, в Петербурге. (*БА*)

Стр. 534.

2–5 *Текста*: А в Париж ∾ хотел спросить Самгин, но — *в* $ЧА_2$ и *БА* нет.*

2–6 А в Париж ∾ к Варавке. / *а.* Вошла горничная и позвала [Лидию к Вере Петровне] ее вниз. *б. Текст вписан со следующими вариантами*

3–4 я ее люблю... [за красоту]

5–7 вошла горничная ∾ молча. / Пришла горничная и позвала Лидию вниз, к Вере Петровне.— Иду,— сказала Лидия, вопросительно глядя на Клима.— Ты тоже идешь? — С лестницы сошли рядом, молча [1]. ($ЧА_2$); Горничная позвала Лидию к Вере Петровне.— Иду,— сказала она.— С лестницы сошли рядом, молча. (*БА**).

7–12 Клим постоял ∾ письмо Лидии. / *а.* Клим прошел к себе, постоял среди комнаты и, решив, что — нет! — всё это не так, не договорено, сел к столу писать письмо к Лидии. *б.* Клим постоял в прихожей, глядя, как [на вешалке] по стене вытянулись различные пальто; [то они были похожи на толпу нищих] было в них что-то [похожее] напоминающее — *Далее, как в тексте до слов*: решил Самгин, и — *Далее*: придя [к] в свою — *Далее, как в тексте* (*БА**)

14–17 его послание ∾ в чем-то себя / писали [это] его послание двое людей, не похожих на него: один — [грубый и злой, другой [же] — жалкий и неумело оправдывался в чем-то] злой, неудачно и грубо вышучивал Лидию, другой — жалкий, неумело оправдывал себя. (*БА**)

18–19 *Слов*: «Но я же ∾ возмутился он — *в БА* нет.*

19–20 изорвал ∾ на Всероссийскую выставку / Изорвав письмо, он решил, что уедет в Москву прежде, чем Лидия соберется за границу (*БА**)

---

[1] *Конец второго фрагмента* $ЧА_2$ (*ХПГ-21-1-46*).

20–22 Неожиданно уедет ∾ за границу. / Неожиданно уедет, как это делает она. (*БА**)

22–25 Это заставит ее ∾ поедет с ним? / Так он и сделал, простясь с героиней третьего своего романа сухо и холодно, даже не поцеловав [ее руки] руку ее. (*БА*. Далее в БА*, представляющем вторую редакцию произведения, следует текст о поездке Самгина в Москву и новом возвращении в родной город. В существенно измененном виде он потом вошел во вторую часть романа. Этот текст дается в приложении после свода вариантов ч. 1* (*см. наст. том*, с. *172—207*)

27 заметила очень равнодушно / спросила очень равнодушно: — Отец говорит, что это очень неудачно — выставка.— И, положив легкую руку свою на плечо его, сказала ◊

29 Я ведь думала, что сцены будут. / Сознаюсь, я ведь думала, что сцены будут. Я очень благодарна тебе, за то, что их нет. ◊ (*БА*).

30 Обняв [его], она крепко поцеловала его

31 Потом встретимся / Потом, встретясь (*БА*, *АМ*$_2$◊)

32 более умные, да? / более умными. ◊

33 друг на друга? / друг на друга, да? ◊

34 был ∾ удивлен / был очень тронут ◊

38 сказала она решительно / сказала она тихо, но решительно. ◊ (*БА*)

40 Опасаясь, что он / Боясь, что он ◊

Стр. 535.

1 сухую, горячую руку / сухую и горячую руку. Чувствовал он себя очень грустно.◊

2 он [дум⟨ал⟩] соображал

4 Умствует, но не чувствует...» / Умствует. И, прислушавшись к себе, решил: «До романа с нею я был богаче...» ◊

5–6 и [задумчиво] раскачивая их

л. [195]186

17 островов дерна, [ск⟨опление⟩] пестрое скопление (*ЧА*$_2$) [1]

17 *Слова*: новеньких — *в ЧА*$_2$ *нет.*

19–20 Рядом с рельсами ∾ здание / [Ослепительно сияло на солнце огромное, похожее на корыто вверх дном здание] Рядом с рельсами, немного ниже насыпи — *Далее, как в тексте*

---

[1] *Здесь и далее ЧА*$_2$ — *ХПГ-21-1-47, содержит черновой текст эпизодов выставки до конца ч. 1. В строках 12—16 совпадает с основным текстом. Единица хранения начинается л. 195 по авторской нумерации. Сверху его — часть текста о пребывании Самгина в родном городе, который дается в приложениях. См. примечания к стр. 534, строки 22—25.*

($ЧА_2$); Рядом с [насыпью дороги] рельсами — *Далее, как в тексте* (*БА*)

21 [и] похожее формой ($ЧА_2$)

22 опрокинутое вверх дном / вверх дном ◊

22 сквозь стекла [его] ($ЧА_2$)

23 внутри здания ∾ сборище / внутри здания [двигаются, толкают друг друга] двигается сборище ($ЧА_2$); за стеклами здания медленно двигается сборище ◊ (*БА*)

25 *После*: звери из железа.— Ярко сверкал золоченый двуглавый орел на вышке царского павильона, построенного [из дерева] в стиле теремов, какие [рис⟨уют⟩] изображаются на картинках детских сказок [1]. ($ЧА_2$)

25–26 изогнулся ∾ павильон / изогнулось [зда⟨ние⟩] одноэтажное здание ($ЧА_2$); [изогнулось] изогнулся одноэтажный павильон (*БА*)

26–27 украшенный ∾ резьбою / [скучно] украшенный деревянной резьбой ($ЧА_2$); [скучно] украшенной деревянной резьбою (*БА*)

27–28 *Текста*: в том русском ∾ Ропет — *в* $ЧА_2$ *нет*.

28 Возвышалось ∾ еще много / а за ним [возвышались] на желтом фоне песка [одно за другим, подавляя друг друга, множество построек] возвышалось, подавляя друг друга, еще множество ($ЧА_2$); Возвышалось, подавляя друг друга, еще [множ⟨ество⟩] много (*БА*)

30 некоторые из / некоторые ◊ ($ЧА_2$)

30–31 о приятном искусстве / об искусстве ◊ ($ЧА_2$)

31–32 точно гигантский ∾ их толпы / точно [огромный] гигантский кусок сахара, [возвышался] прятался среди них [от⟨ливая?⟩] ($ЧА_2$); точно гигантский кусок сахара, [возвы⟨шался⟩] выделялся из пестрой их толпы (*БА*)

33–38 *Текст*: Сверкал ∾ на длинной веревке.— *в* $ЧА_2$ *см. выше*: *вариант к строке 25.*

39–41 Неспешное движение ∾ постройки / [Тяжелое движение поезда] Тяжелое, неспешное движение поезда заставляло этот небольшой странный городок медленно кружиться; казалось, что все его полусказочные постройки ($ЧА_2$).

39 этот городок / этот странный городок

41 вращаются ∾ точки / *Слов нет*. ($ЧА_2$); вращаются около, как вокруг невидимой точки ◊ (*БА*)

Стр. 536.

1 скользят [по песку] между ($ЧА_2$)

---

[1] *Возле этих слов, на полях, пометка*: Этим заключить — «и над орлом — серый шар...» *В БА это исправление сделано (ср. наст. изд., т. XXI, стр. 535, строки 33—39).*

2 *После*: площадей — вращаются вокруг невидимой точки. ($ЧА_2$)

3 спутанного хоровода / хоровода ◊ ($ЧА_2$)

4 игрушечные фигурки / темные фигурки ($ЧА_2$)

4–5 осторожно шагавших / осторожно шагавшие ($ЧА_2$)

6 редкие из них / некоторые из них [куда-то] ($ЧА_2$)

7–8 большинство же ∾ ищущих / причем [Климу] Самгину казалось, что ножки у всех их тоненькие и ломкие ($ЧА_2$); большинство же вызывало [впечатление заплутавшихся] мысль о заплутавшихся, ищущих (*БА*)

8–10 *Текста*: Люди казались ∾ за углами своими.— $ЧА_2$ *нет*.

11–12 Это полусказочное ∾ хоровода / И это праздничное впечатление мощного хоровода ($ЧА_2$); И это [при‹зрачное›] ◊ (*БА*)

12 осталось у Самгина почти / осталось у Клима Самгина ($ЧА_2$); осталось у Самгина ◊ (*БА*)

13 жизни ∾ городе / [пре‹бывания›] жизни в необыкновенном [городе, [праздничном и сказочном] сказочно странном], полусказочном и тесном городе ($ЧА_2$)

14 вдали замкнула / вдали замкнули ◊

15 синеватая щетина / черная щетка ($ЧА_2$)

16–18 и — за невидимой Окою ∾ Нижнего Новгорода / *Текста нет*. ($ЧА_2$); и «Дятловы горы» ◊ (*БА*)

20 гостиниц, в которой всё скрипело / [и] [го‹стиниц›] и неестественно гулких гостиниц, где всё скрипело ($ЧА_2$); гостиниц, [где] в которой всё скрипело (*БА*)

20–21 в каждом ∾ что-то судорожное / каждый звук принимал ◊ ($ЧА_2$); в каждом звуке чувствовалось что-то судорожное, торопливое ◊ (*БА*)

21–22 Самгин быстро / Клим быстро ($ЧА_2$)

22–23 переоделся ∾ пошел / [и о‹делся›] переоделся, [наси‹льно›?] выпил стакан чая [и] и пошел ($ЧА_2$)

23–24 не более трехсот / не более двухсот ($ЧА_2$)

25–28 оглушенный, чувствуя ∾ не тяготило / оглушенный [у‹ставший›] [и уставший до того, что не мог думать ни о чем, что видел, но чувствовал, он], чувствуя себя так, как будто возвратился из далекой, неведомой ему страны, где прожил долго. Это ощущение насыщенности не тяготило [но как бы расширяло мысль] ($ЧА_2$)

28–29 требовало формы / требовало осмыслить его ◊ ($ЧА_2$)

29 большой радостью / радостью ($ЧА_2$, *БА* ◊)

30 *Слов*: которую ∾ чувствовал — *в* $ЧА_2$ *нет*.

31–32 Оформилась она ∾ ласкового лета. / Радость он почувствовал на пятые сутки осмотра выставки. ($ЧА_2$)

32–38 Клим лежал ∾ болотной гнили. / Хлестал по [кр‹ышам›] гулким крышам [по песку] сердитый дождь, гремел гром, сотрясая [жиденькую клетку] [гостиницу] гостиницу, [капли] в трех местах равномерно падали с потолка на пол тяжелые ка‹пли›, в щели окон свистел и фыркал мокрый ветер; Клим лежал на постели, [сби‹той›] кутаясь в жидкое одеяло, набросив сверх его пальто. (*ЧА*$_2$)

39 Клим Самгин видел / Он [поня‹л›] видел (*ЧА*$_2$)

Стр. 537.

1 вот ∾ продукты его / продукты которого она собрала (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

1–2 и, как ∾ себе самой / [гор‹до›] [хвастливо, с гордостью разбр‹осала›] и гордо выставила напоказ себе самой в [разнообразнейших] красивеньких зданиях (*ЧА*$_2$)

2–3 Можно думать ∾ построены / может быть, [нарочно] намеренно выстроенных [в] (*ЧА*$_2$)

4 о́бок ∾ слободою / [ряд‹ом›] о́бок с бедной и грязной слободой [Канавина, улицы кото‹рого›] [улицы] (*ЧА*$_2$)

4–5 безличные жилища / безличные [домики] домишки (*ЧА*$_2$); безличные домишки ◊ (*БА*)

5 скучно рассеяны / скучно вытянулись (*ЧА*$_2$); скучно [вы‹тянулись›] рассеяны (*БА*)

6–8 и откуда ∾ «низовый» ветер / В хмурые дни, когда с Волги дул низовой ветер, из слободы на выставку [летели облака серой, колючей] (*ЧА*$_2$)

9–11 богатства страны ∾ намек / [богатства и бедности] богатства страны и бедности [людей ее] каких-то людей ее можно было [подозревать хвастливое намерение] заподозрить хвастливое желание намека (*ЧА*$_2$)

12 вот как хорошо!» / превосходно!» Но [этот] это подозрение пришло в голову Инокова, нелепая фигура которого в широкой разлетайке, в шляпе [опереточного бандита] факельщика издали обращала на себя внимание, мелькая всюду, точно фантастическая и голодная птица в поисках пищи. [1] (*ЧА*$_2$)

Стр. 537—538.

13–2 *Текста*: Не так нарядно ∾ думать о нем.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 537.

13–26 Не так нарядно ∾ бесстыдство торговли. / *а.* [Это радовало] Да, [ото всего] во всём, что Самгин успел [рассмот‹реть›] видеть, было много богатырского хвастовства, молодой

---

1 *См. наст. изд., т. XXI, стр. 542, строки 5—7. На полях ЧА*$_2$ *пометка рукой Горького*: «Перен‹ести›»,— *относящаяся к работе над БА.*

гордости силой, и всё это, успокаивая, радовало. *б. Текст вписан со следующими вариантами*

18–19 [Сверкала] Блестел ∾ фарфор

23 [блестели] блестел фаянс

25–26 [размашистую бесцеремо‹нность›] размашистое бесстыдство

27–34 *Текст*: Людей на ярмарке ∾ напоминавшие Дьякона — *вписан со следующими вариантами*

28–29 казались [радостно] служащими торговле [Но к людям] с радостью

30 обилие иностранцев / и множество иностранцев ◊

31 [в ушах то] слух [то и дело] ловил чужую речь

33–34 неприятно напоминавшие Дьякона / напоминавшие Дьякона ◊

34–35 и тогда Самгин ∾ вспоминал / *а.* Но как-то и смешно и тревожно вспоминалось *б. Как в тексте.*

36–37 люди о трех пальцах / *а.* тупоголовые люди о трех пальцах *б. Как в тексте.*

37–38 истерические пьяницы / *а.* истерические пьяницы вроде Лютова *б. Как в тексте.*

Стр. 537—538.

38–2 и прочие ∾ думать о нем. / *а.* его молчаливые ученики и монументальный, [спокойно] самоуверенно решающий все задачи, цифролюбивый Кутузов. Все эти люди вспоминались невольно, но думать о них было неприятно и не хотелось. *б.* и прочие [в ‹этом ряду›] [этого ряда] [люди этого типа]; Поярков, которого Клим считал [бездарн‹ым›] бесцветным, изящный солидненький Прейс, который, наверное, будет профессором,— эти двое не беспокоили [Самгина]. Самоуверенный, цифролюбивый Кутузов [был слишк‹ом›] поблек в памяти, [и] да Клим и не любил думать о нем.

Стр. 538.

3–4 он следил / Клим следил ◊

3–6 Глядя в деревянный ∾ Вспоминался / Клим смотрел в [досча‹тый›] деревянный, из палубной рейки потолок, [по н‹ему›] следил, как по щелям стекает вода и, собираясь в крупные, стеклянные шарики, падает на пол, смотрел и вспоминал (*ЧА*$_2$)

7 щиты ножей / горы ножей ◊ (*ЧА*$_2$)

7 ножниц и замков / ножниц (*ЧА*$_2$)

7–8 Павлова ∾ Ворсмы / Павлова, Вормсы, Вачи (*ЧА*$_2$)

8–9 в павильоне ∾ штыками / [длинногорлое орудие] в отделе военно-морском, орнаментированном ружейными патронами, саблями и штыками (*ЧА*$_2$)

9 саблями и штыками / саблями, штыками ◊

9–10 показывали длинногорлую / длинногорлую (*ЧА*$_2$)

11–12 Коренастый ∾ вылитый / молодцеватый, точно из бронзы отлитый (*ЧА*$_2$)

12–13 матрос ∾ черные усы / матрос◊ (*ЧА*$_2$)

13–14 снисходительно и смешно / снисходительно (*ЧА*$_2$)

15 Этое орудие ∾ этиим / Этая орудия зарьяжается с этого места вот этиим (*ЧА*$_2$)

16 даже не поднять / не поднять (*ЧА*$_2$)

16–17 в данном направлении ∾ по врагу / в данном направлении (*ЧА*$_2$)

л. [196]187

19–20 Блестела золотая ∾ на закате солнца / Блестела парча◊ (*ЧА*$_2$)[1]

20–21 полосы глазета ∾ ночей зимы / полосы глазета сверкали [сине‹вато›] голубовато, [как] точно вода ручья в лунную ночь (*ЧА*$_2$); [голубоват‹ые›] полосы — *Далее, как в тексте* (*БА*)

21–22 разноцветные ∾ лесов / разноцветные материи напоминали [расцве‹тку›] осеннюю расцветку леса (*ЧА*$_2$)

22–23 поэтические сравнения эти / все эти [уподобления] сравнения (*ЧА*$_2$)

24–25 в отделе живописи ∾ и тощий / в художественном отделе, где [ряд картин Левитана] [ряд пейзажей и особенно несколько полотен Левитана, очень лобастый] «объясняющий господин», лобастый [во‹сторженно›] (*ЧА*$_2$); [на выставке картин] в отделе живописи — *Далее, как в тексте* (*БА*)

26–27 о пейзаже ∾ Левитана / [о Нестерове, Васнецове] о пейзаже Нестерова, Левитана (*ЧА*$_2$)

28–29 по бархату ∾ разноцветными / шелками разноцветными по бархату земному (*ЧА*$_2$)

31 Клим испытал ∾ рассматривая / Клим Самгин [почувствовал] испытал гордость патриота, увидав (*ЧА*$_2$); Клим испытал гордость патриота, [увидав] рассматривая (*БА*)

33–34 для Хивы ∾ Морозовых / [для халатов] на халаты для Бухары [и] и Хивы, под [ослепительно пестрые] [ази‹атские›] ослепительно яркие ситцá Морозовых (*ЧА*$_2$); для Хивы и Бухары, под яркие ситцá Морозовых, Баранова◊ (*БА*)

34 и цветистый / [фарфор Кузнецовых, пестрый] и азиатски [яркий, пестрый] цветистый (*ЧА*$_2$)

35 Игрушки ∾ экипажи / [Масла и водки] Разноцветные масла и водки, крымские вина, игрушки и машины, экипажи, колокола [и ювелирны‹е›] (*ЧА*$_2$)

36 цветистый ∾ сафьян / горы ароматного мыла и казанский сафьян ($ЧА_2$); казанский сафьян ◊ (*БА*)

37–39 горы сахара ∾ свеч / [ковры] ковры и часовня из стеариновых свечек ($ЧА_2$); [бесконечные змеи ⟨веревок⟩] горы сахара — *Далее, как в тексте* (*БА*)

39–40 изумительной ∾ Сорокоумовского / изумительные меха Сорокоумовского, Ухова и Лебедева ($ЧА_2$)

Стр. 538—539.

40–41 и железо ∾ из щетины / железо Уральских заводов, кучи сахара, бесконечные змеи пеньковых [просмоленных] веревок [которые] издавали вкусный, крепкий запах смолы ($ЧА_2$); [кучи сахара, мыло] и железо [У⟨рала⟩] с Урала, [горы] кладки ароматного мыла, [кожи] отлично — *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 539.

1 этими ∾ богатств / [всеми] этими богатствами ($ЧА_2$); неисчислимыми грудами ◊ (*БА*)

2–5 группы людей ∾ настроение / кучки [разнообразных] людей и, молча, скучно рассматривая грандиозный труд своей родины, смущали Самгина [своим] молчанием ($ЧА_2$); группы людей и, [рассма⟨тривая⟩] глядя — *Далее, как в тексте* (*БА*)

6 возгласы восторга / [выра⟨жение⟩] возгласы восторга, [восхищения [или] и радости, чаще в] волновавшего его ($ЧА_2$)

7–9 из уст ∾ и меховщиков/ [из] из уст женщин пред витринами меховщиков, ювелиров, парфюмеров и посудников ($ЧА_2$)

9–10 *Текст*: Впрочем ∾ впечатлений.— *вписан в* $ЧА_2$.

10 немело ∾ впечатлений / онемело [от изумления] от обилия [чувств] впечатлений, которые они не умеют выразить ($ЧА_2$)

10–11 Но иногда ∾ женщин / И всегда ему казалось, что [это] [восторг женщин] ⟨в⟩ восторге женщин ($ЧА_2$); Но иногда Климу казалось, что похвалы женщин ◊ (*БА*)

11–13 звучат ∾ зависть / [искренно] звучит искренняя радость, а в похвалах мужчин [— только] скрыта зависть [1]. ($ЧА_2$)

13 Он даже подумал / [Он] Клим даже подумал ($ЧА_2$)

13–14 быть может / может быть ($ЧА_2$)

14 женщина лучше ∾ понимает / женщина глубже понимает ◊ ($ЧА_2$)

16–17 Его патриотическое ∾ встречал / Патриотическое чувство особенно гордо играло, когда Самгин встречал на дорожках выставки [толпы] ($ЧА_2$)

---

[1] *Возле этих строк, на полях, пометка рукой Горького*: Макаров, Лютов.

18–19 нации ∾ и Черного / России со всех концов ее, от Белого моря до Каспийского (*ЧА*$_2$)

20–21 хивинцы ∾ сарты / толстые сарты (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

23 свойство дьявола / свойство черта (*ЧА*$_2$)

23–25 Изнеженные персы ∾ пурпурными когтями / [Сластолюбивые, изнеженные] Изнеженные персы, раскрасив бороды и ногти, [окружив клу‹мбы›] стояли над клумбой цветов, [и один из них] высокий старик [в ост‹роносых?›] с фиолетовой бородою (*ЧА*$_2$)

26 пальцем ∾ руки / пальцем [с ц‹ветными ногтями›] руки (*ЧА*$_2$)

27–28 почтительно ∾ его свите / окружавшим его почтительным людям ◊ (*ЧА*$_2$)

28–34 с рубином ∾ золотой оправы. / с изумрудом и рубином сверкал на пальце, и один из его свиты, худенький, остроносый [человечек [сласт‹олюбиво›]], очень старый человечек в белой чалме, в черном, [высо‹ком›] кососрезанном каракулевом колпаке, не отрывая мокрых глаз от пальцев, следил за игрою камней. (*ЧА*$_2$)

32 человечек шевелил / человек шевелил

36–39 и татары-крымчаки ∾ в городе / с аккуратно подстриженными усами (*ЧА*$_2$); [с ак‹куратно›] и виноделы татары-крымчаки — *Далее, как в тексте* (*БА*); и [виноделы] татары-крымчаки — *Далее, как в тексте* (*АМ*$_2$)

39 У павильона [Северной ж.-д.] Архангельской ж‹елезной› д‹ороги›

40 в стиле древних церквей / в стиле церквей (*ЧА*$_2$)

Стр. 539—540.

41–1 меценатом ∾ дороги / покровителем искусства и [соз‹дателем›] строителем дороги (*ЧА*$_2$); меценатом и создателем этой дороги ◊ (*БА*)

Стр. 540.

1 семейство ∾ самоедов / в юрте семейство курносых самоедов (*ЧА*$_2$)

5 *После*: «Благодарю, Савва!» — *случайно не вычеркнуто*: павильон был (*ЧА*$_2$)

7 киргизов чугунного цвета / чугунных киргиз (*ЧА*$_2$)

7–8 с великой силой / пронзительно (*ЧА*$_2$)

8–9 *После*: к музыке дерева — *начато и зачеркнуто*: косоглазый мо‹лодой?› (*ЧА*$_2$)

10 черными глазами / глазами (*ЧА*$_2$)

11 [а] игрушечно маленький (*ЧА*$_2$)

12–17 ребячливо колотил ∾ Иё-ё-ы-ы-йо-э-э-о-ы-ы-ы... / [ребячли-

во улыбаясь беззубым ртом] ребячливо колотил ручками цвета ржавого железа по какому-то подобию барабана, и, широко открывая беззубый черный рот, зашитый зеленоватыми волосами редких усов, тянул тонким режущим уши голосом: — Й-яй-[э́и]-йо-йё-иэ-э-э-й-и-и...— *Далее*: Гуляли крымские татары-виноделы, похожие на румын-музыкантов; шумно бегали кавказские армяне [с Ка‹вказа› и], ходили хмурые белёсые финны, строители трамвая и фуникулеров в городе, круглолицые усатые украинцы [И], мелькали стройные черкесы [торговцы каракулем и мерлушкой] [1]. *Далее зачеркнуто*: *а*. На террасе огромной пивной Жигулевского завода, всегда полной народа, непрерывно [жужжала разноязычная речь] жужжал разноязычный говор на всех языках Европы, его заглушал певучий говорок костромичей и вятичей, [окающий нижегородцев] окали нижегородцы, москвичи и северяне подчеркивали «а». *б*. Подпрыгивая, как резиновый, бегал француз-журналист рядом с огромным сутулым русским и, размахивая руками в манжетах, исписанных карандашом, кричал [смея‹сь›]: — Этё кувас! Это всо [кувасе] бойарски кувас [2]. (*ЧА*$_2$)

18–19 с [ли‹цами›] аскетическими лицами

18–19 Владимирские ∾ и глазами / На одной из открытых эстрад владимирские пастухи-рожечники [б‹лагообразные›] с благообразными лицами святых и дальнозоркими глазами (*ЧА*$_2$)

20 играли ∾ песни / играли русские песни (*ЧА*$_2$)

21 военно-морского павильона / военно-морского отдела (*ЧА*$_2$)

21–22 красавец Главач / красавец [дирижер] Главач [третий раз по просьбе публики] (*ЧА*$_2$)

23–24 своего оркестра ∾ «Музыкой / странную [тихую] пьесу, которая в программе называлась «Музыка (*ЧА*$_2$)

25–27 очень любила ∾ звучит / почему-то очень любила ее, а [некоторые бегали] люди пытливого ума бегали в отдел слушать, как [эта] тихая музыка отдается [в жерле [длинногорлой] длинного] (*ЧА*$_2$)

28–30 сообщил ∾ глазами / любезно сообщил Климу женоподобный человек, очень любезный, с красивыми глазами. ◊ (*ЧА*$_2$)

29 любезный [чело‹век›] и женоподобный человек

30 Самгин не верил / Клим не верил (*ЧА*$_2$)

32–33 соблазнился и пошел слушать / тоже пошел [слушать] послушать (*ЧА*$_2$)

---

[1] *Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 539, строки 35—39.*

[2] *Текст б. вписан на полях и зачеркнут.*

33 Ничего не услыхав в ее холодной дыре / [но] Ничего не [услыхал] услышал в ее [тяжелой пустоте] пустой холодной дыре — *Далее зачеркнуто*: В здании для чтения лекций [и для] и для концертов на эстраду [выходила], покачиваясь, выходила маленькая кривобокая старушка из Олонца, Орина Федосова, сказительница [древних] былин северного края, добрая ведьма, [вся] склеенная из морщин и складок, с тряпичным лицом и улыбчивыми детскими глазами. Неграмотная, она знала на память около тридцати тысяч стихов и, все говорили, [изумительно читала] чудесно сказывала их. Клим Самгин [довольно равнодушный и даже подозрительно относившийся к искусству, дважды был потрясен [ему до слез почти] ею] после опыта с пушкой [настроенный недоверчиво] недоверчиво относился к чудесам, но все-таки [пошел слушать] захотел послушать сказительницу. Он был дважды изумлен ею, когда она [вещим голосом Матери из второй части «Фауста» сказала сцену прощания матери Добрыни Никитича [и когда восхищения]] древним вещим голосом сказывала прощальные слова Добрыни Никитича с матерью и когда [она] [эта старуха рассказала] эта кривобокая старуха изобразила ссору Ильи Муромца с князем Владимиром. [Он сидел] Сидя в первых рядах, он хорошо видел [измятое старостью лицо] игру морщин на измятом старостью лице.— *Возле зачеркнутого текста на полях помета красным карандашом*: Вставка. *Этой позднейшей вставкой являются несколько листков, содержащих подробное описание выступления Федосовой, перенесенное в БА в другое место — см. варианты к стр. 544, строка 25 — стр. 547, строка 20.*

34–36 *Отрывок, вариантный словам*: он почувствовал ∾ Северного края.— *в* $ЧА_2$ *записан на отдельном листке, начинающем вставку с рассказом о выступлении Федосовой (см. стр. 544, строка 25)*

37 службы [в церквах] во храмах ($ЧА_2$)

39–40 пожилой человек / высокий человек ($ЧА_2$)

40 Обнажив / он обнажал ($ЧА_2$)

41 он трижды / трижды ($ЧА_2$)

Стр. 541.

1–2 расширенными ∾ у слепого / выкатив [белые] круглые белые глаза ($ЧА_2$)

2–3 Затем он ∾ слушателям / кланялся [публ‹ике›] зрителям ($ЧА_2$)

5 [По всему при‹городу›] [Важно и мягко] Важно плыли мягко бухающие ($ЧА_2$)

6–7 казалось ∾ и сам / [но ⟨?⟩] казалось, что черный язык ожил, сам ($ЧА_2$)
7–8 жадно лижет / и лижет ($ЧА_2$)
8 а звонарь / оглушая звонаря, а звонарь ($ЧА_2$, *БА*)

л. [197]188

9 в [неистовом] отчаянии бьет
11–12 Наконец ∾ переходил / Позвонив в большой, он переходил ($ЧА_2$); [Позвонив] Наконец ему удавалось — *Далее, как в тексте* (*БА*)
13–14 черный ∾ ногами / [начинал] темный, начинал судорожно дергаться [р⟨уками⟩] всем телом, руками, ногами ($ЧА_2$)
15 *После*: царь» — и «Боже, царя храни». ($ЧА_2$)
15 Дергался звонарь / Дергался он ◊ ($ЧА_2$); Дергался этот звонарь (*БА*)
16 он висит ∾ веревки / [его по⟨весили⟩] он висит на невидимой веревке ◊ ($ЧА_2$)
17 мотает головой ∾ лицо его пухнет / не может, [лицо] мотает головою, длинное лицо ($ЧА_2$)
18 звучно / восторженно и четко ($ЧА_2$)
19 медь колоколов / медь ($ЧА_2$)
20 вытирал потный череп, мокрое лицо / вытирал голый череп и мокрое лицо ($ЧА_2$); вытирал [платком] потный — *Далее, как в тексте* (*БА*)
21–23 в синюю и белую ∾ на вопросы / в синих и белых клетках, как [гра⟨фленая⟩] шашечная доска, снова крестился в небо, кланялся зрителям и уходил, [молча] не отвечая на их похвалы и вопросы ($ЧА_2$)
24–25 его пришибло ∾ дней своих / [он дал обет молчания до конца [ве⟨ка⟩] своих дней] его пришибло какое-то горе и старик дал обет молчания до конца своих дней ($ЧА_2$)
26–30 Клим Самгин ∾ Дьякона на месте звонаря. / Самгину думалось, что человек с такими глазами [наверное, убил] должен был убить кого-нибудь, [может быть] вероятно, жену, но этот [молчаливый] немой, важный старик [веровавший в бога и [видно] обожавший царя] внушал ему почтение [и] тем, что он веровал в бога и обожал царя. ($ЧА_2$)
31 А вообще ∾ умилении / Клим Самгин вообще жил в [настроен⟨ии⟩ тихого умиления] тихом умилении ($ЧА_2$)
32–37 вещей ∾ молчат / вещей, созданных [трудами] трудом вот этих разнообразных [человечков], но очень простеньких человечков, которые не торопясь ходят по желтым [и всегда отчего-то сырым] дорожкам, [любуются] посыпанным чистеньким песком, скромно любуются созданием рук своих, негромко

похваливают, а больше [вдумчиво молчат] того — вдумчиво молчат ($ЧА_2$)

37–41 И Самгин начинал ∾ всесозидающая сила. / Вспоминался один из бесчисленных афоризмов Варавки: «[Вера] Верующий это — делающий»,— вспоминался [ист‹инный›] евангельский корень этого афоризма: «Вера без дел — мертва есть». Клим Самгин думал, как это хорошо — веровать, [и чу‹вствовал›] он смутно чувствовал себя виноватым в чем-то пред [этими] тихими человечками и уже смотрел на них дружелюбно, даже с оттенком почтения пред их внешней незначительностью, за которой скрыта [всесозидающая сила] сказочная, всесозидающая сила. ($ЧА_2$)

Стр. 542.

1–2 «Вот — университет ∾ впечатления. / «Вот он — университет»,— думал [он] Самгин, оглядывая, взвешивая впечатления. ($ЧА_2$)

2–3 главнейшая ∾ наука» / главнейшая наука» ($ЧА_2$); главнейшая и живая наука» (*БА*)

4–7 Иноков ∾ в поисках пищи. / Иноков, неустанно летавший по выставке, размахивая крыльями своей хламиды, озабоченный, [уставший] [устало] с напряженным лицом иностранца, который плохо понимает окружающее его [1]. ($ЧА_2$)

7–10 *Текст*: Иноков ∾ грубоватое лицо. — *в* $ЧА_2$ *см. далее варианты к строкам 28—30.*

9–10 скуластое ∾ лицо /*а.* скуластое, грубоватое лицо. Смотрел он на всё напряженным взглядом иностранца, который плохо понимает окружающее его. *б. Как в тексте.*

11–13 с Иноковым ∾ брат Дмитрий / с ним Самгин не мог, потому что [Иноков был [очень] полезен и], к удивлению Клима, [он] этот странный и [неприятный] [малоприятный] неприятный парень, [так же] [оказался так же] так же как брат Дмитрий ($ЧА_2$)

13 много знал / знал очень много ($ЧА_2$); [очень] много знал (*БА*)

13–15 и мог ∾ судоходном деле / [и мог] [он мог толково] [давал различные] мог толково [м‹ного›] рассказать о рыболовстве, [варке мыла] химической промышленности, кустарном деле [о книгопечатании и фабрикации бумаги, у него] ($ЧА_2$)

---

[1] *После*: окружающее его — *пометa на полях красным карандашом*: «199—3». *На указанном листе* $ЧА_2$ *дано первоначальное описание внешности Инокова* (*см. варианты к стр. 553*, *строка 19 и далее*). *В ходе работы над БА сделана перестановка текста, намеченная этой пометой.*

15–17 Это было полезно ∾ благодушное / Кроме запаса различных знаний [и [всеобъемлющей] емкой памяти], Иноков обладал и еще одним [качеством] полезным качеством [которое Клим не мог не оценить: Иноков видел больше, вращаясь среди [жу‹рналистов›] [корреспондентов] журналистов] [он]: как журналист он проникал туда, куда Клима не пустили бы, и видел то, что недоступно глазам Самгина. Это было и хорошо и плохо: хорошо потому, что Самгин [знакомился] через него знакомился с [закулисной] некоторыми тайнами, плохо потому, что Иноков расхолаживал и понижал его благодушное (*ЧА*$_2$)

18–21 Есть во всех ∾ на брак хочет... / Есть во всем этом нечто... вдовье,— угрюмо говорил Иноков.— Пожилая вдова, будто не очень умная, да и [совс‹ем›] красоты сомнительной, хвастается приданым, [женихов] соблазнить хочет... (*ЧА*$_2$)

22–23 Как бы ∾ линию. / *Фразы нет.* (*ЧА*$_2$); Он задумывался, как бы решая сложную задачу, рот его ◊ (*БА*)

24 Затем ∾ ругался / И — ругался (*ЧА*$_2$)

26–28 С одной стороны ∾ из трех домов два / *а.* да еще óбок со слободкой, населенной [м‹ещанством›] нищим мещанством, речными ворами... *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

28–30 набиты нищими ∾ девками / набиты публичными [дамами] девками, а в половине остальных речные и всякие воры. Корочки [красиво] вкусно поджарены, [н‹о›], а начинка — дрянь. [В угрюмой воркотне молодого] [В угрюмом ворчливом тоне [скуластого] здорового парня с жилистой шеей [грубыми рука‹ми›] было что-то противоестественное.] [Иноков очень возмужал, [похорошел [и его]] [он отращивал золотистые усы] даже как будто похорошел [на верхней губе его, на]]

Самгин ежедневно [в одно и то же время видел его за столиком на террасе пивной Жигул‹евского› завода, где Иноков завтракал [бутыл‹кой›] бутербродами] [в час] видел его в шведском домике у входа на выставку, где Иноков завтракал всегда [одн‹ими›] бутербродами с ветчиной и выпивал бутылку черного пива. [Иногда рядом с ним сидел [скромный человечек], осторожно оглядываясь, скромный человечек.] Иноков [очень] возмужал; [лицо его обрастало] щеки его обрастали мелкими колечками темных волос, очень [густых] густые, они делали мягче [и приятнее его скуластое лицо] его грубоватое, скуластое лицо. [И глаза его как будто выросли] [У него явилась привычка [дер‹гать›] [взмахивать головою, как бы [вс‹тряхивая›] стряхивая

с нее что-то] поглаживать лицо ладонью, точно [стирая] он стирал паутину с лица и строгих глаз.] [1] (*ЧА*$_2$)

31 Когда Самгин восхищался / Самгин восхищался (*ЧА*$_2$)

32 Иноков указывал, что деревня / а Иноков указывал, что народ (*ЧА*$_2$)

33 всё хуже / всё хуже, беднее (*ЧА*$_2$)

33 и по краскам материи / и по краскам (*ЧА*$_2$)

34–37 Из Средней Азии ∾ в Финляндии / в Москву из Сред‹ней› Азии, для того чтоб, переработав его в ситца, снова отвезти в С‹реднюю› Азию, что, несмотря на обилие лесов, [бумагу покупают] миллионы пудов бумаги покупаются в Финляндии (*ЧА*$_2$)

39 не умеем / не умеем,— ворчал он (*ЧА*$_2$)

40–41 Еще более ∾ неудачных изобретателях. / Слушать такие речи было неприятно. И еще неприятнее были [речи] рассказы Инокова о каких-то смешных неудачниках-изобретателях, о них Иноков всегда говорил в тоне злой насмешки. (*ЧА*$_2$).

Стр. 543.

1–3 Были ∾ выставил / [Вы] Были вы в сельскохозяйственном? Там есть угол, где собраны изобретения русских гениев. Один осел из Вятской губернии самочинно велосипед изобрел (*ЧА*$_2$)

4–5 А другой ∾ состряпал / А другой состряпал пианино (*ЧА*$_2$)

6 две трети струн / половина струн (*ЧА*$_2$)

7–9 бывший нотариус ∾ бить / [монах] бывший нотариус выставил хлопушку, оводов бить на лошадях [и не верит, что она не годится, шлепает всех по спинам] [уверяя, что она пригодится] (*ЧА*$_2$)

9 к передней оси [экипажа] телеги

9–10 *Текста*: хлопушка ∾ бесится — *в ЧА*$_2$ *нет.*

11–12 а мы их всенародно показываем / а мы [ими] их всенародно показываем. [— Но, позвольте, ведь все-таки [создать] выдумать пианино, никогда не видя его... — Иноков невежливо отмахивался и рассказывал] Очень [бросалось в глаза] заметно было, что о людях, о которых принято говорить [без]

---

[1] *Текст*: С одной стороны — выставка ∾ с лица и строгих глаз.] — *в ЧА*$_2$ *вставка на полях, сделанная, видимо, уже во время работы над БА. На полях также пометка*: «Вст‹авка›» — *по всей вероятности, относящаяся к самому тексту на полях — ею писатель отметил композиционный перенос вписанного на полях, т. е. вставки, в текст БА.*

с сожалением, Иноков говорит сухо и безжалостно, это нравилось Климу. (*ЧА*$_2$)

13–17 *Варианты текста*: Самгин ежедневно ∾ рассказывал — *в ЧА*$_2$ *см. выше*: *стр. 542*, *строки 28—30.*

17 стирая с него [паутину, пыль] [не] веснушки [а паутину, пыль]

18 Панно ∾ художника / А вот [[два] изумительные] панно какого-то Врубеля, [художника] живописца (*ЧА*$_2$)

19 на выставку / в художест‹венный› отдел. [Покровитель его] [Вы, Самгин, посмотрите на эти панно, они выставлены вне] (*ЧА*$_2$)

20 а силу везде / но силу — везде ◊ (*ЧА*$_2$)

21–22 Савва Мамонтов построил ∾ видите? / Задумчиво поглаживая лицо ладонью, как бы стирая с него пыль, паутину, Иноков рассказал, что Савва Мамонтов, московский меценат, выстроил для [картин] панно Врубеля [о‹собый?›] [небольшой] павильон вне выставки (ЧА$_2$); Савва Мамонтов — молодец! Выстроил для Врубеля отдельный павильон вне [предел‹ов›] границ выставки, вот этот, видите? ◊ (*БА*)

22–24 Вход ∾ оперы Мамонтова. / [и что] [и там д‹ают›] в павильоне изредка [поют]дают [бесплатные] концерты артисты и хор [его] оперы Мамонтова. [Публика] [Вход бесплатный] Хотя вход — бесплатный, но публики бывает мало. (*ЧА*$_2$); Там артисты и хор оперы Мамонтова изредка концерты дают. Вход бесплатный, но публика почти не ходит. ◊ (*БА*)

25 часто сижу / часто бываю ◊ (*ЧА*$_2$)

25–26 «Принцесса Греза», а на другой / сцена из «Принцессы Грезы» Ростана, на другой (*ЧА*$_2$)

27 Очень странно. / Некоторых это смущает. (*ЧА*$_2$); Иноков усмехнулся, но тотчас стер улыбку с губ и ◊ (*БА*)

27 Один ∾ посмотрел / Один толстенький — газетчик из Одессы — поглядел (*ЧА*$_2$)

28 и сказал / и сказал мне (*ЧА*$_2$)

29–30 *Фразы*: Искусство ∾ от политики. — *в ЧА*$_2$ *нет.*

31–32 Иноков ∾ рукою. / Он широко, но неохотно улыбнулся. (*ЧА*$_2$)

32 *После*: рукою — *зачеркнуто*: выпил пива и сказал: — А в других отношениях газетчик этот не совсем идиот.

32–33 *Слов*: Он постоянно ∾ новости — *в ЧА*$_2$ *нет.*

32–33 различные новости [курьезы]

34 Витте приехал. / Витте приехал,— сообщал он Климу, [потягивая пиво] запивая ветчину пивом. (*ЧА*$_2$)

34 Вчера идет / Вчера вечером идет (*ЧА*$_2$)

36 Привозят [они] рабочих

36–38 Привозят ∾ в Сормове / Рабочих каких-то привозят — встречать царя. На здешних почему-то не надеются, что ли. [Хотя] Впрочем, вербуют и в Сормове [у] ($ЧА_2$)

39 у Доброва-Набгольц / у Доброва-Набгольц, у Курбатова. Шпион мой предупреждает: большие строгости будут при встрече. ($ЧА_2$); у Курбатова, у Доброва-Набгольц. [Большие ст‹рогости›] (*БА*)

40 Вы как / Как вы ($ЧА_2$, *БА* ◊)

41 Иноков ∾ удивленно. / Иноков взглянув на него и, помолчав, ответил. ($ЧА_2$); Иноков, [удивленно] взглянув на него [и ответил не‹брежно?›] удивленно (*БА*)

Стр. 544.

л. [198]189

После: об этом.— Потом грубо прибавил: — Нужен он мне, как собаке пятая нога. ($ЧА_2$)

2–3 *Фразы*: Клим ∾ скрыть от себя.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

2 ждал царя с [некоторой] тревогой

3–4 Он чувствовал ∾ человека / А Клим чувствовал, что ему нужно видеть царя, нужно знать [каков этот человек, возглавляющий] человека ($ЧА_2$)

5 богатую Русь / богатую страну ◊ ($ЧА_2$)

6 скользким [неуловимо разнообразным нар‹одом›] народом

6–7 трудно ∾ определенное / нельзя сказать ничего твердо определенного ($ЧА_2$)

7–9 *Слов*: трудно потому ∾ озорниковатые люди — *в* $ЧА_2$ *нет.*

7–9 что-нибудь ∾ озорниковатые / [что-либо] что-нибудь твердо определенное, трудно потому, что в этот народ обильно вкраплены какие-то слишком озорниковатые

9 Была у Самгина / Была у него ◊ ($ЧА_2$); Была у Клима ◊ (*БА*)

10 что в ту минуту, когда / что, когда ($ЧА_2$)

10–11 увидит царя ∾ передуманное / увидит этого человека, [он всё] в ту минуту всё [пережитое] передуманное ($ЧА_2$)

11 передуманное им получит / передуманное им, может быть, получит (*БА*, $АМ_2$◊)

11–12 окончательное завершение / окончательное [и т‹вердое?›] завершение [после‹дний?›]. [Это будет как последний [удар] [мазок] удар кисти, который навсегда докончит картину. Ясной мысли] [Пестрой [картине] массе его впечатлений не хватало чего-то, что] ($ЧА_2$); окончательное завершение [сложится в систему] (*БА*)

12 иметь значение / иметь силу

12–14 Возможно ∾ ласково / Эта надежда не укладывалась в

обычные слова, не принимала форму ясной мысли, но подсказывала различные уподобления, заставляя думать о том первом луче солнца, которым начинается [светл‹ый›] день, о том последнем, [который па‹дает?›] за которым землю [тепло и] ласково (*ЧА*$_2$)

15–16 Может быть ∾ прав / *Слов нет.* (*ЧА*$_2$); *а.* Думалось, что молодой царь *б. Как в тексте* (*БА*)

16–17 молодой царь ∾ его отец / [В тот день, когда Николай II должен быть пое‹хать›] Думалось, что молодой царь не мог быть [обыкновенным] дюжинным человском, каков был его [от‹ец›] отец (*ЧА*$_2$); молодой царь не мог быть дюжинным человеком, каков был его отец (*БА*); молодой царь недюжинный человек, каким был его отец◊ (*АМ*$_2$)

17 Он, так смело / и что он, так смело (*ЧА*$_2$); что он так смело (*БА*)

17-18 чаяния ∾ которые хотят / [на‹дежды›] чаяния [либера‹лов›] [конституцио‹налистов›] людей, которые пытались (*ЧА*$_2$)

18–19 может быть ∾ характером / [был] обладал характером (*ЧА*$_2$); обладает характером (*БА*)

19–20 решительным ∾ деда / [тв‹ердым›] решительным, чем его дед (*ЧА*$_2$)

20–21 Да, возможно ∾ способен / Возможно, что Диомидов прав Николай II способен (*ЧА*$_2$); [Возможно] Да, возможно, что Диомидов прав: Николай Второй способен (*БА*)

21 против всех [как это он] (*ЧА*$_2$)

21–22 и молодая рука ∾ дубинкой / и рука его в силе держать дубинку (*ЧА*$_2$); и молодая рука его достаточно сильна для того, чтоб вооружиться [крепкой] тяжелой дубинкой (*БА*)

23 и крикнуть на людей / Есть люди, на которых надо крикнуть (*ЧА*$_2$, *БА*)

24 *После*: вы озорничаете?» — А что крикнуть [эти слова] на озорников необходимо, Клим Самгин [убедился] убедился в этом на Всероссийской выставке. (*ЧА*$_2$); [А что крикнуть на них — необходимо, Выставка Всероссийского труда особенно убедила Самгина в этом.] (*БА*)

25 Иноков оттолкнул его / Иноков оттолкнул его куда-то (*БА*)

25–28 Дня на два Иноков ∾ она — чудо! / [и] он почувствовал себя очень глупо [и отказал‹ся›] и решил не подчиняться [восторженному голосу] гласу народа, восхвалявшему Орину Федосову, сказительницу былин Северного края. Но Иноков [почти насильно увлек его в [пе‹реполненный?›] зал, где читались лекции, доклады и, в плохую погоду, иг-

рал оркестр Главача, усадил в первых рядах кресел [и], сел рядом и сказал:— Это чудо.] смутил его:— Не хотите [видеть] слышать Федосову? — изумленно спросил он.— Но ведь она — чудо[1]. (*ЧА*$_2$)

29–30 *Фразы*: Я не охотник ∾ сфер.» — *в ЧА*$_2$ *нет.*

31 Но Иноков ∾ говорил / И, махнув рукою вправо, влево, он возбужденно, как пьяный, заговорил (*ЧА*$_2$); Но Иноков, размахивая рукою [вправо и влево], возбужденно говорил (*БА*)

32 Против нее ∾ хлам! / Против нее всё это — [пустяки!] хлам [и сор]. (*ЧА*$_2$)

32 *После* : хлам! — *зачеркнуто*: Она, знаете... я ничего не умею сказать про нее.

33 *Фразы*: И, схватив ∾ продолжал — *в ЧА*$_2$ нет.

33 продолжал / он продолжал

34 Помните Матерей / А она... помните Матерей (*ЧА*$_2$)

34–35 Но они ∾ Идемте! / Они там [говорят] говорят что-то бредовое, а эта... [говорит понятными словами, сказывает] нет, я ничего не могу сказать о ней. [Идемте! Это — чудо!] Идемте. (*ЧА*$_2$)

36–38 *Фразы*: Клим впервые видел ∾ играл на органе.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

39 Увидите ∾ повторил Иноков. / Он сказал еще раз: — Увидите: это чудо. (*ЧА*$_2$)

40 На эстраду вышел / На эстраде монументально встал (*ЧА*$_2$)

41 в длинном и точно / в длинном и как бы (*ЧА*$_2$, *БА*)

Стр. 545.

1–2 Гулким голосом ∾ говорят люди / и [начал [точно] гулким голосом] [очень] [и старомод<но>] начал говорить, как говорят [в цирке] люди (*ЧА*$_2$)

5–9 Я написал ∾ Профессор Барсов... / Неграмотная... Знает на память тридцать тысяч стихов. Я собрал [их] часть их в книге, которая продается у входа... Я написал биографию... Предисловие..... Профессор Жданов... Я... (*ЧА*$_2$)

8–9 Я... Больше ∾ Профессор Барсов... / Больше, чем в Илиаде. Профессор Жданов... Я! Профессор Барсов... тогда, я... [Клим взглянул на Инокова]

10–11 *Текста*: Ничего,— успокоительно ∾ всегда глуп.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

---

[1] *Текст*: [и] он почувствовал ∾ топтал ее. (*стр. 547, строка 20*) — ***в ЧА*$_2$ *следует после слов***: пустой холодной дыре (*см. варианты к* ***стр.*** *540, строка 33*).

12 На эстраду ∾ вышла / Когда на эстраду, покачиваясь, вышла [маленькая] (*ЧА*$_2$)

14–15 смешная, добренькая / добренькая (*ЧА*$_2$)

18–20 уверенный ∾ дураком / будучи уверен, что [это] должен будет ◊ (*ЧА*$_2$)

20 Но лицо Инокова светилось / Но [он увидал на лице Инокова [такую полную радость] [такое] напряженное ожидание чего-то счастливого] увидав ◊ (*ЧА*$_2$)

21 хлопал [в ‹ладоши›] ладонями (*ЧА*$_2$)

22 милая... / милая... милая... (*ЧА*$_2$)

23 Самгин ∾ смягчился / [и] это несколько смягчило Самгина (*ЧА*$_2$)

25 вынув часы / вынул часы (*ЧА*$_2$)

25–26 тотчас ∾ вскинул / [тотчас] тотчас быстро поднял (*ЧА*$_2$)

26–27 полился ∾ веские / [зазвучал] певуче полился необыкновенный голос, зазвучали необыкновенно веские (*ЧА*$_2$)

27–28 Голос был бабий / Голос был человечий, бабий (*ЧА*$_2$); Голос был [человеческий] бабий (*БА*)

28 но нельзя ∾ стихи / [и, не глядя на эстраду, можно было сказать, что это] но, не глядя на эстраду, нельзя было подумать, что стихи (*ЧА*$_2$)

29 Помимо добротной / Но помимо добротной (*ЧА*$_2$)

32–33 оглянуться ∾ люди / оглянуться назад, на публику, посмотреть, с какими лицами сидят люди, слушая (*ЧА*$_2$)

33 кривобокую старушку? / эту [др‹евнюю›] старушку? (*ЧА*$_2$); эту старушку? ◊ (*БА*)

34 взгляда своего от игры / глаз от измятого лица ◊ (*ЧА*$_2$); [глаз] взгляда своего от игры (*БА*)

35 измятом, добром / измятом (*ЧА*$_2$)

36 детских ∾ договаривая / [детских] этих детских глаз, красноречиво [договаривавших каждую строку, придавая ей] договаривая (*ЧА*$_2$)

37–38 придавали ∾ обаятельный / придавая им цвет, блеск и чарующий (*ЧА*$_2$); придавали древним словам [цвет, блеск] живой блеск и [чарую‹щий›] обаятельный (*БА*)

40–41 старая женщина ∾ о том / [кривобокая] великая артистка Орина Федосова, старая дева из Олонецкого края, сказывала [прощание матери] [матери‹нское?›] о том (*ЧА*$_2$); старая [дева] женщина — *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 546.

1–2 отправляя его ∾ подвиги / отправляя его [н‹а›] в поле (*ЧА*$_2$)

2 Самгин видел / Клим видел (*ЧА*$_2$)

3–4 слышно было / чувствовались (*ЧА*$_2$)

5–6 стоит ∾ в лицо матери / [на коленях, склонив голову, а меч положил к ногам м‹атери›] стоит на коленях, склонив голову, и держит меч на вытянутых руках (*ЧА*$_2$)

7 Минутами Климу / Минутами [Самгину казалось] [закрыв глаза] Самгину (*ЧА*$_2$)

8 этой доброй ведьмы / кривобокой старушки (*ЧА*$_2$)

9 сквозь шумок ∾ веков / сквозь шум [на] за пределами зала, из глубокой древности [до‹летает›] (*ЧА*$_2$)

11 *После*: древности — *зачеркнуто*: Потом [открывая глаза] он снова видел это удивительное, всеми морщинами говорящее лицо, [эти странные глаза] [неестественно молодые, неугомонные глаза] молодой блеск неугомонных глаз (*ЧА*$_2$)

12–14 расширенное ∾ были влажны / лицо у него осовевшее, расширенное радостной улыбкой, глаза влажные (*ЧА*$_2$)

15 Удивительно,— ответил Клим. / Да [...я не ожидал],— тихо сказал Клим.— Удивительно. (*ЧА*$_2$); Удивительно,— [тихо] ответил Клим. (*БА*)

16 *После*: То ли еще будет! — *зачеркнуто*: Еще Федосова сказала о ссоре Ильи Муромца, рязанского мужика, с киевским князем Владимиром, и это было так хорошо, что Клим Самгин, дослушав до конца сказ об Илье [с] и боясь, что последующее понизит впечатление, [по‹шел›] ушел, благодарно пожав руку Инокова.— Тут учитель этот, который [показывает] возит, показывает ее... Виноградов, что ли, стихи ее продает, [вы] купите! [Там] У нее интереснейшие варианты былин есть (*ЧА*$_2$)

16 *Слов*: она — не актриса — *в ЧА*$_2$ *нет.*

19–20 начала сказывать ∾ Муромца / начала сказ о ссоре Ильи Муромца, рязанского мужика (*ЧА*$_2$)

21 снова ∾ на колдовское / снова [очарованно смотрел] очарованный, видел удивительное (*ЧА*$_2$); снова очарованный, [глядя на удивительно колдовское] смотрел [не отрывая глаз] на колдовское (*БА*)

22–23 ласкаемый ∾ неугасимых глаз / красноречивый блеск [молодых] неугасимых глаз, слушал [этот неистощимый] певучий, неистощимый голос... (*ЧА*$_2$)

23 Умом он / ... и умом (*ЧА*$_2$)

24 матёрый богатырь ∾ Карачарова / [матёрый [казак Илья] селянин] матёрый богатырь [из] села Карачарова (*ЧА*$_2$)

25–26 избалованным князем, не так / [занос‹чивым›] избалованным князем, [не этим голосом от‹вечал›] не так (*ЧА*$_2$)

26 и, конечно / и не было◊ (*ЧА*$_2$)

27 такой острой / [этой] такой мягкой ($ЧА_2$)

28 [умные] [острые и безжалостные] и мудрые искорки глаз ($ЧА_2$).

28–29 историка ∾ Ключевского / [историка В. О. Ключевского] Василия Ключевского [безжалостного историка] ($ЧА_2$); [ученого] историка Ключевского (*БА*)

30 Но, вспомнив ∾ ученом / [И вспо‹мнив›] Но вспомнив о безжалостном историке ($ЧА_2$)

30–31 вдруг [ощутил], и уже не умом, а [всем] всем существом своим, [что] согласился, что ($ЧА_2$)

32 ситцевая кукла [мо‹жет›] и есть [та] самая ($ЧА_2$)

33–34 которая ∾ умеет говорить / которая умеет говорить ◊ ($ЧА_2$); история, которая и должна и умеет говорить (*БА*)

л. [199] 190

34–35 как сказывает ∾ старуха / как она говорит ($ЧА_2$)

36–37 и мудро ∾ мечтах детей / о гневе и нежности, [о сло‹вах›] о неутолимых печалях матерей и [хвастли‹вом›] [детском хвастовстве] [хвастовстве их детей] [богатыр‹ях?›] богатырских подвигах детей их ($ЧА_2$)

38–41 ласкал людей ∾ Самгин / [добротными словами одинаково безразлично ра‹сскажет›] ласкал голосом [ста‹рые›] [древ‹ние›] старые, [но] добротные слова, одинаково обаятельно и безразлично скажет она когда-то о том, [поч‹ему›] как жил [на земле] [человек] Клим Самгин, человек. ($ЧА_2$)

39 говорит ли она / говорит ли он (*БА*, $АМ_2$)

Стр. 547.

1 Затем Самгин / [Он] Затем он ($ЧА_2$)

2 он таким хорошим / таким хорошим ($ЧА_2$)

3–5 в рядах людей ∾ построенную / [в деревянной] в рядах [лю‹дей›] [неподвижно сидевших, нем‹ых›], среди людей, до немоты очарованных кривобокой старушкой, явившейся из [древности] древних сказок в действительность, [построенную наскоро и напоказ] хвастливо и неуютно построенную ($ЧА_2$)

7 себя необыкновенным / себя таким необыкновенным ($ЧА_2$)

8–9 В коротких перерывах / В [пер‹ерывах›] коротких перерывах ($ЧА_2$)

9 когда она, [должно ‹быть›] отдыхая ($ЧА_2$)

10–11 поглаживала кривой бок / поглаживая бок [и] ($ЧА_2$); поглаживала бок ◊ (*БА*)

13–14 покачиваясь вбок ∾ народу / и улыбалась, кивала головой [шумно] восторженно кричавшему [за‹лу?›] народу ($ЧА_2$)

15–16 неистово ∾ крича / [оголте‹ло›] свирепо хлопая ладонями, возглашая ($ЧА_2$)

17 Бабушка, милая / Милая-а... Бабушка... ($ЧА_2$)

18 *Перед*: Он был возбужден — И [бормо‹тал›] кричал в ухо Клима: — Вот оно — подлинное [наст‹оящее›] искусство! ($ЧА_2$)

19 оглушительно сморкался / сморкался ◊ ($ЧА_2$)

19–20 [его] разлетайка сползла

20 с его плеч ∾ топтал ее / с его [широк‹их›] широких плеч, и он топтал ее ($ЧА_2$)

21–26 *Фразы*: Остаток дня ∾ ясные глаза — *в* $ЧА_2$ *нет.*

26 [неопределенного цвета] очень ясные глаза

27 А через три дня / А на другой день ◊

27–29 *Фразы*: А через три ∾ торжище.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

28 окружившей часовню / окружавшей часовню

29 Иноков сказал [ему]

29–33 Иноков сказал ∾ на него там. / В тот день, когда царь посетил выставку, [Клим] территория ее была закрыта для публики и окрестности [очищены] заботливо очищены от лишних людей. Но *а*. от Кремля, по съезду к нижней части города, по улицам его, по обе стороны моста через Оку, по широкой набережной [улице] ярмарки до вокзала и дальше, вплоть до входа на выставку, стоял в два ряда [народ] [русский] [великий русск‹ий›] народ. Это был настоящий великий русский народ, [круглолицый] курносый, бородатый, с хорошими глазами. [Но] [Пред ним, [напро‹тив›] вправо] *б*. на [всем] протяжении не менее четырех верст — от серого Кремля [по] на зеленой горе нижней части города, по берегу Волги и по обе стороны длинного моста через Оку, по широкой набережной улице ярмарки вплоть до входа на выставку смирно и плотно в два ряда стоял народ. ($ЧА_2$)

31 однако это едва ли / но это едва ли ◊

33 *После*: на него там — *зачеркнуто*: [Террито‹рия›] Выставка была закрыта для публики, и окрестности ее заботливо очищены от лишних людей.

34–37 Напротив ∾ в пиджаках. / Напротив его, влево и вправо, [бесконечной] бесконечно тянулась [линия курносых, бородатых лиц, освещенных хорошими глаз‹ами›] [неровная] иззубренной пилою неровная линия неплохо одетых, крепких, рослых людей [он [с неко‹торым?›] [виде‹л›] рассматривал сотни и сотни курносых, бородатых лиц, все такие серьезные лица с хорошими глазами]. На многих [были] —

новые поддевки, кафтаны, [на м⟨ногих⟩] большинство — в пиджаках. (*ЧА*$_2$)

37—40 Там и тут ∾ начищенных сапог./[и] там и тут ярко выделялись красные пятна кумачных рубах, лоснились на солнце плисовые [ра⟨зноцветные⟩] шаровары, [на⟨чищенные⟩] блестели [начище⟨нные⟩] голенища [праздни⟨чных⟩] [новых или] сапог. (*ЧА*$_2$)

41 столь много / так много ◊

Стр. 547—548.

40—2 Клим впервые ∾ трудной жизни. / Клим [Самгин] впервые [видел] видел так близко и в такой массе [настоящий] [этот великий русский] [этот великий] [великий] народ, о котором [он] он с детства так много слышал и читал. (*ЧА*$_2$)

Стр. 548.

1 читал [печал⟨ьные⟩] десятки печальных

2 *После*: трудной жизни — *зачеркнуто*: Народ стоял смирно и плотно [и Клим]

2 Он рассматривал / Клим рассматривал (*ЧА*$_2$)

2—5 Он рассматривал ∾ с хорошими глазами / [Его волновало неизведанное чувство] С непонятным [не⟨изведанным⟩] ему [неизведанным чувством почтения] [волнением] [напряжением] волнением Клим рассматривал сотни и сотни [курчавых] [ли⟨ц⟩] мохнатых [и], гладко причесанных и лысых голов, курносые бородатые лица, [все] такие солидные, с хорошими глазами [и] (*ЧА*$_2$)

5—7 *Фразы*: Люди эти ∾ в одну грудь.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

6 плотно друг к другу / [плотно друг к другу] плотно один к другому (*БА*)

7—8 Было ясно ∾ тот самый / [Невозм⟨ожно⟩] Было ясно, что это [тот самый] именно тот самый (*ЧА*$_2$); Было ясно, что это именно тот самый (*БА*)

8 чьи умные руки / который ◊ (*ЧА*$_2$)

9 красиво разбросанные / собранные (*ЧА*$_2$)

10—14 Да, это именно он ∾ первое место. / [За] Да, это он отсеял и выставил вперед, па глаза царя, лучших своих, и хорошо, что [он стоит] все другие люди [за спиною его] стоят за спиною его. (*ЧА*$_2$)

12 щеголеватее одетые / почище одетые ◊

13 покорно встали / скромно встали ◊

14 всматривался Клим / всматривался Самгин

14—20 Чем больше всматривался ∾ полуумными честолюбцами./ Чем [более внимательно всматривался Самгин в эти спокойные лица] внимательней присматривался Самгин в этих спо-

койных людей[1], [тем глубже чувствовал он почтение] тем глубже чувствовал он уважение к ним. ($ЧА_2$)

15–16 повышалось [в нем уваж⟨ение⟩] приятно волнующее уважение

18 [Когда на⟨до?⟩] могут пойти

19–20 студентами ∾ честолюбцами / студентами и за какими⟨-то⟩ [гнилыми зуба⟨отвцами?⟩] честолюбивыми людьми (БА)

21–25 Эти люди ∾ лентой на ней. / [Такие простые и скромные, они] [Такие простые и скромные, они настолько скромны, что полицейскому чиновнику [приходи⟨тся⟩] и какому-то прыткому, глазастому человеку] Такие простые и скромные, они [явно скучали без дела] [немножко], скучая без дела [и], вели [ленивенькую и осторожную] [не торопясь] солидную беседу. Они настолько скромны, что могучий усатый полицейский чиновник в золотых очках и какой-то прыткий, глазастый человек в соломенной шляпе [прину⟨ждены⟩] с красной лентой на ней должны выдвигать вперед [мно⟨гих⟩] некоторых из них. ($ЧА_2$)

22–23 *Слова*: что и делали — *вписаны в* $АМ_2$.

25–27 Они, медленно идя ∾ то другой / Эти двое, медленно идя вдоль линии рабочего народа, время от времени покрикивают ($ЧА_2$)

26 ласково покрикивали / ласково покрикивают

28 Лысый / Эй, лысый! ($ЧА_2$)

29 Ты что ∾ Встань здесь. / Ты что же, такой великан, а прячешься! ($ЧА_2$)

30 Серьга ∾ сюда! / [Ты, с серьгой в ухе,— вперед!] Ты, серьга,— сюда! ($ЧА_2$)

31–37 Прыткий человек ∾ и отсюда увидишь. / Когда [широкоплечий, черноусый, бритый] человек с серьгою в ухе, растолкав чистую публику тараном плеча своего, встал впереди Клима [[но] Самгин, дотронувшись до локтя его, спросил: — Вы откуда? — Обратив]] ($ЧА_2$)

34 Парень ∾ серьгою / Человек с серебряной серьгой

37 и отсюда увидишь / и отсюда увидите

38–39 Но из-за его ∾ нельзя было видеть. / Самгин уже [не мог] ничего не мог видеть из-за его широкой спины. ($ЧА_2$)

40–41 Самгин попытался ∾ бородачом / Он попытался встать рядом ($ЧА_2$); [И] Самгин попытался встать [рядом] между ним и высоким лысым бородачом (*БА*); Самгин попытался встать между ним и [еще одним] лысым бородачом ($АМ_2$)

---

[1] *Видимо, незавершенная правка.*

41 но парень ∾ спросил / но ⟨человек⟩, выставив необоримый локоть, спросил глухо (*ЧА*$_2$); но человек, выставив — *Далее, как в тексте* (*БА*); но [человек] парень — *Далее, как в тексте* (*АМ*$_2$)

Стр. 549.

1 Куда? / Куда? [Стойте на ва⟨шем месте⟩] (*ЧА*$_2$)

3 Стой ∾ месте! / Стойте на вашем месте. (*ЧА*$_2$)

4–6 *Текста*: Клим подчинился ∾ на место».— *в ЧА*$_2$ *нет.*

7 И спросил / Через минуту Клим тоже спросил (*ЧА*$_2$)

7–8 И спросил: — Вы откуда? / Вы откуда,— спросил он. ◊

9 Человек с серьгою в ухе поворотил / Человек с серь⟨гой⟩ поворотил ◊

9–11 Человек с серьгою ∾ сказал он. / Человек, поворотив тугую шею, наклонил [крас⟨ное⟩] широкое красное лицо с черными усами и [посмотрев на] ответил: — Из второй части. (*ЧА*$_2$)

11 Из второй части,— сказал он. / И ответил: — Из второй части. ◊

13 *После*: — Топорник.— неохотно ответил усатый. (*ЧА*$_2$)

14 Самгин помолчал / Клим помолчал (*ЧА*$_2$)

16 Человек ∾ не ответил. / На этот раз человек не ответил (*ЧА*$_2$); [На этот раз] Человек с серьгою в ухе не ответил. (*БА*)

16–17 Вместо ∾ заговорил / но [за него [высоки⟨й⟩] стройный красавец в синей вышитой рубахе] [в⟨место⟩ него за⟨говорил⟩] словоохотливо заговорил (*ЧА*$_2$); [но] словоохотливо заговорил (*БА*)

19–20 мастеровщину ∾ Ежели мастеровой / мастеровщину [эту] тут допускать нельзя; [от н⟨ее⟩] ежели мастеровой (*ЧА*$_2$)

20 Эта выставка ∾ брата. / Эта выставка не для ихнего брата. (*БА*); Эта выставка не для [его] их брата. (*АМ*$_2$)

21–22 показывать не к чему / показывать не будут (*ЧА*$_2$, *БА*, *АМ*$_2$ ◊)

23 Верно ∾ очень громко. / За плечом Клима кто-то подтвердил: — Верно. (*ЧА*$_2$)

25 Сердито вмешался / Вмешался ◊

25–31 Сердито вмешался ∾ танцор / Завязалась неторопливая беседа скучающих людей, и вскоре Клим знал, что красавец в синей рубахе — [хорист из] танцор (*ЧА*$_2$)

27 [и] нас тут

28–29 Да Никольской ∾ есть. / [Да Зуевцы... Никольской мануфактуры есть]

32 любимого по Волге / любимого в Поволжье

32–35 по Волге ∾ глазами филина / [во] в Поволжье, лысый длинный мужик с черной бородою — [медвежатн⟨ик⟩] охотник на медведей [из] и лесной сторож [из удельных лесов Семе ⟨?⟩] в удельных лесах Сергача, а [двое] очень парадно [одетых, рыжих и] одетый рыжебородый великан — ткач с фабрики Вукола Морозова.— Тут наших верноподданных около полутораста [человек],— похвастался он [тяжелым] басом и костромским говором. (*$ЧА_2$*)

34 с [большими] круглыми глазами

л. 191

36–38 Чувствуя, что беседа ∾ и танцором. / [Климу стало] Клим почувствовал, что ленивая беседа этих людей тяготит [его] и охлаждает его; [он [вышел] боком выскользнул] желая переменить место, он боком проскользнул между пожарным и охотником. (*$ЧА_2$*)

39–40 схватил ∾ поучительно / взял его за плечо и сунул за спину себе, сказав назидательно (*$ЧА_2$*); взял его за плечо, сунул за спину себе и сказал назидательно (*БА*)

40 сказал поучительно / сказал назидательно ◊ (*$АМ_2$*)

41 видишь — все стоят? / видите — все стоят? (*$ЧА_2$*)

Стр. 550.

1 с усмешкой / с нагловатой усмешкой

1–2 *Текста*: Танцор ∾ не оказывают.— *в $ЧА_2$ нет.*

1–3 Танцор ∾ едет! / *а*. Ткач добавил: — К тому же едет. Чу... *б. Как в тексте.*

2 Сегодня [вам, чистой] публике

3 Чу,— едет! / Ткач строго добавил: — К тому же едет! Чу!.. (*$ЧА_2$*)

3 едет! / едет! — сказал ткач. (*БА*, *$АМ_2$* ◊)

4 *Фразы*: Чей-то ∾ крикнул.— *в $ЧА_2$ нет.*

5 Трескин! ∾ по крышам! / На площади перед главным входом кто-то кричал как бы в рупор: Галкин! Смотреть на крыши... [1] (*$ЧА_2$*) Галкин! Смотреть за крышами... ◊ (*БА*)

6 Все ∾ подтянулись / Все вокруг подтянулись, замолчали (*$ЧА_2$*); Все [вокруг] замолчали, подтянулись (*БА*)

6–7 прислушиваясь ∾ где две / прислушиваясь, глядя [на Оку] [пог⟨лядывая⟩] за Оку, на дома и церкви [города], рассеянные по горе, среди густой зелени садов, на темную полосу моста, на котором две (*$ЧА_2$*)

9 и. срывая ∾ своих плеч / и [казалось] срывая с плеч своих головы (*$ЧА_2$*)

---

[1] *Текст на полях, без указания места вставки, возле слов*: Ты, серьга,— сюда! (*см. стр. 548, строка 30*). *Вводится по смыслу.*

10 Был слышен / Слышен был густой (*ЧА*$_2$)

12–13 с медным ∾ другой / [с медным [глухим] гулом возрастал, накатывался другой] с мягким медным гулом — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_2$)

13 рычащий / ревущий ◊

14 ревела *ура* [десятками тысяч грудей] (*ЧА*$_2$)

14–17 но тогда ∾ темнит глаза / он знал, что и [этот] это рычание — тот же московский приветственный крик, но слышал его [как-то] по-новому и [этот] (*ЧА*$_2$); *а.* он знал, что и это рычание — тот же московский приветственный крик, но слышал его по-новому, волнуясь *б.* но тогда этот рев не волновал его, потому, может быть, что в [те дни] тот день он не мог пройти в улицы, по которым ехал царь, и не надеялся видеть его. А сегодня [он] Самгин чувствовал, что его даже покачивает волнение. ◊ (*БА*)

18 Можно было думать / Казалось (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

18 [этот странный звук] [это странное рычание] этот могучий рев [*ЧА*$_2$]

19 *После*: полицейских — [они] [но и] (*ЧА*$_2$)

19–20 [но] цоканье подков

20 усиливало рев / усиливало этот тысячеголосый рев (*ЧА*$_2$); усиливало [этот] рев (*БА*)

21 ловко дробился ∾ двадцать / [таял] дробился через каждые двадцать-тридцать (*ЧА*$_2$); ловко дробился через каждые двадцать, тридцать (*БА*)

22–23 ставя ∾ втискивал их / ставил лошадь свою [к люд‹ям›] боком к людям, вжимая их (*ЧА*$_2$); ставил лощадь свою боком к людям, втискивая ◊ (*БА*)

23 на панель / [в камень ярмарочных рядов] [*1нрзб* на панель] на панель, под крыши ярмарочных рядов, в старый камень желтых стен (*ЧА*$_2$); на панель, в старый камень желтых стен (*БА*)

23–24 отталкивал ∾ Оки / оттискивая к [бе‹регу›] незастроенному берегу затона Оки. [Прыткие люди, их было уже трое, все в одинаковых шляпах, [бежали] бегали вдоль линии людей, размахивая шляпами, и один из них отчаянно звал: — Галкин!.. Галкин же, сукин сын...— Ругается,— сообщил кто-то.] [Прыткий человек, размахивая соломенной шляпой бежал за] [Бежал прыткий человек] [С площади Главного дома бежал, подкидывая ноги высоко, точно лошадь, прыткий человек [со], размахивая шляпой и белым платком; он кричал что-то, но уже голоса его не слышно было в густом реве, который [к‹атился›]] (*ЧА*$_2$)

25–36 Из плотной ∾ мостовой. / *Фразы нет.* ($ЧА_2$); *Фраза вписана.* (*БА*)

25 Из плотной [тол⟨пы⟩] стены людей

28 подбежали двое / подбежали трое ◊

37 Самгину ∾ темнеет / Климу казалось, что воздух [потемнел] темнеет ($ЧА_2$)

38 мощным воем ∾ людей / ревом тысяч людей ($ЧА_2$); мощным ревом тысяч людей (*БА*)

38–39 воем, который ∾ невидимая глазу / всё более мощным ревом, который приближался, [точно] как невидимая глазу ($ЧА_2$); ревом, который — *Далее, как в тексте* (*БА*)

41 на площади у Главного дома / на площади ($ЧА_2$)

Стр. 550—551.

41–1 Когда ∾ рев / Этот рев ($ЧА_2$); Когда этот рев (*БА*)

Стр. 551.

1 на Клима, он оглушил его / на Самгина, покачнул, оглушил его ($ЧА_2$); на Клима, он покачнул его, оглушил ◊ (*БА*)

1–2 приподнял ∾ тоже / вытянул вверх, тоже ($ЧА_2$); вытянул вверх (*БА*)

3 Ура! / Ур-ра-а! ($ЧА_2$)

4 Народ подпрыгивал / Все вокруг качалось, люди подпрыгивали ($ЧА_2$); [Люди подпрыгив⟨али⟩] [Народ] [Великий русский народ] Народ подпрыгивал (*БА*)

4–5 размахивая ∾ шапки / размахивая руками, швыряли в воздух фуражки, кричали они так ($ЧА_2$)

5 фуражки, шапки / фуражки, шляпы

5 *Слов*: Кричал он так — в $ЧА_2$ *нет.*

6 пара бойких лошадей / [пара лошадей] пара рез⟨вых⟩ лошадей

7–10 Губернатор торчал ∾ стального цвета / Губернатор [полусидел] подпрыгивал в коляске, неестественно поставив колено на сиденье, глядя назад, размахивая фуражкой, был он сухой, стального цвета ($ЧА_2$)

8 на сиденье его / на сиденье ◊

11 на его выпуклой груди / на его груди ($ЧА_2$)

12–13 мчалась ∾ белых лошадей / рысью скакала тройка лошадей ($ЧА_2$)

13–14 летели белые искры / летели белые искры, нити ($ЧА_2$); летели белые искры [нити, широкий] (*БА*)

14–15 Лошади ∾ неслышно / широкий экипаж катился неслышно, так же как неслышно топали лошади ($ЧА_2$)

15–16 странно ∾ двенадцатью / даже странно видеть, что они перебирают двенадцатью черными ($ЧА_2$)

17–18 скользил по воздуху ∾ криком восторга / [бесшумно] летел по воздуху, [несом⟨ый⟩] поднятый над землей и несомый этим [все] сотрясающим, всё [заглушившим криком] потопившим ревом восторга ($ЧА_2$); [летит] скользил по воздуху, оторванный от земли [этим] [всё] сотрясающим криком восторга (*БА*)

19–20 на какой-то момент ∾ летит / что и сам он и все вокруг [поднял⟨ось⟩] оторвалось от земли и тоже летит ($ЧА_2$)

21 в вихре ∾ рева / в пьяном [вопле народа], оглушительном вихре ревущего крика ($ЧА_2$); в [пьяном] вихре [рев⟨а⟩] стихийного рева (*БА*)

22–23 Царь, маленький ∾ на краешке / Царь был маленький, голубовато-серый, [он сидел на краю си⟨денья⟩] одетый скромно, как поручик пехоты; он мягко подпрыгивал на краешке ($ЧА_2$); Царь — маленький, меньше губернатора, голубовато-серый, [скромно одетый [офицер⟨ом⟩] в костюм офицера] мягко — *Далее, как в тексте* (*БА*)

24 одною ∾ другую / одною рукой держался за него, а [другой] другую ($ЧА_2$); [широко расставив ноги] одною рукой — *Далее, как в тексте* (*БА*)

25 равномерно кивал / [и] равномерно кивал ($ЧА_2$)

27 зубастые рты / рты ($ЧА_2$)

30–31 улыбкой [[полуумного] бутафора] Диомидова ($ЧА_2$)

31 сапфировые [как] ($ЧА_2$)

32 ему сбрить / сбрить ($ЧА_2$)

33 совершенно ∾ как Диомидов / [совс⟨ем⟩] совершенно таким, как бутафор Диомидов ($ЧА_2$)

34 Он пролетел / Он проплыл ($ЧА_2$, *БА* ◊)

34–35 тысячеголосым ∾ такой же рев / ревом, [рев этот] этот рев ($ЧА_2$)

35–36 Мчались ∾ экипажи / [за ⟨пим⟩] мчались еще какие-то коляски ($ЧА_2$)

36 блестели ∾ ордена / *Слов нет.* ($ЧА_2$); блестели мундиры, ордена (*БА*)

37 что [они катят⟨ся⟩] [их колеса] лошади бьют [копытами по] подковами ($ЧА_2$)

37–38 по камню / по [ка⟨мню⟩] булыжнику [коляс⟨ка⟩] ($ЧА_2$)

Стр. 551—552.

39–3 На дороге снова ∾ мостовой. / *Текста нет.* ($ЧА_2$); *Текст вписан.* (*БА*)

Стр. 551.

39–40 [истово] тяжелыми взмахами руки

Стр. 552.

1 и подал ее / подал ее ◊

1–2 Тогда звонарь / а звонарь ◊

2 ударив ею по колену [и раз‹машисто?›]

4 Глаза ∾ поглотив царя / Но глаз Клима, жадно обняв царя ◊ (*БА*)

4–6 Глаза Клима ∾ виноватую улыбку. / [Он проплыл быстро, но [жадные] глаза Клима, жадно обняв его] [Но] Глаза Клима, жадно обняв царя, всё еще видели его голубовато-серую фигуру, его красивенькое [мягкое] молодое лицо и эту виноватую улыбку[1]. (*ЧА*$_2$)

5 серую фигуру / голубовато-серую фигуру (*БА*, *АМ*$_2$◊)

6–7 [лишала] лишила его [какой-то] надежды

7–8 [раньше от восторга, от опьянения радостью] у него раньше (*ЧА*$_2$)

8 то были ∾ радости / это были [хмельные слезы] слезы опьянения радостью, слезы того восторга (*ЧА*$_2$); то слезы опьянения радостью ◊ (*БА*)

8–9 которая ∾ подняла / который охватил и поднял (*ЧА*$_2$)

10–11 затихавшему вдали ∾ слезами печали / [крик] [воплям про ‹...?›] затихавшему вдали [воплю] крику тысяч людей. Клим Самгин плакал хмельными слезами грусти (*ЧА*$_2$)

12 *Перед*: Невозможно было — [Было совершенно] (*ЧА*$_2$)

13–14 недопустима была ∾ стомиллионного народа / невозможна была эта улыбка смущения и не шла мягкая красота лица вождю, владыке [ста] сотни миллионов людей (*ЧА*$_2$); [невозм‹ожна›] недопустима была [эта улыбка смущения на лице] виноватая — *Далее, как в тексте* (*БА*)

14–15 И непонятно было / [Смущала мысль] Смущал вопрос (*ЧА*$_2$); Смущал вопрос ◊ (*БА*)

15–16 красивенький ∾ рев? / человек вызвать такой потрясающий восторг? [И другой вопрос] (*ЧА*$_2$)

16 потрясающий рев / потрясающий восторг ◊

17–19 Самгин двигался ∾ оживленные голоса / Клим двигался по нагретой солнцем улице в толпе почему-то развеселившихся, очень шумных людей, слышал их [кри‹ки›] оживленные крики (*ЧА*$_2$)

19 *После*: голоса — *вписано и зачеркнуто*:— Шум сделали большой, а — не торжественно...

---

[1] *Текст от слов*: [Он проплыл быстро — *первоначально следовал после*: как бутафор Диомидов (*см. вариант к стр. 551, строка 33*).

20 *Фразы*: В старину — на колени встали бы... — *в* $ЧА_2$ *нет*; *в БА вписана и зачеркнута.*

22–23 За спиною Клима ∾ просто бьют! / Ну, до чего же просто бьют! — восхищался кто-то за спиною Клима. ($ЧА_2$)

25 *После*: Всякого.— Нет, кого били-то? — Вообще, какого-то... ($ЧА_2$)

28 Роман — сколько дал / Н-да... Роман, сколько дал ($ЧА_2$)

29 *После*: О царе не говорили — Клим подумал ($ЧА_2$)

29–38 *Текста*: только одну фразу ∾ не о царе говорил.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

40–41 *Слов*: подумал Клим.— *в* $ЧА_2$ *нет* [1].

Стр. 553.

1–2 в лицо его и недоверчиво / в лицо Самгина и удивленно, недоверчиво ($ЧА_2$); в лицо его и [удивленно] недоверчиво (*БА*)

3 молодой барин / молодой человек ($ЧА_2$)

5 Самгин ∾ вытер глаза / Клим сконфуженно вытер [ла⟨донью⟩] глаза, щеки платком [быстро] ($ЧА_2$)

6–7 в одну из улиц ∾ публичными домами / в одну из улиц Канавина. Затем, наняв извозчика, он поехал на выставку, думая уныло: «Либералы [может быть] оклеветали его или не так поняли. [Однак⟨о⟩] Трудно поверить, чтоб он [такой] мог оттолкнуть их так резко. Вероятно, правы те, которые говорят, что он хотел сказать «беспочвенные мечтания», а не «бессмысленные». Но это не утешало [Да и [думать не хотелось] думалось], так же как оживленные [на⟨рядно⟩] празднично одетым народом, раскрашенные флагами улицы. Извозчик медленно ехал по одной из тех улиц Канавина, [на] которые сплошь были [от⟨ведены?⟩] заняты публичными домами. ($ЧА_2$)

8 полосами флагов / пятнами флагов ◊ ($ЧА_2$)

8–9 [ф⟨игуры⟩] полуодетые [фиг⟨уры⟩] женщины ($ЧА_2$)

9–10 показывая ∾ из окна в окно / в белом, [цинически] бесстыдно вывешивая на солнце голые груди, выкрикивая цинические словечки ($ЧА_2$); *Как в тексте до слова*: перекликаясь — *Далее*: через улицу из окна в окно (*БА*)

10–12 *Фразы*: И, кроме флагов ∾ сон.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

13–14 «Нет, Диомидов ∾ на выставку. / «Диомидов ошибся»,— думал [Клим, но Иноков] Клим, чувствуя себя усталым, рассматривая людей, как сквозь сон. ($ЧА_2$)

15 как горбатенькая девочка» / как горбатая девочка» ($ЧА_2$)

---

[1] *Текст*: а что если все эти люди ∾ скрывают это? (*строки 39—40*) — *первоначально намечен после*: [И другой вопрос] — *см. вариант к стр. 552, строкам 15—16.*

л. 192

16–18 У входа ∾ опоздали вы. / Иноков [дос‹тал›] [обещал] сказал, что попытается достать ему разрешение [на] входа на выставку во время осмотра ее царем, но Клим не торопил молчаливого и тоже как бы дремавшего извозчика. [На] [Всё же он был обрадован, когда Иноков, встретив его у входа, сердито сказал: — Что ж вы опаздываете? Знакомьтесь? Панов — Самгин.—Рябой шпион приподнял руку на высоту уха, широко улыбнулся и, опустив ее, сунул в карман.— Пожалуйте,— сказал он, приглашая к турникету, и пошел сзади.] ($ЧА_2$)

18 опоздали вы [к] [на много‹е›]

19–21 Иноков постригся ∾ стал незаметен / [Он был прилич‹но›] [В дешевеньком и приличном костюме светлосерого цвета Иноков был неузнаваем и незаметен, как всякий приличный человек, [и впол‹не›] и ничем не отличался] Иноков постригся, побрился и в дешевеньком костюме светлосерого цвета был неузнаваем, он стал незаметен ($ЧА_2$)

21–22 Только веснушки ∾ других / и почти не отличался от всех других ($ЧА_2$); Он почти ничем не отличался от всех других ◊ (*БА*)

24 приличных людей / приличных людей, шагавших по дорожкам выставки ($ЧА_2$)

24–26 Их было ∾ построек / Людей было немного, и [все] казалось, что [здания и] архитектура построек интересует их больше, чем то, [что н‹аходилось›] что находилось внутри их ($ЧА_2$); Их было немного, [они очень] [казалось, что архитектура построек интересует их более] на выставке— *Далее, как в тексте* (*БА*)

26–28 посматривали ∾ друг другу / они осматривали крыши, окна, заглядывали за углы павильонов, присматривались [друг к другу] один к другому, любезно улыбаясь ($ЧА_2$); посматривали на крыши, заглядывали в окна [и], за углы — *Далее, как в тексте* (*БА*)

29 Охранники ∾ спросил Клим. / Это охранники? — тихо спросил Клим. ($ЧА_2$); Охранники? — тихо спросил Клим ◊ (*БА*)

30–31 сердито ∾ Иноков / ответил Иноков [он говорил тоже] тоже тихо, ($ЧА_2$); так же тихо ответил Иноков ◊ (*БА*)

31–32 нахмурясь, глядя в землю / сурово нахмурясь, и только хмурое лицо делало его непохожим на охранников ($ЧА_2$); [и только] нахмурясь, глядя в землю (*БА*)

33 Тут ∾ водевиль / Уже сыграли водевиль ($ЧА_2$)

33 говорил он / вдруг заговорил Иноков (ЧА$_2$); рассказывал он ◊ (*БА*)

34–35 При входе ∾ гридни / В царском павильоне Николай был встречен двумя рядами гридней (ЧА$_2$)

37–38 говорят ∾ придумал их / [древ‹ний›] [Гово‹рят›] [их] говорят, это древний писатель Дмитрий Григорович выдумал (ЧА$_2$); говорят,— это [их] древний — *Далее, как в тексте* (*БА*)

38–39 Стояли они ∾ одного / [Царю понравилось] Царь ласково спрашивает одного (ЧА$_2$)

40–41 «Элухен». Он — третьего / «Петцольд». Третьего (ЧА$_2$)

41 *Фразы*: Четвертый оказался Шульце.— *в* ЧА$_2$ *нет.*

Стр. 553—554.

41–1 Царь ∾ прошел мимо / В голубых глазах [его] царя вспыхнула смешливая искорка, он [пропустил] прошел мимо (ЧА$_2$)

Стр. 554.

2 некая курносая рожа / какая-то курносая рожа с цыплячьим пухом на щеках (ЧА$_2$)

3 «А ваша фамилия?» / «Ваша фамилия?» (ЧА$_2$)

4–6 Это рожа ∾ Торсуев. / [Истинные фа‹милия›] [Подлинные имя и фамилия рожи Андрей Торсуев, а Антором он трактирные счета подписывал.] Это он так счета трактирные подписывал, а зовут его Андрей Торсуев. (ЧА$_2$)

5 а [настоящая хри‹стианская›] настоящие имя и фамилия

7–8 вполголоса ∾ задумчиво / [бе‹з›] вполголоса, без улыбки, [наме‹ренно?›] [потом] вынул коробку папирос, вздохнул и, снова сунув ее в карман, [ска‹зал›] пробормотал: — Курить — нельзя... Слышали, каким ревом [встрети‹ли›] встречен был он? Вот вам и... да!

Он сплюнул под ноги себе, помолчал и [вдруг ворчливо] задумчиво, нелепо выговорил:

— Отчего Марья ревет? Никто замуж не берет. (ЧА$_2$)

9–12 *Текста*: Это — правда? ∾ принял за рабочих.— *в* ЧА$_2$ *нет.*

14 Из павильона [художественной про‹мышленности›] химической промышленности

16 *После*: Ванновского и Витте — Воронцов бесцеремонно дергал царя за рукав, указывая на свой павильон. Клим был в этом павильоне: он построен в виде пещеры, внутри ее, в яме, освещенной розоватым светом невидимых ламп, стояла в позе Венеры голая женщина из гипса, [больше] кроме ее Клим ничего не помнил. (ЧА$_2$)

16–21 *Текста*: Царь шел ∾ в экипаже.— *в* ЧА$_2$ *нет.*

18–19 на павильон [кавка⟨зского?⟩] виноделия [выстроенный], невысокий холм

21 Ему, видимо / Царю, видимо (*ЧА*$_2$)

22 в павильон Воронцова / в яму (*ЧА*$_2$)

22–23 он, отвернув лицо ∾ говорил / играя портсигаром с длинным желтым шнуром, он улыбался, отвернув лицо в сторону, и говорил (*ЧА*$_2$); он, отвернув лицо в сторону, говорил ◊ (*БА*)

23–24 что-то военному ∾ в руке / с Ванновским, одетым в штатское, с палочкой в руках, но Воронцов-Дашков всё дергал его [а над ними] (*ЧА*$_2$)

25 [близ⟨ко⟩] вплоть друг к другу (*ЧА*$_2$)

29–30 на маленького ∾ небольших министров / [на царя, оттопырив губы и] на небольшого царя и таких же, подстать царю, министров (*ЧА*$_2$)

31 спрятав глаза под буграми / [через глазки, распутно и] спрятав глазки под бугры (*ЧА*$_2$)

33 как [крепко] плотно и крепко

32–33 в руке его / в его руках (*ЧА*$_2$)

34–35 своих [широких] тяжелых ног

35 *После*: тяжелых ног — *зачеркнуто*: Министры двора и военные возмущали его, [один] Ванновский — тем, что был в штатском и с палочкой, а Воронцов тем, что так непочтительно дергал царя за рукав. (*ЧА*$_2$)

Стр. 554.

36–37 В нескольких шагах ∾ молодцеватый / а в пяти шагах за ними [двое, сухой и молодцевато] молодцеватый (*ЧА*$_2$)

38–39 и седобородый ∾ Григорович / плечо в плечо с комиссаром Худож⟨ественно⟩-промышленно⟨го⟩ отдела, седобородым литератором Дмитрием Григоровичем [очень похожим на великолепного и] (*ЧА*$_2$)

40 рукою в воздухе ∾ шевелил пальцами / рукою круги в воздухе и шевелил длинными пальцами (*ЧА*$_2$)

Стр. 554—555.

41–1 Тесной, немой группой стояли / [Дальше] За ними кучей двигались (*ЧА*$_2$)

Стр. 555.

1–2 какие-то солидные ∾ мужика / солидные чиновники и тяжело шагал [удельный князь нижегородский, знаменитый купец-миллионер Бугров в [ка⟨фтане⟩] шитом золотом кафтане, пожалованном ему отцом [молодого царя] Николая II-го] большой человек с лицом мордвина (*ЧА*$_2$)

3 одетый в кафтан / [одетого в шит⟨ый⟩] одетый в кафтан

4–5 Николай Бугров ∾ Иноков. / Бугров, миллионер. ($ЧА_2$)

5 *После*: нижегородским — сказал Иноков ($ЧА_2$)

6–10 А это ∾ лобастого и длинноволосого. / В стороне шел объясняющий господин из Худож‹ественного› отдела, согнувшись, почтительно слушая плотного человека с белой головою, розовым лицом и [живыми] веселыми глазами. Человек этот [держал в руке блестящий цилиндр, длинный сю‹ртук›] [говорил громко, скоро] обращал на себя внимание всех приличных людей [он] и тем, что говорил громко, веселым голосом, [и элегант‹ным?›] [и] одет был как-то особенно, не по-русски элегантно, [на его плотной фигуре ловко сидел и] хотя [его плотную фигуру] на его плотной фигуре был весьма обыкновенный сюртук и в руке он держал обыкновенный цилиндр, но, начиная от серьезного голоса до сапог на маленьких ногах, он весь как-то солидно блестел, может быть, это казалось, потому что уж очень весело и живо играло его [розовато‹е›] розовощекое лицо здорового и счастливого человека.— Савва Мамонтов,— назвал его Иноков.— Умник. Тоже — царек. Недавно я слышал, как он о русской живописи говорил.

[Из] Спешно, [бой‹ко›] на бойких ногах пробежал гладко остриженный, щетинистый человек с татарским лицом и острыми глазками. [Его И‹ноков›] — Савва Морозов.— [за‹метил›] сказал Иноков и усмехнулся: — Забавно говорят про него. ($ЧА_2$)

11–15 *Текста*: Пустяки, милейший ∾ виноватой улыбкой, а — *в* $ЧА_2$ *нет.*

14–15 с той же виноватой / с той же смущенной, виноватой (*БА*, $АМ_2$ ◊).

15–16 Воронцов-Дашков ∾ возмущая этим Клима. / Воронцов-Дашков возмущал Клима тем, что так непочтительно дергал царя за рукав. ($ЧА_2$)

17 [обоим министрам] министру [горькую] участь ($ЧА_2$)

19 [Все вокруг было как-то] На выставке ($ЧА_2$)

19–20 и скучно ∾ будни / и как-то буднично ◊ ($ЧА_2$)

20–21 паровозы на вагонном дворе / паровозы [скрежетало железо] ($ЧА_2$)

21–22 буфера и уныло пели / буфера составляемых вагонов и уныло [дудели] пели ($ЧА_2$)

23–25 День ∾ прикрытое ими / [Да и день] День, с утра серый, тоже заскучал, [половину неба закрыли р‹овным›] [уже половину неба [заволокло ровным слоем сероватых] заволок-

ли] ровным слоем небо заволокли сероватые, полупрозрачные облака, солнце [светило], прикрытое ими (*ЧА*$_2$)

25 [б⟨елым⟩] тускло-белым (*ЧА*$_2$)

26 *После*: утомлял глаза — *зачеркнуто*: Все поблекло. (*ЧА*$_2$)

27 неподвижно и обесцвеченно / [стало] вяло повисли ◊ (*ЧА*$_2$)

28–30 А голубоватая ∾ солидных людей / И голубовато-серая фигура царя, [потемневш⟨ая⟩] потемнев, сделалась как будто еще меньше, незаметной [в группе] на фоне группы крупных и солидных людей (*ЧА*$_2$)

29 скромная фигура царя / фигура царя ◊

30–31 людей, одетых в черное [украшенны⟨х⟩]

31–32 *Слов*: и в мундиры ∾ орденов — *в ЧА*$_2$ *нет.*

32 бляшками орденов / орденами ◊

33–34 Царь медленно ∾ толкают его. / Он медленно шел впереди [его] этих людей, но Самгину казалось, что они его толкают. (*ЧА*$_2$); [Он] Царь медленно шел [впере⟨ди⟩] к военно-морскому отделу — *Далее, как в тексте* (*БА*)

34–35 Вот губернатор / Губернатор (ЧА$_2$)

35 поднял [из⟨-под⟩] что-то (*ЧА*$_2$)

35 [отшвырнул] швырнул в сторону (*ЧА*$_2$)

36 *После*: в сторону — Вся группа вошла в двери В⟨оенно⟩-м⟨орского⟩ отдела, Витте остановился у дверей, взял под руку Бугрова, сказал ему что-то и засмеялся, затряслись и сутулые плечи нижегородского богача.

[Но [за выставкой, вокруг ее глухо] вокруг] Но за пределами выставки тяжко колебался отдаленный гул [голосов] множества людей, [ржали] долетало [ржание ло⟨шадей⟩] лошадиное ржание, резкие крики полицейской команды: — Не напирай! (*ЧА*$_2$)

37–38 Ну, довольно ∾ усмехаясь. / Ну, видели? Довольно с вас? — усмехаясь спросил Иноков.— Теперь они завтракать пойдут. Я тоже есть хочу. А — вы? (*ЧА*$_2$)

39 Самгин молча кивнул / Клим Самгин молча кивнул (*ЧА*$_2$); Клим тихо и молча кивнул ◊ (*БА*)

40 физически усталым [голод⟨ным⟩]

40 *Слов*: хотел есть — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 555—556.

41–2 Такую грусть ∾ хотел иметь. / Это была знакомая грусть, он испытывал ее в детстве, когда ему [на Рождество да⟨рили⟩] дарили с рождественской елки не те вещи, которые он хотел [бы] иметь. (*ЧА*$_2$)

Стр. 556.

4 безмолвно взглянул / [вопр⟨осительно⟩] взглянул ◊ (*ЧА*$_2$)

4–5 ожидая грубости / ожидая чего-то грубого (*ЧА*$_2$)
6 одетого офицером / [в] одетого офицером (*ЧА*$_2$)
7 Исаак ∾ Самгин. / Самгин подумал и сказал: — Исаак (*ЧА*$_2$)
9–10 *Слов*: громче и с досадой ∾ не мог сдержать.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

л. 193

11–12 это —из Библии ∾ Ну, а кто / это вы — из Библии,— не сразу понял Иноков.— А кто (*ЧА*$_2$)
14–15 Странное ∾ вздохнув / Странное сравнение,— сказал Иноков. (*ЧА*$_2$)
16 *Перед*: Корреспонденций моих — Вошли в шведский ресторан, сели за стол. Как всегда Иноков заказал ветчины, яиц, пива и тотчас [жадно] закурил папиросу, облокотясь на стол, крепко [сжал ладонями очень загоревшее, обветренное лицо свое] растирая очень загоревшие, обветренные щеки. Сбрив с них [1] зачатки странной бороды, он обнажил [костлявую худобу бронзового лица] бронзовые скулы, провалившиеся в костлявые ямы глаза. Клим подумал, что этот [по‹старевший?›] человек неестественно постарел и, должно быть, болен какой-то скрытой болезнью. (*ЧА*$_2$)
16 не печатают / не печатают,— заговорил Иноков, усмехаясь (*ЧА*$_2$)
18 отрицательные стороны / отрицательные явления и м‹оменты?› ◊ (*ЧА*$_2$)
20 *После*: опираться на нее — Критиков надобно бить,— [сказал Самгин, усмехаясь, и вдруг рассказал о том, к‹ак›] вспомнил Самгин и усмехнулся. (*ЧА*$_2$)
21 *После*: общую идею! — сказал Иноков, принимаясь есть. Позавтракав, Клим отправился смотреть город, объехал его [на н‹овом?› трамвае] в новеньком вагоне трамвая по улицам, не очень богато испещренным лоскутками флагов, и не нашел ничего интересного.

«А говорили — красивый город»,— подумал он, чувствуя себя обманутым еще раз и даже как бы наслаждаясь горечью обмана. И долго сидел в садике у церкви Ильи Пророка, глядя с горы на Оку и Волгу, на [яр‹марку›] каменные ряды лавок ярмарки и в пустынные луга за Волгой. Да, все это было, пожалуй, красиво, но — не нужно человеку, которого звали Клим Самгин. (*ЧА*$_2$)
22 *Слов*: Клим ∾ речь — *в ЧА*$_2$ *нет.*

---

[1] *В автографе*: с него — *незавершенная правка предшествующей зачеркнутой фразы.*

22–23 думая о молодом человеке / [Пред его глазами неот‹вязно›] Неотвязно думалось о [се‹ро-голубом человеке›] молодом человеке (*$ЧА_2$*)

24 смущенной улыбке / смущенной, виноватой улыбке (*$ЧА_2$*); [смущенной] виноватой улыбке (*БА*)

25–26 поставить Кутузова ∾ Лютова / поставить Кутузова, Маракуева, Лютова, Дьякона, человека о трех пальцах на руке (*$ЧА_2$*); поставить Кутузова, Маракуева, Дьякона, Лютова (*БА*)

26–27 Да, какой силы ∾ людям? / [Да, что сказал бы он этим людям?] Да, какой силы слова сказал бы он этим людям? [В словах Инокова, что Русь — вдова] [Сказав, что Русь — вдова, Иноков сказал какую-то правду] [И впервые Клим Самгин почувствовал, [что] как] (*$ЧА_2$*) *Далее в $ЧА_2$ текст, не вошедший в позднейшую редакцию*:

Вечером он [сидел], сидя в ресторане выстроенной финнами гостиницы «Восточный базар», [и думал, что] смотрел, как семь молоденьких англичанок, одетых в коротенькие юбочки из перьев, однообразно вскидывали к потолку стройные ноги и распевали, смешно коверкая слова, французскую песенку, [от которой] от этой песенки дамы, склоняясь над столами, тихонько хохотали [мужчины], и у них горели уши, а мужчины [по‹бедоносно?›] улыбались победоносно.

[Выла и гремела музыка, ворчал] Выли скрипки, трещал барабан, и старчески, солидно бормотал фагот, и ухал контрабас, его равнодушно перепиливал смычком длинный [и], тонкий человек с маленькой головкой, сам похожий на гриф контрабаса.

[Желтые] Деревянные тонкие стены ресторана гудели, отражая музыку, пенис, смех и крики подпивших людей, [даже в] воздух, пропитанный запахом пищи, [водок] вина, охмелял Самгина [еще более] [так же, как] не менее, чем [какое-то рыжее вино] полубутылка рыжего вина, которое имело вкус крепкого настоенного чая и запах горького миндаля.

[Малень‹кий›] [Длинный, костлявый] Клоун стрелял из пушки кожаным мячом в маленького толстого партнера, элегантно одетый [жулик] человек показывал фокусы с картами, [огром‹ный›] потом в углу ресторана, пошатываясь, встал огромный седобородый человек в поддевке и заорал: — [Православные!] Господа! Выпьем дружно за его величество царя и государя! Выпьем! [за всех плачу] Счет — мой. [Я касимовский купец и зовут меня Зеленая лошадь.] Шам-

панского, черти! Господа! Вот — я старик, а он молодой. Нас, дураков, сто миллионов, а он — один. Да. Ур-ра...

Ура [поддержали] подхватили не очень дружно и неохотно. [Сло<ва?>] [Знаменитый на ярмарке скандалист и истребитель посуды, бия себя кулаком] Бия себя красным кулаком в широкую грудь, купец кричал рыдающими звуками:

— Я свое время прожил.— И по его широкому лицу текли обильные пьяные слезы. Клим очень демонстративно подошел к нему, чокнулся бокалом и сказал громко:

— Я вас понимаю.

— Понимаешь!? Садись! Ешь. [Пей]

Он толкнул Клима, потом, нажав рукою на плечо его, притиснул к стулу. А через несколько минут толстая женщина, тяжело наваливаясь плечом на Клима, с глубоким убеждением говорила ему [на] в ухо:

— Большое удовольствие могу доставить. И — не беспокойтесь, не с улицы, а [замужняя, из Балахны] вдова, детная.

[Потом Самгин шел с нею куда-то [по] [вниз] с горы и она говорила:

— Обожаю, которые не торгуются...]

[Клим спросил ее, кто этот]

Седобородый человек истерически буянил, размахивая руками, по [е<го?>] сафьяновым щекам его текли слезы, из кармана жилета выскочили толстые золотые часы и болтались на цепочке, стукая его по животу, по боку. Клим спросил женщину:

— Кто это?

[Широкое] Красное, пьяненькое лицо ее с опухшими глазами приняло [торжественное] [торжественно сделанное] выражение таинственное, [в] полушёпотом и почтительно она сказала:

— Это — Зеленая лошадь, знаменитый купец. Он вот закажет в ресторане обед накрыть на десять персон, а когда накроют, схватит скатерть за угол и сдернет со стола всю посуду, потом деньги платит за это. Не понимаете? — спросила она.— Он ведь не со зла, а для своей забавы. А нашу сестру всех Любашами зовет. Вот я для себя Ксения, [т. е.] правильно — Аксинья, а для него я — Любаша. Он — очень знаменитый, про него в газете писали, судили [много раз] за скандалы...

Клим встал, желая незаметно уйти, но женщина тоже встала и взяла под руку, спрашивая: — Ко мне поедем?

И отрадно вздохнув, сказала:

— Обожаю, которые не торгуются... За то, чтоб она [от ‹него›] [отстала?] оставила его, Клим заплатил ей три рубля.

Далее в $ЧА_2$ *следует текст*: Несколько дней он ∾ [он вообще]. *См. его вместе с вариантами БА стр. 556, строка 30.*

27–30 *Текста*: И Самгин вспомнил ∾ не было?» — *в* $ЧА_2$ *нет.*

27 И Самгин вспомнил/ И вспомнил (*БА*)

29–30 «Да — был ли ∾ и не было?» / Да — был ли мальчик-то то?

30 *После*: и не было?»—*в* $ЧА_2$ *и БА*[1] *следует текст, в БА—зачеркнутый*: Несколько дней он прожил в тревожном настроении человека, которому совершенно необходимо [2] переехать на другую квартиру, а он знает, что квартиры, которая была бы вполне удобна [3] для него,— нет нигде.

Затем оп очутился [4] на хорах зала только что построенного, но еще [5] не открытого [6] реального училища. Внизу заседала одна [7] из секций Всероссийского торгово-промышленного съезда [8]. С хор Самгин видел ряды лысых и седых голов, крупные затылки, красные шеи [9], широкие спины. Головы покачивались [10], подпрыгивали, точно бычьи пузыри на взволнованной воде реки[11]. Слушали речь гладко остриженного [седо‹го›] человека с длинными седыми усами; пронзая пальцем воздух, человек этот недоумевающим голосом спрашивал:

— А как же тогда? А что ж тогда?.. [12]

— Женихи,— проворчал Иноков, сидевший рядом с Климом, записывая речь оратора в книжку, лежавшую на его колене [13].

Было солидно, скучно. Самгин хотел уйти, но Иноков сказал [14]:

— Менделеев, знаменитый химик.

Из ряда голов [подско‹чила›] быстро поднялась большая

---

[1] *Текст* $ЧА_2$, *вариантный по отношению к БА, дается в сносках.* [2] которому необходимо, [3] была бы удобна [4] Через несколько дней он сидел [5] и еще [6] *Далее*: здания [7] [Внизу] Внизу одна [8] *Далее*: обсуждала вопросы таможенной политики. [Секция] [9] *Слов*: крупные ∾ шеи — *нет.* [10] Лысые головы молча покачивались [11] воде [12] [Коренаст‹ый›] Слушали [коренастого человека [по-казацки] [в] с казацкими усами] речь коренастого, гладко остриженного человека с большими усами; [он, грозя пальцем] пронзая воздух пальцем, украшенным бриллиантом, он сытым голосом говорил о пеньке, о сахаре и сале, часто повторяя: — И вот... И вот. [13] речь на полях газеты. [14] *Текста*: Было солидно ∾ Иноков сказал — *нет.*

голова, взметнулась львиная грива седых волос [1] и резкий голос [2] неразборчиво крикнул [3] коротенькую фразу, из которой слух Самгина поймал только последние слова: [4]

— Император [5] Александр Третий...

Оратор замолчал, сунув палец в карман жилета [6], и стал смотреть [7] на [челове‹ка›] председателя, который согнулся [8] над столом в позе человека, намеренного нырнуть [9] в воду. Стало тихо и[10] неподвижно, головы не качались. Менделеев сел [11], широко распахнув полы сюртука.

Тогда поднялся плотный, небольшого роста человечек и очень пронзительно сказал: [12]

— Первый раз слышу, что представитель науки опирается на авторитет царя... [13]

Голосок [14] оборвался на секунду и добавил четко:

— Александра Третьего.

— Савва Морозов,— шепнул [15] Иноков и тихонько засмеялся, потирая колени ладонями [16], а по залу [17] прокатилась короткая волна [18] негромких, протестующих и одобрительных возгласов, покрякиваний, искусственного кашля, мычания [19]. Иноков тихо и почему-то радостно шептал: [20]

— Любопытная фигура этот Морозов![21] Недавно слышал я [22] речь его в заседании ярмарочного комитета, крепко говорил! «У нас, говорит, много заботятся о хлебе, но мало о железе, а теперь государство не на соломе, а на железных балках надо строить». Кто-то заметил [23] ему, что правительство серьезно [24] заинтересовано вопросом о положении рабочих [25], а он: «Да, чиновников очень заботит положение во гроб [26] всех

---

[1] Среди лысых голов подскочила [льви‹ная›] большая голова [в се‹дой›] [2] и [вла‹стный›] прервав речь [ора‹тора›] усатого оратора, гениальный [человек] ученый [3] [крикнул что-то] выкрикнул [4] фразу, из которой [Самгин] слух Самгина поймал] только [5] Государь [6] в карман [7] приподнял плечо [и], погладил усы и посмотрел [8] согнувшегося [9] который [хо‹чет›] намерен [перепрыгнуть] [прыгнуть] нырнуть [10] *Далее*: [и все] [11] сел [р‹аспахнув›] [12] [крик‹нул›] спросил [13] *а.* Достойно ли [пр‹едставителю›] гениальному представителю науки ссылаться на авторитет царя... *б. Как в БА.* [14] [Передохнув, он] Пронзительный голосок [15] [ска‹зал›] шепнул [16] руками [покачиваясь] [17] [в зале раздались] внизу [18] прокатилась волна [19] покрякиваний, кашля и мычания [20] Встал и заговорил [нестарый] глухим басом, обиженно сутулый человек в синем костюме, но Самгин [не слушал его] слушал не его, а тихий и почему-то радостный шёпот Инокова [21] *Слов*: этот Морозов — *нет.* [22] я слышал [23] [И о са ‹..?›] Кто-то сказал [24] [даже] серьезно [25] положением [рабочего] рабочих [26] Да, говорит, [заботятся, как бы] чиновники заботятся, но мы знаем, что их заботит положение во гроб

насущных вопросов жизни [1], и хотят они так положить их [2], чтоб они [3] возможно дольше не воскресали». Не нахожу я, что это остроумно сказано, а впечатление на слушателей — хорошее! [4]

Клим устал от Инокова. Его раздражало [5] удовольствие, с каким Иноков рассказывал о Морозове [6]. Этого человека Самгин видел внизу перед заседанием, и [7] прочно сбитая фигура, монгольское лицо, быстрые глаза [8] московского купца [9] вызвали у него антипатию [10]. Черты лица Саввы [11] казались мягкими, намекали на добродушие, но в пропицательном взгляде маленьких глаз неопределенного цвета [12] чувствовалось пренебрежение к людям [13]. Антипатичен был и голос [14], взвизгивавший на высоких нотах, как сталь пилы [15] на сучке дерева. А теперь неприятно [16] было вспомнить, как этот голосок после секундной паузы зло взвизгнул, произнося имя царя [17]. Было ясно, что Морозов [18] и паузой и визгом [19] хотел подчеркнуть [20], что знаменитому ученому [21] особенно стыдно ссылаться на авторитет именно Александра Третьего [22].

— Почему вы назвали этих людей женихами? — вспомнил Клим [23].

— Ну, а — как же? — несколько удивленно спросил [24] Иноков.— Сватаются [25]. Вероятно, среди них уже не один мечтает [26] о должности президента Российской республики или о чем-нибудь в этом роде [27].

---

[1] *Слова*: жизни — *нет*. [2] *Слова*: их — *нет*. [3] вопросы [4] Не нахожу я ∾ хорошее! / [Да, вот] Вот напиши я эдакое — какой дурак напечатает? — Он взглянул вниз, [потом на часы] скомкал исписанную цифрами газету и сказал: — Идемте. Больше ничего интересного не будет. [5] и его раздражало [6] с каким говорил о Савве Морозове. [7] *Слов*: Этого человека ∾ перед заседанием, и — *нет*. [8] [[Татарское] Монгольское лицо] Прочно сбитая фигура и монгольское лицо [9] воротилы [10] вызвало у Самгина [противоречивое вп⟨ечатление⟩] острую антипатию [11] черты лица [12] но [во взгляде] в проницательном взгляде маленьких, острых и, должно быть, злых глаз [13] *Далее*: [привычка властно командовать ими] [14] Антипатична была плотно сбитая фигура и пронзительный голосок [15] [пила] сталь пилы [16] Но [больше] всего более неприятно [17] как [взвизгнул этот голос после секундной паузы] после секундной паузы взвизгнул этот голос на имени царя. [Лег⟨ко⟩] [18] человек этот [19] и повышенным визгом [20] [человек этот] хотел [сказать] подчеркнуть [21] что [особенно стыдно ученому] представителю науки [22] *Далее*: Идя с Иноковым по жаркой улице, Клим спросил [23] *Слов*: вспомнил Клим — *нет*. [24] [спросил] воскликнул [25] *Слова*: Сватаются.— *нет*. [26] среди них не один такой [вот] Савва мечтает [27] *Далее*: [Под⟨умав?⟩] Самгин недоверчиво спросил

— Вы думаете — мечтают? — спросил Самгин недоверчиво. Иноков пожал плечами [1].

— Странно было бы, если б не мечтали [2]. Хозяева [3]. Я хозяев наблюдал. Это — особое [4] племя. Эдакое... [5] восходящее вверх [6]. С десятины земли не сильно разбежишься, не высоко прыгнешь. А каждому хочется вознестись [7] повыше. Я это [8] понимаю, хотя — не сочувствую.

Помолчав, он сказал: [9]

— Но и не вижу ничего плохого, если [10] нас возьмут в железные рукавицы, заставят [11] работать. Работаем плохо, выставка очень обнаружила это [12]. Налоги собирать научились [13], а заставить работать [14] — не могут.

Они спустились с хор и шли по [жарко нагретой солнцем улице] улице, жарко нагретой солнцем, мимо домов, от которых исходил запах свежей краски [15].

— Я вот знаю [16], что могу работать [17],— говорил Иноков, задумчиво покуривая [18].— Могу, а — не буду [19]. Всю жизнь не буду. Почему? [20] Заставить некому, хозяина нет [21].

Самгин слушал его с удивлением, [22] и не веря [23], что [24] такой анархист по натуре может [серь‹езно›] искренно [тосковать] желать себе хозяина [25].

«— В сущности, я тоже [26] этого [27] хочу»,— подумал Клим осторожно и неуверенно [28].

---

[1] *Текста*: спросил Самгин ∾ пожал плечами — *нет*. [2] *Далее*: ответил Иноков, пожав плечами. [3] *Далее*: прибавил он, помолчав, прищурясь от солн‹ца›, посматривая на скучную улицу, на прохожих людей. [4] особенное [5] Все эдакие [6] [на‹верх›] вверх [7] прыгнуть [8] Это я [9] *Слов*: Помолчав, он сказал — *нет*. [10] ежели [11] да заставят [12] Работаем плохо ∾ обнаружила это. / Он сердито, [но скучно начал говорить, что работать на Руси не умеют, ч‹то›] ворчливо начал говорить, что работают на Руси плохо, на это указывает выставка. [13] у нас научились [14] а [вот] работать заставить [15] *Фразы*: Они спустились ∾ свежей краски.— *нет*. [16] Я [счита‹ю›] знаю [17] делать все [18] *Слов*: говорил Иноков ∾ покуривая — *нет*. [19] могу быть часовых дел мастером, [машинистом] [пчеловодом] рыболовом [и охо‹тником?›] [а заставьте-ка меня [дел‹ать?›], болота мог бы осушать, придумал кое-что. В картофеле можно бы за счет крахмала значительно увеличить количество белка. А делать — ничего не буду. [20] *Слова*: Почему? — *нет*. [21] нет у меня.— Шел Иноков, [наклоня] наклонив голову [бросая отры‹вистые›] и как бы бросая коротенькие фразы под ноги себе, устало шаркал ногами. [22] *Далее*: [он [ни‹как›] не мог ожидать, что] [23] было странно [и не верилось] [24] *Далее*: Иноков [тоскует о хозяине] [25] может ∾ хозяина / говорит о хозяине. [26] ведь я тоже [27] [о] [этого] этого [28] [осторожно] подумал Клим [осторожно] [неохотно и как бы не [веря] доверяя себе. Быть [в чем-то] похожим на Инокова не хотелось.] [но подумал], но подумал осторожно и неуверенно [он вообще]

31 Но перегруженный впечатлениями / [Он чувствовал себя перегруженным впечатлениями, запутанным в противоречиях. *а.* Необходимость железных рукавиц для людей совершенно ясна, но были еще [какие-то рукавицы, то‹же?›] другие [т‹оже›] рукавицы, и с такой же неизбежностью они угрожали сжать его, Самгина. *б.* Сознание необходимости железных рукавиц для некоторых людей не исчезло. *в.* Нужно с точностью определить, где больше простора и свободы для него: на путях к революции, о которой все говорят, думая и не думая о ней, или же [на и‹ных путях?›] в стороне от этих путей, в [позиции спокойного зрителя] спокойной позиции зрителя.
«Но могу ли я»]
[Он все-таки увидал хозяина] перегруженный впечатлениями (*$ЧА_2$*) Перегруженный впечатлениями ◊ (*БА*)

31–32 как будто разучился / разучился◊ (*$ЧА_2$*)

32–33 замер паучок ∾ мысли / [Ускользнула, потеряна] и чувствовал, что потерялась некая точка, [за‹мер›] от которой [в нем] развивались [мысли] паутинки мысли (*$ЧА_2$*); Ускользнула, потерялась некая точка, замер паучок — *Далее, как в тексте* (*БА*)

33–35 Хотелось поехать ∾ приезда. / Он решил уехать домой, пожить на даче, отдохнуть [и разобраться в себе] и уже собрался, но был остановлен телеграммой Варавки [который просил [его остаться до е‹го›]: «Подожди меня». (*$ЧА_2$*)

36 дожидаясь Варавку / дожидаясь Варавки◊ (*$ЧА_2$*)

36–37 увидал [хозяина] [человека, который показ‹ался›] хозяина

38–39 одетый ∾ неуловимой окраски / [в длинных и широких одеждах, темных и легких, как] [на нем длинные и широкие халаты] одетый в три халата [легких, как те‹ни›] [легкие, как тени и блеклых тонов] [тех блеклых цветов] той блеклой и неуловимой окраски (*$ЧА_2$*); одетый [казалось, в три халата] в широкие — *Далее, как в тексте* (*БА*)

40 После: поздней осенью — [одежды, легкие, как тени] (*$ЧА_2$*)

41 ожог мороза / ожоги мороза (*$ЧА_2$, БА*)

41 Легкие ∾ одежды эти / Эти халаты, легкие, как тени (*$ЧА_2$*)

Стр. 557.

1 сухое, костлявое / костлявое (*$ЧА_2$*)

2 сквозь ∾ кожу лица / [тем‹но›] сквозь [темно-ко‹ричневую›] [желтую] [медно] [тускло-медную] тускло-желтую кожу [его] лица (*$ЧА_2$*); сквозь тускло-желтоватую кожу (*БА*)

3 какой-то ∾ ржавчины / [какой-то ржавчины] окиси, какая [быв‹ает›] является на самоваре, давно не чищенном (*$ЧА_2$*)

4 Каменное лицо ∾ бородка. / Лицо удлиняла матово-серая бородка (*ЧА*$_2$)

4–5 Волосы ее ∾ сосчитать / волосы которой было легко сосчитать [над верхней] (*ЧА*$_2$); Волосы [которой] ее — *Далее, как в тексте* (*БА*)

5–6 сереньких волос / матово-серых волос (*ЧА*$_2$)

6–8 в углах рта ∾ а над нею / над верхней губою, а нижняя, цвета железной ржавчины, была брезгливо опущена, а за нею блестел (*ЧА*$_2$); в углах рта, опускаясь к подбородку, нижняя губа [цвета железной ржавчины], тоже цвета ржавчины, брезгливо опущена [и], а над нею (*БА*)

6–7 опускаясь [к подбородку] книзу ∾ брезгливо [опущена] отвисла (*АМ*$_2$)

8–9 *Перед*: Глаза его — [Монгольско‹е› широкое, носастое ‹?›, тоже же‹лтое›] [Ноздри монгольского носатого] [Косо поставленные глаза] (*ЧА*$_2$)

9–10 косо приподняты ∾ к черепу / приподняты к ушам, острым и плотно прижатым к черепу [блестели, как две льдинки] (*ЧА*$_2$); косо приподняты к ушам, острым, [как] точно у зверя, плотно прижатым к черепу (*БА*)

10–11 он в шляпе с шариками / [На его] На голове его странной формы шляпа с [ка‹ким—то›] шариком (*ЧА*$_2$); под шляпой с шариками (*БА*)

11 шляпа ∾ человека / она делала его (*ЧА*$_2$)

12–13 зрачки его узких / зрачки [их не отшлифованы] этих узких глаз (*ЧА*$_2$)

13 и не гладки / [и гладки] не гладки (*ЧА*$_2$)

13–14 у всех обыкновенных / у всех (*ЧА*$_2$)

14–15 слеплены ∾ кристалликов / [сделал их] слеплены из мелких [и неро‹вных›] [острых] кристальных осколков льда. (*ЧА*$_2$)

15–18 *Фразы*: И, как с портрета ∾ портрет.— в *ЧА*$_2$ нет; *а. Фразы нет. б.* Но, как с портрета — *Далее, как в тексте* (*БА*)

16–17 неуклонно, [откуда бы он ни смо‹трел›] с какой бы точки он ни смотрел

19–20 должно быть ∾ тяжелы / казались тяжелыми (*ЧА*$_2$)

20 шагал бесшумно [как по воздуху] (*ЧА*$_2$)

21–22 как по маслу или по стёклу / как по маслу (*ЧА*$_2$); *после*: по стеклу — вписано: *вариант б.* А подошвы тупоносых сапогов сделаны нарочно толстыми, для того чтоб отделить ногу [возможно] выше от презренной земли. (*БА*)

23 почтительно двигалась / почтительно, и стараясь не [шуметь] топать, двигалась (*ЧА*$_2$)

23–25 среди которых ∾ костюмах / среди них было четверо или

пятеро китайцев в национальных, но неярких халатах (*ЧА*$_2$); среди которых было четверо китайцев в национальных, но неярких халатах (*БА*)

25 скучно шел / скучно и хмуро шагал (*БА*); скучно шагал ◊ (*АМ*$_2$)

25–31 скучно шел ∾ странного посетителя / скучно и хмуро шагал литератор Григорович с молодцеватым губернатором Барановым, люди с орденами и без орденов, шагал веселый комиссар Алтайского [от‹дела›] павильона — усатый генерал Фабрициус с лицом запорожца из труппы [танцор‹ов›] украинских актеров. (*ЧА*$_2$)

26–31 павильона ∾ странного посетителя / *а.* Алтайского отдела, молча шли люди с орденами и без орденов *б. Текст вписан со следующим вариантом.*

30–31 тоже ∾ посетителя / шли сзади [важно‹го›] [странно‹го›] странного посетителя

32 Плывущей ∾ походкой / Этой плывущей походкой (*ЧА*$_2$)

32 этот ∾ человек / он молча (*ЧА*$_2$); странный и важный ◊ (*БА*)

33 каменное лицо / [и лицо его] металлическое лицо (*ЧА*$_2$)

34–35 широкие ноздри / широкие тонкие ноздри (*ЧА*$_2$)

35–36 и сокращалась ∾ губа / и [когда незаметно] сокращалась брезгливая губа [за‹метно›] ◊ (*ЧА*$_2$)

38–40 шептали ∾ отскакивали / шептали [лю‹ди›] вокруг его люди и, почтительно кланяясь, [усм‹ехались›] отскакивали [в ст‹орону›] — Ли Хунг-чанг (*ЧА*$_2$)

41 знаменитый человек Китая / знаменитый [китаец] вождь Китая (*ЧА*$_2$); знаменитый вождь Китая ◊ (*БА*)

Стр. 557—558.

41–1 вещи он оглядывал / [но вещи] вещи он осматривал (*ЧА*$_2$); вещи он осматривал (*БА*)

Стр. 558.

2 на секунды, на минуту / секунды, минуту [шевеля] (*ЧА*$_2$)

4 Руки его / Он ни о чем не спрашивал, руки его были спрятаны ◊ (*ЧА*$_2$)

4–5 в широкие ∾ видимо / в рукавах халата, он ни о чем не спрашивал, но иногда, должно быть (*ЧА*$_2$); в широкие рукава халата — *Далее, как в тексте* (*БА*)

6–7 тихо ∾ говорить / вполголоса начинал беседовать (*ЧА*$_2$); тихо начинал [бес‹едовать›] говорить (*БА*)

11 стоя [как] неподвижно (*ЧА*$_2$)

11–12 покосился ∾ секунд / [смотрел] [посмотрел на пушку искоса] взглянул на нее, скосив ледяные глаза (*ЧА*$_2$); покосился на нее (*БА*)

12 *После*: поплыл дальше.— В отделе Средней Азии он остановился пред парчей, переводчик пощупал парчу пальцами и [сказал несколько слогов [Ха-о]] тихо выговорил четыре слога или пять. (*ЧА*$_2$)

13 Генерал ∾ усы / Веселый генерал Фабрициус, расправив казачьи усы [повел знаменитого гостя в свой отдел] (*ЧА*$_2$); Генерал Фабрициус, расправив [казачьи] запорожские усы (*БА*)

14 высокого гостя / знаменитого гостя (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

14–15 и жестом ∾ ему / и указал [на него] жестом военачальника (*ЧА*$_2$)

15 на павильон царя / на свой павильон (*ЧА*$_2$); на павильон [Алта⟨я⟩] царя (*БА*)

16 остановился / остановился на дороге (*ЧА*$_2$)

16–17 Китаец-переводчик ∾ вертеться / а переводчик тотчас же [торопливо] испуганно завертелся (*ЧА*$_2$); Китаец-переводчик начал испуганно вертеться (*БА*)

17–18 кланяться ∾ улыбаясь / и быстро начал что-то объяснять людям с орденами. Он складывал ладони, прижимал их ко груди, кивал головою. (*ЧА*$_2$)

20–21 со множеством ∾ усмехнулся / *Слов нет.* (*ЧА*$_2$); со множеством орденов на груди и усмехнулся ◊ (*БА*)

21 рядом с ним / рядом (*ЧА*$_2$)

23 ваше превосходительство / ваше [высоч⟨ество⟩] сиятельство

23–24 *Текста*: Так точно ∾ извозчика-лихача.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

25–26 подумал и сказал / и спросил (*ЧА*$_2$); подумал и спросил ◊ (*БА*)

27 *Слов*: Спросите переводчика — *в ЧА*$_2$ *нет.*

28 *После*: рядом с ним? — Что он сказал? (*ЧА*$_2$)

29–30 Все замолчали ∾ не громко / Молодой голос [из тол⟨пы⟩] негромко ответил (*ЧА*$_2$); Все молчали. Потом голос извозчика сказал, но уже не громко (*БА*)

31 Переводчик говорит / Он сказал (*ЧА*$_2$)

31–32 ваше превосходительство / ваше сиятельство (*БА*); ваше высокопревосходительство (*АМ*$_2$)

32 он не знает / не знает (*ЧА*$_2$)

33 говорит он / сказал он (*ЧА*$_2$)

34 коснулся / [поправил] коснулся рукой (*ЧА*$_2$)

34–35 на груди ∾ сердито / на груди и довольно внятно произнес (*ЧА*$_2$)

36 Действительно... церемонии! / Глупости. (*ЧА*$_2$)

37–38 пошел сзади ∾ за усы / усмехаясь и тоже покраснев, пошел сзади Ли Хунг-чанга (*ЧА*$_2$); пошел сзади Ли Хунг-чанга, усмехаясь, тоже покраснев и дергая себя за [усы] ус (*БА*)

39–40 пред витриной / пред небольшой витриной [драгоценных] ($ЧА_2$)

41 А когда / И когда ее открыли ◊ ($ЧА_2$)

Стр. 559.

1 старый китаец / [именитый] вождь Китая ($ЧА_2$)

2 из рукава [темную] руку ($ЧА_2$)

3–4 пальцы [ру‹ки›] старческой ($ЧА_2$)

5–6 с белой пластинки ∾ павильона / с белой тарелки [гордость павильона, кристалл изумруда великолепного цве‹та›] великолепный кристалл изумруда, гордость павильона [по‹том›] ($ЧА_2$); с белой пластинки мрамора великолепный большой кристалл — *Далее, как в тексте* (*БА*)

6–7 поднял [прекра‹сный›] камень ($ЧА_2$)

7 [посмотрел] перенес его к другому ($ЧА_2$)

8 кивнув головой / кивнув головою, снова ($ЧА_2$)

10–11 любезно ∾ объяснил / объяснил ($ЧА_2$)

12 Генерал ∾ забормотал / [Вес‹елый›] Генерал Фабрициус [р‹астерянно?›], побледнев, растерянно улыбаясь, заговорил ($ЧА_2$)

13 позвольте! / позвольте ж... ($ЧА_2$)

15 Знаменитый китаец / Ли Хунг-чанг [тот‹час›] ($ЧА_2$)]; Но Ли Хунг-чанг (*БА*)

16 к [ворота‹м] выходу с выставки ($ЧА_2$)

16 *После*: с выставки — *а*. Клим Самгин, шагая в стороне, смотрел на китайца, ставил рядом с ним голубовато-серую фигуру царя и не видел эту фигуру. *б. Фраза зачеркнута* (*БА*)

17–19 негромко говорили ∾ мага / шептали встречные люди, низко кланяясь [кит‹айцу›] старику, похожему на древнего колдуна ($ЧА_2$)

19 *После*: Ли Хунг-чанг![1]—[Са‹мгин›]Но старый китаец не видел их.

Клим Самгин, шагая в стороне от смущенной группы [про‹вожающих›] людей, почтительно провожавших Ли Хунг-чанга, чувствовал себя как во сне. ($ЧА_2$)

20–24 День был ∾ китайца. / *Текста нет.* ($ЧА_2$); *Текст вписан в БА со следующими вариантами*

20 неприятный. Тревожно / неприятный — [капризно или] тревожно

21 песок ∾ углов / песок дорожек, выскакивая из-за углов, неожиданные его порывы раздражали

---

[1] *Первоначально этим словом заканчивался текст БА.*

ЛИСТЫ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ, ПЕРЕНЕСЕННЫЕ ИЗ *БА* ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА ВО ВТОРУЮ [1]

л. [185] 17[2] Он приехал в Москву с твердым намерением заняться науками, пожить наедине с самим собою, отдохнуть от людей. [Чувство недоверия к людям укрепилось в нем плотнее, и [это позволяло [ему] Самгину лучше ощущать себя, свою самость и ячность] он сознавал, что это чувство становится [тем] стержнем, [вокруг которого] на котором впечатления нарастают, как] Он чувствовал, что недоверие к людям, укрепляясь в нем, становится тем ‹стержнем, на который нарастают впечатления› [3].

В университете, молча слушая споры, недружелюбно наблюдая шумную суету студентов, он думал: «Маскарад».

[Скоро он] [И скоро] Скоро он заметил, что бархатные глаза Прейса смотрят на него еще внимательнее, чем прежде. Его тоже интересовал маленький, изящный человек, непохожий на еврея своей сдержанностью. И хотелось понять: какая сила понуждает [фа‹бриканта›] сына фабриканта шляп желать победы рабочих? Условия бытия Прейса не таковы, чтоб организовать сознание социалистически. Лютов помогает революционерам потому, что он невменяем от пьянства, а может быть, и потому, что [как намекнул Макаров,— Лютов боится революции] действительно боится революции. Ну, а этот почему?

Как-то после лекции сердитого правоведа, идя рядом с Прейсом, Клим [охотно] неохотно согласился зайти к нему выпить чаю. Жил Прейс на тихой улице во втором этаже солидного особняка, и Клим ожидал, что квартира студента так же благоустроена [и уютна], как сам Прейс. Но оказалось, что он живет в небольшой комнатке, окно которой выходило на железную крышу сарая; комната аскетическая,

---

[1] Автографы ХПГ-23-1-1, № 59858; ХПГ-22-1-2, № 59821; ХПГ-23-1-1, № 59857; ХПГ-21-1-43, № 59859.

[2] *Лист начинается текстом*: на минуту вспыхивает ∾ даже не поцеловав [ее руку] руку ее. *Он дается в своде вариантов с обозначением БА*. См. стр. 533, строки 29—30, стр. 534, строка 25.*

[3] Последние слова в скобках читаются предположительно, т. к. испорчены заклейкой.

набита книгами, украшают ее три портрета — Маркс, Энгельс и Плеханов, в углу — койка, покрытая байковым одеялом, у двери — жестяный умывальник, такой же, как в комнате Маргариты. А на звонок Прейса явилась горничная в белом крахмаленном переднике, [в] с кружевной наколкой на каштановых пышно причесанных волосах. В несоответствии комнаты с прислугой Клим тотчас почувствовал нечто подозрительное и насторожился.

л. ⟨185⟩ 28 Прейс начал беседу искусственным комплиментом [Климу] за сдержанность, с которой [он] Клим относился к [статьям⟨?⟩] словесным битвам народников и марксистов, «битвам, всё более ожесточенным», признал Прейс, [но] однако тотчас же [и] с легкой иронией добавил:

— Но ведь мальчики в бабки, [чиновни⟨ки⟩] обыватели в преферанс играют тоже весьма ожесточенно.

Клим [согласно] согласно усмехнулся, [внимательно] следя за мягким [и несколько гипнотизирующим] блеском бархатных [прис⟨тальных⟩] глаз, было в этих глазах нечто испытующее, [и даже сни⟨сходительное?⟩] а в тоне Прейса [довольно] он [условил] слышал и раньше знакомое ему сознание превосходства учителя над учеником.

Затем Прейс начал говорить о нитчшеанстве как реакции против марксизма, говорил вполголоса, как бы сообщая тайны, известные только ему.

— Проблемы индивидуального бытия наиболее резко выявляются именно [тогда, когда индивидуум чувствует себя в опасности пред [т⟨ребованиями⟩] мощными требованиями проблем социального характера, в трагические [кануны] эпохи смены одного класса другим] в трагические эпохи смены одного класса другим, тогда, когда индивидуум чувствует себя в опасности пред мощными требованиями проблем социального характера.

Прейс составлял фразы как будто намеренно тяжело и книжно. Говорил он без жестов, руки его спокойно лежали на столе, [матово⟨е⟩] смугловатое лицо было неподвижно, только густые, круто изогнутые брови вздрагивали, когда он иронически подчеркивал то или иное слово.

Но о работе социал-демократов в Германии он заговорил более оживленно и с несомненной искренностью.

— В Германии быстро создаются все условия для перехода к социалистическому строю без [крова⟨вых⟩] катастрофических потрясений, без кровавых трагедий.

Глаза его как-будто опьянели, на щеках проступил

румянец. [[Прейс] Он крепко потирал руки.] Был он плотненький, упругий, [но] маленькие, очень белые [руки его, тонки‹е›] и длинные пальцы рук его неприятно сухо щелкали и скрипели, когда он потирал их.

— Миллионы голосов немецких рабочих,— говорил он, улыбаясь очень хорошей улыбкой.— [Немцы и англосаксы] Немцами и англосаксами изумительно глубоко усвоен закон эволюции, это [— их органическое...] стало органическим свойст‹вом›.

В общем все, что говорил Прейс, было более или менее знакомо Самгину из тех [странных] книг, доводы и выводы которых были почти так же неоспоримы, как неприемлемы для него. [Клим] Он понимал, что Август Бебель прав [в своей критике существующего порядка], но и Евгений Рихтер обладает весьма солидной долей истины. Маркс и Энгельс [изуми‹тельно›] очень убедительно разоблачили жестокие тайны социальных отношений, но также убедителен Лебон и другие противники социализма. В конце же концов было бы значительно легче жить, если б и те и другие [вовсе] не существовали.

Точно[1] так же, как к людям, Самгин относился к книгам [подозрительно и недоверчиво.] В черненькой паутине типографского шрифта он прозревал и чувствовал такое же посягательство различных правд на его свободу, как и в речах верующих людей. Несомненно, что социализм очень упрощает жизнь, но хотя Самгин и жаждал простоты, однако он видел, что [социалисты] социализм грозит обезличить его. Марксисты, сузив понятие народ до понятия рабочий
л. [186] 18 класс, тоже ведь зовут «раствориться в рабочей массе», как [в] толстовец, переодетый мужиком, писатель Катин, дядя Яков, Маракуев и другие звали «раствориться в народе».

Он ушел от Прейса, [скрыв свое несогласие с ним и удержавшись от желания возразить ему и] скрыв свое несогласие с его верованием под личиной глубокой задумчивости человека, который только что ознакомился с мудростью, неведомой ему до этой поры во всей ее глубине. Он заметил, что это польстило Прейсу, через два дня тот снова пригласил Клима [к себе]:

---

[1] *Текст*: Точно так же, как и людям ∾ из Германии].— *в ходе работы над второй частью произведения был заменен другим на двух вставках*: С тем же недоверием, как к людям верующим ∾ Приходите в субботу. *См. в вариантах к т. XXII.*

— Приходите в субботу [у меня будет интересный человек; только что приехал из Германии].

[На этот раз Клим [очутился] был [про‹веден›]] В субботу франтоватая горничная провела Клима в [небольшую комнату, солидно обставленную кожаной мебелью] [комнату] комнату, солидно обставленную кожаной мебелью, с большим письменным столом; на столе — тяжелая, темной бронзы лампа под зеленым абажуром [точно такая же, как в кабинете Варавки]. Комната напомнила Климу кабинет Варавки. Два окна занавешены тяжелыми драпировками; зеленоватый сумрак насыщен запахом сигары. Сигару курил [высокий, гладко остриженный ст‹удент›] [круглоголовый] студент в сюртуке, [усатый] высокий, [усатый] с кривыми ногами кавалериста, [усатый] его бритые щеки и тупой, широкий подбородок казались черными, густые усы лихо закручены; он важно смерил Самгина [выпученными] [круглыми] белыми глазами, кивнул гладко остриженной, очень круглой головою и сказал басом.

— Стратонов.

Другой студент, [кругленький] плотненький, розовощекий, сидел в кресле, поджав под себя коротенькие ножки, и казался распаренным, как будто только что пришел из бани. Не вставая, он протянул Климу пухлую, детскую ручку и лениво кисленьким голосом назвал себя:

— Тагильский.

Третьим гостем Прейса оказался Поярков, а четвертым — рыжеватый костлявый человечек с неуловимым лицом, растерянной улыбкой и редкой бороденкой, сильно беспокоившей его. Встряхнув руку Самгина обеими руками, он не сказал своей фамилии, а торопливо произнес:

— Очень рад... [хэ]!

Стратонов и Прейс солидно говорили о социалистическом движении на Западе, о судьбах России, развитии промышленности и об экзамене, [ожидающем] который русская промышленность должна будет сдать летом на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде [1]. Тагильский подсказывал им цифры, а рыженький внезапно вставлял в [их] деловитые речи нечто странное и спорное.

— В рейхстаге сидит сорок процентов попов [-католиков. Это — представители рабочих? Хэ-хэ...]. Хэ-хэ!

---

[1] *Слова*: должна будет сдать летом — *зачеркнуты. В верхнем слое текста в процессе работы над второй частью стало*: неплохо выдержала.

Он произнес «хэ-хэ» так, что Клим не понял: смущает или радует его [тот факт, что интересны] то, что в рейхстаге сидят попы. Был он нервозен, суетлив, часто перебегал из угла в угол, сразбега садился в кресло [сразбега], выскакивал из него, точно [уколотый] подкинутый пружинами, ожесточенно крутил и дергал бородку то одною, то другой рукой и, [нижняя губа его, [дергаясь] опускаясь, обнажала] оттягивая нижнюю жидкую губу, обнажал мелкие, желтые зубы. Отмахивался от дыма папиросы, поднимая полу черного пиджака, сыпал пепел на колени измятых брюк, шлепал по коленям ладонью и выкрикивал тенорком:

— Нация, не сознающая своей индивидуальности,— еще не нация.. Мы — не нация. Мы не понимаем своей формы. В Англии — тред-юнионы, в Германии [дисциплинированная] социал-демократия, глубоко проникнутая идеями государственности, Франция [будет] хочет быть синдикалистской, в Италии вырабатывается крестьянский социализм [а у н‹ас?›],— быстро перечислял он, разгоняя дым, и — спрашивал:

— А — у нас? [Народничество? Хэ...] Что будет у нас? Хэ...

Своей раздерганностью он напоминал Климу Лютова.

Слушали его очень внимательно, возражали ему осторожно. Вообще у Прейса не кричали, не спорили, а велась [бе‹седа›] серьезная беседа благовоспитанных людей. Тагильский лениво [потягиваясь, [молчал] говорил [мало] не т‹ак›] потягивался, в нем было что-то кошачье, избалованное; Поярков держался в стороне, скромно, и за [всё] весь вечер [ска‹зал›] только один раз [спросил Прейса] ворчливо сказал Прейсу:

— Классификация фактов — дело полезное, если оно не скрывает за собою попытки примирить противоречия.

[Прейс] Прейс не ответил ему, даже не взглянул в его сторону. Климу казалось, что в этой комнате Прейс ведет себя [б‹арственнее›] суше и барственнее, чем в той, аскетической. [Было скучно, как] [Стратонов говорил густо, цифрами о вывозе хлеба, нефти. Было скучно. Рыженький тихо шептал что-то Пояркову и усмехался. Клим Самгин]. Было скучно. Клим [чувствовал, что], чувствуя, [как] что он глупеет, [решил показать себя] решил, что пора показать себя, и заговорил о людях, которых трудно поставить в [каки‹е-либо›] определенные рамки [о Дьяконе, Инокове]. Рыженький, [тот‹час›] выслушав характеристику Дьякона и Диомидова, подбежал к нему и стал просить:

— Познакомьте меня с [ним! А?] ними! А?

Но вообще выступление Клима не имело успеха, его [выслушали равнодушно] рассказ выслушали с недоумением, [А] а Стратонов, раскачивая на цепочке золотые часы, решительно сказал:

— Вы сами правильно назвали людей этого типа живыми анекдотами. Когда подует [ветер] [ураган] ветер истории, он выметет их, как сор.

Сказал и туго надул [ще<ки>] синие щеки свои, как бы желая намекнуть, что это он и есть [Борей] владыка всех зефиров и ураганов. Он вообще говорил решительно, строго, и, после двух-трех фраз, всегда вздувал щеки свои шарами, от этого круглые, белые глаза его становились меньше и несколько темнели.[1]

— Убежденный человек не может и не должен замечать противоречий в своих взглядах,— [говорил] сказал он Пояркову.

А когда рыженький, отскочив от него, просил с недоверчивой улыбкой:

— Это вы — серьезно?

Стратонов не ответил, он редко отвечал на вопросы, обращенные к нему. В нем было что-то не только военное, но и воинствующее. Присматриваясь к нему, Клим подумал, что его не очень удивило бы, если б Стратонов крикнул на рыженького:

— Смир-рно!

Клим плохо понимал этих людей. Два-три свидания с ними не сделали их понятнее. Они называли себя марксистами, но в их суждениях отсутствовала суровая прямолинейность «кутузовщины», а рабочий вопрос интересовал их как будто меньше, чем вопросы промышленности и торговли. Они с явным увлечением подсчитывали [количество] количества хлеба, сахара, нефти, хлопка, железа в мире; Самгину казалось, что они [часто говорили] иногда говорят [гораздо] больше цифрами, чем словами; говорили они о будущем значении Сибирского пути, о переселенческом вопросе, о таможенной политике Германии.

Ленивенький Тагильский служил для всех памятной

[1] *Текст*: Сказал и туго ∾ несколько темнели.— *имел ранний вариант под наклейкой*: Он вообще говорил решительно [и], строго [: — Русский человек мало хочет,— говорил он [надувая] и надувал щеки синими шарами.— Его еще нужно учить хотеть.] и, сказав две-три фразы, вздувал синие щеки свои шарами, как бы намекая, что владыка всех зефиров и ураганов близко знаком ему.

книжкой, где записаны различные цифры, и, видимо, очень гордился своей должностью. Его фарфоровое лицо, пухлые губы и неопределенного цвета туманно-ласковые глаза позволяли ждать, что Тагильский говорит женственно мягко, но кисловатый голосок его звучал одинаково [едко] снисходительно и кокетливо, говорил ли он:

— 639 тысяч тонн... 847 тысяч бушелей...— или же

л. [187] называл руководителей аграрной политики:

[19] — Ослы. Идиоты. [1]

[И снова надолго умолкал.] [Самгин находил] Выругав-

---

[1] *Текст*: Убежденный человек ∾ Ослы. Идиоты.— *на листе, переписанном заново. Им заклеен ранний вариант этого текста, обнаруженный после реставрации (расклейки)*: [Так же строго он сказал рыженькому:] — Убежденный человек не может и не должен замечать противоречий в своих мнениях,— говорил он.

Рыженький отодвинулся от него, спросив с недоверчивой улыбкой:

[— Возможно ли это?

Но Стратонов не [слушал] ответил, он [редко] плохо слышал то, что говорили ему.]

— Вы — [не замечаете?] серьезно?

Стратонов не ответил, он редко отвечал на вопросы [и]. В нем было что-то военное и воинствующее, [и] глядя на него, Клим думал, что он, вероятно, не удивился бы, если б Стратонов крикнул на рыженького:

— Смирно!

Клим плохо понимал этих людей, а, встретившись с ними еще два-три раза, совершенно перестал понимать: [чего они хотят? Они очень много знали и всё подсчитывали: хлеб, нефть, железо, уголь, пеньку, сало; они говорили о сырье и полуфабрикатах, о безлошадных крестьянах и машинах, о переселении в Сибирь, таможенной политике. Казалось, что они ждут чего-то, но [скрывают] [боятся] не хотят сказать, чего именно ждут.] что это за люди и чего они хотят?

Они называли себя марксистами, но в их суждениях отсутствовала суровая прямолинейность «кутузовщины», и рабочий вопрос интересовал их как будто меньше, чем вопросы промышленности, торговли. Они с явным увлечением подсчитывали [коли⟨чество⟩] количество хлеба, нефти, железа, сала, пеньки [говори⟨ли⟩] и часто говорили [как будто] гораздо больше цифрами, чем словами о [во⟨просе?⟩] переселенческом [вопросе] движении, о [значе⟨нии⟩] будущем [значении] великого сибирского пути, о таможенной политике Германии. Клим чувствовал, что он глупеет от этих разговоров. Ленивенький Тагильский служил для всех памятной книжкой, где записаны цифры, [иногда [он говорил] мягко говорил по адресу правительства.

— Идиоты. Ослы] и, видимо, очень гордился своей должностью. Он, должно быть, хорошо изучил аграрную политику правительства, но [был] относился к ней враждебно, иронически — и называл аграриев: — Идиоты. Ослы.]

шись [кисленьким и тусклым голоском], он снова надолго умолкал, рассматривая свои ногти или покуривая тоненькие папироски. Клим находил в нем странное сходство с Диомидовым; казалось, что Тагильский тоже— но без страха, [спокойно] уверенно — ожидает, что вот сейчас придут какие-то люди,—может быть, идиоты — и почтительно пригласят его:

— Пожалуйте управлять нами.

Рыженький [нервозный] Берендеев тревожно внушал товарищам:

— Совершенно необходимо, чтоб [наша] революция совпала с религиозной реформацией. Реформация, конечно, не в сторону [проти‹воположную?›] рационализма наших южных сект, избави боже!

Выкатывая белые глаза, Стратонов успокаивал его:

— От уклона в эту сторону мы гарантированы, наш мужик — мистик.

— С мужиком у нас будет тяжелая возня,— меланхолически заметил Прейс.

— Да, очень ! — [пр‹оговорил?›] вполголоса и угрожающе подняв палец, [говорил] подтвердил Берендеев. [— Очень. Хэ!]

Тагильский протестующе [высморкался] высморкал широкий розоватый нос и четко проговорил:

— Желать, чтоб реформация протекала одновременно с революцией,— это значит желать, чтоб вся крестьянская стихия ринулась в политику.

[— Н-да? — вопросительно произнес Стратонов.— Позво‹льте?›]

— Нет! Я — не согласен,— крикнул Берендеев, но Тагильский продолжал:

— Говорить следует не о реформации, которая ни вам, ни мне совершенно не нужна, а о церковной реформе, о расширении прав духовенства, о экономическом благоустройстве его...

— [Как вы дум‹аете›] А вы как думаете, Самгин? — спросил Стратонов.— Клим ответил:

— Хорошо бы удержать деревню в пози‹ции› пассивной.

Это была одна из тех [неожид‹анных›] [мыслей] мыслей, которые, являясь [вне‹запно›] внезапно и по своей воле, всегда удивляли Самгина. Он уже подметил, что в атмосфере, создавшейся у Прейса, такие самовольные мысли возникают особенно часто и легко.

Прейс осторожно и мягко заметил, что это мысль консерватора, но Стратонов, [выпрямясь] хлопнув ладонями, сказал:

— Верная мысль. [В известной мере] У нас каждый культурный человек обязан быть консерватором до [известной] некоторой степени. Мы — люди, на которых историей возложена роковая обязанность организовать революцию, внести в ее стихию всю мощь нашего сознания, ограничить ее неизбежный у нас анархизм.

[Говоря, он плотно сдвигал] Он плотно, насколько мог, сдвинул кривые ноги, [забрасывал] забросил руки за спину, [выгибая] выгнул грудь, и все это сделало его фигуру [очень] еще более внушительной [а [парадный] густой голос его звучал командующе].

[— Н-ну-с, кажется, мы выработали схему, обязательную для событий завтрашнего дня,— сказал Поярков, медленно [вст‹авая›] поднимая [и] с дивана длинное тело свое.— Жаль только, что события-то творить не мы будем — как видно.

[Он уходил] Он уходил.

— Несносная личность! — сказал о нем Стратонов.— Что у него — желудок плохо варит?]

Тагильский, приподняв аккуратно причесанную, светловолосую головку, поморщился в сторону Стратонова.

— Вы, Стратонов, все еще продолжаете чувствовать себя на первом курсе, горячитесь и забегаете вперед. Может быть, нужна не революция, а — ряд реформ, которые [помогли бы] сделали бы русских людей более работоспособными.

Однажды Клим, сидя рядом с Поярковым, спросил его шёпотом: что он думает о Стратонове? Также шёпотом, но громче, Поярков ответил:

— Головастик. [Зародыш губер‹натора›] Наверное, разовьется [губернатором] в губернатора. А может быть, зародыш министра.

[Пояркова не любили, да и Клим находил его лишним в этой компании. После Ходынской катастрофы Поярков омрачнел, ссутулился, и [на из‹рытом›] крутой, изрытый оспой лоб его прорезала морщина. В нем явилось что-то отталкивающее Самгина. И говорить он стал резко.]

Тагильский и Стратонов откровенно не любили Пояркова, Прейс посматривал на него хмуро, говорил с ним холодно. Клим тоже находил Пояркова лишним в этой компании.

Рябой студент омрачнел, обозлился, крутой лоб его прорезала морщина, и казалось, что от нее [изрытый оспой нос] нос, изрытый оспой, сделался длиннее. Он утратил привычку говорить коротко нарубленными фразами. В один из вечеров, медленно вытащив из глубокого кресла длинное тело свое, он, пожимая руку Прейсу, проговорил:

— Ну, кажется, мы выработали схему, обязательную для событий завтрашнего дня. Думаю только, что события-то не влезут в нее, да и не мы будем творить их.

— Почему же не мы? — строго спросил Стратонов, провожая его недружелюбным взглядом.

Прейс молчал. [Он в] Дома он был молчалив, высказывался редко, неопределенно и мало напоминал [Климу] того умного и уверенного оратора, каким Самгин привык видеть его у дяди Хрисанфа. Было странно, что Маракуев не ходит к нему, хотя они были на ты и в коридорах университета по-прежнему спорили неутомимо и дружески. Было вообще много странного, а главное — [трудно было] нельзя понять, зачем этим людям революция?

[Но иногда он чувствовал, что постепенно привыкает считать и себя человеком, обреченным на участие в подготовке революции.] А хуже и неожиданнее всего было то, что Самгин уже не один раз [и] [моментами] чувствовал себя тоже человеком, обреченным на участие если не в революции, то в каких-то неизбежных событиях. Это ощущение изумляло и омрачало его. Он тотчас вспоминал вид с крыши на Ходынское поле, на толстый, плотно спрессованный слой человеческой икры. Затем пред глазами его вставал подарок Нехаевой, репродукция с картины Рошгросса [«Погоня за счастьем»]: густая толпа людей всех сословий, сбивая друг друга с ног, бежит с горы, по узкой дороге к пропасти. Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех [гибел‹ьной›] дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпою, [но] он в стороне от нее [прояви‹т?›] все высматривает: нет ли особой тропы для него? Но вот уже ему кажется, что [толпа] люди всасывают его в свою гущу и влекут за собою.

[Раздраженно, как о тягостной ошибке, он вспоминал о Лидии, и это воспоминание наполняло его ноющей, злой грустью. [Несомненно, Лидия что-то испортила, сломала] «Несомненно, Лидия что-то испортила, сломала во мне»,— думал он.] Но эта тревога [за себя] являлась ненадолго, а в общем самоощущение Самгина становилось все более яс-

ным. Он жил среди людей, как между зеркал, каждый человек отражал в себе его, Самгина, и в то же время хорошо показывал ему свои недостатки. А недостатки ближних очень укрепляли взгляд Клима на себя как на человека недюжинного, умного и проницательного. Людей более значительных, чем сам он, Клим еще не встречал [1].

[Поздно] Как-то вечером [неохотно шагая] по дороге к Прейсу Клим услышал [со ‹спины?›] за спиною своей тяжелые, твердые шаги, [обернулся и встал лицом к ли‹цу›] показалось, что кто-то преследует его. Он обернулся и встал лицом к лицу с Кутузовым.

— Примечательная походка у вас, Самгин,— широко улыбаясь в бороду, [щуря‹сь›] снова отросшую и белую от инея, [ска‹зал›] заговорил Кутузов.— Как будто вы идете к женщине, которую уже разлюбили. Ну, как живется?

И слова его, и грубоватая благосклонность [почему-то] понравились Климу, он даже немножко обрадовался встрече. Оглянувшись, он тихо спросил:

— Вас выпустили?

— На поруки.

Обмениваясь незначительными фразами, дошли до подъезда дома, где жил Прейс. Кутузов ткнул пальцем в кнопку звонка, а другую руку протянул Климу.

— Я тоже сюда,— сказал Самгин.

— [Не к Прейсу ли?] Гм, вот как? Ну, тем лучше.

Кутузов толкнул его в дверь, открытую горничной, и, взглянув в направлении, откуда пришел, оживленно заговорил, похлопывая горничную по плечу:

— [Цветете] Цветешь? Превосходную девицу эту зовут Казя, Оказия.

— Они — знают,— сказала горничная.

— Знают? Хорошо. [Яков — дома?]

Он сам повесил шинель на вешалку.

«Демократический жест»,— подумал Самгин.

Прейс встретил их и радостно, и смущенно.

— Ты? — тихо воскликнул он.— А мне писали...

— Не всему верь, что пишут,— посоветовал Кутузов, входя в аскетическую комнату, и, бросив тяжкое тело свое на койку, ухнул:

---

[1] *Далее следует текст, возникший в процессе работы над второй частью*: И вспоминалось, как падала стена казармы, сбрасывая с себя людей, а он, думая, что бежит прочь от нее, как-то непонятно приблизился к ней.

— Ух! Дай-ко мне чаю...

— А я не знал, что вы знакомы,— говорил Прейс, [почем⟨у-то⟩] как бы извиняясь, и, приказав Казе [да⟨ть⟩] принести чаю, плотно прикрыл дверь. Затем он сел на койку и торопливо начал выспрашивать Кутузова, откуда он явился, что видел.

л. [188] [20] 31 Самгин чувствовал себя несколько неловко, [считая] Прейс, видимо, считал его посвященным в дела Кутузова, а Кутузов то же самое думал о Прейсе.

«Я не мешаю вам?»,— хотел он спросить, но любопытство запретило ему сделать это.

Свесив с койки ноги в залатанных и влажных от снега сапогах, опираясь спиною о стену, Кутузов держал в одной руке блюдце, в другой стакан чая и говорил, глядя в стакан, уже знакомое Климу:

— Марксисты везде плодятся понемногу, но связями с рабочими не хвастаются. Да и марксист, правду говоря, [дешевый] серый, скучный [марксист. Учится, читает усердно]. Некоторые молодые пистолеты жаловались: красоты, дескать, нет в марксизме, романтика отсутствует, а у народников этого добра — избыток, герои, личности и всякий балаган.

— А — в Казани? В Харькове? — спрашивал Прейс, [потирая руки] щелкая пальцами.

Самгину казалось, что [Прейс допрашивает Кутузова [очень похоже на то] почти так, как Лютов допрашивал на даче таинственную барышню или даму. Конечно, Прейс] хотя Прейс говорил вежливо и дружески, [но] а все-таки вопросы его напоминали отношение Лютова к барышне [или даме, там] на дачах В⟨аравки⟩, как [будто] к [по⟨дчиненному⟩] человеку, подчиненному и подотчетному.

Вынув из кармана заношенной тужурки папиросную коробку, Кутузов заглянул одним глазом в ее пустоту и, швырнув коробку на [подоконник] стол, спросил, вздохнув:

— Вы, Самгин, не курите? Да, помню, не курите. Жаль. Некоторые вредные привычки полезны для ближних.— Он снова повалился на койку и, устало прикрыв глаза, продолжал:

— Из Брянска попал в Тулу. Там тоже есть кое-кто. Серьезные ребята. А ну-ко, думаю, зайду к Толстому? Зашел. Поспорили о евангельских мечах. По отношению к логике — Толстой своенравный старик. Сражался со мною тем тупым мечом, который Христос повелел сунуть в ножны.

А я — тем, [кот⟨орый⟩] о котором было сказано: «не мир, но — меч», но хотя этот меч [отлично] неплохо наточен, старик оказался неуязвим, как воздух. Не понравились мы друг другу.

Чтоб напомнить о себе, Клим сказал:

— Все-таки Толстой удивительно русское явление.

— Именно,— согласился Кутузов, но тотчас добавил:— А потому и вредное.

— Кому [же]? — спросил [Прейс] Клим.

— Истории, которой решительно и навсегда надоели всякие сентименты,— ответил Кутузов неохотно.

Прейс тоже как-то вскользь, процитировал чьи-то слова: «Толстой законченное выражение русской деревенской стихии», но Кутузов [вынув па⟨пиросу⟩] задумчиво [сказал] спросил:

— Ну, и что же отсюда следует? [Ведь и Бакунин — выражение [како⟨й-то⟩] стихии и Нечаев.] *Только то, что он стихийно нелогичен?*— И вскочил с койки.— *Бакунин тоже выразитель стихии.* [Нет, это] Но это все... не туда. Русская стихия. Вон Милюков Петра Первого [опровер⟨гает⟩] опрокидывает и, видимо, хочет сочинить [нечто схожее со] некое неославянофильство... Да и вообще...

Он сунул в рот клок бороды, помял ее губами и заявил:

— Ну, мне — пора! Дай[те]-ка рублей... десять, Прейс.

[*Клим тоже*]

Этот человек не возбуждал вопроса, почему он революционер. Было само собою ясно, что настоящие революционеры таковыми и должны быть: мужиковатые, широкогрудые, [с узкими глазами и спокойно презирающим] светлоглазые, со спокойным взглядом. Климу не нравились слишком демократические сапоги, неряшливая, [обкусанная] не подстриженная борода Кутузова и его [небрежные] угловатые, как бы напоказ, жесты. Но ему был приятен [неза⟨висимый⟩] [пренебрежитель⟨ный⟩] небрежный тон, которым [этот человек] Кутузов, похожий на ломового извозчика, говорил с чистеньким изящным [евреем] евреем.

Прощаясь с Кутузовым, Прейс рассеянно протянул руку и Самгину. На улице, под ветром и острыми уколами снежинок, Кутузов, застегивая пальто, пробормотал:

— Тепло живет Прейсик.

— Не понимаю, что влечет его к [социализму] марксизму,— сказал Клим.

Кутузов с любопытством заглянул в его лицо.

— Не понимаете? Гм...

И через несколько шагов спросил:

— А есть вы не хотите?

— Я бы выпил рюмку водки.

— [Ну, и] Что ж, выпейте,— разрешил [Кутузов.— Совершить это можно в учреждении, весьма симпатичном] *Кутузов, шагнул в лавчонку,* [*вышел*] *явился оттуда с папиросой, воткнутой в бороду,* [*и пустив*] *и, пустив длинную струю голубого дыма, сказал благосклонно*:

— *Ну, айда, выпьем водки.*

В маленьком ресторане, наполненном сизой мутью, [они сел‹и›] Кутузов прошел в [темный] уголок, заказал [себе папирос, [две порции] ветчины] мяса, водки и, расправив плечи, [усмехаясь, спросил] усмехнулся:

— Так, — не понимаете,— почему некоторых субъектов [гонит] [привлекает социализм] тянет к марксизму? [А понять — просто: привлекает их к [социализму неправильное понимание оного в учении Маркса, как] марксизму неправильное понимание оного. [Обман зрения и неправильное чтение. Прейс и подобные ему рассматривают научный социализм как нечто способное смягчить, может, и предотвратить неизбежную катастрофу [банкротство] их класса. Социализм же, именно потому, что он — научный, штука негибкая и ядовитая. Затем — он кровное дело рабочего класса и, значит, катастрофа неустранима, как ни вертись. А чувство самосохранения обязывает и понуждает вертеться. Вот мы с вами и видим] Прейс и подобные ему воспринимают учение Маркса как теорию социально-экономической эволюции и — только. Это — обман зрения. А, может быть, это — сознательное желание не видеть того, что видеть не хочется, невыгодно. [Историческая необходимость социальной катастрофы.]]

— Не понимаю.

Прищурясь, Кутузов посмотрел на людей, сидевших под низким потолком необширной комнаты; трое из них, наклонясь над столами, в однообразных позах сосредоточенно ели, четвертый уже насытился и, действуя зубочисткой, пустыми глазами смотрел на женщину, сидевшую у окна, читая письмо, пред нею на столе стоял кофейник, лежала пачка книг в ремнях. Клим тоже посмотрел на лицо ее, полузакрытое вуалью, на плотно сжатые губы и острый подбородок. Вот она улыбнулась, но, прежде чем разомкнуться в улыбке, ее губы сжались еще плотнее, рот сердито окружился морщи-

нами, и [поэтому] Клим узнал в ней знакомую Лютова. Он — нахмурился, подумав: «Что же, кабачок этот,— место свидания революционеров?»

Густо смазывая ветчину горчицей, настолько крепкой, что она щипала ноздри Клима, Кутузов говорил вполголоса:

— Тут — обман зрения. Многие видят в научном социализме только теорию экономической эволюции и ничем другим [он] марксизм для них не пахнет. Ваше здоровье!

л. [189] 32 Выпив рюмку водки, пережевывая [ветчину] бифштекс, он продолжал:

— А вот общий наш знакомый, Поярков, [неплохой парень, а?] находит, что сынки наиболее обеспеченных классов тянутся к марксизму по силе интуитивной, классовой предусмотрительности. Чувствуют неизбежность социальной катастрофы.— Как ни вертись, а она — неустранима. Однако инстинкт самосохранения понуждает вертеться. Поярков — неплохой парень. Вы с ним — как?

— Он — умный,— сказал Клим [подумав] не сразу.

— Выпьем еще по рюмке... Так вот, значит: обман зрения и классовая интуиция. Ежели рабочий воспринимает идеологию, ядовитую для хозяина, хозяин, буде он не осел, тоже обязан несколько ознакомиться с этой идеологией. Может быть, удастся подпортить ее. В Европе весьма усердно стараются подпортить, а [мо‹лодые›] наши юные буржуйчики тоже не глухи, не слепы. Намечаются попыточки организовать классовое самосознание.

Клим слушал очень внимательно. Хотелось понять: присоединяет ли Кутузов и его к юным буржуйчикам?

[А четверо] Четверо молчаливых мужчин как будто выросли в сумраке. Дама, прочитав письмо, спрятала его в сумочку. Звучно, как взведенный курок револьвера, [щелкнул] сумочка щелкнула.

— На казенной квартире я некоторые забавные штучки читал,— вполголоса рассказывал Кутузов.

— Новое течение в нашей литературе,— весьма показательно. Все эти декаденты, символисты... Среди их немало купеческих детей. [Сие явл‹ение›] Явление это указывало бы на преждевременную дегенерацию класса, но, я думаю, что это подражательное явление,— подражают творчеству жертв и выразителей психического распада буржуазной Европы. [И — надоел сентиментализм народнической литературы и опротивел быт. Бытовая литература у нас — вредная, беспокоит.] Но, разумеется, когда подрастут немножко, вы-

думают и свое. [У нас] Почва для выдумок у нас весьма плодотворна... [1]

Говоря, Кутузов насыщался с [той] неторопливой деловитостью, [которая особенно свойственна людям физического труда] а, [когда уничтожил ветчину] уничтожив мясо, посмотрел на пустую тарелку с сожалением и сказал, вздохнув:

— Надо выпить кофе.

— Учитесь петь? — спросил Клим.

— Пою, но — не учусь. Жена — учится. [Я ведь женился на Марине. А что Дмитрий пишет вам?] — Он стал вытирать салфеткой бороду, а [Клим подумал] Климу показалось, что [он] Кутузов делает это [лишь для того], чтоб скрыть усмешку, но скрыть ее он не мог, глаза смеялись.

«Вероятно, это он смеется над братом [Дмитрием]»,— подумал Клим [и осведомился: — [Что] Дмитрий пишет вам?

— Часто. [Он там] Они там неплохо устроились, живут дружно. Девять... человек. Впрочем, вы это знаете.]

[Он] Кутузов закурил папиросу, вытянул ноги под столом, толкнул ногу Самгина, [и] но не извинился, а, испытующе глядя [на] в лицо Клима, спросил:

— Поярков говорит, что вы тут с народниками знакомы, и [будто] у одного из них рабочий кружок есть. [Поярков даже фамилию его [ска‹зал›] назвал...— Маракуев.

— Я фамилии не помню.] Любопытно бы посмотреть, что это за рабочие? Вот вы устройте-ко мне эдакие смотрины, а? Я тут пробуду четверо суток. Завтра — суббота. В воскресенье — можете?

Он не просил, а командовал, но [Клима] это не обижало Клима, наоборот, грубоватое прямодушие Кутузова было приятно [ему].

— Ну, пойду дальше,— сказал Кутузов, допив чай.— [Идти мне — к чёрту на кулички.] Нелепый город, точно его чёрт палкой помешал. И все в нем рычит: я-те не Европа! Однако дома строят по-европейски, все эдакие вольные переводы с венского стиля на московский. О бок с одним таким каменным чудищем нагнулся на улицу деревянный, серенький сосед в три окна, а [над] на воротах — вывесочка,— кто-

[1] *После этих слов в окончательный текст вошла следующая вставка, сделанная на полях, видимо, во время работы над второй частью*: К‹лим›.— Вы знаете Стратонова?— Это — дылда такая? Ну, встречал.— Как вы [нах‹одите›] его с‹считаете›? — Голов‹астик›.

то «предсказывает будущее от часу до четырех»,— а больше, видно, не может, силы не хватает. Будущее! — Кутузов широко усмехнулся, пожимая руку Самгина.— Быть тебе, Москва, Европой, [от] вот будущее! Значит — увидимся [в воскресенье]?

Самгин нарочно задержался, чтоб не выходить на улицу вместе с этим человеком. Пил чай и думал, разглядывая женщину, писавшую что-то в маленькой книжке.

«Конечно, [рево‹люционная›] политическая деятельность дает шансы быть видимым, властвовать. Это может увлекать людей, подобных Кутузову. *Этот* [*больше*] *сильнее, чем кто-либо другой, убеждает, что революция неустранима. Он убеждает не словами, а* [*фактом своего сущ‹ествования›*] *тем, что он* [*таков*] *есть, фактом своего существования убеждает.* Но вот такая женщина, что увлекает ее?» [1]

Когда он вышел на улицу — было темно, ветер, посвистывая, сеял [снег] сухой мелкий снег.

— Проводите меня? — тихо предложила Климу [неболь‹шая›] толстенькая девушка с муфтой, в шляпке «рембрандт».

Самгин пошел быстрее, но она, догнав его, пробормотала:

— Я живу близко.

Клим заглянул под шляпку в круглое курносое лицо и сказал очень строго:

— Пошла прочь.

Девица испуганно отскочила.

«Вот так бы оттолкнуть от себя всё ненужное»,— подумал Клим, но, через минуту, ему стало неловко: «За что обидел человека? Глупо. Это Лидия привила мне озлобление против женщин»,— оправдался он.

По дороге к Фионе, где он рассчитывал застать Маракуева, Клим убедил себя, что так и должно быть: поведение Лидии не могло не отразиться на его чувствах к женщинам.

---

[1] *Далее вставка на отдельном листке, относящаяся, видимо, ко времени работы над второй частью*: О женщинах невозможно было думать, не вспомнив Лидию, а воспоминание о ней всегда вызывало злую, ноющую грусть, уколы обиды. [Теперь, рядом с Фаиной, Лидия казалась значительнее.] — Вам часто пишет Лида? — спрашивала Фаина, прикрывая глаза ресницами.— Не очень,— ответил Клим, хотя Лидия написала ему из Парижа только один раз.— Она не любит писать.— Она — загадочная, не правда ли? — Что это значит — загадочная? — Никого не любит, интересуют ее только чудаки и смешные.— Строго, сквозь очки, взглянув в лицо Фаины, Клим сказал:— Загадочных людей — нет, их выдумывают.

[С Фионой у [него] Самгина [скл⟨адывались⟩] [постепенно] складывались отношения, несколько забавлявшие его. Эта девица была антипатична ему, он считал ее глупой, изломанной [ее] страстью к театру и смешной в ее [намерениях] преклонении то — пред m-me Рекамье, то пред m-me Роллан. Портреты той и другой поочередно являлись па самом видном месте, Фиона как будто не могла достаточно твердо остановить свои симпатии на одной из [них] этих дам.

Самгин приметил, что с ним Фиона говорит [в] тоном, более патетическим и театральным, чем с Маракуевым, [Поярковым и друг⟨ими⟩] с другими [с ю⟨ношами⟩] юношами, которые бывали у нее [чаще] более часто. Серовато-зеленые глаза ее смотрели на него [внимательно] излишне внимательно, находил он. Он говорил с нею в тоне снисходительно насмешливом и хотя сам слышал порою, что насмешечки его звучат плоско, однако видел, что они, охлаждая [театральность девушки, заставляют] Фиону, делают ее более естественной.

— Искусство — игрушка пресыщенных,— говорил он ей.

Вскидывая [на него] длинные ресницы, девушка круглым жестом указывала на портреты знаменитых артистов:

— Они — игрушки?

— Общественные шуты, как раньше были шуты королей, — говорил Самгин.]

В следующую минуту он подумал, что вот и Фиона, которая всегда была антипатична ему, теперь стала [еще более неприятной] почти невыносимой. Он видел, что эта [театральная] девица относится к нему внимательней и более почтительно, чем к Маракуеву, чаще других посещавшему ее, [и это ег⟨о⟩] это несколько забавляло его, даже льстило [и в ответ на ее всегда несколько повышенный тон] ему и в ответ на ее почтительный тон [учен⟨ицы⟩] ученицы [он] Клим усвоил [тон] тон учителя, который уверен в бездарности ученицы, но, жалея ее, не отказывается учить. Было очень смешно наблюдать [ее] колебания [между эстетикой и политикой] [между преклонением пред] ее симпатии между m-me Рекамье и m-me Роллан, портреты той и другой поочередно являлись на самом видном месте [в центре] среди портретов других знаменитых женщин, и по тому, которая из этих двух (л. [190] 33) выступала на первый план, Самгин безошибочно знал, как настроена Фиона: эстетически или политически. В первом случае он [люб⟨ил⟩] убеждал девицу, что искусство — [всегда было забавой] забава пресыщенных, артисты — шуты

буржуазии, а [во втором] когда Фиона была настроена политически, он доказывал ей, что Бодлер революционнее [и Некрасова и Луи Курье] Некрасова. *Он усвоил тон учителя, который уверен в бездарности ученицы, но, жалея ее, все-таки не отказывается учить.* Иногда он сам сознавал, что его доводы неостроумны, насмешки плохо скрыты и грубы, [но все-таки ему казалось, что он, охлаждая театральный пафос девицы, [если и не делает ее умнее] помогает ей быть более естественной] *тогда он говорил осторожней и* [*посматривая на нее, думал*] *посматривая на девушку испытующе.*

[«*Неужели она так глупа, что действительно не понимает? Или* [*она*] *притворяется непонимающей?*» Догадывался: «Не понимает или притворяется непонимающей?»] Слушая его [снисходительные] речи, [она] Фиона, закусив губу, прикрыв [глаза дл‹инными›] серовато-зеленые глаза ресницами, выдвигала [под‹бородок›] острый [свой] подбородок как будто обиженно, но слушала, почти не возражая и лишь изредка ставя вопросы, которые Клим находил [то] глуповатыми и невежественными, [а] однажды сказала глубоко вздохнув:

— Какой вы сложный, неожиданный! К вам трудно привыкнуть. Другие, рядом с вами, точно оперные певцы, заранее знаешь все их партии.

В искренность ее нередких комплиментов ему, [ее [робости] покорности] в ее [робость] покорность пред ним Самгин не верил, думая, что Фиона играет придуманную ею роль, которая забавляла ее, так же как он забавлялся, издеваясь над нею. И хотя он считал ее глупой, но иногда, по неуловимым изменениям ее угловатого лица, *по блеску глаз*, подозревал, что она замечает его [гр‹убости›] нечаянные грубости, [плоские] плоские насмешки, неудачные словечки. Но эти подозрения [не] мало смущали его.

Она похудела, [длин‹ная›] шея некрасиво вытянулась, [она пы‹шно›] лицо стало маленьким, но это, может быть, оттого, что она придумала очень пышную прическу, взбивая волосы, точно кофр. За эту прическу ее в школе прозвали «Комета». Двигалась она скользящей походкой, раскачивая узкими бедрами, очевидно, веря, что это у нее выходит красиво. Одевалась крикливо, пестро и говорила в нос, [явно подражая Савиной] сильно подчеркивая звук «а» и уродливо растягивая слова.

Маракуев [держался] [держался у Фионы, как дома] вел себя у Фионы, как дома, относился к ней с фамильярностью

влюбленного, который совершенно уверен во взаимности, [называл ее по имени] [говорил с нею на ты] [говорил ей ты; иногда Климу казалось, что между ним и Фионой установились вполне определенные отношения] они говорили друг с другом *на «ты», но [они] были так резко различны, что Самгин [находил их роман забавным] смотрел на их роман как на забавное недоразумение, [и потому, что Фиона в свое] на его взгляд, Фиона должна бы вносить в этот роман нечто драматическое, крикливое, а она и Маракуев почему-то придавали своей дружбе или влюбленности оттенок комедии.* Он не замечал, чтоб пережитое Маракуевым в день Ходынки [как-нибудь отразилось на характере Маракуева, студент] отразилось на [его] характере веселого студента, [*поло*⟨*жило*⟩] *бросило на него* [*те*⟨*нь*⟩] *тень, как на Пояркова, который несомненно после* [*событий*] *бессмысленной и мрачной трагедии 18-го мая как-то* [*надломился*] *согнулся, утратил свою книжность* [стал *говорить резко, озлобленно*] *и вообще весь как-то скрипел, точно надломленный. Он не посещал Фиону.*

Маракуев был так же, как [раньше] до катастрофы, размашисто весел, всегда оживлен, легко горячился, умел говорить гневно, [однако ни в г⟨неве⟩] однако в гневе его Клим никогда не слышал злобы. [Он устраивал у Фионы собрания своих приятелей и нередко в комнате, где жила Лидия, появлялся знакомый Самгину рабочий [Дунаев], с курчавой бородою и неугасимой улыбкой, кривоносый слесарь Дудкин, черный, угрюмый человек, какой-то чистенький и робкий [при⟨казчик⟩] юноша [-приказчик], похожий на приказчика из магазина белья.] [В] По воскресеньям в [комнату] комнате, где жила Лидия, собирался кружок учеников Маракуева, приходил знакомый Климу рабочий Дунаев, с курчавой бородою и неугасимой улыбкой и всегда, как бы для контраста, приводил слесаря Вараксина, тощего, угрюмого, с [большими] черными усами на сером [боль⟨ном⟩] лице [больного] и недоверчивым взглядом черных глаз. Осторожно являлся [робкий] чистенько одетый юноша лет восемнадцати, с белыми бровями, большеротый, широконосый; серые глаза его [были] расставлены далеко один от другого и [как бы] одинаково нерешительно смотрели в разные стороны. Бывали еще двое: женоподобный задумчивый иконописец [Онкин], которого все звали Пашей и, видимо, [лю⟨били⟩] любили за что-то, и [ост⟨роносый⟩] кривоносый, кудрявый, непоседливый резчик по дереву Фома, человек неопределенного возраста [и], с [измятым] лицом крысы, с волосатой бородавкой

на правой щеке и [насмешливо] близоруко прищуренными глазами.|

Ненужно согнувшись, входил Дьякон. Его расстригли, лишили сана, он коротко, в кружок, обрезал серые волосы, подстриг тройную свою бороду, [отчего сухое лицо его обнажилось и стало незаметней] *так что из трех [клочков] бород получилась [одна] клинообразная одна, а обнаженное лицо его [стало менее значительным] утратило какую-то черту, которая [придавала], придавая ему сходство [с тысячами таких русских ли⟨ц⟩] со множеством тех суздальских лиц, [которые] кои, сливаясь во единое лицо, создают образ неискоренимого [издревле и], навсегда созданного человека. Он забывал, что боковые бороды его* [ос⟨трижены⟩] *острижены, и нередко искал их* [толь⟨ко⟩] *[в воздухе, проводя па⟨льцами⟩], шевеля пальцами в воздухе [между] от ушей к подбородку.*

В старенькой замызганной поддевке и огромных тяжелых сапогах, в [фуражке] измятой фуражке, он стал похож на торговца старьем, каких много на Сухаревской площади.

Во всех этих людях Клим Самгин чувствовал нечто единое, однообразное и раздражающее. Они возмущали его грубой дерзостью своих вопросов и малограмотных речей, своими усмешками и возгласами. [Ка⟨ждый⟩] В каждом из них он подмечал нечто смешное, анекдотическое *и озорниковатое, особенно [отли⟨чался⟩] отличался задорным озорством улыбчивый Дунаев. Они все вызывали впечатление [людей] бродяг, оторванных от обыкновенной жизни, равнодушно отказавшихся от всего, во что должны бы верить, во что верят миллионы людей [внешне подоб⟨ных⟩] их среды.*

Когда они, неподвижно застыв, слушали [пьяные и] пламенные речи Маракуева, который всегда пьянел и качался от своих слов, в этих серых людях являлось что-то общее с летучими мышами, [что-то] именно так жутко [неподвижны эт⟨и⟩] неподвижно висят в воздухе вниз головами летучие мыши в темных уголках чердаков, ослепленные светом дня. Иногда Самгину [каза⟨лось⟩] думалось, что, [вот выйд⟨ут⟩] наслушавшись речей Маракуева[1] *и Дьякона, они выйдут на улицу и начнут молча избивать всех встречных, бить стекла в окнах, гасить фонари, опрокидывать женщин и девушек. Строгая, чистая комната Лидии пропитана запахом скверного табака, ваксы, на полу стоят лужи от растаявшего снега, люди так надышали, что огонь лампы горит тускло и в*

---

[1] *В автографе описка:* Клима.

узкой комнате колеблется зеленоватая душная муть, а от сапогов Дьякона [пахнет] жирно пахнет дегтем.

Дунаев и [кривоносый товарищ его] Вараксин слушали Маракуева особенно внимательно, но Клим подозревал [за], что за [их] этим вниманием [скрыто недоверие] они скрывают недоверие. Они часто перешептывались, [Дунаев, толкая соседа локтем, улыбался и подмигивал ему [Было], а кривоносый утвердительно кивал] кривоносый Фома шипел на них, а Дунаев, улыбаясь, подмигивал ему. [Дьякона] К Дьякону эти трое относились одинаково снисходительно, с добродушными усмешками, а все остальные смотрели на него недоверчиво и осторожно, как смотрят воробьи на индюка.

Их право рассуждать о жизни казалось ему все более сомнительным. [Но сопоставляя] Сопоставляя речи их с тем, что говорилось у Прейса, Клим смутно догадывался, что революционизированное чувство опаснее революционизированного ума.

Дьякон [особенно возмущал Клима и особенно] был похож на гигантскую летучую мышь. Он сидел в углу, у двери, на старом, скрипучем диване, рядом с Дунаевым и Фомою, крысиное лицо которого непрерывно [двигалось] дергалось, как будто Фома [скрипел] щелкал зубами. Когда Маракуев уставал говорить или читать, Дьякон, медленно расправив тощее, но пружинное тело свое, говорил точно с амвона:

— Подтверждаю: все сказанное и прочитанное вам — верно. Слушайте: то, что прежде, в древности, было во всеобщем употреблении всех людей, стало, силою и хитростью некоторых, скопляться в домах у них. Чтобы [пр⟨аздность⟩] достичь спокойной праздности, некие люди должны были подвергнуть всех других рабству. И вот собрали они в свои руки первопотребные для жизни вещи и землю, так же и начали ехидно пользоваться ими, дабы удовлетворить любостяжание свое и корысть свою. И составили себе законы несправедливые, посредством которых до сего дня защищают свое хищничество, действуя насилием и злобою.

В этом тоне он говорил долго и плавно, а затем, встав на ноги, вытянув руку, точно присягу принимая, [гово⟨рил⟩] добавлял:

— Прошу знать: сии слова неотразимой правды не я выдумал, среди них ни одного слова моего — нет. Сказаны они и напечатаны в книге Лактанция, прозванного христианским Цицероном и жившего в начале IV века по рождестве

Христове. Книга его издана в Санкт-Петербурге в 1848 году и цензурована архимандритом Аввакумом. Стало быть, книга просмотренная, [т. е.] то есть — пропущенная по ошибке. Ибо главенствующие над нами правду [терпят] пропускают в жизнь и терпят ее только по ошибке.

Усилив голос, он говорил:

л. [191] 25 — Повторяю: значит, я сообщил вам не мою, а древнюю, вечную правду, воскрешению коей да послужим дружно и мужественно.

Он сгибался, садился в угол, а Дунаев звонко спрашивал:

— Ну, а практика какая?

— Об этом — думайте,— сказал Дьякон.

Отдохнувший Маракуев начинал говорить о практике.

Иногда на этих собраниях присутствовала Фиона; сидела она, [кусая] покусывая губы, [нахмурясь] хмуро присматриваясь к людям сквозь ресницы. Кончив работу с кружком, Маракуев шел в ее комнату пить чай [Как-то и она], и там она недоверчиво спрашивала:

— Все они будут революционерами?

— Будут,— уверенно обещал Маракуев.

Фиона недоуменно пожимала плечами:

— Не понимаю. Революционер для меня — поэт, носитель Прометеева огня, Уриэль Акоста. А тут — дьякон. Старый.

— Это наивно,— смеясь говорил Маракуев, и поучительно рассказывал ей об участии духовенства в крестьянских войнах Германии, о пугачевце, пензенском попе Фоме.

— Дьякон — не старый.

— Все равно — дьякон. [Нет, в этом есть] В дьяконе есть что-то смешное. А у другого — кривой нос, и, конечно, это записано в его паспорте, особая примета. Какой же он революционер? [Его сыщики] Сыщики [сразу] поймают его за нос.

[Маракуев [начал хохотать] захохотал[засмеялась и Фиона, а Клим сказал [шутливо]].

— Революционер должен быть безличен,— сказал Клим.

Он хотел сказать [шутливо] иронически, но вышло мрачно; шутки всегда плохо удавались ему.

— Просыпается Русь! — восхищался Маракуев, потирая руки.

— А может быть, только бредит во сне? — спросил Клим.

Маракуева его скептицизм не задевал, но Фиона посмат-

рівала на Клима вопросительно, иногда — растерянно, а однажды сказала с досадой:

— Вы — точно музыка, что ни думай о вас — все непохоже.

Но в следующий раз, когда Маракуев начал [исчислять признаки] говорить о своих учениках, Фиона, запрокинув голову, некрасиво выгнув длинную шею, сказала:

— Ты [очен‹ь›] очень смешно говоришь,— покойник дядя Хрисанф в таком тоне рассказывал, как он ловил рыбу; крупная у него всегда срывалась с крючка, а домой он приносил костистую мелочь, которую нельзя есть.

— Странное сравнение,— сказал Маракуев, но — не обиделся, чего хотелось Самгину.

По какому-то капризу, а может быть, потому, что Клим нередко спорил с Маракуевым, который был очарован Дьяконом, Фиона стала приглашать Дьякона к чаю. Серый, длинный, он садился к столу, вытягивал ноги и [говорил] в ответ на советы Маракуева прочитать «Исторические письма» Миртова говорил, [смеясь] пытаясь смягчить свой бас:

— От времен семинарского учения питаю недоверие ко книгам, хотя некоторые сочинения светские читывал не без удовольствия. Вообще же, по мнению моему,— допускаю, неправильному — книга [су‹ть›] есть костыль. Вывихнули нам душу и сунули в руки церковную и светскую книжицу: ходите по путям, предуказанным вам. Ходим — века и все — не туда. Нет, книги требуют проверки. Каждый, здесь присутствующий, есть живая книга, и недостойно ему подчинять волю свою книге мертвой. Поучимся же читать друг друга, дабы проверить книги мертвые и — не откроем ли единство душ наших?

Клим спросил его: бывает ли он у Лютова?

— [А как же? Весьма часто.] [Часто.] Не часто. Он меня в дворники к себе зовет, но, хотя я и лишен сана, всё же это мне невместно. И уж я решил — на стеклянный завод. С апреля месяца.

— Пьет Лютов?

— Весьма,— сказал Дьякон, вздохнув.— А вот меня, после кончины сына моего, отвратило от пьянства... Не совсем конечно,— добавил он, подумав и опустив голову.

— Безумно пьют у нас,— заметила Фиона. Дьякон исподлобья взглянул на нее и — согласился.

— Безумно. И, знаете, некоторые оттого безумно пьют, что в трезвом виде боятся с ума сойти. Не для каламбура го-

ворю. [Народ у нас мягкий и непримиримость противоречий — не выдерживает.]

Изредка и всегда как-то не вовремя появлялся Диомидов, очень похудевший [желтый]. Он [коротко остриг] снова отрастил свои ангельские кудри, голубые глаза его потемнели, [и в них застыло какое-то новое для Клима, непонятное ему выражение] да и весь он [как-то потемнел] выцвел и поблек. Говоря, он пристально смотрел в лицо собеседника, ресницы его дрожали и взгляд становился [все более] напряженным, как будто Диоми́дов чем больше смотрел на человека, тем хуже видел его. Он часто и осторожно гладил правой рукою кисть левой и переспрашивал:

— Как вы сказали?

Говорить он стал менее робко, [но] голос его сипел. [Диомидов покашливал] Покашливая, мигая, он ходил по комнате — и всматривался в [портреты] десятки фотографий [и], как будто искал среди них знакомое лицо. Однажды он вошел в комнату Лидии, когда [там собралс‹я›] Маракуев занимался там со своим кружком, постоял на пороге, послушал с минуту речь Дьякона и [уш‹ел›] шумно захлопнул дверь. А потом [сказал Фионе] спросил Фиону:

— Зачем же вы туда людей пускаете? Разве Лидия Тимофеевна не воротится?

Рассказав об этом Климу, Фиона радостно догадалась:

— Вот почему он все нюхает, точно собака, потерявшая хозяина!

Когда Дьякон говорил о необходимости единства, Маракуев — об организации рабочих и крестьян, Диомидов отрицательно мотал [клочковатой] головою.

— Нет, — [довольно] твердо говорил он.— Этого — не надо. От этого и горе, оттого, что заманиваем друг друга в семью, в родню, в толпу. Ни церкви, ни партии человеку не помогут, нет!

Дьякон почти никогда не возражал ему, а, взглянув искоса, равнодушно советовал:

— Тебе, парень, в деревне пожить надо, молоко пить надо, вот что!

Но Диомидов возбуждался, подскакивал на стуле и, бледнея, *показ‹ывая› палец* [1], закрыв глаза, готовый упасть в обморок, бормотал несвязно:

---

[1] *Слова:* показ‹ывая› палец — *и текст, далее выделенный курсивом, появились, видимо, в процессе работы над второй частью.*

— Единство — в одном.

— *Н-да, растоп‹ыренными› паль‹цами› за горло не схв‹атишь›.*

— *Значит не палец гре‹шен›, а кулак.* Во множестве един-

л. [192] 26 ства — не будет. Никогда! Напрасно загоняете. Нет, надобно перешагнуть через глупость неподвижного. Отскочить, отбежать надо.

[Клим улавливал в его словах поучения трехпалого человека и думал: «Как [все это из] умеют эти»]

Подскочив на стуле, сцепивши пальцы рук в один кулак и прижав его ко груди, он торопливо сказал:

— *На днях, рано утром, арестантов гнали на вокзал, да! Кандалы звенят. Вот и слова тоже,— ваши слова — кандалы! Душу оковать хотите человеку. Какой грех...*

— *Какая ерунда! — сказал Маракуев пренебрежительно, а Диомидов, отскочив от стола, быстро пошел к двери и на пороге повторил, взглянув через плечо:*

— *Какой великий грех против души!*

Как-то при нем, разговаривая с Маракуевым, Дьякон сказал:

— Не забудем однако, что закон борьбы за жизнь утверждается не токмо наукою, а и Библией. А так же и распря детей — отцов... Авессалом-то жил задолго до тургеневского Базарова....

— Как вы сказали? — испуганно спросил Диомидов, подскочив на стуле и хватая Дьякона за локоть.

Когда Дьякон повторил слова свои, Диомидов задумался, посидел минут пять молча и, не простясь ни с кем, ушел [так] осторожно, как слепой.

— Больного духа парень,— проворчал Дьякон, а через два дня он [обеспокоенный] тревожно рассказал Маракуеву и Фионе:

— Явился вчера ко мне Диомидов этот и начал увещевать [меня], чтоб я от собеседований с рабочими людями отказался, и вас, Маракуев, к тому же склонил. Не поняв его состояния, я, было, начал говорить с ним серьезно, а он встал на колени предо мною и [горестно], рыдая горько, продолжал увещания со стоном и воплями, подобно измученной женщине, которая бы [угова‹ривала›] умоляла мужа своего не пить водку. Говорил на тему, знакомую вам, то есть, что стремление объединить людей вокруг правды и справедливости ведет к погибели человека. *Кричал*: «*Не эта правда нужна, другая*!» И, между прочим, вопил, что революционеров надоб-

но жечь на кострах, прах же их пускать по ветру, как было поступлено с прахом Григория Отрепьева, [самозванца] именуемого самозванцем. [Вот].

Рассказывая, Дьякон судорожно шевелил пальцами около уха, искал остриженную бороду. Взволнован он был до того, что на висках его выступил пот, а глаза [его] неестественно дрожали. Запахивая поддевку на коленях, как он запахивал подрясник, Дьякон тяжело двигал ногами и вздыхал, точно уставшая лошадь.

— Потряс он меня до корней души безумием своим. Ночевал у меня и всю ночь бредословил. А утром ушел в настроении мрачном и — молча. Так вот я помыслил, что [сегодня] вчерась он ко мне пришел, а завтра так же может прийти в губернское жандармское управление. Сообразите...

Клим Самгин [внут‹ренно›] мысленно усмехался, наблюдая, как сильно рассказ Дьякона взволновал Маракуева. Побледнев, взъерошивая волосы обеими руками, Маракуев [забегал по] шагал по комнате, морщился и бормотал:

— Ах, черт его возьми... Как же это?

Фиона тоже была испугана, но, [взгля‹нув›] посмотрев на Клима, храбро сказала:

— Наша кухарка в прекрасных отношениях с полицейскими и мы будем знать, если...

Дьякон, крякнув, проворчал:

— Кухарка не поможет.

— Придется прекратить [на‹ши›]занятия, — говорил Маракуев, не скрывая своей растерянности и озлобления.

[Клим простился и] *Самгин был почему-то уверен, что* [блаженный] *полуумный бутафор не пойдет к жандармам с доносом. Он посидел еще несколько минут и* ушел, чувствуя, что ему становится стыдно [зл‹орадства›] [легкого] злорадства, которое [возбуждала] возбуждали в нем тревога Маракуева, подавленное настроение Дьякона и [раст‹ерянные›] смешные гримасы Фионы, которая, видимо, не знала, как ей держать себя. [Самгин был почему-то уверен›]

В тихой и темной улице его догнал Дьякон. Шел он, широко шагая, наклонив голову, спрятав руки в карманы, как ходят против сильного ветра. Самгин пошел в ногу с ним.

— Вы считаете его сумасшедшим? — спросил он.

Дьякон [иско‹са›] искоса взглянул на него и стал шагать короче, но не ответил. А [ми‹нутой›] через минуту глухо проворчал:

— Вот как, значит: сжечь и пепел по ветру. А лицо у него — милое. И глаза детские. Не угодно ли?..

На углу какого-то переулка он остановился, взмахнул головою.

— Мне — сюда,— сказал он, протянув Климу длинную руку.— Безумие, сударь мой, имеет свою причину...

— Конечно,— согласился Самгин.— Я знал женщину, которую [свела с ума те‹ория›] свел с ума Дарвин.

— Дарвин? Можно. Дарвина я в семинарии опровергал. Такая задача была: опровергнуть Дарвина. [А, оказалось. невозможно опровергнуть его.] Опровергали... Будьте здоровы.

Пожимая руку Самгина, Дьякон сказал очень тихо и задумчиво:

— Безумие-то, может быть, наивысшая степень веры... Вот ведь что!..

«Неужели идиот Диомидов смутил его?» — подумал Клим, глядя, как длинная тень Дьякона ползет по снегу.

Снег падал почти весь день и теперь [пышно] покрывал крыши, фонари, тумбы пышными шапками. От него исходил тот [влажный] вкусный запах, похожий на запах первых огурцов, каким снег пахнет только в марте. [Морозило] Медленно шагая по мягкому ‹снегу›, Самгин вдруг сказал себе: «А ведь жизнь становится все интересней».

Он усмехнулся, посмотрел назад, по противоположной панели [шага‹л›] бесшумно шел маленький толстый человек без шеи в большой шапке, с палкой в руке. Клим стал шагать еще тише и, подводя итог [всему] пережитому в эту зиму, нашел, что он жил неплохо. Его самоощущение стало [как будто] тверже и устойчивее. Он двигался среди людей, как между зеркал, каждый человек отражал в себе его, Самгина, и в то же время хорошо показывал [ему свои] Самгину свои недостатки. Недостатки ближних очень укрепляли [отношение] взгляд Клима на себя, как на человека умного и проницательного. [Люди [не] вообще] Людей более значительных, чем он, Клим Самгин еще не встретил.

О Лидии Самгин старался не вспоминать, но это плохо удавалось ему, а вспоминая о ней, он всегда чувствовал уколы обиды, горьковатую, щемящую сердце печаль. Теперь, издали, она казалась ему значительнее и не девушкой, а женщиной, которая [стар‹ше›] намного старше его.

— Вам часто пишет Лидия? — спрашивала Фиона, прикрывая глаза ресницами.

— Не очень,— отвечал Клим, хотя Лидия еще ни одного раза не писала ему из Франции.

— Она — загадочная, не правда ли?

— Чем же?

— Не любит [людей] никого, нравятся ей только чудаки и загадочные.

Клим строго, сквозь очки, глядя в лицо девушки, говорил:

л. [193] 38 — Загадочных людей — нет, их выдумывают писатели для нашего развлечения. [Все люди в‹ыполняют›] [С различной силой] «Любовь и голод правят миром», и все люди выполняют задания этих двух основных сил истории. Искусство пытается прикрыть и прикрасить зоологическое в требованиях инстинкта пола, наука помогает удовлетворять запросы голода, вот и все. Загадок — нет.

[*Театральная девица*] *Фаина возражала упрашивающим тоном*:

— Но разве Диомидов не загадочный? А Лидия была влюблена в него, это — факт!

— «Дура», — мысленно ругал ее Клим, и ему хотелось [ска‹зать›] обругать ее вслух. Но он солидно говорил:

— Вы слишком много читаете романов и стихов, это вредно. Поймите: женщине вовсе не нужен какой-то загадочный дурак, ей нужен простой, здоровый мужчина.

Чувствуя во взгляде [Фионы] Фаины нечто взвешивающее, оценивающее его, он снова ругался. «Идиотка».

Но игра с нею все-таки была интересна, [развлекала] и Самгин начал несколько увлекаться этой игрою. [Маракуев бы‹л›] Он знал, что Маракуев красивее его, и ему было приятно видеть, что [Фиона] девушка относится к Маракуеву все более небрежно, хотя тот всячески старается забавлять ее, рассказывает любимые ею анекдоты на политические темы, [сам] сочиняет смешные частушки, [покупает для нее порт‹реты›] [заботится о попо‹лнении›] заботливо пополняет ее коллекцию портретов знаменитых людей, даже [ухитрился] вырезал [гра‹вюру›] гравюру Марии Стюарт из «Истории» Маколея, рассматривая у [кого‹-то›] знакомых своих великолепное издание этой книги.

Но все это плохо помогало ему. Как-то, восхищаясь Дьяконом, он сказал:

— Это будет изумительный пропагандист для деревни Вот такие черви и подточат трон царя...

Фиона усмехнулась, обнажив крупные зубы.

— Но если черви, то где же пафос подвига? — спросила она [[возмущенно], и ее уши, плотно прижатые к черепу, сильно покраснели].

[Такие воп‹росы›] Вопросы такого рода она ставила Маракуеву все чаще и это нравилось Климу [Но он], он поощрительно улыбался. Но, чем дальше, тем более настойчиво овладевало им желание обидеть [Фиону] Фаину, унизить ее. И говорил, глядя в глаза ее:

— Женщину необходимо воображать красивее, чем она есть; это нужно для того, чтоб легче примириться с неизбежностью любить ее. В каждом мужчине скрыто желание отомстить женщине за то, что она необходима ему.

Самгин чувствовал себя очень умным, когда говорил такие афоризмы.

— И у вас тоже скрыто? — спрашивала Фиона.

— Конечно. Я — мужчина. [Мне дорога свобода...]

[Фиона] Фаина, опустив голову, подумала и сказала:

— Какой вы... правдивый.

«[Да, с нею очень забавно.] Да, говорить с нею — забавно». И приятно было думать, что если [немножко приласкать ее...] притвориться влюбленным в нее...

Клим смотрел на Маракуева, [усмехаясь] снисходительно усмехаясь, но тотчас вспоминал о Лидии и хмурился.

[Каждое утро, за чаем, Самгин развертывал лист сероватой бумаги, обрызганный [строчками] черным дождем скучного шрифта, который слагался в слова еще более скучные. Это была газета Варавки «Наш край». От нее исходил запах жира. Самгин читал, и ему казалось, что слова газеты тихонько воют [где-то] очень далеко от его сознания, воют, понимая свое бессилие [сказать нечто внятное] [внятно] сказать нечто интересное и смелое.

Но [ему нравились] он с удовольствием читал напечатанные в разбивку фельетоны Робинзона; [ему нравился их легкий, порою злой язык, [нрави‹лись›] меткие, остренькие словечки и] Робинзон умел говорить гибким, порою злым языком, был богат смешными словечками, забавно искажал серьезные слова и ловко пользовался цитатами. Однако, прочитав все эти веселые выходки, Клим ощущал осадок неприязни к фельетонисту. Люди, которые умели смеяться, всегда будили в Самгине отношение настороженное и подозрительное. У него было очень памятное впечатление, оно настойчиво возобновлялось каждый раз, когда Самгин слышал критические слова].

Каждый день Самгин развертывал лист дешевой сероватой бумаги, густо обрызганный черным дождем скучного шрифта. Мягкая бумага осторожно шуршала, и от [страницы е‹е›] четвертой страницы ее [особенно] сильно пахло тухлым жиром. Это была газета Варавки «Наш край». Ее передовые статьи чаще всего начинались фразами, которые были осмеяны еще в 70-х годах.:

«В настоящее время, когда...» или «В то время как на Западе... мы всё еще...» Автор статей прекрасно знал все ходовые латинские фразы.

— «О tempora, o mores»,— восклицал он, по меньшей мере раз в неделю. И столь же часто [он повторял]:

— «Ты этого хотел, Жорж Данден?»

Слова этих руководящих статей, связанные в тяжелые гроздья [неуклюжих] глухо звучавших фраз, [их] доходили до сознания Клима, как давно знакомый [не] шум города, вслушиваться в который уже нет охоты, или как ворчливые лекции [профессора международного права, нелюбимо‹го›] неприятного Самгину профессора, который [весь] на протяжении всего семестра безуспешно старался выпутаться из бесчисленных противоречий закона и быта.

[Но] Самгин охотно и внимательно читал фельетоны Робинзона, напечатанные в разбивку и уже одним этим выгодно отличавшиеся от всего остального текста газеты. Робинзон писал легким, порою очень злым языком, он много знал [смеш‹ных›] простонародных, метких словечек, смешно искажал серьезные слова, умело пользовался пословицами и вообще умел смеяться. Но каждый раз, прочитав веселые выходки Робинзона, Клим ощущал осадок неприязни к фельетонисту, он не любил людей, которые умеют смеяться.

Затем он [читал] просматривал объявления:

«Музыкальная школа В. П. Самгиной», [«Гастрономический магазин «Улей»] «Техническая контора Т. С. Варавка принимает на себя...»,«Буксирное пароходство Т. С. Варавка» [Директор С. Т.] «Банкирская контора «Помощь» Т. С. Варав‹ка› предлагает...» [«Хиромант», «Отец и мать с прискорбием извещают...»] [«Утеряны палка и Белка»] «Утеряна палка». [«В дворянском отделении семейных бань»] [«В семейных банях»] «Сим доводится до всеобщего сведения, что в дворян‹ском› от‹делении› семейных бань С. С. Домогайлова введен душ Шарко для мужчин и ароматические ванны для дам. С почтением. Управляющий П. Устинин». [«Болезни поса»] [«В дачной местности»] «Дачная местность «Уют» Т. С. Варав-

ки извещает, что с будущего сезона начнет аккуратно циркулировать ко всем поездам на станцию Рог [восьми] двенадцатиместный экипаж».

«Завоевание Плассана»,— думал К‹лим›.

«Болезни носа»

«Потеряна палка *с набалдашником из слоновой кости в форме кулька с серебряным кольцом, на коем инициалы*: Ф. И. А. и числа — 13.V.89.» [«Знающий немецкий язык»]

Клим сосчитал, что о потерянной палке упрямо и тоскливо публикуется в шестой раз, должно быть, очень любимая или ценная палка. [Иногда ему ду‹малось›] Шутливо думалось, что [в этой п‹алке›] в этом объявлении о потерянной палке [бы‹ла›], может быть, скрыта аллегория. Вероятно, есть немало людей, которые искренно тоскуют о дирижерской па-

л. 194[1] лочке[и], о дубине Петра Великого. Да и серьезно думалось: [какие-то темные люди] какой-то темный человек с клешнею рака вместо [руки] пальцев, какой-то [дьяк‹он› зап‹ойный?›] расстриженный дьякон, легкомысленный студент [свободно] проповедуют необходимость [объединения] организации народа для борьбы против правительства и даже против культурного общества, проповедуют, в сущности, анархизм и насилие. С ними борются, да, но ведь ясно, что физические приемы борьбы не задерживают роста анархических настроений. У правительства, очевидно, нет идеи, [*которая*] [сил‹а› которой [была] могла бы достаточно вн‹ушительно›] которую оно могло бы противупоставить соблазну анархизма, и нет силы создать такую идею.

Очень вероятно, что многие идут против правительства не по силе идеологической вражды к нему, а только [по] по совету Нитчше: «Падающего — толкни». А для газетчиков, для Робинзонов, [вра‹жда›] [борьба с правительством] оппозиция правительству — ремесло. И нет никого, кто бы сказал достаточно внушительно:

— Да,— что вы озорничаете? [2]

Клим Самгин [до‹вольно›] весьма часто вспоминал смелый окрик горбатенькой девочки и однажды спросил себя:

— А что за человек [молодой] царь?

[Ему не удалось видеть царя во дни коронации, хотя [он и реш‹ил›] еще тогда он] Он еще во дни коронации желал посмотреть на молодого человека, который так смело

[1] *Текст л. 194 печатается по черновому автографу.*

[2] *Текст*: И нет никого ∾ озорничаете? — *первоначально следовал после слов*: роста анархических настроений (*см. выше*)

погасил надежды [лю⟨дей⟩] конституционалистов. На портретах этот человек нравился ему. [Мн⟨ение⟩] [Слова] Диомидов [своими сужде⟨ниями⟩] своим отношением к Николаю II [сильно?] усилил это желание, [но разыгралась мрачная трагедия Ходынки, желание исчезло] но Климу не удалось видеть въезд царя в Москву, а [после м⟨рачной⟩] после мрачной трагедии на Ходынке любопытство Самгина исчезло. Теперь, [зная] узнав, что царь поедет на Всероссийскую выставку, Клим решил отложить экзамены [до осени] на осень и отправиться домой.

Дома [его охватила скука] Самгина встретила [лень и] скука, еще не испытанная им [в тако⟨й⟩] с такою силой; она оплескивала его тепленькими волнами, возникая [вн⟨езапно⟩] внезапно и отовсюду [из [трещин в] отвалившейся со стен дома штук⟨атурки⟩] в тихом городе над [м⟨утной?⟩] ленивой [и], мутной рекою. [Старенькие, [многократно] не однажды крашеные масляной краской красные дома, старые сады, избитая мостовая, уродливые фигуры обывателей, неожиданные [и не⟨сколько?⟩] в городе, от которого] [Он оценивал эту скуку] Он почувствовал, что отвык от [этого города и от дома, от матери] города, дома и от матери, на лице которой застыло выражение обиды и явно неискренной покорности судьбе.

— Я очень постарела? — спросила она в первый же вечер.

— Не замечаю,— ответил сын, глядя сверх очков, чтоб не видеть одряхлевшей кожи на ее шее, морщин под глазами и увядших губ. Она долго и нудно жаловалась на печальную долю женщины, обреченной расходовать молодость свою на мужа и детей, на мелочные заботы о хозяйстве.

— А когда молодость [исчезла] изжита, хотя сила еще осталась, тебя уже не хотят признавать женщиной,— проговорилась она, и это до того сконфузило ее, что желтоватые, сильно напудренные щеки стали вдруг лиловыми.

Смутился и [он] Клим, не [зна⟨я⟩] находя, как ответить на жалобные и злые слова женщины, туго затянутой в корсет, смутился и мысленно, с чувством, близким брезгливости, сказал ей:

— Не следует напоминать взрослому сыну, что ты не только его мать, но и женщина.

Афоризмы такого тона, все чаще [удавались] удаваясь Самгину, очень нравились ему, [Подумав так] у него даже явилось желание записывать их. Через несколько дней он

привык скучать и уже оценивал [свою] скуку, как признак своей зрелости.

— Я слишком много видел и слышал. И — вовсе не плохо быть несколько старше своего возраста.

Он видел, что Варавка, и раньше обладавший солидным аппетитом, начал есть с болезненной жадностью обжоры, сладострастно чмокая, масляно улыбаясь и не уставая хвалить повара, которого он сманил из клуба. Он ожирел, но оставался все таким же неутомимо подвижным [и], в речах его прибавилось [насмешки] иронии, в глазах — насмешливого блеска.

— Вы довольны газетой? — спросил [его] Клим.

— [Подписка] [Тираж лучше] Газета — хуже ее тиража. Редактор оказался холостым; я [говорю не в смысле незаряженного ружья, а в точном смысле [понятия] — не женат. Его необходимо женить на вдове с характером, вот что.] не хочу сказать, что он незаряженное ружье, я говорю в прямом смысле — не женат. Он все умоляет, чтоб [ему] дали конституцию, очевидно, [думая] полагая, что его статьи [читает царь, изучают министры и Государственный совет] читаются царем, изучаются министрами и Государственным советом. А писать ему надобно о необходимости развития гончарного промысла в нашей губернии, [как и?] [вот горшки из] о судостроении, о хищнической ловле рыбы и прочем в этом же духе. Редактор должен быть Марфой, а не Марией, которая влюблена в мосье Еро де Сешелль, и спит не с молодой женой, а со старой книжкой Лохвицкого «Обзор современных конституций». Фельетонист — забавная бестия. Вероятно, его скоро будут бить. Репортерствует Ванька Дронов. Ты знаешь, он у меня, на дачах, около трехсот рублей в карты проиграл. [Потом — плакал, просил прощения.]

Подумав, поиграв бородою, Варавка звучно щелкнул пальцами.

— Знаешь, кто мог бы издавать интереснейшую и действительно полезную газету? — спросил он и ответил: — Департамент полиции. Да, да! Это была бы газета чисто информационная, как теперь говорят. Никаких политических и других статей, а лишь отчеты об арестах лиц, причастных политике, и толковое изложение намерений этих лиц. Больше — ничего. И — можешь верить — это произвело бы очень охлаждающее действие на многие неестественно воспаленные умы. Ты — что, марксист, народник? Нет еще? Поздравляю. Не торопись.

Вздохнув, он повторил:

— Не торопись, брат. Ты — был в редакции? Побывай. Потом расскажешь [Клим Самгин] мне... как там они [и].

Спивак стала менее заметна. Взяв на себя [хо‹зяйство›] управление музыкальной школой, она [с утра до трех часов дня [исчезала] исчезала из флигеля, уходила и вечером заниматься с [хором] любителями пения, [орга‹низовывала›] поставив себе целью организовать из них хор. В три часа она [возвращалась] приходила обедать под руку с мужем. Музыкант, шагая [осторожно] как ребенок, только что постигающий науку ходить, [по‹кашливал›] сух‹о› покашливал [и глух‹о›] и сопел, дыша через нос уличной пылью] уходила из дома в девять часов утра [и возвращалась около трех; под руку с муж‹ем›], а часа через два [по двору] из флигеля к воротам шел ее муж, шагая как ребенок, только что постигший искусство ходить по земле. [В костюме из мохнатенького шевиота, с респиратором на лице] [Респира‹тор›] [Он] Спивак носил респиратор [с наушниками, [одевался в [темный] темное] это придавало его лицу форму собачьей морды, увеличивало уши], выдвигая его подбородок вперед, увеличивая уши, респиратор придавал его лицу форму собачьей морды, а темный костюм из мохнатенького шевиота окончательно подчеркивал [его] сходство с пуделем. Встречаясь с Климом, он приподнимал респиратор и говорил всегда что-то неожиданное [и сме‹шное›]: — [Дышите носом.] Пыль в этом городе пахнет птичьим калом. Язык музыки несравнимо богаче языка слов. [Ноты одного аккорда из «Реквиема» Моцарта ил‹и›] Если вы захотите рассказать содержание одного аккорда из Бетховена, это потребует [у] от вас нескольких десятков слов. [Видели вы моего сына? Он думает, что музыка спрятана у меня под ногтями. [Да, да!]]

[Вечер‹ом›] [Возвращалась] [Возвратясь] Возвращаясь из школы, Елизавета Спивак гуляла в саду с большеголовым, сероглазым ребенком на руках или [везла] возила его в колясочке [на бульвар], улыбаясь сияющей улыбкой.— Хорош? — спрашивала она.— Очень серьезный человек. Не капризничает, углублен в себя, осваивает мир молча. Только вот мух боится или, скорее, не терпит. У него [удиви‹тельно›] невероятно чувствительная кожа.

л. [195] 186 Музыкант [уже без респиратора на лице] смотрел [в коляс‹ку›] на ребенка опухшими глазами, через очки, боязливо и говорил при нем пониженным голосом. Он совершенно серьезно заявил:

— Скоро начну учить его дышать через нос.

Когда Клим сказал, что [через день] едет на выставку, Спивак спросила:

— Будете писать для газеты? — И тотчас же сказала, [как будто [предупреждающим тоном] не давая] как бы предупреждая: — Корреспондентом на выставку поехал Иноков, вы знаете?

Нет, Клим не знал, Варавка не сказал ему об этом.

— Но ведь он недоучка, Иноков.

— Это очень неверно,— сказала Спивак, наклонясь над ребенком, а Самгин, взглянув на ее пополневший бюст, неприязненно подумал: «От нее пахнет молоком». [1]

---

[1] *Текст*: Музыкант ∾ молоком».— *на л.* [195] *186 БА имеет более ранний вариант на л. 195 ЧА*$_2$ *(ХПГ-21-1-47)*:

А муж ее, уже без респиратора на лице, [оза⟨боченно?⟩] говорил покашливая:

— Скоро начну учить его дышать через нос.

Спивак [спрашивала] спросила [наклонясь над коляской]:

— Что ж, будете вы писать для газеты?

— Вероятно. [О выставке,— ответил Самгин, думая:] О выставке напишу,— ответил Самгин. «Почему ей хочется, чтоб я писал?» [— соображал он.] [Он видел] [Спивак пополнела, бюст [ее] стал выпуклей [чем ⟨?⟩] [Она очень поздоровела] [«От нее пахнет молоком»,— подумал Клим, как бы обороняясь от чего-то, глядя на ее пополневший бюст.]

— На [выставке нашим корреспондентом будет] выставку корреспондентом поехал Иноков,— вы знаете? [Он уже там.]

Нет, Клим не знал [этого и почувствовал в этом [что-то] нечто обидное.

«Почему — нашим? И почему Иноков — недоучка?»

В те несколько дней, которые он прожил дома, Клим не пошел в редакцию газеты, хотя Варавка еще раз предложил ему это.] этого, и было обидно, что Варавка не сказал ему об этом.

— Иноков? [Но] Справится ли [с этим] он, недоучка?

Наклонясь над коляской [и оправляя заснувшего] ⟨с⟩ заснувшим ребенком, Спивак сказала:

— Вы плохо знаете его.

— Может быть,— полусогласился Клим и подумал, глядя на ее пополневший бюст: «От нее пахнет молоком».

«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Над второй частью «Жизни Клима Самгина» автор начал работу в конце июня 1926 г. В эту часть он решил включить некоторые сцены, входившие в ранние редакции первой части произведения (см. «Варианты», т. VI, с. 534—535). Кроме того, уже приступив к работе над второй частью, автор изъял из белового автографа первой части десять листов с пагинацией 185—194 и, подвергнув их правке, использовал почти полностью (лл. 186—189, 190—193) в черновом автографе, начинающем вторую часть «Жизни Клима Самгина».

В Архиве А. М. Горького хранится огромное количество рукописного материала, относящегося ко второй части «Жизни Клима Самгина». Весь рукописный фонд систематизируется следующим образом:

I. Черновой автограф без заглавия.

Условное обозначение — *ЧА*.

Представлен тремя массивами рукописей:

1) Рукопись с авторской пагинацией: лл. 1—112. Шифры: ХПГ-23-1-1 [1], № 59840, 59844, ХПГ-22-1-1, № 59820-а; ХПГ-22-1-2, № 59821. ХПГ-23-1-1, № 59874, 59826, 59876; ХПГ-22-1-6, № 59827; ХПГ-23-1-2, № 59833; ХПГ-16-1-2, № 20302, ХПГ-23-1-3, № 59885, 59887; ХПГ-22-1-[illegible], № 59828; ХПГ-23-1-3, № 59892; ХПГ-22-1-4, № 59822; ХПГ-23-1-3, № 59897.

Печатается под заголовком: Черновой автограф I (условное обозначение — *I ЧА*).

В первые тридцать листов вошли десять листов из *БА* первой части произведения. Лл. 71—74 первоначально включались в *БА* (с нумерацией 97—100), но затем все же были переписаны набело (с той же нумерацией — 97—100), кроме л. 72 (так и оставшегося в *БА* с нумерацией 98). Л. 85 отсутствует, однако перерыва в повествовании нет.

---

[1] Не только один и тот же шифр, но и одна и та же единица хранения (инвентарный номер) неоднократно заключают в себе разнородные материалы, т. е. материалы, относящиеся к различным местам текста и даже редакциям. Поэтому далее возможны ссылки на один и тот же шифр и номер в неидентичных случаях.

К *I ЧА* примыкают листы без сквозной пагинации, шифр ХПГ-23-1-3, № 59897, 59898, 59901, 59919, 59899.

Печатается под заголовком: Продолжение *I ЧА*.

2) Рукопись с авторской пагинацией: лл. 134—161. Шифр ХПГ-23-1-3, № 59903, 59910, 59904, 59911, 59912, 59914; л. 144 не сохранился, в тексте разрыв; отсутствуют также лл. 137, 148 и 149, однако в тексте разрыва нет. Возможно, рукопись продолжалась, примерно, до л. 223: сохранился лист с авторской пагинацией 198, в котором связный текст переходит в черновые наброски сцены с избитым Иноковым (№ 59917).

Печатается под заголовком: Черновой автограф II (условное обозначение — *II ЧА*).

3) Рукопись с авторской пагинацией: лл. 2—54 (стр. 1—2). Шифры: ХПГ-22-1-5, № 59823 и 59824 и ХПГ-22-1-1, № 59820-б. Л. 2 переделан из л. 162, входившего в рукопись II *ЧА* и непосредственно примыкает к л. 161 той же рукописи.

Печатается под заголовком: Черновой автограф III (условное обозначение— *III ЧА*).

II Черновые варианты, сцены и фрагменты текста на отдельных листах. Ранние варианты к I *ЧА*: ХПГ-23-1-1: к лл. 1—2 — № 59841, к л. 6 — № 59842, к л. 9 — № 59844, к л. [10] 12 — № 59845, к л. [12] 13 — № 59846, к л. 15 — № 59847, к л. 16 — № 59849, 59848; ХПГ-22-1-1, № 59820; ХПГ-23-1-1: к л. 17 — № 59858, к л. 33—34 — № 59821, к л. 35 — № 59860, к л. 37 — № 59862, к л. 41 — ХПГ-22-1-6, № 59825; ХПГ-23-1-1: к л. 44 — № 59867, к л. 44 — № 59875; ХПГ-22-1-2, № 59821; к л. 49 — ХПГ-23-1-1, № 59882; к л. 50 — ХПГ-22-1-6, № 59827; к л. 57 — ХПГ-22-1-6, № 59827; к л. 58 — ХПГ-26-28-1, № 69602; к л. 70 — ХПГ-22-1-6, № 59827; к л. 71 — ХПГ-23-1-2, № 59835, 59836 и 59837; к л. [73] 99 — ХПГ-23-1-2, № 59838; к л. [74] 100— ХПГ-23-1-2, № 59885 и 59886; л. 78, изъятый из *I ЧА* — ХПГ-23-1-3, № 59893; л. 88 (с. 2), заклеенный новым текстом,— ХПГ-22-1-6, № 59828; наброски к лл. 78, 81, 82, 83 — ХПГ-23-1-3, №№ 59891, 59896, 59894. Ранние варианты к *II ЧА*: наброски к лл. 145—146, 152 — ХПГ-23-1-3, № 59913; л. 198 — ХПГ-23-1-3, № 59917, продолженный на л. 180 — ХПГ-22-1-7, № 59830 — первоначальный набросок сцены с избитым Иноковым в двух вариантах. Черновые варианты к *III ЧА* — лл. 7—9 (ХПГ-23-1-3, № 59915) были изъяты из рукописи и заменены л. 8 (ХПГ-22-1-5, № 59823).

Печатаются под заголовком: Варианты черновых автографов (условное обозначение — *ВЧА*).

III. Беловой автограф — ХПГ-16-1-2. Авторская пагинация: лл. 2—223.

Условное обозначение — *БА*.

IV. Отдельные листы, либо исключенные из БА, либо предназначавшиеся для него, но не вошедшие в окончательную редакцию. Шифры: ХПГ-23-1-1: к л. 11 — № 59843, к. 19 — № 59851, 59853, к л. 20 — № 59852, к л. 20 — № 59850, 59854, 59863, к л. 24 — № 59856, к л. 39 — № 59861, к л. 45 — № 59863, к л. 51 — № 59865, к л. 53 — № 59866, к л. 53 — № 59867; № 59869 (к л. 58), № 59870 (к л. 58), № 59868 (к л. 58), № 59871 (к л. 58), № 59872 (к лл. 58—59), № 59877 (к лл. 75—78), № 59878 (к лл. 79—80), № 59879 (к лл. 78 — 81), № 59881 (к лл. 80—81), № 59883 (к л. 93); ХПГ-23-1-2, № 60753 (к лл. 95—96 и 100); ХПГ-23-1-2, № 59887 (к л. [74] 100); ХПГ-23-1-3, № 59894 (к лл. 112—113), № 59910 (к лл. 115, 120, 127), ХПГ-23-1-1, № 59851 и ХПГ-23-1-3, № 59895 (к лл. 119—120), № 59903 (к л. 123), № 59897 (к л. 124), № 59899 (к л. 126), № 59899 и 59898 (к л. 127), № 59900 (к лл. 127—128), № 59906 (к л. 137), № 59913 (к лл. 142 и 145), № 59902 (к л. 93), ХПГ-22-1-7, № 59829 (к л. 171), № 59830 (к л. 180), № 59831 (к л. 187), № 59832 (к л. 192).

Кроме того, от л. 133 *БА* ответвляется черновая рукопись с пагинацией 134—139. Шифры: ХПГ-23-1-3, № 59905, 59908, 59904, 59909, 59907.

Печатаются под заголовком: Варианты беловых автографов (условное обозначение *ВБА*). Некоторые из черновых вариантов БА включены в свод вариантов *БА*.

V. Правленные автором и неустановленным лицом гранки для К — ХПГ-19-1-1 и ХПГ-16-1-3.

Условное обозначение — Пр Гран.

С первых же страниц *ЧА* несет на себе следы большой авторской работы. Нижний слой начала *I ЧА* существенно отличается от верхнего и по составу эпизодов, и по характеристикам персонажей. Он дает основание говорить о двух стадиях работы автора над текстом. Общая тенденция исправлений первоначального текста выявляется в таких сценах, как диалог Самгина и Кутузова и размышления Самгина об отношении к революции, беседа Самгина с матерью и Спивак о Нижегородской выставке. Эта последняя сцена, открывающая *ЧА*, сохранилась в двух ранних вариантах. Первый вариант — «Был вечер ∾ Двухэтажный дом, в котором» (ХПГ-23-1-1, № 59841) — записан на одинарном листе. Другой — «Приехал[и] Варавка и мать. ∾ Двухэтажный дом, в котором [раньше помещался Сиротский суд] (ХПГ-23-1-1, 59840) — превосходит по объему предшествующий почти на целый двойной лист; по составу эпизодов, по композиции очень близок каноническому тексту.

Коренной переработке подвергся первоначальный текст сцен, имеющих по своей идеологической нагрузке основное значение для первой половины *ЧА*. Речь идет о л. 9—30. Правка на л. [9] позволяет догадываться о мотивах, побуждавших Горького переписывать текст. На полях рядом с портретной характеристикой Кутузова автор делает вставку о некоем «задорном» желании Самгина увидеться с Кутузовым. Клим «уверен, что знакомство с ист⟨ориком⟩ Козловым и несколько книг, недавно прочитанных им, достаточно хорошо вооружили его против кутузовщины» (ХПГ-22-1-1, (№ 59820-а). Переделка текста начинается с вопроса Спивак: «Когда же у нас будет революция, Степан?» (см. л. 9. ХПГ-23-1-1, № 59844). Горький стремится заострить столкновение Самгина и Кутузова, и в новом варианте все вопросы о революции и революционерах, о прекращении арестов и т. д. передает Самгину, а все ответы на них — Кутузову. Елизавете Спивак оставлена единственная фраза: «А ведь возможны люди, которые торопятся разыграть драму, чтоб поскорей насладиться идиллией». Формула Кутузова — «История требует работников, а не героев» (л. 10—12 — ХПГ-23-1-1, № 59845) — развертывается в тезис: «И с героями [с героизмом] на час тоже надо проститься, потому что потребен героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции» (л. 13, стр. 1, ХПГ-22-1-1, № 59820-а).

Интересную трансформацию претерпевают страницы, посвященные размышлениям Самгина над вопросом о «провокаторах революции». Первоначально Самгин выступал как человек пылких, хотя и скоротечных страстей, могущий испытать «мятежное волнение» в поисках самого себя. «Это был глубоко волнующий час. [Самгин чувствовал себя способным выйти на площадь и говорить людям громко, смело о [их] людях] [Была минута, когда Клим [даже] подумал, что мог бы пойти на площадь города и там сказать людям нечто, обличающее [их] бессмысленную суетность [и] одних и тревогу других.»] И далее: «Он требовал [каких-то дей⟨ствий⟩] [решений] героических действий, требовал испытания той силы, которая, внезапно вспыхнув, все разгоралась» (ХПГ-23-1-1, № 59846). Волнение Самгина увенчивалось прозрением. Он находил свой «стержень»: «Да, он открыл линию [своего] поведения для себя, у него, кажется, крепко и навсегда сложилось [нечто] определенное [чего раньше не было] отношение к революции: если она неизбежна [и], следует ее ускорить...» Возле этих слов на полях записана фраза: «Разве справедливо называть провок⟨аторами⟩ людей, которые, видя, что р⟨еволюция⟩ неизб⟨ежна⟩, желают ускорить ее развитие» (там же). Но уже на втором этапе работы над стр. 4 л. 13 и стр. 1—2 л. 14 автор «отказал» Самгину в героическом, хотя бы и

минутном, пафосе, а также в самой возможности выработать «оригинальный стержень». Мысль о необходимости ускорить революцию вызывает теперь у Клима смущение, рождая вопрос: «По каким мотивам?» Горький оттеняет подспудно растущую в Самгине тревогу, ощущение недовольства собою, настроение досады на себя — «и еще на кого-то, кто [играя им] передвигает его, как шашку, с квадрата на квадрат» (ХПГ-22-1-1, № 59820-а).

Для характеристики начала *ЧА* особый интерес представляют попытки автора включить в текст сцены московских кружков, изъятые из финала первой части произведения. Поначалу Горький искал такую возможность при работе над л. 16 (нижний слой), содержащим окончание сцены изгнания Иноковым Корвина из дома Спивак и описание решения Самгина уехать в Москву. Предполагалось, что л. 16 сомкнется с одинарным л. 185, на второй странице которого была записана сцена знакомства Самгина с Прейсом в Московском университете (на стр. 1 была зачеркнута сцена расставания Самгина и Лидии перед отъездом из родного города). Пометив на стр. 2 л. 185 цифрой 17, Горький перенумеровал последующие лл. 186—188 соответственно: 18—20.

Однако при дальнейшей правке л. 16 Горький «задерживает» Самгина в родном городе; верхний слой этого листа он соединяет с новыми сценами: собрание у Спивак, на котором присутствуют Радеев, Робинзон, Иноков, избиение Инокова хулиганами, обыск у Самгина и Спивак, допрос в жандармском управлении, занявшими двойной лист с пометой «Вставка 16» и лл. 17—24. Провинциальная жизнь, таким образом, получала насыщенную общественно-политическую окраску, характеристика Самгина дополнялась весьма значительными чертами; рассказ же о московском периоде его жизни следовал ниже вместе со сценами из финала первой части в черновых листах, имеющих шифр ХПГ-22-1-2, № 59821 и пагинацию: 25—44. В новом варианте, определив место лл. 185—188, Горький приобщил к ним листы той же группы из финала первой части произведения: 189, 191—193. Текст их подвергся дополнительной правке, а л. 185 был целиком перебелен. Лл. 186—189 получили пагинацию 28—32, лл. 191—192: 25—26.

По-видимому, на этом этапе работы Горький вернулся к провинциальным сценам, сочтя характеристику Самгина недостаточно полной, а его противопоставление Инокову незавершенным. Так появился новый эпизод, названный в черновиках «казармой» и занявший пять страниц текста.

Последующий текст *ЧА* (ХПГ-22-1-6, № 59821 и ХПГ-22-1-6, № 59827) имеет сквозную авторскую пагинацию. Единственный случай зияния в тексте приходится на л. 45, представленный в ар-

хиве в двух вариантах: ХПГ-23-1-1, № 59875 без пагинации и более поздний — ХПГ-23-1-1, № 59876 с пагинацией 45 и пометой сверху синим карандашом: «Дунаев». Оба варианта записаны на одинарных листах, их не сохранившиеся вторые половины и являются причиной пропуска в тексте,— по-видимому, они содержали описание костюмированного вечера у Лютова, ибо л. 46 показывает вечер уже в полном разгаре. Возможно, пропуск образовался при перебеливании.

С первых листов до л. 50 сохранилось множество вариантов отдельных сцен.

Заново написав сцены с Кутузовым и монолог Самгина, Горький решил воспользоваться рассуждениями Спивак о бегстве писателей от жизни, как формой косвенной оценки найденного Самгиным собственного оригинального «стержня». В первоначальном контексте лекция Спивак предшествовала переживаниям Самгина, связанным с опубликованием его статьи. Найдя для эпизода с лекцией Спивак новое место, Горький однако не выбросил из *ЧА* все страницы, к нему относящиеся: он оставил лист с окончанием лекции Спивак и пометил его: 5—4, дополнительно, для уточнения отсутствующего текста, написав сверху «Спивак». В *ЧА* автор не раз повторяет подобную форму «закрепки» текста, опущенного в процессе переработки.

Именно на стадии работы над *ЧА* во многом определились композиция и почти все сюжетные узлы начала второй части «Жизни Клима Самгина». В *I ЧА* отдельные персонажи носили другие фамилии. Никонова здесь выступала как Нилова. Фамилия «Никонова» появляется лишь в *II ЧА*. Не сразу был «окрещен» Кумов. Первоначальные варианты его фамилии — Белоусов, Белобородов, Белов, и только на последней стадии работы над соответствующими страницами *I ЧА* появился Кумов. На первом этапе работы Варвара носила имя Фиона. Впервые имя Варвара появляется в *I ЧА* в виде исправления над строкой имени Фиона в конце стр. 4 л. 60, хотя тут же, ниже, через две строки, имя Фиона осталось неисправленным. И далее сохраняется имя Фиона на стр. 1—8 л. 61 (этот лист состоит из двух двойных листов) и на стр. 1 л. 62. И только на полях стр. 2 л. 62 и на стр. 3 того же листа (как исправление над строкой) вновь появляется имя Варвара. Впрочем, на стр. 3 л. 62 имя Фиона в отдельных абзацах автором не исправлено. Лишь со стр. 1 л. 63 в тексте *ЧА* автор систематически называет героиню Варварой.

Это позволяет предполагать, что начиная со стр. 1 л. 63 автор продолжил работу над *ЧА*, после того как прочел машинопись первого тома, где имя Варвара было уже унифицировано (в *БА* первого тома тоже наблюдается разнобой), или во всяком случае

после того, как окончательно остановился на этом имени. Не исключено также, что до л. 63 Горький переписал набело предшествующий текст, т. е. создал беловую редакцию, а с л. 63 продолжал беловой автограф, постепенно превратившийся в черновой (с окончательным текстом он не совпадает по количеству сцен, картин, эпизодов, но соответствует ему в общем построении сюжета, который в *БА* и *ЧА* развивается в одном русле: аборт и болезнь Варвары, гулянье в Петровском парке, окончание университета, свадебное путешествие, смерть Спивака, похороны, посещение редакции «Нашего края», встреча с Дунаевым, Дроновым, Робинзоном и т. д.). Несколько раньше, до л. 63, даже до второй половины л. 62, такого совпадения текста *ЧА* и *БА* не наблюдается.

Рукопись *I ЧА* завершается сценой посещения Самгиных Кутузовым. На этом этапе автор прервал последовательность работы, оставив недописанной последнюю страницу л. 112, и перешел к сценам Московского восстания. 28 ноября 1926 г. он уведомлял П. П. Крючкова: «Пишу конец второго тома — Московское восстание 905 г.— и ни о чем ином не могу ни думать, ни писать» (т. XXII наст. изд., стр. 676). Впоследствии эта часть текста была перенесена в третью книгу «Жизни Клима Самгина».

Написав вчерне сцены Московского восстания, автор вернулся к началу второй части произведения и стал создавать *БА*, перерабатывая соответствующие сцены *I ЧА*. Работа протекала, судя по рукописям, следующим образом. Дойдя до л. 123 *БА*, т. е. написав в беловом варианте более половины тома (всего в *БА* 223 листа), переработав при этом примерно три четверти *I ЧА*, Горький решил создать принципиально важную для произведения картину шествия в Кремль рабочих под руководством охранника Зубатова, очевидцем которой должен был стать Клим Самгин. В *I ЧА* этой сцены не существовало. Поэтому писатель отвлекается от *БА* и набрасывает на отдельных листах черновой вариант картины зубатовской манифестации и связанных с нею эпизодов: обсуждение события с Митрофановым, рассказы Татьяны Гогиной и Самгина, последующее объяснение Клима с Варварой.

Так возникла сравнительно небольшая дополнительная группа черновиков, в основном без авторской пагинации. Сохранилась она не полностью: отсутствуют начало, конец и несколько страниц из середины. Текст — сугубо черновой, состоит из записей, сделанных на оборотах исписанных листов и на листах, частично исписанных в процессе работы над другими сценами и эпизодами. Это — *Продолжение I ЧА*.

Вчерне набросав картину «шествия в Кремль» и сопровождающих ее событий, Горький, по-видимому, снова вернулся к работе

над *БА*. Но вскоре продолжаемая часть рукописи из беловой превращается в черновую. Пришлось отложить *БА* в сторону и создавать черновой вариант продолжения рукописи. Так возникает новый отрезок черновой рукописи, так называемый *II ЧА* с авторской пагинацией 134—161, 180, 198. Начала *II ЧА* (лл.— 123—133) не сохранилось. Л. 134 начинается с обрывка фразы.

Можно предположить, что *II ЧА* первоначально не имел разрыва в пагинации и был доведен, примерно, до л. 223. Основанием для такого предположения служит тот факт, что лл. 200—208, 220 и 223 были, вероятно, использованы в *БА* (см. об этом ниже).

II ЧА не непосредственно продолжает *I ЧА*, а расположен как бы рядом с ним, но сдвинут по сравнению с ним вверх, поскольку он возникает не на уровне начала *I ЧА* (мы помним, что примерно три четверти *I ЧА*, еще до возникновения *II ЧА*, было переписано набело в *БА*), а на уровне его последней четверти. Возникнув как *БА*, он на новом этапе повторяет эту последнюю четверть *I ЧА*, т. е. разрабатывает эпизоды, большинство которых на более раннем витке уже существовало в *I ЧА*. Таковы сцены размолвки Самгина с Варварой после зубатовской манифестации, собрания у патрона и посещения Кутузовым Самгиных, встречи с Никоновой на почтовой станции, эпизод с мужиком, не пожелавшим пропустить бричку Самгина, и некоторые другие. Но затем *II ЧА* выходит за границы *I ЧА*, перерастает в новый текст. Такой характер работы впоследствии приводит к появлению *III ЧА*. Суть последнего — в новой переработке той части *II ЧА*, работа над которой протекала лишь единожды, во *II ЧА* (не считая, естественно, разрозненных черновиков ко многим эпизодам).

Но прежде чем возникла необходимость создания *III ЧА*, Горький, закончив работу над *II ЧА*, снова вернулся к *БА*, ранее уже доведенному до л. 133, и продолжил работу над ним, дойдя примерно до лл. 160—165 (объяснение Гогина с Самгиным по поводу провокаторства Никоновой). После этого он снова отвлекся от *БА* и начал создавать *III ЧА*, охватывающий последнюю четверть тома.

III ЧА имеет пагинацию 2—54 (54.1 и 54.2), а далее с л. 56 следует описание Московского восстания, т. е. текст, впоследствии перенесенный автором в третью часть произведения.

Работая над *III ЧА*, Горький прибегает к самостоятельной пагинации, но сохраняет ее соответствие с *II ЧА*. Начальный лист *III ЧА*, обозначенный цифрой «2», прямо продолжает л. 161 из рукописи *II ЧА*. Видимо, с л. 162, который не сохранился, Горький и начал переписывать последнюю четверть второй части заново, но обозначив л. 162 как л. 2.

Работая над *III ЧА*, автор использовал некоторые листы *II ЧА* для новых записей: так, л. 198, содержащий два первоначальных наброска сцены с избитым Иноковым на квартире Самгина, стал примыкать на новом этапе работы непосредственно к л. 180.

В *III ЧА* отсутствует л. 55, завершавший описание похорон Баумана. Он прямо связывал эту сцену с описанием Московского восстания.

Работа над *III ЧА* шла следующим образом: закончив вчерне текст, предшествующий описанию Московского вооруженного восстания,— описанию, которое, по-видимому, уже было готово, Горький начал править и перерабатывать этот текст.

Сцены же и эпизоды Московского вооруженного восстания он решил сделать началом и важнейшим составным компонентом третьей части. Четкой границы между второй и третьей частями произведения на данном этапе еще не было.

Существенной правке подверг Горький в *III ЧА* сцены, изображающие гапоновское собрание, 9 января, похороны Баумана. Расширил писатель рассказ Туробоева о выстреле из Петропавловской крепости «по царю» во время водосвятия. В *III ЧА*, в отличие от *БА*, звучала мысль, что выстрел 6 января мог быть провокационным, подготовившим расправу царя с народом в день «кровавого воскресенья». На л. 54 (1 и 2) той же рукописи расширено описание похорон Баумана.

Иногда изменения носят более частный характер и касаются не существенно важных с точки зрения всего произведения эпизодов, а отдельных персонажей. Так, на л. 14 наклеен листок с записью о «большом толстом поэте» (А. Рославлеве), который приобрел известность стихотворением об Иуде.

В *III ЧА* более ясны намеки на исторических деятелей или на лиц, послуживших прототипами героев. Когда Туробоев и Самгин приходят на собрание гапоновского общества, чтобы их пропустили, они называют себя знакомыми «товарища Петрова». Надо полагать, имеется в виду реальное лицо, рабочий-гапоновец Н. П. Петров. Намек на него Горький впоследствии снял, как снял и самгинское сравнение Кутузова с Ли Хунг-чангом.

В *III ЧА* гораздо чаще выступал «рыжеусый человек, похожий на переодетого солдата», в образе которого угадывается сам Горький. Морозов, наблюдая Гапона, мечущегося по квартире после расстрела 9 января, говорит «рыжеусому»: «Твой человек с большой буквы». В *III ЧА* более подробно рассказывалось об участии Горького в событиях 9 января: на Дворянской улице он встретил группу рабочих (их вели его знакомые большевики-нижегородцы

Ольга Иваницкая и Антон Войткевич). В *III ЧА* Войткевич прямо назван по фамилии,— впоследствии Горький оставил лишь его имя. После расстрела на Дворцовой площади Туробоев послал Самгина на квартиру «к одному литератору» (Горькому), прося рассказать там обо всем увиденном и передать его записи. В *III ЧА* упоминается, что до прихода «рыжеусого скуластого писателя» Самгин подробно рассказал на квартире Горького о расстреле демонстрации, и прямо говорится об отношении Самгина к Горькому, которого он ощущает своим антиподом: «Самгин давно и крепко не любил этого человека, а сейчас ждал от него какого-то веского успокаивающего слова».

Таким образом, рукопись *ЧА* дробится на три отрезка, относительно самостоятельные, каждый со своей пагинацией.

Как уже отмечалось, *II ЧА* в своей начальной части соответствует второму этапу работы автора над определенным текстом, а в заключительной — первому, т. е., грубо говоря, начинается как вторая редакция текста, затем переходящая в первую по мере включения новых эпизодов. В *III ЧА* также спачала подвергается вторичной переработке текст, впервые появившийся во *II ЧА*, и затем, по крайней мере с эпизодов Московского восстания, переходит в первую редакцию. Такая же закономерность отличает и *I ЧА*, который в своей начальной части разрабатывает эпизоды, ранее уже имевшиеся в составе первого тома, и постепенно переходит в новый текст.

ЧА совмещает в себе, таким образом, две редакции произведения — первую и вторую.

Многие из эпизодов, входящих в *ЧА*, имеют предварительные наброски и предшествующие черновые автографы на отдельных листах. Среди них есть и черновые страницы, представляющие собой «выбросы» из данной редакции, т. е. тексты, забракованные автором и замененные новыми. К этого типа черновикам примыкают страницы, заклеенные листами с новым текстом. Таков, например, первоначальный текст на стр. 2 л. 88, повествующий о студенческой демонстрации в Москве. Исключены лл. 7—9 *III ЧА*, рассказывающие о Никоновой, Инокове и окружении Спивак. Они заменены новым л. 8.

Среди черновых материалов есть «заготовки» к еще не написанному тексту. Л. 78, существующий в двух вариантах, забракованном и переработанном, имеет еще и предварительный черновик, свидетельствующий о большой работе автора над этим текстом, рисующим интеллигенцию, взбудораженную общественным подъемом на рубеже веков.

Сохранился большой черновой автограф к отдельным местам

текста лл. 145—152 *II ЧА*. Частью это отрывочные, частью более или менее развернутые наброски. Их основное содержание: взаимоотношения Клима с Никоновой, его раздумья о «прямолинейных мальчиках» с «безоговорочной решительностью суждений», о «бонапартистах и ленинских молодцах» типа Властова и Усова; размышления Клима о текущих политических событиях и роли в них Ленина. В дальнейшем все эти наброски были рассредоточены и значительно переработаны, а некоторые из рассуждений Клима уже в черновой рукописи переданы другим персонажам. Например, слова Клима о том, что «рус⟨скому⟩ нар⟨оду⟩ необходим вождь, Сун Ят-сен, не Бебель, а именно Сун Ят-сен»,— произносит Лютов.

Есть черновики, представляющие собой самую первоначальную отрывочную запись, набросок, штрих, развернутые впоследствии в картину. Такова первоначальная зарисовка кафешантана Шарля Омона в Москве: «Полукруглая яма [жирно] украшенная золотом. Зеркала. Золото выступает всюду, как жир на [мясной] туше быка, которую [мясники] [ста⟨вят⟩] торговцы мясом ставят у дверей своих лавок. Голые спины и плечи женщин, лысины мужч⟨ин⟩».

Первоначальными заготовками эпизода с избитым Иноковым заполнен л. 198, продолженный на втором этапе работы на л. 180 *II ЧА*. В первом наброске фигурирует дворник Николай Павшин, человек, близкий к группе Спивак,— «не похожий на дворника и вообще на мужика». Во втором наброске эта фигура отодвинута на задний план. В черновых записях говорится, что Спивак командует «небольшой группой большевистской молодежи», подробнее раскрыты причины, побудившие Самгина уехать в Москву: группу Спивак травят эсеры и «союзники».

Поскольку *ЧА* во всех трех «отрезках» совмещает в себе первую и вторую редакции произведения, есть основание считать *БА* его третьей редакцией.

Приступив к обдумыванию последней, третьей, редакции или, что вероятнее, в процессе работы над ней, автор заново перечитывает в черновых рукописях интересующие его в данный момент эпизоды, делая на *ЧА* ряд пометок, уточнений и добавлений. Таким образом, *ЧА* несет на себе следы и нового этапа работы автора над текстом, содержит наброски, вставки явно позднего происхождения, по всей видимости, сделанные на новом уровне работы, когда замысел определился более отчетливо.

Некоторые из этих разных по своему характеру и внешнему виду помет сделаны чернилами на полях, другие — цветным карандашом поверх текста или в начале страницы. Среди помет первого рода можно выделить несколько групп:

а) Пометы, ориентирующие на новое направление работы над образом или сценой в *БА*.

Так, в *ЧА* встреча братьев Самгиных происходила в Москве, в доме Фионы, где живет также Любаша Сомова. В *БА* встреча перенесена в Финляндию, в дом Айно. На полях *ЧА* находим упоминание об Айно и ряд деталей, близких и созвучных *БА*, но совершенно чужеродных *ЧА*. Например, Долганов в *ЧА* приходит с визитом непосредственно к Любаше, в дом Фионы, и там развивает перед Климом и Дмитрием свои идеи. На полях *ЧА*, как и в *БА*, он является в дом Айно, в Финляндии, с запиской Климу от Сомовой.

В *ЧА* Нифонт Кумов проявлял себя несколько противоречиво. Утверждая, что человек — «единственная неоспоримая реальность мира», он в то же время проповедовал «необходимость очищения страстей и освобождения духа». Решив углубить и уточнить его образ, автор сделал на полях записи: «Дух! — таинственно и тихо говорил он, медленно поднимая тонкую бессильную руку.— И— душа! — рука его мягко опускалась.— Это надо различать»; «Дух греха не вмещает, а душа вмещает, потому что душа соблазняется разумом». В *БА* образ Кумова разрабатывается под знаком этих его утверждений.

Сцена встречи Самгина с Лидией в день объявления русско-японской войны, описанная на стр. 2 л. 156, видимо, не удовлетворила автора,— может быть, потому, что Лидия сразу же слишком много рассказывала о себе и о своем муже, делая излишним последующий эпизод прихода Клима к Муромским. Поэтому на полях появился набросок нового варианта встречи, разработанный затем в *БА*.

б) Лаконично, условно выраженное указание на необходимость добавления какого-либо эпизода или художественной детали, иногда — переноса в данный контекст образа из другого места. Так, на полях стр. 2 л. 98, где речь идет о срыве крестьянами замка с запасного магазина с зерном, есть помета: «Колокол». Она была «реализована» в *БА*, т. е. в третьей редакции, и отсюда перешла в основной текст: «Крестясь, мужики и бабы нанизывались на веревку, вытягиваясь в одну линию, пятясь назад, в улицу,— это напомнило Самгину поднятие колокола: так же, как тогда, люди благочестиво примолкли, веревка, привязанная к замку магазина, натянулась струною» (т. XXII, стр. 356—357).

На той же странице сделана и другая помета: «мужичок, как муха». В соответствии с ней в *БА*, а потом в основном тексте появляется: «Шумный красненький мужичок, сверкая голыми и тонкими ногами, летал около людей, точно муха» (т. XXII, стр. 356).

в) Вписывание деталей, конкретизирующих, делающих более выпуклым, наглядным тот или иной поступок персонажа, его речь, чувства, диалоги. В сцене встречи Клима с Туробоевым в кафешантане Омона (стр. 1 л. 84) рядом с фразой: «Последними словами он разбудил всю неприязнь Самгина, и Самгин, усмехаясь, проговорил ядовито» — на полях вписано: «Клим почувствовал, что в нем что-то лопнуло, взорвалось и сами собою ехидно выговорились слова». Эта «заготовка» с некоторым изменением вошла через *БА* в основной текст.

Среди помет, намечающих последующую переработку, имеются и такие: «Варвара, ее роман и т. д.», «Сомова», «Роман В⟨арвары⟩», «К роману Вар⟨вары⟩», «Стратонов», «Лютов», «Первый визит к патрону», «Кутузов». Они сделаны цветным (чаще всего красным или синим) карандашом, большей частью в начале страницы. Их назначение — выделить опорные пункты для последующей переработки и компоновки текста. Автор как бы концентрирует материал вокруг того или иного персонажа, того или иного события с целью достижения большей художественной выразительности. Эпизоды, расположенные на этих же листах, но не имеющие отношения к теме, обозначенной в помете, часто перечеркнуты при этом синим карандашом. Например, на листе с пометой «Роман Никоновой» зачеркнуто все, что идет до эпизода встречи Клима и Никоновой на почтовой станции.

Другой вид помет, тоже сделанных цветным карандашом, связан с намерением автора изменить последовательность эпизодов или передать реплику одного героя другому. На стр. 1 л. [136] 141 помечено: «После Кут⟨узова⟩». Это означает, что текст о Варваре, идущий тут же, автор решил поместить после посещения Кутузовым Самгиных. На стр. 1 л. 93 Прейс говорил: «Очень символично, что квалифицированные рабочие во время стачки не ломают, не портят машин, это всегда дело рук чернорабочих, людей, взятых фабрикой от сохи. Ведь государство — тоже машина». Поверх этой реплики красным карандашом Горький написал: «Гогин». Действительно, в несколько измененном виде эти слова были переданы Алексею Гогину уже во *II ЧА*. Над текстом стр. 3 л. 140 автор написал: «Рассказ Варвары», что означало его решение передать Варваре рассказ о художнике-декаденте и его картинах «Мир до человека» и «В руки твои предаю дух мой»; в *ЧА* рассказ шел от лица Кутузова.

Создавая *БА* — третью редакцию — автор перерабатывает многие эпизоды и сцены, вносит изменения в портретные характеристики персонажей, перестраивает произведение композиционно. Отдельные места *БА* имеют черновики на самостоятельных листах.

Отчасти это — «выбросы», отчасти — подготовительные работы, поскольку, создавая *БА*, автор вводил новые сцены и эпизоды в произведение. Большинство их имеет черновки, иногда очень близкие к окончательному тексту.

БА — новый этап работы над текстом: дорабатываются эпизоды, включаются новые сцены. Так, сцены маскарада у Лютова переносятся значительно дальше, уступив место новым эпизодам: посещениям Климом заседаний суда, его поездке в Финляндию в связи со смертью отца. Автор испытывал потребность в уточнениях психологической характеристики главного персонажа и поэтому вновь возвращался к провинциальным сценам. Почти целиком были переделаны эпизоды с Иноковым, весьма существенно при этом углубление контраста между Самгиным и Иноковым. Писатель отказался от сцены избиения Инокова. В *БА* Иноков выгоняет Корвина не из дома Спивак, а из ресторана, публично опозорив его. Иноков ведет себя вызывающе и при обыске у Самгина дерзит жандарму. Тем самым острее оттеняется разница между Иноковым с его решительностью — и осторожным Самгиным. Новые сцены с Иноковым подводят Самгина к мысли об органической враждебности ему этого человека: «Смелый [бродяга]. Анархист [но...] по натуре и, конечно, вредный человек». Горький изменяет также отношение Спивак к Инокову, отказавшись от сцены собрания у нее и сцены ухаживания Спивак за избитым юношей. Ее интерес к нему становится менее явным, уходит как бы в подтекст.

В процессе работы над *БА* Горький, как правило, новые сцены и эпизоды, отсутствовавшие в *ЧА*, предварительно записывал начерно на отдельных листах, часто даже без пагинации. Так, в *ЧА* отсутствуют сцены обыска и ареста Клима и Любаши (не говоря уж о картинах посещения Климом Финляндии), допросов полковником Васильевым Любаши и Клима, поездки Самгина в родной город, встречи с землекопами на постройке железной дороги и возвращения Самгина в Москву. Сохранились черновые редакции, заготовки и наброски к этим сценам на самостоятельных листах (они близки к *БА*), а также первоначальные наброски таких сцен и эпизодов, отсутствовавших в *ЧА*, как встреча Клима и Варвары в Астрахани с Трифоновым, приезд Клима в Москву из Финляндии, встреча Клима и Варвары с Таней и Алексеем Гогиными (когда Алексей показывает фокусы и поет: «Да, для пустой души...»), возвращение с Кавказа и рассказы о нем и др.

Изменяются, углубляются, по-новому освещаются в *БА* и ситуации, уже определившиеся в *ЧА*. Переосмысливается, к примеру, образ Марины Зотовой. Встретившись с братом, Клим спрашивает о Марине, и Дмитрий сообщает, что она в Милане «петь учится»,

В *БА* Дмитрий на этот же вопрос отвечает, что переписка с нею оборвалась, «она что-то о боге задумалась», «книжно как-то». Вероятно, в *ЧА* автор еще не предполагал делать Марину «кормчей хлыстовского корабля». И только в *БА* появляется намек на это. Тем самым в *БА* подготавливается дальнейшая эволюция Марины.

В *ЧА* между братьями Самгиными происходит такой диалог:

«— Ну, а ты — как? Тебя, помнится, марксизм не удовлетворял, ты находил, что он не отвечает всем запросам личности,— спросил Дмитрий.

Клим осторожно поправил:

— Не марксизм как учение о процессе истории, а материализм, не очень прочно связанный с ним...»

В *БА* этого текста нет.

Нет в *БА* и следующего признания Дмитрия: «Я тоже одно время испытывал эту неудовлетворенность».

Отсутствует в *БА* прямолинейная характеристика Дмитрия, данная через восприятие Клима: «Дмитрий вызывал у брата впечатление человека сбитого с пути, заплутавшегося, и Клим чувствовал, что ему приятно видеть это, приятно еще раз убедиться, что жизнь оказалась сильнее книг, поглощенных братом». В *ЧА* говорится о том, что Климу «приятно было видеть Дмитрия запутавшимся, неуверенным, не похожим на тот живой словарь, каким он был в Петербурге, приятно было убедиться в том, как легко и быстро жизнь смущает и шлифует угловатых людей, корректирует мысли, принятые наспех» (л. 59, стр. 2). В *БА* характер Дмитрия более цельный, убеждения его крепче.

В *ЧА* отсутствовала сюжетная линия, связанная с обыском и арестом Клима и Любаши. Сцены эти появились на третьем этапе работы автора над рукописью. Не было в *ЧА* и последующих сцен: приезда Клима домой, встречи с матерью и Варавкой, характеристик их, разговора о Спивак, Инокове, Дмитрии, Айно, Алине, провинциальных сценок, не было встречи Клима с Дунаевым, разговора двух женщин в Монастырской роще, возвращения Клима в Москву, встречи его с Варварой, рассказа о ее поездке в Кострому на гастроли... Отсутствовало в *ЧА* упоминание о появлении «Манифеста РСДРП». Этот факт введен в *БА* вместе с дополнительными картинами, рисующими обострение идейно-политической борьбы в революционных и оппозиционных кругах русского общества начала XX в.

Из других разночтений между *ЧА* и *БА* следует указать на отсутствие в *ЧА*: 1) описания землекопов, под пение «Дубинушки» прокладывающих полотно железной дороги; 2) описания работы грузчиков на Сибирской пристани в Нижнем Новгороде, подбадри-

вающих себя тоже исполнением «Дубинушки». Эти эпизоды появились в *БА*. В *ЧА* лишь упоминалось, что Клим и Варвара остановились во время свадебного путешествия в Нижнем Новгороде, чтобы посмотреть выставку. Не было в *ЧА* и сцены постройки железной дороги, где рабочие тоже поют «Дубинушку», но в другом темпе, заунывно, грустно, с протяжным «ой» вместо бодрого «эй».

Отсутствовали в сюжете *ЧА* приезд Клима и Варвары в Астрахань и описание встречи, которую им организовал «один из отцов города» — Трифонов. Эти сцены появились только в *БА*. Сохранился черновик *БА*, являющийся наброском описания постройки железной дороги и работы грузчиков на Сибирской пристани. Здесь Горький нарисовал колоритный образ казака, полного чувства собственного достоинства, уверенного в себе, презрительно относящегося к хозяину-богачу Трифонову. Не случайно Самгин подумал, что на таких, как этот мужик, а также на таких, как грузчики с Сибирской пристани, «рассчитывают революционеры».

Появились в *БА* сцены, рисующие косность русской провинции. Клим испытывает чувство удовлетворения, ибо «невозможно представить, чтобы миллионы людей пошли за теми, кто, мечтая о всеобщем счастье, хочет разрушить все, что уже есть, ради того, что едва ли возможно».

Отсутствовало в *ЧА* описание пасхальной ночи в Кремле. Эта картина идейно связана с предыдущей (сценой студенческой демонстрации в Москве — в основном тексте они идут рядом) и говорит о неразвитости классового сознания народа: пока что это «толпа». Клим вспоминает людей, подымавших колокол в деревне. Люди еще только «пытаются поднять невидимую тяжесть». Лица у них «угрюмые, напряженно и нетерпеливо ожидающие рассвета и тепла». Ниже Горький опишет организованное зубатовцами шествие рабочих в Кремль, к памятнику Александру II,— там тоже еще «толпа», но уже скептическая, прозревающая: идут они неохотно, начиная понимать, что это «затея господ».

Как на важное отличие третьей редакции от предыдущих следует указать на обогащение «Жизни Клима Самгина» социально-историческим материалом. Можно сказать, что в третьей редакции автор проводит своих героев сквозь важнейшие исторические события времени.

Уже упоминалось о том, что на стадии *БА* Горький решил включить в произведение детально разработанную сцену зубатовской манифестации. В первой и второй редакциях автор еще не имел в виду непосредственно воссоздавать ее: в ряде мест *ЧА* имеются лишь упоминания о зубатовской манифестации как о событии, уже свершившемся и вызвавшем различное к себе отношение. На стр. 4 л. 86.

Лютов говорил: «Конечно, рабочее движение у всех возбуждает надежды, да! И у некоторой части интеллигенции и также у господина Зубатова, тоже ведь интеллигента, в этом вы ему не откажете! [Вот] Ор-рганизатор! [Как он рабочих-то в Кремль водил, к памятнику царя, освободителя крестьян, а? Незабвенный парад! Цари, цари освобождают народ — чувствуете? Остроумно!]» В третьей редакции зубатовская манифестация становится одним из узловых моментов произведения, и автор кропотливо и вдумчиво работает над ее воссозданием, набрасывая на пути к окончательному тексту ряд черновых вариантов. Это событие было необходимо Горькому как средство, с помощью которого вводится в произведение эпический образ рабочего класса. В одном из черновых вариантов даны слова Клима: «... для меня ясно, что эти тысячи людей шли не веря — единодушно не веря в возможность какого-то примирения, обновления и т. д. Ничего подобного. Это шел раб⟨очий⟩ класс, которому дали возможность видеть свою количественную силу. Это м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ значительнее перво⟨майских⟩ демонстра⟨ций⟩ запад⟨ных⟩ рабочих. В пуб⟨лике⟩, среди которой я стоял, было кем-то сказано верное слово: заигрывают. Нет никакого сомнения, что раб⟨очие⟩ так поймут з⟨убатовщин⟩у: правит⟨ельство⟩ заигрывает с ними». Слова Клима не вошли в окончательный текст. Но сама картина манифестации воссоздается Горьким с целью показать основную силу истории — рабочий класс, хотя и находящийся еще на невысокой ступени самосознания, давший себя обмануть Зубатову, но таящий могучие потенциальные силы. Соображая, «чем отличаются эти бородатые, взлохмаченные ветром, очень однообразные люди от всех других множеств людей, которые он наблюдал», Самгин решает, что это «такая же толпа, как и всякая другая», что «ничего своеобразного в этих людях нет», но в глубине души ощущает, что перед ним особая толпа. В одном из черновиков это выражено более явно, чем в окончательном тексте: «Не хотелось признать, что это — особенная, своеобразная толпа».

Структурно манифестация входит в жизнь почти всех героев произведения: Клим показан как непосредственный свидетель шествия рабочих в Кремль, Татьяна Гогина в одежде простой работницы идет в рядах манифестантов, прислушиваясь к их речам и внимательно наблюдая происходящее; неожиданно раскрывает себя Гусаров, еще недавно проповедовавший фабричный террор, а на поверку оказавшийся просто зубатовцем и идеологом экономизма.

Упорно работал Горький и над следующей сценой, передающей рассказы о манифестации. По существу она была написана в четырех вариантах. В первом Клим заставал дома за вечерним чаем среди гостей Гусарова и Суслова, затем появлялись Любаша и Гогина,

которые, увидев Гусарова, бросали ему обвинения в политическом предательстве. Рассказы самого Клима о манифестации здесь более или менее объективны, в них он еще не разоблачает себя и не вызывает удивления Варвары и Суслова. Клим больше удручен признаниями Митрофанова, нежели политическими событиями дня. Второй вариант сцены, не отличаясь от первого принципиально, ярче и подробнее разработан в художественном отношении; сюжетная основа обрастает житейскими подробностями, отчего сцена выигрывает в выразительности. Третий вариант сохранился в виде отрывка, позволяющего говорить о дальнейшем углублении и детализации текста. Здесь впервые появляется разработанное в *БА* описание возвращения Клима, который в прихожей слышит разговор Кумова и Суслова о разуме и воображении, реплики Варвары и, испытывая враждебное чувство к собеседникам, собравшимся в столовой, не сразу выходит к ним. В *БА* он даже скрывается в свой кабинет, ложится на диван и, лишь захотев чаю, вынужден выйти к гостям. В *БА* среди гостей Клима нет Гусарова, и, следовательно, снята сцена бурной перепалки с ним. Маску с Гусарова — заочно — срывает Гогина, слышавшая его выступление перед рабочими в Кремле.

Постепенно, в результате многократных переделок, описание манифестации становится одним из идейных и художественных центров произведения; с этим событием связано выявление духовной сути героев, прежде всего разоблачение Гусарова, саморазоблачение Митрофанова, и — в большой мере — Самгина. Эта же сцена позволяет автору сюжетно сконцентрировать эпизоды, в ранних редакциях разрозненные. Только теперь находит свое органическое место такой эпизод, как признание Митрофанова в том, что он «для приличия» выдумал себе жену, сестру, да и себя самого и что на самом деле он — сыскной агент полиции по уголовным делам, а также сцена бурного объяснения супругов Самгиных и обвинение Варварой Клима в том, что он «становится недостаточно личным человеком», «идет на убыль» (т. XXII, стр. 399).

В первоначальном варианте саморазоблачение Митрофанова (см. варианты *I ЧА*, лл. 93—94) происходило не наедине с Климом, а перед Климом и Варварой, в один из обычных приходов агента охранки к Самгиным, и не было оправдано сюжетно. Недаром Самгин после ухода Митрофанова сердито и недоуменно восклицал: «Пришел... выплеснул какую-то дрянь». Доверительный разговор с Климом после манифестации, когда оба они, взволнованные событиями дня и стремясь докопаться до их смысла, сбрасывают с себя маски и в порыве искренности обнажают свои души, сделал естественной сцену саморазоблачения Митрофанова. К тому же Митрофанов почувствовал необходимость пойти на признание и потому, что —

как ему показалось — Самгин хочет привлечь его к революционной деятельности. В одном из черновых вариантов Самгин, обдумывая происшедшее, признавался самому себе: «Это я вызвал его на исповедь тем, что встал пред ним в позицию пропагандиста революции».

Над сценой, в которой Варвара «обличает» Клима, автор также работал очень упорно. Горький принимается за нее несколько раз еще на стадии *ЧА*, т. е. до того, как сцена манифестации была введена в произведение. Первый раз — в черновике к *ЧА*, где есть следующее начало ее, не получившее продолжения и развития:

«Варвара прилегла на диван и, закрыв глаза, попросила:

— Иди ко мне.

Он сел к ногам ее и молчал, ожидая, что она скажет...»

В *ЧА* разговор также не состоялся. Здесь имеются две сцены объяснения с Варварой: сначала — после саморазоблачения Митрофанова и затем — в связи с требованием Варвары, испуганной политическими событиями, отказать в квартире Сомовой. И в той, и в другой многие из реплик Варвары более или менее соответствуют тем, что содержатся в *БА*: «... я не хотела бы жалеть тебя, а мне, представь, кажется, что тебя надобно жалеть... ты себя ломаешь, насилуешь»; «... ты хочешь играть роль, для которой у тебя нет таланта... Ты революционер только потому, что такова мода». Однако и эти сцены не удовлетворили автора. Может быть, потому, что для обличительной вспышки Варвары в *ЧА* еще не найдено достаточно веского повода. Нужно было случиться чему-то экстраординарному, чтобы долго накапливавшееся недовольство Варвары перешло обычные границы, и она обрушила на Клима град обвинений. Таким событием и оказалась манифестация, которая вызвала у Клима чувство вражды к рабочим, проявившееся, вопреки его желанию, в его рассказе о шествии в Кремль. Это чувство вражды было уловлено Сусловым, заметившим Климу, что он «не очень правоверный марксист» (т. XXII, стр. 397), и дало Варваре основание обвинить мужа в том, что тот играет роль, тягостную для него.

Не менее показателен и другой пример. Работая над третьей редакцией, автор решил расширить материал, связанный с крестьянскими выступлениями, вспыхнувшими на юге России в 1902 г. Перечитывая л. 134 в *II ЧА*, Горький на полях сделал ссылку на л. 93 *I ЧА*, видимо, решив перенести сюда следующие строки из *I ЧА*:

«Внезапно разразились крестьянские беспорядки на юге.

— Н-ну-с, что вы скажете? — спросил Клима Суслов, гордо поблескивая черненькими глазками и ехидно усмехаясь.— Что стоит чисто экономическое движение рабочих рядом с этим стихийным порывом мужичка к справедливости?».

Вслед за тем автор решает развернуть эту реплику в более подробный эпизод разговора героев о крестьянских выступлениях, разразившихся в Харьковской и Полтавской губерниях. Он берет новый лист бумаги и, обозначив на нем ту же стр. 93, набрасывает вариант, который затем послужит основой для новой переработки в *БА*. В этом черновике Горький не ограничивается разработкой деталей разговора Самгина с Сусловым, но развивает эпизод далее: Самгин обсуждает те же события с Гогиным, который «оказался более широко, чем дядя Миша, осведомленным». В этом же черновике намечена встающая в воображении Самгина картина крестьянских волнений: «По извилистым дорогам, среди полей, лунной ночью катятся от деревни к деревне густые, темные толпы, окружают усадьбы помещиков, зажигают их, идут дальше, все возрастая, идут уже не по дорогам, а полями, оглушительно кричат, свистят, впереди их мчатся испуганные лошади, а сзади там и тут пылают огромные костры, пустеет земля, и неба не видно за тучами дыма» (см. в своде вариантов *БА*).

Первоначально, видимо, Горький решил на этом закончить разработку текста, повествующего о крестьянских волнениях на юге, поскольку приведенный черновик кончается словами: «Но через несколько дней картина эта потускнела, по газетам стало известно, как бунтовщики молили князя Оболенского о прощении, встречая его хлебом-солью, стоя на коленях пред ним».

В процессе дальнейшей работы у писателя возникло намерение усилить звучание крестьянской темы. С этим намерением связано возникновение довольно большой группы черновых вариантов.

В них впервые возникает сцена рассказа Дьякона о расправе с крестьянами. Поданные через восприятие такой выразительной фигуры, как Дьякон, события приобретают трагический колорит, крестьянская же тема становится полнозвучной параллелью рабочей теме. Судя по подготовительным материалам, Горький придавал большое значение рассказу Дьякона и искал для него наиболее выгодное место. В черновом своде, включающем эту сцену, он дважды разрабатывал ее, сначала поместив после упомянутых бесед Самгина с Сусловым и Гогиным. Эпизоды располагались в следующем порядке: рассказы Суслова и Гогина о крестьянских волнениях — размышления Самгина — Дьякон у Гогиных — ночной арест Сомовой.

В новом варианте события переставлены: сцена ареста предваряет сцену у Гогиных. Эпизод с Дьяконом переписан. Перестановка эпизодов имела немаловажное художественное значение. В первом варианте эпизод с Дьяконом был формально автономен, не имел внешних связей с соседними эпизодами и начинался сле-

дующими словами, выявляющими его сюжетную независимость: «Вечером перед Самгиным проплыл, точно кошмар, Дьякон. Это было у Гогиных» (см. свод вариантов *БА*). В новой последовательности сцена рассказа Дьякона потеряла свою сюжетную независимость, став органическим звеном в событийной цепи жизни Клима: после ареста Сомовой он идет к Гогиным, чтобы сообщить о событиях ночи («Ты зайдешь к Гогиным сообщить об аресте Любаши?» — спрашивает Варвара. «Разумеется»,— отвечает Клим — т. XXII, стр. 421), а там встречает Дьякона и становится свидетелем неприятной ему сцены.

Изображение рабочей манифестации и крестьянских выступлений идейно-художественно соотнесено в «Жизни Клима Самгина» со сценой пасхальной ночи. Самгин и Митрофанов проводят ее в Кремле. Клим испытывает иллюзорное чувство всенародной общности («одинаковое для нищих, для царей».— т. XXII, стр. 330). В *БА* автор подчеркивает эту контрастную соотнесенность эпизодов, введя в сцену манифестации следующий текст: ««Мы»,— вспомнил он горячее и веское словцо Митрофанова в пасхальную ночь. «Класс»,— думал он, вспоминая, что ни в деревне, когда мужики срывали замок с двери хлебного магазина, ни в Нижнем Новгороде, при встрече царя, он не чувствовал раскольничьей правды учения о классовой структуре [общества] государства» (т. XXII, стр. 378).

Перерабатывая сцены и эпизоды в процессе создания третьей редакции, автор делает более значительной в некоторых из них роль социал-демократов. В этом смысле интересна работа над сценой собрания у патрона Самгина. Первые наметки ее возникают в *I ЧА*. Вот ее первоначальный вариант:

«Гусаров, все еще проповедовавший необходимость слияния партий, показывая из черной бороды своей ряд зубов, плотных, как ручка костяной зубной щетки, кричал:

— Этот укол [1] только взбесит свинью, надо распространить террор на фабрики против директоров, мастеров, шпионов.

Корректнейший Прейс холодно спросил его:

— Вы хотите анархизировать рабочих?

Он произнес небольшую речь в тоне очень резком и металлическим голосом, в котором совершенно ясно звучало сознание, что он говорит с невеждами, с дикарями.

— Террор — лечение хронической болезни домашними средствами,— слышал Самгин.— Неужели вам все еще не ясно, что политические вожди партии эс-эров — те же деревенские знахари?

---

[1] Речь идет об убийстве министра Сипягина.

Это было на небольшом собрании разномыслящих людей в квартире патрона Самгина» (л. 109).

Во *II ЧА*, а затем в *БА* Горький значительно расширяет сцену, делает участниками споров Пояркова и Дунаева, а главное — вводит в качестве центральной фигуры Кутузова, блистательно отражающего наскоки политических противников.

Знаменательно также появление новой фигуры на стадии *БА* в сцене студенческой демонстрации в Москве. В *ЧА* отсутствовал следующий текст: «Недалеко от него стоял, сунув руки в карманы, человек высокого роста, бритый, судя по костюму и по закоптевшему лицу — рабочий-металлист. Он смотрел между голов двух полицейских и жевал губами погасшую папиросу. Казалось, что чем более грубо и свирепо полиция толкает студентов, тем длиннее становится нос и острее всё лицо этого человека. Посмотрев на него несколько раз, Самгин вспомнил отрывок из статьи Ленина в «Искре»: «Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен идти на помощь студенту. И не достоин звания социалиста тот рабочий, который способен равнодушно смотреть на то, как правительство посылает полицию и войска против учащейся молодежи» (т. XXII, стр. 321).

Перерабатывая те или иные сцены в процессе создания третьей редакции, автор часто вносит изменения в состав действующих лиц, «устраняет» одних героев, заставляет по-новому проявиться других, вводит новые фигуры. В упомянутой сцене собрания у патрона Самгина в *II ЧА* обращают на себя внимание два персонажа, устраненные автором в *БА*. Один из них — «недавно появившийся в Москве провинциальный Благой, человек лет сорока, с лицом, очень напоминавшим портрет Гамбетты». Благой, перебивая Кутузова, выкрикивает высокопарные фразы: «Господа! — патетически закричал Благой, вскинув голову и руку так странно, как будто голова была соединена непосредственно с рукою.— Каждый из нас — раб, прикованный цепью прошлого к тачке истории, мы — каторжники, осужденные на работу в недрах нашей земли для ее обогащения сокровищами духа»; «...Господа,— кричал Благой уже восторженно.— То, что сказал нам почтенный докладчик, глубоко верно! И — правильно! Прыжок из царства необходимости в царство свободы должен быть сделан нами. Да, мы должны переродиться из подневольных работников в свободных людей, в мастеров и художников культуры».

В *БА* первую из реплик автор передал человеку, который в *II ЧА* имеет фамилию Соймонов («Журналист. Известность»,— говорят о нем), а вторую — человеку «в сером костюме и в очках на татарском лице» (т. XXII, стр. 438) — он в черновом варианте отсутствовал.

Второй участник собрания, устраненный автором в *БА*, «угрюмого вида длинноволосый скуластый человек в черной рубахе, в смазных сапогах». «...Как бы нарочно выбирая слова на «о», этот человек говорил:

— Совершенно верно сказано — многие потому суются в революцию, что страшно жить. Подобно баранам ночью на пожаре бросаются прямо в огонь. Сгорят, конечно, и — пускай! Ну — вонь будет, дым гуще». Слушая Соймонова и Благого, этот человек ворчал: «На кой чёрт пригласили этих [комиков]» (л. 138).

Во многих случаях Горький изменяет сюжетную роль персонажей. В черновом варианте Клима выручал из рук полицейских во время студенческой демонстрации не Митрофанов, как в окончательном тексте, а Савва Морозов.

Иначе развивалась и сцена ожидания ареста Самгиными. Она подверглась нескольким переработкам. Вот конец ее в *I ЧА* (л.108):

«Проснулся он поздно, Варвара, уже одетая, пила в столовой кофе.

— Ничего не было,— сказала она.— Любаша забегала ко мне, пила кофе. Она спокойно проспала всю ночь, а мы с тобой...

И, сконфуженно заглянув в глаза Клима, она поцеловала его.

На четвертый день после этого Сомову все-таки арестовали, но не дома, а где-то на чужой квартире. Затем, конечно, в ее комнате был сделан обыск, Митрофанов присутствовал на обыске понятым и похвалил Сомову:

— Умница! Вот уж не думал, что умна. Чисто прибралась.»

Второй раз сцена ожидания ареста разрабатывается автором в *ВБА*. Она обогащается новыми подробностями, более глубоко Горький рисует переживания Клима и на этот раз завершает сцену арестом Любаши Сомовой и совершенно неожиданным поведением Митрофанова:

«Затем она 〈Варвара〉 тревожно спросила:

— Но где же Гогина? Она сказала, что ночует...

На этот вопрос ответ принесла Анфимьевна, она только что воротилась с базара и, войдя в столовую, тотчас же заговорила одобрительно:

— Постоялец-то, Иван-то Петрович, глядите-ко, молодец каков! Танюшу-то Гогину увел к себе, она у него всю канитель и пережидала. Со мной из дому-то вышла. Вот какой, а? Ему спасибо сказать надо, хоша он и плохо платит за квартиру...»

В *БА* автор отказался от такой сцены.

Серьезным изменениям подвергся в третьей редакции центральный персонаж произведения — Клим Самгин. По сравнению с черновыми вариантами автор сделал образ более сложным, углубил

его. В ранних редакциях Клим был прямолинейно-отрицательным персонажем. По мере работы над образом автор все более избавлял его от подобной одномерности. Образ его рисуется более тонко, психологически более мотивированно. Приведем некоторые текстовые параллели разных редакций.

Рассказывая Варваре о своем «участии» в студенческой демонстрации, Клим первоначально, в *ЧА*, изображал себя почти героем, был явно хвастлив и неискренен. Вот текст, подвергнутый правке уже здесь же, в *ЧА*: «Клим Самгин начал рассказывать с усмешечкой, в тоне шутливом, но через несколько минут почувствовал, что он говорит о человеке, которого искреннее возмущение безобразиями полиции настроило героически. Человек этот нравился ему. ⟨...⟩ Закончил он шуткой:

— Видишь? И я способен на геройство...» (*I ЧА*, л. 90).

Перерабатывая текст, Горький усилил стремление Клима к искренности. Эта тенденция была продолжена в *БА*, но так, что обнаружилась субъективность искренности Клима: «Он стал осторожно рассказывать дальше, желая сказать только то, что помнил; он не хотел сочинять, но как-то само собою выходило, что им была сказана резкая речь» (т. XXII, стр. 324).

С прямолинейной откровенностью выражал Клим свою нелюбовь к крестьянам. Между ним и Никоновой происходил следующий диалог:

«— Я не... люблю крестьян и эту народную мудрость.

— Да, марксисты не любят деревню,— откликнулась Никонова, протирая окно концом шали.

— Я не люблю не как марксист, а как человек. Мне иногда кажется, что мужику знакомы все жалобные писания о нем русских литераторов, и он хвастается преувеличенно ужасной своей жизнью, и, надеясь на помощь со стороны, сам ничего не делает, чтоб жить лучше.

— Странный взгляд,— сказала Никонова, не оглянувшись на него — [Вот уж... не ожидала! Н-неверный взгляд. Так рассуждают консерваторы]» (*II ЧА*, л. 142).

Это место подверглось значительному изменению в *БА* (т. XXII, стр. 450).

Такую же отчетливую неприязнь, вражду испытывал первоначально Клим и к Кутузову. В сцене выступления Кутузова на квартире патрона Самгина о Климе говорилось: «Не первый раз ощущал он гипнотическое влияние Кутузова, но никогда еще не ощущал это с такою полнотою. И ненависть его росла.» (*II ЧА*, л. 138). В окончательном тексте читаем: «Не впервые ощущал он гипнотическое влияние Кутузова, но никогда еще не ощущал этого с такою силой.

«Должно быть — он прав», — соображал Самгин...» (т. XXII, стр. 439).

Первоначально Горький со всей определенностью констатировал чувство радости Самгина в связи с враждебным отношением слушателей к Кутузову. «По крайней мере половина людей закричала сразу, и Самгин был приятно удивлен, слыша, как много обиженных и раздраженных голосов». В окончательном тексте: «Самгин не мог понять, приятно ему или нет видеть так много людей, раздраженных и обиженных Кутузовым» (т. XXII, стр. 436).

Слова Кутузова о том, что есть «немало революционеров, которые торопятся разыграть драму, для того чтоб поскорее насладиться идиллией» (т. XXII, стр. 436), в черновом автографе непосредственно соотнесены с образом и поведением Клима, выполняющим поручения партийцев, «не забывая» этих слов Кутузова.

Существенно переработал Горький сцену с разоблачением провокаторства Никоновой. В *III ЧА* разговор Гогина с Самгиным был более категоричен. Гогин прямо упрекал Самгина. Оправдываясь, Клим рассказывал о Митрофанове, о записке, написанной симпатическими чернилами, найденной в книге. Более подробно говорилось о результатах «деятельности» Никоновой. Именно Никонова была виновницей ареста Усова и Татьяны Гогиной. После того как Самгин подробно рассказал Гогину о встречах с Никоновой, тот советовал ему на время «отойти в сторону» от революционных кругов. Самгин даже боялся, что его могут принудить застрелиться.

В *III ЧА* Горький устранил из повествования разговор Самгина с Елизаветой Спивак о предательстве Никоновой. В раннем наброске Спивак называла Никонову Катей Касимовой, упрекала Самгина, что он скрыл свои подозрения, а Клим жаловался на Варвару и этим объяснял свою связь с Никоновой. Сообщалось, что Клим получил от Никоновой «коротенькое письмо из Екатеринослава, она писала, что воротится в Москву не ранее нового года». Однако, сидя в тюрьме, Самгин узнал, что Никонова умерла. Он рассуждает: «Такая здоровая и — вдруг...», по-видимому, подозревая, что с нею расссчитались.

В *III ЧА* говорилось, что Самгин чувствовал себя чужим среди большевиков, хотя давал Спивак деньги для подпольной работы. Впоследствии Горький убрал эту фразу, избегая прямого разоблачения персонажа. Исчезли некоторые подробности жизни Самгина и его связей с окружением Спивак. В *III ЧА*, например, была следующая сцена: Клима во время его ночных прогулок хотели избить, думая, что он шпионит за большевиками. Но среди тех, кто его схватил, оказался Корнев, поэтому Самгина отпустили. Говорилось, что после «кровавого воскресенья» Клим читал платные

доклады и отдавал деньги большевикам. Один из докладов он сделал у Гогиных. Этот эпизод оттенял более тесную связь Самгина с местными большевиками.

В *III ЧА* подробно описаны споры у Гогиных в период подготовки Московского восстания. Клим присутствует на выступлении Марата (Шанцера), настаивающего на необходимости «развернуть забастовку железнодорожников во всеобщую». Здесь же Кутузов призывает «идти на фабрики, на заводы». Слушая их, Самгин про себя думает, что «жизнью правят не такие люди, а те, кто в эпохи смут накопляет в себе силы для борьбы за мирную жизнь».

В процессе совершенствования рукописи Горький уделил огромное внимание тем страницам, на которых выражено истинное отношение Клима к революционным событиям. Он вписывает изречение, раскрывающее подлинные взгляды Самгина: «Старуха-история всех ведет одним и тем же путем, нельзя ожидать, что для России она сделает исключение, позволив ей идти безумными прыжками. Она автоматически вяжет свой бесконечный чулок, и если иногда путает петли — это не надолго» (л. 45).

В описании событий 9 января сначала был абзац: «Он ‹Клим› окончательно почувствовал себя участником [и] значительнейшего исторического события; не свидетелем, а именно участником осуществления романтической мечты: рабочий народ соединяется со своим царем» (л. 181).

В последней редакции эти мысли Клима устранены.

Существенной была работа над образом Инокова. В *III ЧА* Самгин узнавал от Спивак, что Иноков арестован в Нижнем Новгороде. Затем Клим случайно встретил его в Москве, и Иноков рассказал, что был за границей. Вслед за этим Спивак сообщила Самгину, что Иноков арестован в одном из пограничных городов Польши. Все это говорит о том, что в *III ЧА* Горький более откровенно намекал на подпольную деятельность Инокова и его тесную связь с большевиками группы Спивак. Иноков рассказывал Самгину, что из Польши попал в Сибирь, так как «хотел одному человеку побег устроить».

Большое внимание уделяет автор в *БА* композиции, идейно-художественному соотнесению эпизодов. С точки зрения композиции *БА* сильно отличается от черновых редакций. Выше, в связи с рассказом Дьякона, отмечалось, что перестановки его имели целью устранение внешней самостоятельности эпизода и более непосредственное включение его в событийную канву жизни Самгина. Подобная тенденция в работе автора наблюдается постоянно. В *ЧА* эпизод встречи Клима со Стратоновым в купе поезда давался вскоре после сцены студенческого волнения у манежа и начинался словами:

«Но выстрел Карповича заставил его, как и многих, снова тревожно задуматься, и особенно возросла тревога после встречи со Стратоновым в купе вагона по дороге в Владимир» (л. 90). Работая над сценой в *БА*, автор нашел для нее другое место, устранив свойственную ей в *ЧА* некоторую сюжетную независимость. Теперь Клим, находясь по служебным делам в дороге, наблюдает, как срывают замок с хлебного магазина и, размышляя о народе, садится в купе поезда, где встречается со Стратоновым.

Внимание автора, естественно, направлено не только на внешнюю оправданность последовательности эпизодов. Он перекомпоновывал свое произведение, исходя прежде всего из идейно-художественных посылок. В *ЧА* эпизоды социально значимые несколько хаотично перемежались со сценами узколичного характера. Например, после сцены у Омона и сообщения Лютова об убийстве Боголепова шел рассказ о романе Варвары и Кумова. В *БА* убийство Боголепова находит отклик в ряде последующих сцен — в разговоре Самгина с патроном, в разговорах судейских, в кружке Прейса. Для романа Варвары и встречи Клима с Никоновой на почтовой станции найдены другие места в композиции повествования.

Сравнение черновиков с *БА* выявляет и другую важную тенденцию: автор стремится вместо рассказа о событии давать непосредственное изображение его. По мере работы эпизод обрастает жизненными подробностями, предстает в конкретных сценах, диалогах, беседах. К примеру, первый вариант эпизода у Никоновой, когда Клим случайно проявляет и прочитывает записку с доносом, написанную симпатическими чернилами, давался в авторском «пересказе». Прочитав записку, Самгин, после прихода Никоновой, говорил ей: «Ты не осторожна ∾вот видишь, что я нашел» (*II ЧА*, л. 151). В *БА* этот случай предстает как живая сцена, разыгрывающаяся перед глазами читателя; драматизм ее усиливается оттого, что Никонова застает Клима за чтением записки; между ними возникает напряженный диалог.

Бывает, что эпизод предстает в виде сцены уже в черновом варианте. В последующих рукописях наблюдается стремление автора к усилению художественной конкретизации. Ср. три последовательных варианта рассказа Дьякона о крестьянских выступлениях. В первом варианте сцена уже определена в своем основном содержании, в большой мере разработан трагический облик Дьякона, его исполненная отчаяния речь. Но слушатели Дьякона пока еще предстают в виде одноликой, нерасчлененной массы. Неизвестно, кто является свидетелем этой сцены, кроме Гогиных, в квартире которых она разыгрывается, и пришедшего туда Самгина. Во втором варианте окружающие фигуры проясняются. У дверей возни-

кает прислуга Гогиных — «тощая, рябая кухарка, горничная Матреша, дворник Аким; кухарка, должно быть, плакала, вытирая лицо рукавом»; вырисовываются Иноков (в *БА* замененный Поярковым), «благообразный человек с палкой в руке и забинтованной ногою» и «рыжеволосая дама в трауре». В *БА* происходит дальнейшее насыщение сцены деталями. Вместо краткого упоминания о картине, вставшей в воображении Самгина,— «Дьякон с безумно обнаженными глазами во главе тысяч людей» — возникает сама картина: «Пред глазами Самгина внезапно возникла мрачная картина: ночь, широчайшее поле, всюду по горизонту пылают огромные костры, и от костров идет во главе тысяч крестьян этот яростный человек с безумным взглядом обнаженных глаз» (т. XXII, стр. 425). Автор стремится к предельной наглядности изображения, зримой точности деталей. «Встряхнувшись, как под дождем, он ‹Дьякон› посмотрел на всех и пошел к двери»,— говорится в черновом варианте. Ср. в *БА*: «...оттолкнув ногою стул, на котором он сидел, Дьякон встряхнулся, точно намокшая под дождем птица, вытащил из кармана пестрый шарф и, наматывая его на шею, пошел к двери» (т. XXII, стр. 426).

В заключение следует сказать, что судя по письмам Горького и сопоставлению их с имеющимися рукописями второй части «Жизни Клима Самгина», автор завершил работу над *I ЧА* в марте 1927 г. (обоснование дат — см. т. XXII, стр. 677—678). К осени того же года он переписал почти всю вторую часть произведения, но, в то время как первая ее половина, представляя собой уже третью редакцию, получила окончательную отделку, вторая половина, примерно с л. 130—134, превратилась в черновик, т. е. в *II ЧА*. Тем самым к октябрю 1927 г. были завершены все редакции первой половины второй части «Жизни Клима Самгина», вплоть до *БА* включительно, и создан *II ЧА* (без последнего автор не мог бы говорить об окончании работы).

То обстоятельство, что черновая рукопись второй половины тома создавалась после завершения *БА* первой его половины, подтверждается и следующим фактом. Работая над *БА*, Горький иногда, неудовлетворенный написанным, выбрасывал лист из *БА*, а потом, зачеркнув забракованный текст, использовал оставшуюся чистой часть листа для написания нового текста. Подобные страницы, выброшенные из БА, встречаются в составе *II ЧА*. Например, л. 134 имеет зачеркнутую пагинацию «123» и начинается зачеркнутым абзацем, который является забракованным вариантом начала л. 123 *БА*. Эта особенность работы Горького подтверждается и разрывом во времени пересылки первой и второй половин тома в издательство «Книга».

8—10 ноября 1927 г. Горький смог отправить издательству сразу 318 машинописных страниц текста. Поскольку известно, что в машинописи (к сожалению, не сохранившейся) было всего 663 стр., а *БА* состоит из 223 четырехстраничных листов, нетрудно вычислить, что текст, отправленный в издательство, соответствовал приблизительно 107 листам *БА*. К декабрю было написано и перепечатано на машинке еще 150 страниц, о чем сообщала П. П. Крючкову 3 декабря 1927 г. перепечатывавшая рукопись М. И. Будберг (Архив А. М. Горького, КК-рл-2-20-49). 150 страниц машинописи соответствуют, примерно, 50 листам *БА*. Следовательно, к декабрю было готово 107 + 50 = 157 листов *БА*.

Как уже говорилось выше, последней части БА предшествовал *III ЧА*. Если бы *III ЧА* к этому времени был создан, работа по его перебеливанию продвигалась бы без задержек, ведь дело касалось уже только последней четверти второго тома. Однако именно в этот период работы у Горького возникают трения с торопящим его издательством, он жалуется на «каторжную» работу, не поспевает в сроки (см. т. XXII, стр. 678—679). Следует предположить, что в начале декабря Горький только приступил к созданию *III ЧА*. Работа шла трудно.

После перепечатки 150 страниц, о которых сообщала Будберг Крючкову, у автора, перешедшего к работе над *III ЧА*, не было никакого «задела» *БА*. Видимо, поэтому и было решено подождать с пересылкой в издательство этих 150 страниц, оставив их в качестве резерва, на крайний случай. Будберг, которой нечего было перепечатывать, вскоре уехала в Берлин и вернулась в Сорренто лишь 15 января 1928 г. 18 января она выслала в издательство продолжение машинописи, стр. 319—397, и затем, около 3 февраля, стр. 398—500 — т. е. всего в это время было выслано 180 страниц, из них 150 уже готовых с декабря и 30 новых. В январе-феврале работа над *БА* и перепечатка его ведутся почти одновременно: со стола автора листы сразу переходят на машинку. Бывали дни, когда Будберг не получала материала для перепечатки. «А. М. сейчас пишет очень медленно — переписывает остальное, и я поэтому не могу писать на машинке»,—сообщала она в это время Крючкову (там же, КК-рл-2-20-2).

Случайно уцелел клочок от чернового листа «192», дважды переписанного Горьким для *БА*. Черновик этого листа Горький использовал в качестве обертки для бандероли. На обороте листа почтовый штемпель: «Экспедиция. Москва. № 6, 23.II.28.» Видимо, эта бандероль и содержала последние листы перепечатанного конца второй части «Жизни Клима Самгина» (стр. 560—663), высланные П. П. Крючкову для передачи в издательство.

ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ

1 ЧА

⟨л. 1⟩[1] [Приехали] Приехал Варавка и мать.

Варавка тотчас же покатился по дорожкам Выставки, шагая мелко и быстро, [он счастливо улыбался] нес живот свой с необыкновенной легкостью; пышнейшая золотая борода обращала на него всеобщее внимание, он улыбался людям как старым знакомым и готов был каждого из них дружески и одобрительно похлопать по плечу.

Вера Петровна в шелковом платье стального цвета, с кружевным зонтиком в руке, украшенной кольцами и тяжелым браслетом с бирюзой, следовала за Варавкой величественно прямая, гордо подняв голову, осматривая людей и здания в золотой лорнет; хотя ее каменное лицо было обильно напудрено, но [все же] сквозь пудру просвечивала лиловая кожа, а стекла лорнета неприятно углубляли лучистые морщины вокруг холодных глаз.

— *Я ожидала большего*!

Клим с досадой видел, что оба они до смешного провинциальны; стало еще более досадно, когда Иноков заметил:

— [Тимофей Степаныч] Патрон ходит, как жадный мальчуган по магазину игрушек, а [ма⟨дам⟩] Вера Петровна — калуцкой губернаторшей, которую ничто не может удивить.

Грубоватая шуточка была так метко верна, что Клим не мог рассердиться на Инокова, он даже усмехнулся невольно, а на другой день уехал домой, обремененный множеством поручений Варавки.

[Клим] Самгин чувствовал, что пестрота [накопленных им] воспринятых впечатлений требует однообразной окраски, что весь этот хаос необходимо оформить своими словами. Да, нужно найти свою линию между неумеренными славословиями одних газет [и], ворчливым скептицизмом других, и было бы особенно неприятно [впасть] попасть в тон Инокова.

---

[1] ХПГ 23-1-1, № 59840, 9 лл., 16 стр. Автор. пагинация: 2-1-4 черными чернилами, красным и зеленым карандашом. Лист первый не нумерован.

Рассказывая Спивак о [том, что он видел] *Выставке*, Клим ясно [чувствовал] *почувствовал*, что умиление, испытанное им, [*почти* бесследно исчезло] осталось в памяти, [но исчезло из сердца и что] но [*как*] *в чувстве оно* исчезло, говорит он не интересно [1]. Выставка явилась пред ним, [как] *точно* спектакль, поставленный *очень* богато, но — без талантливых артистов. Даже для Федосовой он *почти* не находил тех больших слов, которыми надеялся и хотел бы рассказать о ней, а когда произносил эти слова, сам слышал, что они звучат неодушевленно и тускло. Да и неловко было сознаться, что наиболее сильное впечатление на Выставке всероссийского труда вызвала у него кривобокая старушка-сказочница. Это, наверное, показалось бы Спивак чрезмерно оригинальным [2] [и], требовало смелости, которой Клим не находил в себе, и возбуждало опасение показаться женщине смешным.

Он благоразумно умолчал о том унынии, которое испытал он, увидев царя. Теперь ему уже было неловко вспоминать о надеждах и разочаровании, связанных с молодым человеком, который [не] оставил в памяти [ничего] его только виноватую улыбку.

— Ничтожный человек, министры толкают и тащат его, куда хотят,— рассказывал Самгин и ощущал удовольствие говорить о царе с презрением, мстительно. Он сам несколько удивлялся силе мстительного *личного* чувства, которое подсказывало ему насмешливые слова о царе.

— Лишний человек...

— Хорошо, если б он понял это,— сказала Спивак, следя за красненькой букашкой, бестолково ползавшей по столу.— В таком же тоне, но еще более резко, писал мне о нем Иноков. По простодушию своему он пишет письмо так, как будто [хочет] на земле только двое грамотных — он и я, а жандармы не умеют читать.

Клим сердитым щелчком пальца сбросил букашку со стола.

Сидели в саду, под окном флигеля, в [густых зарослях] густой тени вишен, богато украшенных аметистовыми бусами ягод. Был вечер, удушливая жара предвещала грозу, в небе, цвета снятого молока, появились сизоватые клочья туч, тени скользили по деревьям и было странно видеть, что листва неподвижна.

---

[1] Фраза осталась недоработанной. [2] *Возле этих слов, на полях*: О Ходынке. Мать: Народ все прощает.

[Рядом со Спивак в коляске лежал] *Спивак сидела, облокотясь о* [*сто‹л›*] *круглый стол, врытый в землю, сжимая щеки ладонями, муж ее, полуодетый, лежал на ковре, постланном на землю, тихо толкая вперед и назад детскую коляску*, в коляске [лежал] [*шевелил руками*] *шевелился* большеголовый ребенок, спокойно, серыми глазами изучая небо; мать, улыбаясь [счаст‹ливо›] самодовольно, *уже* рассказывала [Климу] о нем Климу:

— Очень серьезный человек. Не капризничает, углублен в себя, осваивает мир молча. Только вот мух боится или [скорее] *вернее*,— не терпит; у него невероятно чувствительная кожа.

А отец Спивак сообщил:

— Когда ему исполнится год, начну учить его дышать носом. Это очень важно.

И, улыбаясь, рассматривая на свет пальцы прозрачной руки своей, сказал еще:

— *Он думает, что музыка спрятана под ногтями у меня.*

Клим почувствовал [что и ему] *прилив* невыносимой скуки. Всё скучно: женщина, на белое платье которой поминутно ложатся пятнышки теней от листьев и ягод, неподвижная зелень сада, молочно мутное небо, ленивенький шумок города. Под тяжестью этой скуки он прожил одиноко несколько *душных* дней и ночей. По ночам, *волнуемый привычкой к женщине, сердито и обиженно* думал о Лидии, [днем] а как-то вечером поднялся наверх в ее комнату и был неприятно [поражен›] удивлен: [комната] на пружинной сетке [ее] кровати лежал свернутый матрац, подушки и белье убраны, зеркало закрыто газетной бумагой, кресло у окна в сером чехле, все мелкие вещи [убраны] спрятаны, цветов на подоконнике нет, и казалось, что неприглядная пустота, *ничем не напоминая о Лидии*, [спра‹шивает›] спрашивает иронически:

«Да — была ли девушка-то?»

Он вышел в соседнюю, большую комнату, место детских игр в зимние дни, и долго ходил по ней, думая о том, как легко [в сущности, исчезают люди] *даже близкие люди* исчезают из поля памяти. Где-то живет отец, о котором он никогда не думает, [живет Дмитрий] так же как о брате Дмитрии. А о Лидии думается против воли.

[Хорошо] Было бы не плохо для нее, если б с нею случилось [какое-нибудь] несчастие, неудачный роман или что-нибудь в этом роде.

Очень пусто было в доме, [и] и эта пустота [высасывала],

высасывая мысли, [наполняя] [порождала скуку] [1]. *По комнатам, по двору лениво расхаживала прислуга. Клим видел ее* [*издали*] *вдали* [*и*], *мельком, как видят из окна вагона коров* [*на выго⟨нах⟩*] *на полях. Скука оплескивала Самгина, возникая отовсюду, от всех людей, зданий и вещей в тихом городе над ленивой мутной рекою. Но он привыкал скучать и уже оценивал скуку как признак своей духовной зрелости:*

«Я слишком много видел и слышал. И вовсе не плохо быть несколько старше своего возраста».

Спивак жила [незаметно], не мешая Климу, что было и приятно ему, но и обижало. *Она казалась весьма озабоченной делом школы, говорила только о ней, но и то неохотно, а смотрела на все, кроме ребенка, рассеянным взглядом человека,* [*которому*] *который или устал, или же слишком углублен в себя.* В девять часов *утра* она отправлялась в школу, [из] приходила домой к трем, от пяти до семи гуляла с ребенком в саду, а в семь снова уходила заниматься с любителями хорового пения [Раза два она] [— Вы не собираетесь писать о Выставке? — [спрашивала] спросила она рассеянно и, забыв об этом, [оп⟨ять⟩] повторила.— И] и возвращалась часов в десять; иногда ее сопровождал щеголеватый регент соборного хора, длинноволосый, коренастый щеголь, в панаме, с тросточкой, с толстыми усами, точно два куска смолы. Раза два Спивак *рассеянно* спросила:

— [Что же вы не пишете] *Вы будете писать о Выставке?*

— Да, пишу,— ответил Клим, хотя еще не начинал писать [2].

Утром, *аккуратно* через час после того, как уходила жена, из флигеля по двору к воротам шел Спивак, точно ребенок, только что постигший искусство ходить по земле. Спивак носил респиратор [с уродливыми наушниками]. Выдвигая его подбородок вперед, респиратор придавал голове его форму собачьей, а темненький мохнатый костюм окончательно подчеркивал сходство музыканта со старым пуделем. Встречаясь с Климом, он опускал респиратор к шее и говорил всегда что-то неожиданное:

— Пыль в этом городе пахнет птичьим калом. Язык музыки несравнимо богаче языка слов; если вы захотите рассказать

---

[1] Слова ошибочно зачеркнуты. [2] *После*: писать — *знак вставки, вставка отсутствует, но возможно, что первоначально сюда должна была быть вставлена фраза*: Она казалась ∾ углублен в себя — *позже помещенная выше.*

содержание одного аккорда Бетховена, это потребует у вас
л. 2 десятков слов.

А [однажды] *как-то* вечером в саду, задыхаясь от жары, он [сказал] сообщил Климу как новость:

— Умираю. Осенью, наверное, умру.

— Полноте, что вы,— возразил Клим, озаботясь, чтоб слова его звучали не очень равнодушно.

— Жена тоже не верит,— сказал Спивак, вычерчивая пальцем в воздухе сложный узор.— А я знаю: осенью. Вы думаете — боюсь? — спросил он.— Нет, я не боюсь. Но — *я* жалею. Человек я не талантливый, однако — полезный, потому что люблю учить музыке. *Жена тоже любит учить,— прибавил он задумчиво и тотчас же* [*очень* [*жи*⟨*во*⟩] *оживленно*] *продолжал потише*: — *Очень много* [*людей, котор*⟨*ые*⟩] *тратят люди время, чтоб учить друг друга, а ведь всё так просто*: *надобно жить по типу оркестра, каждый инстр*⟨*умент*⟩ *честно играет свою партию.*

[Привстав со скамьи, он] [1] показал Климу семь пальцев.

— Смотрите: это удивительно! Семь нот, только семь, в сущности, [одна⟨ко⟩] но из них слагается Моцарт, Бетховен, а? Чудесно! И это — везде: человеку дано очень мало — семь нот, [даже пять] но [вы вот] он *из них* создал [вот сколько] *бесконечно много* прекрасного.

Говорил он с трудом, задыхаясь, *в горле его шипело.* Клим слушал слова его вежливо, но принимал их как *полуумный* лепет Диомидова [и], они *тоже* отягощали скуку, а первый визит в редакцию газеты более углубил ее.

Редакция помещалась на углу тихой Дворянской улицы и пустынного переулка, который, изгибаясь, упирался в железные ворота богадельни. Двухэтажный дом, в котором [раньше помещался Сиротский суд] раньше помещался Сиротский суд, был переломлен [пополам], одна [половина] часть осталась на улице, а другая, [подлиннее] длиннее на два окна, пряталась в переулке. Дом старый, казарменного вида, без украшений по фасаду, желтая окраска его стен пропылилась и приобрела цвет недубленой кожи, солнце раскрасило стекла окон в фиолетовые тона и над [этими] полуслепыми окнами *скучного дома* было неприятно видеть [золотую] золотые слова вывески — «Наш край» — слова эти, [иронически] *нелепо* не [совпадали] совпадая с тем, что пока-

---

[1] Слова ошибочно зачеркнуты.

зала Самгину Выставка, [но] [*казались*] [в то же время [были] казались вполне уместными] [1].

По чугунной лестнице в два марша, содрогавшейся от работы типографских машин в нижнем этаже, Самгин вошел в большую комнату; среди ее за длинным столом сидел Иван Дронов и, посапывая, списывал что-то из грязной записной книжки на узкую полосу бумаги. Он [почему-то] вскочил со стула, как будто испуганно, но тотчас неестественно обрадовался; крепко стиснув руку Самгина обеими своими, потряс ее и снова сел, спрятав беспокойные глаза свои, ухмыляясь, [бормоча] двигая желваками скул. [Лицо] *Он коротко остриг волосы, обнажив плоский череп, от этого лицо* его стало еще угловатее, пуговка носа распухла, расплылась, под нею топырились усики цвета уличной пыли. На вопрос Клима: как он живет, Дронов *неохотно* заговорил [быстро]:

— Подкидышами. Фельетонист острит: приносите подкидышей в натуре, контора будет штемпеля ставить на них, а то вы одним и тем же подкидышем пять раз питаетесь.

[Дронов] *Он* вздохнул, пощипал усы и уколол Клима остреньким взглядом:

— Они тут всё острят. А в проклятом этом городе — никаких событий! Хоть сам поджигай, грабь, убивай, чтоб дать заметку в местную хронику.

Говорил он, постукивая вставкой для пера по краю стола, и смотрел то на карту России, то на белые, пожелтевшие от старости двери в другую комнату, за дверями был слышен шорох бумаги, точно кошка играла. Дул ветер, пыль неслась по улице, шуршала о стекла окон.

[— Цензор — эфиоп; на днях в Коммерческом клубе одному сударю по морде дали — нельзя писать: почтенное лицо.]

Двери распахнулись, и редактор, сердито размахивая [лист⟨ами⟩] полосками бумаги, закричал:

— Послушайте, Дронов, что вы тут наплели? — А, здравствуйте! — Другим тоном, радостно сказал он и, схватив руку Самгина, втянул его в кабинет. Через несколько минут он, разглядывая одним глазом рукопись Клима, жаловался:

— У нас цензор [страдает] *болен* логофобией, то есть словобоязнью, а господа [авторы intemper] *сотрудники страдают* [интемпериесом] интемпери — безудержной словоохотливостью, [а кроме того] и каждый из них [одержим] стремится

[1] Слова ошибочно зачеркнуты.

показать другому, что он *радикальнее*, левее его. [Вот и сообразите, насколько легко при таких условиях [руководить общественным мнением] *воспитывать общ⟨ественное⟩ мнение*, руководить им.]

Говоря, он вытирал платком потную лысину, желтые виски, и *обиженная* губа [его [обиженно] *нервно* трепетала, пальцы шевелили рукопись тоже нервозно и как-то] особенно *важно* топырилась, когда редактор произносил латинские слова. [Клим знал за ним, что] [Его пристрастие к газетной латыни [казалось] Клим *находил* маниакальным и смешным, [он] почти в каждой передовой статье своей редактор] Газетная латынь была слабостью редактора, почти в каждой *передовой* статье своей он восклицал: «O tempora, o mores! Caveant consules!», приглашая консулов слушать, заключая статьи внушительным «Dixi!», а полемизируя, обязательно выдавал противникам своим «testimonium paupertatis».

[Он сидел] За спиною редактора стоял шкаф, тесно
л. 3 набитый книгами, в стеклах шкафа отражалась серая [каменная] спина, круглые бабьи плечи, [маслено] тускло блестел голый затылок,— казалось, что в книжном шкафе заперт двойник [редактора] человека, который жаловался:

— Сообразите, насколько трудно при таких условиях [руководить] *создавать* общественное мнение и руководить им. А тут еще являются люди, которые [чрез⟨вычайно⟩] уверенно говорят: чем хуже — тем лучше. Зарождается новый тип революционера-спортсмена, революционера без любви к народу, каковы марксисты...

Вошел метранпаж, [черный] *смуглолицый* и курчавый, как цыган, с необыкновенными глазами — в темных и масленых зрачках блестели золотистые искры; положив на стол гранки, он сказал грубовато:

— Давайте материал.

Когда он ушел, редактор пожаловался и на него:

— Груб, зол и совершенно не понимает ни смысла, ни важности газетной работы.

Тяжкий запах типографской краски наполнял маленькую комнату, засоренную газетами. Под полом ея непрерывно возилось, гудело и равномерно топало какое-то чудовище. По улице [мо́лча] *пара черных лошадей лениво влекла похоронные дроги, обитые глазетом, точно белой жестью, шел носатый ксендз, читая молитвенник, обнажив головы*, шагала небольшая толпа [людей] прилично одетых людей, ветер трепал их волосы, посыпал пылью, сзади всех [шел] прихрамывал

высокий, сутулый человек с большими усами и вел на ремне тощую борзую собаку.

— Это — о Выставке? — спросил редактор, [стукнув пальцем по рукописи] *отгоняя* рукописью Клима дерзкую муху [от св‹оего› лица], она упрямо [садилась] *хотела сесть* на лоб его [на щеки, за ухо] [на щеки].—Иноков оказался неудачным корреспондентом [да и вообще он мизантроп],— продолжал он, шлепнув себя рукописью по виску, и сморщился, следя, как муха ошалело носится пред глазами его.— Он мизантроп, [доктор Любомудров [находит] *думает*, что] [1] это у него, вероятно, от запоров. Тимон Афинский страдал запорами, как говорил мне [харьковс‹кий›] известный психиатр Ковалевский в Харькове.

Удачно прихлопнув муху, он *рукописью* сбросил [ее] черненький трупик на пол, приподнял губу и немножко растянул ее — Самгин понял, что [он] *редактор* улыбается.

— И кроме того, Иноков пишет стихи [такие, знаете, *современные*,— «без ничего», как говорят армяне].

Выдвинув ящик стола, он достал пачку разномерных бумажек и предложил:

— Кстати,— у меня накопилось несколько [десятков] *аршин* стихотворений местных поэтов, а я [плохо понимаю их], *должен сознаться*, плохо понимаю эту новую поэзию, так вот, не хотите ли вы посмотреть? Может быть, найдется что-нибудь для воскресных номеров.

— Охотно,— согласился Клим.

Затем редактор пожаловался на Дронова, который недавно подсунул ему стишки:

Мы — чиновники особых поручений.
Состоим мы при особах
Для внушений
Их решений
И для искоренений
Вредных направлений
Юных поколений.

— Помимо того, что стишки нецензурны, [они] автором их был Виктор Буренин, а Дронов [ска‹зал›] пытался выдать стишки за свои. *Талантлив*, [*ловок*] *ловкий репортер, но — опасен,— сказал он, вздохнув.* [2]

---

[1] *Слово*: что — *ошибочно не зачеркнуто.* [2] *Текст*: Это — о Выставке ∾ он, вздохнув, *записан на отдельном листе с пометой зеленым карандашом*: 3-й 1-я.

— Опять меня зарезали? — спросил фельетонист, широко распахнув двери в кабинет и затем, пожимая руку Самгина, сообщил:

— Пятый фельетон в этом месяце.

Климу послышалось, что [Робинзон говорит] *это сказано* с гордостью. Когда редактор [сказал ему] *сообщил*, что фельетон не посылали в цензуру, Робинзон, махнув рукой, воскликнул:

— Все равно — зарежут!

Сел на подоконник и затрясся, закашлялся так сильно, что желтое лицо его раскалилось докрасна: тонкие ноги [его], судорожно болтаясь, стучали [по] пятками по стене, казалось, что башмаки срываются с его ног; *чесунчевый пиджак съезжал с костлявых плеч*, тряслась голова, осыпались *на лицо* пряди обесцвеченных и, должно быть, очень сухих волос.

Откашлявшись, он вытер рот не очень свежим платком [и рассказал, что работает в газетах тринадцатый год и что за это время цензора вычеркнули у] [*и*], *объяснил Климу*:

— Простудился.

И затем сказал, что за девять лет работы в газетах цензура *уничтожила* у него не менее десяти [книг по] *томов*, считая по двадцать листов в каждом томе и по сорок тысяч знаков в листе. Говорил он [весело] *оживленно*, хвастливо, и так же оживленно сказал:

— Писать фельетоны — акробатическое искусство, как хождение по канату. Фельетонист, в сущности, балаганный дед.

— Бог знает, что ты говоришь,— пробормотал редактор и с легким негодованием напомнил [ем⟨у⟩] Робинзону,что одним из признаков истинной культурности человека должно быть его уважение к своей профессии.

— А ты...

— А я хочу есть,— *сказал Робинзон, сплюнув в корзинку для рваной бумаги,— редактор покосился на корзинку и проворчал, отодвинув ее ногою*:

— *Опять забыли плевательницу поставить.*

В дверь боком влез Дронов; редактор возвел глаза над очками и сухо спросил:

— Что у вас?

— Утопленник. Драка на базаре. Две мелких кражи. Увечье,— оторвало руку рабочему на мельнице,— *угрюмо* перечислял Дронов. [— Все — цензурное]

— А [где] очередной подкидыш? — [строго] спросил Робинзон, в то время как редактор строго внушал Дронову:

— Вы, пожалуйста, не философствуйте! [[Вчера вы опять написали чёрт знает что [о] по поводу недостатка воды в городском водопроводе] [Вчера вы по поводу недостатка воды в городском водопроводе опять написали чёрт знает что]

[— Идемте [со мной в Валгаллу] пиво пить? — вдруг *и очень ласково* предложил Робинзон Самгину. [— Выпьем пива]

Клим охотно согласился, ему хотелось уйти [но о‹н›] и хотелось [подсм‹отреть?›] присмотреться к фельетонисту,— [в нем было что-то [задевающее] *возбуждающее*] *Робинзон* возбуждал его любопытство]] *От вас требуются только факты* [*а* [*не*] *размышления о них не ваша обязанность*].

Дронов стоял пред редактором и, глядя в сторону от него, в угол, [*говорил*] *рассказывал скучным тоном*:

— Вчера [в заседании городской управы по вопросу о] *после заседания тюремный инспектор* Топорков [обругал двух] *назвал* членов Управы Тимофеева — [дураком] *идиотом*, а Грачева — вором...

— Но оба не поверили ему,— закончил Робинзон и [ласково] предложил Климу: — Идемте пиво пить?

[Самгин пошел, ему хотелось присмотреться к Робинзону. [Фельет‹онист‹] Хотя] *Чахоточный* фельетонист возбуждал в Самгине чувство брезгливости, [[но Климу хотелось понять] а фельетоны его раздражали] озорниковатая словесность Робинзона [все более] раздражала [его] *его*, но Клим не пожелал упустить случай [ближе] познакомиться с *этим* человеком [которого не любили в городе]. На улице, шагая торопливо, покашливая и жмурясь от пыли, Робинзон говорил:

— Идемте в Валгаллу; так называю я «Волгу», ибо кабак есть русская Валгалла, место, иде же упокояются наши герои.—

Шли тихой, чистенькой улицей, мимо разноцветно раскрашенных домиков, скрытых за палисадниками, окруженных садами, Робинзон [морщил нос], заглядывая во дворы, в окна, морщился, поплевывая и бормотал:

— Уютные курятнички, удобненькие.

«Завидует»,— подумал Клим [и спросил: [по‹чему›] — Почему вы проти‹в›.— Уют вызывает], а Робинзон, жадно глотая [тепленький пахучий] *горячий* воздух, [всхрапывал и говорил и] говорил:

— [Удобное — консервативно. Дядя Аким у Толстого, [litерониз‹ируя›] посмеиваясь над ватер-клозетами, в сущности прав; жизнь наша неудобна всесторонне, [но] а мы [заботимся

о]] [о дяде Акиме Льва Толстого, [о его] о насмешливо‹м›] [говорим об отношении дяди Акима Льва Толстого к ватерклозетам] *Консерватизм возникает на почве различных удобств.* [*В*] [*Ирония дяди Акима по поводу удобных ватеров* [*имеет*] *замечательно подчерки‹вает›*] *Помните у Толстого иронию дяди Акима по поводу удобных ватеров*?

— Не правда ли? — *вдруг* спросил он.

Клим слушал его речь невнимательно, думая о том, что вот такой больной человек считает себя в праве осуждать, поучать. Захваченный его вопросом врасплох, он [неосторожно, но] поучительно напомнил:

— [Не надо забывать, что] *Однако* на почве [*грубого*] влечения к самке мы создали...

Фельетонист приостановился, снял соломенную шляпу и спросил:

— Значит — могу надеяться, что и отправления кишечника будут со временем разрисованы лирическими стихами?

Вопрос этот не сконфузил Клима, но заставил его рассмеяться, — уж очень комична была нелепо изогнутая фигура тощего человека в желтой чесунче, с желтой [*почтительно снятой*] шляпой в руке, комично было и ловко сделанное выражение радостной надежды на восковом лице, [раскрашенном] [красные пятна на] а красные пятна скул напоминали щеки клоуна.

— Неосторожно изволили сказать,— молвил Робинзон и, дружески [взял] взяв Самгина под руку, пошел быстрее.

[В ресторане сели на террасе] Ресторан стоял на краю крутого спуска к реке, терраса [его] висела в воздухе над [гладко подстр‹иженной›] восьмеркой клумб, небогато засаженных цветами. Через вершины старых лип [и вязов] [видна была не широкая полоса] видно было синеватую [полосу] *полоску* реки, [и за нею] *расплавленное солнце сверкало на поверхности воды, за рекою*, на песчаных холмах,— серые избы деревни, [за] дальше холмы [превращали] заросли кустами можжевельника, [но горизонт был закрыт] молодым сосняком, а еще дальше [всю] возвышался [темной стеною мощный сосновый бор] *темный гребень мощного бора.*

В углу террасы одиноко скучала над [сто‹лом›] *пустой* вазочкой *для* мороженого дородная женщина с двойным подбородком и лицом [в форме] [цвета] *в форме* дыни. Робинзон [взглянул на нее и шепотом], взглянув на нее, сообщил [Климу] *вполголоса*:

— Возлюбленная регента соборного хора, [Корвина,

человека] *человека*, который [ведет происхождение] считает
л. 4 себя потомком венгерского короля Стефана Корвина и угрожает предать меня позорной смерти за то, что я написал [о нем, он], *как* [он] беспощадно он бьет мальчиков-хористов.

Дружеским тоном он [[попросил лакея] *заказал* лакею [принести ему яичницу, пиво, *холодной* рыбы] пиво] сказал молодому *лакею*:

— Рыбки, Митя, как всегда, и парочку пива.

Затем сообщил Климу [что питается]:

— Питаюсь почти исключительно рыбой и яйцами, [как] как пищей [содержащей наибольшее колич‹ество›] *наиболее богатой* фосфором.

И тотчас же заговорил:

— Интересно, что сделает ваше поколение, разочарованное в человеке? Человек-герой [истори‹и›], видимо, испугал вас [и], антипатичен вам, хотя [раб‹оту›] историю вы мыслите все-таки как работу Августа Бебеля и подобных ему. Вы [как будто органически] согласны с Толстым и Марксом: героев не было, *да* они и не нужны, историю создают массы. Но, бесспорно, что вы более индивидуалисты, чем народники, [и уж у вас-то незаметно охоты [послужить материалом] к самопожертвованию] и кажется [даже], что вы возлагаете *работу* [и] на массы [работу] для того, чтоб самим остаться в стороне. То, что так деловито и сухо пишется сейчас о мужике, внушает мысль, что мужик для вас — чужой человек. [И] среди вашего брата, марксистов, не чувствуется человек, который сходил бы с ума от любви к народу, от [веч‹ной› боя‹зни›] страха за его судьбу, как сходит с ума Глеб Успенский. Вы слышали? Он сходит с ума...

Самгин [вежливо] *корректно* пожалел Успенского [и [напомнил] вспомнил], *а Робинзон* [*тихо процитировал его*] *спросил*:

— *Помните* [*замучившегося*] *трагический вопль* [*погибающего*] *писателя о «необходимости делать огромные усилия ума и совести* [для], *чтоб построить жизнь свою на явной лжи*, [*на*] *фальши и риторике»*.

— *Да,— вздохнул он,— ушиб человек голову на попытке примирить социализм и «Власть земли»*.

[Следя за Робинзоном [все] с любопытством, которое всё возрастало] [Когда] Небрежно поковыряв вилкой [заливную рыбу] заливное из рыбы, фельетонист [отодвинул] проглотил кусочек желе, поморщился, точно приняв лекарство, взял яйцо, покатал его по столу и сунул в карман брюк, объяснив:

— Для знакомой собаки.

Говорил [он непрерывно] *торопливо* [*не дл‹я›*], *не пытаясь остроумничать* и, видимо, не заботясь о том, слушает ли его Самгин. [Его упоминание о собаке вызвало у Клима] [Говорил торопливо]. Он точно бежал по капризно изогнутой линии, перепрыгивая с холма на холм, *от кустарных промыслов к новым течениям в литературе и от насмешек над молодыми поэтами к вопросу о переселении в Сибирь.* В прыжках этих чувствовалось нечто запутанное, бесцельное, но очень тревожное. [Его [глаза[выгоревшие глаза туберкулезного] Он ерзал на стуле, оглядывался, казалось, что он *беспокойно* ожидает кого-то [и обеспокоен, [что ожидае‹т›] сердится].

— Жил я в тринадцати городах,— говорил он, [рас‹куривая?›] закурив папиросу и дымно покашливая.— В тринадцати. Но, если вы спросите меня: что я знаю о них? — Я отвечу: только анекдоты. В Казани поставлен памятник превосходному поэту Гавриилу Державину. Квартирохозяин мой, *скопец*, [*хо‹зяин›* [*ростовщик* [*и меняла*, *хозяин*], *очень хитрый старичок*, рассказал мне, что Державин был мужчина богатый, но до тридцати трех лет притворялся нищим и плачевные песни на улицах пел. Справедливая государыня Екатерина разоблачила его притворство и, в поношение ему, [велела] приказала изобразить его полуголым, в рубище, с протянутой рукою и [нарочно] поставить памятник перед театром — не притворяйся!

[Сип‹оватый›] В сиповатом голоске Робинзона явно [звучали печально] звучала печаль, он пытался прикрыть ее насмешливыми улыбками, но [это] — прикрыть не удавалось. Скучные, серые тени являлись на его [лице] костлявом лице, [выгоревшие глаза лихорадочно блестели] *как бы зарождаясь в морщинах вокруг выгоревших глаз, глаза лихорадочно поблескивали и уныло гасли, прикрываясь ресницами.* По столу бродили сухие руки, трогая нож, вилку, [1 нрзб.] [скатывая шарики из] *пощипывая кусок* хлеба и бросая крошки его [вниз] с террасы бойким воробьям.

— А происхождение фамилии Державин объясняется так: [был] казанский мужик Гаврило был истопником во дворце Екатерины Великой; разругалась она с любовником своим, Потемкиным, и кричит: голову отрублю, кривой дьявол! Потемкин бежать, а она в женской ярости своей за ним, как была голая. Гаврило же, не глуп будучи, удержал ее: [ва‹м›] тебе, говорит, царица, нельзя за любовни-

ками гоняться. Тут она опамятовалась: — «Верно, Гаврила, и заслужил ты награду за охрану моей царской чести, за то, что удержал державу от скандала». После того он, по ночам, [девять] *семь* лет стоял часовым у двери ее спальни, [а когда умер, приказано было] и дана была ему фамилия — Державин.

Медленно выпив стакан пива и глядя в скуку за рекою, Робинзон сказал:

— Мною собрано и записано [больше] *около* сотни таких анекдотов о поэтах, царях, губернаторах, *ученых*, архиереях. В анекдотах этих [выражается] *выражена* пытливость народного ума, который, кажется, всю действительность осознает как *творчество* анекдотов [1].

Четко отбивая шаг, на террасу вышел из ресторана [маленький], *как на сцену из-за кулис*, *небольшой*, крепкий, *смуглолицый* человечек в пышной шапке досиня черных волос; вихрастые волосы его стояли дыбом [и это придавало] [густые], *смолистые* черные усы [бы‹ли›] закручены [в‹верх›] *концами* вверх, почти до глаз, круглых и черных, как чрезмерно большие пуговицы его щегольской визитки. Он весь [был] масляписто блестел, казался новеньким, только что отшлифованным [*и*], *палка*, *ненужная в его волосатой руке*, *тоже* [*была*] *новенькая*; *на ее набалдашник* [*была*] *натянута желтая перчатка*, *пальцы другой перчатки высовывались между пуговиц визитки. В общем этот щеголь* вызывал впечатление человека, испуганного или разгневанного и подпрыгнувшего.

— Вот — Корвин,— тихо сказал Робинзон и, *спрятав руки в карманы*, уселся на стуле крепче.

Фехтуя палкой, [широко] улыбаясь, помахивая широкополой серой шляпой, Корвин направился в угол, к даме, но, заметив фельетониста, остановился [и Клим видел]. Клим, видя, как матовые белки его глаз вдруг покраснели, [усы] концы усов грозно зашевелились, с упреком взглянул [на] в лицо Робинзона,— тот неопределенно и слабо улыбался [2].

«Кажется, он меня пригласил сюда в качестве [своего] защитника на случай драки»,— сердито подумал Самгин, [искоса наблюдая за Корвиным[3]] *видя*, *что* Корвин, поздо-

---

[1] *Текст*: В анекдотах ∾ анекдотов — *перечеркнут синим карандашом. После*: анекдотов — *знак вставки красным карандашом*; *вставка отсутствует.* [2] *После*: улыбался — *знак вставки зеленым карандашом*; *вставка отсутствует.* [3] *Фраза*: Кажется он ∾ Корвиным — *перечеркнута зеленым карандашом.*

ровавшись с дамой, [стоя] помахивает палкой и перчаткой в сторону фельетониста и глухо рычит.

— Может быть, нам лучше уйти? — спросил Клим.

— Можно и уйти,— согласился Робинзон, усмехаясь, и встал, говоря довольно громко: — Он уже подходил ко мне... с агрессивными намерениями, то есть угрожая палкой, но я сообщил ему, что у меня в кармане револьвер... Вот этот...

И Робинзон показал Климу черный стальной портсигар.

У выхода из ресторана простились. Робинзон, покашливая, качаясь на ногах, пошел вниз, к реке, а Самгин домой, удовлетворенно думая, что фельетонист не *очень* похож на злокозненного и противного старичка каменщика. Это — [обыкновенный русский бредовый человек, такие уже были знакомы Самгину] [знакомый] тип русского говоруна, [знако⟨мый⟩] один из тех русских людей, в душе которых мусор житейского опыта не прессуется в нечто *строго* оформленное. [Он потому [так] и не любит Глеба Успенского, что сам тоже бредовой человек [которы⟨й⟩] и способен захлебнуться словами до отчаяния, до безумия]

Было приятно увидеть человека менее значительным, чем он казался [1].

[Вечером Спивак [как-то вдруг] *по поводу* [*ничтож⟨ных⟩*] *стихов нового поэта* заговорила с матерью о новых течениях в литературе. Клим, сидя у окна в сад, слушал [*ее*] *речи* недружелюбно [и ждал] *ожидая* момента возразить ей, [но возражать] но не находил его и [постепенно] *незаметно* утратил это желание. Слушать женщину было интересно и приятно. Сидя в кресле, заложив ногу на ногу, она очень просто и убедительно говорила, что в назревающе⟨м⟩] [2]

л. 5 [3] несмотря на их задор и эпатаж, молодые писатели [как будто] литературно *грамотнее* и технически тоньше старых «бытовиков». Похвалила их за проповедь возвращения к Пушкину, за интерес к Тютчеву, к [французской] поэзии французов. Но, усмехнувшись незнакомой, *новой для* Клима остренькой *и неприятной* усмешкой, она сказала:

---

[1] *Фраза перечеркнута синим карандашом. После*: казался — *знак вставки синим и зеленым карандашом*; *вставка отсутствует*. [2] Следующей лист автографа не сохранился, текст остался незаконченным. [3] ХПГ 23-1-1, № 59844, 12 лл., 20 стр. Авторская пагинация: 5-4-9 черными чернилами, красным карандашом. *Над текстом помета красным карандашом*: Спивак; *начало фразы отсутствует*.

— [Есть] *Всегда были* люди, [которые инстинктивно [чувствуют] хотят] которым хотелось уйти в сторону от «злобы дня». *Теперь у нас* она становится все злее и предъявляет требования, которые не всякий в силах удовлетворить.

Затем она [заго‹ворила›] стала говорить о немецком романтизме, о Тике и его зависимости от Решнор де ля Бретона, указала на связь [немцев с] [*романтизма*] *французских* декадентов с романтизмом немцев.

— Не ново, что Рембо окрасил гласные, еще Тик пытался вызвать словом впечатления цветовые [1].

Это была целая лекция по истории литературы и [не скучная лекция.

— Как много знаете вы, Лиза,— сказала Вера Петровна, вздохнув. [Спивак дружески объяснила ей, что]

— [*Мне придет‹ся›*] Сомневаюсь, [что знаю] достаточно ли для того, чтобы читать в нашей школе историю музыки в связи с историей культуры,— скромно сказала Спивак.

Она сидела далеко [от Клима, но он], *но Клим слышал* запах ее духов и вспоминал [забытую им] *музыкальную* фразу:

«Тобой, одной тобой...»] *Клим должен был признать, что это не скучная лекция. Но* [*как*] *почти всегда* [*он испытывал чувство лег‹кой› досады на Спивак и на себя*] [*слушая Спивак*], *когда он слышал то, что ему казалось умным, Самгин испытывал досаду на себя* [*досаду*] *за то, что* [*он*] *позволяет другим забегать вперед его.* Он был уверен, что [все сказанное Спивак он мог бы сказать] мог бы сказать все сказанное Спивак не хуже ее, он ведь тоже читал [книгу Гайма] «Романтическую школу» Гайма. [Но все читал‹и›]

— Как много вы знаете, Лиза,— сказала мать, вздохнув, [и подходя к роялю и присев на таб‹урет›] и прибавила кисловатым голосом:

— Я тоже в молодости думала, что образование украшает женщину. [А Тим‹офей›] Делает ее более значительной,— поправилась она. Спивак, *взглянув на часы*, встала и *ушла*, сказав, что ей пора кормить мальчика.

— Очень умная,— сказала мать, подходя к роялю.— Очень практичная и сухая, несмотря на ее ласковые [глаза] улыбки.

— Любит учить,— сказал Клим.

---

[1] *Текст*: несмотря на их задор ∾ впечатления цветовые.— *перечеркнут синим карандашом.*

— [Да.] Она *в школе* будет читать историю музыки в связи с историей культуры,— рассматривая ноты прищуренными глазами, говорила мать странным тоном, как бы осуждая Спивак.— Ей приятно возиться с людями. Организует хор любителей пения. Ей помогает в этом [церковн‹ый›] соборный регент Корвин, [хороший [виолончелист] человек] *человек* грубоватый, но интересный мужчина.

Вытянув шею, мать взяла несколько минорных аккордов [и ска‹зала›] [и дос‹казала›] и сказала, вздохнув:

— Он увлекается ею.

От матери веяло унынием. [Самгин] Клим неодобрительно посмотрел на тело ее, расплывшееся на табурете, на морщинки за ушами и подумал:

«[Она] Становится жалкой».

Через несколько дней Клим [получил удовольствие] [с удовольствием прочитал], прочитав в газете свой первый очерк о Выставке [и], почувствовал себя [именинником] так беспокойно, как будто [на него] его окружили и кусают, щекочут мухи. [Было] Неизведанно приятно было видеть [под‹пись›] в конце шестого столбца статьи жирненькую, черную подпись «К. Самгин», *но* раздражали опечатки, [еще более] хотелось поскорее узнать, что [скажут о статье в редакции, как от‹несутся›] скажет Спивак, было обидно убедиться, что некоторые фразы построены [слишком] многословно и тяжело, а иные [кажутся[слишком [высокопарными] высокопарны, и хотя; в общем, тон статьи солиден, *но* есть в ней что-то [бесцветное, чего не должно] [1] чужое, от ворчливых суждений Инокова. Это было всего [хуже] неприятнее, и тем более неприятно, что некоторые фразы Инокова [зв‹учали?›] [воспр‹оизводились›] оказались воспроизведенными почти буквально. *Особенно смущала фраза о Пенелопе, ожидающей Одиссея, о седоватых и лысых женихах, в этой фразе* [*было*] *оказалось что-то* [*двус‹мысленное›*] *неожиданно двусмысленное.*

«*Могут подумать, что тут скрыта мысль монархическая.* Как это я допустил?» — думал Клим, [часто] глядя в зеркало, которое показывало ему озабоченно [сморщенное лицо] вытянутое лицо с прикушенной нижней губой и холодным блеском стекол.

Мать [похвалила статью, но нашла], *очень* похвалив статью, *сказала* [кивнув на окно]:

---

[1] *Текст*: Через несколько дней ∾ чего не должно — *перечеркнут синим карандашом.*

— Мне кажется, что для [эти‹х›] [нашего города] нашей *газеты* следует писать [проще] не так умно.

[А в редакции] *И* Дронов, как будто искренно поздравив «с началом писательской деятельности», тотчас же [сказал] *сообщил*:

— Робинзон говорит, что статья похожа на [выст‹авку›] окно гастрономического магазина: все [*1 нрзб*] *за окном* вкусно,— а — не для широкого потребления.

Клим принял это за комплимент, хотя и чувствовал в отношении Дронова [к нему что-‹то›] нечто фальшивенькое и заискивающее.

После двух, трех встреч и бесед с ним Самгин стал думать, что Иван Дронов самый интересный человек в газете, наиболее характерный для нее. Беспокойный острый взгляд Дронова проникал сквозь стены домов города, в микроскопическую пыль будничной жизни, зорко находя *в ней*, ловко извлекая из нее наиболее крупные и темненькие пылинки. Затем пылинки эти ложились на лист бумаги черненькими узорами свинцового шрифта, от которого исходил тяжелый запах жира.

— [Вся] *Почти вся* газета [а особ‹енно›] живет моим материалом,— [говорил] *хвастался* он, кривя рот.— Если б не я, так Робинзону и писать не о чем.— И, всасывая *сквозь зубы со свистом* воздух, жаловался:

— Если б не цензор и не дурак редактор, я бы зарабатывал рублей двести в месяц...[1]

Все, что [он] *Дронов* рассказывал о жизни города, отзывалось густо устоявшейся злостью и сожалением, что из этой злости *ему* невозможно извлечь всю пользу для себя. Темненькая пыль повестей хроникера и отталкивала и привлекала Самгина, обнажая пред ним [много‹е› неизвестно‹е›] много неизвестного. [Неприятно] Не очень приятно было слушать Дронова: в его речах звучало пренебрежение ко всем людям, ко всему на свете [и], в этом пренебрежении Клим иногда [с изумлен‹ием›] изумленно чувствовал что-то свое и однажды заметил Дронову:

— Ты слишком тенденциозно фиксируешь пошлости.

— Ну, а что еще фиксировать? — спросил хроникер, сжав ладони, [похрустывая] хрустя пальцами; пуговка носа его покраснела, покраснели и *недоразвитые* мочки ушей.

---

[1] *Текст*: Чужое, от ворчливых суждений ∾ в месяц ... — *перечеркнут синим карандашом*.

— Редактор везет [в] отчима твоего в городские головы, а воображает себя преобразователем России, болван! Больше всего он любит подсматривать, как корректорша чешет себе ногу под коленом, у нее там всегда чешется,— говорил он, усмехаясь.— Корректорша — политическая, сослана сюда под надзор полиции. Когда у нее нет работы,— пасьянс раскладывает, гадает: даст ли царь конституцию?

Рассказывал, что вице-губернатор, обнимая опереточную актрису Муратову, [наколол палец] *уколол руку* булавкой, руку разнесло, резали.

— [Этого] *Это* не напечатают [сожалел он]. Это для Робинзона,— сожалел он и [рассказывал] *говорил* о цензоре:

— Старик, брюхо по колени, а жена молоденькая, была сестрою милосердия в Красном кресте. Теперь ее воспитывает Маевский, чиновник *для* особых поручений, недавно подарил ей полдюжины кружевных панталон [1].

Дронов знал изумительно много грязненьких романов и драм [*мошенничеств, которые нельзя публично разоблачить, фактов корыстолюбия городских деятелей*], *городских деятелей и мошенничеств, которые нельзя публично разоблачить, фактов корыстолюбия* [*жульничест⟨в⟩*].

л. 6 В *его* изображении [Дронова] город был населен людями, которые единодушно [заняты] *творят* всяческую скверну и так же единодушно [подсматривают, подслушивают] следят друг за другом, а Иван Дронов подсматривает за [ними] всеми [людями], собирая бесконечный материал для доноса на людей кому-то.

[Вечерами [а час⟨то⟩] ча⟨сто⟩] [Интересно было в редакции, когда] В редакции *по субботам* собирались [все] сотрудники и некоторые доброжелатели газеты, люди, очевидно, любившие поговорить о чем угодно и где угодно. Все они [кроме Робинзона и Дронова] возбуждали у Клима [чувство некото⟨рого⟩ недоумения и] чувства *недоверия и неприязни* [и недоумения. Трудно было понять] *Он не понимал*, из каких побуждений эти люди так упрямо старались пустить свои суетливые мысли в пятидесятитысячную гущу обывателей города, зачем они так назойливо пытаются нарушить устоявшуюся простую и тихую жизнь горожан, жизнь, в которой они сами живут? Они говорили о марксистах, народниках, [о политике] *восхищались* политикой немецких

---

[1] *Текст*: Все, что он ∾ кружевных панталон.— *перечеркнут синим карандашом*.

социал-демократов, [забот⟨ились⟩] [гадали] гадали и пророчествовали о ближайшем будущем России, говорили о студенческих волнениях, [литера⟨туре⟩] *о Чехове* и декадансе искусства, о Китае, о политике Англии в Индии, все это звучало довольно парадно, нарядно и — не нужно.

[Кажет⟨ся⟩] [Казалось] Самгину казалось, что они и сами понимают,— да, не нужно [и поэтому] [это он зак⟨лючил⟩] [*он догадывался об этом*] [*чувства, источник которых был неясен ему*]. *Он* [*давно и*], *как ему казалось, непоколебимо утвердился* [*в своей*] [*на своей точке зрения*] [*во мне⟨нии⟩*] *в своем взгляде: человек есть* [*то⟨лько?⟩*] *система фраз*, [*и*] *и хотя* [*и*] *замечал, что иногда взгляд этот освещает не всего человека, но это не очень беспокоило* [*его*] *Самгина.* [*Ведь сказано, что нет правила без исключений*, [*и это очень предусмотрительно сказано, и отсюда ясно пожелание человека*] *и этим* [*сказа⟨но⟩*] *дальнозорко предусмотрено* [*и объяснено*] [*хорошо объясн⟨ено⟩*] *стремление некоторых слишком самонадеянных людей* [*исключить себя из общеприз⟨нанного⟩*] [*создать для*] [*придать*] ⟨*занять*⟩ *исключительное положение, что приводит их опять-таки к созданию своей системы фраз и только.*] [1]

Когда начинали говорить о событиях городской жизни, тут все становились [похожими] похожи на Дронова и зараженными его настроениями. Как будто каждый из них приносил с собою невидимый мешочек серой [липкой] пыли и все, подобно мальчишкам, играющим на немощеных улицах окраин города, горстями бросали друг в друга эту липкую [злую] *едкую* пыль. Конечно, мешок Дронова был объемистее и неистощимее, но пыль была у всех *почти* одинаково едкой и раздражавшей Самгина.

[Когда говорили о городе, [он] *Клим* видел его вытянувшимся по берегу немноговодной реки, по глинистым холмам; вспененные зеленью садов, холмы эти были прорезаны взъездами на вершину их, увенчанную [старым Кремлем, формою своей] *серой зубчатой стеною Кремля и шестью башнями.* [Если смот⟨реть⟩] Он не по⟨нимал⟩] Он не сразу понял, что именно раздражает его, [но] *но вскоре* это объяснил ему местный историк Павлин Савельевич [Козлов] *Смолин*, аккуратненький, беловолосый, гладко причесанный

---

[1] *Текст:* чувства, источник которых ∾ и только.— *записан на полях и перечеркнут синим карандашом. В этом тексте, между строк, возле слов:* чувства ∾ неясен ему — *помета красным карандашом:* «Взять»; *ниже — помета зеленым карандашом:* «6-1».

старичок, с мордочкой хорька и острыми ушами. На [его] *его* [желтом, испи⟨том⟩ носе] желтом, разрисованном [пурпурными] *красненькими* жилками *лице* — сильные очки в серебряной оправе, а за стеклом очков, между опухших красных век, бесформенно расплылись мутные глаза алкоголика. Под большим, уныло опустившимся синеватым носом — белые, коротко подстриженные усы, а на дряблых губах постоянно шевелилась [смущенная] *неопределенная* улыбочка [ее можно было понять как улыбку смущения, но часто казалось, что она осуждает говорунов].

Дронов рассказал, что [Ко⟨злов⟩] этот человек имел чин [штабс-капитана] *поручика*, служил [помощником начальника тюрьмы] *в конвойной команде*, но *в 50-х годах* был судим, лишен должности, чина [и] *и сам* посажен в тюрьму «за спасение погибавших»; [тюрьму подожгли] арестанты подожгли [тюрьму] *помещение этапа* и, чтоб они не сгорели сами, Козлов выпустил их, а его выпустили из тюрьмы, возвратив чин и *даже* наградив медалью [«За спасение» в год смерти Николая] в год коронования Александра II-го. С той поры он почти сорок лет [жил] безвыездно жил в городе, занимаясь его историей, написал [огром⟨ную⟩] *огромную*, в шестьсот страниц, книгу, которую никто не хотел издать, [и числился «неблагонадежным»] *работал в «Губ⟨ернских⟩ вед⟨омостях⟩»*, [*печатал⟨ся⟩*] *печатая в них отрывки истории своей* [*в «Губернских вед⟨омостях⟩»*], *но был изгнан из редакции* за статью, напечатанную в «[Губернских] Епар⟨хиальных⟩ ведомостях»; в статье излагалась ссора одного из губернаторов с архиереем [и], светская власть [наша] сочла себя обиженной [ревн⟨остными?⟩] симпатиями автора к духовной власти [и запретила] и зачислила его в ряды людей неблагонадежных. Жил Козлов торговлей [старинными вещами, редкими] старинным серебром, иконами, старопечатными книгами.

— Притворяется тихоньким, [но] а, видимо,— злой старикашка,— закончил Дронов [свою] биографию историка, [но] *но*, почесав рыжеватый подбородок, добавил.— И [должно быть] от скупости всю жизнь прожил холостяком.

Он [всегда[*привык* рассказывать о людях с кривой усмешкой на губах, [глядя] *посматривая* в сторону и как бы видя там образы других людей, в сравнении с которыми те, о ком он говорил,— негодяи. И почти всегда ему, должно быть, казалось, что он сообщил мало плохого [поэ⟨тому⟩] о человеке, поэтому [он добавлял] закреплял конец рассказа своего узлом особенно резких слов. Клим, уже *давно* [заметил]

отметив эту [его] *его* привычку, [но] на сей раз]он] он почувствовал, что [Дронову не хватило достаточно слов] *Дронов* не нашел [того] обилия темненьких [черточек и] мазков, которыми он рисовал людей, да и рассказал он о Козлове неуверенно, без [обычного] оживления, обычного во всех [тех] случаях, когда он мог [помазать] [смазать] [*посыпать*] *напудрить* человека [сажей] *пылью* своего озлобления. Этим он очень возбуждал любопытство Самгина к тихому [и] чистенькому старичку [и однажды] и желание познакомиться [1]. [В одну из суббот Клим вышел на улицу вместе [с [Котовским] историком] с ним, [а историк, как] а историк, как бы удивив⟨шись⟩, что] Он [очень] обрадовался, когда историк, выйдя с ним из редакции на улицу, заговорил сконфуженно:

— Плохое дело — старость! Вот,— слушаю, говорят *умные* люди знакомые слова, а смысл их не внятен мне [не слышен]. Оглушает жизнь под старость-то...

И вопросительно [заглянув] *заглядывая* в глаза Клима, он продолжал странным упрашивающим тоном:

— Вы, кажется мне, человек внимательный и словесностью не увлеченный, молчите все, так как же [вы думаете] *вы полагаете*, можно ли пренебрегать историей?

И отмахнул рукою назад.

— А они — пренебрегают! Каждый думает, что история начинается [от него и с этого] *со* дня его рождения.

Голосок у него был не старческий, крепенький и какой-то таинственный.

— Самомнения много у нас,— сказал Клим.

— Именно. И — торопливость во всем. А ведь вскачь землю не пашут! Особенно в крестьянском-то государстве невозможно галопом жить.

А [мы все] *у нас* [они] друг друга подхлестывают либеральным кнутиком, чтобы Европу догнать.

Он приостановился, дотронувшись до локтя Клима.

— Не думайте, я не консерватор, отнюдь! Нет, я допускаю и Земский собор и вообще... Но только сомневаюсь, чтоб и нам следовало бежать, *сломя голову*, тем путем, как Европа. Уж очень мы своеобразная нация, а Европа...

Смолин оглянулся и сказал, понизив голос, как [сооб⟨щал⟩] бы сообщая большой секрет:

---

[1] *После*: желание познакомиться — *помета красным карандашом*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует*.

— Европа-то, может, Лихо одноглазое... вот ведь [что], может быть, [она для нас] Европа-то!

И еще тише, таинственней:

— Вспомните-ко вчерашний день, хотя бы с 12 года, а после того — Севастополь, *а затем Сан-Стефано, и, в конце концов*,— бесстрашное и гордое слово царя Александра III: один у меня друг — Николай, князь черногорский! Его, Черногорского-то, и не видать на земле, мошка он [истории, муравей] в *Европе*, комаришко...

Шли в *гору*, по тихой улице [в гору], мимо *одноэтажных* уютненьких домиков в три, в пять окон, с кисейными занавесками, с цветами на подоконниках; ставни окон, стены домов, ворота окрашены [в зеленую, синюю] *зеленой*, *синей*, ко-
л. 7 ричневой и белой краской; [неко‹торые›] иные дома кокетливо прятались за палисадниками, другие гордо выступали на кирпичную панель. Пенная зелень садов, *омытая двухдневным дождем*, разъединяла дома, осеняя их крыши, запах яблоков [укропа, огурц‹ов›] наполнял улицу; [из ок‹он›] *во дворах был слышен смех и крик детей*, кое-где в окнах мелькали девичьи лица, в двух, трех домах [звучали струны пианино] звучала музыка, в одном работал настройщик пианино, с горы и снизу доносился благовест ко всенощной, [в теплом и] во влажном воздухе серенького дня медь колоколов пела негромко и томно.

— Да-с, она, Европа-то, если вспомнить все ее грехи против нас,— Лихо одноглазое,— [говорил] повторил историк и предложил:

— Может,— окажете честь, зайдете чайку попить со старичком? Замечательным угощу! Как истый любитель чая и пьющий его безо всяких добавлений, как-то: [молока] сливок, лимона, вареньев — употребляю только высокие сорта...

[Жил Смолин [[во флигеле, на дворе двухэтажного] на дворе одноэтажного дома [низенького, длинного]; белый, низенький и длинный, дом этот напомнил Самгину волжский пароход, а флигель в три окна с крышей на один скат — пристань] [в одноэтажном приземистом доме] [в двух комнатах одноэтажного приземистого дома о пяти окнах; [[дом] выкрашенный бурой краской, дом этот имел вид [старого]] [старый дом этот, обшитый тесом и многократно окрашенный] одна комната с окном на улицу была [тесно] заставлена [старинной] старой мебелью карельской березы и во всю длину [ее] боковой стены стояли, как в магазине] *в двух комнатах* [*длин-*

ного] *одноэтажного дома*; *длинный, в шесть окон, приземистый дом этот*]

Смолин остановился у крыльца одноэтажного приземистого дома о пяти окнах, несильно дернул ручку звонка и, поглядев вправо, влево, сказал удовлетворенно.

— Самая милая и житейская улица в нашем [тихом] городе, улица для сосредоточенной жизни, так сказать.

Дверь открыла одетая в черное седоволосая женщина, *усатая*, с густыми [черными] бровями и строгим, неподвижным лицом.

— Кума моя, [Настас‹ья›] [Серафима] *Таисья* Михайловна [Стрельцова] Пушкарева,— сказал историк и, попросив куму поставить самовар, сообщил, что Пушкаревы, Стрельцовы, Тиуновы, Затинщиковы — старейшие [семьи] *фамилии* города.

— *У нас мещанство, да и купечество тоже, фамилий своих не ценят. Во всем городе, может быть, только один модный портной Сандораков гордится своей фамилией, а она ничего не значит.* В записках местного жителя Афанасия Бурмистрова, частию опубликованных мною в «Р‹усском› в‹естнике›», рассказано, что пушкарь Егор, [украин‹ец›] родом швед, [в бытность Петра Великого в городе нашем] *отличаясь смелостью характера и простотой души, сказал Петру Великому*, когда [буреподобный] [грозный] *суровый* государь этот [посетил] *заглянул проездом в* город наш: «Тебе бы царь, кузнечному делу выучиться, плотников в деревянном государстве твоем и без тебя много есть». Он, Егор, и был родоначальником *всех* [Ползун‹овых›] Пуш‹каревых›, как это дознано мною.

[Рассказывая, Смолин ввел Клима в тесную комнату, уставленную [как в магази‹не›] мебелью карельской березы с бронзой и двумя такими же шкафами, за стеклами [кото‹рых›] [их] одного тускло поблескивали серебряные ковши, братины, бокалы, [шандалы] другой [был] туго набит [толстыми] книгами в [кожаных] старых переплетах. [Ласково] Любовно поглаживая вещи [маленькими ручками] *тонкими пальцами в дряблой коже* цвета гусиных лап, изгибаясь, как ящерица, старик похвастался [объемистым бокалом, на котором [не очень грамотно] довольно грубо была вырезана надпись] [серебром] редким рублем с] *Рассказывая, Смолин ввел Клима в просторную* [*светлую*] *комнату с двумя окнами, одно во двор, другое в огород.* [Довольно] *Обширный угол между окнами был тесно заполнен темными квадратами икон, три* [*лампадки*] *горели пред ними, белая, красная и*

синяя. Блестели золоченые венчики и опаловые слезинки жемчуга риз. У стены — кровать карельской березы с бронзовыми украшениями; около двери, в темноватом углу, шкаф, за стеклами его тусклое серебро ковшей, братин, бокалов и черные кирпичи *толстых* книг, переплетенных в кожу.

— Вот моя нора,— сказал старик, извинился и, *бережно* сняв сюртук, надел *полосатый* пиджачок, похожий на женскую кофту.

Нора историка была такая же чистенькая, как сам он; *в углу зеркально сияли изразцы печки, украшенные тенями листьев рябины, в открытое* окно, из огорода, втекали запахи укропа, *огурцов*, [не заглушая навоза] густой аромат черной смородины; было тихо [душно] и так отъединено, [как будто] что Самгин чувствовал себя далеко за городом.

Старик похвастался пред ним серебряными золочеными ковшами, которые московские цари давали целовальникам в награду за успешную торговлю водкой в царевых кабаках, благоговейно показал [первое] [новое издание «Параши Сибирячки» с автографом князя Голицына] *переплетенную в зеленый сафьян* книжку Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге» ‹с› автографом Дениса Давыдова и чьей-то надписью угловатым почерком, начало надписи оторвано, остались только слова: «за сие и был наказан удалением в армию тысяща восемьсот четвертого году», показал желтый лист рукописи, озаглавленной «Свободное размышление профана о вредоносности насаждения грамоты среди [воин‹ских›] нижних воинских чинов гвардии и о бывших деяниях оной от времен ее императорс‹кого› вели‹чества› госу‹дарыни› импер‹атрицы› Елизаветы Петровны и до кончины *благочестивей‹шего›* императора Павла I-го».

Показывая сокровища свои, старик любовно гладил их [тонкими пальцами] *сухими ладонями в дряблой коже* цвета утиных лап, двигался он быстро и гибко, точно ящерица и крепкий голосок его звучал все более таинственно.

— *Люблю старинное, умиляет меня прелестная суетность вещей, созданных от руки человека, а не* [*ма‹шиной›*] *бездушной машиной наших дней,— говорил он, вздыхая, улыбаясь.*

— Городок наш милый [принадлежит] *относится* к числу забытых и как бы [самов‹ольно?›] отодвинутых в сторону от путей новейшей истории, потому в нем многое *важное* лежит *нетронуто* по укладкам, по сундукам, ожидая прикосновения гениальнейшей руки нового Карамзина. Я

ведь пребываю поклонником этого поэта истории, [так как злые] ибо никто, как он, не понимал [так] *столь* сердечно, что Россия нуждается во *внимательном* благорасположении [и также] и милосердии.

Он и за чаем — [действительно, особен‹ным›] *чай был*, действительно, какого-то необыкновенного вкуса и аромата — *продолжал* говорить о *прошлом* города, о его архиереях, губернаторах, и, хотя рассказы его [были] [1] [ма‹ло›] мало похожи на историю, но Клим слушал их с великим интересом.

— Отличаясь малой воспитанностью и резкостью характера при [необра‹зованном›] несомненном наличии природного, но не обработанного ума, допустил он однажды такую невыгодную для себя шутку. Пригласив Владыку Макария на обед и предлагая ему кабанью голову, сказал: «Примите, ядите, ваше преосвещенство», а владыка, не будь плох, и говорит: «Продолжайте, ваше превосходительство!»

Старик звонко и до слез расхохотался и сквозь смех проговорил:

— Понимаете? Муравьеву-то пришлось бы сказать о свиной голове: «Сие есть тело мое». А? Ведь вот как шутили!

Затем он рассказал, как одна [бо‹гатая?›] добросердечная купчиха, узнав, что в город приехал опальный вельможа Сперанский, [*милостиво*] послала ему пяток печеных яиц и два калача, как привыкла *каждую субботу* посылать милостину в тюрьму.

Самгин видел, что вся история города сводится стариком на анекдоты, но [Смо‹лин›] историк рассказывал их с таким наивным умилением, с такой *одинаково* мягкой лаской к добру и злу прошлого, что [все это] [его улыбающаяся речь, потерявшая таинственность, исполненная странной, почти детской радости, наполняла Клима] *Клим чувствовал, как* [*эти*] *улыбающиеся* [*рассказы*] *речи, потеряв* таинственность [исполненные] [*преисполненные*] *насыщенные* странной, почти детской радости, [обнимают и] *ласкают* [Клима] его доброй лаской старой няньки. [Это говорила не] Кривобокая [старуха] старушка Федосова [о боль‹ших?›] говорила большими словами о сказочных людях, стоя где-то в стороне и выше их, а этот [оч‹ень›] милый старик рассказывал о людях обыкновенных, [неизвестных] *таких же маленьких, каков сам он*, но *рассказывал* так, что [каждый] маленький человечек вырастал, приобретая [особ‹ую›] значительность и даже иногда красоту, иногда — величие. Это *любовное* рас-

[1] *Слово*: были — *вычеркнуто и не восстановлено.*

крашивание обыкновенного и [простого] *будничного* [в нежные и ч‹истые?›] нежными красками [[зам‹азывало?›] [скрывало понятную] *прикрывая его будничную* пошлость, трогало] рисовало жизнь [буден] как тихий праздник с обеднями, оладьями, *крестинами*, свадебными обрядами, *похоронами*, поминками, [крестинами, странными] *жизнь бесхитростную* и трогающую своим простодушием. Странные, а порою очень красивые пережитки древних языческих суеверий чередовались со смешными анекдотами, *чаще всего смешными незатейливостью своей.* [Когда открывали водокачку и житель Бурундуков, скорняк, прочитал над входом ее золотые слова псалма Давидова «На горе́ станут воды», загрустил Бурундуков [и [стал жаловаться] *пожаловался*: «Все вверх ногами пошло»], а потом рассердился: «Все вверх ногами пошло!» [Вот воду на]]

л. 8 [[Наши все] Анекдоты [старика] были [так же] незатейливы, [как этот, и Самгина изумляло уменье [вкладывать], с каким Смолин вкладывал в эти плоские рассказики улыбочку, которая, *скрывая их глупость*, придавала им некий [необыкновенный] смысл] даже глуповаты, но в них отображалась незнакомая Самгину бесхитростная и миролюбивая жизнь.] [Клима] [Его] *Самгина* приятно изумляло уменье историка скрашивать [явную глупость и пошлость их, и люди] *благожелательной улыбочкой все то, что умные* книги [заставили] *заставляли* считать пошлым, глупым [и], отжившим. Эта улыбочка и крепкий голосок аккуратного старичка влагали в явные пустяки некий смысл, [который] показывая их [неизбежно] [1 *нрзб*] [*не только*] украшающими жизнь людей. Самгин никогда не думал [о городе, как вместилище десятков тысяч людей, с его] *о* начале дней [его] жизни города, старик рассказал ему об этом по «Строельной книге», рассказал, как присланный [Москвою] *царем Бор‹исом› Годуновым* боярский сын [Незамай Кручина] *Илья Жадов* с ратниками и холопами основал этот *порубежный* [на краю степи] город, чтоб отражать набеги кочевников [на] из Донских [и Азовских] степей *на Москву*, как ратники [полонили дикую мордву] *дрались* с дикой мордвой и *полонили*, заставляя [ее] работать, как разбегались холопы из-под руки [Кручины] *жестоковыйного Жадова* и как он буйствовал, [раздраженный] *подстрекаемый* степною тоской. И все: мордва, холопы, ратники, боярский сын, поп Василий, дьяк Тишка [Дроздов] *Дрозд*, [все] зачинатели города и враги его, [все] [правы во всем, что делалось ими хорошего и худого] *равномерно* об-

ласканы старым историком и за хорошее и за [худое] плохое, содеянное ими по силе явной необходимости

По силе той же необходимости [бежали лю‹ди›] горожане и холопы [бежали] бегали от воевод в казаки [и], пытались [сговориться] пристать к бунту Ем‹ельяна› Пуг‹ачева›, а Пуг‹ачев› и бунт его был необходим для доказательства силы и прочности государства.

— А теперь вот, [малыми] *зачатый* трудами тех людей, от которых и праха [нет] *не осталось* на земле, разросся *значительный* город, вмещает почти [семь-шесть] семь десятков тысяч жителей и все растет, растет тихонько. В тихом [-то росте] *трудолюбии* больше геройства, чем в шумных [прыжках] *наскоках*. Уж поверьте старинному слову: землю вскачь не пашут,— повторил Смолин любимую поговорку. *Поговорками он был богат, и все они звучали [как] аккордами одной и той же мелодии.*

— *Без минутной стрелки часовая не двинется,— говорил он.— Главный-то кирпич не в карнизе, а в фундаменте.*

В этих поговорках Клим слышал даже нечто молитвенное.

[Слушать его] *Смотреть на него* было так же приятно, как слушать [ровную] *его благожелательную* речь, обильную мягкими словами [1—2 *нрзб.*], тусклый блеск которых имел что-то общее со старинным серебром в шкафе, *а слова — с мягким сиянием жемчуга на ризах икон.* Тонкие руки с кистями темных пальцев двигались [уве‹ренно›] округло [и уверенно], *легко и* бесшумно, расписанное *красными жилками* лицо добродушно морщилось, шевелились белые усы, и за стеклами очков поблескивали [опаловы‹е›], *играя* в опаловых белках, [странно увеличенные] расплывшиеся темненькие зрачки. Он вкусно пил чай, вкусно грыз мелкими зубами пресные лепешки, замешанные на сливках, от него, как от плодового дерева осенью, исходил вкусный и здоровый запах.

Клим незаметно для себя просидел с ним почти четыре часа и вышел на улицу с улыбкой [насытясь физически и духовно [тем нов‹ым›] [до почти] новым для него чувством [благорасположения] почти до [утомления] усталости. [Чувство] [Настроение, [вызва‹нное›] которым наполнил его]. Чувство, которое разбудил в нем старик, было сродно умилению, испытанному [им] на Выставке, [но мягче] [но еще ласковее [и благо‹желательней›] и благожелательней] но еще более хмельным [и освежающ‹им›]. [Было в нем нечто освежающее]

Была уже ночь, теплая, но свежий ветер *осторожно* [и благожелательно] шумел в садах, *гоня по улице волны* [*душистых*] *сложных запахов*, в маленьком прозрачном облаке пряталась правильно круглая луна, точно огромный желток яйца, *парчевые полосы* [*огней*] *света из окон домов лежали на мостовой*, внизу, над крышами [домов], блестели золотые караваи церковных глав, все было [смягчено] окутано лаской летней ночи, все казалось [новым] *обновленным* и, главное, благожелательным человеку. Именно так чувствовал Самгин: все благожелательно [миролюбиво и милосердно]: *луна*, *ветер*, *приглушенный ночным часом шум города*, [*миры*] *шёпоты листвы в садах и* [*эти*] *под серебристым небом на спокойной земле — уютные* [*домики*] *гнезда* [*простых и*] *миролюбивых* [*людей*] *потомков истлевших в земле стрельцов*, *пушкарей* [*и тиунов и зачинщиков*] *и озорных казаков*, *и скуластой крещеной мордвы*, *и добродушных татар*. Это — не тот город, о котором [кривя] сквозь зубы говорил Дронов, [о которо⟨м⟩] *усмехаясь*, пишет Робинзон, о котором [спорят] *рассказывают* в редакции люди, обеспокоенные и раздраженные [своим] неутоленным честолюбием.

[Но обо всех] Об этих людях Клим подумал на сей раз беззлобно, даже с некоторым сожалением к ним. И *почти* так же беззлобно он вспомнил Кутузова, брата, Дьякона, Лютова, всех [этих] неугомонных критиков действительности, [неизвестной им, но вдруг открывшей ему что-то новое, [жив⟨ое⟩] освежающее и необходимое для того, чтоб жить] *которую так благосклонно и уважительно оправдывает простенький старичок* [1].

Следующие два-три визита к историку не дали Самгину ничего нового, но очень укрепили то, чем *Смолин* насытил его в [первый визит] первое посещение. Он услышал еще десяток анекдотов [о декабристе, который боялся мышей] о губернаторах, архиереях, генералах, о предводителях дворянства и богатых купцах, самодурах от сытой, но скучной жизни.

— Дурят [в] у нас в империи от избытка сил. Садко, дерзкий хвастун, дурит и неуемный Васька Буслаев,— толковал Смолин, разливая по стаканам ароматный [зеленоватый] [*золотис⟨тый⟩*] янтарный [и зеленоватый чай] *чай*. И, раскалывая [щипцами] *щипцами* сахар на мелкие кусочки, говорил, снисходительно [кри⟨во⟩] улыбаясь:

---

[1] *После*: старичок — *на полях помета красным карандашом*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует*.

— А критикуют от неуменья жить [*и* от конфуза пред Европой], от самолюбия и конфуза пред Европой. Господину Герцену хотелось Вольтером быть, господин Салтыков Свифтом *видел* себя; тут, конечно, обман зрения. Возьмите лепешечку [с вишневым соком], *на* вишневом соке сделана, кума у меня неистощимой изобретательности по части печева.

— Я, конечно, не против критики, нет! — продолжал он.— Критики у нас всегда были и — какие! Котошихин, например, или князь Курбский, даже императрица Екатерина критикой не брезговала.

И, улыбаясь, он с сожалением развел руками:

— Но, все, знаете, как-то таинственно выходило: Котошихину *даже* и шведы голову отрубили, князь Курбский пропал в нетях [и в неве‹дении?›], распылился в Литве, а Екатерина Великая, ей бы саму себя критиковать полезно. Расскажу я вам о ней нескромный анекдотец, скромного о ней ведь не расскажешь.

Нескромный анекдот оказался кратким и пресным, но был рассказан почтительно и вполголоса, а затем старик продолжал:

— Критика — законна. Только — медь надобно чистить осторожно и соляной кислотою, а у нас чистят тертым кирпичом, и это есть невежество, от которого металл весьма страдает. *Европа, разумеется, весьма величественно распухла и многим своим в праве кичиться, но вот, например, европейская обувь, ботинки разные, ведь они не столь удобны, как наш русский сапог, а мы [и са‹ми›] тоже начали [делать] остроносые сапоги точать, от чего [кроме] нам нет никакого [удовольствия] выигрыша, кроме мозолей. [Это вы возь‹мите›] Этот примерчик возьмите иносказательно.*

Голосу его благосклонно вторил [суховатый] шелест листьев рябины за окном [Старик сидел] [Потрескивал] и задумчивый шумок угасавшего самовара. Изредка потрескивал фитиль одной из лампадок за спиною Клима. Павлин Савельич Смолин, приподнимая обеими руками очки с носа, смотрел в угол на тень огонька [на лики иконные] пред иконами и доказывал:

— Европа стремится жить [дешево] искусственно: вот — лампадное масло [подделывают] подделывать начали, придумав какое-то «гарное» — угарное. Чемоданы стали делать из бумаги, а продают [якобы] за кожаные. [Клим Самгин, оглянувшись [на иконы] в угол, увидел [что [они] [лики их, темнея и светлея] [в игре теней] игра [тен‹ей›] света и теней на лик‹ах› заставляет] игру света и теней на ликах икон] И,

вообще, направление духа в Европе на механический обман [1]. Вот смотрю я, собираются в редакции местные люди, рычат — Европа, Европа — и поносительно рассказывают иногородним,— то есть редактору и собратии его, [разные тайны] разное о жизни горожан, *тогда как душу* [*города*] *его они сами не* [*понимают*] *чувствуют, а история города не знакома им, отчего и раздражаются.* Тут, знаете, есть эдакое... не совсем приличное, как бы о [недостатках родителей [предков]] предках, родителях *бесстыдный* разговор с чужими. [Без греха люди не живут, ведь и критики не безгрешны... Не умею даже сказать, как удивляют меня и не нравятся мне нескромности. А ведь у нас уж если начнут судить [Помолчав и сделав]]

Отпив несколько глотков чая, он осторожно поставил [свой] свой стакан, старинный, граненый, с полинявшей позолотой и сказал, [подняв] опираясь локтями о стол, подняв руки:

— А г‹осподин› Томилин [уж] совсем ужасает меня. [Совершенно дикий чуваш] Совершеннейший дикий черемис, говорит что-то, а понять ничего невозможно. И на плечах у него как будто даже не голова, а горькая луковица. Робинзон, это, конечно, ... Бог с ним! Или: *сновал, метался тут молодой человек Иноков... невозможно вообразить,* [*какое дело может делать*] *на какое дело он способен?* [2]

л. 9 Сокрушенно покачивая белой, гладкой головкой, он тяжело вздохнул:

— Ох, не хороши люди пошли на нашей земле! И — куда идут?

По привычке, твердо усвоенной им, Самгин держался осторожно, слушал, спрашивал, но сам не высказывался. Однако тут он [произнес] сказал с легонькой и неопределенной усмешкой:

— Мечтают о политических реформах, о представительном правлении...

— И даже — о республике, знаю. *И о социализме, на кот‹ором› даже Иисус Христос голову себе сломал,*— прервал его старик строгим тоном, затем, поправив [свои] тяжелые очки, спросил:

— А вы как думаете об этом?

---

[1] *Текст*: Европа стремится ∾ обман — *на вклейке с пометой синим карандашом*: 8-4.

[2] *Текст*: сновал, метался ∾ способен? — *на вклейке с пометой красным карандашом*: 8 конец. *Ниже слов*: он способен — *фраза, не связанная с данным контекстом*: указал на осу.

Но раньше, чем Самгин [успел] *мог найти осторожный* ответ, историк [пристукивая косточками пальцев] *вооружился чайной ложкой* и, пристукивая *ею по* столу, сказал четко, не своим голосом:

— Я же думаю, что государю придется, вспомнив пример прадеда своего, жестоко показать всю силу власти, как это было показано 14 дек⟨абря⟩ 1825 г. на Сенатской площади.

Смолин особенно отчетливо и [предупреждающе произнес] [*выговорил*] *преду⟨преждающе⟩ выговорил* цифры, выговорил их, вскинув голову, сидя прямо и как бы верхом на коне. [Рука его дрожала] Подбородок его *дрожал*, *нос покраснел*, и мочки острых ушей покраснели, точно [вишня] ягоды малины. Его [мордочка] лицо хорька стало еще острей, [и вся аккурат⟨ная⟩] но тотчас же он [пос⟨мотрел⟩] [притих] взглянул на иконы, перекрестился, притих и сказал виновато:

— Не люблю сердиться, однако — вызывают...

Самгин посидел еще минут десять и, находя, что он хорошо, до конца понял старика, простился с ним. На этот раз он вынес из уютной комнатки историка нечто беспокойное. Он чувствовал себя, как человек, который не может вспомнить [какое-то] необходимое ему слово или впечатление, сродное только что пережитому. Шагая по уснувшей улице, под небом, закрытым одноцветно-серой массой облаков, он щелкал пальцами, [вспоминая] [*1 нрзб.*] соображая, что [*именно*] беспокоит его, [но не м⟨ог⟩] но, хотя забытое слово вертелось на языке, он не мог поймать его.

Дня через два, рано утром, он стоял в своей комнате у окна во двор, тщательно подпиливая только что остриженные ногти. [Негромко щелкнула щекол⟨да⟩] Бесшумно открылась калитка, с улицы во двор [уверенно] шагнул *кто-то* широкоплечий, в [парусино⟨вом⟩] пальто из парусины, в [изм⟨ятой⟩] белой фуражке, с маленьким чемоданом в руках. [Не прик⟨рыв⟩] Немного прикрыв калитку, человек обнажил голову, высунул ее на улицу, посмотрел несколько секунд влево и пошел к флигелю, поочередно выдвигая плечи.

Лист без авт. пагинации [1] — «Кутузов»,— узнал Клим [и], тотчас вспомнил [*и пасхальную ночь*] *пасхальную ночь в Петербурге, свою пьяную выходку и решил, что* [*не пой⟨дет⟩ ему*] *ему* [*не следует встречат⟨ься⟩*] *идти*] *следует избежать встречи с эт⟨им⟩ чел-*

---

[1] ХПГ 22-1-1, № 59820-а. 25 лл. автор пагин.: 12-24 черными чернилами и красным карандашом; первый лист не нумерован.

‹овеком›. Но что-то более [настойчивое] сильное [и задорное], чем любопытство, [смущало его, и через ка‹кой-то›] некий задор, возбуждало в нем желание посмотреть на Кутузова [и может быть] даже поспорить с ним [против к‹утузовщины›] о кутузовщине. [Ему казалось, что после] Он был уверен, что знакомство с ист‹ориком› Козловым и несколько книг, недавно прочитанных им, достаточно хорошо вооружили его против кут‹узовщины›.

Через час он вошел в комнату Спивак. Даже когда Кутузов был одет в сюртук или тужурку, он был мало похож на студента, а теперь, в сером пиджаке, туго натянутом на плечах и на спине его, в накрахмаленной рубахе с [*бородою*] *клинообразной, некрасиво* [*под‹резанной›*] *обрезанной* [*к‹ороткой?›*] *бородою*, с высоким воротником, упиравшимся в [его тупой [и], твердый подбородок] обритый подбородок, он [стал] стал похож на небогатого лавочника. Он и сам, должно быть, знал это; лениво протянув Климу тяжелую руку, он поздоровался именно как лавочник:

— Наше вам!

В нем явилось что-то приятное, он показался Климу проще и безопаснее.

— Что это вы каким... купцом нарядились?

— А] *в его подбородок*, [*при*] *он стал подчеркнуто ни на кого не похож.*

— А-а, наше вам! — вскричал он, лениво протянув Климу тяжелую руку.

— [Что это вы?] Каким вы купцом переоделись?

[Любопытно] [Добро‹душно›] С любопытством разглядывая Самгина, Кутузов добродушно улыбнулся.

— Разве — купцом? И — позвольте! — почему же: переоделся? Я просто оделся. Меня, видете ли, начальство выставило [меня] из храма науки [заподозривши] за то, что я будто бы развращал юных прихожан и богомолов [подобных вам].— Засунув палец за жесткий воротник, он помотал головою.

— Несправедливо это. Ко храму я относился почтительно, к прихожанам — без интереса. Тетя Лиза, крестнику моему не помешает, если я закурю?

Спивак в белом капоте, с ребенком на руках, [была] похожа на мадонну *с картины* сентиментального художника Боденгаузена [на картину], репродукции [которой] *картины этой* торчали в окнах всех писчебумажных магазинов города.

Круглое лицо ее [было озабоченно и печально] *и грустно* [1], она озабоченно покусывает губу [*и смотрит на Кутузова ожидающим взглядом*], *глядя на ребенка.*

— Имею к вам, Самгин, письмо от девицы устрашающего вида, получите!

[Он] *Кутузов* протянул Климу толстый конверт, а Спивак тихо сказала:

— Продолжай, Степан.

— Да — что же продолжать? Вот собрался в деревню, к Туробоеву, он хвастался, что у него там в реке необыкновенные [лещи живут и окуни. Поживу там до осени...] окуни живут...

Самгин, перестав читать *письмо*, сказал *не без гордости*:

— В Москве [— аресты, обыски. Арестован был знакомый мой, Маракуев, но через тринадцать дней выпустили...] *арестованы знакомые мои, Поярков и Маракуев.*

— Маракуев, это — народник, пистолет такой? — спросил Кутузов, прищурясь.

— Да [И четверо рабочих]. *Его уже выпустили.*

Кутузов [шумно выдохнул дым] резко вскинул голову.

— [Сообщите-ко] *Намекните-ка* этой девице, что она — дура [что]. Таких писем не поручают перевозить чужим людям, [что] — прежде, чем сунуть письмо в мои руки, [надо] *надо* было [сообщить] сказать мне о его содержании.

Сердито бросив папиросу на блюдце, он встал и затопал по комнате.

— Конечно, я сам должен был спросить. Но у нее такой вид... Я думал — романтика...

— Вы *близко* знали арестованных [рабочих]? — спросила Спивак, пристально взглянув на Клима.

— Да, — [сказал] *ответил он.* Вышло очень громко и [он смутился, боясь как бы по голосу не поняли, что он сказал неправду] *он* [*подумал*] *спросил себя*:

«А ведь я, кажется, [*почти*] *хвастаюсь этим знакомством?* [*Как глупо*]». [*Но сейчас же*] [*И с досадой спросил*]

— Выдерживают,— пробормотал Кутузов.— [Девица эта — тоже народница?

С [неожиданной] *необычной* для себя словоохотливостью, сам удивляясь этому, Клим рассказал о [трех⟨палом⟩] проповеднике с тремя пальцами, о Маракуеве, Пояркове, дьяконе.

---

[1] Союз : и — вписан *ошибочно.*

— [Сердюков?] *Ипатьевский, он же — Сердюков?* — переспросил Кутузов, глядя в потолок.— Сын у него есть? Помер? Ага! О сыне я слышал. А отец, говорите, тоже... интересуется? Редкий случай...]

[Он присел к столу [и], сам налил себе чаю, задумался, Спивак тихонько сказала:

л. 12 — Когда же прекратятся эти аресты?

— Не раньше дня, когда начнется революция,— ответил Кутузов [усмехаясь]]

— Когда прекратятся эти аресты?

Кутузов присел к столу, сам налил себе чаю.

— *Наивный вопросец*. Зачем же прекращаться арестам? Ежели вы *противоборствуете властям, так уж будьте* [*любезны*] *готовы* [*иногда*] *отдохнуть в каталажке от трудов ваших. Затем, когда трудами вашими начнется революция, уже вы будете сажать в кат⟨алажку⟩ разных граждан.*

— А — когда *она начнется*, революция?

— Как только вырастут революционеры.

— [Разве революционеров недостаточно? — несколько более задорно, чем хотел, спросил Самгин.] Революционеров достаточно,— сказал Самгин.

— *Вы так думаете*? [*Ошибка*] Их еще нет [*революционеров*],— равнодушно сказал Кутузов [запивая хлеб чаем].— Я вот четыре года наблюдаю людей, которые титулуют сами себя революционерами,— продолжал он, [снова] закуривая.— Товар — дешевый. Красив, но сработан на скорую руку, вроде нашего ситца для жителей Средней Азии. [*Сидя в кресле, Спивак с ребенком на руках вся в белом была похожа на Мадонну с картины сентиментального художника Боденгаузена, репродукции с этой картины торчали в окнах всех писчебумажных магазинов. В соседней комнате* [*муж ее*] *покашливал муж ее, сочиняя необычные аккорды. Длительно и грустно звучали отдельные ноты. В саду шумел ветер и тоже как бы пытался создать необыкновенную мелодию.*]

Откачнувшись на спинку стула, глядя под стол, он продолжал раздумчиво:

— Революционеры от скуки жизни, из удальства, из романтизма, по Евангелию [даже по совести] — все это плохой порох. Интеллигент, который хочет отомстить людям за неудачи его личной жизни, за то, что ему некуда пристроить себя, за случайный арест [за тринадцать дней] *и месяц* тюрьмы [и процесс] — тоже еще не революционер.

— Но — кто же тогда? — спросил Клим.

[Взмахнув головою] Кутузов не громко посмеялся.

— Как будто нарождается новый тип бунтаря, тетя Лиза,— бунтарь из страха пред революцией. Да, очень похоже, что так. Я одного эдакого видел. Хитрая бестия. Мыслишки бойкие, кривенькие. Мы с ним выпили, разболтались. Интересный. Косенький такой весь.

— Лютов? — догадливо спросил Клим.

— Я фамилий не помню. А что это такое — Лютов?

— Человек очень похожий на того, о ком вы рассказали.

Кутузов взглянул на Клима и, подмигнув ему серым глазом, [потер ладонью [голый подбородок] бороду. Без бороды [1]] лицо его стало [круглым] похожим на лицо солдата из крестьян, отслужившего срок. [Только глаза да красивый голос выдавали в нем интеллигента.] [Новой для Клима [была] явилась в нем тяжеловатая шутливость.] Клим *подметил в нем новое*: тяжеловатую шутливость, она казалась вынужденной и противоречила усталому взгляду потемневших глаз. Климу казалось, что во всем, что говорил Кутузов, звучит разочарование и это делало Кутузова [все] более симпатичным.

Спивак, отгоняя мух от лица уснувшего ребенка, сказала тихо [и], странным тоном:

— А ведь возможны люди, которые торопятся разыграть драму, чтоб поскорее насладиться [ее] идиллией. Это, пожалуй, очень по-человечески. И — по-русски.

— [Вполне] *Наверное* — возможны,— утвердительно кивнул головою Кутузов.— При нашем разнообразии личностей нет урода, который был бы невозможен.

Он замолчал, глядя на Клима [так рассеянно, что Самгин не чувствовал на себе его взгляда] *рассеянно*, вспоминая что-то. Потом, засунув палец за воротник, *снова* покрутил головою, сморщил лицо, как будто у него вдруг заныли зубы.

— Весьма любопытно, тетя Лиза, наблюдать, с какой ловкостью различные человеки хватаются за историческую необходимость. С этой стороны, марксизм чрезвычайно приятен многим и даже — бодрит. «— Едем, Маша, на дачу любоваться ширью полей, за нас работает история». Дескать — эволюция! И оставьте нас в покое.

---

[1] *Рядом, на полях, написана и перечеркнута «галочкой» фраза, место ее вставки в текст не указано*: засунул палец за воротник, помотал головою; он часто делал это, воротник щипал его за бороду.

Невесело усмехнулся и двинул кожей на голове, отчего волосы встали дыбом.

— Вообще — наглотался я впечатлений, не очень утешительных. Русь наша — страна кустарного мышления, и, кажется, особенно болеет этим Московская Русь. Был я [в Гусе Хрустальном, есть такой завод] *на одной фабрике*, там двоюродный брат мой работает. Сектант; среди рабочих две секты: словобожцы и богословцы. Возникли из разночтения первого стиха Евангелия от Иоанна; одни читают: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово», а другие: «В начале бе Слово, и Слово бе у Бога». Одни кричат: «Слово жило раньше бога», а другие: «Врете, слово было у бога, оно есть — свет, и бог создал мир словосветом». Год тому назад послали двоих — словобожца и богословца — на Афон «узнать правду». Вот как. Убогая элоквенция эта доводит людей до ненависти, до мордобоя, до того, что, весною, когда встал вопрос о повышении заработной платы, словобожцы отказались поддерживать богословцев.

Должно быть, забыв, что борода его [обрита] *острижена*. Кутузов схватил в кулак воздух [под] *у* подбородка и [устало] опустил руку на колено.

— У Гризингера описана душевная болезнь, кажется, «Grübelnsucht» — бесплодное мудрствование; это — когда человека мучают вопросы, почему синее — не красное, а желтое — не синее, и так далее в этом духе. Так вот я думаю, что у нас тысячи людей заражены этой болезнью...

— Это — пройдет, Степан,— сказала Спивак с уверенностью, несколько возмутившей Самгина. Слова Кутузова о бесплодном мудрствовании задели [и встревожили] его, заставив подумать: не страдает ли и он этой болезнью? Как будто у него уже был припадок ее. Думая, он пропустил несколько фраз Кутузова.

— Да, да,— богатеем судорожно. За три месяца объехал я восемь городов, жалею, что не попал в Нижний. Нуте-ко, Самгин, расскажите о Выставке.

Клим начал рассказывать, но скоро почувствовал, что говорит он не о том, что сам видел, а то, что читал в газетах. Это [несколько] смутило его, но он тотчас утешительно сообразил, что личные его впечатления были бы непонятны, даже, пожалуй, смешны Кутузову. Кутузов прервал его.

— В статейке вашей вы ловко намекнули про Одиссея. Да, конечно, рабочий класс должен свернуть головы женихам, но... пока что разыгрывается какая-то чертовая

ерунда! Тетя Лиза,— продолжал он, усмехаясь,— видела ты библию Витте «Производительные силы России»? Хвастливая книжица. В провинции, у либералов, рассуждающих якобы по Марксу, имеет хороший успех. [Это не плохо! У нас марксисты будут за совесть помогать буржую устраиваться хозяйственно и политически, наверняка — будут!]

Взглянув на часы, он спросил:

— А — не пора?

— Да,— ответила Спивак и, осторожно встав, ушла с ребенком на руках в свою комнату, а Кутузов не свойственно ему ласково спросил Клима:

— *Почему вы сказали: рев⟨олюционеров⟩ много?*

С необычной для себя словоохотливостью, подчиняясь какому-то неясному желанию, Клим быстро рассказал о проп⟨оведнике⟩ с тремя пал⟨ьцами⟩, Лютове и Дьяконе.

[Ипат⟨ьевский⟩] Сердюков — Ипатьевский?— спросил Кутузов.— Сын у него есть? Помер? Ага. О сыне я слышал. А отец, говорите, тоже... интересуется? Редкий случай. Вы все еще с народниками путаетесь?

— Не путаюсь, а — изучаю.

— Жития [протопопа Аввакума] протопопов Аввакумов? Бросьте, [батя] все это — не туда. Не туда,— повторил он, вставая и потягиваясь, его широкое тело показалось Климу вдруг налившимся возмутительной самоуверенностью. Он подошел вплоть к Самгину, тяжело оперся рукою о его плечо и продолжал задумчиво, еще более ласково, чем раньше:

— Община, особенности национального духа, бубенчики, свирели, хороводы, грибы и малина, вся эта поэзия
л. 13 деревни и графское учение о мужицкой простоте — все это, дружище, простофильство, поверьте! Не отрицаю, конечно: в этой плесени есть своя красота, ну-да! Но — пора проститься с нею, если мы хотим жить по-человечески. И с героями [с героизмом] на час тоже надо проститься, потому что потребен героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции.

Он сел на стул рядом с Климом, так близко, что касался его плеча своим, [и] *но* смотрел мимо лица Самгина, в окно. «[Он меня принимает за гимназиста, за рабочего]. Этот «объясняющий господин» считает [меня] [1] гимназистом»,— подумал Клим мельком и без обычного раздражения, ко-

[1] *Слово*: меня — *ошибочно зачеркнуто*.

торое он испытывал, когда его поучали [1]. [Слушал он Кутузова так же внимательно, как историка Козлова, но не потому, что [его] *речи марксиста* были приятны, нет: Кутузов смущал его дружеским [и ласковым тоном речи] *тоном и новым выражением лица, без бороды лицо его стало* [*как бы краси*⟨*вее*⟩] *более выразительным и как-то красноречивее, убедительней*].

— В одном народники правы,— слышал он,— хорошая страна Русь, и народ в ней хороший. [И надобно его любить, [искр⟨енне⟩] крепко любить, но — без жалости. Жалость — это фальшивая [штука] штучка.

— Террористы — любили,— вставил Клим.

Кутузов отрицательно покачал головою.

— Не то. Вы думаете... Хотя это]

[*Это заявление,* [*тоже*] *совершенное неожиданное в устах Кутузова, было тоже удивительно. Но Кутузов, взглянув на него, прибавил:*

— *Крепко любить,— но — без жалости, лирики.*

— *А возможно это? — спросил Клим.*

— *Страсть жалости не знает.*] И рабочий, и мужик — [цепкого] *люди цепкого* [*и*], *пытливого ума* [*люди*], *отсюда, пожалуй, у них и пристрастие ко всяческой элоквенции. И когда народник внушает мне: надо любить народ,— я народника понимаю.*

Он улыбнулся, [*заглянув*] *заглядывая в глаза Клима, и легонько толкнул его плечом* [2].

— *Но,— любить-то надобно без жалости, без лирики...* [*более выразительным*]

— *А — возможно это? — спросил Клим.*

— *Я думаю, что настоящая любовь вообще не знает жалости. Жалость — это имитация любви, Самгин,— ответил Кутузов и, помолчав минуту, продолжал раздумчиво:* [3]

— *Не* великое дело — царю ноги оторвать. Оторвали одному и, заплатив за это десятками таких людей, как Желябов, Халтурин, Михайлов, повесили носы на квинту, как будто поняв, что это никуда не ведет и невыгодно. Новый

---

[1] *После слова:* поучали — *знак вставки красным и зеленым карандашом; вставка отсутствует.*

[2] *После:* плечом — *знак вставки зеленым карандашом; вставка отсутствует.*

[3] *После:* раздумчиво — *помета красным карандашом:* Вст⟨авка⟩ попереч⟨ная⟩.

царь хвалит солдат за то, что они перестреляли рабочих; ну, оторвем ноги и [новому] этому, а какой-нибудь родственник его *снова* прикажет стрелять во все стороны и погубит сотни людей. За одного — сотни, идиотский расчет [и ничего, кроме уныния, отсюда не получим. Ничего]!

Вошла Спивак в белом платье, в белой шляпке со страусовым пером, с кожаной сумкой, набитой нотами.

— Шикарно,— сказал Кутузов.— Не забудьте, что он под гласным надзором полиции.

— Я *скоро* ворочусь [через час],— обещала Спивак, уходя.

Они оба молча посмотрели, как женщина прошла по двору, как ветер прижал юбку к ногам ее и воинственно поднял перо на шляпе. Спивак нагнулась, [как] оправляя юбку, точно поклонилась ветру.

— Хороший человек,— пробормотал Кутузов и вздохнул, а Клим спросил его:

— Вы сказали, что едете к Туробоеву, он давно вернулся из-за границы?

— Недели две, три.

— С женой?

Кутузов удивленно взглянул в лицо Клима.

— Разве он женат?

А когда Клим рассказал ему о романе Туробоева с Алиной, он усмехнулся.

— Вот как? Быстрый парень. Нет, жена, должно быть, не с ним. Там — моя, Марина, она [мне] мне написала бы. Ну, а что пишет Дмитрий?

— Он не пишет.

— М-да. Весною у него кончится срок. Жене моей он писал, что поедет [у него] на юг, легкие не в порядке. *У Марины в Одессе — родственник инженер, она думает, что Дмитрий устроится около него.*

И снова Самгину странно было слышать, что этот человек говорит о простом, житейском, *и* говорит о Дмитрии [как о близком человеке] *дружелюбно*, хотя [и] отнял у него девушку. Вон он спрашивает:

— Вы, Самгин, рыбу [ловить] *удить* любите? А я — увлекаюсь. Именно — удить, ерша, окуня. Окунь — прехитрая бестия, замечательно осторожен. Ерш — дурачок, хватает наживу [зря] необдуманно, жадно. По Ростовскому уезду течет река Которосль, [заме‹чательно›] удивительно крупные окуни в ней, фунта по два. Вы книжку

Аксакова «Об уженье рыбы» — читали? *Вот истинно поэтическая вещь.* Брэму нос утрет.

Покуривая, улыбаясь серым глазом, Кутузов говорил красивым баритоном своим о глупости и хитрости рыб с тем оживлением и знанием, с каким [историк] Козлов повествовал о нравах и обычаях жителей города. [Клим [поду‹мал›] вдруг подумал, что в [нем] этом плотном, крепком человеке [есть] *явилось* и еще что-то общее с историком. Это уподобление заставило его усмехнуться.. Невероятно]

[Но когда возвратилась Спивак, а он, простясь с Кутузовым, ушел к себе, мысль о каком-то сходстве этих двух, казалось бы, совершенно несоединимых людей, снова явилась. «Оба говорят о любви к России?»] Возвратилась Спивак, еще более озабоченная, *и невнятно сказала что-то Кутузову.*

— Ах, чёрт, как глупо! — воскликнул он, [нахмурясь] [мигнув] и, закрыв глаза, покачал головою.

Самгин [чувствуя] почувствовал себя лишним, простился с ним и ушел [к себе] [встревоженный чувством недоумения пред самим собою] [чувствуя себя запутавшимся в настроении противоре‹чивом›] [неск‹олько› в настроении], чувствуя себя [расстроенным] запутавшимся в противоречивых мыслях.

Что-то изменилось в Кутузове [Не то, чтоб он стал мягче, но [а но] симпати‹чней›, приятней и в], как будто простота его [мыслей смяг‹чила›] и стала мягче, [но] и более подкупающей. Таким он не помнил его.

[Но] Самгин [1] с детства так много слышал разговоров о этой любви, что давно уже считал ее только одною из тем, на которой люди упражняются в красноречии, *не верилось, что этот серьезный человек* [2]. Сам он не только не испытывал этого чувства, но даже не представлял, [о чем] [1 *нрзб.*] что подразумевается под словами: я люблю Россию? [Что любят] [Можно] Не верилось, что можно любить грязные, убогие деревни, туповатых, безграмотных, но хитрых мужиков, деревянные города, набитые [испит‹ыми›] простенькими людями, тихая жизнь которых [может нравиться только] *так любезна* благожелательному старичку, [кото‹рый›] не умеющему смеяться. Разумеется, выдумана и любовь к жуткому Петербургу, где бронзовые монументы царям совершенно

---

[1] *Над этим словом запись, не соотнесенная с определенным местом в тексте*: взглянул на него удивленно

[2] Фраза осталась не законченной.

несоединимы с кирпичными трубами фабрик, где дома неуютны, подавляют, а улицы наполнены сыростью, туманом. Так же выдумана и любовь к *Москве*, безалаберно запутанной [Москве], к странному городу, где маленькие церкви задавлены огромными домами. И вообще *непонятна, подозрительна* любовь к чему-то другому, кроме себя самого. [Одна из печальных выдумок *человека*; она уродует людей тем, что они, рассеивая это чувство на внешнее, не умеют или разучились любить себя так, как следовало бы.

«Любовь выдумана скукой»,— заключил Клим Самгин [не столько потому, что уверился в этом], чтоб не думать больше об этом, и задумался о революционерах от скуки, от страха пред революцией [о людях, которые ему]].

Играя карандашом, Самгин уселся на стуле плотнее, удобнее, [*он чувствовал назревание какой-то значительной мысли, которая способна осветить темную путаницу*] *чувствуя настойчивую, почти болезненно напряженную необходимость разобраться в темной путанице бесконечных противоречий.*

Спивак очень умно сказала о людях, которые провоцируют революцию из расчета скорее достичь порядка и покоя. Разумеется, такие люди преступны. [Но ведь, если исключить революционеров от скуки и авантюристов,— останутся только такие, о которых сказала Спивак,— останутся люди, которые разрушают старый порядок для того, чтобы создать более удобный для самих себя. В этом смысле, я — тоже революционер.] *Но ведь, если верить, что р⟨еволюция⟩ неизбежна, то почему же не ускорить ее развитие?*

[Хотя] Клим смутно чувствовал, [что вывод поспешен, но все-таки поддался волнению, вдруг охватившему его] *что рассуждает наивно, мысли его расползались, разваливались, уступая место* [*чувству недовольства собою*] настроению досады на себя и еще на кого-то, кто передвигает его, [*играя им*], *как шашку, с квадрата на квадрат. Да, именно так,* [*есть*] *какая-то сила играет им, злокозненно сталкивая с* [*людьми*] *людями, совершенно несоединимыми, и* [*в то же время показывая в каждом из этих людей нечто привлекательное. Что общего между Козловым и Кутузовым, а оба они говорят о народе, о*] *как бы только затем, чтоб показать: они — несоединимы.*

А, может быть, это делается для того, чтоб он убедился в своем праве не соединяться? Он тотчас же остановился на этой успокоительной догадке.

Вскочив со стула, он несколько раз прошелся по комнате, ловя в зеркале отражение своего лица; нахмурившееся, оно казалось вдруг постаревшим [и очень значительным]. Значительными [1] казались и мысли, возникавшие в необыкновенном обилии, с поразительной легкостью. Мысли соскальзывали с полузабытых страниц прочитанных книг, они как бы давно уже прятались вокруг, ожидая своего часа проникнуть в мозг. Час настал и вот они, все одного порядка, одной окраски, закружились, волнуя, обещая слиться в одну очень важную идею, а она уже навсегда определит линию
л. 14 личного поведения. Перебирая в памяти впечатления последних дней, Клим видел, что каждая из них ловко укладывается в простейшие слова.

«Люди невыразимой силы, которые нарушают установленный веками истории ход жизни только потому, что жизнь кажется им скучной [2], потому что они честолюбивы или авантюристы,— это, конечно, преступные люди. И Козлов прав, пророчествуя о необходимости для правительства показать этим людям всю силу своей власти. «Да — что озорничаете?»— Николай Первый [обязан был крикнуть] крикнул эти слова из пушек, это — жестоко, но — *это самозащита...*»

В зеркале быстро мелькало лицо, побледневшее от напряжения, удлиненное небольшой русой бородкой, украшенное очками, очень серьезное лицо недюжинного человека. Пощипывая бородку, Клим ощущал прилив гордости собою, но, вместе с этим, и предостерегающие толчки какого-то другого, неясного чувства; оно мешало ему [успокоиться, при⟨знать?⟩] окончательно признать, что [наконец] в нем создается тот оригинальный стержень, который, наконец, даст ему возможность твердо встать на свои ноги пред лицом разнообразнейших людей, почти безумно заплутавшихся в словах.

«Разумеется, если революция неизбежна, следует ускорить ее развитие»,— подумал он, снова садясь к столу, смущенный воспоминанием о Кутузове, Маракуеве, Пояркове и других людях, которые решили служить делу революции.

«По каким мотивам?» — догадывался Клим, оглядывая стены комнаты. На глаза ему попалась фотография: группа гимназистов, среди которой был и он, Самгин. Он

---

[1] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

[2] *Возле этих слов, на полях, помета синим карандашом*: Невыраз⟨ительность?⟩ мол⟨одых?⟩ сил

встал, снял раму, вынул фотографию, изорвал ее и бросил клочки в корзину под столом. Хотелось еще что-то сделать, тогда он привел в порядок книги на полках шкафа, вещи на столе и вдруг почувствовал прилив усталости, уныния. [«Почему человек обязан думать о людях, мыслях, событиях».] [«Нет, все-таки это — не те мысли, которые мне нужны, это не мои мысли».]

Он лег на постель, *угнетенно* думая, что все еще ходит в чужом платье, в странной одежде, которая то слишком широка ему и спадает с плеч, оставляя голым, то — узка и стесняет его рост. И глядя на большую мохнатую бабочку, которая бестолково билась о потолок, Клим Самгин спрашивал себя:

[1] «Почему я обязан думать о людях и мыслях, о событиях и вещах, не интересных для меня [и]? Где, среди этих дум, сам я, настоящий я? Как найти в [их] хаосе чужого — свое, оригинальное? [Неужели я на всю жизнь — Исаак, жертва? Жизнь — непрерывное насилие над человеком]»

[Ему злобно] С озлоблением он вспомнил о Лидии, о ее бесстыдных и назойливых вопросах, вспомнил [ее испытующие] *обидно* немые ласки ее тела и [оскорбительные, но смешные] *то* оскорбительные, *то* смешные поиски ума ее.

«Она тоже, как я, — не понимает».

И пожелал, чтобы Лидия заплатила за свое непонимание как можно дороже.

«[Она] [Она что-то испортила во мне, до нее я] Уеду в Москву, серьезно займусь науками, буду жить наедине с самим собою, мне нужно отдохнуть от людей, нужно собрать себя»,— решил он.

Накануне отъезда он сидел у Спивак [и покорно, но не очень внимательно, слушал рассказ ее о лекции, которую она собиралась прочитать ученикам школы. Она говорила, что], ***вежливо слушал ее рассуждения о литературе и думал, что от людей, которые желают поучать, некуда уйти.***

Спивак [*слегка* ⟨?⟩ *одобрительно*] *говорила, что* молодые писатели [культурно грамотнее и технически] *и* культурно *и технически* грамотнее старых «бытовиков», похвалила молодежь за проповедь возвращения к Пушкину, за интерес к поэзии французов. Но, усмехнувшись новой для Клима усмешкой, остренькой и неприятной, заметила:

---

[1] *Перед словом*: Почему — *знак вставки зеленым карандашом; вставка отсутствует.*

— Размножаются люди, которым [*хочется*] [хотят] *хочется* уйти в сторону от злобы дня. [Затем, играя веткой жимолости, поглаживая ею щеки свои, она стала рассказывать о немецком романтизме, о Тике, Новалисе [указала на связь французских декадентов с немецкими романтиками].

— Не ново, что Рембо окрасил гласные, еще Тик пытался вызвать словами цветовые впечатления.

— Как много вы знаете,— [сказал] *заметил* Клим [послушав ее] и, ощущая желание досадить ей чем-то [приб⟨авил⟩] [сказал]] — Еще Карам⟨зин⟩ приглашал:

Ах, не всё нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных.
На минуту позабудемся
В чаров⟨анье⟩ крас⟨ных⟩ вымыслов.

Чувствовалось, что [*она*] *Спивак обеспокоена* [*и все*], *посматривает в окно, как бы ожидая кого-то, и хмурится, покусывает губу. Настроенный неприязненно, Клим находил, что сегодня* [*она не красива, ее круглое голубоглазое лицо особенно*] *она больше, чем всегда, напоминает кошку ленью мягких движений тела, осторожными жестами рук. Круглое, голубоглазое лицо ее холодно, и во взгляде нет обычной ласковости, которая, наверное, идет у нее не от сердца, а от привычки. Вообще это двуличная женщина, и трудно понять — чего она хочет?*

[*— Не ново, что Р⟨ембо⟩*] *Вот она говорит о немецких романтиках : о Тике, Новалисе.*

— Не ново, что Рембо окрасил гласные, еще Тик пытался вызвать словами впечатления цветовые.

— Вы хорошо знаете историю литературы,— неопределенно заметил Клим.

— Учусь,— сказала она.— В сентябре начну читать лекции [*в школе*] *в школе по истории искусства.*

Желая задеть ее, Самгин сказал [*с усмешкой*] [1]:

— Моя мать однажды созналась: «В молодости я думала, что образование украшает женщину, но теперь нахожу, что для нас полезны только технические знания: [акушерство] *медицина*, педагогика».

Говоря, он смотрел на Спивак с усмешкой; она, взглянув на него [удивленно, [хотела] тоже усмехнулась, но]

---

[1] *Текст*: Вы хорошо знаете ∾ с усмешкой — *перечеркнут синим карандашом.*

вопросительно, не успела [сказать ничего] *ответить*,— вошел Корвин.

Вошел он также [щеголевато] *картинно и солидно*, как тогда на террасе ресторана, и одет он был так же щеголевато, [как *того*] [*нет*] было в нем нечто напоминавшее богатого парикмахера и еще что-то театральное. Целуя руку Спивак, он обнаружил в коренастом, почти квадратном теле своем неожиданную гибкость [и мягким басом сказал] *и* широко улыбнулся Климу, сказав тенором:

— Андрей Владимирович Корвин.

Но тотчас же [между] над переносьем его явилась глубокая складка, сдвинула густые брови в одну *линию*, и на секунду его круглые глаза ночной птицы *как будто* слились в один глаз. Это было так странно, что Клим отшатнулся [1].

Затем Корвин *удобно* сел против Спивак и близко к ней, сел так свободно, как будто он [был у себя дома или] пришел к старой знакомой *или родственнице*, с которой можно не церемониться.

— Ну, как здоровье? — спросил он, шевеля смолистыми усами, и, вынув из кармана алый платочек, вытер [маслянистые губы] *толстую масленую губу*. Он подтянул брючки, обнаружил колени, [большие, как] точно двухпудовые гири, положил нога на ногу, и объяснил:

[— Пришел за вами; через сорок минут — спевка любителей хорового пения,— просим! [2]]

[Развязность этого человека вызывала у Самгина недоумение и] Клим недоумевал. Ему казалось, что развязность этого человека смущает Спивак. *Поправляя прическу*, она улыбалась слишком любезно, мочки ушей ее покраснели, и в руках ее, поднятых к голове, было что-то как будто беспомощное. А Корвин [говорил] солидно, резким тенором, говорил о пользе организации народных хоров, оркестров балалаечников.

— И — [церковные про⟨цессии⟩] возможно чаще надо устраивать [церко⟨вные⟩] религиозные процессии, потому что народ постигает религию только через материальный культ. Только глаз помогает народу понимать величие божие, отнимите церковное зрелище — торжественные богослужения, крестные ходы,— и религия исчезнет. Поклонение богу

---

[1] *Текст*: Андрей Владимирович ∾ Клим отшатнулся — *перечеркнут синим карандашом*.

[2] Фраза зачеркнута и не заменена другой.

в духе проповедуется в начале христианства, но — мы видим, что это не достигает цели. Когда я был миссионером... [в Сибири, Японии]

— Расскажите про [Японию] *корейцев* — попросила Спивак, ласково улыбаясь.

л. 15 Корвин, *вытянув ногу*, выпул из кармана большую папироспицу из серебра с желтым шнурком в ней.

— Рассказывать — нечего, это [обезьянье государство, погибающее] *несчастные люди, погибающие* от соприкосновения с развратом европейцев,— почти сердито сказал Корвин и [густо покраснел], *раскурив папиросу*, пустил струю дыма в колени Спивак. Он мял верхней губою нижнюю, [глаза] *белки* глаз его покраснели. С настойчивостью человека, который только что нашел истину, но уже хочет, чтоб все покорно уверовали в нее, он заговорил о заблуждениях науки, о безверии, исходящем от нее, и, между прочим, сказал фразу, которая *надолго* осталась в памяти Клима.

— Трамвай заставляет телегу сомневаться в ее правде.

Спивак очень осторожно и [любезно] *даже как бы неуверенно* стала возражать ему, но он [спорил с нею небрежно], снисходительно улыбаясь, говорил ей, как подростку:

— Женщина обязана верить, во-первых,— это в ее природе, во-вторых,— это необходимо детям ее. Безверие женщины — *грубое* искажение природы.

Клим не узнавал Спивак и злился на нее.

— «Почему она считает нужным поучать меня, [но] [пред⟨почитает⟩], а с этим болваном церемонится?»

Когда она ушла одеваться, Корвин, соединив глаза в один, спросил Клима строго, но не громко:

— Кажется, это вас видел я с фельетонистом Робинзоном? Этот *чахоточный* пьяница оклеветал меня. Хотел я привлечь его к суду, но это мне неприлично, я, в скорости, принимаю сан диакона. Да. Вы все-таки скажите ему, чтоб он [бы] не очень острил, я могу сделать так, что его в двадцать четыре часа вышибут вон из города...

— Я не беру на себя таких поручений,— сухо сказал Клим и встал, чтоб уйти. Корвин тоже встал, спрашивая:

— А — почему-с?

Но в [эту минуту в] *двери* явился Иноков; он стоял, удивленно приподняв брови, приоткрыв рот и мигал, переводя глаза с лица Корвина на Клима. Корвин как-то неестественно быстро сел, приглаживая усы ладонью, а Иноков, шагнув к Самгину, спросил вполголоса:

— Этот зачем здесь?

И, повернувшись к регенту, сказал тихо:

— Вон, сволочь!

Корвин вскочил, выхватил из кармана портсигар и, стоя в позе [оборон‹яющегося?›] готового к обороне, крикнул:

— Вы не смеете... Я буду жаловаться!

[Все] Дальнейшее совершилось с неестественной быстротою: Иноков, схватив руку регента, вытряхнул из нее портсигар, взял его за ухо [и], дернул, [подв‹ел›] поворотил к двери и пинком ноги в зад вышиб его из комнаты. Затем, наклонясь, поднял портсигар, швырнул его в окно и сказал Климу:

— Вот — мерзавец! Куда пролез, а?

— За что вы его? [ошеломленно пробормотал Самгин, отодвигаясь в сторону, искоса глядя в окно] [[*Было*] [*Самгину почему-то было неприятно видеть, что Иноков обладает силою, которая позволила ему так легко вышвырнуть* [*плотного*] *человека, значительно более тяжелого, чем он.* [*Неприятно и не верилось*] *Он тотчас вспомнил фразу, которую слышал в цирке на сеансе борьбы:— «Смелостью взял, а не силой» — вспомнил и спросил, искоса глядя в окно.*]

На дворе стоял Корвин [и], подняв портсигар *и* рассматривая его. Он вдруг встряхнулся и крикнул, грозя кулаком:

— Я револьвер куплю!

Он кричал и еще что-то, судорожно топая ногами, но его не слушали,— вышла Спивак, торопливо, испуганно спрашивая:

— Что такое? [Вы?] Иноков? [Давно ли?]

— [Сегодня утром] *Здравствуйте*,— ответил он, взяв ео [за] руку, встряхивая, улыбаясь так, что все [его] веснушки *на лице его* задрожали [на лице].

— Почему Корвин...?

— Я его выгнал. [Зачем вы принимаете...?]

— [Выгнал?] Вы? Что это значит?

Они стояли друг против друга,[перебрасываясь быстрыми] *быстро перебрасываясь* вопросами. Иноков все держал руку Спивак, и лицо его странно сжималось, становясь острее и грубей, а лицо женщины гневно краснело, дрожал подбородок, [прищуренные глаза смотрели колко] [и] *закусив губу, она пыталась освободить руку свою.*

— Как вы смели?

— Он — негодяй.

[— Но в какое положение вы поставили меня?

— А — что? Вы не знали, что он...]

Спивак вырвала руку из его руки и отошла к двери в свою комнату.

— Вы с ума сошли!

Иноков [оглянулся, посмотрел на Клима и] сказал, пожав плечами:

— Не понимаю, чего же вы сердитесь? Заползла к вам гадина, я ее вышвырнул, ну — что же?

Спивак ушла к себе, хлопнув дверью.

— Странно,— сказал Иноков, разглядывая Клима, и вдруг грубо спросил:— Это вы привели его?

— Нет. Но как же можно бить людей... *да еще* в чужой квартире?

— У меня своей квартиры еще нет,— задумчиво ответил Иноков.— Почему она рассердилась? Ведь она не знает — кто он?

Он стоял среди комнаты, опустив голову, глядя на пыльный сапог той ноги, которой он ударил Корвина.

Вышла Спивак, [очень] *обильно* напудренная, дрожащей рукою она втыкала булавку в шляпу; обошла Инокова, заставив его повернуться вслед ей, и в дверях сказала:

— Благодарю вас за скандал....

— [Серьезно] Обиделась,— решил Иноков, растерянно глядя вслед ей и, широко шагая, тоже [ушел] хотел идти, но Клим остановил его, сказав, что не станет же он оправдываться пред Елизаветой Львовной на улице.

— А в чем я виноват? Негодяев надо выгонять [вооб⟨ще⟩] отовсюду.

[Клим [*сгорая от*] увел его к себе и там начал выспрашивать] Клим чувствовал, что его любопытство, разгораясь, принимает злорадный характер. Иноков был смешон, у него глупое лицо мальчишки, который [уже] понял, что он созорничал, но еще не понимает, насколько серьезно его озорство и какое наказание [его ожидает] ждет его. Клим пригласил его к себе и еще [идя по двору] *на дворе* стал расспрашивать: [что так] за что он оскорбил Корвина?

— Оскорбил?— удивился Иноков.— Ну, этим его не оскорбишь. [Я его второй раз [гоню. У него] *бью*. Он разыграл скверную штуку [с мальчиком одним, сиротой, племянником полковницы [Сабанеевой], знаете, такая строгая дама [ходила] с палкой? У нее ноги отнялись. Он пытался изнасиловать мальчишку,— не удалось; тогда он обвинил его

в краже и едва не упрятал в колонию малолетних преступников. Полковница — [без ног] беззащитна да к тому же и глупа, как дыня.] *с одною вдовой. Она в одном доме с ним* [*жила*] *живет Глупа, как дыня. У нее, в Казани, дочь арестовали,* [*а он — скот!*] [*и теперь она*] *и это так пришибло ее, что ноги отнялись.*

— У кого? — спросил Клим.

— У матери, конечно. А этот подлец взялся хлопотать об арестованной, [*обобрал и женщину*] *выспросил всё, что она знала о дочери, и, запугав женщину, обобрал ее. Да еще, должно быть, и жандармам наболтал что-то...* [1]

Рассказывал Иноков торопливо [неохотно] и все оглядывался, стоя среди комнаты Клима, играя папиросой, из которой сыпался табак на его давно нечищенные сапоги. Одет он был в холщевую блузу, измятые брюки и весь был измят, пропылен.

— Нет, — почему она так рассердилась? — спросил он, бросив папиросу [на пол] *в угол* и сел на постель Клима, вопросительно глядя в лицо его; а когда Клим попробовал объяснить ему, он сказал, махнув рукою.

— Это — ерунда! [Она умная] Елизавета Львовна умная. [Нет, тут другое что-нибудь.]

— Это ей вы писали стихи? — спросил Клим.

Иноков [поднял гол⟨ову⟩] нахмурился.

— А — кто вам сказал про стихи?

— Редактор дал мне их посмотреть.

— *Вот* дурак [редактор]. [Они не [1 *нрзб.*]] А впрочем — чёрт с ним. И — со стихами. Плохие?

л. 16 — [Это] Да.

Иноков вздохнул и, опустив голову, пробормотал:

— Я пишу стихи, [только] потому что это *очень* трудно.

— А не потому, что влюблены? — спросил Самгин с улыбкой.

[— В кого это? — хмуро спросил] Иноков, нахмурясь, посмотрел [в] мимо его в окно.

— В кого [это] влюблен?

И [тяжело] встал на ноги, нелепо пробормотав:

— [А впрочем] Это дело мое.

Ушел он, не простясь, шагая тяжело, точно по песку или по глубокому снегу, оставив Клима несколько ошеломленным грубой сценой.

---

[1] *Текст*: Она в одном ∾ наболтал что-то... — *перечеркнут синим карандашом.*

Почему-то было [очень] неприятно узнать, что Иноков обладает силою, которая позволила ему так легко вышвырнуть человека, значительно более тяжелого и крепкого, чем он сам. Но Клим тотчас же вспомнил фразу, которую слышал в цирке, на сеансе борьбы:

— Храбростью взял, а не силой. [А]

[Любопытно было] Хотелось понять: какие отношения у Спивак с Корвиным [почему она так растерялась]? Было ясно, что скандал не так возмутил ее, как [заставил растеряться] испугал. В отношении к Инокову она обнаружила гораздо больше растерянности, чем гнева.

«Неужели у нее роман с [эт⟨им⟩] регентом?»

Если так, она просто распутна. Он был так сильно заинтересован, что даже подумал: [не остаться ли ему до тех] *не отложить ли отъезд в Москву* [*дня на два, три*] *до поры*, пока эта [странная] скандальная история разъяснится? Клим Самгин все более определенно чувствовал, что [все, что так или иначе уничтожает людей] ему полезно видеть людей в положениях, которые так или иначе унижают их, [обнажая истин⟨ное⟩] открывая пред ним незатейливые пружины [их] мнений и деяний [1].

Через несколько дней, гуляя, он столкнулся с Иноковым на углу двух улиц; *поздоровавшись и не выпуская из* [*своих*] *крепких пальцев руку Самгина, Иноков предложил*:

— Идемте [смо⟨треть⟩] *за* город [смотреть, как строят казармы,— предло⟨жил⟩]

[— Что же тут интересно?] [Не интересно, не хочется.] [Разве это]

Клим отказался, но Иноков [уже тащил] потащил его за собою, говоря:

— Ведь всё равно — гуляете. [Лучше [смотреть] *посмотреть*, как люди работают, чем на морды бездельников и торгашей]

Самгин догадался, что [Иноков] он зачем-то нужен *Инокову* [и, уступая любопытству своему, пошел] [2].

— Я [там] часто [бываю], — говорил Иноков, шагая торопливо и жа⟨рко⟩ дымя папиросой,— [Сижу в поле и] *хожу в поле*. Смотрю, *как там казармы для артиллерии строят*, и думаю: может [быть], когда-нибудь люди устанут

---

[1] *После слова*: деяний — *помета красным карандашом на полях*: Сюда казарму.

[2] *Текст*: Через несколько дней ∾ пошел — *перечеркнут синим карандашом*.

от [мелких] мелких подленьких делишек [и], единодушно, *всею силой*, возьмутся за [какое-то] настоящее, крупное дело и — сотворят чудеса.

— Вавилонскую башню,— напомнил Клим.

— Не плохо было затеяно,— сказал Иноков, толкнув его локтем.— Я, видите ли, верю, что люди *обязательно* должны творить чудеса, иначе — жизнь ни [черта] гроша не стоит и все надобно послать — к чёрту! Все эти домики, фонарики, тумбочки.

[Он] [Бросив окурок] Щелчком пальца он швырнул окурок далеко вперед,— сдвинул шляпу на затылок и спросил:

[— Послушайте, Елизавета Львовна очень рассердилась на меня?

— Не знаю. Но думаю — очень.

— Удивительно! — воскликнул Иноков.— Я же говорил ей, что этот Корвин — негодяй и что я его буду бить, если встречу.

— Должно быть она думает иначе.

— Что вы хотите сказать?— спросил Иноков, взглянув в лицо его.— Если вы... это ерунда! Она — умная и... Это — ерунда! — решительно повторил он] [1].

— Послушайте, Елизавете Львовне *вы не рассказывали об этом... об этой сцене с Корвиным*?

— *Разумеется, нет,— обиженно сказал Самгин, пожав плечом.*

Но Иноков не заметил обиды.

— [*Откуда*] *Кто ей сказал? — пробормотал он.— Неужели сам этот мерзавец?*

— *За что вы его так* [*не любите*]?

[— [*Грязная свинья.*] *Он — грязный человечишко, живет на содер⟨жании⟩ у архиерея и*]

Не сразу, угрюмо и отрывисто, грубыми словами, Иноков сказал, что Корвин [[*живет на содер⟨жании⟩*] [*фаворит*] *любовник архиерея и что он привлекался к* [*суду*] *судеб⟨ному⟩ след⟨ствию⟩ по делу о*] — *поставщик мальчиков* [*любителям*] *жрецам одноп⟨олой⟩ любви и уже привлекался к суду за это, но его отстоял архиерей.*

— *Кроме того я знаю за ним еще кое-что в этом духе и — увидите! — будет он сидеть на скамье подсудимых. Мне только дождаться приезда одной* [*женщины из Крыма*] *дамы из Москвы.*

---

[1] *Текст*: очень рассердилась ∾ повторил он — *перечеркнут синим карандашом*

Вышли в поле, щедро освещенное солнцем, покрытое сероватым выгоревшим дерном. Поле было большое, [холмистое] мягкими увалами оно постепенно поднималось к [небу; вдали [его] поле ограничивали [синеватый лес] *деревья большой дороги*, а на фоне [леса] *его* четко [вырезались] *нарисованы* две башни монастырской стены и [церковные] *золотые главы* церкви за стеною. Все казалось [*игрушечным и*] *игрушечно маленьким — лес, монастырь*, белые фигурки] *дымчатым облакам* [*на горизонте*; *под облаками*]. *Вдали снежными буграми возвышались конусы лагерных палаток, а влево от них, на темном фоне рощи, двигались ряды* [*игрушечных*] [*маленьких*] *белых игрушечных* [*солдатиков*] *солдат* [солдатиков, вдали конусы лагерных палаток] [1] и очень красное на солнце кирпичное здание, [связан‹ное›] обложенное [лесами] тоненькими лучинками, облепленное [рабочими] *маленькими, точно дети, рабочими.*

— Не понимаю, на кой чёрт он ей нужен,— пробормотал Иноков, глядя вперед, где *шагали* солдаты, поблескивая штыками, и, точно [на] *соскочив* с дешевой картины, [скакал] *красовался против солнца белый всадник на бронзовом коне.*

— С [одного] одной стороны города Варавка выстроил тюрьму, с другой — строят казарму [*для*] *артиллерии.* Этот подряд ускользнул от Варавки,— говорил Иноков, шагая по серым *сухим* былинкам, [сожженным солнцем] былинки потрескивали, шуршали. [Подошли близ‹ко›]

— Не плохо,— сказал Иноков, указывая на [казармы, три] корпуса казарм, обстроенных лесами, средний был [уже] доведен почти до конца, каменщики [в белых [фарт‹уках›] передниках] уже выводили карниз третьего этажа [их было человек сорок на стене]. Широкие, открытые пространства [умаляя человека и, может быть] *всегда настраивали Самгина* [*на*] [*дремотно и*] *грустно*, [*это, может быть*] потому что они [всегда] несколько умаляют человека и дела его рук [открытые пространства всегда настраивали Самгина лирически, [и как бы опустошали его] высасывая мысли, чувства]. Шагая в ногу с Иноковым, [он] *Клим* чувствовал, что поле опустошает его, [высасывает мысли, чувства] лишает желания говорить и понимать то, что говорит Иноков. Он как бы таял в свете солнца, в жарком воздухе, в запахе иссушенных трав, а Иноков [надоедливо] *неутомимо* фило-

---

[1] *Слова*: солдатиков ∾ палаток — *остались незачеркнутыми.*

софствовал, [пригото‹вясь›] готовясь закурить папиросу. [1] Но вдруг он остановился, сильно дернув Клима за рукав, отшатнувшись назад, [и] крикнул:

— Смотрите — чёрт! — бежим! — и бросился вперед с быстротой и легкостью мальчишки.

Несколько секунд Самгин не понимал того, что видел [и слышал] [2]. [Он] Видел он, что жерди [*деревян‹ных›* лесов, которыми была связана казарма] *деревянной* клетки, в которой была заключена казарма, *покачиваясь* [*и дрожа*], *вздрагивая*, *неохотно* наклоняются в его сторону, [неохотно трещат, об‹нажают›] [*и*] *трещат*, [*ломко*] *падают*, обнажая стену, и увлекают ее за собой. [Это было так неестественно, что Клим прирос к земле и [глядя] не верил тому, что видит.] [*а*] *со стены* [*валились кирпичи*] *прыгали люди*, *цепляясь за жерди*, *доски*, *и* он догадался, что стена разрушается, лишь тогда, когда с нее в [исковерканный] в хаос [досок] жердей и досок, *сползавший к земле* [*все более с громким треском и скрипом*, *воем*], стали прыгать каменщики, а за ними посыпались кирпичи, барабаня по дереву, покатились шайки. Клим прирос к земле [смотрел и не верил, что]. Не верилось, что люди могут [лететь] мелькать в воздухе так быстро, [в таких] так неестественно изогнуто и шлепаться о землю с таким [зву‹ком›] сильным звуком; он слышал несколько таких шлепков даже сквозь все более громкий треск и скрип дерева, сквозь [крики] воющие крики ужаса. Казалось, что некоторые каменщики прыгали на землю с разбега по воздуху, что они хотели перенестись через ожившую груду [дерева] досок *и* жердей, *которые*, *казалось*, *стали гибкими*, *как* [*руки и простирались*] *ноги паука*, *ловили падающих и тискали их*, [*густо осыпаемых кирпичами*] [3] *и двум*, *трем удалось это*, *но* [*зат‹ем›*] *как только они падали на землю*, *их* [*било обломками дерева*, *кирпичами*] *осыпали обломки дерева*, *кирпичи*.

Стена [*осыпалась*] *разрушалась лениво*, *частями*, *вздыхая красноватой пылью*, *и в пыли прыгал Иноков*, *суматошно метались каменщики*. Отвратительно кривились пустые

---

[1] *Возле этих слов фраза*, *зачеркнутая синим карандашом*: Маленькие [кирпичики] человечки, маленькие кирпичики...

[2] Знак вставки зеленым карандашом; вставка написана на отдельном листе, текст ее частично воспроизведен в основном тексте (см. наст. изд. т. XXII, варианты к *ЧА* ХПГ 23-1-1, № 59848 «Стена к‹азармы›»).

[3] Три последних слова остались незачеркнутыми.

дыры окон, одно из них высунуло [как язык] конец доски и [потряса⟨ло⟩] дразнилось им, как языком, в другом встал человек с лопатой в руке, бросил ее, а сам, *взмахнув руками*, опрокинулся назад. Взлетела в воздух [шляпа] широкая соломенная шляпа, понеслась в сторону Самгина, упала на землю и покатилась к ногам его, он отскочил и, оглянувшись, понял, что он *не стоял, а* все время [тихонь⟨ко⟩] подвигался вперед и подошел уже так близко, что дальше идти [не нужно, боязно] *опасно*, хотя уже все кончилось, только кое-где из безобразной груды дерева и кирпича высовывались, *вздрагивая*, покачиваясь, [обломки] [дым⟨ом⟩] жерди и поднималась *дымом* бурая пыль. *Во все стороны бежали, бросались, отбегали каменщики, плотники, и особенно прытко*, [*как*] *точно жеребенок, подскакивал, припадая на одну ногу, подросток в синей рубахе, подскакивал и визжал*:

— *Дядя Па-вел.... Падя-а..а... Господи-и...*

Он [*пробежал*] *промчался мимо Самгина, на секунду мелькнуло напудренное известью белое лицо с открытым ртом и круглыми, как монеты, глазами.*

От лагерей скакали трое всадников в белом, *рассеянно* бежали десятки солдат, [[от казармы] спешно шел Иноков, [неся на спине [человека, руки которого болтались] рыжеволосого человека, [человек был] перекинув его через плечо] *нес* [*на плече*] *седого старика*] *перегоняя друг друга, отскакивая от земли мячиками*, [[*количество*] *они увеличивались с такою быстротой*] *как будто земля подбрасывала их*. Большой широкобородый человек, удивительно пыльный, сел на землю в пяти шагах от Клима, потом лег на бок, достал рукою [откуда из-за пазухи] из волос затылка кровь и, стряхнув ее с пальцев, сказал [хрипло] *ровным голосом, точно* [*прочитав вывеску*] *прочитал с вывески*:

— Ученые, растак вашу мать, *светлы пуговицы*, научились народ губить, демоны.

[Видел] [Самгин [очень много] стоял, оглядываясь, и видел все, что творилось в ожившем поле.]

Самгин [тихонько] *боком* [*и*], *неудобно* подвигался назад и в сторону, солнце слепило его, заглядывая в стекла очков, *солнце нисходило к лесу, освещая поле* [*все ярче*] *нестерпимо ярко, как бы* [*на 1 нрзб.*] *для того, чтоб придать* [*всему*] *несчастию памятную отчетливость*; он встряхивал головою, не отрывая глаза от [людей] всего, что мелькало в ожившем поле, видел, [как] Иноков [несет] тащит человека, перекинув его через плечо, человек изогнулся и мягкие руки его [бол-

таясь бью‹т›] шарят по груди Инокова, точно раздевая его, [Офицер] к нему подскакивал офицер, закричал что-то. Иноков тоже крикнул:

— Не знаю,— присел [и], разложил человека по земле, расправил [его] руки, ноги его и снова побежал к обрушенной стене, [где] *там* уже [как] [белыми муравьями] копошились солдаты, точно белые муравьи, туда осторожно сходились распуганные плотники, каменщики, [некот‹орые›] но многие из них остались сидеть и лежать в поле, [образовав] [они] [неко‹торые›] *иные стонали*, *другие* перекликались друг с другом воющими голосами и особенно звонко, по-бабьи, звучал один голос:

— Минаева — задавило? Минаева-то? Слышите? [*а*? Я видел, он внизу был] *Слышите*? Задавило, что ли?

Солнце, остановясь [низко] над городом, освещало поле нестерпимо ярко, придавая иззубренной стене, груде кирпича, обломкам дерева [и ка‹мня›], ловким фигуркам солдат и всему [что видел глаз] резкую отчетливость, оно как бы выжигало в памяти Самгина [его] *все то*, что черпали *глаза* его.

Но и мысли, и чувства его остановились на одном, [непонятном] *невероятном* и загадочном: как [это] случилось, что он незаметно для себя подошел так близко? Он ясно помнил, что остановился, когда Иноков убежал от него, и что он даже подался назад, когда леса и сходни, наклоняясь в его сторону, стали сползать со стены, а стена [пошатнулась, отвратительно выпучившись], выгнувшись на высоте второго этажа, гадко искривила [*окна*] [*тем‹ные›*] дыры окон и подвинулась к нему. *Ему казалось, что он приблизился шагов на* [*сто*] *сотню от* [*того*] *места, где* [*Иноков*] *его оставил Иноков.* В том, что он [не мог понять [этого] этого] не помнил своего прыжка навстречу опасности, было [что‹то›] нечто угнетающее. [Да и был ли прыжок? Даже] Да и был ли такой [пры‹жок›], прыжок, [такой] столь быстрый бег? Он не уместился бы в краткую минуту падения стены.

«Ошеломило меня это, и [нику‹да›] не бежал я»,— попробовал он успокоить себя, но тотчас же *ясно* вспомнил [что когда] *минуту, когда* катился на коньках к [ут‹опающему›] Борису Варавке, [и] *вспомнил все, чем она была наполнена*. Он снова задумался и *угнетенно* пошел домой, оставя сзади себя уханье и крики солдат, треск дерева, шорохи кирпича и разные слова команды:

— Осторожно ты, осел! [Куда лезешь?] *Фельдшера сюда!*

Двое конных рысью обогнали Клима, и один из них кричал, подпрыгивая:

— Гр-ражданское ведомство.. свиньи...

Он решил пойти в редакцию, сообщить о катастрофе, но [у], войдя в город, встретил Дронова на извозчике, привстав в экипаже, Дронов крикнул:

— Убитых много?

Клим не ответил. Дома уже знали о событии: *Варавка* [*звони⟨л⟩*] *сказал по телефону*. Мать стала очень деловито и утомительно расспрашивать, в дверях *столовой* стояла горничная, в прихожей слушал дворник, крутя бороду, все это было глупо, ненужно и усиливало тяжесть настроения. Клим был рад, когда явился Варавка, [блестя] *сияя* как самовар, размахивая руками.

— Хо-хо!— орал он, ласково щупая бороду обеими руками.— Хотели построить дешево,— ага? На торгах вели себя, как нищие. Военное ведомство.. Идиоты...

И, хлопнув Клима по плечу, попросил его:

— Ну-ка, брат, накатай воззвание о помощи семьям убитых! От меня пятьсот... Вера, ты — сколько? Пятьдесят? Лучше сто. Ты, Клим? Чудесно. Вера, устрой сбор в школе у себя — ладно? Ты, Клим, сейчас же и отправь, чтоб завтра напечатали. Лучше сам отнеси... Построили, чёрт вас возьми!...

⟨Лист без пагинации⟩ *Вечером, хмуреньким и теплым, он пошел гулять, и в одном из темных переулков, выходивших на главную улицу города, толстенькая девушка в широкой* [*шляпке*] *шляпе* тихонько [1] попросила:

— Проводите меня.

Самгин пошел быстрее, а она, не отставая, стучала каблуками по панели, точно коза копытами, и за плечом Клима звучал ее упрашивающий шёпот:

— Я — близко живу. Я бы...

---

[1] *Фраза записана на полях л. 16, с. 1 автографа, после нее помета*: Вст⟨авка⟩ 17

Настоящий четырехстраничный лист следует после листа 16, но остался без авторской нумерации. Первые восемь строк, служившие первоначально продолжением листа 15, вычеркнуты автором:

— Я, собственно, не люблю стихи.

— Вы немножко влюблены в Спивак,— шутливо спросил Клим.

— Это — дело не ваше,— сказал Иноков, тяжело вставая на ноги.— Об этом не спрашивают,— проворчал он и ушел, не простясь, шагая, как по песку или по глубокому снегу.

— Прочь,— озлобленно сказал он, заглянув под шляпку в круглое курносое лицо. Девушка испуганно отскочила.

«Вот так бы отшвырнуть от себя и все ненужное,— подумал Клим, но через минуту на освещенной улице ему стало неловко.— Это Лидия привила мне озлобление против женщин,— оправдался он,— Конечно,— она».

И Самгин [углубился в думы] углубленно задумался: слишком много места в жизни занимают женщины. Это — потому, что отношение к ним искусственно осложнено литературой, романами, фальшиво приподнято над естественной и простою игрой инстинкта. [Под нарядностью] Нарядность, с которой мужчина привык подходить к самке, разумеется, ложь. В сущности, женщина прямодушнее мужчины, своим кокетством она откровенно признается в том, чего хочет [и если] *Она* тоже приучена выслушивать красивые предисловия, но, наверное, оценивает их как бесполезную трату времени [1].

Клим давно [уже] понимал, что его мысли о женщинах становятся все холоднее, циничней, но что это укрепляет его, ставя вне возможности ошибок и поражений. Мысли о женщине вызывали в памяти его картины, которые он рассматривал *победоносно*, усмехаясь и почти с брезгливостью. А [жалкие] жалкенькие, жидкие груди Нехаевой и ее узкие, судорожные бедра он вспоминал уже с отвращением.

«В сущности, пожалуй, вернее всех о женщинах говорила бездетная самка Маргарита».

Затем он вспомнил, что несколько дней тому назад в длинном лирическом [письме] *послании* матери из Ялты была приписка поперек строчек письма: — «Я встретила здесь Серафиму Павловну Нехаеву, которая говорит, что знала тебя в Петербурге. Она некрасива, но умная, и у нее хорошие воспоминания о тебе. Удивительно религиозна и вообще очень, очень интересна. Распорядись, чтоб вяз на дворе срубили».

«Все еще живет»,— подумал Клим, вспоминая сухой кашель и короткое дыхание худенькой девушки.

Возвращаясь домой, на улице, скупо освещенной керосиновыми лампами фонарей, он заметил недалеко от ворот коренастую фигуру человека, похожего на Корвина, но не успел убедиться, Корвин ли это,— человек быстро перешел на другую сторону улицы [и], исчез в тени.

---

[1] *Текст*: Это — потому ∾ трату времени.— *перечеркнут синим карандашом.*

[Окна флигеля были] Из *двух* открытых окон флигеля на двор легли широкие полосы света, в комнате был слышен характерный, глуховатый голос Инокова [его четкие слова] и еще [чей-то знакомый голос] чьи-то голоса.

«Простила?» — подумал Клим и прошел к Спивак.

У нее сидел Радеев; покачиваясь, поглаживая колени свои, он с улыбочкой слушал Инокова, который, согнувшись, наклонясь вперед как будто для прыжка, говорил Робинзону, потиравшему руки:

— Осмеять можно все, это — нетрудно. А об этой новой секте вы написали неправильно фактически и нехорошим тоном. Нельзя осуждать детей за то, что они, начиная говорить, говорят неправильно. Может быть, сектанты эти говорят правильно, да — не [по-вашему, может] по-вашему. *А* может, [и] нарочно говорят неправильно, чтоб сказать честнее.

— [[Нет] *Да* что *ж* новое видите вы в этой китайщине? — вскричал Робинзон] *Китайщина,— неестественно громко крикнул Робинзон, а* Спивак вполголоса сказала Климу:

— Кутузов арестован.

— Да-с,— подтвердил Радеев.— Имею точные сведения,— [ска⟨зал⟩] продолжал он, не переставая покачиваться и глядя в лицо Клима с неуместной усмешечкой.— И, надобно думать, что за ним *свыше* присматривали [свыше], ибо по пути его следования тоже произведены аресты и обыски.

— Вот как,— пробормотал [Самгин] Клим, садясь рядом с благообразным стариком [недоуменно думая: «И этот? Этому что надо?»] и с недоумением глядя на [его пухлые] ручки *Радеева*, пухлые и сдобные, точно у женщины. [Арест Кутузова не удивил его, не вызвал никаких чувств, но]

«И этот? Этому что нужно?»

— Государству потребно огромное количество ученых деятелей, а у нас молодежь [по силе] силою необходимости отбрасывается от науки в политику [слышал он] или в другую для себя опасность, как вот г⟨осподин⟩ Иноков,— слушал Клим вздыхающий голосок. И в то же время [слушая] слушал угрюмую речь Инокова, [который глуховато] его глуховатый голос заставил всех молчать.

— Теория — пустяки,— говорил он, сидя на краешке стула, вытянув ноги и сунув руки в карманы брюк; брюки высоко взъехали, показывая спустившиеся полосатые носки. Небрежность *поз и* костюма [и поз[Инокова всегда казалась Климу нарочно подчеркнутой [и], вызывающей и всегда раз-

дражала Самгина. Но в его речах [он] Клим иногда [слышал] *улавливал* нечто родственное, уловил и в этот раз.

— Фактов накоплено столько, что из них можно построить десятки теорий, и каждая будет достаточно убедительна для... [людей] желающих быть убежденными. Но вот *самое* желание-то это — неприязненно мне...

— Слышите? — шёпотом спросил Радеев.

...как всякое желание удобно устроиться в приличном для души уголке. Мне оно тоже не чуждо, [и понуждает меня к такому диалогу с самим собою: «Ты что бездельничаешь?» — «Не могу работать, свободы нет».— «Да ведь ты, чёрт, если тебе свободу дать, или окончательно обленишься или так буянить начнешь, что самому страшно будет».

Клим перестал слушать] я ведь понимаю: как бы красноречиво ни говорил человек, а в конце концов он остается человеком, который хочет хорошо есть и спокойно жить с красивой женщиной. Тут — основа всякого прогресса, эволюция и — как [-то] еще? [Дальше этого идут как⟨ие-то⟩] А мне хочется, извините, в зубы дать прогрессу...

— Это — из Достоевского, из [Запи⟨сок⟩] подполья,— торжествуя, крикнул Робинзон.

Иноков [взглянул] *покосился* на него, пошевелил ногами и спросил:

— Ну так что? Ну — из подполья? Достоевский и подполье тоже включены в прогресс. Дальше прогресса идут какие-то... странные люди, я плохо понимаю их. И даже, кажется, не люблю. Прогресс — это простейшая, неоспоримая правда, но — чёрт бы ее побрал. Это — тоже из Достоевского?

— Да, конечно,— подтвердил Робинзон победоносно.

[Пос⟨мотрел⟩] — Ну, и радуйтесь,— сказал Иноков,
л. 17 вставая, [подходя к] подошел к окну и присел на подоконник [стал закуривать] *и*, закуривая, продолжал:

— Шлейермахер утверждает, что идея счастья была повивальной бабкой, при помощи которой разум родил понятие о высшем благе. Но он же сказал, что добродетель и блаженство разнородны по сущности своей и что Кант ошибся, смешав идею высшего блага с элементами счастья. А — что такое высшее благо? Мало я понимаю. Это, должно быть, оттого, что много думаю. Я ведь даже во сне думаю.... чёрт!

Клим видел, что Иноков — «герой вечера», его слушали внимательно, только Робинзон изредка вставлял, *дразня*, подхлестывающие словечки. Радеев задумался, даже как

будто задремал, опустив голову. Спивак смотрела на Инокова задумчиво и неотрывно; [Лицо у нее было озабоченное, усталое] тонкие брови сдвинуты, [казалось] как будто она решала трудный вопрос. В темном платье она была не похожа на себя. Выбрав удобную минуту, Клим шёпотом спросил ее:

— Как вы с Корвиным?

— Это, действительно, негодяй,— ответила она не сразу и тоже тихо.— Он прислал мпе гнусное письмо с дурацкими угрозами. Кажется, я подам *жалобу* в суд...

Иноков вдруг засмеялся,— смех его был почти беззвучен, но все тело тряслось.

— Шлейермахера я читал, на немецком языке, вместе с приятелем моим, полицейским приставом Пуарэ. Замечательный тип! Один его брат — известный карикатурист Каран-д'Аш, другой — [коман⟨дир⟩] капитан одного из пароходов «Добровольного флота», сестра — актриса, а сам он был поваром у нашего губернатора, затем — стал околоточным надзирателем, а ныне — пристав. Сорок три года, певинные синенькие глазки, синие щеки, густые усы, а под ними — неожиданно женский, мягкий рот. В общем — он шарлатан и дрянь.

Радеев, утвердительно кивнув головою, сказал:

— *Взяточник.*

Рассказывая, Иноков сжал пальцы рук в большой кулак и тихонько, в такт словам, бил кулаком по колену. Глаза его потемнели, он прижмурил их, и Клим впервые заметил, что ресницы Инокова длинны, красиво выгнуты к бровям.

— *Беспутнейш⟨ий⟩ челов⟨ек⟩ этот Пуарэ,— снова и уже рассеянно заговорил Иноков, потирая лоб и глаза.*— Он хочет [быть] казаться благовоспитанным человеком и, даже ругаясь,— любезно улыбается, [только] но зубы скалит злобно и нижняя губа вздрагивает эдакой, знаете, поцелуйной, сладостной дрожью. Так и видишь, что ему хочется бить человека. В спальпе у пего горит неугасимая лампада пред образом богоматери, а по голубым обоям стен развешаны в рамках голые женщины французской фабрикации, *они — как бескрылые ангелы рядом с иконой.* И — десятки парижских тетрадок ⟨«Ню»⟩. Он очень богомолен,— как-то я ночевал у него, он встал среди ночи и долго молился, *стоя* на коленях, *молился* шёпотом страстно влюбленного, быстро [и], задыхаясь и прижимая кулак к груди. В темноте было не видно лица его, но я думаю, что он плакал.

Иноков все понижал голос и этим внимание слушателей напрягалось. Говорил он о полицейском как о чем-то необыкновенно важном и заставлял Клима ожидать необыкновенной развязки рассказа. Робинзон слушал жадно, приоткрыв рот, лицо у него стало глупым, и Клим понимал, что фельетонист *тоже* ожидает страшного. Полулежа на диване, Спивак смотрела на рассказчика измеряющим взглядом широко открытых глаз, и этот взгляд подсказывал Климу цинические догадки.

— Так вот, мы с ним читали Шлейермахера, он вообще любит читать философию, Шопенгауэра читал, Гартмана, Фихте. Да. Я спросил его: зачем это вам? Для отдыха души,— говорит, душа, говорит,— отдыхает только на не похожем на то, что знаешь. За эти *корявые* слова я его... он мне очень понравился.

Иноков [замол‹чал›] высунулся в окно, кашлянул, сплюнул и замолчал.

— Зачем это рассказано? — тихо спросила Спивак.

Он повернулся к ней, [вз‹глянул›] глядя вдруг выцветшими глазами, и ответил:

— Я много знаю такого. И — хуже. Меня [во‹прос›] мучает вопрос: настоящее или нет?

— Настоящее,— решительно *и громко* сказал Робинзон, но Иноков как будто не слышал его.

— Я вот собираюсь рассказы писать, потому что мне *иначе* некуда девать то, что я знаю, тяготит это меня, кричать хочется. Я даже пишу Елизавете Львовне. Напишу — подумаю: нужно ли рассказывать об эдаком? И — сожгу. Сожгу, потому что Толстой — молчит, Короленко, удивительно зоркий и цельный,— тоже молчит. У Толстого какой-то бог есть, Евангелие, у Кор‹оленко› вера в справедливость, в какие-то добрые начала.

Радеев, покачнувшись, спросил:

— А вы не веруете в бога?

— Н-не знаю,— сказал Иноков.— Видите ли, очень глупо все для бога, люди и все вообще. Как-то сидел я на берегу реки ночью, и очень часто звезды падали в ту ночь, черкнет в небе и погаснет звезда в черной воде. Экая глупость, думаю. Кто это швыряет звездами и зачем? Вообще — неловко представить бога гоняющим огненные шарики в бескрайной тьме. Смысла нет в этом. Нас ведь принуждают жить осмысленно, а в мире нет смысла-то, только еда, женщи-

ны и — вот такие *никчемные* мыслишки, как эти, что я вам излагаю!

— Это — плохо,— сказал Робинзон.— Не могу представить: что же и о чем будете вы писать?

— Вот именно,— согласился Иноков, улыбаясь, и, разняв пальцы, взмахнул затекшими руками.— Не знаю я, что надобно писать. Вижу два течения жизни: мою жизнь и вашу, то есть — миллионов людей. В одно русло оба течения не вгонишь, не солгав себе или вам. Примирять непримиримое? Не надо. Углублять противоречия? Людей жалко.

Он вздохнул и широко ухмыльнулся.

— Людей [я] очень люблю и мне их [до безумия] жалко. Особенно люблю преступных, то есть, вернее,— плохих. А хороших, кажется, не очень. Хороший человек подозрителен мне, в нем есть что-то неестественное, слепое и даже — пугающее.

[— Пора идти-с] Радеев встал, отряхнулся и сказал:

— Не понимаю-с. Думаю, все это оттого, что недостаточно видели. А я, знаете, интеллигентных людей люблю, за бескорыстие их. Я могу *вас* познакомить с идеальным человеком. У меня на мельнице служит один ссыльный политический-с, так он, знаете, все толкал меня к усовершенствованиям, он — инженер-механик. Однажды говорю я ему: слишком много трудитесь вы за мое жалованье, [не желаете ли прибавки? Он] нельзя так расходовать силы на чужие дела. А он: развитие отечественной техники такое же мое дело, как и ваше. Вот-с. Вот эдак понимать работу — великая вещь!

Все это Радеев сказал тоном проповедника, а в конце речи даже руку поднял и пальчиком погрозил в потолок. И тотчас заторопился, как бы избегая возражений.

— Однако — пора идти-с! Благодарствую за приятнейший вечер, Елизавета Львовна!

За ним стал прощаться Робинзон, неохотно слез с подоконника Иноков, [Клим] Клим проводил их за ворота, и, только что успел [задвинуть] запереть калитку, как вблизи

л. 18 прозвенел истерический крик Робинзона.

— Стойте! Что вы делаете?

[Закричал и Радеев] [*Пронзительно*, *тонко*] *Тонко и вопросительно закричали. Радеев* [он кричал]:— *Разбой*?

[Послышалась тяжелая возня, собачье] Послышалось *псовое* рычание, *тяжелый* топот ног, удары по мягкому.

Клим отворил калитку, выглянул: в [десятке] *двух* де-

сятках шагов от дома, на панели, возились [люди] в темноте черные люди, видно было, что двое из них [наклонясь, взмахивают рука⟨ми⟩] подпрыгивают, лягая друг друга ногами, или топчут третьего. Подскочил Робинзон, размахивая шляпой, задыхаясь:

— Что вы смотрите? Его бьют...

Схватив Клима за руку, он потащил [его], но споткнулся, припал на колено и, не выпуская руку Самгина, заорал:

— Да помогите же!

Открывались окна соседних домов, на улицу выглядывали [*каки⟨е-то⟩*] *плоские лица людей, лаяли собаки.*

Но помогать было уже поздно: когда Клим подбежал к месту драки, четыре фигуры поспешно *и молча* удалялись во тьму, Радеев, прислонясь спиною к забору, размахивал обломком своей трости, покрикивая:

— *Что ж это такое*!

Иноков сидел [на земле], запрокинув голову, упираясь руками, и тяжело, хрипло вздыхал.

— Ну-ко, помогите,— сказал он довольно спокойно, [схватив] а когда Робинзон и Самгин поставили его на ноги, спросил:

— Чем это они меня? Кастетом, [будто] *что ли?*

И пробормотал:

— Вот конфуз. Это, конечно, певчие.

Пошатываясь, он встряхивал головою, отдувался и просил:

— Вы, Самгин, дайте мне помыться, а Елизавете Львовне не нужно говорить.

Но Спивак встретила их, стоя в калитке.

— Что случилось? [Вас ра⟨нили?⟩]

— Какие-то испанцы,— пробормотал Иноков.— Пустяки в общем. Не беспокойтесь.

Но Радеев остреньким и злым голос⟨ом⟩, Робинзон, устало всхрапывая, начали рассказывать о нападении, а Иноков все бормотал:

— Скандально. [Очень конфузно]

Когда Клим привел его в столовую и зажег огонь, все увидали, что лицо Инокова [разбито] залито кровью, она течет [ручья⟨ми⟩] из-под волос на лоб, *на* глаза. Спивак [невероятно быстро и] *властно, но очень спокойно* [действуя], распорядилась, чтоб *Клим и горничная* принесли воды, [таз] полотенца, [засучила] *закатала* рукава своей блузы, [посадила] промыла голову Инокова и громко сказала:

— Кожа содрана, удар пришелся вскользь. Очень больно? —

— Нет. [Но я как пьяный] *Не очень*,— ответил Иноков [сидя среди комнаты на стуле и покачивая головою]. *Сидя на стуле* среди комнаты, *нелепо вытянув шею и держа голову неподвижно*, в то время как женщина обматывала ее полотенцем, [Клим видел, что Иноков действительно сконфужен, он, не [смотрит] *глядя* на Спивак] *он* виновато [усмехается] *усмехался*, [кусает] *кусал* губы, [[рассматривает] *рассматривая* испачканные кровью руки свои, и вообще [ведет] *вел* себя, как человек, чувствующий себя] действительно [чувствующий себя сконфуженным, упавшим в] сконфуженный,— [*Не очень* больно, а состояние нелепое] *и, прижав локти к бокам*, [*держал на весу*] *рассматривал испачканные кровью руки свои.*

— *Пальцы на левой руке больно,— сказал он тихо и потряс кистью руки.*

Клим помогал Спивак, Робинзон и Радеев, стоя в углу друг против друга, [громко шептались] *быстро* и невнятно разговаривали о чем-то:

— [Нароков] *Робинзон,*— твердо позвал Иноков,— вы не вздумайте писать об этом. Пожалуйста, не надо. Слышите?

[— Мизинец разбит,— [сказала] *объявила* Спивак.— Нароков, вы не] [Спивак, посмотрев руку Инокова]

Спивак попросила Робинзона съездить за доктором, фельетонист и Радеев ушли, [а] Клим пошел [к себе] за бельем для Инокова и, возвратясь, застал его [на ногах стоящим] уже на ногах. [в б⟨елой⟩] Иноков [шаг⟨ал⟩], в белой чалме, с рукою, обмотанной полотенцем, шагал по комнате и говорил [несколько] еще более глухо, чем всегда:

— Нелепое состояние быть избитым. [Это первый раз со мною. Конечно, бил отец, но это — не считается]

Спивак, стоя у стола, молчала, в руке ее блестели ножницы, и по ножницам заметно было, что рука дрожит. В открытое на двор окно дул [свежий] сырой, холодноватый [воздух] ветер, *огонь лампы вздрагивал и коптил.* Клим чувствовал [тягостную] *раздражающую* скуку, особенно скучно было видеть немую фигуру женщины в темном, со склоненной головою.

— Вы теперь, наверное, не станете затевать драк,— [угрюмо] сказал Клим, не сдержав раздражения.

[— [Почему же? — спросил] *Не стану? Не обещаю,— сказал* Иноков, остановясь пред ним].

— Не стану? — спросил Иноков и, отойдя в угол, пробормотал: — Увидим.

[— Разве] Спивак медленно ушла, сказав, чтоб ее позвали, когда приедет доктор [а Самгин вспомнил]. *Иноков сел в углу на стул*, [*он при⟨слонился⟩*] *опираясь затылком о стену*, *и* [*промычал*] *проворчал*:

— Конфузно.

А Самгин вспомнил ночь, когда на его постели лежал раненый Макаров, вспомнил Лидию и задумался о [странных] странно неясных отношениях между людьми. За все лето Лидия прислала ему одно письмо, коротенькое и сухое, только [некол⟨ько⟩] одна фраза в нем что-то значила: «В Париже чувствуешь себя [еще] более ничтожной, чем в Москве».

«Пишет ли она Макарову? И что творится между [Спивак] Иноковым, Корвиным и Спивак? Ее муж уехал в Финляндию, в санаторию, он, вероятно, скоро умрет».

Думы [были сбивчивы] [текли сбивчиво] *шли* запутанно, одна через другую.

— А вы, Самгин, моралист,— вдруг сказал Иноков, не шевелясь в углу.— Вероятно, это очень легко — быть моралистом. Десять заповедей, нагорная проповедь и — достаточно. [А жиз⟨нь⟩] А если прибавить «Хороший тон»,— есть и такое евангелие, издано журналом «Нива»,— [так этого] [так уже этого на век] так уж и совсем отлично.

Говорил Иноков не задорно, насмешки в словах его [не] Клим не слышал и [сдел⟨ал⟩] потому промолчал. А Иноков все так же неопределенно, как бы сам себе, говорил, глядя в потолок:

— Вы не обижайтесь, это я — болтаю от конфуза, честное слово! Я — не злой, хотя, иногда, по небрежности, говорю злыми словами.

Помолчав, [он] спросил тише и даже как будто робко:

— А что, с вами не бывает так: один Самгин [жив⟨ет⟩] говорит, [ходит, смеется] а другой Самгин все *только* думает: это зачем же ты?

— Нет, не бывает,— ответил Клим.

— Это — хорошо,— сказал Иноков, он встал, подошел к Самгину, намереваясь сказать еще что-то, но приехал Робинзон и доктор, пришла Спивак. Доктор нашел, что кости мизинца на левой руке раздроблены и два сустава надобно отрезать.

— Как это случилось? — спросил он.

— Попал под лошадь,— объяснил Иноков.

[Робинзон предложил [Инокову] ему] Решили, что палец отрежут завтра утром, Иноков спросил Клима, можно ли ночевать у него.

— Конечно,— сказал Самгин, не [решаясь] посмев сказать: нет.

Доктор и Робинзон уехали. Спивак ушла к себе, она все молчала, и лицо у нее казалось Климу злым [1]. Горничная приготовила Инокову постель в столовой на диване, и Самгин, облегченно вздохнув, ушел к себе.

[Уснуть он не мог] ↓ Была уже полночь, посвистывал и шумел ветер, мешая уснуть. Мешало и *раздражающее* сознание нелепости [ненужности происходящего] происшедшего, [ненужно вспомнились слова Спивак:

л. 19 — Романтики находят, что разум обедняет, обесцвечивает жизнь. [Клим] Потом вспомнились еще какие-то чужие слова] и он [*почему-то*] почувствовал [себя задетым словами], что его задели слова Инокова:

— [Вы] Моралист.

Задело почему-то [именно и] *только* это слово, а [неуклюжая и шутливая характеристика моралиста [как будто] даже нравилась] *не грубовато шутливые словечки* о нагорной проповеди и «Хорошем тоне».

Перед рассветом, сквозь дрему, он услыхал [отдаленный дребезг изв‹озчиков›] тяжелый топот на улице, затем кто-то пощелкал железной *щеколдой* калитки и заскреб по дереву ворот.

«Корвин? Воры?»

Клим вскочил с постели, подбежал к окну и увидел, что [в] сумрак двора с ворот [спрыгнула большая черная фигура] спрыгнул большой, черный *человек*, от нее оторвалось что-то круглое и покатилось прочь. Человек *согнулся*, догнал эту штуку, [надел ее] выпрямился и стал [полицейск‹им›] жандармом, а Клим почувствовал неприятную дрожь в коже спины. Калитка открылась, во двор гуськом вошли еще жандармы и полицейские. Самгин насчитал их чертову дюжину, 13 человек. Часть пошла к флигелю, остальные столпились у крыльца, и тотчас же в тишине пустого дома [задре‹безжал›] торопливо, зловеще задребезжал звонок. [Когда Клим от-

---

[1] *Текст*: Думы [были сбивчивы ∾ казалось Климу злым.— *перечеркнут синим карандашом.*

крыл дверь] *Клим побежал в прихожую*, набросил на плечи пальто, широко распахнул дверь,— толстый солдат с седою бородой отодвинул его в сторону, за солдатом встал чернобородый офицер в темных очках и спросил сердито:

— Г⟨осподин⟩ Самгин?

Затем он сказал какие-то казенные слова и [попросил] спросил Клима:

— Ваша комната?

Клим тоже спросил:

— Это — обыск? [У меня?]

— Совершенно верно,— подтвердил офицер ленивым тоном [1].

«Глупо [было] спрашивать» — сообразил Самгин. Он чувствовал себя вдруг отупевшим, как от удара, [его обняла [и смя⟨ла⟩]] физически вялым [и], угнетенным и, в то же время, распавшимся надвое. Одному Самгину было обидно и противно смотреть, как офицер [роется] плотно сидя на стуле, роется в ящиках стола, вытаскивает бумаги [и], читает их носом, а по большим черным стеклам его очков скользит свет лампы; пальцы офицера [были] красные, а ногти синие, точно он отморозил руки. Другой Самгин с досадой чувствовал, что [он отвечает] [пытаясь отвечать], *пытаясь* отвечать на вопросы офицера *вежливо*, *он отвечает* слишком угодливо и вообще держится [*как-то* не так, как] как человек, склонный признать себя виновным в [том, что обеспокоил среди ночи солидного человека] чем-то.

— Это — ваши статейки? — спрашивал жандарм, встряхнув тощенькой папкой газетных вырезок.

— Да. Я пишу в местной газете.

— Читал [и] с интересом. А — это?

— Различные заметки, для будущих статей.

Офицер отложил заметки налево от себя.

— Кажется — дневник? — спросил он, перелистывая толстую тетрадь.

— Да. [А это] *И* — выписки из лекции.

[И] Дневник и выписки жандарм отложил тоже налево.

«*Отвечаю* [*излишне*] *многословно, надо — короче,— запоздало соображал Клим.— Забегаю вперед,— ловил он себя,*

---

[1] *Возле этих слов на полях помета красным карандашом*: задел репей⟨ком⟩ шпоры за ковер.

но удержать не мог [Было ему стыдно].— Волноваться стыдно. Это, разумеется, пустяки. Это, наверное, в связи с Кутузовым»,— [тоже] догадывался он и чувствовал, что волнуется все больше.

У двери стоял седобородый [ста‹рый›] солдат и неслышным шёпотом, движениями седых бровей указывал острoглазому молодому, что надобно делать. Молодой пошевырялся в постели, под подушками, под матрацем, заглянул [и] под кровать и в ночной столик, затем начал приподнимать фотографии и картины на стенах. Офицер встал, положив портфель свой на отобранные бумаги и фотографии, подошел к шкафу [расс‹матривая›] и начал молча рассматривать книги, вынимая и перелистывая некоторые. Клим стоял в углу, напряженно ожидая его вопросов, и решал вопрос: сесть или стоять? Решил остаться на ногах, так — достойнее и, может быть, это заставит жандарма поторопиться. Вдруг в дверях бесшумно встал Иноков, [[в] босый] в ночном белье, [босый] узком для него, босый, с обвязанной головою и рукой, седой солдат отшатнулся, положил ему руку на плечо и сказал тревожно:

— Ваше благородие...

— Обыск? — [неестест‹венно›] ненужно громко спросил Иноков, стряхнув движением плеча руку солдата, шагнул вперед и присел на развороченную постель [и [усм‹ехнулся›] улыбнулся широко]:— В первый раз вижу.

Лицо у него было красное и надуто, как резиновый мяч, глаза лихорадочно сверкали́, [он] он [нелепо] улыбался, оскалив зубы, и казалось, что зубы у него шатаются, подпрыгивают в деснах. [В нем всегда было нечто смешное] Клим всегда видел в нем нечто нелепое, грубо комическое, сейчас черта эта особенно была неуместна и раздражала. И [как-то особенно] чрезмерно нелепо торчали из-под одеяла [ступ‹ни›] ноги с растоптанными, точно у деревенской бабы, ступнями, а на одной из них шевелился, кивал, большой палец.

— *Я не шучу. [Это ответ].*

— Это — кто? — спросил офицер Самгина, нахмуря черные брови, указывая книгой.

— Петр Иноков, знакомый... тоже литератор,— ответил Клим слишком быстро, а Иноков, набросив на плечи одеяло, подобрав ноги на постель и кутаясь, говорил:

— Аспирина нет, Самгин? У меня — жар.

— Вы больны,— спросил жандарм, шагнув к нему.

— [Нет. Я] Упал с крыши,— [ответил] [1] Иноков и бесцеремонно зевнул, а когда офицер *начал* сухо и строго [предложил ему отвечать на *вопросы*] *предлагать* ему вопросы, он [стал отвечать кратко [и], неохотно, как будто вопросы не касались его] отвечал кратко, *небрежно* и как бы поддразнивая.

— Где вы пишите?

— *У себя в комнате.* На столе. [Иногда — на колене]

— Прошу не шутить!

Офицер сердился, а Клим негодовал на Инокова за то, что он сердит жандарма и затягивает обыск. [А кроме того] *И вообще* присутствие Инокова стесняло Клима, [сбивая его опасением] *возбуждая* опасение, что Иноков заметит [в нем что-нибудь] его излишнюю угодливость в ответах офицеру, угодливость, которая странно возрастала.

«*Он груб и не поймет, что это вежливость*».

Но Иноков ничего не замечал; он кутался в одеяло, поеживался, покашливал, отвечал на вопросы все более небрежно [и устало], а когда жандарм начал писать протокол, он вдруг заговорил вполголоса, но [улыбаясь жи‹во›] быстро и оживленно:

— А я — не спал, очень болит рука. И знаете [И — температура лезет вверх], Самгин, забавный рассказ выдумал: шести лет от рода мальчика заставили пасти гусей, а когда он полюбил птиц, его [от‹дали›] сделали помощником конюха. Он полюбил лошадей, а его взяли в матросы, он море полюбил, а пришлось ему служить лесным сторожем.

Рассказывал Иноков так, как будто он [кроме Самгина никого] никого кроме Самгина не видел в комнате. Лицо его сильно покраснело, говорил он громче обыкновенного и часто облизывал губы.

Клим видел, что старик вахмистр поднял руку к лицу и усмехнулся в горсть [а], офицер, перестав писать, [обернулся] посмотрел через плечо на рассказчика, потом движением пальца позвал молодого солдата и что-то шепнул ему.

— Жениться он хотел по любви на хорошей девице,— продолжал Иноков, посмеиваясь,— а женился *из жалости* на [злой] *замученной* вдове с двумя детьми, *но полюбил и ее.* Пошел крестить третьего ребенка, своего, [но дорогой] *на радостях выпил и по* дороге домой заморозил [его] *младенца, отрезвел со страха*, закопал в снег и, боясь вернуться к же-

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

не, ушел куда-то и пропал без вести. [Так и ушел, полем, по снегу, в яркий, солнечный день, в синюю даль].

Офицер слушал, [*несколько*] *склонив голову к плечу, и казалось, что тяжелое ухо его шевелится.*

— Вы знали этого человека? — осведомился [офицер] [1], *когда* Иноков замолчал.

— Я [же сказал] *его* выдумал,— напомнил Иноков, сбросив с плеч одеяло [и], закрыл лицо ладонями, спросил сквозь пальцы:

— Забавно? Я *его вижу — очень яркое небо,— потому что холодное, ослепительный снег на гладком поле,* [*пустом, без деревьев и*] *ни дерева, ни куста, вдаль идет, согнувшись, размахивая руками, человечек. Обязательно — размахивая руками. А эпиграф к рассказу,— из песни, какую поют девчата в Таврической губер*⟨нии⟩:

Не люби!
Лучше будет, лучше будет.

Офицер, снова начиная писать, строго заметил:

— Не понимаю, какой смысл выдумывать преступников, их [и так достаточно] *и без того избыток.*

А Клим вполголоса сказал:

— Мне кажется, он — бредит.

— Очевидно,— согласился жандарм.—Очевидно-с.— повторил он [протягивая Климу лист проток⟨ола⟩] и стал читать протокол, а прочитав, [спросил: — Не возражаете?] *предложил устало*:

— Подпишите.

Вошел *плотненький* полицейский чиновник.

— Пуарэ пришел,— пробормотал Иноков и боком свалился на постель, а полицейский, взглянув на него, подошел к офицеру и начал что-то шептать [ему], *неловко* изогнувшись, держась за шашку [2].

л. 20 Шептались они долго, но нельзя было слышать, о чем, только Пуарэ *дважды* сказал:

— Я знаю, полковник.

На дворе, под окном, тихо бормотали черные полицейские, гудел дворник, татарин Юнус. Серенький рассвет га-

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

[2] *Возле этих слов, на полях — помета красным карандашом:* Поддер⟨нул⟩ плеча⟨ми⟩.

сил звезды *и* обесцвечивал половину луны, пели петухи и отрывисто тявкала беспокойная собака соседей. Эта [странная собака] рыжая, мохнатая собака [всегда лаяла вопросительно] *с мордой лисы днем была* [*невидима*] [*редко*] *почти невидима, лишь иногда высовывала морду из-под ворот* [*и только молча оскаливала зубы*], *подозрительно разнюхивая воздух, и казалось, что морда у нее каждый раз другая. По ночам* ⟨*она*⟩ *всегда лаяла* вопросительно и вызывающе: полает немного и затем, с минуту, [мо⟨лча⟩] ждет, не откликнутся ли ей? Не откликались. Голосишко у нее был заносчивый и едкий, но — слабенький.

Иноков, всхрапывая, [бормотал что-то] *бредил*: старый жандарм, взглянув на затылок полковника, прикрыл ноги Инокова одеялом, затем кулаком подсунул под голову его подушку и улыбнулся Климу.

— Ну-с,— сказал полковник вставая,— честь имею! Вероятно, придется вызвать вас...

Он невежливо надел фуражку, но, последний раз окинув комнату испытующим взглядом и увидав икону в углу, *снова* обнажил голову.

Ушли. Стоя у окна, Клим видел, что из флигеля тоже один за другим вышли четверо; высокий адъютант, покручивая усы, сказал довольно громко:

— Очень благовоспитанная.

Юнус, проводив гостей, щелкнул железной щеколдой, задвинул калитку засовом и, старчески покачиваясь, [ушел] скрылся за кухней. Три окна флигеля были освещены, но вот [погас свет] [погасли] *свет* погас в одном, в другом, а когда исчез и в третьем, флигель отодвинулся в сумрак, под черные деревья сада и ленивые облака над ним. Завыл гудок на мельнице Радеева, ему ответил свист лесопилки за рекою, потом засвистели на заводе патоки и крахмала, и почти тотчас же в тишине улицы раздались четкие шаги невидимых людей. Все было привычно, знакомо, а обыск, жандармы — точно сновидение или чей-то ненужный анекдот, вроде рассказанного Иноковым.

«Пойти к ней»,— спросил себя Клим, глядя на окна флигеля.

Но Спивак уже сама *неспешно* шла по двору, а войдя в комнату, прежде всего наклонилась над Иноковым, положив руку на его лоб.

— Жар. Не меньше 39,— сказала она.

— Чего они искали? — спросил Клим.

— [Не знаю] Вероятно, того же, что и у вас. [Взяли у вас что-нибудь?]— Присев на постель, она задумчиво смотрела в багровое лицо Инокова, он лежал с открытым ртом, беззвучно шевеля губами. [Говорила она неохотно и как-то сквозь зубы].

— Это, конечно, из-за Кутузова, не правда ли? — [ска‹зал›] [заметил] *спросил* Клим.

[— [Вероятно] Да, наверное,— [сказала] согласилась она и спросила: Где живет Иноков?

Когда Клим сказал, что у Инокова нет квартиры, Спивак заявила, что устроит его у себя, и ушла].

— Кроме знакомства с ним [я за собою других преступлений не знаю] других преступлений я за собою не знаю,— неохотно и сквозь зубы проговорила она и ушла, сказав, что через час отвезет Инокова в больницу.

Климу хотелось удержать ее, [[спросить о чем-то вообще] поговорить, успокоиться, [но понял, что для] но, взглянув на [измятое] *сердитое* лицо ее, он] но [круглое] лицо ее было так сердито натянуто [и], что показалось *ему* незнакомым. Он [поду‹мал›] подумал, что [эта женщина вообще] *к этой* женщине трудно привыкнуть, она так часто и неуловимо изменяется [и], есть в ней что-то подозрительное и [пожалуй] с нею нужно держаться осторожно.

[[Клим] Самгин чувствовал [себя], *что его* насильно [увлекают на путь] *толкают в сторону*].

«Что ей нужно от меня? — думал он, забыв, что [за минуту пред этим] *сам только что* ощущал нужду в беседе с нею. [Потом он подумал, что вот Кутузов умеет поучать не насилуя, [а в эт‹ом›] у Спивак не чувствуется этого].

«Варавка наговорит мне кислых слов»,— думал он, [ставя на место книги] ставя [на место] в шкаф книги, вынутые жандармом, оглядываясь на Инокова, который, зажав в кулак простыню, дергал ее и мычал, нахмурясь.

Весь день, невероятно длинный, Клим провел в [странном состоянии напряжения, пытаясь] *попытках* внушить себе, что обыск не будет иметь [никаких] для него серьезных последствий.

[Логика очень убедительно говорила, что и не должно быть] *По логике так и выходило*: ничего [неприятного] *серьезного* не может быть. Но логика не могла рассеять чувство угнетения [и], какой-то темной, подспудной досады и [стыда пред тем] *было немножко* стыдно, что логика не побеждает

тревогу[1]. Но вечером, придя в редакцию, Клим вдруг почувствовал себя [именинником] почтительного и поощряющего сочувствия,— там уже знали, что ночью в городе было [шесть] *семь* обысков и [арестован] *арестованы* статистик Смолин *и* [*еще кто-то*] *гимназист Долганов, племянник д-ра Любомудрова.*

— Вот и вас окрестили,— сказал редактор, крепко пожимая [ег‹о›] руку Самгина, и растянул обиженную губу свою в *широкую* улыбку.— Неизбежное — неизбежно,— прибавил он.

Дронов тотчас [*сообщил*] *перечислил незнакомые Климу фамилии арестованных, все это были мелкие люди: слесарь с мельницы Радеева, школьная учительница, еврей, аптекарский ученик* [*и курносый гимназист Долганов, племянник д-ра Любомудрова*]. Робинзон [тоже ликуя] радостно рассказал, что его обыскивали дважды и во второй раз посадили в тюрьму, там он недурно научился играть в шахматы. Дронов расспрашивал о деталях обыска с какой-то особенной заботливостью, даже назойливо и с удивлением, за которым как будто скрывалось недоверие.

— Значит — и ты причастен, так сказать? — дважды спросил он, потирая руки, как человек очень довольный [чем-то]. [Он] *Он тотчас же сообщил, что жена жандармского полковника с его ведома живет с полицейским врачом, а полковник за это получает* [*жал‹ованье›*] *казенное жалованье врача.*

— [*Скуп*] *Он так скуп, этот полковник, что заставляет чинить свою обувь жандарма, который в молодости был сапожником.*

А [щеголеватый] *франтоватый* адвокат Правдин *скорбно* говорил:

— Судьба всех честных людей. Не ведаем ни дня, ни часа...

В общем все это было приятно Самгину и приятно смущало его. Через два, три дня он увидел себя героем. На улицах ему ласково улыбались незнакомые гимназистки, а мало знакомые люди раскланивались *с ним* дружелюбно. Затем пришел рыжий [и], рябой семинарист и пригласил Клима в кружок, изучающий Маркса. [Клим отказ‹ался›] Клим понял, что это внимание опасно для него и что должность героя воз-

---

[1] *Возле этих слов, на полях, помета:*
Офицер —
Да что вы озорн‹ичаете›

лагает [нелегкие] нежелательные обязанности и что гораздо спокойнее, удобней была бы позиция невинно пострадавшего.

Но когда его вызвали в жандармское управление, он пошел туда, настроясь героически [*и* решив говорить с полковником в тоне человека, оскорбленного несправедливыми]. Он еще не знал, что скажет полковнику, но был уверен, что сумеет сказать ему нечто очень внушительное.

В светлом, о двух окнах, кабинете было по-домашнему уютно, стоял запах хорошего табака. Полковник [в тужурке] сидел в углу, за столом, поставленным наискось от окна, курил толстую папиросу из пенкового мундштука в замшевом чехле. [Он] В серой тужурке, уже [довольно] сильно заношенной, [он] *полковник* казался [проще] добродушнее [и тон, которым начал].

— Прошу,— ласковым тоном старого знакомого сказал он, указывая на кожаный стул против себя.— Осень-то как рано пришла,— сказал он и, выдув окурок из мундштука в [фарфоровую] *бронзовую* пепельницу-череп, заговорил простецким, *даже* отеческим тоном:

— Пригласил вас, чтоб вручить ваши бумаги. По обязанности службы должен был прочитать кое-что и, откровенно скажу: многое читал с удовольствием. Очень зрелые мысли есть у вас, например, о [защите] [*необходимости*] законности консерватизма литературной формы. Действительно, батенька, чёрт знает, как теперь пишут.— Он снял очки, обнажив [красные] опухшие веки и влажные глаза неопределенного цвета. Клим ожидал увидеть черные глаза и вообще ожидал, что все будет по-иному, будет сухой, официальный разговор, строгие вопросы, [но] *и* он, Самгин, ответит на них с достоинством. Но [все] и *сам* полковник, и все вокруг его было домашнее, простое, на стене висел желто-зеленый пейзаж — сосны на песчаном обрыве над [сизою] *грязненькой* рекой, [про⟨стой⟩] обыкновеннейший пейзаж из тех, которые называют «яичницей с луком». *Около двери в другую комнату — большая, в черной раме, фотография лысого человека* [*густо декори⟨рованного⟩*] *с грудью, густо украшенной различными орденами.* В углу, за спиною полковника, на [этажерке] *трехугольной полке* этажерки возвышалось [бо⟨родатое⟩] гип-
л. 21 совое бородатое лицо царя Александра III, с правой стороны стоял шкафик-секретер [и это было все, напоминавшее о деловитости], на столе лежала [новая] *новенькая* книга «Огнем и мечом» Сенкевича, [бумаг было немного] *нетолстую*

стопку бумаг придерживала бронзовая женская рука. Пред широким диваном — [курительный] трехногий столик *с прибором* для курильщика, на полу неяркий, мягкий ковер. [Все это разрядило настроение Клима, он вежливо спросил] *И когда Клим Самгин [поставил пред полковником.[и] спросил:*

— Могу я узнать, чем вызван обыск? — *по тону вопроса своего он понял, что воинственное настроение, с которым вошел он в этот кабинет, уже разрядилось, [исчезло] вопрос прозвучал вежливо и мягко.*

Полковник, не торопясь, надел очки, пощупал усы свои, большие, [и] сивые, [пожал плечами и] и, вздохнув, ответил теплым голосом:

— [Не осведомлен] Предписание из Москвы. Должно быть, имеете компрометирующие знакомства? [Но, разумеется, этот случай никак не может отразиться на вашей карьере, будьте уверены! Мною будет написан отзыв, который вполне гарантирует вас от подобных случайностей,— если, *конечно*, вы сами не пожелаете вызвать их].

Вопрос полковника прозвучал сочувственно и так, что можно было не отвечать на него, да и некогда было ответить, потому что вдруг явилась необходимость сказать:

— *Обыск этот ставит меня в позицию [неско⟨лько⟩] не удобную...*

Тут полковник Попов всем телом качнулся вперёд, так что толкнул грудью стол; [он] [и] протянув руки Самгину, он заговорил еще теплее:

— *Да, разумеется, я понимаю, это неприятно, но вы можете верить, что я напишу в Москву отзыв, который вполне гарантирует вас от подобных... случайностей, если, конечно, вы сами не пожелаете вызвать их.* Ведь мы действуем не слепо, и не в наших намерениях раздражать молодежь. [Мы, разумеется, консерваторы, но консерватизм есть охрана порядка и культуры] Человек нам дорог. Революционеры смотрят иначе: для них человек — ничто, если он не член парторганизации. Вспомните Нечаева: революционер — не человек. [Вот-с] Видите? [Полковник говорил каким-то секретным тоном, тоном соучастника, это [очень] *несколько* смущало Самгина, но было [любопытно] *интересно*]

В горле Попова *странно* клокотало и булькало, как будто он полоскал горло теплым молоком, [и] а говорил он все быстрее, *проглатывая некоторые слова*, и уже каким-то секретным тоном [тоном соучастника].

— Курите? — спросил он, протягивая Климу портсигар слоновой кости, туго набитый коротенькими и толстыми папиросами без мундштуков.— А я — отчаянный курильщик, вот даже усы порыжели от дыма [1].

Затем он [сказал] рассказал, что пошел в жандармы по убеждению в необходимости охранять культуру и порядок, и вот уже семнадцать лет скромно служит этому делу.

— Нигде, ни в одной стране люди не нуждаются в сдержке, в обуздании их страстей, как у нас,— *тяжело* вздохнув, сказал он и еще более секретно, как бы тоном соучастника, продолжал:

— Например, возьмите вашего — приятеля? знакомого? Я говорю [об этом] о г⟨осподине⟩ Инокове. Нам, конечно, известно, что он пострадал в драке, возникшей на почве романтической [и что виновником]. Но — оставим это. Как вам нравятся его статейки с Выставки? На мой взгляд, это — пессимизм неудачника. И вот именно из этой среды неудачников рекрутируются так называемые революционеры. Не стану отрицать: среди них, в прошлом, были талантливые люди, и вы, конечно, знаете, что некоторые из них загладили преступные ошибки юности своей полезной службой государству.

Где-то близко [и] зазвучал рояль, полковник прислушался и, расправив пальцем дымящиеся усы, сказал с удовольствием:

— Жена дает урок дочери.

«Дронов, конечно, наврал о нем и о его жене»,— подумал Клим. Он [не очень внимательно слушал речь полковника, он отме⟨тил⟩] отметил, что полковник говорит [дово⟨льно⟩] здравомысленно, как ему следует по должности его; [говорит] излагает он мысли знакомые, [неинтересные] не внося в них ничего оригинального. Ясно, что это очень простой человек, честно исполняющий свои обязанности, и — только. Если бы он служил в церкви священником или чиновником *в отделении* Государственного банка, у него [наверное] был бы широкий круг знакомых и, вероятно, [многие] *некоторые* из них любили бы и уважали его. Но вот он в жандармском управлении; и за это его презирают, забаллотиро-

---

[1] *Текст*: с правой стороны ∾ от дыма.— (стр. 313) *перечеркнут синим карандашом.*

вали в старшины клуба и в члены О⟨бщества⟩ содействия кустарям [1].

[Но ведь жандармское управление такая же необходимость государству.

— Госпожа Спивак очень умная женщина,— слышал Клим].

— Моя дочь [одна из учениц музыкальной школы] *учится* ⟨в⟩ музыкальной школе и в восторге от лекций госпожи Спивак по истории музыки и литературы, —слышал Клим.—
— Скажите [у нее] она — урожденная Кутузова? [Нет,— Воеводина, а Кутузов — это [ее] знакомый, он был [ее репетитором], *кажется, учителем в име⟨нии⟩* отца Спивак,—
— машинально ответил Клим.

— Ах так?]

Клим ответил машинально:

— *Она дочь уезд⟨ного⟩ пред⟨водителя⟩ двор⟨янства⟩, кажется.*

[— Так. А Кут⟨узов⟩ тоже родствен⟨ник⟩ ее?]

— *И замужем за евреем.*

— *Но ведь [да⟨же⟩] уже отец его был крещен.*

— *Да? Гм. Я — не знал*. Вообще эта школа — превосходное учреждение, и большая заслуга вашей родительницы пред городом,— сказал полковник.

— А [г⟨осподин⟩ Кутузов с вами знаком?] *вы знакомы с* г⟨осподином⟩ *Кутузовым*?

Клим [вдруг] понял, что надо быть осторожней, поправясь на стуле, он сказал [что он]:

— [Да] Я столовался [с ним в одном доме] в одном доме с ним, когда жил в Петербурге [но с той поры]...

— *И с той поры* не встречали его? Гм...

[Подполковник *искоса* посмотрел на узенький листок бумаги, лежавший под бронзовой рукою [сверху], и повторил:

— Не встречали, да?

— Нет,— сказал Клим.

— Так. И — вам неизвестно, не был ли он в нашем городе на днях?

— Нет,— повторил Клим.]

Ротмист⟨р⟩ снял очки, протер глаза платком и [теперь] в мутных его глазах заблестели смешливые искорки.

---

[1] *Текст*: Он [не очень внимательно ∾ кустарям.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Не встречали? — повторил он.

Несколько секунд [он] Самгин, стараясь не смигнуть, смотрел в глаза ротмистра.

— Да, на днях я его видел.

— [У г⟨оспожи⟩ Спивак.] Так,— сказал рот⟨мистр⟩, протирая очки, и вздохнул.— Он родст⟨венник⟩ Спивак-Воевод⟨иной⟩?

— Не думаю. Кажется, он был учителем в селе, где [ее] имение ее отца, и репет⟨итором⟩ ее,— сказал Клим, [— Репетитором?] уже испытывая [смущение, близкое тревоге] тревогу. Чтобы скрыть это, он развязно спросил:

— Кутузов считается опасным человеком?

Полковник Попов несколько секунд молчал, шевеля *прокуренными* усами, уставив *круглые* стекла очков в лицо Клима, затем неожиданно суховато *и с упреком* сказал:

— [Лично с ним я не знаком] *Вы должны бы сами знать это. И ваш брат, Дмитрий Самгин.*— Затем, вынув из-под [бронзы] *книги Сенкевича верхний* листок бумаги, *ротм⟨истр⟩ осторожно* подвинул все остальное на край стола.

— Пожалуйста, просмотрите, все ли?

Клим не стал смотреть, торопясь уйти, а рот⟨мистр⟩ [*продолжал*] *говорил, записывая что-то.*

— Все это, между нами говоря, пустяки! Цветочек полевой, дикий, и вообще — держитесь-ка вы подальше, подальше от всего этого! Примите совет человека, кот⟨орый⟩ не хочет [зла] *вам зла. Подальше, да! И — не бойтесь правды! — прибавил он тихонько.*

Пожимая руку [офицер⟨а⟩] жандарма, он нашел, что рука у него жесткая; *а* на взгляд она казалась пухлой.

— А что такое этот г⟨осподин⟩ Иноков? Давно знакомы?

— Вместе учились в гим⟨назии⟩.

— Да. Интер⟨есный⟩ тип. Всех благ. Вероятно, придется еще разок побеспоко⟨ить⟩ вас — увы!

Он вышел на улицу очень недовольный собою, все вышло не так, как он представлял, и смутно чувствовалось, что он вел себя неумно. Туман стоял над [улицами] городом, [дома и все] улицы, [обескрашенные им] *наполненные сырой скукой*, напоминали Петербург [Дмитрия, Кутузова [и [все] еще многое неприятное] и вообще неприятное]. *Оттуда все и началось, от Кутузова. Из-за него* [*и*] *Дмитрий попал в ссылку. Полковник, наверное, знает об этом.*

Думалось вяло и [Клим неохотно], прислушиваясь к [этим] думам, Самгин [с удивлением чувствовал] не находил в них [озлобления] озлобления против Кутузова [Это было непонятно, даже неприязнь и], который раньше так [непон‹ятно›] раздражал его. Это было непонятно, [Почему] и Клим даже спросил себя:

— *Почему [он не]?*

И решил, что ему [чужда вера человека] неприятна «кутузовщина», а [сам человек] не сам Кутузов[1].

Вечером он узнал, что Спивак допрашивали [в то] после него [но не] полковник [и адъютант] и товарищ прокурора Виссарионов.

— Они очень осведомлены,— сказала Спивак, усмехаясь, и, вдевая нитку в *невидимое* ушко иглы, прибавила:

[— Но Кузьма Прутков сказал правду: «Специалист подобен флюсу»!]

[И] Быстрыми стежками зашивая [поло‹тно›] коленкор [какого-то] пакета [и очевидно с [книга‹ми› [нотами] нот, она рассказала:

— Вы знаете, этот скромный, неуклюжий статистик Смолин выгнал Виссарионова из своей камеры пинком ноги.

— Откуда это известно вам? — подумав, [и] недоверчиво спросил Клим.

— Не все ли равно — откуда? — [ска‹зала›] отозвалась она, не поднимая головы, и тоже спросила: — Интересовались Кутузовым?

— Нет,— сказал Клим.

Спивак медленно выпрямилась и [вопро‹сительно›], взглянув в лицо [Клима] его, сказала:

— Разве? Странно.

— Почему?

— Но ведь [ясно] причина их беспокойства — Кутузов.

Клим [промолчал], *пожав плечами*, сказал:

— *Разве не* возможны и другие причины.

— Да? — спросила Спивак и снова согнулась над пакетом.

Посидев еще несколько минут, убедясь, что Спивак настроена необщительно и даже [как будто] как-то невежливо,

---

[1] *Текст*: [Это было непонятно ∾ не сам Кутузов.— *перечеркнут синим карандашом.*

Самгин ушел [с мыслью], *еще раз подумав*, что эта женщина требует осторожности в отношении к ней.

л. 22 Как [может] могла она узнать о поступке статистика? [В городе было шесть обысков, значит: кроме Смолина [его] и Спивак есть еще трое [каких-то] людей, «причастных», как выразился Дронов, и, [должно быть] *вероятно*, Спивак знает их. Себя Клим не считал «причастным». Он вообще не мог установить достаточно твердо свое отношение к обыску. [Он] Он видел, что это очень [выдвинуло] *подчеркнуло* его в глазах городской интеллигенции, [придало] вдруг придало ему значительность, но в то же время неприятно было сознавать, что это случилось как-то помимо его воли. [Шевелилось опасение] Шевелилась *опасливая мысль*: не придется ли заплатить за это слишком дорого? И, затем, было как-то и грустно, и обидно чувствовать, что жизнь, *хотя и* легкими толчками, но все более упрямо [толка〈ет〉] ставит его на дорогу, *идти* по которой [он еще не решил] у него нет желания [1]]

[Несомненно] Должно быть, она играет [ка〈кую-то〉] значите〈льную〉 роль в конспир〈ативных〉 делах, и ротмистр дал [хоро〈ший〉] хороший совет: [да〈льше〉] нужно держаться подальше от нее. А кроме этого она [как-то] прихмурилась, [глаза ее пот〈емнели〉] [стала неразговорчива и] взгляд голубых глаз ее охолодел [и в нем явилось что-то], принял выражение не извиняющее. Вообще в городе все как-то замутилось тревогой, отуманилось скукой, все знакомые считали своим долгом говорить с Климом о политике, все относились к нему с утомляющим вниманием, одолевал Иноков неожиданными визитами, нелепыми разговорами, а [как-то] однажды пришел около полуночи, как в трактир, бесцере〈монно〉 уселся и сказал:

— Нуте-ко, послушайте вот!

С полчаса он читал [хр〈иплым〉] глухим голосом дьячка, страда〈ющего〉 [с] похмельем, рассказ о человеке, которому было скучно жить и который для развлечен〈ия〉 своего поджег собственный дом.

— Ведь это — не напечатают! — сказал Самгин, чувствуя удовольст〈вие〉 сказать так.

— Значит — плохо? — спросил писатель, закуривая и морщась.

---

[1] *Текст*: В городе было ∾ нет желания.— *перечеркнут синим карандашом.*

— *Я не говорю плохо, но [явно] не цензурно.*

— *Плевать мне на цензуру. Нет, значит — плохо! Я по лицу вижу. И нечего миндальничать — валяйте прямо!*

Он разорвал рукопись на четыре куска и, бросив ее в корзину, ушел, прежде чем Самгин успел [смягчить сво⟨й⟩] сказать какие-то [смягчаю⟨щие⟩] утешительные слова.

Все это заставило Клима уехать в М⟨оскву⟩, не дожидаясь, когда приедут Варавка и мать.

Переехав в Москву, он с месяц прожил одиноко, перебирая в памяти [накопленные] чужие мысли, взвешивая впечатления, пытаясь отсеять нужное для себя. Но — все казалось ненужным. Посещал театры и, глядя на сцену сквозь стекла очков, думал *о необъяснимой* глупости людей, которые находят удовольствие в зрелище своих страданий, своего ничтожества и неуменья жить просто, без нелепых драм любви и [нена⟨висти⟩] ревности, без внутреннего разлада [человека] с самим собою. [Неужели не достижима жизнь [более] простая и легкая, жизнь, не запутанная в противоречивых чувствах, в метелице [трево⟨жных⟩] слов?] «Почему все это называют искусством? — думал он, раздражаясь и недоумевая, и отвечал сам себе:—[А, пожалуй, верно] Все это — искусственно».

[Приходя домой, в небольшую, удобно обставленную комнату] *Дома, в одной из чистеньких, удобно обставленных меблир⟨ованных⟩ комнат Ф. Н. Паульсен*, он записывал свои впечатления мелким, но четким почерком, на листы синеватой почтовой бумаги и аккуратно складывал их в порт⟨фель⟩ — подарок Нехаевой. Часы осенних ночей, наедине с самим собою, в безмолвной беседе с бумагой, которая покорно принимала на себя все и *всякие* слова, эти часы очень поднимали Самгина в его глазах.

Писал он [понемногу] немного, но тщательно обдумывая фразы [и писал не [столько для себя, но подчиняясь некоторой] забывая] и предусмотрительно подчиняя их [дал⟨ьновидному⟩ сооб⟨ражению⟩] одному дальновидному соображению: он не забывал, что заметки его уже однажды сослужили ему неплохую службу. Он уже начинал думать, что из всех людей, знакомых ему, самую удобную и умную позицию в жизни избрал смешной, рыжий Томилин. В самом деле: что может быть приятнее [дум] мыслей о жизни в стороне от нее или стоя над нею? И не нужно украшать себя павлиньими перьями искусно подобранных слов. А если захочется,— можно и раскрасить. И он писал:

«Человек совершенно свободен только тогда, когда он одинок».

Но все чаще, вместе с шумом ветра и дождя, в тепло комнаты тихонько вторгалась обессиливающая скука, гасила думы, наполняя Клима странным туманом. В начале этот опустошающий туман был легок и даже приятен, но постепенно стал густеть [тя⟨готя?⟩] *и* отягощал, вызывая уныние. Пробуждалась привычка к женщине. Он уже отдохнул от Лидии [и], он вспоминал о [ней как о] *романе с нею* почти как о сновидении, в котором неприятное преобладало над приятным и каждый раз, вспоминая, [чувствовал] *находил в* этом романе [недоговоренность] незаконченность и смутное желание [отплатить] отомстить Лидии за *его* надежды, не оправданные ею, и за то, что она чем-то и как-то испортила [его] вкус [к женщине] *женщины*. Именно так определял он: вкус, ибо чувствовал, что после Лидии в его отношение к женщине вошло что-то горькое [и], едкое [и в то же время шаткое]. *Он не решался назвать* это враждебностью, но знал, что это обида, возбуждающая *вместе с острым любопытством* недоверие ко всякой женщине [а] *и* почти презрение к ней.

Несколько встреч с Фионой убедили его в этом. Он встретил ее в первые же дни жизни в Москве, в фойе театра, и, хотя девушка была не симпатична ему, он был почти тронут радостью, которую она обнаружила при встрече с ним.

— Как не стыдно! — [кричала] *говорила* она, [обращая] *пожимая* его руку обеими своими.— Приехал и — глаз не кажет!

Одетая, как всегда, крикливо и пестро, она [вертелась] говорила *так* громко, как будто вся публика театра [была] — ее добрые знакомые, среди которых можно не стесняться, [а Клим] Самгин [— любимый родственник ее. Он] охотно проводил ее домой, дорогой она рассказала много интересного о Диомидове, который изредка посещает ее, о Маракуеве, просидевшем в тюрьме [всего] тринадцать дней, о своих успехах в театральной школе и позвала его к себе пить чай. И огромнейшая Анфимьевна встретила его с радостью, даже сказала:

— *Ой, как* похорошел. *Уже совсем* — мужчина [слово]! И бородка — к месту

[Через два-три [свидания] визита] *Очень скоро* у Клима сложилось отношение к Фионе, забавлявшее его. Она казалась еще более изломанной страстью к *театру* и театрально-

сти и более смешной в ее неустойчивом преклонении пред знаменитыми женщинами. [Между портретами m-me Рекамье и m-me Роллан явился портрет носатой Сарры Бернар; все три портрета висели на самом видном месте, [но] Клим заметил, что m-me [Рекамье и] Роллан поочередно иногда исчезает, заменяемая М. Г. Ермоловой [и Федотовой], *и что это всегда* является безошибочным признаком политического или эстетического настроения Фионы]. *Смешно было наблюдать колебание ее симпатий между m-me Роллан и m-me Рекамье; портреты той и другой поочередно являлись на самом видном месте среди множества других знаменитых* женщин, и по тому, которая из двух француженок выступала на первый план, Самгин безошибочно определял, как настроена Фиона: эстетически или политически.

В первом случае он убеждал девицу, что искусство — это попытка примирить непримиримые противоречия жизни, что оно забава пресыщенных, *а* художники и артисты — шуты буржуазии. Когда же Фиона была настроена политически, он доказывал ей, что Бодлэр революционнее Некрасова и рассказы Мопассана обнажают ложь и ужас [культурной] жизни ярче, убедительнее [политических статей], *чем* политические статьи.

Иногда он сознавал, что его доводы не остроумны, насмешки — грубы и плохо скрыты, тогда он говорил осторожнее, мягче и посматривал на девушку испытующе.

Слушая его речи, Фиона, закусив губу, прикрыв серовато-зеленые глаза ресницами, *вытягивала шею*, выдвигала острый [свой] подбородок как будто обиженно, но слушала она внимательно, почти не возражая, и лишь изредка ставила вопросы, которые Самгин находил глуповатыми и обличавшими ее невежество. [А однажды] [Нередко] Но все более часто она, вздыхая, говорила лестное для него.

— Какой вы сложный, неожиданный! Трудно привыкнуть к вам. Другие, рядом с вами, точно оперные певцы,— заранее знаешь все их арии.

В искренность ее комплиментов Самгин [не верил] остерегался верить [и в покорность ее], подозревая, что [Фиона] Варвара, играет придуманную [ею] роль, которая забавляет ее так же, как он забавлялся, издеваясь над нею. Иногда, по неуловимым изменениям ее угловатого лица, по блеску глаз, он думал, что Фиона замечает его [грубости, пло⟨ские⟩] неудачные насмешки и словечки, но это не очень смущало его.

Фиона похудела, [шея] у нее некрасиво вытянулась шея, лицо стало маленьким и узким, оттого что она стала взбивать жесткие волосы свои [точно кафр⟨ы⟩] [Как это] [*шапкой*] так, что прическа ее напоминала прическу кафров [за это ее в школе прозвали Кометой]. Двигалась она скользящей походкой, раскачивая узкие бедра, и очевидно верила, что это выходит у нее красиво.

л. 23 [Одевалась] Дома она одевалась в какие-то хитоны, широкие, с широкими рукавами, руки ее обнажены до плеч, яркие материи хорошо подчеркивали линии ее тела, гибкость движений. Говорила несколько в нос, сильно, по-московски, подчеркивая звук а [1].

Почти каждый раз Клим встречал у нее Маракуева. Веселый студент вел себя, как дома, относился к Фионе с фамильярностью влюбленного, который совершенно уверен во взаимности, [можно было думать, что он уже] они говорили друг другу ты, но что-то мешало Климу думать, что [у них] они уже любовники. Оба они были так резко различны, что Самгин оценивал их близость как недоразумение. На его взгляд [Фиона][2] должна бы вносить в [этот роман] *эту дружбу* нечто эротическое, крикливое и, в то же время, сентиментальное, но он видел, что и она, и Маракуев придают дружбе [и лю⟨бви⟩] [вл⟨юбленности⟩] своей оттенок комедии.

Клим не замечал, чтоб пережитое Маракуевым в день Ходынки отразилось на его характере, бросило на него тень, как на Пояркова, который после [мрачной] трагедии 18-го мая [как-то] *омрачнел*, согнулся, опустил голову, утратил свою книжность, уже не говорил рубленными фразами и вообще весь как-то скрипел, точно надломленный. Появлялся [он] у [Фионы] [2] изредка, сидел недолго и уже не [пел, не] играл на гитаре, не пел *дуэты с Маракуевым*.

— Предпочитаю изучать [английский] нем⟨ецкий⟩ язык,— *нелепо и сердито* [сказал] *ответил* он Климу на его вопрос о гитаре.

А Маракуев был все так же размашисто весел, всегда оживлен, легко и сильно горячился, умел говорить страстно и гневно, но в гневе его Клим никогда не слышал злобы, и это позволяло ему думать, что Маракуев тоже играет роль.

---

[1] *Текст*: Фиона похудела ∾ звука.— *перечеркнут синим карандашом*.

[2] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

Самгин был очень неприятно удивлен, узнав, что в комнате, где жила Лидия, по воскресеньям собирается кружок учеников Маракуева.

«Однако от этого не уйдешь»,— подумал он, хмурясь и пожимаясь.

В нем [сложилось] *было* любопытство человека, который хочет не столько понять [мотивы действий] людей, сколько поймать их на какой-то фальшивой игре [на противоречиях между словом и делом]. Сила этого любопытства заставила его познакомиться с пропагандой Маракуева и учениками его. Среди них оказался знакомый рабочий Дунаев, с его курчавой бородой и неугасимой улыбочкой; он, как бы для контраста с собою, приводил слесаря Вараксина — тощего, угрюмого, с черными усами на сером лице и с недоверчивым взглядом черных глаз. Осторожно [являлся] входил чистенько одетый юноша лет восемнадцати, большеротый, широконосый, с белыми бровями, карие глаза его расставлены далеко один от другого и одинаково нерешительно смотрят в разные стороны, но косоглазым назвать его нельзя. Являлся женоподобный задумчивый иконописец из мастерской Рогожина, Одинцов, его все звали Паша, и, видимо, любили за что-то. Был еще лысоватый непоседливый резчик по дереву Фомин, человек неопределенного возраста, с лицом крысы, волосатой бородавкой на правой щеке и близоруко прищуренными глазами.

Ненужно согнувшись, входил Дьякон. [Его уже расстригли, лишили сана] Он коротко, в кружок, обрезал серые волосы *и* подстриг тройную свою бороду так, что из трех бород получилась клинообразная одна. Обнаженное лицо его *совершенно* утратило какую-то черту, [которая придавала] *придававшую* ему сходство со множеством тех суздальских лиц, которые, сливаясь в единое лицо, создают образ неискоренимого, навсегда данного русского человека. Он забывал, что боковые бороды его острижены и нередко искал их, шевеля пальцами в воздухе от ушей к подбородку. В [старенькой] изношенной поддевке и огромных сапогах, в измятой фуражке, он стал похож на торговца старьем, каких много вокруг Сухаревой башни. И все, что он говорил, тоже было старенькое, но какое-то нужное.

Во всех этих людях, несмотря на их внешнее различие, Клим Самгин [ясно] чувствовал нечто [однообразное] единое [и ра〈здражающее〉] и раздражающе однообразное. Раздражали они грубоватостью и дерзостью своих вопросов, малограмотных речей, усмешечками своими [и], одобрительными

возгласами в ответ на речи Маракуева и Дьякона. В каждом из них он подмечал нечто смешное, анекдотическое и озорниковатое. Особенно отличался задорным озорством улыбчивый Дунаев. Они все вызывали впечатление бродяг, оторванных от обыкновенной жизни, равнодушно отказавшихся от всего, во что должны бы веровать, во что веруют миллионы людей их среды.

Когда они, неподвижно застыв, слушали пламенные речи Маракуева, который пьянел и качался от своих слов, во всех этих серых людях являлось что-то общее с летучими мышами,— именно так, жутко неподвижно, висят вниз головами, *ослепленные* светом дня, летучие мыши в темных уголках чердаков, в дуплах деревьев [1]. Иногда Клим думал: что может помешать этим людям после речей Маракуева выйти на улицу и молча избивать всех прилично одетых людей, бить стекла в окнах, гасить и опрокидывать фонари?

Строгая, чистая комната Лидии пропитана запахом скверного табака *и* ваксы; от сапогов Дьякона пахнет дегтем, от белобрового юноши — помадой, Одинцов, иконописец, источает запах тухлых яиц. На полу стоят лужи *от* растаявшего снега, люди так надышали, что огонь лампы горит тускло. В узкой комнате колеблется зеленовато-сизая муть и, размахивая руками, Маракуев [с гневом, с тоской, с любовью] на все лады произносит удивительно емкое в его устах слово:

— Народ, народ, народ...

Сидит он всегда в углу [у], слева от окна, но, сидя, не может говорить, вскакивает, [делает руками движения пловца] *разгребает* руками воздух, [сжимает] сжимая кулаки, грозит в потолок; его очень русское круглое лицо [картинно красиво,— [это] лицо «удалого добра молодца» [из] сказки] «удалого добра молодца» сказки картинно красиво. И говорит он сказочно, так что [иногда] порою даже [Клим] Самгин слушает его с удовольствием, с завистью [пред силой] ⟨к⟩ силе и разнообразию его чувствований. Гнев и печаль, [радость] вера и радость посменно звучат в его словах [прекрасно и] *давно и очень знакомых Климу*, а преобладает *в них* любовь, в искренности которой Клим [не мог] не смел сомневаться, глядя в [это] [его] *это* лицо, *удивительно живое*, освещаемое изнутри разноцветным огнем; но все-таки огонь этот Самгин

---

[1] *Текст*: Когда они ∾ в дуплах деревьев — *перечеркнут синим карандашом.*

[мысл⟨енно⟩] про себя назвал бенгальским, а речи его — фейерверком.

[Дунаев слушал] Маракуева [все] слушали внимательно, подаваясь, подтягиваясь к нему, [особен⟨но⟩] белобровый юноша [и Павел Одинцов, вытянув шею] по-детски приоткрывал рот, [*упираясь руками в колена, наклонялся так, что было странно, почему он не падает*] *а в глазах его* [*сияло*] *изумление сменялось страхом* [*и он иногда*]; Павел Одинцов [сидел, смешно] смешно сползал со стула, наклоняя тело, но подняв голову и [рыбьими глазами] *каким-то пьяным или сонным взглядом* [*женских*] неотрывно следя за игрою лица оратора; [1] только Фомин, зажав длинные руки в коленях, смотрел на пол, под ноги себе.

л. 24 Но особенно напряженно слушал Дунаев, привольно развалясь в углу дивана, положив руку на плечо *угрюмого* соседа своего Вараксина. Они часто и даже в самых пылких местах речей Маракуева перешептывались, *аскетическое лицо слесаря сурово морщилось, усы сердито шевелились*; кривоносый Фома шипел на них, толкал Вараксина локтем или коленом, Дунаев, усмехаясь, подмигивал [ему] [Фомину] *Фоме* веселым глазом. Он чаще других ставил Маракуеву вопросы, и по характеру вопросов Клим видел, что Дунаев заражен марксизмом [2].

К Дьякону [эти [трое] двое относились одинаково] *он относился* снисходительно, с [добродушными усмешками] добродушной усмешкой, а все остальные смотрели на [Сердюкова] Дьякона недоверчиво и осторожно, как смотрят воробьи и голуби на индюка. Дьякон больше всех был похож на огромную летучую мышь. Он сидел на скрипучем стуле, рядом с [Фоминым] Фомой, лицо которого непрерывно дергалось, как будто Фома щелкал зубами. Однажды, после того, как Маракуев устало замолчал и присел, стирая пот с лица, Дьякон, медленно расправив длинное тело свое, произнес, точно с амвона:

— Как священно-церковно-служитель, хотя и лишенный сана диаконовского, а больше,— как отец честного человека, погибшего от любви к людям,— утверждаю: все, сказанное [вам] здесь — верно. Слушайте: «То, что прежде,

---

[1] *После*: оратора — *знак вставки черными чернилами; вставка отсутствует.*

[2] *После*: марксизмом — *знак вставки красным карандашом; вставка отсутствует.*

в древности, было во всеобщем употреблении всех людей, стало силою и хитростью некоторых скопляться в домах у них. Чтобы достичь спокойной праздности, некие люди должны были подвергнуть всех других рабству. И вот собрали они в руки своя первопотребные для жизни вещи, и землю также, и начали ехидно пользоваться ими, дабы удовлетворить любостяжание свое и корысть свою. И составили себе законы несправедливые, посредством которых до сего дня защищают хищничество, действуют насилием и злобою».

Подняв руку, точно присягу принимая, он продолжал:

— К сему добавлю: сии слова неотразимой правды не я выдумал, среди них ни одного моего слова нет. Сказаны они замечательнейшим писателем Лактанцием, который жил в четвертом веке по рождестве Христове, значит — за тысячу и четыреста лет до нас. Прозван был Лактанций христианским Цицероном, то есть великим мудрецом. А слова, мною произнесенные, напечатаны в книге его, изданной в Санкт-Петербурге в 1848 году и цензурованной архимандритом Аввакумом. Стало быть, книга властями просмотренная, то есть пропущенная для чтения,— по ошибке. Ибо: главенствующие над нами правду пропускают в жизнь только по ошибке, по недосмотру.

Усилив голос, он сказал:

— Повторю: значит — сообщил я вам не мою, а древнюю и вечную правду, воскрешению [которой] коей да послужим дружно, мужественно и не щадя себя.

Он согнулся, сел, а Дунаев тотчас же звонко спросил:

— Ну, а — практика, практика-то какая, отец, а?

— Об этом — думайте,— сказал Дьякон.

Отдохнувший Маракуев начал говорить о практике, [а] Клим [вдруг] вспомнил [одну из строптивых мыслей Лидии. Она лет до двенадцати] [*что когда Лидии было*] [*что Лидия лет до*] *что Лидия с детства лет до пятнадцати* боялась летучих мышей; [и] однажды вечером, когда в сумраке мыши начали *бесшумно* мелькать над садом и двором, она сердито сказала:

— Мыши не смеют летать!

— Это ведь не те, которые под полом,— объяснил Клим, но она *строптиво* крикнула, [топнув] топая ногой:

— Всякие мыши не смеют летать.[1]

---

[1] *Текст*: [а] Клим [вдруг] вспомнил ∾ не смеют летать.— *перечеркнут синим карандашом.*

Климу было приятно отметить, что к проповеди Дьякона все отнеслись равнодушно и что это заставило проповедника *согнуться на стуле еще более круто, чем обычно выгибал он длинную спину свою* [1].

л. 25 Иногда на этих собраниях присутствовала [Фиона] [2], сидела она, [кусая] *покусывая* губы, [нахмурясь] хмуро присматриваясь к людям сквозь ресницы. Кончив работу с кружком, Маракуев шел в ее комнату пить чай, [Как-то] и *там* она недоверчиво спрашивала:

— Все они будут революционерами?

— Будут,— уверенно обещал Маракуев.

[Фиона] [2] недоуменно пожимала плечами:

— Не понимаю. Революционер для меня — поэт, носитель Прометеева огня, Уриэль Акоста. А тут — дьякон. Старый.

— Это наивно,— смеясь, говорил Маракуев и поучительно рассказывал ей об участии духовенства в крестьянских войнах Германии, о пугачевце, пензенском попе Фоме.

[— Дьякон — не старый]

— Все равно, [Дьякон. Нет.] в [этом] *Дьяконе* есть что-то смешное. А у другого — кривой нос и, конечно, это записано в его паспорте, особая примета. Какой же он революционер? [Его] Сыщики [сразу] поймают его за нос.

Маракуев [начал хохотать, засмеялась и Фиона, а Клим сказал [шутливо]] *захохотал.*

— Революционер должен быть безличен,— *сказал Клим.* Он хотел сказать [шутливо] *иронически*, но вышло мрачно; шутки всегда плохо удавались ему.

— Просыпается Русь! — восхищался Маракуев, потирая руки.

— А, может быть, только бредит во сне? — спросил Клим.

Маракуева его скептицизм не задевал, но Фиона посмат-

---

[1] *Вторая половина 24 листа не сохранилась; далее:* ХПГ-22-1-2, № 59821, 41 лл. *Автор. пагинация:* 25-44 *черными чернилами,* л. 25 *имеет первоначальную нумерацию* [131]. *Текст начала страницы, перечеркнутый синим карандашом, вошедший в состав л. 24:*

вам не мою, а древнюю, вечную правду, воскрешению коей да послужим дружно и мужественно.

Он сгибался, садился в угол, а Дунаев звонко спрашивал:

— Ну, а практика какая?

— Об этом — думайте,— сказал дьякон.

Отдохнувший Маракуев начинал говорить о практике

[2] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

ривала на Клима вопросительно, иногда — растерянно, а однажды сказала с досадой:

— Вы — точно музыка, что ни думай о вас — все не похоже.

Но в следующий раз, когда Маракуев начал [исчислять признаки] говорить о своих учениках, Фиона, запрокинув голову, некрасиво выгнув длинную шею, сказала:

— Ты [очень] очень смешно говоришь, покойник дядя Хрисанф в таком тоне рассказывал, как он ловил рыбу; крупная у него всегда срывалась с крючка, а домой он приносил костистую мелочь, которую нельзя есть.

— Странное сравнение,— сказал Маракуев, но — не обиделся, чего хотелось Самгину.

По какому-то капризу, а может быть, потому, что Клим нередко спорил с Маракуевым, который был очарован Дьяконом, Фиона стала приглашать Дьякона к чаю. Серый, длинный, он садился к столу, вытягивал ноги и [говорил] в ответ на совет Маракуева прочитать «Исторические письма» Миртова, говорил, [смяг⟨чая⟩] пытаясь смягчить свой бас:

— От времен семинарского учения питаю недоверие к книгам, хотя некоторые сочинения светские читывал не без удовольствия. Вообще же, по мнению моему,— допускаю, неправильному — книга есть костыль. Вывихнули нам душу и сунули в руки церковную и светскую книжицу: ходите по путям, предуказанным вам. Ходим — века и все — не туда. Нет, книги требуют проверки. Каждый, здесь присутствующий, есть живая книга, и недостойно ему подчинять волю свою книге мертвой. Поучимся же читать друг друга, дабы проверить книги мертвые, и — не откроем ли единство душ наших?

Клим спросил его: бывает ли он у Лютова?

— [А — как же? Весьма часто] [часто] [Не часто.] Он меня в дворники к себе зовет, но, хотя я и лишен сана, все же это мне невместно. И уж я решил — на стеклянный завод. С апреля месяца.

— Пьет Лютов?

— Весьма,— сказал дьякон, вздохнув.— А вот меня, после кончины сына моего, отвратило от пьянства... Не совсем конечно,— добавил он, подумав и опустив голову.

— Безумно пьют у нас,— заметила [Фиона] [1]. Дьякон исподлобья взглянул на нее и — согласился:

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

— Безумно. И, знаете, некоторые от того безумно пьют, что в трезвом виде боятся с ума сойти. Не для каламбура говорю. [Народ у нас мягкий и непримиримость противоречий — не выдерживает.]

Изредка и всегда как-то не во время появлялся Диомидов, очень похудевший [желтый]. Он [коротко остриг] *снова отрастил* свои ангельские кудри, голубые глаза его потемнели [и в них застыло какое-то новое для Клима, непонятное ему выражение], да и весь он [как-то потемнел] выцвел и поблек. Говоря, он пристально смотрел в лицо собеседника, ресницы его дрожали, а взгляд становился [все более] напряженным, как будто Диомидов, чем больше смотрел на человека, тем хуже видел его. Он часто и осторожно гладил правой рукою кисть левой и переспрашивал:

— Как вы сказали?

Говорить он стал менее робко, [*но*] голос его сипел, [Диомидов покашливал] покашливая, мигая, он ходил по комнате и всматривался в [портреты] *десятки* фотографий [и], как будто искал среди них знакомое лицо. Однажды он вошел в комнату Лидии, когда [там собралс〈я〉] Маракуев занимался там со своим кружком, постоял на пороге, послушал с минуту речь Дьякона и шумно захлопнул дверь. А потом [сказал] *спросил* [Фиону]: [1]

— Зачем же вы туда людей пускаете? Разве Лидия Тимофеевна не воротится?

Рассказав об этом Климу, [Фиона] [1] радостно догадалась:

— Вот почему он все нюхает, точно собака, потерявшая хозяина!

Когда Дьякон говорил о необходимости единства, Маракуев — об организации рабочих и крестьян, Диомидов отрицательно мотал [клочковатой] головою.

— Нет [довольно],— твердо говорил он.— Этого — не надо. От этого и горе, оттого, что заманиваем друг друга в семью, в родню, в толпу. Ни церкви, ни партии человеку не помогут, нет!

Дьякон почти никогда не возражал ему, а, взглянув искоса, равнодушно советовал:

— Тебе, парень, в деревне пожить надо, молоко пить надо, вот что!

Но Диомидов возбуждался, подскакивал на стуле и, блед-

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

нея, [закрыв глаза] *показ⟨ывая⟩ палец*, готовый упасть в обморок, бормотал несвязно:

— Единство — в одном. Во множестве единства — не
л. 26 будет. Никогда! [1] Напрасно загоняете. Нет, надобно перешагнуть через глупость неподвижного. Отскочить, отбежать надо.

[Клим улавливал в его словах поучение трехпалого человека и думал:

«Как все это [из] умеют [отп⟨?⟩»]]

Подскочив на стуле, сцепивши пальцы рук в один кулак и прижав его ко груди, он торопливо сказал:

— На днях, рано утром, арестантов гнали на вокзал, да! Кандалы звенят. Вот и слово тоже — ваши слова — кандалы! Душу оковать хотите человеку. Какой грех...

— Какая ерунда! — сказал Маракуев пренебрежительно, а Диомидов, отскочив от стола, быстро пошел к двери и на пороге повторил, взглянув через плечо:

— Какой великий грех против души!

Как-то при нем, разговаривая с Маракуевым, Дьякон сказал:

— Не забудем, однако, что закон борьбы за жизнь утверждается не токмо наукою, а и Библией. А также и распря детей-отцов... Авессалом-то жил задолго до тургеневского Базарова...

— Как вы сказали? — испуганно спросил Диомидов, подскочив на стуле и хватая дьякона за локоть.

Когда дьякон повторил слова свои, Диомидов задумался, посидел минут пять молча и, не простясь ни с кем, ушел [точ⟨но⟩] осторожно, как слепой.

— Больного духа парень,— проворчал дьякон, а через два дня он [обеспокоенный] *тревожно* рассказал Маракуеву и Фионе:

— Явился вчера ко мне Диомидов этот и начал увещевать [меня], чтоб я от собеседований с рабочими людями отказался и вас, Маракуев, к тому же склонил. Не поняв его состояния, я было начал говорить с ним серьезно, [и] а он встал на колени предо мной, [горестно] рыдая горько, продолжал увещания со стоном и воплями, подобно измученной женщине, которая бы [угова⟨ривала⟩] умоляла мужа своего

---

[1] *Возле слов*: показ⟨ывая⟩ палец ∾ Никогда! — *на полях записаны две реплики без указания места вставки*: —Н-да, растоп⟨ырив⟩ паль⟨цы⟩, за горло не схв⟨атишь⟩.— Знач⟨ит⟩ не палец тре⟨буется⟩, а кулак.

не пить водку. Говорил на тему знакомую вам, то есть, что стремление объединить людей вокруг правды и справедливости ведет к погибели человека. *Кричал*: «*Не эта правда нужна*, *другая*!» — И, между прочим, вопил, что революционеров надобно жечь на кострах, прах же их пускать по ветру, как было поступлено с прахом Григория Отрепьева, *именуемого* самозванцем. [Вот.]

Рассказывая, дьякон судорожно шевелил пальцами около уха, искал остриженную бороду. Взволнован он был до того, что на висках его выступил пот, [и] а глаза [его] неестественно дрожали. Запахивая поддевку на коленях, как он запахивал подрясник, Дьякон тяжело двигал ногами и вздыхал, точно уставшая лошадь.

— Потряс он меня до корней души безумием своим. Ночевал у меня и всю ночь бредословил. А утром ушел в настроении мрачном и — молча. Так вот, я посмыслил, что [сегодня] *вчерась* он ко мне пришел, а завтра так же может прийти в губернское жандармское управление. Сообразите...

Клим Самгин [внут〈ренно〉] мысленно усмехался, наблюдая, как сильно рассказ дьякона взволновал Маракуева. Побледнев, взъерошивая волосы обеими руками, Маракуев [забегал] *шагал по* комнате, морщился и бормотал:

— Ах, чёрт его возьми... Как же это?

Фиона тоже была испугана, но, [взглян〈ув〉] посмотрев на Клима, храбро сказала:

— Наша кухарка в прекрасных отношениях с полицейскими, и мы будем знать, если...

Дьякон, крякнув, проворчал:

— Кухарка — не поможет.

— Придется прекратить занятия,— говорил Маракуев, не скрывая своей растерянности и озлобления.

[Клим простился и] *Самгин был почему-то уверен*, *что* [*блаженный*] *полуумный бутафор не пойдет к жандармам с доносом*. *Он посидел еще несколько минут и* ушел, чувствуя, что ему *становится* стыдно [легкого] злорадства, которое возбуждали в нем тревога Маракуева, подавленное настроение Дьякона и [раст〈ерянные〉 смешные гримасы Фионы, которая, видимо, не знала, как ей держать себя. [Самгин был почему-то уве〈рен〉].

В тихой и темной улице его догнал Дьякон. Шел он, широко шагая, наклонив голову, спрятав руки в карманы, как ходят против ветра. Самгин пошел в ногу с ним.

— Вы считаете его сумасшедшим? — спросил он.

Дьякон [иск⟨оса⟩] искоса взглянул на него и стал шагать короче, но не ответил. А через минуту глухо проворчал:

— Вот как, значит: сжечь и пепел по ветру. А лицо у него — милое. И глаза детские. Не угодно ли?...

На углу какого-то переулка он остановился, взмотнул головою.

— Мне — сюда,— сказал он, протянув Климу длинную руку.— Безумие, сударь мой, имеет свою причину...

— Конечно,— согласился Самгин.— Я знал женщину, которую [свела] свел с ума Дарвин.

— Дарвин? Можно. Дарвина я в семинарии опровергал. Такая задача была: опровергнуть Дарвина. [А оказалось — невозможно опровергнуть его]. Опровергали... Будьте здоровы.

Пожимая руку Самгина, Дьякон сказал очень тихо и задумчиво:

— Безумие-то, может быть, наивысшая степень веры... Вот ведь что!.

«Неужели идиот Диомидов смутил его?» — подумал Клим, глядя, как *длинная* тень Дьякона ползет по снегу.

Снег падал почти весь день и теперь [пышно] покрывал крыши, фонари, тумбы пышными шапками. От него исходил тот [влажный] *вкусный* запах, похожий на запах первых огурцов, каким снег пахнет только в марте. [Морозило]. Медленно
л. 27 шагая по мягкому, Самгин [вдруг сказал] решил прекратить визиты к Фионе.

«Маракуева, наверное, скоро снова арестуют, а я не хочу еще раз испытать в чужом пиру похмелье».

Самгин вспомнил неприятное настроение, испытанное им в те часы, когда он сидел в комнате Лидии, наблюдая учеников Маракуева. Настроение это особенно сильно возбуждал Дунаев своими улыбочками, шёпотом и вопросами, в которых неприкрыто звучало нечто задорное и всегда недоверчивое. Как-то за чаем Клим сказал Маракуеву.

— Я думаю, что Дунаев не верит вам.

Маракуев ответил тоном человека, готового поспорить.

— Этого и не требуется. Верили — достаточно долго, пора понимать.

— В нем чувствуется что-то неискреннее, предательское,— не уступал Клим, подогреваемый пристальным взглядом Фионы.

— Ну, это у вас от воображения,— заметил Маракуев, нахмурясь.— Дунаев из тех [рабочих] людей, которые уже

много знают, но по скромности конфузятся своих знаний.

«Не умен ты, брат»,— мысленно сказал ему Самгин, а Маракуев, с явным нежеланием продолжать беседу, обратился к Фионе:

— А — каков Дьякон? Оригинальнейшая фигура. Убеждаю его подобрать из церковной литературы десятка два хорошеньких цитат, в духе этого... Лактанция, что ли? Я бы из них брошюрку сделал для крестьян. Превкусную коврижку можно состряпать.

И объяснил, улыбаясь:

— Коврижка — слово Надсона, из его комического стихотворения:

«При сем я посылаю книжку,
В ней — я не помню, что —«живет».
Ты эту вкусную коврижку
Отправишь в умственный твой рот».

— Не [очень] остроумно,— сказала Фиона, наморщив хрящеватый свой нос.

«Да, я перестану ходить [к ней туда] к ней» — еще раз подумал [Клим] Самгин, медленно шагая по бульвару [мимо оснеженных деревьев, под].

Незадолго до этого перед ним развернулось поле иных наблюдений. В университете, молча слушая споры народников и марксистов, он думал:

«Вот она — эмоциональная оппозиция, о которой говорил Варавка».

Он заметил, что бархатные глаза Прейса смотрят на него еще более внимательно, чем прежде смотрели. Его всегда интересовал маленький, изящный студент, не похожий на еврея [своей сдержанностью в спорах] *спокойной уверенностью в спорах* и на юношу — солидностью своих речей. Хотелось понять: какая сила побуждает сына фабриканта шляп заниматься проповедью марксизма? Иногда Прейс, состязаясь с Маракуевым, говорил странные фразы.

— Вспомните, что Александр Герцен, русский барин, угрожал царю мужицким топором, [а] в 61 году *патетически и покаянно* воскликнул по адресу царя: «Ты победил, Галилеянин!» Затем ему пришлось каяться в том, что первое покаяние его было преждевременно и наивно. [И] Я утверждаю, что наивность — основное качество народничества, и особенно ясно видишь его [тогда], когда народники проповедуют мужицкий бунт, пугачевщину.

Фразы этого тона Прейс говорил нередко, и они все более усиливали [ин⟨терес⟩] любопытство Клима к сыну фабриканта. Как-то после лекции [ядовитого историка] [*идя с Прейсом*] *Клим* охотно согласился зайти к Прейсу выпить чаю. Жил Прейс на тихой улице во втором этаже небольшого особняка. *По большинству домов улица была деревянная*, [*пестренькая*] *типично московская*, *а этот двухэтажный*, *недавно оштукатуренный особняк* [*1 нрзб.*] *казался туго накрахмаленным и как бы случайно попавшим в* [*ста⟨ренький⟩*] *ряд стареньких*, *пестрых домиков*, и Клим ожидал, что квартира студента благоустроена так же, как сам Прейс. Тяжелую дубовую дверь крыльца открыла юная горничная в белом накрахмаленном переднике, в кружевной наколке на красиво причесанной голове. Но оказалось, что Прейс живет в небольшой комнатке, окно которой выходило на железную крышу сарая, комната — аскетическая, тесно набита книгами, в углу — койка, покрытая дешевым байковым одеялом, у двери [жестян⟨ой⟩] трехногий железный умывальник, такой же, какой был в комнате Маргариты. Несоответствие прислуги с обстановкой комнаты тотчас настроило Клима подозрительно.

л. 28 Прейс начал беседу искусным комплиментом [Климу] за сдержанность, с которой [он] Клим относился к */1 нрзб/* словесным битвам народников и марксистов, «битвам все более ожесточенным», признал Прейс,[но] *однако* тотчас же [и] с легкой иронией добавил:

— Но ведь мальчики в бабки, [чиновни⟨ки⟩] обыватели в преферанс играют тоже *весьма* ожесточенно.

Клим [согласно] *согласно* усмехнулся, [внимательно] следя за мягким [и несколько симпатизирующим] блеском бархатных [зрач⟨ков⟩] глаз, было в этих глазах нечто испытующее, [и даже] а в тоне Прейса [довольно] он [уловил] слышал и раньше знакомое ему сознание превосходства учителя над учеником.

Затем Прейс начал говорить о ницшеанстве, как реакции против марксизма, говорил вполголоса, как бы сообщая тайны, известные только ему.

— Проблемы индивидуального бытия наиболее резко выявляются именно [тогда, когда индивидуум чувствует себя в опасности пред мощными требованиями проблем социального характера, в трагические [кануны] эпохи смены одного класса другим] в трагические эпохи смены одного класса другим,

тогда, когда индивидуум чувствует себя в опасности пред мощными требованиями проблем социального характера.

Прейс составлял фразы как будто намеренно тяжело и книжно. Говорил он без жестов, руки его спокойно лежали на столе, [матово⟨е⟩] смугловатое лицо *было* неподвижно, только густые, круто изогнутые брови вздрагивали, когда он иронически подчеркивал то или иное слово.

Но о работе социал-демократов в Германии он заговорил более оживленно и с несомненной искренностью.

— В Германии быстро создаются все условия для перехода к социалистическому строю без [крова⟨вых⟩] катастрофических потрясений, без кровавых трагедий.

Глаза его как будто опьянели, на щеках проступил румянец. [[Прейс] *Он* крепко потирал руки.] Был он плотненький, упругий, [но] маленькие, очень белые [руки его тонки] *и длинные* пальцы рук его неприятно сухо щелкали и скрипели, когда он потирал их.

— Миллионы голосов немецких рабочих,— говорил он, улыбаясь очень хорошей улыбкой.— [Немцы и англосаксы] Немцами и англосаксами изумительно глубоко усвоен закон эволюции, это — [их органическое свойство] *стало* органическим свойст⟨вом⟩.

В общем все, что говорил Прейс, было более или менее знакомо Самгину из тех [странных] книг, доводы и выводы которых были почти так же неоспоримы, как неприемлемы *для него*. [Клим] *Он* понимал, что Август Бебель прав [в своей критике существующего порядка], но и Евгений Рихтер обладает весьма солидной долей истины. Маркс и Энгельс [изум⟨ительно⟩] очень убедительно разоблачили *жестокие* тайны социальных отношений, но так же убедителен Ле Бон и другие противники социализма. В конце же концов было бы значительно легче жить, если б и те и другие [вовсе] не существовали.

С тем же недоверием, как к людям верующим, Самгин относился к проповеди книжной. В черненькой паутине типографского шрифта он прозревал и чувствовал такое же посягательство на свободу его мысли и воли, как в речах верующих людей. Беседы с историком Козлов⟨ым⟩ напомнили ему[1], что еще [в гимназии] гимназистом, читая *злую полемику*

---

[1] *Над словами*: Беседы ∾ напомнили ему — *вписан другой вариант фразы, оставшийся незаконченным*: Историк Козлов посовет⟨овал⟩ ему прочит⟨ать⟩ книгу Щербат⟨ова⟩ «О повр⟨еждении⟩ ⟨нравов⟩»

князя Курбского с царем Иваном Грозным, он обнаружил две правды, которые показались ему одинаково неправдами. Была правда у Котошихина, [и у протопопа Аввакума была] [*и*] *у Щербатова* [*и*] [И], было еще множество правд, [все они слагались в неискоренимую правду быта, правду будничной жизни и правду Евангелия, которую] и правда Евангелия, которое Иноков озорниковато [сравн‹ил›] уравнял с книгой «Хороший тон».

И вот: раньше хорошим тоном считалось «народничество», л. 29 а ныне претендует на эту[1] роль марксизм. Но, сузив понятие «народ» до понятия «рабочий класс», марксисты тоже ведь зовут «раствориться в массах», как толстовец, переодетый мужиком, писатель Катин, дядя Яков, Маракуев и многие другие зовут «раствориться в народе».

И все это сводится [к желанию ввести человека] к необъяснимому желанию [сделать] [*запрячь* человека] сделать человека Исааком, жертвой [истории, ввести его в оглоблю], лошадью, которая должна тащить куда-то тяжкий воз истории.

Слушая Прейса, Клим не возражал ему, ибо все-таки чувствовал, что его, Самгина, органическое сопротивление идеям социализма требует каких-то более веских, более сильных мыслей, чем те, какие он вычитал и выдумал. В то же время он не находил в себе силы решительно сказать:

«Не хочу!»

И, наконец, [дольше всего] его [смущало, удивляло] смущал анархизм, внезапно открытый им в самом себе. Уж анархистом-то признать себя он никак не мог. [Но однако].

Он ушел от Прейса, скрыв свое разноречие с его верованиями под личиной глубокой задумчивости человека, который только что ознакомился с мудростью, не ведомой ему до этого часа во всей ее широте. И он заметил, что это очень польстило Прейсу, а через два дня тот снова пригласил его:

— Приходите в субботу[2].

[На этот раз Клим [очутился] был про‹веден›]. *В субботу* франтоватая горничная провела Клима в [небольшую] *комнату*, солидно обставленную кожаной мебелью, [комнату] с большим письменным столом; на столе — тяжелая, темной бронзы лампа под зеленым абажуром [точно такая же, как

---

[1] *Текст*: С тем же недоверием ∾ претендует на эту — *на наклейке. Текст под нею см. в своде вариантов.*

[2] *Текст от слов*: С тем же недоверием ∾ в субботу.— *наклейки на двух листах автографа*; *первоначальный текст этой сцены под ними см. в своде вариантов.*

в кабинете Варавки]. *Комната напоминала Климу кабинет Варавки*. Два окна занавешены тяжелыми драпировками, зеленоватый сумрак насыщен запахом сигары. Сигару курил [высокий *круглоголовый*, гладко остриженный сту‹дент›] студент в сюртуке,— [усатый] высокий, [усатый] с кривыми ногами кавалериста, [усатый] его бритые щеки и тупой, широкий подбородок казались черными, густые усы лихо закручены; он *важно* смерил Самгина [выпученными] [*круглыми*] *белыми* глазами, кивнул гладко остриженной, очень круглой головою и сказал басом:

— Стратонов.

Другой студент, [кругленький] *плотненький*, розовощекий, сидел в кресле, поджав под себя коротенькие ножки, и казался распаренным, как будто только что пришел из бани. Не вставая, он протянул Климу пухлую, детскую ручку и лениво, кисленьким голосом назвал себя:

— Тагильский.

Третьим гостем Прейса оказался Поярков, а четвертый — рыжеватый костлявый человечек с неуловимым лицом, растерянной улыбкой и редкой бороденкой, сильно беспокоившей его. *Встряхнув руку Самгина обеими руками, он не сказал своей фамилии, а торопливо произнес*:

— *Очень рад*.... [*хэ*!]

Стратонов и Прейс солидно говорили о социалистическом движении на Западе, о судьбах России, развитии промышленности и об экзамене, [ожидающем] который русская промышленность [должна будет сдать летом] *неплохо выдержала* на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде.

Тагильский подсказывал им цифры, *а* рыженький *внезапно* вставлял в [их] деловитые речи нечто странное и спорное.

— В рейхстаге сидит сорок процентов попов [католиков. Это представители рабочих? Хэ-хэ...] Хэ-хэ!

Он произнес хэ-хэ так, что Клим не понял: смущает или радует его [тот факт] то, что [интересы] в рейхстаге сидят попы? Был он нервозен, суетлив, часто перебегал из угла в угол, *с разбега* садился в кресло, [с разбега] выскакивал из него, точно [уколотый] *подкинутый пружинами*, ожесточенно крутил и дергал бородку то одною, то другой рукой и, [нижняя губа его, [дергаясь] *спускаясь*, обнажала] *оттягивая* нижнюю *жидкую губу*, обнажал мелкие, желтые зубы. Отмахивался от дыма папиросы, поднимая полу черного пиджака, сыпал пепел на колени измятых брюк, шлепал по коленям ладонью и выкрикивал тенорком:

— Нация, не сознающая своей индивидуальности, еще не нация. Мы — не нация. Мы не понимаем своей формы. В Англии — трэд-юнионы, в Германии — [дисциплинированная] социал-демократия, глубоко проникнутая идеями государственности, Франция [будет] хочет быть синдикалистской, в Италии вырабатывается крестьянский социализм [люди],— быстро перечислял он, разгоняя дым и — спрашивая:

— А — у нас? [Народничество?] *Что будет у нас*? Хэ...

Своей раздерганностью он напоминал Климу Лютова. Слушали его очень внимательно, возражали ему осторожно. Вообще у Прейса не кричали, не спорили, а велась серьезная беседа благовоспитанных людей. Тагильский, лениво [потягиваясь, молчал] потягивался, [*говорил мало, на*] в нем было что-то кошачье, избалованное; Поярков держался в стороне, скромно и за весь вечер [ска⟨зал⟩] только один раз [спросил Прейса] *ворчливо сказал* Прейсу:

— Классификация фактов — дело полезное, если оно не скрывает за собою попытки примирить противоречия.

[Прейс] Прейс не ответил ему, даже не взглянул в его сторону. Климу казалось, что в этой комнате Прейс ведет себя [б⟨арственнее⟩] суше и барственнее, чем в той, аскетической.

[[Было скучно, как] *Стратонов говорил* густо, цифрами о вывозе хлеба, нефти. Было скучно. Рыженький тихо шептал что-то Пояркову и усмехался. Клим Самгин] *Было скучно. Клим* [[*чувствовал*], [*что*] [*как*] *что он глупеет*, решил показать себя], *чувствуя, что он глупеет*, решил, что [ему] пора показать себя, и заговорил о людях, которых трудно поставить в [какие-то] определенные рамки [о Дьяконе, Инокове]. Рыженький, [тотча⟨с⟩] выслушав характеристику Дьякона *и Диомидова*, подбежал к нему и стал просить:

— Познакомьте меня с ними! А?

Но вообще выступление Клима не имело успеха, его рассказ выслушали [*равнодушно*] *с недоумением*, а Стратонов, раскачивая на цепочке золотые часы, решительно сказал:

— Вы сами правильно назвали людей этого типа живыми анекдотами. Когда подует [ветер] [*ураган*] ветер истории, он выметет их, как сор.

[Он вообще говорил решительно [и], строго *и, сказав две-три фразы, вздувал синие щеки свои шарами, как бы намекая, что владыка всех зефиров и ураганов близко знаком ему.*]

[— Русский человек мало хочет,— говорил он, надувая

и надувая щеки синими шарами.— Его еще нужно учить хотеть.]

Сказал и туго надул синие щеки свои, как бы желая намекнуть, что это он и есть [*Борей*] *владыка всех зефиров и ураганов. Он вообще говорил решительно, строго и после двух, трех фраз всегда вздувал щеки свои шарами, от этого круглые, белые глаза его становились меньше и несколько темнели.* [1]

— Убежденный человек не может и не должен замечать противоречий в своих взглядах,— [говорил] сказал он Пояркову.

А когда рыженький, отскочив от него, спросил с недоверчивой улыбкой:

— Это вы — серьезно? — Стратонов не ответил,— он редко отвечал на вопросы, обращенные к нему. В нем было что-то *не только* военное, *но* и воинствующее. Присматриваясь к нему, Клим подумал, что его не очень удивило бы, если б Стратонов крикнул на рыженького:

— Смир-рно!

Клим плохо понимал этих людей. Два, три свидания с ними не сделали их понятнее. Они называли себя марксистами, но в их суждениях отсутствовала суровая прямолинейность «кутузовщины», а рабочий вопрос интересовал их как будто меньше, чем вопросы промышленности и торговли. Они с явным увлечением подсчитывали количество хлеба, *сахара*, нефти, *хлопка*, железа в мире; *Самгину казалось, что* они [часто] *иногда* [говорили гораздо] говорят больше цифрами, чем словами; говорили они о будущем значении Сибирского пути, о переселенческом вопросе, о таможенной политике Германии.

Ленивенький Тагильский служил для всех памятной книжкой, где записаны различные цифры и, видимо, очень гордился своей должностью. Его фарфоровое лицо, пухлые губы и неопределенного цвета туманно-ласковые глаза позволяли ждать, что Тагильский говорит женственно, мягко, но кисловатый голосок его звучал одинаково [едко], *и снисходительно и кокетливо*, говорил ли он:

— 639 тысяч тонн... 247 тысяч бушелей...

л. 30 Или же называл руководителей аграрной политики: [2]

— Ослы. Идиоты.

---

[1] *Текст от слов*: Сказал и туго ∾ темнели — *на наклейке*.

[2] *Текст*: Убежденный человек ∾ аграрной политики.— *на наклейке, текст под нею см. в своде вариантов*.

[И снова надолго умолкал. Самгин находил]

Выругавшись [*кисленьким и тусклым голосом*], *он снова надолго умолкал, рассматривая свои ногти или покуривая тоненькие папироски.*

Клим находил в нем странное сходство с Диомидовым; казалось, что Тагильский тоже — но без страха, [спокойно] *уверенно* ожидает, что вот сейчас придут какие-то люди,— может быть, идиоты — и почтительно пригласят его:

— Пожалуйте управлять нами [1].

Рыженький [нервозный] Берендеев тревожно внушал товарищам:

— Совершенно необходимо, чтоб [наша] революция совпала с религиозной реформацией. Реформация, конечно, не в сторону [проте〈стантизма〉] рационализма наших южных сект, избави боже!

Выкатывая белые глаза, Стратонов успокаивал его:

— От уклона в эту сторону мы гарантированы, наш мужик — мистик.

— С мужиком у нас будет тяжелая возня,— меланхолически заметил Прейс.

— Да, очень! — [пр〈оговорил〉] вполголоса и угрожающе подняв палец [говорил] *подтвердил* Берендеев. [— Очень. Хэ!]

Тагильский протестующе высморкал [нос] широкий, розовый нос и четко проговорил:

— Желать, чтоб реформация протекала одновременно с революцией, это значит желать, чтоб вся крестьянская стихия ринулась в политику.

[— Н-да? — вопросительно произнес Стратонов. —Позв〈ольте?〉]

— Нет! Я — не согласен,— крикнул Берендеев, но Тагильский продолжал:

— Говорить следует не о реформации, которая ни вам, ни мне совершенно не нужна, а о церковной реформе, о расширении прав духовенства, о экономическом благоустройстве его...

— [Как вы дум〈аете〉] А вы как думаете, Самгин? — спросил Стратонов. Клим ответил:

— Хорошо бы удержать деревню в пози〈ции〉 [пассивной] *пассивной.*

---

[1] *Знак вставки и помета на полях*: Вст〈авка〉; *вставка отсутствует.*

Это была одна из тех [неожид⟨анных⟩ мыслей] мыслей, которые, являясь [сам⟨овольно?⟩] внезапно и по своей воле, всегда удивляли Самгина. Он уже подметил, что в атмосфере, создавшейся у Прейса, такие самовольные мысли возникают особенно часто и легко.

Прейс осторожно и мягко заметил, что это мысль консерватора, но Стратонов, [выпрямясь] хлопнув ладонями, сказал:

— Верная мысль. [В известной мере] У нас каждый культурный человек обязан быть консерватором до [известной] *некоторой* степени. Мы — люди, на которых историей возложена роковая обязанность организовать революцию, внести в ее стихию всю мощь нашего сознания, ограничить ее неизбежный у нас анархизм.

[Говоря] Он плотно, насколько мог, [сдвигал] сдвинул кривые ноги, [забрасывал] забросил руки за спину, [выгибал] выгнул грудь, и все это сделало его фигуру [очень] *еще более* внушительной [а [парадный] густой голос его звучал командующе].

Тагильский, приподняв аккуратно причесанную светловолосую головку, поморщился в сторону Стратонова.

— Вы, Стратонов, все еще продолжаете чувствовать себя на первом курсе, горячитесь и забегаете вперед. Может быть, нужна не революция, а — ряд реформ, которые [помогли] *сделали* бы русских людей более работоспособными [1].

Однажды Клим, сидя рядом с Поярковым, спросил его шёпотом: что он думает о Стратонове? Так же шёпотом, но погромче, Поярков ответил:

— Головастик. [зародыш губ⟨ернатора⟩] Наверное, разовьется [губернатором] в губернатора. А может быть,— зародыш министра.

Тагильский и Стратонов откровенно не любили Пояркова, Прейс посматривал на него хмуро, говорил с ним холодно, Клим тоже находил Пояркова лишним в этой компании. Рябой студент помрачнел, обозлился, крутой лоб его прорезала морщина, и казалось, что от нее *нос*, изрытый оспой, [нос] сделался длиннее. Он утратил привычку говорить коротко нарубленными фразами. В один из вечеров, медленно вытащив из глубокого кресла длинное тело свое, он, пожимая руку Прейса, проговорил:

---

[1] *Текст*: Тагильский, приподняв ∾ работоспособным. — *на наклейке, текст под нею см. в своде вариантов.*

— Ну, кажется, мы выработали схему, обязательную для событий завтрашнего дня. Думаю только, что события-то не влезут в нее, да и не мы будем творить их.

— Почему же не мы? — строго спросил Стратонов, провожая его недружелюбным взглядом. [1]

Прейс молчал. [Он в] Дома он был малоречив, высказывался редко, неопределенно и мало напоминал [Климу] того умелого и уверенного оратора, каким Самгин привык видеть его у дяди Хрисанфа. Было странно, что Маракуев не ходит к нему, хотя они были на ты и в коридорах университета попрежнему спорили неутомимо и дружески. Было вообще много странного, а главное — [трудно было] нельзя понять, зачем этим людям революция.

[Но иногда он чувствовал, что постепенно привыкает считать и себя человеком, обреченным на участие в подготовке революции]. А хуже и неожиданнее всего было то, что Самгин уже не один раз [моментами] чувствовал себя тоже человеком, обреченным на участие если и не в революции, то в каких-то неизбежных событиях. Это ощущение изумляло и омрачало его. Он тотчас вспоминал вид с крыши на Ходынское поле, на толстый, плотно спрессованный слой человеческой икры. Затем пред глазами его вставал подарок Нехаевой, репродукция с картины Рошгросса [«Погоня за счастьем»]: густая толпа людей всех сословий, сбивая друг друга с ног, бежит с горы по узкой дороге к пропасти. Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех [гибель‹ной›] дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпою, [но] *он* в стороне от нее, [пригот‹овился?›] все высматривает: нет ли особой тропы для него? Но вот уже ему кажется, что [толпа] люди всасывают его в свою гущу и влекут за собою.

[Раздраженно, как о тягостной ошибке, он вспоминал о Лидии, и это воспоминание наполняло его ноющей злой грустью. Несомненно, Лидия что-то испортила, сломала] [«Несомненно, Лидия что-то испортила, сломала во мне»,— думал он] [2]

---

[1] *Текст*: Тагильский и Стратонов ∾ недружелюбным взглядом — *на наклейке, незачеркнутый под нею текст см. в своде вариантов.*

[2] *Возле этих слов, на полях, без указания места вставки — запись*: И вспоминалось, как падала стена казармы, сбрасывая с себя людей, а он, думая, что бежит прочь от нее, как-то непонятно приблизился к ней.

Но эта [*за себя*] *тревога являлась ненадолго, а в общем самоощущение Самгина становилось все более ясным. Он жил среди людей, как между зеркал, каждый человек отражал в себе его, Самгина, и, в то же время, хорошо показывал ему свои недостатки. А недостатки ближних очень укрепляли взгляд Клима на себя, как на человека недюжинного, умного и проницательного. Людей более значительных, чем сам он, Клим еще не встречал.*

[Поздно] Как-то вечером [неохотно шагая] *по дороге* к Прейсу Клим услышал за спиною своей тяжелые, твердые шаги; [обернулся и встал лицом к ли⟨цу⟩] показалось, что кто-то преследует его. Он обернулся и встал лицом к лицу с Кутузовым.

— Примечательная походка у вас, Самгин,— широко улыбаясь в бороду, [щуря] *снова отросшую* и белую от инея, [ска⟨зал⟩] заговорил Кутузов.— Как будто вы идете к женщине, которую уже разлюбили. Ну, как живется?

И слова его, и грубоватая благосклонность [почему-то] понравились Климу, он даже немножко обрадовался встрече.

Оглянувшись, он тихо спросил:

— *Вас выпустили?*

— *На поруки.*

Обмениваясь незначительными фразами, дошли до подъезда дома, где жил Прейс. Кутузов ткнул пальцем в кнопку звонка, а другую руку протянул Климу.

— Я тоже сюда,— сказал Самгин.

— [Не к Прейсу ли?] Гм, вот как? Ну, тем лучше.

Кутузов толкнул его в дверь, открытую горничной, *и*, взглянув в направлении, откуда пришел, оживленно заговорил, похлопывая горничную по плечу:

— Цветешь? Превосходную девицу эту зовут Казя, Оказия.

— Они — знают,— сказала горничная.

— Знают? Хорошо. [Яков — дома?]

Он сам повесил шинель на вешалку.

«Демократический жест»,— подумал Самгин.

Прейс встретил их и радостно, и смущенно.

— Ты? — тихо воскликнул он.— А мне писали...

— Не всему верь, что пишут,— посоветовал Кутузов, входя в аскетическую комнату, и, бросив тяжкое тело свое на койку, ухнул:

— Ух! Дай-ко мне чаю...

— А я не знал, что вы знакомы,— говорил Прейс, [по-

чем⟨у-то⟩] как бы извиняясь, и, приказав Казе [да⟨ть⟩] принести чаю, плотно прикрыл дверь. Затем он сел на койку и торопливо начал выспрашивать Кутузова, откуда он явился, что видел.

л. 31 Самгин чувствовал себя несколько неловко, [считая] Прейс, видимо, считал его посвященным в дела Кутузова, а Кутузов то же самое думал о Прейсе.

«Я не мешаю вам?» — хотел он спросить, но любопытство запретило ему сделать это.

Свесив с койки ноги в залатанных и влажных от снега сапогах, опираясь спиною о стену, Кутузов держал в одной руке блюдце, в другой стакан чая и говорил, глядя в стакан, *уже знакомое Климу*:

— Марксисты везде плодятся понемногу, но связями с рабочими не хвастаются. Да и марксист, правду говоря, [дешевый] серый [марксист. Учится, читает усердно], *скучный*. Некоторые молодые пистолеты жаловались: красоты, дескать, нет в марксизме, романтика отсутствует, а у народников этого добра — избыток: герои, личности и всякий балаган.

— А — в Казани? В Харькове? — спрашивал Прейс, [потирая руки] щелкая пальцами.

Самгину казалось, что [Прейс допрашивает Кутузова [очень похоже] почти так, как Лютов допрашивал на даче таинственную барышню или даму. Конечно] *хотя* Прейс говорил вежливо и дружески, [но] а все-таки вопросы его напоминали отношение Лютова к барышне [*или даме, там*] *на дачах Варавки*, как [будто] к [по⟨дчиненному?⟩] человеку подчиненному и подотчетному.

Вынув из кармана заношенной тужурки папиросную коробку, Кутузов заглянул одним глазом в ее пустоту и, швырнув коробку на [подоконник], *стол*, спросил, вздохнув:

— Вы, Самгин, не курите? Да, помню, не курите. Жаль. Некоторые вредные привычки полезны для ближних.

Он снова повалился на койку и, устало прикрыв глаза, продолжал:

— Из Брянска попал в Тулу. Там тоже есть кое-что. Серьезные ребята. А ну-ко, думаю, зайду к Толстому? Зашел. Поспорили о евангельских мечах. По отношению к логике — Толстой своенравный старик. Сражался со мною тем тупым мечом, который Христос повелел сунуть в ножны. А я — тем, [кот⟨орым⟩] о котором было сказано: «не мир, но — меч»,

но, хотя этот меч [отлично] *неплохо* наточен, старик оказался неуязвим, как воздух. Не понравились мы друг другу.

Чтоб напомнить о себе, Клим сказал:

— Все-таки Толстой — удивительно русское явление.

— Именно,— согласился Кутузов, но тотчас добавил: — А потому и вредное.

— Кому ‹же›? — спросил [Прейс] Клим.

— Истории, которой решительно и навсегда надоели всякие сентименты,— ответил Кутузов неохотно.

Прейс, тоже как-то несколько вскользь, процитировал чьи-то слова:

«Толстой законченное выражение русской деревенской стихии»,— но Кутузов [вынул] задумчиво [сказал] *спросил*:

— Ну, и что же отсюда следует? [Ведь и Бакунин — выражение [како‹й-то›] стихии и Нечаев]. *Только то, что он стихийно не логичен*? — И вскочил с койки.— [Нет] *Бакунин тоже выразитель стихии*. Но это все... не туда. Русская стихия. Вон, Милюков Петра Первого [опровергает] опрокидывает и, видимо, хочет сочинить [нечто схожее со] некое неославянофильство... Да и вообще...

Он сунул в рот клок бороды, помял его губами и заявил:

— Ну, мне — пора! [Дай-те] Дай-ка рублей... десять, Прейс...

[Клим тоже] Этот человек не возбуждал вопроса, почему он революционер. Было само собою ясно, что настоящие революционеры таковыми и должны быть: мужиковатые, широкогрудые, [с узкими глазами и спокойно презирающим] *светлоглазые, со спокойным* взглядом. Климу не нравились слишком демократические сапоги, неряшливая, [обкусанная] *неподстриженная* борода Кутузова и его [небрежные] *угловатые*, как бы на показ, жесты. Но ему был приятен [неза‹висимый›] [пренебрежительный] *небрежный* тон, которым [этот человек] *Кутузов*, похожий на ломового извозчика, говорил с чистеньким изящным [евре‹ем›] *евреем*.

Прощаясь с Кутузовым, Прейс рассеянно протянул руку и Самгину. На улице, под ветром и острыми уколами снежинок, Кутузов, застегивая пальто, пробормотал:

— Тепло живет Прейсик.

— Не понимаю, что влечет его к [социал‹изму›] марксизму? — сказал Клим.

Кутузов с любопытством заглянул в его лицо.

— Не понимаете? Гм...

И, через несколько шагов, спросил:

— А есть вы не хотите?

— Я бы выпил рюмку водки.

— [Ну и] Что ж, выпейте,— разрешил [Кутузов. — Совершить это можно в учреждении весьма симпатичном] Кутузов, *шагнул в лавчонку*, [*вышел*] *явился оттуда с папиросой, воткнутой в бороду*, [*и, пустив*] *и, пустив длинную струю голубого дыма, сказал благосклонно*:

— *Ну, айда, выпьем водки.*

В маленьком ресторане, наполненном сивой мутью, [они сел⟨и⟩] Кутузов прошел в [темный] уголок, заказал [себе *папирос*, две порции ветчины] мяса, водки и, расправив плечи, [усмехаясь, спросил] *усмехнулся.*

— Так — не понимаете, почему некоторых субъектов [[гонит] привлекает социализм] *тянет к марксизму.* [А понять — просто: привлекает их к [социальному] *марксизму* неправильное понимание оного [*в учение Маркса как*]. Обман зрения и неправильное чтение. Прейс и подобные ему рассматривают научный социализм как нечто способное смягчить, а может, и предотвратить неизбежную катастрофу [банкротство] их класса. Социализм же, именно потому, что он — научный, штука не гибкая и ядовитая. Затем — он кровное дело рабочего класса, [и] и, значит, катастрофа неустранима, как ни вертись. А чувство самосохранения обязывает и понуждает вертеться. Вот мы с вами и видим] [*Прейс и подобные ему воспринимают учение Маркса как теорию социально-экономической эволюции и — только. Это — обман зрения. А может быть, это — сознательное желание не видеть того, что видеть не хочется, не выгодно.* [*Историческая необходимость социальной катастрофы*]].

— Не понимаю.

Прищурясь, Кутузов посмотрел на людей, сидевших под низким потолком необширной комнаты; трое из них, наклонясь над столами в однообразных позах, сосредоточенно ели, четвертый уже насытился и, действуя зубочисткой, пустыми глазами смотрел на женщину, сидевшую у окна, читая письмо; пред нею, на столе, стоял кофейник, лежала пачка книг в ремнях. Клим тоже посмотрел на лицо ее, полузакрытое вуалью, на плотно сжатые губы и острый подбородок. Вот она улыбнулась, но, прежде чем разомкнуться в улыбке, ее губы сжались еще плотнее, рот сердито окружился морщинами и [поэтому] Клим узнал в ней знакомую Лютова. Он — нахмурился, подумал:

«Что же, кабачок этот — место свидания революционеров?»

Густо смазывая ветчину горчицей, настолько крепкой, что она щипала ноздри Клима, Кутузов говорил вполголоса.

— Тут — обман зрения: многие видят в научном социализме только теорию экономической эволюции и ничем другим [он] *марксизм* для них не пахнет. Ваше здоровье!

л. 32 Выпив рюмку водки, пережевывая [ветчину] бифштекс, он продолжал:

— А вот общий наш знакомый, Поярков, [не плохой парень, а?] находит, что сынки наиболее обеспеченных классов тянутся к марксизму по силе интуитивной, классовой предусмотрительности. Чувствуют неизбежность социальной катастрофы. Как ни вертись, а она — неустранима. Однако инстинкт самосохранения понуждает вертеться. Поярков — неплохой парень. Вы с ним — как?

— Он умный,— сказал Клим [подумав] *не сразу*.

— Выпьем еще по рюмке... Так вот, значит: обман зрения и классовая интуиция. Ежели рабочий воспринимает идеологию, ядовитую для хозяина, хозяин, *буде он не осел*, тоже обязан несколько ознакомиться с этой идеологией. Может быть, удастся подпортить ее. В Европе весьма усердно стараются подпортить, а [мы] наши юные буржуйчики *тоже* не глухи, не слепы. Намечаются попыточки организовать классовое самосознание [1].

Клим слушал очень внимательно. Хотелось понять: присоединяет ли Кутузов и его к юным буржуйчикам?

[А четверо] Четверо молчаливых мужчин как будто выросли в сумраке. Дама, прочитав письмо, спрятала его в сумочку. Звучно, как взведенный курок револьвера, [щелкнул] сумочка щелкнула.

— *На казенной квартире я некоторые забавные штучки читал,— вполголоса рассказывал Кутузов.*— Новое течение в нашей литературе — весьма показательно. Все эти декаденты, символисты... Среди их не мало купеческих детей. [Сие] Явление это указывало бы на преждевременную дегенерацию класса, но, я думаю, что это подражательное явление,— подражают творчеству жертв и выразителей психического распада буржуазной Европы. [И надоел сентиментализм народнической литературы, и опротивел быт. Бытовая литера-

---

[1] *Возле этих слов, на полях, без указания места вставки, запись*: Клим: — Вы знаете Стр‹атонова›? — Это — дылда такая? Ну встречал.— Как вы [на него] его с‹мотрите›? — Голов‹а›.

тура у нас вредная, беспокоит.] Но, разумеется, когда подрастут немножко, выдумают и свое. [У нас] Почва для выдумок у нас весьма плодотворна...

Говоря, Кутузов насыщался с [той] неторопливой деловитостью, [которая *особенно* свойственна людям физического труда] а [когда уничтожил ветчину] уничтожив *мясо*, посмотрел на пустую тарелку с сожалением и сказал, вздохнув:

— Надо выпить кофе.

— Учитесь петь? — спросил Клим.

— Пою, но — не учусь. Жена — учится. [Я ведь женился на Марине. А что Дмитрий пишет вам?] — Он стал вытирать салфеткой бороду, а [Клим подумал] Климу *показалось*, что [он] *Кутузов* делает это [лишь для того], чтоб скрыть усмешку, но скрыть ее он не мог, глаза смеялись.

«Вероятно, это он смеется над братом [Дмитрием]» — подумал Клим [и осведомился:

— [Что] Дмитрий пишет вам?

— Часто [*1 нрзб*]. Они там неплохо устроились, живут дружно. Девять человек. Впрочем, вы это знаете]

[Он] *Кутузов* закурил папиросу, вытянул ноги под столом, толкнул ногу Самгина [и], *но* не извинился, а испытующе глядя [на] *в* лицо Клима, спросил:

— Поярков говорит, что вы тут с народниками знакомы и [будто] у одного из них рабочий кружок есть. [Поярков даже фамилию его [сказ〈ал〉] назвал...

— Маракуев?

— Я фамилии не помню.] Любопытно бы посмотреть, что это за рабочие? Вот вы устройте-ка мне эдакие смотрины, а? Я тут пробуду четверо суток. Завтра — суббота. В воскресенье — можете?

Он не просил, а командовал, но [Клима] это не обижало Клима, наоборот, грубоватое прямодушие Кутузова было приятно [ему].

— Ну, пойду дальше,— сказал Кутузов, допив чай.— [Идти мне к чёрту на кулички]. Нелепый город, точно его чёрт палкой помешал. И все в нем рычит: я-те не Европа! Однако, дома строят по-европейски, все эдакие вольные переводы с венского стиля на московский. О бок с одним таким каменным чудищем нагнулся на улицу деревянный, серенький сосед в три окна, а [над] на воротах — вывесочка: кто-то «предсказывает будущее от часу до четырех», а больше, видно, не может, силы не хватает. Будущее!

Кутузов широко усмехнулся, пожимая руку Самгина.

— Быть тебе, Москва, Европой, вот — будущее! Значит — увидимся [в воскресенье]?

Самгин нарочно задержался, чтобы не выходить на улицу вместе с этим человеком. Пил чай и думал, разглядывая женщину, писавшую что-то в маленькой книжке.

«Конечно, [револ‹юционная›] политическая деятельность дает шансы быть видимым, властвовать. Это может увлекать людей, подобных Кутузову. *Этот* [*больше*] *сильнее, чем кто-либо другой убеждает, что революция — неустранима. Он убеждает не словами, а* [*фактом своего сущ‹ествования›*] *тем, что он* [*таков*] *есть, фактом своего существования убеждает.* Но вот такая женщина, что увлекает ее?»

О женщинах невозможно было думать, не вспомнив Лидию, а воспоминание о ней всегда вызывало злую, ноющую грусть, уколы обиды. [Теперь рядом с Фионой Лидия казалась значительнее]

— Вам часто пишет Лидия? — спрашивала Фиона [1], прикрывая глаза ресницами.

— Не очень,— ответил Клим, хотя Лидия написала ему из Парижа только один раз.— Она не любит писать.

— Она — загадочная, не правда ли?

— Что это значит — загадочная?

— Никого не любит, интересуют ее только чудаки и смешные.

Строго, сквозь очки взглянув в лицо Фионы, Клим сказал:

л. 33 — Загадочных людей — нет, их выдумывают [2] писатели для [вашего развлечения] того, чтоб позабавить нас. «Любовь и голод правят миром», а мы, все, выполняем задания этих двух основных сил жизни. Искусство пытается прикрасить зоологические требования инстинкта пола, наука помогает удовлетворять запросы желудка, вот и все. Загадок — нет.

Иногда ему казалось, что, говоря так *оголенно грубо*, он издевается не только над Фионой, но и над собою. А Фиона возражала упрашивающим тоном:

— Но разве Диомидов не загадочный?

— Вы слишком много читаете романов и стихов, это вредно,— внушал Самгин и думал:

«Дура. [Даже имя у тебя глупое]»

---

[1] *Вместо*: Фиона — *здесь первоначальное имя героини*: Фаина.

[2] *Текст от слов*: О женщинах невозможно ∾ их выдумывают— *на наклейке*; *ранний вариант текста см. в своде вариантов.*

[Как⟨-то⟩] Однажды [он спросил ее:

— Разве [есть такая] *была* святая Фиона?

— Не знаю,— [сказала *девушка и*] [*девушка ответила*]] вдруг [почему-то] рассказала [ему], почему-то жалобно, в неуместном тоне исповеди, что окрестили ее Фаиной, а Фионой [проз⟨вал⟩] *назвал* отец, [потому что] *старик* нотариус [[который] человек скупой] [Он не считал ее своей дочерью, подозревая, что о⟨на⟩]

— Он произносил мое имя так: фи, она! Это он делал в пику матери, подозревая, что я не его дочь, а литератора Минаева, с которым у матери [будто] был роман. После смерти отца [когда мне было уже двенадцать лет] мать сказала мне, что это не верно, [хотя роман с Минае⟨вым⟩] романа у нее не было, но [она бы⟨ла⟩] я не поверила ей, [но это тоже неправда] мне уже было двенадцать лет, а она тогда жила с дядей Хрисанфом. Она была очень умная, красивая, но — злая [и сильно] и часто напивалась пьяной. Ах, это было очень страшно, когда она пьяная и ругала дядю Хрисанфа за то, что он меня прятал от нее.

— Почему — прятал? — спросил Клим, чувствуя, что рассказ этот делает Фиону еще более неприятной ему.

— Она любила наказывать меня,— сказала девушка [тихо и], *улыбаясь* виновато, что не шло к ней. Говоря, она *тихо* перебирала пальцами какие-то ленточки на груди [и], это тоже было не нужно и заставило Клима подумать, что она неумело играет роль простушки, несчастной и загнанной. Он тоже играл с ней и постепенно увлекался этой игрою. Он видел, что Маракуев красивее его, [понимал] *веселее* [и должен бы нравиться ей] и, несомненно, влюблен, и было приятно отмечать, что девушка относится к Маракуеву все более небрежно, хотя тот всячески старается забавлять, усердно пополняет коллекцию портретов знаменитых женщин, даже вырезал [превосходну⟨ю⟩] гравюру Марии Стюарт из «Истории» Маколея, рассматривая у знакомых своих великолепное английское издание этой книги. Клим моралистически заметил, что едва ли это хорошо,— портить книги, но Маракуев беззаботно воскликнул:

— Да ею дети играли!

Как-то, восхищаясь Дьяконом, Маракуев сказал:

— Это будет изумительный пропагандист для деревни! Вот такие черви и подточат трон царя...

[Фиона] [1] усмехнулась, обнажив крупные зубы.

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

— Но где же подвиг, где красота, если черви?

— Подожди, будут и красивые подвиги,— уверенно обещал Маракуев, а она сказала:

— Очень верно, что этот Дьякон похож на червяка.

Вопросы такого тона она ставила Маракуеву все чаще, это нравилось Климу, он поощрительно улыбался ей. Но чем дальше, тем более овладевало им желание [обидеть] обижать Фиону, издеваться над нею. И, глядя в зеленоватые глаза ее, говорил:

— Женщину необходимо воображать красивее, чем она есть, это нужно для того, чтобы легче примириться с печальной неизбежностью любить ее. В каждом мужчине скрыто желание отомстить женщине за то, что она необходима ему.

Самгин знал, что он [выворачивает наизнанку мысли] *повторяет* Макарова, но чувствовал себя очень умным, когда говорил [так⟨ие⟩] эти афоризмы.

— И у вас тоже скрыто? — осведомилась [Фиона] Варвара.

— Конечно. Я — мужчина.

Опустив глаза, [Фиона] Варвара вздохнула:

— Какой вы... правдивый.

Да, с нею становилось *всё более* забавно. И приятно было думать, что, если [показать] *притвориться* немножко влюбленным в нее, то она, конечно, легко *и тотчас* пойдет навстречу. Он смотрел на Маракуева, снисходительно усмехаясь, и готов был найти в себе нечто общее с Кутузовым [человеком, [который] последнее свидание с которым еще бы⟨ло⟩] [человеком, который [невол⟨ьно⟩], помимо воли Самгина, возбуждал в нем почтительную зависть и еще какое-то неопределенное, двойственное чувство].

[Раза два] *Иногда* Клим встречал у [Фионы] [1] Макарова [и]. Было очень странно видеть, что в двухцветных [*густых*] вихрах медика [уже] проблескивают серебряные нити, [а *смуглая* кожа на лице его *еще* потемнела [1 *нрзб*], [а] и глаза смотрят из-под нахмуренных бровей [напряженно] *сосредоточенно* и сурово. [Двигался он как-то] Резкие черты лица его как будто окаменели, голос звучал глуше, [но и в то же] но вместе с этим было в нем нечто беспокойное, раздражавшее Клима. Говорил Макаров все о том же и, кажется, уже не мог говорить ни о чем больше] *особенно заметные*

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

на висках. Глаза его ушли глубоко в орбиты, [*но он*] *однако он не* [*выз⟨ывал⟩*] *вызывал впечатление* [*человека*] *преждевременно стареющего или нездорового* [*только лицо стало* [*же⟨стким?⟩*] *более жестким и неподвижным*] *человека* [*а только он казался неестественно возмужавшим*].

Говорил он все о том же, о женщине, и, казалось, что он уже не может говорить ни о чем [другом] другом.

— Все недоброе, все враждебное человеку носит женские имена: злоба, зависть, корысть, ложь, хитрость, жадность...

— А — любовь? А — радость? — [задорно] обиженно и задорно напоминала [Фиона] [1]; Клим, улыбаясь, подсказывал ей:

— Чепуха, ерунда, [галиматья] глупость.

— Революция! Победа! Жизнь! — кричал Маракуев.

Рассеянно взглянув на него, Макаров [2] спросил:

— А вы уже решили: благо — жизнь или зло?

И продолжал, щелкая пальцами:

— Исключения ничего не опровергают. В ненависти тоже есть своя лирика. Моя мысль проста: все эти имена даны злому Адамом по силе его ненависти к Еве, а источник ненависти [сознан⟨ие⟩] [чувство подчинения] — *тайное сознание неизбежности подчиняться* воле женщины.

Клим Самгин, внимательно присматриваясь к старому товарищу, искал [в его речах] в поведении его признаков ненормальности и с недоумением [чувствовал, что слышит] слышал в речах его что-то сродное [его] *своим* чувствам и думам о Маргарите, Нехаевой, [Спивак] Лидии.

«[Несомненно, что] *Вот* и Маракуев подчиняется [воле] силе инстинкта, возбуждаемого Фионой».

А Макаров был уже не тем человеком, который ночью на террасе дачи Варавки [умолял] упрашивал, умолял верить его домыслам. Он держался спокойно, говорил уверенно и лишь иногда, затрудняясь найти нужное слово, щелкал пальцами. Как [раньше] *всегда* он задумчиво дожигал каждую спичку до конца, но курил меньше. Лицо у него стало более жестким, менее подвижно, но взгляд [провалившихся] углубленных глаз скользил по лицам людей рассеянно,
л. 34 а в тоне чувствовалось сознание превосходства над ними [3].

---

[1] *Имя зачеркнуто и не заменено другим.*

[2] *В автографе описка*: Маракуев.

[3] *Текст*: Говорил он все о том же ∾ над ними.— *написан на наклейке, ранний вариант текста см. в своде вариантов.*

«Видит себя человеком с плюсом»,— думал Клим словами Ивана Дронова.

[С Макаровым жестоко спорили, но он упорно и спокойно] *Маракуев, покраснев*, спорил жестоко, но он, не горячась, отстаивал идею непримиримой вражды полов и только иногда, если на него слишком кричали, встряхивал головою, точно отгоняя мух, и спрашивал увещевающим тоном:

— Неужели вы действительно не видите? Или вам стыдно признать меня правым?

[Однажды] Он принес оттиск статьи никому неизвестного писателя Федорова, в статье тяжелым языком доказывалось, что [вся жестокость] все безобразия, вся жестокость капиталистического строя является следствием чрезмерного и болезненного напряжения полового инстинкта, результатом буйства плоти, ничем не сдерживаемой, не облагороженной.

Размахивая статьею, как стрелочник [красным] флагом, сигналом опасности, Макаров говорил:

— Тут многое от церкви [и от Мальтуса], но автор, как мужчина, [весьма] прав, когда он говорит о «не тяжелом, но губительном господстве женщины». Это — слова умного врага. Я думаю, [что] он первый так решительно и верно указал, что женщина сознает свое центральное место в мире. Но сказать, что именно она является первопричиной культуры, он, конечно, не решился.

И, похлопывая оттиском по ладони своей, он сказал:

— Этот — поумнее Нитчше. Говорят, он уже старик, Федоров.

Клим заметил, что [Фиона] Варвара смотрит на Макарова взглядом измеряющим и взвешивающим, это вызвало в нем раздражение против нее и усилило его желание найти в Макарове что-нибудь ненормальное. Но ненормальной [была] он нашел только его полное подчинение одной идее, совершенную глухоту ко всему остальному и сжигание спичек до конца. Он слышал, что Макаров очень много [и серьезно] работает в клинике Университета. Жил Макаров у Лютова.

— Пьете? — спросил Клим.

— Я стал воздерживаться, надоело. Да и Лютов меньше пьет, после смерти отца. *Из Университета ушел.* Занялся делом, разъезжает по России. [Почти] Летом жил в деревне у [какого-то прия⟨теля⟩] Туробоева, охотился, очень поздоровел.

И неохотно улыбаясь, [он] *Макаров* сказал:

— Знаешь,— купец все-таки, хозяин. Дьякон тоже пожаловался, что не может работы найти, так Володька предложил ему место дворника у себя. Да. Дьякон обиделся: «Хотя — говорит — сана я [и] лишен, но на эту должность идти невместно мне». И перестал ходить к Лютову. Кажется, поступил чернорабочим на какой-то завод [1].

Лютова Клим встретил *ночью* на улице, [ночью столкнулся] столкнулся лицом к лицу на углу какого-то темненького переулка.

— Извините,— сказал Клим и тотчас услыхал знакомый голос:

— Ба! Это [вы] *ты*?

Кричал Лютов, как у себя дома, одет был в широкое пальто с меховым воротником, [каракулевая] шапка поседела от мелкого снега, и острая бородка тоже серебрилась в свете фонаря. Клим нашел, что Лютов похож на портрет поэта Некрасова.

— [Вот видишь] Лестно! — кричал Лютов.— А сейчас какие-то две дамы, очевидно, за сумасшедшего приняли. У меня, знаешь, явилась привычка разговаривать на улице с самим собою. Дома — молчу, а на улице — говорун одолевает. К Тестову пойдем?

И через несколько минут он, развалясь на диване в отдельном кабинете, болтал, взвизгивая, усмехаясь, соединив разбегающиеся глаза на лице Клима.

— Вышел на поляну, на [порубку] *пожог*, вдруг из-за сосен — он, Туробоев! Ружье подмышкой, как и у меня. Спрашивает: кажется, знакомы? Ух, говорю, еще как знакомы. Захотелось мне всадить в морду ему заряд дроби, но — запнулся за какое-то но. Может быть,— похоронная рожа его... Я уже знал, что с Алиной он разошелся. Ну, думаю, чёрт с [ним] тобой.

Он закрыл глаза, помолчал несколько секунд, потом быстро поднялся, сел, налил вина себе и Климу.

— Впрочем, ничего я не думал, а просто — обрадовался человеку. Лес, знаешь. Стоят обугленные сосны, буйно цветет Иван-чай. Птички ликуют, чёрт их побери. Самцы самочек опевают. Мы с ним — тоже самцы, а петь нам — некому.

---

[1] *Текст*: Летом жил ∾ на какой-то завод.— *перечеркнут синим карандашом.*

Он крепко потер пальцами неугомонные глаза свои, залпом выпил вина и снова повалился на диван.

— Недели три прожили мы душа в душу. Интересный. Все отверг. Не верит ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай. И — «яко смоковница бесплодная, одиноко стояща и даже тени несть от нея». Даже — умиляет. Готовность погибнуть умиляет, знаешь. Сознание обреченности. Поучительно. И — обезоруживает.

Но, подмигнув, Лютов с удовольствием добавил:

— Однако, сквозь все — видно: страдает. Эдак,— молча, благородно, скрыто страдает.

И, снова наливая вино в стаканы, Лютов тихонько засмеялся.

— А — кругом мужик шевелится. Две деревни переселяться собрались. На Кавказ. Сектанты какие-то, вроде духоборов. Н-да. Очень крепкие мужики.

Говорил он долго, почти непрерывно. Клим спросил его: где *же* Алина?

— Там, в Париже,— ответил он, [махнув рукою] *указав рукою* почему-то в потолок.— Мне Лидия писала: там, с ними, еще одна... забыл фамилию. Да,— мужичок шевелится,— продолжал он, поглаживая бугроватый лоб.— Как ты думаешь: скоро взорвется мужик?

— Революция неизбежна,— ответил Клим, [поддразн〈ивая〉] чтоб поддразнить хмелеющего Лютова, но думая о Лидии, которая находит время писать этому человеку, а ему не пишет.

«Впрочем, я тоже не посылал ей писем».

Невнимательно слушая усмешливые и сумбурные речи Лютова, он вспомнил, как [проб〈овал〉] пытался сочинять [для] Лидии длинные послания [а] и потом, прочитав их, [прятал стран〈ицы〉] чувствовал, что в этих письмах, всегда очень обдуманных, он проговаривается о чем-то, чего Лидия не должна знать и что умаляет его в своих глазах. А Лютов, уже настроенный лирически, говорил торопливо, вполголоса.

— Ты, Самгин, человек сосредоточенный, молчальник, человек для себя. Не пехота, не кавалерист, не жертва. А я — жертва. И Туробоев. Это нас очень сближает. *Он — жерт〈ва〉 остракизм〈а〉 истор〈ии〉, я — алкого〈лизма〉.*

Вскочив с дивана, он забегал по кабинету, топая так, что звенели стаканы и бутылки на столе.

— Час тому назад я был в собрании людей, которые тоже шевелятся. Обнаруживают эдакое, знаешь, тараканье бес-

покойство пред пожаром. Желают издавать журнал, марксистский, конечно. Там была дама, [вдова тайного советника] очень носатая, с фигурой извозчика из отставных солдат и при этом — вдова тайного советника. Вот как, брат! И — другая: дочь богатого винодела.— Лютов истерически захохотал, снова бросился на диван и, чокнув стаканом о стакан Клима, возгласил:

— Здоровье женщин!

Через минуту он снова говорил Климу:

— Ты без сострадания ведешь какой-то подсчет людских
л. 35 страданий, как математик, немец, бухгалтер; актив — пассив [1].

«Вот как он меня видит», [думал] *подумал* Клим и, прихлебывая вино, сказал, снова поддразнивая:

— У нас много страданий, искусственно раздутых. Многие оценивают свои маленькие страдания, как большие отличия.

— Это — про меня? — спросил Лютов и крикнул:— Врешь! Я, брат... впрочем,— не скажу! — И, стукнув стаканом по подносу, он [сказал] *задумчиво проговорил*, болтая встрепанной головой:

— Я, брат, не люблю тебя. Интересный ты, а — несимпатичный.

Горячась, размахивая рукою, он спросил:

— С какой крыши ты смотришь на людей, а? Почему — с крыши?

Климу пришлось потратить добрые четверть часа, чтоб успокоить его [и отвез〈ти〉], *а когда Лютов* размяк и снова впал в лирический тон, Самгин простился с ним [и на улице дал себе слово не встречаться], а идя домой, сквозь густо падавший снег, думал:

«Так вот каким он видит меня».

И ему *уже* казалось, что большинство знакомых, *чувствуя, что он выше их*, смотрят на него глазами Лютова [чувствуя, что он выше их].

«В симпатиях я не нуждаюсь, но уважать себя заставлю»,— решил он.

Через несколько дней, томимый скукой и желанием подразнить Фиону, он пошел к ней и удивленно остановился

---

[1] *Текст*: рукою почему-то в потолок ∾ актив — пассив.— *написан на наклейке*; *ранний вариант сцены см. в своде вариантов*.

в дверях столовой: у стола пред самоваром сидела с книгой в руках Сомова, [то] толстенькая и серая, точно самка снегиря.

— Ага, вот он! — вскричала она, вскакивая и, взмахнув коротенькими ручками, обняла Клима за шею, поцеловала, завертела его [обнаруживая живейшую радость. Эта радость несколько сконфузила Самгина [своею] шумной искренностью]; шумная искренность этой радости сконфузила Самгина, он ничем, кроме удивления, не мог ответить на нее.

— Откуда? Почему ты здесь? — торопливо спрашивал он, а Сомова [также быстро] с бойкостью, незнакомой ему, [кратко] отвечала:

— Из Парижа, из Женевы. Поклоны тебе от Лидии, Алины. Это Лидия направила меня сюда, я тут буду жить, сняла комнату.

И, закрыв глаза, [закин⟨ув⟩] запрокинув голову, она пропела:

— Ой, Клим, голубчик, [какое] как это удивительно — Париж! — И, похлопывая его пухлой рукою по колену, она сказала:

— Ей богу, жизнь начинается после того, [как] как побываешь в Париже!

[Она неузнаваемо и приятно изменилась внешне, но [в ней] приобрела]

[Клим видел, что] Она похорошела, [мучнистая бледность кожи ее лица совершенно исчезла] щеки горели здоровым румянцем; голубые глаза блестели весело и приятно, *нос задорно вздернут* [все лицо круглое, некрасивое, сдел⟨алось⟩] и *в* лице [раньше некрасивом, *не выразительном*] явилось что-то милое [располагающее [к ней]].

Сильно отросли волосы, на груди лежала толстая коса льняного цвета, гладко причесанная голова напоминала крестьянских девушек с картин Венецианова. Но скоро [он] Клим отметил, что Сомова приобрела неприятную бойкость, жесты ее коротеньких рук [стали размашисты и] смешны, и одета она смешно, в какую-то уродливо пышную кофточку со множеством пуговиц, [бан⟨тиков⟩] оборок, бантиков. Это придавало ей, коротенькой и круглой, сходство с курицей. И говорила она [как⟨им-то⟩] комически кудахтающим голосом, говорила торопливо, стремясь одновременно и рассказать и выспросить.

— Марксист?

— Да.

— Фу! Это — эпидемия какая-то! А знаешь, Лидия [увлекается] *увлечена* религиозными вопросами. [Как это тебе нравится?] *Каково*? Просто — стыд! Тут начинается бог знает что, а она... Эта — Фиона, Фаина — как ее? — она что такое? Не очень симпатична, кажется? Лидия расхваливала ее...

— Да? — спросил Клим.

— О! Ужасно хвалит! Не знаешь — где Иноков,— *спросила она, но тотчас же ее кругленькое тело странно вздрогнуло, и, не ожидая ответа, она затараторила*:

— Почему ты не пьешь чай? Я очень обрадовалась самовару. Впрочем, у одного старого народника в Женеве есть самовар.

Клим все-таки остановил ее, и, [настойчи⟨во⟩] хотя она прерывала его, как бы не желая слушать, он упрямо рассказал [о том], что Иноков влюблен, сочиняет *плохие* стихи.

— Плохие? — переспросила она и на минуту задумалась, играя косой, опустив глаза.

— Что? — *с улыбкой* спросил Клим [улыбаясь],— «Старая любовь — не ржавеет?»

Грея руки о бока самовара, она сказала, вздохнув:

— Ему надо бы хорошо писать, он — может.— И вдруг снова оживилась, заговорила бойко, весело:

— Да, голубчик, я — влюбчива. Берегись! Знаешь,— продолжала она, подвинувшись к нему вместе со стулом и понизив голос, — я едва-едва не [влет⟨ела⟩] попала в отчаянную историю. Была в Крыму чтицей у одной дамы — [ой, какая *капризная* анафема! Хотя] *ах, тяжело было мне*! *Она* — больная и, конечно, это ее оправдывает. И вот [познакомилась у нее с одним ученым] *приезжает к ней сын*, некрасивый такой, худущий, но — удивительный! Совершенно, как ребенок, ничего не понимает... Замечательные глаза, так, знаешь, в душу смотрят и — удивляются.

Подняв руку, она погрозила пальцем:

— Только ты никому не рассказывай об этом!

— О глазах? — спросил Клим шутливо.

— Нет. Подожди! — серьезно и тихо сказала она, перебросив косу за спину.— *Чаще всего он говорил*: «*Это вы— серьезно? Представьте*, [а] *я этого не знал*!» *Не знал же он ничего плохого*, *точно* [*в стеклянном*] *жил в шкафе*, *за стеклом*. Влюбилась я в него. А он — геолог, астролог, биолог [и вообще], *целая* толпа ученых [В конце концов], *а в общем — милый такой* — олух царя небесного.

Грубоватое словечко прозвучало безобидно и смешно. [Клим улыбался] *Клим подумал, что Сомова* [*произнесла лишь*] *сказала это слово по созвучию, потому что она произносит геолох*, биолох. Она вообще говорила неправильно, [то] отсекая [кон⟨цы⟩] [жесткие слога кон⟨цов⟩] жесткие согласные в концах слов.

«Ребено»,— говорила она.

— Всё считает, считает: [двадцать тысяч] *три миллиона* лет, [семь] *четыре* миллиона километров, в результате всегда множество нулей. Мне хочется целовать глаза его, а он мне о гранитах, о гнейсах говорит, о созвездиях. Вижу, что я для него тоже нуль, да еще не существующий нуль. А уж— люблю, и так, знаешь, люблю, что хоть — в море прыгать.

Сомова тихонько засмеялась, но тотчас же закусила губу и на глазах ее заблестели слезы.

— Вот — дура! Почти плакать готова, — сказала она, нервно всхлипнув.— Знаешь, я все-таки добилась, что и он влюбился, и было это так хорошо, такой он стал... совершенно необыкновенный. Как-то проснулся, выскочил из мезозойской эры, выбрался из созвездий, ручонки у него длинные, слабые, обнимает, смеется.. вообще родился второй раз и — в другой мир.

Теперь слезы текли по щекам ее очень обильно [крупные] и сквозь улыбку, как летний *грибной* дождь «сквозь солнце».

— Это он сам сказал: родился снова и в другой мир! — говорила она, смахивая слезы со щек концом косы. [И — можешь ты себе представить: оказалось, что он — мой брат! Да, да — брат! [Когда отец *мой* был [врачом] *студентом* в Саратове, у него родился сын от дочери купца молоканина. Потом, когда мальчику было уже три года, она вышла замуж за учителя гимназии и — вот... Ты, пожалуйста, не говори никому об этом,— [тихо] снова тихонько попросила она и стала пить остывший чай] [*Когда отец мой* [*еще студентом*] *жил в Саратове*, [*у него был*] *у него был* [*роман с этой*] *там роман* с дочерью купца [молоканина] *сектанта-молоканина и родился мальчик. Потом, когда ему было* [*уже три*] *два года*, [*она вышла*] *ее выдали замуж за учителя гимназии*, [*по⟨том⟩*] *потом* [*за*] *она сошлась с коннозаводчиком... и вообще...*

Сомова отмахнулась рукой и сказала шепотом:

— *Об отце* [*1 нрзб.*] *она говорила злобно, очень злобно. Хотя она — обо всем так...*] *Слезы были крупные, но не тяжелые, текли они медленно и в том, что* [*эта*] *толстенькая*

девушка плачет, Самгин не видел ничего неприятного. Это даже как будто украшало ее.

[1] — И вдруг — вообрази! — ночью является ко мне его мамаша, вся в белом,— вошла так, знаешь, торжественно, как воскресшая дочь Иаира, села против меня, лицо у нее колесом вертится: «Сейчас, говорит, сын мой сказал, что хочет жениться на вас, так вот я вас умоляю, Любаша, откажите ему. Откажите, потому что он в будущем гениальный ученый, жениться ему — рано, и вообще ему нельзя жениться, и я готова на коленях просить вас — откажите!» И ведь встала, плачет... Ах, господи!

Сомова громко всхлипнула, заткнула рот платком и несколько секунд кусала его, надувая щеки, а по щекам катились слезы.

— Так это у нее выходило тяжко, так угнетало меня, что я... Ну, хорошо, говорю — [извините] откажусь. И рано утром ушла, оставив ему записку: «Прощай, не могу». Совсем, как в благонравном английском романе. И глупо, и грустно, и трогательно...

Помахав в воздухе мокрым платком, она сказала:

— Вот и всё.

Выслушав эту историю с интересом, [Клим помолчал] Клим помолчал, разглядывая девушку и думая, что [по всей] и по фигуре, и по характеру она гораздо более [пригодна] на месте не в драме, а в водевиле. И то, что на ее долю все-таки выпало участие в драме, [нес⟨колько⟩] несколько тронуло его, *он ведь* [*тоже*] *был уверен, что тоже пер⟨ежил⟩*
л. 36 *драму*. Но он не сумел выразить чувство, взволновавшее его, а только спросил: [[Лютов задремал и, когда проезжали мимо фонарей, Клим видел, что лицо его с полуоткрытым ртом, приподнятыми бровями, жалко и уродливо] спросил вполголоса [и не глядя на него]] [2]

— Ты с ним жила?

— [Н-нет,— нерешительно] [*Ну, где там...*] *Нет, конечно*,— сказала Сомова. [— Мы венчаться хотели. [И до этого я] Вздохнув, она объяснила:

— Он, конечно, в бога не верил тоже, но любовь у нас была такая, что следовало венчаться. Такая любовь, что тре-

---

[1] ХПГ 23-1-1, 59860, *текст*: И вдруг — вообрази! ∾ Вот и все. — *на отдельном листе, авт. пагинация* 35-4 *красным карандашом, знак вставки — зеленым карандашом.*

[2] *Текст*: [[Лютов задремал ∾ не глядя на него]] — *продолжение текста, записанного на л. 35, стр. 1.*

бует торжественности... В Германию уехал,— сказала она, помолчав, и вся как-то сжалась, стала меньше]

Вздохнув, она обмякла, осела, у нее опустились плечи [*и голова*], *согнув шею*, [*она перебирала*] *перебирая пухленькими пальцами пряди косы* [*и*], *она говорила*: — [*Он... не из таких, он в бога не*] *В Германию уехал, а там его, через пять месяцев, на немке женили*. Очень ушибло меня это. Спасибо Лиде, что она вызвала меня к себе, а то бы я.....

— Что там делает [Лидия?] *Алина*? — спросил Клим после паузы. [— Развлекается?]

— [В Сорбонну ходит, философа какого-то слушает] Развлекается Алина... ой, какая она стала... отчаянная! Знаешь, вроде солдатки вдовы, есть такие в деревнях. [Почти страшная] А красива — неописуемо!

— Как все неудачно у меня, Клим,— вдруг сказала она вопросительно, с удивлением.— Сначала — Иноков, потом вот это, а? [*Даже в романах не бывает так, чтобы сестра влюблялась в брата...*

— В романах — бывает,— [*ска⟨зал⟩*] *ответил Самгин и прибавил: — В плохих.*]

Клим промолчал.

Пришли Фиона *и* Маракуев [и Поярков], одетый почему-то не в студенческую форму, а в рыжий пиджак, видимо, с чужого плеча, в черные брюки с заплатой на колене.

Через полчаса Клим увидал Сомову совершенно другим человеком. [Она, должно быть, не впервые [видела] встречала Маракуева, потому что [1 *нрзб.*] *Было ясно*, [*что она*], что она [уже] не впервые встречает Маракуева и что между ними уже образовались воинственные отношения. Она встретила его задорным *восклицанием*:

— Ох, [какой вы смешной, апостол правды и добра!] апостол правды и добра! — какой вы смешной.

А Маракуев, нахмурясь, неудачно и даже грубовато ответил ей французской пословицей:

— Rira bien, qui rira dernier.

И пока Фиона распоряжалась по хозяйству, между Сомовой и студентом уже [вскипел] закипел спор. Сомова как-то подтянулась, выпрямилась, потеряла сходство с курицей, оборочки и бантики на груди вздыбились, она смотрела на Маракуева, иронически [усм⟨ехаясь⟩] улыбаясь, и Климу смешно было слышать, что она, [упрекает студента в] только что омыв пухленькое лицо свое слезами, упрекает Маракуева:

— Это, голубчик мой, сентиментально.

И обратилась к Самгину:

— Что он у вас — всегда народу [акафисты] *молебны* служит? А вот я, Клим, откровенно говорю, не люблю я народ и не вижу как это можно — любить его? Любить можно только хорошее, а народ-то ведь не хорош.

— Ну, а *если так*,— кто же в этом виноват? — сердито спросил Маракуев.

— Не я,— ответила девушка, пристукнув кулаком.— Не я, конечно, [Они] а он сам, народ, потому что [мало хочет] малого *желает* и [плохо] *несильно* желает. Я знаю: мой долг разбудить в нем большие желания, это я знаю, но в этом нет [никакого] никакой романтики, а только сознание: мне, лично, будет лучше, если будут лучше вокруг меня. Вот и всё...

— Это тоже откуда-то из марксизма,— вставил Маракуев.

— Уж не знаю— откуда, да и знать не хочу, достаточно, что так чувствую. Я не марксистка, не народница, а человек, который решительно хочет [бы‹ть›] видеть людей лучшими. «Это — дело длинное»,— как говорил один мой знакомый, но это — мое дело!

Клим присматривался к ней с великим удивлением и [недовер‹ием›] готов был думать, что всё, что говорит Сомова, только сейчас пришло ей в голову. Но [для этого] она говорила слишком гладко и бойко. Он вспоминал ее плаксивой, кисленькой девчонкой, которая выдумывала странные игры, вспоминал ее отношение к Инокову, слезы, только что пролитые ею, и, все более недоумевая, думал:

«Как [стр‹анно›] неестественно изменяются люди.»

Разливая чай, Фиона [1] посматривала на свою квартирантку сквозь ресницы, молча и недружелюбно. Клим видал, что [она чем-то] Фиона [1] встревожена чем-то и нервничает, как человек, которому мешают сказать или сделать нечто важное для него.

Маракуев, навострив уши, сосредоточенно пил чай, его, видимо, смущал непривычный костюм, и вообще он был настроен необычно для него угрюмо. Никто не мешал Сомовой [говорить] *оживленно рассказывать* звонким и упрямым голоском.

— В деревне я чувствовала, что делаю работу ненужную моему хозяину, что он терпит меня, как ворону [и], сороку.

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

Мой хозяин — мужик, [полн‹остью›] безграмотный, но умный *и* очень хитрый, хороший актер и человек, который втайне чувствует себя значительнейшим на земле, первейшим работником. *Хозяин, он догадывается, что поставлен в ложное положение слуги всех господ.* Науке, которую я вколачиваю в головы его детей, он не верит. Он вообще — неверующий [ни в попа, ни в учителя], *и всякое* начальство он считает глупым [и]. Бога признает [по страху пред ним, но — не любит] *только как существо или силу, которая делает плохую и хорошую погоду,* [*но*] *он не любит бога, а погоду хотел бы делать сам.* В церковь ходит *из приличия и* по привычке, а душою молится в поле, глядя, как растет хлеб, посеянный им. Вот...

Закрыв глаза, Сомова помолчала минуту и потом, сложив руки на *высокой* груди, усмехнулась, поглядев на всех:

— Вот я расскажу вам историю...

[Клим рылся в памяти своей] [Климу] *Самгину* казалось, что [эта кругленькая женщина] *Сомова, такая простая и жалкая за час* [том‹у›] *пред этим*, говорит [о народе новым] *о народе новым тоном и* языком [незнако‹мым›]. *Он рылся* в памяти, [стара‹ясь›] искал: [кто] в какой книге *Сомова* могла [она] почерпнуть [такие] *эти еретические мысли?* Не может же быть, чтоб она сама выдумала их. По лицу Маракуева видно, что его тоже и удивляют и раздражают дерзости Сомовой.

— Помещицу Орловскую разбила лошадь. Ее без сознания принесли ко мне в школу. Это она же и построила [в селе] школу, больницу, завела небольшой конский завод для улучшения крестьянских лошадей, заводом пользовался почти весь уезд. *Землю свою сдавала в аренду на условиях, которые мужики* [*сами*] *считали выгодными для себя. Жила она аскетически просто, отчитывалась пред сходом* [1] *в трате арендных денег на улучшение больницы, школы и т. д.* Вообще она [была] очень культурный человек, с таким серьезным, вдумчивым отношением к мужикам. Я была уверена, что они ее любят, [они говорили мне] *некоторые называли ее* «Наша праведница». А самый умный и симпатичный человек в селе, Михайло Пименов, говорил мне: «У нее и сестра такая же, в [ссылк‹е›] Сибирь сослана была, *за народ радея*, там и скончалась. Она у нас — редкостная, такая, что, может быть, [одна] на всю Россию — одна». Он и привез ее с поля [ко

---

[1] *В автографе описка:* входом

мне] всю в крови, в [пыли] *грязи*, с мертвым лицом. Ужас.

Сомова зябко повела плечами, и ее круглое лицо болезненно сморщилось.

— «Надо ждать — помрет»,— сказал он и слизнул с губ своих улыбку, которая показалась мне нехорошей. Он такой красивый, спокойный, аккуратный. С чувством собственного достоинства. [Доктор был] Доктора в селе не было, уехал верст за восемь в деревню, там жестоко разыгрался дифтерит. Я попросила Михаила послать за ним верхового. Он ушел, Михаил. Собрались под окном мужики, бабы, соболезнуют.. Потом пришел [и] он и первым словом спросил: «Не померла еще?» И в продолжение почти трех часов несколько раз спрашивал: «Дышит? Неужто оживет?» И всё облизывался. А когда она померла, снял шапку, перекрестился и —сказал: «Ну, вот и готово!» И тотчас же начал говорить мужикам: «Она была здоровая, кабы не этот случай,— долго бы прожила. Теперь, братцы, держи ухо остро, мужишко ее [явится] должен явиться к наследству, [и надо] и нам нужно так его обойти, чтоб он землю нашему обществу продал». Затем,
л. 37 оказалось, что он послал сына своего за доктором на старой лошади, и я уверена, что он сделал это нарочно, из расчета, что доктор опоздает. А когда я сказала ему об этом, он ответил [мне]: «Зачем же хорошую лошадь зря гонять? Ведь я видел, что [она] Софья Кирилловна помирает».

— Какая гадость,— [тихо] *громко* сказала Фиона, *а Сомова, взглянув на нее, закончила* [*рассказ*] *повесть*:

— *Возненавидела я его, умника.*

После этого она стала грустной [и], вялой и вскоре ушла к себе в комнату, где жил дядя Хрисанф, не возразив на [ворчливые слова] ворчливое *замечание* Маракуева:

— Все это — естественно. Земля должна принадлежать мужику, и он это знает.

— Вы давно знакомы с нею? — тихо спросила Фиона Клима.

— С детства.

— Она очень... умная?

— Как [раз в меру] *видите*.

Маракуев провел ладонью по волосам и сказал угрюмо:

— [От марксизма черствеют] Черствеют люди *от марксизма*.

А когда Клим сказал ему, что Сомова едва ли марксистка, он проворчал:

— Не [оправдывайте] *смягчайте*. Я — вижу.

По дороге домой Самгин снова задумался: откуда Сомова взяла эти несродные ей мнения о народе.

[Он был] [*Мнения эти*] *Ее речи нарушали представление Клима о ней, и он был* совершенно уверен, что [эти мнения] *они* именно не сродны кругленькой девушке. [И было что-то неприят⟨ное⟩]. Было неприятно, что Сомова, свидетель детских *его* дней [его], вдруг явилась [да еще] и будет жить у Фионы [1]. [[Но он] *Это, конечно, Лидия устроила*]. *Он решил относиться к ней осторожно, встречаться нечасто, но* скоро убедился, что Сомова не [только] мешает ему и даже полезна. [Она [хлопотала о] хлопотала о пр⟨иеме⟩] Она как-то сразу вошла в жизнь Москвы, с утра до вечера шариком каталась по улицам, занятая хлопотами о приеме на [медици⟨нские⟩] курсы [Бестужева] *Герье*, а вечером тараторила, [сияя] восхищаясь:

— Какой сказочный город! [И до чего легко заплутаться в нем. Вчера я дважды прошла мимо переулка, который искала]. Идешь, идешь и вдруг почувствуешь себя, как во сне. И так легко заплутаться. Все улицы, переулки ведут не туда, куда [мне] тебе надобно. Клим! Лев Тихомиров — москвич? Не знаешь? Наверное — москвич.

— Почему это? — спросил Клим, забавляясь ее *веселой* болтовней.

— Я думаю, что москвичи — закоренелые консерваторы [от улиц] *и это* от запутанности города.

Он ей напомнил о Герцене, Кропоткине, но Сомова отмахнулась рукою:

— Обоих не люблю. Впрочем, ты и не возразил, они оба запутались.

— Ты сама уже запуталась: читаешь Михайловского и «Философию мистики» Дю-Преля.

— И Аллана Кордена читаю. Я, голубчик, хочу всё знать.

И [Восхищаясь] *снова* восхищалась:

— Какое богатство, какая красота! Идешь по улице и точно читаешь старинную книгу, перелистываешь страницы, и вдруг — Третьяковская галерея, великолепные картины...

[Татьяна] Фиона относилась к ней сухо, натянуто.

— Мне кажется, умные книги охлаждают душу женщины,— сказала она, Сомова тотчас же и бойко возразила:

— Это я читала у какого-то немца.

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

После этого [Фиона...[1] ска⟨зала⟩ мимоходом] нашла нужным предупредить Самгина:

— К тридцати годам она будет безобразно толстой.

[И] Климу *усмешливо* подумалось, что Фиона [1] как будто начинает ревновать. Она вела себя нервозно, все чаще говорила Маракуеву дерзости и украсила стены столовой [мрачными] репродукциями мрачных рисунков Саши Шнейдера, снимком с «Острова мертвых» Беклина.

А Сомова при каждой встрече с Климом рассказывала ему новости: в одном из студенческих кружков оказался шпион; в другом большинство членов перешло в марксисты; появился новый пропагандист, кажется,— нелегальный, очень интересный, немножко заикается, но говорит отлично.

— Познакомили меня с одним марксистом — замечательный! Вот — сила, я тебе скажу! — [Внезапно, как всегда бывают несчастия, из игры вышел Маракуев] [восклик⟨нула⟩] вполголоса рассказывала она, и светлые глаза ее счастливо блестели. [Вообще в ней неутомимо] Клим видел, что [она] в ней кипит детская радость жить, и хотя это казалось ему наивным, но он несколько завидовал ее уменью любоваться людьми, блеском снега на крышах, картинами, извозчиками и всем этим странным миром, в котором он [всё еще] не мог найти для себя достаточно определенного места.[2]

Как-то утром он пил чай, посматривая в окно на ослепительный блеск зимнего солнца [над крышами, одетыми], на крыши, одетые серебряным пухом снега, читал «Наш край»,— серый лист, густо обрызганный [дождем] черным шрифтом. Передовая статья редактора начиналась словами:

«В то время как успехи гигиены *и санитарии* на Западе»,— дальше в статье говорилось о плохом состоянии городских кладбищ. [Ино⟨гда⟩] Раза два, три Клим отметил, что редактор начинает статьи свои фразой, осмеянной еще в 70 годах:

— «В настоящее время, когда»

[Он хорошо знал все ходовые] Вообще газета [была] была серенькая, деловито скучная, и лишь [однажды Клим хорошо посмеялся, читая фельетон Робинзона, [весь составленный из ци⟨тат⟩] написанный с первого слова до последнего наиболее избитыми цитатами] изредка Клима *забавлял* Робинзон.

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

[2] *Текст*: в одном из студенческих кружков ∾ определенного места.— *перечеркнут красным карандашом.*

Один из его фельетонов был написан с первого слова до последнего избитыми *фразами и поговорками. Начат он был стихом* [*одной из басен*] *из басни Крылова*:

«Уж сколько раз твердили миру». Затем [стран⟨ная⟩ сот⟨ня⟩ [в сотне чужих строк] оканчивал⟨ась⟩] ловко подобранные [и наиболее], *наиболее любимые редактором* ходовые фразы [говорили], перечислив всё то, о чем твердили миру, заканчивались словами: «А Васька слушает да ест», и, наконец, последняя строка спрашивала редактора или цензора: «Ты этого хотел, Жорж Данден» [1].

После этого фельетона Робинзон стал писать вяло и печататься [*нечасто*] *редко.*

Самой интересной страницей газеты была четвертая. На ней Клим читал: «Музыкальная школа В. П. Самгиной объявляет...», «Техническая контора Т. С. Варавки», «Буксирное пароходство Т. С. Варавки», «Банкирская контора Т. С. Варавки...» [Дачная] «Управление дачами «Уют» Т. С. Варавки...»

«Завоевание Плассана»,— думал Клим, усмехаясь.

Кто-то *упрямо* в шестой раз публиковал о потерянной палке «с серебряным набалдашником в форме кулака». Шутливо думалось, что, может быть, в этом скрыта аллегория и что, вероятно, есть немало людей, которые искренне тоскуют о потерянной [дирижер⟨ской⟩] палке [о дубинке Петра Великого]. «Семейные бани И. П. Домогайлова сообщают что [у них введен] *в дворянском отделении устроен для мужчин* душ Шарко и ароматические ванны для дам»,— читал Клим, когда постучали в дверь, и, тотчас же открыв ее, на пороге встал Дьякон, ослепленно щурясь [и], нерешительным жестом снимая шапку. [Клим [вскочил] *тревожно встал* на ноги. Дьякон никогда еще не был] Клим тревожно [вск⟨очил⟩] встал, шагнул встречу гостю; [Дьякон [никогда еще не] впервые посетил его и по лицу его было видно] *Дьякон* [*никогда еще*] *впервые пришел к нему и по лицу его видно было*, что пришел он с недоброй вестью.

— Доброго здоровья,— пожелал [Дьякон очень низким тоном] он, Клим [пожимая его сухую ладонь] спросил тихо:

— Что-нибудь случилось?

— Да. Я — к вам, чтоб не тревожить барышень,— объяснил [он] Дьякон и, покачнувшись, приложил руку к затыл-

---

[1] *На полях помета в прямых скобках*: [по-французски] Tu a voulu.

ку. Лицо у него было больное, глаза воспалены; он сел на стул, [шумно] отдуваясь, [сморщив лицо] наморщив лоб.

— Арестован Маракуев? — догадался Клим.

— Нет. Ушибли его, вот что. Опасаюсь — нехорошо
л. 38 ушибли. По спине, знаете, *но* как-то уж очень ослаб он.

[Говорил Дьякон медленно и как бы сквозь сон.]

— Налейте-ко чаю мне,— попросил он, расстегивая поддевку на груди и снова тяжко отдуваясь. Затем он начал рассказывать, [очень тихо, но] *заботясь, чтоб* голос его гудел потише.

— [Мы трое: он, Дунаев и я в Серпухове были. Беседовали. Семнадцать человек слушало.] *Я с ним* [*трое суток*] в Серпухове был. Беседовал *он там с неофитами.*

Говорил он с паузами и так, точно ему очень трудно было вспоминать.

— Потом, [отп⟨равились⟩] пошли ночью к товарному поезду, и по дороге к вокзалу напали на нас [человек] *темные люди.* [Подговорили их, что ли] *Там некоторые остались недовольны* [*речами Маракуева*], а может, просто — озорство.

Дьякон, казалось, нарочно подбирает окающие слова, для того, чтоб речь была тяжелее, внушительней. [Это вызвало у Самгина]

— *Меня ударили* по темени, оглушили, упал. А — очнулся, Маракуев-то сидит, но встать не может, ноги не действуют. Я думал: отморозил, да ведь мороз не крепок был. Донес его до вокзала, дождались пассажирского, [И вот] *приехали сюда*, сдал в больницу. [Сказали] [*Говорю*, что неловко из вагона спрыгнул.]

[Рассказ] Он замолчал, грея руки о стакан чая, опустив голову, а Клим почувствовал себя успокоенным.

— Я думал — арестовали его.

— [Что ж — арестовали!] Арестуют, *полагаю*,— не звери. А тут...

И мотнув головою, Дьякон стал *большими глотками* пить чай. Климу захотелось знать подробности *случая*, но [гость, не ответив ему на несколько вопросов, сказал] *Дьякон сказал*:

— Что же [*тут*] рассказывать? Стыдно рассказывать-то. *Убеждал я его*: *не от себя*, *не от юности своей говорить следует*, *а от древних воплей души* [*общечеловеческой*] *человеческой. Но — самонадеян он и дразнил зверя неосторожно...*

[И] Вытянувшись во весь рост, крякнув, он [сказал] спросил:

— Так вы известите [барышень. Скорее] *барышню Фаину?*

Осторожно натянув картуз на голову и шагая к двери, он *мрачно* сказал [вор⟨чливо⟩]:

— Главное,— не жалуется он, что больно [ему... Не понимаю, говорит, что такое.]. Прощайте...

Ушел, но через несколько секунд снова отворилась дверь, он широко шагнул в комнату и, плотно прикрыв дверь, держась за ручку ее, сказал:

— По-моему, не надо говорить, что ушибли его, а будто он спрыгнул из вагона, упал и сам [уж] ушибся — а?

— Хорошо,— согласился Клим.

Когда его [длинная] *унылая*, темная фигура исчезла, в комнате снова стало празднично светло.

«Как отнесется к этому Фиона? — [думал] *соображал* Клим, [одеваясь. И решил] *выходя на улицу в бодрый холод и солнечный блеск.*— Конечно — трагически; вытянет шею во всю [ее] длину, выкатит глаза и станет кусать губы»,— решил он, хмурясь. [Он] И ошибся. Девушка отнеслась к его рассказу весьма спокойно и деловито, спросила адрес больницы и тотчас пошла одеваться.

— Вы меня проводите? — спросила она из-за двери.

— Не могу, лекция,— отказался Клим и пошел гулять по [ул⟨ицам⟩] городу, *среди домов*, нарядно [убранных] украшенных чистейшим снегом. Он [был] уже видел, что Фиона ревнует его к Сомовой и [даже] не пытается скрыть это, даже, как будто, и не хочет скрывать. Она похудела, ее зеленоватые глаза стали еще больше, тени легли под ними, а во взглядах ее Клим нередко замечал обиду на него, иногда — робость и всегда печаль. А однажды он [поймал во взгляде], поймав *в глазах* ее нечто зловещее [и], угрожающее, [и] *тревожно подумал*:

«[Как бы не устроила] Не устроила бы [ска⟨ндал⟩] какой-нибудь скандал...»

Она стала молчаливее, а в *резких* жестах ее явилось что-то [неверное] неуверенное и судорожное. Раньше она старалась ходить величественно, как героиня драмы по сцене, а теперь шагает порывисто и вообще как-то суетится. Иногда, после восторженных *и бойких* рассказов Сомовой о ее впечатлениях, Фионой овладевало настроение веселого отчаяния, она тоже *почти талантливо* рассказывала анекдоты о школе, о театре, [интригах кулис, почти талантливо] интригах актрис и актеров [и их невежестве] *и, нараспев, металлическим голосом*, декламировала модные стихи. В [так⟨ие⟩] такие минуты Кли-

му *уже* казалось, что она [хочет соблазнить его, раз⟨деваясь?⟩] извивается пред ним голая, но это не возбуждало в нем вожделения, нет, ложась под ноги его, она будила в нем [желание иного порядка] *настроение, очень возвышавшее* его в своих глазах. Наблюдая ее волнение, не свойственную ей робость, неожиданные переходы от радости, вызванной его ласковой улыбкой, к угрюмой и озлобленной печали, которую он легко вызывал небрежным или насмешливым словом, Самгин чувствовал, что в любую минуту легко может овладеть ею [но он не соблазнялся этим]. *Ему становилось неловко, тревожно с этой* девушкой, но игра все более увлекала его и отойти от Фионы он уже не хотел. Власть над девушкой несколько опьяняла его, но он не соблазнялся, сам не зная — почему? Иногда он думал, что мешает Лидия. [Но гораздо больше] Он очень любовался своей сдержанностью, но, в тоже время, [она] эта сдержанность смущала его, требуя объяснения.

Загадок он не любил и [довольно] весьма быстро утвердился в мысли, что женщины обманули его; каждая из трех возбуждала надежду на неиспытанное счастье, и ни одна не оправдала этой надежды. Это опустошило, охладило его.

— «Да, конечно,— так».

И на этом он [временно] успокоился бы, но мешала Сомова. Как-то, идя с ним из театра, она вдруг [сказала] *спросила*:

— Ты, что же, не видишь, что по тебе девушка сохнет?

— Невозможно любить всех девушек, которые сохнут,— солидно, но не подумав, ответил Клим.

— Хвастун,— сказала Сомова, вздохнув, *и этот вздох заставил Самгина в десятый раз соображать*: [[*знает или не знает Сомова*] *рассказала или нет Лидия*] *рассказала ей Лидия о нем*?

[Она] *Сомова* вообще мешала; присматривалась к нему вопросительно, как бы вспоминая что-то, сравнивая, не узнавая его. Чувствуя это, Клим держался с нею все более осторожно и суховато.

Вечером он снова зашел к Фионе и узнал, что ушиб Маракуева очень серьезен.

— Доктор сказал: придется полежать [1]. *Он очень страдает, Маракуев.*

Фиона сказала это озабоченно, но [не волнуясь] [без

---

[1] *Текст*: сравнивая, не узнавая его ∾ придется полежать — *перечеркнут красным карандашом.*

волнения, сочувствия] сострадания в ее словах Клим не услышал.

— «Животное» — подумал он.

А Сомова, размахивая синим бланком телеграммы, объявила с восторгом:

— Лида с Алиной приезжают!

Самгин с недоверием к себе почувствовал тревогу, похожую на радость, [и нужно было] и тотчас же [позабыл], позабыв о Маракуеве [Фионе], о Сомовой, [и ушел] [и последо⟨вал⟩] *через несколько минут ушел*, не желая, чтоб его волнение было замечено.

«Чепуха» — думал он, медленно шагая по узкому переулку от фонаря к фонарю. Ночь [была] лунная, [синевато] *голубовато* и золотисто сиял снег, *огни* фонарей были совершенно лишними. [И волнение, испытываемое Климом] Клим находил, что и волнение [испытываемое] его тоже излишне. Даже как будто унизительно.

«Радоваться — нечему. Прежние отношения между нами не возобновятся. Да я и не хочу этого. Немного радости дала она мне». [И все-таки эта] *Вдруг [вспыхнула] вспыхнул тревожный вопрос*:

«А что, если она [беременная] беременна?»

Но вопрос этот тотчас исчез, а беспокойная, неуверенная радость жила в нем [трое] четверо суток, а на пятые утром он стоял на перроне вокзала [и], с досадой чувствуя, что нервы у него неестественно приподняты [и], что он не знает, как нужно вести себя с Лидией, *и боится, что Сомова заметит его нелепое настроение. [Фиона занята была в школе] Фиона [была] сдавала в школе какой-то экзамен и не пошла на вокзал.*

Через [час] некоторое время он сидел [за чаем] в номере гостиницы, невольно любуясь Алиной, и только тут восстановил в памяти подробности встречи.

Алина еще на вокзале поразила его, когда она, стоя на ступени вагона, сердитым взглядом осматривая публику,
л. 39 закричала громко и властно:

— Носильщик! Вы — ослепли?

В черном [суконно⟨м⟩] широком пальто, похожем на плащ моряка-офицера, в шляпе, поля которой были задорно изогнуты, с тростью в руке, она имела вид [воительницы] победоносный, великолепное лицо ее [было] было гневно нахмурено. Мужчины смотрели на нее удивленно и почтительно, без той игривости в глазах, с которой они смотрят

на женщину, просто и только красивую [1]. Алина была величественно красива, в течение каких-то секунд Клим тоже смотрел [на нее] в лицо ее с почтительным изумлением

Она поздоровалась с ним зачем-то на французском языке и, точно носильщику, сунула ему в руки тяжелый несессер. За нею, *точно горничная девушка*, стояла, неясно, неопределенно улыбаясь Лидия, маленькая рядом с нею, тонкая и тусклая, в какой-то неприятно рыжей шубке и в *котиковой* шапочке. [Это сразу же привело и как-то странно] Целуя ее руку, Клим пытливо взглянул на живот [и облегченно улыбнулся]— фигурка Лидии [была] все так же девически стройна.

— [Не изменился] *Здравствуй*,— сказала она очень тихо [Не выразив радости, не улыбнувшись темными глазами] *и безрадостно*. В темных глазах ее Клим увидел [в них] только усталость.

[*В гостинице, в комнате рядом с Алиной,*— [*она и*] *Сомова и Лидия* [*тотчас же*] *немедленно и торопливо начали* [*вскрывать*] *открывать чемоданы, разговаривая вполголоса*]. *В гостинице, покрикивая так же громко, как на вокзале, Алина приказала старику лакею*:

— *Дедушка — самовар! И — закусить — побольше, по-русски, по-купечески. Сообрази: почти два года за границей жила!*

— *Понимаю,— сказал старик, глядя на нее отечески радостно.*

Лидия заняла комнату, соседнюю с Алиной, и в открытую дверь Клим видел, что она и Сомова, разговаривая вполголоса, немедленно и торопливо начали открывать чемоданы.

«Наверное, привезла для Сомовой литературу эмигрантов»,— сообразил Клим.

Теперь Алина сидела у стола, одетая в дорожный костюм стального цвета, с распущенными по спине и плечам волосами, [она жевала калач, намазанный] *намазывала теплый* калач икрою и говорила [с набитым ртом]:

— О родина! О калачи! Икра! И рыбная солянка с капорцами!

От нее не осталось почти ничего, что напоминало бы девушку, какой она была полтора года тому назад, девушку, которая так бережно и гордо носила по земле свою красоту.

---

[1] Фраза отмечена в рукописи прямыми скобками красным карандашом.

Красота стала пышнее, ослепительнее [и приняла вызывающий характер. Жесты Алины порывисты, небрежны, под голубым шелком подкладки рукавов блестит очень белая кожа рук, шея двигается резко, рывками, карие глаза ее сверкают дерзко, голос звучит слишком сильно], *движения тела Алины приобрели ленивую и небрежную грацию. Было сразу понятно, что эта женщина хо⟨рошо⟩ знает: чтобы она ни сделала, всё будет [хорошо] красиво. В сиреневом* шёлке подкладки рукавов блестела кожа [ее] холеных рук, [точеная шея изгибалась, [с как⟨ой-то⟩] глаза ее улыбались весело и дерзко, голос звучал слишком сильно] и, несмотря на [лень] медленность ее движений, было в них что-то размашистое [и], дерзкое. Карие глаза улыбались тоже дерзко и насмешливо.

— Люблю есть,— говорила она с набитым ртом.— Французы не едят, они — фокусничают. У них — везде фокусы, *в стихах*, в [л⟨юбви⟩] одежде, в любви.

[Голос] Ее сильный голос казался Климу огрубевшим и [как-то] огрублял слова. [Вошла] *Явилась* Сомова с тяжелым свертком в руках, *Лидия плотно закрыла дверь за нею.* Быстро и молча [выпила] выпив чашку чая, [и побежала куда-то] Сомова исчезла.

— Через часок — ворочусь.— [Лидия плотно закрыла дверь]. А Телепнева спросила:

— Не знаешь, где Туробоев?

И через несколько минут рассказывала, не переставая есть.

— Уже в конце *первого* месяца он вошел ко мне ночью, в нижнем белье, с сигарой в зубах. Я сказала, что не люблю сигар.

— «Разве?» — удивился он, а сигару не погасил. С этого и началось.

Выпив рюмку рябиновой водки и вкусно облизав яркие губы, она продолжала, *тщательно* накладывая ломти семги на кусок калача:

— Вообразить не могла, что среди вашего брата есть такие... [монстры] *милые* уроды. Он перелистывает людей, точно книги. «Когда же мы обвенчаемся?» — спросила я. Страшно удивился: «Помилуй, говорит, какой же я муж, семьянин?» *И я сразу поняла, что ведь это верно: какой он муж? А он — еще: «Да и ты — тоже, разве ты для семейной жизни?» И это верно, думаю. Поплакала.* Среди своих [знако⟨мых⟩] друзей он поставил меня так, что один из них,

нефтяник, богач, предложил мне ехать с ним в Париж. Я тогда еще дурой была, не сразу раскусила, что это значит, потом — обиделась, пожаловалась Игорю. Пожал плечами: «Ну что ж? Хам!» И утешил: «В Париж, говорит, [я свезу тебя] ты со мной поедешь, когда получу деньги за землю». А на другой день ездил с ним верхом. Я еще поплакала. А потом — глаза [мн‹е›] жалко стало. Нет, думаю, плакать не следует.

Перестав жевать, она задумалась на минуту, глядя через голову Клима.

Вошла Лидия в каком-то темненьком балахоне, подпоясанном оранжевым кушаком. Волосы у нее были влажные, смуглое лицо разгорелось докрасна, [молча взяв ча‹шку›], а в зубах — папироса. Морщась от дыма, она взяла чашку чая [и], села [в кр‹есло›] на диван, попробовала чай и, вылив его в полоскательницу, сказала:

— Налей горячего и покрепче.

— Но все-таки — порода! — [вдруг и] [*Наливая чай*] *вдруг и с* удовольствием сказала Алина.— Все эти купчишки [знакомые], *богачи* — боялись его и слушались. Он их учил прилично жить: прилично пить, есть, одеваться, говорить,— говорила она, наливая чай.

Рядом с нею Лидия была так жалобно незначительна, что Самгин почувствовал обиду за себя.

«Что я в ней нашел?»

Чувствовал он себя неловко, Лидия держалась, как чужая, ее молчание смущало.

«Ни о чем не спрашивает, но, разумеется, заряжена вопросами».

Перекинув тяжелые пряди волос [за [спин‹у› [плечи] *на грудь себе*, Алина говорила:

— Подружилась я с француженкой, опереточная актриса, рыжая, злая, распутная. На нее тратят большие деньги. Умница. Она сказала мне: «От нас, женщин, немногого хотят, и поэтому все мы нищие». Ах, это верно! Ведь — верно, Лидуша?

Лидия ответила неопределенной улыбкой, и это не понравилось Климу.

«Держится, как приживалка».

Он смутно сознавал, что [торопит‹ся›] *спешит* настроить себя против Лидии [воору‹жить›] и что спешить вооружить себя [против] ему нужно. *Она, закурив новую папиросу, полулежала на диване, глядя в окно,* [*правая бровь ее шеве-*

лилась] *высоко подняв брови. Раза два Клим поймал* [*на себе ее за*⟨*думчивый ?*⟩] *ее взгляд на своем лице, и ему* [*почудилось, что*] *почудился в этом взгляде неприязненный дымок.* А красота Алины казалась ему уже наглой и вызывающей.

Алина заплела косу и заплетала другую, [говоря] рассказывая:

— Один купчик рассказал мне *такую* историю: старик, богач, тоже купец, [сказал] *сболтнул* кому-то, что если б красавица губернаторша показала ему себя нагой, он бы не пожалел пятидесяти тысяч. Губернаторша, узнав об этом, согласилась показать себя, но только он должен был смотреть на нее в замочную скважину. Он посмотрел, стоя на коленях, заплатил деньги, а потом, встретив губернаторшу глаз на глаз, сказал, кланяясь в пояс ей: «Простите, ради Христа, дерзость мою, ваше превосходительство, а красота ваша воистину божеская, и благодарен я богу, что видел эдакое чудо».

Шумно вздохнув, забросив косы на спину, Алина сказала:

— Наверное это — неправда! Но — вот с таким бы человеком встретиться и жить! [1]

— Скучно будет,— сказал Клим, усмехаясь.

— Много ли вы понимаете! — сердито вскричала Алина.

Самгину хотелось ответить ей веско и умно, но он был в мелких мыслях, они мелькали, как мухи, перегоняя одна другую, и [он] Клим не [находил] веских слов.

л. 40 Шумно влетела Фиона, бросилась к Лидии, долго обнимала, целовала ее, а потом, смерив Алину глазами, крикнула с восхищением:

— Боже, какая красота! По рассказам Лиды я знала, что вы — красавица, но — так!

Она разбрасывала по комнате одежду свою, тетрадки, книги, муфту, и в ее суете Клим ясно видел то наигранное и фальшивое, от чего он почти уже отвык за последнее время.

— До вас даже дотронуться страшно,— кричала она, схватив руки Алины и встряхивая их.— Каково же мужчинам? — выпустив руки, спросила она.

Алина, проглотив какое-то слово, нехорошо усмехнулась, Самгин тоже усмехнулся в ответ ей и стал наблюдать за Лидией и Фионой. Обнявшись, они сели на диван, и было

---

[1] *Текст*: А красота Алины ∾ жить! — *перечеркнут синим карандашом.*

ясно, что Лидия искренне рада встрече с подругой, а Фиона уже плакала от радости, сжимая ладонями щеки Лидии и глядя в глаза ее.

— Милуша! Цыганочка...

— «Как они видят друг друга?» — спрашивал себя Клим. Алина мешала ему.

— Предлагают поступить в оперетку, но у меня нет слуха. Поступать? Советуй!

— Право — не знаю,— сказал Клим, пожав плечами.

— Кажется,— поступлю. «Родилась, так — живи!», как говорила моя француженка. И она же сказала в одном интервью, что «женской красоте — одно место: на сцене».

Она встала, бесцеремонно уселась на диван рядом с подругами, и те сразу потускнели. [Чувствуя себя лишним, Клим подошел к окну. Внизу — каменная стена Китай-города с кучами битого кирпича и мусора, присыпанного снегом] В коридоре хлопали двери, торопливо бегали лакеи, дребезжала посуда, шаркала щетка, а в комнате все оживленнее звучали [три] голоса подруг, и, казалось, что они говорят [на чужо‹м›] [*языком*] условным языком *и* не о том, [что] о *чем* думают.

— Серьезно относятся к женщине только социалисты,— [очень] как-то внезапно и нелепо сказала Фиона.

Клим усмехнулся. Стоя у окна, он писал пальцем [арабески] по запотевшему стеклу: «Осторожно. Осторожно» — и сквозь рисунок [букв] букв смотрел на кучи домов, [на] луковицы церквей, присыпанные снегом, на кресты, бережно окутанные пуховой ватой.

— В Крыму [я видела одно социалиста] *был один* социалист,— говорила Алина. —Он ходил босиком, в парусиновой рубахе без пояса, с расстегнутым воротом; лицо у него было детское, хотя — с бородкой, [а тело] детское и обезьянье. Он возил воду *в бочке* одной старушке, толстовке, хорошо пел песни, а на себя смотрел, как мальчишка на пряник.

— Удивительно чистый и честный,— вставила Лидия.

Клим [чувствовал], *чувствуя* себя лишним, взял фуражку, [и [спросил] *сказал* Лидии:

— Мы увидимся?

[— Не сегодня,— сказала она.— Я так устал‹а›]

Ответила Алина:

— Приходи вечером и [сведешь нас] *пойдем* куда-нибудь, где весело.

— Нет,— сказала Лидия,— я не пойду [никуда, я так]. Я завтра же — домой, я так утомлена.

Кладя]

— Вам, вероятно, следует отдохнуть...

[— Вечером [ты придешь? — спросила Алина] [приходи] придешь,— спросила Алина, а] Лидия протянула ему руку молча, а когда Фиона спросила:

— Мне тоже уйти? — она, обняв ее, сказала:

— Нет.

[Телепнева пригласила его]

— Ты придешь вечером? — спросила Алина, ласково похлопывая [его] по руке его теплой, душистой ладонью. *Было неприятно подметить, что зеленоватые глаза Фионы провожают его с какой-то беспокойной радостью.*

Он ушел, оскорбленный равнодушием Лидии, [находя в нем] в котором подозревал нечто демонстративное. И вообще Лидия вызвала в нем настроение угнетающее [и], почти враждебное. Ему казалось, что он ждал: Париж [повлияет на нее оздоровляюще, [сделает ее более] поможет ей [быть] стать женщиной] сделает ее более простой, нормальной женщиной, и, если даже несколько развратит ее, так это было бы только в пользу ей. Но, видно, ничего подобного не случилось, и Лидия все еще смотрит [на жизнь] глазами ночной птицы.

«Завтра я решительно поговорю с ней,— додумался он, хотя не мог с достаточной ясностью представить, о чем же будет он говорить.— Нельзя разрывать связь [по] так... необоснованно, как это сделала она».

[Но] Вечером он не пошел в гостиницу, а явился утром, и [узнал, что] *Алина* сказала ему, что Лидия уехала в Троице-Сергиевскую лавру. [Одетая в] Пышно одетая, [шумя] шелестя шелком рукавов, Алина сидела перед зеркалом, подпиливая ногти, и небрежным тоном говорила:

— У нее, точно у ребенка, постоянно неожиданные решения, говорила мне, что ты сделал ей предложение? Смотри — это будет трудная жена. Она все ищет необыкновенных людей. А люди, милый мой, как собаки, породы — разные, а привычки у всех одни.

— Странно слышать такие афоризмы из твоих уст,— сказал Клим сердито и насмешливо.

— Почему — странно? Я — не глупа, вижу.

Бросив пилку в открытый несессер, она стала [при‹чесываться›?] делать прическу. Клим обратил внимание на

ее вещи,— все это были *вещи* дорогие, изящные. И чемоданов много.

— «Откуда все это?»

— А что Лютов? — вдруг спросила Алина.

[С некоторым злорадством] *Не без злорадства* Клим рассказал ей о том, как Лютов пьянствовал, [как] о его революционных знакомствах, о встрече с Туробоевым. Алина выслушала его молча, занятая своими волосами, ловко и красиво укладывая их на голове, а сделав это [сказала] предложила:

— Погуляем?

— Не жалко тебе человека? — спросил Клим.

— Что-о? — удивленно взглянув на него, протянула она.— За что же? У него — своя неудача, у меня — своя. [Пошли?]

На улице она [вд‹руг›] стала выше ростом и пошла на людей ровным шагом, гордо подняв голову, раскачивая бедрами. В ее воинственной заносчивости Клим увидел что-то смешное, развеселился и перестал думать о Лидии. Приятно было идти [рядом] под руку с женщиной, на которую все мужчины и даже извозчики смотрят с восхищением, а женщины — враждебно [1]. День был тоже веселый, ласково светило солнце, все деревья расцвели белыми цветами, в [синем] небе замирали *мелкие* курчавые облака из страусовых перьев, такие же перья покачивались на шляпе Алины. Говорила она громко, точно в комнате у себя, и этим еще более привлекала внимание.

— Хочу есть,— заявила она через полчаса.

Клим привел ее в «Эрмитаж», там она выбрала стол среди зала на самом видном месте, а когда [метр] лакей подал [ей]
л. 41 карту,— сказала ему с обаятельнейшей улыбкой: [2]

— Нет, друг мой! Вы угостите меня по вашему вкусу, по-московски.

И объяснила Климу:

— Я и в Париже — так, скажешь человеку: нуте-ка, покажите себя. Ему — лестно, он и постарается. Это — во всем

[1] *После*: враждебно — *знак вставки красным карандашом*; *вставка отсутствует*.

[2] *Сверху листа зачеркнуты семь строк*: злое раздражение. Злился он на Лидию, а проповедь Диомидова даже нравилась ему, но когда Лидия тихо спросила;

— Что же делать?

— Сажать проповедников такой чепухи в [сумас‹шедший›дом] санаторий для душевнобольных,— резко сказал он.

Клим разрешил себе спросить игривым тоном:

— И — в любви?

— И в любви,— совершенно серьезно ответила Алина, но затем, насмешливо оскалив великолепные зубы, прищурясь, сказала потише:

— Ты, конечно, замечаешь во мне кое-что кокоточное, да? Так, для ясности, я тебе скажу: только [ко⟨котки⟩] парижские кокотки и умеют жить. Вот. И — чёрт вас всех побери, мои милые,— шёпотом окончила она; в глазах ее вспыхнул гневный огонек.

— Я... не моралист,— сказал Самгин.

Он желал быть приятным ей, [но не потому, что она будила в нем чувство вожделения] потому что ее красота и [*вызывающее*] *настроение ее* подавляли и даже пугали его. Указав на свое сходство с кокоткой, она опередила его мысль и усилила в нем ощущение опасности. Она посматривала на людей в зале, [прищурив глаза, как человек готовый на скандал] *вызывающе* прищурясь, это заставило Клима подумать, что [она] ей, должно быть, знакомы скандалы, и она не боится их. *Очень стесняло внимание, возбужденное ею, казалось, что все смотрят только на нее и вслушиваются в ее слова.*

Когда принесли два подноса различной еды, на тарелках, на сковородах, в сотейниках, она, посмотрев на все взглядом знатока, сказала, улыбаясь, лакею:

— Браво! Вы скоро будете метр-д-отелем.

А лакей, тоже очарованно улыбаясь, спрашивал тихонько, [и по⟨чтительно?⟩] тоном соучастника, почтительно выгнув спину:

— Разрешите рекомендовать померанцевую водочку — отличная! И — красненькое, бордо, очень тонкое, старенькое-с?

— Люблю лакеев,— сказала Алина.— Теперь только они умеют служить женщине рыцарски...

И, подмигнув, добавила:

— Когда чувствуют, что женщина щедра и хорошо дает на чай.

Самгин любезно засмеялся, а она спросила:

— Где Макаров?

— Согласись, что переход от лакеев к Макарову...

— Не от лакеев, а от рыцарей,— поправила Алина.— Где он?

— Учится. Живет у Лютова. Я редко вижу его.

— Почему?

— Скучно с ним.

— А ему с тобой?

— Не знаю. Вероятно,— тоже скучно.

Алина стала углубленно насыщаться, а Клим подумал, что он еще не видел человека, который ел бы так изящно и с таким наслаждением.

— «Какие у нее ловкие и легкие руки. И умный рот».

Показалось, что, когда она принялась есть, все в зале тоже дружно заработали ножами и вилками, а до этого было тихо. Насытясь, выпив две рюмки зеленоватой водки и два стакана вина, она взглянула на часы и, нахмурясь, заторопилась.

— Ой, мне пора! Кофе — не хочу. Еду рассуждать о моем будущем. Вечером — придешь? Лидия, кажется, ночует там, в Лавре.

Встала и, высоко подняв голову, выгнув грудь, подошла к зеркалу, провожаемая взглядами мужчин. Клим, проводив ее, вернулся к столу платить по счету, к нему подошел кругленький, весь новенький и сильно раскрасневшийся Тагильский.

— Что это за чудовище красоты? — спросил он крикливо, не твердым голосом.

Клим взглянул в сторону, откуда явился Тагильский; там за столиком сидели еще двое таких же новеньких, офицер Сумского полка и черный тонконогий человек с большим животом.

— Из Парижа? О! Это сразу видно,— говорил Тагильский, причмокивая, а глаза его туманно улыбались.

Клим поторопился уйти. Несколько охмелев от вкусной пищи и вина, он пошел пешком, думая, что жениться на Алине мог бы только человек очень богатый, очень самонадеянный и глупый. Или человек сильного характера, который сразу взял бы ее в ежовые рукавицы. А вообще трудно и даже как-то жалко представить Алину женою, матерью [1].

«Нет, как она нянчилась со своей красотою! И вот...»

Он усмехнулся. Затем попробовал заставить себя подумать о Лидии, но о ней не думалось.

«Зайду к [Фионе] [2], она, вероятно, расскажет что-нибудь...»

---

[1] *Текст*: что жениться ∽ матерью — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

На Тверском бульваре он встретил знакомую Лютова, женщину с этой памятно странной, как бы насильственной улыбкой. Она как будто именно так улыбнулась ему и сейчас, но, когда Самгин вежливо приподнял фуражку, она посмотрела на него с удивлением.

— «Неужели я ошибся?» — спросил он себя, оглядываясь на женщину, траурно одетую в черное. Солнце уже опустилось низко, розовел снег на крышах, и быстро шагавшая женщина была резко подчеркнута [вечерним освещением] белыми ветвями деревьев, сугробами снега по бокам деревьев. Бульвар вдруг напомнил аллею кладбища.

«Конечно, это она,— решил Клим.— Конспирирует. Глупо».

Он почувствовал себя оскорбленным, [когда] войдя в [комнату] столовую Фионы и увидав там Лидию, а против нее — Диомидова.

— Да, да! — не своим голосом покрикивал Диомидов.— [Вы] *Это* ваша вина...

Сидел он, навалясь грудью на стол, и, простирая руки к Лидии, разводил ими по столу, пальцы его шевелились судорожно, он сгребал что-то в кучу, расшвыривал по столу, снова сгребал, скатерть морщилась, образуя складки, и Диомидов как будто месил тесто. Лидия сидела [напротив] против его, откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди, лицо ее в сумраке казалось очень темным.

[— А мне Алина сказала, что ты...— громко и обиженно начал Клим] Диомидов [обер⟨нулся⟩] [быстро обернулся к нему] сунул холодную руку и тотчас же торопливо выдернул ее, а Лидия [сказала], сказав:

— [Не мешай...] *Здравствуй.*— И движением локтя указала на диван. [—Сядь там.]

Снова двигая руками, пощипывая скатерть, Диомидов продолжал вполголоса, торопливо и заглатывая слова:

— Этот, Макаров ваш,— что же он? Я с ним спорил, я вижу,— он вам покорствует, он правду понимает, а говорит все наоборот. [Людей, которые покорствуют [вам] женщинам, истреблять надо за то, что они, в угоду вам, пустяками всю жизнь засорили, так что никакой духовной жизни нет, [а] и все для плоти]

л. 42 В углу дивана, почти невидимая, поджав под себя ноги, сидела Фиона, на коленях у нее коробка шоколадных конфект; сложив пальцы щипчиками, она взяла конфекту и поднесла ее ко рту Самгина, сказав шёпотом:

— Осторожнее, она с ликером.

Клим, тоже шёпотом, спросил:

— Как это он узнал?

[— Что узнал? — невинно

— Вы понимаете]

[Фиона] [1], изогнув шею, как птица, заглянула в глаза Клима [сказала]:

— Она просила пригласить его. А — что?

Самгин не взял шоколад и отодвинулся от Фионы, вслушиваясь в кипящие слова Диомидова.

— Людей, которые покорствуют женщинам, истреблять надо за то, что они, в угоду вам, пустяками захламили, засорили всю жизнь, так что никакой духовной жизни и нет, а только стишки да романы, и все для возбуждения плотской ярости...

— Какая чепуха! Слушать тошно,— сказала Фиона очень спокойно.

— Вовсе не чепуха, а — правда,— возразил Диомидов, ударив по столу обеими ладонями.— Это конфетки ваши — чепуха!

— Подожди, [Фиона] *Варя*,— попросила Лидия.

— Но, Лида,— досадно же! Как это — нет духовной жизни? А — искусство..?

— Ничего не знаете,— крикнул Диомидов.— Пророка Еноха почитали бы, у него сказано, что [искусства разные] искусствам разным дочери человеческие от падших ангелов научились, а — падшие-то ангелы — кто? Дьяволы...

Теперь Клим видел лицо Диомидова, сероватое в сумраке, видел его холодно синеватые глаза, сверкавшие ожесточенно, трепет губ и дрожь белокурых усов. Тускло блестели кудри обильно смазанные чем-то, их разделял глубокий пробор, и голова Диомидова казалась расколотой на двое. Он одет в чесунчевую рубаху-косоворотку, весь вымыт, выглажен и даже [как будто] стал как будто еще более плоскогрудым. Он все судорожно шевелил руками, то сжимая пальцы в кулаки, то взвешивая что-то на ладонях. Эти бессильно ползавшие руки особенно раздражали Самгина.

— Совсем безумный,— шепнула Фиона и спросила громко: — Зажечь лампу?

— Нет,— *быстро* ответила Лидия, и после этого в ком-

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

нате стало еще темней. Голос Диомидова звучал все более ожесточенно и настойчиво.

— Да, кроме плотских прелестей своих, пользуетесь вы также для соблазна [мужей] мужей трудной жизни искусствами этими, которые есть великая ложь, и фальшь, и перец для возбуждения плоти. От вас, покорных рабынь гибельного демона, все зло жизни и суета ее, и пыль словесная, и грязь, и преступность, все — от вас! Всякое тление души и горестная смерть *ее*, и бунты, революции, халдейство и хамство и всяческое иезуитство, все это для угашения духа, потому что дух есть враг Дьявола.

Он подскочил на стуле, ударив о стол обеими руками, и Лидия, сидевшая неподвижно, сильно вздрогнула. [Она слушала так, точно ее не было в комнате, и хотя [ли‹цо›]] Клим не видел лица ее [[но знал, что] [Иногда] *узенькая спина ее* [*выпрямлялась*] *выпрямилась, а плечи* [*подавались*] *подались вперед так, будто она пыталась сложить плечо с плечом, закрыться, точно книга.* [Она смотрит на проповедника знакомым ему взглядом, обращенным внутрь]. Иногда узенькая спина ее *сгибалась*, [*а* острые плечи вздрагивали] и она тихонько двигала ногами, как будто пыталась встать] и не мог представить, какими глазами смотрит она на проповедника. Вспомнилось, что когда он говорил с нею поучительно, ее [лицо каменело и взгляд обраща‹лся›] глаза недоверчиво расширялись, а лицо становилось упрямым и не умным.

Фиона неутомимо кушала шоколад: прокусывая в конфекте дырочку, она шумно всасывала ликер, затем, тщательно облизав губы [языком], вытирала их платочком [и снова *лицо* у нее было довольное, лицо человека, удачно устрои‹вшего?›]. На лице ее застыло *сосредоточенное* выражение удовольствия, [но] но Самгин подозревал, что она [скромно] наслаждается [не] *не столько* шоколадом, [а спектаклем, который, наверное, она] сколько тем, что он, Клим, присутствует при свидании Лидии с Диомидовым.

«[Хитрая бестия] Бестия»,— думал он, *искоса посматривая на нее*, вслушиваясь в задыхающийся голос проповедника, а тот, встряхивая расколотой головою, [тиская] *ловя* пальцами воздух, говорил:

— Сосчитайте-ка, сколько фабрик, сколько тысяч народу работает пустяковину для вас: шпильки, булавки, духи, зеркала, ленты всякие, кольца, серьги, шляпки — дряням этим счету нет! Мужчине шпильки не надобны, мужчина — простодушен, он [душой красив] любит только душу укра-

шать, [любит, а вы] это вы научили его фраки носить, да цилиндры и перчатки, все вы[1]! *От Евы начиная, развращаете вы людей, да! Отцом-то Каина* [*может*] *Дьявол был...*

Он задохнулся, снова привскочил [*на стуле*] *и, опираясь руками о стол, сказал почти с ужасом, выкатив глаза*:

— *Авель-то в раю был зачат, а Каин — на земле от Дьявола. Вот оно! Затем и зачат, чтоб райскому* [*брату*] *человеку дать земного врага...*

Он, видимо, только сейчас сделал это открытие, и сам был поражен им [*до немоты*][2].

[Противно] [Самгин] *Он* злился на Фиону, еще более злила его Лидия [своим] покорным безмолвием и угнетенной позой. *Второй раз видел он Лидию, было в ней что-то отчужденное и неосязаемое*[3]. Проповедь Диомидова даже нравилась ему. Но когда, после нескольких секунд напряженного молчания, Лидия тихо поднялась, отошла к печке и спросила оттуда:

— Что же делать? — Клим вдруг заговорил насмешливо и громко.

— Я бы предложил [начать] сначала [выс⟨елить⟩] собрать всех проповедников и поселить их на необитаемом острове, пусть они там поспорят друг с другом и установят, наконец, какую-нибудь единообразную истину[4].

Фиона, усмехаясь, сказала, что это очень остроумно и практично, Лидия, спрятав руки за спину, покачивалась из стороны в сторону на фоне белых изразцов. Диомидов сидел, опустив голову, пощипывая скатерть.

— Невероятно много разродилось проповедников,— говорил Клим, вытянув ноги, спрятав руки в карманы.

— О да [*кричат, кричат*],— согласилась Фиона и, толкнув его локтем, спрыгнула с дивана, зажгла на столе пред Диомидовым лампу [он взглянул на нее и сказал тихонько] и сказала, позевнув:

— Кричат, кричат, а сами — живут как все, и [также] чувствуют, как все.

— Нет, я против всех,— пробормотал Диомидов, не

---

[1] *Текст*: Сосчитайте-ка ∽ все вы — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *После этой фразы знак вставки и помета красным карандашом*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует.*

[3] *Фраза перечеркнута синим карандашом.*

[4] *Первоначальный вариант этой фразы написан и зачеркнут на* л. 41, см. Варианты, т. VIII, кн. 2.

поднимая головы.— Я — против. Когда люди сбиты в кучу — это страшно. А почему сбиты в кучи, в города? Всё — для вас. В городах женщинам приятнее жить — магазины, театры, музыка. Мужчина, когда ему скучно, на охоту идет, рыбу удит, *звезды считает*, а вы — в магазины. Мужчина музыку сочиняет вам, картины с вас пишет, книжки забавные, *все* о любви. [он] *Он* знает, что кроме любви женщина ничего не может, [не хочет] не умеет даже. [Даже чулки дамские]

Он бормотал устало, механически, и чувствовалось, что думает он уже о другом о чем-то.

— Вам, Диомидов, поучиться надо, почитать что-нибудь,— заговорил Самгин. Он хотел говорить [пренебрежительно, а] *в тоне снисхождения*, но против воли голос его звучал [зло] резко [и], зло, [он] *Клим* видел, что это не нравится Лидии. Это еще более раздражало его.

— Вы бы познакомились с историей культуры, что ли, а то, знаете, слушать вас — неловко. Вы компрометируете [человеческую] мысль, ту силу, которая отводит человека от животного, но которой вы не научились владеть.

— [Конечно я] *Я* человек простой,— вставил Диомидов тихо и обиженно.

— Именно,— согласился Самгин.— И это вам следует
л. 43 [1] помнить. Вы начитались Толстого, кажется...

— Нет,— сказал Диомидов.

— Но Толстой — старик и устал от бесконечного усложнения культурной жизни, которую он сам мастерски творил. Он имеет право критики, потому что много знает... А — вы? Что вы знаете?

— Жить нельзя,— сказал Диомидов под стол.

— Перестань, Клим, ты нехорошо говоришь.— Это произнесла Лидия [вытянувшись и вдруг выпрямясь и став]. Она выпрямилась, стала выше, *тоньше* и смотрела на Самгина укоризненно, а он почувствовал, что в груди или в горле его как-то зашипело.

— [Может быть] Тебе не нравится? — спросил он и, поперхнувшись, кашлянул.— [А мне неприятна безграмотная болтовня]. Но я не [настолько демократичен, чтоб] *способен* слушать чепуху почтительно.

Он знал, что говорит грубо. На язык его сами собою подвертывались шипящие звуки [ш, ч и никогда]. Никогда еще

[1] Весь л. 43 перечеркнут синим карандашом.

он не чувствовал себя так сильно обновленным и уже почти не отдавал себе отчета в том, что говорит.

— Я считаю бессмысленным поощрять искажения серьезных и глубоких мыслей,— говорил он все более сердито и опамятовался лишь тогда, когда Диомидов, вскочив со стула, заявил:

— Ну, что ж? [Извините] Я уйду...

— Подождите, Семен,—[попросила Лидия, но Диомидов уже быстро ушел. Сапоги у него были новые и щеголевато скрипели]. Лидия вышла вслед за ним, размахивая шалью, так что концы ее трепетали, точно крылья.

[—Ах, как хорошо]

Клим [вопросительно] взглянул на [Фиону] Варвару, [сообразив, что он вел себя почти так же, как Иноков у Спивак, но Фиона [вполголоса сказала] *одобрительно прошептала*] [*вполголоса сказала*] она вполголоса одобрила [его]:

— Вы [очень хорошо] *прекр⟨асно⟩* отщелкали его, так и надо.

И, подойдя ближе, [*сочувственно*] глядя в лицо Клима, [быстро] [сочувственно прибавила] *торопливо зашептала*:

[1] — Конечно,— ее это не отрезвит. Посмотрите, какая она стала отчужденная, неощутимая. И это — после Парижа.

— Что же, Париж, *по-вашему*,— купель Силоамская, что ли [по-вашему]? — пробормотал Клим, [расхаживая по ком⟨нате⟩] шагая по комнате и готовясь к объяснению с Лидией. Фиона вышла из столовой, но немедленно вернулась и *объявила* громко, [с торжеством] так что [Клим] Самгин остановился:

— Она ушла с ним!

— Почему это вас волнует? — спросил Клим, пристально и строго осматривая ее.

[— Да, волнует! Она мне кажется душевно [нездоровой] угнетенной и вообще... она способна]

— Мне тоже пора. До свидания.

Но в прихожей он столкнулся с Любовью Сомовой.

— Ты? Превосходно! Ты мне нужен,— заговорила она, [быстро] сбрасывая с плеч легонькую шубку.— [Холодно] Очень морозно. Чай пили?

В столовой, *притопывая*, потирая озябшие руки, подбородок, уши, она сунула Климу пачку квадратных бумажек, звеня, точно бубенчик.

---

[1] *На верху страницы две надписи синим карандашом*: Дунаев. У Лютова.

— Билеты! Продавай их твоим знакомым и не дешевле трех рублей. [Это] Будет вечеринка с пением, музыкой, танцами и всякой всячиной. У Лютова. Вы тоже — можете продать? [*1 нрзб.*] Сколько? — обратилась она к Фионе; та, снисходительно усмехаясь, спросила:

— В пользу кого или чего?

— Кажется — на реставрацию Кремля или в помощь слепорожденным якутам. А лучше не говорить о пользе. Просто: молодежь хочет веселиться.

— Три рубля — дорого,— сказал Клим.

— Да? Конечно,— панихиды дешевле. Будут костюмированные, замечательный скрипач, актеры, может быть, Ермолова приедет.

Клим посмотрел, как Сомова [пожимает] бегает по комнате, взглянул на Фиону, которая следила за постоялкой нахмурясь, недружелюбно, [и] спрятал билеты в карман и простился.

[Ушел он] Ушел [он] *Самгин* в настроении застывшей озлобленности, она не возвышалась и не падала, а [застыла по] сгустилась комом, мешая думать, не позволяя решить, как нужно *ему* держаться с Лидией.

«Конечно, она душевно больная. Она меня отталкивает, и нужно отойти от нее. Вот и всё».

Но отойти от Лидии мешало что-то [и это не], Клим чувствовал, что это не самолюбие, но и не любовь.

«Желание отомстить ей? — догадывался он.— Я не испанец».

[Мороз] Морозный ветер заставлял его идти быстро, он пришел домой [очень усталым] усталым, озябшим, спросил чаю и, прислонясь спиною к печке, увидал на столе толстый конверт. Он тотчас почувствовал [что] в этом конверте неприятное и минуты две рассматривал его, не решаясь взять в руки. [Крупными буквами] [Крупные буквы *почерка Лидии*, падая влево, говорили: «Климу Ивановичу Самгину».

«По отчеству назвала. Первы‹й раз›»]
[Потом взял] [Потом, наклонясь вперед, протянув руку] Потом протянул руку, наклонился вперед и хотел взять письмо, не сходя с места, но покачнулся [и], едва не упал и, шагнув вперед, сильно ударил по конверту ладонью.

«Глупо я веду себя»,— подумал он, косясь на зеркало.

В конверте пять листиков тесно исписанной *толстой* бумаги, [не все целые] *некоторые* строки и фразы [пер‹еччеркнуты›] густо зачеркнуты, [а] некоторые написаны попе-

рек [стро⟨к⟩] линеек. Он не скоро нашел начало послания и стал читать [его] стоя, придвинув очки близко ко глазам.

«Это — письма, которые я хотела послать тебе из Парижа,— читал он.— Но мне не удалось написать достаточно ясно для себя самой. Ты знаешь, писать я не умею и говорить — тоже, могу только спрашивать. Вот и посылаю тебе все эти начала, может быть, ты поймешь, что я хочу сказать. Собственно, я знаю, чего хочу или, вернее, не хочу, я не хочу никаких отношений с тобой, а вчера мне показалось, что ты этому не веришь и думаешь, что я снова буду заниматься с тобой гимнастикой, которая называется — любовь. Но — нужно объяснить, почему — не хочу. А объяснить не умею так, чтобы мне самой было ясно. Ужасно трудно объяснять, Клим [И те, которые [делают это] *любят* [*объяснять*] *все объяснять* просто, по-моему мошенники, а не честные люди.] Л»

На другом листке остались не вычеркнутыми только две фразы. «Ты был зеркалом, в котором я видела мои слова и мысли. Тем, что ты не [очень] мешал мне спрашивать, ты очень помог мне понять, что [лучше не надо] спрашивать *бесполезно*».

Третий листок говорил:

«[Знаешь что?] Должно быть, есть какие-то особенные люди, ни хорошие, ни дурные, но когда с ними соприкасаешься, то они возбуждают только дурные мысли. У меня с тобой были какие-то ни на что не похожие минуты. Я говорю не о «сладких судорогах любви», вероятно, это может быть испытано и со всяким другим. Но я думаю, что ни с кем, кроме тебя, я не могла бы говорить вслух так, как говорила с тобой. Я всегда чувствовала, что ты меня не понимаешь, даже и не хочешь понять, что делало меня особенно откровенной,
л. 44 [1] [должно быть] потому что я упряма. Сама с собою я страшно откровенна и вот говорю тебе, что не понимаю, зачем произошло все это между нами? Наверное, я в чем-то виновата, хотя и не чувствую этого. И не помню, чтобы я говорила тебе, что люблю. Не обижайся, хотя — все равно и даже лучше, если обидишься».

Читать было трудно. Клим [стоял у стола [согнувшись] [нагнувшись], *неудобно* нагнувшись к лампе, [и был уве⟨рен⟩] и этим объяснял дрожь своих рук] *нажимал ⟨на⟩ очки так, что было больно переносью,* [*этим он объяс⟨нял⟩*] *должно быть от этого у него дрожала рука, очки колебались,*

---

[1] ХПГ-22-1-6, № 59826. Авторская пагинация черными чернилами: 44.

а отнять руку от них он не догадывался. Перечеркнутые, измазанные строки прыгали и ползли по бумаге, нарушая связь [и смысл] слов. Он сердито швырнул листки на стол, но один из них лениво слетел [на пол] со стола на пол. Клим поднял листок, сел и снова начал читать.

«Люди, которые думают, что им поможет жить революция, наивно думают. По-моему — нужно не это, а — другое, очень страшное, такое, чтоб все ужаснулись сами себя и всего, что они делают. Пусть даже половина людей сойдет с ума от ужаса, только бы другая вылечилась от пошлости и бессмысленной лжи. Надо содрать с себя звериную шкуру. Я говорю об этом, потому что не верю тебе. Ты ведь не наивен. И когда ты рассуждаешь о революции, это — напрасно. У тебя нет такого чувства, которое дает право говорить об этом, у тебя милосердия нет, а революцию можно проповедовать только из милосердия. Я не знаю, какие у тебя, вообще, чувства?» Дальше несколько строчек жирно зачеркнуты, а сверху написано:

«Может быть, я с тобою говорю, как собака с тенью, непонятной ей».

[Дальше] Самгин собрал все листки, смял их в жесткий комок, зажал в кулаке и закрыл глаза. Он был возмущен бредовыми письмами, и от негодования [у него] *его лицо* горело, как на морозе. Но, *прислушиваясь к себе*, он чувствовал, что возмущение его не глубоко, оно какое-то кожное, физическое, и что, наверное, он испытал бы такое же чувство, если б озорник мальчишка внезапно ударил его по щеке. Память услужливо показывала Лидию в минуты неудачные для нее, в позах унизительных, голую, уставшую [до полуобморочного состояния].

«В сущности, я ведь ожидал от нее чего-то в этом роде. Негодовать — глупо. Она невменяема,— успокаивал он себя.— Итак,— эта история кончена».

Он стал медленно и аккуратно разглаживать на столе измятые письма.

«После этого у нее нет никаких прав на меня».

Третий листок он прочитал еще раз и, спрятав его между страниц дневника, не спеша начал крошить остальные письма на мелкие куски. Бумага была крепкая, точно кожа.

«Ближе всего я был к правде в те дни, когда догадывался, что эта любовь выдумана мною».

За спиною его [кипе⟨л⟩] курлыкал самовар, это не мешало, но мешал огонь лампы. Он убавил огня, потом, раскрыв

книгу, загородил ею лампу, как ширмой. К стеклам окна тотчас прильнула голубоватая муть, в глубине ее дрожали звезды, как золотые насекомые.

«Думать об этом больше нечего»,— решил Самгин [и], пересел ⟨к⟩ самовару и налил в стакан чаю, но пить не хотелось. [Вылавливая ложкой две упрямые чаинки] Две чаинки поднялись со дна стакана, Клим стал вылавливать их ложкой, но они не давались, плавая, как живые. Он бросил ложку на поднос [и], чувствуя, что на том месте, где скрывались думы о Лидии, образовалась печальная и обидная пустота.

Лист без авт. пагинации[1]

«Меньше всего я — лирик»,— [попытался успокоить] *напомнил* он себе, но ему уже казалось, что он всегда, без слов, без оценок, думал о девушке. Она стояла пред глазами, крепко окутанная шалью, скрестив руки на груди, и темный взгляд ее спрашивал, догадывался о чем-то.

«Она меня понимает. Если б я был более откровенен с нею, то, возможно, она бы не ушла. Кажется, мне совестно...»

Мысли его были противоречивы, слагались трудно, и от этого печаль [стала] становилась тяжелой.

«Чего же я хочу?»— мысленно закричал он на себя и обрадовался, услышав осторожный стук в дверь [2].

{*В последний вечер пред отъездом*, [*идя домой по окраине*] *задумчиво шагая окраиной города, мимо маленьких домиков, Самгин вдруг услыхал* [*что откуда-то сверха его окрикнули, не громко, но как-то властно. Он* [*поднял голову*] [*из окна*] [*с крыши чердака на него*] позвал]:

— Товар⟨ищ⟩ Самгин? [Вы?]]

Это пришел Дунаев, седенький от инея на его курчавой бороде, [одетый в короткий, по колени, черный полушубок, больше похожий] в коротком, по колени, черном полушубке [сшитом].

— Ну,— и мороз! Как тисками жмет,— заговорил он, улыбаясь, и, расковыривая ногтями оледеневшие усы, складывал кусочки льда на шапку свою.

[— Я к вам на пяток минут,— предупредил он, присаживаясь к самовару, крепко потирая красные руки [3].

---

[1] ХПГ-23-1-1, № 59874. *Сверху листа помета синим карандашом*: Дунаев.

[2] *Текст*: Меньше всего ∽ в дверь.— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Возле этих слов, на полях, без указания места вставки написано и зачеркнуто*: Дунаев имел вид зажиточного человека.

Визит этот не удивил Клима, Дунаев и раньше заходил несколько раз «на пяток минут», брал книги и, усмехаясь, рассказывал что-нибудь всегда интересное. Самгин отметил в нем приятное качество] Рабочий [был] *оказался* деликатен и не обременял своим присутствием больше, чем следовало. Налив ему чаю, подвинув тарелку с хлебом, Клим [смо‹трел›] смотрел, как тщательно Дунаев вытирает платком густую бороду, зорко оглядывает комнату и свободно [держится] держит себя.

[Прислал меня Дьякон, простудился он, лежит,— рассказывал Дунаев.— Тут такое дело: Маракуеву надобно корсет стальной купить, так Дьякон верит, что вы можете сделать это или сами, или через филантропа купца какого-то. Можете?

— Постараюсь,— обещал Клим.— Как живется?]

— Живем — плохо, учимся — как лучше,— ответил Дунаев и, по обыкновению, стал рассказывать.— Познакомился недавно с одним человеком из Петровской академии, трудолюбивого ума человек! Замечательно тонко понимает хозяйство земли [и всю практику. Читал нам. Это, я вам скажу, действительно просвещение ума!].

Говоря, Дунаев прихлебывал чай, и все его лицо, нащипанное морозом, играло улыбочками, глаза удовлетворенно щурились. Клим [привык слышать] *и раньше* слышал, что Дунаев говорит о себе во множественном числе, и это его не смешило.

— Сосчитал он, сколько сорных трав на земле зря сосет ее соки, сколько дешевого дерева — ольхи, ветлы, осины — растет бесполезно для нас. По существу дела, это, говорит, все паразиты, и надобно их истребить с корнем. Там, где бесплодно репей растет, крапива и всякая пустельга, там овощи могут расти, а на месте дерева, которое даже и для топлива плохо, надобно сажать ценное дерево — сосну, дуб, липу, клен.

Клим знал, что обычно Дунаев говорит более литературным языком, а теперь он [несколько] искусственно опрощал речь, как бы находя, что [Климу] студенту нелегко будет понять речь иного лада. [Но *и* это не задевало Самгина. Было приятно, что пришел человек и отводит его в сторону от мыслей о Лидии.] Дунаев не спеша и мягким голосом продолжал:

— Это, говорит, произрастание паразитов не экономно и
л. 45[1] не разумно. Ну, мы, конечно, понимаем, что человек, из

[1] ХПГ-23-1-1, 59876. *На верхнем поле страницы надпись карандашом*: Дун‹аев›.

осторожности, не прямо говорит, а в скрытом смысле, и речь его не о крапиве, а о человеческом паразитстве, о людях, которые живут чужим потом — кровью. Все — к одному и тому же: жизнь надо взять практически, рабочими руками, тогда она и запоет веселую песню, как хотим.

Он подвинул Климу пустой стакан, взял кусок хлеба и с набитым ртом повторил одобрительно.

— Очень [трудолюбивого ума] человек! И — направление верное: прямо под корень безобразия жизни! Хорошо ученый.

— Вы — окончательно стали марксистом? — спросил Клим с улыбкой.

— А — как же? — удивился Дунаев.— Это для нас — настоящее учение. [«Манифест коммунистической партии» штучка стальная] Лучше — не придумать. А — вы, как?

Но о политике Клим не хотел рассуждать с Дунаевым. Рабочий не нравился ему, [но] в глубине его веселых зрачков Клим видел [неугасимый огонек недоверия; огонек этот был давно знаком ему и [всегда смущал]] давно знакомый ему неугасимый огонек недоверия; огонек этот был [1] Не ответив на вопрос Дунаева, он сам спросил его о [Дьяконе] студенте.

— [Дьякон — хороший мужик] Редко хороший парень,— одобрил Дунаев.— [Он] Не те книги читал, а вычитал из них, что надобно.

И, вздохнув, он сказал уважительно:

— Это, пожалуй, не каждый может,— сильнее книги думать. [Все одно к одному: учимся!],— закончил он и встал.

— До свиданья. [Спасибо.]

Самгин любезно проводил его, посидел несколько минут и, не желая возвращаться к мыслям о Лидии, [тоже] пошел гулять. Но все-таки думалось.

«Только о революционерах она сумела написать неглупо» [2].

Незаметно для себя Самгин начал привыкать к мыслям и беседам о революции, как привыкают к неизбежному, например, к затяжным дождям осени или как привык он к ежедневным урокам музыки в третьем этаже над головою его. Не думая и не веря, что революция неизбежна, он видел, однако, что количество людей, которые любят говорить о политике, быстро возрастает, считал эти разговоры неустранимыми [и],

---

[1] Правка не закончена.

[2] *Текст*: Самгин любезно ∽ неглупо».— *перечеркнут синим карандашом.*

мирился с ними *и* почти уже не вспоминая [стро‹гий›] возмущенный окрик горбатенькой девочки.

Маракуева Клим видел человеком мягкосердечным, настроенным поэтически и с искренним увлечением играющего книжного героя, готового «пострадать за народ». Маракуев не казался ему похожим на революционера. Еще менее похожи были на разрушителей существующего строя Прейс и [люди] его [кружка] *друзья*. Дунаев и другие рабочие из кружка Маракуева? Клим Самгин ничего не имел против стремления рабочего класса к борьбе за лучшие экономические условия.

Из всех людей, увлеченных политикой, только Кутузов, видимо, избравший ее своим ремеслом, возбуждал в Самгине чувство, близкое уважению, но необъяснимо смешанное с неприязнью. Заочно Самгин всегда думал о Кутузове неприязненно, а при встречах испытывал именно уважение к нему. И, отгадывая, почему это так, пришел к мысли [что]: Кутузов подкупает его тем, что пожертвовал [голосом своим в пользу делу] политике карьерой певца! [1]

л. 46 [2] [[Клим] Самгин подумал, что косоглазому купцу гораздо более удачен был бы костюм приказного и не сабля, а чернильница за поясом.]

Косые глаза его бегали быстрее и тревожней, чем всегда, [Климу] *цепкий взгляд* уже не щупал, а щипал [людей], как бы пытаясь проникнуть сквозь полумаску Клима. Лютову было жарко в тяжелом костюме, серое лицо его, покраснев, потело, он [от‹ирал›] судорожно отирал его [то шапкой, то каким-то] платком и встряхивал платок, точно пыль сбрасывая с него. Клим подумал, что гораздо более к лицу Лютова был бы костюм приказного дьяка и не сабля *в руке*, а чернильница у пояса.

В зале [курчавый] горбоносый [еврей] человек яростно выколачивал из рояля оглушительный вальс Штрауса, [пышные] волосы на голове пианиста шевелились, он подпрыгивал на стуле и качался из стороны в сторону, судорожно хватая клавиши, длинными пальцами.

Ряженых в зале [было] *было* человек [десять] *пятнадцать*, а всех [людей] *гостей* — десятков шесть, но зеркала размножали их, казалось, что [они выходят] *люди выскакивают*, вывертываются из *темных* стен и скоро [наполнят зал так] на-

---

[1] Продолжение листа не сохранилось.
[2] ХПГ 22-1-6, N 59827. Авторская пагинация: 46-70.

полнят комнату так [тесно], что танцевать в ней будет [нельзя] невозможно.

[В тол⟨пе⟩] Среди танцующих Самгин тотчас узнал Фиону. Она одета русалкой, [в зеленую] [кост⟨юм⟩] вся в зеленом, украшена травами из лент, [а] на чулки ее нашиты серебряные блестки, на распущенных волосах [венок *из золотистых*] венок — *золотистые* кувшинки. Она без маски, но умело и эффектно подгримирована, [длинное лицо ее [таинственно и зловеще] стало *жутко красивым*] *она сделала себе огромные, глубоко провалившиеся глаза, от этого лицо ее стало замученно красивым, а* яркие [накрашенные] губы придали ему выражение [жадное и зловещее] *жуткое*. Ее отчаянно кружил [человек во фраке] *толстенький, но удивительно легкий китаец в синей кофте*. Чешуйчатые ноги Фионы почти не касались пола, тяжелые космы волос, переплетенных водорослями, оттягивали голову ее назад, она устало приоткрыла рот, [зубы] мелкие рыбьи зубы ее блестели голодно и жадно.

Было [еще] два человека во фраках и с той любезной *и несколько небрежной* готовностью на [чисто вымытых] лицах, которая свойственна только адвокатам. [Среди танцующих] *Озабоченно* [мель⟨кал⟩] бегал Макаров в новом сюртуке, командуя тремя лакеями, один из них был толст, лыс, [хром] *хромал* на правую ногу, и *на* голом лице его [сияла] неугасимо сияла глупо праздничная улыбка. Цветистым шариком каталась Сомова, пестро одетая деревенской девушкой, комически грубо раскрасив круглое лицо, она шмыгала носом и покрикивала [голо⟨сом⟩] тоном дурочки:

— Иде же тут [мой], который мой милёнок?

— Я, я,— кричали ей мужчины.

У рояля стоял, покуривая, коренастый человек в глухой маске, с фальшивой бородою, [он был одет в] *на нем* был костюм средневекового мастера и кожаный передник [он был похож на оперного Ганса Сакса]. Когда кончили танцевать и фрачник усадил Фиону за роялем, человек этот, [по⟨гладив?⟩] осторожно гладя бороду, попытался сказать ей комплимент.

— С такими глазами вам бы надо жить не в воде, а в аду.

— У меня в душе — ад,— ответила девушка, а Клим узнал по голосу Кутузова и подумал, что он похож на Ганса Сакса.

Фиону окружили ряженые, два клоуна, арлекин, доктор Фауст и [монах] [*татарин*] китаец. [Но] Она, [обмахиваясь] обмахивая лицо [платком] *веером*, отвечала на шутки

[[торопливо] усталым голосом [и пристально рассматривала] [и], беспокойно рассматривая мужчин] утомленно, *но как-то слишком громко*. Самгин [видел, что она], *видя*, как она рассматривает мужчин, подумал [самодовольно] [*без* ⟨само-довольства»]:

«Наверное,— меня ищет. А кричит для того, чтоб я знал, где она».

Подумал он без самодовольства, как о чем-то, что вполне естественно. Пианист снова загремел, толстый китаец взмахнул руками, точно [утопающий] падая, и схватил Фиону, а Самгин пошел в соседнюю комнату в буфет. Там [за столами нагруженными] *среди* столов, нагруженных массой бутербродов и бутылок, действовала пышная дама в сарафане и пенсне, *нос у нее был толстый и неудобен для пенсне*; в углу возвышался и парил огромный, ярко начищенный самовар, горничная Лютова разливала чай по стаканам, лысый лакей искусно резал окорок и улыбался.

Среди комнаты, под лампой, стоял Макаров, читая измятое письмо, левой рукою он приглаживал свои двуцветные волосы. Он взглянул на Клима непонимающими глазами, покусал губы и, спрятав письмо в кулаке, пробормотал:

— Кажется,— Самгин, а?

Клим не ответил.

— Извините,— вздохнул Макаров и поспешно ушел.

Клим спросил стакан чаю, [и] прошел [в угол] к столику у окна [а за другим столиком] *и* у другого столика, за шкафом, увидал Тагильского в синей куртке и медном шлеме пожарного. Перед ним стояла бутылка красного вина, он хлопал себя полумаской по колену и упрямым взглядом нетрезвого человека смотрел на Клима, усмехаясь.

— Весело, алхимик?

— Я слишком много знаю для того, чтоб веселиться,— мрачно ответил Самгин.

— Я — тоже. Кажется, я и [вас] *тебя* знаю.

— Едва ли.

— Ну все равно.

Голос Тагильского звучал нетвердо [но] *и* как-то вызывающе, фарфоровое лицо его [было] густо покраснело. Второй раз Самгин видел его нетрезвым и [было] как-то не верилось, что такой благообразненький [и обаятель⟨ный?⟩] человечек пьет неумеренно. Мимо открытых дверей стремительно [и мятежно] мелькали цветисто одетые люди, [зеркало на момент ловило их] [*и все они проваливались в* [*серебряной пустоте*] *се-*

ребряную пустоту] [*и все они, отражаясь, проваливали‹сь›*] *двойники их, скользнув по* [*сер‹ебряной› пустоте зеркала*] *зеркалу, точно проваливались в серебряную пустоту зеркала.* Подпрыгивая на коротеньких ножках, пронеслась Сомова в паре с Гансом Саксом, за нею, притопывая, китаец промчал русалку.

— Народники устроили? — спросил Тагильский.

— Не знаю.

— Ну, все равно,— повторил Тагильский, наливая вино в стакан.

В дверях [встал Кутузов и с ним монахиня] *встала дородная испанка* [*с широким лицом, напудренным*], *широкое лицо* [*в темных очках*] *было напудрено так* [*сильно*] *обильно*, [что на лице ее] [что оно] [что оно казалось замшевым] что кожа казалась замшевой, маленький клоун с наклеенным носом и в рыжем парике. Молодым, срывающимся голосом он [удивленно спросил] возмущенно [говорил] спрашивал:

— [Но как же можно] Отрицать значение общины?

[— Я по этим нотам не пою,— лениво ответил Кутузов.

— Ах, вы артист,— разочарованно воскликнул клоун и отошел.]

— Завелись еретики — отрицают,— неожиданно густым голосом и лениво сказала монахиня.

— [Да] Но ведь вы?...

— Веселятся,— пробормотал Тагильский.— В сущности, людям немного надо для веселья. Вот — нарядились и — хорошо. Кстати, посмотрите-ка, сколько клоунов [Пьеро] и вообще — дураков? [Странно]

Теперь русалка пронеслась в объятиях Фауста.

[— Кузьма Прутков должен бы сказать: Соотечественники! Удобнее и веселее рядиться в чужие костюмы, чем в чужие измышления.

Из вежливости Клим спросил:

— Это вы о чем?

— Обо всем. Главное — о нарядах духа,— сказал Тагильский и, приподняв бутылку посмотрел на нее, а затем налил еще стакан]

Количество ряженых возрастало, среди них Клим узнал Гогина, одетого армянином, приклеившего себе огромный нос, Татьяну в костюме гризетки с рисунков Гоарни, [*то‹лстый›*] *какой-то большой, толстый человек нарядился* [*мужиком*] *в лохмотья бедного мужика, повесил на пояс себе дере-*

вянный гребень, костюм очень не шел к его сытому и добродушному лицу [1].

Клим вдруг почувствовал, что ему не нравится видеть, как крепко Фауст обнимает русалку. Он мысленно усмехнулся...

л. 47 «Конечно, это — не ревность, а... легкое негодование на человека, который не умеет правильно танцевать».

[Рядом с Кутузовым остановился высокий, длинноволосый человек в [пестр⟨ой⟩] черном сюртуке, с лицом семинариста и не громко сказал:

— Пришли.

— Где?

— Идемте, я вас провожу.

= Пойдемте.

«Конспирация»,— сообразил Клим и [тоже] пошел взглянуть, [с кем] *кого ждал* Кутузов [будет], но семинарист увел его в *дальний угол зала* и по знакомой Климу лестнице наверх]

Танцевать кончили, но [в зале] стало еще более шумно. [*Ряженых стало больше*] *Количество ряженых* [*уве⟨личилось⟩*] *возросло, толпа стала пестрее. Тагильский правильно заметил: было много клоунов, Пьеро, Арлекинов* [2]. [*В шуме голосов*] *Неугомонно звенел веселый* [*голос*] *говорок Сомовой, она все щеголяла деревенскими словами и, перекатывываясь в толпе,* [*как*] [3] *большой мяч, как будто искала кого-то. За нею сонно шагал белокурый длинноволосый человек в черном сюртуке,* [*он пощипы⟨вал⟩*] *пощипывая усы,* [*смотрел на всех*] *он* [*смотрел и*] *толкал людей и, глядя на них непонимающими глазами, говорил басом в два удара:*

— *Пар-дон.*

К Самгину подошла Фиона и [тихо] ласково спросила:

— Это вы?

— Нет,— сердито ответил Самгин. [Он сердился на нее за то, что она вызвала какое-то новое, стесняющее его чувство к ней] А она, прижимаясь к нему бедром, шептала.

— Это вы. Я [чувствую] *узнала.*

— А если я, то что же дальше? — спросил Клим и тотчас понял, что он ведет себя глупо.

Фиона не успела ответить. Пианист, причесав всеми де-

---

[1] *Текст*: Количество ряженых ∽ добродушному лицу.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *После*: Арлекинов — *знак вставки зеленым карандашом; вставка отсутствует.*

[3] Слово ошибочно зачеркнуто.

сятью пальцами встрепанные волосы, сел к роялю и громко [с радостью] объявил:

— Это будет Григ.

Играть он любил, играл долго, [усердно] с большою силой, но — плохо. [*Фиона* [*нашла*] *сказала, что он играет, и пока он играл, половина публики разбрелась в буфет и в маленькие комнаты.*] *Прослушав «Песнь Сольвейг» и «Танец Анитры», Фиона шепотом сказала*:

— *Бесцеремонно играет.*

Затем из буфета вышла дама в сарафане и пенсне, поправила белокурые волосы перед зеркалом и, *выпятив мощную грудь*, высоким сопрано запела:

— Я ли во поле не [ягодка] *травушка* росла?

— Тыква,— сказала Фиона, перебирая чешуйчатыми ногами, точно муха, Клим [посмотрел на нее и] [1] *заглянув в глаза ее* и одобрительно [и] улыбнулся. Она была настроена [несколько] [*в меру*] возбужденно, но в меру, [она удачно] Клим находил, что она довольно удачно [говорит] говорит о людях, легко подыскивая меткие и недобрые словечки. Было забавно наблюдать, как внимательно рассматривают ее мужчины, они [шли] проходили пред нею, как бы церемониальным маршем, подтягивая животы и ставя ноги по-солдатски твердо.

[— Како⟨й⟩] Поздравляю, вы имеете успех,— сказал он ей, сказал почти ласково, но видя] *Но ему казалось, что Фиону не очень волнует* [вни⟨мание⟩] *лестное внимание мужчин, и он сказал ей почти ласково*:

— Вы имеете хороший успех.

— Вероятно — потому, что юбка коротка,— отозвалась она негромко и с [явным раздражением] явной досадой.

Сомова [тащила] *шумно* притащила к роялю одною рукой Кутузова, [который снял маску и б⟨ыл?⟩] другой — рыжеватую [тощую] *высокую* женщину в костюме испанки. Кутузов [снял маску и фальшивую бороду] [без маски и фальшивой бороды] [вытирал платком свою бороду, [смят⟨ую⟩] она была влажной] [с фальшивой серой бородою и веселым лицом, бы⟨л⟩] *снял маску, фальшивая серая борода*, состарив его грубоватое лицо, делала его неузнаваемым. Он был чем-то доволен, широко улыбался и покашливал, прочищая горло. [Может быть, он [не] был не совсем трезв] Испанка тоже улыбалась, но неохотно и натянуто.

---

[1] *Слова*: на нее — *ошибочно не зачеркнуты.*

— Знаете, кто это? — спросила Фиона и [назвала], назвав фамилию известной оперной певицы, прибавила: — Говорят, она очень радикальных убеждений. А мужчину я не знаю. Едва ли он — артист.

Кутузов запел «Не искушай» Глинки. Голос его звучал отлично, лицо смягчилось, глаза сияли радостью, а пел он торжественно и это не [от] сливалось с безнадежными словами романса, он как будто не понимал драматизма слов. Его партнерша пела артистически, прекрасно обработанным голосом, но посматривала на сияющее лицо Кутузова с удивлением. Публика, тесно окружив певцов, слушала [вни⟨мательно⟩] напряженно, и в зале было так тихо, что Клим различал тонкий скрип корсета своей соседки. Певцам неистово аплодировали [*1 нрзб*]. Подбежала Сомова *и заговорила*, улыбаясь влажными глазами, быстро [и заговорила]:

— Голосок-то, а? Божественный! Это — он, марксист, помнишь, я говорила?

— Поет он *очень* странно,— сказала Фиона не без задора, но Сомова успокоила ее:

— Значит — не влюблен! Влюбится — запоет, как следует.

— У него лицо счастливого человека,— неожиданно для себя вслух проговорил Самгин.

Так же торжественно и даже как будто иронически Кутузов спел «Уймитесь волнения страсти». Затем присоединился Арлекин, спели трио «Ночевала тучка золотая». Публика *шумно* и жадно требовала еще и еще, *и* певцы [разошлись], *возбужденные* похвалами, пели соло, дуэты, трио. *Пела и дама в сарафане, она пела обиженным голосом, и все время пенсне упрямо соскакивало с ее неудобного носа.*

Недалеко от Клима стоял Лютов, опираясь на саблю, его глаза [остановились] неподвижно смотрели в разные стороны. Было заметно, что он крепко стиснул зубы, на побледневшем лице его [выступили] *вспухли костяные* желваки, и левая нога вздрагивала под кафтаном. Сзади его стоял Макаров, как-то по-детски положив подбородок на плечо Лютова, держа одну руку за спиною и в такт аккомпанементу сжимая, разжимая пальцы. Публика пожелала петь хором, требовала «Дубинушку», но Кутузов отказался [*1 нрзб*] и ушел в буфет. Лютов, Макаров и еще человек десять пошли вслед за ним, а в зале Арлекин стал рассказывать еврейские и армянские анекдоты. Клим слышал, что Лютов визгливо жалуется:

— Голосище у вас — замечательный, но — извините! — так не поют! Так нельзя-с.

— Почему?

Клим встал и тоже пошел в буфет, там он увидел, что [Кутузова тесно] *люди* прижали *Кутузова* к шкафу, а Лютов, стоя вплоть к нему, кричал:

— Вы отрицаете смысл романсов, вы даже будто высмеиваете смысл!

Сомова тоже вертелась пред Кутузовым, глядя на него снизу вверх, и спрашивала задорно:

— Это вы бесстрашием или бесстрастием хвастаетесь?

Кутузов, весело смеялся, кричал:

— Да вы прямо скажите: хорошо или плохо?

— Позвольте мне слово! — требовательно попросил писатель и, когда Лютов, косясь на него, замолчал, Сомова отскочила, он решительно откашлялся в рукав пиджака и сказал:

— Хорошо, но — не так. Не по-русски. [Вы] Здесь правильно указано: вы поете о страдании, о страсти, однако...

— Ну, я пряностей не люблю,— ответил Кутузов, чуть-чуть нахмурясь.— Мне мои щи и без перца вкусны.

Лютов грозно и визгливо распорядился:

— Столы! Вино!

— Позвольте,— как это понять? — строго спрашивал писатель, подняв руку с вытянутым указательным пальцем.— История человечества создается страстями, страданиями... Что же вы — хотите [ста‹ть›] [сто‹ять›] жить вне истории? — говорил он.

Хромой лакей ловко вдвинул в группу людей два стола, подбросил к ним стулья и [стал] начал ставить на стол бутылки, стаканы. Но [должно] кто-то подшиб ему [руку, одна] *локоть*, бутылка выскочила из руки его и упала на стол, побив стаканы.

— Чёрт,— крикнул Лютов.— Если не умеешь служить...

л. 48 Он тотчас же осекся и пробормо‹тал›, отскочив от лакея.

— Ну ничего! Скорей.

Он уже был не трезв, дергался во все стороны, хватал бутылки, наливал вино и приглашал:

— Сядем. Садитесь.

Было жарко, душно, в зале гремел смех, Кутузов тоже сочно смеялся, закидывая голову, выгибая кадык, из-под фальшивой бороды торчала его настоящая. Клим слышал, что Макаров вполголоса спрашивает Фиону:

— Кто это алхимик?

— Не знаю. А что?

— Интересно.

Рыжий маленький клоун влез на стул с ногами и, сидя на спинке его, спрашивал надрывно:

— Кто докажет мне, что борьба между людьми навсегда обязательна? *Маркс⟨исты⟩ слишком торопятся вооб⟨разить⟩ себя вождя⟨ми⟩ рус⟨ского⟩ об⟨щества⟩.* [[*а они*] [*не замечая, что они*] *и для этого*] *Они уродуют* [*мы⟨сль⟩*] *рус⟨скую⟩* [*на⟨родную⟩*] *мысль.*

Начали усердно пить. Лютов наливал стаканы, совал их в руки людей, чокался и кричал:

— Костя! Докажи ему, что без романтизма культура невозможна!

Клим тоже пил, недовольный собою, смущаемый каким-то неясным чувством. [Слушая крики спорящих] [*Он замочил вином кружево маски*]. *Кружево маски, смоченное вином, прилипало к подбородку,* [*черная мантия, отяжелев* [*ме⟨шала⟩*] [*ста⟨ла⟩*]] *широкие рукава черной мантии, отяжелев,* [*связывали его руки*] *мешали* [*рукам*] *движениям рук.* Он искоса посматривал в зало. Там снова гремел рояль, кружились танцоры и, дразня, плавала зеленая фигура русалки в объятиях желтого китайца. Высокий человек, одетый мужиком, глухо говорил в щель картонной маски, обращаясь к рыжему клоуну:

— Ошибаетесь. Зачем — вопросец антихристов. Христос знал — зачем: из любви к человеку угнетенному.— [*Клим удивился, узнав голос дьякона*]

А писатель внушал Кутузову:

— Консерватизм, это — антракт, когда укрепляются завоевания культуры.

— Но — женщина? Женщина? — кричал Лютов, взмахивая рукою.

Человек, одетый мужиком, снял маску, оказалось, что это дьякон. Маска подпрыгивала под его подбородком, он отмахивал ее красной, как бы вареной рукою, и гудел:

— Земля вопиет: доколе будете отравлять меня семенами злобы? [1]

Где-то в углу кричал Тагильский:

— Ненавижу рассуждающих!

— Настоящая женщина знает, что самое важное для нее — здоровый муж,— убеждал Лютова человек во фраке.

---

[1] *Текст:* Человек, одетый ∽ семенами злобы?] — *перечеркнут синим карандашом.*

— Ну, господа, довольно высиживать болтунов! — [произ⟨нес⟩] *сказал Кутузов, вставая.*— Веселиться, так веселиться.

Он ушел, но спор разгорелся еще более пламенно и стал бессвязней. Говорили все и так, как будто боялись внезапно онеметь. Писатель убеждал [дьякона] кого-то:

— *Особенно вредна* копченая колбаса. [Копченой колбасы не ешьте, вредно.

Самгин впервые присутствовал на такой вечеринке] *Вообще как можно меньше мяса.*

Самгин почувствовал приступ знакомого ему раздражения против людей. Ему казалось, что он еще не испытывал раздражения с такой силой. Хотелось закричать:

«Идиоты! Чего вам надо?»

«Я — пьянею»,— сообразил он.

Вбежал китаец, жадно выпил стакан вина и широкими шагами ушел в зал. Клим последовал за ним. Пианист отчаянно барабанил [трепака] русскую, и в плотном круге людей дробно топали две пары каблуков. Китаец [отстранил] растолкал людей, сбросил с плеч жёлтый халат, остался в синей куртке и, отстранив Арлекина движением плеча, крикнул:

— Я тебя усовершенствую!

Он тотчас начал плясать, бесшумно передвигая толстые ноги. Фиона взмахнула руками, крикнула, качая бедрами, пошла встречу ему. Она вспотела, грим на лице ее растаял, размазался [и], лицо ее было [соблазнительно] и безобразно, *и* соблазнительно. [«Она, кажется, пьяная»— подумал Клим]. *Она так бесстыдно извивалась перед китайцем, прыгавшим вокруг нее в присядку, с такой вызывающей улыбкой смотрела в его толстое лицо, что Клим возмутился. Чешуйчатые ноги ее обнажались до колен, вздрагивая в буйных судорогах. Клим смутно почувствовал, что в эти минуты она забыла о нем и что может быть с этой ночи он потеряет власть над нею, власть, которая возвышала его.* И вдруг *он* открыл в себе вполне созревшее желание отплатить этой девушке за свою неудачную связь с Лидией.

«*И вообще — за все!*»

Он смотрел [на нее, но уже не видел, углубленно соображая], *как Фиона плавает в воздухе, вызывая рукоплескания, и думал*, что нужно взять ее как-то [очень обдуманно и] необыкновенно [даже] унизительно для ее, но все-таки так, чтоб она не сразу поняла унижение [и не сразу получила возможность жаловаться на него.

Хотя [он] Самгин и чув‹ствовал›].

Хотя он [довольно] сильно охмелел, но все-таки понял, что *в* злодейском намерении его есть что-то [театрально смешное] театральное и смешное, понял [и], рассердился на себя и еще более на Фиону.

[Лидия верно приметила] Плясать кончили, публика аплодировала и кричала, китаец [вел Фиону] взяв русалку под руку, вел ее в буфет, говорил ей что-то, заглядывая в [ли‹цо›] глаза, лицо ее *странно* расширялось и *таяло* [и], уши передвигались на затылок. [В буфете гудел голос дьякона:

— «И будет, яко персть от колесе, богатство нечестивых, и яко прах летяй...] [1]

Рыженький клоун, стоя на стуле, размахивая руками и кричал:

— Начинаем! Раз-два-три!

Вразброд, [нескладно] неладно, несколько человек запело:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой...
Ради славного труда,
[Ради вольности веселой
Собралися мы сюда!

— Изолью фиал ярости моея...]

— *Собралися мы сюда,— преждевременно закричал человек во фраке.*

— *Ради вольности веселой,— пел хор, а фрачник снова и уже грозным тоном крикнул не в лад*:

— Со-обралися мы сюда!

И когда запели следующий куплет, он [*тоже*] *заорал в третий раз, уже грозно*:

— *Со-обралися м-мы...*

[— Изолью фиал ярости моея...]

— Хотите ёршика? — предложила Фиона, отхлебнув из стакана и протягивая его Климу.— Узнаете [мои мыс‹ли›], *о чем* я думаю.

Молча выпив лимонада с коньяком, Клим почувствовал себя несколько отрезвевшим и спросил ее:

— А не пора вам домой? Уже четвертый час.

---

[1] *Текст*: В буфете ∾ прах летяй...— *перечеркнут синим карандашом.*

— [Пятый] *Нет еще*,— сказал китаец.

— Ваши часы врут.

— Это не мои,— сказал китаец, кивнув неприятной головою на стену, а Фиона, взяв Самгина под руку, [быстро] торопливо заговорила:

— Ой, пора, пора! До свидания [Павел Иванович].

Китаец замычал, целуя ее руку, он целовал так усердно *и длительно*, что Клим нашел нужным потянуть девушку к себе.

— Кто этот сын неба? — спросил он на улице.

— Журналист, театральный рецензент.

— [Вот почему вы] Поэтому вы с ним *так* любезны?

— Разве — больше, чем с другими?

Шли пешком. [Климу казалось] Фиона [шагала] *шагает* не твердо, [*качается*] [*но*] покачивались и фонари, улица *тоже* горбилась под ногами [[мешая] Наняли извозчика, сани его стали нырять, как лодка на взволнованной реке].

— Я — пьян,— [сознался] *пробормотал* Клим, прижимаясь к девушке.— Нехорошо, черт побери...

Проснулся он в комнате, которую тотчас узнал,— это комната, где жила Лидия. Сквозь занавеску окна в сумрак проникали солнечные лучи необыкновенного цвета, *верхние стекла показывали* [*кусок*] *полосу огненно окрашенного неба и этим напоминали ему комнатенку жан⟨дармского⟩ упр⟨авления⟩*. Клим осторожно вдавил тело свое в постель, пошеве-
л. 49 лил руками. Рядом с ним никого не было, но от подуш⟨ки⟩ исходил запах духов Фионы.

«Не может быть. [Это я помнил бы],— подумал Самгин.— Это я помнил бы».

На [стуле] *диване* [аккуратно] лежало его [аккуратно уложенное] платье, и по тому, в каком порядке оно было сложено, Клим заключил:

«Раздевался я *не* сам...»

Неприятное тепло наполняло комнату, солнечные лучи побурели, [небо] Самгин закрыл глаза.

«Интересно, как она поведет себя?»

Она явилась минут через десять; очень осторожно [открыла] открыв дверь, она прошипела:

— Ши! Спит еще...

Звякнула чайная ложка, зазвенела посуда.

— Тише же! Иди.

[Не открывая глаз] Клим [слышал] *чувствовал*, что она стоит у постели и смотрит на него, он приоткрыл глаза.

— Вы спите? — тихо спросила Фиона.

— Нет, но мне совестно.

Он не хотел сказать этого и удивился, что сказалось так мальчишески виновато, но девушка, как будто не расслышав его слов, ласково и весело осыпала его своими:

— Какой вы смешной — пьяненький! Такой трогательный, беззащитный. Мне стало даже страшно за вас, поэтому я привезла вас к себе. *Да и неудобно было мне ехать к вам...* Вы спали почти двенадцать часов. Пейте кофе, пока не остыл. Устраивайтесь, я уйду...

В двери она остановилась, продолжая с улыбкой:

— Вы — не вставайте! [Отдохните не стесняясь, хорошо? — Я вам] Дать вам кофе в постель? [Хорошо?]

— [Давайте] *Пожалуйста*,— сказал Самгин и сел, заложив за спину себе подушку, не очень тщательно прикрываясь тяжелым одеялом. [Фиона, как-то чересчур элегантно двигая руками, изящно отводя в ст⟨орону⟩] Девушка подала ему кофе, руки ее заметно дрожали [и], по движению груди [видно] Клим видел, что дышит она неровно, а лицо у нее бледное, [усталое, измученное] с густыми тенями вокруг зеленоватых глаз. Смотрит она смущенно, [быстро] мелькающим взглядом и, взглянув, [тотчас] *тотчас* отводит глаза в сторону. [На] Платье на ней [странного покроя] прямое, узкое, завязано у ворота и на талии сиреневыми лентами [это его].

— Еще? — спросила она, когда Клим, выпив [чашку] кофе, протянул ей руку с чашкой, чашка соскользнула с блюдца, упала на пол и раскололась на мелкие кусочки.

— Ой,— тихонько крикнула Фиона, а Клим сказал улыбаясь:

— Хорошая примета. [И [схватив девушку за руки] обняв, привлек]

Он опустил ноги с постели, обнял девушку, крепко прижал ее и услыхал громкий шепот:

— Пожалей, о, пожалей меня, пощади!

Через несколько дней Клим Самгин мог думать, что эти смешные [и], неуместные и фальшивые слова, были [последними] *заключительными* словами роли, [которой] которая [уже] надоела Фионе и от которой она отказалась, желая играть новую роль — чуткой подруги, образцовой жены.

Не впервые наблюдал Клим, как неузнаваемо изменяются люди, [ловкость, с которой они это делали, всегда казалась ему] *эту ловкую их игру он считал* нечестной, и она утверждала его недоверие к людям. Но он не мог не испытывать неко-

торой зависти к уменью людей казаться такими, как они хотят. Себя он считал [непоколебимым] неспособным притворяться и фальшивить.

Фиона показывала себя совершенно довольной тем, что она [женщина] *стала* женщиной, она даже гордилась новой ролью своей, это было ясно видно по тому, как покровительственно она начала говорить с Любовью Сомовой. [После] Подозрительна была быстрота, с которой Фиона отказывалась от наигранных жестов, театральных поз, теряла капризный и задорный тон барышни, симпатизирующей декадентам. Она *уже* спрашивала:

— Ты думаешь, что Анунцио и Метерлинк...?

— [Тоже] *Конечно* — декаденты,— авторитетно говорил Клим.

Она даже ходить стала иначе, *более плавно*, и каблуки ее уже не стучали так вызывающе и нервозно, как это было раньше. Всего более удивляло Клима чувство меры, которое она обнаруживала в отношении к нему, казалось, что даже в ласках она [умеет] *не теряет* это чувство, [Она] хотя и не была скупа на ласки. Тело у нее было красивое, ловкое, но Клим находил, что кожа ног ее груба, шершава и ждал удобного случая сказать ей это. Наслаждалась она молча и [только однажды] лишь однажды, лежа на коленях Клима, прошептала, закрыв глаза:

— Я пыталась [вообразить] представить, как это чувствуется. Но тут действительность выше [воображения] воображаемого.

— «Не богато у тебя воображение»,— подумал Самгин.

Подсчитав все маленькие достоинства Фионы, Клим не [внес в] *изменил* свое отношение к ней [ничего нового], только его внимание, обостренное недоверием, стало напряженнее [и глубже]. Он мысленно усмехался, видя, что это испытующее внимание она принимает за любовь. Он говорил с нею привычно небрежным тоном, она выслушивала его сухонькие сентенции так же [серьезно] *покорно* и доверчиво, как раньше [и в то же время [было ясно] *он видел*, что [она] *девушка*, потеряв свое прежнее лицо, торопится создать другое, более приятное Климу]. В общем ее поведение было не совсем понятно, и являлся вопрос: где пределы ее покорности?

Самгин не только говорил ей авторитетным тоном различные дерзости, бесцеремонно высмеивая ее симпатии и мнения, он даже пробовал ласкать ее в моменты, когда она не хотела этого или когда это ей было физиологически неудобно. Но

и в этих случаях Фиона подчинялась его выдумкам, [иногда] *нередко* унизительным для нее, а он, испытывая после этого пренебрежение к ней, думал:

«Вот как надобно жить с ними. [*Должно быть, это верно*:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей»]

И соображал:

«*Интересно, как отнесется к этому Лидия?*»

Но думать о Лидии он запрещал себе, потому что это всегда возмущало [*и*], *расстраивало его* [*и*], *даже являлось желание рассказать Фионе о подруге ее*, [*чего*] *но он* [*знал*] *боялся, что это унизило* ⟨*бы*⟩ *его в глазах Фионы.*

Лишь иногда ему казалось, что в зеленоватых глазах светится и недоумевающее ожидание чего-то. Он понимал, что [она] это она ждет [из уст его] слова, которое еще не было сказано им, но он, по совести, не мог сказать его, да и не считал нужным говорить, хотя уже предупредил:

— Я не играю словом — любовь.

[В общем он] Он сознавал, что *в общем* все идет неплохо и [без тревоги думал] *усмехался*, думая:

«Вероятно, скоро спросит, женюсь ли я на ней» [Это не пугало его. Но возможно] [Но вопрос этот не беспокоил его, да и Фиона не спрашивала, беспокоило другое. Его роман очень]

— Приятно смотреть на вас,— говорила ему Сомова,
л. 50 вздыхая и ласково хмурясь. [— А голосистый мой марксист исчез, не заметив меня. *Увы мне*!

[Кругленькая, почти как мыльный пузырь] [Присматриваясь к этой кругленькой и бойкой девушке] [В нач⟨але⟩]].

[*С Фионой*] *Она говорила* [*тоном*] *с нею ласковым тоном старшей сестры*, [*и уже*] *шепталась с нею о чем-то, делала ей маленькие подарки и этим, видимо, подкупала Фиону*; *та, перестав* [*ревниво*[1] *подо⟨зревать⟩*] *и незаметно наблюдать за нею, относилась к ней дружелюбно. Как-то при ней Клим пошутил с Фионой слишком насмешлив⟨о⟩. Сомова тотчас же* [*заме⟨тила⟩*] *сказала с негодованием*:

— *За такие турецкие манеры я бы тебя по ушам отшлепала*!

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

— Но ведь это шутка,— торопливо и миролюбиво воскликнула Фиона.

Клим [[находил] открывал в ней [черты сходства] черту сходства с Таней Куликовой] открыл в ней [то] непонятное ему, *но высоко ценимое* им [*в людях*] желание и уменье служить людям, которое делало Таню Куликов⟨у⟩ в его глазах какой-то всеобщей горничной [1]. Но Куликова держалась так, будто считала себя виноватой в том, что она такова, какая есть, а не лучше. Сомовой эта приниженность была совершенно чужда.

Сомова [стала] [напоминала] напомнила ему [в] смешную Ванскок — Анну Скокову, одну из героинь р⟨омана⟩ Леск⟨ова⟩ «На ножах», романа, который по его знач⟨ению⟩ он ценил почти так же высоко, как [«Бесов»] «Бесы» Дост⟨оевского⟩ и «Взб⟨аламученное море»⟩ Писемс⟨кого⟩.

Веселая и бойкая, она обладала хлопотливостью воробьихи, которая бесстрашно прыгает по земле среди огромных, сравнительно с нею, людей, лошадей, прыгает, воодушевленная неутолимой жаждой как можно скорее узнать [все] отношения и связи всех людей, *для того, чтоб* всем помочь, всюду зашить и заштопать различные дырки. Она всегда боялась опоздать куда-то, утром смотрела на стенные часы со страхом, а около или после полуночи, уходя спать, приказывала себе:

— Встану в половине седьмого.

Она могла одновременно шить, читать, грызть любимые ею толстые «филипповские» сухари с миндалем и делиться с Климом [с Фионой] [Варварой] [2] различными, не очень хитрыми соображениями:

— [Нел⟨епо?⟩] В сущности, классовая [борьба] точка зрения совершенно вычеркивает гуманизм, [а без него как-то... дико. Нет, мне не по душе мышление без жалости и по прямой линии. Если по прямой, тогда — все виноваты] *а без него как-то.... дико.* [А] Может быть, я не [так] *правильно* понимаю, Клим? [И не понимаю, как же они отрицают политику?]

— Совершенно правильно,— подтверждал Клим [и немин⟨уемо⟩] *и*, чувствуя желание смутить, запугать ее, говорил тоном ученого, который привык мыслить безжалостно.

---

[1] *После*: горничной — *знак вставки красным карандашом; вставка отсутствует.*

[2] Имена зачеркнуты синим карандашом.

— Гуманизм и борьба — два понятия, взаимно исключающие друг друга. Вполне правильное представление о революции имели только Разин и Пугачев, творцы «безжалостного и беспощадного» русского бунта. А из наших интеллигентов лишь один Нечаев понимал, чего требует революция от человека, который хочет быть революционером. Требует она, чтоб человек покорно признал себя [жертвой] *слугою* истории [не мечтая быть творцом ее], *жертвой ее и не мечтал бы о возможности свободного творчества, личной независимости.*

Удовлетворяя потребность сказать вслух то, о чем он думал враждебно, Самгин, чтоб не выдать свое подлинное чувство, говорил все более равнодушно:

— *История относится к человеку суровее, чем природа. Природа требует, чтоб человек удовлетворял инстинкты, вложенные ею в него, и — только.* [*Клим недоверчиво косился в ее сторону, иногда*] *История насилует его интеллект.*

Но через несколько минут Клим чувствовал, что говорит он не для Сомовой, а для себя [1] [понуждаемый потребностью спрессовать всё, что он с детства слышал и читал, всё, что думал об ужасах социальных катастроф, спрессовать все это и выжать канон своей личной независимости от насилия эпохи].

[Фиона] Варвара, слушая его, сидела [прямо, в позе гимна⟨зистки⟩], точно гимназистка, влюбленная в учителя и [боязливо ожидая] уверенная, что сейчас он спросит ее о чем-то, чего она не знает. Изредка и как бы для того, чтоб смягчить учителя, она [гово⟨рила⟩], сочувственно вздыхая, говорила тихонько что-нибудь лестное ему:

— Как трагически [смотришь ты] смотрите вы на жизнь!

[Сомову слова] — *Пессимист,— вздыхала Сомова. Ее* не смущали и не пугали *слова.* Поглядывая одним глазом на шитье или в книгу, она недоверчиво спрашивала:

— Значит,— ты согласен, что полезнее без милосердия? Ну [2] а я без жалости думать не могу. Это уж... привычка, что ли.

— Ты еще скажи — врожденная идея, — иронизировал Самгин [3].

---

[1] *После слов:* для себя — *знак вставки красным карандашом; вставка отсутствует.*

[2] *Текст:* недоверчиво ∾ Ну — *зачеркнут синим карандашом.*

[3] *Текст:* говорил тоном ученого (стр. 409) ∾ Самгин.— *на заклейке; ранний вариант текста см. в своде вариантов.*

— Могу и [это] [*эдак*] *это* сказать.

[Было в ней какое-то] *Он* [*скор⟨о⟩*] *почувствовал в ней* мягкое, но неодолимое упрямство, раздражавшее [Клима] *Самгина*, и [было еще] это [-то] [заставлявшее] [заставляло] *заставило* его думать, что [она — хитрая] *Любаша* «себе на уме». Она казалась очень откровенной, даже болтливой, часто говорила о себе усмешливо, но все это как бы для того, чтоб трудней было понять ее. Читала она [как все, Маркса] «Критические заметки» Струве, *читала* [и] Михайловского и *Бельтова*-Плеханова, *но читала и Шопенгауэра и книжки о сектантах*, [но] однажды Клим увидал у нее толстую «Философию мистики» Дю Преля.

— Как? Ты и это читаешь?

— А — что? — невинно глядя на него, спросила она.— Разве — нельзя? Я не знала, *что нельзя*!

Дю Прель окончательно [внушил] *утвердил* Самгина в подозрении, что Любовь Сомова хитрит [1], вместе с веселым оживлением она вносила тревогу. При ней неловко было обдумывать будущее [2], видеть себя в нем значительным человеком, который живет устойчиво, пользуется уважением, обладает хорошо вышколенной женою, умелой хозяйкой и приятной женщиной, которая к тому же способна обо всем говорить достаточно грамотно. Она, конечно, могла бы не плохо играть роль хозяйки маленького салона, где собирался бы небольшой кружок [серьезных] людей, серьезно занятых вопросами культуры, и где он, Клим *Самгин, дирижирует настроениями, создает каноны.*

[Но] Сомова говорила о будущем [как] в тоне мальчишки, который любит кулачный бой и совершенно уверен, что в следующее воскресенье будут драться. С этим приходилось мириться, это [было] настроение [становилось] принимало характер эпидемии. [Клим считал] [Но хотя Сомова во многом мешала ему, она была поле⟨зна⟩] *Она работала в политическом «Красном кресте», ходила под видом невесты в тюрьмы на свидания с арестованными*, всюду бегая, она много знала и умела как-то фотографически точно рассказывать о людях, книгах, мыслях, обо всем, что ловили ее живые глаза и цепкая, ёмкая память. Очень удивляло Клима ее ненасытное любопытство обезьяны, совершенно лишенное осторожности

---

[1] *Текст*: Читала она ∽ Сомова хитрит — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Возле этих слов, на полях, запись красным карандашом*: Она мешал⟨а⟩ Климу.

[и брезгливости], а Клим уже привык считать [чувство совершенно необходимым в сношении] это чувство совершенно необходимым в отношении к людям. Его крайне поразила встреча Сомовой с Диомидовым.

Как всегда, Диомидов явился неожиданно, [как будто] точно из стены [вывалился] *вылез*. На этот раз он был одет в крестьянский кафтан, в растоптанные валяные сапоги, волосы на голове *его* обриты и обнаружили *большие серые уши*, неправильный череп, плоско стесанный затылок. [Похудевшее] *Опухшее* лицо его напоминало скопца [глаза выцвели и смотрели прямо, невидящим взглядом].

— А я — хворал,— объявил он, посмотрев на всех по очереди невидящим взглядом, и его [выцвет‹шие›] полинявшие глаза усмехнулись.— Чуть не помер.

Повертев шеей, он поискал чего-то в комнате, нахмурясь, как бы с трудом вспоминая что-то, и, наконец, сказал, кивнув головою:

— Переставили все. Так и надо.

— Нет, все стоит по-старому,— возразила Фиона.

— Ну... Я ведь вижу.

Сомова, положив [руки] локти на стол и подбородок на ладони, [впила‹сь›] бесцеремонно рассматривала его, он взглянул на нее раз, два и спросил почти сердито:

— Что смотрите?

— Мне про вас Лидия Варавка много рассказывала.

Диомидов вздохнул, помотал головою.

л. 51 — Что ж она рассказывала? Девушка не много может рассказать [1].

— Она — много.

[Через] Несколько минут [она углубленно слушала, приоткрыв рот и что-то вспоминая] *Сомова, быстро сматывая шерсть в клубок и глядя на проповедника вспоминающими глазами, слушала Диомидова, который [почему-то] явно старался говорить и грубее, и более внушительней, чем говорил раньше. Клим отметил [что Диомидов старается говорить грубее, неуклюжей, чем говорил раньше] это, подумав*:

«Говорит в тоне кафтана [А кафтан на нем — с чужого плеча] и под старика».

— Женщины — переродиться должны и мир переро-

---

[1] *В верхней части листа помета красным карандашом*: Объединить с 60‹листом›.

дить, вернуть его туда, к прежнему,— он указал пальцем в окно, в густой февральский снег, тяжко падавший на землю.

— Как это — переродиться? — несколько обиженно спросила Фиона.— Это уже что-то новое у вас.

— Ничего нового нет,— пробормотал Диомидов.— Это— очень старое. Я вот слушаю ученого-то [Константина] вашего, Макарова, он мысли находит верные, а сказывает их наоборот и путает все.

Подняв руку над головою своей, [он] *Диомидов* сказал:

— «И сотворил бог человека, мужчиной и женщиной сотворил его» — вот! К этому и надо обратиться. Сатана-то расколол человека надвое...

[Это] Любовь Сомова внезапно и весело [рассмеялась, говоря] *воскликнула*:

— Это у Шопенгауэра есть, это — из Платона.

—Из Библии,— строго поправил Диомидов, а Сомова [так‹же› внезапно стала] *тотчас же* серьезно [и озабоченно] заговорила:

— Вам, Диомидов, надобно познакомиться с человеком, который тоже в таких мыслях живет [хотите?]. Он — [крестьянин — мельник, живет в Галиче [Костромской г‹убернии›], там [и еще] «бегуны» есть, интереснейшая секта] *пчеловод в Муроме, замечательный пчеловод, в апреле он приедет сюда, я могу познакомить вас, хотите? Он «бегуном» был, это тоже интереснейшая секта...*

— Я — не сектант, секты не люблю,— проворчал Диомидов, *нахмурясь*, глядя на нее [недоверчиво] из-под бровей, и встал, спрашивая:

— Зачем это надо вам, чтоб я к сектантам шел?

[— Да ведь вы бегун,— я знаю! — сказала] Любовь [усмехаясь] *почему-то засмеялась* и этим очень обидела Диомидова, он молча [и одинаково небрежно стал совать свою холодную руку ей, Фионе, Климу] *похлопал фуражкой по коленям своим, потом простился* [со всеми, а в двери] *и, уходя, сказал, вздохнув*:

— Шуточки всё...

[А] Когда он ушел, Клим повторил его вопрос:

— Зачем тебе нужно знакомить [его] *Диомидова* с [какими-то сектантами] каким-то сектантом?

— Ну, а куда же его? — спросила Сомова, [снова принимаясь сматывать шерсть] быстро действуя костяным крючком; она вязала толстый, двухцветный шарф.

— Ты что же — чувствуешь себя призванной расставлять людей по местам? — допрашивал Клим, усмехаясь.

— Вот именно, *равняйся*! — шутливо ответила она. Самгин не отставал от нее и, наконец, заставил [неохотно] высказаться:

— Видишь ли,— неохотно [сказала] *объяснила она*, — деревня так *безграмотна*, *так* мало думает, [так бедна] что ей полезны всякие [даже сумбурные] идеи, лишь бы *они* тревожили ум [и], приучали думать [о чем-нибудь, кроме земли, хозяйства. [Сумбурное и вера в] Фантастика, [по-мо‹ему›] на мой взгляд, даже глубже задевает крестьян. Помнишь [белую кобылу у] Глеб Успенский писал о белой кобыле, которая упала с неба? В [кобылу легче] такую кобылу легче верят, чем [газете или тому что] в то, что [например, дифтерит вызывает бацилла] Клим [нашел‹?›] сказал, что эта мысль возмущает его, но Сомова [вздохнув, заметила]].

[*Клим захотел показать, что это возмущает его*:

— *Но ведь ты углубляешь невежество*!

Но Сомова, не глядя на него, сказала:

[— *Бегуны, духоборы и некоторые другие секты вовсе не*]]

— Оригинальная мысль,— иронически сказал Самгин.

— Ты не знаешь деревню,— заметила Сомова, не взглянув на него, а Фиона тихо спросила:

— Неужели всегда было так много разномыслящих, не согласных?

Ей не ответили, и беседа оборвалась.

Клим Самгин [все более твердо] *окончательно* убеждался, что он призван быть вместилищем [1] всех идей, мнений, афоризмов, анекдотов и эпиграмм. [Он даже внушил Фионе] *Фиона и Сомова* усердно [помогали] расширяли его осведомленность. Он даже начал собирать рисунки [*и открытки*] на политические темы, «открытки», которые изображали Финляндию, защищавшую себя от нападения двуглавого орла, русского [пахаря] мужика, который пашет в сопровождении [семерых людей] *царя, генерала, попа, чиновника, купца* [и еще двух], *ученого и нищего*, вооруженных ложками. «Один — с сошкой, семеро с ложкой» подписано было под этой картинкой. Была открытка, изображавшая царя Николая [голым на] в пустынном поле, на фоне полуразрушенной

---

[1] *Текст*: Клим Самгин ∽ вместилищем — *ошибочно зачеркнут*.

деревни, царь стоял нагой, держал себя за фаллос, подпись гласила: «Самодержец». Рисунков и открыток такого типа было много, [они] *были портреты Щедрина, окруженного чудовищами, Победоносцева в виде дьявола,* [порт⟨реты⟩] *людей 1-го марта, всё это* печаталось и продавалось в пользу «Красного креста». Самгин собирал эти вещи тщательно, как судебный следователь данные для обвинительного акта [1].

Университет, где настроение студенчества становилось все более бурным, Клим посещал редко [не только потому, что студенческое [движе⟨ние⟩] движение отталкивало его]. Он [считал] убедился, что Варавка совершенно правильно [охарактеризовал] назвал студенческое движение «эмоциональной оппозицией».

Его отношение к людям сложилось так, что он, юрист, не понимал, как можно защищать человека, нарушающего [установлен⟨ные⟩] законы общежития. В нем не было позыва в эту сторону, он не находил в себе какого-то чувства, которое разрешило бы ему искренно говорить речи в защиту воров, мошенников, насильников, поджигателей, убийц. Он знал, что судить надобно не по фактам, а по мотивам, но не видел мотивов, которые [опра⟨вдывали⟩] в его глазах оправдали бы факты. В его представлении все люди были более или менее выдуманы, фальшивы, лицемерны и вообще морально подозрительны, а он [чувствовал] *видел* себя [моралистом] человеком иной, высшей расы. Общее между собою и людями он находил только в словах, в ходовых мнениях и отчасти поэтому старался говорить возможно меньше, дабы не затемнять себя в глазах собеседников пылью общепринятого и модного. [Посещая журфиксы либеральных адвокатов, Самгин встречал среди них людей, которые рассуждали по Марксу, но в то же время вели крупные [гражда⟨нские⟩] дела, выступая [за то] защитниками интересов фабрикантов.

Не [чувствовал] *представлял* он себя и защитником [граждан⟨ских⟩] имущественных прав, гражданский процесс тоже не привлекал его. И он чувствовал, что для роли прокурора]

Наука внушала, что судить нужно не по фактам, а по мотивам, но он не [*видел*] *представлял себе мотивов, которые могли бы оправдать факты.*

[Не прельщала Самгина и роль прокурора] *Но и роль*

---

[1] *Текст*: Она — много (стр. 412) ∾ обвинительного акта — *перечеркнут синим карандашом.*

гласного обвинителя, *прокурора*, не прельщала Самгина, для этой роли нужно было [иметь] обладать [чем-⟨то⟩] [смелостью и силой, которых он не ощущал в себе] *чем-то*, *чего он* [не ощущал в себе] *не находил в себе*. А кроме того [[было одно] [*он пережил*] [*у него было*] впечатление, которое [смутно его] [положив на память] вызвав брезгливое чувство и положив в память какую-то едкую тень] *он случайно пережил впечатление* [*весьма*], *которое*, *вызвав брезгливое чувство*, [поставило] *осталось* в памяти *пятном какой-то плесени*.

Лунной ночью, *поздно* возвращаясь от Фионы, он шел бульваром, [по выпавшему днем сырому снегу, разрисованному голубоватыми узорами деревьев] *по дорожке*, [*только что обильно вымытой дождем*] [*за полчаса*] *за час пред этим обильно политой весенним дождем*, *а теперь луна разрисовала бульвар узорными тенями деревьев*. Он был хорошо настроен и думал, что, пожалуй, *ему* следует переехать жить к Фионе [а она]. Она очень [хо⟨тела⟩] желала этого, и это было удобно, [она так заботливо умела ухаживать за ним] *и Варвара и Анфимьевна* заботливо ухаживали за ним. [И] *К тому же он открыл у Варвары положительное качество — любовь к ее гнезду*, *она его все время неутомимо украшала*, [ее] *и комнаты ее становились все уютней*.

«[Вероятно, я на ней женюсь. Едва ли найдешь жену лучше. Это — странно.] Никак нельзя было думать, что она такая... гнездолюбивая».

— [Это вы?] [*Это*] Самгин? — закричал маленький человечек, [обогнав его и заглянув в лицо] *которого он* обогнал, заглядывая в лицо.

л. 52 Это был Тагильский. Одетый в [мех⟨овое⟩] *серое* пальто [[на меху] с бобровым воротником, в каракулевой шапке, *надвинутой на уши*, он [казался] стал еще меньше ростом, [и] толще *и похож на загулявшего купчика*. Из-под расстегнутого пальто и пиджака [на груди его] [видно было золотую цепь часов на его груди]], *в шляпе*, *сдвинутой на затылок*. Был он не трезв и [весь как-то] растрепан, [расстегнут] [круглое] *фарфоровое* личико его [побагровело] [глаза [некрасиво выкатились] как бы распухли] *в красных пятнах*. Облизывая губы, он слепо, не мигая, смотрел вперед и болтал, [немножко] заикаясь:

— За девочками охотитесь? [Я тоже пользуюсь этими дрянями,— но ненавижу их, садически ненавижу!] *Поздновато... — говорил он*, *подхватив Клима под руку*.— Ненавижу *девочек*, [пользуюсь, но прямо говорю] пользуюсь,

но ненавижу. И прямо в глаза говорю: ненавижу тебя за то, что [вот] должен барахтаться с тобой. Смеется, идиотка. И все они — воровки.

Клим вспомнил, что [недавно] [несколько недель] *с месяц* тому назад [у Тагильского был скандал, о котором весьма ехидно писала одна из уличных газет] [о Тагильском] [о студенте с фамилией Т.] *он читал* [в пошлой уличной газете Пастухова] в пошлом «Московском листке» скандальную заметку судебного репортера о студенте с фамилией, скрытой под буквой Т. [Тагильский] [Он] Студент обвинял горничную [меблированных комнат] дома свиданий в краже у него нескольких десятков рублей, но у мирового судьи [обвиняемая доказала] свидетели обвиняемой показали, [что [эти деньги] часть этих денег он заплатил даме] что деньгами воспользовалась [женщина] девица, с которой он был и которая даже похвасталась его щедростью, *что* [*горничная*] *обвиняемая в* [*этот вечер*] *эту ночь до утра играла роль не горничной, а клиентки дома пред другим лицом и что истец* [*даже*] *не мог видеть ее, так же как и она его.* [Горничная возбудила дело о клевете] [Но задолго до этого случая Тагильский перестал бывать у [Гофмана] Прейса, а когда Клим спросил Пояркова — почему это? — [Поярков] Прейс равнодушно объяснил: [1]

Вероятно, потому, что скучно стало. Он веселиться любит.]

[— Вы слышали? — болтал Тагильский, сдвинув шапку на затылок.

— [Эта] Питерская история с красавицей, которая зажарила себя в тюрьме, разыгрывается в историческое событие. [Предполагается демонстрация, будто бы] В этом деле замешан знакомый мой, Кичин, [товарищ прокурора] [ему] приписывается неосторожное обращение с девицей Ветровой, но это, разумеется, клевета, он — не ветреник.]

— Кстати о девочках,— болтал Тагильский, сдвинув шляпу на затылок.— Я сейчас был в компании с т⟨оварищем⟩ п⟨рокурора⟩ Кичиным, помните [*Питерскую керосиновую*] *Питерский керосиновый скандал с красавицей-истеричкой, которая зажарила себя в тюрьме, скандал, из кот⟨орого⟩ пытались сделать историю. Кичину приписывалось неосторожное обращение с девицей Ветровой, но это явная чепуха, он — не ветреник.*

---

[1] *Текст:* Но задолго ∽ объяснил — *перечеркнут синим карандашом.*

Тагильский захохотал, довольный каламбуром, и поскользнулся. Клим поддержал его под локоть.

— *Нет.* [*Это вовсе*] *Он не Свидригайлов и вообще не свиреп, а очень милый, очень интересный человек... притом человек прямых линий, так сказать.* Черт! [Галоши] [Перчатки] *Интер*⟨*есную*⟩ *книгу и перчатки* оставил в ресторане,— [ска⟨зал⟩] пробормотал Тагильский, остановясь и глядя на свои ноги, *точно он перчатки носил на ногах.*— Воротимтесь? — предложил он, [махнув рукою] *сняв* [*шапку*] *шляпу*, махая ею через плечо свое.— Выпьем бутылку вина, побеседуем, а?

Не ожидая согласия Клима, он [взял его под руку и] повернул его вокруг себя с легкостью [странно⟨й⟩] *и силой*, неестественной для человека полупьяного. Он интересовал Самгина [своей избалованностью, снисходительным отношением ко всем] *своей позицией* в кружке Гофмана, позицией человека, [избалованного, явно считающего] *который* явно считал себя умнее всех, [избалованного вниманием к нему] *не пытается* скрывать это и подает свои [цифровые справочки] *реплики, как богач* милостину неимущим. Интересовала [его] набалованность его сдобного *и кокетливого* тела, [*всегда* источавшего запах каких-то особенно острых] как бы нарочито созданного для уютных кресел, удобных поз, изящных костюмов.

— Вы [не бываете] *давно* не были у [Гофмана] *Прейса*?— спросил Самгин.

— [Давно. Мне надоели «ученики»,— он иронически подчеркнул последнее слово.— Но, кажется, они скоро станут учителями] [Давно] *Я там немножко* [*повздорил*] *поссорился,— лениво ответил Тагильский, затем сообщил:*— [*Эти петербургские «ученики» покупают у народников чахлый*] *Знаете*, петербургские [их друзья покупают] *«ученики» купили* у народников чахлый журнальчик «Новое слово».

Он иронически подчеркнул словечко ученики и этим еще более взогрел любопытство Клима, а когда Самгин заметил, что марксизм растет все быстрее, он сказал, толкая ногою дверь ресторана:

— [Эпидемически] Как холера.

[— Но — разве вы не марксист?

— Марксист, только — [не болен этим] *в другую сторону.*

— *О, да...*— [*сказал*] *ответил Тагильский и строго приказал* [*швейцару*] *лакею найти его* [*галоши*] *перчатки.*]

В ресторане он стал как будто трезвее и за столиком,

пред бутылкой удельного вина, начал [очень внушительно, напористо объяснять Самгину то, что уже говорил Кутузов: что есть марксисты наивные, которым кажется, что марксизм — учение чисто экономическое, эволюционное, и есть марксисты дальновидные, для которых совершенно ясно, что марксизм — теория беспощаднейшей классовой борьбы.

— А так как я имею [удовол⟨ьствие⟩] честь быть потомственным буржуем, представителем четвертого поколения [златоустовских] фабрикантов, то — сделайте отсюда вывод.] *рассказывать с удовольствием вполголоса*:

— *Этот Кичин* [*преинтересно*] *рассуждал именно о марксизме*: *я*, *говорит*, *потомственный буржуа*, *и хотя для меня* [*сие*] *это вероучение поучительно*, *однак⟨о⟩ неприемлемо*.

Его *губы*, пухлые и яркие, точно у женщины, искривились задорной усмешкой, фарфоровые глаза с *неподвижными зрачками* смотрели в лицо Клима [иронически] вызывающе [[было что-то] петушиное [и], комическое [в его]] [*и вся его кругленькая фигура вдруг приняла что-то петушиное и комическое*].

[— Сделайте вывод,— повторил он, прихлебывая вино.

— Я вас не понимаю,— сказал Клим.] [— Откровенно,— заметил Клим.]

Облизав губы языком, тонким и длинным, как у собаки, Тагильский оглянулся. Они сидели в углу, у двери в [соседний] зал, где гудела и грохотала музыкальная машина. В небольшой комнате [кроме] было занято еще два стола, за одним сидел еврей с карикатурно преувеличенным носом [и шеве⟨ля⟩], непрерывно шевеля всеми десятью пальцами рук пред лицом бритого и лысого человека, он вполголоса *увлеченно* говорил:

— Гва-гва-гва,— слышал Клим сквозь вой труб и [грохот] дробь барабана. За другим столом молча [насыщалась] *кушала* толстая женщина с раскаленным лицом [с бриллиантами и кораллами в] *и зелеными камнями в* ушах, [и человек] а чернобородый человек [поглощавший] *старательно расковыривал ножом череп* поросенка.

— Я говорю очень понятно: [*неизбежна*] *кровоп⟨ролитная?⟩* борьба? Очень хорошо, будем драться, драться без красных крестов и прочей патоки. [Шесть] *Пять* лет я читаю и слушаю эту новую философию истории, [разумеется более] так же выгодную для трудящихся, как она не выгодна для моего класса. Людей моего класса, которые принимают эту историю [как исти⟨ну⟩] как истину, обязательную и для них,

я, говорит, считаю, говоря мягко, [заблуждающимися] сукиными детьми [пардон], — Тагильский произнес [длинное слово] ругательство [со вкусом] с удсвольствием, разломив его по слогам, затем отпил вино и, усмешливо глядя на Клима, сказал:

— Но их можно считать изменниками и предателями, потому что...

Он задохнулся и помотал головою, прежде чем выговорить:

— потому что неоспоримо истинная философия истории говорит: эксплоатация сил природы и сил человека есть [неизбежный] подлинный и неустранимый закон жизни [и], жизнь творят именно эксплоататоры. Культура [есть] — результат [беспощ⟨адной⟩] эксплоатации людями друг друга, и чем беспощаднее насилие, тем выше культура. [Это не парадокс.]

Машина [перестала шуметь], всхрапнув, замолчала, последние звуки труб прозвучали в разнобой и глухо, как сквозь вату. Тагильский тоже замолчал и покачнулся на стуле [и заг⟨лянул⟩], глядя в зал. Чернобородый разломил беленький череп поросенка, показал половинку его даме, и, негодуя, крикнул потрясающим басом:

— Человек!

А еврей, сжав кулак, громко проговорил:

— Так туда нужно ехать [двое дней] девять часов на паршивых конях! [И] Кто же будет строить фабрику, где никого нет?

Проговорил и, сконфуженно оглянувшись, выгнул спину, спрятал мохнатую голову в плечи.

[— Вы, значит, нитшеанец? — спросил Клим]

— Это — не парадокс,— продолжал Тагильский очень трезво.— Возьмите Англию...

— Значит вы — нитшеанец? — спросил Самгин, [протирая] сняв запотевшие очки и с недоверием к себе, чувствуя, что в словах Тагильского есть что-то [для] [приятное]

л. 53 важное.

Тагильский [посматривая на] [рассматривая] посмотрел на него с гримасой, потом взглянул на [свои] розовые ногти левой руки своей и, держа стакан вина в правой, [сказал негромко:

— Нитцше — законнейшая реакция против Маркса.

Выпив вино, он спросил еще бутылку и, [вольготно развалясь на стуле] навалясь грудью на стол, так что он подвинулся к Самгину, продолжал:

— Через [два, три] год, два года я буду товарищем прокурора. К тому времени] наклонился через стол к Самгину:

— Очень не глупый человек. Наверное, говорит, скоро правительство, я уверен, поймет свою ошибку и откажется от административных воздействий в пользу гласного суда над политиканствующими. Тогда оно получит возможность показать России, что на месте мучеников за правду стоят дураки. У нас слишком любят мучеников, [арестантиков], «униженных и оскорбленных», которые теперь обучаются, как надобно унизить и оскорбить [весь] культурный мир.

[Теперь он говорил очень зло] И подвигая Климу портсигар, наполненный тоненькими папиросками, он сказал:

— А ведь именно этому обучают их люди вроде нашего общего знакомого Пояркова.

Клим, внимательно слушая его [протирал] голосок, звучавший спокойной злостью, протирал очки. [Трудно было поверить] [Он] Ему не верилось, что этот плотненький, уютный человечек говорит [то] именно то, что [думает] слышал, а не то, что он сам выдумал [1].

«Хотя — «что у трезвого на уме, то у пьяного — на языке»».

Однако Тагильский как будто не пьянел, его кисленький голосок звучал [все] более твердо, он не заикался, и слова соскакивали с его языка легко, даже ловко.

«Может быть, он провоцирует меня?»

— Вы боитесь революции? — тихонько спросил Клим,— Тагильский, пошевелив ровненькими бровями, сказал:

— Ничуть. И чем скорее она вспыхнет, тем лучше, легче ее подавить.

— Мысль знакомая мне,— сказал Самгин, улыбаясь.

— То есть?

— Я не [впе‹рвые›] первый раз слышу ее.

— [Только?] *Но*?

— А вы чего бы хотели?

Тагильский промолчал, разливая вино в стаканы, а Клим подумал:

«Это он провоцирует меня?»

И заметил:

— Мне кажется, что есть *уже* немало людей, которые призывают революцию, потому что боятся ее.

---

[1] *Другой вариант на полях*: что Самгин слышит, и отвратительно видеть свои мысли [огрублен‹ными›] обнаженными так уродливо.

— Возможно,— согласился Тагильский, положив на стол крепко сжатый, розовый кулачок, [сказал:

— Я сознательно и решительно иду в прокуратуру], двусмысленно усмехаясь.

— [Весно‹й› вы кон‹чаете›] У вас весною государствен‹ные› экз‹амены›?

Тагильский утвер‹дительно› кивнул головой.

— Куда же вы?

— *В суд, конечно. В прокуратуру, может быть, не решил еще. Удивитесь, если я в прокуратуру, а? Этот Кичин грубо, но умно сказал*: Россия нуждается в ассенизации,— грубо говоря.

Он смотрел прямо в лицо Смагина, и его глаза как-то неестественно ярко отражали огонь лампы.

— Представьте, что мне придется обвинять вас, а? — спросил он, *улыбаясь, отчего острые кончики усов приподнялись вверх. Самгин тоже усмехнулся*:

— Не пощадите?

— Нет. Ведь — ясно, чем умнее обвиняемый, тем более он виноват. А вы, Самгин, очень умный человек — это искреннее слово. Очень. Это видно из того хотя бы, как хорошо *вы* умеете молчать.

Ресторан опустел. [Лакей] Два лакея смотрели на запоздалых гостей вопросительно и жалобно.

— Пора уходить,— сказал Самгин.

На улице Тагильский предложил ему:

— Не хотите ли зайти [тут] к двум девицам, [которые] всегда готовы‹м› принять любезных гостей? Очень приличные и недалеко отсюда [1].

Клим отказался. Тогда Тагильский, пожав руку его мягкой, но очень сильной рукою, нахлобучил [шапку] *шляпу*, поднял воротник пальто и пошел прочь, шагая так твердо, как это делает человек, знающий, что он выпил лишнее.

«Ассенизатор»,— подумал Самгин, взглянув вслед ему.

Он находил это слово метким и вполне применимым там, где речь идет о преступлениях уголовных. [2] [Но что-то мешало ему приложить это словечко [к сфере] в область политики. [В словах] Слова Тагильского все-таки

---

[1] *На полях пометы*: Финляндия — *красным карандашом*; Суд — *синим карандашом*; *пометы зачеркнуты синим карандашом*.

[2] *Фраза*: Он находил ∽ уголовных. — *перечеркнута синим карандашом*.

возмутили его хотя и не очень, но все-таки возмутили и встревожили. [Тагильский возмутил]

[«Боевая натура, а похож на альфонса.] Воображает себя спьяна боевой натурой, а похож на [альф‹онса›] альфонса, утешителя богатых старух. Болтун. Нет, я [по натуре моей] не способен ни защищать, ни обвинять»,— [думал] заключил он, раздражаясь и засунув руки глубоко в карманы пальто.

[Тагильский вызвал в нем сложное впечатление брезгливости, тревоги. Такие острые [раз‹дражения›] впечатления раздражали, мешая налаживать личную жизнь, [а кроме того они казались ему уже запоздалыми, они как-то расшатывали] *ему казалось, что вообще жизнь стремится войти в норму, принимает характер более спокойный*].

[*И*] *А самым скверным в Тагильском было то, что он огрубил, исказил мысли* [*Клима*] *его, Клима Самгина.*]

Пьяная злость Тагильского казалась ему запоздавшей и, наверное, вызванной какой-то личной неудачей. [Романтизм] Шумный романтизм народников заметно исчезал, вытесняемый и осмеиваемый марксистами, а сами марксисты становились все более [деловитыми] деловиты и, скептически относясь к политике, [про‹поведовали›] [дав‹но›] весьма единодушно проповедовали мирную экономическую борьбу.

Поярков, [как‹то›] неестественно высохший, [обедневший] в старенькой тужурке, протертой на локтях до серых пятен, в заплатанных сапогах, с лицом аскета, обросшим неровными кустиками волос, говорил сиплым, сорванным голосом:

— [Сначала] Надо помочь рабочему [в эко‹номическом отношении?›] встать на ноги экономически, научить его бороться за оздоровление условий труда,— вот задача дня! Это все начинают понимать.

Поярков стал угрюм и [странно] рассеян, как человек, [как-то] который забыл что-то и не может вспомнить или не может забыть чего-то. Он покусывал [редкие] сероватые усы свои [морщил] [неприятно громко хрустел и щелкал пальцами]. Его разноцветные глаза смотрели на [людей] всех людей отчужденно и жил он, видимо, [какой-‹то›] очень голодной жизнью,— Самгину казалось, что он забегает к [Фионе] Варваре только для того, чтоб поесть. Говорил он исключительно о положении рабочих Москвы и московского района, обнаруживая широкую осведомленность. И лишь однажды

[придя не] [между прочим] неуместно и грубовато [сказал] спросил Фиону:

— Вы что же — забыли Маракуева?

Фиона, немножко покраснев, сердито [спросила] сказала:

— Он мне не писал [все это время] после того, как вышел из больницы и уехал домой.

Поярков взглянул на нее [удивленно] подпрыгнувшими глазами и усмехнулся:

— Кто это вам сказал, что он домой уехал? Он [пое⟨хал⟩ в [Саки] Сочи лечиться грязями] — *куда-то под Одессу*, в санаторию, у него опухоль на крестце.

— Но он мне с месяц тому назад сказал, что едет домой! — сконфуженно защищалась Фиона, и Клим заметил, что она мельком взглянула в его сторону. А Поярков настаивал:

— Уехал он [пять] на той неделе.

— Странно, что не зашел ко мне.

— Да он же на костылях,— [сказал] сообщил Поярков [и], нелепо засмеялся и, в упор глядя на Фиону, рассказал, что Маракуева посещали [только] трое: Дьякон, Дунаев, [да изредка он сам].

л. 54 — Изредка заходил я. [Потом я устр⟨оился⟩] [1] Дьякон устроился на стеклянный завод, пивные бутылки выдувать,— медленно и трудно, как о далеком, полузабытом прошлом рассказывал он. С фантазией человек, Дьякон. Очень нежная душа. [Не] Ребенок, а на людей смотрит, как на детей [а сам больше других ребенок]. Чистый тип народника. Чистейший. Со Христом и все прочее.

Когда он ушел, Клим не преминул заметить Фионе:

— Как же это ты забыла о человеке, влюбленном в тебя, а? И — больном?

К его изумлению зеленые глаза подруги налились слезами, и она, почему-то шёпотом, сказала:

— Но ведь это ты... из-за тебя, и ты же упрекаешь! Не будь жестоким, милый, родной мой. Зачем?

Бросилась на грудь его, обняла и задрожала, *рыдая* беззвучно. Самгин усадил ее на диван, начал успокаивать. Он был уверен, что женщина *немножко* играет, но считал ее неталантливой, и ему казалось, что он вполне ясно видит ход ее игры. Успокоясь, она [начала] *стала пылко* ласкаться [об него, — это он сам так определил ее ласки].

«Она ласкается об меня», — подумал он [как-то], принимая ее ласки не очень охотно, а все-таки благосклонно и с [той] тех минут так и определял ее ласки.

«В сущности она—[[неплохая] *добрая*] *недурная* девушка»,—напомнил он себе еще раз, обняв ее и покачивая на коленях.

Да, жизнь налаживалась неплохо. Это подтвердил и неожиданно явившийся Дмитрий. Он влез в комнату Клима *утром*, когда тот, полуодетый, [сидел за чаем] читая газету, сидел за чаем. Дмитрий именно влез, толкая пред собою животом и коленями большую корзину, задевая за косяки мешком, висевшим на его спине. Сзади его горничная, изогнувшись, тащила [тяж‹елый›] кожаный чемодан.

— Вам...? — спросил Клим, встав со стула. Нельзя было *сразу* узнать брата в [это‹м›] *большом* человеке, [оде‹том›] с лицом, заросшим густыми волосами [темнорусого цвета, в олен‹ьей›], к тому же оленья шапка с наушниками стиснула и расширила лицо.

— Спасибо,— сказал Дмитрий горничной.— Здравствуй,—сказал он брату, стягивая шапку с головы.— Не узнаешь?

И [захохотал очень], захохотав громко, сочно, потом [схватив] схватил Клима за плечи, посмотрел на него, *встряхнул* и одобрил:— Неплох. Целуемся!

В комнате стало холодно и тесно. Клим застегнул тужурку, а брат, сбросив на пол овчинный полушубок, остался в черной суконной рубахе, в валенках по колено, [огл‹ядел›] посмотрел вокруг и спросил:

— Где умыться?

Умываясь *за дверью*, он говорил:

— Ты как будто удивился [Не получил письма моего, нет? А я тут совершил путешествие. Я писал из Ярославля. Оттуда я — в Питер.] [что я не предупредил тебя, а сразу — бух? В Ярославле я подумал], *что я тебя* не предупредил? Но, видишь ли, [я] у меня были причины не писать, потому что...

Не договорив, он зафыркал, забулькал водою во рту, потом вошел в комнату, рассказывая:

— Я ведь давно, третью неделю, еду. Был в Ярославле, *оттуда третьего дня* [*попа‹л›*] *в Петербург и, знаешь, сразу въехал в демонстрацию* [*на Невском*] *у Казанского собора* — по поводу *самоубийства* Ветровой — здесь *еще не* слышали об этом? Это, брат, удивительно! — говорил он, стоя среди комнаты с полотенцем в руках и широко открыв [очень [светлые] посветлевшие] глаза.— Как — сновидение, честное слово! [Приехал] Тысячи две с половиной, а может, и больше, поют «Вечную память», «Вы жертвою пали», [красные флаги] и вообще — фантастика. Знаешь, сразу после тундры,

охотников, поморов [и всякой скучнейшей [дь⟨явольщины⟩] чертовщины... да, брат! Оглушило!].

От него пахло мужиком, овчиной, рыбой. Широкоплечий, коренастый, он [заставил] очень напоминал отца [и будил [у Клима] в Климе [незнакомое] *неясное* ему чувство] и будил у Клима незнакомое [ему] *сложное* чувство, [[со] смесь любопытства, виноватости с очень] сильно смутившее его.

— Демонстрация? Вот как? — воскликнул Клим с оживлением, которое ему [трудно] *не легко* было сделать. Брат [улыбаясь посветлевшими глазами] бросил полотенце на стул, сел на него, [но] но тотчас выдернул полотенце из-под себя и начал крепко вытирать шею. Клим заметил, что глаза Дмитрия [стали как-то] как будто выросли, углубились [но в то же время стали светлее и появилось в них что ⟨-то⟩] в глазницы и есть в них что-то хмельное.

— Я ж говорю тебе — фантастика!— рассказывал [Дмитрий] *он. — Даже* красный флаг [мелькнул! Осмелели, а?] [*Конная* полиция с нагайками] [*Рабочих в толпе я не заметил,— с сожалением продолжал он.— Впрочем, я сидел* [*на извозчике*] *в санях извозчика и довольно далеко от места дейст⟨вия⟩*]. *А* [*прошлого дня я*] *стачка ткачей? Решительно становимся на западные рельсы* [1].

— [Стой] Подожди,— сказал он, вскочив.— Я тебе [семгу привез и еще одну вещь, портсигар] *подарю* одну вещь [Хотя ты, кажется, не куришь? Ну, все равно]. Это, брат, редкость!

Сидя на корточках, открывая чемодан, Дмитрий [с вост⟨оргом⟩] заговорил о *старинных* мастерах серебряного дела в Великом Устюге, сообщил, что [он] написал статью об этом искусстве.

— А когда меня перевели в Кемь, о поморах написал. Вот, народище! [Монументальные люди.] Монументальный.

Он подал Климу [тяжелый серебряный] тяжелую серебряную коробку с изображением города Устюга на верхней крышке, с «еленем» на дне и пейзажами по бокам.

— [[Семнадцатый век!] *Нача⟨ло⟩*] *Елизаветинское время*! — сказал он с радостью. [*А ей — он*] *И мотнул головою в сторону Айно*: *— А ей целовальный ковш привез* [2].

— Сильно скучал? — спросил Клим.

---

[1] *Текст*: кожаный чемодан ∽ западные рельсы.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Вероятно текст*: Елизаветинское время ∽ привез.— *позднейшая вставка, сделанная автором в процессе работы над БА.*

— Ну,— зачем? Это, брат, интереснейший край: [Плохо [стои‹т›] поставлено у нас краеведческое дело, [ни черта] ничего мы не знаем о себе].

«Такому [должно быть] легко жить»,— вдруг подумал Клим, чувствуя прилив непонятной грусти [1].

Было ясно, что Дмитрий не утратил своего простодушия и стал весь крепче, здоровее. Со вкусом, с удовольствием попивая чай, [[он] *брат* рассказал] *он сообщил*, что ему, конечно, запрещено учить в обеих столицах, университетских городах *и* фабричных центрах.

— Что же [ты — домой] — на родину? — спросил Клим.

— Нет,— решительно сказал Дмитрий, опустив глаза и вытирая мокрые усы ладонью, по-мужицки; *усы его загибались в рот, и это [делало его лицо] усиливало добродушное выражение лица.*— Пришлось бы жить дома, а я недолюбливаю Варавку. Ты, кажется, хорошо ладишь с ним? Я — не могу. [Предрассудок, конечно.]

«Нелепо [было] говорить так при чужой женщине» [Но Клим не успел остановить его.],— подумал Клим, а Дмитрий [вздохнул и сказал] *продолжал* тоном извиняющегося:— Чёрт его знает [он какой-то символический, как теперь говорят у нас]. Он как-то садится на всё, на дома, *на леса*, на людей, на [всё] всё! [[Что] Отец писал тебе? Нечасто? Мне довольно часто. Дети у него, мальчик и девочка. Доволен. И все богатеет.] *Хвалит [финнов] шведов, норвежцев. Он, конечно, тоже... разоблачился. Хотя тоже — здесь лишнее: Варавка не облачался в ризы идеологии, стеснительной для него* [2].

После трех стаканов чая он обильно вспотел *и* расстегнул ворот рубахи. [Шея у него тоже поросла клочками густых волос.]

— Поеду я, кажется, в Полтаву,— раздумчиво сказал он [Здесь мне разрешено прожить трое суток. Тут есть краснокрестовка Сомова,— это не наша, не Любовь? [Наша?] *Она*? Чудесно.

[Он [захохотал] засмеялся, потирая руки, и попросил Клима ‹1 *нрзб*›, блестя глазами:]

— Марину видел? — спросил Клим.

— [Нет] Она, брат, в Милане, *петь учится* Марина,— [просто и почему-то] как будто с гордостью сказал Дмитрий.],

---

[1] *Фраза вписана на полях, место вставки не указано, вводится в текст по смыслу.*

[2] *Текст*: Хвалит ∾ для него.— *написан на полях без указания места вставки и перечеркнут синим карандашом.*

потирая руки.— Сюда меня пустили с трудом, на две недели всего. Обязан ежедневно являться в полицию.— [И глаза его бл⟨еснули?⟩] И хмель в глазах его стал заметнее.

— Мобилизуемся,— с удовольствием проворчал он и кончиком языка поправил [кур⟨чавые⟩] усы, загибавшиеся на верхнюю губу [1].

— А ты знаешь, что Кутузов сослан?

[Дмитрий] Брат взглянул на него удивленно и вопросительно:

— Когда? [2] То есть. [Ага!] *Ага! Как же, знаю* [В Уржум] [В Малмыж],— бессвязно сказал он.

[— Ну, это пустяки.

[Клим тотчас насторожился, [почувствовав в ответе] заметив в словах и глазах брата удивление] *Удивление в* словах и *в* глазах брата Дмитрия заставило Клима подозрительно насторожиться, но Дмитрий [задумчиво] уже [вес⟨ь⟩]]

Он снова *начал* расхваливать поморов, говорил об олонецких сетеплётах, об охотниках, рыбаках, *об устюжских столярах сундучниках.*

— Здоровеннейший народище! Непоколебимый.

И вдруг спросил:

— Ну, а ты — как? Тебя, помнится, [не удовлетворял материализм, без которого марксизм] марксизм не удовлет-
л. 55 ворял, ты находил, что он не отвечает всем вопросам личности,— так?

Клим осторожно поправил:

— Не марксизм как учение о процессе истории, а материализм, не очень прочно связанный с ним, на мой взгляд.

— Вот! — воскликнул Дмитрий и, близко наклонясь к брату, сказал, махнув рукою за плечо свое.— Там, представь себе, я тоже одно время испытывал эту неудовлетворенность. Там, знаешь,— грозный край, холодное море, змей Мидгард, зажавший землю в кольце своем [и разные шалости природы]; ночами, брат, [оно] *море* так воет и рычит... а ночи — без конца! И разные шалости природы, например — северное сияние. Когда я впервые увидел этот мятеж [огней] *огня*, так я — не стыжусь сознаться — струсил и, вероятно, минут пять жил без ума, [опустело] [исчезло] [*весь*] пустой, как мыльный пузырь, отражающий эту *радуж-*

---

[1] *Текст*: И хмель ∾ верхнюю губу.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: [Дмитрий] Брат ∾ Когда? — *перечеркнут синим карандашом.*

ную игру холодного пламени. [Ну, а потом налетела целая туча различных «зачем»? Жил я тогда один.]

Дмитрий выпрямился, ослепленно мигнул и стер ладонью морщины с широкого лба.

— Ну, это — длинная история, об этом в другой раз. [На такие темы удобнее говорить ночами.]

Но тотчас же, снова наклонясь к брату, он спросил:

— А может быть, так и следует, чтоб идеология стесняла, а?

— Мысль церковная,— заметил Клим.

— Н-да... Похоже. Но в человеке есть тенденция расплываться, стихийничать...

Подумав минуту, он рассказал, вопросительно глядя в лицо Клима:

— Домохозяин мой, рыбак, помор, сказал мне как-то: «Вот, Иваныч, слышу, внушаешь ты, что людям надо жить получше, полегче, а ведь те, которые лучше живут, гораздо хуже тех, которые живут плохо [1]. Я тебе прямо скажу: работники мои все лучше меня, однако ж я им снасть и шняку не отдам, в работники не пойду, коли бог помилует. А по совести говорю: знаю, что работник лучше меня. И знаю, что, как все хозяева, не по-божески я с ними живу. А сделай ты их хозяевами, они тоже моим законом будут жить. Вот он, какой узелок завязан».

Он замолчал [и]. Вопрошающий взгляд его принудил Клима сказать:

— [Выход⟨ит⟩] Как будто выходит так, что идеология не стесняла твоего хозяина.

Дмитрий [невесело] усмехнулся:

— [Пить [он] начал он, а потом отказал мне от квартиры] *Он предложил мне освободить* комнату. И, вообще, знаешь... Пробовал я там говорить с [рабочими] людями — не понимают. Даже смешно выходило. *Пропагандист я... не ловкий, кажется, не убедителен,— он виновато ухмыльнулся и, почесав за ухом, вздохнул.*

Мужиковатость его не каз⟨алась⟩ Климу [деланной] [2]*, но она как будто говорила о податливости Дмитрия, о его подчинении той среде, в котор⟨ой⟩ он жил.* [3]

---

[1] *Текст*: Но тотчас ∾ живут плохо. — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слово зачеркнуто и не заменено.

[3] *Возможно, перечеркнутую вставку на полях*: Мужиковатость его ∾ он жил.— *автор намерен был переставить после слов*: рассчитывал жизнь мою» (см. стр. 430).

— Индивидуалисты — не пошатнешь. «Что же мне о людях заботиться, ежели они обо мне не заботятся?» — сказал один. А другой [мне говорит: «30 лет, проживу еще двадцать, помру, а»] говорит: «Может, завтра море смерти моей потребует, а ты мне внушаешь, чтоб я на десять лет вперед рассчитывал жизнь мою».

Айно [сидя] уютно полулежа в углу на диване, покуривая, [сказа‹ла›] сказала оттуда:

— Это очень сытые [слова] мысли, [я так думаю] но это мысли очень сильных. Мне можно говорить, как я думаю. Ну, тогда я говорю: я люблю сильные люди. Которые не умеют жить сами собой, [те пусть] тогда [пу‹сть›] они — умирают, как лишний сучок на дерево [1].

Непоследовательно перешагивая от одной темы к другой, Дмитрий вызывал у брата впечатление человека, [заплутавшегося] сбитого с пути [и], заплутавшегося, и Клим чувствовал, что [это приятно ему] *ему* приятно видеть это, приятно еще раз убедиться, что жизнь оказалась сильнее [книги] книг, поглощенных братом. Проговорили до вечера, потом пошли к Сомовой, Дмитрий понес подарок ей — большую копченую семгу. С Любовью Дмитрий встретился восторженно и *так*, как будто она [давно] *всегда* была его близким другом, чего не было.

— Да ты стала хорошенькой,— кричал он, обнимая ее, повертывая.

Сомова тоже [бы‹ла›] шумно обрадовалась.

— Ты, Митя, забыл, я всегда была красавицей! [[А ты, ты] Но каким ты стал мужиком — фу!]

[Фиона] Фиона *сначала* отнеслась к Дмитрию сдержанно, даже несколько натянуто, но [тоже быстро развеселилась, за‹говорила›] Клим ласково улыбнулся, заговорил с нею

л. 56 [2] на ты *и вообще показал, что он не намерен скрывать пред братом их отношения*, [и] это немедленно развеселило ее.

— Рассказывай,— кричала Сомова, усаживаясь на диване рядом с Дмитрием.— Помнишь, как ты, гимназистик, любил рассказывать?

— Я и теперь такой же болтун,— сказал Самгин, добродушно усмехаясь [3].

---

[1] *Вероятно, текст:* Пропагандист я ∾ сучок на дерево.— *позднейшая вставка, сделанная в процессе работы над БА.*

[2] Вторая половина л. 55 не сохранилась, л. 56 продолжает текст второй страницы л. 55.

[3] *Текст:* Проговорили до вечера ∾ усмехаясь.— *перечеркнут синим карандашом.*

Рассказывать ему не пришлось, в дверях встал, [нагнув] вздернув [голову] длинноволосую голову, *глядя в потолок*, высокий, тощий [человек] [в сюртуке] и спросил басом:

— Не помешаю?

Сомова [вскочила] соскочила на пол, схватила его за руку.

— Знакомьтесь: Платон Долганов, это — Самгин, с Фионой ты знаком; садись и слушай, этот человек из ссылки.

— Интересно,— сказал Платон Долганов и вытянул длинные ноги поперек ее [1], образовав шлагбаум.

На ногах его [были по колена] сапоги по колена, брюки заправлены за голенища, [а] его узкие плечи облекал старенький *измятый* сюртук, из-под сюртука высовывался [тоже измятый] *синий* ворот рубахи-косоворотки. [Он долго и [беспокойно] безуспешно] *Широко распахнув полы сюртука, он сел на стул* [2], *долго* [укладывая] укладывал свои длинные, [кост⟨лявые⟩] как весла, ноги, костлявые руки, [пока, наконец, не] *и*, наконец, сунул их под ягодицы себе [3]. Лицо у него было тоже измятое, серое, [старообразное] голые скулы непрерывно двигались, шевелились [золотистые] *светлые* не густые усы, *морщился бесформенный, мягкий нос*. Но старообразное лицо это освещали удивительно приятные *большие* глаза овальной формы, с белками сиреневого цвета и с золотистыми зрачками. Глаза девически ласково улыбались, еще более подчеркивая необыкновенную подвижность лица. [[Он смот⟨рел⟩] Глядя на Дмитрия как на старого знакомого, встреча с которым тихо радует его [4], [Долганов] он спросил:

— [А вы кто?] Вы где же были в ссылке-то? Ага! Что же — интересно там? Даже — очень, говорите?] [5]

Он вздохнул и [виноватым] тоном *виноватого* сообщил:

— А я вот [вес⟨ной⟩] в тюрьме сидел, в Рязани [семь месяцев, да в Крестах год. Потом отправили на родину, в Муром, там прожил почти *полтора* года, а теперь еду в Питер,

---

[1] Так в автографе.

[2] Фраза перечеркнута красным карандашом.

[3] *Слова*: костлявые руки ∾ себе.— *отмечены в тексте прямыми скобками красным карандашом.*

[4] *Слова*: Глядя на Дмитрия ∾ радует его — *первоначально были написаны на полях, перечеркнуты наискось карандашом, потом повторены в тексте и здесь зачеркнуты до слова*: говорите?

[5] *Над словами*: что же ∾ говорите] — *на верхнем поле страницы, запись, не прикрепленная к тексту*: Дмитр⟨ий⟩, улыбаясь, ответил: — Ага! Слышал. [Из] Давно из ссылки?

хлопотать, чтоб меня допустили в [Томск⟨ий⟩] Томск, в университет.

— Не пустят,— *сухо* сказал Клим Самгин, которому человек этот не понравился.

— Ну,— чёрт с ними! [— Говорил он, неторопясь] Петербург посмотрю, а то — неловко, год сидел в столичной тюрьме, а столицы не видел,— *мя⟨гко⟩*],— *баском* говорил Долганов, не торопясь, [он смотрел на Дмитрия, улыбаясь] склонив голову на бок, так круто, что [его] космы его темных волос осыпали угловатое плечо.

[— Вы — по какому делу? — спросил Дмитрий тоже очень дружелюбно.

— Пропаганда среди крестьян, будто бы, а — какая пропаганда. Читали книжки, [я] *моя* сестра и *я*, [и жена лесничего, ну, *там* объясняли кое-что] *беседовали*. Было у нас два кружка, человек [одиннадцать] девять парней, было четверо мужиков, портной был, он всех и выдал, несносный человек. Ужаснейший самолюбец.] [1]

Человек этот не понравился Климу сразу, как только вошел, а особенно [после того] с той минуты, как только он подсунул под себя руки. Клим посмотрел на Айно, было неловко пред нею за такого гостя, но она сосред⟨оточенно⟩ варила кофе. Клим достаточно насмотрелся на чудаковатых людей и не любил [и опасался [их]. Ему казалось] их, будучи уверен, что [[каждый из них лишь потому чудит, что хочет обратить на себя] они лишь потому чудят, что хотят привлечь к себе внимание и симпатии окружающих] чудачество — [это] [сознательная] не хитрая игра в оригинальность, что это ставка на внимание [и симпатии] окружающих. Был он уверен и в том, что чудак этот, увлеченный игрою, способен на самые отчаянные выходки. [Вообще, чудак это — вредный человек.] На полоске бумаги, развернутой им, он с негодованием прочитал:

«Это наш земляк Платон Долганов. Он даст тебе кое-что, привези. Л. С.» [2]

— Вы народник? [— спросил Клим.

— Я? Разумеется! — неожиданно задорно ответил Долганов, искоса посмотрев на него, и обратился к Дмитрию: — А вы тоже народник?].

---

[1] *Текст*: Вы — по какому делу? ∾ самолюбец.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Вероятно, текст*: Человек этот ∾ привези. Л. С.» — *позднейшая вставка на полях, сделанная в процессе работы над БА.*

— Марксист,— сказал Самгин старш⟨ий⟩, улыбаясь.

Долганов вздохнул:

— А не похоже. У вас такое простое, русское лицо, да и весь вы... Марксист — чистенький, лощеный и на все смотрит [с презреньишком] *с немецкой* философической колокольни, сквозь арифметику, с презреньишком. Вот, брат ваш [,— если это верно, что брат...]...

— Не задирай, Платон,— смешливо, *но и поощрительно* сказала Сомова, а Клим спросил не очень любезно:

— Почему? Мы не похожи на братьев?

— Никак,— ответил Долганов.

Клим услышал, что [*она сказала это поощрительно. «Хочет быть зрительницей словесного боя»,— подумал он и решил воздержаться от беседы с чудаком. А тот*] [*это*] *о нем было сказано задирающим тоном и видел, что Долганов явно настраивался* [*именно*] *к бою*; *он обеими руками забросил пряди волос на затылок, и волосы его вздыбились там* [*как шиньон*] *некрасивой кучей* [*растрепанным шиньоном. Руки*]. *И вообще волосы его лежали неровно на черепе, как будто череп имел форму шляпки кованого гвоздя. Подобрав ноги, он вытянул руки из-под себя, зажал их между колен,* [*подобрав ноги*] *его колени образовали совершенно прямые и острые углы.* Разглядывая Дмитрия с [явным сожалением и даже огорченно, он посматривал на Фиону, хлопотавшую у стола] *улыбкой* сожаления, он [говорил] спросил:

— [Единоутробный] *Двоюродный*, должно быть, или [двоюродный] единоутробный, а не родной вам?

— Нет, родной,— сказал Дмитрий, [тоже] улыбаясь.

— Странно. Человек совсем другого облика.

Долганов замолчал, оттопырив сиповатую нижнюю губу, прищурил левый глаз и осмотрел Фиону [хлопотавшую у стола]; она хлопотала у стола, [собирая ча⟨йную⟩] бесшумно расставляя чайную посуду. [На ней бы⟨ло⟩] Была она в [зеленоватом] черном, бархатном платье, застегнутом большими, [как луковицы] точно луковки, пуговицами, подпоясанном зеленым кушаком, концы которого спускались почти до пола. [Она] [*Фиона, видимо*] Она не понравилась Долганову, Клим заметил, что он смигнул и *легонько* потряс головою, как это делают [нервные] барышни [при виде червяка или], *видя* [лягушку или червяка] *неприятное* [1].

---

[1] *Текст*: Фиону [хлопотавшую ∾ неприятное.— *перечеркнут синим карандашом. Здесь же, на полях вместо фразы*: Фиону ∾ чайную посуду — *Горький написал*: Айно, она бесшумно мыла стаканы.

— Ой, Платон, чувствую,— собираешься ты скандалить! — воскликнула Сомова подзадоривающим тоном и обратилась к Дмитрию: — Это — *жестокий* старообрядец, протопоп Аввакум, глазенки ласковые, а сам — зверь!

— Верно,— сказал Долганов уже без улыбки.— Я — человек ортодоксальный. И[1] люблю сразу определять отношения, да! Я вот нахожу, что политические *симпатии*, взгляды определяются не по признаку классовому, а по национальному. И что Михайловский, [да] и вообще наши, не договаривают до конца, [стесня‹ются›] стесняются признать связь *идеологии* народничества со славянофильством. Это — «страха ради иудейска». Ничего не значит, что славянофилы — баре, [Герцен тоже] [2] барином был. Но ведь именно [славянофильство открыло подлинное лицо и осветило душу народа, который понимается от] *они* открыли, *осветили* подлинное лицо и душу народа. *Киреевский, например.* Народ понимается не сквозь [статистику] *цифру, а сквозь песню* [и], через фольклор, и [сборники] любая книга: Афанасьева [Сахарова] или [даже] сборники народных песен [Рыбникова, Киреевского] Сахарова, Снегирева, Киреевского [дал‹и›] больше дают материала к пониманию народа, чем все ваши [земские] земско-статистические сборники.

Говорил Долганов, как привычный оратор, легко владел своим суховатым басом, лицо его морщилось, [казалось] хотело быть сердитым, но глаза мешали этому, сияя всё мягче и ласковее.

— Ну, знаете, это все старо,— небрежно сказал Клим Самгин, Дмитрий слушал молча, с любопытством посматривая на оратора.

— Старо, да — наше, русское. И не всё старое достойно осуждения. Евангелие — тоже старенькая книга, а [идеи-то] *основные-то* идеи социализма заложены в нем и у пророков. А [вот] наше еврейско-немецкое учение ненависти, совершенно неприложимое к нашей действительности, на что и сам Маркс указывал, это учение намерено прервать ход развития национальной русской культуры — в угоду чему? Отнюдь не в угоду освобождению человека, а наоборот, *вя-*

Исправление сделано в период работы над БА, где описание платья Фионы было также отнесено к Айно.

[1] *Текст:* Ой, Платон ∾ ортодоксальный. И — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*

щему закрепощению его в [железную] железную клетку индустриальной техники.

Он раскачивался на стуле, разогревался, [голо⟨с⟩] его слова звучали строго и укоризненно, из-под усов оскаливались желтые, крупные зубы, лицо странно вспухало и опадало.
л. 57 Он гладил широкими ладонями ноги свои, бока, узкую и вогнутую грудь, вскидывал их, приглаживая волосы дьячка, и нелепо вертел пальцами в воздухе. Клим Самгин находил, что его жесты сознательно неуклюжи, а речь [звучала] затхлая, скучная. Дмитрий хмурился, потирая и пощипывая бороду, вопросительно, искоса поглядывая на [Сомову] *Айно* [1]; она блаженно улыбалась, [чего-то ожидая, видимо] [нетерпе⟨ливо⟩] и было ясно, что она чего-то нетерпеливо ждет, похлопывая [рукою] *ладонью* по колену своему [быстренько облизывая губы. Фиона солидно разливала чай.

«Хочет показать, что [ее уже нельзя удивить] *она* уже ничему не удивляется,— подумал Клим, сердясь.— [Этим] *Так* всего удобнее скрыть свое невежество.].

[Сердился он] *Клим* сердился потому, что чувствовал: этот нелепый человек [и] говорит и, *очевидно*, может сказать *еще* много такого, что [мог бы] звучало родственно тайным симпатиям его, Самгина [что было близко речам историка Козлова].

— [Ваше утверждение] Мысль, что «сознание определяется бытием» — [ошибочная] вредная мысль,— слышал Клим.

— Позвольте,— глухо *и в нос* сказал Дмитрий.

— Вреднейшая мысль. Она ставит человека в позицию механического приемника впечатлений [[грозит] и в ней скрыт консерватизм, она оправдывает его зоологические инстинкты и консервирует их] *бытия, в позицию покорного раба природы и социальных условий* [*и не*]. *Эта мысль не может объяснять*, какой же силою человек преображает бытие? [*Но*] *А ведь бытие никогда не было — и не будет — лучше человека*, [*а*] *но человек давно стал уже лучше бытия и навсегда пребудет* недоволен им, [*ибо человек есть воплощение всяческой ненасытности, он всегда реформатор и моментами — революционер*] *навсегда*!

— Вы — семинарист? — спросил Клим.

— [Я человек!] Ну да, и — что же! — сказал Долганов и взмахнув руками, привстал на стуле. Это вышло у него

---

[1] Замена имени: Сомова на Айно — вероятно, сделана в процессе работы над *БА*.

[очень странно] *неестественно*, казалось, что он приподнялся со стула, не упираясь [руками] ногами в пол, а подкинул себя в воздух именно взмахом рук. И вообще, чем более Клим присматривался к нему, тем больше видел в нем странностей.

«Какая схема человека или — скорее — детский рисунок»,— подумал он [с любопытство⟨м⟩], ожидая, [что скаж⟨ет⟩] как возразит Дмитрий.

— [Человек я] Сем⟨инарист⟩,— повторил Долганов, *снова* закинув волосы на затылок и обнажив четко вырезанные раковины ушей, совершенно схожих с вопросительными знаками.— И убежден, что мир осваивается воображением, а не размышлением. Человек же, прежде всего, художник, и размышление [его] только вводит порядок в *его* опыт [вносит гармонию в хаос] [служа моему стремлению внести гармонию в хаос].

— Это отчаяннейший идеализм,— сказал Дмитрий, ворчливо и неохотно.

— Ну да, идеализм,— уже заносчиво подтвердил Долганов, и глаза его потемнели.— А чем иным, как не идеализмом, можете вы очеловечить зоологические инстинкты? Дарвин с Геккелем тут вам не помогут.

И, снова подскочив на стуле, он продолжал:

— Вот вы теперь, в экономику углубляясь, отвергаете необходимость политической борьбы, и это есть пагубная для вас уступка [мат⟨ериализму⟩] вульгарному материализму, пагубная,— потому что [народ-то] *рабочий* народ пойдет за нами, [им] [ему] потому что он начинает понимать сущность и цену политической [бо⟨рьбы⟩] свободы. Борьбой за [лишний] гривенник не далеко его уведете, да и не позволят вам расширять эту борьбу, ведь не с дураками имеете дело.

Он встал, встряхнул [головою] *волосами*, потом нагнул [1] шею, и волосы снова осыпались на щеки его, на лоб. Глядя на Самгиных из-под волос, спрятав руки за спину, он сказал насмешливо:

— В сущности — вы дети *духовные* нигилистов, [кот⟨орые⟩] но вам уже хочется верить, а дурная наследственность мешает этому. Вот вы и выбрали из всех верований самое легкое и простенькое — экономический материализм, хе-хе!

---

[1] *В рукописи*: пагнув.

[См⟨ешок⟩] Дразнящий смешок прозвучал мальчишески, [не в лад со всем тем, что было сказано Долгановым, и] совершенно не совпадая с длинной фигурой Долганова, с его старообразным лицом и не в лад с [тем] *его* тоном.

— Путаники,— сказал он, вздохнув, и добавил пророчески: — А все-таки, пойдете в ногу с нами. Аполитизм ваш — ненадолго, [ско⟨ро⟩] сами увидите, что это штучка предательская.

Он [шагнул к Сомовой] *встал*, разгребая воздух руками.

— Люба, я, собственно, к тебе, по поводу этой вечеринки с литераторами...

— [Идем,— сказала Любовь.] А чаю не хочешь? — спросила Сомова.

— Нет.

— Идем.

Когда Сомова увела его к себе, Клим спросил брата:

— Ты что же не возражал ему?

— Заслушался. Интересно,— ответил Дмитрий, вздохнув, наклонясь над стаканом чая.— А — ты почему молчал?

— Но ведь — чепуха,— сказал Клим, пожав плечами.— Обо всем этом гораздо остроумнее пишет Робинзон в «Нашем крае». Читал.

— Да. Скверненькая газетка.

Отодвинув [от] стакан, Дмитрий [сказал] задумчиво посмотрел на брата и заговорил, улыбаясь в бороду:

л. 58 — Я такого *не* впервые встречаю [1].

— Неприятный человек,— тихонько заговорила Фиона.— Заметили, какая жуткая улыбка у него? Мне кажется, он и [убьет] убить может с такой улыбкой.

Дмитрий искоса взглянул на нее и сморщил лицо, как будто у него внезапно заболели зубы, затем поискал чего-то ложкой в стакане чая и сказал:

— Об экономизме-то он, пожалуй, не глупо говорил. Тут у нас что-то неладно. Пренебрежение к политике несколько смущает меня, не понимаю, как можно недооценивать значения политических реформ, например,— свободы слова, собраний? А ты — как?

---

[1] *Текст*: Люба, я, собственно ∾ встречаю.— *перечеркнут синим карандашом. Следующий далее текст зачеркнут тем же карандашом — см. варианты черновых автографов к л. 57* (Варианты, т. VIII, кн. 2).

И гримаса брата, и не решительный тон его снова заставили Клима подозрительно насторожиться. Он обратился к Фионе:

— Расскажи ему об этом шуте,— помнишь? Как его?

— Он — не шут,— осторожно поправила Фиона.— Он — из таких... несогласных, бунтующих ради бунта...

— От скуки и для соблазна барышень,— вставил Клим, а Фиона [доволь⟨но⟩] сказала [Дмитрию]:

— Он любит дразнить уверенных людей. Называет экономику — мамашей, а политику — дочерью и находит, что молодым людям естественнее и приятней ухаживать за дочерью.

[[Дмитрий] *Тот* вопросительно [посмотрел на нее] подождал и, вздохнув, сказал:

— Ну, это, *конечно*, пошловато]

Она проговорила [это небрежно [и], не глядя на Дмитрия] это с напускным равнодушием, заботливо перетирая чашки и не глядя на Дмитрия, а он, глядя в лоб ей, подождал, не скажет ли она еще что-нибудь, и вздохнул:

— Пошловато.

— А тебе не кажется, что тут тоже есть какая-то правда? — спросил Клим.

Дмитрий неопределенно [промычал] покачал головою [и, надув щеки], почесал щеку, [сморщив лицо, так] и вздохнул:

— Не знаю, может быть и есть. Я, брат, несколько запутался в правдах...

Клим иронически спросил:

— В [правде-истине и правде-справедливости?] истинах и справедливостях?

Ему показалось, что брат взглянул на него с упреком.

— Нет,— в правде фактов, [они] они, видишь ли, как будто... [солидные элоквенции Михайловского, что ли] вне истины [и], справедливости и вообще вне нашей, интеллигентской, элоквенции. Много я видел и слышал за эти годы. [И] А, знаешь, когда сойдешься вплоть с народом, так [начинае⟨шь⟩] чувствуешь себя иностранцем... если внимательно всмотреться в жизнь народа, вслушаться в мысли его.

— Это уж, кажется, что-то от Льва Толстого,— иронизировал Клим, чувствуя, как пошатывается брат.

— Толстой — тоже факт и, значит,— правда,— упрямо *и задумчиво* говорил Дмитрий [и голос его звучал всё].— Познакомился я, между прочим, с одним ссыльным в Устю-

ге, преподаватель семинарии, очень начитанный человек [отличный музыкант]. По ходу мысли он [похож на этого] *как этот...*

Дмитрий кивнул головою на дверь в комнату Сомовой.

л. 59 — Но этот [кажется] — *сразу видно — верующий и* честный, потому и грубит, а тот — [любезный] [сладкий] мягкий [и сам себя] [и по], *но циник.* Он сам себя откровенно называл «ловцом человеков». Как-то, выпивши, он изъяснился мне: «Вы, говорит, жестоко ошибаетесь, воображая, что русского человека легко в политику вашей [сухой] *жесткой* экономикой загнать.— Нет, говорит, его надобно [в эт‹у›] туда заманивать [сладеньким идеализмом] романтизмом, героизмом [эдаким], «освобождением славян из-под ига турок», *и, вообще,—сладеньким, как он говорил.* Надо внушить, что он не за себя лично, а за ближних должен стараться.

Дмитрий [начал рассказывать] [рассказывал] *начал* рассказывать [задумчиво] невесело и как бы [неохотно] нехотя, но быстро оживился, заговорил торопливо, растягивая и подчеркивая отдельные слова, разрубая воздух ребром ладони. Клим догадался, что брат пытается воспроизвести характер чужой речи, и, видя, что это выходит у него неумело, даже смешно, подумал:

«Как он бездарен!» [1]

И осведомился:

— Он сильно пил?

— Нет,— сказал Дмитрий не сразу и [вздохнув] [перестал], перестав рубить воздух рукою, вздохнул.— Какой ты... скептик... Нет, он пил меньше других. Он, вообще, осторожный человек. У него — такая мысль: русский человек [наивен] [*глуповат* и стыдлив] нерешителен, [стыдлив] *запуган,* себя самого [он] ценить не умеет и для самозащиты топора в руки не возьмет. Но, в то же время, он — хитер, понимает, что уже пришла пора не только защищаться, а и нападать, и вот хотел бы прикрыться: я, дескать, не за себя, а за других. [Тут] *Он, учитель этот, допускал, что тут,* может быть, и совесть играет некоторую роль: не за землю, не за гривенник [надо] драться надо, а за любовь, за совесть.

[По‹гладив?›] Дмитрий крепко [вы‹тер›] погладил ладонями волосатое лицо и продолжал вполголоса:

---

[1] *Текст:* Дмитрий начал ∾ бездарен!— *в автографе взят в прямые скобки, сделанные пером.*

— Разумеется,— поссорился я с ним, возмутило меня это соединение идеализма с цинизмом. Но вот какая штука, мы, я и еще один, [ры‹бак›] сельский учитель, нижегородец, [пробовали там] *пытались* разговаривать, и нас — не слушали, а [его] он, представь, [со всеми] был там [апостолом Павлом] любимым апостолом: удивительно популярен.

Он замолчал, вопросительно глядя на брата, а Клим *невольно* улыбался, покручивая бородку. Ему приятно было видеть Дмитрия [неу‹веренным›] запутавшимся, неуверенным, не похожим на тот живой словарь, каким он был в Петербурге, приятно было убедиться в том, как легко и быстро жизнь *смущает* и шлифует угловатых [занос‹чивых›] людей, корректирует [наспех] [*их*] мысли, принятые наспех.

— Помяло тебя немножко,— заметил он.

— Ты, как будто, рад этому,— спросил Дмитрий.

Клим не успел ответить: из комнаты Сомовой выплыл Долганов; странная у него была походка: длинные ноги шагали мелко и [как ‹будто›] *точно* обе вместе, [пры‹жками›] короткими прыжками, руки разгребали воздух, [как воду] длинный корпус изгибался, ныряя.

— Прощайте, [марксисты] марксист,— сказал он, подавая широкую ладонь Дмитрию и [у‹лыбаясь›] добродушно улыбаясь:— Мы вас вздрючим,— будьте уверены!

— Каков? — спросила Сомова, [когда] проводив его и подсаживаясь к столу.— [Еще он] Он сегодня не в ударе был, а то бы он вас — загрыз! Он — яростный.

И хотя никто не просил ее об этом, Сомова начала [оживле‹нно›] бойко рассказывать.

— Самый последовательный из всех народников, которых я знаю. По его взглядам, мир строится из личностей, как материя из атомов, и для познания [мира] истории необходимо изучать, прежде всего, [личность] человека в нем самом, а не в социальной среде, не в эпохе, человек всегда забегает вперед своей эпохи; примеры: Галилей, [Дарвин], Кювье, *все социалисты*: *Кампанел‹ла›*, *Сен-Симон*, *Фурье*, примеров у него — сотни [я уже не помню всех. И] *Я* не совсем понимаю его, [потому что] [Он говорит также, что святые и преступники, мудрые и глупцы — одинаковы во все времена.] но — он мне нравится... Не очень.

Жадно выпив остывший чай, она продолжала, вызывающе глядя на Клима.

— Мне [вообще] *больше* нравятся люди неопределившиеся, с капризами. Долой верующих, да здравствуют искате-

ли. Человек интересен тогда, когда нельзя сразу догадаться: какой он? Я — хитрая, я против того, чтоб узнавать до конца [1]. Это — нехорошо, Митя?

— Не знаю,— сказал Дмитрий, разглядывая ее очень серьезно.

— Наверное, знаешь, но не хочешь сказать. Ты всегда всё знал.

Фиона слушала Сомову очень внимательно, и Клим подметил, что она смотрит на него спрашивающим взглядом. Клим нахмурился, находя, что Сомова ведет себя слишком размашисто, даже, пожалуй, неприлично. Он давно заметил, что Сомова как-то подскакивает, набрасывается на мужчин, и знал, что в кружках к ней относятся пренебрежительно, называют ее Сомихой, с тою фамильярной тепловатостью, которая должна бы обижать всякую другую девушку. Ему казалось, что поведение Сомовой объясняется неудовлетворенным голодом ее [кругленького] круглого жирненького тела, это возбуждало в нем брезгливые мысли [2]. И с некоторого времени [ему чу‹дилось?›] он стал подозревать, что Сомова дурно влияет на Фиону, заставляя ее задумываться над чем-то и [подсматривать за ним] посматривать *на него* спрашивающим взглядом. [Она] А кроме всего этого, Сомова — *как многие* — обладала неприятной способностью забегать вперед его, высказывая те мысли, которые должен был высказать он.

Вот и сейчас она задорно сказала Дмитрию:

— Ты забываешь, что среди нерешенных вопросов есть вопрос о праве насильно навязывать друг другу наши принципы и убеждения...

— Как это — насильно? — спросил Дмитрий, усмехаясь.

Клим вдруг почувствовал, что эти несколько часов с братом утомили его и что Дмитрий *достаточно* исчерпан [и он] им. Он встал и деловито заявил, что [ему нужно идти] *у него* есть неотложное дело и что он уходит.

— Часам к десяти я возвращусь. Тебе, Дмитрий, придется ночевать здесь, у меня — негде, ты видел.

— Я могу на полу.

— Зачем же? Здесь найдется всё, что надо.

— Конечно,— подтвердила Фиона.

---

[1] *Текст*: Человек интересен ∾ до конца.— *подчеркнут красным карандашом.*

[2] *Текст*: Но этот [кажется] (стр. 439) ∾ мысли.— *перечеркнут синим карандашом.*

[Од⟨еваясь⟩?] Когда он одевался в прихожей, Сомова восторженно крикнула:

— Но — милые мои! До чего жизнь интересна!

«Дура»,— подумал Клим Самгин, [в] и в сотый раз напомнил себе, что все эти споры, жалобы, вопли, разноречия, есть не что иное, как птичий гам, выражение заботы каждого человека найти для себя уютный уголок и свить в нем [боле⟨е⟩] прочное гнездо.

Шагая по растаявшему снегу, мимо фонарей, окутанных туманом, он удовлетворенно вспоминал брата, его [речи,] рассказы, речи [и еще ра⟨з⟩].

«Да, запутался он. А ведь [как] был твердо настроен
л. 60 Кутузовым. Интересно, как они встретятся? Но, может быть, и Кутузов [тоже отшлифуется?]?» [1]

Неприятно было думать о Долганове. Вот еще человек из того угла, набитого невероятным, откуда вылезают Лютовы, Дьяконы, Диомидовы, проповедники о трех пальцах и вообще люди с воспаленными мозгами.

Самгин неясно понимал, что именно заставляет его относиться особенно враждебно к людям этого порядка, но вражда его к ним все возрастала. [Оск⟨орблял⟩] Был непонятен и даже оскорблял самый факт существования таких людей, а иногда смутно думалось, что каждый из них присвоил себе какую-то черту, законным владельцем которой должен бы явиться он, Клим Самгин.

Да, было бы хорошо, если б исполнилось пророчество Стратонова и все эти люди исчезли [как пыль от ветра].

Дунаев, Вараксин, кривоносый Фома и другие рабочие не беспокоили его, он считал их безразличными, туповатыми парнями [которых]. «Объясняющий господин» Суслов, заместитель Маракуева, [может] начинял *по субботам* историей революционного движения [Но], *и Клим уже не думал, что эти люди [способны], разнохарактерные, но одинаково недоверчиво слушавшие учителя, могут быть опасны, и не верил, что Суслов может воспитывать революционеров, но видел, что он [очень] более успешно, чем Мар⟨акуев⟩, делает людей грамотными, возбуждая [их] в них интерес к прошлому.*

Господин Суслов [был [человек] человечек л⟨ет⟩ 45-и], человек маленький [аккуратно одетый в потертый, туго застегнутый], тощий, туго затянутый в потертый пиджачок

---

[1] *Над этими словами, на верхнем поле листа, рядом с нумерацией, помета Горького красным карандашом:* возвратиться к 51, *сделанная, видимо, при подготовке БА.*

цвета осенних [*ту⟨ч⟩*] *облаков*, он обладал тихим, *но неистощимым голосом*, детскими ручками и лицом подростка, у котор⟨ого⟩ преждевр⟨еменно⟩ выросла борода. Лицо это украшали черненькие мышиные глазки, остренький, птичий нос и *почти* безгубый ротик [в котором]. Когда он улыбался, тоненькие губы его не растягивались, а [собирали⟨сь⟩] сжимались так, как будто он хотел свистнуть [1], а когда говорил, во рту блестели мелкие [плотно составленные зубы] *зубы, и хотя они были* составлены плотно, а казалось, что качаются, подпрыгивают, точно [кла⟨виши⟩] клавиши гармонии. Ему уже было [за тридцать], *наверное*, [под] *за сорок* [лет], лет, среди его *темных* волос, гладко приклеенных к черепу, просвечивала лысина, *на висках и* в кончиках усов блестели седые волосы, и всё-таки он внушал Климу впечатление преждевременно состарившегося подростка [Сомова называла его «дядя Миша». Был он [смирный и] тихий, очень убедительно говорил о необходимости самопожертвования [и всегда казалось, что говорит он из-за угла], говорил, *точно сказку* [*рассказывал и* склоняя] *рассказывая*, склонив голову к плечу, [и каза⟨лось⟩] [и] можно было думать, что] [*Сомова, называя его «дядя Миша», рассказала, что он в юности своей неоднократно сиживал в тюрьмах, был в ссылке*] *и отличался тихим, но необоримым упрямством во всём, что он делал. Но Клим* [*бы⟨л⟩*] *находил, что она* [*счита⟨ет⟩*] *принимает за упрямство чиновничью аккуратность Суслова и его методичность, в которой было что-то меланхолическое. «Дядя Миша» очень подробно рассказывал о страданиях интеллигенции в тюрьмах, в* [*ссы⟨лке⟩*] *ссылке, на каторге, очень убедительно говорил о необходимости самопожертвования*, [*говорил вполголоса, точно страшные сказки рассказывая*] *склонив голову к плечу, как будто* за левым плечом его стоит некто невидимый, [[нашептывая] внушая ему странные слова.

— Так *эти* герои, не щадя жизни своей, вырывали гвозди из крышки гроба народной свободы...] *подсказывает ему странные слова.*

Выходило [*что он при⟨зывает?⟩*] *так, будто он внушает:*

— Зовите народ в помощь интеллигенции [2].

Дунаев и Вараксин перестали посещать кружок.

---

[1] *Текст*: Вот и сейчас она (стр. 441) ∾ хотел свистнуть — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Фразы*: Выходило ∾ интеллигенции.— *написаны на полях без указания места вставки*; *вводятся в текст предположительно.*

— Вараксин — уезжает, а я в другую веру перехожу,— объяснил Дунаев с неизменной своей улыбочкой. На их место явилось трое: красивый еврей портной Маркин [водопроводчик], бойкий племянник кривоносого Фомы и большой [тяжелый] парень *кондуктор* Акимов, человек с [уродливым] *тяжелым* затылком, который [странно] как-то распух, раздулся и свисал на короткую толстую шею. [От этого] Акимов ходил *и сидел*, наклоня голову, [смотрел исподлобья] смотрел *на всех* исподлобья, *но* очень спокойно и доброжелательно, [но] однако иногда ноздри его широкого носа раздувались, как у норовистого коня [и], он [спрашивал:

— И [его] *этого* повесили?] громко крякал и спрашивал, конфузливо глядя в грудь Суслова:

— Значит,— [эти] без толку пропали? [А осталось их — много ли?]

[Пренебрежительное отношение] Пренебрежение к Суслову и его *покорным* ученикам так устоялось у Самгина, что [[он готов был счита⟨ть⟩] иногда он считал его добродушием] он уже считал [[его] это чувство добродушием [человека, который]. Трудно было предста⟨вить⟩] это свое чувство добродушием.

И в тоне этого добродушия он говорил маленькому Суслову:

— *Мне кажется, что вы [[учите] их] освещаете историю несколько односторонне, она у вас [веста⟨ет?⟩] — ряд катастроф, между которыми не видно эволюционной связи. Я думаю, что невозможно воспитать [десятки тысяч] тысячи героев [и необходимо стараться создать] и что нам необходимы сотни тысяч культурных работников. Ведь мы уже не мечтаем о терроре...*

Суслов, мигая черненькими глазками, вяло возражал:

— *Еще процесс 193 доказал невозможность культ⟨урной⟩ работы.— Если Суслов говорил не с рабочими [своего кружка], он говорил всегда вяло [и], безнадежно глядя в сторону от собеседника и засунув ручки в карманы пиджака, что делало его похожим на букву Ф.* [1]

Ему ⟨Климу⟩ уже казалось, что он чем-то руководит, [что⟨-то⟩] что-то направляет [что в сложной] *и что в* жизни огромного города у него уже есть свое место [В этом его убеж-

---

[1] *Возле этих слов помета красным карандашом:* Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует. Возможно, эта помета означает, что весь текст:* И в тоне ∾ похожем на букву Ф. —*позднейшего происхождения и предназначался как вставка к БА.*

дало] и свое назначение [[быть регулятором] [назнач⟨ение⟩ быть регулятором слишком бу⟨рных⟩] *укротителя мальчишески* дерзких мыслей и бурных чувств]; *он владеет волями людей*, *он их умиротворяет*.

На собраниях у Прейса, все более многолюдных, он говорил [как всегда сдержанно и экономно:

— В [студенческое движение] студенческом движении совершенно ясно сказывается]:

— Студенческое движение [являет собою чисто] [факт чисто эмоциональный] *насквозь* эмоционально, это оппозиция ради оппозиции. Кровь кипит, сил избыток. Но следует понять, что тут скрыта серьезная опасность: настроению студенчества соответствует, как нельзя более, [наро⟨днический?⟩] романтизм народников.

[Говорил он, *как всегда* сдержанно, немногословно, его хорошо слушали и это] Пояркову, который жил [угрюмо сжав зубы] [сердито сверкая разноцветными глазами] нахмурясь и двигал челюстями так, как будто [он] беззвучно скрипел зубами, Клим осторожно внушал [что студенческое движение буржуазно]:

— [*Мне кажется*, что студенческое движение может бы⟨ть⟩] Студенчество буржуазно и не может быть иным, это его естественная окраска.

Поярков, [который вел марксистские кружки среди сту⟨дентов⟩] руководя кружками студентов-марксистов, угрюмо говорил:

— Это — так, но нам нужны люди, способные вести рабочие кружки [вот и приходится возиться с]. Вы думаете — это забавно, возиться с [людьми] цыплятами, из которых не выйдет бойцовых петухов? А — учителя нужны.

А [рук⟨оводителей⟩] вождей студенчества Самгин убеждал:

— Не думаю, чтоб вы добились чего-нибудь, но совершенно ясно, что [1] огромное количество ценных сил тратится [без], не принося стране никакой пользы. Русский народ прежде всего нуждается в десятках тысяч квалифицированной интеллигенции и нам [нуж⟨но⟩] следует расходовать наши силы с величайшей бережливостью.

[Он был уверен, что его слова умиротворяют людей и что он владеет их волями.]

---

[1] *Текст*: Ему ⟨Климу⟩ уже казалось (*стр.* 444) ∾ ясно, что — *перечеркнут синим карандашом.*

Он *искусно* умел противопоставлять фактам — факты, и его широкая осведомленность действительно создавала ему репутацию солидного человека, [человека] который умеет отсеять отруби незначительного и ошибочного от питательной муки общезначимого и важного [1]. [[В общем он] Он был доволен собою, и жизнь его наладилась и текла спокойно, лишь изредка [прерывае⟨мая⟩] ее прерывали эпизоды, несколько смущавшие его.]

Фиона убедила его, что дешевле жить вместе, он нашел, что это действительно удобнее для него [и]. Сомову переселили в комнату, где жила Лидия, а он устроился в большой, не очень светлой [но уютной комнате дяди Хрисанфа] [2]. О Лидии он вспоминал [нечасто] все реже и *только* как об одной из тех ошибок, вспоминая которые солидные люди стыдливо морщатся. Было даже [как-то] неловко вспоминать, что [еще год тому назад] *когда-то* он воображал, будто бы [может] существует любовь иная, чем та, которой [щедро и] с постоянной готовностью и щедро, но не [навязчиво] *утомляя*, одаряет его [деловитая, заботливая Фиона] *Варвара*. Ему уже нравились ее [чуткие] глаза [цвета [мор⟨ской⟩] зеленоватой воды, чутко подмечавшие], *влюбленные*, *они* чут-
л. 61 ко подмечали его настроения [ее] и желания, ему было лестно [уважение] внимание Фионы [ко все⟨му⟩] [уважение ее], *доверие к его словам*, *он уже любил ее* смешные шершавые ноги, горячее тело и заботливые ласки ее. Он убедился, что Фиона в меру умна для жены и в меру глупа. Он сделал ее зеркалом и приемником своих мыслей [и слов⟨?⟩] и, по вечерам, глаз на глаз с нею, *увеличивая запас охлаждающих слов*, проверял [хода этих мыслей] *успешность своих поисков пути* между да и нет [поисков третьего ответа]. И, хорошо понимая, [что] чего [он] хочет [он как-то] он, в один из таких вечеров Клим сказал:

— В логике есть закон исключенного третьего, но [моя милая] жизнь строится не по [законам логики] логике, как мы видим. [Нет логики в том, что] [Например] Разве логична проповедь гуманизма, если борьба за существование — неустранима? [Психология русской интеллигенции иррациональна.]

---

[1] *Текст*: огромное количество ∾ важного.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Фиона убедила ∾ дяди Хрисанфа.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Ты удивительно рассуждаешь,— сказала Фиона [1].

[Этой ‹?›] Дня за два до этой беседы, придя домой, Клим услыхал в комнате Сомовой голос Дьякона, а заглянув в неприкрытую дверь, увидел, что Дьякон сидит на стуле, засунув под него длинные свои ноги так, что, казалось, он и не сидит, а стоит на коленях. Сомова у окна читала мелко исписанный листок, [дума‹ла?›] читала улыбаясь, облизывая губы [лицо ее светил‹ось›].

— Их там девять человек,— говорил Дьякон вполголоса.— Один — литератор, вихрастый, на беса похож и вроде полуумного.

Клим бесцеремонно шагнул в комнату, Сомова [посмотрела] *взглянула* на него через письмо ослепленными глазами [и], как сквозь сон, и снова начала читать, закрыв лицо письмом, [ска‹тывая?›] в другой ее руке [был] *похрустывал* конверт, она скатывала его шариком о свое бедро. Дьякон не вставая *и молча* протянул руку. Он был одет в толстую драповую куртку, подпоясан ремнем [высокие сапоги], это придавало ему сходство с охотником.

— Откуда? — спросил Клим.

Неохотно и даже как будто недружелюбно Дьякон ответил:

— Из Вологодской губернии.

— Работаете на стеклянном заводе?

— Оказался негоден.

Сомова, кончив читать, сунула смятый конверт в карман юбки, присела на подоконник и [аккуратно], бережно складывая письмо, вздохнула.

— Очень хорошо говорите вы.

— Хорошо говорить многие умеют, а надо говорить правильно,— сказал Дьякон, и, надув щеки, фыркнул так, что у него ощетинились усы.— Многого не понимаю. Они там вовлекли меня в разногласия свои и смутили. Я — Христа ради в социалисты пошел, по вере моей во Христа без чудес, с одним только чудом любви его к человекам. [А они, действуя]

Слушать дьякона было скучно. В окна толкался темный ветер, [дождь] *сухой снег* царапал стекла, как [ребенок] *дитя* пальчиками. Гудело в трубе. Сомова встала, вышла на средину комнаты и остановилась, точно пред незримой сте-

---

[1] *Текст*: Он сделал ее зеркалом ∾ сказала Фиона.— *перечеркнут синим карандашом*.

ною, [и на лице ее все еще сияла улыбка] прислушиваясь и всё еще улыбаясь кому-то.

— Любовь эта и есть славнейшее из чудес мира нашего, ибо, хоша любить нам друг друга не за что, однако ж уже многие умеют любить самоотреченно и прекрасно. А они любовь признают законом жизни, но Христа отрицаются, нашу, говорят, любовь утверждает наука и это — крепче. Вот здесь я и не понимаю, ибо и наука ведь исходит из любознательности, сиречь — из любви же, и философия оттуда ж, из любви к мудрости. А они... Не широко это у них, не ясно.

— Хотите чаю? — спросил Клим.

Дьякон недоуменно взглянул на него.

— Чего это?

— Чаю хотите?

— Нет,— сердито ответил Дьякон и [встал], с трудом вытащив ноги из-под стула, встал.— Мне идти надобно. Прощайте. Я к вам, Любовь Петровна, послезавтра зайду, значит?

— Да. Вечером.

— Всего доброго.

Проводив его, Сомова упрекнула Клима:

— Как ты неловко высунулся с этим глупым чаем! Человек говорит...

— Наивно,— сказал Клим Самгин.— Терпеть не могу доморощенной философии. Удивляюсь, как это тебе не надоедает.

— Позволь, — что ты говоришь? — возмущенно спросила Сомова.

Но Клим был настроен плохо и, забыв свою осторожность, сказал, усмехаясь:

— Ты помнишь, у нас были в гостях опереточные актеры Бельская и Ронон, комик?

— Нет. Причем тут [комик] актеры?

— А Родон пел очень остроумные куплеты из «Маскотты»:

Да, для пустой души
Необходим груз веры!
Ночью — все кошки серы,
Женщины — все хороши!

— Глупо,— сказала Сомова, пристально глядя на него.
— Глупо и не похоже на тебя.

Клим засмеялся [и], ушел в свою комнату и сел в кресло перед печкой. Яростно, золотым огнем пылали березовые дрова, несколько круглых поленьев лежало на полу, он стал совать их в огонь одно за другим, а сунув последнее, закрыл глаза, задумался, прислушиваясь к навязчивому мотиву, к [озорным] ироническим словам:

— Да, для пустой души
Необходим груз веры. . .

«Христос. Любовь. Социализм.»

[Все э‹то›] Это не вмещалось в его представление о жизни, о людях, о городе, уродливо запутанном, с кривыми улицами, со множеством маленьких церквей, задавленных огромными домами. Сквозь шум ветра и треск огня в печи он слышал, как жалобно звонят колокола, призывая к вечерней великопостной службе, а *в унылый* звон колоколов [и т‹ихий?›], свистящие голоса ветра и жадное кипение огня вторгался опереточный мотив:

— Да, для пустой души. . .

[Верить] Мелькнула догадка:

«Верить в бога, должно быть, уютно».

Затем он вспомнил дебют Алины Телепневой в «Елене Прекрасной». Алина выплыла на сцену такой подавляюще красивой, что по зале театра, туго набитого публикой, проплыл тихий гул удивления, все как бы покачнулись к сцене, и казалось, что на лысины мужчин, на оголенные плечи женщин упала сероватая тень. Пела Алина плохо, сильный голос ее звучал грубо [и], жирно, подчеркивая бесстыдство слов, и бесстыдны были [тяжелые] движения ее тела, обнаженного до пояса [классическим] разрезом туники. Татьяна тотчас же и не без радости прошептала:

— Боже, как она вульгарна!

— Кажется, это будет повторением первого дебюта Нана,— *согласно* заметил Клим, хотя и редко позволял себе соглашаться с мнением Фионы.

л. 61 Но и голос, и томная лень скупых жестов Алины, и картинное лицо ее действовали покоряюще. В каждом движении, в каждой ноте ее люди скоро почувствовали несокрушимую уверенность женщины в силе своей красоты. [Несомненно, Алина сознательно подчеркивала наличие этой силы.] Она не

играла [свою] *свою* роль, она [просто] *только* показывала себя, *свою жажду наслаждения, готовность к нему*, ненужно вламываясь в группы хористов, расталкивая их локтями, плечами, бедрами, как бы танцуя медленный и пьяный танец *под музыку, которая казалась Климу обновленной и до конца обнажившей свою острую чувственность.*

— Дебют Нана,— повторил Клим, оглядывая напряженно молчавшую публику, и заметил, что [Фиона] [1] уже взглянула на него искоса, неодобрительно. С этого момента он стал наблюдать за нею. Он видел, что у нее вспыхивают уши, щеки, как она притопывает каблуком в такт задорной музыке, чувствовал, что ее волнение всё возрастает, опьяняя и его. После первого акта публика единодушно устроила Алине овацию, [Фиона] [1] тоже неистово аплодировала, улыбаясь охмеленными глазами; она стояла в такой напряженной позе, точно ей хотелось прыгнуть на сцену, где Алина [усмехаясь] кланялась [показывала пышную грудь и усмехалась, зубы ее блестели хищно] *и весело показывала* [*хищные*] *зубы*, усмехаясь так, как будто *все люди* в театре были давно и хорошо знакомы ей.

Из оркестра ей подали корзину белых роз, потом — огромный букет орхидей с письмом, привязанным к нему красной лентой.

— Тебе, кажется, понравилась она? — спросил Клим, идя в фойе. Фиона ответила:

— О, да!

— Но ведь ты нашла ее вульгарной.

— Да, нашла,— сказала Фиона, обмахивая веером разгоревшееся лицо.— Но это такая вульгарность... вакхическая! Вероятно, Фрина была вот так же... Я готова сказать, что это не вульгарность, а священное бесстыдство.

Она говорила торопливо, как-то перескакивая через слова, она казалась расстроенной, и Клим подумал, что всё это у нее от зависти.

— Ого! — воскликнул он насмешливо и этим заставил ее молчать. [2]

Весь спектакль она вела себя так [ст⟨ранно?⟩] нелепо, как будто на сцене разыгрывали не оперетку, а печальную драму, хотя артисты, возбужденные успехом Алины, играли

---

[1] Имя зачеркнуто и не заменено другим.

[2] *После слова*: молчать — *помета синим карандашом и на полях тем же карандашом написано*: Лютов.

[сре⟨дне?⟩] очень весело [и]; особенно забавны были Агамемнон, Менелай и Калхас; публика *особенно громко* хохотала, когда [он] жрец, угостив царей водкой, предложил им плясать трепака и сам, подобрав хитон, пустился в присядку. Клим не преминул отметить:

— Любят люди пошлость.

Фиона промолчала, наклонив голову, играя веером. Были минуты, когда Клим ожидал, что она заплачет, и это было так смешно, что он, подавив улыбку, [строго шепнул] *спросил* шепотом:

— Что с [тобой] *вами?*

— Ничего,— сказала она.— Не [обращай] *обращайте* внимания.

«Конечно, это муки зависти»,— решил Клим.

Спектакль кончился триумфом Алины, публика неистово выла и орала, вызывая:

— Радимову-у!

— [Пойдем за к⟨улисы⟩] Пойдемте к ней, *за кулисы*, хочешь? — предложил Клим.

— Нет, — быстро ответила Фиона.

На улице он сказал:

— Странно действует на [тебя] *вас* оперетка.

— [Тебе] Смешно? — тихо и виновато спросила Фиона и, взяв его под руку, пошла быстрее, говоря тоном оправдывающегося:— Я понимаю, что смешно. [Но] Это потому, что [ты особен⟨ный⟩] *вы* мужчина и...особенный. Но, если б я была мужчиной, мне было бы страшно... или обидно.

Прижав ее руку, он спросил почти ласково:

— Немножко [завидуешь] завидуете?

Фиона удивленно заглянула в его лицо:

— Чему? Она [не], *как* артистка,— не талантлива. Я — тоже не талантлива, я знаю...

— Ну-у, — протянул Клим.

— Нет, не надо, не [утешай] утешайте, пожалуйста! [Я давно знаю, что не талантлива. Но] Телепнева — *никакая артистка*, но талантливая женщина, вот что! Она страшно умеет владеть своей красотой, это — талант! Да, да!

[Спотык⟨аясь⟩] Шагая быстро и неравномерно, она толкала Клима и говорила очень путанно, торопливо:

— [Знаешь] Знаете,— Лидия жаловалась на природу, на власть инстинкта... это правда!

Клим нахмурился, даже приподнял плечи от неожиданности.

«Неужели — устала?» — соображал он, искоса наблюдая за игрою ее лица. Быстро истек медовый месяц... Впрочем,— не один месяц [1].

[— Ты пойми!] [2] — слышал он.— Телепнева величественно, даже до слез красива, именно — до слез [до] радости и [до] печали, право, так! А ведь я вижу, что чувство, которое она вызывает у мужчин [не у тебя, нет! — но у всех: ведь это] — лошадиное чувство.

— [Это] *Но оно-то* и называется: триумф женщины,— вставил Самгин, усмехаясь.

— Как жалко, что [ты] смеешься,— сказала Фиона и, вздохнув, закрыла лицо муфтой.

Несколько минут шли молча, потом она снова заговорила с тихой досадой:

— Должно быть, я не сумела выразить мою мысль. После того, как я стала... женщиной, я поглупела...

— От меня? Благодарю! — пошутил Клим и даже приподнял фуражку; ему хотелось рассеять настроение подруги, но Фиона, не заметив его шутки, прибавила:

— Странно, что от любви глупеют...

— Это и на мне заметно? — спросил Самгин, но и на эту шутку она не отозвалась.

Дома она стала привычно заботливой и нежной, и Самгин скоро забыл этот эпизод [хотя]. Но все-таки от него осталась в памяти [кака⟨я-то⟩] легкая тень, [он стал] *и эта тень заставила Клима* внимательнее присматриваться к Фионе [и], мягче относиться к ней [3].

[А] Сегодня, [в скучный] сидя перед печью, наблюдая до боли в глазах, как огонь [пожирая поленья] превращает [их] *дерево* в алые угли, а угли [уже] покрываются [барха⟨тным⟩] сероватым плюшем пепла, он вспомнил дебют Алины и беседу с Фионой до мельчайших подробностей. Последние дни Фиона была настроена нервно и тревожно. Всегда аккуратная, она несколько раз опаздывала к обеду [и], у нее явилась рассеянность, несвойственная ей, и она как-то поблекла. Сердито взглянув на стенные часы, Клим сосчитал, что она опаздывает на час сорок [семь] минут. Разбивая кочергой золотые угли, он думал:

---

[1] *Текст от слов*: Неужели устала ∾ один месяц.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слова зачеркнуты и не заменены другими.

[3] *Текст*: Затем он вспомнил (стр. 449) ∾ относиться к ней.— *перечеркнут синим карандашом.*

«Уж не ревную ли я? Пожалуй, Фиона права: от женщины — глупеешь».

И вспомнил Лютова [О‹н›], каким видел его на дебюте Алины. Лютов во фраке, с сигарой в зубах, с растрепанными волосами и лицом в красных пятнах, стоял в фойе у двери в буфет. Раньше он не курил и теперь, видимо, еще не научил-
л. 62 ся курить сигару, жег ее, часто втягивая дым, быстро выпуская его из ноздрей, и морщился, стараясь остановить глаза на огне [и сд‹увал?›] [и]. [*Пепел*] Борта его фрака были осыпаны пеплом. Он мешал людям, его толкали, извинялись перед ним, он отвечал кивками головы [и], еще более осыпал [себя] *грудь свою* пеплом и дымил на людей. Клим оставил Фиону, подошел к нему, поздоровался.

— Здравствуй,— не сразу и как бы сквозь сон [сказал] пробормотал Лютов.— Ну, как? А? Вот видишь — артистка! Да, брат. Хочешь коньяку?

Оттолкнувшись спиной от косяка, он пошатнулся [и], толкнул Клима и обдал его густейшим запахом спирта. Он был так пьян, что едва стоял на ногах, но его [гла‹за›] косые глаза смотрели трезво, с какой-то особенно острой зоркостью.

— Макаров — ругает ее. Романтик. Маньяк он, Макаров. Он тут где-то. Хочешь коньяку? Я ей орхидей послал,— бормотал он, размахивая сигарой, потом швырнул ее на пол, под ноги людей и шумно вздохнул.

— Ф-фу! Вот — красива, а? Верно?

Он покачнулся и пошел в буфет, толкая людей, как слепой.

«До чего жалок» — подумал Клим, отходя от него [1].

[В комнате Сомовой *упрямо* зазвучал ровненький [упрямый] голосок Суслова, потом приглушенно крикнула Любовь:

— Нет, не согласна!]

«Алина теперь в Петербурге, на пасхальной неделе начнутся спектакли ее труппы. Лидия тоже там, живет у Премировых и где-то чему-то учится. Очень сомнительно, чтоб она [могла] вообще могла учиться; в гимназии она убеждала учителя математики, что [вся] алгебра построена «на произвольных допущениях» и доказывала законоучителю, что Библия — неприличная книга, и должна была уйти [из ги‹мназии›], окончила шестой класс с великим трудом. Читать она не любит».

---

[1] *Текст*: И вспомнил Лютова ∾ отходя от него.— *перечеркнут синим карандашом.*

В комнате Фионы [раздал⟨ся⟩] послышался шорох, Клим встал, нахмурясь, отворил дверь, Фиона [стояла у стола] сидела перед зеркалом, держась обеими руками за спинку стула, вскинув голову и закрыв глаза. Клим видел в зеркале лицо ее, оно казалось уродливо длинным, серым, как парусина, с двумя темными ямами на месте глаз, а открытый, беззвучно кричавший рот был третьим пятном. Она была в шубке, [украшенной серебряными блестками растаявшего снега] в шапочке, из-под которой выбились волосы.

— Что с тобой? — тихо спросил Клим, она ответила тоже тихо и с хрипотой.

— Помоги раздеться. Притвори дверь. Не беспокойся,— продолжала она шёпотом.— Это [ничег⟨о⟩] сейчас пройдет...

[Раздев [ее], он поднял ее на руки, положил на постель, спрашивая с тревогой и досадой:

— Да — что же с тобой?]

[Он снял] Снимая с нее шубку, шапочку, он спрашивал с тревогой и досадой:

— Да — что же с тобой?

— Меня знобит,— сказала она, шагая к постели так осторожно и согнувшись, как будто ее ударили по животу.

— Упала? Ушиблась? Ведь [можешь же] надо же сказать! — допрашивал Клим, стоя среди комнаты с шубкой [в руках] на руке и чувствуя, как им овладевает страх.

Варвара [вя⟨ло?⟩] смотрела [чужими глазами] так, как смотрят люди, прислушиваясь к необыкновенному, [к незнакомым звукам] глаза ее потемнели, зеленоватость их стала мутной, потемнели и губы, они казались измятыми [1].

— Дай мне порошок из сумки,— сказала она, ложась на постель, стуча зубами [и], сжав кулаки и вытянув руки вдоль тела.— И воды. Потом — уйди.

— Зачем?.. Какой порошок?

— Тише. Спорынья,— [глядя на него горящими глазами, хрипела она] прошептала она.— Я сделала аборт. На [втором] третьем месяце, это [безопасно] неопасно. [Не бойся.]

[Клим [засуетился, как] закружился, точно обожженный, чувствуя, что его] [Он бы⟨л⟩]

— Запри двери. Чтоб никто не вошел. Чтобы не знала Анфимьевна. Мне пред ней будет стыдно...

---

[1] *Фраза*: Варвара [вя⟨ло?⟩] смотрела ∾ измятыми.— *очевидно, написана в период работы над БА, вписана на полях без указания места вставки, вводится в текст предположительно.*

Клим [растерялся] бросил шубку на пол, суетливо забегал по комнате, [добы⟨л⟩] достал порошок, налил воды в стакан и, когда [Фиона] *Варвара* приняла лекарство, сел [на постель] в ногах [Фионы] *ее.*

— Зачем ты сделала это?

— Нужно,— [тихо] шёпотом и не сразу [объя⟨снила?⟩] сказала она.— [Ты не поймешь.] Я после [скажу] расскажу. Уйди!

— Я не могу уйти! — возмущенно заявил [он] Самгин.— [Нужно было] Как ты решилась, не сказав мне? Это... безобразие!

Он [уже] понимал, что говорит не то, что требуется обстоятельствами, но не находил иных слов.

Фиона приподнялась, схватила его руку, [прижалась] прижала к ней горячее лицо свое [и сказа⟨ла⟩].

— Уйди, милый. Не бойся, [это] неопасно. Мне нужно раздеться. Я сама справлюсь, иди!

Она [дрожала] *тряслась*, зубы ее стучали [и на руке] *и глаза так неестественно [дро⟨жали⟩] вздрагивали, [как будто хо⟨тели⟩] что, казалось, хотят выпрыгнуть из глазниц.* На руке своей Клим ощущал слезы. Отпустив его руку, она свалилась на подушку, снова закрыв глаза.

— *Я постучу в стену, когда тебе придти.*

Клим встал, вышел в *темную* столовую и сел у двери, бессмысленно глядя в печь [полную углей; печь была, точно окно, прорубленное на закат солнца] на цветы углей. В комнате Сомовой упрямо звучал ровненький голосок Суслова, он, должно быть, читал что-то. Сомова приглушенно крикнула:

— Нет, я не согласна!

Посвистывал ветер, снежинки немощно царапали стекла. За дверью [Фио⟨ны⟩] [у Фион⟨ы⟩] что-то стукнуло ó пол раз и другой.

«[Это она сняла] Сняла ботинки. Но зачем она сделала выкидыш? — соображал Клим.— От этого умирают».

Ему было страшно. Он чувствовал себя беспомощным, вырванным из обычного и понятного. И, не понимая поступка [Фионы] *Варвары*, [он] чувствовал, что у него возникает нечто близкое уважению к [Фионе] *ней.*

«Нужна смелость, чтоб сделать это...»

[Фиона] *Варвара* не шумно двигалась за дверью, [от⟨крыла?⟩] *но казалось, что там все вещи двигаются за нею.* Вот она открыла ящик комода, щелкает ножницами. Разорвала

что-то. Шелестит какая-то ткань, булькает вода, выливаясь из графина, *отскочил стул.*

Клим стал крутить пуговицу тужурки, быстро оторвал ее и сунул в карман, но тотчас же снова достал и бросил в печь, на угли. Печь была точно окно, прорубленное на закат солнца, в рдеющее облако. Шевелился пепел и, взлетая, как снежинки, [летел] исчезал в глубине печи.

— Как глупо, как отчаянно глупо! — почти вслух проговорил он, согнувшись, схватив голову руками и раскачивая ее.

Впервые он чувствовал себя так возмутительно беспомощным, так обидно [не⟨счастным?⟩] бессильным. И давил страх: вдруг Варвара расхворается, умрет?

Вынув из кармана носовой платок, он помахал им, как флагом, и вытер лицо, в чем оно не нуждалось.

И, наконец, [Клим] услыхал несколько слабых ударов в стену. Он быстро вошел, запер за собой дверь, сел на стул у кровати и, [чувст⟨вуя⟩] [боясь] *стыдясь*, что сейчас заплачет, начал ворчать:

— Знаешь — это глупо! Зачем? Нужно было сказать мне. Ведь я не... идиот! — ворчал он, нагнувшись к ней, гладя ее *голую, горячую* руку от плеча к локтю [1] [как]. Было ужасно неловко [потому что]. Он вдруг увидел себя маленьким [и], виноватым, и не хватало смелости взглянуть ей в лицо. [Она лежала на спине, вытянувшись, и казалась длиннее на пол-аршина, по крайней мере.] [Он] Клим всё-таки искоса и мельком посматривал на ее встрепанную голову, на вспотевший лоб и горячие глаза глубоко под ним. Щеки ее опали, нос заострился [она облизывала губы, как Сомова, и медленно улыбалась.] [она *медленно улыбалась* и облизывала губы, как Сомова].

— Как ты меня испугала,— сказал он и уже не мог сдержать слез, даже всхлипнул.

Он слышал, что его слова прозвучали очень жалобно [и совершенно чуждо ему], и от этого ему стало еще более жалко и себя и ее.

— Безумие,— прошептал он.

Слезы текли скупо из его глаз, но всё-таки пришлось снять очки [и], бросить их на кровать и спрятать лицо в одеяло [в] *на* ногах Фионы. [Плакать было очень [стыдно] по-

---

[1] *Текст*: Разорвала что-то ∾ к локтю — *перечеркнут синим карандашом.*

стыдно, но он] Он впервые плакал после дней детства и чувствовал, что [это] хотя это постыдно, а — хорошо, потому что под слезами обнажается *он, каким не знал себя, и растет*
л. 63 неизведанное им чувство родства с этой женщиной, [необыкнов‹енно›] безмолвной и [тоже] улыбающейся ему тоже сквозь слезы.

— Спасибо, милый,— слышал он, и рука Фионы гладила его затылок, шею.— [О] Как это хорошо, если б ты знал!

— [Зачем нужно было?...] *Что хорошо*?

— *Твои слезы. Я... не думала, что ты...* Я не хотела стеснять тебя,— *говорила она, задыхаясь, а пальцы ее всё глубже зарывались в его волосы, крепче гладили кожу шеи и щеки*.— Ты большой человек, у тебя будет большая жизнь. Когда женщина — мать, она эгоистичней, чем просто женщина. Вот. Ты понял? Только это...

— Не говори. Больно тебе?

— Нет. Но я... устала. Я думала, это проще... Дорогой мой, [всё пустяки] всё ничтожно, а то, что ты меня любишь... уж теперь я знаю, что любишь, да?

— Да,— сказал Клим и, найдя очки, стал протирать стекла их концом простыни, не узнавая себя [не [веря] доверяя, что это именно он].

— Совершенное безумие,— повторил он, пытаясь возвратиться к себе, и снова, помимо воли, всхлипнул.— Р-решиться на такое... Тут риск изувечить себя на всю жизнь.

— Не надо, не говори обо мне,— попросила Варвара.— Я знаю, ты не позволил бы, если б я спросила...

— Конечно,— [сказал] *пробормотал* Клим.— Разумеется, не позволил бы... Что ж такое — ребенок? Это — естественно...

Глубоко вздохнув, Варвара сказала, что она, может быть, уснет.

— Накрой мне ноги еще чем-нибудь,— шубкой! Ты скажешь Сомовой, что я упала, ушиблась,— хорошо? Но не пускай ее ко мне, она — догадается. Знаешь,— она, всё-таки, хитрая, о! — хитрая...

Клим посидел еще несколько минут, прислушиваясь к себе, а затем, видя, что Варвара дремлет, тихонько вышел в столовую, оставив дверь открытой. В столовой было сумрачно и [как-то особенно] как *никогда* приятно тепло. Помощница [Анфимьевны] колоссальной Анфимьевны, [крутолобая] легкая девчоночка Анюта с утиным носом и *весело* удивленными глазами *под крутым лбом*, закрыла печь, поставила на

стол самовар, она всё делала ловко, бесшумно [и как бы прислушиваясь], ходила скользящей походкой, держала голову так, как будто прислушивалась [к зов‹у›], ожидая зова с правой стороны.

«Славная девчонка» — подумал Клим, но всё-таки предупредил ее:

— Тише, барыня нездорова!

[На столе] Освещенный лампой, самодовольно пофыркивал самовар, красуясь блестящими боками. Окна упирались в бархатную тьму, и можно было думать, что тьма — теплая, а на ощупь мягкая и сухая. Вообще все было необыкновенно приятно. И [приятe‹н›] необыкновенно, [*неузнаваемо*] *по-новому* приятен был сам себе лирически взволнованный человек — Клим Самгин, неузнаваемо приятен. Он сидел у стола, с бока самовара, *и, держа руку взвешенной в воздухе*, бесшумно постукивал пальцами по своей ладони и всматривался в тихий трепет новых для него чувствований, всматривался даже с некоторым недоверием: так ли всё это? Он был *ласково* смущен и гордился тем, что внезапно [открылось] открыл в себе. Шелковой лентой развивались [легкие] мысли с [какого-то] *бесконечного* клубка [который казался бесконечным].

«Да, она меня любит, это ясно. И ясно, что я тоже люблю ее. Значит, всё-таки существует чувство... праздничное. Тогда, на даче, стоя пред Лидией на коленях, я не ошибался, не выдумал. И Лидия не исчерпала меня, не опустошила, как я думал. Я — несправедлив к ней. Да, она — человек запутанный, умствующий, вообще — ненормальный. И — груба, как это видно по ее письмам. Странно. Как я ошибался! Варвара казалась мне такой неприятной, смешной, и вдруг.... Мог ли я думать, что она способна на жертву... на такую жертву? Конечно, ребенок стеснил бы ее. Она любит удовольствия, независимость. Она удивительно легко справляется с обыденными заботами. Вообще она — славная подруга. Благодаря ей я вижу себя с новой стороны. Это нужно ценить».

Ему помешала думать Сомова, она вышла из своей комнаты с книгой в руках, с лицом измятым, очевидно, немножко поспала.

— Шш! — зашипел Клим.— Варвара упала с извозчика, ушибла спину, голову и, кажется, спит...

— [Н-ну?] Да что-о ты? — удивленно глядя на него, протянула Сомова.— Но почему же ты улыбаешься?

Клим смутился.

— Могло быть хуже. [Приятно видеть тебя. Вообще — улыбаться не запрещено.]

— [Пустяки какие,— сказала Сомова, присаживаясь к самовару и положив книгу на стол.— Фу, как тут мрачно!] *Фу, как тут мрачно,— зашептала Сомова, присаживаясь к [самовару] столу.— Сидит в темноте и улыбается.*

— *Приятно видеть тебя.*

— Пустяки какие *говоришь,— неодобрительно* сказала Сомова. — Почему [не зажгли] *ты не хочешь зажечь* висячую лампу? [Сильно ушиблась?]

Клим встал на стул, зажигая лампу.

— *Сильно ушиблась? — спросила Сомова.*

— Нет. Но — испугалась.

— Доктора не позвал?

— Не хочет.

— Налить чаю?

Клим утвердительно кивнул головой.

— [[Знаешь?] *Какой сухарь*,— зашептала Сомова, вторя течению кипятка из крана и мурлыканью самовара.— Сухарь этот Суслов! — Она показала глазами в потолок.— Люди для него — кирпичи для построения государства. Чиновник от революции. Проповедует необходимость террора. Романтизм у него выхолощенный. А народники только романтизмом и берут.

Самгину не хотелось осуждать людей [вообще и], но он желал бы сказать Сомовой что-нибудь приятное. Он сказал:

— Дьякон, вот типичный романтик.

— Но — какой же он народник? Он и не марксист, а просто — человек Христа ради. Вымирающий тип.

— Как Диомидов,— вспомнил Клим.

— Диомидов? — удивилась Сомова.— Да он же злой, разве ты не видишь? Хорошо, что он бессилен...

[Нет, сегодня Сомовой] *Клим понял, что* нет, сегодня Сомовой не угодишь. [Он за⟨молчал⟩] Помолчав, он спросил:

— От кого дьякон]

Он видел, что Сомова настроена [сердито, раздраж⟨ительно⟩] раздражительно, и это мешало ему. Захотелось сказать ей что-нибудь ласковое, умиротворяющее, но пока он искал нужные слова, она сердито заворчала:

— *Не выношу ригористов, чиновников от революции и вообще квадратных людей. Суслов убеждал меня, что [Якубо-*

вич, революционер, каторжанин, не должен был] Якубовичу, революционеру, каторжанину, не следовало переводить стихи Бодлэра, он, видишь ли, должен был переводить Луи Курье.

— [*Клим*] *Все проповедники узковаты*, [*—сказал Клим.—*] *это — свойство* [*профессии*] *ремесла,— сказал Клим* [*и*], *тотчас же заметил сам себе*: «*Избито*!» — *и спросил*:

— *Понравился тебе дьякон*?

Сомова удивилась:

— Кто? Какой дьякон? Ах, вот как? Он был дьяконом? [Поэтому-то он такой... человек Христа ради?]. Понравился ли? [Но] Интересный. [Но — таких я видела.] Его ÷ Толстой смутил?

Клим *шёпотом* рассказал ей о Дьяконе. [Ему] Говорить шёпотом было приятно, казалось, что так лучше слышишь себя. Наклоня голову над чашкой, Сомова *задумчиво* сказала:

— [Люди такого типа, *как будто*, нередки [как будто], но я не очень доверяю людям Христа ради. [Он] [Ты давно знаешь его, он умный?] Мне кажется, *что* время требует не таких. [Ты — что] Впрочем, я готова помочь [всем] всякому, кто работает на революцию, и всем марксистам, народникам.] Странные это люди [люди Христа ради]. Я встречаю не первого такого [Очень странные] ... человека Христа ради. Суслов ведь тоже из таких, но [его] *в нем* романтизм уже [охлажден] выхолощен, и на месте [его] *романтизма* осталась какая-то неприятная, мелкая злость. Что-то очень личное, как мне кажется.

— Клим! — тихонько позвала Варвара.

Он вскочил, побежал к ней; протянув ему руку, [она] Варвара попросила.

— [Посиди со мною.] Притвори дверь, чтоб она не вошла, Сомова.

Когда он [пло⟨тно⟩] закрыл дверь и сел на кровать, Варвара, [глядя на] гладя руку его, сказала жалобно улыбаясь:

л. 64 [— Не говори с ней, лучше помолчи со мною,— хорошо? — И прижав]

— Можно мне немножко покапризничать?

[И] Прижала руку его к своей груди [и спросила] *и* попросила шепотом:

[— Можно мне покапризничать? Немножко?

— Да,— сказал он,— все, что хочешь,— чувствуя себя тронутым ее ревностью.]

— Не говори с нею, посиди со мной!

Чувствуя себя тронутым ее ревностью, он [хоте〈л〉] сказал:

— Ах, ты... смешная! Милая.

И поискав еще каких-нибудь ласковых слов, [гладя] *играя* ее ухом, [он] Клим сообщил:

— Каприс, по-латыни,— прыгать, подпрыгиваю, если не ошибаюсь. Капра — коза.

Затем поспешно спросил:

— Тебе не больно?

Варвара [вздохнула, сняла с], вздохнув, переложила руку его на лицо свое, на глаза. В комнате было темно, а за окном еще темнее, и казалось, что та, внешняя тьма, может выдавить стекло окна, хлынуть в комнату холодным потоком.[1]

— Не зажечь ли огонь?

— Нет, не надо,— сказала Варвара.

Помолчали.

— Ты — смелая,— заговорил Самгин.— Удивляюсь, как ты решилась?

— Не говори об этом,— прошептала Варвара.

Подождав, не скажет ли она еще что, [он] *Клим* спросил:

— О чем ты думаешь?

— О...о справедливости,— ответила она не сразу.— Есть только одна справедливость, это — любовь. Моя любовь... твоя. [Вот об этом] [Это не так]

Клим посоветовал:

— Об этом *думать* не надо.

И заговорил с внезапной решимостью:

— Сдам государственные, и поедем с тобой к моей матери. *Если хочешь — обвенчаемся там. Хочешь? — Лежа неподвижно*, она молчала.— Потом прокатимся по Оке, по Волге. Можно в Крым. Хорошо?

Варвара приподнялась, болезненно охнула и, обняв его голову, крепко прижала к себе, всхлипывая, содрогаясь:

— Всё равно — пойми! Мне — всё равно,— куда с тобой. Только бы с тобой...

— Не волнуйся,— упрашивал Клим, обрадованный [и] *и* удивленный [и], гордясь тем, что вызвал такое чувство, и несколько [испуганный] *обеспокоенный* его силой. А через несколько дней он [то〈лько〉] думал уже только с гордостью:

---

[1] *Фраза*: В комнате было ∾ потоком.— *перечеркнута синим карандашом.*

«Вот он, медовый месяц!»

Он имел право думать так не только потому, что Варвара, оправясь [загорелась] и [как-то] весело похорошев, загорелась нежной *и жадной*, но *все-таки* не назойливой страстью, а и потому еще, что в ее отношении он [почувствовал] чувствовал *мягкую* заботливость, не испытанную им заботливость, которая [заставила] *понудила* его сказать:

— А ведь ты, Варя, могла бы быть удивительно нежной матерью.

— Мужу — да! — ответила она.— Мужу, а не ребенку. [Но я] Я совершенно не могу [себе] представить [что кто-то] кого-то или что-то, что [могло] помешало бы мне хоть *один* день [любить тебя] [быть готовой] любить тебя. Я знаю, что должна быть готова для тебя в любую минуту.

Шла весна. [Теплый ветер зажигал на деревьях зеленые огоньки] Стаи галок и ворон носились [над деревьями Нескучного сада] *над* Петровским парком, в [прудах] *зеркалах* прудов отражалось голубое небо и облака, похожие на взбитые сливки, [теплый] теплый ветер помогал солнцу зажигать на деревьях [нежно] *ярко* зеленые огоньки. И такими же огоньками *ласково* горели глаза Варвары.

— Идем, пора! — сказала она, вставая с скамьи.— Ты говорил, что тебе к завтраму надобно прочитать шестьдесят страниц. Я так хочу, чтоб ты скорее сдал экзамены. И так рада, что ты кончаешь университет. Эти бесплодные волнения студентов...

[Клим вел ее по аллее, взяв под руку, *и улыбался*, [видел, что мужчины [осмат⟨ривают⟩] смотрят не] видя, *как внимательно* мужчины обнимают глазами ее стройную, ловкую фигуру [улыбался]. Через ми⟨нуту?⟩]

Не кончив фразу, она глубоко вздохнула:

— Как *это* прелестно сказал Лермонтов: «ликующий день».

Клим Самгин [взя⟨л⟩] вел ее [под] [по] берегом пруда и видел [на воде отражения], как [плывут] плывет по [*отшлифованной*] *голубой* воде, отшлифованной, точно сталь, отражение его фигуры в сером пальто, в серой мягкой шляпе, с красивой легкой тростью в руке, подарком Варвары. Рядом с ним [легко] *умеренно кокетливо* покачивалась [ловкая, стройная, фигура в г⟨олубом⟩] *ее стройная* фигура [[обле⟨гающий?⟩] туго затянутая в [темный жакет с] ловко сшитый жакет] *в синем жакете, туго обтянувшем бюст*, в скромной шляпке. Мужчины осматривали ее [так же задумчиво, как

женщины смотрят] с тем особенным вниманием, которое внушают им ликующие дни весны.

— Мне кажется, что нигде не может быть такой милой и ласковой весны, как в Москве,— говорила она.— Впрочем, я ведь нигде не была еще. И — представь! — не хочется. Как будто я боюсь [что увижу] увидеть что-то лучше Москвы и уже не стану любить ее так хорошо, как люблю.

— [Это] Ребячливо,— сказал Клим.

— [Да] *Ребячливо*,— неопределенно [молвила] *повторила* она [— Но любовь [требует консерв⟨ации?⟩] — надо беречь.] и, помолчав, спросила:

— Разве тебе не кажется, что любовь требует бережливости... осторожности, нет?

— Это — да,— согласился Клим.

Через несколько недель Клим Самгин, кандидат на судебные должности, сидел в столовой против Варавки и слышал знакомый голос, [который] *он* стал *еще* жирнее, сиповатей.

— Итак — адвокат, прокурор? Не поздравляю. Не предусмотрительно. Будущее принадлежит инженерам, собственно говоря уже и настоящее должно бы принадлежать им. Я почти уверен, что у нас министром путей будет мой приятель князь Хилков, инженер.

[Лисья] Лисий хвост Варавки не поседел, а как бы выцвел, поблек, его лицо [было *ярко* красно и туго надуто, как воздушный пузырь] [*туго*] *надулось, как воздушный пузырь, и* [*было*] [*как будто* освещено] *казалось освещенным изнутри красным огнем*, маленькие глазки [спрятались] сузились, стали точно два тире, а уши вспухли и окрасились [в] фиолетово, как у пьяного. Он пил херес и не ел, а доедал бисквиты, бросая их в рот с нелепой [торопливостью] *быстротой, похрустывая* чинеными золотом зубами. Мать сильно поседела, накрыла пышные волосы *траурно-черной* кружевной наколкой, лицо у нее вытянулось, спина стала еще более прямой, она держала голову неподвижно и вся [была] *стала* похожа на *чопорную* гувернантку из англичанок. Она говорила [медленно] Варваре [медленно, процеживая слова сквозь зубы, начиненные золотом]:

— Благодаря энергии Тимофея Степановича, [город сильно продвинулся вперед. Через год, полтора] у нас будет электрическое освещение.

Варвара, держа в руках чашку чая, слушала ее почтительно и с тем напряжением, которое является на лице че-

ловска, [который] *когда он* и хочет, но не может попасть в тон собеседника.

— Город очень уютный,— сказала она не совсем уверенно.

— Пыльный город,— заявил Варавка,— 90% населения идиоты, пять — сплетники, остальные пять — страшно умны и потому ни к чёрту не годятся. Он был [кочегаром] *рабочим* в Америке, князь Хилков, это, братец мой,— номер!

л. 65 Вошел доктор Любомудров с часами в руках, посмотрел на стенные часы и заявил:

— Ваши [отстают] отстали на восемь [минуток] минут.

[Присел] *Не сразу узнав Клима, он поздоровался с ним так, как будто видел его вчера, присел* к столу, подвинул Вере Петровне пустой стакан, она вопросительно взглянула на него:

— К ночи — умрет,— сказал доктор.— Случай не совсем обычный. [Жил он] Легких у него осталось — пустяки, да и [те] это не легкие, а — слякоть. Жил по привычке или из упрямства. Противозаконно жил.

— А что Лиза? — спросила Самгина, доктор принял стакан чая из ее рук и, крякнув, ответил:

— Готовится быть вдовой, что ж еще?

[Вера Петровна очень любезно рассказала Варваре, что речь идет о постояльце, пианисте.

— Это — муж заведующей моей *музыкальной* школой.]

Доктор тоже сильно постарел, [согнулся] полинял, и даже костюм на нем был какой-то выцветший, как бы изъеденный молью. Он жил наверху, в квартире Варавки, а его семья [была] на даче.

— Это мы говорим о постояльце,— совершенно ненужно напомнила Вера Петровна Варваре и стала рассказывать о музыканте заученно, сухо, языком газетного некролога, с какими-то излишними подробностями. Клим подумал, что вот так говорят, когда не имеют другой темы или когда не могут говорить ни о чем другом, а то, о чем говорят,— надоело и тяготит. Дрябленькие, напудренные [чтоб скрыть [их] странный сиреневый [1] цвет кожи] щеки матери вздрагивали, она прищуривала глаза и широко открывала их, глаза у нее сделались еще холоднее и поблескивали стеклянно. Неуместен был рассказ ее, и еще более неуместным казался тон рассказа, как будто эта старая женщина вспомнила себя гимназисткой

---

[1] *Слово*: сирепевый — *осталось не зачеркнутым.*

и скучно говорит учителю о Тредьяковском, Ломоносове. Но вместе с этим в ее тоне звучало нечто настойчивое, требующее внимания, и она явно не хотела слышать протестующие покрякивания Варавки. Варавка ожесточенно курил, доктор рассматривал свои синие ногти, Варвара сидела, покорно опустив голову [1].

— Он был человек не талантливый, но знающий.

— Он еще есть,— *хмуро* сказал доктор.— Он еще очень [есть]... Нас, докторов, [умиранием] не удивишь, но этот — [трогательно просто умирает и] трогателен. Умирает корректно. Как будто собирается [переехать] на другую квартиру. По всему ходу дела у него уже должны бы начаться мозговые явления, а он — ничего! Рассуждает как... как не надо. Умирает, но в смерть не верит. Не верит, чудак...

Доктор развел руками, посмотрел на всех по очереди и, должно быть, заметив, что его рассказ удручает людей, спросил Клима.

— Что же — бунтуете? И мы, в свое время, бунтовали. Да-с. Как видите — толку из этого не вышло. Но [были] потеряны для России замечательные люди: Яблочков, Мечников, Лесгафт и [ин⟨ые?⟩] много других. Да, бунтовали, а теперь вот [умираем. Чёрт! — спохватился он и начал пить чай, обжигаясь] *вы... У меня [сын] племянник арестован в Казани.*

— Ты не заглянешь к Лизе... *до этого*? — спросила мать, обращаясь к сыну, [Клим пошел неохотно] а доктор, *рассматривая ногти свои*, [сказал] усмехаясь в усы, сказал:

— Он там сокрушается, что церковь не хоронит с музыкой.

«Быстро стареют люди,— думал Клим, выходя на двор.— Жить надо осторожно. Как неловко сказала мать: до этого!»

Во флигеле было тихо [и], казалось, что [он осел в землю, стал ниже] *флигель отяжелел, стал ниже, а крыша его старчески свисла к земле. Стена его излучала [угар] тепло, точно нагретый утюг.*

«Варваре дико здесь».— О Варваре он подумал, потому что на этот раз сам чувствовал себя чужим в доме, как никогда раньше. [Вспомнились слова матери о Дмитрии: — Ты увидишь, что он повторит отца, он совершенно так же бесхарактерен и [бездарен] не талантлив.]

---

[1] *Текст*: Это мы говорим ∾ опустив голову.— *вставка на отдельном листе.*

Клим прошел в сад, где все было празднично [и], пышно, на клумбах хвастливо пестрели цветы, *пели птицы*, и солнца так много, как будто именно этот сад был [самым] любимым его *садом* на земле. [Клим вспомнил вопросы матери о Дмитрии, [но] их было три: — [Ну, что же] Что он — *сильно* возмужал? Не женат? Где же он думает жить?

Затем она сказала [1]]

Она говорила брезгливо и [как-то по-новому, поджимала] *после каждой фразы крепко* поджимая увядшие губы, [Клим слышал в каждом слове ее] в ней чувствовалась неизлечимая усталость и [озлобление] *досада* на всех за усталость эту. [Варвару она встретила любезно, но как нечто неизбежное.] Варвару она встретила [любезно, но] сдержанно, с [тою] *явно* деланной любезностью [с которой]: *так* встречают человека, знакомство с которым неизбежно, но не обещает ничего приятного.

— А ты писал, что у нее зеленые глаза! — [за⟨метила⟩] с упреком заметила она Климу.— Я очень удивилась: зеленые глаза бывают только в сказках о русалках. У нее очень милые глаза. Очень. Садитесь — Варя? Я ведь *уже* могу звать вас так?

И сейчас же сообщила:

— *А у нас во флигеле* [*опасно*] *умирает человек, и вот уже* [*третья*] *вторая неделя, как* [*мне приходится*] *мне приходится...*

Варавка помешал ей, он бесцеремонно схватил Варвару за руку, ловко повернул ее вокруг себя [и], одобрил:

— [Чудесно.] Браво! — И — захохотал, взметнув бородою, закрыв глазки.

В окне флигеля показалась Спивак [в белом], разглядывая на свет бутылку. Клим спросил:

— Можно к вам? [2]

— Разумеется,— сказала она громко и спокойно.

[Она] На ней был белый халат [и], чепчик, [[она] стоя пред [кипящим] самоваром, она наполняла] *и это необыкновенно опростило ее, она* [*была*] *казалась типичной* [фельд⟨шерицей⟩] *сиделкой больницы.* Наполняя бутылку кипятком [она сказала] из крана самовара, она [казалась типичной си-

---

[1] *К этим словам Горький перенес реплику матери*: Ты увидишь ∾ не талантлив. (*стр.* 465),— *но потом всё зачеркнул.*

[2] *Текст*: Она говорила ∾ Можно к вам? — *перечеркнут синим карандашом.*

делкой, говорила озабоченно, как всегда] спрашивала вполголоса:

— Можно поздравить — кончили? И — женитесь?

И эти, и еще несколько вопросов ее прозвучали *в ушах Клима* обывательски пошловато.

— Хотите пройти к нему?

Она прошла вперед, неся *у груди, точно ребенка*, две бутылки, завернутые в [салфетки] салфетках; в зеркале, мельком, Самгин увидал, что лицо ее болезненно морщилось. Он объяснил это тем, что бутылки, вероятно, жгут ей грудь.

[Маленький] Музыкант полусидел на кровати, поставленной так, что изголовье ее приходилось против открытого окна. [Он] По грудь *он* был прикрыт [одеялом и пле⟨дом⟩] пледом в черную и белую клетку, [рубаха *на груди* [была] расстегнута и обнажала серую кожу, лишенную *живого* блеска, *черненькие, развившиеся колечки волос* [1] [на грудной клетке] и [тон⟨кие⟩] *очень тонкие* ребра [под нею], ребра часто подпрыгивали, [на⟨тягивая⟩] натягивая кожу, волосы шевелились. Климу [видно] *показалось*] *а на груди рубаха расстегнута, и солнце неприятно подробно освещало серую кожу, не отражавшую* [*блеск*] *солнечный блеск. Под кожей, натягивая ее, судорожно вздымались* [*очень*] *детски тонкие ребра и было странно видеть* [*за ключицами две ямы, окрашенные*], *что* [*в одной*] *одна из глубоких ям за ключицами* [*окрашена*] *освещена до глубины* [*в серый*], *а в другой лежит серая тень. Казалось*, что Спивак по всем измерениям стал меньше на треть, и это было так жутко, что Клим несколько секунд не мог взглянуть в [лицо уже умирающего] *его* лицо. А [тот] *он* говорил, вздыхая часто и хрипло:

— О, это вы? [Чудесно] В отставку? А я вот, видите... никогда не понимал... что это значит: не хватает воздуха? [Понимаю] И—в такой день! Жалко день. Впрочем, это я так...

Каждое его слово требовало вздоха, и Клим, не глядя в лицо его, представлял, как жадно он [*хватает*] *всасывает солнечный воздух* [*и свет*], *насыщенный запахом цветов.*

Жена, согнувшись, прикладывала к его ногам горячие бутылки. Клим заставил себя поднять голову, и тогда пред его глазами на белой подушке, возникла черноволосая, растрепанная голова, потный лоб, огромные глаза, [нос крутой] *горбатый* нос еврея, щеки, [усы⟨панные?⟩] *густо*

---

[1] Последние четыре слова остались не зачеркнутыми.

заросшие черной щетиной, и полуоткрытый рот, обнаживший *мелкие*, *острые* зубы. Страшен был сосущий трепет губ и еще страшнее полубезумная [неугасимая] улыбка провалившихся глаз.

— Смерти я не боюсь, но *страшно* устал умирать,— всхрипывал Спивак, и с каждым словом [голова его] [*голова* и] *тоненькая шея его вытягивалась из* [*ям за*] *ключиц, и голова* как будто [пыталась] *хотела* оторваться. Говорил он непрерывно, и улыбка в глазах его не угасала. Жена, стоя в ногах кровати, скрестила руки на груди, Клим нашел, что ее [кру⟨глое⟩] круглое лицо [скоре⟨е⟩] [более озабочено] не так печально, как озабочено [а во взгляде] [а в *неподвижном* взгляде голубых глаз ее] [а в *застывших* голубых]. Ее застывший взгляд, остановясь на лице мужа, [как] как будто вспоминал [о че⟨м-то⟩] нечто давно забытое, но важное [Ру⟨ки⟩], на это же намекали и плотно сомкнутые губы.

— Холодно ногам,— [говорил] говорил Спивак.— И рукам тоже. Я, конечно, не верю, что весь умру. Нет, это погружение в тишину, где царит [бесконеч⟨ная⟩] [абсолют⟨ная⟩] совершенная музыка. Земному слуху не доступна... Это чьи-то стихи. Земному слуху не доступна.

[Клим *тоже* говорил [слова] какие-то слова и]

Потом захрипел снова:

— *Я бы еще мог... но меня доканал этот город. Пыль и ветер. Пыль, пыль! В Петербурге не бывает пыли. И — колокола. Ужасно много звонят здесь. Точно дети... Играют.*

Клим слушал, заставляя себя улыбаться, это было очень трудно, от улыбки костенело лицо, и он знал, что улыбка *так же* глупа, как неуместна. Он все-таки выбрал минуту, чтоб сказать успокоительно:

— Вы преувеличиваете. С вашей болезнью живут до...

— С ней долго умирают,— сказал Спивак неожиданно горячо и даже более ясно, но тотчас же захрипел, выгнув кадык, Клим беспомощно взглянул на Елизавету, она поняла.

л. 66 — [Клим] Мы утомляем его,— сказала она.

— Меня? Нет...

Выйдя из комнаты, Клим нашел нужным сказать:

— С какой жестокой щедростью освещает его солнце.

Остановясь среди комнаты, [женщина посмотрела в плечо ему и, возвратясь, проговорила] глядя в плечо ему, *женщина* тихонько вздохнула:

— Принято говорить что-нибудь философское в этих

случаях. Плохо [это]. Говорить тут нечего. Всё оскорбительно, что ни скажи. Всё.

Помолчав, Самгин протянул ей руку:

— Вам тяжело?

Она [не ответила] *промолчала*, задумчиво покусывая губы, *очень слабо* [*пожала*] *ответив на пожатие его руки*, *и*, *снова скрестив руки свои на груди*; *осталась* [*среди комнаты неподвижная*, *как*] *неподвижно среди комнаты*. В ее спокойствии [было] что-то [неприятное *и* подавлявшее] подавляло Клима [Он вражде‹бно›] и будило неприязнь к ней. Идя садом, он увидал Варвару в окне своей комнаты, подошел и сказал тихонько *и* как бы извиняясь:

— Не удачно мы попали. Если б мать известила меня...

— Он — умирает?

— Да.

— Какой пустой дом,— сказала Варвара, вздрогнув.— Там пришли... [гости и я ушла] *какие-то... солидные люди*.

— Иди сюда,— предложил он:

Когда она [вышла в сад] шла к нему по дорожке, среди пышных облаков мелколистного кустарника, мимо *цветочных* клумб, [ловкая и] стройная, в шелковом платье жемчужного цвета, Клим определенно почувствовал себя виноватым пред нею:

— Завтра же уехать бы... Неловко, придется переждать похороны.

Он ласково провел ее в [беседку] *отдаленный угол сада*, *усадил на скамью под густой навес бузины*, сел рядом, погладил ее плечо и сказал вздохнув:

— Скверная штука смерть.

Она живо отозвалась:

— Было бы лучше, легче жить, если б люди умирали внезапно. Я видела: по Арбатской площади шел прилично одетый человек, упал и — умер. Его [так быстро] *тотчас* положили в экипаж, увезли, и все разошлись по своим делам.

[— [Скажи] Тебе не понравилась мать?

Варвара опустила голову и сказала:

— Не могу скрыть — нет И город тоже. Зачем нужны такие города?

— Я тебе когда-нибудь расскажу об этом.

Клим [с удивлением] чувствовал потребность говорить много и о самом простом: [И откровенно говорить.] [Как] *Как* будто Спивак заразил его.]

Рассказывая, *она смотрела в противоположный угол* [*В другом* [*конце*] *углу*] *обширного сада*, [*где сквозь*] *там между*

ветвей деревьев был виден кусок крыши флигеля с закоптевшей трубою на нем, из трубы [*в голубой воздух*] *поднимался* [*очень прозрачный*] *голубоватый дымок, такой легкий и прозрачный,* [*что*] *как будто это и не дым, а просто нагретый воздух.*

Следя за взглядом Варвары, играя пальцами ее руки, [Клим] Самгин тоже наблюдал [за этим дым⟨ом⟩, ст⟨руящимся?⟩], как струится этот дымок, *наблюдал* и чувствовал потребность говорить о чем-нибудь [очень] простом, очень житейском. Но говорила Варвара:

— А когда мне было [лет] тринадцать лет, я видела, как убился мальчик наших домохозяев, отчаянный был мальчик, и я много терпела [от] неприятностей от него. Он влез на крышу ловить голубя, но [сорвался] съехал на край крыши, схватился за жолоб и повис, болтая ногами. Я видела это из окна и [было даже] не испугалась, [даже] может быть, не поняла, было, кажется, даже забавно,— мальчик, вытянув руки, [кат⟨ился⟩] точно *летал*, возносился вверх. Но, разумеется, упал, ударился головою о камни и умер. [А за] А [за] *за две, три минуты* перед этим показывал мне [в окно] язык, грозил кулаком.

Странно было слышать, что она говорит, точно гимназистка, как-то наивно, [*жалобно*] *даже неправильно, не своей речью и будто бы жалобно.*

Клим спросил:

— Тебе понравился город?

— Нет,— сказала она, подумав.— Даже не [совсем] ясно: зачем такие города?

— Я расскажу тебе... Видишь ли...

[Сжав его пальцы] [Но ра⟨ссказать⟩] Рассказать не удалось, Варвара [обм⟨ахиваясь⟩] *спросила*, отмахиваясь платком от пчелы:

— Зачем она топит печь? [Ведь жарко!]

— Наверное — греют воду. Ему холодно.

И подвинувшись еще ближе к ней, он сказал неохотно:

— А может быть, это прислуга. Есть такой предрассудок: когда женщина трудно родит — открывают в церкви царские врата. Это, пожалуй, неглупо, как символ: [перед новым] нового человека встречают, [как] *точно* владыку, исходящего [из алтаря] *из храма божия, даже из алтаря.* А когда человек трудно умирает — зажигают *дрова в печи или* лучину на шестке, чтоб душа видела дорогу в небо.

Говорить на эту тему [было неприятно] *не хотелось*, и Клим пошутил:

— Тут уж невозможно понять, почему душа должна лететь в [небо чер‹ез›] трубу? Это о банкроте говорится: *он* вылетел в трубу.

[Шутке] Варвара не улыбнулась, она опустила голову, потом сказала тихонько:

— Знаешь, был момент, когда мне показалось, что из меня вырвался кусок жизни...

Клим обнял ее, поцеловал ей руку и спросил *тихонько*:

— Мать не понравилась тебе, да?

— Не знаю,— ответила Варвара.— [Скорее] [*Тут*] Вышло так, что с первого слова заговорили об этом...

Она указала глазами на крышу флигеля. Теперь дым совсем исчез, и над трубою [струилось] в воздухе *едва заметно* колебались какие-то серебристые струйки.

Клим Самгин был *очень* недоволен собою. Не следовало спрашивать о матери. Он не узнавал себя и даже как бы не верил себе. Мог ли он несколько месяцев тому назад представить, что *для него* окажется возможным, [это настроение] даже необходимым такое отношение к Варваре [такая беседа с нею]? Он беседовал с нею в тоне виноватого, понимая это и порицал себя. [— Ты] Захотелось сказать ей что-то внушительное и отвлечь ее от этой прикованности к трубе флигеля. Однако он сказал:

— Варавка на днях уедет в Старую Руссу лечиться от ожирения. Мать провожает его. А мы — на пароход и...

— Уйдем отсюда,— [ска‹зала›] [попросила] *попросила* Варвара, вставая.— Может быть,— можно пойти гулять? Ты мне покажешь город?

На улице Варвара [оживилась, сбросила с себя] [оживилась и], должно быть, поняв, что ее настроение тяготит, оживилась и, хотя оживление ее Клим находил деланным, но ему нравилось, что она старается говорить *весело* и остроумно. Она сказала, что город [очень] очень удобен для старичков, старушек, старых дев, [вообще для людей, отставленных от жизни.

— Знаешь было бы хорошо, если б люди отжившие] *инвалидов*.

— Право, было бы очень хорошо, если б [сущ‹ествовали›] для отживших людей существовали свои города,— говорила она.

— Что же — насильно ссылать их,— усмехаясь спросил Клим.

— Но ведь они уже взяли свое от жизни. [Или]

— А *те*, которые не успели взять?

— Значит — не умели.

— Жестоко.

— [Ну, да...] Может быть. Но еще более жестоко смешивать отжившее с начинающим жить. По-моему, старость и молодость — непримиримо враждебны и взаимно мешают жить одна другой.

Клим смеялся, ему нравилась эта болтовня. [Но] *А* Варвара, оглянувшись назад, сказала *тоном* обиженной.

— Это нехорошо — делать из умирания что-то торжественное и обязывающее меня думать о том, о чем я вовсе не хочу думать.

Домой воротились на закате солнца. Варавка в столовой углубленно раскладывал сложнейший пасьянс, доктор Любомудров, сидя у окна, читал [толстую книг⟨у⟩] толстый ежемесячник, мать заперлась у себя в комнате.

л. 67 Посмотрев на вошедших *через книгу*, доктор деловито спросил:

— Что, — солнце садится в тучи?

И похвалил солнце:

— Это — хорошо. [Ночью будет дождь. Пора!]

Потом, снова закрыв лицо книгой, сказал:

— Может быть,— ночью будет дождь. Дождь и прикончит его. Пора!

— Надоели вы, доктор, с этим вашим покойником,— [пробормот⟨ал⟩] проворчал Варавка.

Угнетающе медленно [тянул⟨ся⟩] прошел вечер, наступила ночь, [по не⟨бу⟩] над городом *нерешительно* поплыли черные обрывки туч, казалось, что им [не хочется] *жалко* гасить *тусклые* звезды. Ночью дождя не было, а была тяжкая духота, она мешала спать, *вливаясь бесцветным жарким дымом в открытое окно комнаты Клима и вызывая испарину*.. И была какая-то необычно густая тишина [и], непоколебимая, но внушавшая смутную тревогу [ожидание каких-то криков]. Она заставляла ожидать [криков] взрыва чьих-то криков, но [все безмолвствовало] город безгласно притаился, *весь* он как бы перестал жить [в] *на* эту ночь, даже собаки не лаяли, только ежечасно и скупо отбивал часы сторожевой колокол отдаленной церкви Михаила Архангела.

Дождь хлынул [часов] около шести часов утра. Его не было недели три [и вот, наконец], он явился с молниями, громом, с воющим ветром и повел себя как запоздавший гость, который, чувствуя себя виноватым, торопится быть любез-

ным со всеми и сразу обнаружить пред людьми лучшее свое. Он усердно мыл железные крыши флигеля и дома, мыл деревья, заставлял их шелково шуметь, поливая иссохшую, пыльную землю и, когда молнии разрывали тучу, [каза⟨лось⟩] из синей раны ее [хле⟨стала⟩] вода хлестала, как из разорвавшейся бочки.

Клим [вс⟨ё⟩] не мог уснуть, *лежал, закрыв глаза, и думал о Варваре, какой она была за пять месяцев до этого дня, думал и убеждался, что она уже внесла в его жизнь неизмеримо больше того, что внесли Нехаева и Лидия вместе. Он* первым вышел в столовую к чаю, но через минуту дверь осторожно открылась и вошла Варвара, уже одетая, причесанная.

— Я тоже не могла уснуть,— такой ужас! — [тихо] *тихонько* говорила она [и], часто мигая.

— Ночью по саду ходила женщина из флигеля, вся в белом, заложив руки за голову и, знаешь, то у нее есть тень, то, вдруг,— нет. И — тишина! Я никогда не слыхала такой тишины. [1]

Вздрогнув, она спросила:

— Тот человек — умер?

— Не знаю.

[— Наверное,— умер.]

Появилось солнце, наполнив столовую необыкновенно ярким светом. [Листья деревьев [стря⟨хивали⟩] за окнами встряхивали] Варвара открыла окна и, глядя, как листья деревьев отряхивают радужные капли, попросила:

— Ты узнай [о нем].

Утомленный бессонной ночью, Самгин готов был сказать ей что-то сердитое, но вошел доктор, отирая платком лицо, и сказал, широко улыбаясь:

— Доброе утро! А больной-то — жив! Это, я вам скажу,— феноменально!

Тогда Клим перенес свое раздражение на него.

— Значит — ошиблись вы в надежде на дождь,— сказал он [с усмешкой] *насмешливо*, но доктор ответил с *явным* удовольствием.

— Ошибся. Случай — исключительный, батенька, вот и ошибся.

Затем он начал расспрашивать о Союзном совете студенчества, о том, в каких землячествах больше народников, в ка-

---

[1] *После*: тишины — *знак вставки красным карандашом*; *вставка отсутствует*.

ких марксистов, расспрашивал подробно, как *больного* о болезни его. Клим отвечал сухо, необходимо и старался не смотреть на Варвару, она, взяв чашку чая, снова стояла у окна, но Клим боялся, что она обернется и взглянет на него с упреком.

— Однако вы конспиратор, батенька,— одобрительно сказал доктор, допил чай, подумал и решил:

— Пойду, вспрысну ему камфоры.

— Как это глупо, чёрт возьми,— [ра⟨здраженно?⟩] с досадой сказал Самгин, когда доктор ушел [и], а Варвара [тот⟨час⟩] быстро докончила [его мысль]:

— Мучить человека? Да... [Вот — жестокость!]

— Я, собственно, не об этом, а о его расспросах,— пробормотал [Клим] Самгин.— Но, ты права: это тоже глупо.

— И жестоко,— добавила она.— Что мы будем делать?

Клим напомнил, что *вчера* мать предложила ей посмотреть школу.

— А потом,— увидим,— с надеждою сказал он.

[Через ча⟨с⟩] Когда мать увезла Варвару, он пошел в редакцию. Город, вымытый дождем, празднично сиял, солнце усердно распаривало сады, густые вкусные запахи [сто⟨яли⟩] насыщали неподвижный воздух. Люди тоже [казались] *казались* чисто [вымытыми] вымытыми, они [шагали] *шагали* легко, уверенно, и эта легкость, деловитость заставила Самгина [без слов подумать] *почувствовать* тоже что-то уверенное, почти радостное.

Но на *чугунной* лестнице в редакцию он встретил стремительно бежавшего Дронова.

— О, здравствуй! Когда приехал? Спивак помер? Нет?

Дронов разочарованно крякнул и, поднимаясь по лестнице рядом с Климом, сказал:

— А я думал ты [некролог] *похоронное объявление* несешь.

[Скосил] Скосив глаз, заглядывая в лицо Клима, [и сказал] [он предупредительно] он сообщил тоном предупреждения:

— А я уж и некролог написал. Бежал к жене его за одной справочкой... Цивильный костюм больше идет к тебе, чем студенческая форма. Ты знаешь, что Иноков арестован. Уже больше месяца сидит. [Веро⟨ятно⟩] В лучшем случае его вышлют.

Он снова [крякнул потише] потише крякнул и, отворив дверь, пропуская Клима вперед, [сказал] *добавил*:

— Для него — в лучшем случае, конечно.

Дронов был одет щеголевато, как парикмахер, он смазал жиденькие волосы свои каким-то жиром, *гладко* причесал их [косым пробором] *на* косой пробор. Его новенькие ботинки негромко и вежливо скрипели. В нем вообще явилось что-то вежливенькое и осторожно прислушивающееся. Он сел за стол против Клима в позе напряженной готовности *немедленно* вскочить и бежать куда-то. Сидел прямо, выгнув грудь, обтянутую клетчатым жилетом, подергивая носом, который стал как будто острее и не таким смешно розовым, каким был раньше. Его пронырливые глазки внимательно мигали, [а на лице явилось] и, говоря, он все как-то подскакивал на стуле, точно ему было горячо сидеть.

— Как живем? Да всё так же,— говорил он *бойко, но* вполголоса.— Редактор — сокращает, Робинзон — кашляет, все — сердятся, а кричать — нельзя, цензор не велит. Робинзон у нас самый умный, он прямо говорит: газета — глупость и пошлость, если она не может ежедневно печатать под заголовком своим два слова: Долой самодержавие. Он так представляет хорошую газету: заголовок «Наш край», затем — условия подписки и такса объявлений, затем, крупным шрифтом: Долой самодержавие — и больше ничего! Никаких статей, ни хроники, только объявления: Т. С. Варавки, Варавка, Варавка, Варавка! [Какой⟨?⟩]

[Дронов] *Он* растянул рот в широкую, до ушей улыбку, и проницательные его глаза с [пытли⟨востью⟩] осторожной
л. 68 пытливостью приклеились к лицу [Клима] Самгина [так, что Климу] [заставив Клима снять]; Клим *снял* очки, ему показалось, что стекла очков вдруг помутнели.

— Редактор морщится, это против его либеральной умеренности и аккуратности,— продолжал Дронов, играя карандашом в золотой оправе.— Он [вообще] морщится и от твоих [статей] *заметок* о новой литературе, находит, что ты поощряешь людей, которые хотят разрушить какие-то традиции, да! [Но так как ты — родственник издателя, а он только редактор, [что] то он иногда говорит, что, может быть, твои взгляды [ему] *для него* не вполне ясны.]

Карандаш выскочил из его пальцев и подкатился к Самгину, Клим подал карандаш.

— Спасибо,— сказал Дронов.— Славная штучка? Это мне одна [водевильная] *энженю* подарила, я ведь [теперь] с осени театральные рецензии пишу. Вот среда — театр!

Послушав минуты две рассказы о среде, Клим спросил [неласково], *усмехаясь*:

— Должно быть, трудно носить в себе всё это.

— Профессия,— ответил Дронов, пожав плечами.— И, затем, весною *так же*, как осенью, [всегда] грязно.

— Ты думаешь теперь — весна?

— Говорят,—ответил Дронов, снова улыбаясь.— А — ты?

Клим был очень доволен [тем], что появление редактора избавило его от необходимости отвечать.

— О, здравствуйте! — сказал редактор, сняв шляпу, и сообщил: — Жарко!

Он мог бы не говорить об этом, его череп блестел, как тыква, окропленная росою.

— Прошу,— отворил он дверь в свой кабинет, и его [ши⟨рокий⟩] [тон] широкий жест, его [тон] любезный тон внушил Климу догадку, что сейчас произойдет нечто неприятное. Редактор сел за стол, отразился в стеклах шкафа, вытер лысину и, вздохнув, открыл средний ящик стола.

— [Три заметки ваши] Хочу поговорить по поводу вашей [заметки] *статейки* о символистах,— заговорил он, [отдуваясь] вынув из ящика синюю папку и отдуваясь: — Извините, что так сразу: тороплюсь, должен идти к цензору, объясняться.

Он подал Самгину его рукопись.

— Вот, я тут подчеркнул места, которые идут вразрез с направлением нашего органа. Вы тут слишком мягко отнеслись, и даже как будто сочувственно, к декадентам, а ведь что же такое декаденты по существу-то? [Ведь они — анархисты, [идут] *тащатся* в хвосте [учеников Маркса] марксят.] Анархисты и разрушают все традиции нашей литературы, общественности, традиции, освященные кровью наших героев и мучеников [за], погибших *в борьбе* за свободу народа.

Он, видимо, устал, говорил жалобно и смотрел на Клима безнадежно. Ему было жарко в синем пиджаке, не по сезону теплом. Безуспешно пытаясь подтянуть отвисшую губу, он [ласково] поглаживал ее языком и [тянул] бормотал:

— Наши лучшие люди звали [нас] молодежь на помощь народу, а эти зовут подсматривать, как женщины купаются. Это уж, знаете, даже и не анархизм, а... имени этому нет! И, подумайте, с одной стороны,— марксисты, с другой — символисты,— что же [с нами] будет?

Говоря, он отодвигал рукопись все дальше от себя, легонько тыкая в нее пальцем.

— Недавно ко мне [прише⟨л⟩] один эдакий принсс стихи, заявляет: — «Я — единственная реальность мира, я, говорит, желаю [под⟨чиняться⟩] подчиняться всем моим желаниям». Вы — подумайте! У него ячмень на глазу, невероятный галстук и надушен, как... актриса! А в стихах: «Луна, точно маска клоуна, луной душа околдована», и все луна, луна! Подписался: Парис. Робинзон на него пародию написал: «[Пески] Теки, Парис, под кипарис» — очень остроумно [хотя неприлично]...

Редактор [улыбнулся] попробовал улыбнуться, но это не удалось ему, только губа отвисла еще ниже, обнажив желтые зубы. Затем, вынув тяжелые черные часы, взглянул на них и заторопился.

— Простите,— надо идти! Третий раз в этом месяце. Ничего не понимает. Урчит: вы нигилизм проповедуете. Да, да,— так и урчит: нигилизм. [Старичок, живой] Стар *он*, живот его одолел. [Должн⟨о быть⟩]

На улицу вышли вместе, и там редактор, глубоко вздохнув, сказал:

— [Замечаете, как быстро растет город? И все благода⟨ря⟩] Постепенно приучаем читать нас, в этом году количество подписчиков возросло [на] почти на [семь] *пять* сот человек.

Клим, внутренне посмеиваясь, [пошел домой] перешел на теневую сторону улицы, [комическая [сцена с б⟨..?⟩] [фигу⟨ра⟩] речь реда⟨ктора⟩] думая о словах редактора и видя его комической фигурой. Через [несколько] *два десятка* шагов он догнал двух людей в [одинаково] серых пальто на широких [спинах] плечах, *оба они были малоголовые, одна голова в дворянской фуражке; другая в дешевой* [*панаме*] *шляпе.* [Их] Мощные фигуры их заполнили [всю] панель [обойти] и, чтоб [перегнать] опередить их, нужно было бы сойти на непросохшую мостовую. Он пошел сзади, посматривая на жирные затылки, на красные шеи. Левый, в панаме, сипло [говорил] говорил:

— Во сне сколько ни ешь, сыт не будешь, [друг мой] — это, *брат*, верная пословица. А ты во сне онучи жуешь, вот что. Какой ты на земле хозяин? Мой сын, студент второго курса, в хозяйстве больше твоего понимает. Теперь, брат, в моде жидовская наука, политическая экономия, ее даже девчонки читают. Надо решать, надо продавать, какого чёрта мямлишь. Продавай и — в Сибирь! Там деньги сделать можно, а здесь, [видишь,— тесно! Везде] сам видишь,— жиды, Варавки [все в их руках, нам жида не одолеть.]...

Клим [спрыгнул] соскочил с панели на мостовую, [обогнал] обошел людей и, быстро шагая впереди их, услыхал, [как ленивый баритон] как теноровый голос [ск⟨азал⟩] проговорил лениво:

— Ну, что ж, продавать, так продавать. [А по поводу]

[Варвара [была] сидела в столовой] Дома, у себя в комнате, он застал Варвару, она стояла у окна, выглядывая в сад [из-за косяка, прячась за] из-за косяка.

— Тише,— предупредила она шёпотом.— Смотри.

В саду *на скамье*, под вишеньем, сидела Спивак, напряженно прямо, упираясь в скамью руками, неподвижно, точно статуя [вся в пятнах солнца]. Она смотрела прямо пред собою, и ее глаза казались неестественно выпуклыми, а лицо [маленьки⟨м⟩] в [пят⟨нах⟩] мелких пятнах солнца — маленьким и тающим.

— [Началась агония] [1],— шептала Варвара.— Какая она... убитая. *Но — красиво сидит.* Она *очень* любила его? Хорошо жили?

— Да, — сказал Клим и отошел от окна, [смотреть] видеть Спивак было тяжело.

л. 69 — Знаешь, кого я встретила,— тихо говорила Варвара.— [Вараксина] *Дунаева*, помнишь, рабочего из кружка Маракуева? Он сторож при школе или что-то в этом роде. Он меня не узнал, но, кажется, это он нарочно. [Разве Спивак тоже революционерка?

— [Конечно — нет] [*Перестань*] *Не знаю*,— сухо сказал Клим.]

[Ему [не нравилось оживление Варвары] казалось, что он понимает причину оживления Варвары.] Клим понимал [что] причину оживления Варвары и подумал, что было бы лучше,— приличнее, что ли,— если б она скрыла это оживление. Но тут же сказал сам себе:

«Она — искренняя. Простодушная. Это — хорошо».

Присев на край стола, покачивая ногою в розовом чулке, Варвара [говорила] *спрашивала*:

— Вера Петровна очень ценила его? [Я не понимаю, как она] [Как она] [*Странно она*] Она говорит о нем *странно, я не понимаю*. [Как будто о] *То как* о сыне или о близком друге, который сделал ей что-то очень неприятное, то как о человеке совершенно чужом, *он ей надоел* и она довольна [тем],

---

[1] Слова зачеркнуты и не заменены другими.

что [он] *он*... уходит, наконец. [Очень] Хвалит его жену и тоже...

Клим подошел к ней, [*обнял*] *положил руки на плечи ее и, ласково покачивая, попросил*:

— *Перестань об этом*!

— [Ты опроки⟨нешь⟩] Так я упаду,— сказала она, схватывая его руками и ногами.— Ты меня прости, может быть, я говорю глупо и не так... почтительно? Но меня удивляет всё. И, знаешь, первое впечатление... Потом — этот человек с необыкновенной бородой. Он так ест и пьет... Нет, не трогай меня! Он точно всё хочет съесть, что стоит на столе... [Нет, не] *Клим*, не надо... [И] дверь же не заперта!..

Самгин освободился из ее объятий [и], запер дверь *и снова возвратился к Варваре, уверенный, что нашел способ заставить ее молчать*.

Через полчаса он вышел в сад, там стоял доктор Любомудров и, глядя в землю, курил папиросу, выпуская из угла рта длинную струю дыма.

— Что, как больной?

— Больного — нет [Выздоровел минут десять тому назад], — ответил доктор [и почему-то], измеряя [глазами] *усталым взглядом* фигуру Клима с ног до головы, потом, глядя в глаза его, прибавил: — Выздоровел, минут десять тому назад. И освободил меня для других, подобных ему.

Он [положи⟨л⟩] *бросил папиросу в цветы и* хлопнул ладонью по плечу Клима.

— Скушное у меня ремесло. Сожалею, что не акушер. Пойду писать для полиции свидетельство о том, что человек [дейст⟨вительно⟩] воистину помер.

Клим подошел под окно своей комнаты и негромко сказал:

— Помер, Варя.

Время пошло быстрее, [все хлопотливо засуетились, нужно было заказать [гроб] венки, купить ленты, гроб, [написать] говорить с попами, сразу] явилось множество [мелких дел] мелкого, *но важного* дела. Варвара [поехала] [*ушла*] *отправилась* покупать ленты, заказывать [вено⟨к⟩] венки. Вера Петровна — покупать гроб, [говорить с попами] Клим написал объявление о смерти и [од⟨елся?⟩], хотел пойти в редакцию, но явился, точно с крыши спрыгнул, Дронов [взял объявление, [сказав] спросил] и, взяв объявление, спросил:

— [Конечно, на] *На* первой странице, да?

[Затем Клим видел, как он быстро [черкал] *писал золотым* карандашом в книжке ст⟨атью?⟩] Вечером была панихида *на дворе*, пел «Хор любителей вокальной музыки», человек сорок мужчин и женщин, [хором управлял] *Дронов тоже пел, а управлял* хором Корвин, в черном сюртуке; усы его [стали] [росли] *стали* гуще, совсем как два куска смолы, и, когда он хотел, чтоб хор пел тише, [тяжелы⟨й⟩] конец его тяжелого носа опускался в ложбинку между усов. На двор собралось много зрителей и слушателей, из окон флигеля выплывал дым кадила и тяжкий запах тубероз.

[[*После*] *Во время панихиды* [*вдова*] *Спивак куда-то исчезла, что очень удивило* [*людей, которые желали*] *всех, кто желал выразить ей сочувствие.* [*Самгину*] [*Клим* видел, что мать тоже смущена отсутствием Спивак и что] [К Самгину подбежал Дронов, озабоченно спрашивая] *Хор пел очень согласно, священник*] *Изящный священник церкви Успения Богородицы,* [*изящный и краси⟨вый⟩*] *бывший юрист, адвокат, человек с репутацией умника и вольнодумца, неожиданно и внушительно* [*говорил о*] *сказал, стоя в окне, несколько слов о недоступной разуму великой тайне смерти,* [*но*] *а Клим Самгин* [*видел*] *зорко подмечал маленькие тайны жизни, они тревожили его. Во время панихиды Спивак куда-то исчезла, что очень удивило всех, кто желал выразить ей сочувствие. Самгину показалось, что особенно обеспокоены этим двое: Дронов и Корвин, который почему-то обращался с Дроновым как начальник с подчиненным.*

Дронов озабоченно [спрашивая] спрашивал Клима, *подскочив к нему.*

— Где же вдова? Мне надо бы [спросить ее...] *узнать... у нее кое-что...*

Играя камертоном, подошел Корвин, *небрежно* коснулся пальцем поля своей шляпы и тоже спросил:

— Вынос — в десять?

— У меня объявление,— быстро сказал Дронов, оба они отошли в сторону и начали шептаться, при чем Дронов, сняв с головы белую фуражку, смешно размахивал ею в воздухе.

— Что это? — спросила Варвара.— Какие оба... нелепые!

Она была очень оживлена, рассказала Климу, что цветы здесь дешевле, чем в Москве, люди — невежливее, а извозчики — лучше. Спивак [вела себя странно] явилась, когда уже стемнело, лицо у нее было очень усталое, [но спокойное, и по

глазам ее] осунулось, но глаза смотрели спокойно, и никто не мог бы сказать, что она плакала. Оказалось, что она ездила [за своим ребенком] *навестить* своего ребенка, который *уже* несколько дней [нахо⟨дился⟩] жил с нянькой в [кабин⟨ете⟩] комнате матери при школе. Клим [почувствовал] *признал*, что [[он] *его* не огорчила столь простая причина ее *необычного* поведения, вполне допу⟨стимая?⟩] *ее несколько необычное* поведение вполне [удовлетворительно] удовлетворительно объяснено [и ему было приятно; он не любил], и, значит, [одной] *здесь* тайны нет. Но он ошибся: *на дворе* Спивак подошла к нему, взяла под руку и, ведя в сад, сказала тихонько:

— Невеста ваша, вероятно, сообщила вам, что она видела в школе [одного] *москвича*-рабочего, которого и вы знаете. Так, пожалуйста, не нужно, чтоб об этом знал еще кто-нибудь. Хорошо?

— Конечно,— согласился Клим.

Отняв руку из-под локтя, она сказала:

— [Умненькое] *Оригинальное* личико у вашей невесты.

— Кажется, так говорят, когда не желают сказать: некрасивое.

— Незаурядное [личико] лицо,— повторила Спивак.

— А что это такое — Корвин?

— Помнится, вы не первый раз спрашиваете меня о нем,— сказала Спивак, помолчав.— Корвин — глупый и самонадеянный человек, с которым я бы советовала держаться осторожно,— проговорила она, заглядывая через окно в комнату. Там, на двух столах, покрытых простынею, лежал маленький пианист, почти упираясь подбородком в грудь. [Он был [очень] гладко причесан, и Самгин впервые заметил, что уши его уродливо велики.] [*Мебель из комнаты вынесли, и* [*в пустоте*] *пустота ее*] *и казалось, что он, слепо прищурив глаза, утонувшие в темных ямах, непонятливо смотрит на свои ладони, согнутые в* [*лодочки*] *ковшички,* [*или*] *и на цветы, скупо брошенные на грудь, на опавший живот. Мебель из комнаты вынесли, и пустота ее очень убедительно* [*подчеркивала полно⟨е⟩*] *показывала совершенное одиночество музыканта.* [*Сумрак*] *На стене, на трельяже, горел ночник,* [*белый*] *синеватый, маленький огонек пугливо* [*подпрыгивал*] *дрожал в стекле, как бы пытался выскочить из него, какие-то серенькие* [*кружились* [*на*] *во*] *нелепо мелькали около ночника, и* [*по лицу*] *на лицо мертвого,* [*как будто*] *наскоро, грубо* [*вырезанному*] *вырезанное из* [*темного*] *дерева,*

[скользили тени] падали [серые] темные [снежинки] снежинки теней.

— Как это сложно, похороны,— сказала [Спивак] вдова, вздохнув.

Все это было не реально, ни на что не похоже, [не реально] подчеркнуто не нужно и [вызывало], вызывая жуткое [тошное] ощущение [тош⟨ноты⟩] тошноты, сжимающей горло, заставило Самгина найти что-нибудь простое, понятное. Покручивая бородку, нахмурясь, он с минуту молча рассматривал [лицо Спивака] гладко причесанную голову Спивака и, наконец, [впервые] заметил, что уши у него уродливо велики [1].

В [день] [у⟨тро⟩] день похорон с утра подул сильный [и горячий] ветер, и как раз на восток, [в] по направлению к кладбищу. Он [гнал вдоль улицы [пыль] куриные перья, мелкие бумажки, кожуру луковиц] толкал людей в спины, мешал идти женщинам, поддувая юбки, путал прически мужчин, забрасывая волосы с затылков на лбы и щеки. Пение «Вечной памяти» он относил далеко вперед процессии, и Клим, ведя Варвару под руку, шагая сзади Спивак, слышал только длительный и приглушенный [звук] крик:

— Па-а-а...

Чем дальше [на гору поднималась] шла толпа людей,
л. 70[2] тем сильнее гнал ее ветер, как бы торопясь [смести с земли] загнать на кладбище. Люди [[покашливали] толкали друг друга, тихо извинялись и, покорствуя стихии, [шли] шагали все быстрей. [Клим находил] Толчки ветра раздражали Самгина. Он находил] выгибая спины, держась за головы, упирались ногами в землю, задевали друг друга, тихонько извинялись [и], *но*, покорствуя силе ветра, шагали все быстрей, а впереди [их] почти непрерывно пел хор:

— А-а-а...

Все это, угнетая Самгина, навевало [Самгину] [ему] неприятные мысли о тленности жизни, но неприятны они были потому, что облекались в чужие слова:

. . . дар случайный,—
Жизнь — зачем ты нам дана?

— вспоминал он, а [оттолкнув] стряхнув [эти] Пушкина, тотчас вспоминал Л⟨ермонтова⟩:

---

[1] *Текст*: Все это было ∾ велики — *вставка на отдельном листе.*

[2] Л. 70 сохранился в двух вариантах. Разночтения более ранней редакции см.: Варианты *ЧА*, л. 70

А жизнь, как посмотришь с х⟨олодным⟩ в⟨ниманьем⟩ вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.

Хотелось придумать что-нибудь от себя, [но он с досадой] и было как-то обидно признать, что все грустное, что можно бы сказать о жизни, уже [хорошо] сказано [Надолго оста⟨лась⟩] [Осталась в памяти Самгина могила], и — очень хорошо сказано. Потом он [с пол⟨часа⟩] больше получаса должен был стоять у могилы. [1]

Толчки ветра раздражали [Самгина], идти было [неловко] *неудобно*, Варвара мешала, [оп⟨равляя?⟩] нагибаясь, оправляя юбку, она сбивалась с ноги, потом, подпрыгивая, чтоб попасть в ногу, снова путалась в юбке. Клим находил, что Спивак идет слишком высоко подняв голову, точно она гордилась тем, что у нее помер муж, да и шагала она как будто по узкой тропе, заботливо или опасливо соблюдая прямую линию.

«Странная женщина,— думал Самгин.— Революционерка от скуки. Наверное,— от скуки. [Вероятно, заведет любовника, Корвина, например] [А может быть] *Или — из боязни прожить жизнь, как Таня Куликова. Теперь, вероятно, поторопится завести любовника*, какое-нибудь животное, Корвина, например».

Мать и Варавка встретили гроб у могилы. Варавка [недо⟨вольно⟩] сердито отдувался, [и сверкая] сверкал глазками *и*, оберегая бороду, прижимал ее ладонью, но ветер все-таки дерзко трепал [ее] рыжие пряди. Мать в черном была похожа на игуменью богатого монастыря; она стояла, прислонясь к чугунному кресту и, поджав губы, строго смотрела, как ставят гроб на доски, положенные поперек могилы, вырытой в рыжей земле [2]. Один бок могилы упорно осыпался и напоминал беззубую десну старухи. Невыносимо громко и много кричали над гробом; особенно старался [бывший адвокат в серебряной рясе с черными крестами на ней] адвокат Провин [3], он произнес длинную речь, доказывая закономерность явлений природы, руководимой мудростью бога; из его красных губ, прикрытых усами и полуседой бородою, [красивые] звучные слова летели на ветер,

---

[1] *Вероятно, текст:* Все это ∽ у могилы.— *позднейшая вставка на полях, сделанная в процессе работы над БА.*

[2] *Текст:* Теперь, вероятно ∽ рыжей земле.— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Вероятно, описка, надо* — Правдин.

как дым кадила. Ветер неутомимо и скучно посвистывал среди крестов и деревьев, над головами людей бесстрашно и молниеносно мелькали стрижи, недалеко, за церковью [и], очень сердито пыхтела пароотводная трубка водокачки, и все это было угнетающе тягостно.

Зато как легко и приятно стало вечером, когда Клим Самгин, стоя на палубе маленького парохода, белого и чистого, как лебедь, смотрел на город, окутанный пышной массой багряных туч. Военный оркестр в городском саду играл «Корневильские колокола», а слышалось, что он играет торжественное. Чем ниже по реке сползал бойкий пароход, тем более мило игрушечным становился город, раскрашенный мягкими красками заката, все ярче сверкала золотая луковица собора, [а до⟨мики⟩] а маленькие домики, еще умаляясь, сжимались плотней вокруг зубчатых стен и круглых башен [старо⟨го⟩] кремля. Потом пароход круто повернул за пригорок, ощетиненный елями, и город исчез, точно стертый с земли мохнатой, черной лапой.

Было тепло и тихо, только колеса весело расплескивали красноватую воду неширокой реки, посылая к берегам волны, и вспененные волны делали пароход еще более похожим на птицу с огромными крыльями.

Клим и Варвара [молча] стояли у борта, испытывая сладость одиночества вдвоем; стояли молча. Когда Варвара попробовала вспомнить впечатления последних дней, Клим сказал ей как только мог ласково, но внушительно.

— Перестань об этом.

И объяснил:

— Привычка фиксировать внимание на явлениях печальных и отрицательных — не здоровая привычка.

Когда стемнело и пароход стали догонять черные обрывки туч, омрачая воду и землю, встретился другой пароход, тоже небольшой и ярко освещенный. Но он был окрашен в коричневый цвет, в темноте он казался железным, а отражения его огней вонзались в реку, точно зубья огненной бороны, и было чудесно видеть, что эти зубья, глубоко бороздя воду, не гаснут в ней. Потом, с правой стороны, из-за холмов, выкатилась большая оранжевая луна, а по левую, над лесом нависла туча, мохнатая, как шкура медведя, ее встряхивали и рвали молнии, но грома не было слышно, и от этого молнии казались страшнее, злей.

Варвара детски наивно восхищалась, хватала Самгина за руку, прижимаясь к нему, тихонько вскрикивала:

— О, смотри, смотри! Видел?

— Неплохо,— снисходительно соглашался Клим.— Природа любит похвастаться силой.

И говорил, что со временем — вероятно, уже скоро,— человек научится превращать буйную игру сил природы в работу, полезную для него [1]. Но он тоже невольно поддавался очарованию летней ночи и плавного движения сквозь теплую тьму *к покою*. Им овладевала безмысленная задумчивость, приятная лень. Он смотрел, как во тьме, сотрясаемой голубой дрожью, медленно уходят куда-то назад темные массы берегов, и было приятно знать, что прожитые дни не возвратятся.

Остановились на трое суток в Нижнем-Новгороде, [смотреть город и] посмотреть только что открытое и еще не разыгравшееся всероссийское торжище [2]. Потом сели на огромный, удобный, как [богатая] гостиница, пароход и поплыли по Волге мимо богатых [вст⟨речных?⟩] сел, встречу караванам барж, влекомых [тяжс⟨лыми⟩] буксирными судами, обгоняя парусные *рыжие* «косоуши», распугивая увертливые лодки рыбаков.

[День был праздничный, с] С берегов доносились звуки гармоник, [пьяные песни] крики детей, [обн⟨аженные⟩] голые тела плескались в воде, пестрые группы баб и девиц [лю⟨бовались⟩] [*стоя у воды*] любовались пароходом. Варвара нашла, что Волга действительно красива и недаром воспета она в сотнях песен, а Клим вспомнил, как отец учил его читать:

Выдь на Волгу, чей стон раздается
Над великою русской рекой?

— Но вот, как видишь,— не стонут, а играют на гармониках [гуляют].

— Сегодня воскресенье,— заметила Варвара, но тотчас же торопливо прибавила: — Но, разумеется, я согласна, что страдания народа преувеличены [литературой] Некрасовым.

[И, погладив руку Самгина, прибавила еще:

— [И вообще литературой]. *Знаешь, мне кажется, что все плохое — преувеличено*].

---

[1] *Текст*: ласково, но внушительно ∾ полезную для него.— *перечеркнут синим карандашом*; *возле слов*: полезную для него — *помета карандашом*: 94.

[2] *Фраза*: Остановились на трое суток ∾ торжище.— *перечеркнута синим карандашом*.

[Клим уловил в [ее] торопливости] [Ее торопливость задела Самгина, [парушила] нарушив в нем]

В [ее] торопливости ее слов [Клим уловил что-то [грозившее нарушить [его] его настроение] неприятное ему, способное нарушить его настроение, было] что-то не понравилось Климу, *в этой торопливости как будто скрывалась боязнь не согласиться с ним или, что еще хуже,— невозможность*
л. [71] *согласиться.* Он [вообще] *уже не первый день* был несколько
97 недоволен настроением подруги. Может быть, она устала от избытка и разнообразия впечатлений и потому менее оживлена, молчит и не так часто ласкается об него? В ее широко открытых глазах застыла чуть заметная и неприятная улыбка, с этой улыбкой она смотрит на берега, села, города, пароходы, лодки. Она не спрашивает ни о чем и нельзя догадаться, какие мысли, чувства будит в ней видимое.

— О чем ты думаешь?

— Я не думаю,— ответила она, взглянув на него мельком и отчужденно, как показалось Самгину.

Он пробовал рассказать ей о значении Волги и Нижегородской ярмарки, но чувствовал, что Варвара не слушает. Лишь однажды она отозвалась быстро и невнятно: [1]

— Да... Это удивительно.

— Что?

Глядя в лицо его [вдруг] затуманенными глазами, она описала рукою в воздухе широкий полукруг.

— Это все. Ведь я никогда не чувствовала, что есть Россия, кроме Москвы. География, конечно... Но — что же география? Вроде каталога вещей, никак не нужных мне. И вдруг — вот! Ты понимаешь, конечно!

Клим ласково и молча погладил ее плечо. Да, он почти понимал. Он [обогащался] понимал, что обогащается, укладывая новые впечатления в знакомые ему идеи и фразы. И дни и ночи щедро награждали его невиданным, неизведанным, многое удивляло [и], а все вместе требовало порядка, всё нужно было [уложить [и р⟨асчесать⟩], причесать] прибрать и уложить так, чтоб оно не беспокоило. Но всего более удивительно было то, что он ясно чувствовал: Варвара, такая умеренная во всем и покорная, серьезно, но не навязчиво любящая, становится для него всё милее с каждым днем. Милее не только потому, что с ней удобно, но уже до того

---

[1] *Текст:* Он пробовал рассказать ∾ невнятно — *перечеркнут красным карандашом.*

милее, что она возбуждала и в нем желание быть приятным ей, ласковым и даже нежным с нею. Он вспоминал, что Лидия ни на минуту не будила в нем такого желания.

А потом ему настойчиво захотелось сказать какое-то необыкновенное и решительное слово, которое еще более и навсегда уже приблизило бы Варвару к нему. Такого слова не находилось. Может [быть потому] быть оно [*и*] было близко, но не светилось, *потому что* не нашлось чувства, которое осветило бы и одухотворило его покоряющей силой.

[Самгин] Клим [Самгин] сам понимал, что чувствования, которыми он живет, мелки, сбивчивы и не сливаются с чем-то другим, что тревожно нарастает под ними и очень похоже на обидное ощущение одиночества. *А кроме этого — мешал грузчик в красной рубахе; он жил в памяти мутным пятном и, как бы сопровождая Самгина, вдруг воплощался то в одного из матросов парохода, то — сторожа на пристани Самары, то в пассажира третьего класса, который, сидя на корме парохода, ел орехи, необыкновенным приемом раскалывая их:* [*кусает*] *положит орех на коренные зубы, ударит ладонью снизу по челюсти и — орех расколот* [1].

В ту ночь, когда паровая шхуна вышла в Каспийское море и пологие берега калмыцкой степи растаяли в теплой лунной мгле, [грустная сказочность окружающего [настроила] *вызвала* у Клима настроение нервозной болтливости] Клим почувствовал себя необыкновенно взволнованным и даже несколько растерявшимся. Окружающее [его] было сказочно грустно. В небе, очень густо синем и без звезд, неподвижно стоял слишком светлый диск [луны] ущербленной луны. Море серебристо-зеленого цвета так же пустынно, так же незыблемо, как небо, и так же беззвучно, как будто оно уже достигло вечного покоя и вечной немоты небес, к чему и стремились все его бури. Шхуна тяжело плыла по неширокой серебряной [дороге] тропе и, видимо, не могла свернуть никуда с этой тропы, [а] тропа [вела в] двигалась вместе со шхуной, увлекая ее в бесконечную [мглу], безгласную мглу. Был слышен лишь один глуховатый звук, это винт взбалтывал воду [под кормой], но можно было думать, что шхуну преследует и настигает, прячась под водою, какое-то чудовище.

Было стыдно сознаться [но Клим] в этом, но Клим чувствовал, что его обижает давно забытый детский страшок

---

[1] *Фраза:* А кроме этого ∾ орех расколот.— *перечеркнута синим карандашом.*

[Он, улыбаясь, оглядывался], *казалось, что [его накрыло] он накрыт* каким-то прозрачным мешком, из которого никогда не вылезти, а шкуна не двигается, но [в] повисла в воздухе и [вся трясется] дрожит. Самгин, снимая и надевая очки, независимо оглядывался, хотелось увидеть что-нибудь напоминающее о земле — пароход, судно рыбаков, хотя бы птицу. Но [была] был только совершенно гладкий [и *1 нрзб*] серебристо-зеленоватый круг: дно воздушного мешка, сверкала светлая полоса по бортам темной шкуны, а под этой ограниченной плоскостью — небо, не так глубоко вогнутое, как над землею, и потому не такое знакомое. На горизонтах — одинокие звезды, их немного, но они крупны и ярче земных. Самгин ощутил необходимость заполнить словами, заговорить [эту] пустоту, развернувшуюся вокруг него и в нем. Варвара сидела [на] у борта, держась за перила, упираясь подбородком на руки, голова ее дрожала мелкой дрожью и непокрытые волосы шевелились. Клим стоял [с боку ее] рядом с нею и, вспоминая [все] стихи о море, читанные им [*2 нрзб*], говорил вполголоса: громко говорить было неловко, хотя все пассажиры давно уже пошли спать. Но стихов он знал немного, они скоро иссякли и пришлось говорить прозой.

— Очевидно — неверно, что природа не любит пустоты; существует безвоздушное пространство да и такие вот *пустые* мешки, как этот...

Стихи Варвара выслушала молча, но тут, повернув к нему голову, тихонько попросила:

— Ой, Клим, пожалуйста, не надо ничего... умного!

Ее лицо, освещенное луною, было неестественно бледно, а глаза фосфорически блестели. Клим замолчал, несколько обиженный, но [ми⟨нуту⟩] через несколько минут предложил:

— А не пора в каюту?

— Нет,— сказала она, глядя на него уже умоляюще.— Я, право, не могу уйти отсюда. Так безумно хорошо.

— Устанешь.

— Нет, но подвинь кресло ближе.

Он исполнил ее просьбу, сел рядом с нею и совершенно огорчился, увидев, что Варвара [не⟨заметно?⟩] внезапно заснула. Пощипывая бородку, он смотрел на ее профиль, четко высветленный луною, и у него разгорались мысли почти враждебные этой женщине.

«Я с нею стал слишком мягок и это делает ее [несколько] уже небрежной со мною. Необходимо быть строже. Надобно

л. [72] овладеть ею с такой полнотой, чтоб всегда *и* в любую минуту
98 настраивать ее созвучно моим желаниям. Надо научиться понимать всё, что она думает и чувствует, не расспрашивая ее. Мужчина должен поглощать женщину так, чтоб все тайные думы и ощущения ее полностью передавались ему».

Эта мысль понравилась ему, и он всячески повторял ее, как бы затверживая. Уже не впервые он рассматривал Варвару спящей, и всегда испытывал при этом чувство недоумения и зависти, особенно острой в те минуты, когда женщина, истомленная его ласками до слез и полуобморока, засыпала, положив голову на плечо его. Голова у нее была странно легкая, волосы немного жестки, но приятно холодные, точно шелк. На виске, около уха, содрогалась узорная жилка; днем — голубая, она в сумраке ночи темнела, и думалось, что эта жилка нашептывает мозгу Варвары темненькие сновидения, рассказывает ей о тайнах жизни тела. Во сне Варвара была детски беспомощна, свертывалась в маленький комок, подняв ноги к животу, спрятав руки под голову или под бок себе. Но часто казалось, что полуоткрытые губы ее улыбаются хитровато, и что она смотрит сквозь длинные ресницы взглядом не побежденной, а победившей. А порою лицо ее так незнакомо изменялось, что Клим ощущал желание внезапно разбудить ее *и* строго спросить:

«Что ты думаешь?»

Его волновал вопрос: почему он не может испытать ощущений Варвары? Он тоже хотел бы стонать и плакать от наслаждения. Почему [он] не может перенести в себя радость женщины,— радость, которой он же насытил ее? Гордясь тем, что вызвал такую любовь, Самгин находил, что ночами он получает за это меньше, чем заслужил. Однажды он сказал Варваре:

— Любовь была бы совершенней, [крепче] богаче, если б мужчина чувствовал одновременно и за себя и за женщину, если б то, что он дает женщине, отражалось в нем.

Варвара, подумав, спросила:

— Не отражается?

Но он видел, что слова его непонятны, и спросила Варвара из вежливости. Тогда он подумал, что если Лидия была почти бесстыдно болтлива, если она относилась к любви испытующе, Варвара — слишком сдержанна и осторожна, даже, пожалуй, туповата.

«А я ожидал, что она [до〈лжна〉] окажется разнузданной, склонной к излишествам, к извращениям. Конечно, я хорошо ошибся, но....»

Через день он снова спросил:

— Скажи, ты хотела бы чувствовать то, что чувствую я?

— О, разумеется,— ответила она очень быстро, уверенно, но он ей не поверил, подробно разъяснил, о чем он говорит, и это удивило Варвару, она даже как-то выпрямилась, вытянулась.

— Но ведь я тебя чувствую! — тихо воскликнула она, и ему показалось, что она сконфузилась.

— Но — как, что чувствуешь?

— Я не умею сказать. Я думаю, что так... как будто я рожаю тебя каждый раз. Я, право, не знаю, как это. Но тут есть такие минуты... не физиологические!

И уже явно сконфуженно, густо покраснев, попросила:

— Пожалуйста, не говори об этом, милый! Тут я боюсь слов.

Клим приласкал ее. Но он был огорчен; нет, Варвара все-таки не поняла его.

«И как нелепо сказала она: будто рожаю!»

Вскоре после того Самгин едва не поссорился с нею. Ехали на лошадях из Владикавказа в Тифлис [Военно-]Дарьяльским ущельем. Поднимались на Гудаур, высшую точку перевала через горный хребет, но и горы тоже поднимались всё выше и выше. Создавалось впечатление мрачного обмана, как будто лошади тяжко шагали не вверх, а вниз, в бесконечно глубокую щель между гор, наполненную мглою, синеватой, как дым. Из этой щели, все более сжимавшейся в небо, стиснутое вершинами гор, вздымалась ночь. Небо — капризно изогнутая полоса голубоватого воздуха; воздух, темнея, густеет, и в густоте его разгораются незнакомые звезды. Сзади, с правой стороны, возвышалась белая чалма Казбека, и оттуда, в затылок Клима, веяло сыроватой свежестью, сгущенным безмолвием. Каменную тишину почти не нарушал дробный стук лошадиных копыт и угрюмая воркотня возницы-татарина. Глубоко внизу зловеще бормотал Терек, это был звук странный, как будто мощные камни, сжимая ущелье, терлись друг о друга и скрипели.

Величественно безобразные нагромождения камня раздражали Самгина своей ненужностью, бесстыдным хвастовством, бесплодной силою своей.

— Встряхнуть бы все это, чтоб рассыпалось в пыль,— бормотал он, глядя в ощеренные пасти камней, в трещины отвесной горы.

Варвара подавленно замолчала тотчас же, как только

отъехали от станции Коби. Она сидела, спрятав голову в плечи, лицо ее вытянувшись, стало [еще] более чем всегда острым. Она как будто постарела, думает о страшном, и с таким напряжением, с каким вспоминают давно забытое, но такое, что необходимо сейчас же вспомнить. Клим ловил ее взгляд и видел в потемневших глазах сосредоточенный, сердитый блеск, а было бы естественней видеть испуг или изумление.

— Помнишь Гончарова,— спросил он.— «Фрегат Палладу»?

— Да.

— Там есть место: Гончаров вышел на палубу, посмотрел на взволнованное море и нашел его бессмысленным, безобразным. Помнишь?

— Да,— сказала Варвара.— Впрочем,— нет. Я не читала эту книгу. Как ты можешь вспоминать здесь Гончарова?

— Хороший писатель.

— Я его не люблю,— резко сказала Варвара.— И страшное никогда не безобразно, это неверно!

Клим обрадовался, что она говорит, но был удивлен ее тоном. Помолчав, он продолжал уже с намерением раздражить ее, оторвать от непонятных ему дум.

л. [73] — Какая-то дорога в ад. Это должен был видеть Данте...
99 Ты замечаешь, что мы, подымаясь, как будто опускаемся?

— Да, да,— откликнулась она с [какой-то] непонятной и обидной торопливостью.— Это — так: опускаемся. И хочется молчать. Что тут скажешь? — спросила она, оглядываясь и вздрогнув.— Поэты говорили. Но и поэты... они тоже ведь ничего не сказали.

— Именно,— согласился Клим.— У Лермонтова даже смешно:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор. . .

— Как Тарас, а?

Варвара, опустив голову, отодвинулась от него, а он продолжал, усмехаясь:

— Странно действует на тебя природа. Вероятно, вот так покорствовал ей первобытный человек. Что ты думаешь, а?

— Право — не знаю,— тихо и виновато ответила она.— Я — без слов.

— Без слов, без форм нельзя думать. Говорят, есть песни без слов, но это неверно.

— Я просто — насыщаюсь,— сказала Варвара глуховато.— Дышу. Я никогда не дышала так глубоко...

[Не скрывая досады, Клим заметил:

— Это уж нечто физиологическое.]

Темнота, уже черная, дышала нежным холодком, лишенным запахов. Клим сердито заметил:

— У нас в России [и] *даже* снег пахнет.

— Солененьким,— тихо, точно сквозь сон, прибавила Варвара.

И [*внезапно*] *вдруг, вздрогнув, сказала:*

— Поднимаясь,— мы опускаемся... как это странно ты сказал! Тут есть что-то злое, да?

Самгин не ответил, думая, что действительно он сказал что-то очень значительное, и это надо помнить.

Приехали в Гудаур, *молча* ели шашлык, пили густое, лиловое вино. Потом, в комнате, отведенной им, Варвара, полураздевшись, бессильно села на постель и сказала, глядя в черное окно:

— Я видела всё это... Не помню, когда, должно быть, маленькой, во сне. Я шла вверх, и все шло вверх, но быстрее меня, и чувствовала, что опускаюсь. Это был такой горький ужас, Клим, право же, милый, не смейся! И вот сегодня...

Она неожиданно и громко всхлипнула.

— А ты — сердишься!

Когда он стал утешать ее, она шептала, стирая слезы с лица жестами кошки.

— Я — понимаю: ты — умный, тебя раздражает, что я не умею рассказывать.

Прижав руки ко груди, она почти крикнула, задыхаясь:

— Но — не могу я! Нет же таких слов. Мне теперь кажется, что я видела этот сон не один раз, а — часто. Еще до рождения видела,— сказала она *уже* улыбаясь.— Даже — до потопа!

И, обняв его, спросила:

— Ты себя никогда не чувствовал допотопным?

— Нет еще,— сказал Клим, великодушно гладя ее щеку.— А вот ты начиталась декадентских стишков, да!

[Помирились.

Эти минуты неудовлетворенности Варварой и разногласий настроений все-таки не мешали Самгину чувствовать себя, в общем, уверенно и благоустроенно.]

Помирились, и Самгину показалось, что [после этой сцены] эта сцена плотнее приблизила *Варвару* к нему [В Москве, на людях, разнотонность настроений ощущалась реже, да и не так остро, а когда приехали с Гудаура], а утром, опускаясь с Гудаура в [зеленую] [спокойную] долину Арагвы, пышно одетую зеленью, Клим даже подумал, что он вел себя раздражительно [капризно] и что это, может быть, положило тень на отношение Варвары к нему. Он [даже] нашел нужным сказать ей [тоном шутки, мягко] очень мягко:

— Вчера,— да, кажется, и вообще последние дни,— я вел себя несколько капризно. Это надобно объяснить усталостью. Всё мелькает, суетится, всё нужно осмыслить, освоить, связать.

И тотчас понял, что говорить не следовало. Варвара, привстав, [опираясь] держась рукою за плечо его [и глядя вниз], *смотрела вниз*, на реку, позолоченную солнцем, на мягкие горы, одетые густейшей зеленой овчиной, на стадо овец [и], серыми шариками катившихся вверх [восторженно [говор⟨ила⟩] шептала].

— Какая [милая] красота! — восторженно шептала она.— Можно ли было ждать, после вчера. Смотри!.. Женщина *с ребенком сидит* на осле, и человек ведет [его под узды...] *осла...* Но ведь это как Богоматерь с Иосифом! Клим, дорогой, [как хорошо....] *это* удивительно!

Он улыбался, не мешая ее *наивным* восторгам, [и опасливо] и опасливо смотрел через очки вниз. Спуск был крут, спускались на тормозах, [колеса] и отвратительно скрежетали *колеса* по щебню. Иногда [дорога] серая лента дороги изгибалась почти под прямым углом, чернобородый, широкоплечий [во⟨зница?⟩] кучер зверски рычал на лошадей, коляска наклонялась в сторону обрыва, усеянного острыми зубами каких-то необыкновенных камней.

— [Здесь Пушкин] Здесь Пушкин любовался красотой,— *растроганно* говорила Варвара.— [Как-то] Помнишь: «На холмах Грузии»?

— «Тобой, одной тобой»,— пробормотал Клим.

— Да,— сказала Варвара, крепко сжимая его плечо пальцами.— Это — непостижимо! Как много может вложить человек в три простые слова....

Клим вздохнул отраднее и стал веселей, когда экипаж *благополучно* скатился с горы к станции Млеты.

В Москву возвратились приятно утомленными [[радуясь] и Клим, очень обрадованный [возможностью] тем, что коче-

вая жизнь [прожита] кончилась]. Самгин обрадовался, когда [при⟨ехали⟩] кочевая жизнь кончилась *и возвр⟨атились⟩* в М⟨оскву⟩ [1].

[Варвара, охмеленная воспоминаниями, до десяти раз в день спрашивала его:

— А помнишь? А помнишь?]

[Слушая, как она] [*Почти в одно время с ними явилась Любаша Сомова, получив⟨шая⟩ разрешение жить в Москве, и слушая, как Варвара* рассказывает [Сомовой] *ей* о путешествии, он [думал] недоверчиво думал:

«[Где это] *Когда* она видала это? Где? Вот фантазерка!»

И еще раз [излиш⟨не⟩] убеждался в том, как много люди выдумывают, как любят они обманывать себя и других.]

Разнотонность его настроения с настроением Варвары в Москве не обнаруживалась так часто и открыто, как во дни путешествия [да и не на чем]. Они оба занялись житейским делом, одинаково приятным для них. Из дома на дворе перебрались в дом окнами на улицу, [отремонт⟨ировали?⟩] в отремонтированную за время их отсутствия квартиру [во втором этаже]. Варвара не очень крикливо и даже приятно обставила ее новенькой мебелью, Клим сохранил для себя все старое, накопленное дядей Хрисанфом, и устроил солидный кабинет с двумя окнами на улицу. По протекции Варавки он приписался в помощники к богатому адвокату, юрисконсульту одного из [старых] страховых обществ [рабо⟨тал⟩] [Сомова осталась на прежней квартире, которую Анфимьевна быстро заселила разнообразными постояльцами] [*а вместе с тем*],
л. [74] *а Варавка поручил ему ходатайствовать в Москве по его бес-*
100 [2] *численным делам.*

В октябре, получив разрешение жить в Москве, [явилась] *явилась Любаша Сомова, она снова заняла* [*комнату Л⟨идии⟩*] комнату Лидии и уже не так часто мелькала в глазах. Она [работала в Земском статистическом бюро] переводила французские романы и, как раньше, [устраивала] *начала* устраивать вечеринки, лотереи, сборы в пользу ссыльных, шила им белье, вязала носки и шарфы, восхищалась оперой *Саввы* Мамонтова, Шаляпиным, [Лоэнгрином, Ермоловой, Мопассаном, [Поссартом] Томальо и Барнаем] пыталась понять стихи декадентов, но говорила, вздыхая:

---

[1] Незаконченная правка.
[2] *Лист начинается словами*: [в комнате Лидии]

— Трудно! Артишоки, декаденты и устрицы — не по вкусу мне [1].

[Остальные комнаты прежней квартиры Анфимьевна [сдала [широкоплечему человеку унылого вида] [господину Митрофанову]] разбила на отдельные конурки, сдала их студентам, а [одну] в одной] Анфимьевна, *превратив флигель в подобие меблированных комнат, сдала их студентам, а в одной поселился господин Митрофанов, человек неопределенной профессии.* Одетый в толстое и длинное пальто, в бесформенной шляпе, *скрывавшей [его] голову его*, наскоро и некрасиво воткнутую прямо в плечи, с руками в карманах, Митрофанов был похож на бочку и передвигался по земле нерешительно, тяжко [а его светловолосая, коротко остриженная и завитая *барашком* сестра бегала так быстро, как будто земля жгла узенькие подошвы ее тонких и бойких ног]. Анфимьевна сообщила, что [ее зовут Клавдия Николаевна, и она продавщица в кондитерском магазине, а Иван Митрофанович] Митрофанов

— Места ищет и жену ждет.

[Над Митрофановыми] В приплюснутом крышей окне мезонина, где обитал «объясняющий господин» Суслов, [всё также] до поздней ночи горела неярко, по упрямо [низенькая] лампа под белым абажуром, но опаловое [пятно] *бельмо* ее не беспокои⟨ло⟩ Самгина.

Анфимьевна, взяв на себя роль управляющей домами Варвары и хозяйством ее, наняла красноносого сухонького старичка повара, [оче⟨нь⟩] странно легкого и точно пустого внутри; [у него был] *он говорил* неестественно гулким голосом [и], голос *был высокий, но* звучал где-то в животе у него. *Его [лицо] лицо [было похо⟨же⟩], украшенное редкими усиками серого цвета, напоминало выдвинутую вперед мордочку кота.* Он явился пред Варварой и Климом пьяным и сказал:

— Не беспокойтесь этим, я с [малых] *юных* лет пьян и в другом виде никогда не жил. А в этом — кормил благороднейших людей и половине лучших московских кухонь известен.

Анфимьевна подтвердила:

— Он старик хороший [и], *я его 30 лет знаю*, и вино ему не [мешает] вредит. Только ты, Варя, при нем не всё говори: он царскую фамилию уважает и даже газету [получ⟨ает⟩] [ихнюю] от нее присылают ему. Он — чудак.

[1] *Возле этих слов знак вставки и помета*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует.*

Варвара [*ласково*], *улыбаясь, спросила ее*:

— [*Это* — [*он*] *тот, да?*] *Это он — твой роман?*

Анфимьевна неохотно проворчала:

— Я не по романам жила, не по книжкам, а по своей глупости... [1]

Газета оказалась «Правительственным вестником», чудак — не опасным. Самгин с Варварой посмеялись над ним, но все-таки повар вызвал у него неприятное впечатление. Он еще раз подумал, что лучше бы жить без чудаков, без шероховатых и пестрых людей, после встречи с которыми в памяти остаются раздражающие цветным пятном какие-то необычные и ненужные [слов⟨а⟩] улыбочки и словечки. [Ведь жи⟨вет?⟩] *Вот* существует же Анфимьевна, большая и могучая, как лошадь, [вот] она живет, ничем не задевая. Она как бы застыла в возрасте между [шестидесят⟨и⟩] шестым и седьмым десятком лет, не стареет, не теряет сил. [Ее широкое лицо — тугой кожаный шар, с двумя трещинками на месте глаз, с толстогубым *и* широким [и ленивым] ртом, в котором [скупо] *лениво* ворочается большой язык]. После встречи с нею ничего не остается, но это не значит, что она глупа, нет, она хорошо знает свое дело и отлично делает его. В день ее именин Самгин сказал Варваре.

— Я уважаю [та⟨ких?⟩] людей, которые умеют бескорыстно вживаться в чужую жизнь. Это почти герои.

И, рассказав Варваре о Тане Куликовой, он похвалил Флобера за его «Простое сердце».

Но и чудаки беспокоили Самгина уже не так сильно, как раньше. Совершенно ясно, что людей двигают [два] основные инстинкты [их]: голод и любовь, [а вокруг этого — пустота] *почти* каждый человек стыдливо желает прикрыть их, чтоб не очень обнажать животное в себе; естественно, что многим хочется заполнить пустоту в себе, когда хлеб и женщина удовлетворили *двойной* голод. И вот [одни] один выдумывает уважение к царской фамилии, другой — [к мужику] *любовь* к мужику, третий — к рабочему, выдумывают любовь к природе, [к] науке, искусству. Да, всё это необходимо людям для того, чтоб жить. А в нем, Самгине, все выдумки взвешены, подобно пылинкам в [луче] луче солнца, он знает, что все они — неправда и все *одинаково* чужды ему. Но не стоит говорить людям, что это неправда, возможно, что узнав [это]

---

[1] *Текст*: Варвара [ласково] ∽ по своей глупости.... — *первоначально находился выше, после слов*: вино ему не [мешает] вредит.

об этом, они станут еще скучнее и ничтожней. И, потом, чтоб хорошо сказать это, необходимо опереться на какую-то иначе выдуманную и более сильную правду. Но [Клим], зная, что единственная [его] и навсегда прочная его правда — убеждение о всеобщей, вольной и невольной лживости, *Клим* довольствовался этим и не чувствовал потребности выдумывать что-то другое.

Он стал одним из тех, очень приметных и даже уважаемых людей, которые, стоя в центре и разрезе различных общественных течений, но не присоединяясь ни к одному из них, знакомы со всеми группами и кружками, всем сочувствуют и даже при случае готовы оказать явные и тайные услуги, однако не очень рискованного характера; эти маленькие услуги они оценивают всегда очень высоко [1].

Самгину уже казалось, что он чем-то руководит, что-то направляет, что в жизни огромного города у него есть свое [очень значительное] место и свое назначение: постепенно овладеть [буйными] волями людей [и направить их], *умиротворить их словесный мятеж*.

На собраниях у Прейса, все более многолюдных и оживленных, он солидно [говорил] *доказывал*:

— [Не надо закрывать глаза на то, что с⟨туденческое⟩] Студенческое движение насквозь эмоционально, тут просто «кровь кипит, сил избыток». Но следует понять, что тут скрыта серьезная опасность: романтизм народников как нельзя более отвечает настроению студенчества.

— Я — за романтизм,— кричал Берендеев.

Пояркову, который [руководил], руководя кружком студентов-марксистов [и], жил сердито нахмурясь и двигал челюстями так, как будто [бы] жевал что-то очень твердое, Клим осторожно внушал:

— Студенчество — буржуазно и не может быть иным, это его естественная окраска.

Поярков угрюмо возражал:

— Знаю. Но нам нужны люди, способные вести рабочие
л. 75 кружки. Не думайте, что [мне] забавно канителиться с цыплятами, из которых, наверное, не выйдет бойцовых петухов.

Университет Поярков кончил, но в адвокаты не пошел, а взял какую-то работу в [Судеб⟨ном⟩] архиве Судебной палаты. Работа, должно быть, оплачивалась дешево, Поярков

---

[1] *Возле этих слов знак вставки и помета:* Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует.*

[был одет] одевался бедно, лицо у него было голодное, усталое, разноцветные глаза блестели, как у загнанного волка. [Когда Клим узнал] *С Климом он говорил небрежно, грубовато и глядя в сторону, это возмущало Самгина. И когда он узнал*, что Поярков арестован, [он почувствовал] [то почувствовал, как] *он не почувствовал*, что [это] это опечалило его.

Вождям студенческого движения Самгин говорил:

— Не думаю, что вы добьетесь чего-нибудь, но совершенно ясно, что огромное количество ценных сил тратится, не принося стране никакой пользы. Русский народ прежде всего нуждается в десятках тысяч научно-квалифицированной интеллигенции, и нам следует расходовать силы наши с величайшей бережливостью [1].

Его широкая осведомленность действительно создавала ему репутацию солидного *и даже несколько таинственного* человека, который [где-то и в чем-то ак⟨тивно⟩] *участвует* [активно] в чем-то важном, решающем. Он казался человеком, который умеет искусно отсевать [отруби оригинального и значительного от питательной муки] оригинальное и значительное от общеизвестного и общепринятого [2]. Патрон [возложил на него] поручил ему *мелкие* страховые дела в провинции, Варавка, многообразные дела которого расползались во все стороны, тоже давал ему [по⟨ручения⟩] различные поручения, Самгин [игра⟨л⟩] охотно играл роль *как бы* наблюдателя за провинциальными адвокатами, которые вели [дела] *процессы* Страхового общества, он умел уклоняться от обязательных казенных защит и уже довольно хорошо зарабатывал.

Эти поездки *по* городам Московской области, [губернским и уездным] обогащая Самгина [опытом] *знанием жизни*, *очень* успокаивали его. Он убеждался, что уже в нескольких десятках верст от огромного, бурно кипевшего котла [от] Москвы, в маленьких уездных городках, застроенных множеством церквей, [медленно] [спокойно] течет, *не торопясь*, другая жизнь [Он сталкивался] [Сталкиваясь с купцами, мещанами, попами, [и мнения и старинные предрассудки] он видел, что [люди] эти настоящие русские люди [полны *насмешливого* или враждебного недоверия ко] насмешливо или враждебно-недо-

---

[1] *На полях помета синим карандашом*: Дядя Миша.

[2] *Текст*: Его широкая ∾ общепринятого.— *перечеркнут синим карандашом*.

верчивы ко всяким новшествам, [что в] в их духовный обиход крепко вросли старинные предрассудки [суеверия] [и что хотя они не богаты мыслями] и предубеждения [Чиновники казались ему людями] и [*что они прекрасно понимают необходимость царя и бога*] *нет у них никаких причин бунтовать против царя. И нет у них той путанной игры в любовь к женщине, которая так опьяняет и развращает москвичей. Всё очень просто, легко объяснимо и, в то же время, всё устойчиво.*], *не запутанная выдумками* [1].

Ему казалось, что чиновники исполняют свои обязанности достаточно [честно, исправники] *умело и* свирепы *только* по долгу службы, но по существу [души] люди благодушные. Ему нередко приходилось подкупать людей, давая им взятки, и он видел, что это естественно: люди любят хорошо поесть, выпить, поиграть в карты, *люди хотят быть сыты и богаты*, что настоящее человеческое и вовсе [уж] не так уже плохо...

[Приходилось] Часто случалось ездить на лошадях, [беседовать с] и, беседуя с ямщиками *или* с крестьянами у ворот почтовых станций, Самгин усмехался [и], вспоминал Дьякона и Ваську Калужанина, который [попросил] выпросил у Христа неразменный рубль. Да, [ни Христу, ни Ева⟨нгелию⟩] заповедям Евангелия не было места в этой жидкой, но устоявшейся [и] *жизни*, липкой, как патока или деготь [и нельзя] [2].

[Невозможно было представить, что эти люди, умеющие [сосред⟨оточить⟩] сосредоточить все свои силы на интересах текущего дня, могут пойти за идеалистами, мечтающими о всеобщем счастье, и разрушить то, что есть, ради того, что невозможно.

[Всему] Всё, что он выносил из своих поездок, [очень] [отлично придавал форму] [укладывал] Иван Петрович Митрофанов *отлично* помогал ему уложить в надлежащую форму.]

И, принимая от Сомовой, от Суслова различные письма, брошюрки, словесные поручения к [*чудакам*] *учителям и земским статистикам, одиноко затерянным* [*в этих*] *среди* [*этих простых*] *стойких городских людей и в селах, среди темных мужиков, Самгин мысленно усмехался, уверенный, что бумаж-*

---

[1] *После этих слов — знак вставки зеленым карандашом; вставка отсутствует.*

[2] *Текст:* Ему казалось ∾ [и нельзя].— *перечеркнут синим карандашом.*

ками невозможно поджечь сыроватую эту жизнь. У него даже возникало любопытство исследователя: хотелось убедиться, как быстро и насколько бесследно истлеют бумажки?

Как-то [Иван Петрович пришел поп⟨росить⟩] *вечером, когда Клим и Варвара пили чай*, явился Иван Петрович Митрофанов попросить отсрочку платежа за квартиру. Варвара предложила ему чаю, он благодарно сел к столу, но через минуту встал и пошел по комнате, осматривая гравюры и картины, держа руки в карманах брюк.

— Это — кто? — спросил он, указав подбородком на портрет Шекспира, и затем сказал таким тоном, как будто Шекспир был [близко знаком] личным другом его:

— Похож.

А посмотрев на [портрет] Щедрина вздохнул:

— [Да] «Были, когда-то, и мы рысаками!»

Этим он очень развеселил [домохозяев] хозяев, и они стали расспрашивать о его литературных вкусах [о [жи⟨зни⟩] прошлом] [1]. Митрофанов отвечал [не] немногословно, но — охотно и предпочитая форму пословиц, афоризмов. Лицо у него [было] широкое, и это все, что можно было сказать о его лице. Разглядывая его, Клим вспомнил лицо Дьякона, каким было оно до поры, пока дьякоп не снял рясу и не подстриг трехсоставную бороду. [У Митрофанова то⟨же⟩] Митрофанов тоже обладал [лицом] *маской* сотен *русских* людей, но в его лице не было ни одной черты, которая оставалась бы в памяти. От людей, ему подобных, его можно было отличить [по ру⟨кам⟩] только по рукам, очень неловким и, должно быть, тяжелым, они как-то сами собою опускались и прятались в карманы, как бы стыдясь широты своих ладоней и волосатости. Митрофанову было лет сорок, на макушке его сияла весьма обширная лысина, лысоваты были и виски. В [сюртуке] толстом пиджаке, который гнулся на локтях с трудом, точно кровельное железо, он *так же* напоминал [боченo⟨к⟩] бочку, как и в пальто. [Но] Сам он не [был] толст, но у него были широкие кости и [на нем было все толстое: брюки, сапоги] *одет он* был *в* толстые брюки, в сапоги на толстых подошвах.

Посидев с полчаса, он рассказал, что родился в Калуге, сын купца, учился до шестого класса в гимназии, затем пробовал поучиться в [юнкерском] кадетском корпусе, где препо-

---

[1] *После этих слов помета*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует.*

давал его дядя, капитан, но [*1 нрзб.* конч⟨ался⟩] через год отец его умер, а он ушел из корпуса.

В 23 года женился, в 27 овдовел, в 31 снова женился, в пять лет все прожил. Жена уехала в Томск к брату ее, он там учителем в гимназии, а я — сюда, искать [работы] место [себе].

Говоря о женах, он медленно поднял [левую] *правую* руку, вытер лоб, лысину и спрятал руку уже не в карман, а за пазуху. А кончив рассказывать, добавил бесцветным своим голосом.

— Не пью, не курю, в карты не играю, хотя игрывал, но без уд⟨овольствия⟩ [1].

л. 76 [*Однотонно*] *Ровным и* [*глуховатым*] *бесцветным* голосом, [наполнившим] [который напоминал отдаленный шумок многих голосов] Митрофанов [сказал] сообщил:

— Из русских писателей для меня приятнее всех граф Салиас, а из его романов самый забавный *будет* «Граф Тятин-Балтийский», потом — «Мор». [Но] «Мор» уже скучнее, потому что книга историческая, [а к прошлому у меня интереса нет, [я] и я не] *а у меня к истории — равнодушие.* Я не вчера живу,— а сегодня, *и назначено мне завтра жить.* [Хваленных писателей] Хваленые, вроде Тургенева, Толстого [и] да [всех] все, кроме Гоголя, [счит⟨аю⟩] это для меня прозаические писатели, без фантазии, прочитаешь ихнюю книжку [и хочется спросить], сам себя спросишь: ну, так что *же* из этого? Обыкновенные случаи, ничему не учат. Возьмите [задачник] *учебник* арифметики, там все необыкновенно: [и] вода течет, [и] поезда идут, [и] люди торгуют, а — всё не так [Он не говорил, [а] *но* уговаривал, речь] [Речь его [была] [*казалась Климу* сжатой и] не вызывала у Клима впечатления многословной, [наоборо⟨т⟩] она казалась [крепко сжатой и очень продуманной] *очень продуманной, благодаря обилию поговорок и афоризмов.* Митрофанов [часто] *чаще* употреблял [как] союз а вместо и] [Клим слуша⟨л⟩], [*а*] *от этого арифметика и влипает* [*в голову*] *навсегда, как оспа в* [*лоб*] *кожу. С первых же слов Митрофанова Клим стал слушать его серьезно, с интересом, тогда как Варвара явно забавлялась* [*прост⟨одушным⟩*] *гостем, ласково и ловко выспрашивая его, весело поблескивая глазами в сторону Клима. Все, что говорил Митрофанов, казалось Климу хорошо продуманным, а речь его* [*характерно*],

---

[1] *Текст:* Митрофанов отвечал ∾ без уд⟨овольствия⟩.— *перечеркнут синим карандашом.*

крепко [*сжатой благодаря обилию афоризмов и поговорок*] *сжатая поговорками*, [*афоризмами*] *типично русской* [*народной ре⟨чью⟩*] *речью.*

Митрофанов не говорил, а уговаривал [может]. [Ему было лет сорок, на макушке его блестела обширная лысина, лысоваты были и виски.] В [толстом] пиджаке, [который гнулся] *рукава* которого гнулись на локтях туго, точно кровельное железо, он так же напоминал бочку, как и в пальто. Сам он не толст, [только] но у него широкие кости и одет он во все толстое.

— А видите ли, Варвара Кирилловна, отводит [от них] от великих-то поучительность, а у меня [и без них] *и без того* от науки череп гол. Внушают: будь хорош! [Но] Да ведь нехорош — умрешь и хорош — умрешь [1]. Кабы мне за то, что я хорош буду, сроку жизни прибавили и счастье обеспечили, ну, тогда [другое дело], *конечно...* А при таком быстром течении жизни каждый сам себе учитель.

Лицо у Митрофанова [было] широкое, и это — всё, что можно было сказать о его лице. Самгин вспомнил лицо Дьякона, каким оно было, пока дьякон не остриг бороду. Митрофанов тоже обладал *примелькавшейся маской* [тысяч [русских] людей, но эта маска не [облада⟨ла⟩] имела ни одной черты, которая] *сотен*, и[2] от людей [одного лица с ним его можно], *подобных* ему, его отличали только руки, неловкие и, должно быть, тяжелые, они как-то по своей воле [опускались] опускались под стол и прятались в карманы, точно стыдясь широты ладоней и волосатости.

— Нет,— говорил он [простодушно] охотно, как долго молчавший,— [я] *а* вот Жюля Верна я люблю, [он для меня] это настоящий сочинитель, фантастический.

[Просидев] Посидев минут сорок, он ушел, [оставив Варвару] а Варвара, смеясь, [сказала] воскликнула:

— До чего глуп!

— Я бы сказал — простодушен,— поправил ее Клим [но] *и*, не успев составить ясного ему мнения о Митрофанове, воздержался от беседы о нем. Через несколько дней, тоже вечером, Митрофанов снова явился и объяснил тоном старого знакомого:

---

[1] *Текст*: А, видите ли ∾ умрешь.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Лицо у Митрофанова ∾ сотен, и — *перечеркнут синим карандашом.*

— Вижу — огонь у вас, значит — дома. Спросил горничную: чужих нет? Нет. Ну, я и пришел.

[Через] В этот вечер Самгины узнали, что он — сын купца, родился в Орле, [учил⟨ся⟩] семь лет сидел в гимназии, кончил пять классов, в шестом учиться не захотелось.

— [Да] А кстати, тут отец помер, мать же — больной человек и набалованный, хозяйство легло на меня; мне тогда было девятнадцать лет. Опасаясь, что холостой — испорчусь, двадцати одного года женился, через шесть — овдовел, потом снова женился и опять овдовел, чахоточная попалась. [У нас, в Орле, чахоточных много,— прибавил он.]

Он тряхнул головою, как бы пробуя согнуть короткую шею, но шея не согнулась, тогда он прибавил, опустив глаза и вздыхая:

— У нас, в Орле, чахоточных очень много. *Крапивы тоже.*— И продолжал:

— Теперь у меня — третья, конечно — не венчаны. Она — в Курск уехала, там у нее ...— Митрофанов прищурил глаз и посмотрел в темный угол комнаты, казалось, он вспоминает: кто там, в Курске, у его жены?

— Родственники [брат],— сказал он.— [И дядя] Брат, учитель.

На этот раз он и Климу показался [скучны⟨м⟩] глуповатым, [скучным] а Варвара возмутилась:

— Как дрянно и тупо говорил он о женах!

Но еще несколько визитов, и оба они привыкли к нему, как привыкают к чужому коту, который забрел случайно и прижился. [Он обладал чувством деликатности] [Он, *видимо*, обладал *хорошо развитой* способностью не мешать людям и быстро чувствовал, когда становился лишним. Он являлся к Самгиным *лишь* [когда] *когда* у них никого н⟨е было⟩] Он обладал способностью не мешать людям [и], хорошо чувствовал [когда он] минуту, когда [они] его присутствие утомляло, и тотчас же уходил. [Он часами мог, не прерывая, слушать] [Он] [И] [*Он не оста⟨вался?⟩*] *Даже если у Самгиных сидела Сомова, он не являлся, а когда его спросили, почему? — откровенно объяснил*:

— *Я ученых барышень недолюбливаю.*

Оказалось, что он изъездил всю Россию, от Астрахани до Архангельска [и], от Иркутска до Одессы, и мог довольно интересно рассказать, как собирают кедровые орехи, ловят семгу и треску, как работают в Донецких копях и рубят лес на Ветлуге. Варвара спросила:

— Вы любите [пер⟨смены?⟩] путешествовать?

— Нет, я просто места искал.

— Но ведь вы зажиточный человек?

Он удивился:

— [Какой] Как же зажиточный, если не могу в срок за квартиру *вам* платить! [*Я еще*] *Мы с первой женою почти все прожили, мы с ней в радости жили, а в радости ничего не жалко.*

Клим [спросил] *осведомился*:

— Какое место ищете вы?

— По способностям [моим]. *А* способности у меня скромные, как говорится. Мне бы наблюдать за чем-нибудь. *Я еще мальчишкой пожарным на каланче завидовал: ходит человек на высоте и все ему видно.*

Клим видел, что [и] *хотя* и в этом человеке *тоже* есть [что-то своеобразное] *нечто* чудаковатое, [но это не тревожило его] [но] [чудаковатость Митрофанова [не тре⟨вожила⟩] была почти приятна.] *но в Митрофанове оно не раздражало* [и даже].

— *Он обладает дурной склонностью полуграмотных людей к философствованию, но у него это ограничено здравым смыслом,— сказал Клим жене, а она находила* [Он похож], *что Митрофанов похож на старую няньку.*

— *Заметил ли ты, что он почти не употребляет и, как союз,* [а] *но всегда а?* [1] [И, знаешь, не верится мне, что у него есть какая-то третья жена.]

Самгин даже [отдыхал] чувствовал, что отдыхает [слуша⟨я⟩] от умных разговоров, беседуя с этим простодушным человеком или слушая его рассказы, хотя в простодушии Митрофанова было что-то, пожалуй, чрезмерное.

Когда Варвара спросила его:

— Почему вы не познакомите нас с вашей сестрой? — он сказал:

— Не понравится она вам, она — невоспитанная, из эдаких, знаете, из недовольных жизнью. Желает, чтоб все к черту [пошло]. У нее, в Орле, был роман с помощником частного пристава, а он перевелся в Томск, там у него приятель полицмейстер. Ну, она и обозлилась. [Вот теперь в зло⟨бе?⟩] [Нелегко ей] А тут [в злом-то еще] ей приходится конфекты и торты продавать, и это, конечно, все равно, как

---

[1] *После этих слов зачеркнутая помета синим карандашом:* Вставка.

л. 77 разные [сап⟨оги⟩] ботинки на одну и ту же ногу. И Москва не нравится ей, воздуха, говорит, мало.

[Усме⟨хнувшись?⟩] Растянув губы в улыбку, он подмигнул Климу и сказал:

— От воздуха умнее не будешь. [1]

Варвару он все более забавлял, рассказывая ей смешное [уговаривающим тоном; смешное он видел неплохо] *о провинциальной жизни, обычаях, обрядах и поверьях; смешное он подмечал неплохо, но рассказывал о нем [без иро⟨нии⟩] добродушно.*

— Когда я в первый раз овдовел, [то] вскоре начали мне сватать [невесту] невест и [про одну говорят] *особенно одну хвалят*: хотя [говорят] *она* косая на левый глаз, [но] а — по-французски говорит. Заинтересовался я, в скучной нашей жизни и французский язык [чего-нибудь стоит] *утешение*. Познакомили меня с нею, вижу: действительно, косая и такой, знаете, перец в ней. [В ней] *Она* — перец, а я уксус, ну, думаю, с такими приправами [и] *даже* плохое незаметно съешь. И вдруг она мне говорит: «L'homme existe non «pour que»,— mais «parce que».

— [Я] Переведите, говорю, я родился по-русски.— Переводит: Человек не «для того, чтобы», а «потому, что». Подумал я, [вижу — нет] не понимаю, а — чувствую: это [мне] угрожает, [скрыта в его] *есть какое-то смятение ума в* этих словах. [Не сошл⟨ись⟩] Отошел. А вскоре у нее обыск, и арестовали ее вместе с некоторыми. Там у нас жил под надзором полиции *политический* господин Долганов, эдакий верстовой столб, он и сестре моей тоже характер испортил [2].

Варвара хохотала, а Самгин [относился] *слушал* Митрофанова все более внимательно и серьезно. [Спокойненький] Спокойный, бедный интонациями голос [Митрофанова] *его* звучал как отдаленный шумок многих голосов [3], [*его* слова] *слова* напоминали [4] афоризмы Варавки, речи историка Козлова и еще многое [что у⟨же⟩]. [Иногда казалось] Иногда казалось, что Митрофанов *нарочно* говорит так спокойно, для

---

[1] *Текст*: Варвара спросила ∾ не будешь.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Когда я в первый раз ∾ испортил.— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Слова*: Спокойный ∾ многих голосов — *перечеркнут синим карандашом.*

[4] *В автографе*: напоминая.

того, чтоб [слова] лучше обнажить смысл [своих] слов. [Самгин рассказывал ему о своих поездках] Возвращаясь из [своих] поездок, Самгин [рассказывал] [*передавал*] *рассказывал* ему о своих впечатлениях, [делая это с каждым разом все охотнее] [как бы предлагая корректировать их, все более охотно] а Митрофанов, внимательно послушав, говорил:

— А — как же? Я мужика знаю. Что он, будто бы, правды хочет,— это [говориться] *приписывается ему* из доброты души и для украшения [жизни]. То есть, конечно, правды он желает, только правда для него — земля, хозяином земли [своей] желает он видеть себя; тут — все. Да и для всех она тут, правда, каждый хочет быть [хоз⟨яином⟩] полным хозяином своего места, а не квартирантом [на нем] ... Вот я — квартирант, и какой мне смысл украшать [квартиру] *чужое место?* Я, [скажем] например, оклею [ее] *квартиру* новыми обоями за свой счет, а вы мне, как домохозяин, скажете: прошу [очистить квартиру] *вас съехать с квартиры*, я на ваше место более выгодную мне личность нашел. Вот какое скучное положение у мужика, и от этого он ленив к жизни.

Потом, засунув руки поглубже в карманы, Митрофанов сам рассказывал:

— Доброта — не средство против скуки. У нас, в Орле, жил некоторое время под надзором полиции господин Долганов, [город] в некотором роде — герой. Город [у нас] — *пыльный*, скучный, [и] Орлом назван в насмешку, ничего орлиного не содержит, а свинства — сколько угодно. [А вот] Вот *господин* Долганов, эдакий тощий, длинный, фонарный столб в отставке, *однако* — великий добряк, решил заняться украшением окружающего и начал характеры портить. Между прочим и [сестра] *жена* моя *вторая* от него пострадала несколько, [едва] из гимназии едва не вытурили ее. Я ей внушал: «Таня, бесполезно в чужом огороде клубнику садить». А она, конечно, рада развлечься». «Это, говорит, «светильник разума», «Сейте разумное, доброе» и прочее ...»

Варвара [так] неприлично хохотала, [что] *а* Самгин, опасаясь, что [Митрофанов] квартирант обидится, посматривал на нее укоризненно. Но Митрофанов не обижался, ему, видимо, нравилось смешить [домо⟨хозяйку⟩] молодую домохозяйку, он вытаскивал из кармана руку и [улыбаясь] *с улыбкой в темненьких, но* все-таки бесцветных глазах разглаживал [пальцами] пальцем незаметные, редкие усы.

— На ногах, на руках у меня волос много, а на лице, представьте, туго растут,— сказал он [как-то] однажды.—

Лет до двадцати пяти [я] жил с бабьим лицом, а стали усы расти — лысеть начал и седеть, раньше времени.

[*1 нрзб*] Самгин [все более] определенно чувствовал, что Митрофанов полезный человек *и* служит как бы корректором его впечатлений, Варвара тоже относилась к постояльцу все более дружелюбно [и]. Как-то ночью, возвращаясь из театра и раздеваясь, она сказала:

— А ведь Митрофанов [мог бы] *был* бы хорошим комиком, он талантливый.

— [Ну, это] Преувеличиваешь,— заметил Клим, [*1 нрзб*] он совершенно не хотел видеть постояльца талантливым, это было не нужно.— У него есть одно достоинство — здравый смысл. Ценное достоинство.

Варвара разделась, легла в постель и, закинув руки за голову, [глядя] закрыв глаза, проговорила:

— [*Я*] Не верю я в его третью жену.

— Что это значит? — спросил Клим.

— Нет у него жены. [Он сочиняет] Ты замечаешь, что он вообще много сочиняет?

[Клим] Самгин подумал и недовольно, с досадой, проворчал:

— Это ты сочиняешь.

Учиться в школе Варвара не переставала, [но отдалялась от нее, [посещая *1 нрзб*] крикливо разучивала отрывки из *«Овечьего источника»* Лопе де Вега, [Кальдерона] *из Мольера*, потом вдруг из «Дамы с камелиями», даже из пьес Островского] но Самгину казалось, что все это уже не нужно ей и делается [*как бы*] по обязанности, без увлечения. Впрочем, и раньше ее увлечение театром выражалось больше на словах. Но раньше [у нее бывали] к ней ходили *вертлявые*, возбужденные девицы, гениально растрепанные *юноши*, а теперь они являлись уже не так часто да и вели себя как будто сдержаннее, Клим даже спросил жену:

— Почему это [твоих товарищей как будто пришибло] твои товарищи как будто тише стали?

Она ответила, вздохнув.

— [Этот] Художественный театр смущает. [Там все] То есть не он, а вопрос: что важнее — свободное вдохновение или техника? Все *в школе* говорят и думают только об этом [1].

---

[1] *Текст*: Учиться в школе ∾ только об этом.— *перечеркнут синим карандашом.*

Она усердно читала книги и стихи новых писателей, обложилась сочинениями по истории искусства, купила и [отда⟨ла⟩] переплела в кожу толстые тома книг Робертсона и Голубинского по истории церкви. Клим понимал, что это она готовится на роль хозяйки «салона» [*и*] [молча], наблюдал за нею, изредка и снисходительно поучая ее.

— Знать нужно *по возможности* все, но лучше не увлекаться ничем. «Все проходит, а земля остается вовеки». Хотя [и это] *и* о земле неверно.

Но когда она предложила ему собирать знакомых [в определенные дни] по субботам, он [от⟨казался⟩] сказал [ей]:

[— Это — преждевременно. [И] Это наложило бы на нас обязанность [быть раз в неделю настроенными впол⟨не⟩] *настраиваться раз в неделю по субботам* вполне определенно, а]

л. 78 — Ты уверена, что каждую субботу захочешь видеть [людей] *у себя* гостей? [1] Нет, обязательные журфиксы [несколько] преждевременны, мы с тобой еще не [отобра⟨ли⟩] нашли [достаточного количества] людей, видеть которых нам было бы всегда приятно.

Усмехаясь, он дополнил:

— К тому же Митрофанов прав: [всегда] легче быть гостем, чем хозяином.

— Мне кажется — он говорил [как] наоборот: каждый хочет быть хозяином,— заметила Варвара *и, не взглянув на него, начала разрезать страницы книги.*

— [Это] *Ты путаешь, это* он говорил [о] *об инстинкте* собственности, а не о приемах гостей [ты путаешь].

— Не помню, когда он говорил о гостях,— не уступала Варвара.

— Тогда — представь, что это [я сказал] *мои слова.*

Уже не впервые *и все чаще* Самгин слышал в [тоне] *тоне* жены [ноты нерешительные] нотки протеста, но они звучали нерешительно [и будили] [и это будило в нем], *не тревожили его, а только будили* желание немножко подразнить Варвару [чтоб понять, как глубоко]. Но на этот раз и дразнить не захотелось, он смотрел как [сердито Варвара] *нервно жена* разрезает книгу и [соображал] *догадывался*: в самом деле,— зачем это он приписал свои слова Митрофанову?

---

[1] *Над текстом этой страницы автографа красным карандашом написано*: Варвара, ее роман и т. д. *Видимо, запись была сделана автором при работе над следующей редакцией и означала новую разметку композиции.*

«[Пошленькие] *Это* слова и в его стиле»,— [догадался] *решил* он.

Но [все-таки], против желания Самгина, [круг знакомств ме⟨дленно⟩] количество гостей механически расширялось. Размножались люди, странствующие по чужим квартирам [и], люди томимые скукой безделья, любопытством, жаждой новостей и непонятной тревогой. Они становились все назойливее [беспокойнее].

— Вы слышали? Вы знаете? Как вы думаете? — спрашивали они.

Самгин мысленно именовал этих людей «жертвами общественного оживления», но [чаще] иногда ему думалось, что это именно [они] *эти суматошные люди* и создают общественное оживление в стенах интеллигентских квартир в пределах Москвы, *а* за пределами ее, в огромной [*провинциальной*] России, [нормально] разрастается [другая жизнь] *нормальная*, *трудовая* жизнь простых людей [которые неутомимо делают, вытесняя и выбрасывая в [Москву] *столицу* [все] *то*, что ей не нужно].

[Появлялись какие-то] [Все] Самгин имел основание думать, что эта жизнь [становясь] *становится* все требовательнее [и], строже к людям [и], *она* выбрасывает негодных [и], не нужных ей, [и вот в Москве [ходят] *плутают* какие-то] [все чаще встречаются эти и] и вот они плутают по Москве, усиливая [ожи⟨вление⟩] [словесное оживление] шум споров. Одного из таких людей привела Сомова; звали его Пимен Гусаров, [был он] среднего роста, чернобородый, с влажными глазами и громким голосом металлического тембра, он в первый же вечер [начал] стал жаловаться, [что в Москве] что в Москве слишком много разговаривают о том, как [нужно] надобно думать, [а не о то⟨м⟩] тогда как надо говорить о том, что *следует* делать?

— У вас тут [газеты и журналы] *либеральные старички* ⟨в⟩ газетах и журналах ворчат и воют все еще на тему «так жить нельзя», а наше поколение уже решило вопрос, [как] для чего [и как] надо жить.

— Наше поколение? — [спросил] *повторил* Самгин *тоном вопроса* и вежливо осведомился: — Вы — [волжанин] уроженец...?

— Я — рязанский.

— Марксист?

— Я — смешанных воззрений,— сказал Гусаров, закуривая папиросу.— Роль экономического фактора признаю, но

и роль личности в истории не отрицаю. И потом: материализм, как его не толкуйте, учение пессимистическое, а [революцию] революции всегда делались оптимистами [идеалистами]. Без [того] социального идеализма, без пафоса любви к людям, революцию не создать, а пафос материализма это — будет цинизм.

Говорил он [сильно] *быстро*, на о, весьма решительно и говорил всем сразу, поочередно переводя масляно блестевшие глаза с Варвары на Сомову, а на Клима поглядывая вызывающе. [Возражений не слушал, будучи углублен в [*1 нрзб*] из] Но возражений не слушал и даже грубовато буркнул *Самгину*:

— Эристикой не занимаюсь. Я вам изъявил мои взгляды, [а вы как хотите] а вы уж как хотите. Практически же, всем нам, не взирая на разногласия наши, необходимо прежде всего уничтожить самодержавие, дабы развязать себе руки и языки, последний развязать надобно не для домашнего употребления, конечно, *для этого он и так уж слишком развязан.*

Губы у него были [красные] *яркие*, кожа лица и шеи, там где она не заросла густым и лоснящимся, как перо грача, волосом,— кожа бескровно белая *и как будто напудрена*, а руки маленькие, точно у женщины. Улыбался он, смешно поднимая густоусую губу вверх и раздувая ноздри большого, но тупого носа. Костюм табачного цвета был узок ему, [от это⟨го⟩] двигался [он] *Гусаров* осторожно, но все-таки его туго накрахмаленная рубашка поскрипывала, он совал руку за пазуху [и], дергал там [что-то, должно быть] подтяжки, и они громко щелкали по крахмалу.

Когда он изъявил [*сво⟨и⟩*] *все* свои мысли и ушел, Сомова с восторгом рассказала, что Гусаров — сын священника, [но уже] но учился в Казанском [универси⟨тете⟩] [Вет⟨еринарном⟩] Институте ветеринарии, откуда его изгнали со второго курса. Был он приказчиком в богатой экономии Тамбовской губернии, не ужился, *потом* служил в конторе одного из волжских пароходств, а теперь табельщик на заводе Тортона и пытается попасть в Петровскую академию.

Варвара нашла, что Гусаров — резко выраженный тип чувственного человека, а Самгин угрюмо сказал:

— [Глуповат он] *Не умен*,— и этим обидел Сомову [1].

[Диомидов появлялся редко. Он как бы делал мед⟨ленно⟩]

---

[1] *Текст*: Ты уверена (стр. 508) ∾ Сомову.— *перечеркнут синим карандашом.*

Изредка заходил Диомидов. Его посещения были *как бы* подчинены закону [ка⟨кой-то⟩] некой периодичности. *Казалось*, что он медленно [делает] ходит по обширному кругу и в одной из точек окружности натыкается на квартиру Самгиных. [В его пустынных глазах сгущалась усталость, от этого глаза стали менее прозрачны. Он хмурился и всё худел.] Он [тоже] привел к Самгиным нового человека, высокого, тощего, с [большой] головою, некрасиво удлиненной к затылку, и лицом, сжатым почти уродливо, как бы нарочно для того, чтоб подчеркнуть [длинный и] острый клин его носа. Но на этом [дл⟨инном⟩] узком лице, едва покрытом [желтым] *темненьким* пухом бороды и усов, [приятно и как-то] трогательно светились большие, круглые глаза [синего] *небесного* цвета, [*глаза напоминавшие*] *они напоминали глаза Диомидова*, [*но во взгляде их* [*не было*] *отсутствовала тревога и та*] [*отсутствовал испуг*] *и в речах его было что-то* [*напо⟨минавшее?⟩*] *общее с речами бутафора.*

Когда он улыбался конфузливой улыбкой, глаза становились еще [синее] *светлее*, а тихий голос его [умиротворяющая] и неправильная, шепелявая речь [действовали умиротворяюще] *вызывали общее внимание*. Говорил он всегда стоя и даже произнося негромкие фразы, привставал со стула.

[— Этот уважает свои мысли,— шутливо заметила Варвара.

— Человек — единственная неоспоримая реальность,— говорил он, очень мягко, но уверенно. В черной суконной] [1]

л. 79 В *белой* рубахе, подпоясанной ремнем, в черных брюках, он имел вид ученика, только что тихонько ушедшего из какого-то закрытого учебного заведения. [Звали его Нифонт Кумов.] Он был сыном уфимского [купца] *скотопромышленника*, [но, вытесненный из дома мачехой, воспитывался в Симбирске у тетки] гимназию [не кончил] кончить не успел, был арестован при переходе в седьмой класс, [семь] пять месяцев сидел в тюрьме, [потом] год жил под надзором полиции [2] [отец его разорился, обнищал, тетка умерла; тогда] *и затем*, вытесненный из дома мачехой, он пошел бродить пешком по

---

[1] *На полях, возле зачеркнутого текста, написано*: Дух! — таинственно и тихо говорил он, медленно поднимая тонкую, бессильную руку.— И — душа! — рука его мягко опускалась. Это надо различать.— *Возможно, что эта запись, не введенная в текст, сделана автором позднее, в период подготовки следующей редакции.*

[2] *Возле этих строк записана фраза позднейшего происхождения, не включенная в контекст*: Дух греха не вмещает, а душа вмещает, потому что душа соблазняется разумом.

России, жил [на Кавказе] *в Закавказье* у духоборов, *на Кубани у субботников*. Длинные ноги его были беспокойны, он все время двигал ими, шаркал по полу и смотрел на них, как на чужие. Он никогда не сердился, не обижался, [на] и вообще вел себя скромно, терпеливо, как апостол, несокрушимо верующий, что его истина — единственная. [Климу] Самгину что-то понравилось в этом парне, и он предложил ему работу письмоводителя у себя. *И ежедневно* [*по утрам*] *Кумов скрипел пером в маленькой комнатке рядом с прихожей* [1].

Для Диомидова Кумов служил справочной книгой. Диомидов снова оделся в чистенькую [поддевку], туго застегнутую поддевку, шагал медленно [выг‹ибая›] и выгибая грудь, как солдат, снова отрастил [себе] длинные, почти до плеч [волосы] *кудри*, но вились они *уже* только на концах, отращивал сероватую бороду, *волосы* с подбородка его свисали тяжело и прямо, как нитки *деревенской пряжи*, а в пустынных глазах сгустилось нечто гордое и они стали менее прозрачны. [Говорить он стал [требовательно и] уже не простоватой речью мужичка, а тоном человека, который имеет право требовать, чтоб] И говорить он стал иначе, внушительно, как человек, сознающий себя [не глупее] *умнее* других.

— Все это — отдаленное от нас,— говорил он, выждав минуту, когда спорщики уставали.— Прежде всего надо решить, откуда зло жизни? Вот [Кумов рассказывал, что] один еврей... Нифонт, как звать еврея?

— Филон,— тихо подсказывал Кумов.

— Филон учил, что женщина [вовлекла душу в плен плоти и предпочла], предпочтя земную жизнь небесной [и], вовлекла душу в плен плоти, а другой еврей... как его?

— Флавий, Иосиф...

— [Утверждал, что Каин изменил священную простоту жизни первых людей.] Утверждал, что ангелы нисходили с небес и дочери человеческие рожали от них...

— Это не Флавий говорил,— сконфуженно поправлял Кумов, а Диомидов, махнув рукою на него, продолжал:

— Всё едино, говорил же кто-то? Так вот: ежели от ангелов мы, так откуда же зло [жи‹зни›]? Вот чем вы, ученые, должны заняться, а вы всё спорите кому служить!

Сомова сердито кричала ему:

---

[1] *Эта фраза, вписанная на полях, на уровне предыдущих строк, в текст не включена. Вставлена по смыслу. Возможно, вписана при последующей работе над текстом.*

— *Десять раз говорили вы это*! Вы бы [сами] поучились чему-нибудь, пора!

— Это — ваши книги читать? Мелко написаны они для меня,— возразил Диомидов. Но возражал он редко, а чаще делал так: пристально глядя в лицо собеседника, шаркал подошвою по полу, как бы растирая что-то.

Всезнающая Сомова сообщила, что Диомидов [организовал] *вступил в* кружок «новых христиан» и уже играет там видную роль, Кумов тоже был в этом кружке, но не прижился там.

Когда [Гусаров] *А. Гогин спокойно* доказывал [Климу], что пред интеллигенцией два пути: или полное слияние с рабочими и крестьянством, или покорная служба капиталу, Кумов негромко [но упрямо] вставлял:

— Пред человеком только один путь — к самому себе. Только звери живут нуждою дня, человек — существо для вечности.

[— Верно! — подтверждал Диомидов, пристукивая кулаком по колену.— Что вы душите друг друга? Отъединиться надо.]

Кроме Кумова и Диомидова мелькали и еще молодые люди такого же настроения, равнодушные к борьбе за социальную справедливость; иронически относясь к «принципам», «убеждениям», «традициям», они очень красноречиво [советовали] утверждали за человеком право подчиняться зову всех его желаний, право вмещать в каждую минуту его жизни всю игру и силу его чувств. И марксисты и народники набрасывались на них почти с одинаковой яростью, [только] разница была лишь та, что марксисты исходили от [науки] экономии, а народники от морали. [Климу Самгину доставляло удовольствие] *Самгин не брезговал* удовольствием стравливать *социалистов с* индивидуалистами, он делал это осторожно, оставляя за собою роль слушателя, который *лишь* изредка позволяет себе внести в спор два, три слова, подчеркивающих еще одно противоречие.

В общем он видел, что люди более торопливо, чем раньше, пытаются одеть и украсить себя, сообразно требованиям «общественного оживления», которое [они] сами же творят, а в этом он всё более убеждался.

Все как будто готовились к некоему параду, как будто завтра же чей-то зычный голос может позвать их на Красную площадь, к монументу бронзовых спасителей Москвы, позовет и там, с Лобного места, грозно спросит всех о символе веры.

[И все-таки он [сознавал] чувствовал, что [эта] суматоха [и] *и* суета, [сеть] обилие новых лиц *и* быстрая смена их, [захватывают] *всё это* захватывает его [и кружит] *и* заполняет до того, что он уже не имеет времени да и желания обдумать целый ряд событий, которые раньше взволновали бы его].

Приходил Иван Петрович Митрофанов, не спеша выпивал пять, шесть стаканов чая, не торопясь и безразлично кушал бисквиты, конфекты, домашние булки и [говорил], насыщаясь, говорил, шевеля усами:

— Народ здесь, как пчела — взятки любит, без взятки никуда не проникнешь. У каждой двери обирающий человек шевелится, ему хоть пятачок, а — дай! Чрезвычайно деловой народ. Трудно здесь человеку место найти.

И, вытирая комочком *носового* платка мокрые усы, вздыхал.

— Я, конечно, не унываю, а всё же невесело *видеть* бесплодную жадность и суету. Чего ради жадность? Всем хватит, тысячу лет прожили и — хватило же! Да. Не зря Москву не любит Сибирь, [хохлы] *хохол* и прочее население. А вот, знаете, с татарами — хорошо жить. Татарин спокойный человек, ему Коран запрещает суетиться, а он Корану верит. Мне один солидный человек, почти профессор при Казанском университете, доказывал, что Дмитрий Донской зря татарское иго низверг, большую пользу, будто бы, приносили нам татаре, как народ тихий и не жадный. А Петр Великий немцев и евреев [нагнал] навез, у него даже [*один*] министр еврей был, а еврей добру не научит. Рот теперь у нас еврейско-немецкое иго и нахлестывают [нас к] инородцы русских на жадность. Простой народ это очень понимает....

л. 80 — Какую чепуху говорил он сегодня,— сказала Варвара, когда Митрофанов ушел, но Клим объяснил ей:

— По форме это — нелепо, но по существу — [это] проблеск национального [сознания] *самосознания*. Тусклый проблеск, да! Но ведь как нация, мы все еще в состоянии младенчества [1].

Обилие новых лиц *и впечатлений*, быстрая смена их, [все-таки] не оставляя Самгину времени [подумать] *вспомнить* о старых знакомых [и даже как бы], подавляла интерес к их жизни.

Макаров [оставш⟨ись⟩] работал в клинике под руководством известного гинеколога [но лишь], и на протяжении многих

---

[1] *Текст*: [Верно! — подтверждал Диомидов (стр. 513) ∾ младенчества.— *перечеркнут синим карандашом.*

месяцев Клим лишь однажды, встретив его на улице, пригласил к себе [1]. Он [сильно] *еще более* поседел, [но по⟨седел⟩] *виски стали почти белыми и* [*на*] *сильно выцвели светлые клочья на голове*. Это сделало его двуцветные волосы более естественными, но не состарило [его; смуглое лицо стало как] *лица, оно стало* [*смуглее*] полней [*несколько* утратив резкость] и не так резко. Карие глаза смотрели задумчиво, [суше] говорил [он мало] *неохотно* и все топтался на одном месте [2].

— [«Крейцерова соната»,— вероятно] [Исчезает инстинкт материнства.] Француженки, *которые* отказываются родить, в Германии — Zweikindersystem [всюду] [почти всюду, даже у нас, на Украине, заметен уклон к мальтузианству. Я не могу объяснить это только экономическими причинами. Италия [тоже] беднее [3] Франции и Германии, но [там] ее народонаселение растет. Нет,— *в странах наиболее напряженного развития технической культуры* [исчезает инстинкт материнства] *инстинкт мат⟨еринства⟩ исчез*. [Чувствуется, что женщины задумались над]] Женщины не хотят родить рабов, вот что мне кажется.

Клим пошутил:

— Будущий акушер [беспокоится] обеспокоен уменьшением практики? [4]

Варвара слушала, опустив голову [и], лишь изредка бросая на Макарова злые взгляды. Затем она извинилась и ушла из дома, а [ночью, рассказывая Климу о письме, полученном от Маракуева из ссылки] [5] вдруг спросила:

— Макаров долго сидел?

— Нет. А что?

— Не выношу я его. Какой-то [философствующий] *принципиальный* евнух.

— Ого! — [насмешливо] воскликнул Самгин. Но она, [бросив письмо на стул] *раздеваясь, разбрасывая вещи*, продолжала [грубо и] озлобленно:

---

[1] *Возле этих слов, на полях, записан набросок иного варианта этого абзаца*: Как-то вечером, гуляя с женою, Самгин встретил Макарова и позвал его к себе [инт⟨ересуясь?⟩] [Оказалось, что Макаров].— *Запись сделана позднее, в период работы над следующей редакцией.*

[2] *Возле этой строки на полях, запись, не введенная в текст*: говорил о фр⟨анцуженках⟩.

[3] *Возле этой строки на полях, запись, не введенная в текст*: доказывал, что

[4] *Возле этой строки, на полях,— начало не введенной в текст фразы*: В штатском костюме

[5] Слова зачеркнуты и не заменены другими.

— [Философия импотента, вот это что! *Вообще — подозрительно*] *Не верится*, чтоб человек с такой рожей *и фигурой* философствовал от разума или от чувства, а не от немощи. *Мужчина, отнимающий себя от женщины из боязни быть отцом.*

— Однако,— начал Клим и *вовремя* замолчал [ему] [хотя едва]. Но она догадалась, быстро подошла к нему вплоть и, зачем-то толкнув его в плечо, сказала задыхаясь, [шипящим голосом] *шипящими звуками*:

— Ты хотел... хотел напомнить [мне], что я сделала выкидыш, да? [Хотел?]

— [А если бы? — едва не спросил Клим и [снова не спросил] снова удержался, быстро сказав] Я хотел сказать, что в его словах есть некоторая доля истины,— докторально заговорил он, сняв очки; он впервые видел Варвару так обозленной, и смотреть на нее было неприятно. Ее глаза густо позеленели, она закусила губы [и, вытянув шею, уставилась в лицо его взглядом] и, судорожно [держас‹ь›] вцепившись пальцами в левую грудь, [выг‹нув›] согнув шею, смотрела в лицо его более чем недоверчиво.

— Деторождение среди обеспеченных классов вообще понижается, это — факт,— успокоительно говорил [Клим] *Самгин*, [отходя] *отойдя* от нее. Она прервала его речь.

— [Устала я сегодня и раздражена. [Эта Сомова ужасно] [сказав] Прости,— [*тихо*] сказала Варвара [негромко и небрежно] *тихо* [а он], *Клим*] *Ты — прости, устала я сегодня и раздражена.*

Самгин подумал, что [жена] *она* извинилась так небреж-
л.81-I но, что лучше бы ей не делать этого, а Варвара прилегла на диван и попросила.

— Посиди со мной.

Он сел в ногах ее, ожидая, что она скажет, но Варвара, закрыв глаза и взяв его руку обеими своими, молчала, а у него не было желания спросить: что с нею? Он давно заметил, что жена нервничает, но относился к этому спокойно, заботясь только о том, чтоб не раздражать ее, не довести до [неприятных] сцен, подобных только что разыгравшейся. Было неприятно, что она начала курить, но он быстро примирился с этим, даже нашел, что это идет ей и сам, иногда, выкуривал папиросу [1].

---

[1] *Рядом, на полях, запись, не введенная в текст, сделанная позднее, в период работы над следующей редакцией и относящаяся к предыдущему эпизоду — разговору с Макаровым*: Посмотрев на

При гостях она вела себя сдержанно, в споры вступала лишь тогда, если говорили о театре, искусстве, политические вопросы, видимо, утомляли ее [и не инт⟨ересовали⟩]; рассеянно послушав состязание марксистов с народниками по поводу студенческого движения, развивавшегося все более быстро и широко, она незаметно уходила к себе. А как-то ночью, проводив гостей, [ус⟨тало?⟩] сказала:

— Мне кажется, мы живем не с теми людями.

— То есть? — спросил Клим.— Что ты хочешь сказать?

— Не знаю, право; так, сорвалось с языка. Кто это — Лев Толстой? — сказал, что студенческое движение — щель в стене, щель, сквозь которую хотят протащить все вопросы?

— Как видишь, социал-демократы не хотят этого,— напомнил Клим.— Они считают эти волнения буржуазными.

— Но руководят волнениями и разжигают их, я ведь знаю! И Сомова знает.

— Однако «Союз борьбы» определенно заявил, что [он] студенческая суета чужда рабочему классу, ты забыла?

Варвара [молча] тихо, но упрямо сказала:

— Мне это кажется лицемерием.

— Вот как? — снисходительно воскликнул он, а Варвара заговорила о домашнем.

Нередко он заставал в ее комнате [письмоводителя] Нифонта Кумова; письмоводитель, сунув пальцы за ремень [блузы], стоял у печки и [негромко] [тихонько] говорил всё о том же: о человеке, «единственной неоспоримой реальности мира»,— говорил тихо и конфузливо, как о чем-то, что само собою понятно и что [не требует доказательств] *поэтому неловко доказывать*. Слова у него были блеклые, да и сам он

него отчужденным взглядом, размахивая горящей спичкой, Макаров сказал:

— Нет, серьезно,— ты подумай: класс экономически и политически командующий, не желает иметь детей, но — тогда зачем же он так [цепляется за] жестоко оберегает свою власть? Странно?

Закурив с трудом папиросу от уголька погасш⟨ей⟩ спички, он добавил:

— [Это не моя мысль] Эту мысль мне подск⟨азал⟩ Туробоев.

— Он в Пет⟨ербурге?⟩

— Да.

— Что делает?

— Не знаю. Ничего не делает, кажется. *Вообще* ⟨?⟩ у него брезгливость ко всем⟨у⟩.

— А Лидия?

— [Увлекается] [Не]

весь казался увядающим, не то готовым заболеть, не то уже больным, а на Варвару смотрел как будто удивленно.

— Он смотрит на тебя, как ребенок на огонь,— заметил Клим и [очень довольный тем, что, найдя], *признав* свое определение метким, довольный собою, пошутил:

— Ты не боишься, что влюбится?

— Нет,— сказала она рассеянно.

[— Что он проповедует? — спросил Клим, не]

Самгин держал письмоводителя в почтительном отдалении от себя, не вступая в беседы с ним, он считал Кумова плохим работником и опасался, что, приметив фамильярность со стороны патрона, Кумов будет работать еще хуже [рассеянней]. Но, расспросив Варвару, он узнал, что письмоводитель проповедует нечто мистическое: душа стала *вдруг* вместилищем земных страстей, ослеплена ими, стала чувственной, как
л. 82-I плоть, и принимает [1] мир как разумное [2]. Но для духа, заключенного в душе, мир — неразумен, потому что неодухотворен.

— Он говорит: не дух от разума, а разум от духа, и говорит, что необходимо очистить душу от страстей,— рассказывала Варвара затрудненно и как-то небрежно, но — улыбаясь.

— Какая-то диомидовщина, философия недоучки,— решил Самгин, но Варвара сказала:

— С Диомидовым он не согласен, потому что тот изводит зло от женщины, от пола, смотрит в одну точку и потому — слеп.

— Не скучно тебе всё это?

— Не скучнее всего прочего,— сказала Варвара.— И потом, мне его жалко, он такой одинокий.

Клим шутливо погрозил ей пальцем:

— Смотри, не слишком жалей!

Мысль о том, что жена может увлечься таким ничтожеством, не беспокоила Самгина. Он был почему-то уверен, что женщина ее возраста не может влюбиться в юношу моложе себя, это — несчастие или распущенность женщин старею-

---

[1] *Текст*: Нет,— сказала она ∾ принимает — *перечеркнут синим карандашом*; возле этих строк, на полях, запись, не введенная в текст: [так] [так] Прошла зима, а с весны нового года всё домашнее, обыкновенное отскочило в сторону.

[2] *В верхней части страницы автографа надпись красным карандашом*: Сомова — *позднейшая разметка, связанная с работой над следующей редакцией.*

щих. Но все-таки его [см<ущало>] удивляло, что *по утрам* Варвара ходит при Кумове полуодетая, в капоте, с голыми ногами. Он [сказал это] заметил ей это, но жена равнодушно сказала:

— Кумов для меня не мужчина.

— Но ты для него — женщина.

— Он не тем занят.

— Вдруг у тебя явится каприз: заставить его почувствовать себя мужчиной, а?

— Какие глупости ты говоришь,— отозвалась Варвара, наливая ему кофе, и — вздохнула.

[С Любовью Сомовой у нее отношения были неровные.] К Сомовой она относилась неровно, иногда [целыми неделями] *на протяжении двух, трех недель* почти влюбленно, а затем вдруг [из<бегала>] начинала избегать встреч с нею, заботливо ухаживала, помогая Любе обшивать [как<их-то>] неведомых людей, покупать для ссыльных книги и вскоре, посмеиваясь, спрашивала:

— Вам скоро надоест роль сестры милосердия?

Клим видел, что они в чем-то соглашаются, слышал, что в чем-то жестоко спорят, но [его не интересовала ни дружба их, *ни мотивы*] мотивы их дружбы и разногласий не интересовали его. Только однажды, сам повздорив с Любой, он спросил жену:

— Как ты смотришь на [*1 нрзб*] Сомову?

[— Добрая девушка,— сказала] Варвара *ответила* очень просто, как нечто продуманное и решенное:

— Добрая девушка, настоящая русская, из тех, которые и без счастья умеют жить легко.

Но минуту спустя она вдруг сказала:

— Знаешь, мне иногда думается, что если б она была [не] малограмотна, не занималась революцией, то, возможно, [стала] *была* бы проституткой [из таких, которые сочиняют] *и сочиняла* трогательные песенки, вроде:

Любила меня мать, обожала
Свою ненаглядную дочь,
А дочь с милым другом бежала
В осеннюю темную ночь

— Ведь это и «Маруся отравилась» проститутки [сочиняют] сочинили?

— Не осведомлен,— ответил Самгин, очень удивленный [и, подумав, сказал] странной характеристикой.

Сомова вертелась точно кубарь, подхлестываемый невидимым кнутиком, и Клим уже [не раз] несколько раз спрашивал себя: почему ее не арестуют? Было ясно, что она все глубже входит в конспиративные дела, ее довольно часто посещала знакомая Лютова, дама с неохотной улыбкой, вечерами к ней пробирались люди, которых по одной их подчеркнутой осторожности безошибочно можно было признать конспираторами.

Она ездила в Петербург, прожила там больше месяца и возвратилась похудевшей, круглое лицо ее осунулось, глаза смотрели озабоченно, а в ее рассказах о знакомых явилось что-то ворчливое, упрекающее, чего раньше не было.

— Ну-с, так вот,— говорила она, фыркая, точно простудившаяся собачка.

— Лидия на Бестужевских, изучает средние века. Уж не знаю, зачем ей именно эти века, а она объяснить не умела или я не поняла. Живет замкнуто, монахиней, ходит только в оперу, в концерты, в Эрмитаж, картины итальянцев смотрит. Пробует писать, читала мне рассказ о человеке, который все ждал, что с ним случится что-то страшное, долго ждал, схоронил мать, [жену] жена ему пóшло изменила с дураком, ребенок попал под лошадь, умер, умер и сам он, в тоске, что напрасно ждал: ничего страшного не было. Рассказа я не поняла, несчастная, сказала ей, что скучно это. Она согласилась: да, говорит, скучно!

Помолчав, подумав, Сомова сказала с грустью:

— Она стала очень трудная и говорит всё не о том, всё как-то рядом с тем, что интересно. Там Макаров, ходит героем из французской драмы. Оказывается, у него здесь скандал был с профессором, и он ушел из клиник, профессор грубовато пошутил над пациенткой, лежавшей под хлороформом на операционном столе, а Макаров после операции наговорил ему сердитых слов.

— Какой... рыцарь! — иронически заметила Варвара.

— Сумеречный мужчина,— сказала Сомова, вздохнув.

— Лидия живет на Васильевском, у Премировых? — осведомился Клим,— Сомова утвердительно кивнула головою.

— Там у них — свадьба: девица Премирова венчалась с торговцем церковной утварью. Брак — по Шопенгауэру: она такая лошадь, а он — маленький, бородища, как у Варавки, только черная и шире, глазищи огромные, как у святого, крепкий такой, дубовенький. Ему уже лет сорок.

Уезжают в провинцию, он откуда-то с Волги, из Нижнего, кажется.

Рассказ о Лидии Клим выслушал *почти* равнодушно и сам был удивлен этим. Но еще более удивила его Марина.

— А знаешь,— сказал он,— ведь у нее был роман с бородатым марксистом, которым ты восхищалась у Лютова,— помнишь?

— С Кутузовым? — воскликнула Сомова оживленно и широко раскрыла глаза.— Ты — серьезно?

— Ну, да! Они жили... она была его женой.

— Нет?

И, тряхнув головою, так что коса перепрыгнула через ее плечо на грудь, Сомова *протяжно* сказала:

— Какая дура!

Ее возмущение рассмешило Клима, Варвара тоже улыбалась, глядя на Сомову, [и этим смутила] [спросив] а Самгин спросил сквозь смех:

л. 82. II

— Но — почему дура?

— Не понимаю, что [вас рас⟨смешило?⟩] тут смешного! — вскричала Сомова, немножко покраснев и закинув косу на спину.— Мне говорили, что Кутузов медведь, книжник, сухарь...

— Нет, подожди: почему Марина...?

— [Ну] Милый мой! Выйти замуж за торговца кадилами, подсвечниками,— возмущенно начала Сомова, но видя, что они оба смеются, махнула рукой: — А ну вас!

Затем она рассказала [о нервозности студентов, вызванной изданием], *что издание* «Временных правил», [которые угрожали участникам беспорядков — ст⟨удентам?⟩] которые угрожали участникам студенческих беспорядков сдачей в солдаты, всё более волнует радикально настроенную молодежь.

— Но уже организуются группы [«академистов»], которые выдвинули лозунг «Университет для науки, долой политику».

— Разумеется эти «Временные правила» [революционизируют] *революционизировали* молодежь,— сказал Самгин, нахмурясь, пожав плечами [но не веря своим словам]. И вспомнил *слова* Туробоева:

«Русские не учатся в университетах, а увлекаются поэзией безотчетных поступков».

[Но, разумеется, не счи⟨тал?⟩] Хотелось повторить слова эти вслух, но, разумеется, не для Сомовой *и* не для

жены [которая бесшумно шагала из угла в угол по какой-то извилистой тропе]. Варвара, закурив папиросу, бесшумно шагала из угла в угол, говоря:

— Наш повар утверждает, что студенты бунтуют *одни* — от голода, а другие — из дружбы к ним. Если б, говорит, я был министром, я посадил бы их на казенный паек, одинаковый для богатых и бедных, сытым нет причины бунтовать. И привел изумительное доказательство: нищие — сыты и — не бунтуют, хотя — нищие.

— Ну, он всегда пьяный,— небрежно заметила Сомова.

Клим чувствовал, что жена говорит с подчеркнутой настойчивостью, и подозревал, что [это] она говорит для того, чтоб не слушать рассказов Сомовой.

— Иногда, утром, я беседую с ним,— продолжала Варвара, остановясь у стола, сбивая пепел с папиросы.— Он любит поделиться со мною своей мудростью. Совершенно изумительно, как это выходит: прожил человек почти семьдесят лет, много видел и все это сложилось у него в какие-то нарочно безграмотные мысли, в глупые пословицы.

— Пословицы — не глупы, [сказал Клим очень докторально] — мышление афоризмами — характерная особенность нашего народа,— очень докторально сказал Самгин и обиделся: жена не обратила внимания на его слова.

— Он не любит студентов, повар. [«Рекрута гуляют,— говорит он.— Погуляют, потом народу»] *Говорит: их надо в Сибирь, к самоедам [ссылать], а не в солдаты, солдатам* мозги ломать станут, будут учить: в бога — не верьте, царскую фамилию не уважайте.

[Он] Варвара снова села к столу и, воткнув в пепельницу недокуренную папиросу, усмехнулась.

— [А букинист на Моховой сказал мне о студентах] «В головах — шум, а они думают: это ум!» [1]

Она вздохнула:

— Нет, я не люблю мышления пословицами. Не люблю.— *И засмеялась, говоря Климу:*

— Послушал бы ты, как повар беседует с Кумовым о душе мира. Это удивительно смешно, а все-таки трогает. Оба они такие при этом маленькие-маленькие.

[И] Варвара [показа⟨ла⟩] взяла полусгоревшую корочку хлеба и, показав ее Климу, раскрошила [в] пальцами.

---

[1] *Текст:* К Сомовой она относилась (стр. 519) ∾ это ум!» — *перечеркнут синим карандашом.*

Сомова [простилась] ушла, [а] Варвара, проводив ее, тоже скрылась *в свою комнату. Клим остался один, обеспокоенный, перебирая в памяти тревожные события последних дней.*

л. 83 [За три] В эти три года, прожитые Самгиным легко и незаметно, он лишь один раз видел Туробоева [это было] *и как раз в тот день, когда спокойная жизнь переломилась.* [*Это было*] *Он встретил Туробоева* в знаменитом [капище шантане] *учреждении* Шарля Омон, *бывшего повара*, который упорно [стремился] *старался* создать в Москве [пар⟨ижский?⟩] «Фоли Бержер», у [него] *Омона* тоже был лозунг:

«Всякая столични город дольжна бить [как] Париж»,— говорил он и еще говорил: «Когда шеловьек мало весёлий,— [он очень мало] *это он мало шеловьек, не готовий* шеловьек для жить».

[И для того, чтоб совершенно] Чтоб приготовить [москвичей] русских людей для жизни, веселый [француз] *повар* создал в Москве [нечто] некое подобие *огромной* огненной [пещи] печи, [сверкающей золотом] и в ней допекал [и], жарил сыроватых [сыро] россиян, показывая им самых красивых и самых бесстыдных женщин. [Когда человек входил] *Входя* в [его] *двери* капища Омона, человек испытывал впечатление [именно печи или] вошедшего именно в жерло печи, ослепительно и жарко сверкающей [жирными огнями] *золотом жирных огней.* А множество зеркал, [уве⟨личивая⟩] несчетно увеличивая блеск [живых огней] *живого огня* и [жир] расплавленный жир позолоты, [создавало] показывало стены [*капища*] *капища* раскаленными добела. Это впечатление жаркой печи особенно усиливалось, если смотреть сверха, из лож и с балкона над ними: пред ослепленными глазами открывалась большая, глубокая яма, и на дне ее, по бокам, в пылающей игре огня, *краснели и* жарились лысины мужчин, *таяли, как масло*, голые [плечи и] спины женщин, трепетали руки, обнаженные по плеч, трещали ладони, аплодируя ярко освещенным и еще более голым певицам. *Буйно выла и ревела музыка, сухо трещал барабан.*

Самгины пошли к Омону, чтоб посмотреть первый дебют Алины Телепневой, только что возвратившейся из-за границы, где она, выступая в Париже, Вене, Лондоне, увеличила свою славу дорогой и безумствующей женщины легендами, которые [лицемерная скромность считала скандальными, а богатые кутилы] [лицемеры считали скандальными, *и которые сводили* [1 *нрзб*] богатых кутил], вызывая лицемерное

возмущение [одних] охранителей общественной морали, сводили с ума богатых кутил.

Еще до ее поездки в Европу, Алина [создала] в роли *опереточной* примадонны [оперы] сделала себе карьеру [кокотки] «пожирательницы сердец», ее поездка по провинции сопровождалась двумя покушениями на самоубийство, [растратами] дикими выходками влюбленных соперников [и уже тогда Робинзон в «Нашем крае» посвятил ей [иронический дифи⟨рамб⟩] иронически хвалебный фельетон, в котором [кощунственно] *редактор* [и цензор] [просмотрели] *не заметил* [кощунственную фразу] кощунственные слова: «[О, ты] Силоамская купель для расслабленных болезнью, которую мы — прикрыто *и стыдливо* — называем культурой».

Цензор, вычеркнув «Силоамскую купель», предложил заменить ее «целебной грязью», но Робинзон не согласился на это: «*Телепнева заслуживает похвал, а не оскорблений*, [*сказал он*] *она обнаруживает скрытые болезни*». [и Клим] Самгин прочитал [эту фразу] *его фельетон* в гранках, присланных Дроновым, вместе с *угодливым* письмом, в котором он спрашивал Клима — не поможет ли он ему найти работу в одной из московских газет].

Вера Петровна [*еще*⟨?⟩] [*написала*] *в письме Климу рассказала, что Робинзон пытался напечатать в «Нашем крае» иронически хвалебный фельетон, в котором, между прочим, назвал Алину «Силоамской купелью» и «целебной грязью». Это поссорило его с редактором, который нашел, что* [*газета будет прив*⟨*лечена*⟩] *цензор привлечет газету к суду за кощунство, а Телепнева — за оскорбление.*

У Омона Телепнева выступала в конце программы [как один из главнейших], *сначала* разыгрывая незатейливую сцену, которая, однако, сразу ошеломляла публику. Открывался занавес и пред глазами зрителей являлась [красиво] *скромно обставленная, небольшая* уборная артистки, посредине ее, пред огромным, в три створки зеркалом, стояла, спиною к публике, Алина в широчайшем белом пеньюаре, украшенном перьями страуса и похожем на мантию императрицы. Вполголоса напевая, женщина [дела⟨ла⟩] поправляла прическу, делала вид, [что] будто бы гримируется, затем, сбросив с плеч мантию, оставшись в пенном облаке кружев, два, три раза *медленно, с мечтательной улыбкой на лице* проходила пред рампой. Публика молча разглядывала ее в бинокли, лорнеты, в ⟨в⟩ тишине зала [волнующе] под сур-

динку *ныли* скрипки *и виолончели*, [ныли меланхолическую мелодию] гнусавили кларнеты, посвистывала флейта, наполняя пылающий зал чувственной *и нарочно замедленной* мелодией ланнеровского вальса.

Алина умела искусно и убедительно показать, что она — у себя и не видит, не чувствует публики. Она [*задумчиво*] смотрела в зал, [как] *точно* в пустоту, как смотрят в окно *вдаль* на закат солнца, и [прекр⟨асное⟩] ее лицо [чисто] задумавшейся девушки, ее большие, мягкие глаза делали [непр⟨иличные⟩] не очень приличные одежды ее почти целомудренными. [Как бы прис⟨лушавшись?⟩] Затем она хлопала ладонями, входили две горничные, черная в красном и рыжая в голубом, они вносили ворох платьев и *ловко* одевали [ее в] *на нее* одно, другое, третье, на зависть женщин в зале Говорили, что костюмы ей поставляет бесплатно *для рекламы своей фирмы* крупный парижский портной. Выбрав платье по настроению, Алина уходила, занавес опускался; публика аплодировала сдержанно, зная, что это — *не* [*настоя⟨щее⟩*] *главное*, *а* лишь прелюдия.

[Насто⟨ящее⟩] Главное начиналось, когда занавес снова открывался и Алина Телепнева, по сцене Августова, величественно подходила к рампе, одетая в белое, сверкающее серебром, [широкое] *странно легкое* платье, не скрывавшее ни одного движения ее [сильного] [идеально] красивого [тела] *тела* [За [спиною] *плечами* ее возвышались крылья], *а когда она поднимала руки, широкие рукава ее платья взмахивались, точно крылья.* [На] *В* каштановых волосах и у пояса горели две красные розы. Покачиваясь, шевеля бедрами [и скуп⟨ыми⟩], она начинала петь, подчеркивая отдельные фразы песенок скупыми, [но] красивыми жестами.

— *Сказочная какая... лебедь белая,— вздохнула Варвара.* [*Ее*] *Густой голос Алины обработался, стал более гибким и послушным ее воле*, [*но*] *а пела она все-таки фальшиво.* Песенки ее были двусмысленны, [бесстыдны] насмешливы и [пряны] остроумны. Было жуткое [несоответствие] *противоречие* между [словами песни] ее крылатой, прекрасной фигурой [и], девически наивным выражением лица [и почти⟨?⟩] *и* [*между*] фальшивыми нотами *и бесстыдством слов.* Варвара даже шепнула мужу:

— [Мне кажется, она нарочно фальшивит] Она фальшивит нарочно.

Клим промолчал, не ответил он и на прямой вопрос ее:

— Тебе не кажется, что она презирает людей?

Самгин был возмущен. В антракте, [зайдя] [отво⟨рив⟩] открыв дверь туалетной комнаты, он увидел в зеркале отражение [с характерно спо⟨койным?⟩] лица и фигуры Туробоева, он хотел закрыть дверь, но Туробоев, не оборачиваясь к нему, улыбнулся в зеркало [и сказал]:

— Вот встреча! [Как поживаете?]

[Он приглаживал] *Приглаживая* щеткой сильно поредевшие волосы, он протянул Климу свободную руку, потом, закручивая отросшую эспаньолку, [спросил: — Вы тут] спросил о здоровье [бесцеремонно] и швырнул щетку на подзеркальник; щетка упала на пол, свалив медную пепельницу [Толстый] *к ногам* толстого человека с *двуцветным* носом, [похожим на ручку двери, вопросите⟨льно⟩] ⟨он⟩ ожидающим взглядом посмотрел на Туробоева и, ничего не дождавшись, [ушел] *пошел к двери*, сказав:

— В этих случаях извиняются.

— Не все, как видите,— откликнулся Туробоев, всё еще разглядывая Клима бесцеремонно [и], с механической улыбкой на [желтом] *желтоватом* лице.

— Как вам нравится этот кабак? Я первый раз попал сюда,— [какое] не видел ничего более безобразного, чем это

л. 84 [И — какие люди!] *учреждение. Впрочем, люди — еще отвратительнее, здесь, очевидно,* [*какой-то*] *особенный подбор людей, не правда ли*?

Он снова протянул руку Самгину и сказал:

— [Право же] *Знаете*,— Равашоля можно понять!

[Этими] *Последними* словами он [заставил вспыхнуть] *разбудил* всю неприязнь [Клима к нему] *Самгина* [и Самгин, усмехаясь, [сказал] *проговорил* ядовито]: [1]

— [Вероятно] *Наверное*, вы не сказали бы этого, если б здесь был [еще] кто-нибудь третий.

— Почему же не [сказать] *сказал бы*? — спросил Туробоев, приподняв нарисованные брови, и кривая улыбочка его исчезла, а лицо потемнело.— Нет, я *всегда* разрешаю себе говорить так, как думаю.

— Будто бы всегда? — пробормотал Клим.

— Вы не в духе? — осведомился Туробоев, *небрежно* кивнул головою и ушел, а Клим, сняв очки, протирая стекла

---

[1] *Возле этих слов, на полях, вписана фраза, не введенная в текст, но по смыслу предназначавшаяся, видимо, для замены зачеркнутого*: Клим почувствовал, что в нем что-то лопнуло, взорвалось и сами собою [ск⟨азались⟩] [вы⟨говорились⟩] ехидно выговорились слова. *Возможно, это сделано при работе над следующей редакцией.*

дрожащим⟨и⟩ пальцами, все еще видел пред собою его [тонкую] *стройную* фигуру, [острое] *тонкое* лицо и [видел] взгляд его *насмешливых глаз*, взгляд искусного портного на человека, который плохо одет. Именно так и подумал Самгин:

«Портной. Закройщик! Радикальничает, потому что разорен; из зависти *нищего* к богатым. [Бесстыдная] Нахальная морда. Пришел любоваться [женщиной] *девушкой*, которую сделал кокоткой, свинья!»

Ругаясь, он смутно понимал, что негодование его преувеличено [и чувствовал, что оно всё возрастает], *однако оно возрастало*. И [сидя] теперь, сидя рядом с Варварой, он все еще думал о дворянине, который нашел возможным одобрить [безумный поступок] *безумство* французского анархиста, думал и упрямо искал его глазами, лишь изредка посматривая на сцену.

На сцене крылатая женщина в белом рассказывала [под музыку] *о том*, как ее обыскивал таможенный чиновник.

— Assé! Finisséz,— *смешливо взвизгивая*, [*устало*] *утомленно вздыхая*, [умоляла] *просила* она его, [уклоняясь] *защищалась*, от [бесцеремонных] [*дерзких*] прикосновений дерзких рук сдержанными жестами своих и судорожными движениями [гибкого] [*стройного*] [*красивого*] тела, *раздражаемого щекоткой и подчиненного чувственному ритму задорной музыки*. Она боролась с невидимыми руками таможенного удивительно искусно [и ее] , *гибкие* руки [обнар⟨уживали⟩] ее [летали], *быстро летая* около груди, бедер, обнаруживали *их* красоту [и]. Самгин подумал, что если б ее движения были менее сдержанны, они были бы и менее бесстыдны. [Чувственно и задорно звучала музыка] И в то время, как [всё] тело женщины, вздрагивая, извиваясь *и обессилев*, явно уступало настойчивым и грубым прикосновениям, ее лицо улыбалось насмешливой, остренькой улыбкой, глаза ее вызывающе сверкали; [и это повело] *эта игра повела* к тому, что когда [она] *женщина* кончила петь, невидимые руки таможенного чиновника превратились в сотни реальных, живых рук [и], все они, неистово аплодируя, *жадно* протянулись к [ней] Алине, а она, выпрямясь, прищурив глаза, облизывая губы кончиком языка, победоносно смотрела в зал, не кланяясь [и ожидая], ожидая конца овации.

— Би-ис! — кричали голоса мужчин и женщин.— Бис!

— *Да, это — Париж!* — *удовлетворенно* [*и со вздохом*] *сказал кто-то сзади Самгиных, ему ответили со вздохом*:

— Шикарна...[1]

[Варвара не аплодировала]

Клим, конечно, не аплодировал [2], Варвара сидела, покачнувшись вперед, пристально [рассм⟨атривая⟩] глядя [на Телепневу], *как Телепнева*, наклонив голову, говорит с дирижером.

— Женщины должны бы протестовать [а они],— сказал Самгин сердито.

— Почему? — сонным голосом спросила Варвара.

— Это — обучение разврату.

— Но тогда и мужчины,— так же тихо заметила Варвара [и потом, не вз⟨глянув⟩], не взглянув на него, и прошептала:

— Какая сила у нее,— поразительно!

— Она бесталанна,— проворчал Клим.

— Разве красота — не талант?

Клим замолчал, чувствуя, что [может ⟨*1 нрзб*⟩] может ответить грубостью.

Туробоева он не нашел в зале, но ему показалось, что в одной из лож мелькнуло характерное лицо Лютова. Его очень раздражало то, что [приходилось] нужно было согласиться [со словами Туробоева] *с Туробоевым.*— [В спер⟨том⟩, раскаленном ог⟨нем⟩] да, в этом *раскаленном* капище собрались действительно особенные люди: среди мужчин преобладали толстые и лысые, среди женщин — пожилые и всё более или менее жестоко оголенные. Было чрезмерно [*нагого*] много тела, *туго* обтянутого желтоватой и красной кожей и было много [фигу⟨р⟩] *нагих* спин, плеч, рук [которые казались удвоенными в объеме] *и грудей* [*лежавших*] *удвоенного объема. Груди лежали на ложе рядом с коробками конфект и в* [*хвастовстве*] *их обнаженности было что-то* [*нищенское*] *от хвастовства нищих, которые показывают свои уродства для того, чтоб разжалобить.* Зеркала *фантастически* размножали всю эту массу *тяжелой* жирной плоти, [а огни] как будто медленно таявшей в жарком блеске огней, тоже бесчисленно умноженных ослепительно белым блеском зеркал. Бис и браво кричали голоса, хриплые у мужчин и слишком визгливые у женщин.

Трудно было представить, что эти отцы, матери, сестры могут [как-нибудь] *что-нибудь* думать о студентах, которых

---

[1] *Текст*: Да, это — Париж ∾ Шикарна — *вписан на полях без указания места вставки*; *вводится в текст по смыслу.*

[2] *Текст*: дерзких рук (стр. 527) ∾ не аплодировал—*перечеркнут синим карандашом.*

предложено отдавать в солдаты, о России, в которой кружатся, *всё размножаясь*, революционно настроенные люди и дворянин одобрительно говорит о [Равашоле] *бомбе анархиста*. Когда на сцену выходят женщины, прославленные своим бесстыдством, и *начинают* циничными песенками, соблазнительными телодвижениями [нагих] раздражать чувственность мужчин, жены этих мужчин тоже явно возбуждаются, поводят плечами, прижимаясь к мужьям, и видно, как по их нагим спинам пробегает дрожь вожделения. [Думая] *Размышляя* об этом, Клим Самгин почувствовал себя [как бы] [растущим] способным крикнуть [какие-‹то›] грозные слова, он даже представил, как [оттуда] снизу [обратятся] *поднимутся* к нему десятки изумленных, испуганных лиц, *но* [*он*] *тотчас же сообразил, что* [*один его*] *если б голос его обладал даже исключительной силой*, [*все ра‹вно› он*] *он утонул бы в диком реве возбужденных людей*, *в оглушительном плеске их рук*.

— [В сущности, [всё это], *какое* свинство,— сказал он Варваре. — Их бы] *Этих бесноватых* следовало *бы* полить водой из пожарной трубы,— сказал он. Варвара, наклонясь вперед, ответила, точно глухая:

— Триумф... Как Ермоловой...

Из оркестра на сцену подавали [цветы] *букеты*, корзины цветов, их принимал лысый человек [во фраке, в лакированных], такой тонкий, что был похож на [палку] *гибкую трость* с костяным [набалдашником] *шаром вместо ручки*. Алина, улыбаясь, благосклонно кивала головою и, [держа букет в левой руке] *прижав букет ко груди левой рукою*, правой гладила [его] цветы, *как гладят голову ребенка*. В проходе между кресел толкалась публика, одни двигались к эстраде, другие шли встречу им, и среди последних *судорожно* дергался Лютов [в слишко‹м›] [одетый] [в сюртуке, слишком длинном, [с гладкой] остроголовый, с прямыми волосами, он] [*в длинном сюртуке*, *остроголовый*, *с прямыми волосами*], разговаривая с коротеньким, лобастым и усатым [человеком] [военным] *офицером*.

— Видишь Лютова? — спросил Клим жену. [Вон] [В сюртуке, остроголовый? Ну, да. Удивительно похож на приказного дьяка,— и ворчливо, в тоне упрека, [рассказал] *начал* рассказывать ей, что Алина была невестой Лютова [а Т‹уробоев?›].

— И увлеклась другим [ты] [Сомова ра‹ссказывала›]. *Я знаю*,— сказала Варвара.— Сомова очень любит рассказывать такие истории, но...

— Что?]

— Она удивляется, а не осуждает [1].

Самгин замолчал, следя как [рас⟨творяется?⟩] ныряет в толпе острая *узколицая* голова [Лютова, а] [блестя [гладко причесанными] волосами] [причесанна⟨я⟩] с прямыми волосами, голова приказного дьяка из «Каширской старины» Аверкиева.

На улице густо падал снег, поглощая людей, лошадей [украшая белым пухом *черные* шапки полицейских]; белый пух [его] тотчас осыпал шапочку Варвары, плечи ее и осле-
л. 86 [2] пил Самгина.

[— Подождем, пока схлынет,— [про⟨тиснулись?⟩] возвратились к подъезду] *Они остановились*, ожидая свободного извозчика, и в эту минуту на них наткнулся Лютов, в расстегнутом пальто, в шапке, сдвинутой на затылок:

— Пардон...ба! Это вы?

И, прижав Клима к себе, он громким шёпотом сказал:

— Профессора-то нашего, Боголепова-то, [*1 нрзб*] застрелили! Факт. Хотите — помянуть, а? Возьмем кабинетик [у Тестова], потолкуем?

Раньше, чем Самгин успел отказаться, [он] Лютов [*тонко* крикнул извозчика: — Степан] взмахом руки как бы выхватил из тучи снега лошадь, [толстого и неподвижного [как] точно деревянный, кучера, быстро] усадил Варвару в сани, толкнул Клима, сказал ему:

— Вы ее на колени,— сел [сам] рядом с ним и скомандовал *толстому, неподвижному, как деревянный, кучеру*:

— К Тестову!

Он действовал с такою быстротой, точно устраивал похищение и, подпрыгивая на ухабах, шептал Самгину:

— Карпов... попович.

— [*Какой ужас*]. *Он был старик? — равнодушно спросила Варвара.*

Кучер, [полу] туго поворотив шею, сказал вполголоса:

— Владимир Васильич, тут полицейский говорил: студенты министра убили.

— Какого? — быстренько, с испугом спросил Лютов, толкнув Клима локтем.

— Своего.

— [Зачем?] За что?

---

[1] *Фраза, видимо, случайно осталась не зачеркнутой.*
[2] *Л. 85 отсутствует, но разрыва в тексте нет.*

— [[Этого] *Кто* — не знаю. Бунтуют] Кто их знает!

— А — как думаешь?

— [На этот счет думать — дело не наше.] Бунтуют, конечно.

— Ну, катай скорее!

— *Ах, черти*!

В кабинете трактира Лютов [срываю<щимся?>] [быстро], судорожно потирая руки, [торопл<иво> спраш<ивал>] спросил Варвару [подмигивая]:

— Блины? Стерляжью уху?

И сказал иконописному старику лакею:

— Слышал? И всё прочее, как следует, честно! Живее.

А когда лакей ушел, он, хлопнув Клима по плечу, заговорил вполголоса, [гри<масничая?>] очень оживленно, ломая лицо свое гримасами, разбрасывая глаза по всем углам:

— Подложили свинью вам, марксистам, народнички-то, а? Теперь-с, можете быть уверены, молодежь повернет к ним, да-а! Суть акта не в том, что одним министром стало меньше, министр — пустяк, завтра же другого сделают, как мордва — идола, суть именно в том, что молодежь пойдет за партией активной, за теми, кто не разговаривает, а — действует, вот что-с!

— Если революционное движение встанет снова на путь террора,— строго заговорил Самгин.

— И встанет, и пойдет! Прямая есть кратчайшая...

— Не забудьте пословицу о воронах, которые любят летать прямо...

— И превосходно живут... Милый друг,— драться легче, ждать — трудней. Пора решить: чья возьмет?

[Клим подумал, что Лютов [оживлен] *радуется* [как человек] убийству, как делу, лично для него выгодному.]

Клим был ошеломлен [фактом] убийством министра, [не] как фактом, который неизбежно осложнит жизнь, и еще не решил, как ему лично следует говорить об этом факте. Лютов раздражал его своей беготней и неестественным, почти циничным оживлением. Он пробормотал:

— Вы говорите об этом [акте] убийстве как о деле, выгодном лично для вас...

Толкнув Варвару, оправлявшую прическу перед зеркалом, и не извинясь пред нею, Лютов подскочил к нему:

— А как же иначе? — удивленно спросил он.— Я — гражданин моей страны и всё, что творится...

Вошли лакеи с подносами, он оборвал речь и, усмехаясь, потирая руки, спросил:

— Кучер-то? [«Не наше дело!»] *Как о зайце, а*? А он у меня — умный мужик. [Оч-чень!] Прошу, Варвара Кирилловна.

И за ужином, насыщаясь торопливо, говорил почти [он] один он. Самгин всё еще [не мог найти достаточно устойчивую точку зрения и] осторожно молчал, Варвара [сосредоточенно] [ела блины, изредка и незаметно посматривая на Лютова. Клим видел, что этот человек не нравится ей. Когда он взвизгивал особенно тонко и радостно] [*ела блины, и по лицу ее Клим видел, что она все еще* [*не освободилась от*] *там, у Омона*] [*мелко*] [*нехотя*] *резала ножом кружевные блины* на маленькие кусочки, нехотя ела, и когда Лютов взвизгивал особенно тонко, она, *вздрагивая*, прикрывала глаза ресницами. Клим чувствовал, что жена отсутствует, [что] сидит [всё еще] там, в ослепительном зале Омона.

— Да-с, — чья возьмет? — *возбужденно* повторил Лютов, наливая вино в [стаканы] стакан, длинногорлая бутылка дрожала в его руке, стакан звенел.

— Мне кажется, что теперь, когда [рост⟨?⟩] рабочее движение принимает массовый характер, — начал Клим, [но] *а* Лютов, торопливо поставя стакан на стол, воскликнул тихонько и сладостно:

— Ну, те-с? Ну-те, как это?

И вдруг засмеялся [судорожным смехом, весь], сотрясаясь мелкой дрожью, старчески сморщив лицо, [а] глаза его, стиснутые морщинами, смотрели на Самгина из узеньких щелочек [*каким-то*] режущим взглядом почти оскорбительно. Этот длительный смех заставил Варвару положить нож и вилку, [она стала] вытирая рот салфеткой, она закрыла почти всё лицо свое, а Клим вспомнил, что [вот] именно таким догадливым смехом смеялся Лютов на даче, когда ловили воображаемого сома.

— Чему это вы так обрадовались? — спросил он [весьма недружелюбно, даже] озлобленно и, вместе с этим, смущенно.

— Ох, дорогой мой, — [сказал] *устало вздохнул* Лютов, отдуваясь, отирая слезы со щек, и обратился к Варваре:

— Рабочее движение, говорит, а? Вы — как [по этому поводу], Варвара Кирилловна? Как вы думаете — зачем оно ему, рабочее-то движение, а? Ему вот?

— Меня политика не интересует, — сухо сказала Варвара, поднося стакан ко рту.

— [Нет?] Не интересует?

Лютов снова рассыпался тем же догадливым [и смущающим смешком] *хохотком*, а Клим почувствовал, что этот [*разоблачающий*] смех уже пугает его возможностью какого-то столкновения, скандала, и есть в этом смехе нечто хитренькое, разоблачающее.

Перестав хохотать, Лютов схватил стакан, поднял его к своему лицу:

— За наше благополучие! — возгласил он и [как-то] сразу вылил вино в рот себе, а затем, подмигнув Климу, сказал утешительно и намекающе.

— Конечно, рабочее движение у всех возбуждает надежды, да! И у некоторой части интеллигенции и также у господина Зубатова, тоже ведь интеллигента, в этом вы
л. 87 ему не откажете! [Вот] Ор-рганизатор! [Как он рабочих-то в Кремль водил, к памятнику царя, освободителя крестьян, а?[1] Незабвенный парад! Цари, цари освобождают народ — чувствуете? Остроумно!] *Замечательно обучает рабочего: с хозяином — дерись, царя — не трогай! Изу-умительно. Просто!*

Варвара смотрела на Лютова, не скрывая изумления, потому что Лютов вдруг [стал] опьянел, его разбегающиеся глаза помутнели [стали еще] *и, отяжелев*, потеряли бойкость. Он дергался, покачивался на стуле, цапал пальцами вилку, [стакан] позванивал ею о стакан, но Самгин не верил в его *внезапное* опьянение, он уже не первый раз [ви⟨дел⟩] наблюдал это фокусническое уменье пьянеть и трезветь в одну минуту. Видел он также, что этот человек в сюртуке *почти* ничем [не], *кроме лица, не* напоминает Лютова студента, [даже] строй его речи стал другим. Лютов уже не пользовался церковнославянскими речениями, не рисовался цитатами, его речь приобрела [более] московский и простонародный характер. Всё это было подозрительно *и* намекало на какую-то хитро обдуманную игру.

— Да-а-с! — говорил он, гримасничая.— Пошли в дело пистолеты. Слышали вы о тройном самоубийстве в Ямбурге? Студент, курсистка и [военный] *офицер*! Офицер,— повторил он, подчеркнув.— И — еще, за ними, студент, в Симферополе. На двух концах России... Усмехнулся и прибавил:

---

[1] *Перед текстом этой страницы автографа надпись синим карандашом*: «Роман В⟨арвары⟩» — *разметка, сделанная при работе над следующей редакцией.*

— А какой-то простодушнейший студентик, сданный на три года в солдаты, из [ваго‹нного›] окна вагона *откровенно* кричал: да здравствует революция! Его — в солдаты, а он — [вот как! Знаете] *Извольте*! *По-вашему*, как надо перевести возглас этот на простой русский язык? — спросил он, покачнувшись на стуле *и сам ответил*:

— Идиоты! Вот как. Ид-диоты, да!

Варвара встала, жалуясь на головную боль, Клим благодарно кивнул ей и [начал] сказал:

— Да, нам пора.

— В безумной стране живем,— шепнул ему на прощанье Лютов.— В безумнейшей.

— Чёрт знает что,— проворчал Самгин, идя вниз по лестнице. Варвара, [кутаясь воротником] *подняв воротник* шубки, промолчала. Не говорила она и сидя на извозчике, но дома [нервозно], *еще в прихожей* сбрасывая с себя одежду, [вдруг] вдруг [взорвалась гневными словами] *заговорила* [*о Лютове*] [*гневно и*] *брезгливо и грубо*:

[— Это — ужас! [*Вот*] Я не хотела бы встретить его еще раз, я способна бросить в лицо ему чем-нибудь. [Какое отвратительное животное.] Не понимаю, что ты видишь в нем? От него заболеть можно.]

— *Какая неприятная фигура* [*этот*] *Лютов.* [*Скользкий, колючий — брр*!] *Эта его лакейская развязность — ужас*! [*И — смех*!] *Он всегда так отвратительно смеется? От него заболеть можно.*

В ее [гневе] *словах* Самгин почувствовал что-то чрезмерное [*и* не убедительное].

[— Ты слишком раздражена, это от головной боли,— сказал он, *присматриваясь к ней*, но Варвара ответила:

— [Ничего] *Голова* у меня не болит, просто я не могла больше видеть его].

[И] В спальне, [раздеваясь] *делая прическу на ночь*, она продолжала всё так же брезгливо [и возмущенно]:

— Что ж он, обрадован или испуган убийством [министра]? Я — не понимаю.— Ей, [*должно быть*] *видимо*, [*и*] *не очень нужно было понимать это*, *потому что она сейчас же* [*за*] *начала говорить о другом*:

— *Ты знаешь*, *что он* [*вместе с другими пользовался благосклонностью Телепневой? И это стоило ему*] *тратит на Алину большие деньги*? [Какой-то и скользкий, и колючий. Вообще — отвратительная фигура.]

Клим видел в зеркале ее лицо, искаженное [злою] гри-

масой; [она] расчесывая *густые* волосы, она всегда [неприятно] *болезненно* гримасничала, но на этот раз гримаса была злая.

— Это — едва ли вероятно,— сказал он.

— [Нет]. Это правда! — [настойчиво] *настаивала* Варвара.— Он человек нечистоплотный, [грязненький] *да и* по глазам видно, что грязненький.

— Ты — раздражена. Это от головной боли?

Но Варвара созналась, что головную боль она выдумала, чтоб уйти от Лютова. Затем она очень торопливо [и], точно желая спрятаться, легла в свою постель [и, закурив папиросу] *и замолчала*, погасив лампочку.

Самгин [был] тоже лег [Он] довольный тем, что жена молчит. Нужно было о многом подумать.

Он привык чувствовать себя в центре круга, который, вращаясь не очень быстро, показывал ему [людей] разнообразных людей как бы для того, чтоб он, Самгин, видел их ничтожность. [Но] [и] [Это *он* хорошо видел] Он мог бы сравнить себя с фонарем на площади: из улиц торопливо выходят, выбегают люди, попадая в круг его света, покажутся на минуту, *на две*, *покричат и* исчезнут, оставив в его памяти темненькие словечки, большей частью уже давно знакомые ему. В их беготне он всё меньше видел смысла, но всё более [ясно] ясно видел сам себя [освещающим людей светом [ист‹ины?›] правды, понятной только [ему] *его разуму*. Это вполне удовлетворяло его]. Увлеченный [этим] наблюдением за другими, он уже не думал о себе; он вообще был не способен к самокритике и был уже слишком уверен в своей значительности, в оригинальности своей для того, чтоб *особенно и надолго* смущаться некоторыми неожиданностями [1].

Неожиданности [являлись внезапно, как [это] им и следовало] *были маленькие и большие*. К маленьким он отнес настроение печали [и какой-то непонятной ему утраты], настроение, которое довело его до слез в Пасхальную ночь. [Сюда же] [2] относился и такой случай: [как-то] [3] он плохо спал ночью, [а] к утру крепко [за‹снул›] уснул, проспал долго, а когда пошел умываться, ванная оказалась запертой.

---

[1] *Текст*: Варвара смотрела (стр. 533) ∾ неожиданностями.— *перечеркнут синим карандашом*.

[2] *Слово ошибочно зачеркнуто*.

[3] *Возле этих слов, на полях, синим карандашом запись*: К роману Вар‹вары› — *разметка, сделанная при работе над следующей редакцией*.

— Отопри, Варя,— [сказал] *попросил* он, но жена не ответила; [а] Клим подергал [стул] *дверь* [и пс‹шел›] и пошел в кухню, сообразив, что жена, должно быть, там, а [дверь заперлась] [задвижка двери заперлась] *крючок двери заскочил в кольцо* [сама] сам собою. Надо взять нож, просунуть его в щель между косяком и дверью и приподнять крючок. Но в кухне никого не было, он [взял нож и] [пошел в] обошел комнаты, [но] *и* в коридоре [увидал] [1] Варвару, она шла из ванны, в капоте, [с растрепанной прической] растрепанная [красная].

— Что ты? — крикнула она, [остановясь] прислоняясь к стене и *крепко* обняв [себя] грудь свою руками, а колени ее высунулись вперед, [как] как будто она хотела сесть на пол. [Он видел] *Ему показалось, что когда он, с ножом в руке, подошел к ней*, жена побледнела, рот ее приоткрыт [для крика] и зеленоватые глаза [округлясь] налиты страхом.

— Да — что ты? — тихо повторила она, [все крепче прижимая руки ко груди] [В следующую минуту всё объяснилось очень просто] *прижимаясь к стене спиною, тогда как ноги ее подгибались. Клим* [*испуган‹ный›*] *удивленный до испуга, бросил нож на подзеркальник, обнял жену и увел ее в столовую. Там все объяснилось очень просто*: Варвара пошла мыться, но, оказалось, что кран заело, она долго возилась, пытаясь повернуть его, [устала, рассердилась] прилегла на кушетку и задремала.

— Я стучал!

— Да, но [мне] я думала: это — во сне. Потом, конечно, проснулась и — вдруг ты, *растрепанный*, с ножом в руке!

Она [засмеялась] *смеялась* негромко, нервным смехом [негромко] [взяла] [и взяв его под руку и ув‹ела›], *прижавшись* к нему, [увела в [ком‹наты›] столовую] продолжая *многословно* рассказывать о кране.

— Это уж не первый раз. Я говорила Анфимьевне, но она все забывает пригласить слесаря.

[Самгин пошел мыться] Самгин, усмехаясь, спросил:

— [Что ж] Ты вообразила, что я хочу зарезать тебя? За что же?

И пошел мыться. Но, проходя мимо комнаты, где работал письмоводитель, он вдруг, повинуясь какому-то толчку изнутри, [отк‹рыл›] тихонько открыл дверь,— Кумов стоял [спиною] у окна спиною к двери, держась руками за голову.[2]

---

[1] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

[2] *Текст*: Но в кухне ∾ за голову.— *перечеркнут синим карандашом.*

«Не может быть» — подумал Самгин и спросил: — Вы давно пришли?

л. 88 — Да,— сказал Кумов, оглянувшись на него и не отнимая рук от головы. Он улыбался очень глупой улыбкой, *расширившей стиснутое лицо его, и казалось, что от этой улыбки синие глаза его тают.*

«Нет, не может быть!» — мысленно повторил Клим.— Что у вас — голова болит?

Опустив руки и всё еще улыбаясь, [тот] *Кумов* ответил:

— Нет, не болит.

— Что же вы не работаете?

— Я? Сейчас...

Кумов сел к столу и зашуршал бумагами, а Самгин прошел в ванную, сел на кушетку и задумался, свивая полотенце [в] жгутом:

«Ерунда. Не может быть! У нее нет причин изменять. И — с этим полуидиотом?»

[*Вообще невоз⟨можно⟩*] [*Невозможно было*] *Нет, он не мог допустить, что Варвара* [*изменяет*] [*способна изменить*] *изменяет ему* [*и*]. *Испуг свой она объяснила вполне правдоподобно. А Кумова он не впервые видел в таком состоянии* [*немого и полуумного восторга, письмоводитель страдал припадками*].

л.88-1 Письмоводитель страдал припадками [немо⟨го⟩] полуумного восторга, [словесными судорогами] они овладевали им почти каждый раз, когда он говорил о мире. [Он] [Это начиналось] *Припадки начинались* с того, что он вдруг, *иногда* посреди фразы, задыхался, *вставал* и делая *руками* против груди своей нелепый жест, как бы раскрывая дверцы шкафа, говорил очень тихо:

— [Поймите] Мир [Все] — одна душа! Все люди — [воплощение одной души. Она стремится к совершенной гармонии. Она — реальность, только она!] *одна душа.*

[Затем Ку⟨мов⟩] [И затем] Затем Кумовым овладевали *словесные* судороги [слов] и в хаосе их уже ничего нельзя было понять [чувствовалось только, что этот юноша горит радостью, детски ясной, но не в силах зажечь ею других. [Хотя он смотрел] [*Это не мешало ему смотреть* на всех людей глазами ребенка] [Клим сказал] Сомова небрежно и очень верно сказала:

— Его когда-нибудь на улице лошади задавят.]

[Его] Привычка говорить стоя — не выгодна для него, показывая во весь рост тощую фигуру свою, он [как-то]

ее нелепостью подчеркивает [ничтожество сво⟨е⟩] и нелепицу [сво⟨их⟩ слов] своих слов.

— Но какие нежные глаза у него, когда он говорит о мировой душе,— заметила Варвара. А Сомова, относясь ко всем мужчинам с повышенным *и даже несколько смешным* интересом, обходила письмоводителя осторожно, точно он был стеклянный.

— До чего беззащитен [этот]! — говорила она с небрежной гримаской.— Его когда-нибудь мыши съедят [1].

[Но все же] [Все-таки] Успокоив себя, Самгин все-таки решил [быть настороже и] при первом удобном случае [вы⟨гнать?⟩] отказать Кумову в работе, но скоро убедился, что в этом нет надобности: Варвара относилась к письмоводителю с той небрежной ласковостью, с какой не относятся к любовнику. И она, конечно, не та женщина, которая может отдаваться из жалости, как будто бы *делают* [*некоторые*] *иные женщины*.

Большой неожиданностью явилось для Самгина его собственное поведение во время одной [из студенческих] *студенческой* демонстрации. [Это было в разгар студенческого движения, когда на всех вечеринках и литературных вечерах читались аллегорические стихи [толстой] поэтессы Галиной «Лес рубят. Молодой, зеленый, [пышный] *стройный* лес!», а Лев Толстой угрюмо сказал «Проломили в заборе щель и хотят протащить в нее всю жизнь.»] [*Лев Толстой сказал что-то угрюмое о проломанной в заборе маленькой дыре, сквозь которую пытаются протащить все* [*важн⟨ые⟩*] *большие вопросы жизни.*]

[На литературных вечерах читались аллегорические стихи поэтессы Галиной: «Лес рубят. Молодой, зеленый, стройный лес», а Сомова, бегая по Москве, читала [везде] *Климу* письмо Кутузова, присланное им из ссылки; в письме была фраза, особенно радовавшая ее].

[Он ш⟨ел⟩] Идя в Кремль, он вышел на Никитскую улицу и увидал, что конец ее туго забит людями.

— Студентов загоняют в манеж,— объяснил ему какой-то спокойный человек [тоже] с [портфелем] *палкой* в руке и [собакой] *оскалившим зубы* бульдогом на цепочке. Потом, шагая в ногу с Климом, [угрю⟨мо⟩] прибавил:

— Обыкновенная история.

---

[1] *Текст*: Письмоводитель страдал ∾ мыши съедят.— *вставка на отдельном листе, с пагинацией 88-I*.

[Встречу Самгину] Самгин вспомнил письмо, недавно полученное Сомовой от Кутузова из ссылки [1]:

[«Напрасно, голубица моя, сокрушаетесь»,— писал Кутузов [напрасно]]

«Напрасно, голубица моя, сокрушаетесь,— писал Кутузов.— Разумеется,— Толстой прав: студенческое движение — щель, сквозь которую большие дела никак не пролезут, сколь бы усердно не пытались протиснуть их г.г. либералы. Однако и юношеское буйство, и умиротворяющая деятельность господина Зубатова, и многое другое,— всё это, *конечно*, ручейки незначительные, но следует помнить, что маленькие речушки, вытекая из болот, создали Волгу, Днепр и другие, весьма мощные реки. То, что совершается в университетах, не бесполезно для фабрик. Беспокоитесь вы, голубица, не в ту сторону».

Выход из улицы на площадь, к манежу, был прегражден спинами полицейских, плотно, *плечом в плечо*, составленные одна к другой, [плечом в плечо] они образовали черную стену, а головы солдат, крепко посаженные на красных шеях, были зубцами стены. За этой стеною, на площади, группа студентов, человек полсотни, отчаянно и нестройно кричала «Нагаечку»,— песню, которую Самгин находил пошлой и унижающей студенчество. Но песня эта узнавалась только по ритму, слов ее не было слышно сквозь крики и свист. К поющей группе полицейские подгоняли, подталкивали с Моховой улицы еще и еще студентов, и группа быстро разрасталась [большим темно-зеленым пятном] *в большое темно-зеленое пятно*, в него *обильно* вкраплены возбужденные лица, с открытыми ртами, [но] это возбуждение [казалось] *показалось* Самгину не гневным, а веселым и озорниковатым.

В годы своего студенчества Самгин мудро и удачно избегал участия в уличных демонстрациях, но раза два он изда-
л.88-2 ли видел, как полиция разгоняла демонстрантов, и вынес [2] впечатление, что это делалось грубо, отвратительно. Рассказы очевидцев и участников [демон⟨страций⟩] столкновений полиции со студентами укрепляли это его впечатление. Но сейчас он видел, что полицейские действуют вовсе не грубо и не злобно, а механически, как делается дело бесплод-

---

[1] *Текст*: [Он ш⟨ел⟩] Идя в Кремль ∾ из ссылки — *вставка на отдельном листе, перечеркнутая синим карандашом.*

[2] *Текст*: «Напрасно, голубица ∾ и вынес — *перечеркнут синим карандашом.*

ное и надоевшее. *Было что-то очень глупое в том, как черные солдаты сбивают, стискивают единицы в большое, плотное тело, уже истерически и грозно ревущее, сбивают и медленно катят этот темно-зеленый ком в широко открытую пасть ворот манежа.*

«Вот в этом случае Диомидов прав,— нужно разъединять...»

«Лес рубят. Молодой, зеленый, стройный лес»,— процитировал кто-то сзади Самгина и шумно вздохнул. Популярное стихотворение поэтессы Галиной Клим не выносил, находя его фальшивым и пошлым.

«Конечно, полиция предпочла бы избивать, [— подумал он] как это было в Петербурге,— подумал он.— Но этого нет. [Студенты [толкаются] толкают солдат чаще, чем солдаты их. И совершенно напрасно студенты]» Он видел, что возбуждение студенчества растет, [и у] а насмешливое отношение [их] зрителей к полиции становится все более резким, угрюмым.

⟨88-3⟩[1] И когда [щегольски] близко к нему подошел помощник пристава, толстый, [спеленатый] *связанный* ремнями [и], лицом очень похожий на [портрет] редактора газеты «Наш край», Самгин попросил пропустить его.

— Мне нужно в Кремль, очень спешно, в суд!

Полицейский посмотрел на него и равнодушно сказал, указывая пальцем на Кремль или на манеж:

— Пожалуйста.

Самгин [постучал] *раздвинул* портфейлем сросшиеся плечи солдат, быстро [шагну⟨л⟩] сделал несколько шагов в шум [и], свист, [пень⟨е⟩] и тотчас попал в группу студентов, которых полиция подгоняла от университета. Через минуту он был [втиснут] *затискан* в [центр толпы] *толпу* зеленых шинелей, [веселую толпу] она, покачиваясь *и* распевая, смеясь и возмущенно крича, медленно двигалась [к широкой пасти ворот] [*в широкую пасть* ворот] *к воротам* манежа *и многие уже были втиснуты туда*. Розовощный *остроносый* мальчик без фуражки на светлых, встрепанных волосах [остроносый] заглянул под очки Самгина и крикнул:

— Коллеги! Среди нас агент охранки!...

Но другой голос над ухом Клима густо сказал:

— [Ерунда!] Здравствуйте, Клим Иванович!

---

[1] ХПГ-23-1-3, № 59892.

[Говорил] *Здоровался* огромный парень с рыжеватыми усами на широком лице, с добрейшей улыбкой в темных глазах.

— Как это вы затесались? Пожалуй,— лишний вы *в этой игре*, *а*? Нуте-ка...

Студент стал расталкивать товарищей *локтями и* плечом, очищая дорогу Климу, он делал это удивительно легко, [раздвигая] раздвигал людей, точно ветер траву. Самгин [вспомнил, что это какой-то дальний родственник его патрона, сибиряк] *не мог вспомнить*, *где он встречал этого человека*, *но* [*вспомнил*] *кажется именно* [*он*] *этим* густым голосом, сильно подчеркивающим о, была сказана памятная фраза:

— По-моему, экономический материализм — теория, унижающая человека.

Когда студент вывел его из толпы, и Самгин попробовал отойти в сторону, [на него бросились двое полицейских и маленький ст‹удент›] *тщедушный* человечек в сером пальто, *в шапке*, *надвинутой на глаза*, *тонко взвизгнул*, *схватив Клима за портфейль*:

— Не [отпускайте] *пускайте*! Держите этого.

— Почему? — спросил студент.

— Не ваше дело.

— Почему? — повторил студент [и, схватив], *взял* человечка за ворот, встряхнул его так, что с того слетела шапка, *открыв маленькое кошачье лицо.*

Испуганный возможностью скандала, Самгин крикнул:

— Оставьте его!

Но студент всё встряхивал человека в сером, спрашивая густо и спокойно:

— Почему, а?

[Клима уже схватил за локоть и за портфейль] *Самгина держал за локти* полицейский солдат и, вытаращив глаза, молча смотрел в его лицо, [а за спиною Клима] Клим слышал, что за спиною его дерутся, покрякивая и взвизгивая, наносят удары, кто-то упал, подкатился под ноги [к нему] *его* и, [схват‹ив›] дернув за полу пальто, едва не свалил с ног. Пронзительно свистел свисток, кто-то крепко ругался, большой студент оторвал полицейского от Клима [*и*], *пинком ноги* бросил его на землю и крикнул:

— Эй вы, чин!

Толстый помощник пристава подбежал, но, остановясь шагах в двух от студента, закричал [пискливо] *хрипло*:

— Стыдно-с драться! А вы, господин...

И вдруг Клим не своим голосом [и не своими словами заговорил] *тоже закричал*:

— Молчать! Что вы делаете? Вы понимаете,— что вы делаете?

Говорил он, как пьяный, не отдавая себе отчета в словах, чувствуя, что его теснят и [что] вокруг его стало тише. *У него тряслись ноги, и голос его звучал где-то высоко в горле* [1].

л. 89 Кто-то рявкнул, точно ударив его ладонью по уху:

— Браво!

А маленький *остроносый* студентик неистово хлопал ладонями, взмахнув руки на уровень лица Клима, хлопал и, задыхаясь, покраснев от натуги, кричал:

— Всероссий-ский протест! Долой Иродов... Временные правила — до-олой!

Снова начали драться. Тогда [бородатый] *широколицый* человек в черном мохнатом пальто *сорвал с головы Самгина шляпу, но тотчас же покрыл голову чем-то очень теплым и мягким*, вырвал из руки [Самгина] *его* портфейль [сорвал с н⟨его?⟩, выт⟨ащил⟩] и, схватив за руку, потащил за собою, всхрапывая:

— Скорее, скорей...

Он вломился в толпу зрителей, необыкновенно ловко поставил Клима впереди себя, толкая его в спину и плечи, прижал к [стене] *двери* книжного магазина, а затем протащил вдоль стены с такою силой, что у Самгина разорвался карман пальто, зацепившийся за что-то. Самгин почти упал в сани извозчика, человек сел рядом с ним и забормотал, оглядываясь, сморщив скуластое [лицо] *и* как будто знакомое лицо.

— Ну, ничего. Благополучно. Подлецы.

Он сунул портфейль на колени Клима, подал ему шляпу, снял шапку с головы его, и, надев ее на свою, сказал:

— Всех благ! [В случае чего — Савва Морозов.]

И, указав кивком головы на извозчика, посоветовал:

— Перемените.

Он выпрыгнул из саней на бегу лошади [и Клим] и поспешно побежал назад, сунув руки в карманы.

— Побили? — спросил извозчик, оборотясь к Самгину [и], показывая ему мохнатое лицо, расширенное улыбкой.— Всех бьют студентишки...

---

[1] *Текст*: И когда [щегольски] близко к нему (стр. 540) ∾ в горле — *перечеркнут синим карандашом.*

На Театральной площади Клим остановил его, сунул полтинник и пошел пешком, чувствуя себя [совершенно разбитым] *внутренно* измятым и не способным разобраться в обрывках мыслей.

«Что это — Савва Морозов? [Второй] Тоже Лютов? Что я говорил там? И этот большой студент... [Дурак!] Идиот! Он и начал драку».

Всего более и удивляло, и пугало его то, что он не мог вспомнить слов своей речи, не мог определить, насколько резка была она. [У него] [*В нем* все более настойчиво слагалось впеча⟨тление⟩] Память подсказывала, что [говори⟨л⟩] кричал он не своим голосом, и намекала, что кричал [чужие] *не свои* слова. [Это всего более угнетало.] Он [раздраженно] упрекнул себя:

«Припадок истерии [что ли]».

[Придя] Дома он разбито свалился на диван, сняв очки [и], закрыв глаза и чувствуя, что никак не может примириться с собою.

«Вот прыжок! Точно мальчишка первокурсник. [Удивительно...]».

Варвара куда-то ушла, в квартире [сто⟨яла?⟩] было напряженно тихо, но эта тишина не помогала Самгину разобраться в себе, и он все пенял:

«Стадное чувство. Магнетизм толпы».

Он уже давно не делал усилий быть не таким, как все, [в нем] давно признал себя не таким, а теперь вот внезапно оказалось, что это самоощущение не прочно в нем. И чем дальше прислушивался он к себе, тем более возрастало чувство угнетения.

Но когда пришла Варвара и, взглянув на него, [беспо⟨койно⟩] спросила обеспокоенно:

— Ты — что это? Нездоров?

Он привстал на диване, взял ее за руку и, посадив рядом с собою, усмехнулся:

л. 90 [1] — Представь, что случилось со мною [2]

Клим Самгин начал рассказывать с усмешечкой, в тоне шутливом, но через несколько минут почувствовал, что он говорит [как будто не о себе, а о [некотором другом] о человеке, которого искреннее возмущение [безобразными[безо-

---

[1] ХПГ-22-1-4, № 59822.

[2] *Над текстом этой страницы автографа помета синим карандашом*: Стратонов,— *сделанная при работе над следующей редакцией.*

бразиями полиции настроило героически. Человек этот нравился ему] *как будто не о себе, а о другом человеке.* Он даже вспомнил несколько фраз гневной речи [[этого человека *1 нрзб*] [В общем], весьма картинно изобразил сцену драки, упомянул и о человеке, который помог ему ускользнуть от загона в манеж, только не назвал имени Морозова. Закончил он шуткой:

— Видишь? И я способен [оказался] на геройство...] [а от], *а из этих фраз* [*человек эффектно вырос*] [*пред ним внезапно* [*вырос образ*] *выросла личность сме*⟨*лого*⟩] *человек встал пред ним* [*очень*] *настолько картинно, что Клим, удивленный внезапным превращением, смутился и замолчал, соображая: в чем он схитрил пред собою?*

[Ласково] Гладя [его] руку его, Варвара спросила [ти⟨хо⟩ ла⟨сково⟩] тихо и тревожно:

— Тебя ударили?

— Нет.

[Он [стал] *стал* рассказывать дальше, прислушиваясь к себе. Нет, он не хитрил, в нем действительно кипел искренний гнев, теперь он хорошо помнил это. [И если б Морозов не вырвал его из толпы, он, конечно, был бы арестован, к нему предъявили бы обвинение.]

— Меня, как говорится, взорвало,— объяснил он. [Затем она] — *Я, знаешь, накричал равномерно и полиции и студентам.* Началась толкотня, кажется, меня хотели арестовать, но студенты затолкали [меня] в публику, и я благополучно ушел.

О [Морозове] *человеке, который вытащил его из* [*толпы*] *драки*, он умолчал, [поведение Морозова] *поведение этого человека* было непонятно [и неприятно] ему. Его рассказ очень взволновал жену, прижимаясь к нему, она *удивленно и тревожно* говорила:

— И это — ты? Такой сдержанный? [Ах, Клим]

Он встал, прошелся по комнате, пригладил волосы, остановясь у зеркала, и сказал, вздохнув:

— Да. В конце концов, все-таки плохо знаешь себя...

Обмахивая лицо платком, Варвара торопливо вышла из комнаты, а он *мысленно* повторил [вслух], стоя среди комнаты:

«Плохо [все-таки. Пожалуй, надо съездить поблагодарить этого Морозова. А, впрочем,— не стоит.]»

Он чувствовал себя [*беспокойно*] раздвоенным. Рассказ приподнял его и украсил, но все-таки тревожил вопрос: как

это случилось, что он потерял власть над собою. [И конечно его] И [разумеется] *наверное* сыщики заметили его, так что [это] [случай] [1] этот может иметь неприятное продолжение.

Вошла Варвара, говоря:

— Пальто разорвано и выпачкано в какой-то желтой известке [в краске]... Ах, милый Клим...— Она нежно обняла его, *прижалась щекою к его груди*, а Самгин подумал, морщась:

«Что ж это она пальто осматривала,— не верит мне?»

Но нежность Варвары, нежность, в которой [чувствовалось] он чувствовал удивление пред ним, успокоила его.

[Недели две, три] С месяц Самгин прожил, недоверчиво присматриваясь [и], прислушиваясь к себе [2] [и чувствуя, что в нем зарождаются *новые* мысли, [которые] [требующие] [они требуют] и — успокоился]. Он снова ездил по [стра⟨не⟩] делам патрона, ходил к знакомым, солидно молчал, внушительно говорил крепко склеенные афоризмы, умело вставлял их между да и нет, *изредка* писал в сдержанном тоне [рецензии] для «Нашего края» [и других газет] и либеральных газет Москвы о [новых кни⟨гах⟩] *новой* беллетристике, и вообще жизнь его пошла по накатанной колее.

Но выстрел Карповича заставил его, *как и многих*, [очень] *снова тревожно* задуматься [В кружке Прейса, уже видного адвоката, особенно неистовствовала], и особенно возросла тревога после встречи со Стратоновым в купе вагона по дороге в [Нижний Новгород] *Владимир*. Стратонов [похо⟨жий⟩] [одетый в костюм, который делал его похожим больше на *путешествующего* иностранца, чем на русского помощника присяжного поверенного, [ехал и тоже не сразу] наскочил на Клима так неистово и грубо, как будто давно ждал человека, с которым можно [бы] поссориться.] *влез в купе ночью на одной из станций, разбудил Клима своей бесцеремонной возней и, узнав его, тотчас же [наго⟨ворил⟩] заговорил с ним, как с человеком, с которым он хотел бы поссориться.*

— Слышали, батя? Какой-то идиот стрелял в Победоносцева. В окно *с улицы* стрелял, черт его побери [истерика]!

И, рассказав о покушении Лаговского, он почти закричал:

— Вот она народническая чепуха: «Герои и толпа», «Вольница и подвижники» и прочее романическое сумасброд-

---

[1] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

[2] *Текст*: Представь, что случилось (стр. 543) ∾ к себе — *перечеркнут синим карандашом.*

ство! Видите? Отрава! Да, да — отрава! А мы — хлопаем глазами.

[Была ночь. Дождь] [*Грохотал поезд*] [*Грохотали колеса и цепи, взвизгивали рельсы, вагон качало*] *Весенний дождь яростно* хлестал в окно, *за окном*, сквозь мокрую тьму, летели *злые* огни [*фабрик*], освещая *на миг* черные кучи деревьев *и* крыши, похожие на крышки огромных гробов. [Потом, как-то вдруг, выкатилась в небо золотым мячом луна, *шум поезда стал громче*, огни деревень и станций [ста⟨ли⟩] побледнели, стали скромнее, а деревья [св⟨еркнули?⟩] засверкали [золотой] золотистой пылью.]

Тяжко проплывали [*во тьме*] *стены фабрик*, [*оскалив*] *десятки красных окон, оскаленных, как зубы, сердито дрожали во тьме и казалось, что* [*они дают* [*ка⟨кой-то?⟩*] [*в с⟨вой⟩*] *в шум поезда, убегающего от них, свой*] *это от них в шум поезда вторгается лязгающий звук* [1].

— Нет, батя,— кричал Стратонов, [покраснев] раскаляясь и расстегиваясь,— нам пора объявить беспощаднейшую войну этим социалистам от мещанства, недоучкам, лирическим болтунам и пошехонцам. Именно: пошехонцы и мещане. Утописты. Не угодно ли? Террор [в XX веке], а? *Из пистолетов в окна с улицы стрелять, а?* Ведь это же черт знает какая наивность! Ведь они такую реакцию воскресят — задохнемся! [Уже один раз испортили игру, черт их побери... Есл⟨и⟩].— Стянув с себя тужурку, расстегивая [бо⟨тинки⟩] пуговицы ботинок, он [кри⟨чал⟩], согнувшись, [кричал в пол] [он говорил] *бормотал*:

— Уже один раз испортили игру, черт их возьми! Если б не это идиотское *убийство* первое первого марта, мы бы теперь держали Европу за горло, мы бы царили на Дальнем Востоке...

Говорил он не мрачно и не озлобленно, а как человек, хотя и рассерженный, но хорошо знающий, как надобно исправить чужие ошибки и готовый немедля взяться за это. [Он заставил Клима подумать] *Раньше он был неприятен Самгину* [но те⟨перь⟩ даже] *и казался глупым, но теперь заставил его подумать* [2]:

---

[1] *После*: звук — *знак вставки и помета*: Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует*.

[2] *Возле этой фразы, здесь же на полях,— скорописная запись, не включенная в текст*: После нескольких встреч у Прейса Самгин оценил Стратонова как человка самонад⟨еянного⟩ и не ум-

«Вот новый русский человек».

[И чем более развертывался пред ним Стратонов, тем более] Чем более внимательно [осматрива‹л›] [при‹сматривался?›] [смотрел и] слушал он речи Стратонова, тем яснее видел, что не поторопился: да, несомненно, это — новый человек. В нем счастливо соединялась энергия Варавки с национальным чувством историка Козлова и спокойным оптимизмом Митрофанова, человека уверенного, что всё будет хорошо. Недавно Митрофанов образным языком своим сказал [очень уж] по поводу студенческих волнений:

— Ничего! Это — кожа зудит, а внутренность у нас здоровая, слава богу! Возьмите, *например*, гречневую кашу: когда [ее варят] *она варится, кипит*, легкое зерно всплывает вверх, а потом из этого зерна образуется эдакая вкусная корочка, с хрустом.

[*Разде‹вался›*] *Стратонов раздевался, не торопясь, развешивал одежду аккуратно, как, наверное, делал он у себя в спальной, и все порицал народников, но уже мягче, не так грубо. Он явно щеголял уверенностью своих движений, игрой мускулатуры, здоровьем холеного тела.*

Дождь *вдруг* перестал мыть [стекло] окно, в небо выкатилась золотым мечом луна, огни станций и фабрик стали скромнее, побледнели, на деревьях засверкала золотая пыль, а стекло окна казалось обрызганным [кап‹лями›] живыми каплями ртути. Темные [деревни] *избы деревень*, покорно прижавшись к земле, скользили по ней, точно барки по реке, за деревнями густо двигались леса.

Стратонов, в полосатой фуфайке жокея, в шелковых
л. 91 кальсонах, сидел [с ногами] на диване, наклонив кудлатую голову, [над] и доставал из чемодана различные свертки.

— Хотите, батя, перекусить на сон грядущий? Я без этого — не могу, привычка! Я, знаете, провел четверо суток с дамой, так и то, *ночами*, среди сладостных трудов любви, нет-нет да и [закушу] скушаю чего-нибудь. Извини, говорю, [ма] ma cher, привычка!

Он налил из черной бутылки в серебряную стопку очень пахучей жидкости [и про‹глотил›].

—Нате-ко, проглотите! Смешная штука, вроде рассказов Марка Твена.

ного, но теперь он вдруг подумал, что может быть вот такие люди и нужны в России.

И приятно, конечно, что авт‹ор?› сочувствует ч‹елове›ку, над кот‹орым› издев‹аются› за то, что он любит порядок.

Клим выпил и задохнулся, открыл рот, а Стратонов, смеясь, [ска⟨зал⟩] спросил:

— Что — яд?

И с гордостью сказал:

— Это мой дядя изобрел.

[Затем он] *Выпил сам и*, обкусывая мясо с ножки индейки, продолжал:

— Твена — любите? Изумителен. Никто не может возбудить такого здорового смеха. Да-с, батя,— вздохнул он, вытирая пальцы салфеткой,— у людей Твен, а у нас Чехов. Тоже пытается смешить, а — несмешно. «Унтер Пришибеев» — что же тут смешного? Это очень грустно, Пришибеев. Спим?

Он опрокинулся на спину, закрылся одеялом, зевнул и сказал:

— А вот русский социализм, это — смешно! Это — уморительно. Социализм и — мужик, а? Черти...

А через минуту Стратонов вкусно всхрапнул раза два и замолчал [Окно вагона] [*Земля за окном волнообразно поднималась* [*и*], *опускалась*, [*окно*] *сквозь промытый дождем и уже розоватый воздух*] [*а*], *одеяло на груди его* [*тож⟨е⟩*] *волнообразно* [*подниматься и опускаться*] *поднималось и опускалось, как земля за окном. Окно* то срезало вершины деревьев, то резало их под корень. Деревья [взмахивали], взмахивая ветвями, бежали прочь. Грохот поезда стал [слышнее] сильнее после того, как Стратонов уснул. Клим посматривал на его крупный вздернутый нос и [пытался представить себе этого человека в разных положениях: с на⟨чальством⟩? держится] *представлял: этот человек в толпе*, [с] *пред* его начальством, с женщиной? [Во] *И во* всех позициях он видел [его грубоватым] *Стратонова* побеждающим своим простодушием [*Этот не потеряет*], *неспособным потерять власть над собою*, [*не заговорит*] *командующим.*

— [Да] Вот такими [*как этот и*] должны быть русские [люди] интеллигенты.

Против обыкновения своего он не хотел искать недостатков в этом человеке, даже [*наоборот*] *чувствовал желание украсить* [*его*] *Стратонова какими-то достоинствами и пожалел, что мало знает его.*

Он долго не мог уснуть, все смотрел в окно на быстро текущую землю, а земля уносила [куда-то] [на рассвет] *сквозь промытый дождем и уже розоватый воздух* деревни, будки сторожей, леса, фабрики. Потом, не раздеваясь, прилег, а через

несколько минут, как ему показалось, Стратонов разбудил его:

— Пора, батенька, скоро Нижний; давайте хлебнем кофе, у меня отличный термос.

Он уже был одет, вымыт, его темные волосы влажно лоснились, круглое лицо побрито и напудрено.

— Вы, кажется, редко бываете у Прейса? Я — тоже несколько устал от этой компании,— говорил он, разливая кофе в стаканы.— И затем, знаете, «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» — это между нами, конечно! Нам следует твердо стать поперек пути грешников, это — да! Возьмите бисквитов... Прейс — умница,— продолжал он, наморщив нос.— Очень знающий. Но — на первом плане у него, все-таки, судьба Израиля. И первое, чего потребуют Прейсы при конституции,— долой черту оседлости. [Понимаете?] Я, разумеется, не антисемит, но я вижу русского провинциала, увольня, лентяя, [с неразвитыми культурными потребностями, и ловкого еврея, всегда — очень тонкую бестию. Вывод ясен и не в нашу пользу. А я — русский и, как таковой...] *а против него — ловкого еврея.*

Вагон *сильно* качнуло. Стратонов плеснул кофе из стакана на колени себе, [ярко] *на светло-серые брюки*; вспыхнул и *четко* выругался трехэтажным матерным словом.

— Надо переодеться,— сокрушенно [сказал] *вздохнул* он, попробовав стереть пятно платком, выплеснул кофе [в плевательницу] *за окно и* пробормотал:

— Гнусненький пейзаж. И город этот, Нижний, тоже — дрянной город. Населен плохо обрусевшей мордвой,— сердито ворчал он, открывая чемодан.— Местные воротилы, денежные люди — [Башкировы, Блиновы, Бугровы] *бестолковая* мордва. Их надобно учить, совать носом в настоящее дело...

Надев другие брюки, он похлопал себя по крепким ляжкам и успокоился. Тогда Самгин сказал: [1]

— Вот вчера вы говорили о народниках...

— Да?

— Они сорганизовались в партию, социал-демократы — тоже, а люди ваших взглядов... [2].

---

[1] *Возле этих слов, на полях, запись, не введенная в текст*: Он знает, его повесят.

[2] *Возле этих слов и ниже, на полях, запись, не введенная в текст*: Они, батя, организуются ограниченными людями, партии. Люди эти ставят пред собою конечные цели, а это — глупо, смысл

— Что такое — партии? — прервал его Стратонов, вытянул руку, дунул на ладонь и сказал: — Вот вам — партии. В одной — тридцать мальчиков, в другой, допустим, тоже тридцать. Партии! Вы где остановитесь?

Клим в тот же день должен был ехать за Волгу [в г. Семенов].

— Жалею, — сказал Стратонов.— Вечером мы бы с вами позабавились. Ну, всего доброго.

[Клим] *Самгин* простился с ним сухо, даже пренебрежительно, [его⟨?⟩] *своим* отношением [Стратонова] к партиям [опрокинуло] Стратонов *совершенно* опрокинул себя в его глазах. Клим хорошо знал, что революционные партии — не [тум⟨ан?⟩] пыль, что они растут, и самонадеянность Стратонова показалась ему такой же глупой, как глуп был его жест. Вчерашняя оценка достоинств Стратонова и рассердила, и сконфузила его...

«Трудно представить, что этот парень учился в университете, читал книги,— думал Клим, подпрыгивая [на] в разбитой пролетке, с треском катившейся по булыжной мостовой мимо приземистых зданий ярмарки.— *Нет, не такие, как он, необходимы России.* Тороплюсь я. Почему я так тороплюсь с оценками людей? О бесконечном движении он у Бернштейна взял: «Конечная цель — ничто, движение — всё».

С некоторого времени Клим Самгин начал замечать, что знакомые смотрят на него вопросительно и ожидающе. Гусаров даже в упор спросил его:

— В конце концов, как же вы полагаете: возможно примирение марксистов с народниками?

Суслов, вдруг помолодевший, тоже навязчиво приставал:

— Итак, что ж террор — допустим или нет?

Пришлось очень много [сказать] *говорить* для того, чтоб не ответить на [этот вопрос] *эти вопросы* определенно [1]. *Помогло и то, что Клим чувствовал: сам Гусаров уже не верит в примирение и склоняется к марксистам.*

А Сомова, становясь все более озабоченной и бойкой, крикливой и грубой, [ска⟨зала?⟩] удивленно заметила ему при жене и Кумове:

жизни в бесконечном [разви⟨тии⟩] движении, да-с? Так учит теория эволюции,— сказал он, подкручивая кончики усов.

[1] *Первоначально последние фразы шли в иной последовательности:* Пришлось очень много [сказать] говорить ∾ эти вопросы определенно. Суслов, вдруг помолодевший ∾ допустим или нет?

— Да ты, Клим, глупеешь, честное слово! Ты [удивительно] *невозможно* путанно говоришь.

Она ввела к Самгиным свою подругу, [ту] знакомую Лютова, женщину с неохотной улыбкой, и эта женщина незаметно, как Митрофанов, *тоже почти* прижилась у Самгиных. [Называла она себя Марией Ивановной] Держалась *она* скромно, о революции не говорила, и *хотя* Клим был убежден, что она [нелегальная и] живет по чужому паспорту, *но сначала считал ее безопасной: она из таких, которые, случайно скомпрометировав себя в глазах полиции, механически делают какое-то маленькое дело, только потому, что [бездарны] по бездарности, [слабовольны] слабоволию не могут свернуть с тропинки, на которую их толкнули сильные люди или неудачно сложившиеся обстоятельства.* Она [служила] *сказала, что служит* конторщицей в [крупном издательстве народных] *одном из московских издательств дешевых* книг для народа, и [это] Самгин подумал, что, наверное, это правда, именно такие люди, с незаметными лицами, скромненькие и малословные, должны работать в издательствах для народа.

[Но] *Однако*, несколько раз на этом, как бы нарочно стертом лице [Марии Ивановны], в [ее] суховатых [но неясных *го-*
л. 92 *лубых* глазах Клим замечал остренький блеск, злую искру] *и точно выцветших* зрачках, Самгин несколько раз поймал [остренький блеск, подозрительные] вспышки [злого огня. И каждый раз] [*внутри голубых*] *голубого огонька*. Когда зрачки ее [вспыхивали] [*разгорались*] *вспыхивали*, белки, точно припудренные пеплом, на миг неестественно темнели, и глаза [расширяясь и] *как бы* выкатывались из глазниц, окруженных тенями. [Эти] В такие секунды [бесхарактерное] *неясное* лицо этой женщины казалось злым и скорбным [и, [возбуждая] *возбудив* любопытство Самгина, внушало ему] [и возбуждало] [и вместе с любопытством к этой женщине возбуждало подозрение к не⟨й⟩] [внушало подозре⟨ние⟩]. [Безличные] *Скромные* люди внушали Самгину [вместе с любопытством к ним] почти симпатию. Он не забывал Таню Куликову, [считая ее героиней] которая [тихо и покорно, без жалоб, *без*] самозабвенно отдала [все свои силы] всю свою *жизнь* другим и тихонько, без жалоб, растратив [себя] силы, незаметно [никого не волнуя, ско⟨нчалась⟩] *скончалась.* [Но эта женщина, тоже, несомненно, скромная] [Но Мария Ивановна не внушала симпатии, хотя была] Но хотя Самгин считал [что] Марию Ивановну тоже безличным человеком, она [не] вызывала в нем [симпатии] только

любопытство [1 *нрзб* [и чувство остор⟨ожности⟩] и осторожность], все более острое. [Присматриваясь к ней, он вспомнил слова Лидии о недурных людях, [при] [приятн⟨ых⟩] которые, однако, вызывают лишь дурные мысли, вспомнил потому, что присутствие Марии Ивановны *настойчиво* воскрешало в нем давно уже утраченную обязанность выдумывать.] Огоньки ее глаз [были подозрительны] [зажигали] [зажигая в нем [смут⟨ные⟩] смутные подозрения] заставили его подумать, что вот она [вероятно] из тех людей, о которых Лидия написала: ни хорошие, ни дурные, но вызывают только дурные чувства и мысли.

— А ведь мы давно знакомы,— [сказал] *напомнил* он ей как-то вечером, когда жена и Сомова вышли в другую комнату.

— С костюмированного вечера у Лютова, — безразлично отозвалась она.

— Нет! Раньше. Помните, вы приезжали к нему на дачу, около Воргорода?

— Ах, да...

— Вы почти не изменились с той поры.

— Разве? — спросила она, заставив себя улыбнуться.

[Заставить ее разговориться он не смог, хотя и пытался. Раз] Одетая в темное [и] гладкое платье с пуговицами от ворота до подола, в черных чулках и ботинках из замши, она казалась вдовой, недавно потерявшей мужа и все еще [не очнувшейся от горя] подавленной ⟨горем⟩ [1], а [эти] пуговицы напоминали [спину] *о спине* [ры⟨бы⟩] стерляди. Ее [неохотны⟨е⟩] насильственные улыбки [и], краткие ответы, не возбуждая желания говорить с нею [все более настойчиво и подозрительно заставляли думать о ней]. [2] С Любой Сомовой она [говорила] *была* на ты, Сомова относилась к ней заботливо *и покровительственно*, как отнеслась бы к младшей сестре, хотя Мария Ивановна была, наверное, старше ее. Но и Сомовой она улыбалась так же натужно, как всем, а заботы ее принимала [равнодушно], хотя и покорно, однако как должное.

— Что это за человек? — спросил Клим Сомову, та ответила очень подчеркнуто:

— Хороший человек [,— очень подчеркнуто ответила].

— А — подробнее?

---

[1] *В автографе незаконченная правка:* горя
[2] *Слова зачеркнуты и не заменены.*

— Очень хороший человек.

— Тебе нечего сказать?

— [А тебе не о чем спросить? — задорно сказала Сомова, но потом кратко и неохотно сказала] *Сомова была плохо настроена, она заклохтала, как раздраженная курица*:

— *Нет*, [*я не хочу потакать* [*бабье⟨му⟩*] *твоему любопытству*] *мне надоело твое любопытство. Ты расспрашиваешь обо всех, точно для некрологов.*

Но умиротворенная смехом Варвары она рассказала: Марья Ивановна Нилова — ее постоянное имя, она дочь [небогатого] помещика *Нилова*, [имеет звание домашней на] [кончила гимназию, но права заниматься педагогическим] *бывшего морским офицером*, была арестована, когда училась в седьмом классе гимназии, [*десять*] *несколько месяцев сидела в тюрьме*, [*потом* [*бы⟨ла⟩*] *ее отдали на поруки отца*] с отцом, *пьяницей и калекой*, в ссоре, *был у нее жених* [у нее], *но* умер в ссылке.

— Вот и всё. Весьма обычно, как видишь.

Варвара относилась к новой знакомой [очень] приветливо и мягко, а на вопрос Клима ответила, подумав:

— Что мне [в ней] нравится в ней? [Не знаю. Чувствую] Что-то темненькое, [таинственное] *загадочное*, какие-то свои мысли... [Такие, знаешь] бережно хранимые и — только для себя. [Меня интересуют [такие] *люди*, запертые [люди] в себе самих.] [*Меня вообще, ты знаешь, интересуют коробочки с секретом.*]

Самгин благосклонно улыбнулся ей, [*он*] *находя, что Варвара* [*все бо⟨льше⟩*] *умнеет, становится интересней. Она давно уже перестала собирать портреты знаменитостей.*

— *Что это? — спросил Клим.— У тебя* [*исчез*] *пропал интерес к героям?*

— [Героев стано⟨вится⟩] *Их становится так много*,— [*объяснила она*] [*и живо*] *объяснила она.— Это — странно: мальчики свирепо отрицают героизм, а сами свирепо геройствуют. В этом есть даже что-то древнехристианское: их — бьют, а они восхваляют «Нагаечку».*

[*Она, действительно, начала* [*собирать какие-то*] *покупать шкатулки с секретными замками, табакерки* [*с фокусами*]]

Сознание своего превосходства над людями [вна⟨чале?⟩] иногда возвышалось у Самгина до желания быть великодушным с ними. В такие минуты он пытался говорить с Ниловой *очень* ласково, но и этим не мог вызвать ее на откровенность.

— Вы давно знакомы с Лютовым?

— Встречала [его] еще студентом.

— Что вы о нем думаете?

— Я ведь мало знаю его.

— Мне кажется, что [он да] он революционер от скуки.— [Глаза Ниловой вспыхнули, но она, тотчас опустив] *Нилова опустила* голову и [*спросила*][1], перелистывая книжку журнала [спросила]:

— Вы думаете — это возможно?

— Думаю. А — вы?

— По-моему, революционер прежде всего добрый человек,— сказала Нилова, взглянув на него через книгу.

— Добрый человек, возбуждающий вражду и ненависть?

Глаза Ниловой вспыхнули, она медленно растянула губы и улыбку.

— Да́, это — противоречие, но ведь и святые ненавидели.

Клим вспомнил афоризм Томилина:

— Может быть именно ненависть, возвышенная до безумия, и создает истину.

Его собеседница, ослепленно [мигнула и провела] *мигнув и проведя* по губам кончиком языка, отозвалась не сразу.

— Да, Христос тоже ненавидел.

— Вот видите.

— Но это не относится к людям науки,— сказала Нилова, [как будто] *не то* — вопросительно, не то —утверждая.

— [А вы очень верите в науку?] *Вы верите, что действительно наука бесстрастна?— спросил Клим, несколько удивленный тоном ее слов.*

— Ведь [это] ученые...— [сказа⟨ла⟩] начала она, *хлопая книгой*, и остановилась, вздохнув [пристально глядя в лицо Клима сухими глазами].

— Что ученые?

— Освещают пути... к прогрессу,— закончила Нилова.

Темненькая, [полная, довольно стройная] *она сидела в такой напряженной позе*, как будто [давно] уже решила встать и уйти [и сидит только из вежливости]. Рука ее нетерпеливо открывала и закрывала книгу, лежавшую на коленях. [Среднего роста] Гладкое платье хорошо очерчивало ее аккуратную фигуру, покатые плечи, невысокую грудь, бедра и колени. [*Лицо ее, правильное и неподвижное*, [*бы⟨ло⟩*] [*могло*

---

[1] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

показаться] *казалось*] *Черты лица ее* [*были*] *правильны, и лицо было бы красивым, не будь оно так натянуто и неподвижно.*

— Ваши, должно быть, не скоро придут? — спросила она.

— Моя — только одна,— сказал Клим, усмехаясь.

— [Я знаю. Но] Люба у вас как сестра,— *спокойно напомнила Нилова.* Самгин никогда не думал, что эта женщина глупа, [и] хитрой она тоже не казалась [Но [было] *он подозревал* в ней что-то *интересно* запутанное, и это подозрение, чем дальше, тем более, разжигало его любопытство] «[Инт<eресно>] Как она держится со своим любовником? Любовник у нее, наверное, есть»,— соображал он, закурив папиросу и почти с досадой чувствовал, что интерес его [тяготение] к этой женщине [возрастает] [*принимает*], *возрастая, становится тягостным и даже тревожным* [1].

[А жизнь развертывалась все быстрей, обнаруживая назревшие в глубине ее взрывы накопленного гнева. Вспыхнули крестьянские беспорядки на юге [и среди].

— Вот вам он, настоящий рабочий вопрос,— [гордо] сказал [Су<слов>] маленький Суслов, гордо сверкая черными глазками.— Это — крестьянский вопрос, *вопрос деревни,*
л. 93 *земли* и — только! — прибавил он.

Покушение Алларт на *убийство* Трепова прошло почти незаметно, но неудачный выстрел Кочуры в харьковского губернатора, выстрел, которым социалисты-революционеры ответили на [свир<епую>] *жестокую* расправу Оболенского с крестьянами сильно]

Да и вся жизнь становилась тревожной, все чаще взрывался гнев, накопленный в глубине ее. Усиливались стачки рабочих, почти незаметно [*прошло покушение*] *прошла попытка Алларт убить Трепова. Внезапно разразились крестьянские беспорядки на юге.*

— Н-ну-с, что вы скажете? — спросил Клима Суслов, гордо поблескивая черненькими глазками и ехидно усмехаясь.— Что стоит *чисто* [экономическая борьба] *экономическое движение* рабочих рядом с этим стихийным [движен<ием>] порывом *мужичка* к справедливости?

[Затем раздался не<удачный>]

Самгин видел, что народники ликуют, а марксисты смущены. Прейс, рассматривая свои ногти, невесело сказал:

---

[1] *Текст*: Она ввела к Самгиным (стр. 551) ∾ тревожным.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Если [это крестьянское движение] крестьянский бунт разрастется, [он вовлечет] это, конечно, анархизирует и рабочих...

Он долго, с тихим упрямством [говорил] доказывал, что в анархизме деревни скрыта большая опасность для рабочего движения.

— Зараза,— говорил он, вздыхая.— Очень символично, что квалифицированные рабочие во время стачки не ломают, не портят машин, это всегда дело рук чернорабочих, людей, взятых фабрикой от сохи. [Это весьма символично.] Ведь государство — тоже машина [1].

Самгин, слушая его тихий упрямый голос, вспоминал крестьян, как он видел их [во вре‹мя›] [и не мог представить] [2], и ему трудно было представить, что эти бородатые, *хитрые*, осторожные люди бунтуют, не представлял, как это выражается у них. Он вспомнил [что] чье-то утверждение, что в России *никогда* не было [кр‹естьянских›] самостоятельных крестьянских восстаний, *а* мужики вольно или невольно примыкали к борьбе казачества с Москвой... Он гораздо больше был встревожен, когда [3] в ответ на жестокую расправу Харьковского губернатора Оболенского с бунтовавшими крестьянами раздался [неудачный] выстрел Кочуры [и Митрофанов], вызвав всеобщее возбуждение [и]. Было заметно, что даже люди, [не сочувствующие террору] *отрицавшие террор*, втайне одобряют этот хотя и неудавшийся акт мести.

Пришел Иван Петрович Митрофанов, грузно сел к столу и раздумчиво начал спрашивать:

— Кочура этот — еврей? Не еврей, точно знаете? Так. [Рабочий?] Это я [читал] *слышал*, что рабочий. Только ведь рабочий своим умом на самосуд за обиду мужикам не пойдет. [Значит — научен.] — Помешав ложечкой в стакане и вылавливая чаинку, он продолжал ворчливо:

— Рабочую стачку я могу понять, а стрельбу — не понимаю. Стрельба, это уж — по научению со стороны.

---

[1] *Поверх этой реплики красным карандашом написано*: Гогин; — *пометa означает, что автор решил передать эти слова Гогину, что и было сделано им впоследствии.*

[2] *Текст*: Да и вся жизнь (стр. 555) ∾ представить] — *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Текст*: и ему трудно было ∾ когда — *вставка на отдельном листке*] (ХПГ-23-1-3, № 59897); *на обороте листка запись, не относящаяся к тексту*: Для разнообразия можно сделать что-нибудь.

И, взмахнув головою, [нео‹жиданно?›] закончил почти весело:

— А впрочем — дело не мое. Я — *пришел* с радостью: сестра [вышла] *выходит* замуж [за студента-медика, в этом году кончает, славный такой парень, весельчак]. А я — место нашел: помощник смотрителя в доме умалишенных,— рекомендуюсь! И так как жена моя раньше зимы не приедет [1], квартиру я, с благодарностью, освобождаю и прошу сдать мне чердачок, где господин Суслов квартирует.

— Суслов не говорил, что он съезжает,— [удивленно] заметила Варвара, а Митрофанов очень серьезно посоветовал ей:

— Это вы ему скажите, чтоб съехал.

[— [Почему же?] *Зачем?* — спросил Самгин] *Варвара удивленно подняла брови*:

— *Объясните...*

— [А потому, что им] Сыщики очень интересуются им,— *тихо* объяснил Митрофанов, [понизив голос, и оглянулся:— Госпожи Сомовой здесь нет? Ею тоже. Она тоже на замечании.] оглянулся и, понизив голос до шепота, продолжал.— Весьма интересуются, [поверьте, я знаю, вижу] меня выспрашивали,— он постучал пальцем в грудь свою.— И — удивительно! — о нем спрашивают, а о Сомовой молчат, тогда как ведь ясно, что и она — девушка... определенного поведения, так сказать.

[Клим] [Самгин] *Клим*, нахмурясь, играя очками, [молчал [2]. Митрофанов уже говорил ему о Суслове и было неприятно, что он вновь начал этот разговор [при] *с* Варварой. Но когда [Мит‹рофанов›] постоялец заговорил о Сомовой, Клим [уже не] *не* в первый раз подумал: в самом деле, почему у нее [не] до сей поры даже обыска не было?]

— Что вы называете определенным поведением? — спросил он [серьезно, даже] строго.

— Я же не слепой! — ответил Митрофанов [обидно‹?›], как будто даже обидясь.— По душевному моему расположению к вам, [я скажу] людям молодым, я скажу: *конечно*, любопытно на пожар смотреть, но как бы своя изба не вспыхнула! Ведь по лисе охотясь и безвинных зайцев бьют...

— Это мы — зайцы? — спросила Варвара, смеясь.

---

[1] *Текст*: А впрочем — дело не мое ∽ не приедет — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слово ошибочно зачеркнуто.

— Нет, Варвара Кирилловна, вы серьезно отнеситесь! — настаивал Митрофанов, подняв руку, вытянув палец.— Вот видите: Кочуры явились *какие-то*, барыни *тоже* в губернаторов желают стрелять — время сумасбродное...

— [А] Вы *тоже* [в] *к* сумасшедшим уходите,— пошутил Клим.

— Да-с, ухожу,— сказал Митрофанов, провел по лицу ладонью и, посмотрев на [Кл⟨има⟩] Самгиных, растянул шершавое лицо широкой улыбкой.— Я вам покаюсь,— я вот, [всё] знаете, утешаю себя: ничего, обойдется, мы — народ умный! А вижу я, что людей, лишенных разума, [как будто] всё больше является. Зайдешь, с холода, в чайную, [прислушива⟨ешься⟩] прислушаешься: о чем говорят?— Идет соревнование в рассказах о несчастии жизни, взвешивают люди: кому тяжелее жить? До хвастовства доходят в этом, до ярости. Мне — хуже! Нет — мне! *Вы — подумайте, насколько безумное это занятие при кратком сроке жизни нашей? Ведь вот какая штука*, [*чепуха ведь*!] *ведь жизни человеку в обрез дано*! *Иной человек живет — живет, а все дни его — постные пятницы и вот...*

[*Он вздохнул, поправил на стуле тело*] *Он оборвал речь, вздохнул и начал снова*:

— *А — с другой стороны...* [1]

Митрофанов беспокойно повернулся на стуле, снова посмотрел на Варвару, на Клима, и Самгину почудилось, что круглые глаза постояльца налились *испугом и* удивлением.

— Был недавно в театре, на модной этой пьесе,— *продолжал он, разведя руками*.— Собраны в ней заслуженно несчастные люди, бормочут, черт знает что, ходит [по⟨среди?⟩] между ними [враль] какой-то старичишко, утешает всех,— врет, краснобай.

Он передохнул и, сморщив лицо неудавшейся усмешкой, сказал снова почти шёпотом:

— И вдруг меня в жар бросило: похож старичишка на меня поведением своим! [Похож, вижу!]

— Позвольте, я не совсем понимаю,— сказал Самгин беспокойно и недовольно, но Митрофанов не слушал его, продолжая шипеть:

— Похож, шельма! Выдумывает. А я ...эх, куда бы не пошло! — я признаюсь — грешен этим. Вот я, например,

---

[1] *Текст*: Да-с, ухожу ∾ с другой стороны...— *перечеркнут синим карандашом*.

рассказал вам, что у меня жена в Томске, а этого нет. Нет у меня жены в Томске!

Митрофанов снова развел руками и посмеялся *негромко* горловым, икающим смехом. Лицо у него было виноватое и покрылось потом на висках, под глазами. Он быстро и крепко [вы⟨тер⟩] потер его платком, сжатым в комок.

— Погодите! — сказал он, хотя Самгины, оба удивленные, ни словом ни жестом не мешали ему.— Жену я [придумал] *выдумал* для приличия. А будто бы сестра моя — это и есть, собственно, жена, т. е. сожительница. И замуж она не выходит... это всё не так! И в кондитерской не служила, а обыкновенная гулящая девица пьяного поведения и нестерпимого характера. Оттого я и [тогда⟨?⟩] не знакомил вас — стыдно мне. Теперь я ее прогнал... Обокрала она меня немножко и вообще — будет! Стыдно...

Он замолчал, снова стирая пот с лица торопливыми движениями руки. Он вообще торопился, подпрыгивал и ерзал на стуле, прятал руки, шаркал ногами *и вообще вел себя так, как будто готовился вскочить и убежать.*

Варвара смотрела на него, [нѐ скрывая изумления] *приоткрыв рот, как ребенок, слушающий интересную сказку.*

У нее дрожали ресницы, а в глазах застыло изумление. Самгин чувствовал себя странно,— в рассказе Митрофанова что-то обижало его, но и он чувствовал себя [удив⟨ленным⟩] подавленным удивлением.

— Зачем же это вы? — пробормотал он, сняв очки и пожимая плечами.

— Подождите! — повторил Митрофанов, шумно вздохнув. — Это еще не всё. Пошел, так пошел. Зачем, спрашиваете. А вы для меня — первые люди. То есть — первые, которые...

Он встал и поочередно поклонился, сначала Климу, потом Варваре.

— От всей души благодарю вас... Из благодарности и рассказываю.

Снова сел, встряхнул влажный платок и продолжал уже
л. 94 более спокойно, но всё так же торопливо.

[— Настоящее имя мое — Яков Петрович Котельников]. Человек я слабого характера и с фантазией. Служу агентом сыскной полиции по уголовным преступлениям; девятый год служу, переведен из Нижнего Новгорода за успехи в розыскном деле. Вот-с.

Он [трижды] *дважды* кивнул головою, как бы поправ-

ляя съехавшую на затылок шапку, волосы сползли с головы на щеки его, он обеими руками поправил их и, [удивленно] *молодо передернув плечами,* сказал:

— Удивительно, как вы не догадались! Живет человек, ничего не делает, *всё* ходит и день, и ночь,— места ждет. Почти два года всё ищет...— Трогательные вы люди, даже боязно за вас.

Он снова встал, оглянулся *с прощальной улыбочкой на лице кота.*

— Ну, вот... [Всё] Я давно хотел, да всё не решался. Вы меня теперь — как?

— Что? — спросила Варвара, точно сквозь сон.

— Съехать мне с квартиры?

Так же сонно Варвара сказала:

— Зачем же? [Нет] Как хотите...

— Мы потом,— начал Клим, но Митрофанов прервал его.

— Насчет сумасшедшего дома это тоже — чепуха! Всё — чепуха. Для приличия...

[Он пошел к двери, но остановился и вполоборота сказал] *Самгину послышалось, что это было сказано уже с вызовом* [*а*]. *Затем, пожелав спокойной ночи, Митрофанов пошел к двери, остановился и, вполоборота, через плечо,* [*сказал*] *выговорил вспоминающим тоном:*

— В сыщики я пошел не почему-нибудь, а просто деваться некуда было. Впрочем, и по охоте тоже. Интересно.

[Постояв несколько секунд наклоня голову, он тихонько пробормотал:

— Интересно.] [1]

Самгин надел очки, встал, подошел к двери [и], плотно притворил ее *и зашагал по комнате.*

[Нужно было что-то сказать, чем-то покрыть и завершить эту сцену.] Он чувствовал себя обманутым, обиженным. Жена сидела в кресле, вытянув ноги, закинув руки за шею и, разумеется, она ждет, *что он скажет, как завершит эту сцену.*

— Не угодно ли? — иронически начал он и кашлянул.— Пришел... выплеснул какую-то дрянь.

Он не находил слов, достаточно веских, и замолчал, искоса посматривая на Варвару, желая, чтоб [она] заговорила она, но она молчала [не] и не двигалась.

---

[1] *Текст*: Был недавно в театре (стр. 558) ∾ Интересно.] — *перечеркнут синим карандашом.*

— Достоевщина,— сердито пробормотал он.— Не выношу людей, которые вывертываются наизнанку. Если тебя [то‹шнит?›] [иди‹ота?›], *дурака*, тошнит...

Варвара тихо спросила, не взглянув на него:

— Помнишь,— я [сказала] *говорила*, что жены у него нет?

— Да. Ну, что же?

— Это... замечательно! Живет с проституткой и для приличия выдумывает жену, искренно любимую женщину. Послушай, ведь это — романтизм. [Это он — для кра‹соты›.]

— Ну, матушка, ты тоже выдумываешь [и неудачно],— пробормотал Клим, вздохнув и довольный, что она заговорила.

— Нет,— романтизм! — настойчиво повторила Варвара и, подобрав ноги под себя, [сжалась в кресле ко] обняла плечи руками, как это делала Лидия.— Он вообще говорил удивительно интересно и умно. Ты помнишь: о безумии хвастовства несчастиями при кратком сроке нашей жизни? Это очень хорошо. [Это — здорово.]

Самгин сознавал, что [ему] следует спорить, но уменье располагать свои мысли в боевой порядок у него было *вообще* слабо развито, а в *этом случае* он не видел, какую позицию нужно занять ему.

[— Под *его* приличием на‹до›] Варвара оживленно говорила:

— Его — «для приличия» я понимаю — для красоты.

— Ну, это уж — смешно! — сказал Самгин.— И не об этом надобно говорить, а — о том, [под каким предлогом отказать] как сделать, чтоб он убрался к черту...

— Зачем? — удивленно воскликнула Варвара.— Ведь он не политический сыщик. Зачем обижать? Он так доверчиво открылся нам... Конечно, он *еще* не весь открылся [и может рассказать, наверное, много интересного].

Она соскочила с кресла и, взяв Клима под руку, расхаживая с ним, начала уговаривать.

— Нет, ты оставь его. Это так интересно. Я не понимаю: что тебя рассердило? Человек откровенно сказал: вот я какой. И он так не похож на всех, кого мы знаем... Право, Клим,— он хорошо не похож!

[Ей удалось несколько смягчить настроение му‹жа›]

— Был не похож,— угрюмо поправил Клим, но, уже несколько смягченный, [сказал:— Впрочем] *пробормотал*:

— Делай, как хочешь. *Если чувство брезгливости не мешает...*

[Ночью он [думал] задумался о себе: почему это он так ошибается в людях? И очень быстро решил: потому что все они поразительно неустойчивы. Он перебрал в памяти своей всех, кого знал с детства. Вот — Сомова, *девчонка*, которая выдумывала интересные игры, а теперь]

И присев на [ручку] *валик* дивана, играя [рукою] *пальцами рук* Варвары, он продолжал:

— [Это] Конечно [пустяк], Митрофанов, это... анекдот. А вот стрельба по министрам, по губернаторам, это уж — идиотство! [Но когда ни] Это — бессмыслица.

Варвара, *освободив руки*, толкнула его в лоб и плечо, он опрокинулся на диван [и] ра⟨ссерженно?⟩] сердито крикнул, сел], сердито вскочил.

— Не уместно, Варвара.

Она снова толкнула его, села на колени и, обняв его за шею, держа за подбородок, поцеловала.

— Не сердись. Ты знаешь, я не люблю политику. Особенно, когда ты говоришь о ней.

Зеленые ее глаза светились возбужденно и голос звенел как-то незнакомо, когда она быстро заговорила:

— Бунтуют, стреляют? Пожалуйста...

— Послушай...

— Нет, нет — пожалуйста! Я тебе прямо скажу: я — зритель, жизнь — театр. Это неново? Пусть так. Я не претендую на оригинальные мысли. Жизнь — театр, на сцене идет обозрение — revue, а я, неудавшаяся актриса, я — не играю, я в публике. [Мой милый Клим,— сказала она, взбивая и приглаживая его волосы,— я говорю — как никогда, очень... от души!] Ты хочешь играть, уже играешь какую-то большую роль, но, мне кажется, она уже надоела тебе, ты скучно, бесстрастно играешь ее. Может быть, роль этого и и требует, я — не знаю...

Она [уселась] *села* удобнее, прижалась плотнее к нему [и], ее высокий, несколько крикливый голос зазвучал мягче, ласковее, а Клим почувствовал, что сейчас он услышит что-то очень важное и неожиданное.

— Ты знаешь, я тебя люблю, знаешь, да?

— [Конечно...] И — что ж?

— И я не хотела бы жалеть тебя, а мне, представь, кажется, что тебя надобно жалеть. Почему? Ты — человек, как

я, человек для себя. Милый Клим, люди только для себя — это самые честные люди! [Так я думаю, так верю].

— Допустим,— вставил [Клим] Самгин.

— Право же — это так! А ты себя ломаешь, [заст⟨авляешь⟩] насилуешь [заставляя себя жить не [так, не] для себя].

— Послушай,— сказал Самгин, лаская ее.— Ты говоришь... странно. И — неверно!

— Верно! — не уступала женщина.

— Мы живем...

— Мы должны жить для себя. Ты стал уже недостаточно личным человеком, идешь на убыль, вот что!

— Чего тебе не хватает? — догадался Клим.

л. 95 — Тебя, конечно,— ответила она так, как будто давно ожидала этого вопроса.— Тебя. И уже до того, что...

Она соскочила с колен его, прошлась по комнате под его удивленным и несколько растерянным взглядом, снова подошла к нему и сказала очень спокойно.

— До того, что ты [убери] *должен убрать* Кумова...

Клим Самгин, вздрогнув, встал на ноги.

— Послушай,— испуганно и тихо спросил он,— неужели ты хочешь сказать...

— Я уже сказала: убери его!

И, положив руки на плечи [его ⟨?⟩] ему, она усмехнулась в лицо его, говоря:

— Видишь, как заразителен пример Митрофанова?

Лицо у нее сильно покраснело [*глаза отуманились*] *и голос неестественно срывался, а глаза* [*оту⟨манились⟩*] [*странно*], *хотя и отуманенные, смотрели* [*испытующе*] *странно, взглядом испытующим* [*и так, как будто*], *настороженным и так, точно Варвара* [*была готова*] *готовилась сказать* [*еще*] *что-то еще более нелепое и неожиданное.*

— Но — почему именно Кумов? Ведь это смешно,— растерянно пробормотал Клим, понимая, однако, что ему нужно рассердиться, говорить строго.

— Не смешно,— сказала жена.— Это — жалость и любопытство... Ты не будь груб с ним, он не виноват, он удивительно чистый юноша и не для любви. То есть — не для романа с [чужою женой] *замужней*,— поправилась она.— Это я виновата, мое любопытство. И — жалость: он так страшно не нужен никому и ни на что...

— Н-ну, знаешь ли,— пробормотал Клим *и*, сняв руки ее с плеч своих, начал расхаживать по комнате, не глядя на

жену, опустив голову. Он очень сердился на себя за то, что не мог рассердиться на нее.

«Честно она»,— мельком подумал он.

[*Помогло ему рассердиться на нее то, что она закурила папиросу, он нашел это неуместным, да и закурила Варвара как-то слишком ухарски.*] *Тут она помогла ему рассердиться, закурив папиросу* [*Самгину*]; *она сделала это незнакомыми жестами, слишком развязно.* [*Самгину показ*⟨*алось*⟩] *Самгин подумал, что вот так зажигают спички и закуривают нетрезвые*[1] [*уличные жен*⟨*щины*⟩] *нетрезвые девицы легкого поведения.*

— Ужасно много [в мире] не обласканных людей,— услыхал он и, наконец, крикнул:

— [Оставь философию] *Довольно философии*!

Варвару его окрик не испугал. [Она закурила папиросу] [Закурив папиросу] Усиленно раскуривая [до⟨лжно быть⟩] папиросу, должно быть, очень тугую, и глядя на ее слабо дымившийся конец, она продолжала:

— [И это потому, что] *Не умея или* не решаясь жить для себя, люди принуждены и привыкли выпрашивать друг у друга милостину внимания...

«Это она из книги»,— отметил Клим и повторил еще строже:

— Я говорю — довольно!

— Почему? — спросила она и прилегла на диван в позе одалиски с какой-то картины, опираясь на локоть, держа папиросу у рта. Лампа не очень ярко освещала [ее лицо, ра⟨стрепавшиеся⟩] *ее*, растрепавшиеся волосы сузили и заострили ее лицо [и о], она смотрела потемневшими глазами [вопросительно и [чуть ли] едва л⟨и⟩ не враждебно] [и враждебно], *пытливо и* [*еще*] *незнакомо.*— Когда ты говоришь, я тебе не мешаю,— сказала она.

— Ты заставляешь меня думать, что тогда, в ванне,— вдруг сказал Клим и [остановился] *оборвал фразу*,— об этом он не любил вспоминать и не хотел говорить в эти трудные минуты. [Он отошел в угол комнаты] [и то⟨..?⟩]

— А если бы я тебе уже изменила с Кумовым,— что же тогда? — осведомилась Варвара, очень спокойно и глядя на дым папиросы.

— Ты глупо шутишь,— негромко сказал Самгин, остановясь пред нею.

---

[1] *Слово ошибочно не зачеркнуто.*

— Нет, представь, что я не шучу,— *тоже тихо* говорила она, глядя в лицо его.— Что же ты — застрелишь меня? У тебя нет револьвера. Разойдешься со мной? Да?

Клим опустился на диван, [взял] схватил ее за плечо, встряхнул.

— Перестань!

— Ты человек не для драмы,— сказала она, сняв его руку с плеча своего и сжимая ее горячими руками.— Ты не умеешь ревновать, это плохо, Клим! Женщина, которую [муж не ревнует] *не ревнуют*, [она] не чувствует себя любимой,— очень быстро [заговорила Варвара [и из ее] [*и на глазах*] и, мигая, стала сгонять слезы из] *проговорила она фразу, не однажды прочитанную Климом в книгах, фразу, которая так часто раздается на сцене театра.*

л. 96 Из глаз ее медленно потекли слезы, она жалобно мигала, сгоняя их длинными ресницами. Самгин отрадно вздохнул, поняв, что эта сцена сейчас кончится и что ее разыграли только для того, чтоб разбудить в нем ревность.

— Ну перестань же,— уговаривал он, обняв ее, а Варвара, прижимаясь к нему, шептала, вздрагивая:

— Мы плохо живем. Это так... обидно! Ведь мы — неплохие люди. И — правда: нам жизнь в обрез дана...

— Согласись, что рядом с моим уважением к тебе не может быть места для ревности к какому-то дегенерату, *к* мальчишке, — говорил Самгин, торопясь погасить зеленые огоньки в ее глазах. Она усмехнулась и, отирая мокрые щеки о его плечо, пошутила:

— Что же мне — влюбиться в большого, здорового? Ты смешно сказал.

Самгин отвел ее в спальную, помог раздеться и там окончательно убедился, что так и есть: сцена была разыграна для возбуждения его ревности; в антрактах жена спокойно и деловито, как всегда, уже говорила о простом, домашнем. Между прочим, она сказала:

— Митрофанов интереснее Любы Сомовой,— я заранее знаю, что она может сказать, а он — видишь, какой неожиданный?

Потом она заметила Климу, что у него все более краснеет кончик носа и правильно объяснила:

— *Это — от очков.*

Когда она уснула вверх лицом и вытянувшись, точно мертвая, Самгин, лежа на постели своей, задумался о себе. Варвара уже не беспокоила его, он вполне удовлетворил ее

и впредь *всегда* сумеет сделать это. У него твердо сложилось убеждение, что женщина оценивает мужчину прежде всего зоологически, как более или менее сильное животное, а духовный его мир [для нее] является для нее как бы внешним украшением самца, его шерстью, его павлиньим хвостом. Множество книг подтверждало этот взгляд.

Но Варвара — права: он живет плохо и, в сущности, он несчастный человек, как, вероятно, многие люди, обреченные вместе с ним жить накануне неизбежной катастрофы, жить в загадочной стране, где человек [предательски неуловим и] неустойчив, выдумывает себя и вообще предательски неуловим. [Или как Ма⟨каров⟩] *Есть другие*: Томилин, Макаров, Лидия [и [множест⟨во⟩] других, которых], *это — фантасты, люди, замкнутые в одной идее, уродливо ограниченные ею, слепо идущие против своей человеческой природы.*

Память Самгина, воскрешая *этих людей*, ставила *их* рядом с Митрофановым, Диомидовым, Иноковым [или], Дьяконом, тут же [не] *обожженно* извивался Лютов, щеголял барским нигилизмом вычеркнутый из жизни Туробоев и множество других, кого знал Клим. Это был какой-то парад привидений, жуткая процессия, среди которой Клим Самгин не видел места себе и которая была органически противна ему.

Он встал, зажег папиросу, постоял у окна, слабо освещенного огнем фонаря на той стороне улицы, вспомнил фразу *из* письма брата:

«Здесь, в Полтаве, живут так, как, вероятно, жили во времена Гоголя; я думаю, что, наверное, девяносто пять процентов жителей [все еще] *действительно* «мертвые души», и так жутко мертвые, что даже не хочется, чтоб они воскресли».

«Этот — не поумнеет никогда»,— пренебрежительно подумал Клим и тотчас вспомнил письмо Кутузова к Сомовой — она всегда [*празднично*] хвасталась его длинными письмами [день]. Получая их, она чувствовала себя именинницей, [и казалось, что] *очевидно* в жизни ее [нет] *не было* ничего, дороже листочков почтовой бумаги, исписанных мелким, плотным почерком; Самгин, видя его, [всегда] почти не верил, что именно монументальный Кутузов тяжелой рукою своей способен низать в строчки такие маленькие *и* четкие [и] буквы.

«Мир тяжко болен,— писал Кутузов,— и совершенно ясно, что вкусненькой микстурой гуманизма его нельзя вылечить — нет! Требуется хирургическое вмешательство, не-

обходимо вскрыть назревшие нарывы, вырезать гнилые опухоли [вот что]»:

«Это жестоко, топорно, но — он прав»,— неожиданно [1] для себя подумал Самгин и, погасив папиросу, снова улегся в постель, [закутался] закутал простынею голову, но тотчас же откинул простыню, *будучи* не в силах остановить густой поток дум. [Зак<..?>] Глядя в [тем<ноту?>] сумрак, где *у окна* еще не рассеялось облако табачного дыма, он покусывал губы и соображал: да, революция — неизбежна, об этом убедительно пишут, еще более убедительно говорят, две [политические] *социалистические* партии, быстро разрастаясь, стараются ускорить катастрофу. Социализм ему, Самгину, органически чужд, это он хорошо [чувствует] *знает*, но самодержавная власть пережила себя, бессильна управлять страною, это тоже вполне ясно. Нужно, чтоб власть взяли крепкие люди, крепкие руки и очистили Россию от нажитого ею хлама, от этой едкой человеческой пыли, которая мешает жить и дышать... [2]

«Варвара — права,— я насилую, ломаю себя, вращаясь среди людей, духовно чужих мне. Варвара — права. Кутузов — тоже прав. Но и старик Козлов... Черт их побери, все эти правды! Все они — вне [социально-био<логической>] биологической истины: человек есть человек и от этого ничем его не вылечишь. Варавка тоже прав...»

Самгин лег удобнее, чувствуя, что он никогда еще не думал о себе так напряженно и что это напряжение обещает [укрепить его] поставить его на какую-то твердую почву и укрепить изнутри.

У него нет желания [да] и сил нет отойти в сторону от жизни, да и — куда бы он отошел? [Его] Стремление быть на виду, показывать себя большим человеком — вполне естественное стремление, не будь его — жизнь потеряла бы интерес и смысл. Но в то же время Самгин понимал, что он думает тенями чужих дум, а своего оригинального [не] в нем всё еще нет. Люди, которые считают его выдающимся человеком,— глуповаты и вполне заслужили то пренебрежительное, скрыто ироническое отношение, которое он питает к ним. В нем только одно подлинно свое, это — сознание его внут-

---

[1] *Текст*: Из глаз ее медленно (стр. 565) ∾ неожиданно — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: да, революция — неизбежна ∾ дышать — *перечеркнут синим карандашом, а часть его от слов*: самодержавная власть — *заключена в скобки зеленым карандашом.*

ренней свободы и права [ее] *его* жить по своим законам. Это не «эготизм» — как теперь говорят,— не анархизм, и в этом нет ничего цинического, это биологический закон роста личности.

«Да», — почти вслух сказал Самгин и, соскочив с постели, снова взял папиросу, *но не* закурил, *а*, *вздохнув*, лег [вздохнув].

Его свобода всё более подавляется вихрем разнообразных и противоречивых впечатлений, и всё более часто он не ощущает самого себя в хаосе действительности. Он не ощущает себя, и вот в этот поздний час дождливой ночи он думает о себе как будто об орудии чьей-то чужой и враждебной ему воли. *На нем лежит проклятая обязанность быть умником, всё знать, обо всем говорить, играть в обществе роль какой-то Эоловой арфы.* В сущности — он оправдывается и защищается [пред кем?].

«Пред кем? Пред настоящим самим собою?» [1]

Так, не выпутавшись из противоречий, он и заснул, [внезапно, как бы оглушенный ударом, а через [день] *два дня* сидел у окна в чистенькой комнатке [постоялого дв‹ора›] почтовой станции одного из небольших селений Осташковского уезда, сидел, [скучал] ожидая, когда кузнец наварит сломанную ось почтовой брички.

За окном нерешительно] *а проснулся настроенным угрюмо, с недружелюбным чувством к Варваре, чувство это нужно было скрывать от нее, и это насилие над свободой выражения*
л. 97 *ощущений еще более [расстраивало и] угнетало Самгина.*

[А] Через два дня он сидел в почтовой бричке; пара [тух ‹...?›] шершавых, рыженьких лошадей механически, [однообразно переб‹ирала›] точно заводные [детские] игрушки, перебирала ногами по размытой *весенними* дождями проселочной дороге.

[Справа [тянулась] *стояла*] [Уны‹ло?›] Ехали мимо пашен, скудно покрытых всходами озими; [кое-где] неплодородная земля была усеяна [каким-то] щебнем, добела вымытым, целые полосы [были покрыты] густо заросли [сорной] *какой-то* травою, она [уже] цвела злым, желтым цветом.

— [Это] *Одолевает* рыжик, дави его леший,— сказал возница, махнув кнутом.— [Вредная трава] *Это злая растения,— поучительно прибавил он, взглянув на седока через плечо.*

---

[1] *Текст*: Стремление быть на виду ∽ самим собою? — *перечеркнут синим карандашом.*

«Он говорит со мною, как с иностранцем»,— подумал Самгин.

День был воскресный, поля пустынны, только желтоносые грачи солидно расхаживали по вспаханной земле, да кое-где, по *невидимым* тропам между пашен, шагали, *качаясь*, маленькие люди, тоже похожие на странных птиц. С неба, покрытого рваной овчиной облаков, нерешительно и ненадолго выглядывало солнце, тени ползли по земле, обесцвечивая дрожащую листву осины, Иудина дерева.

Утомленный унылым однообразием пейзажа, Самгин дремотно подпрыгивал в бричке, мысли из него вытрясло, ничего не хотелось ему. Маленький его чемодан тоже подпрыгивал [и], бил по ногам, а поправить его было лень.[1]

[Бричка на⟨клонилась?⟩] Бричку сильно встряхнуло, что-то хряснуло под нею, она запрокинулась назад и вбок, вытряхнув Самгина. Он ударился плечом о дерево, вскочил на ноги и сердито крикнул:

— Какого ты черта...[2]

Возница, мужичок средних лет, с [жиден⟨ькой⟩] реденькой серой бородкой на жидком лице, соскочил с козел, заглянул под задок брички и сказал:

— Ось пополам, драть ее с хвоста... я тут ни при чем, господин; ни я, ни лошади — железо не вытерпело.

Молчаливый и унылый, как все вокруг, он оживился, стал словоохотлив, поправил трепанную шапку, подтянул потуже грязный кушак и [глядя] успокоил:

— Ничего, тут до Тарасовки не боле полутора верст, шажком дойдете, а там кузнец дела наши поправит в тую же минуту... Н-но, уточки,— ласково и весело сказал он лошадям, попятив их.

Достал из-под облучка топор, в три удара срубил березу и начал обрубать сучки ее, [не обращ⟨ая?⟩] рассказывая:

— Кузнец там, Василий Микитыч, [мастер] *мастак*, какого за границей не сыскать, гремучего ума человек...

— Что же мне,— идти? — спросил [Клим] Самгин.

---

[1] *Возле этого абзаца, на полях, написана фраза без указания места вставки в текст*: Въехали в [же⟨..?⟩ лесок] рощу тонкоствольных берез и ельника, [запах] в кислый запах болота и прелой листвы.

[2] *Возле этой строки, на полях, написана фраза без указания места вставки в текст*: Лошади [вкопанно] тотчас остановились, точно вкопанные в землю по колена.

Обе вставки, видимо, позднейшего происхождения.

— Так прямо и ступайте, [а] я догоню. Я — живо! Происшествие это — пустяк.

И хотя лошади стояли неподвижно, как бронзовые, мужик посоветовал им:

— Тиш-ша, птички!

Клим поднял с земли ветку березы и пошел *между деревьев* лукаво изогнутой дорогой из тени в свет и снова в тень. Шел и думал, что можно было и не учиться четырнадцать лет в гимназии, в университете для того, чтоб ездить по избитым проселочным дорогам на скверненьких лошадях, в неудобной бричке с непонятными людями на козлах. О чем можно говорить хотя бы вот с этим мужичком, который, [кажется] *видимо*, обрадован тем, что лоппула ось? Лицо у него [какое-то нечеловеческое] как-то неряшливо слеплено из жидкой массы, оно кажется неподвижным, неспособным выражать что-либо, но в то же время оно неуловимо изменчиво: унылое, оно вдруг становится веселеньким и хитрым, затем, как-то без видимой причины, глупеет, оплывает вниз, к тряпичной шее, и открываются зоркие, звериные [должно быть, лисьи] глаза холодного, небесного цвета.

А вчера вечером он говорил с погорельцем, [мельником] *с владельцем паточного завода*, длинным [и], сухим человеком, который, вероятно, сам поджег [мельницу свою] *завод свой*. Лысый, с черепом в форме дыни [с] и большим, как ручка долота, носом, он, вытаращив круглые глаза филина, рассказывал [невыра⟨зительным?⟩] могильным басом:

— Мне так положено от господа: шесть лет живу в благополучии, а на седьмой посещает [меня] несчастие.

Глаза у него какие-то рыжие и посменно выражают то суровость, то испуг.

— С женой семь лет прожил — скончалась, сына, на седьмом году, бык забодал, дочь, девяти лет, оспой померла.

Когда Самгин заметил:

— Как же [это]: все на седьмой, а тут — девяти? — Это не смутило старика.

— Ошибки [всегда] *во всем* бывают,— поучительно сказал он, взмахнув мохнатыми бровями и — добавил: — А может, отсрочка дана.

Лес редел, сквозь молодую листву стала видна вдали мельница на холме, она стояла, растопырив крылья и как бы преграждая путь. Самгин тоже остановился, подождал лошадей, *прислушиваясь* [*к шелесту*], *как ласково шелестят*

под ветром вершины берез, [а] *и в* [*ласковый*] *шелест этот вливается пение жаворонка.*

Когда [они] *лошади* подошли, Клим увидал, что грязное колесо положено в бричку на его чемодан.

— Али вредно сундучку? — спросил мужик и [поправив] *поправил* колесо [прислушался к чему-то].

— Сейчас достигнем,— сказал он.

Но когда [выех⟨али⟩] вышли в поле, он тотчас заворотил лошадей обратно в лес, сказав:

— Так и есть: бунтуются [Чудаки, народ!]

И, дотронувшись до локтя Самгина, [он] посоветовал вполголоса:

— Вы, господин, отойдите, где погуще, а то — кто знает, как может обернуться для нас? Дело — не законное, свидетели — не желанны.

На тревожные вопросы Клима, он, не торопясь, очень подробно, объяснил, что жители Тарасовки давно живут без хлеба, детей и стариков [уже] по миру послали.

— Хлебушка у них — ни поесть, ни посеять. А в магазее хлеб есть, лежит. Просили ссуду [не раз, не два] — не вышла ссуда для них, а ждать — когда же? Сеять надобно, давно пора! Ну, они и решили самовольно забрать хлеб, силой бунта. Им бы еще в середу надо было, да в середу земский начальник приехал и всех напугал. К тому же и день рабочий, не соберешь народ, а [сег⟨одня⟩] нынче воскресенье.

Пока он рассказывал, Самгин присмотрелся и увидел, что по деревне двигается на околицу, к запасному магазину, густая толпа мужиков и баб, двигается не очень шумно, а с каким-то урчащим гулом, впереди шел небольшой, кудлатый мужик, обвязанный веревками.

— Это [и есть он самый, кузнец] *печник*, Василей Микитыч, он у них везде первый. Происшествия эта задержит вас, значит,— говорил возница вполголоса и тревожно переминаясь с ноги на ногу.

До деревни было меньше [ста] сотни сажен, она [—*дворов тридцать*] — вытянулась наискось [по] от Самгина по течению [ма⟨ленькой?⟩] узенькой речки, [кото⟨рая⟩] [вода реки морщилась под ветром так] и Клим хорошо видел всё, что творится в ней; видел, но не понимал.

Казалось *ему*, что толпа идет торжественно, как за крестным ходом, *она даже теснее*, *чем вокруг икон и хоругвей*, *сбита в пеструю кучу*, и [что] она *как будто* урчит молитвы. [Гул ее] *Ветер гнал звуки в сторону леса*, *были хорошо слышны*

л. 98 *даже отдельные голоса и особенно* разрушал [только один] *слитный гул*, чей-то визгливый [злой] голосок.

— Ермаков? — вопросительно кричал он. — [Ермаков, [подлец] сукин сын?] Братцы,— Ермаков-то... [Как же?] отклоняется.

Через плетень перепрыгнул [небольшой] человечек в красной рубахе без пояса, подпрыгивая, точно петух, он [подбежал] *забежал* [к обвязанному веревками кузнецу] *вперед толпы* и, размахивая *голой* рукою,— рукав *его* рубахи был разорван до плеча — [завизжал] *страдальчески взвизгнул*:

— Ежели [Ермакова нет] Ермаков, *так и* я [тоже] отклоняюсь...

[Кузнец] *Печник* наотмашь ударил его пучком веревок, человечек отскочил, сел на землю, а кузнец скомандовал:

— Приведите Ермакова-то.

Толпа [приостановилась], *приостановясь*, сжалась в кулак еще более [тугой и] плотный, [казалось] *показалось*, что она сопротивляется [*нерешительной*] силе ветра, который [тяжело] нерешительно двигал ее.

— Что они хотят делать? — спросил Самгин, возница [плот〈но?〉] сдвинул шапку на ухо и, почесывая голову концом кнутовища, вздохнул.

— Да ведь что же им делать-то? Отпереть желают магазею, а ключа-то нету [конечно].— Вздохнул еще сильнее, приложил ко лбу [темну〈ю〉] железную ладонь [и глядя]:

— Ключ в этом деле даже и ненужная вещь,— продолжал он, глядя вдаль.— Ключом только одна рука может действовать, а тут обязательно требуется рукоприложение всего мира. Даже и дети чтобы... Детей-то не осудите? — спросил он, взглянув из-под ладони в лицо Самгина, но Самгин не ответил: двое мужиков вели *под руки* к толпе [бородатого мужика] кого-то *бородатого*, в длинной, ниже колен, холщевой рубахе; бородатый, упираясь в землю босыми ногами, вырывался и что-то говорил, как видно было по движению его бороды, но [голоса] голос его заглушался торжествующим визгом человечка в красной рубахе; человек этот подскакивая, тыкал кулаком в шею, в затылок бородатого и орал:

— Отклоняисси-и, подлая душа-а?

— *Гляди-ко ты*, [*что*] *как разъярился* [*человек*],— *сказал возница с восхищением, присел на подножку брички и, снимая сапог с ноги, продолжал объяснять*:

— Я тут всех знаю, у меня тут племянница выдана, а сам я — из Боголюбова,— в девяти верстах отселе.

Сняв сапог, развернув онучу, он испортил воздух густым запахом пота. Самгин отодвинулся в сторону. [1]

— А [это вот и есть самый он] *которого ведут* — Ермаков, сектарь, малмонит; их тут несколько, секта такая [сделана], чтобы в солдатах не служить.

Толпа [придвину⟨лась⟩ и] из бесформенной кучи перестроилась в клин [и], острый конец его уперся в темную стену [хлебного] магазина, [но] и как раз на *самом* острие [шевелился] *зашевелился* и визжал, как бы ввертываясь в двери, шумный мужичок в красной рубахе. [Но печник отбросил его] [Печник] Стоя [у ст⟨ены?⟩] вплоть к стене, печник обернулся лицом к [прим⟨олкшей⟩] расплывшейся, примолкшей толпе, бросил в нее длинную веревку и грозно закричал, грозя кулаком:

— Все до одного берись, мать...

Мужичок тоже грозил голой рукою и визжал бабьим голосом.

— Чесно-о! А то — руки выломам...

Люди, крестясь, один за другим нанизывались на веревку, вытягиваясь в одну линию, пятясь назад, [ту⟨да?⟩] [к деревне] в улицу, а когда они [все] приклеились к веревке, печник, тоже перекрестясь, крикнул: [2]

— По третьему разу — дергай! Н-ну: раз!

— Все ли схватились?

— Два!

— Ер-рмако-ов?

— Три — дергай!

Линия людей покачнулась, веревка отскочила от стены амбара и упала на землю, брякнув железом.

— Ну вот, и слава-те господи,— сказал возница, натягивая сапог на ногу.— Минуту постоим, да и поедем,— сказал он, подмигнув Климу, счастливо улыбаясь.— Мы, господин, ваше благородия, ничего не видали,— верно? Магазин — отперт, а как — нам это не известно. Отперт, стало быть,— ссуду выдают.

---

[1] *Ниже, также на полях, помета*: Мужичок как муха; *это сравнение было реализовано в следующей редакции* (см. т. XXII, стр. 356).

[2] *Возле этих слов, на полях,— запись красным карандашом*: Колокол; *сравнение со сценой поднятия колокола было реализовано в следующей редакции* (см. т. XXII, стр. 356—357).

Он стал оправлять сбрую на лошадях, продолжая веселым голосом:

— Запор, конешно, взломан, а — кто виноват? Кроме пастуха, да подпасков — весь мир, от мала до велика — [понимаете?] *виноват*. Всю-то деревню ведь не загоните в тюрьму, господин? Вот суть дела в чем: бунтовались, а виноватых — нет. Ну, теперича пойдем [не торопясь, надо при⟨...?⟩], а то начнут делить хлеб... [Н-но] *Эх*, уточки!

Отдохнувшие лошади пошли бойко, длинная березовая жердь, замещая колесо, чертила землю. Самгин шел стороною, смотрел, как *в деревне* люди [сбивались], покрикивая, [сби⟨вались?⟩] бегают по улице, размахивают мешками и [видел, как] вдруг *почти* все они на минуту замерли, [глядя на в] увидав лошадей у околицы.

Возница, сорвав шапку с головы, закричал:

— Степан, эй!

Встречу ему медленно двинулись трое: печник, коренастый [человек] с каменным лицом, пьяненький мужичонко в разорванной рубахе и [черный, чахоточный] *черный человек, похожий на цыгана.*

— Дали ссуду-то? — кричал возница, [—Делите?] [Ну-тко, Степа, разводи горн, нам скоро надобно, пожалуйста!] а пьяненький [кружился *и* наскакивал], *наскакивая* на него [и], пугливо спрашивал:

— Ты — кого привез? Ты — куда его?

[— Ссуду нам дали] Печник смотрел на Клима таким тяжелым, отталкивающим взглядом, что Самгин невольно подался назад и встал за бричку, но [в эту же] возница и черный человек, взяв лошадей под уздцы, повели их за собою, оставив Клима лицом к лицу с печником. Пьяненький [беспокоился], стараясь подкатать разорванный рукав *рубахи*, беспокоился, [забегая] мотался как волчок, который уже устал кружиться.

— В какой должности? — спрашивал он.— Куда едете?

— Степан, возись живее,— сказал печник вслед кузнецу; он выговорил три слова так четко и медленно, как будто это стоило ему большого усилия. Затем, поймав пьяненького за плечо, [он сказал ему] *швырнул его прочь, к ногам осторожно подходивших мужиков.*

— Уйди [а то башку сорву].

Голос у него был глухой, но гулкий, лицо [*серое*] [*изъеденное оспой*] [пропыленное] [пропылено какой-то едкой пылью] изъедено оспой, это [и] делало его шероховатым,

точно камень, и как бы пропыленным какой-то едкой пылью. *Из-под выщипанных оспою бровей раздумчиво смотрели небольшие стеклянные глазки.* Стоял он перед Самгиным, спрятав руки за спину, выпятив обширный живот, молча двигал челюстью, и толстоволосая [реденькая] борода его неприятно шевелилась. Нельзя было представить, что в следующую секунду сделает этот человек. Молчание его становилось невыносимым.

— Вы — староста? — спросил Клим.

Печник взглянул [направо и налево] *вправо и влево* на *десяток* мужиков, окруживших его, [на мальчишск] [*все*] мужики [смотрели строго], были строгие.

«Точно судить меня собрались».— подумал Самгин.

— Староста [у нас] захворал,— сказал печник.— А вы — что, от земства? Заводы страхуете? Так...

Один из мужиков, свертывая папиросу [и], проговорил:

— В Бобровке патошный завод сгорел, это — верно.

И, подняв голову, прибавил:

— Ну, только он давно сгорел.

Ветер, не торопясь, гнал облака, ленивые тени поглаживали мужиков. Собирались мальчишки, толпа росла.

Беременная женщина с уродливо маленькой головою плачевным голосом сказала:

— Кончайте скорее, что вы?

— Наказано [нам] пачпорта спрашивать у... у неизвестных проходящих, проезжающих,— сказал печник и протянул Самгину открытую [ла⟨донь⟩] бугристую ладонь.

л. 99 Он бережно развернул паспортную книжку, долго разглядывал ее, двигал челюстью, потом спросил:

— Помощник присяжного, это — адвокат?

— Да.

— Адвокат,— сказал печник направо и налево, кто-то сумрачно откликнулся:

— Стало быть и вашим, и нашим.

А печник спросил, как будто немножко веселее:

— Что ж: яишну кушать желаете? Господа обязательно яишну едят.

Самгину показалось, что печник [по] мигнул мужикам, и они, один за другим, стали отходить прочь.

— Ну, [а] теперь — что? — вдруг раздражаясь, спросил он печника, [взяв] *схватив* с его ладони книжку.— Самовольничаете вы...

Печник тоже шагнул в сторону, но после слов Клима

остановился, вынул из кармана штанов кожаный кисет, трубку, зачерпнул ею табаку и стал приминать его пальцем. Всё это он делал [раздумчиво с] очень медленно и не глядя на Самгина.

— В чем же самовольничаем? — спросил он, [—Пачпорта смотреть мы обязаны] сморщив лицо, раскуривая трубку, а раскурив, надвинулся на Клима и грубо [сказал] *приказал*:

— Идите.

— Куда [это]?

Печник [указал] *ткнул* трубкой влево на группу ветел, откуда доносились вдохи кузнечных мехов [и], стук молотка по железу, и сердитые окрики кузнеца [—Косарев! — крикнул печник, подходя]:

— Дуй, дуй!

На перекладине станка для ковки лошадей сидел возница, обняв стойку одной рукою, а другой болтал в воздухе, рассказывая что-то кузнецу. Печник, подойдя к нему, сказал:

— Подь сюда, Косарев!

Они отошли под ветлу и там *через минуту* печник строго спросил:

— Не врешь?.. [Перекстись...]

Потом сказал:

— Перекстись!

И пригрозил:

— Ну, гляди же!

[Говорил он так громко] [Во всем этом было] *В этом Самгин увидел* нечто [раздражающее своим бессмыслием] *бессмысленное*: печник отошел [неда⟨леко⟩] недалеко [а] *и* говорил громко, зачем же нужно [было] *было* отходить? [Раздражал и даже несколько пугал] Кузнец [он] работал [так неистово], как [будто охваченный припадком] *в припадке* истерии [Было что-то неумеренное и неистовое в его движениях, в крепких ударах молотка, сыпавшего искры, в хриплых криках:

— Дуй, черт, дуй!

Огонь в горне раздувала чумазая растрепанная баба неопределенного возраста, с неясным, под копотью, лицом.

Кузнец замахивался на нее молотом], *ненужно бегал вокруг наковальни, толкал ее коленями, в его движениях было что-то неумеренное, даже неистовое.*

— Дуй, дура, дуй,— кричал он, [*но не*] *повертывая*

в горне ось. У мехов [*стояла*] *раскачивалась, точно богу молясь, чумазая, растрепанная баба неопределенного возраста, с неясным, под копотью, лицом.*

— Косарев,— крикнул кузнец,— помогай, а то брошу!

— Поживее, Степан, не задерживай барина,— сказал печник, входя в кузню [и], отодвинув Косарева в сторону. Он помог кузнецу положить ось на наковальню и держал ее, [пока] *когда* кузнец, оскалив зубы, стал отчаянными ударами молота выбивать из железа красные искры. Искры летели в лицо печника, он *тряс бородою*, [закрывая] *закрыв* глаза [тряс бородою], но повертывал ось под удары безошибочно, как было нужно, а кузнец все-таки кричал [неестест⟨венно⟩] и шипел:

— Вертай... не видиш-шь...

«Несомненно, это они делают на показ, для меня,— соображал Самгин. — Но — зачем? В чем [должно] они хотят убедить меня?»

— [Каков] Злой работник, а? — похвастался ямщик, подмигнув на кузнеца.— [Еще] Теперь смирнее стал, теперь его чахотка ест, а раньше бывало — ух! Не ходи мимо... А [у мехов] [*это*] *баба* — сестра его, дурочкой родилась...

л. 100 *Не переставая говорить*, он вынул из пазухи[1] краюху ржаного хлеба, *ласково* огладил ее рукою, подул на нее и снова спрятал [не переставая рассказывать] [*он тоже держался нелепо, говорил он слишком громко и таким тоном, что снова заставил Самгина подумать*: «[*Этот идиот*] [*Что он*] [*Да*] *Он, кажется, считает меня иностранцем?*»].

— Заметно, господин, что дураков прибывает; тут кругом в каждой деревне два, три дуренка есть [Земской доктор говорит], *говорят*: это от слабости жизни, [а старики [доказывают] *не согласны*: нет, это примета] *другие считают урожай дураков приметой* на счастье...

Печник сердито крикнул:

— Эй, Косарев, помогай...

Небо затягивалось [не] [*ровным*] пологом пепельных [туч] облаков, облака были почти прозрачны, а около солнца [так] забавно кудрявы, [что напомнили] *точно* парики вельмож XVIII века. По улице со двора на двор бегали мужики и бабы, в этой беготне было что-то вороватое, но в то же время [почему-то думалось] *казалось*, что люди катаются по зем-

---

[1] *Над текстом страницы автографа надпись синим карандашом*: Роман Никоновой.

ле *бессмысленно*, как шашки: кто-то, *готовясь играть*, высыпал [их] *шашки* [из ящика и равнодушно смотрит, как они катаются], и вот они катятся в разные стороны. Только в одном месте, [у ворот] [⟨с⟩ *покривившимся и забитым досками слуховым окном*] под окнами большой, *наклонившейся в улицу* избы с нахмуренной крышей, стояло четверо мужиков с палочками в руках, и один из них, [высокий] лысый, с козлиной бородой на кадыке, вскрикивал бабьим голосом:

— Черти носят... *Али я не говорил*? Чёрт принес...

— «Это, наверное, про меня»,— сообразил Самгин [и [перешел] *встал* за дере⟨вья⟩] [и подвинулся поближе] и перешел подальше за деревья, *спрашивая себя*: *боится* [*он*] *или не боится он мужиков*? *Как будто не боялся, но чувствовал себя неловко.* Им овладело то настроение, которое испытывают многие горожане [поп⟨ав⟩] в деревне, наблюдая не [понят⟨ную⟩] понятную [им] *для* них жизнь крестьянства, —настроение томительной [и охмеляющей] скуки и [лени] охмеляющей лени, которая [при⟨дает?⟩] делает мысли тягучими, мешает думать.

Бричку наладили, Косарев льстиво и усердно хвалил кузнеца:

— Крепче новой стала ось, ну и мастер ты!

— Езжайте,— сказал печник, оглянулся, нашел Самгина [в] за деревом и прибавил, погромче: — С богом...

Отдохнувшие лошади бойко побежали по улице, заросшей травою, [мужики и бабы, останавливаясь, мо⟨лча?⟩] и на улице стало тише, мужики и бабы встречали и провожали бричку молча, поглядывая на Клима недружелюбно и угрюмо.

Косарев весело размахивал кнутом, кивал головою знакомым, выкрикивал имена, поощрял лошадей:

— И — эх, птицы-и!

Но, выехав за околицу, обернулся к седоку и сказал:

— Сволочь народ! [А?]

Это было так неожиданно, что Самгин не сразу спросил:

— Почему?

— Да ведь как же? — [за⟨говорил?⟩] обиженно заговорил Косарев, усаживаясь на облучке боком.— [Раз⟨ве⟩] Али это порядок — замки срывать, хлеб грабить? Нет, господин, я своевольство не признаю. Конешно: есть — надо и сеять — надо, а все-таки ты [постой] подожди! Начальство-то знает что-нибудь али не знает? Ведь оно, все-таки... начальство!

Косарев поднял кнут [и], погрозил вдаль, в синеватые тени вечера и продолжал более вдохновенно:

— Ежели вы, господин, докладать будете про это бунтарство ихнее, так печника не забудьте, он, говорю, у них первый заводило, Вавилов, фамилия. Потом, который в красной рубахе,— Мишин, Петр, их два брата: Иона еще есть, тот — на фабрике, а Петрушка — сами видели, каков. Мосеев тоже мужиченко вредный,— вам бы записать фамилие ихние...

— Перестань,— строго сказал Самгин.— Я не полицейский, что ты?

Он сердился, но не находил достаточно веских слов, чтоб укротить возницу.

— Меня это не касается. Мне докладывать некому. Не стыдно тебе доносить на своих? Это — нехорошо, брат!

— Чего уж хорошего,— неожиданно согласился с чем-то Косарев и шумно вздохнул.

— Удивляюсь я,— продолжал Самгин, но мужик прервал его:

— Как не удивишься,— сказал он.— Али это жизнь?

— Довольно! — крикнул Самгин.

— Как желаете,— сказал Косарев, уселся на козлах покрепче и, размахивая кнутом над крупами лошадей, крикнул: — Но, но, яростные!

Затем сообщил:

— Ночью дождь будет.

И, наконец, замолчал, согнувшись, спрятав, как черепаха, голову в плечи.

«Народ,— возмущенно думал Самгин.— Бунтовщики»,— иронически думал он, но думалось [как-то] неохотно и только словами, а возмущение, ирония [растаяли] *таяли* так же быстро, как таял день. С востока, куда бежали лошади, из лесов [из-за холма] на горизонте, [с полей по 〈..?〉] выплывала синеватая муть, она поднималась с полей, отемняя серую полосу лукаво изогнутой проселочной дороги, и когда проезжали мимо одиноких деревьев, казалось, что и они стряхивают на землю темную пыль. [Волнисто] Холмистая земля была расписана черными полосами вспаханных полей, зелеными — озими, кое-где плыли сероватые пески, на песке торчали кривенькие сосны. Черная птица бесшумно взмыла в небо, отяжелевшее облаками, и уже в одной трещине среди облаков одиноко и дерзко сверкала звезда. Синеватая скука наступающей ночи настраивала Самгина необыкновенно для

него лирически и жалобно. Жалко было себя, человека, который [трясется в неудобной бричке по избитой дороге] не хотел бы, но [почему-то] принужден видеть и слышать то, что он видит и слышит. [Почему принужден?] Зачем ему эти унылые поля, непонятные люди и вообще всё то, чем он живет?

«Варвара — права. Жизнь моя — безрадостна. Жизнь без радости — бессмысленна. Я никогда не испытывал радости без того, чтоб ее не сопровождала какая-то тень...

Зачем [*эти*] *бесконечные и бесплодные думы обо всем, что видишь и слышишь?* [*думы*, [*волн*⟨*ующие*⟩] *приятно волнующие лишь тогда, когда они* [*злорадны*] *правдивы, а правдивые они — злорадны. Бесплодные думы, в сущности*]» [1]

В этом [наст⟨роении⟩] угнетенном настроении Самгин приехал на почтовую станцию, где как всегда не оказалось свободных лошадей. [Он решил] Чувствуя себя [усталым] разбитым, он спросил самовар, а пока собирали чай, неохотно посыпался мелкий дождь, затем он стал гуще, упрямее, поднялся ветер [и начал фыркать в стекла окон, точно сердитый конь], *заскрипел чем-то*, [*захлопнул*] *хлопнул дверью, сердитым конем* [*зафыркал*] *фыркнул в печной трубе и начал брызгать в стекла окон*, [*как*] *точно из ведра*. Сквозь дождь ко крыльцу станции *быстро* подкатил еще кто-то, в окне мелькнула, задрав голову, черная лошадь, дверь в комнату широко распахнулась, и, отряхиваясь, точно петух, на пороге встал большой [мокрый] человек, он сдул [со св⟨оих?⟩] с густых усов [воду] дождь, посторонился и, пропустив вперед себя женщину, [сказал] *зарычал сердитым басом*:

[— Ну, вот, приехали! До свидания. Значит?..

— Да, да — [*поезжайте*] *прощайте*,— торопливо сказала женщина и [с радостью] крикнула Климу:

— Здравствуйте! Вот встреча!

— Я — поехал,— [говор⟨ил⟩] сказал большой человек и тотчас исчез, сильно хлопнув дверью, а [женщина, встряхиваясь у порога, снимая] *Мария Ивановна Нилова, пытаясь снять* мокрое парусиновое пальто, [спрашивала Клима] говорила:

— Куда это вы? Господи, как я вымокла! Вот приключение! Куда это вы едете, Клим Иванович? [2]

---

[1] *Текст*: Не переставая говорить (*стр. 577*) ∾ в сущности]» — перечеркнут синим карандашом.

[2] *Возле этих строк, на полях, запись без обозначения места вставки*: [В ее восклицаниях звучало [что-то] оживление, незна-

Такой оживленной Самгин никогда не видал ее и даже не мог представить, что у нее есть еще одна улыбка, очень широкая и делавшая лицо ее почти неузнаваемо ласковым. Казалось, что она [была] обрадована тем, что так сильно вымокла, что с нее течет и юбка ее *жирно* лоснится в желтом
л. 101 огне лампы-молнии [и]. [Радость ее был⟨а⟩] *Она* напомнила Климу оживление Косарева после того]

— Я говорил — не успеем!

— Самгин? Вот встреча! — воскликнула женщина, пытаясь снять с головы капюшон парусинового пальто, размахивая руками и заслоняя *усатое* лицо мужчины.— Да, да,— нетерпеливо обратилась она к нему,— но вы все-таки поезжайте скорее, сейчас же!

Человек показал [Климу] Самгину мокрую спину, блестевшую, точно кровельное железо, показал и скрылся [за дверью], сильно хлопнув дверью, а [Мария Ивановна Нилова] *женщина*, притопывая ногами, [отклеивала] *отклеивая* раскисшее пальто с плеч своих, [и] оживленно говорила:

— Какой ливень,— ужас! В пять минут — ни одной сухой нитки. Удивительно дождливая весна,— не правда ли?

С первых же трех ее слов Клим по голосу узнал Нилову, [но и сло⟨..?⟩] но тотчас же отметил, что она не похожа на себя [и]. Как всегда, это было неприятно ему [*и* настраивало подозрительно], он терпеть не мог, когда люди выскальзывали из рамок тех определений, в которые он вставлял их.

Уже в [бойк⟨их⟩] словах Ниловой — «вот встреча» и в том, что она назвала его по фамилии, было что-то размашистое, фамильярное и не свойственное ей, а когда она провела ладонями по [влажному] лицу, он увидал на влажном лице ее незнакомую улыбку, широкую и ласковую. Он не [мог себе представить] *представлял*, что эта скучная женщина может улыбаться так оживленно, и подумал, что Нилова натянула на лицо свое эту улыбку как маску, а ее оживление напомнило ему Косарева, [внезапно] развеселившегося после того, как сломалась ось.

На станции Нилову знали; дородная баба, жена содержателя станции, называла ее по имени и отчеству; сочувственно охая, она увела ее куда-то и через десяток минут Мария

комое Самгину и [даже] как будто тревожное, а когда она провела ладонями по лицу, [он увидал] на лице [ее широкую улыбку] [остан⟨овилась?⟩] [явилась невиданная им] [до] ее он впервые увидал новую улыбку — широкую, ласковую и [даже] как бы заискивающую; он даже не]

Ивановна возвратилась в пестрой ситцевой юбке, в красной кофте, одетой, видимо, на голое тело, голову она повязала белым платком. Этот костюм [очень опростил ее] сделал ее моложе и здоровее, лицо, нахлестанное дождем, приятно разрумянилось, глаза блестели весело, [но пожимая⟨?⟩] пожимая плечами, вздрогнув, она предложила:

— Ну угощайте меня, озябла!

Но, посмотрев, как неловко действует Клим, она взяла чайник из рук его:

— Нет, лучше я сама!

Налив себе чаю, она стала по-крестьянски ловко резать хлеб, груди ее под широкой кофтой колыхались и мешали ей; положив хлеб и нож, она бесцеремонно заправила кофту за пояс юбки, от этого груди наметились выпуклее.

«Так *бесстыдно* сделала бы Маргарита,— отметил Самгин. — Вероятно, в ней есть и еще немало внутренно общего с Маргаритой. А привез ее, конечно, любовник».

— Кто это провожал вас? — спросил он.

Разрезая жареную курицу, она охотно ответила:

— Управляющий имением моих знакомых. А — что?

— На офицера похож.

— Да, он военный.

— Кавалерист?

— Почему вы думаете? — спросила она, начиная есть и не глядя на Клима.— Нет, он сапер. Унтер-офицер.

И не торопясь, как бы вспоминая, она [рас⟨сказывала⟩] продолжала:

— Очень грубый и тупой. Сын богатого огородника, но с отцом в ссоре. *Поехал за доктором*; *у знакомых моих заболела дочь.*

Словоохотливость ее [была] *казалась* подозрительной и всё ее поведение было незнакомо Самгину.

— Саша,— крикнула она, постучав кулачком в тесовую перегородку.— Дайте мне полушалок какой-нибудь. Холодно,— объяснила она, посмотрев на грудь свою и улыбаясь новой [своей] улыбкой, широкой и мягкой.

[Самгин молчал, но *он* чувствовал] *Понимая*, что молчать невежливо, [но] *Самгин* все-таки молчал, что-то мешало [ему] говорить с этой женщиной в *тоне* привычном ему, [а она, *посматривая на него вопросительно*, как бы [обязывала заговорить] *ждала*, *что он заговорит* с нею по-новому, и казалось, что она] *а Нилова*, *вопросительно* поглядывая на него [вопросительно], *как будто* [ожидает] *ожидала*, что он [за-

говорит с нею как-то] *покажет себя ей тоже* [по-новому] *новым*. [Может] *Он закурил папиросу, предложил и ей.*

— Не курю,— сказала она.— Разве вы не заметили, что не курю?

[И как-то] *Тогда* вдруг [точно] [Может соскочив с кри-〈...?〉] с торопливостью, непонятной ему, он стал рассказывать, как мужики сорвали замок с двери хлебного магазина, рассказал о [негодяйском] поведении [Косарева] [1], о печнике. *Он хотел рассказать* [*комически*] [*обо всем этом*] *шутливо, как анекдот, но против воли его* [*выходило*] *рассказ звучал* [*то*] *или жалобно,* [*то*] *или сердито,* [*и*] *а ему неприятно вторило* [*сердитое*] *кипение дождя за окном.* Нилова слушала [его, прикрыв глаза], откинувшись на спинку стула и глядя в потолок полуприкрытыми глазами, груди ее неприлично торчали и шевелились, равномерно приподнимая кофту, точно стремясь обнажиться. На ее незначительном лице застыло выражение напряженное, [как] [точно она плохо слышала] *как у человека, который плохо слышит* или слушает сквозь свои думы из вежливости [и насилуя себя].

— А я не могу сердиться на крестьян,— сказала она, [встав и по 〈..?〉] *вставая*, [встряхнулась, точно курица] [и] и прошлась по комнате, окутав грудь полушалком.

— Я тоже не сержусь,— сказал Самгин.

— Сердитесь, слышно,— возразила она, вздохнув.— Сердиться на них бесполезно, как на детей,— продолжала она, [стоя] остановясь пред черной *и мокрой* дырою окошка.— Но они — мудрые дети, это верно говорят о них. [Вчера] *Третьего дня* учителя хоронили там,— сказала она, ткнув пальцем в стекло,— и один мужик [бывший сóлдат] сказал мне: «Вон, глядите, человек [хлеб] сеет и каждое зерно прободёт землю, хлеб людям даст, а *самого* человека в землю зароют, сгниет он и больше никакого толку». Видите, как? — спросила она, не оглянувшись на Клима и [расписывая пальцем по запотевшему] *ставя мизинцем на запотевшее* стекло маленькие нотабене.— Они очень умеют говорить такие... мудрости. И любят.

— Я не поклонник,— начал Самгин, но она продолжала, взглянув на него через плечо.

— Тетка моя звала меня [маленькую] зернышко. Славная у меня тетка была,— [старая дева и] удивительно добрая, [это редко бывает] хотя старая дева; это редко бывает.

---

[1] *Слово зачеркнуто синим карандашом, видимо, по ошибке.*

Она [пр⟨исела?⟩] села на стул, заложив ногу на ногу, [чулок на ней не было и] голые ноги в пестрых шерстяных туфлях блестели как сливочное масло.

— Дождь этот — верст на двадцать, пожалуй,— тихо сказала она.— Мы с вами точно на дне котла,— слышал Самгин [ее] задумчивые слова.— В такие дождливые ночи или зимою, когда вьюга, я чувствую себя [обиженной и] ненужной на земле. А — вы? [1]

Самгин подошел к ней, встал рядом.

— Да, скверно [сказал он.— Вообще, человек осужден на одиночество],— сказал он *и*, чувствуя, что в нем разгорается любопытство мужчины, подумал: «А что если попробовать?»

Перекинулись еще двумя, тремя ненужными фразами, потом Нилова подняла руки, чтоб поправить платок на голове, [он] Клим поймал ее руку и поцеловал, женщина, улыбнувшись, прислонилась головою к его бедру. Тогда он, наклонясь, поцеловал ее в губы, она оттолкнула его, встала и [положив руки на плечи его, очень спокойно] шепнула:

— Еще не спят. Вы — ложитесь, я потом приду. Прийти?

— Да! — сказал он, обнимая ее.— Конечно.

Сжав горячими ладонями его щеки, она очень крепко поцеловала его и ушла, а он стал раздеваться, [игриво] думая: «Почему не пошалить с женщиной, если она хочет

л. 102 этого? Было бы глупо не воспользоваться».

Погасив лампу, он лег на широкую постель в углу комнаты, [прислушался] *прислушиваясь* к неутомимому [плеску] шороху [и плеску] дождя и ожидая [женщину] *Нилову* так же спокойно, как ждал [жену] Варвару.

— «Да, вот они, женщины»,— [неохотно] подумал он неохотно, [как бы] *точно* по обязанности.

Однообразный шум дождя был печален и равен тишине [захотелось, чтоб пролаяла собака, хлопнула дверь]. Самгин вспомнил слова [женщины] *Ниловой*:

— «Мы точно на дне котла».

И о ненужности своей на земле она сказала не глупо. Вообще в ней, несмотря на ее внешнее безличие, *есть* как будто бы [есть] что-то своеобразное. Говорит она не *очень* книжно [а видим⟨о⟩ от себя].

«Я хочу прикрасить ее?» — спросил Самгин *себя*, глядя

---

[1] *Текст*: Дождь этот ∾ А — вы? — *перечеркнут синим карандашом.*

в черный квадрат окна на [стене оклеенной] *серой бревенчатой* стене. Кипение дождя угнетало, хотелось, чтоб хоть какой-нибудь иной звук разорвал бы этот однотонный шорох, пролаяла собака, хлопнула дверь, зашуршали тараканы [вообще родился бы]. [1]. *Хоть бы [часы тикали] ⟨ход?⟩ часов считал секунды, но дешевенькие часы с циферблатом, расписанным [различ⟨ными⟩] розовыми цветами и с подковой на одной из гирь* [2]

И когда пришла женщина, Клим почти нежно упрекнул ее:

— Как вы долго!

— Молчите,— шепнула она, а через некоторое время спросила, прижимая голову его к своей груди:

— Ну что же,— хорошо со мною?

— Да,— искренно ответил Самгин, а она, вздохнув, спросила:

— Но, разумеется, вы не высокого мнения о моей... нравственности?

Клим пробормотал [что-то]:

— Как вы можете думать... *я так благодарен.*

В темноте он не мог видеть, с каким лицом она говорила, и не слышал упрека в [шёпоте] словах ее, почти беззвучных, но она [очень подкупила] растрогала его нежностью [своих] ласк, ему казалось, что таких ласк он еще не испытывал. Самгин даже почувствовал желание сказать ей какие-то особенные слова благодарности, но осторожность и недоверие к людям помешало ему [сделать] в этом.

— Да, уж так,— шептала она, гладя его лицо очень горячей ладонью.— Так принято. *Ведь и вы, как все, думаете не так, как подсказывает вам ваше я, а как принято думать, да*? А ведь я не виновата, что лучше этого мне ничего не дано. Мне скоро тридцать, женщина я не приметная, вот и...

Она закашлялась, спрятав лицо в подушку, потом сказала:

— Кажется, простудилась я.— Пойду.

[Самгин внимательно вслушивался в ее слова, и они удивляли его [своей] простотой, совершенно лишенной цинизма.]

Поцеловав его, она бесшумно ушла, [а] Самгин заку-

---

[1] *Первоначально было*: хотелось, чтоб пролаяла собака, хлопнула дверь, зашуршали тараканы, [вообще родился бы] хоть какой-нибудь иной звук [и] разорвал бы этот однотонный шорох.

[2] *Фраза не закончена.*

тался одеялом, закрыл глаза [и, вспоминая ее слова, не нашел в них ни цинизма, ни печали].

«Странная какая»,— подумал он и с этим заснул, а проснувшись, [рано ут⟨ром⟩] [*поздно*] узнал, что Нилова на рассвете уже уехала.

«[Какая тактичная] *Тактично*,— [мысленно] похвалил он ее.— Тактичная и простая»,— думал он, [все более] вспоминая ее слова и не находя в них ни цинизма, ни печального упрека.

За окном жирно блестела мокрая земля, ветер [раскачив⟨ал⟩] встряхивал полуголые ветви [деревьев] [берез] деревьев, *легко* гнал по синему небу мелко изорванные облака, блестели на солнце почки берез, суетились воробьи, на краю лужи стоял золотой петух и [смо⟨трел⟩] [одним], склонив голову набок, [одним] *янтарным* глазом смотрел в серебряную воду, точно в зеркало. Самгин чувствовал себя настроенным мягко и благодушно.

«Можно бы жить [очень спокойно и] в *хорошем* мире с самим собою,— размышлял он, подпрыгивая в бричке по раскисшей дороге, между взмокших полей, под солнцем; оно как бы играло с землею, прячась [в чисто вымытом небе] среди облаков, пышных *и легких*, как чисто вымытое руно. [—Можно, да, но для этого необходимо вырасти из ненужного мне, из этих мыслей о политике, политиках, вообще — о людях.] [В сущности, [в] это единственно разумная цель: жить в мире с самим собою.] [А вообще цели и ну⟨жды?⟩] [Это и значит: честно жить.]»

Свежесть воздуха приятно охмеляла, рассеянный блеск солнца, отражаемый [лужами слепил] зеркалами луж, ослеплял.

Ноги лошадей, не торопясь, месили грязь, наполняли воздух хлюпающими звуками, брызги воды взлетали из-под колес.

л. 103 Сначала думалось [нехотя] *механически* и бессвязно, скорее по привычке думать, чем по необходимости, [но] а затем его мысли [приняли] потекли живее и быстрей.

«В сущности, это единственно разумная цель: жить в мире с самим собою. Это и значит: жить — честно, а не так, как принято. Какие же могут быть *иные* личные цели, если *признать, что* существует историческая необходимость, требующая покорности ей? Честно жить, значит — жить, не покорствуя [давлению [общепринятого насилия], общепринятому] насилию действительности».

Глядя, как хлопотливо в придорожных кустах порхают стайки желтых овсянок, Самгин углубленно задумался: в самом деле, [начиная] с детства [его] *и* дома, и в школе его начиняли массой совершенно ненужных ему знаний, идей, [воспитывали в нем привычки, обязатель⟨ства⟩] *затем он накопил множество книжных знаний, обязательных для культурного человека*, и вот он не может найти себя в [хаосе] *паутине насильно* воспринятого, чужого.

«Мне пора вырасти из [мыслей о] *отношения* к себе как [о человеке] человеку, обреченному жить для чего-то или для кого-то».

[Об] Догнали телегу, в ней лежал на животе длинный мужик, без шапки, с забинтованной головою, серая, пузатая лошадь шагала лениво. Возница Самгина, курносый подросток, привстав на козлах, закричал:

— Эй, свороти!

— Успеешь,— глухо ответил мужик, но не пошевелился.

Подросток попробовал объехать его, загнал одну из своих лошадей глубоко в грязь, зацепил колесом брички телегу, тогда мужик крикнул, приподняв голову:

— Куда лезешь, сволочь?

И, не освобождая дорогу, остановил лошадь. [Досадуя, что] Это столкновение, прервав ход мысли Самгина, рассердило его, он закричал на мужика, на [подростка] *своего* возницу, *тогда* мужик миролюбиво сказал:

— Чего ругаетесь? У каждого свое дело.

— Опоздаем к поезду,— сказал подросток, нахлестывая лошадей.

— Как это? Ты — гони!

— По грязи-то? — спросил возница и [по] старчески проворчал: — Лошади не машина.

— А ты не разговаривай,— сердито крикнул Самгин и подумал: «Вот ради таких остолопов сотни культурных людей сидят в тюрьмах, живут в ссылке».

Эта мысль и раньше [бродила] смутно бродила в нем, но, избегая резких формулировок, он остерегался одеть ее четкими словами, а сегодня она сама, своею силой, нашла форму и [наполнилась] оплодотворилась, отяжелела, сжав собою [бесконечный] ряд впечатлений, давно пережитых. Самгин вспомнил хромого мужика на дачах Варавки, старенького каменщика, весело разрушавшего стену дома, трехпалого проповедника, *как шли полураздавленные люди с Ходынского поля*, вспомнил, как поднимали колокол, как

разрушилась казарма, вспомнил все, что и удивляло, и подавляло его, и особенно ярко, в каком-то новом свете, встала пред ним *вчерашняя* картина взлома замка на двери хлебного магазина.

«Дети? Нет, наивные и хитрые дикари,— решил он.— Именно так: наивные, но и хитрые».

Мелькнула в памяти недоверчивая улыбочка Дунаева, мрачное лицо Вараксина, [затем он всп⟨омнил⟩] фигуры других рабочих, и [вдруг] прозвучали [в памяти] недоуменно прочитанные Сомовой слова из письма Кутузова о «вкусненькой микстуре гуманизма».

Он [почувствовал] чувствовал, что впервые думает так прямолинейно, [решительно, он] даже несколько любовался смелостью своих дум, и ему казалось, что вот, наконец, он
л. 104 находит себя и найдет в себе силу освободиться от всего, что насильно втиснуто в душу ему.

Среди этих дум *для* Ниловой не было места. Вечером, рассказывая жене о впечатлениях поездки и упомянув о встрече с Ниловой, Самгин почувствовал, что эта женщина утратила *свою* загадочность.

— [О ней] Вчера о ней очень беспокоилась Люба Сомова, — *равнодушно* сказала Варвара; [очень утомленная чем-то, она *жаловалась на мигрень*] *она, против обыкновения, была плохо причесана*, сидела за столом в измятой блузе, в ночных туфлях, [с растрепанной прической и жалуясь на головную боль, ее погасшие] глаза, *окруженные синеватыми тенями*, утомленно мигали [и этот ее будничный ви⟨д⟩], и этот необычный ее вид [как-то] *как бы* оправдывал приключение Ниловой.

— [Что же она го⟨ворила⟩] Какие *же* глупости говорила она?— осведомилась Варвара.

— Ты знаешь, она не болтлива.

— [Кажется] [Да, это ее достоинство] *Это — единственное ее достоинство.*

— Тебе нездоровится?

— Мигрень.

Помолчав, Варвара сказала:

— О том, как мужики сорвали замок с хлебного магазина, я читала рассказ [какой-то дамы], кажется,— Милициной. Мне казалось, что это выдумано.

Самгин, [раскуривая папиросу] прихлебывая чай, подумал, что может быть Варвара, [тоже] так же, как Нилова, отдавалась мужчинам, например, Кумову [или еще], и тоже

[*наверное*] *не чувствует никаких «угрызений совести»* [*Ревности эта мысль не возбудила, но все-таки*] *Эта мысль не возбудила ревности, но жена показалась ему еще более неприглядной.*

«Ей уже безразлично, как я ее вижу». [1]

Тяжело топая, вошел Митрофанов, [тоже необычный, в поддевке, неловко висевшей на] угрюмо нахмуренный, с подвязанной щекою, он встал у стола и тихонько, тревожно спросил:

— Вы слышали? Студент Балмашев застрелил министра Сипягина.

Подскочив на стуле, Варвара вскричала:

— Как? Балмашев?

— Позвольте! — глухо сказал Митрофанов [подняв руку к лицу].— Что же это — война студентов с министрами... как же это? Это, знаете... Какое же мы государство?

За его глупыми словами Самгин услышал глубокое недоумение и страх, он и сам ощутил что-то близкое испугу. [2] А Митрофанов неуклюже, боком, сел на стул и продолжал сердито, обиженно:

— Нарядился офицером и — трах! Это, знаете,— деревня! [так сказать] Чуть что — сейчас колья в руки и — головы друг другу ломать. Что же это — революция? Покорно благодарю! Какая же революция? Это уголовщина. Нарядился офицером...

Он замолчал на секунду, ослепленно и вопросительно вытаращив глаза, Самгин пробормотал:

— Да, эти... единоборства, конечно, безумие.

— Вот именно! — [несколько] обрадовался Митрофанов.

— Ежели революция, так пожалуйте стенка на стенку, честно, а не так, нарядился и... Я, конечно, глупости говорю, догадался он [упираясь руками в колени],— никаких революций не нужно, я знаю! Однако, сами посудите, если [все] начнут ежегодно стрелять [в] министров... это — плохой пример!

Было ясно, что чем больше он говорит, тем [сильнее боится, тем] более овладевает им страх [и возмущение]. Не отвечая на вопросы Варвары *и*, должно быть, не слыша их, он [шев‹елил›], прижав локти к бокам, [шевелил] *степенно*

---

[1] *После этих слов — знак вставки, вставка отсутствует.*
[2] *Текст*: освободиться от всего (*стр. 588*) ∾ испугу — *перечеркнут синим карандашом.*

потрясал руками, [растопырив] пальцы его нелепо шевелились, вытянувшееся лицо отупело.

— Сегодня — министра,— а завтра — вообще начнут. Ведь эдак, знаете, на улицу нельзя будет выйти. Народ у нас... с фантазией. Недавно тут [1 *нрзб*] угольщика поймали, он лесничего убил, спрашивают: За что? — Надо было,— говорит.— Надо, а? Эдак-то мне вдруг понадобится, например, вас убить или вам меня.

— Вы сказали — Балмашев? — настойчиво [спрашивала] *спросила* Варвара уже третий раз.

— А ну его! — ответил [постоялец] *Митрофанов* [[и] встал и развел руками].— Просто, знаете, голова кружится... [от этого...]

л. 105 Он мотнул головою, точно лошадь, [молча выпил стакан чая] и стал пить чай, морщась, точно [1] принимая горькое лекарство [и когда Самгин сказал, что]. Варвара нетерпеливо и озабоченно смотрела на него, дымя папиросой, а Самгин, чувствуя, что нужно сказать что-то, пробормотал:

— Террор — бессмыслица [мы уже испытали это].

— Нет, вы подумайте,— продолжал Митрофанов, поставив на стол недопитый стакан.— Вот молодые люди горячего характера зубья из гребня выламывают, а — чем же мы причешемся? Ведь нам, Клим Иваныч, причесаться надо, растрепанный мы народ! Ей богу! Уж я-то знаю, до чего растрепан человек,— поверьте! — плачевно кончил он, допил чай и встал:

— Пойду [по трактирам, послушаю],— *сказал он и развел руками*, усмехаясь:— А — куда пойду? Ах, ты, господи...

Наконец он ушел, Самгин, свободно вздохнув, проворчал:

— Какой *тяжелый* дурак!

И тотчас же сердито спросил жену:

— Неужели ты не понимаешь, что было неосторожно выспрашивать фамилию студента? Митрофанов [мог] *может* подумать...

— Ах, оставь! — негромко воскликнула Варвара [и густо] *и*, покраснев до шеи, сверкая зелеными глазами, [торопливо] *заговорила* быстрым шопотом: — Митрофанов искренно привязан к нам, и я его не боюсь. А вот Люба!

---

[1] *Слово зачеркнуто красным карандашом и проведена соединительная черта от слова*: чай *к слову*: горькое — *видимо, наметка незаконченной правки.*

[Эту] Фамилию Балмашев я слышала от нее [когда она] и от этой, Клитчоглу, уверяю тебя! И для меня вообще несомненно, что Сомова причастна к террористам. Послушай,— неужели ты не понимаешь...

Ее шёпот [принял от⟨тенок?⟩] *принимал* тон все более драматический, и это заставило Самгина вспомнить ее той неприятной девушкой, какой [он знал ее] она была до связи с ним. [1] Она очень разумно и убедительно говорила о риске испытать «в чужом пиру похмелье», но соглашаться с нею не хотелось. И когда она [ска⟨зала⟩] [предложила] [*предложила*:— *Нужно* отказать под благовидным пр⟨едлогом⟩] [отк⟨азать⟩] [очень настойчиво] предложила [отка⟨зать⟩]:

— Скажем Сомовой, что необходимо ремонтировать флигель и пусть она уедет от нас,— Клим [с доса⟨дой⟩] небрежно заметил:

— Какая ты трусиха!

— Я не хочу сидеть в тюрьме,— вдруг истерически крикнула она, ударив по столу кулаком.

— Тише! Ты с ума сошла,— тоже закричал Самгин, и сам удивился озлоблению, которое внес в свои слова.

— Нет, не сошла! И не трусиха, нет! — говорила Варвара [непр⟨иятным?⟩] *шёпотом*, царапающим уши.— Это ты — трус! Ты, потому что хочешь играть роль, для которой у тебя нет таланта. Я тебя поняла! Да, да,— шептала она, наклонясь к нему [и], глаза ее становились все зеленее, в них явился *почти* нестерпимый блеск, [а] на длинной шее, под красными ушами, Клим видел дрожь каких-то *синих* жилок [а лицо ее так покраснело, точно она только что вышла из горячей ванны].— Ты революционер только потому, что такова мода. Ты весь — в словах, а сердце холодное у тебя. И я не хочу больше...[2]

Самгин встал, подкинутый со стула злой дрожью и чувствуя желание ударить ее.

— Прошу замолчать,— сказал он негромко и пошел в свою комнату, сзади его загремели чашки, и задыхающимся шёпотом [жена] Варвара прошептала:

— А я... я требую...

---

[1] *Текст*: Он мотнул головою (*стр. 590*) ∽ до связи с ним.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Тише! Ты с ума сошла ∽ не хочу больше...— *отчеркнут на полях красным карандашом и рядом помета*: Взять — *видимо, сделанная при обдумывании следующей редакции.*

Он уж не слышал, чего она требует, заглушив ее слова резким стуком двери и шумом ключа в замке.

В кабинете у себя он свалился на диван, [провор⟨чал⟩] изумленно пробормотав:

л. 106 — Вот скотина! Не угодно ли?

Всё, что [она] *Варвара* нашипела, было тем более отвратительно, что это была правда: Сомова — опасна, он — не революционер, *и* [*конечно*], *да,— ему грозит похмелье в чужом пиру.* Но эту правду он сам знал, и, конечно, намного раньше, чем догадалась о ней жена, и он был глубоко оскорблен тем, что [она] *об этом* догадалась *глупая* женщина с длинной шеей и [ухватками] деланной скромностью [проститутки] *распутницы*, которая [хорошо изуч⟨ила⟩] *только потому скромна, что* боится показать навыки проститутки. [Во все время жизнь]

Он лежал, скрестив руки на груди, сжав губы, и мысленно давил Варвару тяжелыми словами.

«За все время жизни с тобою я никогда не испытал [той неж⟨ности⟩] таких нежных ласк, какие [она⟨?⟩] дала мне Нилова, женщина, которую ты считаешь ничтожеством. Да, я не революционер, но, как все люди, я прикован к тяжелой колеснице жизни цепью необходимости и — ты врешь! — я честно, в меру сил моих, исполняю мой долг. Ты этого не делаешь, твой долг родить детей, а ты подло сделала выкидыш, для того *только*, чтоб ребенок не мешал твоим наслаждениям «козы».

Самгин впервые [*чувствовал*] *испытывал удовольствие гнева, никогда еще злые слова не слагались так легко* [*и быстро*] *в стройную речь* [и ⟨*1 нрзб*⟩]; *он быстро снизывал их одно с другим и уже любовался этой работой возбужденного чувства.*

[Самгин] [*Он*] Вскочил на ноги, *ему* захотелось сказать в лицо жены эти сокрушительные слова, свалить ее с ног их силой и правдой [Он никогда еще не испытывал *такого* насла⟨ждения?⟩ от силы слов, никогда они не слагались так быстро и легко в стройную речь], заставить плакать, просить прощения. Но в [комнате] столовой был слышен негромкий бойкий голосок Сомовой, это остановило его; вытянув шею к двери, он, *сунув руки в карманы брюк*, стал напряженно вслушиваться; слов не слышно было, но он слышал, что Сомова говорит оживленно, и его гнев обратился на нее, на [эту] бездарную жирненькую девицу, которая, дожив почти до тридцати лет, не умела найти себе любов-

ника и укрощает *голод* плоти своей бессмысленной [беготнею] *суетою*, играя роль горничной при революционерах.

[«Рабыня»]

В столовой *вдруг* стало тихо, [но желание идти туда исчезло, Самгин стоял, задерживая дыхание, [и] слушал тишину, но не слыхал, как Варвара подошла к двери [и повер⟨нула⟩], *потом Самгин услыхал шарканье туфель жены, ручка двери повернулась.*

— [Отопри,— глухо сказала она. — Клим] *Открой!*

«Шлепает туфлями как старуха»,— отметил Клим и не спеша повернул ключ, но дверь не отворил, жена, подождав, сама открыла ее и сказала, глядя под ноги его:

— Была Сомова, арестован Долганов,— помнишь? — она ждет, что ночью арестуют и ее. Но она, кажется, [ничего] не знает об убийстве Сипягина, если б знала, так, конечно, радовалась бы и сказала мне. Она предупредила, что возможен обыск и у нас [так] и что если у тебя есть что-нибудь...

— У меня ничего нет,— *сухо* ответил Клим и, притворив дверь, запер ее. *Ему послышалось, что жена сказала*:

— *Неправда.*

Но когда Варвара отошла от двери, он тотчас же [вын⟨ул⟩] взял [с полки книг] *из книжного шкафа* папку, в которой [хранились [не] [не] запрещенные] *хранилась* собранная им коллекция запрещенных открыток, эпиграмм, стихов, *корректур газетных заметок, не пропущенных цензурой*, сел на диван и задумался: куда спрятать все это? Лично ему все эти вещи казались пошленькими и, в большинстве, бездарными, но он ценил их, [это] они были монетой, [которой] *на которую* он покупал внимание к себе, и были ценны тем, что [укрепляя] *укрепляли* своею дешевизной его пренебрежение к людям, его убеждение в *детской* глупости людей. В этот час тусклого вечера пренебрежение переродилось в злость [на террористов, жен], от которой ему даже стало *так* душно, что [он] *он сорвал галстух и* расстегнул ворот рубахи, сломав запонку.

[Рассмат⟨ривая⟩] Механически перебирая карты, которыми он привык играть, он думал о том, что завтра [нужно будет высказываться] [придется] *все будут* говорить о терроре, придется говорить об этом и ему. [1]

л. 107

После убийства Боголепова, покушений Лаговского и Алларт, *Кочуры*, Самгин утверждал, что террор недопустим

[1] *Над текстом страницы автографа — помета красным карандашом*: Лютов

этически, да и практического значения не может иметь. [Он] Некоторое время он был уверен, что этот взгляд установился в нем прочно, навсегда, но [затем] эту уверенность подорвал Лютов.

Самгин [крепко] закрыл глаза, озлобленно воспроизводя случайную встречу с Лютовым в гостинице одного из уездных городов. Клим сидел в плохоньком номере, пред кипевшим самоваром, с негодованием читал новую книжку крикливых рассказов модного писателя *и* делал заметки для статьи в «Наш край». За окном бесшумно колебалась густая кисея снега, маленький городок был окутан белой тишиною. Внезапно заскрипел под быстрыми шагами пол в коридоре, распахнулась дверь, и на пороге встал, [взвизгивая] приветственно повизгивая, торговец пухом и пером, в курточке из шкурок сусликов, в валяных сапогах выше колен. По лицу его видно было, что он в сильном похмелье. За ним вошел кудрявый паренек [с подносом в руках] *и* благочестиво поставил на стол бутылку янтарной настойки [и], тарелку моченых яблок. Усевшись верхом на стул, крепко держась за его спинку и стараясь понизить непослушный голос, Лютов [об⟨ъяснил?⟩] рассказал, что явился [сюда] покупать рысака:

— Необыкновенной красоты конь, хочу Алине подарить.

Он стал еще более уродлив, поредевшие, встрепанные волосы обнажали на черепе его какие-то бугры, лысина, увеличив лоб, сделала глаза его меньше и острее, белки приняли металлический, как бы ртутный блеск и покрылись тонким рисунком красных жилок. Щеки тоже были красные, вспухли подушечками; нос тяжело опустился к толстым губам, и можно было думать, что он не подстригает реденькие волосики усов и бороды нарочно, для того, чтоб подчеркнуть неприглядность лица. Развинченно изгибаясь на стуле, он весьма ядовито спросил:

— Ты что же не бываешь у Алины? Жена запрещает или мораль?

— Конечно не поэтому,— неловко начал Самгин, но Лютов, не слушая, продолжал [с], ехидно усмехаясь [— Конечно — поэтому, не ври! И], обнажив мелкие, желтые зубы:

— Конечно — так! Гуманист, моралист, хех! Не плохое ремесло! Легко убеждать людей, что они — дрянь и жизнь их — дрянь, они в это верят тоже легко, чёрт их знает почему! Эта вера не делает *их и* меня лучше, но именно она создает тебе и подобным репутации хороших, честных людей.

Ты — не обижайся,— [предупред⟨ил⟩] *дружелюбно* попросил он, хлопнув Клима ладонью по плечу.— Выпьем! Это ведь я говорю для упражнения в остроумии. Обязательно брат, быть остроумным, а то чем еще я куплю [свой] *себе* кусок [наслаждения?] *удовольствия*? [«Жизнь для лжизни нам дана»]

Склонив голову к плечу, он подмигнул левым глазом и прошептал: «Жизнь для лжизни нам дана»,— заметь, что сей [скверненький] [*плохонький*] каламбуришко достигается приставкой к слову жизнь буквы — люди! Штучка?

— *Каламбур плох,— сухо сказал Клим, а Лютов,* [*кивнув*] *тряхнув головою, согласился:*

— [*То-то, что*] *Очень плох!*

Из всех людей, неприятных Самгину [*и смущавших его своей спутанностью*], *Лютов был особенно неприятен,— и даже* [*иногда*] *вызывал странное подозрение,* [*что ему*] [*как будто*] *что ему исключительно приятно дразнить и раздражать* [*именно*] *именно Клима Самгина, что он играет с ним какую-то темную и злую игру.*

[С каждой новой встречей этот человек возбуждал] [1] у Самгина все более острую антипатию [может бы⟨ть⟩] тем, что он, вскипая и брызгая словами, *всегда* оставлял в памяти Клима что-то ненужное и тревожное, и тем, что [Клим] Самгин не мог понять, когда Лютов говорит настоящее свое, то, чему он верит? Так было и [на] *в* этот раз. Выпив рюмку янтарной влаги, Лютов взял яблоко, скептически посмотрел на него и, положив на тарелку, шумно вздохнул:

— Умопомрачительная женщина Алина, братец мой! — сказал он в тоне священного восторга и даже взмахнул руками, но лицо его выдало Климу фальшь слов,— оно обмякло, оплыло, ртутные глаза его прекратили свой [неприятный] трепет, [а] слова как будто обожгли его изумлением, испугом. [Но он тотчас же продолжал] Он пробормотал:

— Дураком я был тогда, вообразив... ну, ладно! Ты — выпей! Некорректно, брат, быть трезвым, когда собеседник пьян,— пробормотал он, привстав, подавая Самгину рюмку, и снова [театрально] провозгласил театрально:

— Выпьем за женщин, предающих красоту свою на растление, за прекрасное и святое тело их, немое для любви! Немотствующее, Самгин, понимаешь?

---

[1] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*

— Нет, — вызывающим тоном сказал Самгин, но тот, не [обращая] *обратив* внимания на [его] него, глядя в угол, продолжал:

— Тут — катастрофа! Макаров, наивнейший человек, но он, как зверь, верно чувствует: женщина есть враг. Я смеюсь над ним, я говорю ему: ты, как заяц, в каждой вороне чувствуешь врага, однако... я смеюсь от нечего делать против истины.

Подвинувшись вместе со стулом, он обеими руками схватил руку Самгина у локтя, у кисти и, притягивая, наклоняя его к себе, зашептал:

— Почтеннейший страховых дел мастер! Вот ужас: во всем, во всех диких мыслях и уродствах жизни скрыта некая доза истины, и от [челов⟨ека?⟩] столкновений с нею нам не застраховать себя. «Что есть истина?» Пилат, болван, должен был знать: истина есть игра дьявола. Да, вот это [самое, это] и есть основная истина, распутная и плодовитая мать всех наших истин, правд, причина идиотской, тревожной бессонницы [всех] умников мира сего...

Он захлебнулся словами и дал Климу время сказать очень сердито:

— Изломанный ты человек, человек из сумасшедшего дома Федора Достоевского.

— Нет,— серьезно? — спросил Лютов и визгливо засмеялся.

— Тебе лечиться надо от пьянства...

— И от себя самого? От себя-то — вылечишься ли? Так, значит,— из Достоевского? Ну, это — ничего! Спасибо. А то есть еще сумасшедший дом Михаила Салтыкова-Щедрина, туда попасть обидно было бы мне, там подобрался мелкий безумец, безумец жалконький... [Ах ты, моралист, нормалист.]

— Заврался ты,— сказал Клим, чувствуя, что говорит с грубостью, несвойственной ему, но не [найдя ничего иного для] [умея] сумев найти иной формы для своего раздражения.— И зачем все эти выверты, при чем здесь Щедрин?

— Не понимаешь? — удивился Лютов и с сожалением воскликнул:— Ах ты, моралист, нормалист! «Жив есть и таковым пребыти хощу, дондеже смертию попран не буду!»— взвизгнул он.— [А что живя] Надобно одеваться прилично, этого требует уважение к себе, а трагические лохмотья Достоевского украшают нас больше, чам сальные халаты Щедрина, понял, нор-малист!

Крепко вцепившись в руку Самгина, он раскачивал ее и [быс⟨тро⟩] говорил, [все более быстро пьянея, изгибаясь, говорил [пере⟨ходя?⟩] уже о политике] посмеиваясь, подмигивая, а Клим [ждал], невнимательно слушая пьяный голос, ждал момента [ска⟨зать?⟩] прервать его речь и копил резкие, уничтожающие слова.

— Гуманизм — гуманизмом, но необходимы и подзатыльники,— слышал он.— Сам господь угрожал: «Зубы грешника сокрушу», и ведь, ты знаешь, не только зубы — он царства сокрушал. Нет, погоди! — сказал он, оттолкнув руку Самгина.— [Как же ты, гуманист, *принимаешь* террор?] Вот у нас, хочешь — не хочешь, выросли [две] политические партии,— факт! Которая из них скорее заставит царя дать

л. 108 конституцию?

— Здесь не место *говорить об этом*, тише,— [сказал] *предупредил* Самгин.

— Ерунда! Никто ничего не понимает. [Если] *Ну-ка скажи: стачки, пятачки или подзатыльники — что быстрее воздействует*? Если эс-эры подзатыльниками, тогда... как ты думаешь, [что тогда будет?] *чего достигнем*?

Он не стал ждать ответа, а, наклонясь к лицу Самгина, сам ответил:

— Немедленно начнется организация антисоциалистических сил крестьянства, мещанства, духовенства, вот что! Попы будут у нас большую роль играть, увидишь!

Поднял палец.

— *Попы, братец мой, еще не сказали у нас своего слова. Скажут, увидишь! В Пет⟨ербурге⟩ некие хлюсты или хлесты цезар⟨о⟩папизм проповедуют, это, брат, как раз то, что надо.*

— Значит ты против эс-эров? — спросил Самгин, несколько оглушенный новой для него мыслью.— Раньше ты рассуждал иначе...

— Разве? Не помню!

Лютов широко ухмыльнулся, спрятав глаза в подушечках щек, и сказал:

— А знаешь, было время, когда я совсем не рассуждал, но — просто: что увижу, то и в рот себе тащу. Тогда мне было года два от рождения.

Он стал рассказывать что-то о своем детстве, но Самгин уже не слушал его, соображая: не[затем] *к тому* ли этот хитрый пьяница [вел] внезапно завел беседу о политике, чтоб *только* подсказать ему мысль об организации антисо-

циалистических сил? А Лютов, как будто желая подтвердить эту догадку, вдруг опьянел или притворился совершенно пьяным и ушел к себе в номер, спать.

Воспоминание об этой сцене окончательно обозлило Самгина; он оттолкнул папку с вредоносной бумагой и свалился на диван.

— К чёрту! Пусть арестуют. Посижу в тюрьме, вышлют на родину, не более того. Там буду жить один [и], вне этой... [чепухи] бессмыслицы. [А] И Варваре полезно будет пожить одной...

Идти в спальную не хотелось, он не мог представить, как встретится ⟨с Варварой⟩.

Она, должно быть, уже легла спать, в комнатах было неестественно тихо, а шаги редких [ночных] прохожих на улице раздавались в эту ночь особенно четко. Самгин долго лежал в унылом озлоблении, слушая тишину и уже не думая ни о чем, а как бы разглядывая свою зависимость от внешнего. Потом за дверью раздался шорох, точно кошка царапала дверь, скрипнула ручка.

— Что тебе нужно? — спросил он, не шевелясь.

Варвара тихо ответила:

— Открой.

Он встал, повернул ключ [и], отошел в угол, к печке, и присел на [горячую] *теплую* лежанку, жена [шла за ним], в длинной, до пят, рубахе, в распахнутом капоте и чепчике из кружев, постояла несколько секунд среди комнаты молча, потом сказала тихонько:

— Прости, я была груба...

[Она] Бесшумно *шагая* босыми подошвами, она подошла к нему, протянула руки.

— Ну, прости же!

— Надо быть сдержаннее. Ты не отдаешь себе отчета в том, что говоришь. И эти мещанские ссоры...

— Не надо, Клим, будь добр, милый,— сказала она, прижимаясь к нему.

Самгин был рад вырваться из [наст⟨роения⟩] угнетенного настроения, но [ему не хотелось] *не торопился* мириться сразу, и он [еще] поговорил еще немного в тоне упрекающем, но помог [ей] Варваре сесть рядом с собою.

— Ты спрятал? — спросила она.

— Нет. Не хочу.

— Дай мне, я сама... Я — боюсь, Клим, я не могу допустить... вообразить тебя в тюрьме. Не могу.

— Сотни людей сидят.

— Ах, какое дело до сотен!

Спрыгнув с лежанки, она взяла папку [и], куда-то унесла ее, и минут двадцать [он] Клим ждал ее, прислушиваясь к тишине за темным окном, глядя, как по стене дома ползает [отблеск фо‹наря›] отблеск фонаря [ползает под‹?›], как бы пытаясь соскользнуть со стены.

— Вот и спрятано,— сказала Варвара, возвратясь, и снова села [рядом] плечо к плечу с ним. Долго молчали, потом Самгин [сказал] [понял] *вдруг почувствовал, что и смешно и глупо сидеть поздней ночью на теплой лежанке бок о бок с женою и ждать визита жандармов. Со стороны у него, должно быть, вид преступника, забытого в зале суда на скамье подсудимых. Варвара вовремя спросила, шёпотом*:

— Ты не хочешь спать?

— Нет. Но глупо дожидаться.

— Ужасно глупо. И унизительно. Пойдем?

Они перешли в спальную, Самгин полуразделся и лег поверх одеяла, а жена закуталась *по шею* на своей постели и, казалось, *тотчас* уснула, но через несколько минут он услыхал ее шёпот:

— Хочешь ко мне?

— Хорошо,— [сказал] *великодушно согласился* Самгин, *и, раздеваясь, проворчал*:

— Если арестуют Любовь, так, наверное, и Нилову тоже...

— Я думаю, что таким бесцветным, как Нилова, и в тюрьме не скучно,— тихонько [сказ‹ала›] отозвалась Варвара [*и спросила*] [1]

Проснулся он поздно, Варвара, уже одетая, пила в столовой кофе.

— Ничего не было,— [весело] сказала она.— Любаша [сейчас] [цела] забегала ко мне, [выпила] пила кофе. Она спокойно проспала всю ночь, а мы с тобой...

И, сконфуженно заглянув в глаза Клима, она поцеловала его.

На четвертый день после этого Сомову все-таки арестовали [на тре‹тий›], *но* не дома, а где-то на чужой квартире. Затем, конечно, в ее комнате был *сделан* обыск, Митрофанов присутствовал на обыске понятым и похвалил Сомову:

---

[1] *Текст*: Если арестуют ∾ Варвара [и спросила] — *первоначально был написан перед словами*: Ты не хочешь спать?

— Умница! Вот уж не думал, что умна. Чисто прибралась. И книги у нее все такие, как следует: Библия, наука...

— А вы думали какие же у нее книги должны быть? — спросила Варвара.

[— Ну что же я, не понимаю, что ли? — сказал Митрофанов, ухмыляясь.]

[Клим отнесся к аресту Сомовой равнодушно, ему некогда] [Арест Сомовой не вызвал у Самгина никаких чувств и мыслей. За три дня он испытал столько различных впечатлений]

[За три дня Клим Самгин пережил так много различных впечатлений, что арест Сомовой [не вызвал у него никаких волнений] и обыск у нее [прошел почти незаметно] *никак* [его] не задел его [чувствований]. Всюду *жарко* спорили о целесообразности террора, но Клим чувствовал, что и те, кто отрицал террор [как прием борьбы], в [сущ⟨ности⟩] тайне довольны убийством министра.]

Митрофанов ухмыльнулся, вздохнул и сказал:

— Эх, Варвара Кирилловна, что уж там! Ведь я же понимаю: пришло время перемещения сил и на место [ленивых] дураков умных хотят. Я ведь только против убийств, воровства[и], вообще против беспорядка жизни [и понимаю, что революция — запрос, а «запрос в карман не кладется»].

[Он смяг⟨чил?⟩] [понизил] Понизив голос, наклонясь к Варваре, он продолжал:

— И понимаю, что революция — запрос, а «запрос в карман не кладется». Революция — это, так сказать, заявление: уступите место, иначе — вот! И, для доказательства, пристрелили министра. Я прохожу широкий слой жизни, вижу всяких людей и вижу, что [убийство] министра никому не жаль [как о], а только любопытно, как это бывает, когда убит неизвестный человек; взглянут на труп, поболтают малость и отправляются [куда *кому* следует] *кому куда нужно*: кто — на службу, кто — в трактир, чай пить, а кто [— кошельки воровать] — по чужим карманам [лазить].

Варвара весело воскликнула:

— Вы удивительно милый, Иван Петрович! И чудесно говорите...

Философическое изъяснение Митрофанова Самгин слушал, сидя у себя в кабинете, слушал [и одновременно], усмехаясь и хмурясь. [Варвара весело [восклицала] *воскликнула*:

— Вы удивительно милый [и умница], Иван Петрович!]

[Он] [*Эти дни* он жил в настроении, утомлявшем его своей неустойчивостью.]

В словах агента уголовной полиции звучало нечто от здравого смысла, и они [как] очень просто формировали впечатления, [испыт〈анные〉] пережитые Климом в эти дни общественного оживления, [вызванного] *сильно разогретого* убийством. Всюду кипели споры о целесообразности террора но [было] совершенно ясно чувствовалось, что [пр〈отивники?〉] принципиальные противники террора в тайне тоже [ра〈ды〉] обрадованы [убийством] *убийством* Сипягина. [Пр〈естиж?〉]
л. 109 Было ясно, что [пре〈стиж〉] [роль] престиж социалистов-революционеров [сильно] растет. Парадные идеи и мысли были отодвинуты в сторону, и казалось, что люди сразу подошли к суровой практике, к деловым вопросам, и эта деловитость [несколько] *чем-то* пугала Самгина.

Гусаров, все еще проповедовавший необходимость слияния партий, показывая из черной бороды своей [два ряда ровных] ряд зубов, плотных, как ручка костяной зубной щетки, кричал:

— Этот укол только взбесит свинью, надо распространить террор на фабрики против директоров, мастеров, шпионов.

Корректнейший Прейс [сказал ему, скептически пожав плечами] *холодно спросил его*:

— *Вы хотите анархизировать рабочих?*

Он произнес небольшую речь в тоне очень резком и [*таким*] *металлическим голосом, в котором совершенно ясно* [*звучала сил〈а〉*] *звучало сознание, что он говорит с невеждами, с дикарями.*

— Террор — лечение хронической болезни домашними средствами [но это равносильно деревенскому знахарству и может только анархизировать рабочих],— *слышал Самгин.*— Неужели [это] вам *все еще* не ясно, что [эс-эрство — это знахарство] политические вожди партии эс-эров [просто] те же деревенские знахари?

Это было на небольшом собрании разномыслящих людей в квартире патрона Самгина. Патрон [как-то] внезапно *и не так давно* обнаружил интерес к политике, раньше Клим не замечал за ним этой склонности. Это был мощный человек лет пятидесяти, с большим черепом в шапке густых, курчавых волос сивого цвета, с толстыми бровями; брови масляно черные. Самгин подозревал, что патрон красит их. Эти брови и яркие, скептически поджатые губы очень украшали

его большое лицо, бритое, как у актера [с тугими щеками]; на серой коже щек сеть багровых жилок, тяжелые веки несколько отвисли, обнажая выпуклые [темные] *рыбьи* глаза с неуловимым в них выражением [которое можно было понять как] [*его*].

Ходил он *тяжело*, сутулясь, наклонив голову, как буйвол, [глядя на] *торжественно неся* свой живот, [и] а левая рука его непрерывно играла цепочкой часов, украшенной множеством брелоков; *а правая [с пухлой ладонью и длинными пальцами] величественным и очевидно привычным жестом то и дело поднималась в воздух, пухлая ладонь, плавая*[1] *в нем, как небольшой лещ [а перстень с рубином блестел точно рыбий глаз]; рыбьим глазом поблескивал на одном пальце крупный сапфир кабошон.*

Он [был] *славился как* искусный шахматист, интересовался живописью, покупал картины, изредка любил кутнуть у «Яра», в «Стрельне», [с женою развелся] с женою *давно* развелся и жил [с братом, неудачником] одиноко, как барсук, в большой, холодной квартире, где даже в ясные дни лета стоял [какой-то] пыльный сумрак *и запах сигар.*

[*Самгину казалось, что патрон живет нехотя, по привычке, безвкусно и без желаний.*]

Раньше он говорил:

— Я одинокий человек [живу по привычке жить].

Но несколько месяцев тому назад Клим неожиданно встретил у него [Стратонова, потом] Прейса, затем Берендеева и все чаще стал встречать «политиков» обеих партий.

А теперь [Самгин] *патрон* говорил:

— Мы испытанные общественные работники.

Он вкусно кормил и поил гостей, внимательно слушал споры, но сам говорил мало, [и только] [всегда или снисходительно умеряя или поощряя] снисходительно и осторожно. Иногда [вздыхая, говорил] *вздыхал*:

— *Смотрю на* вас, господа, с завистью, а вот — «наше поколение юности не знало», как сказал Надсон [и я с завистью смотрю на вас, господа].

Стихи он цитировал [очень] часто, но не верно, и кроме Надсона любил пессимистическую лирику Голенищева-Кутузова. Самгину казалось, что патрон живет нехотя, по привычке, безвкусно и без желаний, *но* людей [же] собирает око-

---

[1] *Незаконченная правка.*

ло себя не ради *рассеяния* скуки жизни своей, а с какой-то [неясной] целью.

Но независимость патрона [*прельщала*], *прельщая его, вызывала чувство* [*почтения*] *почтительной зависти к этому человеку,— но в тайне* [*от*] *Клим не любил его.*

[— Вы марксист? — спросил он Клима.

[Прослу⟨шав⟩] Выслушав речь Прейса, он [сказал] пошевелил бровями и сказал:

— У вас отличные способности оратора, Иосиф Маркович. Но не кажется ли вам, что фабричный котел у нас слишком мал и медленно будет переваривать мужика в пролетария. [1] А тем временем процесс физического истребления и духовного] [2]

Когда Прейс кончил свою речь против социалистов-революционеров и, [вынув из кармана платок, стряхнул] *тщательно стряхнув что-то платком* с пиджака [какую], сел,— патрон, должно быть, не желая слышать дальнейших споров, [крепко похвалил] *стал хвалить* его крепким звучным баритоном.

— [У вас, Иосиф Маркович, отличные способности оратора!] *Вы, Иосиф Маркович,—* [*талант*] *отличный оратор* [— и стал выспрашивать, думает ли Прейс выст⟨упать⟩]. Думаете выступать в политических процессах?

Он наговорил Прейсу много любезностей, [но их тяжеловесность] [*но Клим нашел их тяжеловесными*)] тяжеловесность их заставила Клима подумать, что любезности не искренни. Прейс отвечал неопределенно, [его] бархатные глаза его ласково щурились, как будто он хотел улыбнуться, но улыбка не удавалась. Скоро он простился, а патрон [перешел с] *пригласил* Клима в кабинет — большую комнату, обставленную тяжелой мебелью; [угрю⟨мо⟩] в сумраке ее угрюмо блестели стекла двух книжных шкафов, и шкафы были как бы окнами в мир толстых книг, а окна на улицу плотно занавешены тяжелыми драпировками цвета ржавого железа. В этой комнате Самгин всегда чувствовал себя стесненно, а патрон говорил в ней тоном строгим, тоном [исповедника или] судебного следователя или [*поучающим*] тоном [священника, [поуча⟨ющего⟩] который [настав⟨ляет⟩] исповедует] *законоучителя гимназии отца Тихона.* Но на этот

---

[1] *Текст*: Воспоминание об этой сцене (*стр. 598*) ∾ в пролетария.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Над текстом страницы автографа красным карандашом написано*: Первый визит к патрону.

раз, он, закурив сигару, [заговорил с добродушн⟨ой?⟩] [*и*] *шагая по мягкому ковру*, спросил Клима как равного:

— Что, среди марксистов — много евреев?

— Не замечаю,— осторожно ответил Клим.

— А у меня такое впечатление [что]: евреи преобладают. И это было бы вполне естественно: основоположник учения — еврей. [Вам не] *Мне* кажется, что [это учение, в сущности своей] *марксизм* является идеализацией [эк⟨ономического⟩] силы экономического фактора в истории и [что он] отрицанием всех других ее сил,— говорил патрон, следя одним глазом, как нарастает пепел на сигаре, а другим присматриваясь к Самгину.

[— Что ни говорите, [а] *но* семиты странный народ, мистический, как теперь говорят]

— Варвара Кирилловна — в добром здоровье? — спросил он [Давно не видал я ее] *и сказал, дважды кивнув головою*:— Очень изящная женщина, очень!

А затем сел в кресло, вытянул ноги и, скрыв лицо в облаке благовонного дыма, заговорил [вдумчиво] о том, что время ставит к разрешению вопросы огромной важности:

— И вопрос о социализме — в том числе. *Деятельность людей 60-х, 70-х годов с жестокой убедительностью показала нам, что мужик не восприимчив к социализму... Не заражается, так сказать.* [*Вспомните процесс 193-х и вообще...*] Наш фабричный котел [слишком] мало вместителен, и долго придется нам ждать, когда он переварит крестьянина в пролетария. [Не кажется ли вам, Клим]

Голос его звучал всё красивее, слова он произносил со вкусом, и на лице явилось выражение благодушия, однако не лишенного солидности.

Поговорив минуты две, три на тему о некультурности народных масс, о количественном ничтожестве рабочего класса [*он осведомился*] [1]

— *Прейс, так жестоко критикуя террор, не совсем прав: если борьбу в этой форме повести энергично и не жалея сил, уступки со стороны самодержавия — возможны. Ведь Александр II был же готов уступить! — Сказал и ласково осведомился:*

— Не хотите ли стакан бордо?

---

[1] *Слова*: он осведомился — *первоначально заканчивали вставку на полях, после них шла фраза*: — Не хотите ли стакан бордо? (*см. в тексте ниже*). *Зачеркнув их, Горький продолжил вставку, оставив предшествующий текст недоработанным.*

А когда Клим отказался, он снова встал и, шагая по комнате, [заго⟨ворил⟩] вычерчивая сигарой круги в *голубом* воздухе,— спросил:

— Вам не кажется, что *у нас* необходима третья партия, которая [была бы, скажем, приготовительным классом] *играла бы роль, скажем, приготовительного класса* для [вступления в] партий социалистических? Партия *чисто правовых* демократических реформ [так сказать, а?]

— Об этом говорят,— ответил Самгин [вспомнив Лютова].

— Да?— [спросил] Патрон *высоко* поднял [1] брови и убежденно кивнул головою:— Должны говорить. Вы меня познакомьте с людьми такого умонастроения. Интересно. Вообще, жизнь становится весьма интересной; ваше поколение чрезвычайно обогащает ее [энергией] волей к действию... [2]

л. 110 После этого комплимента [3] он *остановился*, вынул часы, озабоченно посмотрел на них и, вздохнув, забряцал брелоками. Самгин понял, что аудиенция кончена, и простился, не взлюбив патрона еще более, но не отдавая себе отчета, чем сегодня не понравился ему патрон, и не желая понять этого. *Его тяготило предчувствие каких-то неприятностей* [В эти *оживленные* дни], он чувствовал себя [очень плохо] подавленно [и], устало, [ему казалось, что оживление, вызванное] [чувствовал, что действительность насилует его, увлекая [против] туда, куда он не хочет идти, и впервые в жизни огорченно пожалел] *и впервые горестно жалел* о том, что у него нет друга, с которым он мог бы откровенно говорить о [насилиях действительности, поискать [своей] для себя тихой тропы] [о своей вражде к действительности] *себе. Самгин был уверен, что, имей он такого друга, он [при помощи его и] пред ним развернул бы себя [очень] исключительно интересным человеком, он нашел бы [в этих] себя в беседах с таким другом.*

Когда бойкая лошадка извозчика подвезла [к воротам дома] *его* к двери квартиры, [из] со двора вышел человек в *сером* пальто с поднятым воротником, в теплой фуражке, надвинутой на глаза; вышел, остановился [застегивая пальто] и вдруг шагнул к Самгину.

---

[1] *В автографе*: подняв

[2] *Текст*: Варвара Кирилловна ∾ к действию — *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Над текстом страницы автографа синим карандашом написано*: Кут⟨узов⟩

— Что вам угодно? — [быстро] торопливо и громко спросил Клим,— знакомый голос Кутузова ответил:

— [А вот] Вас! Здравствуйте. Вы — куда?

— К себе, я тут...

— Живете? Чудесно! Что ж вы не звоните?

Самгин ткнул пальцем в кнопку звонка и лишь после этого пожал протянутую руку.

— Не узнал [извините].

— [Не узнали?] Приятно слышать.

Кутузов оглянулся на отъезжавшего извозчика и тихо сказал:

— Моя фамилия — Пономарев, зовут — Григорий Николаевич,— понимаете? Это потому, что я лишен права бытия в столицах...

— Понимаю,— вяло ответил Самгин, но тотчас же забыл имя [и], фамилию, и когда в прихожую выглянула Варвара, он слишком громко произнес:

— Позволь [тебе] представить...

— Егор Пономарев,— [сказал] *подсказал* Кутузов, [— Ой, да м⟨ы⟩] но в голос с ним Варвара [сказ⟨ала⟩] произнесла:

— Мы знакомы.

— Верно [*русалка*],— согласился, *снимая пальто*, Кутузов, окинув ее [в] улыбающимся взглядом.— Плясали у купца,— [как] Лютова, да? [Холодновато] *Вы русалка*? — *Глаза помню*,— говорил он, потирая [красные] руки, идя рядом с Варварой в столовую, *а Самгин шел сзади их с таким ощущением, как будто он попал в чужой дом.*— Я, собственно, случаем к вам, в этом доме живет девица Сомова [Л⟨юбаша⟩].

— Она арестована,— [быстро] *торопливо* сказал Клим.

Кутузов остановился:

— Нет? Когда? [Четвертый день?]

Он тихонько свистнул и пробормотал:

— Чёрт возьми... [Идиотское положение!]

Нахмурясь, оглянулся, сел к столу и деловито заговорил, обращаясь к Варваре:

— Любаша должна была устроить мне два-три ночлега [в столице и вообще] и вообще...

[Он ст⟨укнул?⟩]

[Он ст⟨укнул?⟩] *Кутузов* крепко ударил кулаком по колену.

— Арест этот ставит меня так *дурацки*, что хоть возвращайся восвояси.

К удивлению Клима Варвара сказала [что у]

— [У меня] Есть записка вам....

Она ушла, Кутузов, закусив бороду, [пос⟨мотрел⟩] *прищурясь*, оглянулся вокруг [потом] *и*, вздохнув, проворчал:

— Нелепица. В тот раз — я был арестован, теперь она.

— [*Ну, как живете, Самгин? — спросил он*] *Женились, Самгин,— сказал он, вынув из кармана деревянную папиросницу, было ясно, что сказал* [*для*] *только для того, чтоб не молчать.*

— *Как видите,— отозвался Клим.*

[Он имел вид маст⟨ерового⟩] В черной, суконной блузе, в брюках, заправленных за голенища сапог, он имел вид мастерового — столяра или резчика по дереву. Бороду подстриг клином, [широкое] *отчего* лицо [его] сузилось, [заме⟨тно⟩] он заметно похудел, широкое тело его как[то] бы сжалось, пальцы стали тоньше и беспокойней.

Прочитав записку, принесенную Варварой, он сказал:

— Это [не плохо, но] — осложняет [положение с ночлегом] *положение*, мне придется прожить здесь дней пять вместо трех.

Клим [стоя у буфета] с трудом скрывал неприятное удивление, слушая, как *деловито* [жена] говорит жена:

— [У нас] *Здесь* ночевать неудобно, за квартирой Сомовой, конечно, следят, и тут живет человек, которому не нужно видеть вас.

«Чего она суется в не свое дело?» — [сообра⟨жал⟩] думал Клим, следя исподлобья за игрою лица жены. Он окончательно озлился, когда Варвара сказала:

— Но сегодня вы, конечно, [у] ночуете у нас, а затем... Ты, Клим, не поговоришь с патроном? Если тебе неудобно, [могу] я смогу сама. Это будет не первый раз...

— Вот как? — пробормотал Самгин.— Я не знал. Тогда, конечно, я завтра поговорю с ним.

— Так!— сказал Кутузов.— Значит, это устроится? Ну, а теперь вы меня угостите чаем, можно?

Он [сразу] повеселел, пригладил ладонями коротко остриженные волосы на голове, потер щеки и вопросительно уставил на Клима серые глаза.

Нужно было говорить с ним, и Самгин заговорил о том, что думал:

— Собственно, жена моя не очень...

— Если к женщине сразу отнестись доверчиво, так она сразу будет очень,— сказал Кутузов, и, бесцеремонно зевнув, прибавил:— Это мною испытано.

— Невысокого вы мнения о женщинах.

— Почему? — удивился Кутузов.— Наоборот, весьма высокого. Ваш патрон — кто?

— Лисовский.

— Ого!

— Вы знаете?

— Известнейшая протобестия. [Из галереи рисунков Щедрина.]

Возвратилась Варвара и, молча отстранив Самгина от буфета, где он неприкаянно стоял, начала [ставить на стол тарелки, бутылки] *греметь посудой*, а Кутузов, *потирая руки*, заявил, что он с наслаждением поест и выпьет водки. Держался он так, как будто [бывал] не впервые сидел в этой комнате, *давно* [все] в ней *все* знает [и] [а с Варварой говорил, как со ста⟨рой⟩] [и так же], *с Варварой говорил*, как со старой знакомой [говорил с Варварой]. [Клим] *И Самгин* видел, что это ей нравится [что даже льстит] [она оживленно от⟨вечала?⟩] [она вела себя оживленно, кокетливо].

«Как провинциалка перед столичным гостем, крупным чиновником»,— подумал он, чувствуя себя все более лишним и точно подвешенным в воздухе. А Кутузов ел, пил и рассказывал Варваре:

— Со временем о нашем брате литераторы станут [презабавные] *забавные* книжки писать [вот]. Вот я, например, гуляю, а человек моего имени, но совершенно [другой] *не схожей* наружности, живет под гласным надзором полиции в городе, [четыре тыс⟨ячи⟩] *в котором* [обитает] *прозябает* четыре тысячи ненужных никому — и друг другу тоже не нужных — наивнейших людей. [По но⟨чам?⟩] Зимними ночами в город этот волки заходят и неосторожных собачек режут.

Варвара, разливая чай, спросила:

— А что же будут делать *эти* ненужные во время революции?

— [Это] Революция — не завтра. До той поры они частью вымрут, частью же превратятся в людей для чего-нибудь нужных.

— Просто [у] всё у вас,— вздохнула Варвара, а Клим сказал:

— Это не очень просто.

Он хотел сказать: это жестоко и еще много хотел сказать, но не нашел слов, да и не успел; Варвара спросила:

л. 111 — Вы охотник?

— Пробовал, но — не увлекает. Перешиб волку позвоночник,— жалко стало волка, ужасно мучился зверь! Пришлось добить, а это совсем уж скверно. Ходил стрелять тетеревей на току, но до такой степени был [растроган] *заинтересован* птичьей страстью, что опоздал выстрелить, да и не хотелось. [Сентиментальность] *Сентиментально* и смешно, а если [бы] б вы видели, какая [это] удивительная штука — тетеревиный ток, пожалуй, *это* и вас смутило бы...

— Почему — и меня?

— А я думаю, что женщины жесточе мужчин.

— Почему?

— Обижены больше. *А вот белые грибы люблю собирать.*

—Буколическое занятие. Вы больше похожи на охотника.

— *За черепами?*

Самгину было уже и неловко, и обидно молчать, а их беседа [ст] становилась все более оживленной, принимала характер состязания, они говорили, глядя в лица друг другу, [в глазах] *во взгляде* Кутузова светилась мягкая, но и хитренькая улыбка [и], казалось, что улыбка эта отражается в широко открытых глазах Варвары. И, вспомнив легкость, с которой отдалась ему Нилова, Самгин брезгливо подумал о жене:

«Если [он] Кутузов захочет, она придет к нему ночью».

Тогда, уступая вскипевшей в нем злобе, он сказал Кутузову, усмехаясь:

— Тетеревей, волков, жалко вам, а о людях вы рассуждаете весьма упрощенно и безжалостно, как мне кажется.

— Что ж люди? — возразил Кутузов, пожав плечом.— [Люди вреднее] Они сами безжалостно устроились по отношению друг к другу, им за это и придется жестоко заплатить. Патокой гуманизма да [водянистой] моралью теперь уж невозможно прикрыть преступность [общест⟨венных?⟩] так называемых общественных отношений. Об-ще-ство,— произнес он, скривив губы, разбивая слово на слога и этим напомнив Климу ци-ви-ли-за-цию Потугина, Тургеневского героя.— Единственно общее в этом обществе — все обязаны лгать, для того чтоб жить. Нет, Самгин,— [ска⟨зал⟩] продолжал он, отодвинув *пустой* стакан и [неприлично] устало, но [неприлично] *недопустимо* при даме, потягиваясь, *даже* хрустнув [руками, закинутыми] [*сухожилия⟨ми⟩*] *хрящом*

рук, закинутых за шею,— нет, дружище, это общество [уже *издыхает, оно* в агонии [и об этом], об этой агонии кричит всё [— литератур⟨а⟩] и, главным образом, всё более упрямые и безуспешные попытки укрыться в изжитых предрассудках — [религии] *религиозных*, национальных, об этом же свидетельствует и всё искусство буржуазии] *издыхает, оно, как рыба, загнило с головы. Доказательств этому — тысячи и одно другого разительней.*

По лицу Кутузова было видно, что [он] *его одолевает* усталость, и он несколько охмелел от еды, вина и тепла, но, должно быть, он давно не говорил, или его возбуждало внимание Варвары, последнее [было вернее] *Самгину казалось более верным*, потому что [он] Кутузов обратился к ней:

— Познакомился я с художником из этих, декадентов, символистов, человек [он] почти сумасшедший, но — дико талантлив. [Показа⟨л⟩] Живет одиноко, в усадьбе, тридцать семь верст от железной дороги, дом — [червями источен] *развалина*, мебель черви точат, [сам живописец] *сам живописец — худой*, [*голодный*] *грязный, ходит в холщевом халате, измазанном красками до того, что холст — как жесть.* Вокруг него [какие-то], *как привидения, кружатся* старики, старухи, молодых он не выносит: это, *говорит*,— звери [говорит о них], *идиоты.*

[*Клим*] [Очень оживясь] *Он встряхнулся* [*и*], как бы сбросив с себя усталость и, облокотясь на стол, заговорил более [быстро, ожи⟨вленно⟩] *оживленно.*

— [Живопись я плохо понимаю] Картины он пишет мутные [и], в манере этого — Уистлера, что ли? Эдакие «Симфонии». [Они] Пожалуй, и красиво, но бесплотно [как-то], люди у него бесформенны, безличны, расплываются [*цветными* туманами], как будто и не люди, а предзакатные облака. *И деревья такие же, и всё.* «Странно, говорю, видите мир».

Ответил: «Таков он есть».

Прищуря⟨сь⟩, очевидно, восстановляя в памяти картины, Кутузов продолжал потише и осторожнее:

— Но среди этих туманных [карт⟨ин⟩] показал он мне две удивительно яркие, обе написаны цельными красками; небольшие *они*, так по аршину квадрата, но впечатление получается, что они огромные; это, должно быть, оттого, что записаны они мелкими фигурами. Фигуры — крылатые змеи или, скорее черви, по четыре *радужных* крыла у каждой, тела их безглавы и [как-то] струятся, это вызывает впечат-

ление удивительной скорости [дви⟨жения⟩] полета, они хаотически спутаны, *связаны в клубок* и пронзают друг друга [и], густо заполняя холодный, голубоватый и почти сплошь записанный фон. [*Очень красиво все это и совершенно необыкновенно* [*и*], *прямо скажу*: *подлинное искусство*.]

«Что это?» — спрашиваю. «Это, говорит, мировые силы, как они были до вмешательства разума. Картина называется: «Мир до человека». [А вот это «Мир с человеком».

Кутузов [усмехнулся и крепко сжал острую бороду в кулак] *налил в стакан чая красного вина*, *медленно выпил чай*, *вытер рот и бороду очень измятым платком и закашлялся*.

«Распускает павлиный хвост,— соображал Самгин.— [Уже] Обеспокоен тетеревиной страстью».

Но [*соображал он вяло и как бы*] [*о Ку⟨тузове⟩*] *о Кутузове думалось по обязанности думать о нем недружелюбно* [*и ни* [*насмешки*] *злости*, *ни иронии Клим не внес в свои слова*] *Клим чувствовал что*]

— [Не польстил он человеку]. На втором полотне [все поблекло] *все краски поблекли*, не очень, но все-таки заметно. Главное же, — все фигуры обескрылены, струистость их, [хорошо] внушавшая впечатление безумных скоростей, исчезла, расплылась, но самое ядовитое в том, что фигурки выпрямлены и, собственно, картина-то исчезла, а осталось [что] нечто похожее на рекламу немецкой фабрики красок, разноцветные мертвые полосы. [Признаться сказать, мне стало досадно и грустно даже.] «Что же *это*, говорю, человек-то у вас как набезобразил?» Он обрадовался: «Вы, говорит, верно поняли, именно набезобразил. Это, говорит, он на свою погибель, [он — раб стремления к устойчивому равновесию и энтропии] он враг всякой [свободной энергии, [ра⟨..?⟩] из [не]ненависти к [*1 нрзб*]] *свободных сил*, [1] его ненавистью к их игре созданы религии, государства, философия, наука и вся мерзость жизни. Но, говорит, он скоро исчерпает весь запас мировых сил своей техникой и задохнется в неподвижности».

— *Ну*, *что же? Это анархизм*,— *пробормотал Самгин*.

— *Нет*, *похуже*!

Усмехаясь, Кутузов встал, закурил папиросу и, медленно шагая по комнате, [договорил] продолжал:

— Человеконенавистничеством меня [не] трудно удивить, я знал и знаю немало озверевших [волков] людей, антисе-

---

[1] *Незаконченная правка*.

митов, антисоциалистов, фанатиков церкви и прочих. Видал, знаю и отрицателей культуры,— такие тоже рождаются всё чаще. Но этот нагнал на меня жуть. Говорил он — замечательно! Вот уж, действительно, в нем кровь кипела. Нездоровая кровь, скажем.

И, остановясь пред Варварой, Кутузов [сказал] договорил:

— Стоит он предо мной, лицо искаженное, безумное от злобы, и жесткий, замазанный красками халат его *шуршит*, струится, как тела этих крылатых сил на картине «Мир до человека» [Серьезно — жутко было мне.]

Затем он обернулся в сторону Клима:

—Если вы, Самгин, хорошо подумаете, так убедитесь, что человек этот весьма характерен для нашего времени, он— верный выразитель гниения с головы. *Ваш репетитор, о котором вы рассказывали мне в Питере, тоже из таких, загнивших с головы.*

— *Вы думаете? — спросил Клим [чувствуя, что Кутузов подсказал ему [нечто] нечто очень важное].*

— Лозунг буржуазии — назад? Помните приглашение «Назад к Фихте»? Но [тут Фихте — что? Нет] это вопль схоласта — к Фихте! Издыхающая буржуазия готова [будет] звать — и позовет! — назад к церкви, к чудесам, [к чёрту] в средневековье, к чёрту, всё равно куда, лишь бы [жить!] *пожить* еще немного.

[Он еще долго говорил о духовном кризисе буржуазной интеллигенции, о напряженном стремлении промышленности]

л. 112 Варвара, сидевшая до этой минуты [притаившись] *притаясь* и наблюдая гостя [как бы издалека] из-под [прихмуренных] *нахмуренных* бровей, внезапно и слишком звонко сказала:

—[Этот] Ваш художник, конечно, не прав, человек—тоже *стихийная* сила... [и ничего [он] не выправил,— это не верно].

Самгин видел, что речи Кутузова не нравятся ей, но сам Кутузов приятен.

«Импонирует своею мускулатурой».

[О жене легко было] Думать о жене иронически ему [и] хотелось [1] [и легко было. Он видел, что Кутузов нравится ей]. У какого-то [французского автора] *француза* он вычитал, [что есть признаки] *что в интимных отношениях жены и*

---

[1] *Текст:* Варвара, сидевшая ∾ хотелось — *перечеркнут синим карандашом.*

мужа есть признаки, по которым муж [и любовник], *если он не глуп*, всегда безошибочно узнает, была ли его жена в руках другого мужчины [что эти признаки не зависят от индивидуальности женщины, и, потому, неизменны]. С некоторого времени Самгину казалось, что он *уже* подметил эти признаки. Заметил он так же, что Варвара стала как-то слишком тщательно следить за гигиеной своего тела, он и это понял, как [явный признак] *явное доказательство* ее супружеской нечистоплотности. *В ее движениях появилась ленца [и набалованность], раньше не свойственная ей; так набалованно двигаются женщины, которых сильно любят.* [Это не оскорбляло мужчину в нем, даже наоб⟨орот⟩] *Не оскорбляя его самолюбие мужчины*, это разрешало ему относиться к жене так же [прене⟨брежительно⟩], как относился он ко всем людям, и этим *вполне* оправдывалось его приключение с Ниловой. [*И, наконец, ему нравилось, что он не испытывает*] *Он убедил себя, что, не испытывая ревности, а только презрение к жене, он этим еще раз отличается от обыкновенных людей.*

Слушая, как Кутузов рассказывает о крестьянских волнениях на юге, *о стачках рабочих*, пренебрежительно называет террор нелепым словом «вспышкопускательство», Самгин курил и сквозь дым наблюдал за женою, игрой ее глаз и взрывами [ее] голоса. Варвара слушала, положив локти на стол и [шевелил⟨а⟩] *шевеля* пальцами так, [как будто] точно она [перебирала струны невиди⟨мого?⟩] *касалась невидимых струн* [покачивала головою].

Самгин знал, что [стачки и грозно] *всё, о чем говорит* нежеланный гость, не интересно, даже враждебно Варваре, и что [вн⟨имание⟩] мина внимания, *с которой она слушает,— фальшивая мина* [1].

— Но если всё это так, значит мы действительно накануне революции? — [спрашивала] спросила она.

— [После того, как революционное движение] Для вас это — новость? — весело восклик⟨нул⟩ Кутузов.— Даже в одном из «правительст⟨венных⟩ сообщений» [откры⟨то⟩] признано наличие революционного движения.

Самгин [встал и] заявил, что ему нужно немножко поработать [и], ушел к себе в кабинет [но работать] и, притворив дверь не очень плотно, сел к столу, вслушиваясь в голос Кутузова.

---

[1] *Текст:* [И, наконец, ему нравилось ∾ фальшивая мина.— *перечеркнут синим карандашом.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ I ЧА

⟨л. 1⟩[1] О политике Зубатова говорили давно и много, [одни, как Любаша, с гневом и негодованием, ее не могла утешить даже [и] оптимистическая фраза в одном из писем Кутузова: «[Так как мы не можем помешать] Помешать химику в его опыте [помешать так решительно, как следовало бы] мы, к сожалению, не можем] *и во всем, что говорилось, Самгин не без некоторого злорадства отмечал* [*смущение* [*пред*] *социал-демокр⟨атов⟩ пред успехами охранника*], *что успехи охран⟨ника⟩ смущают социал-демокр⟨атов⟩, и как будто немножко радуют народников; Суслов* [*только*], *чья лампа снова* [*нач⟨ала?⟩*] *зажглась на чердаке, сказал, вздохнув:*

— [*Пятачковая политика должна была дать*] [*что*] *Зубатовщина* — [*пря⟨мой⟩*] *логический результат пятачковой политики.*

Любаша, видимо, поссорилась с «дядей Мишей», она, говоря о том, как легко [*шли*] *рабочие шли на удочку Зубатова, гневно* [*и огорченно*] *фыркала, ее не мог успокоить и* [*Кутузов*] *Кутузов, который писал: «Опыт москов⟨ского⟩ химика поставлен* [*в явное нарушение законов*] *дерзко, но обречен на неудачу, ибо закон химического сродства даже и жандарм не может* [*нарушить*] *обойти.* Если же [голубица моя] совершится чудо и жандармерия, кавалерия, [а также все иные роды оружия] *артиллерия* [и] встанут на сторону эксплоатируемых, против эксплоататоров, то — чего же лучше?»

— Вот уж не понимаю, как он может шутить? — огорченно удивлялась Любаша; *но* Алексей Гогин тоже шутил:

— Из этого дела [кр⟨оме⟩] ничего не будет, кроме пустяков, — как сказал мне один [весьма мрачный] слесарь.

Но и Гогин нахмурился, когда стало известно, что рабочие, знаменуя день «освобождения крестьян», пойдут в Кремль [к памятнику Царю Освободителю] к монументу Царя Освободителя.

Пошли они [не 19-го, а 22-го февраля, а через три дня][2], в [нерабочий день] воскресенье. День был нерешительный, теплый, почти [уже] мартовский, но [на Красную площадь] [вро⟨...?⟩] [падал] [от] [сверха] *по Красной площади* кружился сыроватый ветер, угрожая сильной вьюгой, быстро и низко летели облака, *гудел колокольный звон* [Бесконечно],

---

[1] *В большинстве случаев эта группа ЧА не имеет авторской пагинации. Пагинация в угловых скобках принадлежит редакции.* ХПГ-23-1-3, № 59897.

[2] *Фраза осталась незачеркнутой.*

на площадь вливалась темная, мохнатая толпа, двумя валами подкатываясь к стенам Кремля, [теснясь]. Шла она [медленно и *почти* бесшумно, как бы задумавшись] *не спеша.* [*Было очень много людей, которые*] *Очень многие простуженно кашляли, и тяжелое шарканье тысяч ног по измятому снегу странно напоминало звук отхаркивания, влажный хрип* [*огромных*] *чудовищно огромных легких.*

Клим Самгин стоял в группе зрителей на крыльце Истор⟨ического⟩ муз⟨ея⟩. Толпа обтекала музей с двух сторон, [двумя] потоками, и [втекала] в Кр⟨емль⟩] через Ник⟨ольские⟩ и Спасские ворота], *как бы нерешительно застаиваясь, собираясь* [кулаком] *в кулак, втискивалась у Ник⟨ольских⟩ и Спасских ворот* [втискивалась] в Кремль.

Самгин *с напряжением человека, решающего важный вопрос,* внимательно присматривался к бесконечному мельканию лиц [присматривался с напряжением че⟨ловека?⟩] *и* видел, что [на две трети эта толпа] две трети рабочих — пожилые [бородатые] люди, [среди них] немало седобородых, а молодежь не так заметна.

От Москвы реки тоже поднимались группы рабочих, но не такие густые.

На крыльце музея [стояло с полсо⟨тни⟩] *собралось десятка четыре* зрителей, было несколько знакомых адвокатов, [ст⟨ояли⟩] рядом с Климом стоял беспокойный человек в поддевке на *лисьем* меху, в каракулевой фуражке, он *держал руки в карманах поддевки, судорожно встряхивал полы ее,* переступал с ноги на ногу и довольно громко говорил:

— Это — как понять? Вчера — стачки, а сегодня каяться пошли?

И смеялся:

— Хэ-хе! О, господи! Чудеса [в решете — дыр много⟨?⟩]

Ему ответил [*увер⟨енно⟩*] кто-то, стоявший сзади и выше Клима, ответил уверенно:

— Это — против студентов. Они — бунтуют, а [мы] *вот* рабочие [мы — вот! Нате...]

Третий голос, слабенький и тонкий, [беспокойно] сказал:

— А по-моему [это] — зря допущено прохождение...

— Почему *же* зря? — спросил [рыжи⟨й⟩] адвокат с необыкновенной фамилией Магнит, [лицо] *его длинное лицо, рыжая борода, оскаленные зубы* [*и фигура его*] *напоминали* [*неудачную карикатуру*] [*изображение*] [*о неудачной*] *карикатурный портрет англичанина* [*из*], *обычный в юморист⟨ических⟩ журналах.*

— Да так, знаете... Уж коли через 20 лет убиенного царя вспомнили, ну — иди каждый в свой приходский храм и служи панихиду, что ли.

— Верно! — согласился беспокойный человек.— А то — вывалились на улицу, да еще в Кремль идут, а там, в Кремле, [в Грановитой палате] Российские сокровища, *царские короны...*

[— Слышите? — почти шёпотом спросил кто-то сзади Клима *и выше его.*— Вот он, здравый смысл обывателя.

Ему ответили довольно громко:

— Мне эта затея тоже не нравится. Какая-то имитация [чего-то] *умной* политики.

— Да]

Кто-то сзади Клима *со ступеней крыльца сказал* довольно громко:

— *Странная* затея внушать рабочим, что правительство с ними против хозяев.

[— Не остроумно]

[— Головотяпы]

Рыжий адвокат засмеялся так громко, что все замолчали [*и*], *Самгин заметил: из толпы рабочих несколько человек тоже взглянули на адвоката, и* [*двое из них*] *сначала один, потом другой из них присоединились к зрителям.*

— Па-азвольте! — [как-то] *по*-актерски вскричал некто, стоявший ниже и сбока Самгина, — [Как же это вы, га-спода? А событи⟨е⟩] На наших глазах совершается *небывалое* событие...

Но он не успел договорить, из толпы рабочих отскочил, *размахивая шапкой*, старичок в черном [полушубке] *тулупчике* нараспашку и радостно сказал:

— Сейчас одного заарестовали. Разговаривал, пес:— «Куда идете? Куда, говорит, идете, [еди⟨оты?⟩] Хамово племя?» Так и садит, как [сумасшедший] *с ума сбрендил, с⟨укин⟩ с⟨ын⟩*, ей богу! «Сволочи», говорит.

— Студент?

— Штатской.

— Молодой?

—Мальчонко. Трясется весь, чуть не плачет:— «Куда?» — говорит.

— Сколько ж это тысяч! — озабоченно спросил [кто-то] беспокойный человек.

По площади ненужно гуляли полицейские, их [*в обе*] *особенно много было около* [*Верхних*] *Край⟨них⟩ рядов,*

Самгин подумал, что там, вероятно, припрятан на всякий случай большой отряд.

Рабочие [всё] шли всё так же густо, не спеша, [весьма] многие держали руки в карманах, за спиною, и это напомнило Самгину снимок с чьей-то картины, напечатанный в «Ниве»: чудовищная фигура [Ваала] *Молоха* и к ней [идут] сквозь толпу карфагенян [что ли] [идут] идет вереница [рабов] *людей*, нанизанных на цепь, обреченных в жертву богу солнца. Но это воспоминание [возникло], возникнув механически, было *явно* неуместно, оно тотчас же исчезло, и Самгин задумался [о том, [что общего] *есть ли что общее* между [этой] толпою *этих*], *чем отличается* [*эта*] *толпа этих* бородатых, взлохмаченных ветром людей и раздавленной толпою Ходынки [между] *от людей, встречавших царя* [*в Мо⟨скве⟩ здесь и*] *на ярм⟨арке⟩ в Нижнем, и* [мужиками] *мужиков*, которые поднимали колокол *и* [лома⟨ли⟩] срывали замок с дверей хлебного магазина? Он довольно быстро [и успокоительно нашел] *решил*, что [эти люди ничем не] это *такая же* темная и, в сущности, равнодушная ко всему толпа, как и всякая другая, и что народ⟨ники⟩ правы: без героя [ее не] она — неодухотворенное тело. *Вот сегодня ее герой — Сергей Зубатов или царь Алек⟨сандр⟩ II-й* [*кто-то из этих двух*].

«Классовое самосознание? — Да — был ли мальчик-то?»

Но это не успокоило тревогу, которую он испытывал, глядя на нестройный ход рабочих и на то, как [масса их], замедляя шаг у ворот, *тугая масса их* втискивается в Кремль.

Не утешало его и то, что из толпы рабочих все чаще отламывались единицы, присоединяясь к зрителям, и у стены музея стояло уже сотни [*полторы*] *две-три людей.*

Говор зрителей мешал связно думать. Старичок в тулупчике назойливо [приставал к тем двум рабочим] *допрашивал* двух рабочих, которые присоединились к зрителям:

— Вы чего отстали, а?

— А — ты? — хрипло [спрашивал] *спросил* его [тем⟨ный⟩] закопченный человек, похожий на Вараксина, должно быть, кузнец, а его товарищ, [не бритый] широкоплечий, но костлявый, с большим лицом в седоватой щетине, миролюбиво сказал: [1]

---

[1] *Возле этих слов, на полях,— набросок, не введенный в текст:*
Актерский голос внушал кому-то:
— [Р-рабочий класс идет] Р-рабочему классу показывают дорогу...

— Тесно [там, думать надо], не люблю тесноты.

— Не любишь? Так.

Беспокойный человечек тоже допрашивал:

— Для чего ж это вы затеяли? Затеяли, а сами в уголок?

Сзади Самгина говорили.

[— Тысяч десять...]

— Москва людей не боится.

— Это — верно. Для нее люди — зерно на мельницу.

— А ежели бы теперь к Мортьянычу, похлебать чего горячего?

— Нет, господа, парадам этим я не сочувствую.

— А — крестный ход, например?

— Сравнили! Какое же сравнение...

— [Вся жизнь наша — крестный ход,— невесело сказал кто-то]. Действительно — угораздило! — сказал стоявший впереди Самгина низенький человек в каракулевой шапке и с таким же воротником пальто.— С одной стороны — церковь, с другой — скотопригонный двор.

— Позвольте! Это вы про Кремль так? — [возмутился человек с голосом актера] *возмущенно крикнул голос актера.*

— Да не про К‹ремль›, а про народ! Народ у нас...

— Народ этот надобно вечером посмотреть, когда он водочки глотнет...

— *Нет, позв‹ольте›! Зачем же шутить?* — *тревожно* [*говорил*] *заговорил чел‹овек› в кар‹акулевой› шапке.— Я, знаете,* [*не знаю*] *не понимаю, как же это? Ей-богу, право — не знаю — зачем же? Если бы, например, войска... с музыкой бы, чтоб и духовенство участвовало... хоругви — иконы-с и вообще — всенародно, ну — тогда...*

л. 2[1] — Шапки! Шапки долой,— строго крикнул кто-то.

Самгин посмотрел, как покорно, хотя и недружно, зрители снимают шапки, и тоже обнажил голову.

Из Кремля плыл густой рев, был‹о› в нем что-то шерстяное, мохнатое, казалось, что он согревает *сыроватый холодный*

— Ну, да [Иду‹т?›]

[— К власти, а?]

— Идиоты, а?

[Бессвязный этот говор [вызывал странное впечатление: как будто] зрителей вызывал у Самгина] В [общем] бессвязном этом говоре Самгин [видел] слышал клочья [и], обрывки знакомых больших мыслей [о том], а в том, что мысли эти вот так изорваны, [разломаны] растрепаны, заглушаются шарканьем тысяч ног молчал‹ивой› толпы, было [что] [нечто и угнетающее].

[1] ХПГ-23-1-3, № 59898.

воздух, по мелодии можно было догадаться, что поют «Спаси господи люди твоя». [Этот рев] Самгин заметил, что *тысячеустый* этот гул вызвал странное явление: беспокойный человечек на лисьем меху взмахнул фуражкой и сказал:

— Вот — кончено! Идем.

И тотчас же [многие зрители стали] *плотная стена зрителей стала разваливаться*, расползаться, а движение рабочих еще более замедлилось, многие [пошли] *круто повернули* в сторону от Кр⟨емля⟩, даже от ворот стали отходить прочь, и, как на ярм⟨арке⟩ после проезда царя, веселый голос крикнул:

— Наши, эй! Тортоны, айда домой!

Самгин тоже пошел, и через несколько шагов наткнулся на Митрофанова. Иван Петрович стоял, надвинув шапку на глаза, оттопырив губу, [*лицо у него было*] *надув щеки*, раскачивая рукою синенький пакетик, и хотя он смотрел прямо [в лицо] [*на*] [*в голову*] *в лицо* Самгина, но не здоровался. Клим [почувствовал, что встреча эта приятна ему] поздоровался первый и с удивлением заметил, что Митрофанов, прежде чем подать руку ему, беспокойно оглянулся.

— *Ну, что вы скажете? — спр⟨осил⟩ Самгин.*

— *Замечательно,— быстро ответил Митрофанов.— Замечательно,— повторил он, встряхнув головою.— [Парад...] Очень... внушительно.*

В его поведении было что-то [возбуждавшее любопытство] новое для Клима,— он тоже как будто хотел спросить о чем-то, но не решался.

— Хотите позавтр⟨акать⟩ со мной? — предложил [Самгин] [*он*] *Самгин*. И на это Митрофанов согласился не сразу, [не охотно] [чем] [чем] *чем* еще больше возбудил любопытство Самгина.

Через несколько минут они уютно устроились [подвальном] в *полуподвальном* ресторане, густо набитом [солидными людями [1] и каким-то особенно] *и таким бесцеремонно* размашистым шумом, как будто все люди до одного были [ст⟨арыми?⟩] близко знакомы друг с другом и собрались на [юбилейный] *юбилейную* или [поминальный] *поминальную* трапезу. Самгин хотел [про⟨верить?⟩] определить свое настроение, хотел услышать слово здравого смысла, но ему долго не удавалось заставить Митрофанова разговориться — Иван

---

[1] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*

Петрович согласно кивал головою или говорил не своим тоном:

— Затея — умственная. Конечно: хозяин, кроме своей пользы, мало что видит. Облегчить рабочего человека — надо [пора].

Но, выпив рюмки три водки, он [глу‹боко›] глубоко вздохнул, закрыв глаза, покачал головою и вдруг тихонько сказал:

— Эх, Клим Иванович [не так все это!]. Клюква — это.

— Что? — *тоже тихо* спросил Самгин, уже зная, что сейчас он услышит нечто своеобразное.

— Клюква,— шёпотом повторил Митрофанов, наклоняясь к нему через стол.— Вы, Клим Иванович,— не верьте: волка клюквой не накормишь,— зашептал он, часто мигая глазами, оглянулся и еще более налег на стол.— Вы и мне тоже не верьте, я вам тут из любезности говорил, будто [все] *это* хорошо, себя успокаивал.— Погрозив пальцем, он повторил: —

— Не верьте — притворяются.

Он торопливо налил и быстро выпил еще рюмку, [про‹должая›] понюхал кусок хлеба и смял его в кулаке, продолжая:

— Вас благоразумие обманывает. Многие видят то, чего хочется, да — нет его, хотимого-то.— Снова оглянувшись, он шепотком начал: — Я с этой, так сказать, армией от Прох‹оровской› ма‹нуфактуры› *из-за* М‹осквы›-р‹еки› шел, в самой гуще, я слышал, [что] *как* они говорят. Вы думаете, к царю шли? — Митрофанов махнул рукою над столом и, задев бутылку, *легко* подскочил на стуле, удерживая ее. Он не опьянел, но [очень] шептал очень возбужденно.— Фабричные — особенный народ, вот что-с! Им — наплевать с высокой горы на всё. [И мне...] *Они*... Эх, [тут] был один, не желавший покривить душой... арестовали его...

— Да, я слышал! Мальчишка...

— Почему? Нет, он бритый и ростом маловат, но годами — пожалуй, старше вас.

— Что же он? — тихо спросил Самгин. Митрофанов прислушался к шуму, посмотрел [в про‹...?›] назад, через плечо.

— Он их — по матушке, да-с! Идет и садит в морды.

«Сволочи, говорит, куда идете? Это — ваша дорога?» Его, знаете, бьют, а он, как пьяный, не чувствует и — свое. Вытолкнут его, а он снова вопрется в толпу и без страха лает: «Падаль! Вас давят, вас душат, грабят, а вы на коленки встать

захотели...» Клим Иванович! Не в том дело, что один буянит, а в том, что из десяти семеро [зна⟨...?⟩] одобряют его. Молчат, а — одобряют. Верят. Вот именно — верят! Понимаете? Притворяются, будто не верят, вышвыривают его, но — сначала послушают вдоволь, понимаете. — [И вся эта зат⟨ея⟩] И весь этот ход — не верный. [Ошибся Зубатов]

Самгин выпил только две рюмки, но тревожное возбуждение постояльца опьянило его. Он вспомнил всё, что говорилось у музея [и теперь видел, что Митрофанов — прав: ход Зубатова ошибочен].

— Да,— сказал он,— публика у музея говорила так же.

— Конечно! А как иначе? Эх, воеводы! [Дескать — зайдем во фланг. А неприятель — не дурак.] Там один гусь гоготал: рабочий народ, возглавляемый царем... [оправ⟨...?⟩]

— *Царь* у нас не удачен,— задумчиво и тихо сказ⟨ал⟩ Самгин.

— Ну, да! Нам — Петра В⟨еликого⟩ надо, с дубиной. А [этот] *у этого* передавили тысячи народу, он — хоть бы перекрестился, хоть бы одного, двух полицейских повесил. Плясать пошел. Вы думаете нар⟨од⟩ не помнит этого? Народ злопамятен. [Ему] [Он кроме зла...] Ему, кроме зла, и помнить-то нечего.

Митрофанов испуганно взмахнул головою:

— Это, конечно, не я говорю, а так говорится...

— Да, — сказал Самгин, постукивая пальцами по столу. — Да, да,— пробормотал он, ощущая приток незнакомого ему очень странного чувства и рассеянно оглядывая десятки чужих лиц [которые]; *красноватые, они* плавали в [дымном су⟨мраке⟩?] [дыме] *сизом дыму под* сводами потолка, точно ломтики картофеля в жидком соусе.— Вот вы, Иван Петрович, простой русский честный человек.

Митрофанов, опустив голову, [взял вилку] *налил водки*, выпил и, не поднимая головы, закусил грибом.

— ... не искушенный книжной мудростью [и вообще],— Самгин остановился, тоже выпил и заговорил не столько [с] Митрофанову, как [с] самому себе.

— Ну, вот скажите просто: разве это нормальная жизнь, когда вот [так при⟨ходится⟩]...

— Приходится в страхе жить,— тихонько подсказал Митрофанов.

— [Нужда!] Именно. Ведь как вы думаете — будет рев⟨олюция⟩?

— Обязат⟨ельно⟩ будет, Клим Иванович! — очень серьезно [сказ⟨ал⟩] ответил Митрофанов.

[— Будет?]

— Уж я — знаю! Поверьте. Не слеп, не глух. *Очень обозлен народ несоответствием благ земных и засилием полиции*[1]. *И вору, и честному одинаково... [руку сунуть] ногу поставить некуда. Человек хочет жить на твердой почве, а — где она?*

— Так, может быть, лучше, чтоб она скорее разразилась, а?

— Клим Иванович,— вполголоса воскликнул Митрофанов и лицо его странно вздулось, покраснело, даже уши как будто пошевелились.— Понимаю я вас, дорогой человек, ей богу, понимаю!

Но Самгин, остановив его движением руки, продолжал:

— Ведь нельзя жить в постоянной тревоге, что завтра всё полетит к черту, [и] *а* мы окажемся [среди волк⟨ов⟩] в мятеже страстей, чуждых нам.

л. 3 Самгин тоже опрокинулся на стол, до боли крепко опираясь грудью в край его и глядя в лицо Митрофанова.

Он [говорил и] [чув⟨ствовал⟩] [Ясно] понимал, что в первый раз за всю жизнь говорит *совершенно* искренно с человеком и с самим собою, и в этом было нечто неиспытанно приятное. Понимал он каким-то кусочком мозга, что это и опасно, что он как бы отказывается от самого себя или [от че⟨го-то⟩] какой-то части [самого] себя, [понимал, но] но и это было тоже *странно* приятно [*Все это было тем более странно, что* [*он*] *Клим сознавал: говорит он* [*чужими*] *не своими словами. А все-таки это было хорошо, а*], *как-то облегчало. Самгин сознавал, что говорит* [*как будто*] *не своими словами, но* [*не*] *его самолюбие не смущалось этим* [*и*]: *ведь в чужие слова он влагал свое чувство.*

— *Вот мы видим: сегодня рабочие пошли по улице,* [*с трех*] [*они*] *могут пойти и первого мая.* [*Нельзя же думать*]

Митрофанов, кивнув головою, шепнул:

— *Кое-где — ходят.*

— *Нельзя же серьезно думать, что правительство решительно встанет на сторону раб⟨очего⟩ класса.*

— *Политика это,— подтвердил Иван Петрович.*

---

[1] *После этих слов, на полях же, помета красным карандашом:* 93-3, *означающая, что сюда следует перенести текст со стр. 3, л. 93. I ЧА. Это было реализовано автором в БА.*

Перед ним, подпирая скулы ладонями,— очень знакомое, но измененное лицо, брови приподняты, губы крепко сжаты, и в темных глазах напряжение человека, который читает слишком мелко или неясно напечатанное.

— Эх, господи,— вздохнул Митрофанов, как бы с отчаянием, но не переменив позы.

— Если мы родились в такие тяжелые годы, то — что же? [А?] — спросил Самгин постояльца, в то же время спрашивая и себя: «Зачем я и почему именно сегодня говорю все это?»

— Клим Иванович,— сказал Митрофанов, вдруг [как-то] распустив побуревшее лицо, отчего оно стало и шире и [как-то] удивительно жалобно.— Я — понимаю: вы меня привлекаете, так сказать. И — вот! — Он трижды мелкими крестиками перекрестил грудь.— Я — всей душой! Готов,— ей богу! — *Выкатив глаза, он прошептал: — Для порядка, для хорошего порядка можно и революцию допустить.* Я давно хотел сказать. Такой человек, как вы... [ведит‹е›] учите, ведите! Готов...

Этого Самгин не ждал и не хотел, *а хуже всего было то,* ‹что› *он тотчас почувствовал юмористический оборот беседы.*

[Несколько] Охлажденный [словами] *изъявлением* Митрофанова *принять революцию*, идти за ним куда-то, он замолчал, а тот, *еще раз* оглянувшись, тихонько и с хрипотцой в горле говорил:

— Стыдно мне и — не решался. Видите ли что... Эх, Клим Иванович,— опрокинете, оттолкнете вы меня сейчас, а я уж больше не могу, потому что — уважаю вас и...

Споткнувшись о какое-то слово, он передохнул:

— Видите ли... Рассказывал я вам о себе разное там, ну — винюсь: все это я выдумал для приличия. Жен выдумал и вообще — всю жизнь.

[Он] Трясущейся рукою он снова налил водки.

— Позвольте — зачем *же? — удивленно [даже] и уже рассе‹рженно›* спросил Самгин.

Митрофанов развел руками и засмеялся горловым, икающим смехом. На висках и под глазами его выступил пот, он быстро и крепко стер его платком, сжатым в комок, и повторил:

— Для благоприличия. Погодите! — сказал он, хотя Самгин ни словом, ни жестом не мешал ему говорить.— Человек я слабого характера и с фантазией, а при слабом характере фантазия — отрава!

Он снова стер пот и взмахнул в воздухе платком, [подпригивая] ерзая на стуле, как будто готовясь вскочить и убежать.

— Я, видите ли, служу в сыскной полиции агентом по уголовным делам, девятый год служу, переведен сюда из Н‹ижнего› Новгорода за успехи в розысках, там музеи обворовали, старинную монету, Агапов, известный [на] по Волге фартовик, домушник — вот что я.

— По уголовным,— спросил Самгин, [не] еще не зная, что сказать и чувствуя, что Митрофанов обидел его.

— Именно, поверьте слову! — подтвердил Иван Петрович.— Ни к чему другому не имею никакого касательства, будьте покойны. Да если б даже имел, так — ваш слуга! Потому что вы для меня — первый человек. И супруга ваша. Вы первые, которые...

Не кончив, он глубоко вздохнул и, [удивленно] *мигая*, сказал:

— Удивительно, как вы не догадались обо мне тогда, [как] во время студенч‹еской› драки, как схватили вас. Ведь если б я был просто человек, разве мне дали бы сопровождать вас в полицию? Опять же и то: живет человек у вас почти два года, ничего не делает, все ходит — места ищет, ночей дома не ночует. Два года! Простодушные [вы] люди вы и супруга ваша. Трогательные, даже боязно за вас, честное слово!

По его лицу кота расплылась виноватая и добродушная улыбочка, обидная для Самгина.

— Вы ни в каком случае не рассказывайте это жене,— строго сказал он.— Потом, со временем, я сам...— [Может] Съехать мне с квартиры? — предложил Иван Петрович.

— Нет,— сказал Сам‹гин›.— [Нет]. Этого не надо делать. Я подумаю, как...

— Давно уж хотел я покаяться вам...— вздохнул Митрофанов и [закусил] залил вздох рюмкой водки.

Помолчали. Самгин мельком подумал, что вот [полицейский агент] [*этого* человека] он считал Митрофанова человеком здравого смысла, типичным русским жителем, а он, несмотря на [то] это, служит в полиции.

— В сыщики я пошел не из корысти,— [шепт‹ал›] бормот‹ал› Иван Петрович.— В этом деле корысти мало. Девать себя некуда было. Впрочем и фантазия тоже. Начитался воровских книжек, и, еще будучи в гимназии, свистнул для [досто‹...?›] удостоверения таланта моего золотые часы у инспектора. Замечательно ловко обдумано было это, четверо

суток держал я часы у себя, затем подкинул в физич⟨еский⟩ кабинет, инспек⟨тор⟩ физику преподавал. Ах, боже мой, боже мой,— погромче сказал он.— Простите [вы] меня, Клим Иванович, за обман. Ей богу,— потому обманывал, что уж очень [предан я] полюбил вас... Из преданности, так сказать [1].

Темные туповатые глаза взмокли и точно растаяли. [Митрофанов] Иван Петрович мигал, сгоняя слезы ресницами, улыбался и бормотал:

— Полюбить человека — трудно-с... Оч-чень!

— Да,— невольно сказал Самгин, чувствуя себя совершенно запутанным в противоречивых ощущениях и мыслях. Он был обижен этим человеком [но был] и [трон⟨ут⟩] был удивлен им, [он] [ему казалось, что] впервые он встретился с такой *неприятной* искренностью, но *она* его [трогала и он] [*чувствительно*] *как будто* растрогала, [смягчила] и, наконец, ему было лестно слышать изъявления [люб⟨ви⟩] несомненно сердечных чувств [со] от [*этого*] человека, [значительно старше его] который был симпатичен ему. [И] Наконец [этого] Митрофанов стал еще любопытнее и мог быть чем-то полезен.

— Итак,— жене не нужно [знать] рассказывать,— повторил он.— Потом я... мы с вами подумаем, как все это...

Митрофанов *вытер лицо, крякнул*, наклонясь к нему, сказал очень сердито:

— Вы, Клим Иванович, не отвергайте меня. Я для вас цепной собакой буду. [Прямо] *Из души* говорю. Хороших людей я не встречал и — вообще... *И надоело мне у собаки блох вычесывать,— это я про свою должность. Что* [*же*] *такое вор? Вор — мелкая заноза, именно,— блоха, комар, вот что вор!*

Он встал и Самгину показалось, что за этот час Митрофанов вырос, похудел, даже *черты* лица [у него] его стали тоньше, благообразней. Самгин протянул ему руку через стол.

— Покорнейше... от всего сердца благодарю,— глуховатым голосом сказал Иван Петрович.

Самгин посидел еще минут десять, [укладывая свои] стараясь *уложить* мысли в какой-то порядок, но думалось ему угловато, противоречиво, [и] было ясно лишь одно — бескорыстие чувствований Митрофанова.

л. 4 «Человек отдает себя в мою волю,— вот что получается,

---

[1] *Возле этих слов, на полях, помета*: Гости ресторана? — *реализованная в БА*.

в конце концов. [Но —] Агент уголовной полиции? [Уголовной] Уголовной,— внушал себе Самгин.— Роль, которой порядочные люди брезгуют, но — трудно [представить] *вообразить* общество, в котором не было бы преступников и [людей, [которые [ловят их] *принуждёны*] *принужденных* ловить их] *тайной полиции*. Он бесспорно... добрый человек. Жалкий несколько. Человек типа Тани Куликовой, Анфимьевны. Человек — для других».

Когда Самгин вышел на К⟨расную⟩ площадь,— на ней было пустынно, как бывает всегда по праздникам, когда в рядах не торгуют. Небо осело низко над [Кремлем] церквами Кремля и рассыпалось тяжелыми хлопьями мокрого снега. *В снегу торопливо шевырялись [свинцового цвета голуби] голуби свинцового цвета. На золотой чалме И⟨вана⟩ В⟨еликого⟩ снег не держался.* Трудно было представить, что на этой площади за два часа пред текущей минутой топтались, вторгаясь в Кремль, тысячи людей, которым, наверное, не известно ничего из истории Кремля, [города] *Москвы*, России. [На золотой чалме Ивана Великого снег не держался].

«Мы, — говорил Митрофанов в Пасхальную ночь.— Кто это — мы? *Конечно*,— не те люди, [что] которые [прошли здесь] *приходили* к памятнику царя и вот — нет их. Странно, что Митрофанов убежден в неизбежности революции. *Все-таки отвратительны, в сущности, эти неожиданные изгибы, изломы в человеке*».

Домой Самгин пришел к вечернему чаю. За столом с Варварой сидели Гусаров и «дядя Миша» в шерстяном, вязанном Любашей, жилете оранжевого цвета.

— Ну что, как? — спросил он, и маленькое его личико осветилось добродушным ехидством.— Хорошо [ли про] пели рабочие «Боже царя храни», а? Расскажите нам, расскажите.

Гусаров тоже улыбнулся, взглянув на Самгина, но тотчас опустил глаза в свой стакан чая.

Дядя Миша был настроен *не* весело, [он] неутомимо вышучивал эс-деков, их надежды на революционность рабочих.

— Извините меня,— говорил он,— но там, где нужны вожди, приказчики ничего ⟨не⟩ могут сделать. А все ваши Бебели, Зингеры, Адлеры — только приказчики. Умные, не отрицаю. Но у русских марксистов и таких умников нет. Да и не дай бог, чтоб они были. *Приказчики не делают революций,— говорил он, накладывая варенья в стакан чая.*

Но хотя дядя Миша ехидничал, все-таки было ясно, что он сильно расстроен, [*он как*] [*обиженно*] *маленькие глаза его*

удивленно, обиженно мигали, и, слушая рассказ Самгина, раза два он пробормотал:

— *Вот вам*... [*и револ*⟨*юция*?⟩] *тысячи к царю пошли*...

Гусаров, широким жестом погладив голову свою и потрогав пальцами ухо, сказал таинственную фразу:

— А может быть, мы повернем дело на свой салтык.

— Что это — салтык? — спросила Варвара, сидя с непроницаемым лицом, какое она всегда делала, слушая разговор о политике.

— Салтык? — переспросил Гусаров [несколько сконфузясь, и сознался: — А я, признаться, не знаю].— Народное словцо, равносильное слову образец, я думаю.

— Почему же не сказать «образец»? — допрашивала Варвара. Гусаров, несколько сконфузясь, сказал:

— Да так как-то, на язык подвернулось.

— «Вскую шаташася языци» — вздохнул дядя Миша, не любивший Гусарова, а тот через некоторое время снова сказал:

— Всяк живет на свой салтык.

[Самгину] *Самгин чувствовал себя* [*расстроенным*] *все-таки угнетенным* [*рассказом*] *исповедью Митрофанова* [*и думал, что если отка*⟨*зать*⟩] *и неохотно рас*⟨*сказывал*⟩ *о процессии рабочих, дума*⟨*я*⟩: *«Что если отказать сыщ*⟨*ику*⟩ *от квар*⟨*тиры*⟩ *— он, пожалуй, сделает какое-нибудь свинство»*. Было скучно слушать [ехидства] Суслова, смотреть на [самодовольно улыбавшегося] самодовольного Гусарова, и его беспокоило [задорное] настроение жены, [Варвара] *она почему-то* [*всё*] придиралась к Гусарову и была очень невнимательна к дяде Мише.

Вдруг [очень быстро], точно испуганная кошка, вбежала Любаша, вбежала, остановилась и драматически крикнула за плечо свое:

— Таня, представь, он — здесь!

В следующую минуту она остановилась сбока Гусарова и, размахивая красным озябшим кулачком, сказала:

— Госп⟨один⟩ Гусаров, вы — негодяй!

Тот откачнулся от нее, зачем-то схватил со стола чайную ложку, тоже взмахнул рукой, крикнув:

— Что это значит?

— Вы — негодяй, вот что! — подпрыгивая, наскакивая на него, кричала Любаша [и всё], грозя уже обоими кулаками, обнаруживая готовность ударить Гусарова, [тот] *а он*, бросив

ложку на стол, отодвигался от девушки, толкая свой стул, и рычал:

— Как вы смеете...

[Вошла Татьяна, склонив голову на бок]

Скользя ногами, точно по льду, склонив голову на бок, вошла Татьяна, отодвинула Сомову,— Любаша, яростно всхлипнув, [*отскочила*] *отбежала в сторону, в угол* [*крикнула*] *и оттуда крикнула:*

— *И — дурак!* [*Да!*]

Варвара, нахмурясь, подошла к ней.

Самгин ошеломленно смотрел в лицо Татьяны, *бледное*, неестественно сжавшееся и как бы ослепшее, она говорила не очень громко и без гнева.

— Это я [сказала] *рассказала* Сомовой, как вы в Кремле [гово⟨рили⟩] восхваляли рабочим Зубатова, я стояла в двух шагах сзади вас.

— Ну... ну и что ж? — закр⟨ичал⟩ Гусаров.— Я имею право... если это мое убеждение.

— Эге-э! — удивленно протянул д⟨ядя⟩ Миша, глядя на [Самгина] Клима.— Убеждение?

— [Бросьте] *Перестаньте*, Гусаров,— сказал⟨а⟩ Татьяна, отходя от него.— Нет у вас никаких убеждений...

[Она [подош⟨ла⟩] стала] *И*, наливая себе чай, он⟨а⟩ [ска⟨зала⟩] прибавила, вздохнув:

— [Вы — лысый] Болтун вы [и], малограмотный болтун.

— Бесстыдник,— крикнула Любаша.— *Долой политику, это — убеждение? Это — негодяйство.*

Затем наступила [неприятнейшая минута] *минута неприятнейшего ожидающего* молчания [все чет⟨веро⟩]. Гусаров молодцевато выгнул грудь, встряхнул головою, [но [заме⟨тив⟩] *видя*, что [кроме Самгина, который, [тоже] постукивая пальцами по столу, тоже ни⟨чего⟩] *на него никто не смот⟨рит⟩*] *сказал что-то о фанатизме книжников и ушел,* [*стараясь не особенно громко топать*] *нелепо раскачиваясь и на ходу потирая* [*бедро*] *одной рукою бедро, другой скулу.*

И как только широкая спина его исчезла за дверью, [вспыхнул беспорядочный [взволно⟨ванный⟩] говор] раздался внушительный голосок Суслова:

— Всё это — не так. Внезапное нападение, [не организованная защита] враг — или преступник — убежал, но не разбит [или] — не пойман. [Видите? А в таких случаях надобно] *И мы не знаем: что это? Глупость или измена, которую теперь стали называть теоретическим уклоном,—*

говорил он, подняв [палец] *руку* на уровень лица и прокалывая воздух указательным пальцем. [Но его никто не слушал]

[Самгин был ошеломлен этой сценой и, как всегда будучи зах<..?>]

[Как всегда пред неожиданным] Самгин [чувствовал себя несколько] [растерялся и] [растерявшись] молчал, опасаясь сказать [или сделать] *или сделать* что-нибудь [такое, что] [*недостаточно прод<уманное>*] такое, [что [останется] обяжет его] что может к чему-то обязать его. [Раск<уривая>] Тщательно раскуривая папиросу, он сквозь поучающие и укоризненные слова дяди Миши прислушивался к рассказу Татьяны.

— [Мы] [Алексей шел] *Я шла* с рабочими от Бромлея, [а я с торнтоновцами], *Алексей с прохоровскими.*

Только тут Самгин заметил, что Татьяна [одета в простенькое платье, грубые башмаки] в простеньком платье, грубых башмаках [и], похожа на горничную и [что этот костюм] [костюм сделал [тонкое] *насмешливое* лицо ее злым] [нисколько не портит ее] [а] [этот костюм] это сделало ее как будто проще, симпатичней. Присев на ручку кресла, играя косою Любаши, она рассказывала [очень просто] без обычных для нее [задорных выходок и ост<рот>] попыток острить.

— [Меньше всего рабочие говорили о Зубатове] [*Каже<тся>*] *Пожалуй, можно сказать, что о Зубат<ове>, о политике рабочие говорили меньше всего,*— это впечатление не только мое и брата, [в толпе была еще наша знакомая, фельдшерица] *там были и* еще [наши знакомые] несколько человек, способных объективно оценить настроение [толпы] *рабочих.* Мне кажется, что вернее [всего выразил] *всех* выразил его твой друг, Любаша, этот столяр...

— Китаев,— обиженно подсказала Сомова.

— Да. Он сказал: идем, как в незнакомый лес за грибами, может — есть грибы, а вернее — нету грибов; ну — ничего, погуляем, все-таки! А ты, Люба, в ярости очень смешная...

— Нет, подумай, каков негодяй.

— Негодяев около памятника оказалось немало. Один, мохнатенький такой, драповый, очень прямо-таки замечательно хрюкал о том, что интеллигенция хочет проехать в парламент на [спин<е>] шеях рабочего класса. Это — какой-
<л.5>[1] то из Петербурга, очевидно, охранник. И — знаешь, кто еще был там в качестве умиленного зрителя? Тагильский [да, да!] Я очень боялась, что он меня узнает.

[1] ХПГ-23-1-3, № 59901.

Тут Самгин сказал жене:

— Знаешь, я встретил Митрофанова, он тоже считает этот поход на Кремль неумной затеей.

Сказал и подумал, что говорить [этого] это вовсе не нужно было. Жена [сидя] *не отозвалась, она сидела* в кресле, вытянув ноги, закинув руки за голову и сосредоточенно слушая [не отозвалась] *Татьяну*. Любаша взглянула на него с удивлением. [Татьяна [рассказывала] *перечисляла*:

— И потом этот адвокат антисемит, Шарапов, кажется? Там] Было много смешного,— рассказывала Татьяна.— Какой-то толстый барин [*у Чудо⟨ва⟩*] *с крыльца Чудова монастыря* вдохновенно убеждал рабочих, что бумажный рубль «христиански нравственная форма денег»,— так и говорил...

Суслов, потирая руки, *радостно* засмеялся:

— Это — из записки врага Витте, Сергея Шарапова о русских финансах, это оттуда!

— Да, он говорил, что В⟨итте⟩ губит Россию, продает ее немцам.

— И — ничего, не мешали ему говорить? Рабочие-то? — оживленно спрашивал Суслов.

— [Нет. Они всё] Нет. А когда у памятника запели «Спаси, господи»,— [какой-то рабочий послушал и сказал] *какая-то баба, похожая на переодетого мужчину, послушав, сказала*: «*Чего это как* скушно поют»

Самгин незаметно ушел к себе и лег на диван, пытаясь подвести итог впечатлениям дня. [Среди] [Но] Все впечатления [покрывало] покрывал *и окрашивал* Митрофанов.

«[В сущно⟨сти⟩] [Я повел себя с ним, как пропагандист, и этим вызвал его на исповедь»,— догадался Клим].

[То, что он оказался [полицей⟨ским⟩] агентом полиции, не понизило его [его] в глазах Самгина, [но] [а] трудно было примириться с тем, что он [но исповедь его смути⟨ла⟩]]

«Это я вызвал его на исповедь тем, что встал пред ним в позицию пропагандиста революции. И, вероятно, он из любезности [пре⟨...?⟩] сказал, что революция неизбежна. [А может быть,— это у него — в разуме, как, вероятно, у многих; в разуме, но не в чувстве. В моем разуме тоже [есть это] *сложилось* убеждение в неизбежности»,— сознался он.] Самгин был *вполне* уверен, что он человек умный, иногда ему даже казалось, что он [как-то] *даже* нечеловечески [а солнечно] умен, что [ум его] *его* ум освещает всю жизнь и все в жизни [именно] с беспощадностью солнца и настолько своеобразно, что [даже] нет слов для точного оформления ощущений,

впечатлений, нет слов [для той], которые сложились бы *по-своему*, *в* [новые] *свои* мысли. Когда *кто-либо из друзей Варвары — чаще других Кумов* — при нем [говорили] *говорил* о бессилии разума, он [сочувственно кивал головою] *поправлял*:

— *Бессилие слова, а не разума.*

[Но у него бывали моменты [какого-то отупения, минуты] *тупой усталости*, когда он чувствовал себя не в силах думать [Он давно уже приметил, что такие моменты всегда являются [после] во время и после его наблюдений над толпою] от себя [и], по-своему, и эти моменты [трево⟨жили⟩], возбуждая *смутную* тревогу, заставляли его торопливо гасить ее чужими словами]. [1]

— Все это так,— сказал он, обращаясь к Татьяне.— Разумеется, толпа не могла в один голос заявить о [ее] том, [чег⟨о⟩] *что и* как она думает об этом путешествии в К⟨ремль⟩. Однако для меня ясно, что эти тысячи людей шли не веря — единодушно не веря — в возможность какого-то примирения, обновления и т. д. Ничего подобного. Это шел раб⟨очий⟩ класс, которому дали возможность видеть [самого себя] свою количественную силу. Это, может быть, значительнее перво-м⟨айских⟩ демонст⟨раций⟩ запад⟨ных⟩ рабочих. В пуб⟨лике⟩, среди которой я стоял, было кем-то сказано [значительное] верное слово: заигрывают. [2] Нет никакого сомнения, что
⟨л.6⟩[3] раб⟨очие⟩ так поймут з⟨убатовщин⟩у: правит⟨ельство⟩ заигрывает с ними. [На публику, на зрителей они смотрели глазами чужих людей, так же, впрочем, смотрела на них и публика.] Я бы сказал, что многие из публики чувствовали себя преданными правительством, т. е. я хочу сказать, что буржуазия [обижена] *встревожена* этой демонстрацией.

— М-м,— *недоверчиво* промычал Суслов, покачивая головою, [— Об [полит⟨ическом⟩ правосознании нашей буржу⟨азии⟩] *этом* как будто раненько говорить.

— Почему это? — спр⟨осила⟩ Татьяна.

— Потому что [она сама] *наша буржуазия* находится в состоянии *политического* угнетения, жаждет свободы и у нее вражды к раб⟨очему⟩ классу нет, как [у] это есть у бур⟨жуазии⟩ Запада] *и учительно* [*загово⟨рил⟩*], *спокойненько сказал то, что всегда говорил: что русская бур⟨жуазия⟩*,

---

[1] *Далее в автографе продолжается разговор о манифестации.*

[2] *Текст*: Все это так ∾ заигрывают — *перечеркнут красным карандашом.*

[3] ХПГ-23-1-3, № 59919.

находясь в состоянии политического угнетения, не может испытывать вражды к раб⟨очему⟩ классу.

— *Классовых противоречий, характ⟨ерных⟩ для З⟨апада⟩, у нас еще нет в такой остроте, пред нами, пред всеми классами, одна задача — низвер⟨жение⟩ самодержавия.* [1] Мне кажется, что в глубине души очень многие обыватели чув⟨ствуют⟩ неизб⟨ежность⟩ революции, и даже от разума желают ее, хотя, конечно, все [инстинкты против] *их* социальные инстинкты тяготеют к покою.

— Это [-то] не совсем понятно мне.

— Может быть, вы поймете, если я [приведу афоризм одного знако⟨мого⟩] *скажу*, что в стремлении к порядку допустима и револю⟨ция⟩ [2]

⟨л.7⟩[3] — [Ты] Я понимаю,— ты хочешь играть, уже играешь, какую-то большую роль, но мне кажется, что это уже тяготит тебя, ты играешь не ровно, то слишком холодно и скучно, то, как сегодня, чересчур [горячо] возбужденно, однако...

— Прежде всего — тут нельзя говорить об игре, о ролях, — внушит⟨ельно⟩ замет⟨ил⟩ Самгин. Варвара отклонилась от него.

— Можно,— сказала она, сжав пальцы *своих* рук и глядя на них.— Я тебе скажу прямо: жизнь — театр, я — зритель. Не ново? Я не претендую на оригинальность. Я — неудавшаяся актриса, я не играю, а — в публике. На сцене идет обозрение, revue. Появляются, исчезают люди, которые, как сам ты неоднократно говорил, хотят показать мне, тебе свои таланты, [свое лицо] *свой внутренний* мир. Я не знаю, насколько — внутренний. Я думаю, что прав Кумов,— ты [напрасно] относишься к нему небрежно, но это очень оригинальный юноша, право. Он — человек для себя. Дорогой мой — люди только для себя, самые [инте⟨ресные⟩] честные люди, ты это знаешь.

— Что ж он [говорит] *проповедует*, Кумов? — спросил Самгин *иронически*, [слушая] *но вслушиваясь* очень внимательно и беспокойно.

Жена прижалась плотнее к нему, ее высокий, несколько крикливый голос зазвучал мягче, ласковее.

— Он говорит, что внутренний мир, мир духа, не [поддается человеч⟨еским?⟩ при⟨емам?⟩] [уродливой] может быть

---

[1] *Текст*: и учительно ∾ самодержавия — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Далее в тексте пропуск.*

[3] ХПГ-23-1-3, № 59899.

выяснен двумя [при⟨емами?⟩] навыками разума мыслить [мир] внешний мир идеалистически или материалистически; эти навыки только уродуют [искажают] [суживают] подлинное человеческое, суживая его и даже убивая свободу воображения [воображения, а], мир духа — это мир воображения.

— Наивно,— сказал Самгин, не интересуясь философией письмоводителя [не ожидая, когда Варвара заговорит] — *Что ты* хочешь сказать мне?

— *Я тебе и говорю,— [несколь⟨ко⟩] удивленно ответ⟨ила⟩ она.— Видишь ли... ты ведь знаешь — как дорог мне?*

— *Да. И — что же дальше,— торопил он.*

Она шутливо [и лег⟨ко⟩] ударила его по плечу.

— *Как это любезно сказано!*

Но тотчас же [лицо ее стало] нахмурилась:

— *Я не хотела бы жалеть тебя, но, представь, мне кажется, что тебя надобно жалеть. Ты — становишься недостаточно... личным человеком, идешь на убыль, вот что мне кажется.*

Это очень поразило Самгина и, чтоб скрыть впечатление, он, опустив голову, погладил лицо руками.

— *«Глупая жен⟨щина⟩,— тотчас же подумал он.— Но — какой тяжелый день».*

[Он] Вслед за тем он очень рассердился на себя за то, что не мог рассердиться на жену.

— *Чего тебе нехватает? — спросил он.*

— *Тебя, конечно,— ответила Варвара, как будто она давно ожидала именно этого вопроса.*

⟨л.8⟩[1] [Взяла] *Взяв* из его руки *незажженную* папиросу, она закурила и прилегла [на диване] в позе одалиски с какой-то картины, опираясь на локоть, пуская в потолок струйки дыма, и сказала фразу, не однажды читанную Самгиным в романах, фразу, которая часто [разда⟨ется⟩] раздается со сцены театра.

— Ты меня не видишь. Ты не ревнуешь меня. Женщ⟨ина⟩, кот⟨орую⟩ не ревнуют, не чувствует себя любимой.

[Это немедл⟨енно⟩] «Только это?» — подумал Самгин и немедленно почувствовал себя несколько успокоенным.

— Видишь ли,— заговорил он внушительно,— мы живем в такое время, когда...

— Все мужчины и женщины, *идеалисты*, *материалисты*, как всегда хотят любить,— докончила Варвара и, вскочи⟨в⟩ с дивана, стала расхаживать по кабинету, говоря в такт мер-

---

[1] ХПГ-23-1-3, № 59919.

ных шагов.— Это — главное содержание всех эпох, ты знаешь. Что бы человек ни делал, а в конце концов хочет удобно устроиться со своей женщиной, [со] женщина — со своим мужчиной. Вот я вижу идеалистов-символистов. Я немножко хозяйка, не так ли? Так вот я вижу, что идеалисты [чувственнее, даже скажу распутнее, циничнее] *циничнее* откровенны в стремлении к удобст⟨вам⟩ жизни, да! [И они практичнее материалистов] *Не говоря о том, что они вообще чувственнее материалистов и практичнее. Да, да, они значительно практичнее людей*, которым для того, чтоб жить хорошо, нужно устроить революцию. [Мне] Недавно мне предложи⟨ли⟩ устроить книжное издательство. Я тебе скажу, что [напри⟨мер⟩] материалист⟨ы⟩, при их увлечении цифрами, не могли бы [изо⟨брести?⟩] сделать такое тонко разработанное и убыточное для меня предложение. Ты вот назвал Кумова наивным. Это, может быть, так, но он единственный человек, которому от меня, да и вообще от жизни, ничего не нужно.

— *Ты что-то слишком много говоришь о нем,— вставил Самгин.*

— *Хочешь показать, что ревнуешь? — спросила она очень небрежно.*— Он полон сам собой [хотя] и, кажется, доволен собою. Он типичный зритель. И любит рассказ о Спинозе, который наслаждался, наблюдая жизнь пауков. В нем есть кое-что общее с тобою... каким ты был.

— Странно ты говоришь, Варвара,— сказал Самгин, чувствуя себя засыпанным словами, как снегом.

— Странно? — спросила она, заглянув на часы, ее подарок, стоявшие на столе Клима.— Ты хорошо сделаешь, если дашь себе труд подумать над этим. Мне надобно идти в собрание по поводу этого издательства. Любопытно. К обеду я вернусь.

Поцеловав его, она [ушла] *исчезла* и *хотя* это [было как-то неожиданно, но Самгин] *вышло у нее как-то* [*вдруг*] *внезапно*, Клим Самгин [был рад] вздохнул облегченно.[1] Он был [крепк⟨о⟩] вполне уверен в [своем уме] в том, что разум его совершенно свободен, не [за⟨сорен?⟩] искажен [какими-то] вросшим⟨и⟩ в него идеями, что все идеи пред светом его разума равноценны. Иногда ему [даже] казалось, что он нечеловечески умен, его независимый ум освещает [всю жизнь] все явления жизни с [беспощадностью] *беспощадной объектив-*

---

[1] *Текст:* [Взяла] Взяв из его руки (*стр. 633*) ∾ облегченно — *перечеркнут синим карандашом.*

ностью солнца и настолько своеобразно, что даже нет слов [для точного оформления ощущений и впечатлений, переживаемых им, нет слов], которые [сложились бы] могли бы уложить его *ощущения* и впечатления в формы [и] оригинальных мыслей, [его мыслей], *каких нет ни в одной книге*. Когда при нем кто-либо из друзей Варвары говорил о бессилии разума, Самгин поправлял:

— Бессилие слова, а не разума.

Но бывали [минуты] часы и дни, когда [Самгин] он чувствовал себя не в силах думать, [1] когда его мыслящий аппарат [как бы] не то что переставал работать, а *как бы* исчезал, и на месте его являлась пустота, куда проваливалось все, что он чувствовал.

〈л. 9〉 Он задумался [прежде вс〈его〉] *над тем*, что всего ближе касалось его: Варвара никогда еще не говорила [*не осмеливалась говорить*] с ним в таком тоне. Ему казалось, что она все еще смотрит на него снизу вверх. Хуже всего [было] то, [что [2] он должен был] *надо было* признать [ее] правду ее слов — он себя насилует. [Как] [*Но так*] *Как*, вероятно, многие люди независимого ума [3], обреченные жить накануне катастрофы *и* жить в загадочной стране, где человек [неустойчив] выдумывает себя и вообще предательски изменчив, почти неуловим.

Но [серьезные мысли не] серьезным мыслям мешали мелочи. [Неда〈вно〉] Он вспомнил, [что] *как* жена недавно [заметила], заметив, что у него краснеет кончик носа, [— Это — от очков,— [правильно объяснила она, но лучше бы не замечать]] [и] правильно объяснила: Это от очков,— но в глазах ее блеснули неприятные зеленые [огоньки] *искры*. Затем вспомнился такой случай: [4] месяца *за* два [тому] пред этим [он чувствовал себя переутомленным, плохо спал [по ночам] и однажды проснулся поздно, а когда пошел умываться, ванная комната оказалась запертой изнутри.

— Отопри, Варя,— попросил он; [но] ему не ответили. [Он] [Подумав, что испортился замок] [*уверенный, что жена* [*должно быть*] *уже одета и в столовой*] *он* [*долго*] *работал*

---

[1] *Возле этих слов, на полях, запись, не введенная в текст*: пред ним вставала стена фактов, чужих мыслей, книжных идей.

[2] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

[3] *Возле этих слов, на полях, запись, не введенная в текст*: для которого все идеи равноценны, люди [которым важнее всего [вн〈утренняя〉] их внутр〈енняя〉 свобода]

[4] *Далее зеленым карандашом помечено и зачеркнуто*: [87-3-88]. *Помета означает ссылку на соответствующие листы I ЧА.*

[*ночью, почти до утра и, задержав Кумова, предложил ему ночевать*] *с Кумовым далеко за полночь и, как это* [*не однажды*] *бывало, предложил ему остаться ночевать.* [*Утром*] *Проснувшись поздно, он пошел умываться в* [ванную] уборную, но оказалось, что она заперта изнутри на крюк. Он был уверен, что жена давно уже одета и, вероятно, в столовой, но все-таки постучал в дверь.

— Отопри, Варя.

Ему не ответили. [Тогда] Сообразив, что, должно быть, крючок заскочил в [пробо⟨й⟩] кольцо сам собою, оттого, что дверью сильно хлопнули, он пошел в столовую и взял хлебный нож, намереваясь просунуть его [между] [косяком] *в щель между косяком и дверью* ⟨и⟩ приподнять крючок. Варвары в стол⟨овой⟩ не было [но когда он во⟨шел?⟩] [пошел].

⟨л.10⟩ [Он вышел] *Снова выйдя в* полутемный коридор, он увидал ее [выходящей из] *у двери* уборной, растрепанную, в капоте на голое тело.

— Что ты? — негромко, подавленно крикнула она, прислонясь спиною к стене, запахивая капот на груди; колени ее высунулись вперед, как будто она хотела сесть на пол. Ему показалось, что когда он с ножом в руке подошел к ней, [в сумраке] зеленые глаза ее *в сумраке* [ис⟨крились?⟩] [расширясь] *стали фосфорическими*, наполнились страхом.

— Да — что ты? — повторила она тише и плаксиво, тогда как ноги ее все подгибались, [а руками] *и одною* рукой она [давила на] [*запах⟨ивала?⟩*] стягивала ворот капота, другою держалась за грудь. Удивленный до испуга, Самгин бросил нож на пол, обнял [жену] ее и увел в столовую. Там все объяснилось очень просто: Варвара тоже [про⟨спала⟩] плохо спала, встала поздно, пошла мыться, прилегла на кушетку и задремала.

— Я — стучал!

— Да, но я [думаю] *подумала*: это — во сне. Когда я отперла дверь, *в коридоре* никого не было. И — вдруг идешь ты с ножом в руке.

Прижимаясь к нему, она смеялась нервным смехом, не громко, и смотрела в лицо его необычным взглядом, детски испуганно, а глаза ее как будто вдруг выцвели.

— Ты вообразила, что я хочу зарезать тебя? За что? — пошутил он и пошел мыться. Но проходя мимо комнаты, где работал Кумов,— дверь этой комнаты была против ванной,— Самгин, повинуясь толчку изнутри, тихонько приотворил дверь; — Кумов стоял среди комнаты, *спиною к двери*, опустив

[голову] руки вдоль тела, склонив голову к плечу [и], напоминая фигуру повешенного. На скрип двери он обернулся [и Клим увидал] [улыбаясь, и уставил на Самгина синие глаза], улыбаясь, точно сквозь сон, *улыбкой, как всегда глуповатой, покорной* [*и*], *расширившей стиснутое лицо его.*

— Вы [*что не работаете?*] *кончили работу? — спросил Самгин.*

— Да, да, кончил.

[*Он*] *Кумов подошел к столу, взял переписанные бумаги и подал их, всё улыбаясь.*

— Положите на стол ко мне,— сказал Самгин, думая:

— «Не может быть. С таким полуидиотом? Ерунда!»

Теперь он готов был думать, что могло быть и что тогда Варвара вышла из двери Кумова, а не из уборной, а [*может быть*] [*он*] *вернее, он был в уборной с нею, там широкая кушетка.* [*Оттого она*] *Этим* [*и*] *объяснялся и нелепый испуг Варвары.*

«Конечно — так»,— подумал он, но — нерешительно и не испытывая ни обиды, ни ревности, только для того, чтоб отвязаться от этих мыслей.

У него [давно] *давно* уже сложилось убеждение, что женщина оценивает мужчину прежде всего [зооло⟨гически⟩] *более или менее* как *сильного* самца, а все остальное в нем для нее — окраска, «павлиний хвост». Он [зна⟨л⟩] твердо [был уве⟨рен⟩] верил, что как самец он сильнее Кумова, да и по окраске интереснее, ярче. Думать нужно было о других вещах.

«Митрофанов? Он может быть полезен. Во всяком случае он не стоит того, чтоб думать о нем».

И [мысл⟨и⟩] думы его снова возвратились к тому, что жена — права: да, он идет на убыль. И это потому, что все более заметными становятся [люди партийные] люди, резко ограниченные [тою] одной из двух идеологий [прак⟨тикой?⟩] *русск⟨ого⟩ и запад⟨ного⟩* социализма. Он, Самгин, все еще заметный, солидный человек, к суждениям которого внимательно прислушиваются, но уже не так внимательно, как прислушивались года два *тому назад. Да, не так, он это чувствует. Ограниченные люди — понятнее, вот в чем дело. Жизнь все более бешено стремится к практическому решению социальных вопросов и думать некогда,* [*но*] *нужно скорее верить в то или другое.*

[*Верующий человек*] *Верующий — солнце, окруженное скопом спутников. Ради спутников горят солнца. Толстой,*

напр⟨имер⟩, — человек бесспорно гениальный, но так же бесспорно не умный. Он пошел ⟨?⟩ [1] *[С точки зрения] Для недалеких людей, т. е. большинства, свободомыслящий человек — [тума⟨нность⟩] туманность, [комета] комета* [2].

⟨л. 11⟩ Самгин вспомнил отзыв Суслова о его марксизме и подумал, что этот [остренький] человек, снедаемый различными болезнями, сам [стал] похож на болезнь, которая усиливается; он как будто помолодел, окреп и в его учительском голосе все громче слышны командующие ноты. *Татьяна Гогина [чему-то] учит рабочих в полулегальной воскресной школе, на фабрике какого-то [либерального купца, она] либерала; дерзкая насмешливость ее [приня⟨ла⟩] приобрела [едкий] оттенок едкий, и вообще в характере ее заметно растет ненормальное пристрастие к рассказам о фактах жестокости, [к] острым темам, к резкому подчеркиванию противоречий. Недавно она сказала, что «Цветы зла» [Бодлера] — «панихида по культуре» и что Бодлер с Оскаром Уайльдом — шекспировские могильщики. Сегодня она [была] настроена благочестиво, вероятно, потому, что устала, обеспокоена [бо⟨лезнью?⟩] нездоровьем Любаши.*

Тут Самгин подумал, что ее слишком нежные отношения с братом очень похожи на обыкновеннейший роман, но вспомнил, что Алексей — приемыш в семье Гогиных. Алексей, должно быть, «комитетчик»; он по-прежнему весел [и], шутлив, щеголеват, как парикмахер, [но] и относится к Самгину с любопытством, [в котором] сквозь которое явно [сквозит] просвечивает недоверие. Да, все изменяются...

Сомова организовала [какую-⟨то⟩] группу помощи рабочему движению, [гордится этим] и тоже, *кажется*, чувствует себя генеральшей от революции. Недавно она пренебрежительно сказала:

— Ты, Клим, рассуждаешь, как престарелый либерал.

[Либералов все] Социалисты *бесцеремонно, даже резко* высмеивают либералов, а либералы держатся так,— как будто в глубине душ своих чувствуют себя виновным⟨и⟩ в том, что не могут быть социалистами. Но они помогают революцион-

---

[1] *Фраза осталась незаконченной.*

[2] *Ниже этих слов, также на полях,— помета:* Вст⟨авка⟩, *вставка отсутствует. Затем снова знак вставки и отрывочные записи:*

[на] заочно наказав ими Варвару, за всё то, что она сегодня наговорила ему,

он и знает и мучается этим

все-таки должен был признать [что она] правду ее слов: он себя насилует

ным организациям деньгами, дают квартиры для собраний, [даже прячут у себя] *даже* хранят *у себя* нелегальную литературу.

[Мысли Самгина стали принимать] Самгин почувствовал, что им овладевает раздражение, вскочил, сунул окурок в пепельницу, закурил еще папиросу и, расхаживая в темноте, вспомнил [горбатенькую девочку] *крик* горбатенькой девочки:

— «Да — что вы озорничаете!»

— Зубатов — идиот,— выругался он, снова ложась на диван.

У Гогиных вечерами по воскресеньям собирается «политическая» публика, устраиваются словесные турниры. Сам Гогин, [благодушный «восьмидесятник»] *человек лет под пятьдесят*, один из тех либералов, которые [уже] [не только] вслух [явно] обвиняют себя в том, что [позволи‹ли›] [*не решились* поддержать людей семиде‹сятых›] не нашли сил продолжить [революционное] дело народовольцев и позволили разыграться реакции Победоносцева.

[— Нас будил Щедрин, и мы остались глухи,— сказал он покаянно] На одном из вечеров он сказал покаянно:

— Нас будил Щедрин, и мы остались глухи, история не простит нам этой духовной глухоты.

[Он] Был он человеком среднего роста, грузный, двигался осторожно и почти каждое движение сопровождал тихим покрякиванием. У него, очевидно, болело сердце, под добрыми [синим‹и›] серыми глазами вздулись синеватые опухоли. На лысом его черепе, над ушами, поднимались, как рога, седые клочья — [ког‹да-то?›] остатки пышных волос; бороду он брил, оставляя под нижней губою остренький хвостик, [подстриженные] [*курчавые* усы] а под мягким носом его молодецки торчали толстоволосые усы. Самгин находил в нем нечто напоминавшее отца, хотя [Гогин] [Николай] *Семен* Васильевич был не речист, не суетлив, [в споры не в‹ступал›] и в споры не вступал; [а] сидя где-нибудь в сторонке, он поглаживал усы, *особенно* внимательно [прислушивался] вслушивался [и] в кудрявые речи Алексея и смотрел на него, на Татьяну с нескрываемой и грустной нежностью. [Однажды, когда Редозубов [с] яростно]

— Все, что может сделать наше поколение, это — облегчить молодежи ее крестный путь,— сказал он однажды [возража‹я›] приятелю своему Никандрову, бывшему помещику, [бывшему] толстовцу, у которого [один] *старший* сын жил в ссылке, средний сидел в тюрьме, а младший обещал пой-

ти [этим же путем] этой же дорогой. Старика Никандрова постоянно тревожила полиция, [куда-то] устраивая у него обыски, высылая из Москвы, *но за него всегда кто-то хлопотал*; он снова возвращался, проповедовал толстовский анархизм, ругал культуру, [городскую жизнь] [*лживую*] переводил с иностр⟨анных⟩ языков какие-то книги, *очень нуждался*, ходил зиму и лето в парусиновом пальто, седой, лохматый, суровый с виду, резкий на словах [но и готовый] и безгранично добрый человек.

Татьяна сказала о нем:

— Он из сострадания к людям [готов] способен даже убивать их.

Бывал у Гогиных [угрюмый] Редозубов — [он везде бывал] *он приносил с собою угрюмое озлобление и нетерпимость церковника.*

Иногда являлись [про] [популярные] молодые адвокаты, *Магнит и другие, уже очень популярные* защитник⟨и⟩ в полит⟨ических⟩ процессах; [толпилась *и шумела* студенческая молодежь, курсистки и еще немало молодых людей [и], марксистов и народников] *появлялись земские деятели [и статистики] из провинции, [шумели] горячились студенты, курсистки, мелькали усталые молодые люди и женщины солидного и таинственного вида.*

Самгин, слушая шумные беседы, находил, что хотя либералы [и] спорят с молодежью, но сами же оговариваются, что [делают это] *спорят* лишь для того, чтоб «предостеречь [ее] от ошибок», а в сущности они провоцируют ее, возбуждая к большей активности. [1]

[Раза два, три Самгин бывал на вечерах Серебряковой в Гранатном переулке; там тоже собирались революционно настроенные люди, мелькали проезжие из провинции, там было не так шумно и, пожалуй, серьезнее, чем у Гогина; люди разговаривали *вполголоса*, прячась по комнатам, по углам. Каждый раз Клим встречал там скромную [как] Никонову; она, видимо, была в большой дружбе с веселой, интересной хозяйкой и тоже все шепталась по углам, с разными людьми. Самгину она приятельски улыбалась, разговаривала с ним о простых вещах и]

Он изредка посещал два, три [дома] [гнездилища] дома такого типа [и, про себя,], именуя их про себя «странноприимными домами». Татьяна Гогина говорила:

---

[1] *Фраза перечеркнута синим карандашом.*

— *Гнездилища* [*грядущи*⟨*х*⟩] *словесных ужасов.*

Почти везде он встречал М. Никонову; скромная, незаметная, она приятельски улыбалась ему, никогда не говорила с ним на политические темы и только один раз [внезапно] удивила его *внезапным и* странным вопросом:

— [Вы] Не знаете,— правда, что Савва Морозов дает деньги на «Искру»?

Он засмеялся:

— [Какая ерунда!] Савва Морозов? Это, конечно, чья-то шутка.

[Улыбнувшись, она отошла]

— *Я тоже так думаю,— сказала она и, улыбнувшись, отошла.*

Она постепенно возбуждала [симпатию Самгина] *в нем симпатию*, [был] было в ней что-то [очень простое] *митрофановское*, располагающее к доверию, и [вся] [напоминав⟨шее⟩] [она почему-то] напоминала *она какую-то* несложную честную машину.

«*Покорная раба жизни. Жертва*»,— привык думать о ней Самгин.

[Но] Слух о том, что Савва Морозов и еще какой-то пермский [пароходник] пароходовладелец щедро помогают революционерам деньгами, упорно держался, и теперь, лежа на диване, Самгин почти озлобленно думал:

«Всё может быть. Всё может быть в этой [сум⟨асшедшей⟩] безумной стране, где люди выдумывают себя и вся жизнь — [фантастика] *скверно* выдумана».

Он вспомнил восхищение Радеева интеллигенцией, *афоризмы Варавки, окрик Морозова на* [*знаменитого*] *ученого с мировым именем*, затем — [хозяйское отно⟨шение⟩] хозяйский тон Лютова [с Ни⟨коновой⟩] в его беседе с Никоновой.

«Да, возможно, что помогают, и, [ко⟨нечно⟩] если так, то, конечно, провоцируют... Но где же мое место, какова моя роль в этой фантастике? [Самое простое] Уйти куда-нибудь в угол, в провинциальную трущобу, в тишину, жить одиноко, попробовать писать...»

Он хорошо чувствовал, что это так же мало возможно для него, как роль пропагандиста среди рабочих или [болтуна] *роль* одного из приятелей жены, [которые] крикунов о Космосе и Эросе, о смерти и боге. У него была органическая неприязнь к этим людям [в них] *красивых слов, но* дегенеративного типа [с тощеньким] [*щеголеватым*] [с гнилыми зубами] людям, [совершенно] [*красивых* слов, за которым⟨и⟩] *которые*

[*были*] [*видимо*] *серьезно верили, что они уже не только европейцы*, [*но*] *но парижане*. [*Это верование* как-то особенно уродливо обнажало их славяно-финско-татарское *или семитское* естество.] Они раздражали его и тем, что осмеливались пренебрежительно издеваться над тем, что его мучило, что они [так], *по-видимому*, легко вырвались или выродились из [те⟨х⟩] хаоса тех *социальных* идей, [над] о которых он не мог [и *не умел*] не думать. [Фило⟨софия⟩] [Он был по природе своей чужд метафизике и мистике] [Как [большинство] большинству русских интеллигентов, [ему] [философские] метафизическая философия была чужда ему так же, как религиозная]. *Их споры, долетая в кабинет к нему, всегда вызывали в его памяти жалкий образ Нехаевой с ее страхом смерти. От времен*
⟨л.12⟩ *Томилина* к метафизической философии, так же как [религии] и [сем⟨?⟩] гипотезам положительных наук, он [смотрел] [*относился*] *оценивал* на все это как на «системы фраз» [1]. [Люди с уклоном к мистике казались ему ненормальными.] У него [как у большинства поверхностно образованных людей] было туповатое убеждение в непознаваемости мира и не было потребности думать обо всем этом. Он понимал это [как свой] *его* недостаток [1], но недостаток лишь потому, что [эта чер⟨та?⟩] это ограничивало его лексикон, *достаточно богатый такими афоризмами, как: «Философия права — попытка оправдать или хотя бы прикрыть неизбежность бесправия».*

«[*Религия*] *Признав законом жизни борьбу за существ⟨ование⟩*, [*уже*] *трудно найти в ней место для религии и морали и вообще всяких ограничений человеческой воли. Это — анархизм? Да, но* [*ведь всякая борьба и есть анархизм, Севастополи и Седаны*] *это естественный результат классовой струк⟨туры⟩ соврем⟨енных⟩ государств*».

[*Таких бойких фраз обращалось в*] *Таких бойких фраз обращалось в жизни много, он с детства наслушался, укладывая их в свои слова и понимая* [*их дешевость, Самгин*], *как они дешевы, сам называл их разменной монетой мудрости.* [*Он умел говорить о хаотичности мышления*] *И сводя все свои оценки к одному, он искренно думал, что* [*жизнь*] *интеллигенция неизлечимо* [*больна*] [*заражена*] *больна гипертрофией критического отношения к действительности, что и сам он тоже отчасти заражен этой болезнью, но, в отличие от всех других, знает, чем болен.*

---

[1] *Незавершенная правка.*

[Смерти он не боялся] *О смерти он не думал*, [будучи] *обладая хорошим здоровьем*, [считая] считал себя человеком надолго.

В этот вечер, тщательно, *со всею доступной ему объективностью*, прощупав себя изнутри, пересмотрев *все наиболее глубокие и памятные* впечатления, Клим Самгин впервые почувствовал себя *так*[1] совершенно одиноким человеком, таким законченно чужим всей жизни, всем людям. Был [какой〈то〉] момент, когда он даже ощутил [сжимающий его до ом 〈..?〉] холодный *страх*, *до боли* сжавший в нем что-то очень чувствительное. Он приподнялся, сел, закурил еще папиросу и с минуту *безмысленно* смотрел на [покрывшиеся] *покрытые* льдом стекла окна, очень слабо освещенные золотистым огнем фонаря. Он понимал, что находится в состоянии, близком отчаянию.

Но [уже] в следующий момент он *не* без гордости собою подумал, что если он *так*[1] одинок, то это значит, что он действительно исключительный человек.

Он вспомнил, что раньше ощущения своей оторванности от жизни унижали его. Последний раз он испытал это давно уже, там, у себя дома, сидя на паперти церкви Георгия Победоносца. Тогда ему показалось что в его одиночестве есть нечто героическое, даже демоническое, но он отверг это как *наивный* романтизм.

«Напрасно отверг — едва не вслух подумал он.— Напрасно. Все, что я передумал сейчас чужими словами, [я] вовсе не исчерпывает того, что я чувствую. [Даже] Все это только чуть задевает поверхность моего опыта, для которого нет мыслей, нет *достаточно точных* слов. И если я скажу: существуют два хаоса: мир и я, это тоже будут *все еще* только слова. Неразумный хаос — это мир, а я — хаос, в котором уже вспыхнул разум [Этим тоже не много сказано], *но горит еще не достаточно ярко*, *вот на чем я могу остановиться*».

Самгин сидел, курил и чувствовал, что он распухает, расширяется [раст〈ет〉] от этой мысли. Дальше она не шла, остановилась и растет, [странно] согревая[2].

Варвара возвр〈атилась〉 поздно, около полуночи [усталая и мягкая]. Услышав ее звонок, Самгин поспешно *зажег лампу*, сел за стол и разбросал бумаги *так*, чтоб видно было: он давно работает. Он сделал это потому, что, *погруженный*

---

[1] *Подчеркнуто автором.*
[2] *Абзац перечеркнут синим карандашом.*

в процесс [*ут⟨верждения?⟩*] *укрепления своего вывода*, не хотел говорить с женою о каких-то пустяках. Варвара с полчаса [возилась] *шумела* у себя, выдвигая ящики комода, хлопая дверью, он сидел [у сто⟨ла⟩] и тупым концом вставки для пера рисовал в воздухе [паутину] восьмерки.

Жена пришла в ночных туфлях на босую ногу, в рубашке до пят, [и] в пестром халатике сверх ее; [погладила] погладив его затылок *и* шею, спросила усталым голосом:

— Работаешь?

— Как видишь.

— Странно, что подъезжая к дому, я не видела огня в окне.

— Не видела? Странно.

Варвара присела на угол стола.

— Знаешь, Любаша серьезно больна, был доктор, считает, что возможно воспаление легких.

— Вот как.

— Там с ней Гогина.

— Это не хорошо. Ты иди, я скоро кончу.

Она послушно ушла. Глядя на ее [розовые] пятки [апель⟨синового?⟩] цвета апельсина, [*и на шею, которая стала короче*] Самгин почувствовал, что эта [практичная хозяйка *и* неглупый человек как женщина уже не интересна ему, прочитана им] женщина уже *прочитана им и хотя полезна, но уже не интересна. Он знал* каждое движение ее тела, каждый вздох и стон, знал всю *не очень богатую* игру [ее не очень вы⟨разительного⟩] ее лица и *суетливый* ход [ее] мыслишек, которые она *не очень осторожно* черпала из модной литературы и часто беспомощно путалась в них, впадая в смешные противоречия. Но она была удобной женою, практичной хозяйкой, и ему нравилось ее скептическое отношение к [раскрашенным] людям, ее чутье фальши, уменье подмечать маскировку. [Жить] С нею неплохо, но, например, с Никоновой, [наверное] вероятно, было бы *мягче и* приятнее, хотя она старше Варвары.

Через полчаса он [вош⟨ел⟩] тихо вошел в спальню, надеясь, что жена уже спит. Но Варвара, лежа в постели, [закрывшись до подбородка] курила, подложив одну руку под голову [свет лампы, прикрытой розовым абажуром].

— *Дурная привычка* курить в [постели] [*спальной*] *спальне*,— сказал Самгин, начиная раздеваться.— Варвара [спокойно] отозвалась [как]:

— [Я тебе] Сколько раз я *тебе* говорила это.

Вышло так, как будто она [продолжила] *и окончила* его фразу, и это было неприятно. [А] Курить не перестала, Самгин посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но [замети‹л›] не сказал ничего, отметил только, что [с тех] жена пополнела и, *должно быть*, от этого шея у нее стала короче.

«Если она изменяет мне с Кумовым или кем-то другим, это должно *как-то* сказаться... [как-то] изменить приемы ее ласк, движения тела»,— подумал он и решил проверить [ее] свою догадку.

— Подвинься,— сказал он, подходя к ее постели.

— Я так устала,— ответила она, не двигаясь, прикрыв глаза ресницами.

Она редко отказывала ему и никогда не отказывала под этим предлогом. Просить ее — было бы унизительно, настаивать Клим не хотел, он никогда еще не делал ни того, ни другого. Он лег на свою постель, чувствуя себя уколотым обидой.

— Устала,— повторила Варвара, вздохнув и гася папиросу в пепельнице на ночном столе.— Был там один еврей...

—[И *был*] Кумов [был,— [спросил] сказал Самгин] *был*,— *произнес* [*он*] *Самгин* и услышал, что он не спросил о Кумове, а утверждает:— Был Кумов.

— Да, но он... почему ты спрашиваешь о нем?

— Машинально.

— Кумов не характерен для этой компании. Он твердо стоит на своем: мир [вне его — хаос, а он [мол], Кумов, вносит [из себя] [в этот]] — *непроницаемая тьма*, [*которую*] *человек* [раскрашивает] *освещает* ее [своим воображением] *огнем своего воображения*; [это как] мир — школьная доска, [на] [1] которой дети пишут грифелем, и т. д. Ты знаешь, как он говорит.

— Нечто подобное говорил мой учитель,— [сказал] заметил Самгин, улавливая с негодованием нечто общее [в мыслях Кумова со своими] *между мыслями Кумова и* своими.— Это наивнейшая метафизика и... чепуха!

[— Это называется борьбой за идеалис ‹..?›]

— Не знаю, что это,— сказала Варвара.— Но [та] мои друзья, «борцы за идеализм», как они называют себя, тоже смеются над Кумовым и не любят его.

— Будем спать, я тоже устал,— предложил Клим, опасаясь, что она скажет [Варвара мо‹жет›] еще что-нибудь, что

---

[1] *Слово ошибочно зачеркнуто.*

сблизит его с Кумовым или [еще] с [каки⟨ми-нибудь⟩] «борцами за идеализм».

Варвара [молча] погасила лампу, но через минуту сказала раздумчиво:

— А знаешь, не нравятся мне евреи. Это — стыдно? [1]

II ЧА

123] [2] ⟨...⟩ не желая говорить, опасаясь, что скажет *Варваре*
134 нечто неприятное, обидное. [И тотчас же сообразил, что раньше это не стесняло его] [Он скосил глаз в сторону Варвары, [посмотрел, как она заправляет] заправляя волосы под чепчик, она сказала] А Варвара настойчиво и, кажется, насмешливо [говорила] продолжала:

— [Русофобство] *Это* неудачная отговорка [русофобства — нет].

«*Хочет спорить*»,— [соображал] [*сообразил*] *соображал* Клим.[— Когда]

— [Я знаю, ты] Ты ведь тоже не любишь евреев.

— Погаси [лампу] *свет*... пожалуйста,— попросил он.

Но [она] *Варвара* и в темноте [продолжала] не перестала говорить и, *как будто догадываясь о его настроении*, говорила именно о том, как тяжело иногда скрывать истинные чувствования [как печальна эта необходимость лгать]. Самгин с трудом отмолчался и, проснувшись раньше [ее] жены, [минуты] несколько минут смотрел [на ее всклокоченную голову] как на чужого человека, с которым надобно вести себя осторожно...

«Не следует говорить ей о Митрофанове [— решил он]. Она смеяться будет»,— решил он.

Митрофанов [пр⟨иходил⟩] [заходил] *являлся* к Самгиным не так часто и свободно, как раньше. Входил он с вопрошающей улыбочкой на [круг⟨лом⟩] лице, как бы осведомляясь:

— «Ну, как же решено?»

Много пил чая, рассказывал уличные и трактирные сценки, очень смешил ими Варвару и утешал Самгина, поддер-

---

[1] *Дальнейший текст не сохранился.*

[2] *Пагинация «123» относится к зачеркнутому абзацу (см. его в вариантах БА, л. 123 по авторской пагинации. Для настоящей рукописи Горький использовал чистую часть страницы, выброшенной из БА с зачеркнутым абзацем.*

На полях страницы помета красным карандашом: Прод⟨олжение⟩ стр. 133, перепис⟨ано⟩. *Помета означает, что данный текст переписан в БА на л. 133.* ХПГ-23-1-3. № 59903.

живая его убеждение, что, *несмотря на суету интеллигенции*, жизнь в глубине своей [дв⟨ижется?⟩] *покорно* повинуется *старым*, *крепким* традициям и законам [1].

Но как-то [ночью] *за полночь*, когда Варвара уже легла спать, а Клим работал у себя в кабинете, [в дверь к нему осторожно постучала⟨сь⟩ заспанная] [*вошла*] *полураздетая* горничная Груша [и] *сердито* сказала, *точно о коте или собаке*:

— Постоялец просится.

Постоялец вошел на цыпочках, нелепо балансируя руками, [сложив] лицо у него было смешное, стянуто к подбородку, а губы сложены трубою, как для свиста. Подойдя к столу, он оперся о край его рукою и тихонько сказал:

— Опять студент министра застрелил.

Откинувшись на спинку кресла, Самгин не сдержал улыбки, очень смешно было горестное лицо Митрофанова и его [смя⟨тая⟩] [опустившаяся, оплывшая] *опустившиеся* плечи и какая-то общая измятость всей фигуры.

Осторожно опустившись на стул, [он] наклонясь в сторону Самгина, он шептал:

— Я, конечно, понимаю, Клим Иваныч... замечательно ловко сделано, пришел и — бац! Но — к чему же, собственно, эта война студентов с министрами? Министр все-таки... не тетерев, так сказать. [Не заяц...] Как-то, знаете, немножко... непонятно. Боголепова застрелили, Победоносц⟨ева⟩ пробовали, Трепова, теперь вот еще... Если это в привычку войдет [как]...

— Я — против террора,— сказал Самгин несколько торопливо, но не совсем уверенно.

Митрофанов тяжко вздохнул, покачнулся на стуле, провел по лицу ладонью.

— Понимаю, что вы не можете сочувствовать по благоразумию вашему,— [сказал] пробормотал он.— Но ихних [наме⟨рений⟩] расчетов — не могу понять. Каждый человек в свое время умирает,— продолжал он, вынув платок и накручивая его на палец.— И — судьба, конечно, преследует нас. Не могу я, извините, высказать мои мысли [но]... а... не одобряю! Это уж, знаете, похоже на Африку... Негры, носороги, я недавно книжку прочитал [госпоже Сомовой пр⟨..?⟩] [Госпожа Сомова советовала] Арабы, львы... вооб-

---

[1] *Текст*: не желая говорить ∾ законам.— *перечеркнут синим карандашом*.

ще — дикая сторона. Вот тоже градского голову Алексеева застрелили, а человек был порядочный... Хотя это давно уже было...

Грузное его тело, съехав со стула, наклонилось к Самгину, вопросит⟨ельно⟩ вытаращил глаза.

— По-моему это не революция, а — обыкновенная уголовщина. Нарядился офицером и — трах! — в качестве самозванца. И это уж не приличное государство, а деревня, чуть что — колом по башке... Где же безопасное государство, ежели, по примеру некоторых, все стрелять начнут? Сомнительно это мне, Клим Иванович.

Самгин видел, что чем более говорит Иван Петрович, тем страшнее ему. Лицо его отупело, прижав локти к бокам, он стесненно шевелил кистями рук и все повторял:

— Нарядился... [Какое же государство?..]

— Конечно, эти единоборства — безумие, — сказал Самгин.

— Вот именно! — обрадовался Митрофанов. — Ежели серьезно, так уж надо... честно! А то — [нарядился] ведь и я могу нарядиться [свящ⟨енником⟩] попом, примерно, и архиерея — бац!

— Вы точно знаете о Сипягине? — спросил Клим, чтоб спросить о чем-нибудь.

— О ком? Ах, да!.. Ну, как же... У нас все известно после того, как оно случится.

Подхватив стул под собою руками, он вместе с ним подвинулся к Самгину и продолжал шёпотом.

— Вы бы, Клим Иванович, отказали от квар⟨тиры⟩ [господину Суслову] *г. Сомовой*, — очень сыщики интересуются [его] ее персоной. Все-таки я с филерами знаком, конечно, по сходству службы. Народ у нас — ленив, дело ихнее — скучное, торчи, как сова в дупле, целый день. Ну, предлагают и мне, *дескать*, не в службу, а в дружбу, [дескать] присмотри, Митрофанов. Видите? Конечно, — известно им, что [и] госпожа Сомова — девица определенного поведения, и посещающие...

— Кто именно? — спросил Клим, нахмурясь.

— Вообще — знакомые. Барыня одна — скромного вида. Никонова, кажется...

— И я? — спросил Самгин.

— Конечно, — виновато отв⟨етил⟩ Митрофанов. — А теперь вот, когда началась эта стрельба по всем направлениям... сами понимаете.

— Благодарю вас, — сказал Самгин, а Митрофанов,

очевидно, поняв [эту] благодарность как нежелание говорить с ним, встал и шумно вздохнул, прижав руку к сердцу:

— Ей богу, Клим Иванович, всё это [дело] из великого моего уважения к вам.

—Я понимаю, спасибо,— ск⟨азал⟩ Самгин, крепко пожав его руку.— «Добрый и полезный человек»,— *искренно* подумал [он с], провожая Митрофанова, *а тот*, *остановясь в* [*прихожей*] *двери*, *шёпотом спросил*:

— *Что же студент этот за себя*, *за своих стрелял или за полтавских крестьян*? *Не знаете*?

— *Не знаю*,— [*ска⟨зал⟩*] *ответил Самгин*, [*рассердясь*] *рассерженный* [*неожиданным*] *этим вопросом*.

А затем [остановясь] *он встал* среди комнаты, *как пред стеною*, *и*, покручивая бородку, [стал в] углубился в оценку [факта] сообщения Митрофанова [о [новом акте] террорист⟨ском⟩ акте]. *Акт террора* не [так] *столь* [взволновало] взволновал его, как предупреждение постояльца о Суслове, Сомовой, Никоновой.

«Это убийство вызовет новые репрессии, *а* репрессии, [может быть] *наверное*, усилят деятельность террора *и*, очевидно, повторится пережитое Р⟨оссией⟩ двадц⟨ать⟩ лет тому назад. И, вероятно, так же кончится разгромом партии [соц⟨иалистов⟩-рев⟨олюционеров⟩] [*работавшей*]. *Работа на реакцию*. Митрофанов всецело прав [Суслов, Сомова способны] *относительно* Сомовой, Суслова. Но — под каким предлогом я откажу им? Ремонт флигеля? Нужно поговорить с Варварой».

Он прошел в спальню, зажег огонь и увидал на подушке [нахмуренное лицо жены, ее] растрепанную голову *жены* в чепчике, сбитом на сторону. Лицо ее было нахмурено, [рот] *губы* крепко сжаты, *она* дышала [она] носом, тяжело и неровно. *Ее*, *должно быть*, *мучило тяжелое сновидение*. Самгин присел на свою постель [задумался]. Если разбудить ее, нужно будет рассказать о Митрофанове, выдать его. Этого почему-то Самгин не хотел. А будить для того, чтобы [рассказать] сказать об убийст⟨ве⟩ министра,— нет смысла, завтра узнает сама. Самгин разделся и лег спать.

Его разбудила жена, размахивая газетой, она почти кричала:

— Сипягина застрелили! [Слышишь?]

[—Кто?]

— Студент Балмашев. Знаешь, я его видела *у Знаменских* [да, да! Его и его невесту]. *Его и с ним* изящненькую

маленькую барышню в боа из перьев, [кажется гречанку, турчанку...] *сестру или невесту. Уверена, что* [*это*] *именно* [*он*] *этот...* [*Уверена, что видела у Вознесенских...*]

л. 135 Комкая газету, *искривив лицо усмешкой*, она пожаловалась:

— [Это ужасно!] Скоро нельзя будет никуда [ходить, везде эти господа, будущие герои...] *выйти, без того, чтоб..— И, не кончив, спросила* :

— *Что ты молчишь?*

Клим взял газету из ее рук, и, читая *правительст⟨венное⟩ сообщение*, следил одним глазом, как [она] *жена*, растрепанная, с измятым лицом, [металась] *мечется* по спальной, *безжалостно* расчесывая, *раздергивая* волосы на ходу [и, видимо, не зная, что делать].

— Работа на реакцию,— сказал Самгин, отшвырнув газету и сбрасывая одеяло с себя.

— Потом [явится] *снова раскается* какой-нибудь Лев Тихомиров [*и раскается*], скажет, что [ничего этого не надо было делать] *террор был* [*вредной*] *глупостью*,— проворчал он, [надевая] засовывая ноги в туфли, туфли упрямились, одна отскочила под кровать, другая идиотски сплющилась и не лезла на ногу, а Варвара рычала:

— Не понимаю, почему нужно дожидаться Тихомирова и вообще... не понимаю! Началось культурное оживление, а они... Знаешь — повар совершенно взбесился, плачет старик [Конечно, напьется и], *кричит*: «*Вешать надо*!» *А Любаша, вероятно, обрадуется.* [*Чёрт знает, что*]

В ее раздражении было что-то *очень* глупое, [и в] [и Самгин] но еще глупее и ненужно лживо повела она себя, когда пришла от Любаши [Татьяна] Гогина; выскочив в столовую, Варвара [оживленно], как бы радуясь, что она первая сообщает новость, [она] быстрым говорком оживленно говорила:

— [Знаете] Студент Балмашев застрелил Сипягина, министра, *знаете*, мне кажется, я [знаю] *встречала* этого студ⟨ента⟩.

[*Слова*] *Ее заглушил резкий голос Татьяны, четкие слова*:

— Знакомство [конечно] лестное, [событие — интересное] но прежде всего вот что: Любаше очень плохо, позвоните доктору, и, пожалуйста, не надо говорить ей о министрах, студентах, не надо волновать... [1].

---

[1] *Текст*: пришла от Любаши ∾ волновать...— *перечеркнут синим карандашом.*

[Клим] Самгин пошел мыться и в уборной, [сидя] сев на кушетку, прислушался: в доме было необычно шумно, [точн⟨о⟩] как во время уборки перед большим праздником. Хлопали двери, в кухне гремела медь кастрюль, по коридору тяжело, как лошадь, шагала Анфимьевна, бегала горничная, звеня посудой [шаркала щетка]. Самгин подумал, что, вероятно, вот так же глупо, шумно [в этот] *сейчас* во множестве интеллигентских квартир, наверное — во всех. Только что проснувшиеся, полуодетые, не причесанные люди читают газету *и* радуются, что убит человек. [Вероятно все] *Вероятно — большинство* радуются! Какая нелепая жизнь.

Через час он вошел в кабинет патрона; большой, солидный человек, в халате, как всегда по утрам, *сидя пред столом*, [*загруженным бумагами*] протянул ему руку и, пытливо глядя в лицо, пошевеливая бровями, спросил вполголоса:

— Ну, что вы скажете, а?

— Я не сторонник тер⟨рора⟩,— сказал Самгин.

Патрон показал глазами на *маленькую* дверь влево от себя.

— Потише... [У меня] *Там* новый письмоводитель. Н-да... вот как! Горячится молодежь,— пробормотал он, подвигая Климу пачку бумаг.

В это утро он блестел [*как будто*] *более, чем* [*всегда*] [*обычно*] *всегда по утрам, солидно* [*лоснились холеные щеки,* [*све⟨тились⟩*] *играли*] *лоснилось холеное лицо,* [*перлам⟨утровые⟩*] *блестели ногти,* [*и в глазах*] *вопросительно и как будто немножко тревожно играли глаза.*

— Понятно, *что горячится* [*гм*...], однако... Надо помнить, что *тройка* Гоголя примчала нас к реакции 80 годов [гм].

Он мягко ударил по бумагам ладонью и [решит⟨ельно⟩] сказал, *тщательно разминая слова губами*:

— Я *все-таки* за соц⟨иал⟩-д⟨емократов⟩.— Но тотчас же прибавил: — Поскольку они эволюционисты, конечно.— [И] Оглянувшись вокруг себя, прислушался к тишине и сказал полушёпотом:

— Революция у нас в Р⟨оссии⟩, это, знаете... *боюсь*, это [будет] [боюсь] революция *с подстрекат⟨елями⟩*, *но* без вождей, т. е. анархия, проще говоря — бунт. Это — было... Как и револ⟨юция⟩ одних вождей: демократы, народовольцы. Да.

Он встал, запахивая халат, кашлянул и громко сказал:

— На этой неделе вам придется съездить в [Рязань]

Калугу. Из суда зайдите ко мне, я *сегодня* не выхожу, нездоров.

Проводив Самгина за дверь каб⟨инета⟩, он сказал таинственно:

— Послезавтра *вечером* у меня... меня просили устроить маленькое собрание. Приходите. Приезжий из провинции [бу⟨дет⟩] сделает интер⟨есное⟩ сообщение... [гм. Так?]

«[*Труслив и глуп.*] *Доволен,— подумал Самгин.—* [*Труслив и глуп.*] *Явно доволен.* [*Не умный человек.*]

Нет, я таким не буду, никогда».

За три дня Самгин убедился, что он — прав, убийство Сипягина оживило и обрадовало людей гораздо более, чем убийство Боголепова. [В этом оживлении [он подмечал] он находил.] *Это* [*оживление*] казалось ему [похожим на] сродным с настроением [театр⟨альных⟩] зрителей в театре после первого акта драмы, *сильно* заинтересовавшей их.

— Посмотрим, посмотрим, что будет,— говорили [люди] одни, *неумело* скрывая свои надежды на хороший конец, другие, [явно] притворяясь скептиками, утвержда⟨ли⟩:

— Ничего не будет.

Редозубов, *которого Самгин встретил на улице*, мрачно сказал:

— Бессмысленно [убивать] [уничтожить одного]. *Уничтожили одного* комара, [когда] [живя на болоте] *когда нужно* [*все*] болото [надо] осушить [вот что! В болоте]

Эта фраза показалась Климу [тоже надума⟨нной⟩] деланной и пустой, гораздо [искреннее] *естественнее* прозвучал озабоченный вопрос Редозубова.

— А как вы, юрист, думаете: этого тоже не повесят, как побоялись повесить Карповича?

Единственным человеком, который показался Самгину [душ⟨евно?⟩] [сер⟨дечно?⟩] действительно испуганным и возмущенным, был старик повар Егор Васильевич. *В чистом, только что надетом рабочем костюме, держа колпак в руке*, белый весь, как покойник во гробе, он смело вошел в столовую, встал у двери и спросил:

— Позвольте обеспокоить беседой?

Его старческие и пьяные ноги подгибались, подошвы башмаков шаркали по полу, он двигал спиною о косяк, точно чесал спину, красненькое, котово личико его тоже все двигалось, щетинились *редкие* усики иронической, беззубой улыбочкой.

— Интересуюсь понять намеренность студентов, которые [избиваю‹т›] убивают верных слуг царя, единственного защитника народа,— говорил он вздрагивающим голосом [и], очень быстро [хотя] и жалобно, хотя, видимо, желал говорить внушительно. Он мял [колпак] в руках накрахм‹аленный› колпак, колпак хрустел, [как] точно бумага, *издавна* пьяные *тусклые* глаза плавали в *желтых* слезах, как ягодки крыжовника в [паточном] патоке.

— Семьдесят лет живу-с, *знаю, что многие, бывшие студентами, достигли высоких должностей. Четыре года служил* [у *родственников*] *родственникам убитого, его высокопревосходительство* [*убитого*] *видел молодым человеком*...— говорил он, не слушая холодных слов утешения, которые смущенно говорил Самгин.— Нет, позвольте! Никаких других защитников не имеем... Что ж это значит?

— Вы успокойтесь, Егор Васильевич,— советовал Самгин.

Но повар, не успокаиваясь, зло всхлипывал, терзал колпак [сини‹ми›] *жилистыми* руками в синих пятнах ожогов и повторял:

— Защитник народа... Телохранители, слуги его... и вдруг... что ж это?

Самгин слушал [и], беспомощно барабаня пальцами, и чувствовал, что ему жалко пьяного старика. Это продолжалось минут десять, до поры, пока не пришла *от обедни* величественная Анфимьевна в шелковом платье.

— Это что же это ты, Егор? Празднику рад — до́ света пьян? Ну-ко, иди, иди!

Она взяла его за руку и, точно мальчика, увлекла в кухню, а потом, воротясь, сказала Климу *строго, хотя и* почтительно:

— Вы его разговорами не балуйте! Ему все равно, он и с кошкой, с собакой может говорить. С мухами говорит. Его испортили господа, он [всё] ведь всё в хороших домах служил.

— Трогательный старик,— смущенно сказал Самгин.

— Растрогаешься, эдакие-то годы прожив,— ответила Анфимьевна, уходя.

А когда она ушла, Самгин подумал, что, *пожалуй*, следует [сказать жене] рассчитать повара [и нужно]. «*Да.* Посоветую Варваре»,— решил он.

Но [Варвара][*1 нрзб*] поговорить с женою не удалось, [Варвара] она все более увлекалась организацией книгоизда-

тельства, [проверяла] *читала* какие-то проекты, проверяла сметы, заставляя Кумова *переписывать какие-то бумаги* [1].

л. [136] 141 — Мы предполагаем издавать иностранную литературу [2], [исторические романы, вообще] интересные, легкие книги в противовес нашей мрачной [морализирующей, философствующей] литературе,— говорила она.— [Народолюбие, мораль, философия и вообще литература жалоб на жизнь,— все это надоело.] *Цель искусства — не осложнять, не омрачать жизнь, а давать человеку отдых от жизни.* Если мои условия будут приняты, я посвящу этому делу все свои силы.

Самгин заметил, что от суматохи, в которой Варвара жила, она хорошеет, но было несколько неприятно, что она становится все более независимой и [советуется с ним] *сообщает ему* о своих делах мимоходом и как бы только из любезности, а не потому, что ждет от него дельных советов. *Недавно она стала делать себе новую прическу, заплетала волосы косичками и укладывала их на виски* [*на*] *и уши двумя* [*кружками*] *спиралями, это очень шло к ней. Платья стала носить широкие, без талии, и Клим не раз уже думал, что такие платья ей удобно* [снимать] *сбросить с себя.*

Вечер [когда у патрона было назначено собрание] *собрания у патрона был неприятен*, холодный ветер врывался *в город* с Ходынского поля, сеял запоздавшие *клейкие* снежинки [изморозь]. Самгин чувствовал себя нездоровым, знал, что он опаздывает, и думал, что, пожалуй, напрасно едет. Но все-таки сердито погонял извозчика, а извозчик, философически не отвечая на *его* окрики, уговаривал лошадь:

— Беги, дура, к дому едем [3].

«Жить для того, чтоб [вот] *вот* такие [вот] люди [были сыты] [досыта ели] *что-то значили*»,— думал Самгин, глядя в сутулую спину извозчика.

Дверь в кв⟨артиру⟩ патрона *обычно открывала горничная, слащавая старая дева, а теперь* открыл [его солиднейший лакей и] камердинер Зотов, бывший матрос, человек лет сорока, с пухлым лицом монаха и недоверчивым взглядом исподлобья.

---

[1] *Текст*: накрахм⟨аленный⟩ колпак ∾ бумаги.— *перечеркнут синим карандашом. Далее*: ХПГ-23-1-3, № 59910.

[2] *Рядом, на полях, помета лиловым карандашом*: После Кут⟨узова⟩

[3] *Возле этих слов, на полях, запись не введенная в текст*: Нелепая мена умных сил на глупые.

— Пожалуйте в столовую,— тихо сказал он, снимая пальто с Клима. Самгин, *протирая очки*, постоял пред дубовой дверью, [послушал] слушая чей-то ровный голос, *потом* осторожно приотворил дверь и [*зачем-то*] влез в [щель] узкую щель боком, понимая, что [действует] *это* глупо. Столовая тотчас напомнила ему [картину] сцену заседания из скучного романа Писемского «Масоны» [За овальны⟨м⟩] [*Вокруг овального* стола], но присмотревшись, он нашел:

«Не похоже».

Вокруг овального стола *под* [*матовым*] *опаловым шаром неяркой электр⟨ической⟩ лампы* сидело [в свободных позах] человек десять, иные облокотясь о стол, другие развалясь на стульях, вытянув ноги; [*горбоносый*] человек с [обритой] бритой головою [сидел б⟨..?⟩] *так* навалился на стол грудью [и казалось, как бы] [точн⟨о⟩], *что голова его приходилась почти на* [*середину*] *средине стола*, *и казалось*, *что он вползает на стол*, *словно он* желал, чтоб все видели, как синевато блестит *голый* его череп. В конце стола, рядом с патроном, сидел [*и говорил*] Кутузов. И это нисколько не удивило Клима, как будто он *уже* знал, что человек из [провинции и] *заграницы* должен быть именно Кутузовым. *Не удивило и то*, *что Кутузов в тужурке инженера путей сообщения.* Сзади Кутузова [у окна на] *на стуле* согнулся [Поярков, в углу, около [дамы, разливавшей] *буфета*, стоял, прислонясь к стене, Гогин, [глядя] сестра его бесшумно разливала чай], неестественно перекрутив длинные ноги, Поярков; у стены, на диване, сидели [Ал. Гогин] двое знакомых *Самгину молод⟨ых⟩* адвокатов и [земский статистик Казаков, приятель] угрюмого вида длинноволосый *скуластый* человек в черной рубахе, в смазных сапогах. *Одного из людей* [*за*] *у стола Самгин принял за кресло в чехле*, *человек был одет в серое*, *широкое*, [*о его*] *сидел* [*закинув*] *вскинув руки за шею* [1]. [Неско⟨лько⟩] Еще несколько человек [молча] торчало по углам [в общем и]. Самгин сосчитал *головы* людей,— двадцать [три] *одна*. Он считал [по головам] головы, потому что большинство [их] людей вытянуло шеи в сторону Кутузова, в позах было [чт⟨о-то⟩] [явное] явно выражено напряжение, как будто все нетерпеливо ждали, когда Кутузов кончит говорить.

---

[1] *Текст*: Вечер [когда у патрона] ∾ за шею.— *перечеркнут лиловым и синим карандашом. Фраза*: Одного из людей ∾ за шею, *вписанная на полях без указания места вставки*, *вводится в текст предположительно.*

— Всё это вы, конечно, читали в «Искре»,— говорил он, держа папиросу в руке, положенной на стол, от папиросы поднималась к лампе сизая [и спиральная] спираль дыма, тугая, точно пружина.

— Читали,— необыкновенно звонко подтвердил бритоголовый, [расчерчивая] *вычерчивая* пальцем на столе географ⟨ическую⟩ карту.— Организация заговорщиков. В сущности — мальчишество. Густав Эмар, романтизм,— [говорил] *сказал* он картаво, и кожа на черепе его надо лбом [сло⟨вно⟩] сморщивалась глубокими складками.— Автора этой теории я знаю лично и считал его серьезным человеком. Но, очевидно, жизнь за границей... [портит людей]

— Не [мешайте] [мешай] мешайте [Егор] *слушать*,— сипло [сказал] *и сердито крикнул* Поярков, разгибаясь.

[[Знакомым голосом] [*В полголоса*] [Кутузов] как будто устало] *Сдерживая голос*, Кутузов говорил знакомое Самгину о революционерах [кустарях] скуки ради и ради Христа, [от] *из* романтизма и по страсти к приключениям, он произносил слова дерзкие, насмешливые, но звучали они спокойно и не обидно.

— Красавцы, вроде, *скажем*,— неосторожного — Германа Лопатина, [который ухитрился *с первого шага* провалить [це⟨лую⟩] массу людей] авантюристы, *карьеристы*, каким был Лев Тихом⟨иров⟩, или просто авантюристы, как «Сашка Инженер», [этого] и подобного рода субъекты, может быть, [все] еще нужны соц⟨иалистам⟩-рев⟨олюционерам⟩, [но для] *а* нам [они] такие типы *уже* не ко двору. Однако они есть и среди нас.

— Неправда,— глухо сказал кто-то.

— Могу привести примеры.

— Из практики Зубатова,— подсказал [Гогин] *Поярков*, а Кутузов продолжал:

— Мне кажется, что народился *и* новый тип русского бунтаря — бунтарь из страха пред революцией. Я таких фокусников видел, присмотревшись, увидите и вы. Есть такие хитрые бестии с бойкими мыслишками. Они не веруют ни Бернштейну, ни [«Искре»] Ленину, но инстинктивно чувствуют неизбежность революции. Недавно, беседуя с одним из таких, я вспомнил весьма [остроумное суждение] остроумную мысль тайного совет⟨ника⟩ Филиппа Вигеля в его «Записках»: «Может быть, мы бы мигом прошли кровавое время беспорядков и давным давно из хаоса образовались бы благоустройств⟨о⟩ и порядок»,— этими словами Вигель выразил свое сожа-

ление о том, что опоздали расправиться с декабристами. Я совершенно убежден, что есть немало революционеров в кавычках, *это* люди, которые торопятся [как можно скорей] разыграть драму, чтоб поскорее насладиться идиллией.

Бритый человек сардонически захохотал:

— Это вы против Ленина, против себя!

— Ни мало. Ленин утверждает необходимость воспитания мастеров, художников революционного дела.

— Влияние народников! Герои и толпа,— с радостью закричал кто-то в углу, [*а*] *бритый человек тоже крикнул сквозь смех*:

— *З-заговоры сочинять, ха*!

[— *Ф-фабри⟨кация⟩*]

По крайней мере половина людей закричала сразу, и Самгин был приятно удивлен, [услыша] слыша, как много обиженных и раздраженных голосов. *Особенно обиделся бритый* [1]. *Повернувшись лицом в стор⟨ону⟩ Кутузова, он уже* [*лежал на столе*] *налезал на стол не грудью, а боком, он как-то расплывался по столу, опираясь на него* [*одним*] *левым локтем и хватая воздух* [*другой*] *горстью правой руки. Можно было думать, что он хочет встать на ноги, но не может — ноги парализованы. Синеватый шар головы его пришелся как раз под опаловым шаром лампы, смешно и жутко повторяя его,* [*И*] *Во всем, что кричал он, Самгин чувствовал личную его* [*да и свою*] *горькую обиду. И от возбуждения он как будто заикался, удваивая начальные буквы слов.*

— *Ф-фабрикация буревестников и д-двуногих соколов, да?*

Сквозь крики он разобрал глуховатый голос человека в черной рубахе; [подчеркивая] *как бы нарочно выбирая слова на о*, этот человек [сказал Гогину] *говорил*:

— Совершенно верно сказано — [дело прежде всего! Революция — дело. Словесности довольно. И верно, что] многие потому суются в революцию, что [им] страшно жить. Подобно баранам, *ночью*, на пожаре, [бе⟨гут⟩] бросаются прямо в огонь. [Пу⟨скай?⟩] [Из] Сгорят, конечно, *и — пускай*! Ну — вонь будет, [а в] дым гуще.

Патрон, [надувая] надув щеки, *выкатывая глаза*, нетерпеливо постукивал ладонью по столу.

— Господа,— к порядку! Внимание, господа...

Его не слушали, Кутузов заклеивал языком лопнувшую папиросу, а Поярков из-за его плеча сипло говорил бритому:

---

[1] *Над этими словами, тут же на полях, помета*: Судьбы этих людей

— Зря разводите истерику, Соймонов. Не поняли вы. Речь идет о необходимости создания [революционной] организации, которая была бы способна объединять в каждый данный момент все революционные силы, всякие вспышки, *умножать*, воспитывать бойцов для решительного боя, вы это знаете, читали...

— Читал, но не соглашал-ся! Н-не согла...

— Господа,— тише!

— Сгорят? И — пускай! Ну — вонь будет, дым гуще, а вреда [нет] в этом — нет...

— Свирепо,— сказал Гогин [1], посмеиваясь

л.138[2] — Надоело, знаете, Гогин. Эволюция, эволюция. Эволюция-то тоже ведь дым и вонь. А вот Сормовская демонстрация — это [дело] *я* понимаю.

Бритый [наконец] встал на ноги и оказался очень длинным, [тонким] [и] *костлявым* человеком. Теперь Самгин видел его лицо, лицо человека, как бы только что переболевшего тифом, [мелкие] лицо из мелких костей, обтянутых старчески желтой кожей, в глубоких впадинах *холодно* сверкали *маленькие*, *острые и* [очень] светлые глаза.

— Фанатизм,— кричал он.— Ав-вакумовщина. Мечта г-гимназистов о пугачевщине. Неуменье *и* нежеланье [уче⟨сть?⟩] понять урок крестьянского движения на юге.

Он как будто читал заголовки конспекта [будущ⟨ей⟩] книги или речи; руки его были коротки сравнительно с туловищем [и], он расталкивал воздух локтями, а кисти болтались, точно вывихнутые.

— [Крестьянское движение — угроза рабочему. Захлестнет. Много ли у нас рабочих?] Опыт немецких социалистов организ⟨овать⟩ баварское крестьянство — не удался.

К нему подошел Поярков и, [сморщившись] *сморщив* лицо, прошептал что-то в большое *серое* ухо на синем черепе.

—Ну, так что? — сказал Соймонов.— Много ли у нас рабочих? Крестьянское движение может захлестнуть... [3]

Кутузов, покуривая, не смотрел на него, [*он* [*слушал*] *слушал* [*речь*] *патрона, который, нахмурив брови, в пол* ⟨..?⟩] *слушал, наклонив голову, речь патрона, который, говоря,*

---

[1] *Слово*: Гогин — *вычеркнуто*.

[2] ХПГ-23-1-3, № 59904. В автографе отсутствует л. 137 но перерыва в тексте нет.

[3] *Текст*: К нему подошел ∾ захлестнуть...— перечеркнут синим карандашом.

[*неслышно*] *передергивал плечами, точно пытаясь сбросить с них тяжесть.*

— *Мы, старые общест*⟨*венные*⟩ *работники,* [*не*] *привыкли* [*допускать свободу*] *ценить индивидуальность, ей должна быть предоставлена свобода действий, в пределах программы, конечно...— слышал Самгин, а Самгин* [1]*, которого многогласие всегда несколько притупляло, нетерпеливо ожидал,* [*когда*] *что еще скажет Кутузов.*

Усилиями Пояркова, патрона [и Гогина] удалось восстановить некоторый порядок, когда Кутузов, не вставая, заговорил, должно быть, нарочно негромко, чтоб возбудить внимание. Начало речи его Клим не слышал.

...— [народ, говоря] [*рабочий класс*] *крестьянство* уже— не мякиш, каким его изображала [гуманн⟨ая⟩] жалостливая литература наша, [да и крестьянство] и не Христа ради оно живет, как это внушали нам. [Говорить об] *Доказывать* революци⟨онную⟩ активность раб⟨очего⟩ класса [я] считаю излишним...

Недавно появившийся в М⟨оскве⟩ провинциальный Благой, человек лет сорока, *с лицом* [и], очень [похожий] напоминавшим портрет Гамбетты, порываясь сказать что-то значительное, восклицал, заглушая Кутузова:

— Господа, мой взгляд... Мне кажется, господа...

— *Хотя* в разуме [инт⟨еллигенции⟩] некоторой части интеллигенции сложилось убеждение [в необхо⟨димости⟩] неизбежности революции,— говорил Кутузов *спокойно и* все тише, [и этим принуждая] *принуждая этим* слушать его.— Но классовое [самосознание] сознание *и* «вся внутренняя» против [*1 нрзб*] разума...

— Н-не правда!

— Господа! — *патетически закричал Благой,* [*одновременно*] *вскинув голову и руку так* [*странно*] *странно, как будто* [*рук*⟨*а*⟩] *голова была соединена непосредственно с рукою.—* Каждый из нас — раб, прикованный цепью прошлого к тачке истории, мы — каторжники, осужденные на работу в недрах нашей земли для ее обогащения сокровищами духа...

«Глупо,— решил Самгин, наблюдая за Кутузовым, но слушая Благого.— Верно»,— признал он, через несколько секунд.

— Тяжелый крест достался нам на долю.

---

[1] *Так в автографе.*

[К Алексею Гогину подошел Поярков и *негромко, но* грубо спросил:

— Откуда вы согнали этих чертей]

Человек в черной рубахе ворчал:

— На кой чёрт [вы собрали] *пригласили* этих [комиков]?

— [Шш! Не я, а] *Не знаю*,— хозяин квартиры:

— *Кто это бритый?*

— [*Бритый — свояк его, автор*] *Журналист. Известность...*

— Господа,— кричал Благой уже восторженно.— То, что сказал нам почтенный докладчик [о необходимости превращ⟨ения⟩], глубоко верно! [Прыжо⟨к⟩] И — правильно! Прыжок из царства необходимости в царство свободы должен быть сделан нами. Да, мы должны переродиться из [рабов] подневольных работников в свободных людей, в мастеров и художников культуры.

— Вот — жулик,— пробормотал Поярков.— Ну, я ухожу, довольно. Завтра я к вам зайду, Гогин. Утром.

Голос Кутузова *наконец* преодолел крики. Клим слушал его и почти ненавидел, [ибо] чувствуя, что Кутузов говорит нечто неоспоримое, и как бы разоблачающее именно его, Самгина. Он *видел*, понимал, что в этой сумрачной [*и дымной*] комнате, скудно освещенной опаловым шаром, пародией на луну, в этой дымной комнате есть люди, [подобные ему] чей разум [в непримиримом противоречии с чувством] *противоречит чувству*, но эти люди [все же счастливее его, потому что у кого и] [*хотя и*] *расколоты* [*но*] *все-таки не так, как он*, человек [и по чувству и по разуму], *чувство и разум* которого не разноголосят, но есть какая-то третья сила [или], которая разноречит с ним [не мог же он]. *Он не мог* думать, что это не сила, а бессилие. Он слушал Кутузова и физически ощущал, что [спокойная, не охотная] спокойное, *даже* неохотное течение речи Кутузова *кружит*, засасывает его [в] [как в омут] в какую-то воронку, в омут.

Не первый раз ощущал он гипнотическое влияние Кутузова, но никогда еще не ощущал это с такою [си⟨лой⟩] полнотою. И ненависть его росла. Он видел, что большинство [незнакомых ему] людей примолкло, и внимательно слушает дуэль Кутузова с бритым человеком и Благим, слушает так, как будто [Кутузов за⟨щищает?⟩] они — профессора, а Кутузов — защищает пред ними свою диссертацию. *Но возможно и обратное. Кутузов — профессор, а они — его ученики.* [*Некоторых*] *Человек пять из этих людей Самгин нередко*

встречал [*в различн⟨ых⟩*], *но знаком был с ними шапочно, и они не возбуждали его любопытства. Теперь они* [*ем⟨у⟩*], *несмотря на разнообр⟨азие⟩, напомнили ему детство и знакомых Марьи Романовны, которые казались солдатами одной роты.*

«Все — то же, все — то же», — подумал он.

Это строгое внимание должно быть [его] разогревает его, он изменил тон *и строй* речи, он говорит знакомо насмешливо.

— Ну да, я понимаю: все ищут ключей к тайнам, эти поиски легко выдать за серьезное дело. Но — ключей не находят и пускают в дело идеалистические фомки, отмычки и всякий другой воровской инструмент. [Искусно взламывая логику фактов, иногда добывают красивенькие словесные пустячки и облыжно выдают их за великие культурные ценности.]

— Вульгарно, — крикнул бритый, *притопнув ногою, нагнувшись вперед, точно падая.*

— Может быть, но я и не претендую на утонченность. Я человек грубоватый, с тем возьмите. Мы, социал-демокр⟨аты⟩, — революционеры, делаем работу саперов [и знаем], зная, что революция — не котильон, не кадриль.

Говорил он, постукивая пальцем левой руки по столу, а пальцы правой осторожно мяли туго набитую папиросу. Из нее на стол сыпался табак, патрон косился на эту операцию неодобрительно, [и] а когда Кутузов размял папиросу, он, *надув губы*, вынув из кармана платок, смахнул со стола табак. Кутузов, с любопытством взглянув на его, улыбнулся, и Самгину показалось, что уши патрона покраснели.

— Рассуждая революционно, мы не боимся поступать противозаконно, но — не охочи до вспышкопускательства и дуэлей с министрами. Героизм хорош в романах, в жизни необходима мужественная работа. Извините, что говорю [не] весьма известное, но — не всё, что люди знают, понято ими.

Благой закричал:

— Вы [носители] проповедник якобы неоспоримых истин...

[Возбужденный [до того] *так*, что лицо его покрылось красными пятнами] Благой говорил быстро, захлебываясь словами, и Самгин [не понял конца] *перестал понимать* его речь. Кутузов остановил его взмахом руки.

— Не верно это, милостивый госуд⟨арь⟩. Культура действительно погибает, но не от техники, *культурное* значение которой видимо не ясно вам, а от психологии *ме-*

щан и торгашей [эксплоататоров], убивающих любовь к труду [как они в [сво⟨ем⟩] прошлом убили прекрасный труд цеховых мастеров]. И, затем, еще раз повторю: великолепный ваш мятежный человек [действительно] ищет бури, но лишь потому, что он, шельма, надеется за бурею обрести покой.

л. 139 [*Но ведь* покоя — не будет до поры, пока существует классовое государство, *и не* наивно *ли* мечтать о покое.] В мире, где основной закон — закон борьбы [и [в] где существует классовое государство, непримиримо враждебное [всяким] всяческим наивностям], — *говорил Кутузов*, [*вы* ⟨..?⟩] [*глядя*] *взвешивая на ладони толстые серебр⟨яные⟩ часы.*

Десятки, сотни раз Клим равнодушно слышал эти слова из различных уст, но в устах Кутузова они принимали как бы значение первоисточника [*И особенную силу неоспоримости*], *густоту и тяжесть.* [*Не убеждая, они физически подавляли.*] *Самгин всегда чувств⟨овал⟩, что он* [*не*] *бессилен спорить против* [*них, что они выжимают не потому, что он не*] *Кутузова не только потому, что у него нет прочной точки опоры, но потому, что Кутузов физич⟨ески⟩ подавляет его своим ощущением жесткой правды жизни, неоспоримостью оценок событий и людей. Его речи* [*как всегда*] *опустошали мозг, и как всегда Самгин,* [*чувствуя неп⟨риязнь⟩*] *испытывая острую неприязнь к идее, чувствовал симпатию к личности* [*Кутузова*].

Он привстал [на] со стула *и*, усмехаясь, сказал оппонентам.

— Однако, — не пора ли [нам] прекратить эти «микроскопические для души увеселения» [как озаглавлена одна старинная книжка]?

Самгин *тоже встал и* незаметно подвинулся к двери: ему не хотелось встречаться с Кутузовым.

— [Что это зна⟨чит⟩] *Почему это* микроскопические? — задорно кричал бритый.

— Так озаглавлена одна старинная [и не очень грамотная] книга о гидре, организме, как известно, примитивнейшем и слепом...

На улице было пустынно и неприятно тихо. [Полуно⟨чный?⟩] *Полночь успокоила огромный город.* Огни [города] *фонарей* освещали грязновато желтые *клочья* облаков [над крышами домов]. [Облака] [Это заставило Самгина подумать о бедности *окраин*; о [грязном белье] грязных *деревнях*, детских пеленках, а затем о сытом, но недовольном лице патрона, и голубоглазом, бессильном царе. Он чувствовал себя подавленно,

устало [1]. [Думал] Думалось бессвязно, да и не думал, а] *Самгин шел и* механически подбирал черепки воспоминаний, [как бы] пытаясь [склеить] *сложить* из них нечто целое, *сделать* какую-то ширму. Но [потом] воспоминания текли по линии неприятной: Кутузов — и грязные деревни, [сонные] *полусонные* города, окраины Москвы, рваное белье, развешанно⟨е⟩ на огородах, замученные бабы с разбухшими животами. Кутузов — и сытое, недовольное лицо патрона, который смахивает платком раскрошенный табак со стола. Кутузов — и голубоглазый, бессильный царь, и рыжий Томилин с его третьим инстинктом, и *чудовищно* разжиревший Варавка, и полуум⟨ный⟩ дьякон со Христом, жалким, точно ребенок в стае сердитых собак.

[«Да, надобно иметь что-то очень свое, какое-то особенное упрямство, чтоб идти сквозь и против всего этого,— размышлял Самгин.— В сущности прикованность к тачке ист⟨ории⟩»]

«[Раб, прикованный к тачке прошлого, каторжник] *Жертвы, рабы, прикованные к тачке прошлого, каторжники»*,— вспомнил он, но это не шло к человеку, который *разрушительно* шел сквозь всё и против всего. Самгин почувствовал, что [в] у него являются какие-то [неясные] новые мысли, неуловимые мысли. И тут он впервые горестно [почувствовал] пожалел о том, что у него нет человека, с которым он мог бы откровенно говорить о себе.

Через [нес⟨колько⟩] две-три минуты его обогнал коренастый человек в сером пальто с поднятым воротником, в [теплой] *шапке*, надвинутой на глаза, обогнал, [остано⟨вился⟩] оглянулся и, *остановясь*, спросил голосом Кутузова:

— *Самгин*?

— *Здравствуйте.*

[— Вы — куда?

— Домой... Здравствуйте.

— [Ага] [Сомова у вас живет, да?]

— Нам — по дороге. Сомова у вас живет?

— Да. [Недавно] Но ее [не⟨давно?⟩] арестовали.

— [Что?] *Когда*,— тихо спросил Кутузов *и* оглянулся.— Когда? [Сомова]]

— [*Ведь вы были*] *Я видел вас там, у этого быка. Хотел подойти, а вы вдруг исчезли,— сдерживая голос, оглядываясь, ворчал Кутузов.—Я ведь к вам иду, т.е. не к вам, а к Сомовой.*

---

[1] *Возле этих слов, на полях*: [опустош⟨енный?⟩ мозг]

— [Она] *Ее* арестовали,— сказал Самгин очень тихо, как бы опасаясь, что Кутузов услышит в [его] *тоне* [этом] *этого* сообщения нечто, чего ему не нужно слышать. Кутузов остан⟨овился⟩, толкнув его локтем и плечом.

— Чёрт... Когда?

Слушая рассказ Клима, он снял фуражку и пошел быстрее, переспрашивая:

— Больна?.. Свинство... [Исто⟨рия⟩] Паскудная история,— сказал он, остановясь и, накрыв голову, погладил себя по бедрам, как бы нащупывая карманы.— Н-да... Где ж я ночую? Что — можно у вас? [Неудобно? Говорите прямо]

— Пожалуйста,— [сказал Самгин очень торопливо, чтоб не] *поторопился Самгин ответить*, чтоб не ответить отказом.

— Может — неудобно? Говорите прямо [не обижусь].

— Здесь,— сказал ⟨Самгин⟩, прижавшись к двери крыльца и нажимая кнопку звонка.

— Я — Григорий Николаев Пономарев, инженер путей, запомните? — спросил Кутузов.

— Жена видела вас, узнает...

— Гм... Ну, что ж! [Так [сцапали] *зацапали* Любашу?]

В прихожей, снимая пальто, он прошептал:

— А монумент, который открыл дверь, не удивится гостю во втором часу ночи?

— Привыкла,— [ска⟨зал⟩] ответил Самгин, не без желания намекнуть, что [в] конспиративные дела не новость для него.

— Так — зацапали Любашу? — спросил Кутузов, остановясь среди столовой и оглядываясь.— Это ставит меня... в дурацкую позицию, она должна была приготовить мне два, три ночлега.

Приподняв брови, он неумело [и] *или* насильственно усмехнулся.

— [Странная] Глупая штука. Дважды [пред тем, как] встретиться с нею — не удавалось: один раз — я был арестован, другой — она. Теперь третий.

— Хотите закусить? Вино есть,— предложил Клим.

— Не откажусь, но — без прислуги, а?

— Да. Я сейчас достану ключи.

Но Самгин [прошел] *пошел* не к Анфимьевне, хранительнице всех ключей, а в спальню. Притворив за собою дверь кабинета не плотно, он [пос⟨мотрел⟩] [встал на пальцы ног и] в щель посмотрел на гостя. В сюртуке инженера Кутузов был [очень солиден и] совершенно не похож на себя. Бороду он

подстриг клином, от этого лицо сузилось и утратило что-то русское. Он заметно похудел, широкое тело его, стиснутое сюртуком, казалось тоньше, стройнее [ноги — длинней]. Стоял он под лампой, и Самгин видел [нахмуренное [*1 нрзб*] лицо] нахмуренный лоб, прикушенную губу. *Сунув в карман брюк левую руку, он* [Кутузов] держал [пред грудью правую руку] *у подбородка* кулак, сжимая и разжимая его, как будто отсчитывал по пяти единиц. Клим осторожно, ступая на пальцы ног, отошел от двери. Варвара не спала, полулежа в постели с книгой в руке: она встретила [его] мужа [*1 нрзб*] тревожным взглядом и вопросом:

— Что случилось?

— Пришел Кутузов. Ему негде ночевать.

Варвара швырнула книгу на постель в ноги себе и легла; Самгин догадался, что сейчас она скажет что-то неприятное и успешно отвел удар:

— Он очень огорчен арестом [Лю〈баши〉] Сомовой. Кажется — влюблен в нее.

— Нет? — с интересом спросила Варвара и [1]

— Мне [так] кажется. Он хочет есть.

— Я сейчас приду — сказала Варвара.

Самгин не [тор〈опился〉] спешил выйти в столовую и вышел вместе с женой.

— Здравствуйте,— оживленно и ласково сказал Кутузов, идя встречу Варваре.— Мы знакомы, помните: плясали у купца на вечеринке? Вы — русалка. Узнаю вас по глазам...

И через десяток минут Самгин с [ин〈тересом?〉] *легким* удивлением, но без удовольствия, слушал, как Варвара деловито говорит:

— [Сегодня вы ночуете у нас, но] За нами, [конечн〈о〉] разумеется, следят, и у нас во флигеле живет человек, которому не нужно видеть вас...

[— Почему? — спросил Клим ду〈..?〉] Но завтра я вам [наз〈ову〉] *укажу* [несколько] *две* вполне чистых квартиры, так что вы сможете жить [не одну неделю] *сколько хотите* совершенно спокойно.

Улыбаясь ей, Кутузов [сказал] *спросил*:

— Недели две, а?

— Возможно.

«Чего она суется не в свое дело?» — думал Клим, исподлобья следя за игрою лица жены.

---

[1] *Недописано.*

А Кутузов, повеселев, ласково улыбаясь, поглаживал коротко остриженные волосы [черепа] *головы*, неумело дергал [клин бороды] бороду.

л. 140 На столе стояла бутылка красного вина, корзина с хлебом, тарелка сыра, [горя‹чие?›] коробка сардин, Кутузов ел и держался так свободно, как будто он не впервые в этой солидно обставленной комнате, [а] *всё знает в ней*, *и* Варвара [его давняя] *тоже* давно знакома ему.

«Она держится [с ним], как провинциалка пред столичной знаменитостью»,— подумал Самгин, чувствуя себя лишним и как бы взвешенным в воздухе. Он знал, что [думает неспра‹ведливо›] это не так, Варвара [держала] вела себя бойко, даже задорно и, пожалуй, с жадностью выспрашивала Кутузова *о его жизни*, а он отвечал ей охотно.

— Ссылка? Это установлено для того, чтоб подумать, поучиться. Да, скучновато; четыре с половиной тысячи обывателей, никому — и самим себе — не нужных, беспомощных людей, они отстали от больших городов лет на пятьдесят, на сто и сплошь все заражены скептицизмом невежества. Со скуки — чудят. Зимними ночами в город заходят волки.

Анфимьевна, к неудовольствию Самгина, внесла самовар, а Варвара, заваривая чай, спросила:

— А что будут делать эти ненужные во время революции?

— Революция — не завтра. До нее они частью вымрут, [частью] *некоторых* жизнь заставит превратиться в людей, на что-нибудь нужных, большинство, вероятно, будет пассивно и активно сопротивляться и на этом погибнет.

— Просто у вас все,— вздохнула Варвара.

— Это не очень просто,— пробормотал Самгин, а Кутузов, наморщив лоб, сказал:

— В революции,— *я говорю о* социальной, конечно,— закон исключенного третьего будет действовать особенно сурово: да или нет? А третий ответ совершенно исключается.

«Это жестоко»,— хотел сказать Самгин, он и еще много хотел бы сказать, но не решался, да и Варвара мешала.

— Вы — охотник? — спросила она.

— Пробовал, но — не увлекся. Перебил волку позвоночник,— жалко стало, отчаянно мучился зверюга. Пришлось добить, а это уж совсем скверно. Ходил стрелять тетеревей *на току*, но до того заинтересовался [птичьими обрядами] *птичьим обрядом*, что выстрелить опоздал. Да и не хотелось, признаюсь. Это — удивительная штука — токованье.

Самгину становилось все более неловко и обидно молчать, а беседа жены с Кутузовым принимала характер какого-то состязания не на словах [а во взглядах]; *во взгляде* Кутузова светилась мягкая улыбка, Клим находил ее хитренькой, соблазняющей. Эта улыбка как бы отражалась в глазах Варвары, открытых широко, напряженно внимательных. И, уступая вскипавшей в нем досаде, Самгин сказал:

— Волков, тетеревей жалко вам, а о людях вы рассуждаете весьма упрощенно и безжалостно.

Кутузов усмехнулся, [размешивая] *наливая в* чай *красное вино.*

— А вы, Самгин, все еще немножко бунтуете? Бросили бы это, пора? — Он вздохнул.— Что ж люди? Они сами чрезвычайно безжалостно устроились по отношению друг ко другу, за это им и придется жестоко заплатить. Патокой гуманизма и морали теперь уже невозможно прикрыть преступность капиталистического строя, цинизм его *давно* уничтожил все Евангелия.

По лицу Кутузова было видно, что его одолевает усталость, он даже потянулся недопустимо при даме и так, что хрустнули сухожилия *рук, закинутых за шею.* Но его, видимо, возбуждало внимание Варвары,— Самгин думал, что это именно так, потому что Кутузов [обращ⟨ался⟩] обратился к ней.

— Издыхает [это] *буржуазное* общество, загнило с головы, как рыба [посмотрите на литера⟨туру⟩] [доказательств этому [ты⟨сячи⟩] сколько вам угодно]. *На Западе это — понятно: работали много, выработались, истощены, а вот у нас [все] эти декадансы как будто преждевременны. Декадент у нас толстенький, сытый, розовощекий, Верленов не заметно. В недавнем прошлом были Кущевские, Помяловские, Гаршины; Успенские и, ну, скажем, Фофанов, но это не выродженцы, а замученные.*

«Счастливая способность бродяги,— куда бы он ни пришел, всюду чувствует себя дома»,— размышлял Самгин.

Он [быстро] *залпом* выпил чай, охлажденный вином, и, подвинув Варваре пустой стакан, вытирая губы очень измятым платком, вдруг сбросил с себя усталость, заговорил очень оживленно [1]:

---

[1] *Над текстом страницы автографа помета:* Рассказ Варвары, *сделанная при обдумывании следующей редакции.*

— Наткнулся я на художника; живет [отшельником] в старой усадьбе, верст семьдесят от ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩, дом — развалина, мебель — черви источили, сам — грязный, одичал, ходит в парусиновом пыльнике, измазанном красками до того, что парусина — как жесть, едва гнется. Пишет такие картины: на одной — [крылатые] *очень ярко написанные* змеи или, скорее, *безголовые* черви, у каждой фигуры — четыре радужных крыла, все фигурки струятся, хаотически спутаны, связаны в клубок, пронзают друг друга, *почти сплошь* заполняя холодный голубовато-серый фон. Спрашиваю: — Что это? — «Это, говорит, мировые силы, как они были до вмешательства разума». Картина называется: «Мир до человека».

Кутузов, прищурясь, усмехнулся, тряхнул головою.

— На втором полотне — все краски поблекли, фигурки обескрылены, *выпрямлены*, струистость их, внушавшая впечатление безумных скоростей, исчезла, а самое ядовитое в том, что и картина-то исчезла, [а] *и* осталось нечто вроде рекламы немецкой фабрики красок, разноцветные мертвые полосы. «Вот, говорит, как обезображен мир человеком. Но это, говорит,— он на свою погибель сделал; он враг свободной игры сил, [схематизатор, от] его ненавистью *схематизатора* к их игре созданы религии, философии, науки, государства и вся мерзость жизни. [И] Скоро, говорит, он исчерпает весь запас мировых сил своей техникой и задохнется в неподвижности».

Посмеиваясь, покручивая бороду, Кутузов продолжал:

— А третья картина называется: «В руки твои предаю дух мой». Вверху — две узловатые ярко раскрашенные руки, с зелеными ногтями, на одной шесть пальцев, на другой — семь. Внизу — маленький человечек снял с плеч своих огромную, больше его тела голову — мыльный пузырь и тонкими длинными ручками подает ее тринадцати пальцам; человечковы руки — пятипалые.

«Это — я, [*это* — вы]»,— объяснил художник.— А в чьи же руки отдаете вы себя? — спрашиваю.— «В руки Дьявола, [который обыграл Бога, имя Дьяволу — Разум] *имя которому Разум и который обыграл Бога*».

Варвара, сидевшая до этой минуты притаясь и наблюдая [*гостя*] *рассказчика* [*из*] *сквозь ресницы, сказала слишком звонко*:

— *Художник, конечно, не прав, человек тоже стихийная сила...*

[[— *Вот уже мог*⟨..?⟩] [—Вот, Самгин,— [обратился Кутузов] *взглянув на Клима*, сказал Кутузов,— подумав, вы убедитесь, что художник этот] [Художник этот весьма характерен для наших дней, [и] *он* верно выразил процесс гниения с головы. Именно с] [Век разума, техники буржуазия заканчивает отрицанием силы разума]]

— Это — всюду, в литературе, в поэзии. [*И это потому, что разум становится достоянием рабочих масс, будит их самосознание, зовет их на смену отжившего класса.*] Лозунг команд⟨ующих⟩ классов — назад ко *всяческим* примитивам. Помните приглашение — «назад к Фихте»? Но это вопль испуганного схоласта. А позовут дальше Фихте — к церкви, к чудесам, [в средневековье] к чёрту, все равно — куда, [лишь бы жить еще немножко...] *только бы дальше от разума истории, потому что он действительно и всячески становится враждебен* [*командующим, существующим социальным отношениям, обогатил их превосходной техникой и поставил перед необходимостью освободить*] *людям, эксплоат⟨ирующим⟩ чужой труд.*

Самгин слушал внимательно, продолжал думать о Кутузове недружелюбно. Однако он [уже понимал] *уже поймал себя на том*, что думает так по [*какой-то*] обязанности *самозащиты и* не внося в мысли свои ни [злобы] *злости*, ни насмешки. [Кутузов рассказывал так просто и свободно, что это [*невол⟨ьно⟩*] внушало [Самгину] иные мысли. Должно быть, и *на* Варвару [речь] [*простота* рассказа] *речь* Кутузова подействовала [убеди⟨тельно⟩], лицо ее стало мягче]. Варвара, за которой Самгин на несколько минут перестал следить, сидела задумавшись, спрятав глаза под ресницами.

— Да, — сказала она, вздохнув,— [это] очень заметно, [эт⟨о⟩] что людей [интересует] *увлекает* иррациональное [— мистика, религия], хотя, может быть, [причины не те, на которые] причина не та, которую указали вы.

— А какая же? — *лениво* спросил Кутузов.

Она [не] ответила не сразу.

— Скучно быть только умниками, хочется безумств [об-
л. 141 щения с тайнами жизни...].

— Что же можно выдумать безумнее действительности,— [отв⟨етил⟩] заметил Кутузов, пожав плечами.

— Да, — невольно сказал Самгин и, смутясь, предложил: — А вам не пора отдохнуть?

Через полчаса он стоял [в своем кабинете] *во тьме своего кабинета* и смотрел в зеркало, в полосу [отраженного] све-

та, *отраженного* из комнаты Кутузова. [Он видел половину Кутузова из] *Свет падал на стекло*, проходя [в] [насквозь] *сквозь* неприкрытую дверь, и показывал половину человека в [ночном] исподнем белье, человек сидел согнувшись [и], держал в руке ботинок и раскачивал его на шнурке. [Потом] Бесшумно опустив ботинок на пол, он взял со стула сюртук, [разостлал его на коленях] *положил его на колени*, вынул из кармана пачку бумаг [и не⟨..?⟩], две из них разорвал на мелкие кусочки, зажал *их* в кулаке и оглянулся. Лицо у него [было] незнакомо — угрюмое, смятая борода торчала в сторону, открытый ворот рубахи обнажал очень белую и мускулистую шею, полукружия ключиц, похожих на подковы. Теперь он смотрит в потолок, тихо постукивая кулаком по колену, [ег⟨о⟩] глаза его округлились, и, — очевидно он сжал зубы, — резко [обнару⟨жились⟩] выступили скулы. Было ясно, что Кутузов переживает приступ ненависти, *очень сильного чувства* [и], он как будто [беззвучно рычал или] *удерживал крик*, рычание. Встал, показался в зеркале весь целиком, с головы до ног, исчез и было слышно, что он отдернул драпировку окна.

Самгин присел на угол стола. [На] Следя за Кутузовым, он ни о чем не думал, но, понимая, что человек в соседней испытывает боль, *мысленно* сближался с ним. Боль, это — слабость, и, [может быть] если сейчас, в минуту его слабости, подойти к этому человеку, заговорить с ним, может быть, от него услышишь [какие⟨-то⟩] что-то очень значительное, очень ценное. Может быть, он разоблачит себя [или же], покажет с предельной ясностью ту силу, которая заставляет его жить волчьей жизнью бездомного бродяги [подпольщи⟨ка⟩]. Да и не в этом дело, а просто подойти к нему и *откровенно* поговорить о себе, о нем. О Сомовой, если это нужно. Поговорить дружески, без [запятых] многоточий. Об инстинкте, который не мирится с разумом, о разуме, который не может преодолеть немые внушения инстинкта.

Кутузов задернул драпировку окна, снова явился в зеркале, большой, белый, с лицом очень строгим. Затем он, *погасив огонь*, исчез в темноте. Самгин пошел в спальную, *чувствуя себя* [*страшно*] *болезненно уставшим, опустошенным.*

Жена спала, лежа вверх грудью, согнув одно колено; в сумраке на фоне одеяла видно было ее обнаженную до бедра ногу. Резким движением Самгин прикрыл ее, разделся, лег и вспомнил, как она, слушая Кутузова, шевелила пальцами,

[как] *точно касаясь невидимых струн. Самгин знал, что все, о чем говор*⟨*ил*⟩ *Кутузов, не интересно, даже враждебно* [*Варваре*] *ей и что мина внимания, с которой она слушала,— фальшивая мина.* [*— Он импонировал* [*ей*] *своей мускулатурой...*]

Когда Кутузов сказал, что даже в одном из «правител⟨*ьственных*⟩ *сообщ*⟨*ений*⟩*» уже признано наличие революционного движения, она* [*сморщилась*], *сморщив лицо, спросила невежественно*:

— Разве?

«*Но Кутузов* [*импонировал*] *гипнотизировал ее своей мускулатурой, и заснула она, наверное, с мечтой о нем*». *Самгин подумал это* [*без*], *не испытывая ревности, а только презрение к жене* [1].

[А] Утром, когда он [вы⟨шел⟩] оделся и вышел в столовую,— [жены и Кутузова уже не б⟨ыло⟩] жена и Кутузов уже ушли из дома, а *вечером Варвара уехала по каким-то своим делам в Петербург.*

Через несколько дней, прожитых в настроении мутном и раздражительном, Самгин тоже поехал [в Калугу [расследовать⟩] *по делу* о пожаре [и] *на* какой-то фабрике и по целому ряду [еще] различных мелких дел, но] в Калуж⟨скую⟩ губернию, с неделю *катался среди полей и лесов* по полям и проселочным дорогам на лошадях, побывал в сонных [город⟨ках⟩] *городках*, физически устал, успокоился [и], а на [обрат⟨ном⟩] *пути* домой [по дороге] застрял на почтовой станции, где, как всегда, не оказалось свободных лошадей. Он спросил самовар, а пока собирали чай, неохотно посыпался мелкий дождь, затем он стал гуще, упрямее, загремел гром, заиграли синие молнии, поднялся ветер, сердитым конем зафыркал в печной трубе и начал поливать стекла окна, как из ведра. Сквозь дождь и гром ко крыльцу станции быстро подкатил еще кто-то, молния осветила в окне [черную] мокрую голову черной лошади, дверь распахнулась и, отряхиваясь, точно петух, на пороге встал большой человек *в клеенчатом плаще*, сдувая с густых усов капли дождя. Затем, посторонясь, он пропустил вперед себя женщину и зарычал сердитым басом.

— Я говорил — не успеем!

— Самгин? Вот встреча! — резко и как бы с испугом вскричала женщина, пытаясь снять с головы капюшон парусинового пальто, размахивая руками и заслоняя усатое

---

[1] *Текст*: [— Вот, Самгин (стр. 669) ∾ к жене.— *перечеркнут синим карандашом.*

лицо спутника.— Да, вы правы, но поезжайте скорее, сейчас же.

Человек проворчал что-то, показал [Самгину] спину, блестевшую, точно кровельное железо, и скрылся, хлопнув дверью, а [ж⟨енщина⟩] Мария Ивановна Никонова, отклеивая раскисшее пальто с плеч своих, оживленно говорила.

— Вот ливень — ужас! В пять минут — ни одной сухой нитки.

Самгин тотчас отметил, что Никонова не похожа на себя, и как всегда это было неприятно ему, он терпеть не мог, когда люди выскальзывали из рамок тех определений, в которые он вставил их. Уже в словах женщины «вот встреча» и в том, что она назвала его по фамилии, было что-то [неприятно] размашистое, фамильярное, не свойственное ее обычной скромности, а когда она провела ладонями по мокрому лицу, Самгин увидел незнакомую ему улыбку, широкую и ласковую. Он не представлял, что эта женщина может так улыбаться, и подумал, что она натянула на лицо эту улыбку, как маску. На станции ее знали, дородная баба [называла], называя ее по имени и отчеству, сочувственно ахая, увела ее куда-то, и через десяток минут Никонова воротилась в пестрой ситцевой юбке, в красной кофте, одетой, должно быть, на голое тело, голову она повязала белым с желтыми цветами платком. Этот костюм сделал ее моложе, лицо, нахлестанное дождем, *приятно* разрумянилось, глаза блестели весело; пожимаясь, она предложила:

— Ну, угощайте меня, озябла!

Но, посмотрев, как неловко действует Самгин, она взяла чайник из его рук.

— Нет, лучше я сама.

Налив себе чаю, она стала по-крестьянски ловко резать хлеб, прижав каравай ко груди; груди, колыхаясь, мешали ей, тогда она бесцеремонно заправила кофту за пояс юбки, от этого груди наметились выпуклее.

— Кто это провожал вас? — спросил Клим.

— Управляющий имением моих знакомых, [у] где я гостила.

— Офицер?

Разрезая жареную курицу, она сказала:

— Да, военный.

[— Кавалерист?

— Почему вы думаете? — осведомилась она, наклонив голову и начиная есть.— Нет, он — сапер. Унтер-офицер.

И, как бы вспоминая, сказала:

— Очень грубый и тупой. Сын огородника из Ростова. Поехал за доктором, у моих друзей ребенок болен.

— А я думал — друг сердца.

— Такового не имею,— ответила Никонова и]

— *Мне кажется, я его где-то видел.*

[— *Но*] Постучав кулаком в тесовую переборку, *она* крикнула: — Саша, дайте мне [полушалок какой-нибудь] [1]. [Холодно,— объяснила она, [*взглянув на*] улыбаясь [своей] новой улыбкой, широкой и мягкой]

Самгин подумал, что нового в этой улыбке только то, что она шире, мягче прежней и быстрая.

[Дождь буйство⟨вал⟩] [Дождь шел] Шипел и посвистывал ветер, по крыше бил гром, заставляя *вздрагивать* огонь *висячей* лампы, стекла окна, *синея* в блеске молний, казались неестественно прозрачными, дождь хлестал волнами, то — потише, то [сильнее] с [такой] *новой* яростью, [как бы] с воем. [Баба принесла цветис⟨тый⟩] *Накинув на плечи* клетчатый полушалок, но не закрыв грудь, Никонова сказала:

— Мы точно на дне кипящего котла.

— Да, *похоже*,— согласился Клим и спросил: — [А что варится в котле?

— Каша] [2]

Замолчали. Самгин понимал, что молчать невежливо, но что-то мешало [ему] говорить с [ж⟨енщиной⟩] этой женщиной в тоне привычном [ему и], а она, посматривая на него

л.142 [3] вопросительно, как будто ждала, [что и] *как* он [тоже] покажет себя [новым].

— Это — надолго,— сказала она [глядя в окно].— *Пожалуй*, [*мне*] *придется* ночевать здесь. В такие ночи или зимой, когда вьюга, я чувствую себя ненужной на земле. [А вы?]

[— Конечно — скверно,— сказал] Самгин *отозвался* не сразу.

— Человек *вообще* никому не нужен, кроме себя самого. «Кажется, это глупо»,— подумал он и предложил ей папиросу.

— Не курю,— сказала она, откинувшись на спинку стула и глядя полуприкрытыми глазами в потолок. Груди ее неприлично торчали и шевелились, равномерно припод-

[1] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*
[2] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*
[3] ХПГ-23-1-3, № 59911.

нимая ткань кофты и точно стремясь обнажиться. На незначительном лице застыло напряжение, как у человека, который внимательно прислушивается или плохо слышит. Но слушать было нечего, кроме воя ветра, раскатов грома, плеска дождя.

— Третьего дня там,— заговорила Никонова, показав на окно,— хоронили мужика [покушал на сороковинах блинов и скончался от заворота кишок]. Брат его, коновал и знахарь, сказал мне: «Вот, гляди: человек сеет, и каждое зерно, прободая землю, дает хлеб *и еще солому оставит по себе*, а самого человека в землю зароют — сгниет он и никакого толку».

Я спросила: — Разве вы, Кондратий, не веруете в бога?

— «В бога я — верю, а в дела его — не верю. И ⟨в⟩ нужду человечью верю, а человеку тоже не верю».— Как же вы живете? — говорю.— Он сплюнул: — «А вот так и живу» [1].

Она встала, подошла к запотевшему окну,| а Самгин, глядя на [ее] голые ноги в шерстяных туфлях, желтые как масло, сказал в спину ей:

— Я не ... люблю крестьян и эту народную мудрость.

— *Да*, марксисты не любят деревню,— откликнулась Никонова, протирая окно концом шали.

— Я не люблю не как марксист, а как человек. Мне иногда кажется, что мужику [тайно] знакомы все жалобные писания о нем русских литераторов, и он хвастается *преувеличенно* ужасной своей жизнью и, надеясь на помощь со стороны, сам ничего не делает, чтоб жить лучше.

— Странный взгляд,— сказала Никонова, не оглянувшись на него.— [Вот уж... не ожидала! Н-не верный взгляд. Так рассуждают консерваторы]. Ой,— крикнула она, отшатнувшись. [*Это* —]

Свирепо ударил гром, [в ту же секунду] комната наполнилась синим светом, огонь лампы как бы погас, а окно точно вырвало из стены. И какой-то миг Никонова, *закрыв лицо руками*, стояла — вся голубая, *почти* прозрачная.

— Убьет,— сказала она, идя к столу и улыбаясь.

Самгин [почувствовал] [*ощутил*] *испытывал* [неиспытанное] возбуждение, причина которого была непонятна ему, но он знал, что это еще не женщина. Возбуждение [бы⟨ло⟩] злое, и, может быть, его вызвал *скромный*, *незаметный* че-

---

[1] *Текст*: Я спросила ∾ так и живу».— *перечеркнут синим карандашом.*

ловек, который [по какой⟨-то⟩] почему-то принимает участие в разрушительном деле, хотя [его данные] должен бы служить [в больнице сиделкой] *сиделкой в больнице* или в глухом селе обучать грамоте детей. Чувствуя, что в нем взорвалось что-то, [он] [*Клим*] *Самгин* стал рассказывать о том, как мужики грабили хлебный магазин, поднимали колокол, и еще о многом, что было, в его оценке, глупо, дико. Начал он насмешливо, сердито, но скоро услышал, что говорит обиженно и жалобно, это еще более расстроило [его] и обозлило его. За окном *холодно* кипел дождь, вторя его словам.

— А я не могу сердиться на крестьян,— прервала его Никонова, [садясь на лавку] *шаркая туфлями* по полу, и села на скамью рядом с ним.

— Я тоже не сержусь,— сказал Самгин.

— Сердитесь, слышно,— возразила она, глядя в черную и мокрую дыру окна.— *О том, как мужики сорвали замок с двери запасного магаз⟨ина⟩, в «Рус⟨ской⟩ М⟨ысли⟩» рассказ был какой-то дамы, Милициной, кажется,— проговорила она, оглянувшись, недоверчиво посмотрев на него, и воскликнула*:

— *Вы* очень удивляете [вы] меня. Вот [уж] не думала...

— Что?

— Что вы так... [одиноки]. Только очень одинокий и... отколотый чем-то от людей может говорить [так...], как вы.

Она подвинулась к нему, заглянула в лицо и стала говорить утешающим тоном старшей сестры. Говорила очень простые вещи, [очень] очень ласково, тихо и убедительно, но — не убеждала. Наоборот,— хотелось высмеять ее.

— Деревня беднеет, пьет, вымирает, а ведь крестьянин— основная сила страны,— говорила она знакомое с детства, но говорила, как бы спрашивая. Она придвинулась так близко, что ее теплое плечо касалось плеча Самгина, и это, погасив в нем желание возражать ей, возбудило в нем половое любопытство мужчины. Когда она подняла руки, чтоб поправить платок на голове, Самгин, поймав ее руку, *пожал* и поцеловал ее. Она не отняла руки [продолжая говорить:

— Что же делать? Как жить? Для чего? Европа смотрит на нас, как на дикарей Африки. Это становилось смешным] [*Но*] *было приятно слушать* [*задушевный*] *мягкий голос, и приятна была доверчивая близость женщины.* Самгин положил *свою* руку на левую грудь ее,— она не протестовала. Тогда он, обняв ее за шею, поцеловал в губы.

— Ах, какой,— воскликнула она, отталкивая его, а он [настаивал] обнимал [1] ее всё крепче.

— Еще не спят,— сказала она, с неожиданной силою разняв его руки.— Вы — ложитесь, я потом приду. Прийти?

— Да, конечно,— сказал Самгин.

Сжав горячими ладонями его щеки, она длительно поцеловала его и ушла, а он стал раздеваться, думая:

— Очень просто. Очень. Почему не пошалить с женщиной, если она [хочет] *не против* этого? Глупо было бы [отка⟨заться⟩] не воспользоваться.

Погасив лампу, он лег на широкую постель в углу комнаты, прислушиваясь к неутомимому *плеску и* шороху дождя и ожидая Никонову так же спокойно, как ждал жену. Он вспомнил о Варваре с [не] оттенком иронии.

[У] *В романе* какого-то француза он вычитал, что в интимных отношениях жены и мужа есть признаки, по которым муж, если он не глуп, всегда безошибочно узнает, был а ли жена в объятиях другого мужчины. [В эту]. *Француз не сказал, каковы эти признаки, но в* минуту ожидания другой женщины [он] *Самгин* подумал, что [им] *он их знает и они* уже подмечены [эти признаки] *им*: Варвара стала как-то слишком тщательно следить за гигиеной своего тела, это можно понять как признак ее супружеской нечистоплотности. В ее движениях появилась ленца и набалованность, раньше не свойственные ей, так набалованно [двигаются] *должны* двигаться женщины, которых сильно любят. Было и еще кое-что, чем вполне оправдывалось приключение с Никоновой, приключение, которое, впрочем, и не нуждалось в оправдании. Но всё-таки он подумал неохотно и как бы по обязанности:

«Да, вот они, женщины...»

Шум дождя стал однообразен и равен тишине. Самгин вспомнил слова Никоновой: «Мы точно на дне котла». И о ненужности своей на земле она сказала не глупо. Вообще в ней, несмотря на ее внешнее безличие, есть что-то своеобразное. Говорит она не очень книжно.

«Я хочу прикрасить ее?— спросил он себя.— Завертываю конфекту в яркую бумажку?»

Тишина угнетала, заставляя ожидать необычного. Хотелось, чтоб что-нибудь разорвало этот однотонный шорох, хоть бы часы считали секунды, но *не двигался маятник* [де-

---

[1] *В автографе*: обнимая.

шевенькие часы] *дешевеньких часов* с циферблатом, расписанным небывалыми розами и с подковой на одной из гирь [тихо стояли] [не шли].

«Трудно быть человеком»,— [несчастно] *тоскливо* подумал Самгин.

Когда пришла женщина, он почти нежно упрекнул ее.

— Как вы долго!

— Молчите,— шепнула она.

Миновал час, может быть, два. Никонова, прижимая голову его к своей груди, спросила словами, которые он уже слышал.

— Хорошо со мной?

— Да,— искренно ответил он.— Удивительно.

л. 143 — Но, разумеется, вы невысокого мнения о моей... нравственности?

Клим устало пробормотал:

— Как вы можете думать? Я — благодарен...

[Он чувствовал желание сказать ей какие-то особенные слова, но *осторожность и* недоверие к людям мешало ему в этом, и он говорил руками.]

— Да уж, конечно,— так, — шептала она, отвечая на его ласки.— [Так принято] Ведь и вы, как все, наверное думаете, *как принято*,— не [то, что подсказывает вам ваше истинное я, а то, [что] *как* принято думать.] *по совести, а по разуму.*

Самгин насторожился,— в словах ее было что-то умненькое; неужели и она будет философствовать? Упрека в словах ее, *почти беззвучных*, он не слышал и не мог видеть в темноте, с каким лицом она говорит. Она очень растрогала его нежностью ласк, ему казалось, что таких ласк он еще не испытывал, и у него было желание сказать ей какие-то особенные слова, но [осторожность и] недоверие к людям мешало ему в этом и, *чтоб заставить ее молчать*, он говорил руками.

— Ты с первой встречи остался в памяти у меня,— шептала она.— Помнишь, там, на дачах? Такой ягненочек рядом с Лютовым. Мне тогда было шестнадцать лет...

Она отвернулась от него и, спрятав лицо в подушку, стала кашлять, затем огорченно сказала:

— Ой, кажется, я простудилась. Пойду. Прощай.

И через несколько минут — ушла *в темноту*, бесшумно, как [тень, ка⟨к⟩] облако. Самгин удобно лег, закутался одеялом, послушал *уже обессиленный* шорох дождя [глядя в се-

рое окно]. Уже светало, стекла окна [посерели] были серые.

«Странная какая,— думал он, засыпая.— Вот, не думал...»

Проснувшись, он узнал, что Никонова уже давно уехала.

«Тактичная,— похвалил он ее.— И — простая».

«Это — как сон»,— размышлял Самгин, подпрыгивая в бричке по раскисшей дороге среди *шелков* взмокших полей, *блестевших* [под солнцем; оно то] [1] солнце играло с землею, как веселое дитя, прячась среди мелко изорванных [легких] облаков, пышных и легких, точно чисто вымытое руно. [*Шелково* блестели зеленые *ковры* озими] Ветер ласково расчесывал молодую листву берез, [щелкали почки] нарядная сойка сидела на голом сучке ветлы и янтарным, рыбьим глазом смотрела в серебряное зеркало лужи. Ноги лошадей, не торопясь, месили грязь, наполняя тишину [утра] хлюпающими звуками, опаловые брызги воды взлетали из-под колес, и где-то в облаках звенел жаворонок. Свежесть воздуха приятно охмеляла, рассеянный блеск солнца, отражаясь в зеркалах луж, ослеплял. Самгин, разнеженный, думал *механически* сквозь дремоту:

Только утро любви хорошо,
Хороши только первые—какие-то встречи.

«Кажется — Надсон. Глуповатые стишки. Но кто-то сказал, что поэзия должна быть глуповатой. Счастье — тоже. «Счастье, по мосту с чашкой»,— это о нищих. Все пословицы, в сущности, злы. Счастье [в том, чтоб жить] [*это*], *когда человек живет* в хорошем мире с самим собою. Это и значит — жить честно».

Глядя, как хлопотливо порхают в придорожных кустах желтые овсянки, Самгин в сотый раз подумал: с детства, дома и в школе, *потом в университете*, его начиняли массой [совершенно] ненужных ему, обременительных знаний, идей, затем он прочитал множество книг, и вот он не может найти себя в паутине насильно воспринятого чужого.

«Мне пора вырасти из отношения к себе как человеку, обреченному жить для чего-то, для кого-то... Кутузов... [свобод⟨..?⟩]»

Догнали телегу, в ней лежал на животе [2] длинный му-

---

[1] *Незаконченная правка.*
[2] *Текст*: «Мне пора ∾ на животе — *перечеркнут синим карандашом.*

жик с забинтованной головою, серая, пузатая лошадь, обрызганная грязью, шагала лениво. Ямщик Самгина, курносый [обри<..?>] подросток, чем-то похожий на дикого голубя, крикнул, привстав на козлах.

— Эй, сворачивай!

— Успеешь,—глухо ответил мужик, но не пошевелился.

— Не хочет,— сказал подросток, оглянувшись на [Самгина] Клима и улыбаясь.— Это — наш мужик, [ему] ухо пришивать едет, ему, вчерась, в грозу, ухо [-то тесиной] [веслом<?>] оторвало, с крыши он упал...

— Обгони его,— приказал Клим.

Подросток попробовал объехать телегу, загнал одну из своих лошадей в грязь, зацепил колесом брички ось телеги, тогда мужик, приподняв голову, стал орать:

— Куда лезешь, сволочь? Куда — а?

Это столкновение, прервав легкий ход мысли Самгина, рассердило его, он тоже привстал, опираясь на плечо ямщика и закричал, тогда мужик, попятив свою лошадь, сказал миролюбиво:

— Чего ругаетесь? У всякого — свое дело, все торопимся.

— Гони,— приказал Самгин ямщику.

— По грязи-то? — удивленно спросил подросток, [нах<лестывая>] усердно нахлестывая лошадей, а Самгин уже не первый раз подумал:

«Вот , ради таких остолопов...»

Память услужливо воскрешала давно пережитые впечатления, вспомнились слова Кутузова из письма к Любаше, слова о «вкусненькой микстуре гуманизма».

— Это вот на Пасхе [деревня сгорела] *сгорели*,— сказал ямщик, указывая кнутом на [черные бугры] *три черных бугра* угля, пепла и на обгоревшие бревна.

— Гони, гони,— сердито крикнул Самгин, думая о своем.

Среди этих дум для Никоновой не было места, и неделю он вспоминал о ней лишь мельком, в какие-то пустые минуты. [После ареста Любаши она еще ни раза не была у Варвары по делам Кр<асного> Кр<еста>], [но] *а потом* незаметно для него выросло желание видеть ее. Он не знал, где живет Никонова, и упрекнул себя за то, что не спросил ее об этом.

— «Свинство».

А желание снова видеть эту женщину все росло [и вспоминались ее].

«Как смешно назвала она меня — ягненочек»,— вспомнил он и спросил жену: — Что, ты не встречаешь Никонову?

— Нет. После ареста Любаши она отказалась работать в Кресте,— [сказала] *равнодушно ответила Варвара* [мигая] [усталая, с [синими] тенями вокруг глаз].

— [Вероятно] *Может быть*, *тоже* арестована,— предположил он.

— Слышали бы,— сказала Варвара, [перелистывая книжку журнала] [читая какое-то письмо] [перелистывая] разрезая головной шпилькой страницы книги.

«Лень сходить за ножом»,— подумал Самгин.

Из Петерб⟨урга⟩ Варвара приехала, заметно похорошев, под глазами [у нее] ее, оттеняя их блеск, легли интересные тени, [она привезла новую прическу] заплетая волосы в две косицы, она укладывала их *плоскими* спиралями на уши и виски, [это шло к ней] это делало ее лицо [не таки⟨м⟩] шире и тоже украшало ее. Она привезла широкие платья без талии, и, глядя на них, Самгин подумал, что [такое] такую одежду очень легко сбросить с [себя] тела. Привезла она и новый *для нее* взгляд на литературу.

— Книга не должна омрачать жизнь, она должна давать человеку отдых, развлекать его. [Европейская ли⟨тература⟩]

[Затем сообщила, что будет издавать переводы [с] иностранной литературы.

— [Это] [*Она*] *Это* здоровее нашей, наши авторы] [1]

л. . . . .

[145] [150] 145 [2] ⟨ве⟩щей, уставших служить людям, и человек, который тоже покорно, как вещь, служит им. Совершенно необыкновенные слова просились на язык его, очень глупые слова, хотелось назвать ее так, как он еще не называл ни одну женщину:

«[Сестра] Родная, [сестра] сердечная...»

Но он молчал, обняв ее талию, *крепко* прижимаясь *головою* к ее грудям, а через какую-то минуту он, уже ощущая смутную боязнь, спрашивал себя:

«Неужели это серьезно?»

Обнимать ее было неловко, Самгин сидел, а она — ниже его ростом, но все-таки ей пришлось нагнуться.

Движением спины она разорвала его руки, спросила:

— Так вы рады видеть меня?

---

[1] *Следующий далее л. 144 автографа не обнаружен.*

[2] ХПГ-23-1-3, № 59912.

— Да. О да,

И сознался, улыбаясь:

— [Сам удивлен] До того рад, что [даже] сам удивлен.

Ее лицо осветилось, глаза стали густо голубыми.

— Даже — так?

И, смеясь, [тихонько] она *убедительно* сказала, *покачнувшись к нему*:

— Ах вы... милый!

Пили чай с молоком и сухарями [легко] и, легко переходя с темы на тему, говорили о новых книгах, пьесах, вспоминали общих знакомых. Никонова сообщила:

— Любаша выздоровела, переведена из больницы в камеру, ожидает, что скоро вышлют. Кажется — в Сибирь.

[Но о делах] Самгин заметил, что о [делах] партийцах, о революционной работе она говорит сдержанно, неохотно. «Вышколена»,— подумал он.

[И когда она [мило‹?›] небрежно спросила:

— Товарищ Макар — *ведь* это — Поярков?

Клим сказал:

— Да.

— Неприятный человек,— заметила Никонова очень равнодушным тоном [и тотчас же]. — Бывший учитель гимназии]

В саду старик в клетчатом глухом жилете и дымчатых очках окапывал яблони [было слышно, [как] что он покрякивает]. [Никонова сказала: — Домохозяин.] Лицо у него было фиолетовое, цвета гниющего мяса; но это, конечно, от вечерней зари. [Вот] Он задел плечом ветку, ветка размахнулась, как будто желая хлестнуть его, но — не тронула.

Поймав взгляд Самгина, [хозяйка] Никонова сказала:

— Домохозяин. Бывший учитель, [пять] народник, [пять лет] жил в ссылке. [Страшно скуп... И — злой] Но это было давно, а теперь он [че‹ловек›] очень скупой и злой человек. Сутяга,— зовут таких.— Затем она снова [начала] заговорила о лит‹ературе›.

— Я совершенно согласна с графиней Толстой,— говорила Никонова.— Зачем писать такие вещи, как «Бездна»? Мне вообще не нравится Леонид Андреев... Он какой-то... наркотический.

— У нас — одинаковые вкусы.

— Наверное — не во всем,— сказала она, улыбаясь, опустив глаза.

[С нею было легко] «Удивительно легко [было] с нею»,—

отметил Самгин [[Да, она говорила очень просто и всё о [таких] о таком обычном] Говорила она просто, [без претензий на кокетство] *не кокетничая модными* словами, не претендуя на оригинальность мысли [и]. Казалось, что *она может говорить* только так,— *скромно, с* полной искренностью. Не заметно было в ней и женского любопытства, только [однажды] *один раз* она мимоходом, небрежно спросила:

— Вы не знаете, где Поярков?

— Недавно я видел его [здесь], но не разговаривал с ним и не знаю, здесь ли он работает,— сказал Самгин.]

[*Ему нравилось, что она говорит* [*просто*], *не употребляя надоевших модных слов* [*и*], *не мудрствуя*, [*очень скромно, с несомненной искренностью*] *говорит не от книжек, а от себя*] и, наклонясь к ней, заговорил:

— Когда я вошел, мне показалось, что вам это неприятно, вы даже как будто испугались.

— Я? Испугалась? Чего же? — спросила она негромко [и], глаза ее, [посинев] потемнев, остановились на его лице [встр⟨евоженно?⟩] строго, [да⟨же?⟩] [или обиженно] *пытливо*.

— Я, может быть, вел себя нелепо, бестактно...

— Об этом не надо говорить,— сказала она, протянув ему руку.

Было уже темно, когда Самгин [собр⟨ался⟩] решился уйти от нее. Полураздетая, сидя на постели, она спросила его, шёпотом почему-то:

— Когда придешь? Я должна знать точно.

Так же шёпотом он [спросил] сказал:

— [Удобно ли это для тебя] Я хочу бывать у тебя часто [удобно ли это?].

— Часто? — повторила она. И помолчала, обдумывая что-то, оправляя волосы, *в сумраке* казалось, что она, подняв руки над головою, ищет чего-то в воздухе.

— Неудобно? — спросил Самгин.

— Да [неудобно],— ответила она.— Но я устрою. Будем видеться часто [так], если ты хочешь, чтоб я скорее надоела тебе...

— Ты плохо шутишь,— сказал Самгин, [однако] хотя и не [почу] почувствовал шутки в ее словах.

Прощаясь, она *обняла и* поцеловала его *молча, но* особенно [горячо] крепко.

Когда Клим вышел на крыльцо, [*там*] *он увидал на ступенях спину домохозяина, вздувшуюся пузырем; старик* [*застрагивал*] *строгал ножом* [*какую-то дощечку*] *какую-то палку,*

маленькие стружки суетились [*около его ног*] *под ногами у него, как испуганные черви*:

— *Затворите калитку,— басом дьякона и сердито сказал старик.— Да не хлопайте.— Из-под черных стекол его очков блеснули белки в кровавых трещинках, напоминая краклэ.*

— *«Плохо она живет»,— еще раз и очень сочувственно подумал Клим* [1].

После десятка встреч с нею Самгин решил, что, наконец, у него есть [друг] хороший друг, [*простой человек*] с которым [легко] *и можно, и легко* говорить [откров⟨енно⟩] обо всем, а главное,— о себе. Она была [уди⟨вительно?⟩] внимательна к его [сло⟨вам⟩] речам, умела слушать их молча и не обнаруживая излишнего любопытства. Сама она говорила мало, очень просто и всегда мягким, как бы утешающим тоном. [Нельзя было сомневаться в ее искренности и [мо⟨..?⟩] думалось, что [она живет в мире со старым], не закрывая глаз на дурное в людях, она [все-таки] по-своему верит в [них] их [хорошее] хорошие начала.] Она, пожалуй, была слишком снисходительна к людям; иногда Самгин думал, что она смотрит на них издали и свысока. Это [делало] *несколько* нарушало ее сходство с Таней Куликовой [[и противоречило], а отсутствие [в [ней] *словах ее* озлобления проти⟨в⟩] в ее суждениях [о командующих классах] [*Ее отношения к*] о *представителях командующих классов* резкости и остроты, [обязате⟨льной⟩] органически, *по наблюдению Самгина*, обязательной для человека [поло⟨..?⟩], принимающего учение Маркса, заставило Клима *шёпотом* сказать ей:]

— Ты плохая [марксистка] *большевичка.*

— Почему? — спросила она насторожившись, *и* Самгин объяснил:

— Я не чувствую в твоем отношении к буржуазии [той] *нет* [2] резкости и остроты, [обязательной] [особенно сильной и характерной у марксистов большевиков] *так характерно и сильно выраженной в большевизме.*

— Этого и у тебя нет,— сказала она, *ласково* усмехаясь. [—Да и — нужно ли это, если люди по необходимости такие, каковы они есть? *Мне кажется, что и ты относишься к обывателям добродушнее, чем к товарищам.*]

---

[1] *Текст*: Когда Клим ∾ подумал Клим.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Так в автографе.*

[Самгин нашел нужным произнести маленькую речь [на тему] об опасности детерминизма. Но [хотя он не] *вообще он* редко лгал ей, внушая то, во что сам не верил, делал это лишь [для того, чтоб] *потому, что* [*был*], *будучи мужчиной, хотел* держаться где-то [выше ее] выше женщины, но уже чувствовал, что с нею это трудно.]

— Мне кажется, что *и* ты [тоже] относишься к обывателям более благодушно, чем к товарищам.

— [Разумеется] Кому много дано, с того [много] *больше* и спросится,— докторально, тоном [матери] сказал Самгин [1].

[Но вообще он редко лгал ей, внушая то, в чем сам не был убежден, и делал это [лишь] *он* лишь [потому, что, будучи] по органической потребности мужчины властвовать над женщиной, поучать ее.]

Это замечание не понравилось Климу, [*тогда*] *он произнес маленькую речь на тему о бездарности, о пошлом эгоизме бур⟨жуазного⟩ общества, внушая то, в* [2] *Речь его она* [*выслушивала*] *выслушала покорно, как человек, привыкший, чтоб его поучали; она вообще держалась* [*внимательной*] *ученицей, которая знает, что надобно учиться, и примирилась с этим.* [*Но когда он объ⟨..?⟩ кончил говорить о детерминизме, Никонова все-таки заметила*]

[Однако он] *Но* скоро *он* заметил, что Никонова [в чем-то] *как будто и* сильнее, и умнее его, это было открытие не очень приятное.

[*Он чувство⟨вал⟩*] *В ее отношении к нему* [*он*] *Самгин все чаще улавливал отношение старшего к младшему, отношение матери, которая, внимательно подмечая словесные ошибки подростка-сына,* [*и*] *заботливо* [*исп⟨равляет⟩*] *пытается исправлять их* [3] [и]. Уже не один раз он подумал, что в *характере* скромной женщины этой есть черта, родственная Митрофанову, человеку, в чей здравый смысл он поверил и — ошибся. Она не философствовала, как полицейский агент, не волновалась, как *это делал* он, [если у нее и] [у нее] но было ясно, что она, так же как Митрофанов, [знает жизнь] человек здравомыслящий. *У нее была очень милая манера говорить о «добрых» людях и «светлых» явлениях тихо, приглушенным*

---

[1] *Текст*: Мне кажется ∾ сказал Самгин — *перечеркнут синим карандашом. Слово*: матери *ошибочно зачеркнуто.*

[2] *Фраза осталась незаконченной.*

[3] *Текст*: [Он чувство⟨вал⟩ ∾ исправлять их — *перечеркнут синим карандашом.*

голосом, [*как*] *точно она говорила о тайнах.* О политике, *о* революционной работе она [говорила все меньше] *мало рассказывала* [И никогда не мечтала о будущем строе], что можно было объяснить ее конспиративностью. Она не мечтала о будущем строе России, корреспонденции Иоллоса о работе немец⟨кой⟩ с⟨оциал⟩-д⟨емократии⟩ не [волновали ее, как других] *возбуждали у нее радости, как у других*, но все чаще и как-то незаметно беседы ее *сводились* к рассказам о жизни маленьких людей, о неудачных и удачных хитростях в погоне за маленьким счастьем. *И когда она говорила о людях, было ясно, что она не различает рабочих от мещан, мужиков от мелких служащих*, [*людское*] [*челов⟨еческое⟩*] *человеческий мир в ее изображении являлся муравейником, в котором* [*не было иерархии*] *все муравьи были равны пред судьбою* [1].

Это было неплохо, порою даже интересно, а в общем, несколько скучновато; [это] напоминало Самгину бесконечную
л. 146 работу [Глаши] горничной Варвары, толстенькой Глаши, которая очень искусно спивала *на продажу* из пестреньких треугольных лоскутков покрышки для одеял [спивала и] [*которые она потом*].

Но все это было не существенно и не мешало Самгину привыкать к [этой женщине] *Никоновой* с быстротою, изумлявшей его. [2] А — главное, всё это покрывалось [тем, чего Самгин никогда еще не испытывал] полнотою сексуальных отношений, гармоническим сочетанием органов тела, которое, давая [Самгину] Климу предельное наслаждение, позволило ему думать, что, может быть, именно вот этой гармонией и следует объяснить существование людей однолюбов, [половой мятеж] *мятежные поиски* Дон-Жуана и [ту «вечную»] что именно вот это — та любовь, о которой грезят романтики.

После ее ласк он *всегда* чувствовал себя [новым человеком] растроганным благодарностью к женщине, удивлением пред нею, примиренным с жизнью, в которой он нашел, на-

---

[1] *Фраза*: И когда она говорила ∾ пред судьбою.— *перечеркнута синим карандашом.*

[2] *После этих слов в тексте — знак вставки, а на полях — помета красным карандашом*: Сюда 146. Ящик.— *Помета означает решение перенести сюда текст*: Она стала для него чем-то вроде ящика письменного стола, куда прячут интимные вещи...— *который записан на третьей странице этого же листа автографа. Сделана при разметке следующей редакции и совпадает с БА и окончательным текстом.*

Начало страницы автографа: бесконечную работу ∾ изумлявшей его — *перечеркнуто синим карандашом.*

конец, необыкновенное наслаждение, [а] и в наслаждении этом — всеокупающий смысл. Он становился добрым, [его] [и] чувствовал желание *хорошо* заплатить этой женщине и однажды сказал ей:

— [Знаешь, ты бы] Ты бы переменила квартиру.

Она, не сразу, спросила:

— Тебе не нравится у меня?

И, вздохнув:

— Жаль. [А мне так хорошо] *А я так прижилась* здесь.

— Разве ты не находишь, что наша любовь достойна другой обстановки? Я мог бы...

Она вздрогнула и, не дав ему договорить, сказала полушёпотом, возмущенно:

— [Послушай, но ведь] Это — из французского романа! Фу, как тебе не стыдно...

Он испугался, Никонова вдруг напомнила ему Лидию, а меньше всего он хотел бы открыть *в Никоновой что-нибудь* общее [между] с Лидией [и этой].

В другой раз, тоже заласканный ею, он спросил:

— У тебя были дети?

— Один. Умер восьми месяцев.

Самгин, обняв ее за шею, глядя в утомленные глаза, совершенно искренне выговорил:

— Я хотел бы иметь ребенка от тебя.

Она вытянулась, закрыв глаза, а он продолжал:

— Ты — моя третья, но [они] те две никогда не внушали мне такого желания, никогда, клянусь честью.

— Милый мой,— прошептала она, не открывая глаз и гладя руками груди свои, [ска‹зала›] *шепнула* еще дважды:

— Милый. Милый.

После этого она стала относиться к нему еще нежнее и как [-то] будто строже к его словам.

Теперь, когда он хорошо знал ее лицо, он видел это лицо [вовсе] не таким незначительным, как раньше. Да. Черты лица были мелки и не очень подвижны, но [под] казалось [это потому, что они подчиняются постоянному внутреннему напряжению и], что неподвижна лишь кожа, хорошо дисциплинированная [кожа] постоянным внутренним напряжением, какой-то большой и доброй думой. А ее голубоватые глаза были [даже] [даже очень выразительны] даже [красноречивыми и] красноречивы в минуты сильного возбуждения, [темнели до] темнея почти до́ синя, [изливая] [и становились та‹кими›] они смотрели так тепло, что хотелось дотронуться

до них пальцами, чтоб ощутить это тепло, а всякий раз, когда Самгин спрашивал женщину о ее прошлом, в зрачках ее вспыхивали голубые искорки, [Самгин понимал их как] заставляя Самгина ласково спрашивать:

— Ты как будто боишься [ра⟨ссказывать?⟩] говорить о себе? Ты думаешь, что я чего-то не пойму?

— Не интересно говорить о себе,— отвечала она.

Все-таки она кратко и бескрасочно рассказала [ему], что первый раз была арестована [ш⟨естнадцати⟩] семнадцати лет по делу народовольцев, вскоре после того, как он впервые видел ее. Просидела пять месяцев в тюрьме, потом жила под гласным надзором полиции [у себя] у мачехи, в Рязанской губернии, в поместье на Оке. Отец ее, дворянин, полковник в отставке, хромой, ему лошадь разбила бедро; он сильно пил, [скучал] от скуки женился на вдове купчихе и вскоре помер. Девятнадцати лет она [*в Рязани*] *ушла от мачехи к подруге в Рязань, там* познакомилась с одним семинаристом, он ввел ее в местный [марксистский] кружок народников, но сам стал марксистом, был арестован, сослан и умер по дороге в Сибирь. Она осталась [с ребенком] беременной. Ее второй любовью был тот [человек] блондин, с которым Самгин видел ее у Лютова в год коронации.

— Это был человек сухой и властный,— сказала она, вздохнув, опустив голову, глядя в колени себе.— Я, кажется, не любила его, но — трудно жить одной.

Потом она познакомилась с [рабочим Дунаевым, он ввел ее в кружок Пояркова. Но Пояркова скоро арестовали] [*Поярковым*] *одним марксистом.*— Очень хороший человек,— сказала она, [вздохнув] и гладкий лоб ее рассекла *поперечная* морщина, покрасневшая, как шрам, [на буграх] *покраснели и* брови.— Очень,— повторила она.— [Он] [Такой... аскет, светлая душа. Это он сделал меня марксисткой] [*По ее описанию*] Потом его арестовали; не знаю, где он теперь. *Его звали товарищ Яков...*

[Клим сказал, что месяца два тому назад видел его в Москве.

— Да? — спросила она, как будто с радостью.— Вероятно нелегальный. А я — не знала]

— Ага, [Поярков] Корнев,— сказал Клим.— [С разноцветными глазами, тощий, такая аскетическая фигура?]

— Нет,— быстро сказала она, [бережно и нежно] осторожно и любовно укладывая груди в лиф [Самгин смешливо подумал, что она [делает это] укладывает груди], как торго-

вец [*кладет*] *прячет бумажник, в который только что* [*спрятал*] *положил барыш. Он даже хотел сказать ей это, но не сказал, вспомнив, что она вообще относится к своим грудям с какой-то непонятной, странной ревностью, разрешая ему трогать их только в минуты особенно сильного возбуждения.*

— Нет,— повторила она спокойнее.— Он был рыжеватый, полный и... весельчак. Он — русский, а Поярков, кажется, еврей?

— Не верно,— поправил Клим, сидя [на посте⟨ли⟩] [*под*] у окна уже одетый, с папиросой в зубах. И, рассказав ей все, что знал о Пояркове, прибавил, немножко хвастаясь осведомленностью своей.— В то время именно он [был товар⟨ищ⟩ Яков] *работал под именем* Якова, а теперь он — Николай...

— Ты странный,— подумав и небрежно сказала [Нико⟨нова⟩] она.— Ведь я же говорю [совершенно другой человек] *о человеке, совершенно не похожем... на* твоего Якова.

[Самгин очень [скоро] быстро приучился говорить с нею вполне откровенно, как никогда ни с кем не говорил.] Она стала для него чем-то вроде ящика письменного стола, куда прячут *интимные* вещи [и бумаги [особенного] *особого* значения, которые не хотят показывать людям, те вещи], стала [уголком] *ямой*, куда он выбрасывал сор своей души [«помет души», как сказал Дьякон] [1]. [*Ему каз⟨алось⟩*] [*Он готов был признать, что Дьякон* [*прав*] *верно* [*на*] *сказал: слова — помет души*] [2]. Он не был уверен, что [Мария] *Никонова* понимает его [недоумения, волнения, замечает противоречия], но он видел, что *она* слушает [она] его всегда внимательно. Она редко прерывала его изъяснения [своими] вопросами и еще реже просила его:

— Повтори, я не совсем понимаю.

Он повторял, она удовлетворенно кивала головою, [в глазах ее све⟨тилось⟩] а глаза ее [темнели], *потемнев*, смотрели на него теплее, *сочувственно*, иногда — с явным удивлением.

— Мой брат [человек недалекий, [но] [честный] *но очень прямо⟨й⟩*] недавно прислал мне письмо с одним товарищем,— рассказывал он, не торопясь, стараясь обдумывать слова [и], как бы готовясь к защитительной речи.— Он — недалекий парень, брат, но — честный. Его очень потрясло [вол⟨нение⟩]

---

[1] *Текст*: Она стала для него ∾ сказал Дьякон].— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Ниже этих слов, на полях, помета*: Вст⟨авка⟩, *вставка отсутствует.*

крестьянское движение на юге и дикая расправа с крестьянами. [Все это он [видел, но] *сам на⟨блюдал?⟩*]. *Но все-таки*,— пишет он,— [все-таки] я не в силах возненавидеть тех, которые били, *потому что те, которых они били, тоже безумны, безумны до ужаса*. Это значит, что я, по натуре моей, не революционер. Революционер — человек, умеющий и способный ненавидеть, [пишет он] [*а кто же из людей даст*] *а у меня — нет этого чувства, я не могу думать, что зло внутри человека — а не вне его* [*пишет он и прибавляет*]. *Мне кажется, что драматизм жизни особенно возрастает и осложняется потому, что борьба за культуру поставлена неправильно: борются* [*прот⟨ив⟩*] *не против ошибок человека, а против его самого, тогда как он ведь не может не ошибаться, не может делать прав⟨ильных⟩ выводов из ложных посылок, а* [*это в* ⟨?⟩] *культура* [*1 нрзб.*] *— ложь*.

— Он — толстовец? — [тихо] *тихо* спросила Никонова.

— [Он] Был марксистом. Теперь он говорит, что закон жизни — эволюция, и никакие прыжки из *ада* необходимости в *царство* свободы все-таки не освободят человека, никогда не освобождали.

— Что же: *значит* сотрудничество классов, как у Струве? — *снова* и задумчиво спросила Никонова.

— Не знаю,— [сказал] [ответил] [*осторожно*] *сказал* он, все-таки *с привычной осторож⟨ностью⟩* избегая прямых ответов. [—Да, слова] Избегал, потому что [в нем] *в нем* и неожиданно для него возникало желание [тоже] возразить самому себе. В данном случае он хотел *шутя* спросить ее:

— А ты помнишь сказки о сотрудничестве волка и медведя с лисою?

Вместо этого он сказал:

[— Желание оправдать человека — [всегда] признак слабости.] [1] Брат хорошо понял себя: [же⟨лание⟩] его желание оправдать человека — признак духовной слабости. [Оп-
л. 147 равдывать,— значит *уже* — отказаться от борьбы. Революционер прежде всего политик, а в политике, как ты знаешь, нет места *для* морали.]

Подумав, он прибавил:

— Я нахожу, что моралист вообще — вымирающий тип.

Никонова утвердительно кивнула головою.

Да, «слова — помет души»; Самгин все более убеждался

---

[1] *Текст*: Мне кажется ∾ признак слабости.] — *перечеркнут синим карандашом*.

в этом, видя, что он [не говорит] не может сказать [Никоновой] этой женщине ничего такого, что своею силой или оригинальностью поразило бы ее, испугало, вызвало удивление или восторг. Он [заметил] *видел*, что *как бы помимо его воли* все его мысли, все фразы [возникают из одного] *сводятся к одному* желанию: примирить «да» и «нет» на каком-то третьем ответе, найти [третий путь] третью *позицию* между [револю⟨цией⟩] [войной] борьбой и миром. Иногда ему казалось, что Никонова как будто указывает ему [этот путь] эту *позицию* рассказами о бытовых идиллиях, о простенькой жизни простеньких людей, о их маленьком счастье. Рассказывая, она не замалчивала и маленьких драм, но [хотя] *хотя* они только оттеняли [сомнительную] прелесть тихой, примиренной жизни, Самгин все-таки не мог не видеть, [как] что эта прелесть равноценна пошлости.

— Тебе это нравится? — спрашивал он, усмехаясь.

— Разве я сказала, что — нравится? Я ведь только рассказываю, а не утверждаю.

И, вздохнув, [она сказала] заплетая косу на ночь, *она сказала*:

— [Надо знать жизнь] Жизнь надо знать.

Волосы у нее были [обильные] очень тонкие, мягкие, она причесывалась гладко, укладывая их на макушке и затылке *холмиком — это увеличивало ее рост.* Казалось, что волос у нее [мало] *не много*, но когда распускала косу, они покрывали ее спину или грудь почти до пояса и она становилась похожей на кающуюся Магдалину в чьей⟨-то⟩[1].

В ответ на жестокую расправу Харьковского губернатора Оболенского с крестьянами раздался выстрел Кочуры. Самгин видел, что даже люди, отрицавшие террор, втайне [довольны] *одобряют* этот, хотя и неудавшийся, акт мести. К нему пришел [И. П.] Митрофанов, грузно сел к столу и раздумчиво начал спрашивать.

— Кочура этот — еврей? Точно знаете — не еврей? Фамилия смущает. Рабочий? Мм. Так. Это я слышал. Однако — не понятно мне: как это [фабричный] *рабочий* своим умом на самосуд за обиду мужикам пошел? Наущение со стороны в этом есть, как будто бы, а? Или просто озорство? Рабочую стачку я понимаю, а вот эти пистолетные дела, как-то знаете... не объясняют себя.

Но, взмахнув головою, он закончил почти весело:

---

[1] *Фраза не дописана.*

— Впрочем — дело не мое. Я, так сказать, из патриотизма. Знаете, например, свой вор — это понятно, а, например, поляк — уже несколько обидно. Ты, поляк, у своих воруй. Да.

Уходя, он, кажется, искренно похвалил:

— Поляки — отличные воры, Клим Иванович, выдающиеся по всей Европе.

[Клим] Самгин рассказал этот анекдот Никоновой и похвастался:

— Он удивительно преданный мне человек. Он, конечно, знаком с филерами и предупреждал меня, между прочим, что они следят за мною, говорил и о тебе: подозрительная особа.

— Вот как? — воскликнула она.— Это — хорошо!

— [Что] Не правда ли?

— Очень хорошо, что около тебя есть такой человек. Ты его береги. Можно использовать более широко. Ты *не* попробовал уговорить его пойти на службу в охранное отделение? Я бы осторожно попробовала...

Она говорила так оживленно, что Самгин подумал: «[Все таки] *Странно, что* [*и*] в ней есть склонность к авантюрам. Романтизм.»

Жизнь шла все быстрее, становилась все более обильна событиями и *уже* [каждый день принимался] [*не* было пустых дней] каждый [из них] *день* чувствовался концом новой драмы. Тон либеральных газет становился все более ворчливым, споры политиков ожесточенней, лихорадочнее деятельность революционеров, и все чаще Самгин слышал слова:

— Нелегальный. Подпольщик.

Ему приходилось все чаще разъезжать по делам патрона и Варавки, [по количеству] *и* количество поручений, которые давали ему Алексей Гогин [и *очень* странный, очень мягкий человек Сазонов] и другие партийцы *убеждало* Самгина [1] [Самгин видел], как быстро растут их связи в Московской фабричной области. *Не забывая слов Кутузова о людях, которые «стремятся пережить драму, для того чтобы скорее насладиться идиллией»*, он [уже при⟨вык⟩] незаметно для себя привык исполнять эти поручения [без внутреннего протеста] почти с тою покорностью, как исполняли их *Любаша*, Никонова и даже с некоторым любопытством. У него было [множество] много интересных встреч, и одна из них особенно крепко легла в память. В [бойком городе] Шуе [ему нужно

---

[1] *В автографе осталось*: Самгин.

было] [*он должен был* передать письмо и пакет книг] поздним вечером к нему пришел [странный] человек, которому он должен был передать письмо и пакет книг.

— Петрусов, —[*тихо*] назвал себя человек этот, крепко схватив руку Самгина, и, раскачивая ее, [затем] объяснил: — Не Петр Руссов, а Петр Усов, Усов!

Был он [не ниже] среднего роста, [склад‹ный›] очень стройный, одет [в белую] во что-то *белое*, вроде [воен‹ного›] офицерского кителя, в сапоги до колен; лицо у него [было] бритое, с толстыми губами, глаза круглые, как у рыбы, и воспалены.

[— Значит — это вы?] [1] — спросил он, [садясь] *присев* на просиженный диван.— Очень рад. [А вы] Письмецо? Прелестно. Книжки? Превосходно-с!

Пакет книг он [опустил] положил на пол [и], ударом ноги задвинул под диван и, закрыв [один] *левый* глаз, внимательно осмотрел Самгина.

— [Правым] *Правым тоже* плохо вижу,— объяснил он [эту мину].— Приговорен врачами к совершенной слепоте, года на два хватит зрения, а затем погружаюсь во тьму. Преждевременно, [но] *а* — неизбежно, сам Тайров сказал.

Говорил он четко и так, как будто гордился тем, что [ослепнет] слепнет. Брови у него были густые, лохматые, волосы на голове торчали [вихрами дыбом] в разные стороны, но они не вились, а были прямы и, должно быть, очень жестки. Самгин подумал, что этому человеку не следовало бы бриться, но, представив его с бородою и в усах, решил, что *так* он, наверное, стал бы похож на гнома.

— Ну-с, расскажите, как вы там, в Москве? — И, не дожидаясь, стал спрашивать:

— [Юная] Буржуазия наша [республ‹иканскую›] конституционно-демократ‹ическую› партийку строит, да? [Хе-хе!] Не глупо и — пора! Пожелаем доброго здоровья инстинкту самозащиты [верно-с? так?]. Профессора и адвокаты преимущественно? — спрашивал он и, выслушав краткие ответы Самгина, утвердительно кивал головою.

— Разумеется — они! Ну, что ж,— пусть заработают для нас некоторые свободы — [слова, печати, собраний] ведь недурно бы, а? [2]

---

[1] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*

[2] *Возле этих строк, на полях, запись, не введенная в текст:* Различать факт и мнение о факте.

Но, [покачав] *закрыв оба* глаза и отрицательно качая головою, он уверенно сказал:

— Не заработают, нет! Кишка тонка. Без поддержки рабочих — ничего не выторгуют. А — стоит рабочим поддерживать, вы — как мыслите?

— Конечно — стоит,— сказал Самгин, [внимательно]
л. 150 присматриваясь к нему с и уже[1] зная, что пред ним неприятный тип чудака-человека. Не верилось, что он слепнет,— [гла⟨з⟩] хотя левый глаз его помутнел и как-то странно дрожал, но казалось, что Усов делает это нарочно, для вящей оригинальности.

— Значит — подвести их за левую ручку к власти, чтобы они дали [нам] правой ручкой в морду? Великодушно.

Он обвел Самгина взглядом, так что Клим почувствовал себя [как] *тесно* замкнутым в овальную рамку.

— Ну, а — как студенчество? — спросил он тоном экзаменатора.

Самгин [сказал, что] *осторожно и* суховато ответил [что по]:

— Мне кажется, что молодежь [стала] *становится* серьезнее [как бы старше своих лет, не так много пьет, как раньше] и не так легко верит.— Он сделал паузу и добавил, желая сказать неприятное.— Людей, которых политика отводит от науки, стало меньше.

Мохнатые брови Усова ощетинились и удивленно всползли вверх:

— То есть как это: отводит? Куда — отводит? Разве наукой вооружаются не для политики? Исключаю, конечно, субъектов, [самой природой] *самим строем* их [ума] *разума* обреченных на работу с микроскопом,— этим особая цена и счет особый. Цена — высокая. *Я, разумеется, знаю, что некоторая часть студенчества вопит: не мешайте учиться.* Но вообще думаю, что [Alma⟨?⟩] [университет] университет в лице его цивильных кафедр — военная школа, где [преподают] преподается главным образом наука командования пехотными массами. И, разумеется, всякая другая военная мудрость.

— Вы — служили в армии? — спросил Самгин.

— Именно. [Был] В чине рядового сто сорок четвертого Псковского полка, а до этого — был студентом третьего курса физико-математического факультета. [А по⟨том?⟩] По

[1] *Так в автографе.*

слабости зрения от военной службы отстранен и обязан жить *три года* безвыездно [на месте [рож⟨дения⟩] рождения] *здесь*, ⟨на⟩ родине, хотя профессор Умов убежден, что[1] родина моя — лаборатория.

— Скучно здесь? — спросил Самгин.

— Нет, скуки — не испытываю, но некоторые неудобства, например: за четырнадцать месяцев — два обыска [и], один арест и семьдесят [четыре дня] *шесть дней* тюрьмы.

Он крепко поскоблил пальцем бритую губу, несколько секунд молча и как бы издали разглядывал [Клима] Самгина, затем тоном приказания выговорил:

— Вы скажите там,— Гогину, что ли,— чтоб они присылали мне литературу чаще и больше. И чтоб ко мне не являлась [эта] *бестолковая* белобрысая дама,— [они] он знает кто. [Всех благ!] *А так же: фамилия моя Петр Усов, а не Петр Руссов и не Петрусов, как пишут [Книжки? Книжки] на конвертах.*

Он задвинул ногою пакет книг глубже под диван и сказал:

— *Этот пакетец [мне] коридорный возьмет.*— И — ушел, оставив Самгина в настроении очень неприятном.

«Вождь. Объясняющий господин. Как это символично, что он слеп»,— думал Самгин, глядя в окно на [чистенькие] купеческие домики, точно вымытые лунным светом.

Домики были двухэтажные, прочные и [точно шубами] окутаны садами, точно шубами. Земля под ними тоже, должно быть, прочная, а улица плотно вымощена булыжником, отшлифованным луною, похожим на человеческие черепа.

По тротуару величественно [плыла] плыл большой коричневый ком сгущенной скуки — пышно одетая, очень большая дама, ведя за руку мальчика в матроске, в фуражке с лентами; за дамой шел клетчатый человек в котелке и похожий на клоуна; он держал под мышкою трость и бесшумно сморкался в платок, дергая себя на нос.

Под небом без звезд было тихо, *скучно*, как бывает, кажется, только в русских уездных городах; [только] *лишь* в низу гостиницы щелкали шары биллиарда, и можно было думать, что это камни мостовой, от скуки, бьются друг о друга.

Самгин [нево⟨льно⟩] задумался о человеке, который слепнет в этом городе, вероятно, чужом ему, как иностранцу,

---

[1] *Текст*: Вы — служили в армии? ∾ убежден, что — *перечеркнут синим карандашом.*

потом представил себя на его месте и сжался, [как] *точно* от холода.

«Все-таки — мужественные люди,— *невольно* признал он, но, почувствовав, что изменяет себе, докончил: — Разумеется, эту скуку им не [преоборить] одолеть».

В день его приезда домой явился Митрофанов, почему-то одетый щеголем, даже в перчатке на [одной] *левой* руке, похлопывая себя другою перчаткой по бедру, он сказал с неприятной усмешкой:

— Пришел проститься, перевожусь в Калугу, а — почему? Неизвестно. Не понимаю,— сказал он, вздохнув.

— Это [очень] жаль, я [так] *очень* привык к вам,— *сказал Самгин вполне искренно.*

Митрофанов оглянулся, покачал головою:

— А я — просто полюбил вас, Клим Иванович,— тихонько и как-то жалобно выговорил [он] *Митрофанов.*— Вы для меня — муж разума, так сказать и... вообще — лицо! Завтра *утром* должен ехать. Есть в этом происшествии какая-то... засечка! Человек я — удачливый, пользовался благорасположением начальства и — трах! [Подозрителен мне этот каприз судьбы...]

Он [подумал] помолчал, соображающим взглядом глядя в стену, на портрет Щедрина.

— Начальник говорил: если б ты, Иван, знал иностранные языки, быть бы тебе помощником моим. Да. Я, знаете, даже стал французские уроки брать, в том расчете, что крупный вор, после удачи, обязательно в Париж едет. И — вот... Подозрителен мне этот каприз судьбы. Варвара Кирилловна на даче? — спросил он, вставая.— Передайте *ей*, пожалуйста, мою сердечнейшую благодарность, за ласку, за привет. Хотя полицейский агент — человек, защищающий *имущество и* жизнь граждан,— к нему относятся отчего-то хуже, чем к собаке. Странно-с, ей богу! — с горечью воскликнул он.— Ведь вот ученые *доктора* тоже, не щадя себя, исследуют тайны жизни для охраны людей, а, однако...

Махнув рукою, он робко попросил:

— Позвольте вас поцеловать?

Обнимая его, Самгин заметил, что круглые глаза Ивана Петровича умаслились слезами.

Да *и Самгину* было грустно проститься с Митрофановым, но — думать о нем не хватало времени. [Количество] Жизнь закипала все более бурно, количество раздражающих и обидных впечатлений быстро росло. Самгин видел, что молодежь

действительно становится старше своих лет, серьёзнее и [как-то] упрощенней, но не так, как бы он желал видеть ее.

[*Шел процесс расслоения студенчества по партиям, что*] [*Он видел, что идет*] [*Он не мог не видеть, что теперь уже первокурсники социально грамотнее, чем они были десять лет тому назад, и ему казалось* [*легко*], *что они слишком легко определяются как эс-эры, эс-деки, конституционалисты, монархисты.*] Люди на десять лет моложе его возмущали Самгина [той легкостью] [*быстротою*] *легкостью*, с которой [они] решались ими вопросы, мучившие его. Он был уверен, что его мучили именно теории, идеи.

[Человек?] [На его глазах происхо⟨дило⟩]

«Мальчишки», — мысленно негодовал он, и ему хотелось учить их, [обрывать] кричать на них. Но когда он пробовал делать это, он встречал горячий отпор и убеждался, что эти мальчики, недавно явившиеся из провинции или соскочившие со скамеек московских гимназий, — они *и эмоционально сильнее и даже* социально грамотнее [его], чем он. [Ими что-то] [Они много] [*Они уже много* прочитали, посчитали и с] [Он] *Самгин* видел, что они *уже* много прочитали *и* подсчитали, что их интересуют скучные вещи, которыми он никогда *серьезно* не интересовался, но все-таки ему казалась возмутительной [лег⟨кость⟩] быстрота, с которой студенты-первокурсники заявляли себя [социаль-демократами, социалистами-революционерами, консти⟨туциона⟩листами *1 нрзб.*] *эс-деками и эс-эрами.* Народились какие-то вундеркинды, один из них кружился около Варвары в качестве ее секретаря; это был [большеголовый] мальчик лет двадцати, [гладко ост⟨риженный⟩] высоколобый, гладко остриженный и вообще весь гладкий, точно налим. Как-то при нем Самгин сказал:

— Революционер прежде всего — общественный деятель.

Тогда этот налим, откровенно иронически усмехаясь, спросил бесцеремонно, даже дерзко:

— В интересах какого же общества действует эдакий революционер? Если в интересах классового, так почему же он революционер, а не контр-революционер?

Самгин [сделал] [его] *заговорил* с ним в солидном и даже строгом тоне, и это не смутило юношу; спокойно выслушав
л. 151 доводы Клима, он сказал, покачивая *очень* круглой головою:

— Не удивительно, если вспомнить, что задача наша — построение нового, а не ремонт старого.

Юноша носил фамилию — Властов, и на вопрос Варвары — кто его отец? — ответил:

— Я — вроде анекдота, автор — неизвестен. [У него был] Мать — умерла, когда мне было одиннадцать лет; воспитывала меня ее подруга, золотошвейка; тоже скончалась полтора года тому назад.

Самгина не мог не раздражать [*два*] *юноша, который* [*дерзко говорил*] *по поводу споров за границей* [*дерзко говорил*] *объяснял Варваре*:

— *В скрытой сущности своей это борьба реформистов с революционерами, т. е. борьба людей, которые* [*думают*] *говорят по Марксу, с людями, которые решили действовать по Марксу.*

Он был гибкий, [бойкий] видимо, очень сильный, *шагал твердо, как солдат* [*или человек, привыкший ходить пешком*], на его круглом [и], смугловатом лице [хорошо] [*ярко*] блестели [удлиненные] *темные* глаза, узкие, они казались всегда саркастически прищуренными. После нескольких столкновений с ним, Самгин спросил жену:

— Зачем тебе этот *юный* циник?

— Он очень деловит,— сказала Варвара [и усмехнулась] и, неприятно оскалив зубы усмешкой, прибавила: — Кумов не от мира сего [как-то]; он всё о духе, Кумов, а [этот] *Властов* ничего воздушного не терпит [материалист].

Кумов сшил себе невероятного покроя сюртук, отпускал бороду, двигался [машинально] осторожно, как слепой, и тихим голосом убеждал Варвару:

— Правы не те, которые идут к народу от Маркса и социализма, а те, кто идет к нему от Фихте и национализма, воплощающего в себе все [иде⟨альные⟩] духовные начала. Увлечение материализмом — [еще одна] попытка некоторой части интеллигенции найти для себя точку опоры вне народной стихии. Вы увидите, что победит идеалистическое течение.

[В] Самгин *не* чувствовал себя дома даже в своей рабочей комнате. [Его дом был у] *Настоящим, теплым своим домом он давно уже признал комнату* Никоновой. Там тоже были некоторые неудобства; смущал очкастый домохозяин [ненавидящим взглядом стеклянных глаз и упорным желанием сказать что-нибудь неприятное. Он всегда, как нарочно, торчал на дворе и говорил], *он, как бы поджидая Самгина, торчал на дворе и, встретив его, ненавидящим взглядом* [*стек⟨ол⟩*] [*через*] *из-под черных стекол очков, говорил*:

— Ноги надо вытирать, для того на крыльце рогожка положена. Затворяя калитку, поднимайте щеколду.

— [*Есть что-то*] *Чем это я ему так не нравлюсь? — спросил* [*Самгин*] *Клим Никонову,— она, пожав плечами, ответила.*

— [*Старик. Мне кажется*] *Я думаю — старикам вообще никто не нравится.*

В *ее* комнатке [Никоновой] было тесно, из сада доносился запах навоза, кровать была узка и скрипела. Он все чаще предлагал:

— [Право, Мария] Необходимо переменить квартиру.

— Для меня с милым рай и в шалаше,— шутила [она] *Никонова*, и это было единственное, в чем она [*долго*[не хотела уступить ему. [С нею было все так же легко и] [а уступила только на условии, что комната будет одна, объяснив:

— Неловко пред товарищами жить в двух комнатах.]

[С нею было все так же легко, [установилось] образовалось устойчивое равновесие отношений [она покорно и в⟨нимательно?⟩] Самгин [откровенно] говорил, она покорно и внимательно слушала.]

[*Жить с нею было все так же легко* [*как в начале*]] [*а*]. *Уже прошел почти год, а она не уставала внимательно и* [*покорно слушать*] *молча выслушивать* [*изъяснения Самгина*] *афоризмы Клима* [*о том, что не чел⟨овек⟩*] *на тему: суббота для человека, а не человек для субботы.*

— Каждый из нас свободен жертвовать или не жертвовать собою. И если даже допустить, что сознание определяется бытием, как они утверждают, [не имея к тому доста⟨точно⟩] [нельзя все-таки] [сознание еще не есть императив] [сознание не всегда претворяется как воля] [сознание далеко не всегда согласуется с волей] этим еще не доказано, что сознание согласуется с волей. Основное стремление воли — стремление к покою, гармонии. *Жизнь для* [*меня*] *человека только тогда борьба, если* [*я хочу этого*] *он хочет борьбы. Человек побеждает* [*тог⟨да⟩*], *приспособляясь, это* [*в сущности*] *доказано Дарвином.*

Он сам чувствовал, что эти измятые, издерганные мысли не удовлетворяют его, [они даже] [даже как бы не касаются его основной тревоги] и почти всегда они, против его воли, [влагались в формы, которые конфузили его] *подсказывали* выводы, с которыми он не решался соглашаться. Нередко у него возникало опасение, что Никонова, поняв эти выводы, перестанет уважать его, и он [спрашивал] внушительно говорил:

— Разумеется, я далек от [того] проповеди примирения.

Она молча, сочувственно [кивая] *кивала* головою [сказала: — Очень трудно понять жизнь] [В конце концов он видел, что эта женщина — [его] *хорошая*, *удобная* любовница [и сест‹ра›], относивша‹яся›. Он видел, что Никонова [*именно*] приспособилась к революционной работе, как [др‹угие›] приспасабливаются к педагогической деятельности, к [ремеслу, [швейно‹му? ›] торговому делу] *ремеслам*, как почтальон к разноске писем по запутанным улицам Москвы. Ему казалось, что всего более она похожа именно на почтальона. Она [что-то делала, честно, аккуратно и] служила «на побегушках» у революции без увлечения, но — честно, [аккуратно] *скромно*, «*беззаветно*»,— *как* [*говорят*] *говорится*. [«По сознанию долга, как *служу я*»,— решил он] «[*Странн‹ое›*] *Непонятное слово беззаветно*,— *подумал он и решил*: — *Служит по сознанию долга*».

Ее нельзя было сравнить с Любашей, которая [заражена] относится к революционерам со всею доступной ей страстью и *для* которой революционеры дороже, ближе революции; *конечно*, не сравнишь ее с Таней Куликовой — бездарной, безличной. [Самгин не знал, что именно она делает, она никогда не рассказывала об этом, но все-таки он догадывался, что Никонова имеет какое-то отношение к «технике» [или], *очевидно*, служит «для связи».] Ее [сдержанность] *конспиративность* удивляла его, даже внушала уважение. *В таинственной ее жизни была своеобразная романтика*, *и это тоже несколько подкупало Самгина*, *интересуя его*, *как книга*, *фабула которой искусно затемнена*. Когда он рассказывал ей о своих встречах с партийными людьми, Никонова слушала его как будто не *так* охотно, как она слушала [теоре‹тические›] философические размышления, [а когда] и лишь когда он сказал, что Усов просит не присылать к нему «бестолковую белобрысую даму», она спросила:

— Белобрысую? [Кто бы это может быть?]

Ему показалось, что она, *крепко сжав губы*, мельком взглянула на себя в зеркало.

Довольно часто и *почти* всегда неожиданно, *не предупреждая его*, она уезжала из Москвы на два, три дня, а иногда на неделю и больше. Случалось, что он, приходя к ней в назначенный час, не заставал ее дома, у него был второй ключ, он входил в комнату и там его всегда ждала записка.

«Не дожидайся» или «Подожди, скоро приду».

Как-то [ожи‹дая›] вечером, ожидая ее, Самгин [взял] открыл книгу [молодо‹го›] модного и неприятного ему ав-

тора, [открыл ее на странице] из книги вылетела [тонкая страница] *узенькая* полоска бумаги, должно быть оторванная от письма, бумажка была чистая, Клим поиграл ею и [броси‹л›] положил в пепельницу, а [затем] *потом*, закурив папиросу, бросил туда не погасшую спичку, край бумажки нагрелся, готовый вспыхнуть, но раньше, чем это случилось, Самгин схватил ее,— на лоскутке выступили буквы. Осторожно нагревая бумажку на *огне* спички, он прочитал бисерно мелкие строки «оводитель Усов, бывш. студент естеств., сданный в солдаты...» дальше симпатические чернила слились и прочитать [бы‹ло›] нельзя было, затем он разобрал: «Выскунского завода Андреев, учительница М. Ш. Лобачева *и* служащий гостиницы «Москва» фамилия»

— Ты—не осторожна,— сказал он Никоновой, когда она пришла, — вот видишь, что я [прочитал] нашел.

У нее потемнели глаза, она как-то ненужно взмахнула руками, говоря вполголоса, подавленно.

— Зачем же ты проявил? Это, знаешь...

Она успокоилась, когда он объяснил ей, как это случилось.

— Это *мне дали* сведения об арестах для [корреспо‹нденции› *1 нрзб*] корреспонденции за границу,— сказала она, сжигая бумажку.— Уже давно послано, не понимаю, как это я... [Это было еще [весною, после] в мае]

л. 152 — А тебя скоро зацапают? — спросил он, привлекая ее.

— Очевидно — вместе с тобой,— шутливо ответила она и задумалась, *присев на его колени*, положив голову на плечо его. В этот вечер она была особенно нежна с ним и как-то грустно нежна.

Изредка, но все чаще Самгин чувствовал, что ее примиренность с жизнью, ее покорность взятым на себя обязанностям передается и ему, заражает и его [спокойствием]. Он открыл в ней черту, родственную Нехаевой, [как та] Никонова тоже обладала способностью [смотре‹ть›] видеть людей откуда-то издали, маленькими и незначительными [пред чем-то].

— Ты [слышал] *знаешь*, что Щедрин пред смертью приглашал Иоанна Кронштадского?— *спрашивала она.* [Она была] Верила, что Страхов прав, обвиняя Достоевского в насилии над малолетней [[она с брезгливостью] [брезгливо и почти злорадно рассказывала о старческом романе Фета, [считала] *называла* Льва Толстого лицемером [и нередко] [почти всегда она] [почти каждый]], *знала много анекдотов о Л. Н. Толстом*,

эти анекдоты рисовали его человеком [*мелочным*] *позирующим, самовлюбленным*; вообще она очень много знала каких-то сплетен об умерших и живущих крупных людях, [хотя] *но она* рассказывала всё это *беззлобно*, [*как естественное и неустранимое*] равнодушным тоном [чужого] человека *из* [*другого*] *мира, где* [*пошлость считается естественной и даже обязательной и только через нее человек понятен, а*] *всё, что не пошло, вызывает молчаливое и подозрительное недоверие и* [*только*] *пошлость считается естественной, даже обязательной, только через нее человек и может быть понят.*

«Жестоко вышколили ее»,— думал Самгин, слушая анекдоты и понимая [*ее*] *пристрастие Никоновой к ним, как* [*наивно⟨е⟩*] *выражение ее ненависти революционерки к старому миру.*

[Возмущал ее только Лев Тихомиров, почти каждую его статью в «Мос⟨ковских⟩ Вед⟨омостях⟩» она отмечала:

— А этот ренегат [все] снова напечатал [какую-то пошлость] *статейку*... Удивительно живучий. [Несколько раз он замечал] Он не оспаривал ее отношения к людям] Ненависть [эта казалось] эту он считал наивной, но *не оспаривал ее*, [нередко чувствовал] *чувствуя*, что она *чем-то* родственна его отношению к людям, особенно к тем, [которых он] *которые* метят на роли «учителей жизни» [во⟨ждей?⟩] и вождей. [Чувствовал он также, что чем [больше] более растет количество прямолинейных юношей, подобных Властову] *Он видел, что с той поры, как появились прямолинейные юноши, подобные Властову*, [юноши, которых уже именовали «молодцами Ленина» *и* «бонапартистами», возросло и количество людей, подобных ему, Самгину] *яснее обнаружились* [и люди] люди, [которым] *для* которых безоговорочная [решительность суждений] *революционность* Усовых и Властовых была, очевидно, органически враждебна. Себя Клим не мог считать [похожим] таким же, как эти люди [или похожим на них], но он хорошо видел [что] нечто общее между ними и собою. И, размышляя [вслух] пред Никоновой, как пред зеркалом или над листом бумаги, он говорил:

— [Сторонники] *Ученики* Ленина несомненно вносят ясность в путаницу взглядов на вопрос [и роль рабочего класса] *о роли рабочей* партии [в Рос⟨сии⟩] у нас. Надобно ждать, что эта ясность [укажет [для многих] [многим людям]] *для некоторых субъектов*, «сочувствующих» революции, будет спасительна, потому что многие [сочувствуют, не отдавая] *не отдают себе полного* отчета в том, чему *и до какой степени*

они сочувствуют [и до какой степени]. Я вижу [среди революционеров] немало людей, которые участвуют в деле революции механически, [«по традиции» — такова] полагая, что такова «обязанность интеллигенции» [по *велен⟨ию⟩* совести]. И, перечислив участников революции по Кутузову, он сказал:

— Ленин — [*прозорлив*] *проницателен, он прекрасно* [*зна⟨ет⟩*] *понял, что необходимо обнажить и заострить идею революции так, чтоб она оттолкнула всё чужеродное. Я знаю только одного человека,* [*которым* [*идея*] *тактика Ленина глубоко понята*] *которым Ленин глубоко понят,— это некто Кутузов, ты слышала о нем?*

— Никогда,— сказала Никонова, отрицательно покакачав головою, сдвинув брови. [*— Я плохо помню фамилии.*]

Самгин, подумав, продолжал:

— Большинство людей — *жалкие* невольники жизни, счастлив тот, кто [может скры⟨ть?⟩], не понимая *этого* или скрывая это от [себя] *разума своего*, воображает себя *вождем и* творцом. [Я — не против вождей, в нашей анархизированной стране они — совершенно необходимы.]

Так он ходил вокруг самого себя, заботясь *уже* не столько о том, чтоб найти себе устойчивое место в жизни, как о том, чтоб подчиняться [ей] ее воле с меньшим насилием над собою. И, *все чаще* примечая, подозревая во многих [людях] людях — подобных себе, он [искренно почти] презирал, почти ненавидел их, может быть, потому, что боялся быть понятым ими.

[Поздней осенью у него.] *Зимою* у него была неприятнейшая встреча с человеком, о котором он почти забыл. [По делу о поджоге паровой мельницы Самгин приехал в один из уездных городов и вечером, сидя в номере плохонькой гостиницы, с негодованием просматривая новую книжку рассказов неприятного ему автора] [*озяб⟨нув⟩*] [*Самгин* [*лежал*] *только что приехал*] [*Самгин, скучая, сидел в гостинице одного из уез⟨дных⟩ гор⟨одов⟩*] Сидя в номере плохонькой гостиницы *одного из уездных городов, читая* [*дело*] *следствие, производи⟨вшееся⟩ по делу о поджоге* [1]. За окном бесшумно колебалась густая кисея снега, город был окутан белой тишиною. Внезапно в коридоре хлопнула дверь, пол заскрипел под быстрыми шагами, [распахнулась дверь [2] [в комнату Клима]] *комнаты Самгина*, и на пороге встал, приветственно взвизги-

---

[1] *Так в автографе.*

[2] *Слова ошибочно зачеркнуты.*

вая, торговец пухом и пером *в пестрой* курточке из шкурок сусликов, в поярковых сапогах выше колен. Усевшись на стул верхом, крепко держась за его спинку и стараясь понизить непослушный голос, Лютов [об⟨ъяснил?⟩] рассказал, что он явился сюда покупать рысака.

— Необыкновенной красоты конь!

Вошел кудрявый парень с благочестивым лицом, поставил на стол бутылку *настойки* янтарного цвета и тарелку моченых яблок.

— Еще чего прикажете?

— Исчезни.

Лютов стал еще более уродлив; поредевшие встрепанные волосы обнажали на черепе его [какие-то шишки] бугры; лысина, увеличив лоб, сделала глаза [его] меньше, острее, белки [приняли], *приняв* металлический блеск ртути, покрылись тонким рисунком красных жилок, а зрачки как будто потеряли форму [и], зазубрились, блестели еще безумней. [Щеки [тоже красные] [сильно] красные, вспухли подушечками] *Под глазами вспухли красные подушечки*, нос тяжело опустился к толстым губам, и можно было думать, что Лютов не подстригает редкие волосики усов и бороденки нарочно, для того чтоб подчеркнуть [неприг⟨лядную⟩] раздражающую неприглядность лица. Качаясь на стуле, развинченно изгибаясь, он весьма ядовито спрашивал:

— Ты что же не бываешь у Алины? Жена запрещает или мораль?

— [Нигде не бываю⟨?⟩] [Разумеется — не по⟨тому?⟩] Я [мало где бываю] *почти нигде ⟨не⟩ бываю*,— начал объяснять Самгин, несколько возмущенный бесцеремонным вторжением, но Лютов, не слушая его, паливая рюмки, ехидствовал, обнажив улыбочкой мелкие, желтые зубы.

— Моралисты, хех! Не плохое ремесло. Пей, это — на сливах, город славится сливами, моралист! Легко, брат, убеждать людей, что они — дрянь и жизнь их — дрянь; они в это тоже легко верят,— черт их знает, почему! [Вера эта не делает их лучше,— дудки! — так дешево и просто коня мерином не сделаешь! но] Именно эта их добродушная вера создает тебе и подобным репутации хороших людей. Ты не обижайся,— [дру⟨жески⟩] попросил он, дружески хлопнув Клима ладонью по плечу.— [Вы] Это я говорю для упражнения в остроумии. Обязательно, братец мой, быть остроумным, ибо — чем еще я куплю себе кусок удовольствия? Ну-ко, выпьем еще, влага, заслуживающая внимания.

Склонив голову к плечу, он подмигнул левым глазом и прошептал:

— «Жизнь для лжи-зни нам дана»,— заметь, что этот каламбуришко достигается приставкой к жизни буквы — люди! Штучка?

— Каламбур — плох,— сказал Самгин, Лютов, тряхнув головою, согласился:

— Очень плох.

Из всех людей, неприятных Самгину, Лютов был особенно неприятен, он [даже] вызывал *у Самгина* подозрение, что [ему исключит⟨ельно⟩] понимает Самгина лучше других, что
л. 153 ему исключительно нравится дразнить и раздражать именно Клима Самгина, что с ним он играет какую-то темную и злую игру [1]. Нельзя было понять, когда он говорит настоящее, свое, то, чему [он] верит? Но может быть на этот раз он скажет о себе больше, чем всегда? Самгин [напряженно слушая] *вспомнил ловлю сома*, [*бесприч⟨инный⟩*] *противный смех Лютова и хромого, вспомнил и подумал*: *«Больная, хитрая бестия»*.

А Лютов, выпив еще рюмку, взял яблоко, скептически посмотрел на него и, бросив на тарелку, шумно вздохнул.

— Ты — пей! Не корректно быть трезвым, когда собеседник пьян. Выпьем, например, за женщин, продающих красоту свою на растление мужеподобным скотам!

Он возгласил это [с театральным восторгом] театрально и даже взмахнул рукою, но лицо его выдало фальшь слов, оно вдруг обмякло, оплыло, ртутные глаза прекратили свой трепет, казалось, что слова тоста обожгли Лютова изумлением и даже испугали.

— Это я — так, сболтнул,— забормотал он, глядя в угол.— [Тут — катастрофа... это я о Макарове] *Это — Макаров* [*просве⟨щает⟩*] *внушает...* Он — [зверь, наивный зверь...] заяц, он в каждой вороне [чувствует] *видит* [*ворона*] врага. Женщина — враг, хех...

Обеими руками схватив руку Самгина у кисти и локтя, притягивая, наклоняя его к себе, он зашептал:

---

[1] *Зачеркнув синим карандашом в этой фразе слова*: Из всех людей ∾ что [ему исключит⟨ельно⟩] — *Горький на полях написал*: Самгин подозревал, что Лютов понимает его лучше всех других и поэтому нарочно дразнит и раздражает [его, что именно он его хочет], хочет поймать [в] [петлей], разоблачить [Именно Лютов чаще всех других людей [вызывал] [будил] в Самгине], вообще играет какую-то темную и злую игру.— *Запись эта не введена в текст и, видимо, сделана при обдумывании следующей редакции.*

— Почтеннейший страховых дел мастер,— вот забавная штука: во всех диких мыслях [и уродствах жизни] скрыта некая доза истины и от столкновения с нею нельзя застраховаться. Пилат, болван, должен был знать: истина есть игра дьявола. Вот это и есть основная истина, распутная и плодовитая мать всех истин, первопричина идиотской, тревожной бессонницы всех наших умников.

Захлебнувшись словами, он дал Самгину время сказать [сердито]:

— Изломанный ты человек, человек из сумасшедшего дома Федора Достоевского...

— Нет,— серьезно? — взвизгнул Лютов и засмеялся дробным смешком.

— Тебе лечиться надо от пьянства...

— Так, значит — из Достоевского? Ну, это — ничего! Спасибо. А то, видишь ли, есть сумасшедший дом Михаила Щедрина...

— Заврался ты,— сказал Самгин, понимая, что говорит с грубостью, не свойственной ему, но не находя иной формы для своего раздражения.— И зачем все эти выверты, причем тут Щедрин?

— Не понимаешь? — удивился Лютов и с сожалением воскликнул: — Ах ты, нормалист, моралист. Ведь надобно одеваться прилично, этого требует уважение к себе, а трагические лохмотья от Достоевского украшают нас приличнее, чем сальные халаты Щедрина,— понял? Хех...

Крепко вцепившись в руку Самгина, он говорил посмеиваясь, подмигивая, а [Клим] *Самгин*, напряженно слушая, ждал момента прервать его болтовню и копил резкие, уничтожающие слова.

«Поссорюсь с ним. [Навсегда]»

Но Лютов вдруг как будто отрезвел и заговорил более спокойно, не так крикливо:

— А — хорошие подзатыльники дают самодержавцам эс-эры. Э? Молодцы! [Гуманизм].

Он оттолкнул руку Самгина, выпил и, крякнув, [повторил] *продолжал* [— Молодчага] еще тише, трезвее:

— «Зубы грешника сокрушу»,— угрожал Иегова и ведь знаешь — царства сокрушал. Ты как думаешь, которая из двух партий скорее заставит царя дать конституцию?

— Здесь — не место говорить об этом,— строго заметил Самгин.

— Почему? Кто же здесь [понимает] *знает*, что такое кон-

ституция и с чем ее едят? [— Ерунда!] Нет, ты скажи: что скорее воздействует — стачки или подзатыльники?

И не ожидая ответа, спросил:

— А — слышал ты: будто в Петербурге какие-то хлысты, анархо-теологи, [черт⟨и⟩] вообще — черти не нашего бога, *что-то вроде* цезаропапизма проповедуют,— слышал? Это, брат, замечательно! Это очень дальновидно,— шептал он, сделав серьезное лицо.— Попы — *люди* чисто русской крови — должны [у на⟨с⟩] сказать свое слово! Они — скажут, увидишь!

И, наклонясь к Самгину, обдавая его теплым и душным запахом вина, он зашипел:

— Начинается — понемножку — организация антисоциалистических сил, начинается! Знаешь, кто действительно прозорливый человек? Ленин. Он — всё видит. [На него кричат: диктатор, бонапартист, хочет навязать партии свою волю.] Немедленно [учёл] понял значение зубатовщины и понял, что рабочему, да и вообще русскому народу, необходим вождь... Сун-Ят-Сен. Не *Фома Мюнцер, не* Бебель — понимаешь? [а именно Сун-Ят-Сен. Диктатор.]

— Какая ерунда,— сказал Самгин,— Лютов *покачнулся и* толкнул его в плечо.

— [Он видит: начинается организация антисоциалистических сил] Именно — Сун-Ят-Сен. [Не Фома Мюнцер и так ⟨далее?⟩.— Он тихо] — И с великим жаром Лютов снова заговорил [об организации] [*о попытках буржуазии*]:

— Буржуазия *тоже* понимает требования момента — организуется. Правильно? Только идиот может не понять, чем грозит тактика Ленина...

Через минуту, две Самгин думал, что этот притворившийся пьяным человек [тупо стоящ⟨ий⟩ ⟨?⟩] [внезапно] завел беседу о политике с целью испытать его, что-то выведать [может быть, даже испугать или чем-то успокоить себя] *или чем-то испугать.* Клим слушал молча, а Лютов, как бы подтверждая его догадку, [вдруг] снова опьянел [бестолково заговорил: об идеалистах].

— Притворяются идеалистами... Онан, *сын Иуды*, тоже был идеалистом [*отказываясь*] [отказался оплодотворить женщину.— Он ушел, оставив Самгина под впечатлением кошмара и ⟨Самгин⟩ провел ночь в подавляющей тишине, [которая как бы] *она беззвучно* нашёптывала памяти тысячи и тысячи [слов, [общая цель] холодных и безумных, пламенных и злых, все они] *слов.* Холодные и безумные, пламенные

и злые слова имеют одну общую им цель, и невольно несколько раз ему вспоминалась спокойная решимость Кутузова, который]. [*Он смутно, невольно понимал, что эти марксисты*]

[— Иди, пора спать,— сказал Самгин, помогая ему дойти до двери.]

— *Аристократишки дорожили семенем своим и — выродились.*

Наконец он встал; [*но*] *пьяные ноги не держали его, он оперся ладонью о стол, задел тарелку пальцами, два или три яблока скатились на пол.*

— [*Ни черта*] *Ничего ты не понимаешь, м-моралист,—* [*сказал*] *шепнул он, грозя пальцем Самгину.—* [*Вы ни черта не понимаете. Ленин понимает*] *В России нельзя жить, не веруя в чёрта, в дьявола... —*

— Плохой ты актер,— сказал Самгин, тоже вставая; несколько секунд они смотрели друг на друга, как бойцовые петухи, потом Лютов выпрямился и довольно твердым шагом [пошел к двери] ушел, оставив за собою запах водки [и], квашеных яблок и впечатление кошмара.

Самгин [подошел] открыл форточку; в *подавляющей* темноте беззвучно колебалась густая пелена снега, создавая впечатление [распадающейся] ткани, которая распадается на мелкие клочья. Клим глубоко вдыхал сыроватый и как будто теплый воздух, [тишина] а шорох снега, [еле] *едва* различимый, нашёптывал [памяти] *в* память его тысячи и тысячи [разнообразных] разноголосых, *разноречивых* слов.

л. 154 Вслушиваясь в [их] шелест, он подумал, что [все они] [*этот снег слов, этот пыльный вихрь*] *эти снежные и пыльные вихри слов*, в сущности, имеют одну цель — прикрыть разлад, *засыпать* разрыв человека с миром [в котором он живет, примирить противоречия].

«Недостижимая цель,— решил он, вздохнув, глядя, как ослепленно мигает *взвешенный* в снегу [фона⟨рь⟩] огонек фонаря [у [двери гостиницы] [*крыльца*]]пред гостиницей. Недоступная цель,— *думал он,—* человек навсегда [жертва] пленник действительности и жертва́ ее. [Идеалисты правы] Шопенгауэр — прав».

Он тотчас же вспомнил спор Властова с Кумовым.

— Тайна? — переспросил Властов, *саркастически* измеряя Кумова женскими глазами.— [Тайны изучает наука] *Непознаваема, говорите? Если б я был склонен к фокусам*, я мог бы ответить вам, что если она непознаваема, это значит,

что [на] *наука уже* познала ее как таковую. [Но я этого не скажу, потому что не терплю словесных пошлостей] [*Но так как наука*] *Но наука не послушна Дюбуа Реймону* [*с его игнорабимусом*], *она не признает непознаваемого, а только — непознанное.* [Тайны, о кот⟨орых⟩.] [А то] *Познание, о котором вы говорите, это фабрикация словесных пошлостей* [*т. е. ваши тайны — древние пошлости, которые вы неудачно пытаетесь формулировать новенькими словами*]. *Настоящие ценности создаются из материала научного опыта,* [*а все остальное*], *а творчество* [*индивидуалистов*] *идеалистов — фальшивая монета.*

«Мальчишки,— *сердито* подумал Самгин, закрывая форточку.— [Старенький мальчишка, без пафоса.]» Да, эти Властовы, Усовы и подобные им преждевременно постаревшие юноши, люди цифр и чисел, веса и меры, люди, называющие себя [больш⟨евиками⟩] революционными марксистами, плодятся, множатся и говорят командующим тоном познавших все тайны [Стал⟨киваясь⟩] жизни. Что особенно раздражало и даже оскорбляло Самгина, *что эти люди не замечают его, не* [*хотят*] *умеют оценить.* Сталкиваясь с ними, он всегда чувствовал, что они считают его человеком чужим для них и вообще лишним. [Он уже] И незаметно для себя он уже давно был сдвинут ими с позиции [человека] человека солидного, осведомленного, способного поучать, с позиции, котордя все-таки несколько [утешала] тешила его самолюбие. Теперь он играет роль подчиненного, роль покорного слуги. Он вспомнил, [что] *как* Варвара сказала, защищая Кумова:

— Декаденты не менее революционеры, чем вы, марксисты.

«С этим можно согласиться, если не забывать, что химический процесс гниения — революционный процесс. И поскольку декадентство есть признак разложения буржуазии, все эти «Скорпионы» и прочие — как их там зовут? — они [вольют] льют стихотворную и прозаическую воду на нашу мельницу...»

[Раздеваясь на ходу, Самгин] Шагая по комнате и раздеваясь на ходу, Самгин раздавил квашеное яблоко, поскользнулся и [ощутил как бы], *как бы* ощутив удар мягким, [вдр⟨уг⟩] обессилел. Стоя среди комнаты, он смотрел, *брезгливо сморщив лицо, через очки,* на раздавленное яблоко, испачканный ботинок и чувствовал [физ⟨ическую?⟩] приступ физической тошноты, и память безжалостно подсказывала [слова Кумова] бесчисленные афоризмы.

«Убивать надобно не министров, а предрассудки так называемых культурных людей»,— говорил Кумов, прижимая руки к сердцу, а рядом с этим вспомнились слова Татьяны Гогиной:

«История *революции* в России — сплошной диалог, изредка прерываемый выстрелами пистолетов и *несвоевременными* взрывами бомб».

После нескольких месяцев тюремного заключения [*она* [*ожидала*] *жила, ожидая приговора*] *ее ожидала ссылка «в места не столь отдаленные». Она стала скромнее одеваться и остригла свои пышные волосы.*

— Окончательно постриглась в революцию,— иронически сказала о ней Варвара.— [*Сии ⟨?⟩*] *Ох, не люблю я* [*этих*] *«пострадавших за народ».*

«Как отвратительно, [как] фельетонно умны все они»,— думал Самгин, пытаясь снять испачканный ботинок [без помощи рук], *но боясь испачкать руки.* Ботинок *упрямо* не слезал с ноги, точно прирос к ней. В комнате сгущался кислый запах. Было уже очень поздно [и не хотелось], позвонить, чтоб пришел слуга *и* вытер пол,— не хотелось. Не хотелось видеть человека, все равно какого. Согнувшись, снимая ботинок, Самгин выпачкал пальцы и, глядя на них, вдруг вспомнил раздавленного толпою Диомидова, его крик:

— «Каждому — свое пространство!»

Клим подумал, что этот юродивый хитрец нашел [себе] «пространство». Он живет в Марьиной роще, проповедуя «трезвую жизнь» и... «углубление в Духа святаго», *он уже известен, его слушают десятки, может быть, сотни* [*людей*] [*ремесленников, железнодорожных рабочих, огородниц, мелких служащих*] *людей.* Варвара и Кумов уговорили Самгина сходить послушать его, и тихим вечером июня Клим видел Диомидова на задворках деревянного двухэтажного дома, на [*новеньком*] крыльце [[новень⟨кого⟩] флигелька, прислонившегося к *бревенчатой* стене какого-то амбара. Флигелек был обряжен] *маленькой пристройки. Пристройка в два окна, с крышей на один скат, обряженной* заплатами из свежего теса, *с красной* трубою, недавно сложенной и еще не закоптевшей, [прислонился] *прислонилась к высокой* бревенчатой стене какого-то амбара,— стена, серая от старости, немного выгнулась, *не то* — заботливо [прикрывая] *накрывая* пристройку, не то — готовясь обрушиться на нее. Крыльцо было новенькое с двумя точеными колонками, прикрыто на два ската, [в угольнике] под крышей его было намалевано голубовато-

серой краской *треугольное* пятно и над ним — белый голубь, похожий на курицу. Диомидов в *длинной* голубой рубахе и *черном* жилете, *в суконных шароварах и ярко начищенных сапогах с голенищами гармоникой* сидел на стуле на высоте трех ступенек и, длинноволосый, [с прямым пробором], с Христовой бородкой, был похож на икону в киоте. На дворе *тесно* [стояло и сидело с полсотни народа, серая] *стояли и сидели* [его ученики, человек пятьдесят], и он говорил им, наклонясь [вперед, разводя руками], *размешивая воздух правой рукою*, а [левой *взмахивая кистями пояса*] *ладонью левой шлепая по колену*:

— Было время, когда дети рождались без плотских сношений [мужчины с] *женщины* с мужчиной, а дух святой оплодотворял тело женщины.

Голос его [*звучал незнакомо*], *раньше бесцветный, встревожный, теперь* [*он стал*] *выговаривал слова* [*резко*] *уверенно*, [*подчеркивая каждое*] *тоном человека* [*хвастли*⟨*вого*⟩], *читающего* [*недавно*] *заученное им недавно и хорошо.* [*Самгин почувствовал в нем нечто властное и хвастливое.*

— В Библии рассказано, что *к* человеку из племени Данова [именем] *по* имени Маной, имевшему неплодную жену, явился ангел, и неплодная зачала и родился Самсон, человек великой силы, разодравший руками пасть львиную. Так же зачат был и Христос,— от духа божия. И — многие так.

Проповедь Диомидова, как и все проповеди, не интересовала Самгина, он [внима⟨тельно⟩] присматривался к людям; их было человек пятьдесят, [по запахам кожи] большинство, очевидно, ремесленники. *По крайней мере половина женщин; грязные, должно быть,— огородницы, одетые почище,— должно быть, мелкие торговки, прислуга без работы* [1].

Лысый, остробородый человек, сидевший на [ящике] дровах рядом с Климом,— конечно, сапожник, от него исходил запах кожи и ваксы. [Выс⟨окая?⟩] Толстая женщина лет сорока, вздохнув, сказала лысому тихонько, но густым голосом:

— От кого не зачни, а дитё кормить надо.

Лысый утвердительно кивнул головою.

— *Откуда горе, откуда всякое зло жизни нашей?* — *спрашивал Диомидов, подняв руку в молочное небо.— От вожделений плоти, от жадности на пустяковые забавы, на удовольствия. А чего они стоят — забавы наши, когда плоть смерти*

---

[1] *После этих слов — знак вставки, вставка отсутствует.*

осуждена, дух же бессмертен? Все мы смертию умрем, и мы, и жены, и дети наши, земная жизнь — коротка и нет в ней утешения для нас.

Впереди Самгина сидел на земле [смазчик [поездов] вагонов] выпачканный нефтью *смазчик* в плотной шапке нечесанных волос глиняного цвета, он курил махорку, затягиваясь, кашлял и вертел головою, не зная, куда плюнуть. *Плюнув в руку, он вытер ладонь о промасленные штаны и сказал* [*соседу, сто‹ящему?›*] *седоволосому соседу* [*в огромной*] *в пиджаке, лопнувшем на спине по шву.*

— Яков опенками отравился, в больницу отвезли,— слышал?

— С ним всегда что-нибудь,— сипло ответил седоволосый.— За ним горе тенью ходит.

— Душа сытая соты медовые [поносит] *ругает*, душе голодной и горькое сладко,— сказано в притчах Соломоновых,— говорил Диомидов, [обводя глазами] медленно поворачивая шею; его серое лицо опухло, казалось мягким, как тесто, [выцветшие глаза] [1] *не мигая* смотрели на людей сверха [вни‹з› глаза очень строго]. Густо-голубые [но цвет их поблек, глаза светились холодно и строго] *глаза* [*его*] *Диомидова выцвели, взгляд их был холоден, строг и, притягивая внимание людей*, заставлял [людей] *их* [слушать его] смотреть на него. [Самгин все] Все более редко слышал Самгин [ворчливые] голоса вокруг себя, и [молчание [становилось] уст‹анавливалось?›] [видел что] внимание [слушателей] к словам проповедника заметно напрягалось.

— А еще вреднее [человеку] плотских удовольствий — забавы распутного ума,— говорил Диомидов и голос его звучал все громче.

Варвара *и* Кумов [и еще какой-то очень высокий [юноша] человек в сером, узком пальто, застегнутом на все пуговицы] сидели на скамье [по] у *ступеней* крыльца. Варвара наклонила голову, и лица ее не видно, а Кумов, прищурясь, смотрел в мутное, белесое небо, откуда на двор [еще‹?›] падал *неприятный* рассеянный свет, утомлявший зрение. Третьим на скамье сидел очень длинный и тонкий человек в сером узком пальто, застегнутом на все пуговицы. Сидел он прямо, неподвижно, *засунув руки в карманы пальто*, лицо
л. 155 у него было [белое, точно напудрено, как у клоуна] *длинное, белое*, светлая бородка еще более удлиняла это *странное*

---

[1] *Слово зачеркнуто по ошибке.*

лицо, издали оно казалось напудренным лицом клоуна [и на], большие и *темные*, широко открытые глаза [делали это] его ослепленно смотрели в сторону Самгина.

«Тоже, вероятно, юродивый»,— подумал Самгин.

У стены стоял с папиросой в зубах молоденький, розоволицый околоточный надзиратель, похожий на переодетого студента первокурсника, он заботливо разглаживал перчатку и уже раза два, отвернувшись в сторону, приложив ее ко рту, надувал так, что перчатка принимала [пухлые очертания] форму живой, пухлой руки.

— [Хорошо] *Интересно* говорит,— вздохнув, заметил сосед Самгина, покачав лысой головою.

— И вот студенты, и разные недоумки,— *говорил Диомидов еще более наклонясь вперед, как бы готовый броситься в густоту людей пред крыльцом*,— медные головы, честолюбцы и озорники *и — все*, кому [ничего] *не* жалко вас, напояют голодные души ваши, которым и горькое — сладко, скудоумными выдумками о социализме каком-то [и], внушают, что, дескать, была бы плоть сыта,— в этом и счастье [людей] для вас. Нет! .. Врут...

Самгин, ощутив [приятный] холодок удивления, привстал, оглянул людей, [ему] показалось, что их стало больше, они сгрудились теснее и всею массой тел своих подвинулись ближе ко крыльцу, даже как будто шеи стали *у всех* длиннее *и заметней головы*. Эта небольшая, плотная толпа вызывала впечатление безрукости, руки [где-то] *ее* были скрыты, спрятаны где-то в лохмотьях одежды, за пазухами, в карманах. Казалось также, что [они], намагничивая Диомидова [своим] молчаливым вниманием своим, [*толпа*] *люди* притягивают его к себе, [и] а он постепенно [спускается, скользит] *скользит, спускается* к [ней] *ним, у него дрожали колени, а руками он тыкал в воздух судорожно*, [*как*] *точно пытался оттолкнуть от себя что-то.* [*Было* [*нечто*] *что-то мрачное*] [*Во всем этом,— в тесной куче* [*наро⟨да⟩*] *людей, в стареньких* [*постройках*] *службах бревенчатой, вытянувшейся стены амбара, в* [*кривых*] *двух линиях окон*]

Варвара тоже привстала, опираясь на плечо Кумова, Самгин видел лицо ее в профиль, она как будто смеялась или шептала, *быстро* говорила что-то. Человек с белым лицом улыбался так, что углы рта приподнялись и рот принял форму полукруга. Околоточный, выпрямясь, выгнув грудь, сдвинув брови, хлопнул перчаткой по [рук⟨е⟩] ладони и молодым баском сказал громко

— О политике — нельзя! [Забыл?]

— Разве я — о политике?— звонко, почти визгливо крикнул Диомидов, [подскочив] *сорвался* на стуле [1] и встал на ноги [скрипнув сапогами].— Как вы не понимаете? Не политика это, а ложь. [Смятение это] [*Мне разрешено*]. Я — жаловаться буду! [Что вы мешаете мне!..]

— Рассердился,— отметил лысый, усмехаясь, [и] его усмешка показала Самгину, что нос [у] лысого уродливо велик и к тому же кривой.

— [Не могу разрешить] *Прошу прекратить*,— настаивал околоточный, размахивая перчаткой.

— Дурак,— сказал лысый, смазчик обернулся к нему, дохнул дымом, закашлялся и, ничего не сказав, махнул рукою. [Публика] Люди глухо ворчали, шевелились, плотность их редела, несколько человек [пошло] *уже двинулось* к воротам. Варвара, Кумов и еще трое каких-то прилично одетых людей, окружив околоточного, притиснули его к стене, он стал невидим Самгину, а Диомидов, [подскакивая, размахивая руками, кричал:

— Законы беззаконие защищают,— ведь вот что выходит, *шельма* братья!] *наклонясь через перила крыльца, раздраженно взывал*:

— *Объясните ему...*

Вежливо гудел мягкий басок полицейского, [*легко*] *покрывая ропот людей окружавших его*:

— *Не могу-с!... Это — безразлично*: *он будет нападать, другие станут опровергать,— нельзя!... Полемика* [*тоже*] *та же политика. Понимаю, но — мы должны охранять порядок. Что-с? Прошу верить*: *у меня нет никаких сомнений, но Семен Петрович человек пламенный и возбуждающий страсти...— инструкция...*

— Хорошо говорит,— [сказал] *вздохнул* лысый. Толстая женщина, тяжело поднявшись на ноги, проворчала громко:

— Бабники все хорошо говорят.

Лысый, глядя на ее огромный живот, ухмыльнулся, игриво спросил:

— Разве бабник? [— спросил смазчик, ухмыляясь.

— [А то нет?] *Так вас и надо*,— сердито сказала женщина и пошла прочь, расталкивая людей животом]

---

[1] *Незавершенная правка.*

[*Врет она,— сказал смазчик.— А* [*околоточный*] *околоток этот* — [*сволочь*] *хитрый, Концевич его фамилия. Он это нарочно запрещает: не окажется ли в народе защиты* [*социалистам*]*? Намедни один сунулся защищать, а его и заграбастали в*]

— Врет она,— сказал смазчик, свертывая бумажку трубочкой.

— Заплатил ты мне, чтобы я врала? — [сердито [крик⟨нула⟩] спросила женщина и пошла] [1] прочь, расталкивая людей животом.

— Околоток этот молодой, а — хитер,— [впол⟨голоса?⟩] закурив и сплюнув, сказал смазчик.— Нарочно останавливает, [чтоб знать, нет ли защитников] чтобы знать: нет ли [кого] *каких* [защитников] *говорунов*: намедни один [скорняк] *какой-то* вмешался, он его сейчас же заграбастал и в участок.

[Лысый покосился на него, [достал] *тогда смазчик достал* из кармана фуражку, накрыл ею лысину и тоже отошел] Лысый [молча] искоса взглянул на него, на Самгина, достал из кармана смятую фуражку, прикрыл ею лысину и посоветовал:

— Ты вот с барином потолкуй.

Толпа редела, [казалось что] молча подвигаясь за угол дома, к воротам, *оглядываясь на группу людей у крыльца, околоточный шел вслед за людями, точно пастух.*

Самгин [прошел к] [подошел] [1] к ступеням крыльца и услышал, как Диомидов, [перегнувшись] опираясь руками о перила, говорит Варваре с удовольствием, точно повторяя *любимую* [строчку] строку стиха:

— Совсем, совсем с ума сошел! Да. Живет, из милости, у скорняка на [Божедомке ⟨?⟩] Земляном валу. Идет ночью по улице,— бормочет: «Умри душа моя с филистимлянами». Самсоном себя изображает... Ну, прощайте, прощайте, некогда мне...

Он круто повернулся и исчез в узенькой двери, сильно прихлопнув ее за собою.

— Ты слышал? — спросила Варвара.— Дьякон с ума сошел. Но как тебе нравится этот?

Кивнув головою на [дверь] крыльцо, она [остановила на лице] *посмотрела в лицо* Клима, иронически прищурясь. И, не дождавшись ответа, сказала:

---

[1] *Слова ошибочно зачеркнуты.*

— Позволь представить: Калугин Яков Петрович [поэт].

[Поэт] Пожимая руку Самгина костистой и холодной рукою, *но не глядя на него*, *Калугин* говорил Кумову:

— [Смещается верхний слой,— так и надо] Делающий, это — верующий, что же способна делать интеллигенция, лишенная силы веры? И вот она смещается...

Варвара предложила [скорее, пока еще не совсем зашло солнце, ехать] *ехать* на Воробьевы горы, пить чай. Самгин отказался. Он чувствовал себя [все более] *настолько* неловко *и даже тягостно* с нею, что уже [не однажды] [несколько раз] задумывался: [а] не сказать ли ей о Никоновой? Но Варвара жила какой-то своей, должно быть, очень [интересной] *веселой* жизнью, она *равномерно* благодушно [*и равномерно*] насмешничала над идеалистами, материалистами, у нее как-то выпрямился рот, окрепли губы [и в зеленоватых глазах [вспыхи⟨вали⟩] явились хитренькие искорки]. Она стала много *и вкусно* кушать, полюбила рестораны и недавно купила [очень] *на аукционе* очень дешево и хорошо продала большую партию книжной бумаги. Самгин видел, что он не мешает ей жить и все более [привыкал] *сживался* с Никоновой.

[Он встал со скри⟨пящего?⟩] [Восстановив в] Вспомнив сцену проповеди Диомидова, он почувствовал себя отдохнувшим от *пьяной истерики* Лютова и встал, чтоб погасить лампу. Синий огонек ее долго *и* упрямо [и жалобно] мигал, прежде чем погаснуть, потом, во тьме, обнаружилось мутное пятно окна, оно было похоже на широкое *сырое* полотенце, развешенное на стене, и колебалось. Удачно перешагнув через [лужу] раздавленное яблоко, Самгин [сел] лег на [койку, прислушался, за⟨крыл⟩] пост⟨ель⟩, закрыл глаза, но несколько рюмок водки, выпитой им, мешали уснуть. За окном пошевеливался ветер, [гладил мохнатым] шаркал снегом о стекло, вздыхал, размахивая желтоватым отсветом фонаря.

л. 156 Никонова — настоящий, нормальный человек. [Это —] Женщина для крепкой дружбы, для спокойной жизни. В душе у нее — не много, как в палисаднике, [но все любовно взрощено, про⟨чищено?⟩], цветы — скромные, но взрощены любовно. Странно, что в ее монашеской комнате нет цветов и нет никаких украшений. На полу перед постелью — очень [трогательный] дешевенький, выцветший коврик. Трогательна [ее при⟨вычка?⟩], хотя и смешна немножко ее манера [бережно] как-то особенно бережно укладывать груди в лиф.

[Груди у нее для ребенка] Вероятно, она бережет их для ребенка. Было бы неплохо иметь ребенка от нее, [этот] он укрепил бы связь...

Несомненно, что она [очень] много работает, товарищи, кажется, довольно безжалостно гоняют ее. *Она все чаще уезжает, то — в Нижний, то в [Екатеринослав] Тверь, в Орехово-Зуево...* Но она — осторожна [ловка⟨?⟩] *и никогда не рассказывает, зачем ездила. Впрочем, он и не спрашивает ее об этом. Удивительно ее спокойное отношение к арестам,* [*в этом*] *это — спокойствие человека, непреложно верующего в победу.*

Тут Самгин вспомнил о [запис⟨ке⟩] куске бумажки, найденной им в книге и проявленной. Оказалось, что ее сведения не верны: Усов не был арестован. Но, когда он сообщил ей об этом, она не удивилась.

— Да? — спросила она, повернувшись к нему спиною, открывая верхний ящик комода.— Но [ошиблась не я, а тот] *это не моя ошибка, а того*, кто дал мне [эти] сведения. Не помню, кто это.

Засыпая, Самгин благодарно подумал:

«Она примиряет меня с жизнью, *да*, вот чем я ей обязан. *И* если б не она, я [думаю] не так легко [и охотно] содействовал бы работе *по* организации партии. А ведь я все-таки не мало помогаю»,— решил он вполне убежденно [1].

В день объявления войны с Японией Самгин был в Петербурге, сидел в ресторане на Невском [и], смятенно [размышляя] [*однако и не без некоторой доли злорадства*] воскрешая в памяти неожиданную встречу с Лидией. Час тому назад он [стоял] столкнулся с нею лицом к лицу, [когда она [почти], выходя [с Литейного на Невский] *из-за угла*, почти наскочила на него. Она вышла из двери магазина,] когда она [*идя* быстрой походкой горничной] [в двер⟨и⟩] почти наскочила на него, *выбежав из двери магазина.*

— Боже мой,— Клим! — [вскричала она и только по голосу [Самгин] *он* узнал [ее] *Лидию* в этой высокой женщине, очень тонкой, *одетой* [*мещанс⟨ки?⟩*] в [скромном] темном костюме, в меховой шапочке на курчавых волосах] [Обвешанной пакетами]] Клим,— повторила она, [улыбаясь, встряхнув головою] *незнакомо вскинув голову*; в руках и на пуговице костюма, на груди ее, болтались какие-то пакеты [*1—2 нрзб*],

---

[1] *Текст:* Несомненно, что она ∾ убежденно.— *перечеркнут синим карандашом.*

освобождая руку, она уронила один пакет, наклонилась, чтоб поднять его, наклонился и Самгин, [они] *неловко* толкнув ее плечом, оба засмеялись.

— Ты читал? Война! [Господи, как глупо!] [*Подумай*] — торопливо говорила Лидия и, сунув ему пакеты, взяла его под руку.

— Муж мой...

— Ты замужем? — очень [удивился] *удивленно спросил* Самгин.

— Да. Не знал? Уже пятый месяц. Впрочем, я еще не писала отцу [об этом]... Ой, как ты постарел...

Она тоже постарела, [ей можно] у нее было лицо женщины под сорок лет.

— Не молодеешь и ты...

— О, да! Я очень старая, очень!

Она [очень] торопилась, [но все-таки зашла с ним〈?〉 〈в〉 кондитерскую] и когда Самгин предложил ей зайти в ресторан, сказала:

— Нет, не могу. Муж — не здоров, и мы с ним решили идти на войну.

Шагая быстро, она почти тащила Клима за собою, рассказывая:

— [Мой муж — артиллерист] *Он* поручик артиллерии, в отставке, [но] идет добровольцем, я — сестрой. Сегодня же подаю заявление в Красный крест. Зайди к нам вечером, в семь, хочешь?

— Разумеется,— сказал Самгин, [— Хорошо] она тотчас же взяла извозчика и, кивая головою Климу [1], крикнула:

— Не забудь адрес!

«[Чему же она радуется?] *Поручик артиллерии*»,— соображал Самгин, сидя в ресторане, оглушаемый [шумом] *крикливыми голосами* неестественно возбужденных людей; [людей] *их* было *очень* много, они размахивали газетами, пили, чокались, [усатый] синещекий *большелобый* человек, которому только усы мешали быть похожим на актера, стоя с бокалом шампанского в руке, выпевал сиплым баритоном, подчеркивая а:

— Га-аспада! Наконец... Наконец, га-аспада, мы знаем, что нам делать...

---

[1] *Текст*: Клим,— повторила она ∾ головою Климу — *перечеркнут синим карандашом*; *на полях записан новый текст этой сцены, сделанный на следующем этапе работы и оставшийся не законченным* (*см. в своде вариантов БА к стр. 484, строкам 19—31*).

Он крутил шеей, [оттягивая [ру⟨кой⟩] пальцем] *засовывая палец за* воротник рубахи, [щупая] *освобождая кадык, дергал* галстух с крупной жемчужиной в нем, выставлял вперед то одну, то другую ногу,—он хотел говорить и хотел, чтоб его слушали. Но все *тоже* хотели [тоже] говорить [и говорили], особенно старался коренастый человек, *искусно* зачесавший *от правого уха* на лысину несколько десятков волос.

— Об-наг-ле-ли,— *звонко* говорил он, [сделав такое] сморщив красное лицо так, как будто собирался чихнуть [— Об-наг-ле-ли,— повторил он, стукнув вилкой по столу]. [Вероломно], и продолжал, точно мальчик, который учится читать слога: — Это не-слы-хан-ное веролом-ство...

[[Сзади Клима кто-то [подсказал] мрачным голосом произнес:

— Вероломство Англии....]

В группе у стола мрачный бас сердито попросил:

— *Не надо банальностей...*]

Справа от Самгина [все, кроме группы солидных] группа людей, [издали] странно похожих друг на друга, [они] [стояли] [окружив [один] стол, наклоня головы, рассматривала что-то] окружила стол, [и кто] а один из них, плавно дирижируя рукою с портсигаром, зажатым в ней, громко говорил [громко], как молитву.

— *...и готовые [бескорыстно] чистосердечно...*

— *А не лучше — бескорыстно?*

— *Покороче, покороче, ведь это [ведь] не кассационная жалоба.*

— *Устин,— не надо банальностей.*

— [*Пожал⟨уй?⟩ 1 нрзб.*].

— *Тимофей Павлович — поздравляю*: *вы — пророк*!

— *Ага-а?*

И раздался хорошо знакомый голос Стратонова:

— Об англичанах упоминается в [Библии] Евангелии: «Блаженны кроткие, [яко] они [населят] *наследуют* землю».

Он *сочно* засмеялся:

— *Это из Марка Твена...*— [двое поддержали его смех] *а* большелобый человек [собрано⟨?⟩] [закричал] вскричал:

— Га-спа-да,— [уместно ли] *я предлагаю молебен...*

Автоматически, [поглощая] ловя отрывки фраз, слова, Самгин не без некоторой доли злорадства представлял себе *отставного* поручика артиллерии [ве⟨роятно⟩?] [наверное это коренастый, усатый, больш⟨ой⟩?] [коренастым] человеком, [растолстевшим] *толстым* от безделья, ленивым,

[грубоватым] с прокуренными усами и [эдаким] сафьяновым лицом.

«[Кажется — я предсказывал ей что-то подобное] Ее обрадовала встреча со мною;— вероятно, ей не весело живется....»

Кто-то крикнул удивленно или испуганно:

— Господа — демонстрация!

И как будто покачнулся пол, все люди *тяжело* сдвинулись к *дымным* окнам [и кто-то успо⟨коительно?⟩]:

— *Идемте*!

— *Что ты, Устин? Мы — не студенты...*

— *Это* манифестация,— строго поправил Стратонов, проходя мимо Самгина [Самгин] [Самгин встал и быстро вышел из зала, поспешно оделся [согну⟨вшись?⟩] [избегая возможной] [*Избегая встречи*]], но не узнав его. Клим тотчас встал, поспешно вышел из зала и через минуту, застегивая пальто, стоял у подъезда ресторана. Три [молодых] офицера, все с праздничными лицами, шли в ногу, один задел Самгина локтем и весело сказал ему:

— Пардон, очки!

Пожилой пьяный человек в *распахнутой* шубе, с шапкой в руке, неверно шагая, *изумленно* смотрел под ноги себе [и], рычал:

— Б-боже царя храни....

И, надувая багровые щеки, подражал большому барабану:

— Бум! Бум!

По торцам мостовой, наполняя морозный воздух тупым и дробным звуком шагов, двигалась [очень густая толпа] *небольшая* и неплотная толпа, [очень⟨?⟩] формой своей [она
⟨15⟩7[1] *1 нрзб*] она была похожа на метлу [или швабру], ручкой которой служила длинная цепь [извозчиков] *экипажей*, медленно и скучно тянувшаяся за нею. Встречные экипажи [сворачивали] *прижимались* к панелям, [останавливались] — рослый, кудрявый [студент, как], *точно* извозчик-лихач с картинки, студент размахивал черным кашне перед мордами лошадей, кричал:

— Сворачивай! Коллеги — вперед! Все вместе!

Захлестывая панели, толпа сметала с них людей, но сама как будто не росла, а [только] становилась *только* плотнее, тяжелела, двигалась более медленно и нерешительно. Она не успевала поглотить и увлечь за собою всех пешеходов, лю-

---

[1] ХПГ-23-1-3, № 59914.

ди прижимались к стенам домов, забегали в ворота, прятались в подъезды и в магазины.

— Ца-арствуй на стр-рах врагам — бумм!— заревел пьяный и [вломился‹?›] [*бросился*] *полез* в толпу, как медведь в малинник, а вслед ему [кто-то] какие-то [молодые] люди толкнули и Самгина. Он [пошел] покорно [пошел] *подчинился*, стараясь идти ближе к панели, решив свернуть в одну из боковых улиц; сзади на него напирали, толкали в спину, кто-то крикнул:

— Шагай веселей, молодчик!

Самгин видел, что в толпе было много студентов, всюду в черной массе людей видны их зеленоватые фигуры и [блеск] металлический блеск пуговиц. Впереди нестройно кричали гимн, а сзади Самгина кто-то, притопывая, напевал вполголоса похабную песенку:

Пошли наши подружки
[За большим... *носом*] к Андрюшке...

Самгин обернулся, взглянул; за ним шла группа [технологов] [*молодых людей*] *молодежи, человек десять*, приплясывал [маленький] технолог, [черный] маленький, остролицый, в суконных ботинках на ногах.

Толпа [1] так разрослась, распухла, что [на Полицейском мосту], *втискиваясь на Полицейский мост*, приостановилась, как бы решая: [идти] следует ли идти дальше? Многие побежали вдоль Мойки, очевидно, к Певческому мосту. Но вообще Самгин видел, что *во главе толпы люди, крича «ура», рвутся вперед все быстрее*, [*поют*] *уже почти бегут*, [*а поют стройно, громко*] *а* движение задних рядов не воодушевлено, нерешительно и что [должно быть] большинство [людей] идет [так же, как он] из любопытства, [относится к] *участвует в* манифестации, как [к] в *интересной* прогулке, идет из любопытства.

«С холодной душой»,— думал он, пренебрежительно из-под очков посматривая на разнолицых людей, толкавших его, и вспоминая [*чей-то*] *изречение Стратонова*:

— *«Толпа — не зверь, а* [*животное*] *обезьяна»*

Сам он [*шел тоже из любопытства, был*] *как всегда чувствовал себя в толпе особенным, совершенно чужим ей человеком и* [*знал*] *думал, что идет тоже из любопытства, думал так,* [*чтоб*] [*пытаясь скрыть*] *скрывая смутную надежду*:

---

[1] *Перед*: Толпа — *знак вставки, вставка отсутствует.*

[*что*] *может быть*, [*случится*] *произойдет нечто необыкновенное*.

Тем более он был поражен и даже несколько растерялся, когда, шагая в *поредевшем* хвосте толпы, вышел на Дворцовую площадь и увидал, что люди впереди [умаляются] становятся карликами. Не сразу можно было понять, что они падают на колени, но падали они так быстро, как будто невидимая сила подламывала [им] им ноги. Чем дальше в направлении к шоколадной массе дворца, тем более мелкими казались обнаженные головы, вся площадь была вымощена ими, и в хмурое *зимнее* небо возносился тысячеголосый рев.

Самгина *больно* прижали к железной решетке сквера, впереди его подпрыгивал лысоватый человек, вскидывая голову из [баран⟨ьего⟩] каракулевого воротника пальто [и], *он* тревожно спрашивал:

— Вышел? Выходит? Неужели не выйдет?

Рядом возмущенно [пожаловались] *крикнули*:

— Осторожней! Вы задели меня вашей палкой!

Слезливый голос ответил:

— Эх, батюшко,— такой момент, а вы о палке...

— На колени! На колени! — командовал жирный бас.

— Ур-ра! — кричал маленький технолог, очутившись рядом с Климом и приседая.

— Вышел! Господи... голубчик!

На балконе дворца явилась [ма⟨ленькая⟩] знакомая Самгину сизая фигурка и рядом с ним — белая дама. Издали *и на фоне дворца* они казались игрушечно маленькими. Коленопреклоненная толпа встретила их таким оглушающим ревом, что у Самгина потемнело в глазах и, опускаясь на колени, он [чувствовал] почувствовал то же, что в Нижнем,— его как будто приподняло от земли.

Рядом кто-то, всхлипывая, бормотал:

— Вот... привел Господь...

— Тише! Господа — тише!

— *Царица-то белая, как ангел хранитель....*

— Говорит, а? Говорит?

Самгин чувствовал, что тоже способен зарыдать, как рыдал налево от него *седоголовый* человек в [синем] *темно-синем* пальто. Волнующе трогателен [был] *казался ему* маленький сизый царь там, на балконе; [и] Самгин [ждал] [*вдруг ощу⟨тил⟩*] вдруг ощутил надежду, что вот сейчас этот царь, насыщенный восторгом толпы, скажет ей какие-то

чудесные слова. Он приподнялся с колен, но кто-то дернул его за рукав пальто и зашипел:

— Стоять! Я те дам... очки!

Это не охладило волнения Клима, не обидело его, он тихонько спросил:

— Говорит?

— Рукой махает.

— Разве отсюда услышишь! И — орут.

— Ушел... Ур-ра-а!

— *Отслужили,— вскричал маленький технолог, вскочив на ноги, взмахивая фуражкой.*

Да, *игрушечный* сизый царь исчез. Как лед, блеснули стекла дверей балкона, сразу стало тише, и где-то близко зазвучал голос Стратонова, четкие слова:

— Единодушный взрыв национального чувства, который выбросил Наполеона Бонапарте из Москвы на остров Эльбу...

Самгин оглянулся,— Стратонов, прилепясь к решетке, держась одною рукой за пику ее, возвышался над людями, взмахивал кулаком и кричал [красный] [лицо у него надулось и было красное],*щеки его, покраснев, и надувалось* [1], как воздушный детский шар [Пальто его распахнулось], *а глаза неестественно белые* [2]. Распахнувшееся пальто показывало его тугой живот, [креп⟨кие⟩] толстые ляжки; Самгин отметил, что нижняя пуговица [его] брюк была расстегнута, но это не делало Стратонова [ни] смешным и не [было] *казалось* [неприлично] *неприличным*, а только подчеркивало [его] напряжение его тела [делая] и согласовалось с грубостью слов.

— Мы их коленом под... в [океан] *море*,— кричал он, отгибая нижнюю губу *и* блестя зубами, [в то время как] его подстриженные усы [ощетинились], *ощетинясь*, дрожали; человек [сор⟨ок⟩] тридцать кричали на него:

— Браво!

А технолог [[как будто] *точно* лаял] приложив ладони ко рту, *выл*:

— Бра-во-во-во!

---

[1] *Так в автографе, незаконченная правка.*

[2] *Возле этих слов, на полях, помета*: Эрот, *сделанная во время обдумывания следующей редакции*; *слово*: «эротическое» *в данном контексте появляется в БА.*

Самгин быстро пошел прочь [и за углом сквера увидал широкоплечего парня с лицом приказчика из мясной лавки: держа в руках ярко раскрашенную и уродливую картонную маску, парень, нахмурясь, рассматривал ее; маска была [жестоко] измята, [он] расправляя ее пальцами и, наклонясь, вытягивая шею, *парень* [вставлял] вставил в картон толстое лицо свое, но, [заметив] *поймав* взгляд Самгина, ответил ему сердитой усмешкой и швырнул маску через решетку сквера; она упала на снег вверх носом. Самгин осторожно обошел его] [думая о маленьком царе, таком], *все еще видя пред собою маленького* царя на балконе огромного дворца [видел, но не думал о нем. Невольник] [1].

«Да, конечно, ничтожный человек,— размышлял он, [и] не без горечи чувствуя себя еще раз обманутым, *но и жалея* [*маленького*] *сизого человечка, который* [*не мог*] *ничего не сумел сказать* [*людям, которые стояли на коленях*] *людям, упавшим на колени пред ним, вождем.*— [Невольник истории. Жер⟨тва⟩] Иван Грозный, Петр — эти сказали бы... [что-то]. Юродивый Диомидов может владеть людьми, [он — может] его слушают, ему — верят». [И] *Тут Самгин* вспомнил, что
л. 158 Диомидов уже [ут⟨ратил?⟩] *давно* потерял сходство с царем.

[Через некоторое время] В магазинах вспыхивали огни, а на улице сгущался мутный холод, сеялась какая-то [сер⟨ая?⟩] сыроватая пыль; *неприятно было видеть людей, которые шли* [*так*] *встречу друг другу так, как будто ничего не случилось, неприятны голоса женщин, смех и мягкий топот лошадиных копыт по торцам — странный звук,* [*как будто*] *можно было думать, что десятки молотков* [*стучали*] [*тщательно⟨?⟩*] *забивали гвозди* [*в мягкое сырое дерево*] *в землю и в небо* [*в небо*], *и от этого город* [*погружаясь*] *быстро заключается в холодную темноту.*

Самгин вышел на пустынный квадрат Марсова поля [посмотрел на черные деревья] *и, шагая мимо черных деревьев* Летнего сада, представил себя на балконе дворца, над площадью, вымощенной головами людей.

«А я что мог бы сказать им?»

Ответа не нашлось.

Через час Клим сидел в маленькой комнате, у стола пред постелью, [постла⟨нной⟩] устроенной на узком, неудобном диване: на постеле] на постеле полулежал [страшный] человек

---

[1] *Текст*: Самгин быстро пошел ∾ Невольник].— *перечеркнут синим карандашом.*

[среднего роста, очень стройный] с круглой, большелобой и [гладко остриженной] *бритой* головою, с черной бородой, подстриженной на щеках и раздвоенной на подбородке белым клином седых волос.

— Антон Муромский,— назвал он себя, точно архиерея.

Лицо у него [матовое] смуглое, [не очень подвижное] четкой мелкой лепки, [острый нос] *под глазами густые тени*, янтарные зрачки лихорадочно блестят; скатывая нервными пальцами музыканта рецепт в трубочку, он говорит вполголоса, *торопливо* и несколько картавя:

— Его называют царем Федором — нет! Это — не верно: он — царь карликовых людей, *царь* моральных карликов.

В соседней комнате гремела посуда, дребезжали ножи, вилки и веселый голос громко уговаривал:

— Да,— бросьте, барыня, я сама всё сделаю. Ей богу, мешаете вы...

Муромский поморщился и крикнул:

— Лида!

Она тотчас [вош⟨ла⟩] пришла; [высокая] в сером платье без талии, она казалась очень высокой и тонкой; волосы она остригла, они лежали на голове ее пышной шапкой.

— Мы говорим о Николае,— сказал Муромский.— О царе,— объяснил он.— Да. Юнкером я несколько раз дежурил во дворце, *когда он был* [*еще*] *наследником*, и [мне] тогда еще [мне стало ясно] *подумал*, что [ему] его *внимание* привлекают посредственные люди [я бы сказал, что [у него] в нем *тонко* развито [*диковинно тонкое*⟨*?*⟩] чутье [ко] на людей безличных, а [многие⟨?⟩] талантливый человек даже как будто отталкивает его].

Лидия наклонилась и взяла рецепт из его рук.

— Опять изорвешь,— мягко сказала она.

Муромский слепо пошарил на столе, нашел деревянный разрезной нож и стал играть ножом, продолжая:

— Потом — на маневрах, на полковых праздниках. Я бы сказал, что в нем тонко развито чутье на людей безличных, а талантливые как будто *даже* пугают, отталкивают его.

— «Видимо,— считает себя талантливым и обижен невниманием царя»,— подумал Самгин [и сказал].

— Мне кажется, что он — невольник истории...— *сказал он*.

— Невольник? — переспросил Муромский.— Что [вы хотите сказать] *это значит*?

— [Это — хорошо,— заметила Лидия] [1] Я — понимаю,— *тихо* сказала [она] *Лидия*, вскинув голову и глядя на Клима очень внимательно.— [Это — человек] *Как человека*, которому вся жизнь не по душе, но который не может не подчиняться [ей...] жизни.

— Ага! Так? — раздумчиво и нахмурив густые брови произнес ее муж.— [Слабовольные люди] *Ты думаешь он слабоволен?*

[— Не совсем,— заметил Самгин]

—Нет [царь, на мой взгляд, не слабоволен]. Он — настойчив, я не верю, что им кто-то руководит. Не верю, что он религиозен, как говорят. Я думаю, что он — нигилист. Мы должны были дожить до нигилиста на престоле. И — *вот* дожили. *Теперь [должен] начнется процесс смещения интеллигенции. Я в этом уверен. Страны нужен другой тип [интеллектуалиста] человека. Интеллектуалист — отжил. На смену им должны прийти волюнтаристы, активники и — религиозные люди, да! Религиозные.*

— Пожалуйте кушать,— возгласила [маленьк⟨ая⟩] толстенькая горничная, *курносая*, обрызганная веснушками.

Когда Муромский встал, он оказался человеком среднего роста, очень стройным, [и] на нем была [надета какая-то] *черная* курточка, похожая на блузу, [кое-где] вся в сборках и с хлястиком [на талии], ноги в меховых туфлях напоминали лапы зверя.

[Лидия утратила резкость движений] [В его движениях было нечто барственное] [*Судя по серебряной щетине на черепе*] Двигался он [легко] [несвойственно военному человеку] *слишком [лениво] порывисто для военного человека*, [изнеженно *и лениво*, только] руки его [[были беспокойны. Лидия, должно быть, уже усвоила его манеры, стала] [Самгину показалось, что [манеры Лидии стали мягче и] [движения] *жесты* Лидии [стали] [*что Лидия*] не так резки, как были *прежде*, да и вся она, несмотря на худобу, стала *спокойней*, мягче, но приобрела привычку [как-то] неуместно и вызывающе вскидывать голову]] *нервно беспокойны*, [*и в глазах*] [*да и глаза*] *глаза блестели почти нестерпимо, и осматривался он так, как будто пришел в гости к людям, мало знакомым ему.* [*Все это*] *Его* [*бритая голова вызывала*] *бритый череп* [*в серебряной*], *подстриженная борода да и вся фигура и кос-*

---

[1] *Текст*: Мне кажется ∾ заметила Лидия]— *перечеркнут синим карандашом.*

тюм заставили Самгина подумать, что Муромский похож на человека, который сделал что-то такое, что заставляет его прятаться.

За обедом оказалось, что ее муж не пьет вина [а только воду и молоко] *и не ест* мяса, [он] а лишь яйца, рыбу.

— [Это *только*] Из соображений гигиены,— объяснила Лидия, как-то неуместно и вызывающе вскинув голову. [Она была] *Лидия* очень [худа, костлява] [худа, но] *похудела*, [но] жесты ее стали мягче, спокойней, и было в ней что-то, напоминавшее старую деву, учительницу; Муромский казался моложе ее [хотя по серебряной щетине на голове [по седине] ему было, вероятно, лет сорок. Капризно]. *Небрежно* расковыривая вилкой кусок копченого сига, он [говорил] спросил:

[— Я — солдат, я не могу верить в сознательную революционность масс].

[— Если японцев не сбросят в море одним ударом]

[— Эта война — безумие, как вся наша политика на Востоке. Вчера знакомый Лидии...

— Туробоев,— вставила она, улыбаясь Климу.

— ...предрекал, что война вызовет революцию. [Это, конечно, не верно] *Этого, конечно, не будет...*]

[— Эта война безумие, она была бы совершенно невозможна при Александре.]

[— *Эта война — безумие, как вся наша политика на Дальнем Востоке. Она была бы умнее и законней, если б раньше, чем лезть туда, мы вышли на*]

— Что вы думаете о войне?

— Безумие,— сказал Самгин.

— Да?

Муромский бросил вилку на стол и обеими [руками] ладонями крепко потер серебряную щетину на черепе.

— Вчера один знакомый...

— Туробоев,— вставила Лидия, улыбаясь Самгину.

— Да, Игорь Туробоев [странный человек],— продолжал Муромский, сдвинув густые черные брови.—Вы его знаете? Странный человек. Он тоже говорит — безумие. А я — не знаю, так ли это...

Пристально [посмотрев] *глядя в* лицо Самгина, он сказал:

— Я пойду на войну добровольцем.

— Тогда я тоже, сестрой [милосердия],— заявила Лидия, вскинув голову, Муромский взглянул на нее и, [слепо] мигнув, сказал со вздохом:

— В конце концов — воюет народ. И надобно идти с народом. В безумие? Да, и в безумие.

Клим докторально спросил:

— А почему же не в революцию?

— И в революцию,— согласился Муромский, покорно наклонив голову.— Революция — тоже безумие. [В земские начальники] Вообще [и] всюду — с народом, пока еще мы не совершенно оторвались от него, как люди типа Туробоева. Он не идет в земские начальники, потому что это подлая должность, говорит он, аракчеевщина [говорит]. *Это — эгоистично.* Он — атеист, [ниг⟨илист?⟩] *я* — верующий. Пред богом — нет греха, и нет греха пред собою, есть грех только пред народом. Вы — не согласны?

— Я не совсем [ясно] понимаю эту мысль,— [сказа⟨л⟩] ответил Самгин.

[Ему бы⟨ло?⟩] Он чувствовал себя как-то особенно скуч-
л. 159 но в этой маленькой тесной комнате, пред человеком, слушать которого не хотелось, пред Лидией, которая [как-то] обидно изменилась. [И обиженно он подумал] И уже не злорадно, а именно с обидою, он подумал:

«Если б [знать] *я знал*, что она будет такой...»

[От наивности этой мысли стало еще скучнее] *Наивность этой мысли усилила скуку.*

Размазывая ложкой по тарелке рисовую кашу, Муромский заговорил:

—Я — солдат по семейной традиции, Муромские более ста лет солдаты, большинство их умирало на войне. [Я — не удался] Но я — отщепенец, [моей мечтой] *еще* в юности [был] я мечтал о духовной академии [и, наверное, все-таки кончу монашеством, стран⟨но⟩]. *Удивлены*? — Он усмехнулся и усмешка сделала его лицо неприятным, показав Самгину [как] странно редкие, острые и желтые зубы.

— Россия изобилует оригинальными характерами,— ответил Самгин, не очень вежливо, думая, что он правильно догадался: человек этот действительно прячется.

[«Подданный [карликов] царя карликов»]

— *Мы вступили в период, когда церковь должна заявить о своей силе,— торопливо говорил Муромский.— Люди могут быть укрощены только верой,— говорил он, стуча [указательными пальцами] одним указательным пальцем о другой. Пальцы были тонкие [и серые], неровные и желтые, точно корни [пет⟨рушки⟩] [хрена] петрушки.— Под укрощением*

я понимаю организацию людей для борьбы против их же эгоизмов [1].

[Он] *Самгин* очень обрадовался, когда Муромский, бросив салфетку, [встал и] объявил, что должен лечь.

— У меня после приема пищи боли в желудке,— хронический колит,— сказал он, точно о достоинстве своем, и ушел.

Веселая горничная подала кофе. Лидия [взяла], взяв кофейник, тотчас *шумно* поставила его, подула на пальцы.

[— Что отец? как?] Самгин, не пожалев ее, ждал, что она скажет? Она спросила: давно ли он видел отца?

— Давно. [Но] Часто переписываюсь с ним, я поверенный по его делам. Летом он [поедет] собирается жить в Старой Руссе, лечиться от ожирения.

— Да, вот какие стали мы,— сказала она, вздохнув.

— Ты много путешествовала?

— Да.

— Всё [ищешь[*искала* праведников? — спросил он, улы⟨баясь⟩. Она не ответила, озабоченно наливая кофе. С нею было как-то неловко, неопределенно, [было и жа⟨лко⟩] Самгин чувствовал, что ему и жалко ее немножко и в то же время хочется говорить ей какие-то недобрые, злорадные слова.

— Ты — что же [революционер],— тихо спросила она,— [и] веришь, что революция сделает людей лучше?

— А ты — не веришь?

— Нет,— сказала она, вызывающе вскинув голову.— Нет, не верю. Без бога люди никогда не будут лучше, Клим, вот во что я верю.

Он усмехнулся и, помолчав для того, чтоб яснее прозвучали его слова, сказал:

— [Вера] Это — вера тех, кто хочет спрятаться от жизни. [Таких людей всё больше].

— Пусть будет так,— ответила она, *не* взглянув на него, и [спросила]: — [А] Любаша в ссылке?] после паузы сказала:— Ты постарел, но не изменился.

«[*1 нрзб*] Напрасно я пришел,— [думал] *подумал* Клим [Говорить с нею не о чем]» и спросил о Туробоеве.

— Он очень несчастный человек, но из гордости не сознается в этом,— равнодушно ответила она.

---

[1] *Текст*: тесной комнате ∾ *эгоизмов.— перечеркнут синим карандашом.*

— А что он делает?

— [Ну его] Не знаю. *Служил* в [каком-то] *переселенческом* комитете [переселяет⟨?⟩ крестьян]. Недавно вернулся из [Туркестана] [*Туркестана*] [Был в Сибири] *Сибири*. [Комитет называет] Комитет [он] называет департаментом Тришкина кафтана [1]. В каком-то городе встретил Любашу Сомову,— [вяло] *скучно* рассказывала Лидия, поглаживая пальцем висок.

Самгин встал.

— Мне пора.

Она, не удерживая его, тоже [встала] *поднялась* и]заглянула], *заглянув* в дверь соседней комнаты, шепнула, улыбаясь:

— Спит. Ну, прощай.

«Какая ненужная встреча»,— думал Самгин, погружаясь в холодный туман очень провинциального переулка, застроенного [одноэтажны⟨ми⟩] казарменными домами, среди которых деревянные *дома* торчали, как *настоящие*, *но* гнилые зубы [*1 нрзб*] среди искусственных.

В сыроватом воздухе, разлинованном мохнатыми проводами телефона, лениво колебалась мелкая, рыбья чешуя снега.

«[Гниленький человечек] Царь карликовых людей,— вспомнил Самгин.— Это он хорошо сказал. Прячутся в бога, в церковь. Я — не прячусь».

И снова пред ним встал [мал⟨енький⟩] игрушечный, сизый, *как голубь*, человечек на [скал⟨нрзб⟩] фоне [дв⟨ерн⟩] льдистых стекол двери балкона. [*Было*] *Он чувствовал что-то* [*назойливое*] *назойливо подчеркнутое, неприятно аллегорическое в этой ничтожной фигурке, прилепившейся высоко над массой коленопреклоненных, ревущих людей,* [*как*] *точно бездушная деталь* [*дворца*] *огромного здания.*

Через несколько месяцев Самгин еще раз увидал царя. [Самгин ехал в Старую Руссу] Ярким, летним днем Самгин поехал в Старую Руссу; скрипучий, гремящий поезд катился по полям Новгородской губернии, вдоль линии железной дороги стояли, шагах в полусотне друг от друга, новенькие деревянные солдатики, [блестя] [поблескивая *на солнце* штыками] в [солнечных] *лучах* солнца изгибались, таяли иглы штыков, блестели оловянные глазки. Празднично наряженные мужики и бабы убирали сено; [картинные⟨?⟩] *близко*

---

[1] *Возле этих слов на полях фраза*: Кажется, теперь пишет что-то в «Пет⟨ербургских⟩ Вед⟨омостях⟩»

к линии бабы казались ожившими крестьянками *с картин* Венецианова, а вдали [они *1 нрзб*] — точно огромные цветы лютика и мака. В купе вагона сидело, кроме Самгина, еще двое людей — *гладенький* старичок [с] *в поддевке, с серебряной* медалью на шее, и угрюмый, усатый человечек с большим животом, лежавшим на коленях у него. Сидел он, широко расставив ноги, сильно потея, и, вытирая лицо платком, шевелил усами, точно рак. [Они] Оба они молчали, молчал и Самгин, глядя в окно на парадную работу крестьян.

Когда поезд подошел к *маленькой* станции, в вагон вошли [тр⟨ое⟩] двое штатских людей и седой [желто] желтолицый *жандарм*-вахмистр, он сказал строго, сиплым голосом:

— Закройте окна, господа, опустите занавески.

Один из штатских, тощий, бледный, со шрамом на *левой* щеке, вошел в купе, бесцеремонно посмотрел па пассажиров, сел рядом с Климом, зевнул воющим звуком, потом взял портфель Самгина, взвесил его и [положив] положил в сетку над своей головою. Зевнул еще и, выйдя в коридор, встал у окна, немножко приподняв пыльную занавеску. Самгин тоже, чуть приподняв занавеску, посмотрел на [*чисто вымы⟨тый⟩*] перрон станции, на нем не было *ни* души, но за вокзалом *молча* стояла *темная* группа [лю⟨дей⟩] солидных людей в поддевках, в пиджаках.

— Нельзя смотреть,— *тихо* предупредил штатский из коридора и [ушел] *быстро скрылся*, а Самгин [выйдя] *вышел, встал* на его место и, отогнув занавес, видел, как [мимо] проплыл, *оглушительно гремя*, фыркая дымом, блестящий паровоз, новенькие вагоны, и на застекленной площадке *последнего* вагона, точно [рыба] *тритон* в домашнем аквариуме, мелькнул царь: он сидел в плетеном кресле и, [наклонясь в] раскачивая на желтом шнуре золотой портсигар, наклонясь вперед, смотрел в даль [на путь], *кивая гладко* причесанной головою, точно прощаясь с кем-то.

[Оба] Войдя в купе, Самгин увидал, что старичок и толстый *почтительно* стоят, услышал за окном глухой рев людей и открыл занавеску.

— Смелый вы,— проворчал толстый, опускаясь на диван, а старичок торопливо спросил:

— Не видали — проследовал? Видели? А-ах, идиот,— простонал он, но тотчас же торопливо объяснил: — Это — племянника я... Ах, сукин сын... извините. Мне представляться надо было его величеству и — вот, опоздал! Я же
л. 160 ему говорил: вчерась надо было ехать... дураку! У меня, ми-

лостью его величества, семейное дело в мою пользу решено, тринадцать лет судился....

Паровоз сердито дернул, лязгнули сцепления [и], стукнулись провода и огорченный рассказ старика о семейном деле стал невнятен в железном грохоте поезда.

Впервые царь не вызвал у Самгина никаких мыслей, мелькнул, исчез, и остались только поля, небогато покрытые полосами хлебов, [да [люди] кресть⟨яне?⟩] маленькие солдатики, *скучно* воткнутые вдоль пути, *пестрые* мужики и бабы [смотревшие] смотрели на поезд из-под ладоней.

Через [некоторое время] *два часа* Самгин сидел на скамье в парке [курорта] *санатории*, пред ним в кресле на колесах расплылся Варавка, вздувшийся, как огромный пузырь, ветер поднимал дыбом [его] *поредевшие* волосы на голове его, перебирал пряди седой бороды, *синеватое* лицо Варавки, [синеватое] [*радужное, как мыльный пузырь*] *отвратительно похожее на огромный нарыв*, лоснилось, [было отвратительно похоже на огромный нарыв] [*и было*] [под глазами] *медвежьи* глаза [блестели, как жесть, и под ними [налились] вспухли синие мешки] *смотрели тускло и было в них что-то тупое, жестяное*. Задыхаясь, свистящим голосом, он понукал Самгина:

— Ну? Ну-ну? Ну — [дальше] *ладно*!

[Вцепи⟨вшись⟩] Охватив пальцами, толстыми, как сосиски, он попробовал приподнять непослушное тело, [кресло [пошевелилось] *тронулось* [в то], а тело не двинулось] *колеса* кресла *пошевелились, под ними скрипнул* [*под ними песок*] *гравий, а тело осталось неподвижным*; тогда он, мотнув головою, засипел:

— [Я] А я, брат,—к чёрту! Ухайдакался.... [Конец! Вот, брат... Да! Рано, брат, шестьдесят [три] два. Обидно, брат....]

Слушая отрывистые, свистящие слова жалоб, Самгин смотрел, как *по дорожке парка* скучного вида служители *равнодушно* толкают пред собою кресла на колесах, наполненные *такими же* полуживыми телами, как разбухшее тело Варавки. Прошла огромная женщина в черном платье, с глазами, [выкативш⟨имися⟩] которые базедова болезнь страшно выкатила, желтое, дряблое лицо; провезли в кресле чудовищно толстую девочку, она дремала, и⟨з⟩ ее розового *приоткрытого* рта текла слюна, прошел с палкой в руке [знаменитый] [*известный*] [*столичный актер*] [1], *коротко-*

[1] *Слова зачеркнуты и не заменены другими.*

ногий, круглый, как шар; *шел он, покачивая головою в такт шагам, и казалось, что голова у него неестественно легкая, а на лице стеклянная маска*, и так, один за другим, медленно двигались [люди] тяжелые уродливые люди, *показывая себя друг другу и солнцу* [1]. А Варавка сипел:

— Обидно, брат. Шестьдесят два...

Он снова попробовал [пошевелиться] пошевелить *жуткое и* страшное тело свое, снова не мог и продолжал, чавкая:

— Воюем? Дурацкая штучка. Бьют. Так и надо. Царь приехал [Орали ура] [*запасных* провожать]. Видел? Запасных провожать.

Подошел длинный человек в белом переднике, подслеповатый, с *мохнатым* лицом [филина], схватился за спинку кресла и сказал птичьим голосом:

— Пора, барин.

— Купать меня,— объяснил Варавка, облизывая губы.— Потом — трясти будут.

Служитель согнулся, понатужился и [сдвинул], *сдвинув* кресло, покатил его. Самгин [пошел в город, набитый] *вышел за ворота парка*, у ворот, как два столба, стояли полицейские [выгоревшие] в пыльных [шинелях] *и* выгоревших на солнце шинелях, *фуражка* на голове одного была измята, левый глаз затек, должно быть, от удара.

[— Водку надо бы запретить,— *сердито* говорил он]

По улице дер⟨евянного?⟩ гор⟨ода?⟩ капризно кружился ветер, взметая пыль, стряхивая деревья, [*у*] *под забором, в тени, сидели и лежали солдаты, человек десять; на тумбе сидел унтер-офицер, прикусив зубами карандаш, и черным глазом смотрел в небо. Ветер перелистывал страницы записной книжки в его руке.*

Где-то [близ⟨ко⟩] играл военный оркестр, [мед⟨ные⟩], медные крики и уханье труб вливались в непрерывный, воющий шум, шум этот был [так] настолько силен, что, казалось, [дом⟨а⟩] деревянные дома качаются, так же как деревья в садах. [Всюду шагали] Как встревоженные тараканы, [шу⟨мели?⟩] быстро бежали бородатые [мужики] *запасные* с котомками за спиною, [*за ними*] шли заплаканные бабы, серые старики. Упираясь лбом в забор, широкоплечий мужик кричал в щель между досок:

— [Рупь] *Два* тридцать — хошь? Душу продаю, сукиному сыну...

---

[1] *Под этой строкой слово, не включенное в текст*: Запахи

[Правой рукою] *Кулаком* правой руки он бил по забору, а в левой, распустив меха, висела гармоника.

На берегу тихой Полисти сидел красивый широкобородый запасной в солдатской фуражке, обняв одною рукой за шею большую, простоволосую бабу, держа в другой бутылку водки, он почти кричал:

— Значит — так! [мать твою....] Значит, мерина — продавай, мать его...

Сунув бутылку в колени себе, он широкими взмахами *руки* перекрестился...

Прижимаясь лицом к его плечу, баба выла:

— Лександра, Христа ради...

— Стой! Молчи, мать...

Он схватил бутылку, воткнул горлышко ее в рот и закинул голову, борода его судорожно шевелилась. Пил он до слез, потом, швырнув бутылку в реку, закрыл глаза, с отвращением потряс головою и снова закричал:

— Значит — продавай! Больше — никаких. Ну — вот! Работали, мать...

— Лександра, Христа ради,— еще более громко взвыла баба, стирая слезы с лица его пестрым головным платком.

— Молчи — ударю! Идем...

Он пружинисто вскочил с земли, дернул жену за руку, поставил на ноги и, облапив длинными руками, стал жадно целовать мокрое, красное лицо. Потом обнял и повел по берегу, оглядываясь, а баба все выла:

— Посуду-то бросил, годилась бы...

— Молчи, стерва! Значит — поняла? *Продавай. Дьякону продай, не обманет.* А ежели ты...

— Господи,— что это! — истерически крикнула баба и повисла на руке [ег⟨о⟩] мужа, точно у нее подломились ноги.

Он остановился, разинув рот, взмахивая рукою, [*1 нрзб*] у него было лицо человека, который задыхается. *С этого момента Самгину стало казаться, что у всех мужиков открытые, задыхающиеся рты.*

Самгин вошел на паперть церкви, на ступенях сидели какие-то однообразные старички и среди них тот, с медалью, который ехал вместе с Климом; *жмурясь от пыли*, он говорил высоким голосом:

— Теперь война легкая. И ружья — легче и начальство. А народ — избаловался.

— Это верно. Народ стал отбойный,— согласился с ним другой старичок.

На площади лениво толпились празднично одетые обыватели, женщины под зонтиками были похожи на грибы. Из толпы вырывались, точно их выбрасывало, запасные, быстро бежали к вокзалу, встряхивая котомками, толпа редела, разгоняемая ветром; в одном месте обнаружилась куча досок, лужа, битые бутылки; очевидно, запасные разбили ларек торговца квасом. Над этой кучей монументом стоял *серый* солдат, опираясь на винтовку.

— В турецкую кампанию [генерал Дорогомилов] *строгость была*,— рассказывал старичок с медалью.— *Генерал Дорогомилов прошел по фронту*, [а] *потом скомандовал строить каре, а солдаты — ни с места, как в землю вросли от страха,— вот какая строгость...*

На паперть влетал ветер, сыпал пыль, бросал цветные бумажки от конфект и [злобно] тонко свистел в какой-то щели. Самгин постоял, послушал и, чувствуя приступ отвращения к жизни, к людям, к этому городу, пошел к Варавке, *посмотрев по дороге на угрюмый дом Достоевского, и на тот домик, где будто бы разыгралась драма Карамазовых. От ветра, пыли и бабьего воя кружилась голова и только* [одна лишь] [1]

Через трое суток он [снова был в Москве], *приехав* в Москву, разбирая почту, нашел письмо Никоновой, она кратко писала:

«Я уезжаю, [надолго] прощай. Тебе, вероятно, [скажут] расскажут обо мне гадости. Не знаю, поверишь ли ты, но знай, что я тебя искренно люблю. М.»

[Была] Ниже подписи была еще строчка, но *так* густо зачеркнутая, что прочитать ее он не мог [2].

л. 161 Самгин огорченно разорвал письмо на мелкие клочья,— ему так хотелось отдохнуть с Никоновой от тяжелых впечатлений Старой Руссы.

«О каких гадостях пишет она?»

Вошла Варвара в купальном халате, с распущенными волосами и ненужно спросила:

— Приехал?

— Нет еще,— ответил он.

— О, какой сердитый! Ну, здравствуй.

И, поцеловав его сухими губами в щеку, сказала, что дважды звонил Алексей Гогин.

— Спрашивал, когда ты вернешься. Позвонить ему?

---

[1] *Фраза осталась незаконченной.*

[2] *Текст*: Я уезжаю ∾ он не мог.— *перечеркнут синим карандашом.*

Она ушла, оставив за собою острый запах каких-то кислых духов, [но через несколько минут, заглянув в дверь] [затем] *быстро возвратилась и, наливая кофе, рассказала очень весело, как анекдот*:

— *Ты знаешь, этот Властов* [*оказался*] *совершеннейший апаш! Он мне наговорил таких дерзостей* [*ужас*]. *Конечно, я его послала к чёрту...*

Клим не слушал, тревожно думая о Никоновой [*Он*] *и ощущая не сильную, но назойливо* [*ту*] *сверлящую боль* [*где-то*] *в* [*скуле*] *виске.*

[Самгин не успел] *Он едва успел выпить кофе*, как явился Гогин [щеголевато] [одетый щеголем] [*как всегда*] во фланелевом костюме, белых ботинках. Он, [как-то] странно склонив голову к плечу, *сжав пальцы в один кулак*, посмотрел на Клима, не улыбаясь, и сказал, что [ему] нужно поговорить *наедине.*

[— Разговорчик будет конфиденциальный, *с глазу на глаз*, пожалуй,— не нужно, чтоб Варвара Кирилловна слышала]

Клим жестом пригласил его в кабинет, [и там] *догадываясь, что этот хлыщеватый* [*господин*] *выскочка, играющий барича, навяжет ему, по обыкновению, какое-нибудь неприятное и не безопасное поручение, а он не сумеет отказаться. Но в кабинете* Гогин, присев на ручку дивана, [спросил] *сказал* тихонько, но тем не менее оглушительно:

— Вот что-с: Никонова подозревается в [недобросо‹вестном›] знакомстве с охранкой...

— Не может быть,— воскликнул Самгин и в ту же минуту пожалел об этом,— Алексей, *не торопясь, вынимая портсигар из кармана* [*и*], *глядя на Самгина сверху вниз* [*тупым*] *стесняющим взглядом, начал спрашивать,* [*вяло*] *вполголоса и вяло, точно он думал о чем-то другом*:

— Н-но, почему же? [Было] Бывает. И не редко. Вы ее давно знаете? [Вы, кажется, близки с нею? По крайней мере по ее словам]

— Да,— пораженно ответил Самгин,— Да, я давно... [знаю...]

И поправился:

— То есть *познакомился* недавно, но встречал... Давно... Впервые — лет десять тому назад.

СОДЕРЖАНИЕ

Окончание свода вариантов первой части «Жизни Клима Самгина» . . . 7
Глава 4 . . . 7
Глава 5 . . . 43
Листы второй редакции, перенесенные из *БА* первой части романа во вторую . . . 172

«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» (Часть вторая) . . . 209
Творческая история . . . 210
Черновая редакция . . . 239
I ЧА . . . 239
Продолжение *IЧА* . . . 614
II ЧА . . . 646

Печатается по решению Президиума Академии наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР
*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Л. М. ЛЕОНОВ (главный редактор), Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, Б. А. БЯЛИК, С. С. ЗИМИНА, Г. М. МАРКОВ, А. И. МЕТЧЕНКО, А. С. МЯСНИКОВ, В. С. НЕЧАЕВА, В. В. НОВИКОВ, А. Н. ОВЧАРЕНКО (зам. главного редактора), В. М. ОЗЕРОВ, Е. Б. ТАГЕР, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

*
Варианты подготовили:
И. И. Вайнберг, Л. А. Евстигнеева, Р. П. Пантелеева, Ф. Н. Пицкель, И. А. Ревякина, Е. А. Тенишева, Ю. И. Шведова
Ответственный секретарь издания *М. А. Семашкина*
Редактор т. 8 Вариантов *Е. И. Прохоров*
*
Редакторы издательства *Г. А. Гудимова, В. И. Рымарева*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*
Корректоры *Т. М. Ефимова, Л. Д. Собко*
ИБ № 18494
Сдано в набор 12.06.79. Подписано к печати 06.12.79. Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 38,6. Уч.-изд. л. 44,7 Тираж 19000 экз. Тип. зак. 2142
Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

